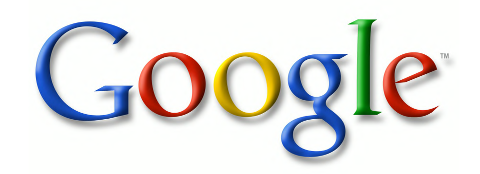
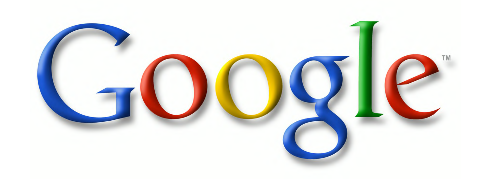

HARVARDIANA
ACADEMIA
IN·NOV·ANG
CHRISTO
ECCLESIAE
ET
VE RI TAS

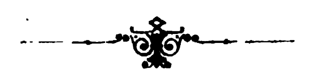
ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

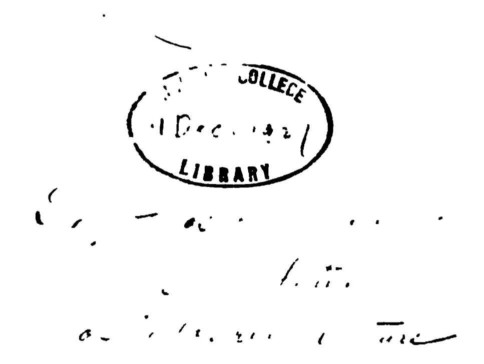
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 24.

Съ 18-ю таблицами и 50-ю чертежами.

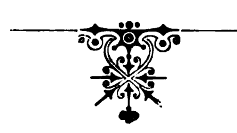
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ. Моховая, 40.
1907.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Н. В. Султановъ.

ОСТАТКИ
ЯКУТСКАГО ОСТРОГА
и
НѢКОТОРЫЕ ДРУГІЕ ПАМЯТНИКИ
ДЕРЕВЯННАГО ЗОДЧЕСТВА ВЪ СИБИРИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1907.

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

24-ème livraison.

N. Soultanoff. Les ruines de la forteresse de Yakoutsk et quelques autres monuments de l'architecture en bois en Sibérie (av. 18 planches et 50 figures).

Остатки Якутскаго острога

и

нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ деревяннаго зодчества

въ Сибири.

(По архивнымъ даннымъ).

Источники:

1. Архивное дѣло Техническаго Строительнаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ 3-томахъ, № 287, 1869 года.

2. Архивное дѣло бывшаго Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, № 607 и № 105, 1877—1879 гг.

3. Дѣло Императорской Археологической Коммиссіи № 246, 1900 года и другая переписка той же Коммиссіи.

„Корыстолюбивое невѣжество не уважаетъ остатковъ старины! Острожки и городки въ Сибири постепенно уничтожаются. Вѣроятно, придетъ время, когда мы тщетно будемъ искать слѣдовъ военной архитектуры нашихъ казаковъ завоевателей". (Н. Щукинъ. „Поѣздка въ Якутскъ". Спб. 1844 г.).

„Строжайше воспрещается разрушать остатки древнихъ замковъ, крѣпостей, памятниковъ и другихъ зданій древности, подъ отвѣтственностью за нарушеніе сего Губернаторовъ и мѣстной полиціи". (Уставъ Строительный, ст. 76).

I.

Въ 1683-мъ году, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, былъ поставленъ въ городѣ Якутскѣ новый острогъ.

Остатки этого укрѣпленія существуютъ и въ настоящее время и состоятъ изъ четырехъ деревянныхъ башенъ и двухъ пряселъ такой-же стѣны (табл. V, VI, VII, VIII и IX). Они представляютъ собою едва-ли не *единственный* во всей Русской Имперіи образецъ нашего древняго деревяннаго

крѣпостного зодчества, ведущаго свое начало, по лѣтописнымъ даннымъ, отъ временъ Игоря и Ольги, а въ дѣйствительности—отъ временъ гораздо болѣе отдаленныхъ.

Не взирая на бури и на «сибирскія» непогоды, цѣлыхъ двѣсти двадцать лѣтъ простояли эти почтенные остатки древне-русской твердыни; и, быть можетъ, простояли-бы еще очень долго, если-бъ не появился новый врагъ, гораздо болѣе страшный, чѣмъ бури и непогоды.

Начиная съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, мѣстныя власти, во имя ложно понимаемаго городскаго «благообразія», начинаютъ дѣлать неоднократныя и весьма настойчивыя представленія о сломкѣ этихъ остатковъ. Императорская Археологическая Коммисія до сихъ поръ довольно успѣшно сопротивлялась подобному вандализму, но что будетъ дальше,—сказать трудно.

Поэтому, помня приведенныя въ эпиграфѣ слова Щукина, мы рѣшились закрѣпить память объ остаткахъ Якутскаго острога, хотя-бы въ археологической литературѣ.

Но, прежде чѣмъ разбирать самый памятникъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать краткій историческій обзоръ тѣхъ обстоятельствъ, которыя обусловливали его сооруженіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить его дальнѣйшую судьбу.

Еще задолго до Ермака русскіе были хорошо знакомы съ сѣверо-западною частью Сибири [1]).

Затѣмъ въ 1557-мъ году Иванъ Грозный послалъ двухъ атамановъ, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева за Сибирь, на югъ, и снабдилъ ихъ дружественными грамотами къ государямъ тѣхъ народовъ, которыхъ имъ придется встрѣтить [2]). Эти смѣльчаки прошли всю Сибирь и Монголію, проникли за Китайскую стѣну и добрались до Пекина, откуда не только благополучно возвратились назадъ, но даже подали «доѣздъ по наказу своему» [3]), т. е., иными словами, докладъ о своемъ путешествіи. Такимъ образомъ уже въ половинѣ XVI-го вѣка русскіе имѣли письменныя свѣдѣнія о пути черезъ всю Сибирь до Пекина. Затѣмъ въ концѣ XVI вѣка Ермакъ покоряетъ часть Западной Сибири. Съ этихъ поръ русскіе съ неудержимою силою стре-

---

[1]) Собственно впервые русскіе познакомились съ Сибирью въ 1245—1247 г. во время путешествія на Амуръ къ великому хану Октаю князя Константина, сына великаго князя Ярослава II Всеволодовича, которому потомъ самому пришлось ѣхать туда-же на поклонъ къ новому хану Гаюку. Но мы знаемъ объ этомъ лишь какъ о голыхъ лѣтописныхъ фактахъ, и никакихъ записей о пройденномъ пути до насъ не дошло.

[2]) См. у Карамзина т. IX, гл. VI.

[3]) См. „Приложеніе къ Чертежной книгѣ Сибири". Спб., 1882 г., стр. 3.

мятся впередъ и въ теченіе полутораста лѣтъ захватываютъ ее всю: только океанъ полагаетъ преграду этому стихійному движенію.

Начатое при Грозномъ завоеваніе продолжалось и при его преемникахъ, но особенно много сдѣлалъ для Сибири Годуновъ.

Черт. 1. Городъ Пелымъ на Тавдѣ.
(По „Чертежной книгѣ Сибири“ Семена Ремезова, 1701 года).

«Мы, сыны Сибири, говоритъ Словцовъ—одинъ изъ основательнѣйшихъ историковъ Сибири,—должны въ лицѣ Бориса Θеодоровича Годунова чтить искуснаго хозяина, разумно и дѣятельно принявшагося за дѣло нашей родины, не смотря на худую славу, какую онъ наслѣдовалъ за изуродованіе Архангельской промышленности, при царственномъ зятѣ, чрезъ непомѣрное угожденіе вольностямъ Англійскаго торга [1]). Устроитель Сибири, сперва въ

[1]) Грамота 29 марта 1588 объ исключеніи англичанъ изъ таможенныхъ сборовъ въ Архангельскѣ. Акты Арх. Экспед., томъ I. (Ссылка Словцова).

качествѣ ближайшаго сановника, потомъ въ санѣ Государя, дабы безвозвратно связать Сибирь съ Россіею, развилъ въ теченіе 20-ти лѣтъ, отъ подошвы Урала къ Енисею, непрерывную прогрессію силъ, рядъ замковъ и городовъ, взаимно себѣ помогавшихъ, какъ рядъ редутовъ, надвое разрѣзавшихъ племена подозрительной вѣрности. Къ сѣверу очутились отдѣленными Вогулы, Остяки, частію Татары, Самоѣды, Тунгусы—племена въ идеѣ подданства движимыя, какъ ихъ стрѣлы, и также виляющія послѣ минуты направленія. Параллельная сѣверная линія, разъединивъ въ свою очередь однородцевъ и надзирая за ихъ расположеніями, совершенно съ сѣвера обезопасила главную просѣку водвореній».

«Съ картою въ рукѣ не лучше можно бы распорядиться. Укрѣпленія въ Обдорскѣ и на Тазѣ, заставы на западномъ берегу Оби со стороны Обдорска и другія заставы къ Енисею, по правилу подражанія позднѣе брошенныя, представляютъ въ Борисѣ Государя, умѣющаго раскидывать сѣть таможенную; въ самомъ дѣлѣ, если уже рѣшено, что между Сибирью и Россіею всѣ привозы и вывозы подлежать въ Верхотурьѣ пошлинѣ, то нѣтъ и побочныхъ дорогъ, кромѣ указной» [1]).

Черт. 2.
Кетскій острогъ на Кетѣ.
(По Ремезову).

И дѣйствительно мы видимъ, что въ короткій промежутокъ времени, съ 1585-го по 1601 г., т. е. въ періодъ властвованія Годунова, вся западная Сибирь покрывается сѣтью русскихъ остроговъ и крѣпостей. За это время были основаны Бѣлгородскій острогъ на Оби, Тюмень на Турѣ, Тобольскъ на Иртышѣ, Тавда на Лозвѣ, Березовъ на Сосвѣ, Пелымъ на Тавдѣ (черт. 1), Тара на Иртышѣ, Сургутъ на Оби, Обдорскъ на Полуи, Нарымъ на устьѣ Кета, Кетскій острогъ на Кетѣ (черт. 2), Верхотурье и Туринскъ на Турѣ, Мангазея между устьями Оби и Енисея, и наконецъ самымъ послѣднимъ Томскъ на Томи въ 1601-мъ году.

Мы не знаемъ плана, по которому дѣйствовало московское правительство въ это время, но во всякомъ случаѣ ясно, что оно дѣйствовало не наобумъ, что и совершенно правильно отмѣчаетъ Словцовъ, и о чемъ мы можемъ заключать также по аналогіи съ дѣйствіями того-же московскаго правительства во второй половинѣ XVII вѣка, планъ которыхъ выясняется найденнымъ г. Оглоблинымъ «Чертежнымъ описаніемъ Сибири».

---

[1]) Словцовъ. „Историч. опис. Сибири", часть 1, стр. 20—21.

«Это чертежное описаніе, говоритъ онъ, представляетъ найденная мною «роспись противъ чертежу» 1668 г. [1]) Вотъ начало ея:

«Роспись противъ чертежу... Сибирскихъ земель городомъ и острогамъ и слободамъ, и гдѣ межъ слободъ Тобольскаго и Верхотурскаго уѣздовъ построить какія крѣпости, и рѣки, и озера, и сколько гдѣ крѣпостей, по высмотру стольника и воеводъ Петра Ивановича Годунова съ товарищи, посадить драгунъ, и къ Китайскому государству ходъ, и Китайскіе городы, и рубежъ, и азбука—почему знать городы и остроги и слободы» и проч., «за свидѣтельствомъ всякихъ чиновъ людей», которые въ тѣхъ краяхъ бывали и тѣ страны «знаютъ подлинно» и т. д.

«Итакъ, помимо цѣли общаго географическаго описанія Сибири, заключаетъ онъ, чертежъ 176 (1668) года былъ составленъ и по спеціальному поводу, именно для описанія тѣхъ мѣстностей, гдѣ слѣдуетъ «построить крѣпости» и «посадить драгунъ» въ Тобольскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ, для защиты ихъ «отъ прихода воинскихъ людей». Объ этихъ спеціальныхъ цѣляхъ составленія чертежа 176 г. говорятъ 4-я и 5-я статьи «росписи», которыя отмѣчаютъ тѣ мѣстности, гдѣ назначено «быть драгуномъ» и проч. [2]).

А отсюда ясно, что при основаніи остроговъ московское правительство руководствовалось военно-стратегическими цѣлями для объясачиванья инородцевъ и покоренія края.

Съ 1601 года наступаетъ нѣкоторый перерывъ въ русскомъ строительствѣ въ Сибири, вплоть до 1617 года, что, впрочемъ, вполнѣ понятно, такъ какъ во второй половинѣ своего царствованія Годуновъ заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы удержаться на престолѣ; затѣмъ появляется Самозванецъ и наступаетъ «московская разруха», когда и самое владычество русскихъ въ Сибири было поколеблено, ибо инородцы стали волноваться и мѣстами нападать на русскія поселенія, узнавъ, что въ Москвѣ нѣтъ Царя.

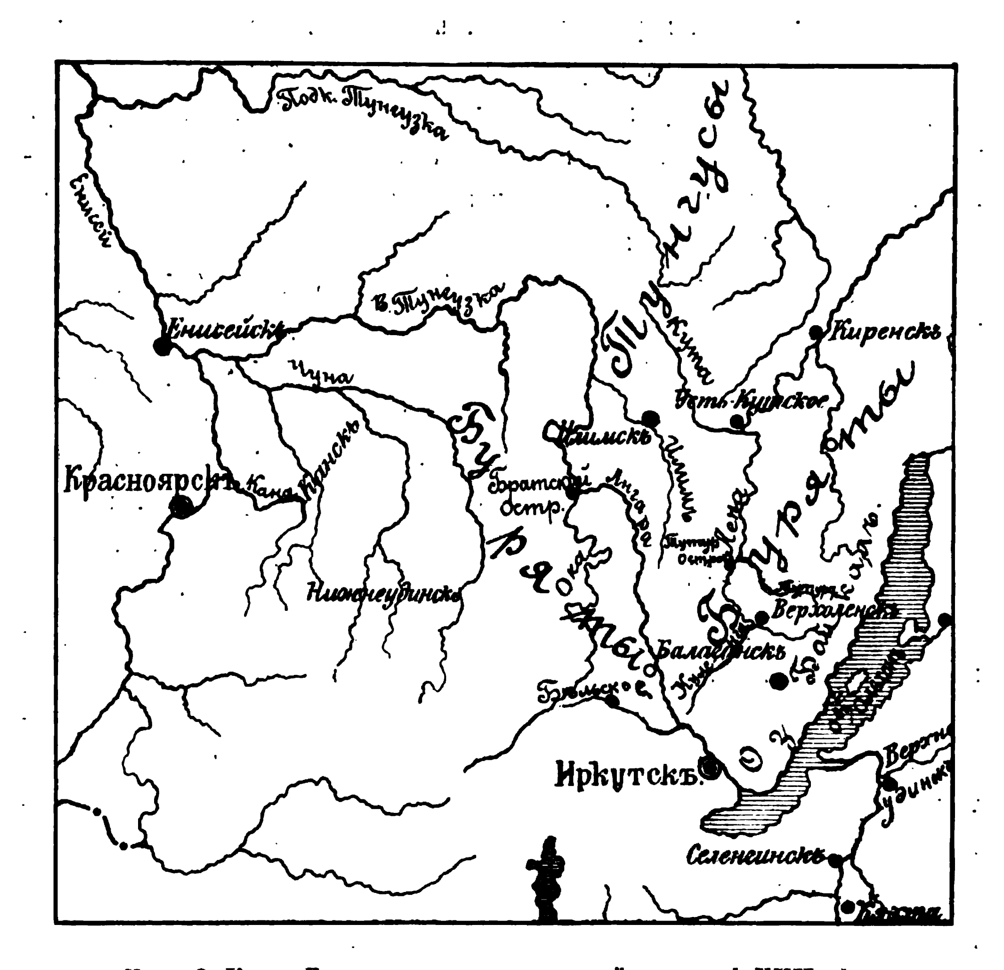
Но съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича русскія дѣйствія въ Сибири принимаютъ прежній характеръ, хотя и не столь напряженный какъ раньше, ибо государство лишь медленно поправлялось отъ пережитаго погрома. Тѣмъ не менѣе, независимо отъ постройки дополнительныхъ остроговъ въ Западной Сибири, московское правительство продвигается понемногу впередъ и на востокъ и утверждаетъ свое господство въ верхнемъ концѣ средняго теченія Енисея.

---

[1]) Сибирск. приказа столбецъ № 867. (Ссылка г. Оглоблина).

[2]) См. Н. Оглоблинъ, Источники „Чертежной Книги Сибири“ Семена Ремезова (*Библіографъ* 1891 г., № 1).

Съ этою цѣлью оно основываетъ въ 1617 году Енисейскъ на Енисеѣ (черт. 3), два года спустя Маконскій острогъ на Кетѣ, правомъ притокѣ Оби, почти на параллели Енисейска, и затѣмъ въ 1627-мъ году Красноярскъ на устьѣ Качи, впадающей въ Енисей, подвигаясь, слѣдовательно, къ верховьямъ послѣд-

Черт. 3. Карта Бурятскаго края во второй половинѣ XVII вѣка.

няго, который такимъ образомъ становится въ концѣ 30-хъ годовъ XVII-го столѣтія русскою границею.

Но, конечно, Енисей не могъ удержать поступательнаго движенія русскихъ, и дѣйствительно мы видимъ, что уже въ слѣдующемъ году послѣ основанія Красноярска русскіе переходятъ Енисей и основываютъ Канскій острогъ, почти на параллели Красноярска, на р. Канѣ, правомъ притокѣ Енисея (черт. 3).

Такъ какъ все дальнѣйшее движеніе русскихъ совершается отдѣльными мелкими походами, направляемыми почти исключительно по теченіямъ рѣкъ,

а власть ихъ закрѣпляется съ помощью основанія въ покоренныхъ земляхъ крѣпостей, или по тогдашнему «остроговъ», то для болѣе яснаго уразумѣнія событій необходимо слѣдить за ними по картѣ, которую мы здѣсь и прилагаемъ (табл. I).

По отстройкѣ Енисейска начинается цѣлый рядъ походовъ на востокъ, которые однако не даютъ особенно ощутительныхъ итоговъ, ибо русскіе встрѣтили очень сильное сопротивленіе со стороны бурятъ. Тѣмъ не менѣе атаманъ Максимъ Перфильевъ основываетъ въ 1631-мъ году на правомъ берегу Ангары, противъ устья ея лѣваго притока Оки, Братскій острогъ [1]), отъ котораго до Лены было, по сибирски, что называется, рукой подать (черт. 3) [2]).

Оставляя въ сторонѣ мелкіе казацкіе набѣги, заканчивавшіеся лишь сборомъ ясака, мы перейдемъ теперь къ завоеванію бассейна Лены, которое началось съ похода атамана Галкина, посланнаго въ 1630-мъ году изъ Енисейска. Галкинъ пошелъ по Верхней Тунгускѣ въ ея лѣвый притокъ Илимъ и, поднявшись по немъ, перешелъ волокомъ въ р. Куту, лѣвый притокъ Лены. Здѣсь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ надо было переволакиваться съ Илима на Куту, онъ построилъ зимовье, которое переименовано было въ 1649-мъ году въ г. Илимскъ (черт. 3) [3]), и отправилъ своихъ людей для развѣдокъ и за ясакомъ вверхъ и внизъ по Ленѣ. Въ слѣдующемъ году онъ спустился по р. Куту и при устьѣ ея основалъ другое зимовье, которое послужило ядромъ будущаго Усть-Кутскаго острога [4]). На смѣну Галкина былъ присланъ въ 1632 г. боярскій сынъ сотникъ Бекетовъ, который поднялся сперва вверхъ по Ленѣ, но послѣ неудачной встрѣчи съ бурятами долженъ былъ вернуться назадъ и заложилъ Тутурскій острогъ [5]) при устьѣ Тутурки, праваго притока Лены. Послѣ этого онъ спустился далеко внизъ по Ленѣ и въ томъже 1632-мъ году заложилъ Якутскій острогъ (табл. I и черт. 4), который явился въ это время самымъ передовымъ мѣстомъ русскихъ поселеній на дальнемъ Сѣверо-востокѣ и сдѣлался тѣмъ средоточіемъ, изъ котораго распространилось русское владычество въ восточной Сибири.

По основаніи Якутска московское правительство, повидимому, долго не давало себѣ яснаго отчета объ его географическомъ положеніи, потому что

---

[1]) Нынѣ село Братское, въ Нижнеудинскомъ округѣ.
[2]) Обо всемъ этомъ подробно см. у Фишера и у В. К. Андріевича.
[3]) Теперь заштатный городъ Илимскъ.
[4]) Теперь Усть-Кутское село Киренскаго округа.
[5]) Теперь Тутурская слобода.

на первой общей картѣ Сибири, составленной въ 1668 году подъ наблюденіемъ стольника и Тобольскаго воеводы Петра Ивановича Годунова [1]), онъ показанъ близь устьевъ Лены, т. е. почти у Ледовитаго океана (черт. 5).

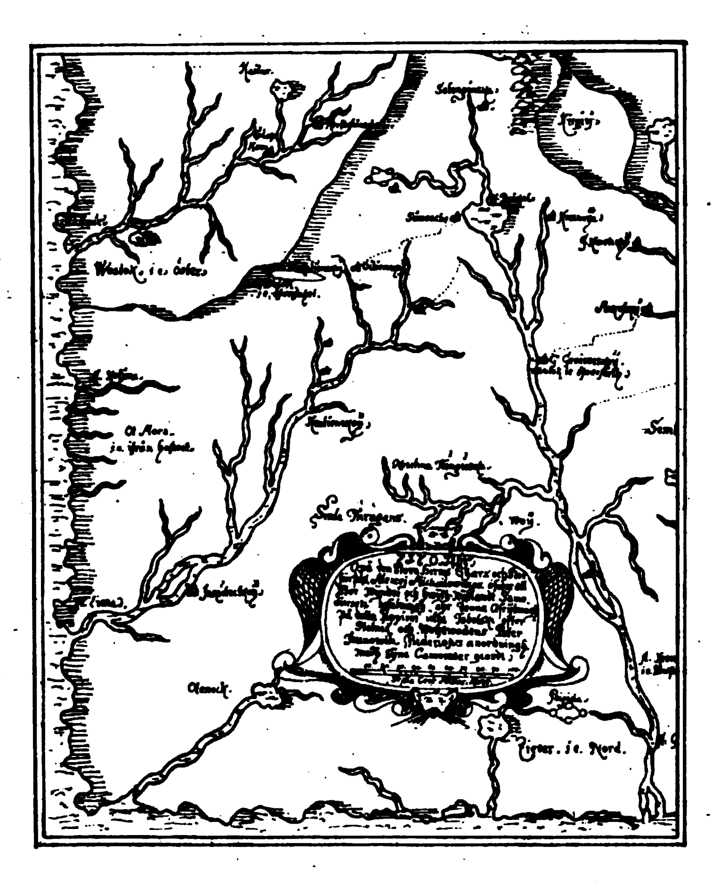
Черт. 4. Г. Якутскъ въ самомъ концѣ XVII вѣка.
(По Семену Ремезову).

Въ картѣ этой съ перваго взгляда разобраться довольно трудно, затѣмъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, вопросъ разъясняется. Прежде всего мы

---

[1]) Карта Годунова въ подлинникѣ намъ неизвѣстна и дошла до насъ только въ копіи шведскаго „кондуктора фортификаціи“ Іогансена Прютца, который скопировалъ ее въ 1669 году въ Москвѣ, въ свою бытность тамъ въ составѣ шведскаго посольства (См. у Кордта, „Матеріалы по русской картографіи“, вторая серія, вып. 1, стр. 25). Эта карта была сперва напечатана А. А. Титовымъ въ 1890 г. (См. его „Сибирь въ XVII вѣкѣ“), а потомъ В. Кордтомъ въ 1906 г.

замѣчаемъ внизу, направо надпись Ziever. j e. Nord, т. е. «Сѣверъ или Нордъ», а затѣмъ вверху чертежа въ верховьяхъ рѣки показано справа озеро, съ надписью «os. Baikal». Итакъ, если сѣверъ внизу, а Байкалъ на верху, то карта оказывается перевернутой низомъ вверхъ по сравненію съ

Черт. 5. Карта Восточной Сибири П. И. Годунова.
(По В. Кордту).

современной оріентировкой, въ чемъ, впрочемъ, страннаго ничего нѣтъ и что мы замѣчаемъ даже на многихъ старинныхъ европейскихъ картахъ, какъ напр. на картѣ Украйны Боплана 1650 г. [1]) и др. Тотъ-же пріемъ, какъ мы увидимъ далѣе, встрѣчается и гораздо позже, въ 1701-мъ году, въ «Чертежной картѣ Сибири» Тобольскаго сына боярскаго Семена Ремезова.

---

[1]) Есть въ изданіи Кордта,—вып. 1, табл. XXXII.

Въ предисловіи къ изданію этой книги, сдѣланномъ Императорской Археографической Коммиссіей [1]), совершенно справедливо замѣчено по этому поводу слѣдующее: «Сѣверъ полагается не по греческому обычаю, усвоенному нынѣ въ видѣ общаго правила, а по хранившемуся до XVI вѣка арабскому, внизу листа, или даже его положеніе измѣняется по произволу».

Переходя затѣмъ къ очертаніямъ морей на картѣ Годунова, мы видимъ, что истинный ихъ видъ былъ совершенно неизвѣстенъ ея составителямъ, вслѣдствіе чего они обозначали ихъ по предположенію и наивно располагали берега параллельно рамкѣ чертежа, причемъ Лена оказалась впадающей въ лѣвое море, т. е. въ Ламу или Охотское море, а не въ Ледовитый океанъ. А что слѣва предполагалось Охотское море, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что на берегу его написано: «Wostok j. e. Osters», и что въ него же показанъ впадающимъ Амуръ. Что-же касается до Якутска, то онъ помѣщенъ на чертежѣ налѣво отъ картуши съ надписью, недалеко отъ устьевъ Лены, гдѣ изображены два домика и написано: «Iakutscskoy».

Затѣмъ эта ошибка, очевидно, выясняется, ибо уже въ «Спискѣ съ чертежа Сибирскія земли 1672 года» мы читаемъ слѣдующее: «А отъ Якутскаго острогу, по Ленѣ рѣкѣ, внизъ до моря ходу три недѣли» [2]).

Поселившіеся въ Якутскѣ казаки получили въ 1635 году названіе «Якутскихъ» и съ этого времени стали предпринимать походы во всѣ стороны. Въ томъ-же году сотникъ Бекетовъ заложилъ Олекминскій острогъ на лѣвомъ берегу Лены, немного выше ея праваго притока Олекмы, примѣрно, верстахъ въ 500-хъ выше Якутска. Такимъ образомъ захвачено было все верхнее и среднее теченіе Лены, гдѣ было расположено пять остроговъ: Верхоленскій [3]), Усть-Кутскій, Киренскій [4]), Олекминскій и Якутскій (черт. 3 и табл. I). Но первоначально дѣла шли неудачно въ виду соперничества съ казаками другихъ остроговъ, напр. съ мангазейцами. Эти неурядицы не могли укрыться отъ зоркаго глаза московскаго правительства и побудили его образовать въ 1638-мъ году самостоятельное «Якутское воеводство», первыми воеводами котораго были стольники Петръ Головинъ и Матвѣй Глѣбовъ; они прибыли въ Якутскъ въ 1641 году и скоро водворили тамъ

---

[1]) Въ 1882-мъ году, иждивеніемъ П. И. Лихачева.

[2]) См. у Г. И. Спасскаго: „Списокъ съ чертежа Сибирскія земли 1672 году". („*Временникъ Имп. Моск. О-ва Ист. и Др. Росс.*", книга 3-я, 1849 г.).

[3]) Заложенъ въ 1641 г.

[4]) Заложенъ въ 1630 году; переименованъ въ острогъ въ 1665 году.

должный порядокъ. Въ составъ ихъ воеводства вошло все верхнее теченіе Лены и земли по рѣкамъ Илиму, Вилюю и Алдану (табл. I).

Прибытіе воеводъ благопріятно отразилось не только на упорядоченіи мѣстныхъ дѣлъ, но и на изученіи края и ознакомленіи съ нимъ московскаго правительства. Они не только составили подробный маршрутъ своего пути, но тотчасъ-же по прибытіи на мѣсто занялись изученіемъ страны.

Любопытныя свѣдѣнія мы находимъ въ этомъ отношеніи у Е. Е. Замысловскаго: «Въ 1640—1641 гг., говоритъ онъ, были составлены слѣдующія росписи: 1) «роспись противъ чертежю рѣкамъ и порогамъ отъ Енисейскаго острогу вверхъ до Лѣнскаго волоку, по которымъ шли на государеву службу на великую рѣку Лену въ Якутцкой острогъ изъ Енисейскаго острогу столники и воеводы Петръ Головинъ, Матвѣй Глѣбовъ, дьякъ Еуѳимей Филатовъ, во 148 году, и сколько до которой рѣки судового ходу, и стороннимъ рѣкамъ, которые пали въ Тунгуску и въ Илимъ рѣку». 2) «Роспись противъ чертежу отъ Куты рѣки вверхъ по Лѣнѣ рѣкѣ и до вершины, и стороннимъ рѣкамъ, которые впали въ Лѣну рѣку, и сколько отъ рѣки до рѣки судового ходу, и пашеннымъ мѣстамъ и роспросные рѣчи тунгускаго князя Можеулка про Брацкихъ людей и про Тунгускихъ и про Ламу, и про иные рѣки».

Но этими росписями они не удовольствовались и въ томъ же 1641-мъ году тѣ же Ленскіе воеводы доносили царю о пріискахъ служивыми людьми новыхъ земель и о томъ, что они послали на Витимъ рѣку письменнаго голову Еналея Бахтеряева для ясачнаго сбору и пріиску новыхъ землицъ, для серебряной, мѣдной и свинцовой руды и хлѣбной пашни. «Да ему жъ, государь, Еналею, велѣли мы, холопи твои, Витиму рѣкѣ и падучимъ въ нее стороннимъ рѣкамъ и Чибиру озеру и Шилкѣ рѣкѣ до устья, и какіе люди по тѣмъ рѣкамъ живутъ, и много ли ихъ, и серебряной рудѣ, и мѣдной, и свинцовой, въ которыхъ мѣстѣхъ тѣ руды есть, и проходъ въ Китайское государство, по распросу иноземцевъ, велѣли сдѣлать чертежъ и роспись» [1]).

Съ своей стороны московское правительство живо интересовалось Якутскимъ краемъ, доказательства чему мы находимъ у того-же Е. Е. Замысловскаго.

---

[1]) Тамъ же № 96, стр. 261. Въ приложеніяхъ къ статьѣ А. А. Гоздаво-Голомбіевскаго: „Опись чертежей, хранившихся въ разрядѣ во 2-й половинѣ XVII вѣка“, въ Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. арх. минист. юстиціи, кн. VI, 1889 г., напечатаны 3 наказныя памяти, относящіяся къ первому времени воеводства Головина (1640 г.); въ нихъ предписывается каждому изъ посланныхъ составить чертежъ, см. стр. 29—35. (Ссылка Е. Е. Замысловскаго).

«Въ наказѣ Ленскимъ или Якутскимъ воеводамъ Василію Пушкину и Кириллу Супоневу и дьяку Петру Стеншину, 1644 года февраля 10-го, говоритъ онъ, объ управленіи тамошнимъ краемъ находимъ слѣдующее любопытное извѣстіе: «Да о томъ о всемъ и про весь свой высмотръ, что на Лѣнѣ рѣкѣ учинятъ, велѣно имъ столнику и воеводѣ Петру Головину съ товарищи отписати, и Лѣнѣ, Алдону, и Чаю, и Вилюю, и инымъ рѣкамъ, и новымъ землицамъ, которые по тѣмъ рѣкамъ провѣдаютъ, да и Лѣнскому острогу, каковъ они поставятъ, и прежнимъ острожкамъ и дорогамъ, которыми они на Лѣну рѣку изъ Енисейскаго острогу пойдутъ, роспись и чертежъ прислать къ государю къ Москвѣ. И столники и воеводы Петръ Головинъ въ прошломъ во 150 году писали къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, и прислали великой рѣкѣ Лѣнѣ и инымъ стороннимъ рѣкамъ только одинъ чертежъ съ Лѣнскаго волоку» [1]).

Благое дѣло изученія края Якутское воеводство продолжаетъ и въ слѣдующіе года, уже въ царствованіе Тишайшаго Государя Алексѣя Михайловича, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

«Въ наказѣ Якутскаго воеводы Димитрія Францбекова Ерофею Хабарову, 1649 года марта 6-го, о походѣ въ Даурскую землю говорится: и тобѣ Ерофейку, съ тою государевою ясачною и поминочною казною послать въ Якуцкой острогъ, сколько человѣкъ пригоже, и той государевѣ казнѣ ясачныя именныя книги и рѣкамъ чертежъ, и многоль по тѣмъ рѣкамъ людей живетъ, и какіе люди и о томъ отписать въ Якутцкой острогъ, въ съѣзжую избу къ воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову да къ дьяку Осипу Степанову».

Хабаровъ исполнилъ это порученіе, и въ отпискѣ къ царю Дмитрія Францбекова, 1650 года мая 26-го, находимъ слѣдующее извѣстіе: «А въ тѣхъ князь Лавкаевыхъ въ городахъ и въ улусѣхъ луги великіе и пашни есть, а лѣсы по той великой рѣкѣ Амурѣ темные большіе, соболя и всякаго звѣря много; и будетъ Богъ поручитъ твоимъ государскимъ счастіемъ аманатовъ, и тебѣ государю будетъ казна великая». «Да послали мы, холопи твои, ко государю его князь Лавкаевыхъ городовъ и земли чертежъ» [2]).

Отсюда ясно, что заброшенный на край свѣта *Якутскъ уже въ половинѣ XVII вѣка* несъ не одну ратную службу, но и другую великую службу, службу русскому просвѣщенію, и *вносилъ свои оклады* не только въ русскую,

---

[1]) См. Е. Е. Замысловскій, „Чертежи Сибирскихъ земель XVI—XVII вѣка“, стр. 341—343. *Ж. М. Н. П.* ч. CCLXXV, 1891 г., іюль.

[2]) См. ibid.

но и въ европейскую науку. Ниже мы увидимъ, что составитель знаменитой «Чертежной книги Сибири» Тобольскій боярскій сынъ Семенъ Ремезовъ пользовался всѣми росписями и чертежами своихъ предшественниковъ, а его книгой въ свою очередь пользовался голландскій ученый Витзенъ, сочиненіе котораго «О странахъ сѣверной и восточной Азіи и Европы» современники ставили такъ высоко, что считали его автора «новымъ Колумбомъ» и «открывателемъ сѣверо-восточнаго Свѣта».

Такимъ образомъ Якутскъ сталъ той средой, изъ которой русская власть широкою волною разлилась на югъ, на сѣверъ и на востокъ.

При изложеніи этихъ событій можно держаться одного изъ двухъ путей: хронологическаго или географическаго. Но первый изъ нихъ, въ данномъ случаѣ, является неудовлетворительнымъ, ибо представляетъ собою, въ силу самаго характера русскихъ завоеваній въ восточной Сибири, такую пеструю смѣсь личныхъ и географическихъ именъ, мелкихъ и крупныхъ событій и ихъ хронологическихъ датъ, что разбираться въ ней очень трудно; въ особенности если принять во вниманіе, что многія событія совершались одновременно и притомъ нерѣдко въ противоположныхъ концахъ этого огромнѣйшаго края.

Поэтому мы остановимся на географическомъ способѣ изложенія, такъ какъ, во 1-хъ, онъ позволяетъ распредѣлить событія по опредѣленнымъ мѣстностямъ, а во 2-хъ, исключаетъ болѣе или менѣе одновременность событій и тѣмъ даетъ возможность изложить ихъ въ послѣдовательной связи.

Руководствуясь этимъ, мы можемъ раздѣлить всѣ дѣйствія Якутскаго воеводства на пять частей:

1) Завоеваніе странъ, прилегающихъ къ сѣверо-западнымъ берегамъ Байкала.
2) Попытки утвердиться на Амурѣ.
3) Покореніе береговъ Ледовитаго океана на востокъ отъ устьевъ Лены.
4) Покореніе западнаго берега Охотскаго моря
и 5) завоеваніе Камчатки.

Начнемъ съ борьбы на югѣ. Тутъ русскимъ пришлось встрѣтиться съ воинственнымъ племенемъ бурятъ, около Байкала, и даже съ войсками богдыхана на Амурѣ. Поэтому ихъ успѣхи были здѣсь совсѣмъ иные, нежели въ борьбѣ съ дикими и сравнительно мирными сѣверно-сибирскими инородцами.

Бурятъ русскіе покоряли лишь съ большимъ трудомъ, а овладѣть Амуромъ имъ не удалось совсѣмъ, несмотря на безумную отвагу казаковъ и многочисленныя попытки, повторявшіяся болѣе сорока лѣтъ (1643—1684 г.).

Въ виду всего этого мы оставимъ въ сторонѣ попытки утвердиться на Амурѣ и сдѣлаемъ лишь краткій обзоръ дѣйствій Якутскаго воеводства на верховьяхъ Лены, гдѣ жили тунгусы и буряты.

Енисейскіе воеводы неоднократно пытались ихъ объясачить, но это имъ не удавалось. Такъ какъ съ учрежденіемъ самостоятельнаго Якутскаго воеводства верховья Лены были къ нему приписаны, то вновь прибывшіе воеводы немедленно приняли мѣры къ его закрѣпленію за русскою властью. Съ этою цѣлью въ 1641-мъ году снаряженъ былъ походъ подъ начальствомъ сына боярскаго Василія Власова съ отборными людьми. Побѣды Власова надъ бурятами заставили ихъ смириться, и главный изъ князей ихъ, Куршумъ, даже явился въ русскій станъ для принятія подданства.

Но ограничиться этимъ набѣгомъ Якутское воеводство, конечно, не могло и не хотѣло. Чтобы стать твердою ногою въ этомъ краѣ, необходимо было прибѣгнуть къ старому и уже испытанному средству, т. е. поставить тамъ острогъ.

И дѣйствительно, мы видимъ, что въ томъ-же 1641-мъ году мѣра эта приводится въ исполненіе.

Пятидесятникъ Мартынъ Васильевъ съ товарищами, въ 1641 году мая 30-го, былъ посланъ ленскими воеводами Петромъ Головинымъ и Матвѣемъ Глѣбовымъ «на государеву службу вверхъ Лены рѣки и велѣно имъ въ Братской землѣ на устьѣ Куленги поставить острожекъ». Мартынъ Васильевъ съ товарищами исполнили порученіе и августа 29-го извѣстили ленскихъ воеводъ о походѣ къ верховьямъ Лены и основаніи острога [1]).

Верхоленскій острогъ (черт. 3) [2]) дѣйствительно послужилъ опорою въ борьбѣ русскихъ съ бурятами. Три года спустя послѣ его основанія управлявшій имъ пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ внезапно напалъ на бурятъ за Ангарой, разбилъ ихъ и вернулся съ богатой добычей назадъ.

Наружно смирившіеся буряты вскорѣ обнаружили свое вѣроломство, возстали въ 1644 году и, подступивъ къ острогу, держали запершихся въ острогѣ казаковъ въ осадномъ положеніи, едва не уничтоживъ совершенно въ 1646 году посланное воеводами подъ начальствомъ Бедарева къ острогу подкрѣпленіе до 130 человѣкъ.

Въ 1648-мъ г. возстаніе верхоленскихъ бурятъ сдѣлалось общимъ; они

---

[1]) См. у Замысловскаго, „Чертежи Сибирскихъ земель". *Ж. М. Н. П.*, іюнь 1891 г.

[2]) Теперь городъ Верхоленскъ Иркутской губ.

раззорили русскихъ поселенцевъ, поселившихся около острога, и намѣрены были двинуться къ Усть-Кутскому острогу, но 200 ч. промышленниковъ подъ началомъ московскаго дворянина Василія Нефедьева успѣли придти на помощь къ Верхоленскому острогу и, отразивъ бурятъ, положили конецъ возстанію.

Въ 1643-мъ году русскіе дошли до озера Байкала, а пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ съ 75-ю промышленниками проникъ до острова Ольхона на оз. Байкалѣ [1]).

Такимъ путемъ шли завоеванія Якутскаго воеводства на югѣ, въ верховьяхъ Лены.

Теперь мы могли бы перейти къ его дѣйствіямъ на сѣверѣ, но предварительно должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялось заложеніе Братскаго [2]) и Балаганскаго остроговъ [3]), потому что они находятся въ этомъ же краѣ и заключаютъ въ себѣ остатки древнихъ зданій, которые мы будемъ разсматривать ниже.

Среднее и верхнее теченіе Ангары уже издавна привлекало русскія силы, даже гораздо раньше основанія Якутска. Любопытный очеркъ этого движенія даетъ г. Ларіоновъ. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: «Корыстные замыслы, слухи о богатыхъ серебряныхъ рудахъ на р. Ленѣ и вообще въ земляхъ бурятъ, богатый пушный ясакъ увлекали предпріимчивыхъ покорителей; и свѣдѣнія, имѣвшіяся о воинственности, большой военной силѣ, оружіи народовъ, обитавшихъ за рѣкою Енисеемъ, не удержали въ 1627 году Максима Перфильева рѣшиться съ 40 удалыми товарищами пуститься изъ Енисейска вверхъ по р. Верхней Тунгузкѣ (Ангарѣ) для объясаченія тамошнихъ народовъ. Попытка эта не обошлась ему дешево: хотя онъ и собралъ значительный ясакъ, но на обратномъ пути былъ настигнутъ тунгусами и въ сильной схваткѣ потерялъ много изъ своихъ товарищей ранеными и одного убитымъ, едва сохранивъ добычу».

«Затѣмъ въ 1629 г. воевода енисейскій Яковъ Хрипуновъ, уже по приказанію изъ Тобольска, самъ долженъ былъ отправиться для поисковъ серебряной руды въ земляхъ бурятъ. Поднявшись по Ангарѣ до устья р. Илима,

---

[1]) Записки и труды Иркутскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, съ пятью литографированными картами округовъ Иркутской губерніи. Издано подъ редакціею члена-секретаря комитета Д. Д. Ларіонова. $18^{68}/_{69}$ г. Иркутскъ.

[2]) Братскій острогъ, теперь село Братское въ Нижнеудинскомъ округѣ, на Ангарѣ, при впаденіи въ нее слѣва р. Оки, примѣрно верстахъ въ 500-хъ на с.-з. отъ Иркутска.

[3]) Балаганскій острогъ, теперь гор. Балаганскъ въ Иркутской губ., на Ангарѣ, примѣрно верстахъ въ 200 на с.-з. отъ Иркутска (черт. 3).

отсюда Хрипуновъ пошелъ сухимъ путемъ вверхъ по Ангарѣ; но у устья р. Оки встрѣтилъ огромное скопище бурятъ, гдѣ, въ схваткѣ съ ними, хотя и остался побѣдителемъ, однако повернулъ назадъ, расположившись станомъ у устья Илима. Смерть Хрипунова разстроила предпріятіе и собранные люди спѣшили возвратиться по домамъ».

«Въ 1631 году Перфильевъ снова отправился по этому же пути, съ 2 пушечками и 80 казаками, для заложенія острога на этомъ пути. Доплывъ по р. Ангарѣ до Падунскаго порога, онъ остановился тутъ для постройки острога, не рѣшившись заложить его на устьѣ р. Оки, какъ было ему указано; и, построивъ острогъ нѣсколько ниже порога, назвалъ его «Братскимъ», который потомъ постепенно передвигали до самаго устья р. Оки (черт. 3)».

«Заложеніе Братскаго острога (1631 г.) есть краеугольный камень начала завладѣнія мѣстностью, занимаемой нынѣшней Иркутской губерніею».

«Подчиненіе же русскому владычеству племенъ, населявшихъ центръ этой губерніи и югъ, шло уже чрезъ Братскій острогъ. Въ 1654 году, по приказанію енисейскаго воеводы Пашкова, вышедшимъ изъ Братскаго острога сыномъ боярскимъ Дмитріемъ Фирсовымъ построенъ былъ въ самомъ центрѣ бурятскихъ стойбищъ на р. Ангарѣ «Балаганскій острогъ» (черт. 3). Подъ управленіемъ Фирсова, вліяніе Балаганскаго острога росло и распространялось между мѣстными племенами; и Фирсовъ началъ готовиться къ распространенію владычества русскихъ далѣе вверхъ по Ангарѣ; но поступившій на его мѣсто управитель Иванъ Похабовъ своимъ чрезмѣрнымъ корыстолюбіемъ и жестокостью довелъ покорныхъ бурятъ до того, что въ 1658 г. они возстали поголовно, убивъ собиравшихъ съ нихъ ясакъ, и бѣжали всѣ въ Монголію. Яковъ Тургеневъ, прибывшій на смѣну Похабова, не могъ уже поправить дѣла въ безлюдной странѣ и долженъ былъ только посылать розыскивать бѣглецовъ».

«Похабовъ же, отправленный за карауломъ въ Енисейскъ, бѣжалъ и явился въ Илимскій острогъ; снова вошелъ въ милость и въ 1661 году появился на берегахъ р. Иркута среди бурятъ, еще прежде имъ объясаченныхъ, и при впаденіи р. Иркута въ Ангару основалъ острогъ, назвавъ его «Иркутскимъ», на мѣстѣ котораго стоитъ въ настоящее время губернскій городъ Иркутскъ».

«Основаніемъ «Иркутскаго острога» разъ навсегда было закончено утвержденіе русской власти въ краѣ [1])».

---

[1]) Ibid. у Д. Д. Ларіонова.

Обратимся теперь къ завоеваніямъ на сѣверѣ [1]).

Первый походъ былъ предпринятъ въ 1632-мъ году, т. е. во время основанія Якутска, и направленъ на тунгусовъ Долгинскаго и Жиганскаго родовъ. Онъ очень удался, вслѣдствіе чего было устроено Жиганское зимовье на протокѣ Лены, теперь г. Жиганскъ, приблизительно въ 600 верстахъ ниже Якутска (табл. I).

Шесть лѣтъ спустя, т. е. въ 1638 году, сотникъ Ивановъ съ 50-ю енисейскими казаками пошелъ изъ Якутска разыскивать рѣку Яну, которая течетъ почти прямо на сѣверъ и впадаетъ въ Ледовитый океанъ верстахъ въ 300 (по прямой линіи) на востокъ отъ устьевъ Лены (табл. I). Онъ дошелъ до Верхоянскаго хребта, тянущагося справа отъ Лены, перешелъ его и открылъ верховья Яны. Вслѣдъ затѣмъ, верстахъ въ 500 восточнѣе, онъ открылъ также верховья Индигирки и объясачилъ жившихъ тамъ юкагировъ. Послѣ этого онъ самъ вернулся въ Якутскъ, а для укрѣпленія русской власти въ этихъ мѣстахъ оставилъ отрядъ въ 16 казаковъ.

Эти смѣльчаки не долго просидѣли на мѣстѣ и спустились въ 1640 г. внизъ по Индигиркѣ; когда-же въ слѣдующемъ году къ нимъ пришла помощь изъ Якутска, они направились далѣе на востокъ [2]). Но дѣйствія ихъ выходятъ уже изъ предѣловъ разсматриваемаго нами сѣвернаго направленія, а потому мы оставимъ ихъ пока въ сторонѣ и обратимся къ болѣе раннимъ предпріятіямъ Якутскаго воеводства, направленнымъ къ покоренію восточныхъ земель и землицъ.

До прибытія самостоятельныхъ воеводъ, Якутскъ зависѣлъ отъ Енисейска, а потому, страдая малолюдьемъ, обусловливаемымъ постоянной разсылкой людей въ дальніе походы, просилъ помощи у енисейскихъ воеводъ, а тѣ обратились въ свою очередь къ главной сибирской власти — къ Томску. Вслѣдствіе этого Томскіе воеводы послали въ 1636-мъ году казака Дмитрія

---

[1]) Кромѣ вышеуказанныхъ трудовъ Оглоблина, Спасскаго, Замысловскаго и Ларіонова послѣдующій историческій очеркъ дѣйствій Якутскаго воеводства во второй половинѣ XVII столѣтія составленъ нами по трудамъ Фишера „Сибирская Исторія", Словцова „Историческое обозрѣніе Сибири", Андріевича „Исторія Сибири", Титова „Сибирь въ XVII вѣкѣ", Маныкина-Невструева „Завоеватели Восточной Сибири Якутскіе казаки", Миллера „Описаніе путешествій по Ледовитому океану", Крашенинникова „Описаніе земли Камчатки", Берха „Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ полярныя страны", Врангеля „Путешествіе по Сибири и Ледовитому морю", Оглоблина „Семенъ Дежневъ" и мн. др.

[2]) См. у Маныкина-Невструева, стр. 23.

Копылова съ 50-ю товарищами, который въ слѣдующемъ-же году поднялся по р. Алдану, т. е. правому восточному притоку Лены. Онъ засталъ уже зимовья, основанныя раньше его на Усть-Алданѣ на Ленѣ, затѣмъ верстами 300 выше на Усть-Амгѣ, лѣвомъ притокѣ Алдана, и наконецъ на Усть-Маѣ, правомъ притокѣ Алдана, берущемъ свое начало изъ Джугджурскаго хребта, близъ Охотскаго моря. Но онъ ими не удовольствовался и отправилъ въ 1639 году на востокъ атамана Ивана Москвитина съ 30 человѣками казаковъ. Они поднялись вверхъ по Маѣ, перевалили черезъ Джугджурскій хребетъ, открыли верховья рѣки Ульи и спустились по ней къ Ламѣ или нынѣшнему Охотскому морю, которое казаки увидали здѣсь въ первый разъ. Рѣка Улья небольшая, длиной около 200 верстъ, течетъ на сѣверо-востокъ и впадаетъ въ море немного южнѣе нынѣшняго Охотска.

На устьѣ Ульи казаками было поставлено зимовье, изъ котораго они обслѣдовали въ 1640 году побережье Ламы на югъ до р. Уда, а на сѣверъ до Татуя, изъ коихъ первый впадаетъ въ Удскую губу на С.-З. отъ устья Амура, а второй въ море немного сѣвернѣе Охотска (табл. I).

Восемь лѣтъ спустя на р. Охотѣ, въ 3-хъ верстахъ выше ея устья, было основано казакомъ Семеномъ Шелковниковымъ зимовье, вмѣсто котораго годъ спустя, т. е. въ 1649 году, уже послѣ смерти Шелковникова, его спутники соорудили Косой острожекъ, давшій начало нынѣшнему Охотску, сыгравшему столь важную роль въ дѣлѣ покоренія Камчатки.

Такимъ образомъ русское владычество дошло до своего восточнаго предѣла и дальше ему итти здѣсь было некуда.

Почти одновременно съ дѣйствіями казаковъ на юго-востокѣ ихъ собратья на сѣверѣ также не дремали: казаки сотника Иванова, оставленные имъ на Индигиркѣ послѣ его отъѣзда въ Якутскъ, открыли въ 1638 году рѣку Колыму, бассейнъ которой былъ заселенъ юкагирами. Вслѣдствіе этого, нѣсколько лѣтъ спустя тамъ начинаетъ пускать корни русская власть, ибо уже въ 1644 году мы видимъ на Колымѣ три зимовья, изъ которыхъ Нижнеколымское было основано казакомъ Михаиломъ Стадухинымъ. Здѣсь русскіе узнали отъ юкагировъ о существованіи чукчей, съ которыми юкагиры были во враждебныхъ отношеніяхъ. Стадухинъ отправился въ Якутскъ и сообщилъ тамъ впервые объ этомъ еще невѣдомомъ народѣ. Тогда Якутскіе воеводы послали его въ 1647 году обратно, давъ ему новый отрядъ. Цѣлью посылки было выясненіе земель на востокъ отъ Колымы и наложеніе ясака на народцевъ сѣвернаго побережья.

Черезъ два года Стадухинъ прибылъ къ мѣсту назначенія и спустился на двухъ кочахъ [1]) въ море; изъ нихъ одинъ разбило бурею, а на другомъ онъ пошелъ на востокъ и обогнулъ Шелагскій мысъ, но изъ-за голодовки долженъ былъ вернуться назадъ.

Почти одновременно съ этимъ является знаменитый походъ Дежнева для розысканія р. Анадыра, которая считалась золотымъ руномъ.

О морскомъ походѣ Дежнева мы имѣемъ свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ двухъ источниковъ:

1) Изъ статьи извѣстнаго академика XVIII вѣка Гергарда Миллера «Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и Восточному морю, съ Россійской стороны учиненныхъ», гдѣ онъ сообщаетъ первыя извѣстія о Дежневѣ, добытыя имъ въ Якутскомъ архивѣ и извлеченныя изъ собственныхъ «отписокъ» этого неутомимаго казацкаго морехода [2]).

2) Изъ челобитныхъ того-же Дежнева и отписокъ Якутскихъ воеводъ объ его службѣ, открытыхъ въ Московскомъ архивѣ м-ва юстиціи г. Н. Оглоблинымъ и опубликованныхъ имъ въ его любопытнѣйшемъ изслѣдованіи «Семенъ Дежневъ (1638—1671)» [3]).

Дѣлая краткую сводку всѣмъ этимъ извѣстіямъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что морской походъ Дежнева сложился слѣдующимъ образомъ:

Въ 1648 году въ Нижнеколымскомъ острогѣ былъ задуманъ морской походъ съ промышленными цѣлями на р. Анадырь, въ составъ участниковъ котораго входили промышленники и казаки. Во главѣ первыхъ стоялъ Ѳедотъ Алексѣевъ, приказчикъ московскаго купца Алексѣя Усова, а «начальными людьми» у казаковъ были устюжанинъ Семенъ Ивановъ Дежневъ и Герасимъ Анкудиновъ, причемъ первый еще въ предшествовавшемъ 1647 году былъ назначенъ правительственными властями Нижнеколымскаго острога для участія въ такомъ-же, впрочемъ, не удавшемся походѣ; при этомъ на него былъ возложенъ надзоръ за «государевой пользой» въ пути, въ виду чего онъ долженъ былъ собирать пошлину съ добычи и объясачивать инородцевъ. Очевидно, что и во второмъ походѣ его обязанности были тѣ же, и такимъ образомъ «служилое» значеніе дѣла Дежнева не подлежитъ никакому сомнѣнію; да и самъ онъ на него смотритъ такъ же, ибо проситъ потомъ въ Москвѣ у правительства жалованья за свою прошлую службу.

---

[1]) „Кочъ"—плоскодонное судно, около 12-ти саж. длиною, съ одной палубою; ходило на веслахъ и подъ парусами.

[2]) См. его „Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе." 1785 г.

[3]) *Журналъ М. Н. Пр.*, ноябрь 1890 г.

Въ іюнѣ 1648 года Алексѣевъ и Дежневъ вышли въ море на шести кочахъ, имѣя съ собою девяносто человѣкъ казаковъ и промышленниковъ, и направились на востокъ.

Вскорѣ отъ нихъ отдѣлились три коча, дальнѣйшая судьба которыхъ въ точности не извѣстна, хотя есть темныя указанія, что люди съ нихъ попали на сѣверцую оконечность Америки. Алексѣевъ и Дежневъ смѣло продолжали путь на трехъ оставшихся въ ихъ распоряженіи кочахъ и достигли въ концѣ августа «Большого Каменнаго» или Чукотскаго носа, а въ началѣ сентября вступили въ нынѣшній, тогда еще никому неизвѣстный, Берингов проливъ. Но съ этого времени неудачи начинаютъ разстраивать походъ. Во первыхъ, у Большого Каменнаго носа разбило одинъ кочъ, причемъ люди съ него были сняты и посажены на уцѣлѣвшія суда, а Анкудиновъ перешелъ на кочъ Алексѣева. Послѣ этого, 20-го сентября, гдѣ-то немного южнѣе носа они высадились на берегъ, но подрались съ чукчами, при чемъ Алексѣевъ былъ раненъ и Дежневъ сталъ единственнымъ начальникомъ похода.

Въ концѣ сентября начались страшныя бури, которыя и разлучили оба коча, послѣ чего Дежневъ уже болѣе не встрѣчался се своими спутниками, изъ коихъ Анкудиновъ и Алексѣевъ умерли потомъ отъ цынги, а остальные частію бѣжали, а частію были перебиты инородцами.

По разлученіи кочей положеніе дѣла еще ухудшилось. Послѣ Покрова, т. е. послѣ 1-го октября, бури продолжали свирѣпствовать и утлое суденышко Дежнева было ихъ игрушкою, пока наконецъ его не выбросило на берегъ гдѣ-то за Анадыромъ, а гдѣ —неизвѣстно.

Тогда Дежневъ съ 24-ю оставшимися у него людьми сухимъ путемъ пошелъ къ устью Анадыра, куда и добрался черезъ десять недѣль съ невѣроятными трудностями, потерявъ дорогою 12 человѣкъ отъ голода и холода [1]).

Въ слѣдующемъ, т. е. 1649 году, Дежневъ заложилъ Анадырское зимовье на среднемъ теченіи Анадыра, превратившееся потомъ въ острогъ того-же имени. Поднявшись затѣмъ вверхъ по рѣкѣ, онъ объясачилъ прибрежныхъ жителей, имѣя въ своемъ распоряженіи, какъ мы только что указали, всего двѣнадцать человѣкъ. Къ счастью, подоспѣла помощь съ запада: казакъ Семенъ Мотора пришелъ къ нему съ отрядомъ казаковъ и промышленниковъ въ апрѣлѣ 1650 года съ верховьевъ рѣки Анюя, впадающей справа въ устье Колымы. Онъ присоединился къ Дежневу для совмѣстныхъ дѣйствій.

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. подробно у г. Оглоблина, „Семенъ Дежневъ“, *Журн. М. Н. П.*, ноябрь 1890 г., стр. 249—258 и 270.

Вслѣдъ за Моторой двинулся казакъ Стадухинъ; но онъ дѣйствовалъ самостоятельно и, избравъ южное направленіе, достигъ верховьевъ р. Пенжины, а по ней добрался сухимъ путемъ до Пенжинской губы, омывающей съ запада сѣверную узкую часть Камчатки.

Въ 1652 году Дежневъ спустился къ устью Анадыра и нашелъ тамъ островъ со множествомъ моржей, гдѣ и запаcся моржевымъ зубомъ. Послѣ этого онъ плавалъ по берегамъ Олюторовскаго моря и послалъ въ 1564 году въ Якутскъ подробную отписку о своемъ походѣ.

Таковы были подвиги Дежнева, по мнѣнію его перваго историка Миллера. То же самое думаютъ вмѣстѣ съ Миллеромъ и иные историки, какъ напр. Фишеръ, Соловьевъ, Андріевичъ и др. Если это такъ, то Дежневу дѣйствительно принадлежитъ великая честь открытія пролива, соединяющаго Ледовитый океанъ съ Тихимъ, который въ такомъ случаѣ совершенно неправильно называется Беринговымъ: его, по всей справедливости, слѣдовало-бы назвать Дежневскимъ.

Впрочемъ не всѣ историки раздѣляютъ мнѣніе Миллера. Особенно суровый приговоръ Дежневу мы находимъ у Словцова, который называетъ его Миллеровскимъ «выведенцемъ» и говоритъ, что ему «немудрено было въ отпискахъ бахвалить съ дерзостью» [1]).

Точно также открытіе Дежневымъ морского прохода между Азіей и Америкой отрицалъ въ XVIII вѣкѣ англичанинъ Борней [2]). Впрочемъ, въ противовѣсъ имъ можно поставить мнѣнія Ломоносова, Крашенинникова [3]), Берха [4]), Врангеля [5]) и другихъ, вполнѣ согласныхъ съ Миллеромъ. Наконецъ послѣднее изслѣдованіе г. Оглоблина вывело, повидимому, этотъ вопросъ изъ области сомнѣній и рѣшило его окончательно въ положительномъ смыслѣ.

Какъ-бы то ни было, но, принимая во вниманіе, что Дежневъ дошелъ до устья Анадыра, а Стадухинъ—до Пенжинской губы, надо придти къ тому заключенію, что *Якутское воеводство* покорило къ половинѣ XVII столѣтія, т. е. къ началу царствованія Алексѣя Михайловича, русской власти всю сѣверо-восточную Азію, кромѣ Камчатки.

Но мы уже видѣли, что только одно море могло остановить казаковъ въ ихъ неудержимомъ стремленіи на востокъ, а потому вопросъ покоренія

---

1) Словцовъ, „Ист. Обозр. Сибири", часть I, стр. 104.

2) См. Burney, „Russian discoveries".

3) „Описаніе Камчатки" (1786 г.).

4) „Хронол. ист. всѣхъ путешествій въ полярныя страны" (1821).

5) „Путешествія по Сибири и Ледовитому морю" (1841 г.).

Камчатки былъ только вопросомъ времени, особенно если принять во вниманіе весьма удачное выраженіе Словцова, что якутское начальство, «вѣрное ясаку, какъ магнитная стрѣлка полюсу», продолжало производить развѣдки, «нѣтъ-ли гдѣ еще человѣческихъ гнѣздъ не объясаченныхъ?».

И дѣйствительно, покореніе Камчатки началось въ концѣ двойственнаго царствованія Петра и Іоанна, когда въ Анадырскій острогъ былъ отправленъ въ 1695 году пятидесятникъ Владиміръ Атласовъ.

Онъ послалъ сперва на предварительныя развѣдки казака Морозко съ 16-ю товарищами, который, немного не доходя до р. Камчатки, т. е. до средины полуострова, объясачилъ коряковъ и вернулся съ этимъ ясакомъ къ Атласову.

Если внимательно присмотрѣться къ подобнымъ походамъ, то невольно придется уплатить нравственный «ясакъ удивленія» мужеству, смѣлости и выносливости казаковъ. Возьмемъ хоть-бы тотъ-же походъ Морозко, имя котораго неизвѣстно никому, кромѣ небольшой горсточки лицъ, интересующихся исторіей Сибири. Вѣдь, въ сущности, какой громадный подвигъ онъ совершаетъ: только съ 16-ю товарищами онъ смѣло пускается въ дальній путь, къ совершенно неизвѣстному народу, проходитъ по крайне суровой и негостепріимной странѣ около 1200 верстъ въ одинъ конецъ [1]) и возвращается назадъ, какъ ни въ чемъ не бывало, да еще съ богатымъ ясакомъ въ рукахъ. Это-ли не подвигъ!

По возвращеніи Морозко въ 1697 году Атласовъ самъ пошелъ съ нимъ на р. Камчатку, съ несравненно болѣе значительными силами: съ нимъ было 120 человѣкъ казаковъ и юкагировъ. Онъ спустился къ Пенжинской губѣ и пошелъ западнымъ берегомъ полуострова, а Морозко послалъ на востокъ. Они затѣмъ снова сошлись на западномъ берегу верстахъ въ 600 ниже устья Пенжины и достигли верховьевъ Камчатки, гдѣ Атласовъ заложилъ Верхнекамчатскій острогъ, чѣмъ было положено первое основаніе русской власти въ Камчаткѣ. Послѣ этого Атласовъ съ богатымъ ясакомъ отправился въ Якутскъ, оставивъ въ острогѣ небольшой отрядъ казаковъ. Изъ Якутска Атласовъ былъ отправленъ съ этими добрыми вѣстями въ Москву, а Тобольскіе воеводы, «князь Черкаскій съ товарищи», послали о немъ слѣдующую отписку въ Сибирскій Приказъ:

«16-го декабря 1700 года явился въ Приказной Палатѣ *Якутской* казачей пятидесятникъ Володимеръ Отласовъ, который *по посылкѣ изъ Якутцкаго* былъ для пріиску иныхъ землицъ иноземцевъ, которые Тебѣ,

[1]) Отъ устьевъ Анадыра до р. Камчатки по прямой линіи около 1200 в.

великому государю, ясака не платили, а живутъ по Камчаткѣ и по инымъ рѣкамъ, подлѣ Пенжинскаго и Люторевскаго морь (т. е. морей) разные языки» [1].

Но само собою разумѣется, что устроеніе одного острога не могло упрочить тамъ русской власти. И дѣйствительно, мы видимъ, что вся первая четверть XVIII вѣка проходитъ въ постоянныхъ казацкихъ походахъ на Камчатку, въ возстаніяхъ туземцевъ противъ русскихъ, а казаковъ противъ своихъ начальниковъ, причемъ кровь льется широкою рѣкою. Дѣла улучшаются лишь послѣ того, какъ въ 1717 году былъ найденъ туда болѣе удобный и краткій морской путь, вмѣсто страшно отдаленнаго сухого пути на Анадырскій острогъ, послѣ чего Охотскъ превратился въ портовый городъ.

Въ всемъ этомъ завоевательномъ движеніи *Якутскъ* занимаетъ выдающееся мѣсто и всѣ походы, не исключая и морскихъ, *направляются изъ него*. Дѣло его кончается лишь въ 1733 году, когда Охотскъ былъ сдѣланъ портовымъ городомъ и главнымъ мѣстомъ Камчатскаго управленія. Кромѣ Камчатки, Охотску было подчинено тогда все побережье Ламы отъ самаго южнаго Удскаго острога и включая самый сѣверный—Анадырскій острогъ.

Такимъ образомъ уже въ XVIII-мъ вѣкѣ была намѣчена нынѣшняя Приморская область.

Съ этого времени историческая и завоевательная роль Якутска кончается: онъ вступаетъ въ ровное обычное существованіе русскихъ областныхъ городовъ и живетъ, такъ сказать, «по послужному списку», на что будетъ указано ниже.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся личностяхъ, стоявшихъ во главѣ его управленія.

Несмотря на отдаленность Якутска отъ Москвы и крайне медленные способы сообщенія, зимой на саняхъ, а лѣтомъ на веслахъ по Ленѣ, его власти смѣнялись довольно часто. «Не считая управителей перваго 8-лѣтія, говоритъ Словцовъ, послѣ было воеводъ въ немъ 17 съ 1640 до 1717 г., начиная со стольника Головина до ландрата Ракитина. Послѣ Якутскъ поступилъ въ вѣдѣніе Иркутска». Это составитъ, замѣтимъ попутно отъ себя, въ среднемъ около 4½ лѣтъ на каждаго.

Изъ этихъ властей самыми замѣчательными были во 1-хъ основатель Якутска, умный и распорядительный стольникъ Бекетовъ, о которомъ Фишеръ говоритъ слѣдующее: «Бекетовъ прославился уже между бурятами у Ангары и

[1]) См. Н. Оглоблинъ, „Источники Чертежной Книги Сибири“ Семена Ремезова. *Библіографъ* 1891 г., № 1-й, стр. 8.

Оки и Россійскому государству оказалъ великія услуги также на Ленѣ и черезъ хорошее свое поведеніе исполнялъ онъ возложенную на него надежду»[1]. Во 2-хъ первые воеводы Петръ Головинъ и Матвѣй Глѣбовъ, одинъ пріѣздъ которыхъ, помимо упорядоченія края, внесъ, какъ мы видѣли, столько свѣту въ его изученіе.

Затѣмъ выдаются смѣнившіе ихъ воеводы Василій Пушкинъ и Кирилла Суконевъ. Первый изъ нихъ, Василій Никитичъ Пушкинъ, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ бояръ Романовыхъ и до своего воеводства, при Годуновѣ, былъ сосланъ въ Пелымъ[2]), а потомъ съ воцареніемъ Михаила попалъ въ воеводы[3]).

Черт. 6. Верхоленскій острогъ. (По Ремезову).

Они отстояли Верхоленскій острогъ (черт. 6) и усмирили бурятъ. Имъ-же было поручено, какъ мы видѣли раньше, изслѣдованіе края по притокамъ Лены.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія Якутскимъ воеводой былъ Димитрій Францбековъ. Онъ не только вторично выручилъ Верхоленскій острогъ, но и раззорилъ ангарскихъ бурятъ. При немъ же казакъ Хабаровъ двинулся на Амуръ[4]).

Изъ послѣдующихъ воеводъ можно указать на двоихъ: Андрея Барнышева и смѣнившаго его въ 1678 году Бибикова. Первый отличался необычайною свирѣпостью и казни при немъ не прекращались. При второмъ край вздохнулъ свободнѣе и городъ сталъ разростаться. Бибиковъ, кромѣ того, усилилъ городъ какъ военный пунктъ: сдѣлалъ новый частоколъ, прокопалъ глубже ровъ и обнесъ палисадомъ пять башенъ острога[5]).

Затѣмъ въ концѣ XVII столѣтія является въ Якутскъ воеводою Иванъ Приклонный, весьма важный для насъ въ томъ отношеніи, что при немъ былъ поставленъ въ 1683 году тотъ острогъ, остатки котораго дошли до нашего времени.

---

[1]) „Сибирская исторія", стр. 356.

[2]) Куда былъ сосланъ также Иванъ Никитичъ Романовъ (Карамз. т. XI, гл. IX, стр. 61).

[3]) Андріевичъ, ч. I, стр. 136.

[4]) Ibidem.

[5]) См. Н. Латкина „Якутскъ" (Слов. Брокгауза и Ефрона, 82 полутомъ).

Въ началѣ XVIII вѣка, какъ и слѣдовало ожидать, мы видимъ во главѣ Якутска нѣмца—Трауэрнихта, а въ 1717 году опять русскаго—Ракитина, но за то «ландрата».

Этотъ Трауэрнихтъ, повидимому, очень обрусѣлъ, потому что его звали Дороѳеемъ Аѳанасьевичемъ. «Съ Москвы, говоритъ вѣдомость 1701 года, въ Якутцкой отпущенъ воеводою стольникъ Дороѳей Аѳанасьевъ с. Траурнихтъ, да дьякъ Максимъ Романовъ» [1].

Трауэрникть получалъ неоднократныя порученія отъ центральнаго правительства по разслѣдованію племенъ и земель восточной Сибири и по отправкѣ военныхъ отрядовъ въ Камчатку.

Наконецъ послѣднимъ воеводою, заслуживающимъ вниманія, былъ полковникъ Елчинъ, который снарядилъ въ 1714 году первую морскую экспедицію въ Камчатку.

Въ XVIII вѣкѣ Якутскъ мало по малу теряетъ свое военное значеніе. Вокругъ все было покорено и усмирено; отъ Амура Россія отказалась, а не вполнѣ покоренная Камчатка была выдѣлена въ отдѣльное управленіе,—вотъ почему съ этого времени судьба его представляетъ собой лишь рядъ административныхъ мытарствъ. Въ XIX столѣтіи военное значеніе его падаетъ окончательно, и въ началѣ этого вѣка большая часть его крѣпостныхъ стѣнъ была разобрана. Наконецъ въ 1822 г. онъ былъ назначенъ областнымъ городомъ Якутской области, каковымъ остается до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, начиная съ начала XVIII-го столѣтія, его дальнѣйшія судьбы можно просто прослѣдить по Полному Собранію Законовъ, что мы и попытаемся сейчасъ сдѣлать.

18-го Декабря 1708 г. именнымъ указомъ Петръ Великій раздѣлилъ всю Россію «для всенародной пользы» на 8 губерній, и тогда Якутскъ или «градъ Якуцкой» вмѣстѣ съ восемнадцатью прочими городами вошелъ въ составъ Сибирской губерніи [2].

Въ 1733 году, т. е. въ царствованіе Анны Іоанновны, правительство нашло нужнымъ выдѣлить Камчатку изъ-подъ власти якутскаго начальства. Причины этого рѣшенія настолько любопытны и характерны, что мы приводимъ начало указа, изданнаго по этому случаю.

---

[1] См. „Сибирскіе города. Матеріалы для ихъ исторіи XVII и XVIII столѣтій". Нерчинскъ. Селенгинскъ. Якутскъ. Москва: 1886 г.

[2] П. С. З. т. IV (1700—1725) и т. V (1713—1719). Причисленіе Якутска къ Сибирской губ., 2218—3380.

Вотъ оно:

«Извѣстно Намъ учинилось, что во отдаленныхъ Нашихъ Сибирскихъ владѣніяхъ въ якутскомъ вѣдомствѣ и на Камчаткѣ, какъ отъ Воеводъ, такъ и отъ посланныхъ для сбора съ ясашныхъ людей ясаку, Коммисаровъ и другихъ сборщиковъ чинится Нашимъ ясашнымъ подданнымъ, какъ въ платежѣ излишняго ясаку, такъ и отъ взятковъ многое разореніе, наипаче жъ приметками своими женъ и дѣтей отнимаютъ, и развозя перепродаютъ; того ради Мы, Императорское Величество, призирая ихъ ясачныхъ Княжцовъ и прочихъ всякаго народа и званія, домами и юртами живущихъ и кочующихъ, Всемилостивѣйше повелѣли сими Нашими печатными указами объявить имъ Княжцамъ и прочимъ ясачникамъ Нашу Высочайшую милость и призрѣніе, что отправлены и отправляются нарочные особливые знатные люди, сыщики, которымъ повелѣно въ вышеупомянутыхъ разореніяхъ и обидахъ не токмо жестоко розыскивать, но пущихъ разорителей и смертію казнить, а взятые съ нихъ лишніе сборы и пограбленныя ихъ имѣнія, сколько отыскано будетъ, возвращать; также, которые изъ нихъ ясачники неволею побраны и разпроданы, изъ тѣхъ, кои не приняли вѣры Христіанской Греческаго исповѣданія и не крещены, отпустить въ прежнія мѣста, а которые и крестились, такимъ дается свободное житье въ городахъ и уѣздахъ между Христіанами собою и у кого хотятъ; а впредь для всегдашняго содержанія ихъ ясачныхъ людей въ порядкѣ и покоѣ безъ обидъ, выданы и объявлены имъ будутъ особливые публичные наказы, какъ съ ними въ сборѣ ясаку и впрочемъ должны Воеводы и Коммисары поступать. *А въ Охотскъ и всѣ Камчатскія и тамошнія жъ сѣверныя земли опредѣляются особою отъ Якутска командою, и будетъ главной командиръ жить для близости въ Охотскѣ*, и чтобъ они Княжцы и ясачные люди, видя такую Нашу Императорскаго Величества милость, жили въ своихъ мѣстахъ безъ боязни въ покоѣ, и платили бъ въ казну Нашу ясаку только то, что съ нихъ по ихъ обычаю положено, или впредь положится, безъ тягости, а лишнихъ никакихъ ясаковъ и взятокъ Воеводамъ, Коммисарамъ и сборщикамъ, кои они напредь сего съ нихъ своими вымыслами съ разореніемъ неволею брали, не давали» [1]).

Указъ этотъ окончательно лишилъ Якутскъ его прежняго назначенія— быть исходнымъ мѣстомъ завоевательнаго движенія на крайнемъ Востокѣ и свелъ его на мирную дорогу.

---

[1]) П. С. З. т. IX, стр. 181—182, № 6407, отъ 21 мая 1733 г.

Въ 1764-мъ году Сибирь была раздѣлена на двѣ губерніи, Сибирскую и Иркутскую, при чемъ Якутскъ вошелъ въ составъ послѣдней.

Въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II, въ 1768 году, для оживленія розничнаго торга и удешевленія товаровъ сенатскимъ указомъ отъ 25-го іюня приказано было учредить въ Восточной Сибири ярмарки: первую въ Иркутскѣ, вторую въ Селенгинскѣ, а третью въ Якутскѣ. «Третью ярмарку, говорится въ этомъ указѣ, учредить надлежитъ въ г. Якуцкѣ; время-жъ на то опредѣляется лѣтомъ іюня съ 1-го августа по 1-ое число, да зимою весь декабрь мѣсяцъ . . . » [1]).

Затѣмъ, изъ Высочайше утвержденнаго доклада Сената отъ 31-го января 1775 года [2]) мы узнаемъ, что въ томъ-же 1768 году Якутскъ былъ сдѣланъ «провинціальнымъ» городомъ, оставаясь попрежнему въ составѣ Иркутской губерніи [3]).

«Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ, говорится тамъ, даннымъ Сенату 1764 года октября 11 дня, повелѣно: по полученіи отъ Губернаторовъ о Губернскихъ, Провинціяльныхъ и Воеводскихъ Правленіяхъ и ихъ уѣздахъ росписаній и мнѣній, разсмотрѣть, гдѣ какому Правленію по нынѣшнимъ обстоятельствамъ быть, и которыя по неудобности отмѣнить, а вмѣсто оныхъ или Коммисарства учредить, или и вовсе безъ всякаго правленія оставить, . . . и что сверхъ того Сенатъ къ лучшему изобрѣсти можетъ, и все сіе къ апробаціи представить Вашему Императорскому Величеству. Сенатъ, разсматривая присланныя отъ Губернаторовъ, окромѣ Иркутскаго, о всѣхъ сихъ Правленіяхъ росписаніи и мнѣніи, *въ поднесенномъ 1768 года Генваря 11 дня* докладѣ представилъ учиненное имъ о городахъ положеніе на Высочайшую апробацію Вашего Императорскаго Величества а въ разсужденіи Иркутской Губерніи *упомянуто объономъ городѣ Якутскѣ, чтобъ въ ономъ учредить Провинціяльное Правленіе...*»

Изъ того-же доклада мы узнаемъ не только о дальнѣйшей судьбѣ Якутска, но также и нѣкоторыхъ иныхъ городовъ, древностей которыхъ мы будемъ касаться, какъ напр. Илимска, Балаганска и другихъ, слѣдовательно онъ для насъ вдвойнѣ любопытенъ. Изъ продолженія его мы видимъ, что Сенатомъ было приказано Иркутскому губернатору прислать «росписаніе о городахъ съ приложеніемъ о каждомъ своихъ примѣчаній и мнѣнія».

[1]) П. С. З. т. XVIII, стр. 695, № 13139, отъ 25-го іюня 1768 года.

[2]) П. С. З. т. XX, стр. 22, № 14242.

[3]) „Провинція“ въ XVIII-мъ вѣкѣ была среднею формою между „губерніей“ и „уѣздомъ“.

Объ итогахъ этого приказа мы получаемъ свѣдѣнія изъ слѣдующихъ словъ доклада: «Бывшій Иркутскій Губернаторъ Генералъ-Поручикъ Бриль, собравъ изъ всѣхъ вѣдомства его городовъ потребныя для того свѣденія, и по разсмотрѣніи оныхъ обще съ Губернскою Канцеляріею, за необходимое почёлъ учредить вновь разныя Провинціяльныя, Воеводскія и Коммисарскія Правленія... Въ слѣдствіе чего, сообразуясь съ особливымъ Иркутской Губерніи положеніемъ, въ отвращеніе такихъ затрудненій полагаетъ: 1. Губернскимъ городомъ оставить по прежнему Иркутскъ, а *Провинціальными быть* пригороду Удинску и назначенному отъ Сената *городу Якутску*. 2. Изъ *Илимска*, за неудобностію тамъ мѣста, гдѣ всегда лѣтомъ водою заливаетъ, и по отдаленности его отъ принадлежащихъ къ оному жилищъ, Воеводское Правленіе перенесть въ Усть-Керенской острогъ и переименовать, а въ Илимскѣ оставить Коммисарство, да изъ числа земскихъ начальствъ въ двухъ же мѣстахъ, а именно: въ *Балаганскомъ острогѣ* и на рѣкѣ Алданѣ, съ названіемъ по сей рѣкѣ, учредить Воеводскія Канцеляріи. 3. . . . и напослѣдокъ въ смотрѣніе *Якутской Провинціи* поручить Коммисарства въ Ижигинскомъ, Верьхоянскомъ и въ Среднеколымскомъ зимовьяхъ, да въ Алекминскомъ острогѣ и въ Верховилюйской волости, также городъ Илимскъ, который нынѣ состоитъ съ Воеводскимъ Правленіемъ». Всѣ эти административныя преобразованія были необходимы, по мнѣнію Бриля, въ силу «отчасти малолюднаго, въ разсужденіи обширности Иркутской Губерніи, заселенія; отчасти же, что тамошніе жители, ради чрезмѣрной дальности, въ платежѣ Государственныхъ поборовъ и въ нарядахъ для доставленія изъ мѣста въ мѣсто казенныхъ надобностей, чувствуютъ великое отягощеніе, а иногда убѣгая дальныхъ переѣздовъ, и должной по правосудію законовъ помощи лишаются; сверьхъ того надлежитъ принять въ уваженіе и сіе обстоятельство, что за малоимѣніемъ жительствъ и дальнимъ одного отъ другаго разстояніемъ, не только медленность, но и сущая неудобность въ дѣлахъ произходитъ».

Сенатъ уважилъ его «резоны», а Императрица утвердила докладъ и такимъ образомъ дѣло было рѣшено.

Въ концѣ царствованія Екатерины былъ узаконенъ гербъ Якутска, а именно 26-го октября 1790 года удостоился Высочайшаго утвержденія докладъ Сената «О гербахъ городовъ Иркутскаго Намѣстничества», причемъ Якутску оставленъ его «старый» гербъ, который въ данномъ случаѣ былъ лишь «конфирмованъ» Государынею. Содержаніе его было таково: «Въ серебряномъ полѣ орелъ, держащій въ когтяхъ соболя» [1].

[1]) П. С. З., т. XXIII, стр. 174, № 16913, отъ 26-го октября 1790 года.

При Александрѣ I-мъ послѣдовали новыя административныя преобразованія: 22-го апрѣля 1805 года былъ изданъ Именной Указъ Сенату, по которому вся Иркутская губернія была раздѣлена на семь уѣздовъ, вмѣсто прежнихъ семнадцати, причемъ многолюднѣйшіе изъ нихъ были подраздѣлены на коммисарства.

Это преобразованіе не миновало и Якутска, который сдѣлался уѣзднымъ городомъ Иркутской губерніи; но такъ какъ условія, указанныя Бриль емъ, повидимому, еще дѣйствовали, то въ немъ было учреждено «Областное Управленіе». Въ пунктѣ 5-мъ этого указа причины подобнаго преобразованія и самый строй его изложены такъ: «По великому пространству, раздѣляющему *Якутской край* отъ Главнаго Губернскаго Начальства, дабы доставить обывателямъ сего края болѣе удобности какъ въ судѣ и расправѣ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ ихъ къ Начальству, учредить въ городѣ Якутскѣ особенное Гражданское Правленіе, подъ именемъ Якутскаго Областнаго Правленія, которое соединять въ себѣ имѣетъ часть Полицейскую, Судную и Казенную. Правленію сему подчиненъ будетъ Якутскій край съ его Коммисарствами . . . Предсѣдатель сего Областного Правленія имѣетъ быть Главнымъ по гражданской части Начальникомъ сего края, непосредственно зависящимъ отъ Генералъ-Губернатора. Предсѣдатель, Совѣтникъ и Ассессоры сего Правленія имѣютъ быть опредѣляемы не иначе, какъ по представленію Генералъ-Губернатора въ Правительствующій Сенатъ» [1]).

Такимъ образомъ, въ силу чисто естественныхъ условій, постепенно возрастаетъ административное значеніе Якутска. Тѣмъ не менѣе невозможность управлять всею сѣверовосточною Сибирью исключительно изъ Иркутска давала себя чувствовать попрежнему, что, конечно, не могло укрыться отъ зоркаго глаза Сперанскаго, назначеннаго въ 1819 году Генералъ-Губернаторомъ Сибири.

Вслѣдствіе этого 22-го іюня 1822 года было утверждено созданное по его мысли «Учрежденіе для управленія Сибирскихъ Губерній».

Сибирь была раздѣлена на Западную и Восточную; въ составъ послѣдней вошла, какъ самостоятельная губернія, «Область Якутская». Она обнимала собою 5 округовъ: Якутскій, Олекминскій, Вилюйскій, Верхоянскій и Средне-Колымскій. Областнымъ городомъ былъ назначенъ Якутскъ [2]).

---

[1]) П. С. З. т XXVIII, стр. 1001, № 21726, отъ 22-го апрѣля 1805 года.

[2]) П. С. З. т. XXXVIII (1822—1823), стр 145. Назначеніе Якутска Областнымъ городомъ, 29125.

Наконецъ въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая I, въ 1851 году, во главѣ Якутской области былъ поставленъ гражданскій губернаторъ, непосредственно подчиненный Генералъ-Губернатору и Главному Управленію Восточной Сибири [1]), т. е. учрежденъ порядокъ, дѣйствующій и понынѣ.

Таковы были историческія судьбы Якутска, этого стараго передового русскаго стана на отдаленномъ и невѣдомомъ Сѣверовостокѣ Азіи, этого казацкаго оплота, цѣлыхъ сто лѣтъ (1632—1733) непоколебимо отстаивавшаго славу русскаго оружія и силу русской власти, и этого орлинаго гнѣзда, питомцы котораго, крѣпкіе и лютые, какъ сибирскіе морозы, покорили своей родинѣ болѣе четырехъ милліоновъ квадратныхъ верстъ!

Живыми свидѣтелями всѣхъ этихъ подвиговъ являются уцѣлѣвшія башни и стѣны Якутскаго острога. Этихъ воспоминаній достаточно, чтобы смотрѣть на нихъ съ благоговѣніемъ, какъ на народную святыню, независимо отъ ихъ археологическаго значенія.

Конечно, еслибы остатки эти принадлежали народу болѣе, чѣмъ мы, почитающему свое историческое и народное достоинство, какъ напр. англичанамъ или нѣмцамъ, надъ ними выстроили бы стеклянный колпакъ и гордились бы ими, какъ свидѣтелями своей старой славы! А у насъ? Власти стремятся во что бы то ни стало уничтожить ихъ, а у города съ 7000 жителей, съ двумя ярмарками, торгующими въ среднемъ на 2.000.000 руб. въ годъ, съ богатыми купцами-обывателями, не находится какой-нибудь тысячи рублей, чтобы подвести снизу огнившіе вѣнцы, а сверху сдѣлать тесовую крышу и тѣмъ спасти отъ гибели лучшее свое достояніе! Горько за памятникъ прошлой славы и обидно за современныхъ русскихъ людей!

Попытаемся теперь хоть на бумагѣ удержать для потомства дорогія очертанія этихъ священныхъ и послѣднихъ остатковъ древне-русской твердыни.

---

[1]) Второе П. С. З., т. XXVI, № 25394.

II.

По свидѣтельству Словцова первый Якутскій острогъ, заложенный Бекетовымъ, стоялъ на правой сторонѣ Лены, ниже настоящаго мѣста на 60 верстъ, на горѣ Чабыдалѣ или Гимадаѣ [1]). Къ этому извѣстію Щукинъ добавляетъ [2]), что переносъ острога былъ сдѣланъ 10 лѣтъ спустя послѣ первоначальнаго построенія, въ урочищу Сай-Саръ, названному такъ по имени озера, и что названіе это значитъ «пріятная весна», названіе, прибавимъ мы отъ себя, довольно поэтичное для сибирскихъ дикарей. На этомъ новомъ мѣстѣ онъ стоитъ и до настоящаго времени.

Мѣсто, занимаемое городомъ, лежитъ на лѣвомъ протокѣ Лены, на равнинѣ, имѣющей около 60-ти верстъ длины, съ востока на западъ, и 10-ти верстъ въ ширину, съ юга на сѣверъ, и издалека охватывается лѣсистыми горами и множествомъ озеръ [3]). Рѣка разливается иногда верстъ на 10 и подъ городомъ запружена множествомъ островов. Это отлично видно на картѣ, приложенной у Сѣрошевскаго (черт. 7) [4]). Мастерскую картину Лены подъ Якутскомъ рисуетъ намъ Гончаровъ [5]).

Черт. 7. Лена подъ Якутскомъ. (По Сѣрошевскому).

«На другой день, при ясной и теплой

[1]) См. книги II, стр. 475. Любопытно, что Щукинъ увеличиваетъ разстояніе переноса до 70-ти верстъ (стр. 178), а Фишеръ опредѣляетъ его въ 15 верстъ; то же, вслѣдъ за нимъ, утверждаютъ Андріевичъ (стр. 66) и Маныкинъ-Невструевъ (стр. 16), а неизвѣстный авторъ статьи „Якутскій Спасскій монастырь“ сокращаетъ это разстояніе до 10-ти верстъ. Конечно, это не имѣетъ значенія, но нельзя было пройти молчаніемъ такого разногласія.

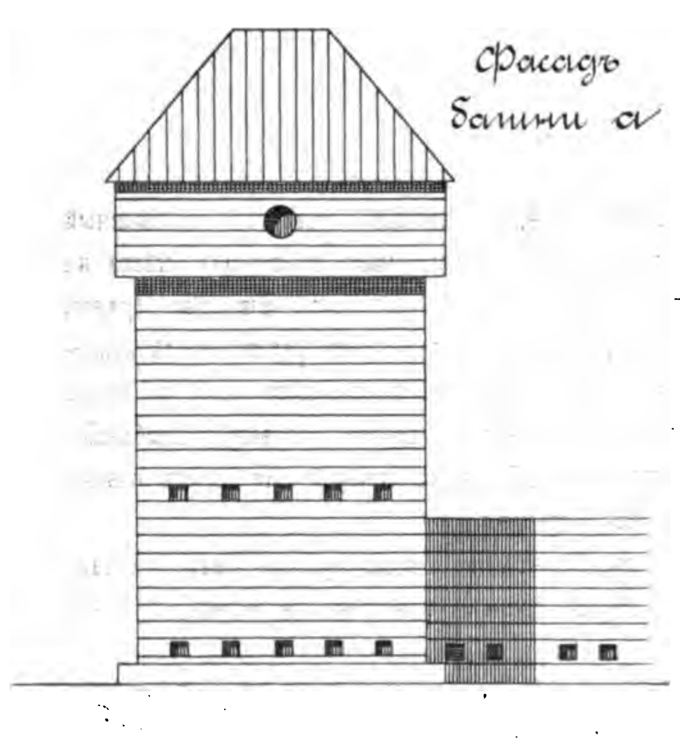
[2]) Стр. 178.

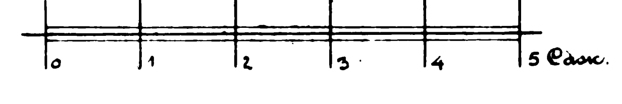
[3]) Словцовъ, книга вторая, стр. 115.

[4]) См. его „Якуты“, томъ I, Спб. 1896 г.

[5]) „Фрегатъ Паллада“, томъ второй, Спб. 1884, стр. 486—487.

погодѣ, я съ пятью якутами переправился черезъ Лену, т. е. черезъ узенькіе протоки, раздѣлявшіе безчисленные острова.... Вдали уже сіяли главы церквей въ Якутскѣ..... У одного острова якуты вышли на берегъ и потянули лодку бичевою вверхъ. Дотянувъ до конца острова, они сѣли опять и переправились уже не помню черезъ который узенькій протокъ и пристали къ берегу, прямо къ деревянной лѣсенкѣ.... Нельзя сказать, чтобы было весело. Трудно выдумать печальнѣе мѣстности. Съ лѣвой стороны Лена—я уже сказалъ какая,— пески, кусты и луга; съ другой, къ Якутску — луга, кусты и пески. Вдали, за всѣмъ этимъ, синѣютъ горы, которыя, кажется, и составляли нѣкогда настоящій берегъ рѣки. Якутскъ построенъ на огромной отмели, что видно по пространнымъ пескамъ, кустамъ и озеркамъ. И теперь во время разлива Лена, говорятъ, доходитъ до города и заливаетъ отчасти окрестныя поля».

Черт. 8. Сѣверная башня Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д. № 607 и № 105, 1877—79 гг.).

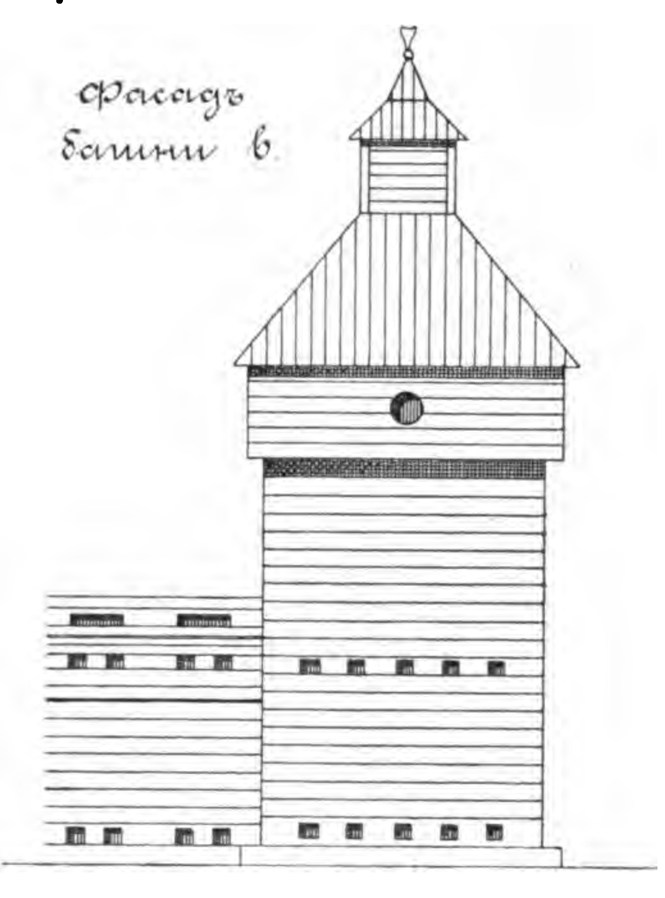
Нѣсколько далѣе Гончаровъ характеризуетъ самый городъ, какъ «кучу почернѣвшихъ отъ времени одноэтажныхъ деревянныхъ домовъ», и добавляетъ, что въ немъ былъ «*единственный* каменный домъ, занимаемый земскимъ судомъ», и «остатки крѣпости, уцѣлѣвшей отъ временъ покоренія области», въ видѣ «старинной, полуразрушенной стѣны и нѣсколькихъ башенъ».

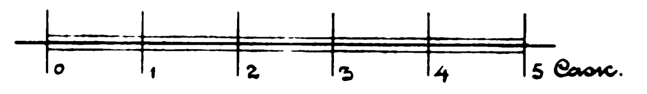
Вотъ въ общихъ чертахъ внѣшній видъ Якутска и его окрестностей пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; того самаго Якутска, который имѣетъ столь важное значеніе въ исторіи Сибири и въ срединѣ котораго доживаютъ свой вѣкъ

драгоцѣнные и едва-ли не единственные въ своемъ родѣ образцы древне-русскаго деревяннаго «городового дѣла».

Перейдемъ теперь къ ихъ изученію.

Первыя оффиціальныя данныя объ этихъ остаткахъ мы имѣемъ отъ 1870 года, въ видѣ чертежа общаго фасада стѣны, препровожденнаго въ Т.-С. Комитетъ М. В. Д. Якутскимъ Областнымъ Управленіемъ по приказанію Министра В. Д. [1]) Мы прилагаемъ здѣсь значительно уменьшенный снимокъ съ этого чертежа (табл. XI, черт. 1) и снимки отдѣльныхъ фасадовъ четырехъ башенъ (черт. 8, 9, 10 и 11) въ величину оригинала. Чертежъ этотъ былъ представленъ при самомъ коротенькомъ «отношеніи», гдѣ говорится только, что «эти зданія находятся въ полуразрушенномъ состояніи,—мѣръ-же къ сохраненію и исправному содержанію съ самаго основанія оныхъ принимаемо не было, а потому и особаго описанія не прилагается» [2]).

Черт. 9. Южная башня Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 и № 105, 1877—79 г.).

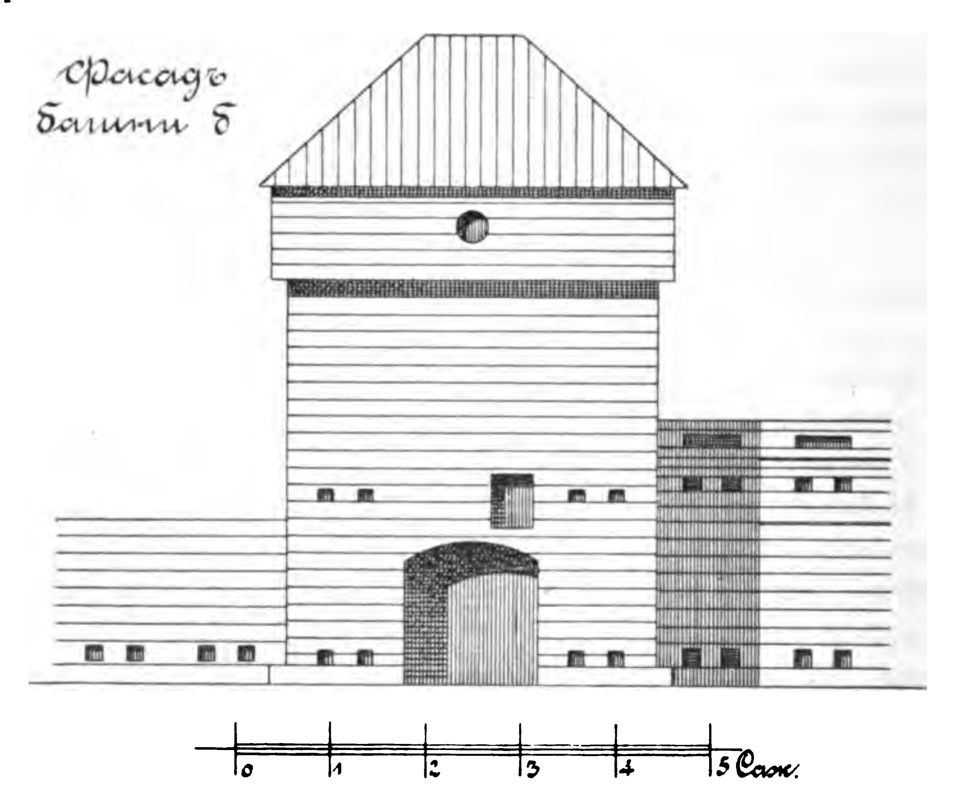
Затѣмъ мы имѣемъ объ остаткахъ Якутскаго острога болѣе позднія оффиціальныя извѣстія.

[1]) Хотя это отношеніе Якутскаго Обл. Управленія было отправлено въ Т.-С. Комитетъ М. В. Д., но оно почему-то находится въ архивномъ дѣлѣ Хозяйственнаго Департамента, № 607 и № 105, о чемъ считаемъ долгомъ замѣтить для свѣдѣнія.

[2]) См. отношеніе Якутскаго Обл. Управленія отъ 31-го декабря 1870-го года, № 3653, въ архивномъ дѣлѣ Хозяйственнаго Д-та Мин. Вн. Дѣлъ, 1877—79 гг., № 607 и № 105.

Они относятся къ 12-му декабря 1887-го года и заключаются въ отвѣтѣ секретаря Якутскаго Областнаго Комитета, г. А. Попова, на циркулярный запросъ Академіи Художествъ о памятникахъ древности въ Имперіи [1]).

Данныя, сообщаемыя имъ, настолько важны, что мы считаемъ нужнымъ привести ихъ здѣсь цѣликомъ.

Черт. 10. Средняя башня Якутскаго острога.
(По даннымъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 и № 105, 1877—79 г.).

«Изъ старыхъ городскихъ укрѣпленій, говоритъ онъ, сохранились въ гор. Якутскѣ четыре деревянныя башни—остатокъ древней крѣпости, построенной въ первой половинѣ XVII столѣтія казаками, завоевателями Восточной Сибири. Крѣпость находится въ самой западной части города и уцѣлѣвшимъ своимъ фасомъ выходитъ въ поле. Башни, равно и срубы, соединяющіе ихъ, построены изъ 6—7 вершковыхъ сосновыхъ бревенъ, первые въ присѣкъ, а послѣдніе въ обло. Высота стѣнъ двухъ крайнихъ башенъ (А и В) равна

[1]) Препровожденъ при отношеніи Якутскаго Обл. Статист. К-та отъ 22-го декабря 1887 года, № 162. См. архивное дѣло Хозяйств. Д-та М. В. Д., № 607 и № 105, 1877—79 г.

11½ аршинъ, средней (Б) и отдѣльно стоящей (Г)—12 арш., высота крышъ 4½ аршина [1]).

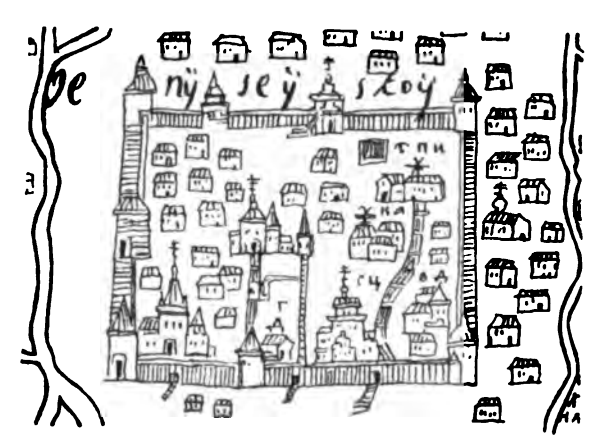
На двухъ крышахъ (В и Г) сохранились наблюдательные или сторожевые посты. Первыя двѣ башни (А и В) занимаютъ площадь въ 3 квадр. сажени каждая, другія двѣ (Б и Г)—по 4 кв. саж. Уцѣлѣвшій фасъ укрѣпленія состоитъ изъ трехъ башенъ, связанныхъ между собою 36 крытыми срубами, по 4½ квадр. аршинъ каждый; вся длина фаса равна 65 саженямъ. *По расположенію башенъ на площади (см. планъ) и по остаткамъ частокола у башни, отдѣльно стоящей (Г), слѣдуетъ предположить, что укрѣпленіе имѣло видъ правильнаго четырехъугольника, длиною въ 82 и шириною въ 65 саженъ.* Въ двухъ среднихъ башняхъ (Б и Г) ворота устроены на пролётъ, съ деревянными двухстворчатыми полотнищами, въ двухъ крайнихъ воротъ вовсе нѣтъ, а сдѣланы только низкіе ходы съ внутренней стороны укрѣпленія, причемъ въ одной изъ башенъ (А) виденъ ходъ и въ поле (вѣроятно для вылазокъ). Срубы соединены между собою подобными же ходами и кромѣ того, изъ каждаго сруба идетъ особый ходъ во дворъ укрѣпленія. Остатки галлереи, устроенной надъ срубами, видны только въ одномъ мѣстѣ (между башнями Б и В). Была ли галлерея крыта, трудно сказать, такъ какъ никакихъ слѣдовъ стропилъ

Черт 11. Отдѣльная, восточная башня Якутскаго острога. (По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д. № 607 и № 105, 1877—79 г.).

[1]) См. табл. IV.

или балокъ не оказывается. У одной башни (Г) сохранились надъ воротами два крытыхъ балкона; слѣды существованія такихъ балконовъ видны и у другой (Б). Раскатовъ на башняхъ, повидимому, не было, ружейныя же бойницы продѣланы въ стѣнахъ башенъ, срубовъ и галлерей, гдѣ въ два, гдѣ въ три яруса, въ башняхъ отъ 4 до 6 бойницъ въ ярусѣ, а въ срубахъ и галлереяхъ отъ 2 до 3-хъ. Внутри стѣнъ кладовыхъ, палатокъ и комнатъ не сохранилось; о погребахъ подъ башнями и о подземныхъ ходахъ ничего неизвѣстно. Укрѣпленіе не подвергалось никакой передѣлкѣ и, вообще, никогда не было возобновляемо.

Черт. 12. Городъ Енисейскъ.
(По Семену Ремезову).

Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ остатками укрѣпленія, приложенъ при семъ планъ и видъ его въ трехъ отдѣльныхъ фотографическихъ снимкахъ».

Планъ, приложенный къ отвѣту г. Попова, помѣщенъ у насъ на табл. IV, а снимки съ фотографій—на табл. V—IX [1]).

Вся прочая оффиціальная переписка сводится, какъ мы увидимъ далѣе, къ пожеланіямъ мѣстнаго начальства снести эти остатки и къ заботамъ Императорской Археологической Коммисіи объ ихъ сохраненіи.

Возвращаясь, затѣмъ, къ описанію г. Попова, мы видимъ, что, по его предположенію, Якутскій острогъ представлялъ собою «прямоугольникъ длиною 82 саж. и шириною 65 саж.», обозначенный на его планѣ (табл. IV).

Предположеніе это является весьма соблазнительнымъ, ибо очень многіе сибирскіе «остроги» и «города» построены по этому образцу, какъ напр., Енисейскъ (черт. 12), Балаганскъ (черт. 13), Илимскъ (черт. 14), Пелымъ (черт. 1) и разные другіе. Но три стѣны показаны на этомъ планѣ *пунктиромъ*, т. е. *предположительно*, и притомъ лишь на основаніи того соображенія, что башня *Г* (отдаленная) была симметрична башнѣ *Б* и что

[1]) Здѣсь невольно рождается вопросъ, откуда мы взяли *шесть* снимковъ, когда г. Поповъ говоритъ о *трехъ*? Объясняется это тѣмъ, что у него четыре снимка башенъ соединены на одной таблицѣ.

стѣна крѣпости представляла собою въ планѣ правильный прямоугольникъ. Слѣдовательно, принять это предположеніе за незыблемое основаніе нельзя. И дѣйствительно, обращаясь къ стариннымъ изображеніямъ Якутска, мы видимъ нѣчто иное.

Древнѣйшимъ изъ нихъ надо считать то, которое находится въ извѣстной «Чертежной Книгѣ Сибири», составленной въ 1701 году Семеномъ Ремезовымъ (черт. 4). Здѣсь мы видимъ во 1-хъ, внизу рисунка овальное мѣсто, обнесенное тыномъ, съ колокольней слѣва и нѣсколькими церквами внутри; во 2-хъ, въ срединѣ рисунка идетъ стѣна съ тремя башнями, изъ коихъ двѣ по концамъ, а одна по середкѣ; и наконецъ, въ 3-хъ, вверху рисунка, какъ-бы параллельно этой стѣнѣ, — вторая такая-же стѣна, но уже съ пятью башнями, изъ которыхъ одна высокая, съ орломъ,—по серединѣ, а остальныя четыре—по двѣ съ каждаго конца, причемъ крайнія показаны рублеными изъ дерева. Сзади этой стѣны идетъ, приблизительно полувосьмиугольникомъ, частоколъ, который охватываетъ собою, судя по характеру построекъ, повидимому, главную часть города.

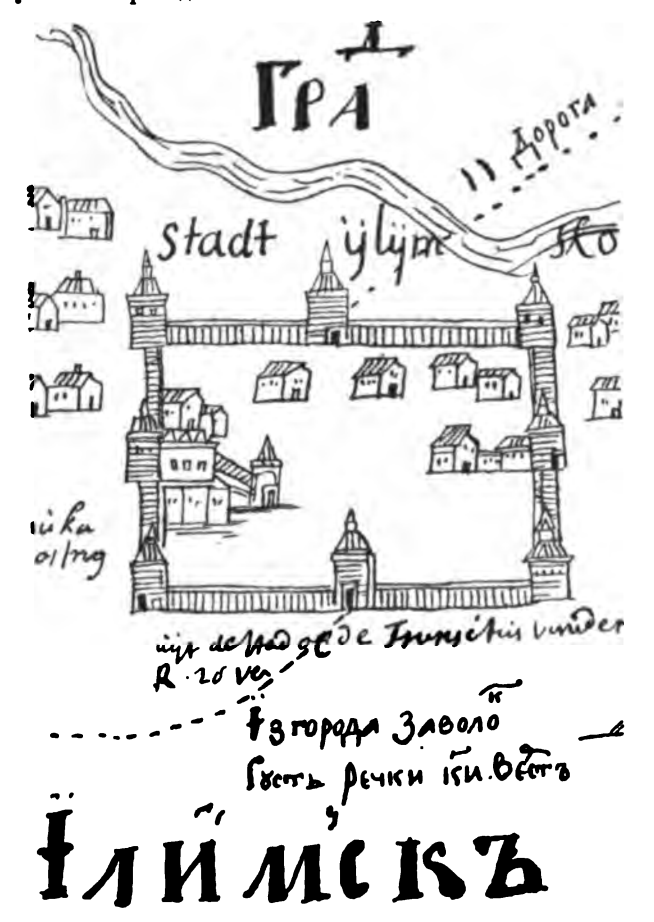
Черт. 13.
Балаганскій острогъ.
(По Семену Ремезову).

Итакъ, мы замѣчаемъ здѣсь три какъ-бы совершенно отдѣльныя части. Для опредѣленія этихъ частей весьма важно было-бы выяснить ихъ оріентировку по странамъ свѣта, принимая во вниманіе, что общепринятое теперь расположеніе картъ, съ сѣверомъ на верху, не соблюдалось въ XVII-мъ вѣкѣ, - а Ремезовъ по образованію былъ, конечно, человѣкомъ XVII-го вѣка.

Съ правой стороны рисунка, по направленію сверху внизъ, показано теченіе р. Вилюя; въ правомъ нижнемъ углу рисунка, по направленію снизу вверхъ, обозначено теченіе р. Алдана; и наконецъ внизу рисунка идетъ нѣсколько вкось, съ протокомъ со стороны города, широкая Лена. Но на самомъ дѣлѣ Алданъ—правый протокъ Лены, а Вилюй—лѣвый; оба они при впаденіи въ Лену имѣютъ одно и то-же направленіе, по широтѣ, т. е. съ востока на западъ и наоборотъ. Лена, между ними, течетъ съ юга-востока на сѣверо-западъ (табл. I). Отсюда ясно, что если мы повернемъ рисунокъ Ремезова такъ, чтобы верхъ пришелся слѣва, а низъ—справа, то рѣки получатъ должное направленіе и чертежъ будетъ оріентированъ правильно (черт. 15).

При этомъ нижняя группа строеній окажется восточной, а верхняя—западной, что для насъ весьма важно, такъ какъ впослѣдствіи это поможетъ намъ разобраться, при дальнѣйшемъ изложеніи, въ частяхъ города, а здѣсь

мы считаемъ долгомъ оговориться, что наше опредѣленіе правильной оріентировки рисунка по теченію рѣкъ обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ приведена лишь очень небольшая часть чертежа Ремезова; но если мы будемъ разсматривать таблицу 19-ю его атласа, гдѣ изображенъ Якутскъ, то сразу замѣтимъ, что устье Лены показано справа, а Пенжинская губа— снизу чертежа, слѣдовательно онъ оріентированъ западомъ наверхъ, сѣверомъ направо, а востокомъ внизъ.

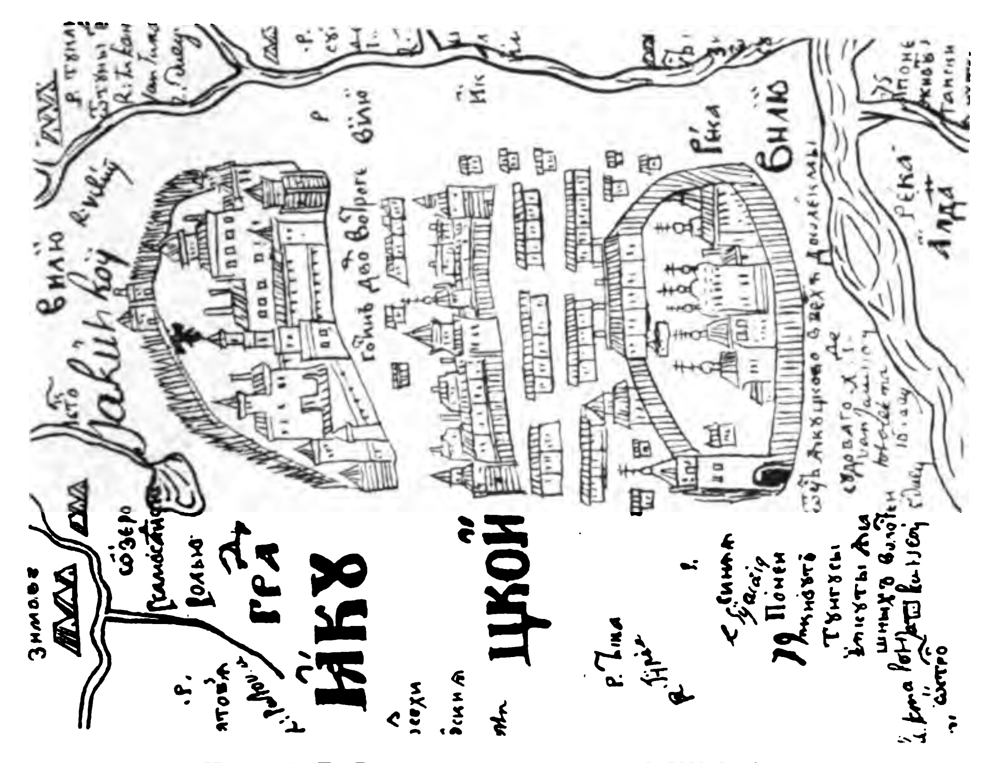
Черт. 14. Городъ Илимскъ.
(По Семену Ремезову).

Другое изображеніе, почти одновременное съ первымъ, мы видимъ въ сочиненіи Витзена о Сѣверной и Восточной Татаріи, хранящемся въ библіотекѣ Императорской Археологической Коммиссіи [1]) (табл. II, рис. 2).

Прежде чѣмъ говорить что-либо о Витзеновомъ изображеніи Якутска, скажемъ вообще нѣсколько словъ о рисункахъ, приложенныхъ къ его сочиненію. Въ рисункахъ этихъ мы должны различать, во 1-хъ, содержа-

[1]) Инв. кат. № 13555. «Noord en Oost Tartarye. Tweede deel: behelzende de Landschappen Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia, Altin, Tingoesia, Siberia, en Samojedia» door Nicolaes Witsen. (Заглавнаго листа нѣтъ). Витзенъ (1641—1717), голландскій ученый и государственный человѣкъ, былъ въ Россіи вмѣстѣ съ голландскимъ посольствомъ въ 1664-мъ году, а затѣмъ находился въ личныхъ отношеніяхъ съ Петромъ Великимъ, который переписывался съ нимъ до отъѣзда за границу и даже гостилъ у него въ домѣ въ Голландіи. Матеріалы для своего огромнаго труда онъ лично собралъ въ Москвѣ, а затѣмъ пополнилъ его дополнительными сообщеніями многихъ лицъ, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ, въ томъ числѣ съ Петромъ Великимъ и съ дьякомъ Сибирскаго Приказа голландцемъ Андреемъ Виніусомъ.

ніе, а во 2-хъ форму. Что касается до перваго, то оно, повидимому, основано на хорошихъ источникахъ, а потому обыкновенно ничего невѣроятнаго не представляетъ; но, что касается до формы, то, съ нашей современной точки зрѣнія, она ниже всякой критики: сходства съ изображаемымъ предметомъ или существомъ почти никакого! Такъ, напр., на рисункѣ стр. 669 у него изображены два якута: одинъ на лыжахъ, а другой въ саняхъ, запряженныхъ однимъ оленемъ; у перваго якута къ поясу привязана мчащаяся

Черт. 15. Г. Якутскъ въ самомъ концѣ XVII вѣка.
(По Семену Ремезову).

собака. Все это по существу совершенно естественно и возможно. Но посмотримъ, какъ это изображено въ смыслѣ формы. Сани, въ которыхъ сидитъ якутъ, — не легонькія оленьи нарты, а тяжелый длинный ящикъ, переходящій спереди въ завитокъ стиля Возрожденія. Олень и собака—не сѣверные сибирскіе олень и лайка, а красивый классическій олень и классическая-же борзая, съ какими обыкновенно изображались Діана на западныхъ гравюрахъ XVII—XVIII вв. Лицо якута на лыжахъ — чистѣйшаго голландскаго типа, а вмѣсто шеста у него въ рукахъ тирсъ съ классическими кедровыми шишками по концамъ!

Затѣмъ на рисункѣ стр. 660 у Витзена представленъ конный бурятъ въ халатѣ и мѣховой шапкѣ, съ лукомъ и стрѣлами, но на такомъ-же точно конѣ, на какомъ сидитъ Константинъ Великій въ притворѣ храма св. Петра въ Римѣ!

Наконецъ на рисункѣ стр. 643 у него изображена «монгольская монахиня» (?) (Mugaelsche Nonne) съ четками въ рукахъ; но если снять съ нея мѣховую шапку и жиденькую мѣховую оторочку ворота и косой полы, то мы получимъ полнѣйшую голландскую женскую фигуру съ гравюры XVII в.

Черт. 16. Городъ Епанчинъ.
(По Семену Ремезову).

На этомъ мы пока остановимся, ибо приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно для выясненія нашей мысли.

Все это мы говоримъ совсѣмъ не съ тою цѣлью, чтобы критиковать Витзена, ибо нелѣпо предъявлять требованія XX-го вѣка къ писателю XVII-го. Нѣтъ, мы просто хотимъ выяснить тотъ способъ, которымъ создавались рисунки его книги.

Имѣя корреспондентовъ даже въ такихъ отдаленныхъ странахъ, какъ Персія и Японія, онъ, очевидно, собиралъ возможно достовѣрныя свѣдѣнія, которыя доставлялись ему или въ видѣ простыхъ описаній или, быть можетъ, въ видѣ описаній съ набросками и чертежами; а затѣмъ какой-нибудь голланд-

скій художникъ, конечно никогда не бывавшій въ описываемыхъ Витзеномъ странахъ, составлялъ иллюстраціи къ его книгѣ на основаніи данныхъ ему описаній или набросковъ. При этомъ онъ, разумѣется, пропускалъ ихъ черезъ свое собственое художественое міросозерцаніе и давалъ такія изображенія, какія онъ привыкъ видѣть у себя дома, въ Голландіи, на миѳологическихъ, историческихъ или бытовыхъ картинахъ. Выясненіе этого процесса для насъ чрезвычайно важно, ибо оно раскрываетъ способъ изображенія видовъ разныхъ сибирскихъ городовъ, находящихся въ сочиненіи Витзена.

Рис. 17. Городъ Епанчинъ.
(По Витзену).

Присматриваясь къ этимъ изображеніямъ, образцомъ которыхъ могутъ служить приводимые нами виды Якутска (табл. II, рис. 2) и Епанчина (рис. 17), мы замѣчаемъ прежде всего, что, несмотря на ихъ кажущуюся реальность, они вполнѣ условны: города у Витзена изображены «съ высоты птичьяго полета», т. е. такъ, какъ ихъ въ натурѣ никогда не увидишь. Чтобы увидѣть ихъ съ такой точки зрѣнія, надо или подняться на воздушномъ шарѣ, или взлѣсть но очень высокую гору. Но такъ какъ ни то, ни другое въ данномъ случаѣ не допустимо, то очевидно, что виды городовъ Витзена сдѣланы не съ натуры, а съ какихъ-то чисто условныхъ набросковъ, которымъ приданы только болѣе реальныя черты.

Присматриваясь затѣмъ къ характеру зданій, мы замѣчаемъ, что эти русскія на первый взглядъ башни, церкви и дома Якутска являются, въ сущности, голландскими. За примѣрами ходить недалеко: укажемъ хотя-бы на «домъ коменданта» (4), городской соборъ (1), домъ направо отъ «башенки съ боемъ и часами» (5) и т. д. Все это не русскія «шатровыя» постройки, а голландскія «шпилевыя». То же самое мы можемъ сказать и о прочихъ изображеніяхъ сибирскихъ городовъ у Витзена.

Эти соображенія невольно наводятъ на мысль, не имѣлъ-ли Витзенъ какихъ-либо русскихъ изображеній сибирскихъ городовъ, которыя и были ему «грамотно» перерисованы въ Голландіи? А если это такъ, то отъ кого онъ могъ ихъ получить?

Здѣсь уже самъ собой приходитъ на память его корреспондентъ Андрей Виніусъ, дьякъ Сибирскаго Приказа, которому Семенъ Ремезовъ, по царскому указу, представилъ составленный имъ «Чертежъ Сибирской земли». А равнымъ образомъ припоминается и то обстоятельство, что у Ремезова каждый городъ изображенъ условнымъ видомъ съ высоты птичьяго полета (черт. 1, 2, 4 и 13), и что на тѣхъ-же чертежахъ Ремезова мы видимъ *голландскій* переводъ *русскихъ* надписей (черт. 1, 4, 12 и др.).

Но если на чертежахъ Ремезова русскія подписи переведены на голландскій языкъ, то спрашивается, для чего-же? Очевидно—для отсылки въ Голландію. А если это такъ, то чертежи Ремезова могли послужить образцами для рисунковъ Витзена[1]). Значитъ, для рѣшенія этого вопроса надо только сравнить одни съ другими. Сдѣланное нами сравненіе дало поразительное подтвержденіе нашей догадки: Витзеновы изображенія Енисейска (стр. 666), Красноярска (ibid.), Березова (стр. 729), Нарыма (ibid.), Кузнецка (стр. 848), Туруханска или Новой Мангазеи (ibid.), Иркутска (стр. 757), Тары (стр. 823) и Епанчина (ibid.) составляютъ точнѣйшее повтореніе чертежей Ремезова. Въ доказательство приводимъ изображеніе города Епанчина у того и у другого (черт. 16 и рис. 17). Простого сравненія обоихъ рисунковъ достаточно, чтобы убѣдиться въ вѣрности нашего заключенія.

Но изображенія Верхотурья и Якутска у Витзена совсѣмъ не похожи на чертежи ихъ у Ремезова. Мы уже разбирали изображеніе Якутска въ Чертежной Книгѣ Сибири (черт. 4). Если обратимся теперь къ изображенію Витзена, то увидимъ совсѣмъ другое (табл. II, рис. 2): на правой сторонѣ рисунка стѣна

---

[1]) Въ своемъ «Введеніи» Витзенъ говоритъ, что для картъ ему служили пособіемъ «сибирскіе» лубки съ описаніемъ земель. (См. у Кордта, втор. серія, стр. 25).

идетъ по тремъ сторонамъ прямоугольника, причемъ она имѣетъ девять башенъ, а затѣмъ къ этому прямоугольнику примыкаетъ круглая стѣна, которая охватываетъ остальную часть города и имѣетъ двѣнадцать башенъ. Это изображеніе не только противорѣчитъ первому, но идетъ гораздо дальше его, ибо даетъ такія подробности, о которыхъ въ первомъ и думать нечего, какъ напр. всѣ главнѣйшія постройки внутри, каковы соборъ, монастырь, домъ коменданта, тюрьма, цейхгаузъ (1, 2, 4, 6 и 9) и т. д.

Но которое-же изъ этихъ изображеній правильнѣе и кому изъ нихъ вѣрить? Витзену или Ремезову?

Для рѣшенія этого вопроса мы пока привели слишкомъ мало данныхъ. Къ Витзенову изображенію мы еще вернемся и тогда выяснимъ этотъ вопросъ, а теперь обратимся сперва къ третьему старинному изображенію Якутска на гравюрѣ XVIII вѣка, оттиснутому со старой доски изъ собранія Императорской Академіи Художествъ [1]) (табл. III, рис. 1 и 2).

Изображеніе это въ подлинникѣ слишкомъ велико ($42^1/_2$ сант. длины), почему и не могло умѣститься на предѣлахъ нашей таблицы, или-же вышло-бы слишкомъ мелко, а потому его пришлось раздѣлить на двѣ части и правую сторону помѣстить отдѣльно (табл. III, рис. 2). Но одного взгляда на эти рисунки достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что лѣвый край рисунка второго есть продолженіе праваго края рисунка перваго, и представить себѣ общую картину.

Здѣсь мы видимъ прежде всего реальное изображеніе города съ соблюденіемъ естественной перспективы: это несомнѣнно—видъ, рисованный умѣлымъ художникомъ съ натуры, причемъ русскій характеръ зданій соблюденъ вполнѣ, не исключая, напр., такихъ подробностей какъ «кресчатая бочка», которую мы замѣчаемъ въ лѣвой части рисунка 1-го подъ четвертой луковичной главой, считая слѣва вправо.

Затѣмъ мы замѣчаемъ въ этомъ изображеніи много аналогіи съ чертежомъ Ремезова (черт. 15), въ особенности если этотъ послѣдній оріентировать

---

[1]) Помимо разнаго рода гравюръ, собраніе это заключаетъ въ себѣ виды слѣдующихъ сибирскихъ городовъ: Верхотурья, Тары, Томска, Удинскаго острога, Туринска, Мангазеи, Кузнецка, Селенгинска, Нерчинска и Кяхтинской слободы (всѣ эти виды имѣютъ 32 сант. длины и 18 высоты); Тюмени, Илимска, Енисейска, Красноярска, Якутска и Пелыма (всѣ эти гравюры имѣетъ $44^1/_2$ сант. длины и 14 см. высоты). Коллекція эта является драгоцѣннѣйшимъ собраніемъ, ибо съ одной стороны представляетъ собою достовѣрныя изображенія разныхъ сибирскихъ городовъ XVIII вѣка, а съ другой увѣковѣчиваетъ тѣ изъ нихъ, которые нѣкогда играли важную роль въ дѣлѣ покоренія Сибири, а теперь сошли на нѣтъ и уже почти забыты русскими людьми, какъ напр. Мангазея.

какъ слѣдуетъ, т. е., въ данномъ случаѣ, положить на бокъ. Во 1-хъ, въ восточной окраинѣ города мы видимъ группу зданій и церквей, обнесенныхъ отдѣльною оградою (табл. III, рис. 2); во 2-хъ, въ значительномъ отдаленіи отъ нея изображены первыя три башни, стоящія въ рядъ (ib. рис. 1, между мачтами правыхъ и среднихъ барокъ); и въ 3-хъ, еще нѣсколько дальше на западъ и въ западномъ концѣ города мы замѣчаемъ большую группу зданій съ шатровыми покрытіями (рис. 1, слѣва), которая отвѣчаетъ верхней или западной группѣ построекъ на изображеніи Ремезова. Всматриваясь внимательнѣе въ эту группу, мы замѣчаемъ, что одни шатровыя покрытія ея принадлежатъ церквамъ, а другія—башнямъ, причемъ первыя ясно отличаются отъ вторыхъ крестами, что даетъ намъ возможность опредѣлить число башенъ въ этой группѣ. Первую башню мы видимъ слѣва между мачтами двухъ лѣвыхъ барокъ (рис. 1); отъ нея идетъ вправо на горизонтѣ тынъ или частоколъ, который закрывается группою зданій съ четырьмя шатрами, изъ коихъ самый низкій не имѣетъ креста: это *вторая* башня. Рядомъ съ нею стоитъ колокольня, а подлѣ нея низкій шатрикъ, который принадлежитъ *третьей* башнѣ. Наконецъ еще правѣе, за мачтами двухъ среднихъ барокъ, изображены цѣлыхъ *пять* шатровъ. Итого въ этой группѣ всего *восемь* башенъ.

Точно также *восемь* башенъ мы видимъ въ верхней оградѣ у Ремезова (рис. 4): *одна* башня посрединѣ съ орломъ: отъ нея направо на углу—*двѣ* башни; отъ нея налѣво на углу—*три* башни; наконецъ посрединѣ частокола, немного правѣе орла главной башни,—еще *двѣ* башни. Итого тоже *восемь* башенъ!

Все это показываетъ, что чертежъ Ремезова вѣренъ, а рисунокъ Витзена невѣренъ, но не рѣшаетъ еще вопроса о размѣрахъ и дѣйствительномъ расположеніи Якутской крѣпости, ибо нельзя-же въ самомъ дѣлѣ представить себѣ крѣпость, часть оборонительныхъ сооруженій которой представляли-бы собою отдѣльно стоящія три башни, соединенныя прямою стѣною (черт. 4 и 15), потому что всякое укрѣпленіе должно представлять собою убѣжище, *замкнутое и защищенное со всѣхъ сторонъ*.

Итакъ древнія изображенія Якутскаго острога и чертежи его остатковъ не разрѣшаютъ поставленнаго нами вопроса. Такъ какъ мы не находимъ на него графическаго отвѣта, попытаемся поискать его въ письменныхъ свидѣтельствахъ и посмотримъ, что говорятъ о немъ историческія данныя.

Военный инженеръ Ѳ. Ласковскій одинъ изъ лучшихъ знатковъ древнерусскаго крѣпостного дѣла, сообщаетъ, впрочемъ безъ указанія источника, что

«при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ оборонительная ограда Якутска состояла изъ *острога* съ башнями, окружавшаго посадъ, и *внутренней* ограды изъ деревянной рубленой стѣны съ 6-ю башнями» [1]).

Затѣмъ Словцовъ утверждаетъ, что «Якутскъ, еще въ то время, какъ стоялъ на степени города разряднаго или областного, обстроился *деревяннымъ четыреугольникомъ*, коего сторона продолжалась на 320 саж., съ 16 башнями, въ срединѣ же его включался *замокъ*, также деревянный, съ 6 башнями, и занималъ площадь въ 540 саж., съ каменнымъ помѣщеніемъ для воеводъ. Въ такомъ видѣ Якутскъ существовалъ и въ IV періодъ». (1742—1765 г.) [2]).

Видѣвшій въ 30-хъ годахъ остатки Якутскаго острога Щукинъ говоритъ слѣдующее объ его расположеніи: «*Она* (т. е. крѣпость), была *квадратная*, каждый бокъ ея имѣлъ 63½ сажени. По угламъ были башни въ нѣсколько этажей, а въ срединѣ ворота.... Вся крѣпость, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, обнесена была высокимъ *частоколомъ* или палисадомъ съ воротами и башнями» [3]).

Наконецъ, въ наше время г. Латкинъ утверждаетъ, но тоже безъ указанія источника, что «въ 1678-мъ году воевода Бибиковъ обнесъ крѣпость новымъ частоколомъ, углубилъ ровъ, а пять башенъ на крѣпостныхъ стѣнахъ огородилъ палисадомъ» (?) [4]).

Позднѣйшее описаніе г. Попова (1887 г.) мы уже приводили (стр. 35).

Таковы свидѣтельства нашей исторической литературы, которыя не только разногласятъ между собою, но даже прямо противорѣчатъ другъ другу въ подробностяхъ, какъ напр. въ размѣрахъ; но за то нельзя отрицать у всѣхъ ихъ нѣкоторую одинаковость представленія объ общемъ расположеніи Якутскаго острога, что у Словцова и Щукина объясняется тѣмъ, что оба они «очевидцы» [5]). Тѣмъ не менѣе всѣ эти показанія, взятыя вмѣстѣ, не только не выясняютъ вопроса, а скорѣе затемняютъ его.

Положеніе казалось бы безнадежнымъ, если бы выходу изъ него не помогли

---

[1]) См. его „Матеріалы для исторіи инж. искусства въ Россіи", часть I, Спб. 1858 г., стр. 30.

[2]) См. его „Истор. Обозр. Сибири", книга вторая, стр. 115. Спб. 1844.

[3]) См. его „Поѣздка въ Якутскъ", Спб. 1844, стр. 197—199.

[4]) См. его статью «Якутскъ» въ 82-мъ полутомѣ Энциклопед. Словаря Ефрона и Брокгауза.

[5]) „Въ 1815 г., говоритъ Словцовъ, еще разъ я видѣлъ башни и стѣны Якутскаго замка, и палаты воеводскія, превращенныя въ казначейство. Эти развалины описаны г. Щукинымъ въ поѣздкѣ въ Якутскъ 1833 г."

нѣкоторыя другія литературныя данныя и, главнымъ образомъ, одинъ старинный планъ изъ архива Техническо-Строительнаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а затѣмъ «Вѣдомости» и «Росписные списки» г. Якутска 1701 и 1759 гг.

Въ Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1873 г. напечатана статья неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ «Якутскій Спасскій монастырь» [1]). Въ ней есть слѣдующее крайне любопытное для насъ мѣсто: «Въ 1632-мъ году поставленъ былъ въ Якутахъ сотникомъ Петромъ Бекетовымъ *острогъ*, на мѣстѣ тѣсномъ и низменномъ, такъ что его каждую весну затопляло разливомъ воды при проходѣ рѣки, а потому въ 1643-мъ году, при воеводѣ Пе́трѣ Головинѣ, выше этого острога верстахъ въ 10-ти на Чеповомъ лугу построенъ *другой острогъ* съ 5-ю башнями, въ окружности 333 саж.; при немъ находились казенные амбары, воеводской домъ и двѣ церкви: во имя живоначальной Троицы и преподобнаго Михаила Малеина, но участь и этого острога была *не лучше перваго*. Въ 1683-мъ году, при воеводѣ Иванѣ Приклонномъ, по грамотѣ блаженныя памяти Государя Ѳедора Алексѣевича, по челобитію городскихъ жителей построенъ на томъ-же лугу по р. Ленѣ выше стараго острога 580 саж. *новый городъ* о четырехъ стѣнахъ съ башнями, часть которыхъ видна у насъ и въ настоящее время. Тутъ построены были воеводскій дворъ, таможня, казенные амбары, гостиный дворъ и соборная церковь».

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя объ Якутскомъ острогѣ неизвѣстнымъ сотрудникомъ Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, которыя, какъ мы увидимъ далѣе, много содѣйствуютъ разъясненію нашего вопроса.

Что-же касается до стараго плана г. Якутска, хранящагося въ архивѣ Т.-С. Комитета М. В. Д. [2]), то онъ представляетъ весьма любопытныя данныя: съ одной стороны на немъ показаны карминомъ, въ линіяхъ, правильные кварталы Высочайше утвержденнаго плана города, а съ другой стороны нанесена съ натуры вся существующая крайне безпорядочная его деревянная застройка, какъ она сложилась историческимъ путемъ (черт. 18).

Ни числа, ни года, ни подписи его составителя на немъ нѣтъ, но мы всетаки-же можемъ съ увѣренностью сказать, что онъ составленъ въ началѣ XIX-го столѣтія, во 1-хъ, по виду бумаги, во 2-хъ, по характеру почерка надписей, и въ 3-хъ, по обозначенію вверху: «Планъ *уѣзднаго* города Якутска».

---

[1]) См. Прибавленіе къ Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ 1873 г., № 36, отъ 8 сентября, стр. 585—587. Статья эта провѣрена, въ смыслѣ документальности, въ епархіи въ Иркутскѣ, а потому заслуживаетъ полнаго довѣрія.

[2]) № 264.

Оставляя въ сторонѣ первые два признака, какъ болѣе или менѣе спорные, обратимся къ третьему, который въ данномъ случаѣ является документальнымъ: Якутскъ былъ «уѣзднымъ» городомъ лишь съ 1805-го по 1822-й годъ, слѣдовательно нашъ планъ могъ быть составленъ только въ этотъ семнадцатилѣтній промежутокъ времени, т. е. онъ относится къ первой четверти XIX-го вѣка.

Мы прилагаемъ здѣсь копію съ него въ уменьшенномъ масштабѣ (черт. 18) и выкопировку одной части (черт. 19) въ величину подлинника. Первая представляетъ собою полностью планъ Якутска, какимъ онъ былъ въ началѣ XIX вѣка, но безъ Высочайше утвержденнаго проекта урегулированія города, которое тогда было только что предположено къ осуществленію. Что-же касается до второй, то она является изображеніемъ плана самаго острога въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до начала XIX столѣтія.

Обращаясь затѣмъ къ стариннымъ «описямъ» XVIII-го вѣка, мы читаемъ въ «Вѣдомости Сибирскимъ городамъ» 1701 года [1]) слѣдующее описаніе Якутскаго острога:

«Якуцкой городъ»

«По росписному списку 206 г. *новой рубленой* мѣрою въ длину и поперегъ съ поля по 60 саж. стѣна, а внутри въ городѣ по 57 саж. стѣна, крытъ въ одинъ тесъ; да въ томъ же городѣ на правомъ углу въ стѣнѣ церковь новая о дву службахъ, вверху и внизу олтари выпущены за городъ; а у города въ стѣнахъ 7 башенъ, въ томъ числѣ 2 башни проѣзжіе.

Около города *острогъ стоячій;* а по мѣрѣ того острогу отъ передней городовой стѣны къ востоку къ Лѣнѣ рѣкѣ и къ старому посаду до острожной стѣны 60 саж.; а отъ городовыхъ стѣнъ до острогу по 40 саж.; да въ томъ же острогѣ на углахъ и въ стѣнахъ 8 башень, въ томъ числѣ 2 башни проѣзжіе; да въ острогѣ жъ тайникъ водяной копаной не додѣланъ покрытъ землею» [2]).

Таковъ былъ видъ Якутскаго острога въ 206 (1698) году. Но жизнь брала свое и онъ, конечно, не могъ оставаться всегда въ такомъ состояніи. Дѣйствительно, спустя шестьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ острогъ представляется уже въ значительно измѣненномъ видѣ:

---

[1]) По Сибирскому Приказу кн. № 1354, лл. 362—372 (Моск. Архивъ М-ва Юстиціи).

[2]) См. „Кунгуръ, Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтія". Москва 1886 г., стр. 110.

Черт. 18. „Планъ уѣзднаго города Якутска".

(По архивному плану Т.-С. Комитета М. В. Д., № 264).

„Описаніе примѣчательныхъ мѣстъ и строеній" [1]).

Церкви.

2. Спаской мужской монастырь каменной (Б).
4. Рожеству богоматери каменная.
5. Преображенія господня деревянная.
6. Иоанна предтечи деревянная.
7. Одигитрія богоматери деревянная.
8. Старая и вѣтхая о 8 башняхъ крѣпость, деревянная (А).
11. Областное правленіе помѣщено въ партикулярномъ домѣ.
12. Уѣздной судъ помѣщенъ въ партикулярномъ домѣ.
13. Земской судъ.
14. Градская полиція.
15. Правианское коммисіонерство.
16. Городовой магистратъ и градская дума.
17. Почтовая кантора.
18. Уѣздное училище.
19. Провіанскія магазейны.
21. Винныя магазейны.
26. Городовой гошпиталь.
27. Военной лазаретъ.
29. Казачей полковой домъ.
30. Торговой рынокъ.
32. Кузницы.
33. Судовая пристань.
32. Кирпичныя сараи [2]).

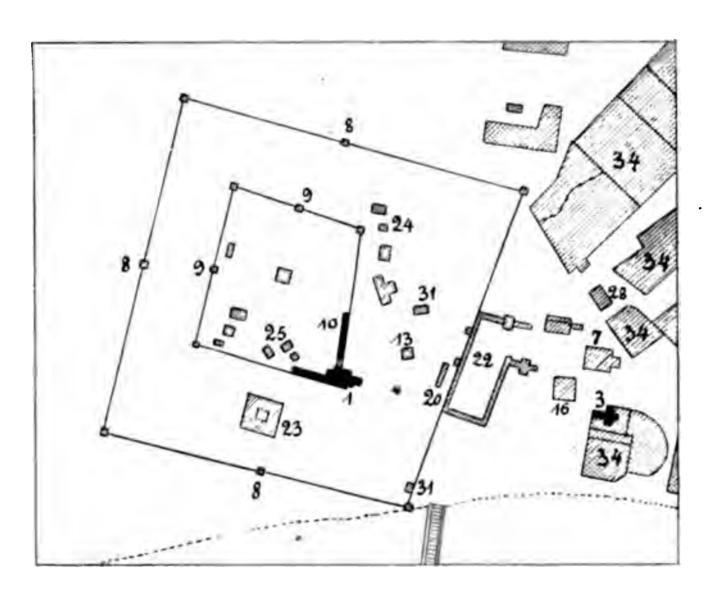
---

[1]) Приводимъ съ соблюденіемъ правописанія.

[2]) Пропущенные нумера описанія помѣщены подъ чертежемъ 19-мъ (стр. 49).

Вотъ какъ описываетъ его «Росписной списокъ» 1759-го года [1]):

«Росписной списокъ бытности въ Якуцкѣ воеводы коллеж. ассесора Лесли по смѣнѣ его въ отдачу колл. асс. и воеводѣ г-ну Павлуцкому города, городовымъ ключамъ, канцеляріи и въ ней дѣламъ и протчаго казеннаго интереса по нижеписаннымъ званіямъ 1759 г.

Черт. 19. „Планъ уѣзднаго города Якутска".

(По архивному плану Т.-С. Комитета М. В. Д., № 264).

„Описаніе примѣчательныхъ мѣстъ и строеній" [2]).

1. Соборная каменная церковь воимя пресвятыя троицы.
3. Воимя святителя николая чудотворца каменная.
7. Одигитрія богоматери деревянная.
8. Старая ветхая о 8 башняхъ крѣпость. деревянная.
9. Замкъ внутри крѣпости о 6-ти башняхъ.
10. Уѣздное казначейство каменное.
13. Земской судъ.
16. Городовой магистратъ и градская дума.
20. Соляныя магазеины.
22. Гостиной дворъ.
23. Пороховой погребъ.
24. Тюремный острогъ съ гобвахтою.
25. Цейхгаузы.
28. Ротной домъ.
31. Питейные домы.
34. Обывательское строеніе.

Городъ деревянной рубленой ветхой, въ томъ числѣ заборъ рубленой въ лапу, въ немъ 5 башень, да 2 стѣны каменныя между канцеляріею и церковію каменною въ вышину по 2 саж. и по 2 арш., въ тѣхъ каменныхъ стѣнахъ 2 прикалитки; кругомъ того города мѣрою 211 саж., да 5 башень, изъ вышеписанныхъ башень на проѣзжей задней башнѣ образъ

[1]) Ibidem, стр. 128 и 131.

[2]) Приводимъ съ соблюденіемъ правописанія.

мѣстной на цкѣ Господа Вседержителя, а во оной проѣзжей башнѣ и у воротъ 2 засова желѣзныхъ большихъ съ ключами , ...

. . . .

Кругомъ того города *острогъ деревянной* ветхой, а въ томъ острогѣ въ стѣнахъ и на углахъ 8 башенъ, въ томъ числѣ 2 проѣзжихъ, крыты тесомъ, кругомъ того острогу и съ башнями 558 саж».

Таковы данныя, представляемыя намъ не литературными повѣствователями и историками, а документами въ видѣ снятыхъ съ натуры подлинныхъ плановъ и оффиціальныхъ описей, сдѣланныхъ во время почти полной еще сохранности острога.

Попытаемся теперь съ ихъ помощью разобраться въ указанной уже нами путаницѣ противорѣчивыхъ показаній и выяснить окончательно прежнее устройство Якутской крѣпости.

Начнемъ со статьи о «Спасскомъ Якутскомъ монастырѣ». Указанія ея весьма существенны: изъ нея мы узнаемъ, что перенесенный въ 1642 (?) году на новое мѣсто Якутскій острогъ простоялъ лишь до 1683 года, послѣ чего, по просьбѣ гражданъ, былъ замѣненъ новымъ, о чемъ намъ не сообщаетъ ни одинъ изъ другихъ авторовъ и что, въ сущности, совершенно разъясняетъ дѣло.

На этомъ основаніи мы заключаемъ, что Якутскихъ остроговъ было собственно три:

Первый, основанный въ 1632 году сотникомъ Бекетовымъ на *правомъ* берегу Лены, на горѣ Чебыдалѣ.

Второй, перенесенный въ 1642 (?) году на урочище Сай-Саръ, на нынѣшнее мѣсто города на *лѣвомъ* берегу Лены.

И, наконецъ, *третій*, построенный въ 1683 году воеводою Иваномъ Приклоннымъ на Чеповомъ лугу, на 580 саженъ выше второго по теченію Лены.

Затѣмъ, на основаніи этихъ-же данныхъ, мы можемъ сдѣлать весьма важный для насъ и притомъ вполнѣ достовѣрный выводъ, что всѣ остатки Якутскихъ укрѣпленій, которые до насъ дошли, а равно и всѣ имѣющіяся у насъ изображенія и письменныя свидѣтельства относятся къ этому *третьему* острогу, потому что всѣ они—XVIII-го столѣтія и слѣдовательно *позже* 1683-го года, т. е. времени его сооруженія.

Обратимся теперь къ архивному плану Т.-С. Комитета (черт. 18).

На немъ мы видимъ прежде всего широкій протокъ Лены отъ 100 до

200 саж. шириною, названный здѣсь Леною [1]) и текущій съ юго-запада на сѣверо-востокъ. На высотѣ двухъ третей его части, показанной на планѣ, въ него впадаетъ слѣва другой узкій протокъ саж. 20 шириною, который отдѣленъ отъ перваго тремя песчаными отмелями.

По лѣвому берегу узкаго протока и по лѣвому-же берегу широкаго протока или Лены, ниже ихъ сліянія, расположенъ самый городъ, который имѣетъ около 2½ верстъ длины и одной версты ширины. Въ немъ мы видимъ два главныхъ древнѣйшихъ пункта: въ восточномъ концѣ прямо противъ сліянія протоковъ, саженяхъ въ 150-ти отъ берега, мужской Спасскій монастырь (Б), основанный въ 1664-мъ году; и въ западномъ концѣ, въ 300-хъ саженяхъ отъ берега и въ полутора верстахъ отъ монастыря, выше по теченію, остатки стараго острога (А), которые и составляютъ предметъ нашего изслѣдованія. Такъ какъ изображеніе его на этомъ планѣ представляетъ новыя и притомъ, повидимому, достовѣрныя данныя [2]), то мы и приводимъ здѣсь это изображеніе въ самой точной выкопировкѣ (черт. 19).

Что-же мы видимъ на этомъ планѣ? Во-первыхъ, внутреннюю ограду трапецоидальной формы, близкой къ квадрату, съ пятью башнями, изъ коихъ три угловыхъ и двѣ среднихъ (9). Четвертая угловая была, по всей вѣроятности, сломана для постройки каменной соборной церкви во имя св. Троицы (1). Эта внутренняя ограда обнесена такой-же наружной, почти параллельной ей и тоже въ видѣ неправильнаго прямоугольника съ восемью башнями, изъ которыхъ также четыре угловыхъ и четыре среднихъ (8, 8, 8 и 22).

Вотъ данныя, которыя помогутъ намъ разобраться въ хаосѣ противорѣчивыхъ показаній.

Указаніе Ѳ. Ласковскаго относится къ острогу временъ царя Алексѣя Михаиловича. Но мы знаемъ, что при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ былъ выстроенъ въ 1683 году новый острогъ, остатки котораго продержались до настоящаго времени. Слѣдовательно показанія Ласковскаго, какъ относящіяся къ другому, болѣе древнему острогу, отпадаютъ сами собой.

[1]) Названіе на планѣ этого „протока“ *Леною* не вполнѣ понятно, ибо *теперь* Якутскъ стоитъ на протокѣ Лены—*Хатыстахъ* и притомъ довольно далеко отъ главнаго русла.

[2]) Достовѣрность ихъ подтверждается слѣдующимъ документомъ: въ Т.-С. К-тѣ имѣется другой совершенно такой-же планъ, только гораздо болѣе пострадавшій отъ времени, гдѣ Якутская крѣпость изображена совершенно такъ же. На немъ есть двѣ слѣдующихъ надписи: первая, внизу направо,—„Съ подлиннаго копировалъ геодезіи ученикъ Андрей . . .“ (дальше оторвано); и вторая посрединѣ чертежа, надъ рамкою: „*Свѣрилъ* Архитекторъ 8-го класса Антонъ Лосевъ“.

Равнымъ образомъ отпадаютъ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Латкинымъ, ибо они относятся къ 1678 г., т. е. ко второму острогу, а не къ третьему, съ которымъ мы имѣемъ дѣло; кромѣ того, они касаются поправки (замѣна частокола) и особаго укрѣпленія отдѣльныхъ мѣстъ (палисадъ около пяти башенъ), а значитъ никакихъ общихъ указаній не даютъ.

Затѣмъ остаются свидѣтельства Словцова и Щукина. Что касается до перваго, то на этотъ разъ онъ, какъ будто, измѣняетъ себѣ: свое «Историческое обозрѣніе» онъ постоянно основываетъ на документальныхъ данныхъ, а здѣсь, повидимому, руководствуется какими-то невѣрными словесными сообще-

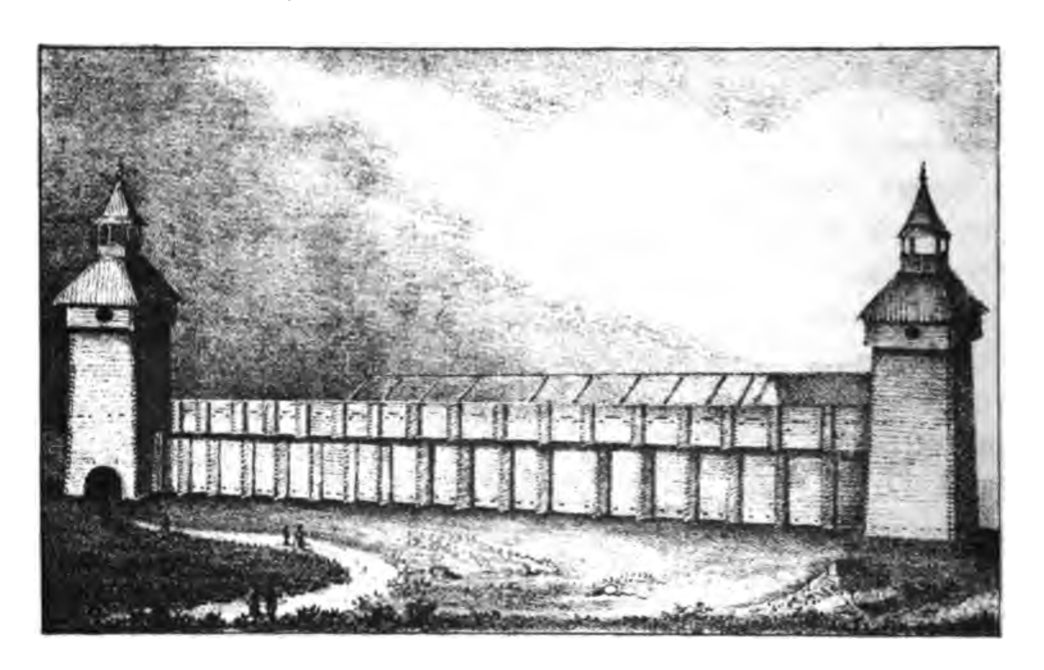

Рис. 20. Внѣшній фасадъ Якутской стѣны.
(По Щукину).

ніями и потому въ подробностяхъ значительно противорѣчитъ истинѣ. По его словамъ, Якутскій острогъ состоялъ изъ внѣшняго «четыреугольника», который имѣлъ 320 саж. въ сторонѣ и на стѣнахъ котораго возвышалось 16 башенъ; внутри этого прямоугольника было другое меньшее укрѣпленіе, «замокъ», какъ онъ его называетъ, съ 6-ю башнями, занимавшее площадь въ 640 саж. Такимъ образомъ «общее» расположеніе, имъ указываемое, не противорѣчитъ ни чертежу 19-му, ни «Вѣдомости 1701-го года», но когда обратимся къ подробностямъ,—увидимъ рядъ неточностей.

Если площадь внутренняго «замка» была 640 кв. саж., то сторона ея

должна приблизительно равняться $25^1/_2$ саж. [1]). Но длина существующей стѣны внутренняго «города» равна 64 саж., а по вѣдомости 1701 года — 60 саж. Взявши среднюю величину, т. е. 62 саж., получимъ приблизительно для него 62 . 62 = 3.844 квадр. саж., т. е. величину *въ шесть разъ* бо̀льшую площади, указываемой Словцовымъ. Точно такъ-же спутано и число башенъ: по его словамъ выходитъ, что башенъ было всего 22, изъ коихъ 16 во внѣшней оградѣ и 6 во внутренней. Между тѣмъ на основаніи провѣреннаго плана Якутска мы знаемъ, что башенъ было *всего* 16, изъ которыхъ 8 было во внутренней оградѣ и 8 во внѣшней (черт. 19). Такимъ

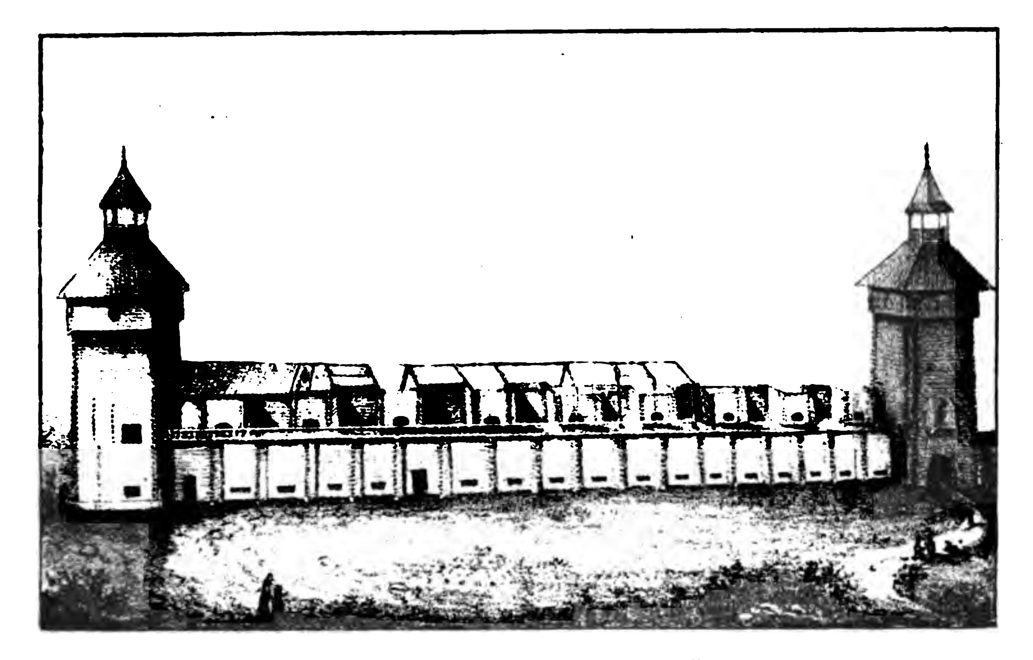

Рис. 21. Внутренній фасадъ Якутской стѣны.
(По Щукину).

образомъ 6 башенъ, о которыхъ *отдѣльно* говоритъ Словцовъ, входили въ число 16-ти, приписываемыхъ имъ только одной внѣшней оградѣ. Значитъ показанія его, какъ основанныя на невѣрныхъ данныхъ, также не слѣдуетъ принимать во вниманіе.

Остается свидѣтельство Щукина, который посвящаетъ Якутскому острогу два рисунка (рис. 20 и 21) и почти все XLI-ое письмо изъ своей «Поѣздки въ Якутскъ».

Подобно Словцову, онъ имѣетъ правильное представленіе объ общей формѣ острога, но сбивается въ подробностяхъ, что мы выяснимъ ниже.

[1]) Оставляя въ сторонѣ извлеченіе квадратнаго корня, мы заключаемъ это изъ того, что 25×25=625, а 26×26=676.

Описаніе Щукина, несмотря на всю его наивность и неумѣлость, полно такихъ любопытныхъ подробностей, что мы считаемъ нужнымъ привести его здѣсь цѣликомъ, поскольку оно относится непосредственно къ нашему вопросу.

«Якутскій городъ, говоритъ онъ, заложенъ въ 1632 году, на урочищѣ Гимадай, но спустя 40 лѣтъ перенесенъ на нынѣшнее мѣсто. Старая ли крѣпость разобрана и перенесена сюда, или построена новая, о томъ никто въ Якутскѣ не знаетъ; многія, однакожъ, задымившіяся и обозженныя бревна заставляютъ думать, что нынѣшняя крѣпость построена изъ стараго лѣса; а знаки, поставленные на каждомъ бревнѣ, какъ дѣлается при переноскѣ деревянныхъ строеній, еще болѣе убѣждаютъ къ этомъ мнѣніи [1]).

Крѣпость стоитъ на ровномъ мѣстѣ, въ верстѣ разстояніи отъ Лены. Она, какъ видно по остаткамъ, была квадратная, каждый бокъ ея имѣлъ 63½ сажени. По угламъ были башни въ нѣсколько этажей, а въ рединѣ ворота (рис. 20). Крѣпостныя стѣны построены срубами, длина каждому 1½ сажени, ширина 4 аршина 2½ четверти, а вышина 2½ сажени. Въ каждомъ срубѣ, съ внѣшней стороны, прорѣзаны два небольшія отверстія для стрѣлянія изъ ружей: слѣдовательно въ каждомъ изъ нихъ помѣщалось по два казака, которые *стрѣляли*, вѣроятно, *лежа или стоя на колѣняхъ*, судя по недальному разстоянію отверстій отъ земли. Срубы примыкаютъ одинъ къ другому и составляютъ нижнюю и главную стѣну, на которой сдѣлана другая стѣна, въ одно бревно толщиною, также съ отверстіями для стрѣлянія. Эта стѣна, вышиною въ сажень, подпирается со внутренней стороны небольшими бревенчатыми будками съ двумя амбразурами для наружныхъ выстрѣловъ (рис. 20). Будки эти простираются не во всю стѣну всплошь, но чрезъ срубъ, т. е. будка, потомъ простая стѣна, потомъ опять будка, и такъ далѣе. Длина каждой будки 5 аршинъ, вышина 1 саженъ и 2 четверти, ширина 2 аршина. Верхняя стѣнка виситъ надъ основаніемъ крѣпости на четверть аршина, для того чтобъ непріятеля, подошедшаго къ стѣнѣ, можно было обливать горячею водою, или бросать на него каменья. Наконецъ вся стѣна покрыта кровлею на два ската и со внутренней стороны имѣетъ галлерею. Высота стѣны вообще 3 саж. 2 четверти, толщина 4 аршина 2½ четверти. Какъ ворота, такъ и башни выдаются впередъ отъ стѣны на одну сажень и для перекрестнаго огня имѣютъ амбразуры. Въ нѣкоторыхъ

[1]) Это сообщеніе весьма важно, ибо указываетъ на то, что „второй" острогъ пошелъ или вполнѣ, или отчасти на постройку „третьяго". Пр. автора.

башняхъ сдѣланы подлазы, т. е. отверстія, въ которыя осажденные выходили на вылазку; а на сторонахъ, обращенныхъ въ поле, видно по четыре отверстія для ружейной стрѣльбы. Каждый бокъ башни въ 3 сажени. Ворота шириною въ 3½ сажени; дверь въ нихъ сдѣлана изъ толстыхъ досокъ, съ калиткою, и закладывалась брусьями въ нѣсколько рядовъ. Вся крѣпость, на разстояніе ружейнаго выстрѣла, обнесена была высокимъ частоколомъ или палисадомъ съ воротами и башнями. Отъ этого укрѣпленія остались теперь только одни ворота. За палисадомъ, вѣроятно, стояли и пушки, потому что на главной стѣнѣ видны только отверстія для ружейныхъ дулъ. Достойно примѣчанія, что крѣпость построена хотя изъ лѣса очень тонкаго, но до сихъ поръ, т. е. болѣе двухъ сотъ лѣтъ, сохранилась» [1]).

Изъ этого описанія ясно, что въ общемъ представленіи объ Якутскомъ острогѣ Щукинъ еще ближе подходитъ къ истинѣ, нежели Словцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, по его свидѣтельству «крѣпость» состояла изъ двухъ оградъ: одной внутренней, построенной «срубами», и другой внѣшней, образованной «высокимъ частоколомъ съ башнями и воротами», что совершенно вѣрно, какъ свидѣтельствуютъ намъ документальныя данныя. Но затѣмъ онъ неоднократно путается въ подробностяхъ. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что верхніе срубы или «будки», какъ онъ ихъ называетъ, имѣли длины 5 арш.; но вѣдь эти «будки», по его-же рисунку (рис. 21), были расположены надъ нижними срубами, т. е. имѣли поперечныя стѣны *общія*; какимъ-же тогда образомъ разстояніе между этими стѣнами могло быть внизу $1^1/_2$ саж. или $4^1/_2$ арш., а вверху 5?

Очевидная ошибка, обусловленная невѣрнымъ обмѣромъ и непониманіемъ азбучныхъ строительныхъ пріемовъ.

Или, напр., онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Каждый бокъ башни въ 3 сажени. Ворота въ $3^1/_2$ саж. . . .». Странное, замѣтимъ отъ себя, сооруженіе, въ которомъ «ворота», т. е. «пролетъ», шире самого сооруженія! На чемъ-же оно тогда держалось? Но дѣло объясняется очень просто: на чертежахъ (черт. 10) и на модели ворота имѣютъ 4 аршина, что вполнѣ нормально.

Оставляя въ сторонѣ эти недочёты, мы должны сказать, что свидѣтельства Щукина, какъ очевидца и крайне добросовѣстнаго описателя, весьма важны для нашего вопроса: онъ сохранилъ намъ такую массу драгоцѣнныхъ подробностей, какой мы ни у кого не находимъ.

[1]) См. у него стр. 196—201.

Чтобы покончить съ письменными данными, намъ остается сравнить между собою самые документы, т. е., иными словами, провѣрить нашу точку отправленія.

Сравнивая выкопировку изъ архивнаго плана Т.-С. Комитета, № 264-й (черт. 19), съ «Вѣдомостью 1701 г.» и съ «Росписнымъ спискомъ 1759 года», мы находимъ, съ одной стороны, весьма точныя данныя, а съ другой стороны замѣчательное тожество ихъ показаній.

«Вѣдомость 1701 года» опредѣляетъ внѣшній діаметръ внутренняго укрѣпленія въ 60 саж., а внутренній—въ 57; разность между ними равна 3-мъ саженямъ. Что-же она означаетъ? Разумѣется, толщину *двухъ* стѣнъ. Но если толщина *двухъ* стѣнъ равна 3-мъ саженямъ, то толщина одной стѣны будетъ равна $1^1/_2$ саж., т. е. той толщинѣ, о которой свидѣтельствуетъ Щукинъ и которая показана на модели.

Затѣмъ «Вѣдомость» эта говоритъ о церкви въ одномъ изъ угловъ ограды, алтари которой выпущены за стѣну; и дѣйствительно, мы видимъ на планѣ (черт. 19) въ юго-восточномъ углу внутренней ограды церковь (1) съ алтарями, выступающими за линію стѣны.

Наконецъ она утверждаетъ, что «у города 7 башенъ». И это вѣрно, ибо ихъ несомнѣнно было 8, но на мѣстѣ юго-восточной башни была поставлена церковь и башенъ осталось 7. Насъ не должна удивлять замѣна башни церковью. Это, повидимому, практиковалось въ сибирскихъ городахъ, причемъ, вѣроятно, службу башни несла колокольня. По крайней мѣрѣ это не единственный примѣръ, потому что мы видимъ тотъ-же пріемъ и въ другихъ городахъ, напр., въ г. Епанчинѣ (рис. 16 и черт. 17), гдѣ церковь выходитъ бокомъ за линію ограды, а колокольня является надвратной башней. Что-же касается до разницы въ числѣ башенъ, которыхъ показано *пять* на планѣ и *семь* по «Вѣдомости», то это объясняется тѣмъ, что первый моложе второй на цѣлый вѣкъ, въ теченіе котораго, какъ мы это увидимъ далѣе, недостающія двѣ башни исчезли.

Перейдемъ теперь къ внѣшней оградѣ или къ «острогу». По свидѣтельству «Вѣдомости», отъ его стѣны до стѣны внутренняго укрѣпленія было съ трехъ сторонъ по 40 саж., а съ четвертой, восточной,—60 саж. Обращаясь къ плану, мы видимъ, что восточная стѣна дѣйствительно удалена отъ средняго укрѣпленія больше чѣмъ остальныя и что разстояніе между стѣнами на планѣ съ запада, сѣвера и востока вполнѣ отвѣчаетъ разстояніямъ, указаннымъ въ «Вѣдомости», т. е. равняются 40 с. на западѣ и сѣверѣ и

60-ти саж. на востокѣ; есть только маленькая разница въ разстояніи на югѣ, гдѣ показано 46 саж. вмѣсто 40 саж. Что-же касается до числа башенъ—8, то оно одинаково въ обоихъ документахъ, а слѣдовательно они оба вѣрцы и лишь подтверждаютъ другъ друга.

Если мы обратимся къ «Росписному списку» 1759 года, то найдемъ въ немъ еще больше сходства съ планомъ, такъ какъ между ними по времени всего около полувѣка разницы.

Изъ «списка» видно, что къ 1759-му году оставалось всего только 5 башенъ; тѣ же 5 башенъ мы видимъ и на планѣ [1]). «Списокъ» говоритъ о двухъ «каменныхъ» стѣнахъ между церковью и канцеляріею; эти двѣ стѣны показаны и на планѣ съ западной и сѣверной стороны церкви (черт. 19,—1).

Наконецъ, общая длина стѣны также согласуется приблизительно въ обоихъ документахъ. На планѣ общая длина деревянной стѣны, кромѣ каменныхъ, выходитъ около 240 саж., а въ «спискѣ» длина той-же деревянной стѣны («городу») опредѣлена въ 211 саж., безъ башенъ; но длина этихъ послѣднихъ по фасаду опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

3-хъ угловыхъ [2]) = (3с. + 3с.) × 3 = 18 саж. [3])
и 2-хъ среднихъ = 4с. + 4с. = 8 саж.

Всего 26 саж.

Откуда общая длина всего города будетъ:

211с. + 26с. = 237 с.,

что разнится отъ 240с. всего на 3 саж., которыя легко могли быть промѣрены.

Такимъ образомъ вѣрность всѣхъ этихъ документовъ взаимно подтверждается и принятое нами основаніе должно считать правильнымъ.

Обратимся теперь къ рисункамъ и попытаемся разобраться въ нихъ на основаніи приведенныхъ данныхъ.

На нашемъ достовѣрномъ планѣ № 264-й (черт. 18) мы видимъ на

[1]) Въ описаніи къ плану мы читаемъ: „Замкъ (замокъ?) внутри крѣпости о 6-ти башняхъ". Это разнорѣчіе съ чертежемъ можетъ быть объяснено только желаніемъ объяснить въ описаніи его прежній видъ, причемъ мѣсто башни могло пойти въ счетъ за самоё „башню".

[2]) Трехъ, а не четырехъ, ибо одна угловая замѣнена церковью.

[3]) Считаемъ длину фасадовъ угловыхъ башенъ въ 3 с. + 3 с. = 6 с., потому что, стоя на углу, онѣ *каждой* своей стороной увеличиваютъ общую длину стѣны на 3 саж.

восточномъ краю города Спасскій монастырь, а на западномъ — остатки стараго острога; между нимъ и монастыремъ, по прямой линіи, около 1½ версты или 750 саж.

Но мы знаемъ, что этотъ послѣдній или третій острогъ былъ поставленъ на 580 саж. *выше* по теченію Лены противъ второго или прежняго. Слѣдовательно второй острогъ находится между третьимъ острогомъ и монастыремъ, на 580 саж. ближе къ этому послѣднему и въ 170 саж. [1]) отъ него. Отсюда ясно, что зрителю конца XVII — начала XVIII вѣка, смотрѣвшему на городъ изъ-за рѣки, представлялась такая картина: на правомъ концѣ города—монастырь: лѣвѣе его, въ 170-ти саж., могли быть остатки стараго или второго острога; а еще лѣвѣе, въ 580 с. отъ этого послѣдняго, третій или послѣдній острогъ, который тогда былъ еще новый. Между ними были разбросаны въ самомъ живописномъ безпорядкѣ сбѣгающіе въ рѣкѣ [2]) обывательскіе дома.

Если мы обратимся теперь къ чертежу Ремезова и оріентируемъ его какъ слѣдуетъ, т. е. расположимъ низомъ направо, а верхомъ налѣво, то увидимъ совершенно ту же картину (черт. 15): справа будетъ монастырь, обнесенный частоколомъ, съ колокольней съ южной стороны; лѣвѣе будетъ стѣна съ тремя башнями или остатки *второго* острога; и наконецъ въ лѣвомъ концѣ—новый острогъ. Эти остатки совершенно подобны тѣмъ, которые мы имѣемъ теперь отъ *третьяго* острога въ видѣ прямой стѣны съ тремя башнями, идущей съ юга на сѣверъ.

Тѣмъ, что это *«остатки»* второго острога, объясняется та кажущаяся нелѣпость, на которую мы уже указывали и которая заключается въ томъ, что это укрѣпленіе не имѣетъ *замкнутаго характера*. А что это дѣйствительно было мѣсто стараго острога, лучше всего доказывается слѣдующими данными, находимыми на самомъ чертежѣ: у Ремезова за этой стѣной на совершенно *свободной* площади начерчены домики и написано—*«гостинъ двор вострогe»*, т. е. «гостиный дворъ въ острогѣ» (ib.), а между тѣмъ «острога» вокругъ никакого нѣтъ, ибо по бокамъ открытая площадь. Какъ же тогда объяснить эту надпись? Объясняется она очень просто: когда стѣны второго острога были большею частью разобраны, гостиный дворъ очутился «внѣ» крѣпости, но, по старой памяти, назывался «въ острогѣ», что и за-

---

[1]) Ибо 750 с.—580 с.=170 саж.

[2]) Мы предполагаемъ это по плану № 264 (черт. 18): не былъ-же Якутскъ выстроенъ болѣе правильно въ XVII в., чѣмъ въ XIX-мъ.

писалъ Ремезовъ, составлявшій свой чертежъ не только по письменнымъ документамъ, но и по «опросамъ».

Наконецъ, налѣво мы видимъ замкнутую ограду съ *восемью* башнями и частоколомъ, которая и представляетъ собою *третій* острогъ. Такимъ образомъ вѣрность изображенія Ремезова можетъ считаться доказанной.

Обращаясь теперь къ академической гравюрѣ, мы видимъ то же самое: справа—монастырь (табл. III, рис. 2), а слѣва—башни крѣпости (рис. 1, ib.).

Подъ вопросомъ остается только одно: за что считать линію трехъ башенъ, которую мы видимъ между мачтами среднихъ и правыхъ барокъ? За остатки второго острога, показанные у Ремезова, или за три башни внѣшней восточной стѣны третьяго острога?

Послѣднее предположеніе надо считать болѣе вѣроятнымъ на основаніи слѣдующихъ соображеній.

1) Второй острогъ былъ въ 170 саженяхъ отъ монастыря и въ 580 отъ третьяго острога; между тѣмъ эти башни помѣщены какъ разъ наоборотъ, т. е. очень далеко отъ монастыря и очень близко къ третьему острогу.

2) Чертежъ Ремезова относится къ 1700—1701 гг., а академическая гравюра—ко *второй* половинѣ XVIII в. Если при первомъ остатки *второго* острога еще существовали, то во времена автора второй ихъ уже, конечно, не было.

3) До начала XIX вѣка уцѣлѣло тринадцать или четырнадцать башенъ [1]), которыя, очевидно, существовали и въ XVIII-мъ вѣкѣ, а слѣдовательно должны быть изображены на академической гравюрѣ. Но мы видимъ на ней всего одиннадцать башенъ. Это объясняется тѣмъ, что недостающія двѣ или три закрыты вслѣдствіе перспективы двумя высокими церквами и колокольней; если-же предположить, что правыя три башни третьему острогу не принадлежатъ, тогда недочётъ цѣлыхъ шести башенъ остается необъяснимымъ.

Всѣ эти данныя вполнѣ подтверждаютъ вѣрность чертежа Ремезова и вида академической гравюры, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно опровергаютъ достовѣрность рисунка Витзена (табл. II, рис. 2).

Въ 1-хъ, у него показана масса каменныхъ зданій, между тѣмъ какъ Якутскъ и въ началѣ XIX столѣтія ихъ не имѣлъ; по крайней мѣрѣ въ описи къ плану Т.-С. К-та отмѣчено лишь три каменныхъ церкви и каменное уѣздное казначейство (черт. 18). Кромѣ того, Гончаровъ, бывшій въ Якутскѣ въ началѣ

[1]) См. опись къ плану № 264 (черт. 18 и 19) и примѣчаніе 2 на стр. 51.

50-хъ годовъ, свидѣтельствуетъ, какъ мы уже видѣли выше, что въ это время тамъ былъ *всего одинъ* каменный домъ.

Во 2-хъ, тотъ-же планъ убѣждаетъ насъ въ существованіи двухъ оградъ, одной въ другой, а у Витзена представлены двѣ соединенныхъ ограды: правая прямоугольная, а лѣвая круглая.

Въ 3-хъ, Витзенъ изображаетъ крѣпость на берегу рѣки, а она отъ нея въ верстѣ.

Въ 4-хъ, у него монастырь (Het Clooster, 2) показанъ налѣво, а крѣпость (Het Casteel) [1]) направо, т. е. какъ разъ наоборотъ дѣйствительности.

Въ 5-хъ, мы знаемъ, что наибольшее число башенъ было 16, а у Витзена нарисована 21-я.

И, наконецъ, въ 6-хъ, у него даже невѣрно понято назначеніе зданій: такъ, напр., на его рисункѣ изображенъ гостиный дворъ (12), а въ объясненіи сказано—«гостинница съ лавками» («Gasthof vol Winkels»).

Все это показываетъ, что видъ Якутска у Витзена нарисованъ изъ головы на основаніи какого-то дурно понятаго описанія и никакой достовѣрности не имѣетъ, а потому никакимъ объяснительнымъ или дополнительнымъ матеріаломъ служить не можетъ.

Обратимся теперь къ позднѣйшимъ изображеніямъ XIX вѣка и разсмотримъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Всѣ они относятся, само собою разумѣется, къ остаткамъ третьяго острога.

Старѣйшими изъ нихъ являются рисунки Щукина, которые хотя и помѣщены во второмъ изданіи его писемъ 1844 года, но были сдѣланы очевидно въ 1833-мъ году. Рисунки эти, исполненные на глазъ, конечно отличаются нѣкоторою неточностью пропорцій, но за то весьма важны въ томъ отношеніи, что сохранили намъ, во 1-хъ, видъ крыши на стѣнѣ, а во 2-хъ— устройство верхнихъ срубовъ съ ея внутренней стороны (рис. 21). Такимъ образомъ рисунки Щукина вносятъ свою долю въ дѣло изученія прежняго вида Якутскаго острога.

Вторыми по времени являются чертежи, помѣщенные у Кипріанова [2]). Какъ ни мало имѣетъ научнаго значенія его чисто диллетантская книжка, впрочемъ по своему времени весьма удовлетворительная, но чертежи эти (табл. X) являются несомнѣнно серьезнымъ матеріаломъ.

---

[1]) Надпись не внизу, а на самомъ рисункѣ.

[2]) См. Valérien Kiprianoff, „Histoire pittoresque de l'architecture en Russie“, St.-Pétersbourg 1864, pl. 39.

Не надо забывать, что Кипріановъ былъ инженеръ путей сообщенія, а Главное Управленіе Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій вѣдало тогда всей строительною частью въ государствѣ, и слѣдовательно въ рукахъ его могъ быть какой-либо точный оффиціальный чертежъ; поэтому изображеніе Якутскаго острога и отличается у него такимъ серьезнымъ характеромъ по сравненію съ другими, довольно слабыми рисунками частныхъ зданій. Его чертежи важны для насъ въ томъ отношеніи, что представляютъ собою полностью устройство верхняго хода или галереи съ внутренней стороны стѣны, чего мы въ другихъ изображеніяхъ не видимъ, не исключая рисунковъ Щукина.

Затѣмъ слѣдуетъ чертежъ, представленный въ 1877 г. въ Министерство В. Д. (табл. XI, черт. 1); по условіямъ нашего изданія мы даемъ его, какъ мы уже говорили, въ четвертую долю подлинника, но за то чертежи башенъ прилагаемъ въ томъ же масштабѣ (черт. 8, 9, 10 и 11). Чертежъ этотъ, несмотря на свое оффиціальное происхожденіе, отличается значительными неточностями; такъ, напр., вся длина стѣны показана на немъ всего въ 52 сажени, а самая стѣна изображена какъ-бы обшитой досками, а не бревенчатой. Прочія неточности мы оставляемъ въ сторонѣ.

Десять лѣтъ спустя, въ 1887-мъ году представляется отвѣтъ г. Попова [1]) съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ (табл. V—IX), которые являются, конечно, самыми документальными данными.

Предпослѣдними изображеніями Якутскаго острога являются рисунки, помѣщенные у Сѣрошевскаго [2]). Изъ нихъ одинъ представляетъ собою южную башню совершенно въ томъ видѣ, какъ она изображена на нашемъ снимкѣ (табл. VIII); а въ другой—общій видъ крѣпости, тоже совершенно подобный нашему (табл. V, рис. 2), хотя и взятый съ нѣсколько иной точки. Снимки эти ничего новаго не даютъ, но показываютъ впрочемъ, что состояніе острога въ 1896-мъ году было почти совершенно такое-же, какъ въ 1887-мъ году.

Послѣ этого, около трехъ лѣтъ тому назадъ, лѣтомъ 1904-го года поступила въ Императорскую Археологическую Коммисію превосходно исполненная модель, которая представляетъ, слѣдовательно, Якутскій острогъ въ его нынѣшнемъ состояніи.

Наконецъ, почти одновременно съ этимъ выходитъ въ свѣтъ книга г. П. Головачева «Сибирь» [3]), гдѣ на стр. 380 и 381 мы видимъ новые

[1]) См. Архивное дѣло Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 и № 105, представл. Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета отъ 22 декабря 1887 года за № 162-мъ.

[2]) „Якуты", томъ I, Спб. 1896 г., стр. 359 и 493.

[3]) П. Головачевъ. „Сибирь". Природа, люди, жизнь. Москва. 1905.

снимки Якутскаго острога. Но въ «археологическомъ» отношенiи они не даютъ ничего новаго [1]), а лишь представляютъ собою послѣднiя данныя относительно современнаго положенiя его остатковъ, впрочемъ вполнѣ согласныя съ данными модели, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Таковы матерiалы, которые находятся въ нашемъ распоряженiи для изученiя Якутскаго острога въ строительномъ и крѣпостномъ смыслѣ.

Попытаемся-же теперь выяснить всѣ его особенности въ обоихъ этихъ отношенiяхъ.

III.

Мы уже говорили, что по свидѣтельству письменныхъ памятниковъ исторiя русскихъ деревянныхъ укрѣпленiй начинается со временъ Игоря и Ольги, а на самомъ дѣлѣ начало ихъ относится ко временамъ гораздо болѣе отдаленнымъ.

Дѣйствительно, первое свидѣтельство нашихъ лѣтописей о «деревянномъ городѣ» на Руси мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ повѣствованiи о мести Ольги древлянамъ. Вотъ подлинныя слова лѣтописи:

«Ольга же устремися со сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣ бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишась въ градѣ, и боряхусь крѣпко изъ града: вѣдаху бо яко сами убили Князя, и на что ся предати. И *стоя* Ольга *лѣто*, и не можаше взяти градъ, и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: «Что хощете доседѣти, а вси гради ваши предашась мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и земли своя, а вы хощете измрети гладомъ, не имучись по дань».

[1]) То-же слѣдуетъ сказать и о рисункахъ, помѣщенныхъ въ прекрасной статьѣ г. Миллера — „Забытый край“ (Иллюстр. прил. къ *Нов. Вр.* №№ 10066—10080. 1904 г.), потому что они представляютъ собою лишь уменьшенное повторенiе снимковъ г. Попова.

Деревлянежъ рекоша: «Ради быхомъ ялись по дань; но хощеши мщати мужа своего». Рече же имъ Ольга: «Яко уже азъ мстила мужа своего, егда пріидоша къ Кіеву, и второе, и третье, когда сотворихомъ трызну мужу своему, а уже не хощу мстити, но хочу дань имати по малу, и смирившесь съ вами пойду прочь». Рекоша Деревляне: «Что хощеши у насъ? ради даемъ и медомъ и скорою». Она же рече имъ: «Нынѣ у васъ нѣсь меду ни скоры, но мала у васъ прошу; дадите ми отъ двора по три голуби, да по три воробьи; азъ бо не хощу тяжки дани возложити, якожъ мужъ мой, но сего у васъ прошу мала». Деревляне же ради бывше, собраша отъ двора по три голуби и по три воробьи, и послаша ко Ользѣ съ поклономъ. Ольга же рече имъ: «Се уже ся есте покорили мнѣ и моему дитяти, да идете въ градъ, а я заутра отступлю отъ града, и пойду во свой градъ». Деревляне же ради бывше, внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ и обрадоващась людіе въ градѣ. Ольга же раздая всемъ по голубю комуждо, а другимъ по воробью, и повелѣ къ коемуждо голубю и къ воробьеви привязывати цѣрь [1]) и обертываючи въ платки малы, ниткою перевязывати, и яко смерчесь, повелѣ Ольга пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. И воробьевежъ и голуби влетѣша во гнѣзда своя; голуби въ голубятницы, воробьевежъ подъ застрѣхи, и тако возгорахуся голубятницы, ово клѣти, ово вежи, ово ли одрины, и не бѣ двора, иже не горяше, и не льзѣ гасити; вси бо дворы возгорѣшася, и побѣгоша людіе изъ града. И повелѣ Ольга воемъ своимъ имати я, якоже взя градъ и пожже, и старѣйшины же града изыма и прочая люди, овѣхъ изби, а другія предастъ работѣ мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань, и возложи дань тяжку, двѣ части дани идетъ къ Кіеву, а третья ко Вышеграду ко Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Олженъ [2]).

Конечно, въ этомъ преданіи много баснословнаго, какъ на него и смотритъ, напр., Карамзинъ, но никто не мѣшаетъ намъ отдѣлить историческую основу отъ народнаго вымысла и воспользоваться этими данными.

---

[1]) Въ „Библіотекѣ Росс." (1767 г.), откуда мы приводимъ это мѣсто лѣтописи, слово „цѣрь" пояснено словомъ „фитиль". Карамзинъ замѣняетъ его выраженіемъ „трутъ съ сѣрою", а С. Соловьевъ—словами „сѣра съ огнемъ" (?); но для „фитиля" нужно масло или сало, „трутъ съ сѣрою" сами собою не загорятся, а „огонь" привязать нельзя. Поэтому ни одно изъ этихъ объясненій не можетъ быть принято, и естественнѣе всего предположить, что Ольга приказала привязать къ птицамъ куски трута, подожженые и тлѣющіе со свободнаго конца.

[2]) «Лѣтопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 году». Спб. 1767, стр. 50 — 51. («Библіотека Россійская историческая. . .». Часть I).

Самымъ невѣроятнымъ представляется, разумѣется, зажженіе города съ помощью воробьевъ и голубей, которое могло быть создано народной фантазіей для вящшаго прославленія «хитрости» княгини Ольги.

Но съ другой стороны въ параллель ему мы можемъ привести «историческій» фактъ сравнительно недавняго времени, сомнѣваться въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія: мы знаемъ, что въ XVII-мъ вѣкѣ сибирскіе инородцы пытались иногда зажигать русскіе остроги, пуская въ нихъ стрѣлы съ зажженнымъ трутомъ.

Замѣнимъ птицъ стрѣлами и получимъ первобытный боевой пріемъ X-го вѣка, повторяемый при одинаковыхъ условіяхъ въ XVII-мъ!.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ выдумку о хитрости Ольги, мы не имѣемъ никакихъ причинъ отвергать самую осаду Коростеня, а это фактъ для насъ весьма важный, ибо Ольга стояла подъ нимъ безплодно цѣлое лѣто и въ добавокъ едва-ли не съ лучшимъ войскомъ того времени, т. е. съ отборною дружиною, вскормленною походами Олега и Игоря и привыкшею громить самый Царьградъ. Слово *«затворишась»* показываетъ, что Искоростень былъ обнесенъ стѣною, а упоминаніе о вежахъ даетъ указанія на то, что въ немъ были «башни». И эти укрѣпленія, т. е. стѣны и башни, были очень *сильны*, если цѣлая дружина лучшихъ воиновъ своего времени стояла подъ городомъ цѣлое лѣто и ничего не могла съ нимъ подѣлать!

Изъ какого-же матеріала были эти стѣны и башни?

Отвѣтъ мы находимъ въ томъ-же преданіи: самая басня о сожженіи могла возникнуть только при томъ условіи, что городъ и его стѣны были сплошь деревянные, ибо только тогда онъ могъ быть сразу объятъ пламенемъ: «вси бо дворы возгорѣшася», говоритъ лѣтописецъ, у котораго въ это время очевидно рисовалось представленіе о городѣ «деревянномъ».

Въ этомъ смыслѣ мы, несомнѣнно, должны признать только что приведенное мѣсто лѣтописи за *первое* извѣстіе о нашихъ «деревянныхъ» крѣпостяхъ.

Но если во времена Ольги были уже столь «сильныя» крѣпости, то онѣ дошли до этой степени совершенства только постепенно, путемъ послѣдовательныхъ улучшеній, а значитъ появились гораздо ранѣе X-го вѣка. Точныхъ указаній на время ихъ перваго появленія нѣтъ, но къ нему можно подойти съ помощью ряда историческихъ соображеній, которыя приведутъ насъ къ тому выводу, что *они были порождены торговлей*, развившейся въ VIII—IX вѣкахъ.

Крайне остроумныя соображенія дѣлаетъ по этому поводу В. Ѳ. Ключевскій; они убѣждаютъ насъ въ томъ, что среди разбросанныхъ дворовъ славянъ возникли сборные пункты, которые стали сперва мѣстами промышленнаго обмѣна, а потомъ превратились въ города. Когда-же нахлынувшіе съ востока кочевники стали угрожать ихъ торговлѣ, они стали вооружаться, ограждать себя стѣнами и заводить боевыя дружины [1]).

[1]) «Большая перемѣна произошла, говоритъ г. Ключевскій, въ экономическомъ быту восточныхъ Славянъ, разселившихся по Днѣпру, его притокамъ и далѣе къ сѣверу, въ области озера Ильменя. Своимъ низовымъ теченіемъ и лѣвыми притоками Днѣпръ потянулъ славянскихъ поселенцевъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Это торговое движеніе вызвало разработку естественныхъ богатствъ занятой поселенцами страны. Если мы представимъ себѣ нашу равнину въ томъ видѣ, какой она имѣла десять или одиннадцать вѣковъ тому назадъ, то легко можемъ раздѣлить ее на двѣ полосы, на сѣверо-западную лѣсную и юго-восточную степную. Восточные Славяне заняли преимущественно первую; самый городъ Кіевъ возникъ на рубежѣ между обѣими полосами. Эта лѣсная полоса своимъ пушнымъ богатствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ) и доставляла Славянамъ обильный матеріалъ для внѣшней торговли: мѣха, медъ, воскъ стали главными статьями русскаго вывоза.

Одно внѣшнее обстоятельство особенно содѣйствовало успѣхамъ этой торговли. Съ конца VII в. по южно-русскимъ степямъ стала распространяться новая азіатская орда Хозары; они скоро стали покидать кочевой бытъ и обращаться къ мирнымъ промысламъ. Раскинувшись на привольныхъ степяхъ по берегамъ Волги и Дона, Хозары основали средоточіе своего государства въ низовьяхъ Волги. Здѣсь столица ихъ Итиль скоро стала огромнымъ разноязычнымъ торжищемъ, гдѣ рядомъ жили магометане, евреи, христіане и язычники. Хозары покорили племена восточныхъ Славянъ, жившія близко къ степямъ, Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей. Но хозарское иго доставляло покореннымъ большія экономическія выгоды. Съ тѣхъ поръ для нихъ, какъ данниковъ Хозаръ, были открыты степныя рѣчныя дороги, которыя вели къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Подъ покровительствомъ Хозаръ по этимъ рѣкамъ пошла бойкая торговля изъ Поднѣпровья. Мы встрѣчаемъ рядъ указаній на успѣхи этой торговли...... Есть и прямое указаніе на время, когда завязалась эта торговля. Въ области Днѣпра найдено множество кладовъ съ древними арабскими монетами, серебряными диргемами. Большая часть ихъ относится къ IX и X вѣку, ко времени наибольшаго развитія восточной торговли Руси. Но есть клады, въ которыхъ самыя позднія монеты не позже начала IX вѣка, а раннія восходятъ къ началу VIII вѣка; изрѣдка попадаются монеты VII вѣка и то лишь самыхъ послѣднихъ его лѣтъ. Эта нумизматическая лѣтопись наглядно показываетъ, что именно въ VIII вѣкѣ завязалась торговля Славянъ днѣпровскихъ съ хозарскимъ и арабскимъ востокомъ. Но этотъ вѣкъ былъ временемъ утвержденія Хозаръ въ южнорусскихъ степяхъ; ясно, что Хозары и были торговыми посредниками между этимъ востокомъ и русскими Славянами.

Слѣдствіемъ успѣховъ восточной торговли Славянъ было возникновеніе древнѣйшихъ торговыхъ городовъ на Руси. Повѣсть о началѣ Русской земли не помнитъ, когда возникли эти города: Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ и др. Въ ту минуту, съ которой она начинаетъ свой разсказъ о Руси, эти города являются уже значительными поселеніями. Но довольно бѣглаго взгляда на географическое размѣщеніе этихъ городовъ, чтобы видѣть что они были созданы успѣхами внѣшней торговли Руси: большинство ихъ вытя-

Всѣ эти соображенія, несомнѣнно, доказываютъ, что у насъ издревле существовало сильно развитое деревянное зодчество, которому мы обязаны главнымъ образомъ сооруженіемъ городовъ нашихъ.

То же самое подтверждается и нѣсколько болѣе поздними свидѣтельствами лѣтописи: «Владиміръ», говоритъ лѣтопись, по возвращеніи изъ Корсуня «повелѣ рубити церкви и поставляти ихъ по мѣстомъ идѣже стояша кумиры». А затѣмъ, вскорѣ послѣ этого, найдя, что край около Кіева мало заселенъ, тотъ же Владиміръ «нача ставити городы по Деснѣ и по Вєтру и по Трубежеви и по Сулѣ и по Стугнѣ». Нѣтъ сомнѣнія, что эта обширная строительная дѣятельность не могла производиться привозными греческими мастерами, вызовъ которыхъ каждый разъ отмѣчаетъ лѣтописецъ, и если Владиміръ могъ повелѣть «ставить и церкви и грады», то только потому, что было кому повелѣть, т. е., иными словами, что въ его распоряженіи было множество людей знакомыхъ со строительнымъ дѣломъ. Кіевъ славился своею красотою не только въ Россіи, гдѣ онъ слылъ «матерью городовъ русскихъ», но и на Западѣ. Такъ, напр., Дитмаръ, епископъ Мерзебургскій, жившій въ концѣ X в. и началѣ XI в., говоритъ о немъ, что въ немъ 400 церквей, 8 торжищъ, а народу несмѣтная сила; а Адамъ Бременскій, во второй половинѣ XI в., называетъ его «соревнователемъ царьградскаго скипетра и славнѣйшимъ украшеніемъ Россіи».

нулось длинною цѣпью по главной рѣчной дорогѣ Днѣпра—Волхова. Возникновеніе этихъ большихъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ сложнаго экономическаго процесса, завязавшагося среди Славянъ на новыхъ мѣстахъ жительства. Восточные Славяне разселялись по Днѣпру и его притокамъ разбросанными одинокими дворами. Съ развитіемъ торговли возникали среди этихъ дворовъ сборные пункты, мѣста промышленнаго обмѣна, куда сходились звѣроловы и бортники для торговли. Мелкіе сельскіе рынки тянули къ болѣе крупнымъ, возникавшимъ на особенно бойкихъ торговыхъ пунктахъ. Изъ этихъ крупныхъ рынковъ, служившихъ посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнѣйшіе города по Днѣпру и его притокамъ. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокругъ нихъ промышленныхъ округовъ.

Съ начала IX вѣка хозарское владычество начало замѣтно колебаться. Причиной этого было то, что съ востока въ тылу у Хозаръ появились новыя орды Печенѣговъ. Въ первой половинѣ IX в. варвары прорвались сквозь хозарскія поселенія и распространились по южно-русскимъ степямъ. Есть указанія, что Печенѣги уже около половины IX вѣка успѣли придвинуться близко къ Кіеву, отрѣзывая среднее Поднѣпровье отъ черноморскихъ и каспійскихъ рынковъ. Хозарская власть, очевидно, уже не была въ состояніи оберегать русскихъ купцовъ на востокѣ. Главные торговые города Руси должны были сами взять на себя защиту торговли и торговыхъ путей. Съ этой минуты они начали вооружаться, *опоясываться стѣнами, вводить у себя военное устройство и запасаться ратными людьми*". („Кр. пос. по Русск. ист.", стр. 17—19. Москва. 1900).

Несомнѣнно, что этотъ блескъ города былъ созданъ русскими, а не византійскими руками, и что занесенное къ намъ византійское зодчество было для насъ новостью только потому, что оно было каменное, что подтверждается и лѣтописью; такъ, напр., повѣствуя подъ 1089-мъ годомъ о строительной дѣятельности епископа Ефрема въ Переяславлѣ и о томъ, что онъ «заложи городъ[1]) каменный и строеніе банное каменно», лѣтописецъ замѣчаетъ: «сего же не бысть прежде въ Руси». Слѣдовательно, это чужеземное строительное новшество застало уже у насъ сильно развитое гражданское зодчество и, по своей относительной слабости, весьма долго существовало съ нимъ рядомъ, не мѣшая ему развиваться и совершенствоваться вполнѣ самостоятельно. Все это, взятое вмѣстѣ, разумѣется, убѣждаетъ насъ въ правотѣ нашего второго предположенія и заставляетъ относить начало нашихъ деревянныхъ крѣпостей — «городовъ», по крайней мѣрѣ, къ IX-му вѣку.

Но если за «начало» ихъ слѣдуетъ принимать наши древніе города половины IX вѣка, то «концомъ» ихъ, несомнѣнно, является Якутскій острогъ исхода XVII вѣка, ибо вслѣдъ затѣмъ наступаетъ Петровская реформа, а вмѣстѣ съ нею приносятся къ намъ новые пріемы европейской фортификаціи, и наши средневѣковые «остроги» и «города» отходятъ въ область преданій.

И такъ, цѣлыхъ девять вѣковъ (IX—XVII) «деревянныя» стѣны оберегали русскія силы и закрѣпляли русскую власть въ покоряемыхъ странахъ. Любопытно было-бы выяснить, на много-ли они подвинулись впередъ, въ смыслѣ усовершенствованія обороны, за этотъ громадный промежутокъ времени и много ли должно быть разницы между стѣнами Коростеня и Якутска?

И. Е. Забѣлинъ путемъ сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ съ данными, представляемыми нашимъ «деревяннымъ» зодчествомъ, пришелъ къ одному весьма важному выводу. «Остается одно очень вѣрное предположеніе, говоритъ онъ, что какъ бытовыя, такъ и художественныя, и по преимуществу, *строительныя формы*, при неизмѣняемости общихъ началъ жизни, точно также *существуютъ* неизмѣнно *цѣлые вѣка* и подвергаются лишь тѣмъ перемѣнамъ, которыя сами собою нарождаются изъ постепеннаго, послѣдовательнаго развитія самой жизни, т. е., *видоизмѣняются* въ частностяхъ, но никакъ *не въ основныхъ чертахъ*. Тѣмъ болѣе это соображеніе становится достовѣрнымъ въ отношеніи къ зодчеству, памятники котораго, сооружаемые даже изъ дерева, стоятъ не только по сту, но даже и по двѣсти лѣтъ и всегда

[1]) Т. е. „городскія стѣны“.

служатъ цѣлому ряду поколѣній завѣтными образцами для новыхъ сооруженій» [1]).

Повидимому, тотъ-же выводъ мы должны сдѣлать и относительно крѣпостныхъ оградъ. Оборонительныя особенности Якутскаго острога до того просты, первобытны и естественны и до того подсказаны условіями самой обороны, что врядъ-ли онѣ сильно разнятся отъ тѣхъ-же особенностей городскихъ оградъ X-го вѣка, тѣмъ болѣе, что и вооруженіе нападающихъ было почти то же: мечи или сабли, копья, стрѣлы и топоры, такъ какъ огнестрѣльнаго оружія у инородцевъ не было.

Къ тому-же выводу мы придемъ, если прослѣдимъ сооруженіе деревянныхъ стѣнъ по «лѣтописнымъ» даннымъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Ѳ. Ласковскій:

«Начало употребленія деревянныхъ оградъ въ видѣ вѣнчатыхъ стѣнъ надобно отнести къ половинѣ IX столѣтія; обширные лѣса, покрывавшіе большую часть древней Россіи, составляли неистощимый матеріалъ для ихъ построенія; причемъ дубовый лѣсъ предпочитали всякому другому. Старинныя сказанія не оставили намъ положительныхъ свѣдѣній о частномъ расположеніи древнѣйшихъ деревянныхъ оградъ; извѣстно только, что стѣны рубили тарасами.

Основываясь на томъ, что деревянныя жилища Славянъ въ IX столѣтіи состояли изъ вѣнчатыхъ срубовъ, можно съ достовѣрностію заключать, что и деревянныя ограды сначала устраивались также изъ срубовъ или по тогдашнему, городней, одинъ возлѣ другого поставленныхъ. Въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ, хотя и весьма рѣдко, указанія на деревянныя ограды, составленныя изъ «городней».

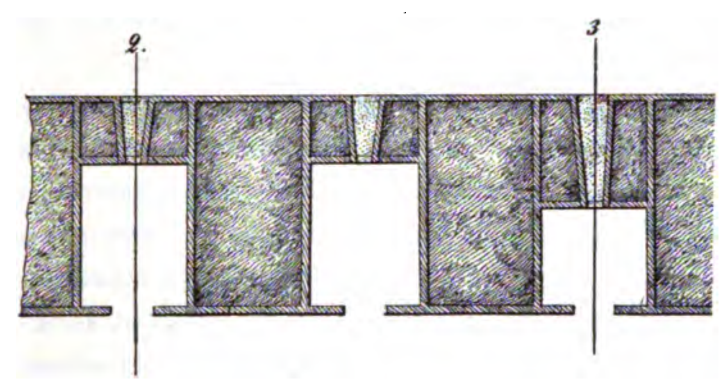
Длина срубовъ опредѣлялась величиною имѣвшагося подъ рукою лѣса; а глубина ихъ—тою толщиною стѣны, какая была необходима для помѣщенія и свободнаго дѣйствія войскъ. Срубы, составлявшіе бока ограды, имѣли видъ продолговатаго прямоугольника. Стѣны подобнаго устройства имѣли тотъ важный недостатокъ, что мѣста соединенія срубовъ подвергались наибольшему гніенію отъ дождя и снѣга, а потому представляли слабыя части ограды; при томъ каждый срубъ, составляя отдѣльную часть, получалъ съ теченіемъ времени не одинаковую осадку, что вредило прочности всей ограды и затрудняло самыя дѣйствія обороны. Нѣтъ сомнѣнія, что эти недостатки,

---

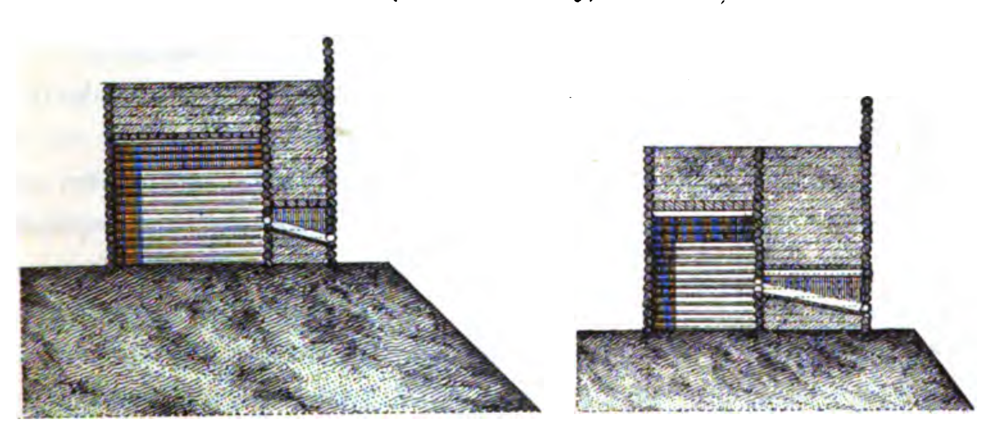
1) Ив. Е. Забѣлинъ, „Русское искусство". Москва, 1900 г., стр. 67.

еще и въ то время замѣченные, заставили нашихъ предковъ прибѣгнуть къ устройству стѣнъ *тарасами.*

Стѣны, рубленныя тарасами, состояли изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно между собою на толщину ограды: онѣ соединялись подъ прямымъ угломъ другими поперечными стѣнами, огразуя глубокія клѣтки, которыя наполнялись землею и камнями. Участокъ деревянной

Черт. 22. Стѣна, рубленая „тарасами" и засыпанная землею. (По Ласковскому).

Черг. 23. Разрѣзъ по линіи № 2. Черт. 24. Разрѣзъ по линіи № 1. (По Ласковскому).

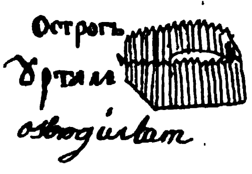
ограды между двумя поперечными стѣнами и составлялъ собственно *тарасу;* протяженіе его въ длину измѣнялось вообще между 3 и 4 саж. Участокъ ограды, имѣвшій, приблизительно, половинное протяженіе въ длину, получалъ названіе *полутарасы.* Въ старинныхъ городовыхъ описяхъ иногда принимали тарасъ за единицу при измѣреніи протяженія стѣны между двумя смежными башнями или, по тогдашнему, *прясла* стѣны» [1]). (Черт. 22, 23 и 24).

[1]) „Матеріалы для ист. инж. дѣла въ Россіи", стр. 81—83.

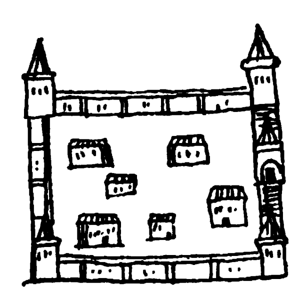
Отсюда ясно слѣдуетъ, что способъ устройства стѣнъ въ теченіи вѣковъ измѣнился только въ «частностяхъ», а не въ «общемъ», ибо стѣны рубленыя «тарасами» отличаются отъ стѣнъ изъ «городней» только тѣмъ, что ихъ наружныя продольныя стѣны—«цѣльныя».

Таково было начало и происхожденіе нашихъ «городовъ», т. е. древнихъ деревянныхъ крѣпостныхъ оградъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію послѣдней стадіи ихъ развитія,—къ *третьему* Якутскому острогу.

Черт. 25.
Острогъ Уртамъ.
(По Семену Ремезову).

Черт. 26.
Градъ Новая Мангазея.
(По Семену Ремезову).

Говоря до сихъ поръ объ Якутскѣ, какъ объ укрѣпленномъ мѣстѣ, мы безразлично называли его и острогомъ, и крѣпостью, и городомъ. Но теперь, приступая къ изученію его, какъ оборонительнаго сооруженія, мы должны разобраться въ точномъ значеніи этихъ названій.

Присматриваясь къ изображеніямъ городовъ, которыя мы видимъ въ Чертежной Книгѣ Сибири Семена Ремезова, мы замѣчаемъ тамъ три рода укрѣпленій:

1) Мѣсто, огражденное тыномъ или частоколомъ (черт. 2, 13 и 25).

2) Укрѣпленіе, состоящее изъ замкнутой рубленой стѣны съ башнями (черт. 1, правый нижній уголъ, черт. 4—вверху и черт. 26).

и 3) Городокъ, огражденный тыномъ, усиленнымъ многими башнями (черт. 1, лѣвый верхній уголъ, и 12, 14 и 16).

На чертежахъ Ремезова «рубленая» стѣна и стѣна изъ «частокола» показаны весьма различно: первая оставлена обыкновенно бѣлой и на ней только назначены точками или маленькими штрихами бойницы, какъ напр. на изображеніи г. Пелыма (черт. 1, правый нижній уголъ, и черт. 26); тогда какъ вторая всегда заштрихована вертикально для обозначенія тына (ibid. лѣвая и верхняя сторона и черт. 2, 6, 13, 14 и 16). Нельзя не замѣтить при этомъ, что тыновая ограда, какъ болѣе простая, преобладала въ сибирскихъ укрѣпленіяхъ; по крайней мѣрѣ у Ремезова «рубленая» стѣна показана только въ трехъ городахъ: въ Пелымѣ (черт. 1), въ Новой Мангазеѣ (черт. 26) и въ Якутскѣ (черт. 4, вверху, прямая стѣна). Кромѣ того, она несомнѣнно была явленіемъ позднѣйшимъ. И, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ мы ее видимъ?—Въ *третьемъ* Якутскомъ

острогѣ, сооруженномъ въ концѣ XVII вѣка, и въ *Новой* Мангазеѣ, построенной *послѣ* Старой, которая имѣла ограду изъ «частокола» [1]).

Надписи надъ укрѣпленіями перваго рода неизмѣнно называютъ ихъ «острогами», напр., «острогъ Уртамъ» (черт. 25), «острогъ Кецкой» (черт. 2), «Балаганской острогъ» (черт. 13) и т. д.

Когда эти «тыновыя» ограды усиливались *четырьмя* башнями, это не препятствовало имъ сохранять свое прежнее наименованіе, какъ мы видимъ на черт. 6-мъ, гдѣ прибавленіе угловыхъ башенъ не помѣшало Верхоленскому укрѣпленію называться «острогомъ».

Что-же касается до укрѣпленныхъ мѣстъ второй и третьей категоріи, то надписи неуклонно называютъ ихъ «градами», т. е. «городами». За примѣрами ходить недалеко: «градъ Илимсвъ» (черт. 14), «градъ Епанчинъ» (черт. 16), «городъ (?) Енисейскъ» (черт. 12) и т. д. А отсюда ясно, что въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка тыновая ограда называлась «острогомъ», а рубленая стѣна и тыновая ограда со *многими* башнями — «городомъ».

Это подтверждается, между прочимъ, и другими документами, какъ, напр., рукописнымъ планомъ XVII вѣка Большого Тихвинскаго монастыря [2]), гдѣ на рву, проходящемъ около деревянной монастырской крѣпостной ограды, стоитъ надпись: «рвъ возлѣ города». Здѣсь слово «городъ» означаетъ, очевидно, самую стѣну, ибо внутри ея никакого города нѣтъ, а есть лишь монастырь.

Обращаясь затѣмъ къ тому виду укрѣпленій, гдѣ поселеніе обнесено тыномъ, усиленнымъ башнями, мы видимъ, что онъ представляетъ собою переходъ отъ «острога» къ «городу». Особаго названія таковая ограда не имѣла и, повидимому, одинаково именовалась «острогомъ», судя по нѣкоторымъ надписямъ Ремезова, называющаго тыновую ограду, усиленную башнями, также «острогомъ». Примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить у Ремезова изображеніе города Пелыма (черт. 1), гдѣ около тыновой ограды написано (слѣва вверху)— «кругомъ *острогъ* мѣрою 1020 саж.», а около рубленой стѣны (справа внизу)—«кругомъ мѣрою *городъ* 120 сажен.»

Ласковскій, за неимѣніемъ опредѣленнаго древняго слова, называетъ такія стѣны «тыновыми городскими оградами», но прибавляетъ, что въ лѣтописяхъ,—съ Воскресенскаго списка и Ипатьевской,—подобная тыновая ограда названа «*столпіемъ*» [3]).

---

[1]) См. въ атласѣ Ремезова листъ 12.

[2]) Хранится въ библіотекѣ монастыря подъ № 2248.

[3]) „Мат. для ист. инж. иск. въ Россіи", часть I, Спб. 1858, стр. 103–104.

Въ планѣ Якутскаго острога (черт. 19) мы видимъ двѣ ограды: наружную—тыновую и внутреннюю—рубленую.

Щукинъ называетъ «крѣпостью» вторую, внутреннюю ограду, а Словцовъ и «Описаніе» къ плану (черт. 18 и 19) обозначаютъ этимъ словомъ первую, а вторую называютъ «замкомъ». Но ни то, ни другое названіе не вѣрно, ибо слово «крѣпость» употреблялось въ XVII вѣкѣ главнымъ образомъ въ смыслѣ отдѣльныхъ приспособленій для усиленія обороны цѣлаго, а «замокъ» означаетъ собой укрѣпленное жилище средневѣковаго феодала. Въ сущности-же разсматриваемое нами третье Якутское укрѣпленіе конца XVII вѣка представляло собою *«острогъ», внутри котораго былъ расположенъ «городъ».*

Правильность такого опредѣленія подтверждается «документальными данными: въ «Вѣдомости 1701 года» мы читаемъ: «Якутцкой *городъ* . . . . . Около города *острогъ* стоячій». То же повторяетъ «Росписной списокъ 1759 г.», гдѣ значится: «*Городъ* деревяной рубленой ветхой. . . . Кругомъ города *острогъ* деревянной ветхой». Слѣдовательно, предложенное нами наименованіе частей Якутскаго укрѣпленія оказывается вполнѣ правильнымъ.

Что-же касается до удержавшагося за нимъ названія «Якутскаго острога» вообще, то оно, конечно, является наслѣдіемъ первоначальнаго укрѣпленія, основаннаго Бекетовымъ и перенесеннаго потомъ на урочище Сай-саръ.

Разсмотримъ теперь общее оборонительное расположеніе Якутскаго острога и опредѣлимъ его относительное положеніе среди прочихъ сибирскихъ укрѣпленій. Превосходнымъ матеріаломъ въ этомъ случаѣ является атласъ Ремезова, на таблицахъ котораго помѣщены всѣ укрѣпленные города Сибири конца XVII столѣтія.

Чертежи эти представляютъ собою весьма обширный матеріалъ для сравненій. Мы приводимъ здѣсь наиболѣе типичные образцы, вполнѣ достаточные для нашихъ выводовъ (черт. 1, 2, 4, 6, 12, 13, 14, 16, 25 и 26).

Какъ первичную или простѣйшую форму мы можемъ разсматривать простой «острогъ», т. е. только замкнутую ограду изъ тына или частокола прямоугольной или круглой формы (черт. 2, 13 и 25). Дальнѣйшее развитіе этой формы заключается въ томъ, что она усиливается башнями (черт. 6), сохраняя прежнее свое названіе «острога». Затѣмъ для лучшей обороны частоколъ замѣняется рубленою стѣною и острогъ превращается въ «городъ» (черт. 25).

Такіе города и остроги были почти всегда прямоугольными, какъ мы можемъ судить по многимъ образцамъ у Ремезова (черт. 1, 12 и 16).

Кромѣ этихъ двухъ видовъ укрѣпленій, встрѣчаются еще, какъ мы уже говорили, укрѣпленныя поселенія смѣшаннаго типа, который заключается въ томъ, что «городъ» соединяется съ «острогомъ», при чемъ въ первомъ располагались наиболѣе важныя зданія и наиболѣе цѣнные запасы населенія, а второй окружалъ «посадъ», т. е. обыкновенные обывательскіе дома, примыкавшіе къ «городу». Это—самый сильный способъ укрѣпленія городовъ, который мы видимъ у Ремезова. Но «городовое дѣло» XVII-го вѣка въ Сибири, повидимому, на этомъ не остановилось, но пошло еще далѣе и сказало свое послѣднее слово въ постройкѣ третьяго Якутскаго острога: мы уже видѣли (черт. 19), что онъ состоялъ изъ «города», окруженнаго *со всѣхъ сторонъ* «острогомъ», тогда какъ во всѣхъ предыдущихъ примѣрахъ острогъ защищалъ посадъ и только *часть* «города», а затѣмъ этотъ послѣдній оставался открытымъ съ поля *съ двухъ* (черт. 1) или даже *съ трехъ сторонъ*, какъ, напр., въ Томскѣ [1]).

О превосходствѣ этого новаго расположенія въ оборонительномъ смыслѣ и говорить нечего. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что западные строители прибѣгали къ нему уже въ средніе вѣка [2]). Наши-же сибирскіе строители не примѣняли его раньше, вѣроятно, потому, что слишкомъ презирали безпорядочныя и плохо вооруженныя толпы своихъ враговъ. Что-же касается до самаго пріема, то они его, несомнѣнно, знали, уже хотя-бы потому, что въ громадномъ масштабѣ онъ былъ примѣненъ въ Москвѣ, гдѣ стѣны Бѣлаго и Земляного города окружали двойнымъ кольцомъ Кремль и Китай-городъ.

Познакомившись съ общимъ расположеніемъ Якутскаго острога, разсмотримъ теперь подробно оборонительные и строительные пріемы его стѣнъ и башенъ на основаніи данныхъ, представляемыхъ снимками съ натуры (табл. V, VI VII, VIII и IX) и моделью, хранящеюся въ Императорской Археологической Коммиссіи (табл. XI, XII, XIII и XIV).

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ оговориться, что сравненіе модели со снимками съ натуры показало ея замѣчательную точность, слѣдовательно данныя, ею представляемыя, безусловно можно считать документальными.

Мы начнемъ наше разсмотрѣніе со стѣнъ, какъ съ оборонительнаго сооруженія преобладающаго характера и притомъ наибольшаго протяженія.

---

1) См. въ атласѣ Ремезова, табл. 13.

2) См. E. Viollet le Duc, „Dictionnaire raisonné de l'archit. française". Tome III, page 98, fig. 14. Paris MDCCCLXXV.

Выяснимъ сперва тѣ требованія, которымъ должна удовлетворять такая деревянная крѣпостная стѣна. Онѣ сводились, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ условіямъ:

1) Стѣна должна быть достаточно устойчивой и прочной, чтобы нападающій непріятель не могъ сдѣлать мѣстнаго обвала или пролома, который открылъ-бы ему доступъ внутрь города.

2) Она должна быть удобною для живой обороны, т. е. для ея защитниковъ, которыхъ надо размѣщать такъ, чтобы они могли наиболѣе сильно поражать непріятеля, оставаясь въ то же время сами защищенными отъ дѣйствія его оружія.

и 3) Оборонительныя части ея должны быть устроены такъ, чтобы не только можно было поражать непріятеля издали, когда онъ еще подступаетъ къ крѣпости, но и отбивать его, когда онъ находится у самаго подножія стѣны и лѣзетъ на приступъ[1]).

Первое условіе соблюдено въ Якутской стѣнѣ въ томъ отношеніи, что она представляетъ собою не простой легко опрокидываемый заборъ, а состоитъ изъ устойчивыхъ срубовъ въ 1½ саж. длины и 1½ саж. ширины, причемъ наружныя и внутреннія стѣны этихъ срубовъ—общія и цѣльныя, схваченныя короткими поперечными (табл. XI, рис. 2); значитъ, иными словами, стѣны Якутскаго города срублены «тарасами». Такимъ образомъ опрокинуть эту стѣну нельзя, вслѣдствіе ея значительной устойчивости и общей связи по длинѣ. Что-же касается до связи въ углахъ, т. е. до соединенія стѣнъ съ башнями, то оно также не просто сдѣлано «въ притыкъ», а устроено очень прочно, причемъ часть бревенъ стѣны входитъ въ пазы, сдѣланные въ боку башни, а другія проходятъ насквозь его и закрѣпляются извнутри, какъ мы это ясно видимъ на модели (табл. XII, лѣвый бокъ башни). Прекрасное доказательство прочности этого соединенія мы находимъ на снимкѣ съ натуры у лѣвой, сѣверной башни (табл. VI): уцѣлѣвшія верхнія бревна крайняго прясла стѣны сошли со своей нижней опоры и провисли, но держатся на вѣсу только потому, что лѣвый ихъ конецъ врубленъ въ стѣну башни[2]).

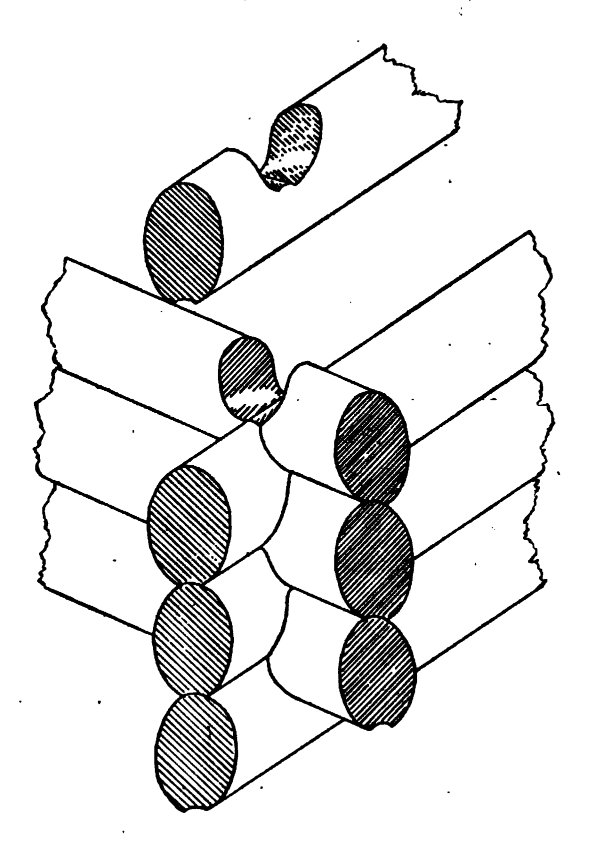
[1]) Не надо забывать, что предполагаемый противникъ, т. е., въ данномъ случаѣ сибирскіе инородцы, *ни артиллеріи, ни огнестрѣльнаго оружія не имѣли.*

[2]) То же самое мы видимъ на самомъ послѣднемъ снимкѣ Якутскаго острога на восточной сторонѣ сѣверной башни. См. П. Головачевъ. „Сибирь". Москва. 1905, стр. 381, рис. 92.

Рубка стѣнъ сдѣлана «въ обло», «съ остаткомъ», какъ это ясно видно и на снимкахъ съ натуры (табл. V, рис. 2, и табл. VIII) и на модели (табл. XI, рис. 2). Для неспеціалистовъ замѣтимъ, что рубкой «въ обло» называется такое соединеніе концовъ бревенъ между собою, при которомъ одно бревно входитъ на половину своей толщины въ выемку, сдѣланную въ другомъ бревнѣ (черт. 27), причемъ концы этихъ бревенъ выступаютъ за поверхность стѣны на 4 или 6 вершковъ и называются «остатками».

Такимъ образомъ, стѣна эта устроена достаточно прочно.

Конечно, странно было бы утверждать, что она была бы въ состояніи сопротивляться тѣмъ стѣнобитнымъ машинамъ, которыми, напр., татары разбивали стѣны Кіева, или какія примѣнялись при осадахъ замковъ въ средніе вѣка. Но не надо забывать, что эти «города» строились не противъ непріятеля, вооруженнаго всѣми познаніями тогдашняго инженернаго дѣла, а для защиты отъ безпорядочныхъ и вооруженныхъ только холоднымъ оружіемъ скопищъ сибирскихъ дикарей, которые могли лишь или прорубить себѣ проёмъ при приступѣ или просто опрокинуть стѣну, навалившись на нее живою массою. Вотъ для сопротивленія подобнымъ усиліямъ Якутская стѣна была достаточно прочна и устойчива; это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что Якутскій острогъ ни разу не былъ взятъ инородцами, несмотря на неоднократныя нападенія.

Черт. 27.
Рубка стѣнъ въ „обло" или „съ остаткомъ".

Высота нижней части стѣны до верхняго выступа—2 саж., а высота этого выступа или «облама»—1 саж. Эти размѣры мы опредѣляемъ по модели

и по чертежамъ Кипріанова (табл. X). Щукинъ утверждаетъ, что вышина нижней части 2½ саж., а всей стѣны — 3 саж. 2 четверти (?)[1]).

Повидимому, высоту въ 2 саж. надо считать болѣе правильной, такъ какъ на чертежахъ, представленныхъ въ Т.-С. Комитетъ М. В. Д. въ 1870 году Якутскимъ Областнымъ Управленіемъ (черт. 8, 9, 10 и 11 и табл. XI, черт. 1), она показана всего 5 аршинъ[2]). Кромѣ того, секретарь Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета А. Поповъ, въ своемъ отвѣтѣ на запросы Академіи Художествъ, сообщаетъ, что стѣна эта срублена изъ 6-вершковаго лѣса[3]), а на снимкѣ съ натуры (табл. V, рис. 2) мы видимъ, что она имѣла отъ 16-ти до 17-ти вѣнцовъ. Умножая 6 вершковъ, т. е. толщину бревна, на 16 или на количество вѣнцовъ, получимъ:

$$6 \text{ вершк.} \times 16 = 96 \text{ вершк.} = 2 \text{ саж.}$$

Отсюда ясно, что высоту стѣны, показанную на модели, надо считать болѣе правильной.

Если мы обратимся теперь къ длинѣ стѣны, то найдемъ еще болѣе разнорѣчивыя показанія, и надо только удивляться, какъ возможны такія грубыя ошибки при простомъ обмѣрѣ прямолинейной стѣны!

Вотъ свѣдѣнія, сообщаемыя объ ея длинѣ.

1) По даннымъ г. Попова «вся длина фаса равна» . . . 65 с.

2) По плану, приложенному къ его отвѣту (табл. IV), она равна 66 с.

3) По чертежамъ 1870 года (табл. XI, черт. 1). . . . . 52 с.

4) По чертежамъ Кипріанова. . . . . 52 с.

5) По «Вѣдомости 1701 года». . . . . 60 с.

6) По Щукину. . . . . 63½ с.

и 7) По архивному плану Т.-С. Комитета, № 264-й (черт. 19), лѣвая внутренняя стѣна имѣетъ около . . . . 80 с.

Данныя Словцова, какъ явно нелѣпыя, мы оставляемъ въ сторонѣ.

Итакъ, одни источники опредѣляютъ ея длину въ 52 саж., а другіе — въ 80 с. Разница такъ велика, что для рѣшенія вопроса остается, кажется, взять только среднее ариѳметическое! И, какъ это ни странно, мы получимъ при этомъ результатъ довольно близкій къ истинѣ:

$$\frac{65+66+52+52+60+63+80}{7}=\frac{438}{7}=62\tfrac{4}{7}.$$

[1]) Стр. 197 и 198.

[2]) См. отн. Як. Обл. Управл. отъ 31-го декабря 1870 г., за № 3653. (Архивное дѣло Хозяйственаго Д-та М. В. Д. 1877—79 гг., № 607—№ 605).

[3]) Отн. Як. Обл. Ст. К-та отъ 22-го декабря 1877 г., за № 162 (ib.).

Дѣйствительно, Щукинъ пишетъ, что длина каждой тарасы или сруба равна $1^1/_2$ саж., что подтверждаетъ и г. Поповъ. Но на снимкѣ съ натуры (табл. V, рис. 1) мы видимъ, что каждая половина стѣны, между средней и боковой башнями, состоитъ изъ 18-ти тарасъ, а вся стѣна—изъ 36-ти тарасъ.

Слѣдовательно, длина *одной* только стѣны, безъ башенъ, будетъ:

$$1^1/_2 \text{ с.} \times 36 = 54 \text{ саж.}$$

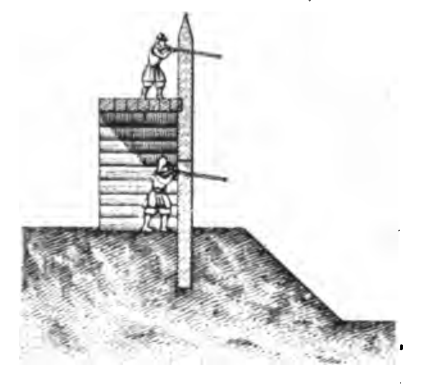
Но къ этому надо еще прибавить ширину двухъ угловыхъ башенъ, по 3 саж. каждая, и ширину средней башни, равную 4 саж., или

$$6 \text{ с.} + 4 \text{ с.} = 10 \text{ саж.}$$

А 54 с. + 10 с. = 64 саж., т. е. величинѣ очень близкой къ среднему пропорціональному.

Мы ее можемъ принять за вѣрную, такъ какъ она не много разнится отъ показанія г. Попова (65 саж.), описи 1701 года (60 саж. безъ выступовъ башенъ) и опредѣленія самаго Щукина (62½ саж.) [1]).

Внутренность каждой тарасы служила для помѣщенія защитниковъ, которые стрѣляли въ отверстія, продѣланныя въ наружной стѣнѣ и извѣстныя подъ названіемъ «подошвеннаго боя». Такихъ отверстій въ каждомъ отдѣленіи стѣны было два, что ясно видно на рисункѣ Щукина (рис. 20), на чертежахъ 1870 года (табл. XI, черт. 1 и черт. 8, 9 и 10 въ текстѣ) и на чертежѣ Кипріанова (табл. X, черт. 1). Судя по модели и по чертежамъ, *теперь* этотъ «подошвенный бой» расположенъ очень невысоко отъ земли, примѣрно на 1 арш. 4 вершка, изъ чего Щукинъ заключаетъ, что стрѣляли, вѣроятно, «лежа или стоя на колѣняхъ» (стр. 197). Но стрѣлять «лежа» черезъ бойницу, расположенную на 1 арш. 4 в. *выше*, можно только въ небо, а стрѣльба «съ колѣна»—необычна. Кромѣ того, на изображеніяхъ обороны у Ласковскаго и у Пальмквиста [2])

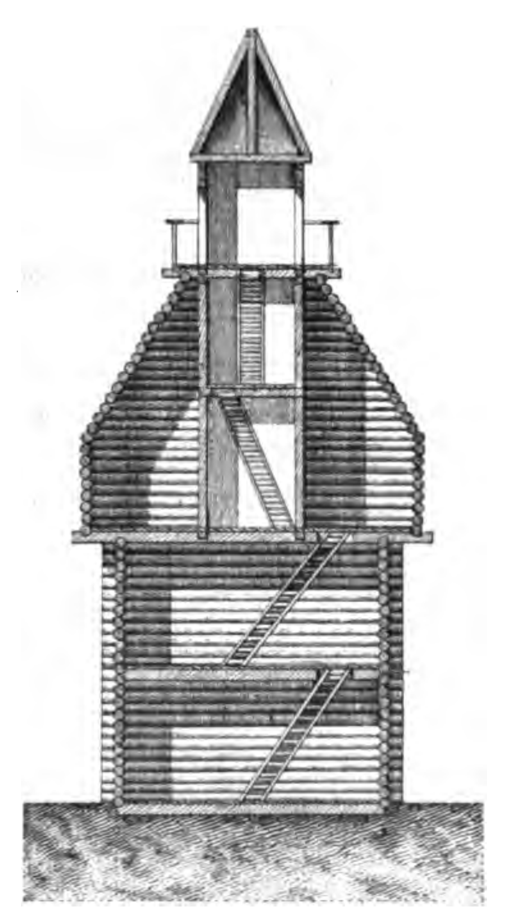
Черт. 28. Тыновая ограда. (По Ласковскому),

---

[1]) Но этимъ мы не считаемъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ и оставляемъ его *открытымъ*, ожидая рѣшенія его отъ тѣхъ, болѣе насъ счастливыхъ изслѣдователей, которые будутъ обмѣрять памятникъ въ натурѣ.

[2]) Эрикъ Пальмквистъ, артиллерійскій капитанъ, былъ въ Москвѣ въ составѣ шведскаго посольства въ 1673 г. Онъ составилъ весьма любопытный альбомъ чертежей и рисунковъ подъ заглавіемъ „Nägre widh Sidste Kongl. Ambassaden

(черт. 28 и табл. XI, рис. 3) защитники стрѣляютъ *стоя;* поэтому намъ кажется вѣрнѣе предположить, что бойницы находились прежде выше, но затѣмъ спустились ниже, вслѣдствіе «вростанія въ землю» древнихъ построекъ, что можно и до сихъ поръ еще наблюдать въ старыхъ избахъ, у которыхъ окна чуть не на землѣ. Такое «вростаніе» объясняется, съ одной стороны, сгниваніемъ нижнихъ вѣнцовъ, положенныхъ прямо на землю, безъ фундамента, а съ другой стороны постепеннымъ механическимъ наростаніемъ почвы въ древнихъ населіяхъ [1]).

Черт. 29. Проѣзжая башня г. Красноярска. (По Ѳ. Ласковскому).

Но съ другой стороны въ «обламѣ» бойницы помѣщены примѣрно на той же вышинѣ: на чертежахъ 1870 года на уровнѣ 1 аршина (черт. 9 и 10), а на модели — на половинѣ четвертаго вѣнца, слѣдовательно на слѣдующей высотѣ:

$$3\tfrac{1}{2} \times 6 \text{ в.} = 21 \text{ в.} = 1 \text{ арш. } 5 \text{ в.}$$

Полъ верхняго яруса стѣны былъ сдѣланъ на одномъ уровнѣ съ низомъ облама, какъ показано у Щукина (рис. 21). Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не принять въ разсчетъ и такого соображенія: при стрѣльбѣ «съ колѣна» локоть *лѣвой* руки опирается на колѣно *лѣвой* согнутой ноги, слѣдовательно при такомъ положеніи ружье получаетъ наиболѣе *твердую* опору, что было весьма *важно* при *тяжелыхъ* казацкихъ «самопалахъ».

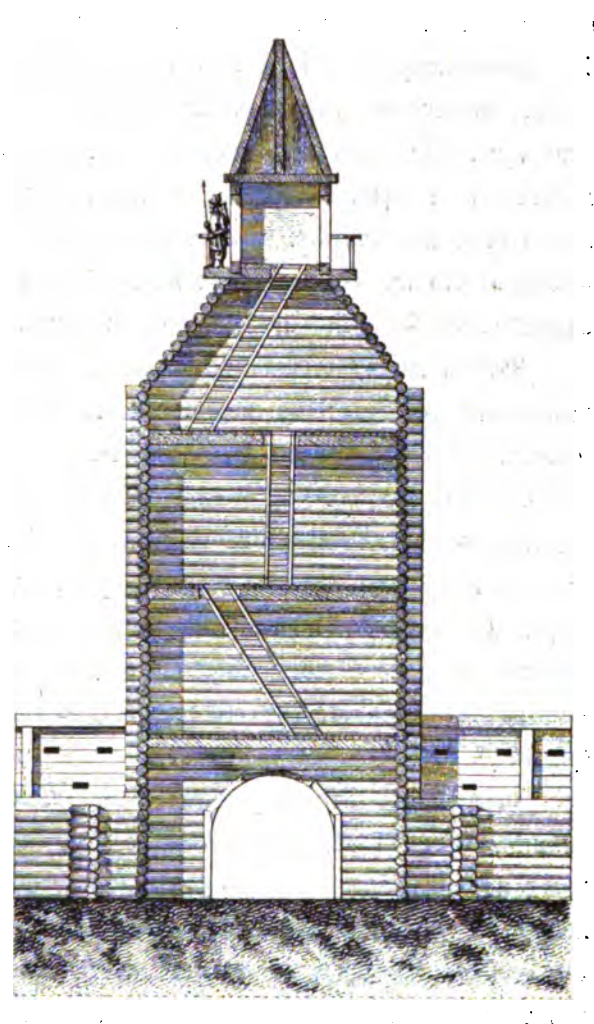
---

till Tzaren Muskou giorde observationer over Ruszland . . . Anno 1674, т. е. „Нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя при посольствѣ къ Московскому царю о Россіи“. Альбомъ недавно изданъ шведскимъ правительствомъ. Эти оба автора — люди *военные,* слѣдовательно на авторитетъ ихъ въ этомъ дѣлѣ можно положиться.

[1]) Оставляя въ сторонѣ базилику св. Климента въ Римѣ и другіе общеизвѣстные въ литературѣ примѣры, мы утверждаемъ, на основаніи личныхъ раскопокъ, что почва въ московскомъ Кремлѣ, противъ Николаевскагб дворца, наросла на *три* сажени.

Поэтому мы оставляемъ этотъ вопросъ *открытымъ* и полагаемъ, что рѣшеніе его возможно только путемъ изученія *самаго* памятника.

Тарасы соединены между собой и съ башнями, по свидѣтельству г. Попова, «низкими ходами»; ходы эти были, конечно, необходимы для прохода внутри всей стѣны и кромѣ того для того, чтобы защитники не были наглухо раздѣлены, а могли поддерживать взаимно другъ друга, собираясь туда, гдѣ грозила наибольшая опасность. Незначительная высота этихъ проходовъ какъ-бы подтверждаетъ нашу мысль, что стѣна «вросла въ землю»: ясно, что черезъ «высокій» проходъ сообщеніе легче, нежели черезъ «низкій»; нелѣпо-же дѣлать проходъ, чтобы «облегчить» сообщеніе, и въ то же время сдѣлать его «низкимъ», чтобы «затруднить» то же сообщеніе.

Черт. 30. Башня г. Красноярска. (По Ласковскому).

Намъ, быть можетъ, укажутъ на низкія двери избъ, но указаніе это здѣсь не можетъ имѣть мѣста: тамъ низкая дверь дѣлается для сохраненія тепла, а здѣсь ни о какомъ теплѣ и рѣчи быть не можетъ. Слѣдовательно, мы вправѣ предполагать, что эти проходы были прежде выше; хотя, съ другой стороны, нельзя отрицать и того обстоятельства, что казаки, привыкнувъ къ маленькимъ дверямъ-лазамъ жилищъ сибирскихъ инородцевъ, просто не имѣли потребности въ большихъ дверяхъ. Поэтому окончательное рѣшеніе этого вопроса приходится также ожидать отъ изслѣдованія памятника на мѣстѣ.

Съ внутренней стороны стѣны каждая изъ тарасъ имѣла прямоугольное отверстіе, что мы видимъ на модели (табл. XI, рис. 2) и на рисункѣ Щукина (рис. 21-й). Отверстія эти расположены на высотѣ 1½ арш. отъ земли и имѣютъ 1½ аршина ширины и 1 аршинъ высоты. Они, повидимому, служили для освѣщенія, потому что для входа внутрь тарасъ мы видимъ двери, какъ у Щукина (рис. 21), такъ и на модели (табл. XI, рис. 2), около 2 арш. 6 верш. высотою и 1 арш. 2 вершка шириною. Впрочемъ, въ случаѣ надобности, можно было выскочить и въ свѣтовое отверстіе, хотя съ меньшимъ удобствомъ. Очевидно, что въ обычное время внутрь стѣны входили черезъ двери и затѣмъ направлялись боковыми проймами по тарасамъ.

Затѣмъ вверху этой стѣны былъ балочный настилъ съ поломъ или такъ называемый «мостъ»; на модели мы его не видимъ (табл. XI, рис. 2); это объясняется тѣмъ, что онъ давно уже сгнилъ и провалился. Но что онъ несомнѣнно былъ, мы заключаемъ изъ того, что иначе по стѣнѣ нельзя ходить, и защитникамъ второго яруса не на чемъ было-бы стоять. Поэтому-то мы видимъ «мостъ» вездѣ на чертежахъ древнихъ русскихъ деревянныхъ башенъ и стѣнъ (черт. 29 и 30 и табл. XI, рис. 3). Кромѣ того, полъ очень замѣтенъ на изображеніи Щукина, во времена котораго онъ, очевидно, еще частію былъ цѣлъ, какъ это замѣтно на правой сторонѣ его рисунка, изображающаго задній фасадъ стѣны (рис. 21).

Стѣны, рубленыя «тарасами», заполнялись обыкновенно землею и каменьями. Но въ XVI вѣкѣ это устройство должно было нѣсколько измѣниться, вслѣдствіе примѣненія новаго болѣе сильнаго способа обороны стѣны съ помощью обстрѣливанія лежащей впереди мѣстности «огнемъ въ нѣсколько ярусовъ». Съ этою цѣлью дѣлались въ стѣнѣ три горизонтальныхъ ряда бойницъ или такъ называемые «верхній», «средній» и «нижній» или «подошвенный бой». Для образованія «подошвеннаго боя» нѣкоторыя части тарасъ приходилось оставлять не засыпанными, образуя потолокъ изъ сплошного накатника, какъ это видно на черт. 23-мъ. А устройство «средняго боя» заставило совершенно отбросить въ сторону засыпку стѣнъ и дѣлать ихъ полыми или пустыми [1]), что мы и видимъ въ Якутскомъ острогѣ.

Это послѣднее устройство гораздо выгоднѣе въ смыслѣ обороны, нежели первое, ибо при немъ защитники помѣщаются въ каждой тарасѣ, а при засыпкѣ землею—черезъ тарасу (черт. 22), и слѣдовательно огонь обороны бу-

---

[1]) Объ этомъ см. подробно у Ласковскаго, стр. 87—88.

деть *вдвое* слабѣе. Эти-же соображенія заставили, очевидно, сдѣлать полыми и якутскія стѣны, хотя мы видимъ въ нихъ всего только *два* боя: «подошвенный»—у низа стѣны и «верхній»—въ выступѣ (черт. 10 и табл. X).

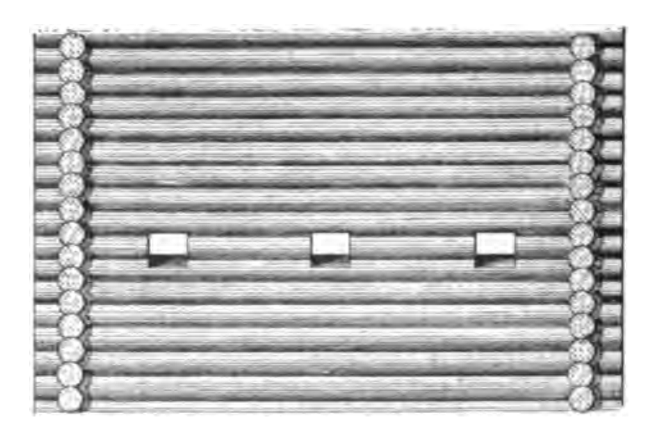
Выше пола или «моста» Якутской стѣны находился ея *второй* ярусъ, который былъ сдѣланъ иначе, чѣмъ нижній, потому что, независимо отъ устройства «верхняго» боя, въ немъ должны были быть налицо такъ называемыя «навѣсныя бойницы» для избіенія непріятеля у подошвы стѣны и, кромѣ того, свободный проходъ съ внутренней стороны стѣны.

Для достиженія этой цѣли устраивался на стѣнахъ такъ называемый «обламъ», т. е. выступающій впередъ брустверъ, закрывавшій защитниковъ и образовывавшій своимъ выступомъ «навѣсныя бойницы». Въ Якутскомъ «городѣ» этотъ «обламъ» очень хорошо виденъ на снимкахъ съ натуры (табл. V, рис. 2, правая дальняя половина стѣны, и табл. VIII) и на изображеніи у Щукина (рис. 20). Высота стѣнки «облама», какъ мы уже говорили, на Якутской стѣнѣ 1 саж., а выступъ впередъ для образованія навѣсныхъ бойницъ, по словамъ Щукина, «четверть аршина», считая, разумѣется, чистый промежутокъ безъ толщины стѣны. Стѣнка облама устроена весьма остроумно въ конструктивномъ отношеніи: подъ нее выпущены снаружи, изъ концовъ трехъ верхнихъ бревенъ поперечныхъ стѣнъ, такіе-же кронштейны, какіе мы видимъ на внутренней сторонѣ стѣны (табл. XI, рис. 2), съ выступомъ примѣрно въ 1 аршинъ. Затѣмъ на концы ихъ была поставлена стѣнка «облама». Но поставить её еще было мало: надо было затѣмъ удержать въ вертикальномъ положеніи и, кромѣ того, сдѣлать достаточно прочною относительно возможности обвала или разлома и наиболѣе доступною для живой обороны. Для достиженія этихъ цѣлей были введены *поперечныя* стѣны, которыя удерживали обламъ въ вертикальномъ положеніи и уничтожали всякую возможность обвалить его внизъ или опрокинуть назадъ. Эти стѣны расположены были надъ нижними поперечными стѣнами и доходили только до половины ихъ длины, чтобы оставить съ внутренней стороны ограды свободное мѣсто для кругового прохода (табл. XI, рис. 2). Но такъ какъ концы этихъ верхнихъ поперечныхъ стѣнъ нельзя было оставить свободными, то они попарно схвачены короткими продольными стѣнками, проходящими по средней линіи нижней части ограды, вслѣдствіе чего здѣсь постоянно чередуются впадины и срубы. Для большей прочности нижнія два бревна стѣнокъ по средней линіи сдѣланы сплошными, безъ перерыва (см. ib. и рис. 21). Во впадинахъ доступъ къ обламу является совершенно свободнымъ, а въ срубахъ онъ открывается черезъ отверстія, имѣющія одинъ

квадратный аршинъ и вытесанныя вверху по лучковой кривой; расположены эти отверстія на 12 вершковъ выше «моста», т. е. полового настила.

Такое устройство облама весьма практично и остроумно въ строительномъ отношеніи и представляетъ собою, повидимому, пріемъ совершенно новый, такъ какъ у Ласковскаго такого примѣра мы не находимъ.

Въ каждомъ изъ дѣленій облама мы видимъ три отверстія: двѣ бойницы парныя, образующія такъ называемый «верхній бой», и надъ ними одна продолговатая щелеобразная, служившая, вѣроятно, для скрытаго обзора непріятеля (черт. 9, 10, рис. 20, табл. X и табл. XI, рис. 1).

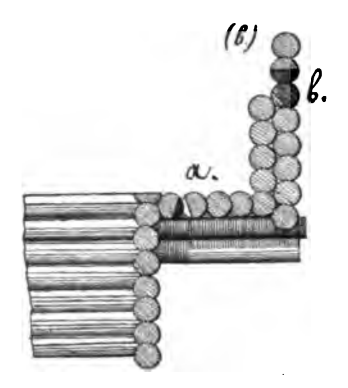
Черт. 31. Бойницы деревянныхъ стѣнъ.
(По Ласковскому).

Здѣсь нельзя умолчать о томъ обстоятельствѣ, что бойницы верхняго боя расположены также всего на 1 арш. отъ поверхности «моста» или пола стѣны, т. е. на той-же высотѣ, какъ и «подошвенный бой» надъ поверхностью земли, что какъ будто оправдываетъ предположеніе Щукина о «стрѣльбѣ съ колѣна». Во всякомъ случаѣ мы оставляемъ открытымъ вопросъ о томъ, «вросла-ли стѣна въ землю или нѣтъ», и ждемъ отвѣта на него отъ изслѣдователей на мѣстѣ.

По Ласковскому бойницы деревянныхъ стѣнъ, предназначавшіяся для ружейной стрѣльбы, имѣли $3^1/_2$ вершка высоты и отъ 7-ми до $10^1/_2$ вершковъ длины; отверстія дѣлались въ двухъ смежныхъ вѣнцахъ и отстояли другъ отъ друга не менѣе 2 арш. 4 вершк. и не болѣе 3 арш. (черт. 31). Въ Якутскомъ острогѣ эти бойницы очень подчеркнуты на чертежахъ (черт. 9 и 10 и табл. X, черт. 1) и едва замѣтны на снимкахъ съ натуры (табл. VIII). По-

[1]) Оставляемъ эту ширину на отвѣтственности Щукина.

этому мы воздерживаемся сказать что-либо опредѣленное объ ихъ размѣрахъ въ данномъ случаѣ. Переходя затѣмъ къ навѣснымъ бойницамъ Якутскаго острога, мы допускаемъ предположеніе, что въ виду ихъ незначительной ширины—4 вершка—онѣ могли оставаться открытыми сплошь, такъ какъ при этомъ удобнѣе отражать непріятеля камнями, лить на него кипятокъ, расплавленную смолу и стрѣлять по нёмъ въ упоръ. Но Ласковскій полагаетъ, что промежутокъ этотъ застилался поломъ, въ которомъ для стрѣльбы оставлялись отверстія (черт. 32). Способы обороны верхняго яруса стѣны, защищенной обламомъ, показаны на черт. 33, въ текстѣ, и на рисункѣ 3-мъ таблицы IX-ой и вполнѣ ими объясняются.

Черт. 32. Разрѣзъ облама. *a* и *b* - бойницы. (По Ласковскому).

Затѣмъ вопросъ—какъ былъ устроенъ верхъ стѣны? Ни модель, ни снимки съ натуры не даютъ для этого никакихъ данныхъ, но г. Поповъ сообщаетъ, что «въ одномъ мѣстѣ, между башнями *б* и *в* (табл. IV), видны остатки галлереи, устроенной надъ срубами» [1]; а на изображеніи Щукина видны не только остатки стропилъ, но и часть крыши со столбами галлереи и перилами, уцѣлѣвшими у южной башни (рис. 21). Наконецъ, на чертежѣ Кипріанова мы видимъ все это полностью (таблица X, черт. 2-й). Кромѣ того, въ «Вѣдомости 1701 года» прямо сказано: «городъ... новой, рубленой.... *крытъ въ одинъ тесъ*». Отсюда мы заключаемъ, что устройство верхняго яруса ограды было слѣдующее: снаружи на кронштейнахъ шла стѣна облама, удерживаемая на своемъ мѣстѣ срубами половинной противу нижнихъ ширины и расположенными не сплошь, а черезъ тарасу. Съ внутренней стороны ограды на концахъ кронштейновъ были поставлены столбы галлереи, схваченные на высотѣ 1 саж., т. е. на высотѣ облама, продольной обвязкой, которая служила опорой для стропильныхъ ногъ двускатной крыши, въ родѣ того, какъ мы это видимъ на черт. 21 и 33.

Черт. 33. Разрѣзъ деревянной крѣпостной стѣны. (По Ласковскому).

[1]) См. его отвѣтъ на запросъ И. А. Х, стр. 34—36.

Пролёты между столбами были заняты перилами, а промежутокъ между этими последними и срубами облама служилъ круговымъ проходомъ по стѣнѣ, сквозь башни.

Мы предполагаемъ, что столбы галлереи стояли на кронштейнахъ, а не на продольной стѣнѣ, потому что иначе не было никакого смысла дѣлать кронштейны съ внутренней стороны ограды, а между тѣмъ они были сдѣланы, въ чемъ убѣждаетъ насъ модель (табл. XI, рис. 2). У строителей острога не было лишняго времени, чтобы тратить его безъ смысла, слѣдовательно кронштейны были для столбовъ и перилъ. Предположеніе это подтверждается, кромѣ того, расположеніемъ пазовъ на боковой стѣнѣ башни, гдѣ верхній вертикальный пазъ внутренней стороны ограды также сходитъ съ отвѣса стѣны, какъ и обламъ. Если-же мы смѣряемъ по модели пространство между внутренней стѣной ограды и такой-же стѣной срубовъ облама, т. е. ширину мѣста, оставленнаго для прохода, то увидимъ, что оно имѣетъ всего около 2-хъ аршинъ, что и побудило уширить его, выдвинувши внаружу столбы галлереи на кронштейнахъ и увеличивъ такимъ образомъ проходъ на 8—10 вершковъ. Этотъ свѣсъ галлереи отлично виденъ на изображеніи Щукина (рис. 21), гдѣ подъ нею показана сильная падающая тѣнь (около лѣвой башни).

На наружномъ скатѣ кровли, вѣроятно, лежали такъ называемые «катки» или большія и тяжелыя бревна, которыя запасали на случай приступа и сбрасывали на непріятеля, когда онъ былъ уже у стѣнъ. Говоримъ «вѣроятно», ибо разсматриваемый нами «третій» Якутскій острогъ былъ построенъ въ 1683-мъ году, т. е. въ то время, когда русская власть широкою волною разлилась по краю и «внезапнаго» нападенія ожидать было нельзя; а слѣдовательно «катки» не зачѣмъ было держать постоянно; въ случаѣ-же надобности ихъ всегда можно было успѣть приготовить.

Чтобы покончить со стѣнами, надо рѣшить еще вопросъ, какъ на нихъ входили? Въ башняхъ мы видимъ двери, которыя вели на галлерею (табл. V, рис. 2-й, лѣвый бокъ средней башни, и табл. XII, тотъ же бокъ угловой башни). Если эти двери были единственными и выходили на галлерею, то всходить на галлерею приходилось такъ: надо было войти въ одну изъ дверей нижняго яруса, свернуть направо или налѣво, смотря по тому, гдѣ была ближайшая башня, войти въ неё, подняться по внутренней лѣстницѣ до уровня пола галлереи и выйти на нее черезъ боковыя двери башни. Врядъ-ли можно допустить, что этимъ кружнымъ путемъ должны были пользоваться защитники во время осады или, въ особенности, приступа, когда дорогà не только каждая

минута, но и каждая секунда. Поэтому вѣрнѣе предположить, что указанныя нами двери въ башняхъ служили главнымъ образомъ для сообщенія между двумя пряслами стѣны, раздѣленными башнями, и для кругового непрерывнаго хода вокругъ стѣнъ. Для входа же на стѣны были, вѣроятно, устроены въ разныхъ мѣстахъ открытыя наружныя лѣстницы, по которымъ можно было быстро вбѣгать на стѣны многимъ защитникамъ сразу. Само собою разумѣется, отъ этихъ лѣстницъ теперь не осталось уже никакихъ слѣдовъ. Но на мысль о существованіи ихъ наводятъ другія изображенія старорусскихъ укрѣпленій, напр. ограды Тихвинскаго монастыря, чертежъ которой помѣщенъ на монастырскомъ планѣ XVII вѣка [1]), хранящемся въ библіотекѣ монастыря подъ № 2264-мъ; или-же изданный Снегиревымъ [2]) древній чертежъ западнаго угла Красной площади въ Москвѣ, гдѣ близъ Воскресенскихъ воротъ показана наружная лѣстница для входа на стѣну Китая-города.

Перейдемъ теперь къ башнямъ. Изъ нихъ двѣ угловыя (табл. VI, VIII и XII) одинаковы, а двѣ остальныя (табл. VII, IX, XIII и XIV) похожи по формѣ, но не сходны въ подробностяхъ ни между собою, ни съ угловыми.

Начнемъ ихъ обзоръ съ правой угловой, такъ какъ она находится въ состояніи лучшей сохранности и удержала даже свою верхушку (табл. V, рис. 2, табл. VIII и XII). Относительно размѣровъ боковыхъ башенъ разногласій нѣтъ: всѣ источники одинаково указываютъ, что онѣ имѣютъ квадратъ въ планѣ, по *три* сажени въ сторонѣ, т. е. иными словами, представляютъ собою обычный девятиаршинный крестьянскій срубъ, удержавшійся и до нашего времени.

Что же касается высоты, то здѣсь показанія разнятся. Вотъ ея размѣры по разнымъ источникамъ:

1) По модели . . . . 4 саж. 2 арш.
2) По чертежамъ 1870 года . . . . 4 саж. 1 арш.
3) По чертежамъ Кипріанова (табл. X) . . . . . 4 саж.
4) По свидѣтельству г. Попова . . . . 3 саж. 2½ арш.

Снова раждается вопросъ, которую-же изъ этихъ высотъ принять за вѣрную?.

Повидимому, правда остается на сторонѣ модели: дѣйствительно, эта башня, какъ видно по снимку съ натуры (табл. VIII), имѣетъ сорокъ два вѣнца [3]). Если мы примемъ высоту модели, то толщина каждаго бревна будетъ $\frac{4 \text{ с. } 2 \text{ ар.}}{42} = 5^1/_3$ вершкамъ.

---

[1]) Приготовляется къ печати.
[2]) См. Русск. Стар., годъ шестой, стр. 132, изд. второе, Москва 1860 г.
[3]) Можетъ быть, ихъ въ натурѣ и больше, но на снимкѣ за травою не видно.

Если-же примемъ наименьшую высоту, т. е. 3 с. 2½ арш., то толщина бревна опредѣлится въ $\frac{8\text{ с. } 2^{1}/_{2}\text{ арш.}}{42}$ т. е., приблизительно, въ $4^{1}/_{3}$ вершка.

Но г. Поповъ утверждаетъ, что «башни построены изъ толстаго 6—7 вершковаго лѣса». Допустимъ, что онъ ошибся и опредѣлилъ на глазъ лѣсъ толще, чѣмъ слѣдуетъ; всетаки же вѣроятнѣе предположить, что онъ ошибся въ такомъ маломъ размѣрѣ на $^{1}/_{2}$ вершка, нежели на $1^{1}/_{2}$, и принять среднюю толщину бревна въ $5^{1}/_{2}$ вершковъ, при которой высота башни будетъ въ 4 саж. 2 арш.

Нижніе пять вѣнцовъ угловыхъ башенъ срублены «въ обло», съ «остаткомъ» (табл. VI, VIII и XII), вѣроятно для большей устойчивости, а всѣ остальные, лежащіе выше,—«въ лапу», т. е. съ обрѣзкою концовъ бревенъ на подобіе усѣченной пирамиды, какъ показано на черт. 34 [1]).

При рубкѣ «въ лапу» стѣна заканчивается по угламъ вгладь и бревна «остатковъ» не имѣютъ.

Рубка башенъ «въ лапу» дѣлалась, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы углы были совершенно гладки и неудобны для влѣзанія въ время приступа. Рубка-же «въ обло съ остаткомъ» предоставила-бы въ этомъ отношеніи нападающему значительныя удобства.

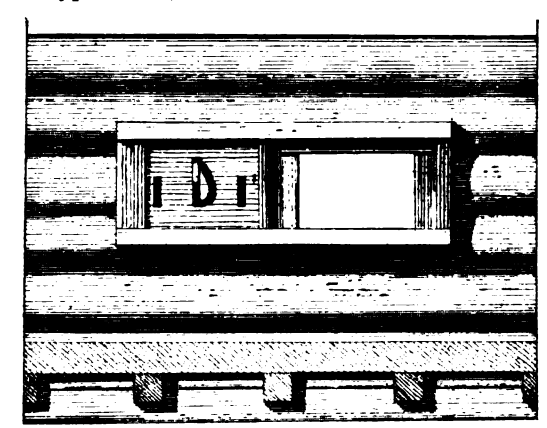
Черт. 34. Рубка „въ лапу“.

Г. Поповъ говоритъ, что «раскатовъ въ башняхъ, повидимому, не было», но съ этимъ нельзя согласиться, во-первыхъ, въ виду свидѣтельства Щукина, что башни были въ нѣсколько этажей, а во 2-хъ, по сравненію съ устройствомъ башенъ другихъ сибирскихъ городовъ (черт. 29 и 30). Да и, наконецъ, «мосты» должны были быть для размѣщенія живой обороны: вѣдь

[1]) Прилагаемъ этотъ чертежъ для читателей не спеціалистовъ; но, если этотъ строительный пріемъ не будетъ ясенъ изъ нашего чертежа, пусть читатель выдвинетъ ящикъ своего письменнаго стола и посмотритъ соединеніе его стѣнокъ въ углу: оно совершенно аналогично „рубкѣ въ лапу“.

не могли-же защитники держаться на воздухѣ! Поэтому первый «мостъ» или полъ въ башняхъ долженъ находиться на высотѣ пола стѣнной галлереи, второй—на высотѣ «обламовъ» башенъ, а третій—подъ «вышкой».

Лицевой фасадъ башенъ выступаетъ впередъ противъ стѣны на одну сажень, что отлично видно на планѣ (табл. IV) и на перспективныхъ изображеніяхъ (табл. V, черт. 2). Это дѣлалось для того, чтобы съ башни было возможно стрѣлять въ бокъ, т. е. вдоль линіи стѣны, для пораженія непріятеля, когда онъ къ ней подойдетъ вплотную. На модели мы видимъ съ боковъ, т. е. въ тѣхъ стѣнахъ башенъ, въ которыя упираются стѣны ограды, бойницы, размѣщенныя на тѣхъ-же уровняхъ, что и бойницы лицевыхъ сторонъ, потому что и тѣ, и другія находятся въ зависимости отъ уровня одного и того-же пола.

Черт. 35. Отверстіе для орудій. (По Ласковскому).

Обламъ башни, т. е. верхняя выступная стѣнка, основанъ на угловыхъ кронштейнахъ, образованныхъ, каждый, концами трехъ верхнихъ бревенъ стѣны (табл. XII). Онъ имѣетъ совершенно то же назначеніе, что и при оградѣ, т. е. устроенъ для образованія навѣсныхъ бойницъ.

Но въ обламѣ башенъ мы замѣчаемъ съ каждой стороны по одному круглому отверстію, діаметромъ въ 12 вершковъ (табл. VI и XII), чего въ стѣнахъ не видно. Назначеніе ихъ объясняется изображеніемъ совершенно подобныхъ-же башенъ города Торжка XVII вѣка, которое мы видимъ у Пальмквиста (табл. XI, рис. 3): онѣ предназначались для дѣйствія «снаряда огнестрѣльнаго», т. е. для пушечной пальбы.

По поводу бойницъ этого рода Ласковскій говоритъ слѣдующее: «Отверстія для орудій, которыя были большею частію малыхъ размѣровъ, имѣли до 2½ ф. высоты [1]) и до 2 ф. [2]) длины; малая толщина деревянныхъ стѣнъ много содѣйствовала къ увеличенію обстрѣла орудій; въ каждомъ этажѣ башни помѣщалось только по одному орудію» [3]).

---

[1]) Около 1 арш. 1 в.

[2]) Около 14 вершковъ.

[3]) См. часть I, стр. 98.

На приложенномъ изображеніи (черт. 35) бойницы такого рода показаны у него въ видѣ «волоковыхъ» оконъ, т. е. оконъ, «заволакивавшихся» особыми щитами. Было-ли нѣчто подобное въ бойницахъ Якутскихъ башенъ, можно рѣшить только путемъ осмотра на мѣстѣ, ибо внутренней стороны облама не видно ни на чертежахъ, ни на снимкахъ съ натуры.

Башня покрыта шатровой крышей съ вышкой. Скаты шатра довольно круты и образуютъ съ горизонтомъ уголъ въ 48° по модели, въ 50° по чертежу (черт. 8). Разница здѣсь такъ невелика, что вполнѣ объясняется затруднительностью точнаго обмѣра стараго и покосившагося памятника.

Что-же касается до самаго строительнаго пріема, съ помощью котораго сооруженъ шатеръ, то онъ образованъ не стропилами, какъ-бы сдѣлали теперь, а срубленъ изъ бревенъ вѣнцами, какъ клѣть или изба, и представляетъ собою продолженіе стѣнъ башни, но только съуживающееся кверху. Въ этомъ убѣждаютъ насъ, во 1-хъ, модель, внутри которой въ башняхъ эта рубка ясно видна, а во 2-хъ, примѣры другихъ однородныхъ формъ, каковы, напр., башни въ Красноярскѣ, приведенныя у Ласковскаго (черт. 29 и 30). Срубы эти сверху покрыты тесомъ для болѣе быстраго стока дождевой воды и предохраненія шатра отъ сырости.

Концы тесинъ на 1 арш. 12 вершк. свѣшиваются за плоскость стѣны (табл. XII). Концы ихъ красиво обдѣланы въ видѣ копій, что представляетъ собою одинъ изъ немногихъ образчиковъ украшеній, столь малочисленныхъ въ этой исключительно «полезной» постройкѣ. Цѣльныя части тесинъ свѣшиваются за стѣну на 12 вершковъ, а копья—на 1 арш., что прекрасно видно на среднемъ углу изображенія башни (табл. XII). Копья эти на чертежахъ Якутскаго острога не показаны (черт. 8, 9, 10 и 11), что еще разъ подтверждаетъ ихъ небрежность.

Надъ шатромъ расположена такъ называемая «дозорная вышка», предназначенная для наблюденія за приближающимся непріятелемъ; размѣры ея, разумѣется, обусловливаются ростомъ средняго человѣка: она имѣетъ 2 арш. 12 вершковъ высоты и 1 саж. ширины съ каждой стороны, при 1 кв. саж. площади пола. Между столбами сдѣланы перила обыкновенной полокотной высоты. Иногда такія вышки дѣлались съ наружными балконами (черт. 29), но глухія перила указываютъ на то, что такихъ балконовъ здѣсь никогда не было.

Вышка также покрыта шатрикомъ, скаты котораго еще круче скатовъ нижняго шатра; вокругъ шатрика идетъ такъ называемая «полка» или «по-

лица», т. е. болѣе пологая часть крыши, которая, съ одной стороны, образуетъ навѣсъ и защищаетъ дозорщика отъ косого дождя, а съ другой стороны, уменьшаетъ скорость паденія водяной струи (табл. XII). Концы тесинъ точно также обдѣланы въ видѣ копій.

Замѣтимъ попутно, что крыша ограды была, конечно, обрѣзана по прямой линіи и такой обдѣлки концовъ не имѣла, ибо «катки», т. е. бревна, которыя скатывались съ нея на непріятеля, разумѣется, ихъ обломали-бы; подтвержденіе этого предположенія мы видимъ и на рисункѣ Щукина (рис. 20).

Выходъ на вышку былъ устроенъ въ видѣ люка, занимающаго одну четверть площади пола, т. е. 1½ квадратныхъ аршина, и прорѣзаннаго не посрединѣ, а къ одному углу.

Такъ какъ внутреннее устройство башни давно уже исчезло, то на модели оно не показано, и мы можемъ судить о немъ лишь по соотвѣтствующимъ примѣрамъ (черт. 29).

Происхожденіе шатроваго верха съ дозорной вышкой русскихъ крѣпостныхъ башенъ весьма остроумно объяснено покойнымъ Л. В. Далемъ [1]): онъ выводитъ эти вѣнчанія изъ формы полевыхъ вышекъ, которые и теперь еще въ ходу у казаковъ (черт. 36). Дѣйствительно, сравнивая обѣ формы, мы замѣчаемъ полную аналогію.

Черт. 36.
Казачья сторожевая вышка.
(По Далю).

Любопытно, что при украшеніи московскаго Кремля въ концѣ XVII-го столѣтія, надъ его каменными башнями постройки итальянскихъ мастеровъ XV вѣка были выведены русскими мастерами точно такіе-же каменные шатры съ дозорными вышками, вслѣдствіе чего эти башни представляютъ собою смѣсь формъ: снизу—онѣ итальянскія, а сверху—русскія.

Что касается до сѣверной угловой башни (табл. VI), то она совершенно одинакова съ южной, а потому объ ней распространяться особенно нечего; у нея только исчезла вышка, которая несомнѣнно была, что доказывается всѣми прочими изображеніями (черт. 20, 21 и табл. X). Но эта башня имѣетъ одну особенность, а именно маленькій наружный лазъ въ

[1]) См. его „Историческое изслѣдованіе памятниковъ русскаго зодчества". *„Зодчій"* 1873 г., стр. 5.

12 вершковъ ширины и столько-же высоты, прорѣзанный надъ нижнимъ вѣнцомъ, слѣдовательно у самой земли (см. табл. VI, внизу).

Щукинъ наивно предполагаетъ, что этотъ «лазъ» предназначался для «вылазокъ». Подобное предположеніе—явная нелѣпость: въ 1-хъ, «вылазки» производятся значительною частью гарнизона, настолько сильной, чтобы нанести существенный вредъ непріятелю или даже совсѣмъ его опрокинуть. Спрашивается, сколько же времени нужно «значительному» отряду, чтобы вылѣзти черезъ лазейку въ 12 вершковъ въ квадратѣ? Во 2-хъ, этотъ лазъ ведетъ изъ «города» въ «острогъ», т. е. въ промежутокъ между внутренней и внѣшней оградой. О какихъ-же тутъ вылазкахъ можетъ быть рѣчь? Не можетъ же гарнизонъ крѣпости дѣлать вылазки противъ самого себя! Поэтому скорѣе всего предположить, что этотъ лазъ служилъ для одиночныхъ сношеній «города» съ «острогами», когда, по требованіямъ ночного или военнаго времени, ворота были затворены и заложены брусьями.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію средней или «проѣзжей» башни (табл. V и VII и черт. 10).

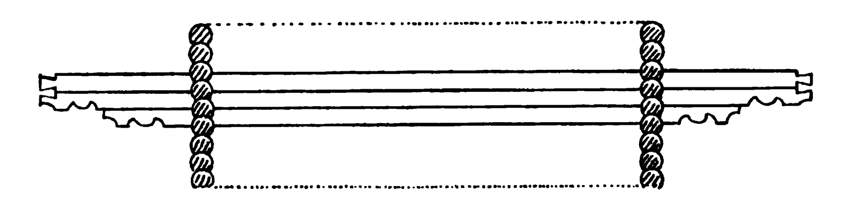
По общему пріему она совершенно повторяетъ угловыя башни, а потому мы его касаться не будемъ, а разберемъ только тѣ особенности, которыми она отличается отъ прочихъ. Первая ея особенность заключается въ томъ, что она не только «оборонительная», но и «проѣзжая», т. е. въ ней есть ворота, которыми обусловливается все остальное, т. е. большіе размѣры башни и оборонительные выступы извнутри и снаружи въ видѣ закрытыхъ балконовъ.

Ворота имѣютъ 4 аршина ширины и столько-же высоты. Они обдѣланы косяками, изъ коихъ два стоячихъ, по бокамъ, и два наклонныхъ верхнихъ, вытесанныхъ въ видѣ лучковой кривой (табл. VII).

Согласно приведенному уже нами свидѣтельству Щукина, ворота закладывались сзади «толстыми брусьями». Ширина башни равняется 4-мъ саженямъ, т. е. на 1 саж. шире угловыхъ. Это увеличеніе ширины сдѣлано какъ для того, чтобы части стѣны по бокамъ воротъ были большей ширины, такъ и для того, чтобы имѣть внутри больше простора при проходѣ войска. Въ вышину точно такъ же, какъ въ ширину, она больше боковыхъ на 1 сажень.

Такъ какъ ворота являются самымъ слабымъ мѣстомъ крѣпости, черезъ которое легче всего ворваться непріятелю, то для обороны ихъ всегда принимались особыя мѣры. Въ средніе вѣка надъ воротами устроивалось такъ называемое «мушараби», т. е. глухой выступающій балконъ, черезъ сквозной полъ котораго можно было избивать вламывающагося врага.

Отзвукъ такихъ мушараби мы находимъ и въ Якутскѣ: съ обѣихъ сторонъ башни надъ воротами были такіе-же выступы, о чемъ можно заключить по уцѣлѣвшимъ до настоящаго времени выступающимъ концамъ бревенъ и по сохранившимся выступамъ на отдѣльно стоящей башнѣ (табл. XIII и XIV). Такъ какъ эти выступы имѣли весьма значительный свѣсъ, то надо было сдѣлать подъ нихъ прочные кронштейны, т. е., иными словами, разрѣшить прежде всего строительный вопросъ. Рѣшенъ онъ былъ якутскими строителями весьма просто: какъ мы видимъ на модели (черт. 37), черезъ двѣ противолежащія стѣны башни были пропущены бревна длиною 6 саж., которые выступали вслѣдствіе этого на 1 саж. въ каждую сторону. Такихъ бревенъ было пропущено по три, одно надъ другимъ, съ каждой стороны балкона. Разстояніе между обоими выпусками равно двумъ саженямъ, слѣдовательно каждый балконъ имѣлъ двѣ сажени длины и одну

Черт. 37. Устройство кронштейновъ выступовъ башни.

ширины, т. е. представлялъ собою площадь въ двѣ квадратныхъ сажени. Нижнее бревно кронштейновъ немного короче двухъ верхнихъ, въ концахъ которыхъ видны слѣды «рубки въ лапу» (черт. 37), служившей для соединенія съ продольными, фасадными бревнами балкона, на которые опиралась его лицевая стѣна.

Бревна снизу обтесаны по нѣкоторому профилю, состоящему изъ кривыхъ полукруга и четверти круга и происходящему несомнѣнно отъ врубки «въ обло». Въ общемъ онъ представляетъ собою довольно прихотливую форму, какъ это видно на шаблонѣ (черт. 38), и является *вторымъ* образчикомъ украшенія въ постройкѣ острога, послѣ копьевидныхъ концовъ кровельнаго теса башенъ.

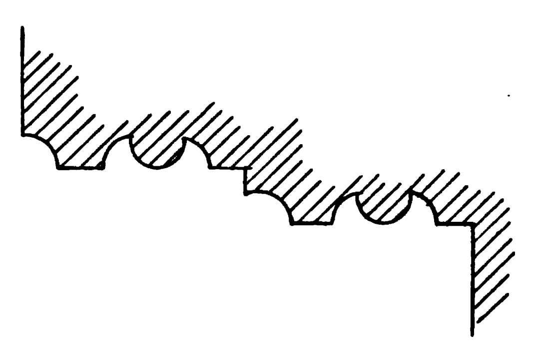
На эти балконы ведутъ изъ башни очень небольшіе дверные проёмы (табл. VII); дверь на наружный балконъ имѣетъ 1 арш. 10 вершк. высоты, а дверь на внутренній балконъ—1 арш. 14 вершк. высоты и 1 арш. 2 в. ширины.

Но пороги этихъ дверей расположены значительно выше пола балконовъ съ такимъ разсчетомъ, что верхняя перекладина колоды приходится на

высотѣ 2 арш. 10 вершк., слѣдовательно даетъ возможность входить почти не наклоняясь и лишь сильно поднимая ногу, чтобы перешагнуть высокій порогъ.

Выходы-же изъ башни на стѣны (табл. V, рис. 2, средняя башня) были значительно больше и имѣли 2 арш. 12 вершк. ширины и 2 арш. 4 в. высоты. Это объясняется тѣмъ, что черезъ башню на стѣну выходило гораздо большее число защитниковъ, нежели на оборонительные выступы воротъ.

Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ этой башни, намъ остается еще указать, что тесовая крыша ея покрыта по ребрамъ отдѣльными тесинами, чтобы предохранить верхніе торцевые концы кровельнаго тёса отъ гніенія, какъ это видимъ на модели.

Черт. 38. Шаблонъ кронштейна.

Намъ остается теперь лишь разсмотрѣть послѣднюю, стоящую отдѣльно башню, которая обозначена буквой *г* на планѣ г. Попова (табл. IV). Г. Поповъ полагаетъ, что она принадлежала той-же оградѣ, какъ и три остальныя башни; мы уже мелькомъ замѣтили по поводу этого предположенія, что оно невѣрно [1]). Приведемъ теперь соотвѣтствующія доказательства.

Мы уже видѣли, что Якутскій острогъ имѣлъ двѣ ограды: одну внутреннюю, въ видѣ рубленой стѣны, а другую внѣшнюю, состоявшую изъ частокола. Всѣ данныя говорятъ за то, что разсматриваемая нами башня принадлежала именно этой внѣшней оградѣ. На черт. 11-мъ, фасада башни *г* [2]), мы видимъ слѣва тынъ или частоколъ; то же самое мы замѣчаемъ и на ея фотографіи (табл IX). Итакъ, первыя три башни соединены между собою рубленою стѣною (табл. V), а башня *г* была соединена съ сосѣдними частоколомъ.

На это можно возразить, что стѣна могла быть сломана и что указанные нами остатки частокола могли быть позднѣйшаго происхожденія. Но мы находимъ опроверженіе этого предположенія въ самомъ памятникѣ: если къ башнѣ *г* нѣкогда примыкала стѣна, то она была бы срублена вмѣстѣ съ нею, какъ мы это отлично видимъ на модели и на фотографіи лѣвой угловой башни

---

[1]) Стр. 37.

[2]) См. планъ г. Попова: табл. IV.

(табл. VI); а въ такомъ случаѣ послѣ разборки стѣны на боку башни должны бы оставаться торцы обрубленныхъ бревенъ или вообще какіе-либо слѣды примыкавшей стѣны, которые мы такъ ясно видимъ на правой угловой башнѣ (табл. XII); между тѣмъ на лѣвой, этой первой башнѣ, которая вышла на фотографіи (табл. XIV), мы никакихъ слѣдовъ не замѣчаемъ: стѣна совершенно чистая и гладкая, что можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если около нея начиналась не стѣна, а забитый въ притыкъ частоколъ.

То же самое подтверждаютъ и древнія изображенія Якутска. На чертежѣ Ремезова (черт. 4 и 15) мы видимъ, что самую *западную* часть стѣны [1]), т. е. самую крайнюю въ смыслѣ конца города, составляетъ тынъ или частоколъ. А на академической гравюрѣ (табл. III, рис. 1) точно такъ же отъ лѣвой крайней башни, которая приходится тамъ между мачтами двухъ лѣвыхъ барокъ, направо по горизонту тянется частоколъ. Наконецъ, то-же самое утверждаетъ и Щукинъ: «Вся крѣпость, говоритъ онъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла обнесена была высокимъ частоколомъ или палисадомъ съ воротами и башнями. *Отъ этого укрѣпленія остались теперь только одни ворота*» [2]).

Но самое неоспоримое доказательство принадлежности разсматриваемой нами башни къ внѣшней оградѣ мы находимъ на планѣ Т.-С. К—та (черт. 19). Мы видимъ, что тамъ не показана средняя башня восточной стороны *внутренней* ограды, а слѣдовательно ея уже не было во время составленія плана; но за то показана средняя башня восточной стѣны внѣшней ограды, что подтверждается и описью плана, гдѣ упоминается, во 1-хъ, «замкъ внутри крѣпости о 6-ти башняхъ», а во 2-хъ, «старая и вѣтхая о 8-ми башняхъ крѣпость деревянная» (черт. 18 и 19). Отсюда мы заключаемъ, что въ началѣ XIX вѣка, т. е. во время составленія плана, въ «острогѣ» сохранились всѣ башни, а въ «городѣ» — не всѣ. Но спрашивается, если средней башни восточной стѣны ограды не было уже въ началѣ XIX столѣтія, то откуда-же она могла явиться въ 70-хъ годахъ того-же столѣтія, когда описывалъ Якутскій острогъ г. Поповъ? Очевидно, что башня *i* есть средняя башня восточной стѣны *внѣшней* ограды, которая была цѣла въ началѣ XIX вѣка.

Опредѣливъ ея мѣсто въ общемъ расположеніи острога, разсмотримъ теперь ея особенности. Башня эта (табл. IX) представляетъ собою въѣздъ въ острогъ, а потому и отличается полнѣйшимъ сходствомъ съ «проѣзжей» башней «города»

---

[1]) При его оріентировкѣ—*верхнюю*.

[2]) См. у Щукина, стр. 199.

(табл. VII). Та же ширина сторонъ, т. е. 4 саж., и тѣ-же выступы (балконы) съ обѣихъ сторонъ надъ воротами; только высота ниже: она равняется высотѣ угловыхъ башенъ «города» (табл. VI и VIII), вслѣдствіе чего башня имѣетъ очень призѣмистый видъ, что особенно замѣтно на снимкѣ съ натуры (табл. IX). Кромѣ того, она отличается большею сохранностью. Такъ, напр., на ней мы видимъ еще два выступа надъ воротами (табл. XIII и XIV). Затѣмъ, въ 70-хъ годахъ на ней была «дозорная вышка» (табл. IX), которая уцѣлѣла и до нашего времени [1]).

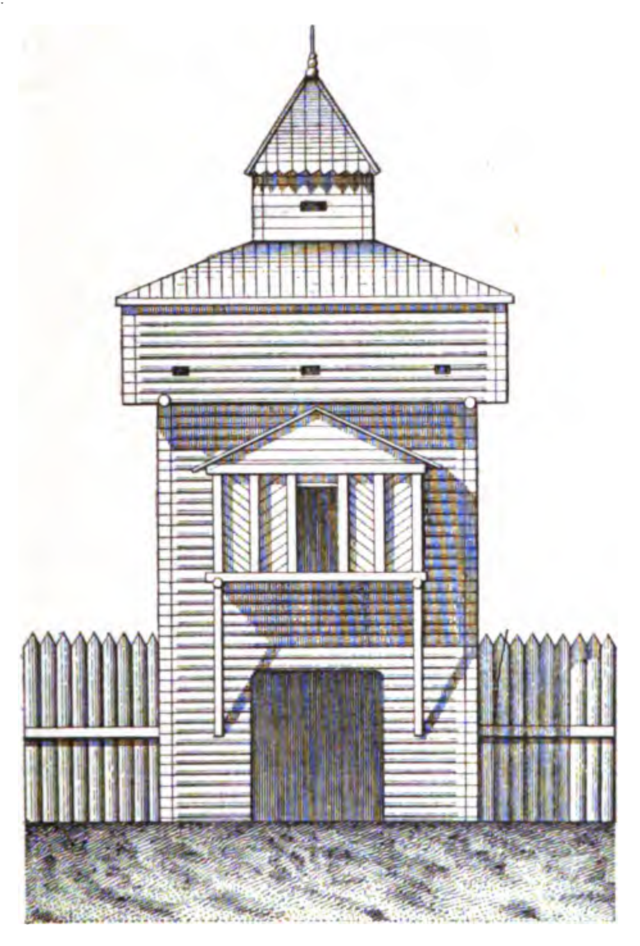
Наиболѣе любопытными частями башни являются ея надвратные выступы, изъ коихъ одинъ обращенъ къ наружной сторонѣ ограды (табл. IX и XIV), а другой—во внутренней (табл. XIII). Каждый изъ нихъ имѣетъ свое отдѣльное устройство.

Подъ эти выступы выпущено всего только *по два бревна*, что прекрасно видно на табл. XIV-й, а не по *три*, какъ въ средней башнѣ города (черт. 37). Это, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что выступы разсматриваемой нами «острожной« башни—легкіе, досчатые, какъ это видно по пазамъ на ея лицевыхъ стѣнахъ, обозначеннымъ на модели; пазы эти прекрасно видны на снимкѣ съ натуры (табл. VII). Въ нихъ входили обдѣланные шипами концы стѣнныхъ бревенъ выступа.

Внутренній выступъ (табл. IX и XIV) имѣетъ 3½ аршина высоты и покрытъ двускатной тесовой крышей. На подобіе старинныхъ сѣней жилыхъ домовъ онъ рубленъ «въ столбъ» и забранъ «въ косякъ», т. е. состоитъ изъ столбовъ, схваченныхъ сверху насадкою, промежутки между которыми заполнены досками, расположенными наклонно. Между столбами на высотѣ 1 арш. 8 вершк. идетъ брусъ, который въ боковыхъ отдѣленіяхъ фасада поддерживается посрединѣ стойками. Ниже этого бруса, между стойками и столбами, верхи косыхъ досокъ прикрыты горизонтальной доской, вырѣзанной по двумъ смежнымъ четвертямъ окружности (табл. IX). Это—обычный русскій пріемъ обдѣлки подоконныхъ стѣнокъ домовыхъ сѣней и церковныхъ папертей. Здѣсь онъ является *третьимъ* образцомъ украшенія послѣ концовъ кровельнаго теса и шаблона кронштейновъ. Щипецъ закрытъ также досками «въ косякъ», расположенными параллельно скатамъ крыши. Боковыя подраздѣленія были выше бруса, повидимому, забраны досками «стоймя», какъ мы можемъ заключить это на основаніи одной уцѣлѣвшей доски, которая видна на снимкѣ съ натуры (табл. IX). Какъ было закрыто среднее отдѣленіе, мы не знаемъ, ибо

[1]) Головачевъ, „Сибирь", стр. 380, рис. 91.

ни на модели (табл. XIV), ни на снимкѣ съ натуры никакихъ слѣдовъ этого не видимъ. Но, судя по аналогичнымъ примѣрамъ, напр. по башнѣ въ г. Илимскѣ, представленной у Ласковскаго (черт. 39), можно думать, что для удобства пораженія непріятеля оно закрывалось какими-нибудь съемными или створными щитами.

Черт. 39. Проѣзжая башня въ г. Илимскѣ. (По Ласковскому).

Боковыя стѣнки наружнаго выступа были, вѣроятно, глухія и устроены на подобіе передней, но раздѣлены только на два, а не на три отдѣленія (табл. IX и XIV).

Подъ углами выступа стоятъ двѣ подпорки (табл. IX), подставленныя конечно впослѣдствіи, ибо такая хилая конструкція немыслима въ оборонительномъ сооруженіи: если-бы выступъ держался только на двухъ столбахъ, то непріятелю стоило ихъ подрубить, чтобы весь выступъ обвалился. Оче-

видно, слѣдовательно, что эти подставки подведены какимъ-нибудь сердобольнымъ обывателемъ, замѣтившимъ, что сгнившія выпускныя бревна могутъ переломиться и тогда весь выступъ рухнетъ.

Противоположный наружный выступъ, т. е. обращенный къ посаду, мы видимъ только на модели (табл. XIII). Онъ имѣетъ тѣ-же размѣры въ длину, что и балконъ съ внутренней стороны ограды, но въ ширину, какъ это ни странно, гораздо уже его и выдвигается всего на 1 саж. 8 в.; а между тѣмъ у «проѣзжей» башни города оба балкона имѣютъ одинаковые выступы (черт. 37).

Строительные пріемы въ немъ тѣ-же самые, что и во внутреннемъ выступѣ, т. е. брусчатый скелетъ съ промежуточными заполненіями, вверху, въ щипцѣ, досчатыми, а въ стѣнахъ—изъ балясника. Эта отдѣлка очень красива и живописна, но несомнѣнно *позднѣйшаго происхожденія*: трудно себѣ представить, чтобы строители острога рѣшились заполнить обращенную къ непріятелю стѣнку балясинками, изъ коихъ каждую можно перешибить ударомъ кулака; кромѣ того, нельзя допустить, чтобы тонкій балясникъ не сгнилъ въ теченіе двухсотъ двадцати лѣтъ. Наконецъ, находясь снаружи и будучи предназначенъ для главной обороны воротъ, выступъ долженъ былъ вмѣщать наибольшее число защитниковъ, а слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не могъ быть меньше внутренняго!

Но хотя балясникъ и поздній, всетаки-же мы должны считать его образцомъ украшенія, который здѣсь является *пятымъ* по счету. Затѣмъ скаты крыши этого выступа обшиты досчатыми полотенцами съ вырѣзными рубчиками на нижнемъ краѣ и съ криволинейнымъ срѣзомъ концовъ сверху. Это уже *шестой* образецъ украшеній.

Къ этому выступу-сѣнямъ, вѣроятно, вела наружная лѣстница, что мы заключаемъ по врубкѣ, которая ясно видна на правомъ «выпускномъ» концѣ нижняго бруса выступа (табл. XIII); въ эту врубку входила «лапа» (см. черт. 34) поперечнаго бруса, служившаго верхней ступенью лѣстницы. Кромѣ этой врубки никакихъ слѣдовъ больше не осталось.

Но если наше предположеніе вѣрно и если такая лѣстница существовала, то она во всякомъ случаѣ была позднѣйшаго происхожденія. Немыслимо допустить, чтобы съ *наружной* стороны тыновой ограды могла быть незащищенная лѣстница, которая открывала-бы непріятелю свободный проходъ внутрь башни, а слѣдовательно и внутрь самой крѣпости!

По поводу этого предположенія невольно раждается вопросъ: кому понадобилась эта передѣлка и зачѣмъ она была сдѣлана?

Какихъ-либо прямыхъ указаній ни въ одномъ изъ приведенныхъ нами источниковъ мы не нашли, но есть нѣкоторые косвенные намёки. Такъ, напр., изъ «Росписного списка 1759 года» мы узнаемъ, что со стороны базара, т. е. съ внѣшней стороны острога, на этой башнѣ былъ образъ Нерукотвореннаго Спаса съ отдѣльными образами Богоматери и Іоанна Крестителя по бокамъ [1]) или такъ называемый «Деисусъ»; а съ внутренней стороны, обращенной къ среднему укрѣпленію,—образъ «Богоматери Живоносной Источницы». Теперь этихъ образовъ, какъ видно на снимкахъ съ натуры, на башнѣ уже нѣтъ (табл. IX).

Затѣмъ изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Киренскимъ окружнымъ исправникомъ С. В. Поповымъ [2]), мы узнаемъ, что въ Спасской башнѣ г. Илимска находилась «дцка», на которой была прежде написана икона, очевидно, снятая снаружи и помѣщенная внутрь башни.

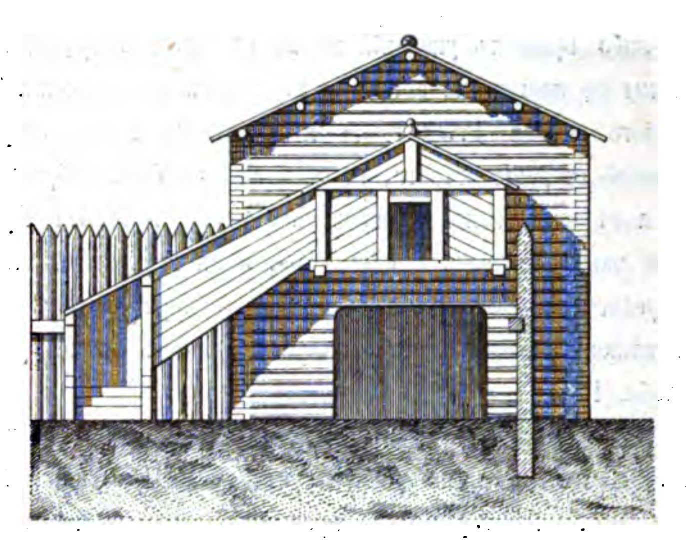
Все это, вмѣстѣ взятое, наводитъ на мысль, не было-ли чего-нибудь подобнаго въ Якутскѣ, т. е. не были-ли перенесены внутрь башни наружныя иконы, которыя указаны въ «Спискѣ» 1759 года, въ то время, когда башня эта утратила свое военное значеніе? Когда-же она превратилась такимъ образомъ въ часовню, то потребовался къ ней свободный доступъ, который и могъ быть устроенъ съ помощью наружной лѣстницы, расположенной съ *внѣшней* стороны острога, иными словами, *со стороны посада*, откуда больше всего шелъ народъ. При этомъ попутно могъ быть передѣланъ и самый фасадъ выступа, на которомъ старая «косая» заборка досками была замѣнена балясинами.

Конечно,—это одно только предположеніе, хотя и весьма правдоподобное, вѣрность котораго, разумѣется, можетъ быть провѣрена только на мѣстѣ.

Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ этой башни, остается рѣшить вопросъ, какъ-же была первоначально устроена лѣстница для всхода въ эти выступы? Отвѣтъ мы находимъ въ самыхъ памятникахъ и говоримъ: или съ внутренней стороны ограды, какъ, напр., въ Никольской башнѣ города Илимска (черт. 40), или внутри самой башни, какъ мы это видимъ въ Спасской башнѣ того-же города (табл. XV, черт. 1). Но который-же изъ этихъ способовъ былъ примѣненъ въ Якутскѣ? На это можетъ отвѣтить только изслѣдованіе памятника на мѣстѣ. Здѣсь мы можемъ, пока, установить лишь то

---

[1]) Это мѣсто „списка“ будетъ приведено ниже (стр. 105).
[2]) Будутъ приведены ниже.

Черт. 40. Никольская башня въ г. Илимскѣ.
(По Ласковскому).

положеніе, что съ точки зрѣнія успѣшной «обороны» первое расположеніе гораздо выгоднѣе второго.

И дѣйствительно, представимъ, что лѣстница находится внутри башни и что непріятель уже вломился въ первыя, т. е. наружныя ворота. Что тогда будетъ съ защитниками выступа? Останутся-ли они въ выступѣ, или сбѣгутъ внизъ по лѣстницѣ внутрь башни, они все равно попадаютъ въ руки превосходныхъ силъ непріятеля и слѣдовательно обречены на гибель. А что будетъ съ ними, если лѣстница выходитъ черезъ задній выступъ внутрь ограды? Тогда защитники выступа могутъ сбѣжать по лѣстницѣ и присоединиться къ гарнизону, чтобы встрѣтить врага у внутреннихъ воротъ башни со стороны «города».

Разница въ положеніяхъ громадная: въ первомъ случаѣ они неизбѣжно являются плѣнниками, а во второмъ—свободными бойцами, усиливающими ряды защитниковъ. Слѣдовательно, второе устройство лѣстницы гораздо болѣе цѣлесообразно съ точки зрѣнія обороны. Но мы уже видѣли, что Якутскъ является самой совершенной изъ старыхъ сибирскихъ крѣпостей,—значитъ, намъ слѣдуетъ предположить въ немъ наилучшіе оборонительные пріемы, т. е., иными словами, считать болѣе вѣроятнымъ устройство наружной лѣстницы башни съ внутренней стороны ограды, какъ въ Никольской башнѣ г. Илимска (черт. 40).

Но, опять таки повторяемъ, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только на мѣстѣ.

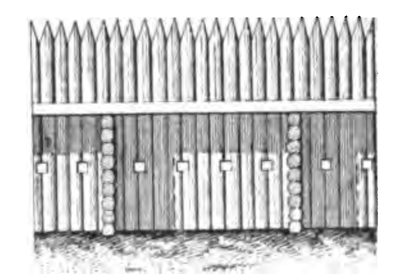
Изъ другихъ особенностей въ этой башнѣ мы должны указать на угло-

вые кронштейны облама и его среднія прямоугольныя отверстія, расположенныя со всѣхъ сторонъ (табл. XIV).

Кронштейны срублены изъ концовъ четырехъ бревенъ и потому гораздо прочнѣе башенныхъ кронштейновъ «города» (табл. VIII). Что-же касается до отверстій въ обламѣ, то они имѣютъ форму не круглую, какъ въ обламахъ «городовыхъ» башенъ, а прямоугольную, длиною около 1 арш. 4 вершк. и высотою около 1 арш. Они были окружены какой-то рамой, слѣды которой ясно видны и на снимкѣ съ натуры и на модели (табл. IX и XIII), но какая она была и для чего служила, сказать точно теперь врядъ-ли возможно, хотя, быть можетъ, она представляетъ собою слѣдъ обдѣлки такого «волоковаго» окна, образецъ котораго даетъ Ласковскій (черт. 35).

На этой-же башнѣ уцѣлѣла еще, какъ мы уже говорили, «дозорная вышка». Она особено любопытна по формѣ угловыхъ столбиковъ, которые вырѣзаны на подобіе вспученныхъ балясинокъ съ перехватами въ видѣ двойныхъ рѣзныхъ жгутовъ (табл. IX) и представляютъ собою форму весьма типичную для нашего деревяннаго зодчества и нерѣдко встрѣчаемую въ столбахъ нашихъ сѣверныхъ деревянныхъ церквей. Вышка заканчивалась сверху шпилечкомъ или «тычкой» съ перехватомъ по срединѣ въ видѣ шарика (ib.). Эти двѣ формы, т. е. балясины и тычка, являются *двумя послѣдними* формами украшенія, которыя мы можемъ прибавить къ *шести* уже указаннымъ нами въ разныхъ частяхъ Якутскаго острога.

На чертежѣ этой башни мы видимъ слѣва остатки тына или частокола (черт. 11), замѣчаемые также на снимкѣ съ натуры (табл. IX). Это—остатки бывшей стѣны острога, которая теперь, судя по чертежу, имѣетъ около 4 арш. высоты. Но какою она была первоначально, какъ располагалась ея живая оборона, былъ-ли впереди ровъ, или нѣтъ и т. д., объ этомъ теперь ничего сказать нельзя. Поэтому намъ остается лишь привести аналогичные примѣры. У Ласковскаго изображено устройство стѣнъ и расположеніе живой обороны въ Илимскомъ острогѣ (черт. 28 и 41), причемъ впереди показанъ ровъ. Но ровъ этотъ, повидимому, не всегда дѣлался, ибо на изображеніи г. Пелыма (табл. II, рис. 1) мы рва не видимъ и частоколъ забитъ прямо въ ровное мѣсто. Во всякомъ случаѣ эти остатки частокола только под-

Черт. 41. Тыновая ограда съ внутренней стороны. (По Ласковскому).

тверждают приведенныя нами выше описанія устройства *внѣшней* ограды Якутской крѣпости.

Таковы особенности Якутскаго «острога», какъ военно-оборонительнаго сооруженія. Изъ сдѣланнаго нами обзора мы можемъ заключить прежде всего, что онъ представляетъ собою типъ наиболѣе совершенный изъ всего того, что раньше строилось въ этомъ родѣ въ Сибири, по крайней мѣрѣ, поскольку мы можемъ судить по многочисленнымъ изображеніямъ Ремезова. Объ изображеніяхъ Витзена мы не говоримъ, такъ какъ они, за исключеніемъ Якутска и Верхотурья, представляютъ собою, какъ мы уже указывали, лишь грамотнѣе нарисованныя повторенія чертежей Ремезова. А затѣмъ является самъ собою и другой выводъ, что Якутскій острогъ вполнѣ соотвѣтствовалъ цѣли своего сооруженія, ибо его оборонительныя свойства настолько превышали силу нападенія того непріятеля, на котораго онъ былъ разсчитанъ, что онъ ни разу не былъ имъ взятъ.

Отсюда ясно, что строители его были люди, которые стояли на высотѣ своей задачи и съ весьма скромными средствами сумѣли достигнуть намѣченной цѣли.

Бо̀льшаго-же отъ сооруженія исключительно «полезнаго» назначенія, конечно, и требовать нельзя!

Разсматривая до сихъ поръ Якутскій острогъ, какъ «крѣпость», мы постоянно имѣли въ виду слабаго противника, т. е. нестройныя орды сибирскихъ дикарей. Но заканчивая теперь его разсмотрѣніе въ «крѣпостномъ» смыслѣ, мы не можемъ не указать на то обстоятельство, что подобныя деревянныя укрѣпленія или «города» были настолько сильны, что могли сопротивляться не только дикарямъ, но и наилучшимъ европейскимъ арміямъ, располагавшимъ могучей артиллеріей. Такъ, напр., мы знаемъ, что въ началѣ XVII в. шведскія войска, посланныя Делагарди, несмотря на самыя отчаянныя усилія, не могли взять Тихвинскаго монастыря, обнесеннаго деревянной стѣною. Значитъ, такія крѣпости были не шутка!

IV.

Мы уже говорили, что въ началѣ XVIII вѣка военное значеніе Якутска падаетъ, а вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и значеніе его «острога», который является затѣмъ уже совершенно безполезнымъ въ виду твердаго водворенія въ краѣ гражданской власти.

Мы прослѣдили исторію основанія острога и постепеннаго преобразованія его въ крѣпость того вида, остатки которой дошли до насъ. Любопытно поэтому прослѣдить теперь, если можно, постепенное видоизмѣненіе какъ его самого, такъ и его обстановки вплоть до того состоянія, въ которомъ онъ находится въ настоящее время.

Исполнить эту задачу возможно до извѣстной степени съ помощью тѣхъ письменныхъ данныхъ, которыя дошли до насъ отъ самаго начала и средины XVIII столѣтія и отъ первой четверти XIX столѣтія, а также на основаніи оффиціальныхъ данныхъ о состояніи острога въ послѣдней четверти XIX вѣка, имѣющихся въ дѣлахъ Императорской Археологической Коммиссіи.

Мы уже приводили показанія «Вѣдомости 1701 года» о внѣшней формѣ и состояніи острога на рубежѣ XVII и XVIII столѣтій, изъ которыхъ ясно видно, что въ 1698-мъ году Якутскій острогъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, еще въ полной исправности [1]).

Та же вѣдомость даетъ намъ весьма любопытную опись орудій и оружія, хранившагося тамъ въ это время.

Вотъ эта опись:

«Да въ городѣ и острогѣ наряду: пушка мѣдная вѣсомъ 19 пуд.; пушка мѣдная вѣс. 17 пуд. 20 фунт., ядромъ въ 4 фунта; пушка мѣдная вѣсъ 11 пудъ; пушка мѣдная вѣс. 11 пудъ безъ четв.; пушка мѣдная ядромъ въ пол.-4 фунта; пушка мѣдная полковая ядромъ въ 3 фунта безъ $^{1}/_{4}$; пушка мѣдная у ушей попорчена и роздута, ядромъ фунтъ съ $^{1}/_{4}$, и та пушка, по сказкѣ приказные избы старыхъ подьячихъ и Якуцкихъ людей старожиловъ, привезена въ Якуцкой въ прошломъ во 154 г. попорчена и роздута и нынѣ стрѣлять изъ неѣ невозможно, а починить въ Якуцкомъ некому; а тѣ 7 пушекъ въ станкахъ на колесахъ, да къ тѣмъ пушкамъ 300 ядеръ желѣзныхъ и каменныхъ;—16 пищалей гладкихъ Московской присылки, въ томъ числѣ 7 пищалей попорчены; 4 пищали гладкихъ Московской же присылки, 97 мушкетовъ съ замками, въ томъ числѣ 15 мушкетовъ безъ замковъ, и у тѣхъ мушкетовъ замки попорчены и стрѣлять изъ нихъ невозможно, а починить въ Якуцкомъ некому; карабинишко выстрѣлокъ; 5 обрывковъ пищальныхъ; 3 знамени тафтяныхъ и дорогильныхъ; 3 сабли старыхъ съ ножнами плохими; 6 пансырей колесчатыхъ старыхъ плохихъ; однѣ наручишки желѣзные плохіе; 6 шишаковъ старыхъ плохихъ; 4 барабана плохихъ.

[1]) См. стр. 47.

Зелейные казны: въ 5 бочкахъ, да въ лагунѣ 33 пуд. 24 фун. съ ½ фун. пороху пушечнаго и ручного, опричъ бочекъ и лагуна; 170 пуд. 4 фун. свинцу».

Шестьдесятъ два года спустя мы видимъ, что внѣшность Якутскаго острога уже значительно измѣнилась. Изъ приведеннаго нами выше свидѣтельства «Росписного списка 1759 года» явствуетъ [1]), что въ это время «рубленый городъ» сталъ ветхимъ, и кромѣ того часть его была замѣнена «рубленымъ въ лапу (?) заборомъ» и «двумя каменными стѣнами». Все это несомнѣнно показываетъ, что въ половинѣ XVIII вѣка «острогъ» утратилъ свое значеніе, но за то взяла перевѣсъ «Канцелярія», какъ гражданское учрежденіе, и работа перьевъ и бумаги смѣнила дѣло брони и пищалей.

Относящійся къ этому времени «Списокъ 1759 года» даетъ полную картину всего того, что находилось въ острогѣ, и даже того, что было внутри самыхъ зданій. Эти бытовыя подробности крайне любопытны: онѣ такъ жизненны и такъ характерны для своего времени, что мы считаемъ нужнымъ привести ихъ здѣсь полностью.

«Въ томъ же городѣ, говоритъ «Росписной списокъ 1759 года», въ городовой стѣнѣ отъ проѣзжихъ воротъ канцелярія; при ней сѣни и кладовая сборной ясашной и денежной казнѣ палата каменная, да при той же канцеляріи придѣлана судейская деревянная съ перерубомъ.

Въ судейской канцеляріи св. образовъ: Деисусъ съ окладомъ и съ гривенками сребренными въ деревянныхъ рамахъ; образъ Николая чуд. въ кіотѣ, окладъ риза небольшая сребренными (?) подъ золотомъ.

Да объявленныхъ въ прошломъ 754 г. отъ Якуцкой таможни св. иконъ: образъ Распятіе Господне въ рамахъ, вѣнецъ и гривна сребреные; обр. Пресв. Б—цы окладъ сребренной подъ золотомъ; обр. Казанскіе Б-цы вѣнецъ и гривна сребреные; обр. Спасителя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, вѣнецъ и гривна сребреныя безъ позолоты; обр. архистр. Божія Михаила, да верх. ап. Петра и Павла, вѣнецъ и гривна сребреные; обр. Николая чуд. Мирликійскихъ, окладъ, вѣнецъ и гривна сребреные подъ золотомъ; обр. Прокопія и Іоанна Великоустюжскихъ чуд. вѣнцы на нихъ сребреные; обр. Іакова Персянина, вѣнецъ сребреной подъ золотомъ; обр. Нерукотвореннаго Спасителя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, вѣнецъ и гривна сребреные въ кіотѣ; обр. Николая чуд. безъ окладу; у тѣхъ образовъ 2 лампады мѣдные, въ томъ

---

[1]) См. стр. 49.

числѣ одна жестяная на сапочкахъ (?) желѣзныхъ съ кистьми; обр. Пресв. Б-цы во имя Казанскія на холстѣ съ рамами, при немъ пелена кругомъ красной штофи, средина голубой голи, крестъ прозументу золотнаго.

2 патрета ветхихъ въ однехъ деревянныхъ рамахъ рисованіе по холсту, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти гос. имп. Петра I-го и гос. имп-цы Екатерины Алексѣевны.

Столъ судейской, на немъ сукна краснаго 3 аршина съ половиною; на томъ же столѣ для покрыванія зерцала китайки красной нелощеной 3 аршина 3 чети; чернилица настольная оловянная большая; колокольчикъ мѣдной позывной;—столъ съ приписью подьячаго, на немъ сукна краснаго 2 арш. 2 верш.; сукна жъ краснаго ветхаго 4 арш. 13 верш.;—ящикъ въ немъ ея и. в. сребреныхъ печатей 2: одна гор. Якуцка воеводцкой канцеляріи, другая Якуцкой таможни; въ томъ же ящикѣ содержится выпеписанной кладовой кззенной полаты 3 ключа, пороховаго подвала 2 ключа; — зерцало новое на сдѣланномъ троеуголкѣ подъ олифою, по бокамъ рамы вызолоченные сдѣланные въ бытность коллежскаго ассесора и Якуцкаго воеводы Уара Еропкина въ 754 г., на немъ настольныхъ 3 указа писанные гладью: первой 722 г. апрѣля 17, 724 г. генваря 21, 22 чиселъ, на верху того зерцала на 1-й сторонѣ образы Бориса и Глѣба, на другой—Николая чуд., на 3-й—Деисусъ; оные указы въ рамахъ на верху орелъ мѣдной, и оной орелъ вызолоченъ.

Соборное уложенье ветхое Московской печати, состоявшееся 7151 г. генваря 7 д.;—копія съ таможенныхъ и кабацкихъ 207 г. ноября 12 д. статей въ переплетѣ и оклейкѣ . . . .

. . . . ;

Генеральный регламентъ, да военной уставъ съ процессами и съ пріуготовленіемъ къ маршу, полученные ноября 30 д. 758 г. при указѣ изъ Иркуцкой губ. канцеляріи въ одной книгѣ».

Мы сдѣлали значительное сокращеніе въ этомъ перечнѣ дѣлъ, ибо это все печатные документы XVIII вѣка, представляющіе собою весьма мало любопытнаго, въ родѣ «Печатной инструкціи Канцеляріи конфискаціи 730 года» или «Копіи съ Камеръ-Коллежскаго регламента безъ закрѣпы, въ которомъ 8 пункта не вписано» и т. п.

Но затѣмъ продолженіе описи, касающееся предметовъ домашняго обихода, опять полно интереса.

Вотъ оно:

«Ковшъ мѣдной обжигальной винной и при томъ клеймо желѣзное;—

5 подсвѣшниковъ мѣдныхъ, въ томъ числѣ 2 большихъ; двои щипцы — одни мѣдные, другіе желѣзные.

Въ оной судейской 7 окончинъ слудяныхъ, въ томъ числѣ 3 окончины обиты бѣлымъ желѣзомъ, а 4 простыхъ шитыхъ.

Въ перерубѣ подьяческой камерѣ св. образовъ: образъ Спасителевъ, вѣнецъ и гривна сребреные подъ золотомъ; обр. Николая чуд., окладъ по полямъ, вѣнецъ и гривна сребреные подъ золотомъ; обр. Богоматери, вѣнецъ и гривна подъ золотомъ; обр. Спасителевъ Нерукотворенной; обр. Ангела хранителя.

По подьяческимъ столамъ подсвѣшниковъ желѣзныхъ 12; шипцовъ желѣзныхъ 4.

Въ ономъ же перерубѣ 6 окончинъ слюденыхъ ветхихъ. Въ каменной подьяческой полатѣ: образъ Николая чуд. въ створахъ, окладъ по полямъ, вѣнецъ и гривна сребреные; обр. Николая чуд. съ житіемъ; 2 обр. въ томъ числѣ одинъ Казанскія Б-цы, другой Николая чуд. и прочихъ святыхъ; обр. Николая чуд.; обр. св. муч. Кирика и Улиты; распятіе литое изъ олова небольшое; обр. Петра ап. на полотнѣ; обр. Входа во Ерусалимъ, писанъ на полотнѣ, обои въ рамахъ. Во оной же каменной по повытьямъ желѣзныхъ подсвѣшниковъ 12, въ томъ числѣ одинъ двойной; шипцовъ желѣзныхъ трои; 8 окончинъ слюденыхъ ветхихъ.

Надъ дверьми сѣней образъ Спасителевъ Нерукотворенной за слюдою, пелена по краямъ красной камки, въ срединѣ отласъ черной, крестъ на томъ отласѣ изъ позументу золотого, подкладъ китайки лаворевой, лампада мѣди красной луженой съ кистью шелковой;—у тѣхъ сѣней однѣ двери желѣзныя, другія деревянныя».

Покончивъ съ внутреннимъ содержаніемъ «канцеляріи», «Списокъ» переходитъ къ другимъ зданіямъ острога.

У *кладовой палаты* 2 окна съ затворами желѣзными, съ вонной стороны двери желѣзныя, внутри двери рѣшетчеты деревянны; надъ дверьми той палаты образъ Богоматери Всѣхъ скорбящихъ, при немъ 3 вѣнца сребреные подъ золотомъ.

Въ томъ же городѣ казенной *воеводцкой домъ* деревянной ветхой, а въ томъ домѣ строенія 3 горницы небольшія; при нихъ 10 окончинъ слюдяныхъ; въ той же стопѣ мелкихъ избъ 4, въ томъ числѣ одна малая, въ нихъ никакихъ окончинъ не имѣется; оной домъ крытъ тесомъ, кругомъ крыпка съ перилами.

Позади того двора *поварная изба*, вторая людская. Въ томъ же городѣ *Щетная изба*; въ ней образъ св. пророка Іоанна Предтечи обр. разныхъ ликъ мѣдной въ створахъ;—въ сѣняхъ чуланъ.

Караульная изба съ перерубомъ, а въ перерубѣ казенка; въ нихъ 2 печи, у нихъ задвижки желѣзныя; образъ Богоматери Знаменія поновленное, вѣнцы и гривенки сребреные въ створѣ; обр. Николая чуд. поновленной же, вѣнецъ и гривна сребряные въ створахъ.

Подлѣ караулки надъ проѣзжими воротами въ городовой крѣпости образъ Нерукотворенной, на другой сторонѣ образъ Ангела хранителя.

Кладовыхъ 4 анбара ветхіе, крышки новыя построены въ бытность полковника Жеребятникова, въ томъ числѣ 3 съ перилами».

Далѣе слѣдуетъ описаніе внѣшней ограды или собственно «острога», которое мы уже приводили [1]), а потому мы его пропускаемъ и переходимъ прямо къ описи образовъ и другихъ принадлежностей, находившихся на башняхъ.

«Изъ оныхъ на передней башнѣ къ базару, говоритъ «Списокъ», Нерукотворенной Спасителевъ мѣстной образъ, убрусъ камки красной, пелена по краямъ алой, въ срединѣ желтой камки, крестъ изъ позументу золотнаго;—при томъ же образѣ на особливыхъ цкахъ образа Богоматери и Іоанна Крестителя, при нихъ 3 лампады мѣдныхъ; — а на другой городовой сторонѣ образъ мѣстной Богоматери Живоносной Источницы, пелена камки желтой ветхая, въ срединѣ крестъ позументу золотнаго, ветхая жъ лампада жестяная; — у оной же башни въ воротахъ 2 засова желѣзныхъ и для запиранія 2 замка съ ключами, а одинъ большой, а у задней проѣзжей башни одинъ засовъ желѣзной съ замкомъ и съ ключемъ».

Затѣмъ «Списокъ» снова обращается къ другимъ зданіямъ.

«Возлѣ оной башни *караулка*, въ ней чуланъ съ печью; 4 анбара кладовыхъ, 2 угольныхъ; — одна кузница, въ ней 2 горна; одна наковальня, двое мѣхи.

Да сдѣланныя въ бытность воеводы полковника Жеребятникова *тюремныхъ 2 избы* съ перерубами, въ нихъ 4 печи, кругомъ ихъ стоячій новой острогъ.

Сверхъ того, внѣ того острогу стоящая *одна изба* съ перерубомъ пустая, которая перевезена для постройки щетной внутрь города.

Въ вышеписанной *судейской каморѣ* объявленныхъ изъ Якуцкой та-

[1]) См. стр. 49.

можня 6 гирь мѣдныхъ вѣсомъ 2 пуда, цѣна 40 руб.;—въ судейской же каморѣ въ особливомъ ящикѣ содержатся за печатью присутствующаго нѣкоторыя секретныя дѣла.

Соленые верхніе *магазеи* при берегу Лены рѣки числомъ 7 анбаровъ, кругомъ ограда стоящая ветхая, за оградою караулки съ перерубомъ; нижніе позадь Спаскаго монастыря въ полѣ числомъ 17 анбаровъ, кругомъ ограда лежачая, за оградою одинъ анбаръ, всего 18.

Аршинъ для мѣру рекрутъ за печатью Иркуцкой канцеляріи за скрѣпою г-на генералъ-маіора Вульфа.

Цейхаузъ выкладенъ изъ кирпича, въ которомъ содержится казенной порохъ и свинецъ и прочее» [1]).

Таково было состояніе Якутскаго острога въ половинѣ XVIII вѣка. Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ того факта, что опись зданій, которую намъ даетъ «Списокъ» 1759 года, и перечень ихъ у Витзена (табл. II, рис. 2) довольно близко сходятся между собой.

Отсюда мы заключаемъ, что у Витзена было подъ руками хорошее описаніе Якутска, но не было вѣрнаго его изображенія, или онъ почему-то не довѣрялъ Ремезову, чертежъ котораго, какъ надо думать, у него былъ. Трудно себѣ представить, чтобъ онъ не имѣлъ Ремезовскихъ чертежей Якутска и Верхотурья, когда у него были всѣ остальные. Или, быть можетъ, художникъ-голландецъ въ нихъ просто не разобрался по ихъ необычности и сложности, которая, какъ мы видѣли, можетъ быть выяснена только съ помощью историческихъ данныхъ.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о судьбѣ Якутскаго острога идутъ, повидимому, съ большими перерывами. Послѣ «Росписного списка 1759 года» письменныя извѣстія, какъ кажется, прекращаются вплоть до первой четверти XIX-го столѣтія, когда объ немъ писалъ Словцовъ, видѣвшій его въ 1815 году [2]). Оцѣнку сообщаемыхъ имъ свѣдѣній мы уже дали. Вскорѣ послѣ Словцова описываетъ Якутскій острогъ Щукинъ, давшій намъ *впервые* вполнѣ наглядное представленіе объ «устройствѣ» его стѣнъ. Мы уже воспользовались его данными, относящимися къ этому вопросу (стр. 45). Приведемъ теперь его слова, касающіяся «состоянія» острога и его зданій въ 30-хъ годахъ XIX вѣка.

«Изъ старинныхъ строеній, говоритъ онъ, существуютъ три анбара: въ одномъ изъ нихъ, гдѣ прежде, какъ примѣтно по множеству спицъ, вбитыхъ

---

[1]) Ib., стр. 130.

[2]) См. у него прим. къ стр. 45, ч. I.

въ стѣны, хранилась мягкая рухлядь, помѣщенъ теперь Архивъ. Кромѣ этихъ анбаровъ, есть еще каменный домъ, построенный, какъ гласитъ надпись надъ дверями, въ царствованіе Петра I-го, въ 1707 году, при Стольникахъ и Воеводахъ Шипкиныхъ. Въ немъ помѣщено Уѣздное Казначейство. Отъ воеводскаго дома остались однѣ только кучи кирпича.

Любопытный, осматривая остатки стѣнъ и башни, найдетъ ихъ разстрѣлянными пулями и дробью; это поведетъ его къ догадкамъ, не выдержала ли когда-нибудь крѣпость осады; или не была ли взята Якутами и выручена Русскими. Вотъ развязка: каждый житель Якутска, купивши винтовку или дробовикъ, идетъ пробовать оружіе свое за крѣпость и стрѣляетъ въ стѣну: такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ стѣна унизалась пулями и дробью.

Изъ стариннаго оружія не осталось въ крѣпости ни одной вещи: мѣдныя пушки проданы въ монастырь и употреблены въ колокола; прочее отправлено въ Охотскій портъ, или распродано. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей показывали мнѣ патроны, набитые звѣриными и птичьими когтями. Вѣроятно, по недостатку въ свинцѣ, казаки стрѣляли и когтями.

Мнѣ сказывали, что на воротахъ крѣпости, и теперь еще стоящихъ, была гдѣ-то на столбѣ надпись, означающая, когда и кѣмъ построена Якутская крѣпость; но я тщетно искалъ любопытную надпись: вѣроятно бревно съ историческимъ свидѣтельствомъ нѣсколько дней согрѣвало избу здѣшняго жителя, а можетъ быть, ушло и на постройку клуба. Извѣстно только, что крѣпость заложена въ день Бориса и Глѣба, потому что въ этотъ день бывалъ прежде крестный ходъ около нея» [1]).

Послѣ извѣстій Щукина снова поступаетъ перерывъ вплоть до присылки въ 1870-мъ году чертежей по приказанію Министра В. Д. при отношеніи Якутскаго Областнаго Управленія, гдѣ, какъ мы уже говорили [1]), было сказано, что остатки острога *«находятся въ полуразрушенномъ видѣ; мѣръ же къ сохраненію* и исправному содержанію съ самаго основанія оныхъ *принимаемо не было,* а потому и особаго описанія здѣсь не прилагается» [2]).

Съ этого времени эти «остатки» начинаютъ составлять предметъ самыхъ непріятныхъ заботъ для мѣстнаго губернскаго начальства. Оно находилось въ этомъ случаѣ, буквально, въ безысходномъ положеніи; съ одной стороны

[1]) Н. Щукинъ. Поѣздка въ Якутскъ. 1844 г. Стр. 199, 200 и 201.
[2]) См. стр. 33.

нужно было, въ силу требованій Строительнаго Устава, поддерживать ихъ, какъ древнее зданіе, а съ другой стороны средствъ на это не было никакихъ. Поэтому нельзя и обвинять мѣстныя власти за ихъ горячее желаніе поскорѣй сломать уцѣлѣвшія башни и стѣны древняго острога, чтобы разъ навсегда вывести себя изъ затруднительнаго положенія, ибо острогъ этотъ дѣйствительно находился въ очень непригляднымъ состояніи. Вотъ что писалъ объ немъ Министру В. Д. Якутскій губернаторъ спустя семь лѣтъ послѣ представленія чертежей, т. е. въ 1877 году:

«Находящіяся въ городѣ Якутскѣ четыре старинныя деревянныя башни, оставшіяся отъ бывшаго укрѣпленія, пришли въ разрушеніе. Для поддержанія и исправленія этой древности я обращался въ Якутскую Городскую Управу, которая донесла мнѣ, что *городъ Якутскъ не имѣетъ средствъ на исправленіе и поддержаніе помянутыхъ башенъ*, а потому и на основаніи 183 ст. 1 ч. XII т. Уст. Строит. по продолженію 1863 года, проситъ потребную на это исправленіе сумму отнести на счетъ казны.

Вслѣдствіе сего, я поручилъ особой Коммиссіи освидѣтельствовать эти башни на предметъ ходатайства о поддержаніи ихъ.

Нынѣ названная Коммиссія представила ко мнѣ актъ, составленный 18 іюля сего года, изъ котораго видно, что башни эти, построенныя изъ дерева *съ досчатыми кровлями*, а *эти послѣднія* отъ времени *совершенно разрушились*, доски по большей части сгнили и спали, а потому и *стѣны* самыхъ башенъ *гніютъ и разрушаются. Галлереи* при башняхъ *находятся* совершенно *безъ крышъ; двѣ башни*, у коихъ нижніе вѣнцы сгнили, съ одной стороны *наклонились* и при большомъ вѣтрѣ угрожаютъ паденіемъ; у двухъ балконовъ, находящихся при башнѣ, не достаетъ стоекъ, а *двѣ* верхнія *терассы* двухъ *башенъ въ очень ветхомъ состояніи*. Для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти отъ паденія бревенъ изъ галлерей, терассъ, досокъ съ крышъ, а также и отъ самихъ наклонившихся башенъ, при могущей случиться бурѣ,—слѣдуетъ кругомъ башенъ, на разстояніи 10-ти саженъ, построить барьеры, такъ, чтобы не могли приближаться къ нимъ люди и скотъ; барьеры построить въ два бруса, на протяженіи 250 саженъ, и подъ балконы башенъ подвести новыя стойки. Стоимость этихъ работъ обойдется около 600 рублей серебромъ.

А какъ нынѣ башни эти до такой степени пришли въ ветхость, что не возможно даже произвести ремонтировку ихъ, что и видно изъ прописаннаго акта, то и самую постройку барьера слѣдуетъ признать излишнимъ расходомъ казны, какъ

не достигающимъ цѣли сохраненія башенъ. Въ виду выше изложеннаго состоянія башенъ, не имѣющихъ никакого значенія въ архитектурномъ отношеніи, *имѣю честь почтительнѣйше просить разрѣшенія продать на сносъ находящіяся въ Якутскѣ и пришедшія въ разрушеніе четыре старыя деревянныя башни, и вырученныя отъ продажи деньги обратить по принадлежности въ казну* [1])».

Вслѣдствіе этого представленія Министромъ В. Д. было запрошено заключеніе Иркутскаго генералъ-губернатора съ просьбою прислать историческую справку объ Якутскомъ острогѣ.

Генералъ-губернаторъ отвѣтилъ ссылкой на статью Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1873 года, о которой мы уже говорили [2]), и присоединился къ мнѣнію Якутскаго губернатора, давъ слѣдующее заключеніе по этому вопросу: «Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что такъ какъ по заявленію Якутскаго Гражданскаго Губернатора упомянутыя башни невозможно поддерживать и онѣ не имѣютъ никакого значенія въ архитектурномъ отношеніи, то, согласно съ его мнѣніемъ, я полагалъ бы продать эти башни на сносъ» [3]).

Къ счастью, эти предположенія не успѣли почему-то осуществиться и дѣло затихло еще на двѣнадцать лѣтъ.

По шесть съ половиною лѣтъ тому назадъ Якутскій губернаторъ вошелъ съ новымъ ходатайствомъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію о сломкѣ стѣнъ и башенъ стараго острога, причемъ сообщилъ такія свѣдѣнія о немъ, на основаніи которыхъ слѣдуетъ заключить, что состояніе его въ это время значительно ухудшилось противъ прежняго. Вотъ что писалъ онъ:

«Въ городѣ Якутскѣ имѣется остатокъ древней крѣпости—четыре полуразрушенныя башни, фотографическіе снимки коихъ въ трехъ экземплярахъ и описаніе представлены при отношеніи Статистическаго Комитета отъ 22 декабря 1887 года за № 162. Пока эти башни находились за городомъ и представляли изъ себя менѣе опасности, мѣстная администрація не возбуждала ходатайства о сносѣ ихъ. Нынѣ же, когда городъ расширился и башни оказались стоящими вблизи самыхъ строеній собора, казначейства,

---

[1]) См. Архивное дѣло X-го Д-та М. В. Д. 1877—79 гг., № 607—№ 105. Представленіе Якутскаго губернатора отъ 9-го сентября 1877 года за № 2674.

[2]) См. стр. 46.

[3]) См. указ. дѣло, отношеніе Иркутскаго генералъ-губернатора отъ 14-го сентября 1878 г. за № 1528.

вновь выстроеннаго областного правленія и зданій частныхъ лицъ, эти остатки древности угрожаютъ не только своимъ паденіемъ, но и представляютъ изъ себя наибольшую опасность въ пожарномъ отношеніи, почему и представляется необходимымъ снести ихъ.

Принимая во вниманіе, что о башняхъ этихъ сообщалось Академіи Художествъ и онѣ, какъ остатокъ старины, находятся въ вѣдѣніи Археологической Коммиссіи, я не беру на себя смѣлость отдать городскому управленію распоряженіе о сносѣ ихъ, не испросивъ на это предварительнаго разрѣшенія Коммиссіи.

При этомъ докладываю, что *башни эти, не будучи ремонтируемы десятки лѣтъ, сами собою пришли въ состояніе развалинъ* и потеряли тотъ видъ древности, ради котораго стоило-бы ихъ поддерживать, *грозятъ*, помимо пожара, *опасностью для проходящихъ, большинство лѣса расхищено на топливо, а внутри ихъ накопились кучи навоза и мусора, которые служатъ источникомъ заразы и зловонія;* у города же нѣтъ средствъ ни поддерживать, ни окарауливать ихъ.

Въ сихъ соображеніяхъ и принимая во вниманіе ходатайство Преосвященнаго Никанора, Епископа Якутскаго и Вилюйскаго, отношеніями отъ 29 апрѣля и 15 іюня сего года, за №№ 2508 и 3166, о разрѣшеніи поставить каменную видоподобную башнѣ часовню тамъ, гдѣ теперь находится центральная, угрожающая паденіемъ, башня, я имѣю честь покорнѣйше просить Коммиссію, въ виду опасности, которую представляютъ всѣ четыре башни, не отказать увѣдомить меня въ самомъ непродолжительномъ времени, не встрѣчается ли препятствій къ сносу ихъ и постановкѣ, согласно ходатайству мѣстнаго Преосвященнаго, въ память этой старины часовни» [1]).

Отвѣтъ Императорской Археологической Коммиссіи будетъ виденъ изъ дальнѣйшей переписки, а потому мы на немъ пока не останавливаемся. Но въ дѣлахъ Коммиссіи есть еще переписка Якутскаго губернатора съ мѣстнымъ епископомъ по вопросу о сохраненіи остатковъ острога. Такъ какъ она имѣетъ значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ памятника, то мы полагаемъ необходимымъ ее здѣсь привести.

Вотъ что писалъ владыкѣ въ 1904-мъ году губернаторъ:

«Ваше Преосвященство отношеніемъ отъ 11 іюля 1902 г. за № 4050 изволили сообщить, что разборка и перестройка остатковъ древняго Якутскаго

---

[1]) См. дѣло Императорской Археологической Коммиссіи № 246-й, 1900 года. Отношеніе Якутскаго губернатора отъ 14-го октября 1900 года за № 157.

города (башень—остатковъ крѣпости) для Васъ является совершенно невозможнымъ, при условіи соблюденія всѣхъ требованій, предъявленныхъ Императорской Археологической Коммиссіей, по недостатку средствъ. Далѣе Вами было указано, что безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства и впредь до изысканія средствъ къ разборкѣ башень Вы приступить не можете.

Вашему Преосвященству угодно было принять упомянутые выше остатки, какъ древній памятникъ старины (покореніе Сибири) подъ свое покровительство.

Находя невозможнымъ оставить башни со стѣнами въ ихъ настоящемъ видѣ, по причинамъ, изложеннымъ Вашему Преосвященству еще бывшимъ Губернаторомъ въ 1902 г. за № 464, и предполагая возможнымъ снести ихъ, выполнивъ предъявленныя для сего условія Императорской Археологической Коммиссіей, тѣмъ не менѣе я останавливаюсь передъ этимъ въ виду нахожденій башенъ въ Вашемъ вѣдѣніи. Ввиду изложеннаго, я имѣю честь просить Ваше Преосвященство не отказать увѣдомить меня, изысканы ли къ настоящему времени средства для разборки и перестройки, указанныхъ выше, остатковъ древности Якутска, и въ отрицательномъ случаѣ, покорнѣйше прошу сообщить, не встрѣчается ли препятствій съ Вашей стороны къ сносу ихъ» [1]).

Въ отвѣтѣ своемъ преосвященный Никаноръ, хотя и отказался по неимѣнію средствъ отъ поддержанія остатковъ острога, тѣмъ не менѣе явился ревностнымъ защитникомъ старины и высказалъ такія сужденія, которыя заслуживаютъ самого горячаго сочувствія.

«По сношеніи моемъ съ мѣстнымъ Гражданскимъ Начальствомъ,—писалъ онъ въ отвѣтъ губернатору,—Городскимъ и Казачьимъ Управленіемъ, а также не безъ соглашенія съ нѣкоторыми изъ прочихъ лицъ мѣстнаго общества, упомянутые памятники Сибирской старины переданы въ вѣдѣніе Епархіальнаго Начальства. Какъ инициаторъ этой передачи, я руководился, при этомъ, тѣми соображеніями, что: а) всякій памятникъ старины, безусловно, долженъ бережно храниться и предохраняться отъ разрушенія, въ приличномъ, при томъ, видѣ; б) упомянутые Якутскіе памятники не только не оберегались въ надлежащемъ ихъ видѣ, но, не имѣя, повидимому, никакого о нихъ попечителя и покровителя, даже расхищались (частями)».

Высказавъ эти соображенія, преосвященный въ третьемъ пунктѣ *в* сооб-

[1]) См. ibidem. Отношеніе Якутскаго губернатора отъ 29-го апрѣля 1904 года за № 6801.

щаетъ, что онъ не имѣетъ тѣхъ средствъ, на которыя разсчитывалъ прежде, и продолжаетъ свой отвѣтъ слѣдующимъ образомъ:

«За вычетомъ же 3-го изъ вышеуказанныхъ соображеній (а, б и в), я нахожу, что памятники могутъ состоять также и въ вѣдѣніи органовъ городскаго управленія или Казачьяго Войска или Статистическаго Комитета или Музея или, вообще, въ вѣдѣніи Гражданскаго Начальства и Археологическаго Общества. Посему я совершенно нынѣ отказываюсь отъ главнаго, единоличнаго и непосредственнаго завѣдыванія памятниками. О чемъ не премину сообщить и Археологическому Обществу.

Что касается препятствій къ разбору и сноскѣ, или перестройкѣ и переноскѣ остатковъ старой деревянной крѣпости, то лично, съ своей стороны, я таковыхъ препятствій имѣть не могу и не имѣю.

Но при этомъ прошу позволенія высказать слѣдующее;

1. Не выяснено,—предполагаемыя къ разбору и перестройкѣ башни и стѣны, состоя въ вѣдѣніи мѣстнаго Начальства, чью, по матеріалу своему, составляютъ имущественную собственность.

2. Главнымъ мотивомъ къ снесенію памятниковъ, повидимому, служитъ предполагаемая отъ нихъ опасность въ пожарномъ отношеніи. Но такъ какъ въ старомъ сооруженіи никакой нѣтъ топки, а таковая есть въ сосѣднихъ частныхъ, позднѣйшаго, чѣмъ башни, строенія, зданіяхъ и такъ какъ вблизи церковнаго и всякаго, болѣе или менѣе важнаго, казеннаго сооруженія, во избѣжаніе опасности ему въ пожарномъ и др. отношеніяхъ, едва ли законно строить частныя зданія,—то нельзя ли считать отвѣтственными въ явившейся пожарной опасности не строителей древняго государственнаго сооруженія, а строителей позднѣйшихъ, близкихъ къ нему, жилыхъ домовъ.

3. Въ случаѣ рѣшенія оставить часть памятниковъ едва-ли цѣлесообразнѣе предпочтеніе одиноко стоящей башни, такъ какъ она стоитъ очень сиротливо и посреди главной площади, не на границѣ.

Высказанное личное мнѣніе покорнѣйше прошу принять не какъ препятствіе къ предполагаемому предпріятію, поставляемое главнымъ блюстителемъ цѣлости памятниковъ, отъ чего я категорически отказался, а какъ частное мнѣніе любителя старины» [1]).

По полученіи отвѣта Коммиссіи Якутскій губернаторъ вошелъ къ ней съ новымъ представленіемъ въ томъ-же 1904-мъ году. Представленіе это весьма

---

[1]) См. ibid. Отношеніе епископа Якутскаго и Вилюйскаго отъ 30-го апрѣля 1904 года за № 461.

важно для исторіи памятника въ томъ отношеніи, что выясняетъ происхожденіе модели, хранящейся въ Императорской Археологической Коммиссіи, а равнымъ образомъ обсуждаетъ тѣ мѣры, которыя необходимы для того, чтобы закрѣпить всѣ его формы хотя бы на бумагѣ, въ видѣ чертежей.

«По поводу возбужденнаго вопроса, писалъ губернаторъ, о необходимости сноса остатковъ деревянной крѣпости г. Якутска, Археологическая Коммиссія сообщила, что *разрѣшаетъ разборку ихъ, если въ распоряженіи мѣстной власти не имѣется рѣшительно никакихъ способовъ къ ремонту сооруженія;* при этомъ потребовала выполненія слѣдующихъ условій:

1) Всѣмъ остаткамъ крѣпости должна быть изготовлена подъ наблюденіемъ архитектора точная деревянная модель, 3—4 аршина длины.

2) Должно быть составлено подробное техническое описаніе стѣны съ башнями и изготовленъ ея планъ со всѣми архитектурными деталями.

3) Должны быть изготовлены новые фотографическіе снимки въ большемъ масштабѣ.

Кромѣ того, Археологическая Комиссія желала удостовѣриться, нельзя ли перенести нѣкоторыя башни на другое мѣсто и дать имъ какое-нибудь практическое назначеніе, какъ напримѣръ отдѣлать подъ часовню.

Поддерживая вышеупомянутое ходатайство о необходимости сноса остатковъ крѣпости, имѣю честь сообщить, что *за отсутствіемъ какихъ-либо средствъ у мѣстной власти для охраненія ихъ отъ растаскиванія жителями, для содержанія въ порядкѣ и въ хорошихъ санитарныхъ условіяхъ, для укрѣпленія частей, грозящихъ въ настоящее время опасностью для проходящихъ въ случаяхъ ихъ обвала,* я пришелъ къ тому заключенію, что откладывать долѣе вопросъ о сломкѣ совершенно невозможно.

Въ 1901 году епископъ Якутскій и Вилюйскій возбудилъ ходатайство о передачѣ остатковъ древности въ его вѣдѣніе, для сохраненія хотя части этихъ памятниковъ. Ходатайство это было удовлетворено и башни были переданы по акту въ вѣдѣніе Его Преосвященства, при чемъ ему была препровождена и копія отношенія Археологической Комиссіи отъ 19-го декабря за № 1866 для выполненія условій, содержащихся въ этомъ отношеніи, на тотъ случай, если бы духовное вѣдомство признало нужнымъ разобрать башни. До настоящаго времени Его Преосвященство не принималъ рѣшительно никакихъ мѣръ по сохраненію, разборкѣ или переноскѣ сооруженій, и *они продолжали не только разрушаться, никѣмъ не поддерживаемыя, но растаски-*

ваться жителями на дрова. Кромѣ того, за это время скопилось внутри башенъ и стѣнъ значительное количество нечистотъ, такъ что они могутъ послужить источникомъ заразы.

30 Апрѣля 1904 года Его Преосвященство извѣстилъ меня за № 461, что онъ совершенно отказывается отъ завѣдыванія памятниками, за неимѣніемъ средствъ, и что препятствій не встрѣчаетъ къ разборкѣ и сноскѣ ихъ.

Относительно предъявленныхъ Археологической Комиссіей трехъ требованій имѣю честь сообщить:

1) Модели исполнены и будутъ одновременно высланы почтой. По заключенію и. об. областного инженера, онѣ по наружному виду вполнѣ воспроизводятъ дѣйствительность. Къ числу недостатковъ въ моделяхъ слѣдуетъ отнести слишкомъ малые размѣры ихъ, а потому и несоблюденіе нѣкоторыхъ деталей. Кромѣ того всѣ стѣны выполнены строго вертикальными, съ плотно пригнанными крышами, тогда какъ въ натурѣ они отклонились отъ вертикали. Модели эти исполнены однимъ изъ лучшихъ мастеровъ, который въ настоящее время уѣхалъ изъ Якутска. Лучшей модели, по мнѣнію областного инженера, невозможно сдѣлать руками якутскихъ мастеровъ, а потому придется или совершенно отказаться отъ мысли имѣть лучшую модель, или удовольствоваться имѣющейся.

2) Въ виду того, что модели могутъ не удовлетворить желаній Археологической Комиссіи, то:

а) будутъ исполнены детальные чертежи всѣхъ отдѣльныхъ соединеній и частей, подробные планы и разрѣзы;

б) сняты фотографіи

и с) сдѣлано подробное техническое описаніе.

По мнѣнію и. об. областного инженера, означенные чертежи, фотографіи и описаніе возможно выполнить только во время разборки сооруженій, занося на бумагу по мѣрѣ раскрытія отдѣльныхъ сопряженій: такъ, напр., врубокъ наружныхъ стѣнъ съ внутренними, наружныхъ съ наружными, врубокъ стропилъ, ригелей и т. д. Всѣ эти детали возможно уловить только по мѣрѣ постепенной разборки строеній.

Кромѣ того, значительно удешевится составленіе всѣхъ этихъ чертежей тѣмъ, что не потребуется ставить отдѣльные лѣса и подмостки, чтобы можно было забраться на верхъ подъ крышу для обмѣра и зарисовки деталей и снятія фотографій: возможно будетъ воспользоваться лѣсами, поставленными для разборки строеній.

По сдѣланному разсчету, разборка строеній, составленіе чертежей, фотографій и описаній обойдется съ постановкой лѣсовъ и разборкой строеній въ 250 руб.

Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе отсутствіе средствъ у мѣстной власти, имѣю честь *просить разрѣшенія* Археологической Комиссіи *на сносъ и продажу башенъ съ аукціоннаго торга съ тѣмъ, чтобы вырученная сумма пошла на возмѣщеніе расходовъ по составленію чертежей, фотографій и описанія.*

Въ виду необходимости выполнить всѣ эти работы въ текущій строительный сезонъ, покорнѣйше прошу сообщить отвѣтъ по телеграфу» [1]).

Въ дополненіе къ этому отношенію губернаторъ выслалъ 12-го мая 1904 года, какъ уже было сказано, въ Коммиссію модель. Съ отвѣтомъ губернатору Коммиссія рѣшила «обождать» до тѣхъ поръ, пока найдутся средства для поддержанія памятника.

Такъ прошелъ еще годъ,—башни и стѣны стояли попрежнему...

Въ мартѣ 1905-го года Якутскій губернаторъ снова обратился въ Коммиссію, повторяя отчасти тѣ-же пожеланія, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводя и нѣкоторыя новыя соображенія.

Изложивъ сущность дѣла и содержаніе предыдущаго отношенія, губернаторъ продолжалъ такъ: «Отвѣта отъ Коммиссіи еще не получено, между тѣмъ, съ наступленіемъ весенняго времени, сопровождающагося здѣсь сильными вѣтрами, опасность разрушенія помянутыхъ ветхихъ построекъ увеличивается, а *по наступленію лѣта онѣ опять превратятся въ ночные притоны для разнаго городского сброда и въ мѣста въ теченіи долгихъ лѣтъ загрязнявшіяся и вновь загрязняемыя всевозможными нечистотами, а потому крайне вредныя для населенія города.*

Одна изъ этихъ башенъ находится на срединѣ Соборной площади, противъ каѳедральнаго собора и домовъ губернатора и областного управленія, и, представляя, вслѣдствіе разрушенія и ветхости, крайне дурной видъ, не даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможности привести эту, единственную въ городѣ, площадь въ порядокъ и утилизировать ее подъ устройство предполагаемаго на ней сквера, въ которомъ городъ очень нуждается; остальныя три, еще болѣе обветшавшія и наклонившіяся, башни и часть разрушившейся и растасканной жителями крѣпостной стѣны находятся по другую сторону областного управленія и собора и представляютъ собою одну сторону вновь образовавшейся

[1]) Ibid. Отношеніе Якутскаго губернатора отъ 5-го мая 1904 г., № 7297.

улицы, проѣздъ по которой, въ виду ветхости башенъ, угрожающихъ паденіемъ, сдѣлался весьма опаснымъ. Причемъ нужно замѣтить, что именно эта улица и прилегающая къ ней часть города, въ силу мѣстныхъ условій, застраиваются вновь и разрастаются, и ближайшіе домохозяева усиленно ходатайствуютъ о сносѣ башенъ, угрожающихъ ихъ домамъ.

Такъ какъ ни у города, ни въ распоряженіи администраціи, какъ сообщалось уже Археологической Коммиссіи, нѣтъ средствъ ни на поддержку совершенно обветшавшихъ остатковъ Якутской крѣпости, ни на переносъ строеній на другое мѣсто, ни даже на охраненіе и содержаніе ихъ въ чистотѣ, а между тѣмъ постройки эти безусловно опасны и вредны, — то я всецѣло присоединяюсь, со своей стороны, къ заявленіямъ моего предмѣстника и считаю необходимымъ просить скорѣйшаго согласія Археологической Коммиссіи на продажу помянутыхъ построекъ на сносъ съ аукціоннаго торга, съ употребленіемъ вырученныхъ денегъ на составленіе желаемыхъ Коммиссіею фотографій, чертежей и описанія построекъ. Причемъ, въ виду наступающаго удобнаго для сноса построекъ времени, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и наибольшая отъ нихъ опасность, прошу не отказать въ отвѣтѣ на настоящее отношеніе по телеграфу»[1]).

Въ отвѣтъ на это отношеніе послѣдовала отъ Коммиссіи такая телеграмма: «Мнѣніе Археологической Коммиссіи относительно сохраненія навсегда Якутскаго острога отправлено почтой».

Самое же «отношеніе», о которомъ говорится въ телеграммѣ, было слѣдующаго содержанія: «Вслѣдствіе отношеній ..... по вопросу о сломкѣ Якутскаго острога дѣло это подвергнуто было подробному обсужденію въ особомъ реставраціонномъ засѣданіи Императорской Археологической Коммиссіи 22-го декабря 1904 г., ... причемъ указано было на необходимость изыскать средства для поддержанія острога, какъ важнаго историческаго сооруженія. Вслѣдствіе сего Коммиссія постановила повременить отвѣтомъ на отношеніе Вашего Превосходительства отъ 5-го мая, въ надеждѣ изыскать сумму на поддержаніе острога. Нынѣ, въ виду новаго отношенія Вашего отъ 28-го марта сего года, Коммиссія считаетъ долгомъ увѣдомить, что Якутскій острогъ является *единственнымъ* образчикомъ деревянныхъ крѣпостныхъ сооруженій XVI—XVII в. не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, и что стоящая отдѣльно на площади башня не должна бы, казалось, мѣшать устройству сквера и много выиграетъ,

[1]) Дѣло Имп. Археолог. Коммиссіи. Отношеніе Якутскаго губернатора отъ 28-го марта 1905 г. за № 32.

будучи окружена зеленью, на подобіе башни Іоанны д'Аркъ въ гор. Руанѣ, окруженной скверомъ и т. п.

Въ виду изложеннаго и на основаніи ст. 76 и 77 Уст. Строит. изд. 1900 г. Императорская Археологическая Коммиссія имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство, не признаете ли возможнымъ сдѣлать распоряженіе о поддержаніи временными подпорками остатковъ острога до полнаго окончанія военнаго времени, послѣ чего Коммиссіи можно будетъ возбудить ходатайство объ отпускѣ суммъ для содержанія острога въ исправномъ состояніи» [1]).

Прошелъ еще годъ съ небольшимъ.

Башни и стѣны стояли попрежнему, но Якутскій губернаторъ счелъ нужнымъ напомнить Коммиссіи объ ея обѣщаніи «возбудить ходатайство объ отпускѣ суммъ для содержанія острога въ исправномъ состояніи».

Сдѣлавъ ссылку на отношеніе ея отъ 27-го Іюля 1905 года, онъ такъ заканчиваетъ свое сообщеніе: «Въ виду окончанія военныхъ дѣйствій и за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи положительно никакихъ источниковъ на производство подобнаго рода расходовъ, вновь ходатайствую предъ Археологической Коммиссіей объ отпускѣ средствъ, хотя бы на временное поддержаніе башенъ» [2]).

13-го января текущаго года онъ напомнилъ о своемъ ходатайствѣ [3]).

Тогда Коммиссія сообщила ему, что въ настоящее время приготовляется къ печати историческое и техническое изслѣдованіе объ Якутскомъ острогѣ, которое будетъ препровождено Министру В. Д. съ просьбою объ отпускѣ средствъ на поддержаніе этого «знаменитаго» памятника, а теперь Коммиссія проситъ его «принять всѣ зависящія отъ него мѣры для поддержанія острога» [4]).

На этомъ переписка пока и оканчивается [5]).

Въ дополненіе къ ней считаемъ долгомъ отмѣтить тѣ фактическія данныя о современномъ состояніи острога, которыя даютъ намъ модель и послѣднія его изображенія.

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ib. Отнош. Якутск. губ. отъ 3-го іюня 1906 г., № 137.

[3]) Ib. Отнош. Якутск. губ. отъ 13-го января 1907 г., № 15.

[4]) Отнош. отъ 22-го марта 1907 г. за № 371.

[5]) Будемъ надѣяться, что новый Якутскій губернаторъ И. И. Крафтъ, человѣкъ просвѣщенный и самъ дѣйствительный членъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института, не дастъ погибнуть послѣднимъ остаткамъ Якутскаго острога и такъ или иначе найдетъ средства къ ихъ поддержанію.

На снимкахъ 1878 года мы видимъ полностью всѣ четыре башни (табл. V—IX), а ровно и оба прясла стѣны между башнями а, б и в (табл. IV), но на модели, испоненной въ 1904-мъ году, т. е. двадцать шесть лѣтъ спустя, одно прясло стѣны сдѣлано въ 18 тарасъ, или во столько же, сколько ихъ было всегда между башнями (табл. V); другое-же прясло сдѣлано всего въ 11 тарасъ, которыя идутъ постепенно уменьшаясь въ высотѣ, причемъ послѣдняя, одиннадцатая тараса имѣетъ всего пять вѣнцовъ. А отсюда ясно, что семь тарасъ за этотъ промежутокъ времени было «растаскано жителями», о чемъ, впрочемъ, свидѣтельствуютъ сами губернаторы.

По модели нельзя опредѣлить, какое прясло пострадало, южное или сѣверное. Но въ данномъ случаѣ ключъ къ рѣшенію загадки намъ даютъ самыя послѣднія изображенія острога, помѣщенныя у Г. П. Головачева[1]). На основаніи ихъ мы безошибочно можемъ заключить, что пострадало сѣверное прясло, расположенное между башнями а и б (табл. IV), и именно съ своего южнаго конца, такъ такъ на снимкѣ Головачева между нимъ и средней башней б (ib.) виденъ большой промежутокъ.

Вотъ и все, что пока можно было сказать объ Якутскомъ острогѣ на основаніи архивныхъ и литературныхъ данныхъ.

Но, прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, намъ необходимо намѣтить тѣ вопросы, которые должны быть разрѣшены при изслѣдованіи памятника на мѣстѣ.

Они сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующему:

1) Какова истинная длина всей стѣны и каковы настоящіе размѣры всѣхъ уцѣлѣвшихъ частей острога, какъ-то: воротъ, дверей, лазовъ бойницъ и пр.

2) Сколько сгнило нижнихъ вѣнцовъ и насколько наросла земля около стѣнъ и башенъ.

3) Былъ или нѣтъ полъ въ нижнемъ ярусѣ стѣны.

4) Гдѣ были прочіе полы въ стѣнахъ и башняхъ.

5) Есть-ли слѣды наружныхъ лѣстницъ для всхода на стѣны извнутри «города».

6) Какъ былъ устроенъ всходъ въ надвратные выступы его средней проѣзжей башни.

7) Какъ былъ устроенъ всходъ въ надвратные выступы проѣзжей башни «острога».

8) Когда, кѣмъ и почему былъ передѣланъ ея внѣшній, восточный выступъ.

[1]) См. ссылку на стр. 61.

9) Какъ была образована оборона примыкавшей къ ней тыновой ограды.

10) Былъ или нѣтъ передъ тыномъ ровъ.

Вотъ вопросы, разрѣшенія которыхъ, въ дополненіе нашего труда, мы ждемъ отъ мѣстныхъ силъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію прочихъ памятниковъ древняго деревяннаго зодчества въ Прибайкальѣ.

V.

На основаніи архивныхъ данныхъ 70-хъ годовъ XIX-го столѣтія памятники древности сохранились еще въ слѣдующихъ населенныхъ мѣстахъ Прибайкалья: въ городахъ Илимскѣ и Балаганскѣ и въ селеніяхъ Братскомъ и Бѣльскомъ (черт. 3).

Начнемъ съ перваго, какъ съ мѣста наиболѣе богатаго остатками старины. Мы уже указывали на обстоятельства его основанія (стр. 7). Въ настоящее время бывшій «градъ Илимскъ» (черт. 14) представляетъ собою «заштатный городъ» Иркутской губ., Киренскаго округа, имѣющій видъ большого села.

Онъ расположенъ на правомъ берегу р. Илима и вытянутъ по одной улицѣ. На площади стоитъ Спасская церковь XVIII вѣка (1787 г.). Въ дѣлахъ Т.-С. Комитета М. В. Д. имѣется ея видъ, но мы его здѣсь не помѣщаемъ, потому что церковь эта лишена всякаго стиля, представляя собою плохое «деревянное» повтореніе западныхъ каменныхъ формъ того времени.

Несравненно болѣе любопытны уцѣлѣвшія башни его острога (табл. XV, рис. 1 и табл. XVI рис. 1.) и три древнихъ церкви: двѣ—Казанская и Введенская—въ самомъ городѣ (табл. XVII) и одна, Іоанна Предтечи,—въ 5 верстахъ отъ него, въ вѣковомъ лѣсу, на правомъ берегу Илима (табл. XVI, рис. 2).

Въ препроводительномъ «отношеніи» Иркутскаго Общаго Губернскаго Управленія [1]), при которомъ были присланы эти чертежи, говорится, что описаніе всѣхъ этихъ древнихъ построекъ помѣщено въ «Запискахъ и Тру-

[1]) Отъ 17-го сентября 1870 года. (Дѣло № 287, томъ I, 1869 г. Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д.).

дахъ Иркутскаго Губернскаго Статистическаго Комитета [1]). Дѣйствительно, мы находимъ тамъ весьма толковое, хотя, конечно не «спеціальное» описаніе составленное Киренскимъ окружнымъ исправникомъ С. В. Поповымъ [2]).

Кромѣ того, священникъ М. Сизой помѣстилъ въ Прибавленіи къ Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ 1883 года, №№ 4—6-й, довольно обстоятельную статью подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Заштатный городъ Илимскъ, его древніе памятники и нѣкоторыя черты изъ его прежней церковной жизни, достойныя примѣчанія».

Въ виду оффиціальнаго характера описанія г. С. Попова приводимъ его здѣсь безъ всякихъ измѣненій, оставляя за собой возможность пополнить его далѣе нѣкоторыми спеціальными замѣчаніями, а также данными, имѣющимися въ статьѣ о. Сизого.

Мы начнемъ съ башенъ, которыхъ, какъ видно на чертежѣ Ремезова, было восемь (черт. 14), а уцѣлѣло до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія всего три (табл. XV, рис. 1, табл. XVI, рис. 1, черт. 39 и 40).

Вотъ, что говоритъ г. С. Поповъ по поводу Илимскихъ башенъ: «Въ городѣ Илимскѣ есть три старинныя башни: Спасская, Никольская и Знаменская; всѣ онѣ деревянныя четырехъ-угольныя и устроены въ видѣ высокихъ огороженныхъ дворовъ съ воротами на обѣ стороны. По настоящее время сохранилась хорошо только одна Спасская башня; она построена въ три этажа, два широкихъ и одинъ самый верхній узкій, законченный остро-

---

[1]) См. Выпускъ IV, Иркутскъ 1868—69, изд. подъ редакціей члена-секретаря Комитета Д. Д. Ларіонова.

[2]) Описаніе это было препровождено секретарю Иркутскаго Статистическаго Комитета, Д. Д. Ларіонову при слѣдующемъ письмѣ:

М. Г. Вслѣдствіе письма Вашего отъ 24 декабря, имѣю честь препроводить при семъ составленную мною записку объ имѣющихся въ г. Илимскѣ церквахъ и башняхъ.

Записка эта, конечно, не будетъ соотвѣтствовать Вашему ожиданію, но причиною бѣдности содержанія записки служитъ положительное отсутствіе даже и малѣйшихъ фактовъ для полнаго описанія требующихся. Сдѣлать пояснительнаго наглядннаго чертежа церквей и башенъ я не взялъ на себя. Что же касается свѣдѣній о замѣчательныхъ древностяхъ или памятникахъ г. Киренска, то имѣю честь сообщить Вамъ, что *въ г. Киренскѣ, кромѣ старинной деревянной Никольской церкви при монастырѣ* существующей, ничего другаго нѣтъ.

Въ г. Илимскѣ мнѣ доставлены двѣ серебряныя монеты изъ числа находимыхъ и въ настоящее время на берегу р. Илима, о которыхъ говорятъ, что онѣ были въ обращеніи при первоначальномъ завладѣніи Илимомъ. Монеты эти я при семъ имѣю честь препроводить къ Вамъ, на случай рѣдкости ихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и т. д. 8 декабря 1868 г.

Степанъ Поповъ.

образно, на верху котораго прикрѣпленъ двуглавый орелъ. Положительныхъ свѣдѣній о времени постройки башенъ не имѣется; но полагать надо, что онѣ построены раньше 1679 года [1]), т. е. времени постройки Казанской церкви. По разсказамъ мѣстныхъ жителей старожиловъ, башни эти составляли центральные пункты укрѣпленія, обнесеннаго тыномъ, слѣды котораго виднѣются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города и теперь; а какъ Казанская церковь построена за Спасскою башнею, то никакъ не могло случиться, чтобы покорители тунгусовъ въ свое огражденіе, устроивъ укрѣпленіе съ башнями, устроили церковь внѣ укрѣпленія на явное разореніе враговъ. Къ этому же заключенію приводитъ и то обстоятельство, что при всѣхъ сохранившихся нынѣ башняхъ устроены были, какъ должно полагать, небольшія часовни по обѣимъ сторонамъ башенныхъ стѣнъ, имѣвшія видъ балконовъ. Назначеніе двухъ башенъ, т. е. Никольской и Знаменской, не понятно, потому что внутри ихъ на возвышеніи нельзя предполагать жилыхъ помѣщеній, а можно эти двѣ башни считать воротами для входа въ укрѣпленіе и выхода изъ него. Въ башнѣ же Спасской во второмъ этажѣ нужно считать существованіе главной часовни, такъ какъ тутъ сохранилась и теперь большая доска, на которой была написана икона, но какая это была икона, за совершеннымъ поврежденіемъ ея, опредѣлить нельзя; жители же, по преданію, объясняютъ, что она укрѣплена была по срединѣ втораго этажа; самый же верхній этажъ, составляющій очень небольшое помѣщеніе, вѣроятно, служилъ сторожевымъ пунктомъ, откуда производились наблюденія за инородцами; а изъ перваго этажа производилась стрѣльба по наступавшимъ на укрѣпленіе. Только одна Спасская башня и сохранила свой первоначальный видъ, и то потому, что была поддерживаема поправками, остальныя же двѣ совершенно разрушаются».

По поводу этого описанія считаемъ долгомъ замѣтить, что соображенія г. Попова относительно расположенія Казанской церкви можно считать совершенно правильными, если только она находилась внѣ крѣпостной ограды; точно также слѣдуетъ признать правильнымъ его заключеніе, что Никольская и Знаменская башни были только «воротами», ибо мы знаемъ, что крѣпостныя ворота никогда не дѣлались въ стѣнахъ, а всегда защищались

---

[1]) „Надо отнести ихъ постройку ко времени заложенія Илимскаго острога 1629—1631 годамъ, которому положилъ основаніе атаманъ Иванъ Галкинъ, выстроивъ сначала зимовье подъ названіемъ „Ленскаго Волока" и вскорѣ укрѣпленное и переименованное въ Илимскій острогъ". (Выноска г. Д. Д. Ларіонова).

башнями. Что же касается до крытыхъ балконовъ на обѣихъ сторонахъ башенъ, то мы уже выяснили ихъ оборонительное значеніе, а потому принимать такіе балконы за часовни рѣшительно невозможно.

Точно также не можетъ быть и рѣчи о какой-либо «главной» часовнѣ во второмъ этажѣ Спасской башни. Присутствіе тамъ иконной «дцки», съ которой сошло отъ времени письмо, объясняется очень просто: надъ монастырскими и крѣпостными воротами у насъ всегда ставились иконы, чему есть тысячи примѣровъ, начиная со Спасскихъ и Никольскихъ воротъ московскаго Кремля. Была икона и надъ Спасскими воротами Илимскаго острога и при томъ, очевидно, судя по названію башни,—Нерукотвореннаго Спаса; а когда она «сошла» отъ времени, «дцку» ея, какъ предметъ священный, убрали внутрь башни. Это предположеніе подтверждается свидѣтельствомъ жителей, которые сообщили г. Попову, что «икона была укрѣплена по срединѣ второго этажа», т. е. иными словами, надъ воротами.

Назначеніе вышки, которую онъ называетъ «третьимъ этажемъ», имъ опредѣлено правильно.

Рисунки, приложенные къ указанному уже отношенію Ирк. Общ. Губ. Упр., весьма наивны; они исполнены, конечно, какимъ-нибудь самоучкой, и надо только радоваться, что хоть такой нашелся въ Илимскѣ. Подписи автора нѣтъ, а есть только обычная лаконическая помѣта: «Съ натурою вѣрно: Засѣдатель П. Дьяконовъ». Но они подкупаютъ зрителя своимъ простодушіемъ и убѣждаютъ его въ своей правдивости. При разсматриваніи ихъ невольно растетъ убѣжденіе, что составитель ихъ рисовалъ то, что видѣлъ передъ глазами, а потому изображенія его, несмотря на неправильность рисунка, отличаются полною документальностью. Возьмемъ хоть-бы Спасскую башню (табл. XV): мы видимъ на ней всѣ тѣ-же пріемы, которые мы прослѣдили на башняхъ Якутскаго острога. Башня эта—квадратная въ планѣ, срублена въ лапу и имѣетъ вверху свѣшивающійся «обламъ». Крыша, покрывающая башню, настолько полога, что рисовальщику, стоявшему близко около башни, ея не было видно, вслѣдствіе чего дозорная вышка кажется какъ-бы стоящей на террасѣ. Вышка эта не открытая, какъ въ якутскихъ башняхъ, а глухая и срублена въ лапу; въ ней есть только дозорныя оконца. Она покрыта шатровой крышей и увѣнчана большимъ двуглавымъ орломъ, о которомъ говоритъ еще Щукинъ. Относительно подобнаго устройства вышки слѣдуетъ замѣтить, что если она гораздо лучше защищаетъ часового отъ сибирскихъ бурь и непогодъ, за то она несравненно менѣе при-

годна для наблюденія за окрестностями, а слѣдовательно менѣе отвѣчаетъ своему прямому назначенію.

Ворота и крытый выступной балконъ — совершенно такіе-же, какъ въ Якутскихъ башняхъ, но лѣстница на крытые балконы сдѣлана внутри башни, у правой отъ зрителя боковой стѣны, что, какъ мы уже говорили, менѣе удобно для защитниковъ.

Принимая во вниманіе это обстоятельство, а равно и устройство «глухой» вышки, слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что Якутскія башни представляютъ собою болѣе совершенный типъ въ крѣпостномъ отношеніи, нежели Илимскія.

Обращаясь затѣмъ къ Никольской башнѣ (табл. XVI), мы видимъ, что она уже совсѣмъ простая, такъ какъ вмѣсто дозорной вышки имѣетъ двускатую крышу, если только эта послѣдняя не является позднѣйшей передѣлкой. Во всякомъ случаѣ, для насъ представляется здѣсь любопытнымъ устройство наружнаго хода на крытый балконъ, слѣдовъ котораго мы не замѣчаемъ въ Якутскихъ «проѣздныхъ» башняхъ.

Что-же касается до описанія Илимскихъ башенъ у о. М. Сизого, то переносъ иконъ снаружи внутрь сбиваетъ съ толку и его и заставляетъ видѣть въ этихъ чисто крѣпостныхъ сооруженіяхъ — «башни-часовни», при чемъ, по своему незнакомству со старинными оборонительными пріемами, онъ считаетъ надвратные выступы принадлежностями «часовни»: «Съ восточной и западной стороны этого помѣщенія (второго этажа), говоритъ онъ, во всю ширину башни, на особыхъ выдавшихся отъ нея наружу балкахъ, независимо отъ самой башни, сдѣланы пристройки, крытыя сверху и по сторонамъ тесомъ, а съ лицевой стороны имѣющія открытыя окна [1]». Вотъ эти-то пристройки и служили мѣстомъ удовлетворенія религіозныхъ потребностей набожнаго русскаго населенія Илимскаго острога. Въ нихъ до сихъ поръ сохраняются мѣстночтимыя иконы Спаса Нерукотвореннаго, св. Николая и др. Жители города Илимска и теперь усердно чествуютъ находящіяся въ башняхъ иконы. При осмотрѣ башенъ я имѣлъ пріятный случай убѣдиться въ этомъ: предъ иконою Николая Чудотворца, находящеюся въ Никольской башнѣ, въ простомъ, сдѣланномъ изъ дерева и не окрашенномъ даже подсвѣчникѣ стояло нѣсколько обожженныхъ свѣчекъ изъ бѣлаго воска; очевидно, что горожане

---

[1]) Если эти пристройки были сдѣланы для «часовень», то зачѣмъ-же было въ нихъ дѣлать, замѣтимъ между прочимъ, огромныя и открытыя «окна», когда въ церквахъ они дѣлались маленькія и закрытыя?

все еще не забываютъ подражать доброму примѣру своихъ славныхъ прадѣдовъ»[1]).

Все это—очень любопытныя подробности изъ современной жизни башенъ, но совсѣмъ не доказательство основного положенія, ибо то-же самое могло быть и при *позднѣйшемъ* превращеніи башни въ часовню, когда она уже утратила свое военное значеніе. Допустить-же первоначальное назначеніе башенъ для обѣихъ цѣлей невозможно, во 1-хъ, по безпримѣрности такого случая, а во 2-хъ по набожности старыхъ русскихъ людей, которые никогда не рѣшились-бы построить часовню съ тѣмъ, чтобы она потомъ была мѣстомъ яраго боя. Правда, мы знаемъ случаи обороны въ соборахъ и церквахъ, но это явленія исключительныя, имѣвшія мѣсто лишь тогда, когда храмъ оказывался *послѣднимъ* убѣжищемъ отъ врага!

Но затѣмъ, за исключеніемъ этого ошибочнаго предположенія, о. Сизой сообщаетъ много любопытныхъ данныхъ въ видѣ фактическаго матеріала. Отъ него мы узнаемъ, что башня имѣетъ *четыре* этажа, изъ коихъ нижній 3-хъ саженной высоты, что въ каждомъ этажѣ, кромѣ верхняго, есть внутренняя лѣстница и что навѣсныя бойницы облама приходятся въ третьемъ этажѣ. Ширина «навѣсныхъ бойницъ», или «щелей», какъ онъ ихъ называетъ, «до полуаршина», а сами онѣ находятся на высотѣ около *полутора аршинъ* отъ уровня пола третьяго этажа, въ стѣнахъ котораго были также бойницы для пораженія непріятеля изъ огнестрѣльнаго оружія.

Это *превышеніе навѣсныхъ бойницъ надъ поломъ* весьма замѣчательно, потому что онѣ вездѣ показаны на одномъ съ нимъ уровнѣ (черт. 29, 33 и табл. XI, черт. 3).

Назначеніе вышки у о. М. Сизого опредѣлено совершенно вѣрно, но новаго ничего не даетъ, а потому его дальнѣйшія сообщенія о башняхъ мы пока оставляемъ въ сторонѣ.

Изображенія этихъ обѣихъ башенъ мы видимъ у Ласковскаго (черт. 39 и 40), которыя сходны во всѣхъ своихъ частяхъ съ только что разобранными нами рисунками, чѣмъ и подтверждаютъ ихъ достовѣрность. Разнятся они лишь пропорціями, что сейчасъ-же бросается въ глаза при совмѣстномъ разсматриваніи, и тѣмъ, что на чертежѣ Ласковскаго нѣтъ почему-то орла на Спасской башнѣ. Малый подъёмъ крыши, на которой стоитъ дозорная вышка у этой башни (черт. 39), объясняетъ, почему этой крыши не видно на рисункѣ, доставленномъ изъ Иркутска (табл. XV, рис. 1).

[1]) См. № 5-й, стр. 74—75.

Затѣмъ въ 5-й части «Путешествія Наслѣдника Цесаревича на Востокъ» [1]) мы видимъ изображеніе деревянной крѣпостной башни и около нея—направо—древнюю деревянную церковь. Подпись подъ этимъ рисункомъ гласитъ только «Изъ остатковъ старой допетровской Сибири», но полное сходство этой башни съ Илимской Спасской башней, а церкви — съ Илимской Казанской церковью (табл. XVII, рис. 1) заставляетъ думать, что тамъ изображенъ уголокъ города Илимска.

На Иркутскихъ рисункахъ около Спасской башни начерченъ низкій одноэтажный деревянный домикъ въ два окна, съ весьма плоской крышей (табл. XV, рис. 2). Такъ какъ по необычайной толщинѣ лѣса онъ конечно очень старый, а по формѣ своихъ оконъ, несомнѣнно, петровскаго времени, то мы полагали необходимымъ воспроизвести здѣсь кстати и его изображеніе.

Затѣмъ, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію церквей г. Илимска, считаемъ небезполезнымъ привести тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ объ этомъ городѣ Щукинъ, потому что въ его время остатки древности были тамъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ теперь.

«Изъ старинныхъ зданій, говоритъ онъ, сохранилась (въ Илимскѣ) только часть острога или крѣпости и гостиный дворъ. Острогъ состоялъ изъ двойного частокола, съ тремя воротами. Частоколъ давно подгнилъ и упалъ, но ворота стоятъ еще, на нихъ держится огромный двуглавый деревянный орелъ. Крѣпость стояла на узкомъ берегу Илима и заднимъ бокомъ почти касалась горы, съ которой непріятель легко могъ забросать ее камнями. Старики наши, вѣроятно, понимали это, но презирали своихъ слабыхъ непріятелей, вооруженныхъ копьями и стрѣлами. Другая важнѣйшая причина построенія крѣпости на мѣстѣ, лишенномъ стратегическихъ выгодъ, была та, что здѣсь прекращался водяный путь и начинался волокъ на рѣку Куту. Слѣдовательно тутъ было складочное мѣсто всѣхъ припасовъ, слѣдующихъ въ Якутскъ и на Амуръ. Здѣсь скоплялся весь ясакъ, получаемый съ народовъ, обитающихъ по Ленѣ.

Старый гостиный дворъ обращенъ теперь въ частномъ домѣ въ анбаръ. Раздѣляется на два этажа, верхній выдается надъ нижнимъ навѣсомъ; на лицевой сторонѣ круглыя окна съ желѣзными рѣшетками. Въ нижнемъ этажѣ трое дверей» [2]).

---

[1]) См. Путешествіе Государя Императора Николая II на Востокъ (въ 1890—1891). Авторъ-издатель кн. Э. Э. Ухтомскій. Иллюстрировалъ Н. Н. Каразинъ. Спб. 1896. ч. 5, стр. 130.

[2]) „Поѣздка въ Якутскъ", стр. 62—63.

Перейдемъ теперь къ Илимскимъ церквамъ.

Когда былъ построенъ первый храмъ въ Илимскѣ—неизвѣстно, но, по свидѣтельству о. М. Сизого, около нынѣшней Спасской церкви, о которой мы уже говорили, есть его слѣды съ восточной стороны въ видѣ огромной земляной насыпи и деревянной часовни съ тремя деревянными-же крестами.

Кромѣ того до насъ дошли отъ него, по словамъ того-же свидѣтеля, слѣдующіе священные предметы:

1) Евангеліе 1712 года — вкладъ воеводы Лаврентія Родіонова сына Ракитина.

2) Крестъ со святыми мощами, XVIII-го (?) вѣка,—вкладъ священника Петра Максимова

и 3) старинные оловянные сосуды, изъ коихъ на дискосѣ имѣется слѣдующая характерная для своего времени подпись: «Блюдо всемилостивѣйшаго Спаса Илимскаго острогу, церковное положеніе Богдана Денисовича Оладьина, человѣка его Дементія, Ананьина сына» [1]). Такимъ образомъ никому не извѣстное имя Б. Д. Оладьина сохранилось, благодаря вкладу его «крѣпостного»!

Обратимся теперь къ древнѣйшей изъ нынѣ существующихъ въ Илимскѣ церквей—Казанской Божіей Матери (табл. XVII, рис. 1). Вотъ что сообщаетъ о ней г. С. Поповъ:

«Подробнѣйшаго описанія, а въ особенности исторіи построенія церквей, въ заштатномъ городѣ Илимскѣ доставить нѣтъ возможности въ настоящее время потому, что въ архивѣ города Илимска никакихъ документовъ, касающихся построенія ихъ, не нашлось. Изъ клировыхъ же вѣдомостей видно, что самая древнѣйшая изъ церквей, построенныхъ въ приходѣ, принадлежащемъ городу Илимску, и въ самомъ городѣ находящихся, есть церковъ Казанская, построенная по показанію клировыхъ вѣдомостей въ 1679 году [2]).

Церковь эта деревянная однопрестольная, низменная, одноэтажная, съ однимъ довольно большимъ куполомъ, покрыта тесомъ на два ската гладко, куполъ же околоченъ небольшими дощечками, вырѣзанными зубцами и нало-

---

[1]) Ирк. Еп. Вѣд. 1883 г. № 4, стр. 52—53.

[2]) Хотя церковь эта по клировымъ вѣдомостямъ и значится построенною ранѣе Спасской церкви, но есть уже вторая въ г. Илимскѣ. Первая церковь именовалась, какъ именуется и нынѣ главная приходская церковь, Спасскою и существовала гораздо ранѣе этого времени, какъ видно это изъ историческаго описанія Киренскаго Свято-Троицкаго монастыря, изданнаго въ Москвѣ въ 1841 году; но эта первая (Спасская) церковь была истреблена пожаромъ. (Прим. г. Попова).

женными одна на другую. По мѣстному выраженію подобная покрыша называется «лемяхомъ». На куполѣ крестъ желѣзный золоченый; но крестъ этотъ относится постройкою къ недавнимъ временамъ.

Окна въ храмѣ квадратныя, мѣрою не больше аршина, въ нихъ вмѣсто стеколъ вдѣлана слюда; въ западной стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ входной двери имѣются подобія оконъ, также задѣльныя слюдою, мѣрою въ вышину до полуторыхъ четвертей, а въ ширину по стѣнѣ около полуторыхъ саженъ. Особой паперти нѣтъ, а замѣняетъ ее рѣшетчатое крыльцо. Внутреннее расположеніе раздѣлено на пять отдѣленій: алтарь, мѣсто для клира (по мѣстному преданію и для воеводы), отдѣленіе для мущинъ, отдѣленіе для женщинъ и самая церковь; отдѣленія, назначенныя для мущинъ и женщинъ, отгорожены глухою переборкою, составленною изъ иконъ, писанныхъ въ ростъ человѣка, живопись иконъ на обѣихъ сторонахъ переборки. Потолокъ храма украшенъ иконами, писанными на полотнѣ, и, судя по стилю живописи, надо предполагать, что вся иконопись древняя и относится ко времени построенія самаго храма [1]). Въ правомъ отдѣленіи храма находится икона Божіей Матери, писанная на полотнѣ. Эту икону мѣстные жители именуютъ Казанскою; но по рисунку слѣдуетъ именовать ее Тихвинскою. Вся утварь въ церкви ветхая, но относится ли къ древностямъ или вызвана только крайностью по бѣдности прихода, положительно сказать нельзя, по невозможности опредѣлить это по надписямъ или какимъ-либо документамъ. Еще есть двѣ шитыя шелками и золотомъ иконы, бывшія какъ должно предполагать на хоругвяхъ; но дѣйствительно ли это были хоругви, положительно удостовѣрить нельзя, потому что нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей считаютъ ихъ знаменами, занесенными еще казаками при первоначальномъ появленіи ихъ на Илимѣ для покоренія и объясаченія инородцевъ».

Описаніе это даетъ очень много любопытнаго, въ особенности относительно внутренняго устройства. Скажемъ нѣсколько словъ объ архитектурныхъ особенностяхъ этой церкви по весьма понятной причинѣ пройденныхъ молчаніемъ г. Поповымъ.

Сколько можно судить по рисунку, Казанская церковь состоитъ изъ высокаго четырехугольнаго сруба, составляющаго восточную часть храма, къ которой примыкаетъ широкая и низкая западная трапеза, съ крылечкомъ на западной сторонѣ.

---

[1]) Бывшій въ Илимскѣ священникъ Корнаковъ пояснилъ, что вся иконопись, въ Казанской церкви находящаяся, есть старообрядческая. (Прим. г. Попова).

Восточный срубъ возвышается примѣрно на 1 саж. (9 вѣнцовъ) надъ крышею трапезы и покрытъ двускатою крышею; въ верхней трети это покрытіе переходитъ въ крышу «бочкой», обращенную лицомъ на западъ, а на ребрѣ бочки поставлена луковичная головка на тонкой шеѣ. Такимъ путемъ выдѣлена въ уборномъ смыслѣ главная восточная или алтарная часть храма. Луковичная главка и верхъ бочки покрыты деревянной черепицей, обрѣзанной въ нижнемъ концѣ съ обѣихъ сторонъ сходящимися «зубчатками», обыкновенно съ тремя прямоугольными уступами съ каждой стороны, которая на мѣстѣ называется «лемехомъ».

Восточныя боковыя части крыши трапезы не заканчиваются за восточной ея стѣной, но идутъ далѣе вплоть до восточной стѣны алтаря и перекрываютъ собою входящіе углы, образованные боковыми стѣнами алтарной части и трапезной. Что находится въ сѣверномъ углу, на рисункѣ не видно; но въ южномъ углу сдѣлана лѣстница, какъ это можно заключить по наклоннымъ периламъ, которая ведетъ въ восточную часть церкви, т. е. въ алтарь или къ воеводскому мѣсту, что вполнѣ возможно. Можетъ быть, даже было устроено такъ: съ одной стороны была лѣстница для воеводы и его семьи, а другая для духовенства, такъ какъ изъ описанія г. С. Попова очевидно, что воеводское мѣсто было въ этой части храма. Но, какъ это ни странно, на рисункѣ ни на восточной сторонѣ трапезы, ни на южной сторонѣ алтаря входной двери *не показано,* а нарисованы лишь *два окна.* Это можно объяснить только ошибкою въ рисункѣ, ибо зачѣмъ-же дѣлать лѣстницу, когда по ней никуда нельзя попасть? Очень страннаго вида были окна въ западной стѣнѣ, если только г. С. Поповъ не ошибся въ ихъ размѣрахъ: шесть вершковъ вышины и полторы сажени ширины, т. е. ширина въ двѣнадцать разъ болѣе высоты? Да вѣдь это какія то горизонтальныя щели, какихъ мы въ прочихъ памятникахъ или вовсе не встрѣчаемъ, или встрѣчаемъ въ иной пропорціи, какъ напр. на башнѣ-часовнѣ въ г. Балаганскѣ (табл. XVIII, рис. 2) [1])! Впрочемъ и самъ г. С. Поповъ называетъ ихъ не «окнами», а «подобіемъ оконъ». Во всякомъ случаѣ, мы оставляемъ на его отвѣтственности точность этихъ размѣровъ.

Очень любопытно внутреннее устройство трапезы: подобно древнехристіанскимъ базиликамъ она была разбита на три нефа, отдѣленныхъ другъ

---

[1]) Нѣчто подобное мы видимъ также въ рисункахъ нашихъ сѣверныхъ деревянныхъ церквей, представленныхъ за самое послѣднее время въ Академію Художествъ.

отъ друга не колоннами, а «глухими» переборками, украшенными съ обѣихъ сторонъ «иконами, писанными въ ростъ человѣка» (?) [1]), причемъ правый нефъ предназначался для мужчинъ, а лѣвый для женщинъ.

Раздѣленіе половъ въ церкви и до сихъ поръ еще встрѣчается во многихъ глухихъ мѣстностяхъ Россіи: не только по селамъ, но даже и по городамъ въ церкви мужчины становятся на право, а женщины на лѣво. Но особенно строго это соблюдается у старообрядцевъ. Поэтому раздѣленіе трапезы на три части глухими переборками въ связи съ указаніями священника Карнакова на «старообрядческую» иконопись заставляетъ предполагать, что церковь эта была сооружена старообрядцами, которыхъ въ Сибири всегда было достаточно.

Относительно внутренняго убранства церкви много любопытныхъ подробностей сообщаетъ о. М. Сизой.

Вотъ распредѣленіе росписи въ трапезѣ, согласно его описанію:

Наружная стѣна.		Перегородка.			Перегородка.		Наружная стѣна.
	Женское отдѣленіе.				*Мужское отдѣленіе.*		
	Лѣвая сторона перегородки:	Правая сторона перегородки:		*Плафонъ:*	Лѣвая сторона перегородки:	Правая сторона перегородки:	
	Свв. Варвара и Параскева.	Свв. Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ,		Господь Саваоѳъ.	Свв. Филиппъ, Петръ,	Свв. Борисъ, Глѣбъ и	
		Василій Великій и Николай Чудотворецъ.		Спаситель.	Іона и Алексѣй.	Александръ Невскій.	
				Входъ.			

Въ основу этой росписи, какъ видно изъ ея схемы, положена извѣстная руководящая идея: въ плафонѣ, соотвѣтствующемъ небу, помѣщены Господь Саваоѳъ и Іисусъ Христосъ. Далѣе, на перегородкахъ, въ среднемъ нефѣ, мы

[1]) Трудно понять, что этимъ хочетъ сказать описаніе: то-ли, что это иконы *не* „поясныя“, или то, что фигуры написаны въ *натуральный* ростъ человѣка?

видимъ справа — святителей Русской церкви до никоновскаго времени, Петра, Алексія, Іону и Филиппа, а слѣва — отцовъ Вселенской церкви, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова, Василія Великаго и Николая Чудотворца, изъ коихъ первый и третій — творцы обѣихъ нашихъ восточныхъ литургій.

Въ правомъ, мужскомъ отдѣленіи святые князья русскіе, и притомъ князья воины, которые, очевидно, особенно чтились нашими казаками завоевателями: Борисъ, Глѣбъ и Александръ Невскій. Въ лѣвомъ женскомъ отдѣленіи свв. великомученицы Варвара и Параскева, имена коихъ весьма часто встрѣчаются въ нашемъ народѣ.

Какъ изображенъ Господь Саваоѳъ, о. М. Сизой не упоминаетъ, но если на персяхъ у Бога-Отца изображенъ Св. Духъ, то здѣсь на лицо имѣются всѣ три ипостаси Св. Троицы, и тогда роспись потолка будетъ вполнѣ понятна. Совмѣстное-же изображеніе только Бога-Отца и Бога-Сына, безъ Святого Духа, является совсѣмъ не обычнымъ.

Затѣмъ, конечно, рождается вопросъ, къ какому времени относится эта роспись? Вопросъ рѣшался бы очень просто, если бы можно было имѣть подъ руками хотя-бы фотографіи. Къ крайнему нашему сожалѣнію, таковыхъ въ Археологической Коммисіи не имѣется и въ нашемъ распоряженіи находятся лишь данныя, сообщенныя г. С. Поповымъ и о. М. Сизымъ.

По ихъ свидѣтельствамъ, образа писаны «на полотнѣ» и, кромѣ того, въ плафонѣ изображенъ Господь «Саваоѳъ».

Эти два признака указываютъ, повидимому, на ихъ сравнительно позднее происхожденіе, ибо наши древнія иконы писались обыкновенно на доскахъ, а отдѣльные священные лики, фигуры и событія — прямо на стѣнахъ, а не на полотнѣ, *набитомъ на рамахъ*; Бога-же Саваоѳа стали писать у насъ лишь во второй половинѣ XVII-го столѣтія. Но г. С. Поповъ, очевидно на основаніи указаній мѣстнаго духовенства, утверждаетъ, что, «судя по стилю *живописи*», надо предполагать, что «вся *иконопись* древняя» и относится ко времени построенія самаго храма. Кромѣ того, священникъ Корнаковъ пояснилъ ему, что вся эта иконопись «есть старообрядческая» [1]). Свящ. М. Сизой о времени происхожденія всѣхъ этихъ образовъ ничего не говоритъ, но несомнѣнно, быть можетъ даже противъ своей воли, подтверждаетъ ихъ «старообрядческое» происхожденіе, хотя, конечно, по цензурнымъ и административно-полицейскимъ условіямъ своего времени онъ не рѣшается этого сказать прямо. За то въ одномъ мѣстѣ онъ сообщаетъ, что на перегородкахъ укрѣплены писа-

1) См. прим. къ стр. 127-ой.

ныя на полотнѣ иконы *до-никоновской живописи* (!?) [1]); а въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ слѣдующее: «И замѣчательно еще то, что митр. Филиппъ и св. Алексѣй написаны съ поднятою правою рукою и такимъ сложеніемъ пальцевъ на ней: большой, мизинецъ и безъимянный, вмѣстѣ стоя, соединены оконечностями; указательный и средній, стоя вмѣстѣ, расположены отдѣльно отъ первыхъ. Хотя такое сложеніе и напоминаетъ благословляющую руку священно-пастыря, но далеко не тождественно съ нею» [2]).

Эти крайне осторожныя слова о. М. Сизого показываютъ только, что онъ *не могъ* сказать того, что видѣлъ передъ глазами. Вѣдь описанное имъ сложеніе десницы есть ничто иное, какъ «двуперстіе», столь горячо отстаиваемое старообрядцами; поэтому «старообрядческое» происхожденіе образовъ несомнѣнно. Но это ни на волосъ не подвигаетъ вопроса о времени ихъ написанія. Мы даже не можемъ сказать, какіе они,—«иконописные» или «живописные»,—ибо и г. С. Поповъ и о. М. Сизой, какъ неспеціалисты, очевидно, эти понятія путаютъ: первый пишетъ, что «судя по стилю *живописи*, вся *иконопись* древняя», а второй толкуетъ о какой-то «до-никоновской» *живописи*! Одно изъ двухъ: или «иконопись», или «живопись», и эти термины для спеціалиста сразу рѣшаютъ вопросъ. Тутъ же все сбито въ одну кучу, а потому данныхъ для рѣшенія вопроса нѣтъ.

Что же касается до домысла о. М. Сизого, что образа эти писаны не въ Илимскѣ, а присланы издалека, ибо самое изображеніе на полотнѣ обличаетъ ихъ доставку, съ этимъ можно только согласиться. Въ самомъ дѣлѣ переслать писанную на полотнѣ икону весьма легко: для этого стоитъ только проложить её съ лица масляной бумагой, накатать обратной стороной на скалку и зашить сперва для чистоты въ полотно, а потомъ въ кожу для защиты отъ сырости, и тогда она никакой пересылки не боится; можно везти хоть на вьюкахъ, причемъ и самая цилиндрическая форма упаковки совсѣмъ не громоздка и очень удобна для укладки. Тогда какъ икона на «дцкѣ», въ особенности большая, требуетъ громоздкаго ящика и самаго тщательнаго укрѣпленія въ немъ доски, чтобы не получилось въ дорогѣ царапинъ и потёртыхъ мѣстъ. Кромѣ того ящикъ иначе какъ «гужомъ» везти нельзя, причемъ на дурномъ проселкѣ, да еще въ распутицу, его всегда можно случайно разбить. Но если этотъ домыселъ о. М. Сизого вѣренъ, то съ другимъ его предположеніемъ никакъ согласиться нельзя: онъ полагаетъ, что всѣ эти иконы «по заказу

[1]) См. у него стр. 54.
[2]) Ib. стр. 55.

писались въ Тобольскѣ, гдѣ въ то время существовала иконописная школа при митрополичьемъ дворѣ». Самъ же онъ описываетъ *двуперстое* сложеніе десницъ у этихъ иконъ; какъ же можно допустить, чтобы при *митрополичьемъ дворѣ* было допущено «двуперстіе»! Да вѣдь это дѣло совершенно невозможное. Поэтому вѣрнѣе предположить, что эти образа были написаны въ XVIII вѣкѣ въ Москвѣ, гдѣ было всегда много богатѣйшихъ старообрядцевъ, которые, конечно, были готовы придти на помощь «своему» храму, хотя бы и въ отдаленномъ Прибайкальѣ. На XVIII-же вѣкъ указываютъ, во 1-хъ, образа на полотнѣ и на «подрамкахъ», во 2-хъ, изображеніе Саваоѳа въ плафонѣ и, въ 3-хъ, одно выраженіе о. М. Сизого, которое опредѣляетъ скорѣе «живопись», чѣмъ «иконопись». «Къ тому же, говоритъ онъ, самая живопись иконъ *принадлежитъ довольно искусной кисти*» [1]). Врядъ ли онъ выразился бы такъ объ «иконномъ» письмѣ. Впрочемъ, все это только одни предположенія, и окончательнаго рѣшенія вопроса мы ждемъ отъ мѣстныхъ археологическихъ силъ, ибо, въ свою очередь «живопись» никакъ не вяжется со «старообрядчествомъ».

Кромѣ этихъ свѣдѣній объ украшеніи трапезы, о. М. Сизой сообщаетъ, въ качествѣ очевидца, и другія подробности о внутреннемъ устройствѣ храма, которыя мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь для полноты картины.

«Въ отдѣлѣ старцевъ [2]), говоритъ онъ, поражаетъ размѣрами икона Божіей Матери Троеручицы, писанная на холстѣ, безъ всякихъ украшеній, въ рамѣ простой работы; выш. икона $2^3/_4$ арш., шир. около 3 арш.; устоемъ подъ нею служитъ простая деревянная лавка; предъ иконой стоитъ нехитрой работы деревянный некрашеный подсвѣчникъ. Трапеза отдѣляется отъ церкви собственно деревянною рѣшеткой, въ срединѣ которой устроена дверь для входа и выхода. Эта часть весьма незначительна по своимъ размѣрамъ. Она, если не брать во вниманіе едва замѣтнаго возвышенія, замѣняющаго солею и амвонъ, шир. 5 арш., длин. около 2 арш., съ особо устроенными по ту и другую сторону дверей небольшими скамеечками. Эта часть назначалась въ свое время для воеводы, его семьи и близкихъ къ нему людей чиновныхъ. Этимъ объясняются сравнительно ничтожные размѣры ея; это же даетъ поводъ предполагать, что описываемая церковь построена была однимъ изъ воеводъ, которому, въ виду его особой попечительности о распространеніи храмовъ Божіихъ, и дана была привилегія пользоваться особымъ помѣщеніемъ въ храмѣ. Иконостасъ самой

---

[1]) Ib. стр. 57.

[2]) Такъ онъ называетъ „правое“ отдѣленіе.

простой работы: онъ составленъ изъ двухъ досчатыхъ некрашеныхъ рамъ и двухъ иконъ, находящихся въ нихъ: св. Іоанна Устюжскаго[1]) въ ростъ человѣка и образа Нерукотвореннаго Спаса, очень искусно вышитаго на шелковомъ платѣ шелкомъ, золотою и серебряною мишурою, въ квадратѣ $1^1/_2$ арш. По сторонамъ плата также искусно вышитъ текстъ тропаря образу. На верхней части плата находятся девять шелковыхъ петель, сдѣланныхъ, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы удобно было посредствомъ шнура, или тонкой палки, вѣшать его. Въ такомъ именно видѣ находится онъ прикрѣпленнымъ и теперь по правую сторону царскихъ вратъ. Нижняя часть плата украшена нѣсколькими, сдѣланными изъ шелка же, кистями. Царскія врата имѣютъ въ ширину около аршина (?), въ высоту $2^1/_2$ арш., створки сдѣланы изъ простыхъ досокъ, закругленныхъ сверху: внизу онѣ не доходятъ до пола около 2 четв. Въ алтарѣ, такъ же какъ и въ трапезѣ, весь потолокъ укрытъ изображеніями на холстѣ, надъ св. крестомъ находится изображеніе Господа Саваоѳа. Св. престолъ въ $^3/_4$ арш. въ квадратѣ и жертвенникъ того же размѣра. На юго-восточной стѣнѣ алтаря, около горняго мѣста, находится другая вышитая золотомъ икона — Знаменія Божіей Матери; она почти во всемъ похожа на икону Нерукотвореннаго Спаса, только немного меньше ея, безъ петель и кистей» [1]).

Въ этомъ описаніи прежде всего бросается въ глаза разногласіе его со свѣдѣніями, сообщаемыми г. С. Поповымъ относительно образа Богоматери въ правомъ отдѣленіи храма.

Г. С. Поповъ говоритъ, что мѣстные жители именуютъ ее «Казанской», а *по рисунку* ее слѣдуетъ именовать «Тихвинской»; а о. М. Сизой называетъ ее «Троеручицей», хотя и оговаривается, что «нѣкоторыми» она принимается за «Казанскую».

Это разногласіе тѣмъ страннѣе, что если возможно еще спутать по нѣкоторому сходству изображенія иконъ Казанской и Тихвинской Божіей Матери [2]),

[1]) Это какъ бы наводитъ на мысль о „казакахъ- устюжанахъ“; не забудемъ, что самъ знаменитый Дежневъ былъ родомъ изъ Устюга. На то же предположеніе наводитъ и слѣдующее сообщеніе г. Ровинскаго: „Рѣзьба въ иконостасѣ, говоритъ онъ, и разныя живописныя украшенія указываютъ, что тутъ работали хорошіе мастера; извѣстно, что тамъ (въ Илимскѣ) жили отличные серебряки, *вышедшіе изъ Устюга*, изстари славившіеся своею работою подъ чернью“. (См. его статью „Между Леной и Ангарой“, въ *Извѣст. Вост.-сиб. Отд. Географ. О-ва.* Ноябрь 1871 г., стр. 11—12). Прим. автора.

[2]) Хотя сходство это очень незначительно и между обѣими иконами есть большая разница: на Тихвинской иконѣ изображеніе *ниже пояса;* Іисусъ Христосъ *сидитъ* на лѣвой рукѣ Богоматери; у Нея написаны *обѣ ручки*, а у Предвѣчнаго Младенца *обѣ ножки*; тогда какъ на Казанской иконѣ—изображеніе *полокотное;* Іисусъ Христосъ *стоитъ* около лѣваго плеча Приснодѣвы; ни *ручекъ* Ея, ни

то это уже совершенно невозможно относительно Троеручицы, такъ какъ, во 1-хъ, лико Ея обращено въ противную сторону (влѣво), а во 2-хъ, она имѣетъ такой рѣзко характерный признакъ, какъ *три* ручки: одну лѣвую и двѣ правыхъ.

Подробности, сообщаемые въ описаніи о. М. Сизого о шитомъ образѣ Нерукотвореннаго Спаса, повидимому, подтверждаютъ преданіе, что онъ былъ прежде казацкимъ знаменемъ: подвѣсныхъ образовъ въ иконостасахъ мы не знаемъ, да и, кромѣ того, на иное назначеніе этого образа указываютъ нижнія кисти. Что же касается до подобнаго же образа Знаменія, у котораго нѣтъ ни петель, ни кистей, то вѣдь онѣ могли быть и отпороты при его новомъ назначеніи.

Описаніе царскихъ вратъ важно въ томъ отношеніи, что указываетъ способъ навѣски нашихъ древнихъ царскихъ дверей, створы которыхъ нерѣдко бывали ниже роста человѣка: эти створы просто приподнимались на пол-аршина отъ полу.

Наконецъ обращаютъ на себя вниманіе малые размѣры престола и жертвенника—3/4 аршина въ квадратѣ, тогда какъ теперь престолъ дѣлается обыкновенно 1¼ или 1½ арш. въ сторонѣ, что объясняется, конечно, сравнительной роскошью и большими размѣрами современной церковной утвари, а въ особенности огромными размѣрами Евангелій, пошедшими у насъ въ ходъ главнымъ образомъ съ половины XVIII столѣтія.

Что касается до общихъ размѣровъ этого храма, то, по свидѣтельству того же г. Ровинскаго, онъ такъ невеликъ, что снаружи можно руками достать до крыши, а внутри высокій человѣкъ можетъ коснуться головою потолка. Очевидно, впрочемъ, что это относится только къ западной, низкой трапезѣ.

Время его основанія онъ относитъ, вопреки приводимому г. Поповымъ показанію клировыхъ вѣдомостей, почему то къ 1676-му году, а не къ 1679-му, что впрочемъ, не существенно.

Этими замѣчаніями мы полагаемъ возможнымъ закончить разборъ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о Казанской Илимской церкви.

Введенская церковь Илимска (табл. XVII, рис. 2) нѣсколько напоминаетъ Казанскую по внѣшнему виду, но существенно отличается отъ нея внутреннимъ устройствомъ.

ножекъ Спаса—Младенца *не видно*. Такимъ образомъ все сходство обоихъ изображеній сводится къ одному только общему повороту лика Богоматери въ одну и ту же сторону,—въ правую.

[1]) № 4, стр. 55-56.

Вотъ что сообщаетъ объ ней г. С. Поповъ:

«Кромѣ Казанской церкви къ Илимскому приходу принадлежатъ: церковь, находящаяся въ двухъ верстахъ отъ города Илимска, также деревянная, построенная, какъ свидѣтельствуютъ клировыя вѣдомости, въ 1693 году. Она имѣетъ два купола и два престола, одинъ во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, а другой во имя Святителя и Чудотворца Николая, алтари совершенно равные и раздѣлены бревенчатою стѣною. Наружныя стѣны церкви сложены изъ толстаго и длиннаго лѣса, и самое зданіе довольно высоко. Внутри церковь раздѣлена на два отдѣленія капитальною стѣною, но не глухою, потому что сдѣланы въ ней отверстія на подобіе большихъ оконъ. Потолокъ въ церкви уже передѣланъ, полъ же перестланъ только въ передней половинѣ. Около клиросовъ поставлены два большихъ деревянныхъ креста, замѣчательныхъ своею массивностью; мѣрою они до двухъ саженъ въ вышину. На крестѣ, поставленномъ около праваго клироса, съ лицевой стороны изображено красками Распятіе, а на оборотной Архангелъ Гавріилъ [1]); затѣмъ передъ этимъ крестомъ находится деревянный раскрашенный на подобіе парчи подсвѣчникъ съ надписью «7193 [2]) года Февраля въ 20-й день»; на крестѣ же, утвержденномъ у лѣваго клироса, съ лицевой стороны изображено Распятіе, а на сторонѣ оборотной вырѣзана славянскими буквами надпись слѣдующаго содержанія: «лѣта 7193, Апрѣля въ день [3]) поставилъ сей Святый и животворящій крестъ Господень стольникъ и воевода Илья Андреевичь Змѣовъ».

По внѣшности своей Введенская церковь еще проще Казанской: поставлены рядомъ два сруба одинаковой ширины, изъ которыхъ западный—низкій и короткій, а восточный — высокій и длинный, и покрыты каждый отдѣльной двускатой крышей; на крышѣ восточнаго сруба поставленъ небольшой квадратный срубикъ, покрытый «бочкой», повернутой поперёкъ главной оси зданія, а на бочкѣ двѣ одинаковыхъ луковичныхъ главки, которыя символизуютъ, какъ мы увидимъ далѣе, сущность внутренняго устройства этого храма.

Размѣры церкви не велики: въ длину она имѣетъ около 5 саж., а въ ширину 4 саж. Болѣе, по рисунку, никакихъ особенностей не замѣтно, но о. М. Сизой описываетъ еще западную паперть.

---

[1]) И „Божія Матерь“ съ надписью: „святый ангелъ, хранитель человѣковъ“, по свидѣтельству о. М. Сизого. *Прим. автора.*

[2]) 1685 годъ.

[3]) Числа нельзя прочесть—стерто. *(Прим. г. Попова).*

«Съ западной стороны храма, говоритъ онъ [1]), во всю ширину его, устроена досчатая крытая галерея, замѣняющая собою нынѣшнюю паперть. Входъ въ галерею открываетъ довольно длинная узкая лѣстница, одинъ конецъ которой утвержденъ на землѣ, а другой, на высотѣ нѣсколькихъ аршинъ отъ нея, соединяется съ самою галереею. Съ обѣихъ сторонъ лѣстницы укрѣплены деревянныя перила. Надъ лѣстницею, на подобіе балдахина, возвышается тесовая крыша, имѣющая, въ соотвѣтствіе лѣстницѣ, наклонное положеніе».

Эта лѣстница подобна совершенно той, которую мы видимъ у храма Рождества Іоанна Предтечи (табл. XVI, рис. 2). Такъ какъ помѣщенный у насъ рисунокъ ц. Введенія — 1870 года, а статья о. М. Сизого — 1883-го, то можно предполагать, что эта паперть позднѣйшаго происхожденія.

Кромѣ того, относительно наружности вида церкви онъ замѣчаетъ, что она имѣетъ «лишь немного» обыкновенныхъ, т. е. позднѣе устроенныхъ оконъ, а всѣ остальныя—маленькія, «волоковыя». Наконецъ, первоначальные кресты храма были деревянные, обитые жестью, которые хранились въ немъ еще въ 1883-мъ году.

Внутри церковь раздѣляется на три части: трапезу, собственно церковь и алтарь. Первая помѣщается въ болѣе низкой западной пристройкѣ. Въ капитальной стѣнѣ, отдѣляющей ее отъ высокой, собственно церковной части, прорѣзано дверное отверстіе и два другихъ по бокамъ на подобіе оконъ, для болѣе удобнаго слушанія богослуженія. Въ высокой части храма, съ западной стороны, помѣщается самая церковь, а восточная ея половина раздѣлена на двѣ равныя части бревенчатой стѣной, вслѣдствіе чего образуются два совершенно равныхъ алтаря.

Это дѣленіе восточной части на *два* алтаря и заставило помѣстить «бочку» поперёкъ конька, ибо только при этомъ условіи каждый алтарь будетъ имѣть свою главу. Такимъ образомъ верхняя надстройка не только дѣлаетъ свое дѣло въ уборномъ отношеніи, но и строго логична въ символическомъ смыслѣ; эти двѣ главки *рядомъ* «во очію» знаменуютъ два рядомъ стоящихъ подъ ними алтаря.

Иконостасъ, по свидѣтельству о. М. Сизого, новый, крашеный и потому, конечно, ничего особеннаго не представляетъ. Гораздо любопытнѣе Распятіе, поставленное воеводою Змѣевымъ, и подсвѣчникъ передъ другимъ крестомъ, потому что оба они имѣютъ дату и относятся къ 1685-му году, а потому наводятъ на размышленіе относительно времени сооруженія храма. Что же

[1]) Стр. 66.

касается до «деревяннаго подсвѣчника, раскрашеннаго на подобіе парчи», то это, очевидно, такъ называемая «поклонная», «тощая» или «поставная» свѣща, которая попадается еще въ нашихъ старыхъ церквахъ. Она обыкновенно представляетъ собою большой цилиндрическій подсвѣчникъ, примѣрно вершковъ 5 въ діаметрѣ, высотою около 1¼ аршина, расписанный пестрымъ орнаментомъ; внизу онъ оканчивается металлической подставкой, а наверху увѣнчивается металлическимъ же фигурнымъ колпакомъ со вставными гнѣздами для свѣчей [1]). Такія свѣчи ставились, по большей части по обѣту, передъ мѣстными иконами, въ качествѣ неугасимой лампады.

Чтобы покончить съ внутреннимъ устройствомъ церкви, воспользуемся деталями, сообщаемыми о. М. Сизовымъ о прежнемъ ея отопленіи. Онѣ тѣмъ цѣннѣе для насъ, что въ настоящее время отопленіе передѣлано, а потому слѣды прежняго уже исчезли: но устройство его крайне любопытно, ибо оно показываетъ, *съ чѣмъ могли мириться* первые русскіе обитатели Сибири!

Въ старой московской Руси, въ зависимости отъ способа отопленія, избы раздѣлялись на «черныя» и «бѣлыя». Это дѣленіе и до сихъ поръ удержалось въ Россіи, потому что и теперь еще во многихъ захолустьяхъ существуютъ такъ называемыя «курныя» избы. Разница между ними заключается въ томъ, что въ «бѣлой» избѣ дѣлается печь съ трубою, а въ «черной» или «курной» избѣ устраивается очагъ прямо на полу или печь безъ трубы и дымъ выходитъ въ открытую дверь или въ отверстіе въ потолкѣ, какъ въ самоѣдскомъ чумѣ [2]). Затѣмъ, по свидѣтельству поляка Маскевича [3]), бывшаго въ Кремлѣ во времена «московской розрухи», большія палаты отапливались тамъ особыми печами, помѣщавшимися въ подвалахъ и подававшими вверхъ тепло каналами и отдушинами. Слѣдовательно въ XVII вѣкѣ русскіе были знакомы также съ «духовымъ» отопленіемъ. Отопленіе трапезы Введенской церкви представляло собою странную смѣсь «духового» отопленія съ «курнымъ». Вотъ что пишетъ по этому поводу о. М. Сизой:

---

[1]) Рис. см. у Солнцева, «Древн. Росс. Гос.», т. I, табл. 72, у Н. Симакова, «Русск. орнаментъ», табл. 21, и у Шохина, «Сборн. очерк. и детал рис. русск. стар. построекъ», табл. 28.

[2]) Для читателей, не видавшихъ курной избы, позволяемъ себѣ указать на сочиненіе г. А. О. Heikel'я—„Rakennukset Teremisseilla, Mordvalaisilla, Virolaisilla ja Juomalaisillja". Helsingissa, 1887 („Постройки черемисовъ, мордвы, эстовъ и финновъ"). Хотя эта книга на финскомъ, конечно, малодоступномъ языкѣ, но рис стр. 11, 12, 13, 14 и др. даютъ полное представленіе о „курной" избѣ.

[3]) См. въ сборникѣ Устрялова — «Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ», т. V, стр. 69.

«Въ настоящее время *трапеза имѣетъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ прежде. Находящаяся въ ней печь устроена была иначе*, нежели какъ теперь: *она помѣщалась подъ поломъ и совсѣмъ не имѣла трубы.* Во время топки весь дымъ шелъ въ трапезу, и только потомъ, въ прорубленное въ верхней части стѣны окно, мало-по-малу выходилъ наружу. Такой способъ топки, отъ осаждавшейся на стѣны и потолокъ трапезы сажи дѣлалъ ихъ совершенно черными — лоснящимися. Во избѣжаніе прохода дыма во внутреннія отдѣленія храма, имѣвшіяся въ поперечной стѣнѣ двери и окна во время топки наглухо закрывались. Когда, по окончаніи топки, дыма не оставалось въ трапезѣ, — «куталась [1]) печка», открывались двери и окна, такимъ образомъ, нагрѣвались и остальныя части храма» [2]).

Итакъ, по идеѣ (обогрѣвзніе *снизу*) это отопленіе «духовое», а по исполненію (*безъ трубы*) — «курное». Трудно себѣ представить болѣе варварскій способъ обогрѣванія храма Божьяго, но онъ весьма любопытенъ въ смыслѣ опредѣленія степени «нетрѣбовательности» покорителей и первыхъ просвѣтителей сибирскихъ инородцевъ, а потому мы должны быть благодарны о. М. Сизому за то, что онъ сохранилъ для насъ эти характерныя подробности.

Въ заключеніе намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о годѣ основанія описываемой церкви.

Г. С. Поповъ приводитъ запись клировыхъ вѣдомостей, по которой она основана въ 1693-мъ году. Но годъ этотъ кажется весьма страннымъ въ виду того, что крестъ воеводы Змѣева поставленъ въ 1685 году. Поэтому надо думать, что запись клировыхъ вѣдомостей невѣрна и годъ въ ней поставленъ наобумъ. Повидимому, гораздо болѣе правъ г. Ровинскій, который относитъ основаніе церкви, хотя и безъ указанія источника, къ 1673 году [3]) и считаетъ *её самой древней въ городѣ* и стоящей въ предѣлахъ *перваго* острога. «Первоначально, говоритъ онъ, Илимскъ былъ построенъ выше по Илиму на одну версту, гдѣ теперь нѣсколько дворовъ и никакихъ признаковъ стараго острога, называемаго по преданію «верхнимъ», *но есть церковь самая старая изъ существующихъ тамъ*: именно отъ 1673 года, во имя Введенія во храмъ».

Не считаемъ возможнымъ обойти молчаніемъ того значенія для края Введенской и Казанской Илимскихъ церквей, которое такъ опредѣляетъ г. Ровин-

---

[1]) Очевидно—«закрывалась».

[2]) № 5, стр. 65.

[3]) См. его статью „Между Леной и Ангарой" въ „*Извѣстіяхъ Восточно-сибирскаго отдѣла Географическаго О-ва*" (Ноябрь, 1871, стр. 10).

скій: «Замѣчательно, что эти церкви послужили прототипомъ для нѣкоторыхъ церквей по Ленѣ, гораздо позднѣйшаго времени—даже въ деталяхъ внутренней орнаментировки».

Обратимся теперь къ третьей и послѣдней церкви города Илимска, о которой говоритъ г. С. Поповъ (табл. XVI, рис. 2).

Вотъ что онъ объ ней сообщаетъ: «Другая церковь, также принадлежащая къ Илимскому приходу, находится на такъ называемой заимкѣ въ 6-ти верстахъ отъ города, въ лѣсу; церковь эта также одноэтажная; построена, какъ значится по клировымъ вѣдомостямъ, въ 1707 году, во имя Рождества Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. Архитектурой она сходна съ церковью, находящеюся въ слободѣ, исключая только того, что однопрестольная, а вслѣдствіе этого и съ однимъ куполомъ».

Въ отношеніи своего зодчества церковь эта представляетъ собою верхъ безыскуственности и простоты: это въ сущности обыкновенная изба, съ западной стороны которой пристроена паперть въ видѣ крытаго крыльца, а на крышѣ устроена не менѣе первобытная главка; нижняя часть ея, или постаментъ, по своей общей формѣ,—такая же изба, только маленькая, поставленная поперекъ нижней или главной избы. Этотъ постаментъ по коньку своей крыши увѣнчанъ крохотною луковкою на очень тонкой шеѣ.

Оба сруба, и нижній большой, и верхній маленькій, срублены «безъ остатка»,—«въ лапу», что ясно видно на рисункѣ.

Церковь имѣетъ два окна съ южной стороны и двѣ двери съ паперти: одну съ запада, а другую съ сѣвера. Паперть охватываетъ церковь съ боковъ и заканчивается у алтарей. Полъ ея приподнятъ надъ уровнемъ земли на два аршина, что объясняется, конечно, толстымъ зимнимъ слоемъ снѣга. Относительно внутренности церкви заимствуемъ у о. М. Сизого нѣкоторыя подробности, о которыхъ умалчиваетъ г. С. Поповъ.

«Клиросъ въ церкви, пишетъ о. Сизой, одинъ правый. У клироса на пьедесталѣ утверждено рѣзное изображеніе на крестѣ Христа Спасителя, съ таковыми же изображеніями по сторонамъ Божіей Матери и Евангелиста Іоанна. Иконостасъ самой простой работы, незатѣйливо сколоченный изъ досокъ и балокъ, на которыхъ также просто укрѣплены мѣстныя иконы, писанныя на холстѣ. Изъ иконъ останавливаютъ на себѣ вниманіе икона Спасителя по правую сторону царскихъ вратъ и икона Божіей Матери по лѣвую. Та и другая *древней живописи, весьма схожей съ нынѣшней, такъ называемой суздальскою.* На св. престолѣ до сихъ поръ сохраняется деревянная дарохранительница съ

нѣсколькими помѣщеніями, крашеная. Какъ въ алтарѣ предъ св. престоломъ, такъ и въ самой церкви предъ мѣстными иконами всѣ подсвѣчники деревянные, сохранившіеся, навѣрно, съ самаго построенія храма. Храмъ освѣщается семью небольшими окнами, въ которыя, вмѣсто стеколъ, вдѣлана слюда. Вѣнчающій церковь куполъ, съ утвержденнымъ на немъ крестомъ, устроенъ совершенно такъ же, какъ и у предыдущихъ храмовъ. Для совершенія божественной литургіи при храмѣ имѣется св. антиминсъ, священнодѣйствованный митрополитомъ тобольскимъ Филоѳеемъ въ 1704 году» [1]).

По поводу этого описанія считаемъ долгомъ замѣтить, что если въ очеркѣ Введенской церкви о. М. Сизой какъ будто даетъ поводъ предполагать, что подъ словомъ «живопись» онъ подразумѣваетъ письмо западнаго характера, то здѣсь оказывается, что «живописью» онъ называетъ также и «иконопись», что явствуетъ изъ слѣдующаго его опредѣленія письма мѣстныхъ иконъ: «та и другая древней живописи, весьма схожей съ нынѣшней, такъ называемой суздальской». Это выраженіе, несомнѣнно, показываетъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ «иконописью». Вмѣстѣ съ тѣмъ это выраженіе наводитъ на сомнѣніе относительно Введенской церкви: не иконопись-ли и тамъ? А потому, повторяемъ, вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только или на мѣстѣ, или присылкой фотографій въ Археологическую Комиссію, что, конечно, крайне желательно. Если же тамъ «иконопись», то въ связи съ «двуперстіемъ» это обстоятельство только подтверждаетъ нашу догадку о происхожденіи иконъ изъ Москвы, какъ изъ главнаго центра старообрядчества. Желательно бы также имѣть и фотографіи древней утвари этихъ церквей. Особенно должны быть любопытны шитые образа и большая свѣча Введенской церкви и деревянные подсвѣчники съ такой же крашеной дарохранительницей. Первые, какъ произведенія развитого русскаго искусства XVII столѣтія, а вторыя—по первобытности своей формы. Можетъ быть, ихъ изображенія и станутъ когда-нибудь достояніемъ русской науки.

Мы уже упоминали вскользь о главной Спасской церкви г. Илимска, рисунковъ которой не помѣстили въ виду того, что сравнительно болѣе поздпія формы ея XVIII вѣка лишены народнаго характера и потому мало любопытны. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ небезполезнымъ привести здѣсь свѣдѣнія, сообщаемыя о ней г. С. Поповымъ.

«Наконецъ, 4-я церковь, пишетъ онъ, находящаяся въ самомъ городѣ

---

[1]) См. № 5, стр. 68—69.

Илимскѣ невдалекѣ отъ церкви Казанской, именуется Спасскою, и есть главная церковь прихода; построена она въ 1783 году. Наружный видъ Спасской церкви представляетъ уже новѣйшій стиль. Она имѣетъ четыре купола, обитые жестью; на куполахъ желѣзные вызолоченные кресты; покрыта и обита тесомъ, двухэтажная; въ нижнемъ этажѣ два престола, а въ верхнемъ одинъ. Внутреннее расположеніе церкви въ первомъ этажѣ раздѣлено на два отдѣленія; въ верхнемъ же раздѣленія нѣтъ. Въ первомъ отдѣленіи, со входа въ нижній этажъ, около стѣнъ и на правой сторонѣ при колоннахъ, подкрѣпляющихъ потолокъ, устроены скамьи; а со входа на паперть верхней церкви по сѣверной и южной сторонамъ устроены перила, поддерживаемыя какъ съ той, такъ и съ другой стороны четырьмя деревянными колоннами. Окна въ нижнемъ этажѣ изъ слюды съ желѣзными рѣшетками, а въ верхнемъ стеклянныя. Живопись въ нижней церкви древняя, а въ верхнемъ этажѣ позднѣйшихъ временъ. Верхняя церковь расписана историческими картинами ветхаго и новаго завѣта, которыя писаны, какъ видно изъ находящейся въ алтарѣ на правой стѣнѣ надписи, въ 1815 году — «усердіемъ купца Авива Козлова, писалъ А. С.».

Кромѣ того онъ сообщаетъ также нѣкоторыя свѣдѣнія объ утвари Илимскихъ церквей. Хотя мы о нихъ уже говорили, но для полноты приводимъ также и его слова. Вотъ они: «Изъ числа церковной утвари въ городѣ Илимскѣ обращаютъ на себя вниманіе: оловянные подъ чернью «потиръ и дискосъ» съ остальными принадлежностями, до жертвенника относящимися; въ особенности замѣчательна по своей формѣ «лжица», но къ которому времени слѣдуетъ отнести построеніе этихъ сосудовъ, по неимѣнію на нихъ надписей, съ точностью опредѣлить нельзя. Евангеліе въ листъ величиною, крупной славянской печати 1703 года съ серебряною отдѣлкою и такою же надписью 1721 года; надпись на немъ слѣдующая: «Сіе Святое Евангеліе строено въ Илимску раденіемъ воеводы Лаврентія Родіонова сына Ракитина, вѣсу сребра два фунта и десять золотниковъ. Работалъ Никита Яковлевъ, лѣта отъ Адама»....

«Есть серебряный напрестольный крестъ со вложенными въ оный мощами Святыхъ угодниковъ, построенный, какъ значится въ надписи на крестѣ, священникомъ Петромъ Максимовымъ [1]) году Апрѣля. На всѣхъ существующихъ въ г. Илимскѣ церквахъ прежде кресты были деревянные, обитые жестью.

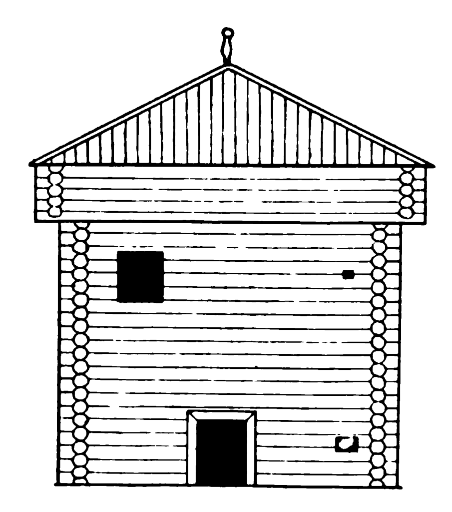
[1]) Годовъ по нечеткости вырѣзки ихъ на крестѣ и Евангеліи нельзя разобрать. *(Прим. г. С. Попова).*

Кресты эти сохраняются по настоящее время и замѣчательны своею массивностью, но не имѣютъ на себѣ никакихъ украшеній».

Таковы свѣдѣнія, сообщенныя г. С. Поповымъ объ Илимской старинѣ. Какъ ни скромно оцѣниваетъ онъ въ письмѣ къ г. Ларіонову [1]) составленное имъ описаніе, но мы должны подчеркнуть его значеніе, какъ свидѣтельство очевидца, и во всякомъ случаѣ помянуть этотъ трудъ добрымъ словомъ: онъ далъ намъ любопытный матеріалъ объ Илимскихъ храмахъ за тринадцать лѣтъ до появленія почтенной статьи о. М. Сизого.

VI.

Кромѣ Илимска, остатки древности находятся въ «Братскомъ острогѣ», который представляетъ собою теперь Братское село Нижнеудинскаго округа Иркутской губерніи. Объ основаніи его мы уже говорили [2]). Онъ былъ не сразу поставленъ на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, а передвигался нѣсколько разъ. Сначала острогъ этотъ былъ заложенъ въ 8-ми верстахъ отъ устья Оки; затѣмъ его перенесли на полдня пути вверхъ по Ангарѣ и построили при большомъ порогѣ Падунѣ. Въ 1648 году онъ былъ снова перенесенъ на

Чертежъ 42. Фасадъ башни въ Братскомъ острогѣ.
(По документамъ дѣла Т.-С. К-та М. В. Д. 1869 года, № 287, т. I).

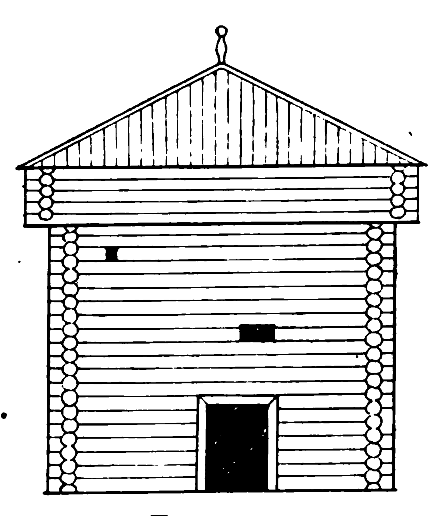
Чертежъ 43.
Планъ къ чертежу 42-му.
a—печь.

---

[1]) См. стр. 120.

[2]) Стр. 7. При указаніи мѣста острога мы опустили подробности, полагая ихъ ввести здѣсь, что и исполняемъ теперь.

старое мѣсто и поставленъ хоть и не при самомъ устьѣ Оки, но противъ него, на правомъ берегу Ангары, въ видахъ большей безопасности отъ нападеній бурятъ. Затѣмъ, когда буряты нѣсколько поуспокоились, по распоряженію Енисейскаго воеводы Аѳанасія Пашкова, Братскій острогъ былъ перенесенъ въ 1654 году на нижній протокъ устья Оки, гдѣ онъ находится и въ настоящее время (черт. 3) [1]). Слѣдовательно, уцѣлѣвшія въ немъ двѣ древнія башни (черт. 42, 43, 44, 45 и табл. XVIII, рис. 1) относятся къ этому году, а не ко времени его первоначальнаго основанія въ 1631 году. Наименованіе свое онъ, какъ извѣстно, получилъ отъ нахожденія своего въ землѣ бурятъ, родовое названіе которыхъ казаки передѣлали на русскій ладъ и прозвали ихъ «братскими».

Чертежъ 44.
Фасадъ башни Братскаго острога.
(По документамъ дѣла Т.-С. К-та М. В. Д. 1869 г., № 287, т. I).

Кромѣ общихъ указаній о Братскомъ острогѣ, имѣющихся у разныхъ историковъ Сибири, имена которыхъ мы уже приводили [2]), мы находимъ свѣдѣнія объ его старыхъ башняхъ какъ въ оффиціальныхъ документахъ, такъ въ литературныхъ источникахъ, именно въ двухъ отношеніяхъ Иркутскихъ губернаторовъ и въ статьяхъ мѣстнаго изслѣдователя старины г. И. Воротникова, о которыхъ мы скажемъ ниже; а равнымъ образомъ и въ его сообщеніи приставу 3-го стана Нижнеудинскаго уѣзда, копія съ котораго имѣется въ дѣлахъ Археологической Коммиссіи.

Чертежъ 45.
Планъ къ чертежу 44-му.
а—печь.

Древнѣйшее изображеніе Братскаго острога мы видимъ точно также у Ремезова (черт. 46). Первоначально острогъ представлялъ собою прямоугольникъ съ четырьмя башнями по угламъ. Такъ какъ чертежъ Ремезова былъ сдѣ-

[1]) См. у Андріевича ч. I, стр. 62.
[2]) Стр. 17.

ланъ въ самомъ концѣ XVII столѣтія, а нынѣ существующія башни относятся къ 1654 году, то онѣ именно и изображены въ атласѣ къ «Чертежной книгѣ Сибири». Въ настоящее время башни эти находятся на углахъ церковнаго погоста, расположеннаго на холмѣ, среди села, что вполнѣ понятно: острогъ, какъ и всякое другое укрѣпленіе, долженъ былъ стоять на высокомъ мѣстѣ, или, въ данномъ случаѣ, на холмѣ. Когда жители собрались построить храмъ, то они очевидно поставили его, какъ свою единственную святыню и драгоцѣнность, подъ защиту стѣнъ острога, т. е. внутри его; когда же населеніе возросло, оно окружило своимъ жильёмъ острогъ, ставшій такимъ образомъ центромъ поселка.

Чертежъ 46. Братскій острогъ. (По Ремезову).

Затѣмъ наступили мирныя времена, острогъ остался безъ поддержки и нѣкоторыя части его исчезли; мѣсто его естественно обратилось въ «церковный погостъ», а обѣ уцѣлѣвшія башни очутились по угламъ (табл. XVIII, рис. 1). Что же касается до оріентировки башенъ, то она опредѣляется слѣдующимъ сообщеніемъ г. Воротникова [1]).

«Въ углахъ церковнаго погоста, говоритъ онъ; съ южной и съ западной стороны находятся башни; къ нимъ примыкаетъ церковная рѣшетчатая деревянная ограда, башня на *западномъ* углу отъ церковнаго крыльца отстоитъ на 17²/₃ саж., а отъ южнаго 11 саж. Мимо этихъ башенъ пролегаетъ улица по направленію отъ Ю.-В. къ С.-З., называемая въ Братскѣ Заднею улицею».

Отсюда ясно, что древній Братскій острогъ былъ оріентированъ не по странамъ свѣта, а произвольно, что, впрочемъ, вполнѣ понятно.

Первые чертежи Братскихъ башенъ (черт. 42—45) были доставлены въ М—во Вн. Д. въ 1870 г., вмѣстѣ съ чертежами Якутскаго острога, при отношеніи Иркутскаго губернатора, въ которомъ о нихъ было сказано слѣдующее: «Башни, существующія въ Братскомъ селеніи, Нижнеудинскаго округа, построены изъ листвяничнаго лѣса средняго размѣра, четырехугольныя, имѣютъ 8 арш. въ ширину и 10 въ вышину. Время постройки этихъ башенъ, по всей вѣроятности, совпадаетъ съ основаніемъ въ 1646 г. Братскаго острога

---

[1]) См. его статью: „О древнихъ башняхъ въ с. Братскомъ" (Памятная книжка Иркутской губ. 1881 г., стр. 152—156).

(нынѣ селеніе) казакомъ Перфильевымъ по распоряженію Енисейскаго воеводы» [1]).

Эти краткія строки даютъ намъ весьма существенныя указанія: съ одной стороны относительно матеріала, изъ котораго сооружены башни, съ другой стороны относительно ихъ размѣровъ. Что же касается до сообщаемыхъ историческихъ свѣдѣній, то они невѣрны, ибо, какъ мы уже указывали, башни относятся ко временамъ *послѣдняго* переноса острога, т. е. къ 1654 году, а не къ 1646.

Затѣмъ имѣются весьма недавнія свѣдѣнія о Братскомъ острогѣ, относящіяся къ 1904 году. Сообщены они были Иркутскимъ губернаторомъ, который въ отвѣтъ на запросъ Археологической Коммиссіи прислалъ фотографію западной башни (табл. XVIII, рис. 1), присовокупляя, что подробное описаніе Братскаго острога было помѣщено въ №№ 225, 232, 242 и 248 [1]) «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1902 годъ г. Воротниковымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ прислалъ и дополнительныя свѣдѣнія, полученныя отъ автора этого описанія [2]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Воротниковымъ въ № 225 «Иркутскихъ Вѣдомостей», относятся непосредственно къ Братскому острогу, а потому мы ими воспользуемся ниже. Что же касается «дополнительныхъ» его свѣдѣній [3]), то они къ острогу никакого отношенія не имѣютъ, слѣдовательно, несмотря на то значеніе, которое они имѣютъ для исторіи православія въ этомъ краѣ, намъ не нужно ихъ касаться. Въ этомъ «дополненіи» любопытно только указаніе на тотъ способъ, которымъ г. Воротниковъ собиралъ свои свѣдѣнія.

«Описаніе Братскаго Острога, говоритъ онъ, напечатанное въ №№ 225, 233, 242 и 248 «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1902 годъ, составлялось мною съ 1862 года, по свѣдѣніямъ, добытымъ разными путями: чрезъ разспросы стариковъ, большею частью грамотныхъ; нѣкоторые грамотѣи записывали разныя событія на своихъ книгахъ — псалтиряхъ, часословахъ и др., я пользовался этими матеріалами; независимо этого я пользовался разными отрывочными свѣдѣніями изъ книгъ и газетъ по исторіи Сибири, пользовался выписками изъ «Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», касающимися, иногда,

---

[1]) См. Дѣло Т.-С. К—та, № 287-й, т. I, 1869 г., отношеніе и. д. Иркутскаго губернатора отъ 17-го сент. 1870 г. за № 4216 и при немъ „Описаніе памятниковъ древности, наход. въ Иркутской губ.“

[2]) См. Дѣло Имп. Археолог. Коммиссіи 1904 года за № 92, отношеніе Иркутскаго г—ра отъ 17 сентября 1904 года за № 17011.

[3]) Ib. Сообщеніе г. Иннокентія Воротникова приставу 3-го стана Нижнеудинскаго уѣзда.

здѣшней мѣстности; такимъ образомъ, къ напечатанному въ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» описанію, пока, я ничего болѣе сообщить не могу; могу добавить къ описанію моему развѣ еще замѣтку о Братской Пустыни, за время управленія Иркутскою епархіей святителя Иннокентія (1728 г.), по оплошности моей не вошедшую въ вышесказанное описаніе» [1]).

Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Воротниковымъ о самомъ острогѣ, мы воспользуемся лишь тѣми, которыхъ не приводили еще изъ другихъ источниковъ. Вотъ, что онъ сообщаетъ объ остаткахъ острога:

«На двухъ углахъ церковной ограды на Ю. и З. стоятъ старинныя деревянныя башни, въ стѣнахъ которыхъ устроены дыры и окна; въ нихъ есть и печи, битыя изъ глины, прочности которыхъ, какъ и самыхъ башенъ, нельзя не удивляться, принимая во вниманіе почти трехсотлѣтнее ихъ существованіе; на третьей башнѣ колокольня. Старые жители Братска сказывали, что между башнями былъ устроенъ тынъ и пали, а потомъ уничтожены и замѣнены деревянною рѣшетчатою оградой. Кромѣ того, старожилы указывали вѣковую лиственницу, стоявшую недалеко отъ острога, у которой сходились шаманы для совѣщаній и жертвоприношеній, и мѣсто это для бурятъ было священное. Подробныхъ свѣдѣній объ основаніи острога не сохранилось. Извѣстно только, что онъ построенъ Енисейскимъ воеводствомъ двадцатью годами раньше Иркутска, слѣдовательно въ 1630 году (?). Съ начала построенія своего онъ находился верстахъ въ двухъ отъ того мѣста, гдѣ въ настоящее время существуетъ; перенесенъ же на нынѣшнее послѣ перваго сраженія съ бурятами около 1680 г. Первоначальными жителями острога были одни казаки. На мѣстѣ стараго острога, какъ его зовутъ обыкновенно, и понынѣ видны слѣды огородныхъ грядъ, погребовъ, домовыхъ основаній и т. п., поросшихъ уже кустарникомъ и лѣсомъ. Мѣстность эта ожидаетъ изслѣдованій и правильныхъ раскопокъ».

Сообщивъ затѣмъ о нападеніи бурятъ на одинъ изъ первыхъ остроговъ, легенду о придуманной ими хитрости и наконецъ о тѣхъ страшныхъ усиліяхъ, которыя русскіе должны были сдѣлать, чтобы отбить врага, г. Воротниковъ продолжаетъ такъ: «Послѣ того русскіе переселились на нынѣшнее мѣсто и, опасаясь вторичнаго нападенія, построили небольшое укрѣпленіе, состоящее изъ *трехъ* деревянныхъ башенъ, которыя и понынѣ существуютъ; двѣ четырехугольныя по 8 арш. въ ширину и длину и 10 арш. въ вышину; третья 10 арш. въ

---

[1]) Всѣ дополнительныя свѣдѣнія посвящены этой пустынѣ.

діаметрѣ и 24 арш. вышины; эта послѣдняя была у нихъ сторожевою. Впослѣдствіи на ней сдѣлана надстройка, въ которой устроена колокольня приходской церкви. Башни были окружены рогатками и тыновымъ заборомъ въ 2 с. вышиной. Въ *срединѣ своего укрѣпленія* русскіе построили деревянную церковь, которая въ 1840 году за ветхостью была сломана и вмѣсто ея построена новая, деревянная же, очень красивой наружности. Въ тепломъ придѣлѣ мѣстныя иконы въ иконостасѣ *старинной живописи*, освящены, какъ утверждали старожилы, св. Иннокентіемъ I, епископомъ Иркутскимъ, а самый иконостасъ перевезенъ сюда изъ Иркутскаго каѳедральнаго собора. Въ лѣтнемъ придѣлѣ храма *есть икона Спаса Нерукотвореннаго образа, оставшаяся отъ казаковъ, завоевателей Братска;* а въ ризницѣ хранится старинное Евангеліе временъ царя Алексѣя Михаиловича».

Къ этому можно еще добавить тѣ свѣдѣнія, которыя г. Воротниковъ сообщаетъ въ упомянутой уже выше его статьѣ [1]) о внѣшности башенъ: «Цвѣтъ ихъ почти черный отъ времени и дѣйствія солнечныхъ лучей; въ бревнахъ башенныхъ стѣнъ во многихъ мѣстахъ видны слѣды топора, что, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, означаетъ то, что молодежь здѣшняя вырубала находившіяся въ стѣнахъ свинцовыя пули».

Затѣмъ нужно отмѣтить также данныя, сообщаемыя имъ о полахъ: «Внутренность башни раздѣляется на два этажа одинаковымъ (однорядным) деревяннымъ поломъ; снизу вверхъ внутри башни хода нѣтъ, а чтобы попасть вверхъ, то нужно поставить лѣстницу, по которой и влѣзать въ верхній этажъ башни черезъ большое окно, находящееся съ боку въ стѣнѣ. Въ нижнемъ этажѣ башенъ нѣтъ пола, а въ верхнемъ потолка».

Разстояніе между башнями на чертежѣ, присланномъ въ М—во В. Д., показано въ 24 сажени.

Вотъ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о Братскомъ острогѣ. Намъ остается теперь только въ нихъ разобраться немного съ помощью рисунковъ и чертежей.

На основаніи чертежа Ремезова, въ достовѣрности котораго нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, мы знаемъ, что Братскій острогъ состоялъ изъ четырехугольной тыновой ограды съ четырьмя башнями по угламъ. Что же касается до утвержденія г. Воротникова, что онъ имѣлъ *три* башни, то это объясняется, конечно, очень давнимъ уничтоженіемъ четвертой, чего поэтому и не помнятъ старожилы. Очень жаль, что въ документахъ Археологической Коммиссіи нѣтъ генеральнаго плана погоста, потому что съ его

[1]) См. стр. 145.

помощью можно бы рѣшить первый вопросъ, насколько вѣрно преданіе объ обращеніи одной изъ башенъ въ колокольню, а попутно съ нимъ и второй — оставлена ли она была на своемъ мѣстѣ, или перенесена на новое?

Извѣстіе о томъ, что башни были окружены «рогатками и тыновымъ заборомъ», весьма вѣроятно, ибо это одинъ изъ способовъ затруднять подступъ къ башнямъ, который между прочимъ былъ примѣненъ, какъ мы уже видѣли, къ башнямъ второго Якутскаго острога воеводою Бибиковымъ [1]). Равнымъ образомъ справедливы указанія на тынъ между башнями, потому что они сходятся съ изображеніемъ Ремезова.

Преданіе о лиственницѣ и святости мѣста для бурятъ весьма любопытно; оно какъ бы указываетъ на то обстоятельство, что русскіе съ умысломъ выбрали это мѣсто: они хотѣли подчеркнуть бурятамъ свою рѣшимость стоять твердою ногою въ краѣ.

Размѣры, показанные въ «отношеніи» губернатора, у г. Воротникова и на чертежахъ, сходятся между собою, слѣдовательно могутъ быть приняты за вѣрные. Къ этому считаемъ долгомъ присовокупить, что высота въ 10 арш. показана отъ земли до вершины пирамидальной крыши; что высота башни до облама — 2 саж. 6 вершк., а высота облама — 1 арш. 6 вершк.; свѣсъ его — 10 вершк., а кронштейны, какъ видно на снимкѣ съ натуры (табл. XVIII, рис. 1), образованы выступомъ только одного бревна. Крыши башенъ сдѣланы въ видѣ низкаго шатра, высота котораго равняется одной четверти ширины основанія. Такія крыши назывались встарину «колпакомъ». Онѣ крыты тесомъ; концы его, черезъ тесину, обрѣзаны въ видѣ копій. Стѣны рублены «съ остаткомъ». Толщина бревенъ 5 вершк., ибо высота стѣны до облама 2 саж. 6 вершк., а вѣнцовъ на снимкѣ съ натуры и на чертежахъ 20 штукъ, отвуда толщина бревна опредѣлится такъ:

$$\frac{2 \text{ саж. } 6 \text{ вершк.}}{20} = \frac{102}{20} = 5^1/_{10} \text{ вершка.}$$

Печи въ башняхъ, которыя показаны на планахъ (черт. 43 и 45) и упоминаются г. Воротниковымъ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія. Вѣроятно, послѣ уничтоженія острога башни были обращены въ жильё, напр. въ церковную сторожку или въ помѣщеніе для какого-нибудь одинокаго пономаря, и тогда потребовались печи.

Хронологическія данныя, сообщаемыя г. Воротниковымъ, нѣсколько расходятся съ данными, которыя мы находимъ у историковъ Сибири, но свѣ-

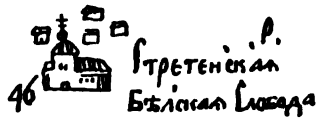
[1]) См. стр. 24.

дѣнія о слѣдахъ перваго острога и о нѣкоторыхъ памятникахъ старины въ нынѣшней позднѣйшей церкви Братскаго острога могутъ служить путеводной нитью для будущаго изслѣдователя и съ этой точки зрѣнія имѣютъ свое значеніе.

Намъ остается теперь упомянуть еще объ остаткахъ старины въ городѣ Балаганскѣ и Бѣльскомъ селеніи.

Мы уже сообщали свѣдѣнія о построеніи Балаганскаго острога (черт. 3 и 13) [1]). Онъ былъ основанъ въ 1654 году и, находясь на Ангарѣ, на половинѣ разстоянія между Братскимъ острогомъ и озеромъ Байкаломъ, имѣлъ большое значеніе въ смыслѣ удержанія края въ русскихъ рукахъ. Балаганскимъ онъ былъ названъ, какъ полагаетъ В. К. Андріевичъ [2]), по имени сосѣдняго бурятскаго племени «балаготовъ». Древнѣйшее его изображеніе мы находимъ у Семена Ремезова (черт. 13).

Въ его же округѣ, въ Черемховской волости, на р. Бѣлой лежитъ Бѣльская слобода (черт. 3), острогъ которой былъ основанъ, по нѣкоторымъ источникамъ, въ 1691 году; но, судя по тому, что у того же Ремезова она показана безъ острога (черт. 47), надо думать, что онъ былъ основанъ нѣсколько позже.

Черт. 47.
Бѣльская слобода.
(По Семену Ремезову).

Свѣдѣнія объ остаткахъ древности въ г. Балаганскѣ и въ Бѣльской слободѣ мы находимъ въ томъ же отношеніи Иркутскаго губернатора, гдѣ сообщается и о Братскомъ острогѣ [3]).

«Въ Балаганскомъ округѣ, говорится тамъ, находятся три памятника древности, а именно:

1) въ Балаганскѣ: а) деревянная башня, подъ которой въ настоящее время устроены ворота церковной ограды. (Табл. XVIII, черт. 2). По народному преданію башня эта построена въ 1634 г., т. е. во время водворенія въ Балаганскѣ боярскаго сына Дмитрія Фирсова съ казаками, воевавшими съ бурятами и возвращавшимися вверхъ по рѣкѣ Ангарѣ по покореніи Братскаго острога; но преданіе это едва ли справедливо, такъ какъ означенная башня по своему устройству не могла служить никакою защитою во время военныхъ дѣйствій; правильнѣе же другое преданіе, что башня эта построена на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной церкви, ибо оно подкрѣпляется тѣмъ, что въ ней донынѣ находится икона Спасителя, поставленная потомками казаковъ, водворившихся въ

---

[1]) См. стр. 16 и 37.
[2]) См. стр. 74.
[3]) См. ссылку на стр. 145.

Балаганскѣ, и б) каменный церковный памятникъ на площади у лавокъ; онъ построенъ въ 1728 г., съ разрѣшенія Преосвященнаго Иркутскаго Иннокентія, на мѣстѣ упраздненной церкви (по народному преданію сгорѣвшей).

2) Черемховской волости въ Бѣльскомъ селеніи находится деревянная башня, построенная, какъ говоритъ преданіе, лѣтъ за 150 въ память будто бы нашествія монголовъ на Бѣльскій острогъ. Башня эта имѣетъ два этажа съ перилами наверху для хода; во второмъ этажѣ ея со всѣхъ сторонъ по два окна величиною каждое не болѣе двухъ четвертей аршина». (Черт. 48, 49 и 50) [1]).

Изображеніе Ремезова (черт. 13) ясно показываетъ намъ, что Балаганскій острогъ представлялъ собою простѣйшій типъ сибирскаго укрѣпленія въ видѣ прямоугольника, обнесеннаго частоколомъ, въ которомъ никакихъ башенъ не было. Слѣдовательно это изображеніе опровергаетъ выше приведенное преданіе, въ которомъ, впрочемъ, сомнѣвается и самый оффиціальный источникъ. Поэтому правильнѣе допустить второе предположеніе о происхожденіи башни. Рисунокъ, приложенный къ «отношенію», исполненъ отъ руки, въ большомъ масштабѣ, свинцовымъ карандашемъ и сдѣланъ настолько наивно, что намъ пришлось его нѣсколько поисправить для помѣщенія въ этомъ трудѣ, а именно оказалось необходимымъ добавить лѣвую боковую стѣнку паперти, противъ которой приходится лѣстница. (Табл. XVIII, рис. 2). Часовня эта дѣйствительно очень похожа на нижнюю часть острожной башни, но во всякомъ случаѣ крайне пострадала отъ перестройки. Шпиль, съ шаромъ наверху, на крышѣ и николаевскій орелъ съ Императорской короной и горизонтально распростертыми крыльями, разумѣется, позднѣйшаго происхожденія.

Что же касается до «церковнаго памятника 1728 года», то хотя его рисунокъ, замѣтимъ попутно,—очень плохой, и имѣется въ дѣлѣ Т.-С. Комитета № 287, но онъ не представляетъ собою ничего достойнаго вниманія, а потому мы оставляемъ его въ сторонѣ.

Единственный памятникъ старины въ Бѣльской слободѣ (черт. 48), благодаря своей вышкѣ, относится къ типу такъ называемыхъ «дозорныхъ» или «сторожевыхъ» башенъ. По чертежу эта башня имѣетъ слѣдующіе размѣры: 2 саж. въ квадратѣ въ планѣ, 2 саж. высоты до облама; обламъ высотою 1 саж.; первая крыша 2 арш., круговой балконъ вышки 1 саж. и шатеръ вышки 1 саж. 1 арш.; общая высота отъ земли до верху шарика 6 саж. 1 арш. Слѣдовательно эта башня значительно меньше Якутскихъ башенъ и больше Братскихъ.

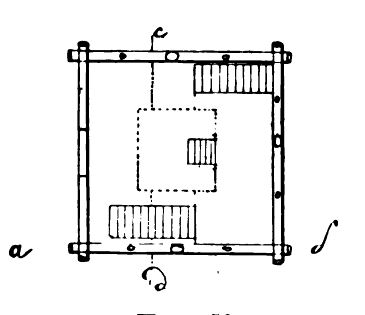
[1]) Ib. См. Описаніе памятниковъ древности, находящихся въ Иркутской губерніи, показанныхъ на прилагаемыхъ чертежахъ.

Устройство ея совершенно подобно дозорнымъ башнямъ Якутскаго острога. Отличіе заключается лишь въ томъ, что вышка сдѣлана рубленой, а сторожевой балконъ устроенъ вокругъ нея снаружи (черт. 48), подобно тому, какъ мы это видимъ на башняхъ Красноярска (черт. 29 и 30). Такое устройство

Черт. 48.
Башня въ Бѣльскомъ селеніи Иркутской губ.
(По документамъ дѣла Т.-С. К-та М. В. Д. 1869 года, № 287, т. I).

Черт. 49.
Разрѣзъ къ чертежу 48-му.

Черт. 50.
Планъ къ чертежу 48-му.

лучше открытой вышки, ибо часовой можетъ отъ времени до времени прятаться въ нее отъ непогоды, а равнымъ образомъ скрыться отъ непріятельскихъ стрѣлъ.

Въ чертежахъ Бѣльской башни особенный интересъ представляетъ собою разрѣзъ (черт. 49). На немъ не только видно три «моста» или пола башни,—первый «наземный», второй у облама и третій у вышки,—но даже показано устройство фундамента. По чертежу мы можемъ заключить, что въ землю были врыты «лежни», въ которые врѣзаны «стулья» [1]), а на нихъ уже основаны

[1]) Короткія вертикальныя бревна по бокамъ.

стѣны башни. Если при этомъ лежни опущены ниже уровня грунтовыхъ водъ, чѣмъ они обезпечены отъ гніенія, а относительно «стульевъ» тоже приняты мѣры предосторожности противъ гніенія, то такой фундаментъ очень проченъ и хорошъ для легкой деревянной постройки и несомнѣнно предохраняетъ ее отъ осѣданія и того наклоненія въ сторону, которое мы видимъ въ Якутскихъ башняхъ (табл. VI и VIII) и на которое указываютъ въ своихъ отношеніяхъ губернаторы, какъ на признакъ близкаго ихъ разрушенія.

Въ планѣ башни (черт. 50) показаны три лѣстницы, но въ виду ихъ отсутствія на разрѣзѣ способъ пользованія ими выяснить нельзя: вѣроятно двѣ, короткая и длинная, вели на «мостъ» облама, какъ болѣе приподнятый, а одна большая—на вышку. Но расположеніе ихъ въ планѣ такъ странно, что, повторяемъ, способъ ихъ пользованія точно опредѣлить нельзя.

Что касается до времени основанія башни, то преданіе, приводимое въ отношеніи губернатора, весьма вѣроятно: 150 лѣтъ до 1870 года есть не что иное, какъ 1720 годъ. Изъ чертежа Ремезова мы знаемъ, что въ 1701 году въ Бѣльской слободѣ башенъ не было, слѣдовательно она могла быть основана только *послѣ* этого времени. Затѣмъ набѣгъ монголовъ въ началѣ XVIII вѣка также весьма вѣроятенъ: западный конецъ Монголіи и теперь приходится въ какихъ-нибудь 250 верстахъ на югъ отъ Бѣльской слободы, а двѣсти лѣтъ тому назадъ былъ, разумѣется, еще ближе; Кяхтинскій-же договоръ, опредѣлившій нашу границу съ Монголіей и заключавшій въ себѣ статьи касательно пограничныхъ споровъ и грабежей, былъ заключенъ лишь въ 1728 году. Слѣдовательно ничто не противорѣчитъ приведенному выше преданію объ основаніи Бѣльской башни.

Въ заключеніе не можемъ не указать, что въ дѣлѣ бывшаго Хозяйственнаго Д—та М. В. Д. за № 607 и № 605 есть еще слѣдующія свѣдѣнія, относящіяся къ памятникамъ древности Якутской области и заключающіяся въ отвѣтахъ на неоднократно уже указанный нами запросъ Академіи Художествъ.

Свѣдѣнія эти относятся къ Колымскому и Вилюйскому округамъ, т. е. къ сѣверной и западной части Якутской области (табл. I).

По словамъ и. д. Колымскаго окружнаго исправника, г. В. Карзина, въ Вилюйскомъ округѣ «имѣется одна полуразвалившаяся деревянная башня, какъ остатокъ древняго Средне-Колымскаго острога, находящаяся нынѣ въ чертѣ ограды мѣстнаго Покровскаго собора. Башня эта срублена простою

рубкою въ четыре стѣны изъ мѣстнаго тонкаго лиственичнаго лѣса въ два яруса, съ миніатюрными прорубками для ружейныхъ стволовъ. Имя зодчаго этой башни неизвѣстно. Пространство, занимаемое башнею, равно 6 кв. арш. (?) Высота же башни отъ ея основанія до верхней оконечности крыши 10 арш. 2½ вершка».

«Постройку этой башни, по мѣстному преданію, относятъ къ первому появленію въ Колымскомъ округѣ первыхъ казаковъ завоевателей Сибири, т. е. къ 1640 годамъ» [1]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя Вилюйскимъ окружнымъ исправникомъ, г. В. Шухардинымъ, нѣсколько болѣе подробны и касаются одной башни. старой церкви и туземныхъ народныхъ украшеній. Вотъ его подлинный отвѣтъ:

«Въ округѣ есть небольшого размѣра курганы, но таковые по наружному своему виду ничего особеннаго не представляютъ и подъ ними, по мнѣнію обывателей, находится ледъ».

«Въ Сунтарскомъ улусѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ мѣстечка «Крестяхъ», сохранилась деревянная башня, построенная казаками. Преданіе говоритъ, что въ этой мѣстности явилось первое поселеніе русскихъ завоевателей, вступившихъ въ тотъ край, который составляетъ въ настоящее время Вилюйскій округъ, и самое названіе «Крестяхъ» производятъ отъ слова крестъ, такъ какъ русскіе, избравъ эту мѣстность, поставили здѣсь крестъ. Башня эта по своему виду и устройству, будто бы, не отличается ничѣмъ отъ тѣхъ, которыя находятся въ г. Якутскѣ, но несравненно меньше размѣромъ. Изъ старыхъ деревянныхъ построекъ въ округѣ сохранилась только церковь, построенная, какъ говорятъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ протоіереемъ Поповымъ, посвященнымъ въ протоіереи святителемъ Иннокентіемъ Иркутскимъ. Церковь эта находится въ Сунтарскомъ улусѣ. По времени постройки это была первая церковь въ округѣ. Въ настоящее время въ ней не происходитъ службы вслѣдствіе ея ветхости; колокольня ея уже обрушилась до половины. Въ этой церкви находились иконы, представляющія интересъ по древности письма. Часть этихъ иконъ и по настоящее время остается въ ней, а часть перенесена въ новую церковь.

У инородцевъ находили берестяныя женскія украшенія, которыя надѣвались на шею или грудь (въ родѣ малороссійскихъ монистъ или тѣхъ украшеній изъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, которыя носятъ татарскія женщины). Нарядъ этотъ представляетъ иногда довольно тонко и искусно вырѣзанныя

[1]) Отвѣтъ отъ 29 іюля 1887 года.

изъ бересты фигуры—круглыя, овальныя, четвероугольныя, нанизанныя на нитку. Эти берестяныя украшенія въ настоящее время замѣняются металлическими» [1]).

Приводя всѣ эти свѣдѣнія, мы, конечно, разсматриваемъ ихъ не какъ «археологическій матеріалъ», а лишь какъ «свидѣтельскія показанія» для будущихъ изслѣдователей. При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что приведенныя нами свѣдѣнія сообщены двадцать лѣтъ тому назадъ, но что вѣрно для 1887 года, то можетъ быть совершенно невѣрно для 1907 года, а потому вполнѣ возможно, что отъ этихъ памятниковъ уже нѣтъ болѣе и слѣда; но теперь онъ останется по крайней мѣрѣ въ нашей археологической литературѣ.

Таковы свѣдѣнія, которыми можно располагать, на основаніи «архивныхъ» данныхъ, относительно древнихъ памятниковъ Восточной Сибири. Мы, конечно, далеки отъ мысли, что ими исчерпывается «все», и намъ остается только пожелать, чтобы мѣстныя силы поскорѣе взялись за дѣло и ознакомили русскую науку съ уцѣлѣвшими тамъ остатками древнерусской жизни.

Н. Султановъ.

С.-Петербургъ,
16-го мая 1907 года.

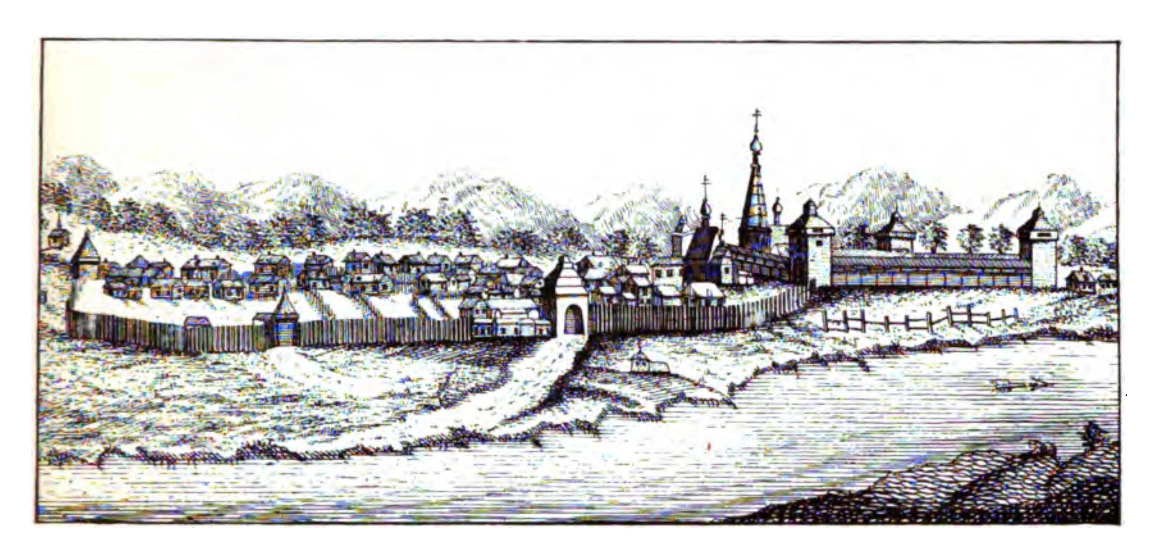
---

[1]) Отвѣтъ отъ 15-го сентября 1887 г.

КАРТА
СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗІИ.
Второй половины XVII вѣка.

Составлена по документальнымъ даннымъ,
съ показаніемъ рѣкъ и остроговъ,
упоминаемыхъ въ „Описанiи остатковъ Якутскаго острога“.

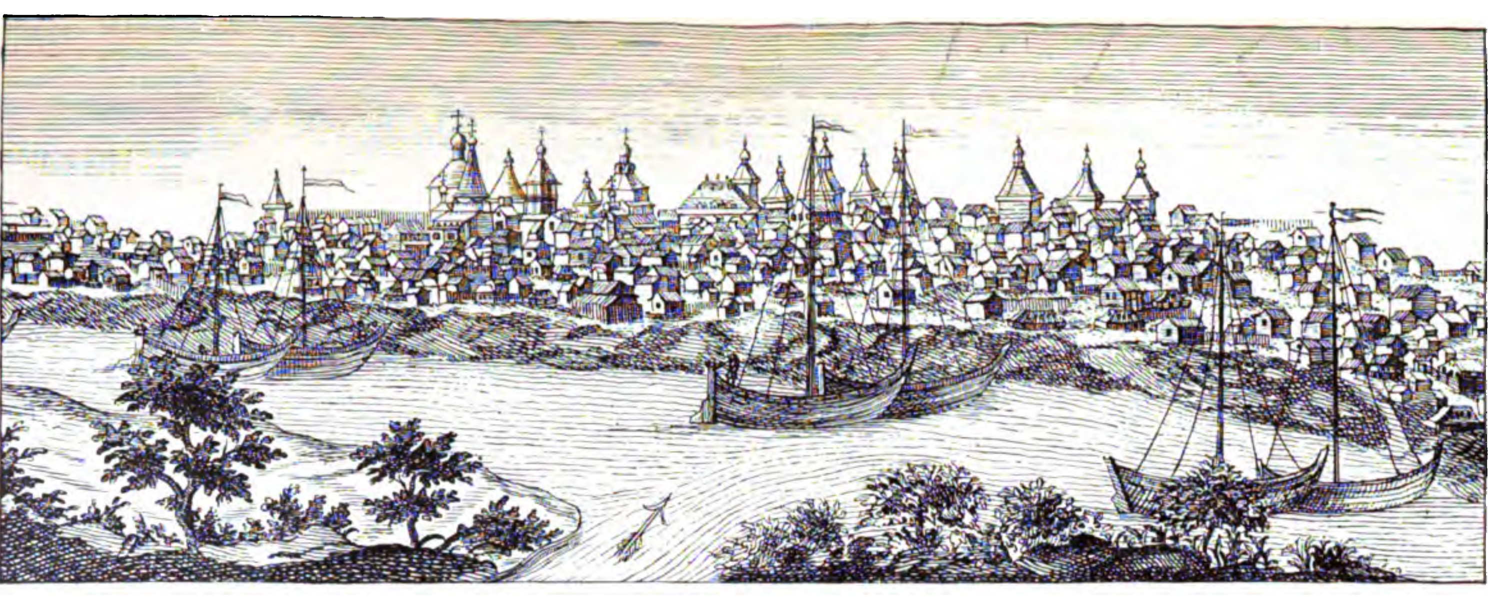

1. Видъ города Пелыма.
(По академической гравюрѣ второй половины XVIII вѣка).

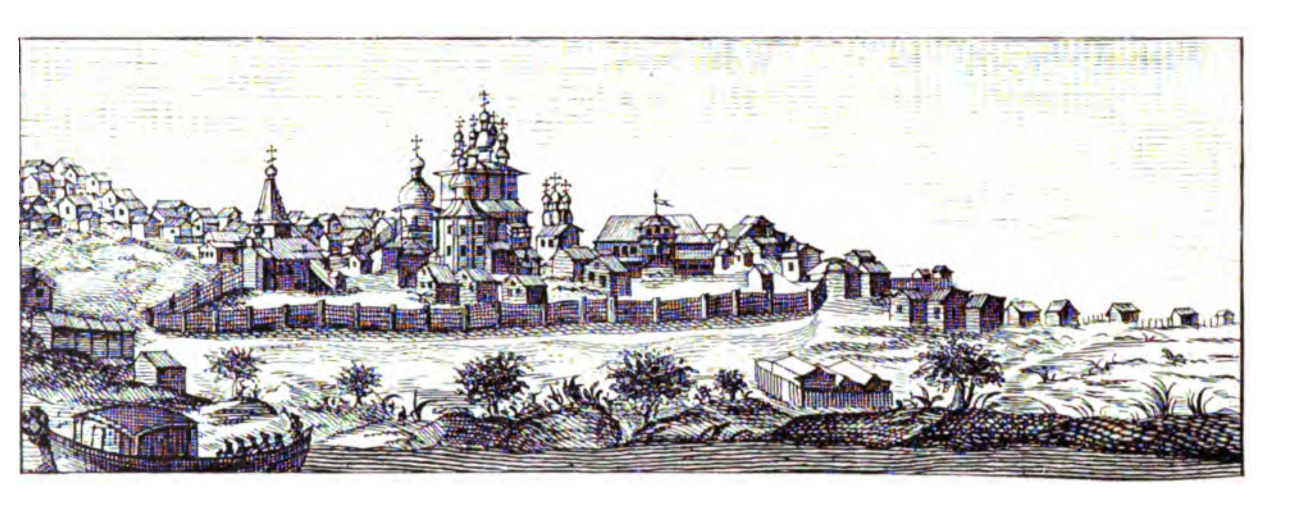

2. Видъ Якутска.
(По Витзену).

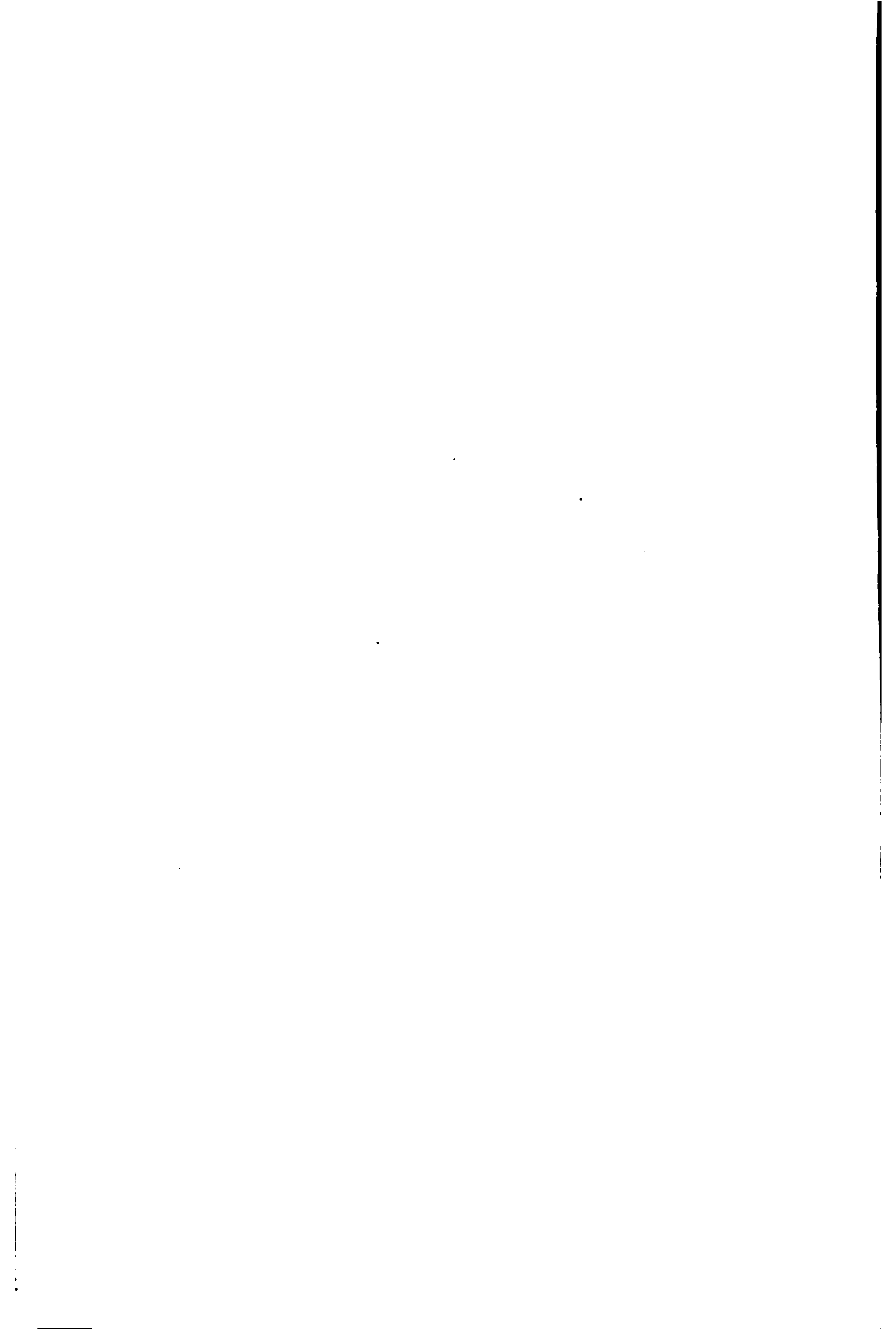
1. **Соборъ.**
2. **Монастырь.**
3. **Зданіе суда.**
4. **Домъ коменданта.**
5. **Крѣпостныя ворота и башенка съ часами и боемъ.**
6. **Арестантскій домъ.**
7. **Амбары.**
8. **Колодецъ въ крѣпости.**
9. **Цейхгаузъ.**
10. **Дома для канцелярскихъ служителей.**
11. **Проѣздныя ворота и башня.**
12. **Гостинница съ лавками.**
13. **Церковь въ городѣ.**

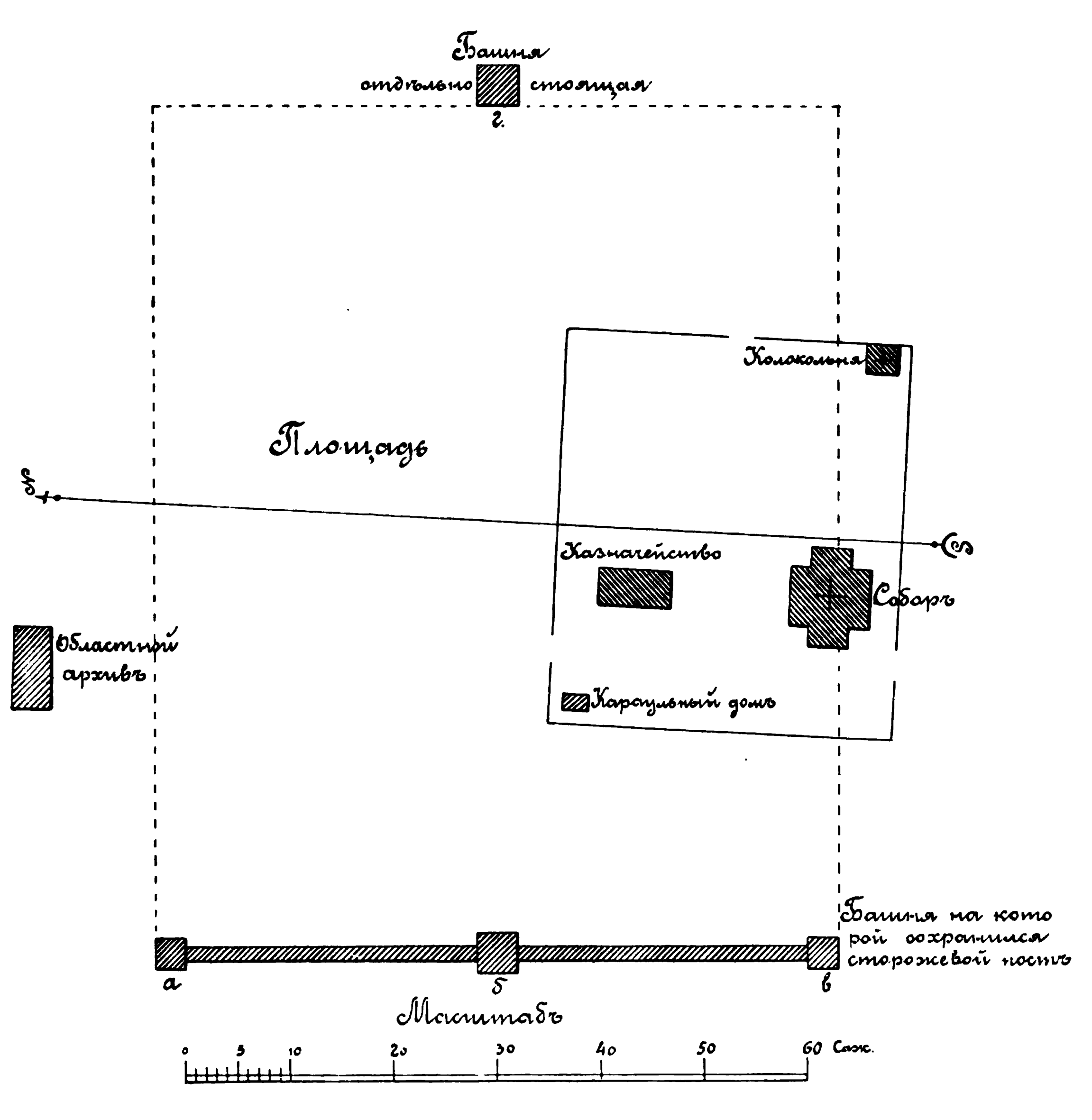
1. Видъ Якутска съ юго-западной стороны.
(По академической гравюрѣ второй половины XVIII вѣка).

2. Продолженіе того-же вида.
(Восточный конецъ города).

Планъ остатковъ древней крѣпости въ г. Якутскѣ

(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 — № 105, 1877—79 г.г.).

1. Остатки Якутскаго „города“ съ *внѣшней* стороны.

(По документамъ архивнаго дѣла ...

трога.

. В. Д.,

Сѣверная угловая башня остатковъ Якутскаго острога.

(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

Средняя башня остатковъ Якутскаго острога съ наружной стороны.

(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

Южная угловая башня остатковъ Якутскаго острога.

(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 – № 105. 1877–79 г.г.).

Отдѣльная, восточная башня остатковъ Якутскаго острога.

(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

1. Наружный фасадъ Якутскаго острога.

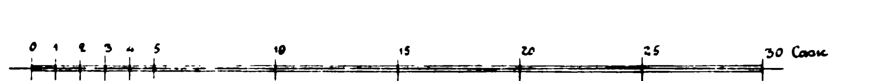
(По Кипріанову).

2. Внутренній фасадъ Якутскаго острога.

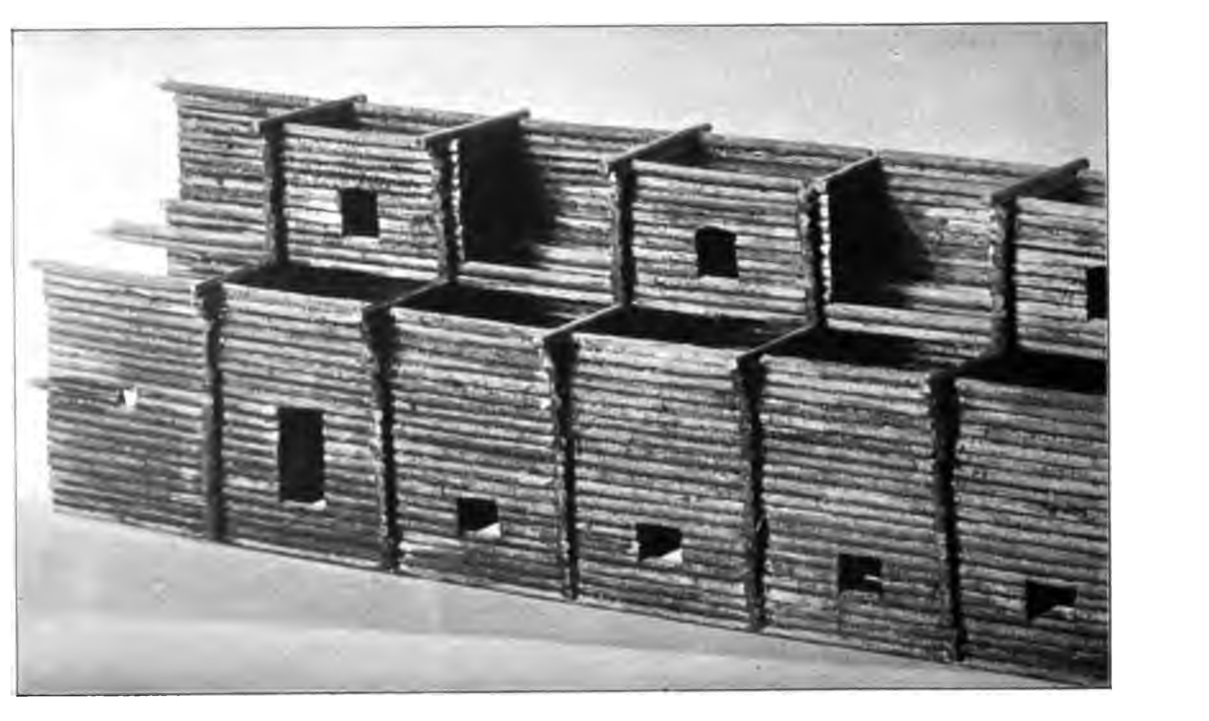
(По Кипріанову).

1. Внѣшній фасадъ остатковъ Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 507—№ 105, 1877—1879 гг.).

2. Стѣна Якутскаго „города" съ внутренней стороны.
(По модели Императорской Археологической Коммиссіи).

3. Разрѣзъ башни и стѣны г.Торжка.
(По Пальмквисту).

Южная, угловая башня Якутскаго острога.

(По модели Императорской Археологической Коммиссіи).

Отдѣльная, восточная башня Якутскаго острога. Фасадъ внутренней, западной стороны.

(По модели Императорской Археологической Коммиссіи).

Отдѣльная, восточная башня Якутскаго острога. Видъ съ внѣшней, юго-восточной стороны.

(По модели Императорской Археологической Коммиссіи).

1. Спасская башня заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

2. Старинный домъ у Спасской башни въ заштатномъ городѣ Илимскѣ.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

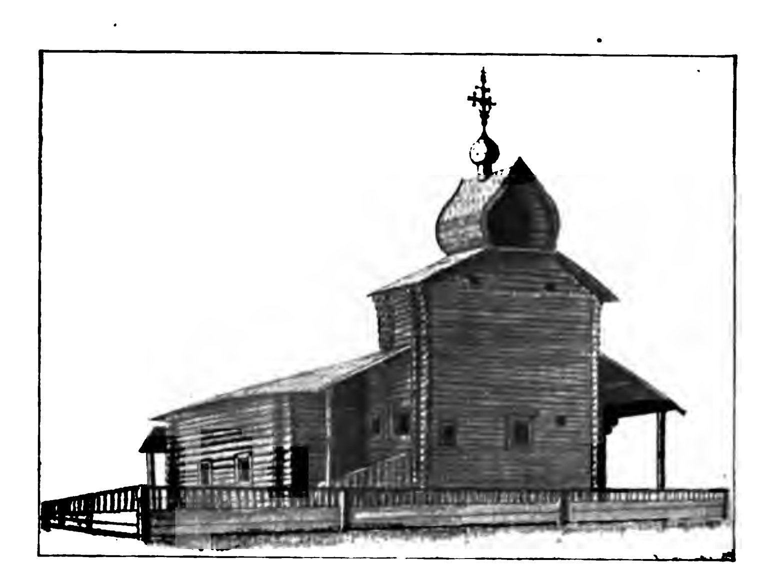
1. Никольская башня заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года.).

2. Церковь Іоанна Предтечи заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д.. № 287. т. I, 1869 года).

1. Казанская церковь заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

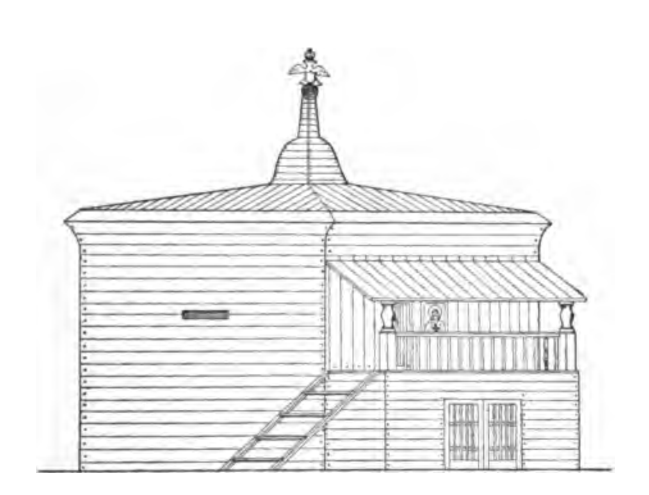
2. Введенская церковь заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

1. Западная башня Братскаго острога.

(По документамъ Императорской Археологической Коммиссіи).

2. Часовня въ г. Балаганскѣ.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 25-й.

Съ 5 табл. и 128 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1907.

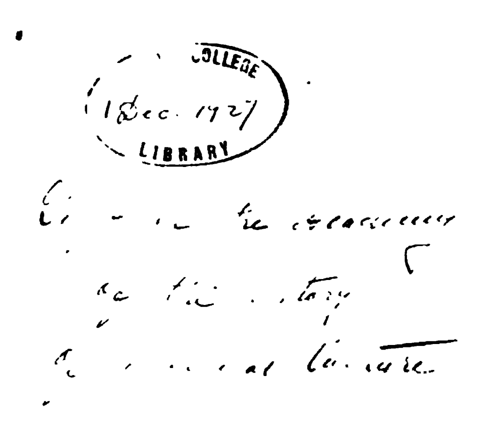
1. Никольская башня заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года.).

2. Церковь Іоанна Предтечи заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

25-ème livraison

Table des matières.

Отчетъ о раскопкахъ въ г. Керчи въ 1904 г.

Въ отчетномъ году главное вниманіе было обращено на тѣ древніе некрополи, которые могли подвергнуться расхищенію кладоискателями. Въ виду этого прежде всего былъ разслѣдованъ южный конецъ Госпитальной улицы, начиная отъ угла Эспланадной улицы, а именно отъ той части ея, которая была тщательно разслѣдована въ 1902 году. Раскопками установлено, что здѣсь первоначально было кладбище съ чернолаковой посудой (№№ 8 и 9), но въ болѣе позднее время прежнія могилы были большею частью уничтожены сооруженіемъ новыхъ гробницъ. Это предположеніе подтверждается какъ множествомъ раззоренныхъ гробницъ древняго типа, такъ и большимъ количествомъ обломковъ чернолаковой посуды, найденныхъ въ насыпи гробницъ новаго типа. Новыя могилы были вырыты, когда холмъ, возвышающійся въ концѣ Продолженія Госпитальной улицы, былъ уже покрытъ толстымъ слоемъ насыпи, между тѣмъ какъ древнія гробницы были выкопаны прямо въ материкѣ, не покрытомъ еще насыпью. Гробницы новаго типа — большею частью подбойныя съ каменнымъ закладомъ съ Ю. или съ С. и находятся на большой глубинѣ (напр. № 19), тогда какъ древнія имѣютъ обычную форму земляныхъ гробницъ и устроены на гораздо меньшей глубинѣ. Судя по найденнымъ вещамъ и монетамъ (въ № 19 оказались монеты царей Ѳоѳорса и послѣдняго Рискупорида), гробницы новаго типа относятся къ III и къ IV вѣкамъ по Р. Х.

Къ тому же времени относятся 36 катакомбъ (№№ 145—180), открытыхъ на той же Госпитальной улицѣ, во 2-мъ Кладбищенскомъ переулкѣ и на Шлагбаумской улицѣ. Хотя большинство этихъ склеповъ оказалось расхищеннымъ въ древности, тѣмъ не менѣе почти во всѣхъ были оставлены вещи, указывающія на тѣ же III и IV вѣка по Р. Х. Особенно цѣнными для датировки открытыхъ катакомбъ являются два склепа (№№ 145 и 154), въ которыхъ найдены золотой вѣнокъ съ оттискомъ монеты императора Гордіана (238—244), золотая діадема съ изображеніемъ имп. Валентиніана (364 - 375) и серебряное блюдо съ бюстомъ

имп. Констанція (324—361) и латинскою надписью, указывающею на 344 г. по Р. Х. Такъ какъ главные предметы, найденные въ склепахъ 1904 г., принадлежатъ къ такъ называемымъ готскимъ издѣліямъ, то эту отрасль древняго ювелирнаго искусства можно теперь смѣло датировать III и IV вѣками по Р. Х.[1]

Фресковая живопись оказалась лишь въ катакомбѣ № 161.

Раскопки отчетнаго года имѣютъ еще то значеніе, что ими опредѣлены отчасти границы огромнаго пантикапейскаго кладбища, состоящаго изъ подземныхъ семейныхъ склеповъ, извѣстныхъ подъ названіемъ катакомбъ. Восточной границей этого некрополя оказалась Госпитальная улица, поднимающаяся съ С. къ Ю. по сѣверной покатости горы Митридата, южной—Константиновская улица (катакомба, въ которой въ 1891 г. найдено извѣстное серебряное блюдо съ изображеніемъ имп. Юстиніана[2]), находится недалеко отъ южнаго рубежа этого некрополя), а сѣверную границу кладбища составляетъ Эспланадная улица. При разслѣдованіи этой улицы въ 1902 г. и въ отчетномъ году не найдено ни одной катакомбы, но во дворѣ № 17 на углу Эспланадной и Шлагбаумской улицъ оказалась небольшая катакомба (№ 180), самая крайняя съ южной стороны некрополя. Эта полоса съ нѣсколькими рядами безчисленныхъ катакомбъ тянется съ небольшими перерывами отъ Госпитальной улицы вплоть до вала, спускающагося отъ Золотаго кургана къ полотну желѣзной дороги.

Въ отчетномъ году разслѣдованы еще холмъ на 2-й Нагорной улицѣ, находящійся за западнымъ угломъ 2-й Подгорной улицы, и та часть почтовой дороги, которая находится у подошвы горы Митридата, между углами 2-й и 3-ей Подгорныхъ улицъ. Въ первомъ некрополѣ (№№ 1—6, 11, 22 и 23) встрѣчалось погребеніе двухъ разныхъ эпохъ (въ однѣхъ гробницахъ находилась чернолаковая и краснолаковая посуда и автономныя монеты гор. Пантикапея, въ другихъ—стеклянные сосуды), въ гробницахъ другого некрополя попадались въ большомъ количествѣ монеты боспорскихъ царей, царствовавшихъ въ I—III вв. по Р. Хр.

Окончено также разслѣдованіе Шлагбаумской улицы; остался не разслѣдованнымъ только уголъ Константиновской улицы, гдѣ выдается въ Шлагбаумскую ул. старый домикъ, нарушающій правильность улицы.

Работы, произведенныя въ 1904 г. на Глинищѣ и на Корецкомъ хуторѣ,

---

[1]) Правильность этой датировки подверждается также керченской находкой 1895 г., составившей предметъ весьма интересной статьи Э. Р. фонъ-Штерна: «Къ вопросу о происхожденіи Готскаго стиля предметовъ ювелирнаго искусства». (*Зап. Одесскаго общ.* т. XX, 1897, стр. 1—15).

[2]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 8. Спб. 1892.

носили характеръ случайности: открытыя тамъ гробницы обнаруживались при планировкѣ улицъ или при рытьѣ ямъ для посадки деревьевъ; нѣкоторыя были раскопаны въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ начиналась ночная работа кладоискателей.

I. Гробницы, открытыя на Митридатовой горѣ.

(Съ 9 января по 6 марта и со 2 іюля по 31 декабря).

№ 1. При планировкѣ 2-й Нагорной улицы городскіе рабочіе случайно напали на каменный ящикъ дл. 0,44 м., шир. 0,31, глуб. 0,37, оріентированный съ З. на В. Ящикъ, находившійся на глубинѣ 1,25 м. подъ вершиною небольшого холма, былъ сложенъ изъ 4 тщательно обтесанныхъ плитъ, поставленныхъ ребромъ на материкѣ, и былъ покрытъ разбитымъ на двѣ части камнемъ; дно ящика было земляное. Восточная и западная стѣнки имѣли 0,16 м. толщины, южная и сѣверная — 0,20 м. Въ серединѣ ящика стоялъ большой простой глиняный сосудъ (выс. 0,325 м.), у котораго еще въ древности была отбита ручка; сосудъ болѣе чѣмъ на половину былъ наполненъ жжеными костями, а отверстіе его было закрыто каменнымъ кружкомъ (толщ. 0,02 м., діам. 0,10 м.), залитымъ съ одной стороны гипсомъ. Въ ю.-з. углу ящика стоялъ двуручный сосудикъ съ множествомъ рельефныхъ капель на туловищѣ (рис. 1), въ с.-з. углу—чернолаковый сосудъ съ воронкообразнымъ отверстіемъ. Весь ящикъ до верху былъ наполненъ мягкою землею, смѣшанною съ пескомъ.

Рис. 1 (1/2).

№ 2. Тамъ же. На глубинѣ 1,77 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,14 м., шир. 0,57, глуб. 0,59. Въ лѣвой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ Ю., найдена бронзовая монетка (Бурачковъ XXI, 131); въ ногахъ, въ с.-з. углу гробницы, двуручная краснолаковая чашечка, у которой еще въ древности была отбита одна ручка.

№ 3. Тамъ же. На глубинѣ 1,40 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,15 м., шир. 0,61, глуб. 0,80. Возлѣ головы костяка, лежавшаго головою на Ю., найдены мѣдныя серьги, совершенно испорченныя ржавчиной.

на шеѣ стеклянныя бусы, на лѣвой рукѣ обломанный мѣдный браслетъ съ утолщенными концами, мѣдное кольцо съ шишечками на поверхности, желобчатая буса изъ зеленой пасты и множество разсыпавшихся бусъ изъ лигнита. Въ ногахъ стояли краснолаковые (terra sigillata): чашка, двуручный сосудикъ и одноручный сосудъ.

№ 4. Тамъ же. На глубинѣ 1,50 м. земляная подбойная гробница, заложенная съ Ю.-В. одной хорошо обтесанной плитой. Длина могилы 1,63 м., шир. 0,46, глуб. 0,40. Возлѣ ногъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ Ю.-З., найденъ краснолаковый сосудъ съ одной ручкой и обломки «мегарской» чашки. Во рту мѣдная монета, совершенно разъѣденная ржавчиной. Въ насыпи гробницы найдено фрагментированное терракоттовое изображеніе обезьяны, сидящей возлѣ большого сосуда [1]).

№ 5. Тамъ же. Въ насыпи раззоренной гробницы найдена разбитая краснолаковая чашка съ рельефными разводами, похожая по формѣ и отчасти и по орнаменту на чашку, найденную въ 1901 г. въ Ольвіи (*Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, вып. 8, стр. 51, рис. 51).

№ 6. Тамъ же. Подбойная земляная гробница съ каменнымъ закладомъ съ З. Длина гробницы 1,55 м., шир. 0,45, дно на глубинѣ 1,41 м. На лѣвой рукѣ костяка, лежавшаго головою на Ю., найдены два желѣзныхъ перстня безъ камней, совершенно испорченные ржавчиной; возлѣ головы, съ правой стороны, стоялъ одноручный краснолаковый сосудикъ простой формы и безъ всякихъ украшеній.

№ 7. На углу Эспланадной и Госпитальной улицъ. На глубинѣ 2,18 м. подбойная земляная гробница съ каменнымъ закладомъ съ Ю. Длина могилы 1,98 м., шир. 0,81, выс. 0,49. На правой рукѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ простой гладкій мѣдный браслетъ, возлѣ головы—двѣ простыя серьги (браслетъ и серьги были разломаны на мелкіе куски). Съ лѣвой стороны возлѣ головы костяка стоялъ одноручный стеклянный сосудъ.

№ 8. Тамъ же, противъ хаты № 12. На глубинѣ 2,18 м. земляная гробница, покрытая досками и мелкимъ камнемъ, дл. 1,58 м., шир. 1,24, глуб. 0,67. Въ ногахъ сильно истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою къ В., найдена краснофигурная энохоя съ изображеніемъ сидящей женщины, обращенной лицомъ влѣво, съ виноградной кистью въ правой рукѣ и неяснымъ предметомъ въ лѣвой; слѣва отъ женщины изображена собачка, съ правой —

---

[1]) Подобное изображеніе найдено въ 1901 г. въ Ольвіи (*Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 8, табл. IV, рис. 1).

одноручный сосудъ. Рисунокъ покрытъ накладными красками: руки женщины окрашены въ свѣтлокрасный цвѣтъ; длинный хитонъ ея, украшенный двумя рядами бѣлыхъ точекъ,—голубой; собачка, стулъ и предметъ, находящійся въ лѣвой рукѣ женщины, — бѣлые. Тутъ же найденъ черный глиняный сосудикъ съ двумя ручками, прикрѣпленными къ обѣимъ сторонамъ желобка, по которому стекаетъ выливаемая вода. Въ правой рукѣ костяка найденъ клѣтчатый лекиѳъ, усѣянный бѣлыми точками, въ лѣвой нѣсколько обломковъ такого же лекиѳа и чернолаковый лекиѳъ съ красною пальметкою. Въ насыпи гробницы найдена бронзовая монетка съ треножникомъ Аполлона и крыломъ грифона (Бурачковъ XXI, 131).

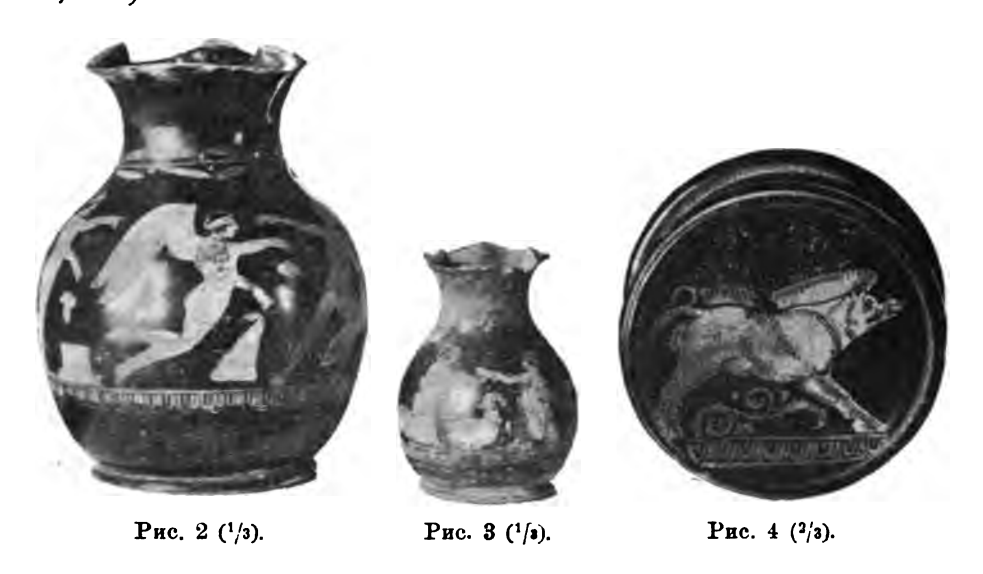

Рис. 2 (1/3). Рис. 3 (1/2). Рис. 4 (2/3).

№ 9. Тамъ же. Покрытая досками гробница на той же глубинѣ, дл. 1,86 м., шир. 0,75, глуб. 0,57. Стѣнки ящика сдѣланы изъ сырцовыхъ плитокъ (0,62 × 0,57 × 0,12 м.), поставленныхъ на ребро въ два ряда на материкѣ. Въ гробницѣ оказались два костяка, лежавшіе рядомъ головами на С.-В. Въ правой рукѣ остова, лежавшаго возлѣ с. стѣнки, найдена распавшаяся алабастрида, въ ногахъ—двѣ краснофигурныя энохои и пиксида; на одной энохоѣ (рис. 2) изображены двое юношей и летящій эротъ, на другой (рис. 3)—двѣ дѣвушки и гусь. Крышка пиксиды украшена изображеніемъ свиньи (рис. 4); внизу на крышкѣ нацарапана буква Ω, а на днѣ греческое названіе животнаго, которое изображено на крышкѣ (ΥC). Возлѣ лѣваго плеча остова, лежавшаго вдоль южной стѣнки, найденъ большой клѣтчатый лекиѳъ (выс. 0,12 м.), въ обломкахъ, въ ногахъ — два такихъ же флакона меньшихъ размѣровъ и 75 игральныхъ костей, изъ коихъ четыре обозначены цифрами Θ, Ι, ΔΙ и Μ.

№ 10. Тамъ же. На глубинѣ 1,30 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,60 м., шир. 0,53, глуб. 0,48. Костякъ лежалъ головою на З.; слѣва отъ головы найденъ стеклянный сосудъ безъ ручекъ.

№ 11. На 2-й Нагорной улицѣ. На глубинѣ 1,45 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,95 м., шир. и глуб. 0,71 м. Въ ногахъ костяка, лежавшаго головою на В., найдены низкая краснолаковая чашка (діам. 0,14 м.) и обломки большой мѣдной фибулы простого типа, на груди ромбовидная брошка съ плохо сохранившейся эмалью, на лѣвой рукѣ гладкій мѣдный браслетъ.

№ 12. На Эспланадной улицѣ, противъ дома № 12. На глубинѣ 2,25 м. земляная подбойная гробница съ досчатымъ закладомъ съ Ю., дл. 1,82 м., шир. 0,64, глуб. 0,94. У праваго плеча костяка, лежавшаго головою къ В., найденъ простой глиняный сосудикъ съ отпавшей ручкой, возлѣ таліи двѣ бронзовыя пряжки.

№ 13. Тамъ же. Земляная подбойная гробница, заложенная необтесанными камнями съ С. Длина могилы 1,93 м., шир. 0,69, глуб. 0,94. На груди костяка, обращеннаго головою на В., найдена большая фибула такъ называемаго готскаго стиля, возлѣ головы слѣва—стеклянный сосудъ безъ ручекъ.

№ 14. Тамъ же. Земляная подбойная гробница дл. 2,37 м., шир. 0,55, выс. 0,74; отъ свода подбоя до поверхности земли 0,83 м.; заложена съ С. плитою и неотесанными камнями. Костякъ лежалъ головою на В. Возлѣ головы, слѣва, стоялъ стекл. сосудъ безъ ручекъ; по обѣимъ сторонамъ черепа найдены бронзовыя серьги съ кубиками, на шеѣ множество бисера и бусъ разныхъ цвѣтовъ и изъ разнаго матеріала. Весьма интересны 26 сердоликовыхъ бусъ, украшенныхъ бѣлымъ орнаментомъ въ видѣ буквы «ж». Возлѣ шеи найдено еще разломанное бронз. зеркало съ желѣзною ручкою, къ концу которой была прикрѣплена пронизь изъ синей массы; ручка совершенно испорчена ржавчиной. На груди и возлѣ таліи найдены двѣ одинаковыя бронз. фибулы простой формы, въ обломкахъ. На обѣихъ рукахъ были надѣты гладкіе бронз. браслеты. На правой рукѣ оказался бронз. перстень съ выкрошившейся эмалью, у таліи—обломки желѣзнаго ножа, слѣва отъ ногъ—остатки бронз. оправы деревянной шкатулки, а справа—глин. сосудикъ съ одной ручкой. По всей одеждѣ костяка (истлѣвшей) лежали мелкіе кусочки золота до того тонкаго, что нельзя было взять ихъ въ руки.

№ 15. Тамъ же. Простая грунтовая гробница, покрытая камнями. Ящикъ гробницы, высѣченный въ материкѣ, подъ насыпью въ 2 м. толщины, былъ необыкновенно глубокъ—2,88 м.; съ западной стороны вели къ подошвѣ его ступеньки, высѣченныя въ насыпи и въ материкѣ. Длина могилы 2,46 м.,

шир. 0,72. Въ головахъ костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ разбитый стекл. сосудъ безъ ручекъ, а между ступнями—желѣзная пряжка и 15 костяныхъ заостренныхъ съ одного конца палочекъ съ зарубками; отъ трехъ изъ нихъ остались ничтожные обломки.

№ 16. Тамъ же. На глубинѣ 1,88 м. простая грунтовая гробница дл. 1,23 м., шир. 0,44, глуб. 0,33. На шеѣ дѣтскаго костяка, лежавшаго головою на В., найдены 3 большія бусы (одна изъ синяго стекла съ выкрошившимися полосками и тремя глазками, одна изъ стекловидной композиціи краснаго, синяго, бѣлаго и чернаго цвѣтовъ, одна изъ черной пасты), а за головой простой черный горшокъ изъ глины съ отбитой ручкой. На рукахъ были надѣты два бронзовые браслета.

№ 17. Тамъ же. Земляная подбойная гробница, заложенная плитами съ Ю. Длина могилы 1,22 м., шир. 0,43; дно обвалившейся гробницы находилось на глубинѣ 0,60 м. На шеѣ дѣтскаго костяка, лежавшаго головою къ В., найдено 14 бусъ (одна изъ янтаря, 2 изъ красной пасты, остальныя изъ стекла разныхъ цвѣтовъ), на обѣихъ рукахъ по два гладкихъ бронз. браслета, на правой ногѣ такой же браслетъ.

№ 18. Тамъ же. На глубинѣ 1,50 м. простая земляная гробница дл. 1,14 м., шир. 0,31, глуб. 0,37. На шеѣ дѣтскаго костяка, лежавшаго головою на В., найдены бусы изъ янтаря и стекла разныхъ цвѣтовъ, на рукахъ по гладкому мѣдному браслету.

№ 19. Тамъ же. Подъ насыпью въ 2 м. толщины глубокій земляной ящикъ длиною 1,82 м., шир. 0,62, глуб. 2,61; оріентированъ съ З. на В. На днѣ ящика оказались 3 костяка: одинъ лежалъ на серединѣ ямы, а другіе нѣсколько ниже, въ подбойныхъ гробницахъ, высѣченныхъ въ боковыхъ стѣнкахъ ямы. Эти гробницы были заложены тонкими (0,07 м.), съ обѣихъ сторонъ тщательно отесанными плитами. Длина южной гробницы 2,42 м., шир. 0,73, высота подбоя 0,54; длина сѣверной 2,61 м., шир. 0,66, высота 0,56. Въ южной гробницѣ лежалъ мужской скелетъ, въ сѣверной — женскій. Всѣ три костяка лежали головами на В. При среднемъ найдена только простая бронзовая пряжка возлѣ таліи. Въ ногахъ мужского остова, лежавшаго въ подбойной гробницѣ, оказался желѣзный ножъ (дл. 0,175 м.), въ головахъ краснолаковая чашка съ неяснымъ изображеніемъ на днѣ; въ чашкѣ лежала баранья кость. Возлѣ праваго плеча этого же костяка стоялъ стеклянный сосудъ безъ ручекъ. Въ сѣверной гробницѣ найдены слѣдующія вещи: на рукахъ по гладкому бронзовому браслету, возлѣ черепа 2 большія бронз. серьги съ восьмигранными

украшеніями на концахъ, возлѣ таліи и на лѣвомъ плечѣ по бронз. позолоченной фибулѣ т. н. готскаго стиля, возлѣ пояса, слѣва, желѣзный ножъ и стекл. сосудъ безъ ручекъ, возлѣ кисти правой руки краснолаковая чашка съ клеймомъ въ видѣ креста съ 4 вдавленными кружочками, за головой 10 цѣльныхъ и 5 распавшихся костяныхъ палочекъ, подобныхъ найденнымъ въ гробницѣ № 15. Въ насыпи этой гробницы найдены 2 мѣдныя монеты царей Ѳоѳорса и Рискупорида VI. Это обстоятельство говоритъ въ пользу предположенія, что вещи т. н. готскаго стиля нужно относить къ концу III и къ первой половинѣ IV вѣка по Р. Хр.

№ 20. Тамъ же. Земляная подбойная гробница съ каменнымъ закладомъ съ С., длиною 2,30 м., шир. 0,66. Вершина подбоя находится на глубинѣ 2,50 м., высота его—0,67 м. На правой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ распавшійся желѣзный перстень безъ камешка, на обѣихъ рукахъ по гладкому бронзовому браслету, на груди бронз. фибула въ видѣ самострѣла, въ головахъ стекл. одноручный сосудикъ.

№ 21. Тамъ же. Раззоренная земляная подбойная гробница; среди разбросанныхъ костей найдено 7 бусъ и подвѣска, изображающая лежащаго льва.

№ 22. На 2-й Нагорной улицѣ. На глубинѣ 1,86 м. дѣтская гробница, высѣченная въ скалѣ и покрытая тонкими плитами. Длина могилы 1,36 м., шир. 0,45, глуб. 0,53. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на В., найдены стекл. бальзамарій, черный глиняный горшокъ безъ ручекъ и разбитая краснолаковая чашка съ двумя рядомъ выдавленными ступнями.

№ 23. Тамъ же. На глубинѣ 1,10 м. земляная подбойная гробница, заложенная мелкими камнями съ З. Длина могилы 2,18 м., шир. 0,72, высота подбоя 0,56 м. У праваго локтя костяка, лежавшаго головою на Ю., найденъ шарообразный стекл. сосудъ безъ ручекъ съ высокимъ горломъ, расширяющимся кверху на подобіе воронки, въ ногахъ желобчатая буса изъ синей пасты.

№ 24. На Шлагбаумской улицѣ. На глубинѣ 1,21 м. земляная гробница, покрытая плитами. Длина гробницы 2,08 м., шир. 0,51, глуб. 0,85. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на В., найдены стекл. бальзамарій, распавшееся круглое бронз. зеркало и одноручный краснолаковый сосудъ съ орнаментомъ въ видѣ двухъ вѣтокъ со слѣдами бѣлой краски; возлѣ кисти лѣвой руки листочки тонкаго золота, серебряное кольцо и 15 бусъ изъ аметиста, халцедона, сердолика, горнаго хрусталя, янтаря, лигнита и стекловидной композиціи; изъ этихъ бусъ былъ, по всей вѣроятности, составленъ браслетъ. На груди найдены 2 бусы изъ разноцвѣтной пасты и подвѣска изъ голубой массы, возлѣ

головы—2 плетеныя золотыя серьги, обломанная серебр. булавка съ рѣзнымъ альмандиномъ въ золотой оправѣ, кусочки листоваго золота и золотая бляшечка.

№ 25. На углу Шлагбаумской и Институтской улицъ. На глубинѣ 0,68 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,99 м., шир. 0,63, глуб. 0,84. На груди костяка, обращеннаго головою къ В., найдено раздавленное на мелкіе кусочки мѣдное зеркало и 3 бусы изъ лигнита и синей пасты, въ ногахъ краснолаковый одноручный сосудикъ и обломки такой же чашки безъ всякихъ клеймъ и украшеній.

№ 26. Тамъ же. На глубинѣ 1,19 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,07 м., шир. 0,82, глуб. 0,71. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на Ю., найдены распавшійся стекл. бальзамарій и стекл. одноручный сосудъ.

№ 27. Тамъ же. На глубинѣ 1,40 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,96 м., шир. 0,80, глуб. 1,01. Въ головахъ и въ ногахъ костяка, лежавшаго головою на В., были сдѣланы поперекъ гробницы углубленія для ножекъ гроба или саркофага. Отъ таліи костяка до шеи и на лбу найдено 28 золотыхъ листочковъ съ крючечками, лежащихъ въ рядъ. Возлѣ таліи серебряная пряжка, 2 бронзовыхъ колечка (одно распалось на мелкіе кусочки), сильно окисленная мѣдная монета, точильный брусокъ и перержавѣвшій желѣзный ножъ въ деревянныхъ ножнахъ; бронзовыя кольца были, по всей вѣроятности, прикрѣплены къ поясу, и на нихъ, можетъ быть, висѣли ножны съ желѣзнымъ ножомъ. Возлѣ лѣваго колѣна найденъ стекл. бальзамарій, на лѣвой рукѣ — бронз. кольцо съ какимъ-то камешкомъ, въ ногахъ — разбитый стаканъ изъ зеленаго стекла съ остатками красокъ съ внѣшней стороны: на днѣ была изображена бѣлой и розовой красками звѣзда, обведенная кругомъ точекъ, на стѣнкахъ вѣтки и, кажется, двѣ птицы. Роспись стакана сильно пострадала оттого, что окислившаяся поверхность стекла стала отваливаться. На разбитомъ стаканѣ лежали обломки краснолаковаго одноручнаго сосуда съ бѣлымъ орнаментомъ на горлѣ и на туловищѣ. За разбитыми сосудами, возлѣ западной стѣнки гробницы лежала груда жженыхъ дѣтскихъ костей, среди которыхъ найдены бусы, привѣски, краснолаковый сосудъ съ одной ручкой, 2 фрагментированныя терракотты, изображающія мальчика въ фригійской шапкѣ, опирающагося на овальный щитъ, и женщину, стоящую возлѣ колонны, съ птицей въ правой рукѣ, 2 поломанныя серебр. сережки и нѣсколько простыхъ астрагаловъ, испорченныхъ огнемъ.

№ 28. Тамъ же. На глубинѣ 0,94 такая же гробница дл. 1,28 м., шир. 0,38, глуб. 0,57. Дѣтскій костякъ лежалъ головою на В. Возлѣ лѣвой руки его найдены разломанное бронз. колечко и 6 бусъ изъ стекловидной разно-

цвѣтной и голубой пасты. Слѣва возлѣ ноги, между колѣномъ и пяткою лежали два бальзамарія, одинъ (сверху обломанный) изъ синяго стекла, другой изъ желтоватаго. Въ ногахъ найдены обломки гладкаго краснолаковаго сосуда съ одной ручкой.

№ 29. На углу Шлагбаумской и Константиновской улицъ. На глубинѣ 0,91 м. простая земляная гробница дл. 1,64 м., шир. 0,52, глуб. 0,35. На груди истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою на С.-В., найдены бусы изъ коралла, янтаря и черной пасты и продолговатая бронз. пластинка неизвѣстнаго назначенія, на обѣихъ рукахъ—по два бронзовыхъ браслета, изъ коихъ одинъ украшенъ простымъ орнаментомъ на утолщенныхъ концахъ, въ ногахъ—клинокъ желѣзнаго ножа. Посуды не было.

№ 30. На почтовой дорогѣ. Земляная гробница, покрытая плитами, съ которыхъ дождемъ смыта вся земля. Длина гробницы 1,86 м., шир. 1,45, глуб. 0,27. На лѣвой рукѣ костяка, лежавшаго головою на С., найдено кольцо изъ желтаго стекла съ тремя свѣтложелтыми глазками, въ ногахъ — стекл. бальзамарій и бронз. игла.

№ 31. На Шлагбаумской улицѣ. На глубинѣ 1,96 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл: 1,63 м., шир. 0,47, глуб. 0,49. На шеѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю., найдены бусы изъ красной пасты и стекла, на груди бронз. зеркальце (діам. 0,065 м.) съ истлѣвшей деревянной ручкой, которая однимъ концомъ доходила до середины зеркала, на правой рукѣ—гладкій мѣдный браслетъ и серебряное кольцо, на лѣвой—обломки двухъ мѣдныхъ браслетовъ и бронз. перстень безъ камешка.

№ 32. Тамъ же. На глубинѣ 2,15 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,34 м., шир. 0,46, глуб. 0,42. Возлѣ таліи костяка, обращеннаго головою на З., найдены 2 бронзовыя пряжки, возлѣ кисти лѣвой руки клинокъ желѣзнаго ножа, возлѣ локтя той же руки 3 пары бронзовыхъ украшеній съ заклепками, кажется, отъ истлѣвшей деревянной шкатулки. Среди этихъ украшеній найдено разломанное на двѣ части, хорошо выточенное костяное коромысло отъ вѣсовъ, дл. 0,115 м. Возлѣ локтя правой руки оказалась костяная вещица въ видѣ рога съ вырѣзкою и отверстіемъ на одномъ концѣ; можетъ быть, это была рукоятка, на которой вѣшались вѣсы при употребленіи.

№ 33. На почтовой дорогѣ. Простая земляная гробница на глубинѣ 0,20 м., дл. 1,88, шир. 0,56, глуб. 0,49. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на З., найденъ разбитый стекл. бальзамарій.

№ 34. Тамъ же. На глубинѣ 0,30 м. земляная гробница, покрытая пли-

тами, изъ коихъ одна оказалась надгробіемъ съ надписью римскаго времени: Χρήστη, γυνὴ Κουσοῦ, χαῖρε [1]). Длина гробницы 1,94 м., шир. 0,56, глуб. 0,60. Въ ногахъ костяка, лежавшаго головою на В., найдены обломки одноручнаго стекл. сосудика, такой же стаканъ съ серебристою окисью, стекл. бальзамарій и глин. лампочка безъ всякихъ изображеній; на обѣихъ рукахъ по бронз. браслету, на шеѣ 16 бусъ изъ синяго стекла, возлѣ головы обломки простыхъ серебр. серегъ.

№ 35. Тамъ же. На глубинѣ 0,70 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,89 м., шир. 0,59, глуб. 0,50. Въ ногахъ костяка, лежавшаго головою на С.-В., найдены 2 стеклянные сосуда, разсыпавшіеся въ мелкій песокъ, и костяная спица неизвѣстнаго назначенія, возлѣ лѣвой руки стекл. бальзамарій, на лѣвой рукѣ золотой перстень съ сердоликомъ, украшеннымъ грубымъ изображеніемъ стоящей Аѳины съ копьемъ и щитомъ. Возлѣ головы не найдено ни бусъ, ни серегъ.

№ 36. Тамъ же. На глубинѣ 0,28 м. земляная подбойная гробница съ каменнымъ закладомъ съ З. Длина могилы 1,17 м., шир. 0,39, выс. 0,38. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на С., найдены обломки высокой краснолаковой чашки съ двумя ручками и стекл. бальзамарій, на обѣихъ рукахъ по гладкому бронзовому браслету, возлѣ лѣвой руки серебр. перстенекъ съ гладкимъ круглымъ стеклышкомъ и обломки свинцовой четыреугольной рамки (0,055 × 0,06 м.) съ круглымъ проломомъ и трехугольнымъ простымъ орнаментомъ по угламъ, на шеѣ 5 стекл. бусъ, изъ коихъ 4 распались на мелкіе кусочки.

№ 37. Тамъ же. Земляная подбойная гробница съ каменнымъ закладомъ съ В., на глубинѣ 0,39 м. Длина могилы 1,14 м., шир. 0,42, выс. 0,27. На шеѣ костяка, обращеннаго головою къ С., найдено 7 бусъ изъ бронзы, синяго стекла и разноцвѣтной композиціи, на груди разломанная простая бронз. фибула, на лѣвой рукѣ обломки бронз. браслета, въ ногахъ 2 глиняныхъ сосудика: одинъ простой одноручный, другой—краснолаковый двуручный.

№ 38. Тамъ же. На глубинѣ 0,49 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,86 м., шир. 0,57, глуб. 0,55. По всей гробницѣ были разбросаны кусочки листового золота; въ ногахъ костяка, лежавшаго головою къ С., найдены обломки стеклянныхъ стакана и сосуда съ одной ручкой.

№ 39. На продолженіи Госпитальной улицы, противъ дома № 46. Покрытая досками земляная гробница дл. 1,78 м., шир. 0,53, глуб. 0,71. Ящикъ гроб-

[1]) Надпись издана въ *Извѣстіяхъ Имп. Арх. Комм.*, вып. 14, стр. 131, № 52.

ницы, вырытой частью въ насыпи, частью въ материкѣ, находился на глубинѣ 0,78 м. Возлѣ таліи костяка, обращеннаго головою на З., найдена мѣдная пряжка, продолговатая буса изъ чернаго стекла съ бѣлыми полосками и обломки костяной палочки неизвѣстнаго назначенія, возлѣ кисти лѣвой руки разломанный клинокъ желѣзнаго ножа, на обѣихъ рукахъ по мѣдному браслету, возлѣ головы золотыя серьги въ видѣ большихъ гладкихъ колецъ и круглая сердоликовая буса. Посуды не оказалось.

№ 40. На Почтовой дорогѣ. На глубинѣ 1,28 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,15 м., шир. 0,77, глуб. 1,05. Въ ногахъ совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найдены стеклянные разбитый одноручный сосудъ и цѣльный бальзамарій, на лѣвой рукѣ желѣзный перстень, сильно поврежденный ржавчиной, въ головахъ краснолаковая лампочка.

№ 41. Тамъ же. На глубинѣ 0,47 м. такая же гробница дл. 2,40 м., шир. 0,97, глуб. 1,43. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою на В., найдены стеклянные: 2 бальзамарія, большой одноручный сосудъ и пронизь отъ веретена, корытце изъ синеватаго камня (0,075 × 0,05 × 0,032 м.) неизвѣстнаго назначенія, на лѣвой рукѣ два испорченные ржавчиною перстня безъ камешковъ, на груди обломки мѣдной фибулы простѣйшаго типа. Костякъ лежалъ въ истлѣвшемъ деревянномъ гробѣ, который ясно выдѣлялся въ землѣ, наполнявшей гробницу.

№ 42. Тамъ же. На глубинѣ 1,19 м. такая же гробница, дл. 1,55 м., шир. 0,54, глуб. 1,07. На шеѣ костяка, обращеннаго головою на В., найдены большія бусы изъ бронзы и цвѣтной пасты, на правой рукѣ мѣдный браслетъ съ утолщенными концами, въ правой рукѣ мѣдная монета Рискупорида I (Бурачковъ XXVI, 88), возлѣ таліи мѣдная пряжка простой формы и двѣ такія же фибулы, изъ которыхъ одна была раздавлена на мелкія части, въ ногахъ обломки простого глинянаго сосуда и 12 простыхъ костяныхъ астрагаловъ, изъ коихъ одинъ былъ больше остальныхъ.

№ 43. Тамъ же. На глубинѣ 1,33 м. такая же гробница, дл. 1,50 м., шир. 0,45, глуб. 1,05. Въ ногахъ дѣтскаго костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки стекл. стакана, грубое терракотовое изображеніе Коры, мѣдная пряжка простой формы и клинокъ желѣзнаго ножа длиною 0,12 м., на лѣвой рукѣ 3 мѣдныхъ браслета, на правой—одинъ, возлѣ правой руки стекл. сосудъ безъ ручекъ, въ кисти этой же руки плохо сохранившаяся бронз. монета Котиса I (Бурачковъ XXVII, 112), возлѣ таліи другая мѣдная пряжка и такая же пронизь.

№ 44. Тамъ же. На глубинѣ 1,50 м. такая же гробница дл. 2,14 м., шир. 0,64, глуб. 1 м. Костякъ лежалъ головою на В. Возлѣ правой ноги его, ниже колѣна, стояли простой глиняный одноручный сосудъ, краснолаковый одноручный сосудъ и такая же чашка діам. 0,19 м. Въ ногахъ найдена разломанная бронзовая пряжка простого типа.

№ 45. Тамъ же. На глубинѣ 1,22 м. такая же гробница дл. 2,32 м., шир. 0,68, глуб. 0,61, покрытая огромными плитами изъ мѣстнаго известняка, толщ. 0,32 м. Подъ плитами была, какъ и во всѣхъ прочихъ могилахъ этого некрополя, пустота. Замѣтно двойное погребеніе: одинъ костякъ лежалъ въ полномъ порядкѣ, а жженыя кости другого были разбросаны по всей гробницѣ. На головѣ костяка, лежавшаго in situ, найдены золотые листочки отъ погребальнаго вѣнка, на груди бронз. фибула простой формы, возлѣ таліи 2 такія же пряжки одинаковой формы, но разной величины (всѣ бронзовыя вещи распались на мелкія части), въ правой рукѣ желѣзный ножъ въ истлѣвшихъ кожаныхъ ножнахъ, въ лѣвой—желѣзная пластинка неизвѣстнаго назначенія и въ ногахъ обломки стекляннаго одноручнаго сосуда и такого же бальзамарія.

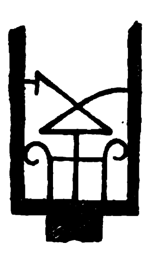
№ 46. Тамъ же. Земляная подбойная гробница, заложенная досками съ В., дл. 2,25 м., шир. и выс. 0,77; сводъ подбоя находился на глубинѣ 0,87 м. На груди истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю., найдена бронз. фибула простой формы, на правой ногѣ бронз. браслетъ; въ ногахъ лежали одна на другой двѣ мѣдныя монеты: царя Риметалка (Бурачковъ XXIX, 188) и автономная съ головою Пана и льва (Бурачковъ XX, 70), бронз. буса и точильный брусокъ.

№ 47. Тамъ же. На глубинѣ 0,36 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,16 м., шир. 0,55, глуб. 0,50. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки одноручнаго сосуда изъ бѣлаго непрозрачнаго стекла, разсыпавшагося въ порошокъ; между кистями обѣихъ рукъ обломки стакана изъ такого же стекла, на лѣвой рукѣ перстень изъ синяго стекла, украшенный головкой Медузы изъ желтой пасты, на груди обломки бронз. фибулы простого типа.

№ 48. Тамъ же. Земляная подбойная гробница съ досчатымъ закладомъ съ З. Длина гробницы 2,31 м., шир. 0,48, высота подбоя 0,48 м.; сводъ подбоя находился на глубинѣ 1,50 м. Въ гробницѣ находились, кажется, два костяка, но кости ихъ были до того уничтожены желѣзистою почвою, что нельзя было замѣтить, гдѣ и какъ онѣ лежали. Ничтожные остатки черепа свидѣтельствовали, что одинъ костякъ лежалъ головою на Ю. Почти на

серединѣ гробницы найдена фибула въ видѣ круглой брошки съ желтою и зеленою эмалью; кружокъ зеленой эмали украшенъ бѣлыми розетками. Возлѣ сѣверной стѣнки гробницы стояли въ рядъ стекл. бальзамарій, двуручный дѣтскій рожокъ изъ глины и такой же одноручный сосудикъ.

№ 49. Тамъ же. На глубинѣ 2,02 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,29 м., шир. 0,88, глуб. 1,35. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки одноручнаго стекл. сосуда и 2 такіе же бальзамарія, въ обѣихъ рукахъ по одному раздавленному бальзамарію изъ простого стекла, возлѣ правой руки 2 бронзовыя заклепки неизвѣстнаго назначенія, на груди мѣдная булавка (дл. 0,055 м.), сходная по формѣ съ нашими булавками, и мѣдная спица, на шеѣ продолговатыя бусы изъ лигнита.

Рис. 5.

№ 50. Въ жженой гробницѣ, открытой тамъ же, среди костей найдена бронзовая пряжка ажурной работы со знакомъ (рис. 5). Подобный знакъ встрѣчается на пряжкѣ, найденной въ 1891 г. въ Керчи графомъ А. А. Бобринскимъ, на Керченской уздечкѣ, изданной въ Древностяхъ Босфора Киммерійскаго табл. XXIX, № 4, на двухъ плитахъ, найденныхъ въ Тамани, и на танаидской плитѣ, изданной В. В. Латышевымъ въ Матеріалахъ по археологіи Россіи, вып. 9, стр. 63, № 2.

№ 51. Тамъ же. На глубинѣ 0,25 м. земляная, покрытая досками гробница дл. 1,95 м., шир. 0,53, глуб. 0,50. Костякъ лежалъ головою къ В. Съ лѣвой стороны отъ него, отъ головы до таліи, лежалъ клинокъ желѣзнаго меча дл. 0,76 м.; деревянная рукоятка истлѣла; сохранилась большая пронизь изъ халцедона, служившая верхушкой рукоятки. На лѣвой рукѣ выше локтя былъ надѣтъ толстый бронз. браслетъ; возлѣ таліи найдена большая бронз. пряжка, въ ногахъ другія двѣ пряжки меньшихъ размѣровъ и бронз. наконечникъ ремня. Рядомъ съ пряжками лежали обломки стекл. бальзамарія и мѣдная монета, совершенно испорченная окисью.

№ 52. Тамъ же. На глубинѣ 0,31 м. такая же гробница дл. 1,86 м., шир. 0,65, глуб. 0,47. Въ лѣвой рукѣ костяка, обращеннаго головою на В., найденъ желѣзный наконечникъ копья дл. 0,44 м., возлѣ таліи бронз. пряжка простой формы, въ ногахъ раздавленный стекл. бальзамарій.

№ 53. Тамъ же. На глубинѣ 1,32 м. такая же гробница дл. 2,12 м., шир. 0,58, глуб. 0,57. На правомъ плечѣ совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдена мѣдная фибула, испорченная окисью металла, возлѣ таліи 2 такія же пряжки и наконечникъ ремня, возлѣ кисти правой руки

мѣдная нечеткая монета, въ ногахъ разбитые стеклянные одноручный сосудъ и бальзамарій, а также бронзовые пряжка и наконечникъ ремня.

№ 54. Тамъ же. На глубинѣ 1,74 м. такая же гробница дл. 2,07 м., шир. 0,64, глуб. 0,71. На лѣвой рукѣ истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою на В., найденъ распавшійся бронзовый перстенекъ съ рѣзнымъ сердоликомъ, украшеннымъ грубымъ изображеніемъ стола или алтаря, въ ногахъ обломки стекляннаго сосудика безъ ручекъ.

№ 55. Тамъ же. На глубинѣ 1,84 м. такая же гробница дл. 1,94 м., шир, 0,71, глуб. 0,72. На головѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найдены кусочки листоваго золота, возлѣ таліи бронз. пряжка простого типа, въ ногахъ сосудикъ безъ ручекъ изъ бѣлаго стекла и обломки простыхъ стеклянныхъ бальзамарія и одноручнаго сосуда.

№ 56. Тамъ же. Разграбленная въ давнее время земляная гробница, покрытая плитами; оріентирована съ В. на З. Среди разбросанныхъ по всей гробницѣ костей найдены гладкій браслетъ и простая пряжка изъ бронзы.

№ 57. Тамъ же. На глубинѣ 0,06 м. земляная гробница, покрытая досками и мелкими камнями, дл. 1,85 м., шир. 0,56, гл. 0,65. На лѣвой рукѣ костяка, лежавшаго головою къ В., найдены 2 разломанныхъ серебр. перстня съ отпавшими вмѣстѣ съ оправою стеклышками, въ ногахъ раздавленная краснолаковая чашка съ двумя ручками, возлѣ головы 3 бусы изъ янтаря, зеленаго стекла и желтой пасты (всѣ три распались на мелкія части).

№ 58. Тамъ же. На глубинѣ 0,12 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,85 м., шир. 0,52, глуб. 0,58. Возлѣ таліи истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на С.-В., найдена бронзовая пряжка простого типа, въ ногахъ клинокъ желѣзнаго ножа, стекл. стаканъ и такой же бальзамарій.

№ 59. Тамъ же. На глубинѣ 0,79 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,03 м., шир. 0,61, глуб. 0,57. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на В., найдено 8 бронзовыхъ монетъ, изъ которыхъ двѣ совершенно уничтожены окисью металла; на 6 уцѣлѣвшихъ экземплярахъ изображена Афродита, сидящая на креслѣ, влѣво; всѣ, кромѣ одной, перечеканены; на одномъ экземплярѣ съ трудомъ читается имя Рискупорида II (211—228 г. по Р. Хр.), на двухъ—Котиса III (227—233), на трехъ—Ининѳимея (234—239)[1]. Рядомъ съ монетами найдены два стекл. бальзамарія и двѣ бронз. пряжки. На

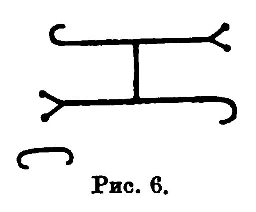
[1]) См. Гр. Спасскій, Прибавленіе къ сочиненію подъ заглавіемъ: Босфоръ Киммерійскій (М. 1850), табл. III, №№ 38 и 39; Бурачковъ, Общій каталогъ монетъ, табл. XXXII, №№ 278 и 295.

головѣ костяка лежали кусочки тонкаго золота, въ головахъ раздавленные одноручный сосудъ и стаканъ изъ простого стекла. Въ насыпи гробницы найденъ бронз. футлярчикъ съ ушками по бокамъ.

№ 60. Тамъ же. На глубинѣ 0,25 м. такая же гробница дл. 1,98 м., шир. 0,63, глуб. 0,43. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ разбитый стекл. бальзамарій, мраморная плиточка (0,11 × 0,075 м.) съ лежащей на ней бронзовой палочкой, служившей, по всей вѣроятности, для растиранія румянъ, на безыменномъ пальцѣ лѣвой руки широкое серебряное кольцо, на головѣ кусочки тонкаго золота, возлѣ черепа нѣсколько бусъ изъ желтой пасты.

№ 61. Тамъ же. На глубинѣ 0,06 м. такая же гробница, дл. 1,82 м., шир. 0,53, глуб. 0,45. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на Ю., найдены обломки стекл. одноручнаго сосуда, такой же цѣльный стаканъ, бальзамарій изъ простого стекла, 2 бронз. пряжки простого типа, лигнитовая буса и 8 мѣдныхъ монетъ: 1 экз. перечеканенной александрійской монеты съ бюстомъ императрицы Криспины и изображеніемъ стоящей Фортуны съ рогомъ изобилія въ лѣвой рукѣ (Mionnet, VI, стр. 346 и 347), 1 монета царя Рискупорида II, 3—Котиса III, 1—Савромата III (229—232 по Р. Хр.) и 2—Рискупорида III (233—234 по Р. Хр.) [1]. На шести изъ этихъ монетъ изображена Афродита, сидящая на тронѣ, влѣво, три перечеканены (ср. выше описаніе гробницы № 59). Возлѣ таліи костяка оказалась большая пряжка и наконечникъ ремня изъ бронзы.

№ 62. Тамъ же. На глубинѣ 0,71 м. такая же гробница дл. 1,99 м., шир. 0,55, глуб. 0,43. На шеѣ костяка, обращеннаго головою на В., найдены бусы изъ сердолика, янтаря, лигнита, стекла и пасты разныхъ цвѣтовъ, на груди бронзовое зеркало діам. 0,06 м. съ большимъ рельефнымъ знакомъ (рис. 6). На правой рукѣ выше локтя былъ надѣтъ большой бронз. браслетъ, выше кисти—другой; рядомъ лежалъ бронз. игольникъ. Въ ногахъ костяка найдены 4 желѣзныхъ орудія: большой ножъ, наконечникъ копья, большое долото и сѣкира. На уступахъ гробницы лежали обломки простого глинянаго горшка, цѣльный глиняный сосудъ безъ поливы, съ отверстіемъ въ видѣ трилистника, желѣзныя ручки и такой же замокъ отъ шкатулки въ обломкахъ.

Рис. 6.

№ 63. Тамъ же, противъ д. № 21. На глубинѣ 0,23 м.

[1] Бурачковъ, Кат. табл. XXXI, 272; XXXII, 303, 308; Спасскій, Босфоръ Киммерійскій, табл. V, 16, 19.

земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,22 м., шир. 0,57, глуб. 0,62. Возлѣ ногъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., съ правой стороны найденъ глин. одноручный сосудъ, въ ногахъ 2 желѣзные ножа, испорченные ржавчиной, бронзовая и желѣзная пряжки (послѣдняя распалась на мелкія части), въ правой рукѣ мѣдная монета царя Ининѳимея съ изображеніемъ Афродиты [1]).

№ 64. Тамъ же. На глубинѣ 1,20 м. земляная гробница, наполненная до верху землею, покрытая плитами, дл. 2,12 м., шир. 0,64, глуб. 0,67. Въ гробницѣ оказались 2 костяка, лежавшіе головами на В. Почти во всю длину ящика лежалъ большой скелетъ женщины, а слѣва отъ него, отъ кисти лѣвой руки до ногъ—дѣтскій костякъ. Возлѣ головы большого остова найдены 2 золотыя плетеныя серьги, 4 золотыя рубчатыя трубочки, 11 бусъ (1 золотая, 7 сердоликовыхъ, 3 стеклянныя) и множество зеленаго бисера, на лѣвой рукѣ серебр. перстень съ неяснымъ изображеніемъ, въ ногахъ 2 разсыпавшіеся въ порошокъ сосуда изъ бѣлаго стекла, одноручный сосудъ и стаканъ. Возлѣ головы дѣтскаго костяка оказалась желѣзная шкатулка съ ключемъ, испорченная ржавчиной, съ 3 серебряными перстнями и парой бронз. серегъ, изъ коихъ одна разломалась. Справа отъ дѣтскаго костяка стоялъ глин. сосудикъ съ одной ручкой. На обѣихъ рукахъ было по одному бронз. браслетику (одинъ разломанъ), въ ногахъ бронз. пряжечка, 2 такихъ же колокольчика (одинъ испорченъ окисью металла), дѣтскій рожокъ и бальзамарій изъ стекла. По всему мѣсту, которое занималъ дѣтскій костякъ, лежали бусы изъ сердолика, стекла и пасты разныхъ цвѣтовъ.

№ 65. Тамъ же, между домами №№ 19 и 21. На глубинѣ 0,33 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,89 м., шир. 0,58, глуб. 0,53. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки простого глинянаго сосуда съ одной ручкой, на лѣвой рукѣ бронз. кольцо, украшенное 4 розетками, на шеѣ бусы изъ халцедона, сердолика, стекла и темной пасты, возлѣ черепа 2 серебр. серьги, изъ которыхъ одна распалась на мелкія части. За головой найдены обломки стекляннаго бальзамарія.

№ 66. Тамъ же. На глубинѣ 0,71 м. такая же гробница дл. 1,92 м., шир. 0,67, глуб. 0,52. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдены обломки краснолаковаго одноручнаго сосуда и 2 такія же чашки, на лѣвой рукѣ разломанное бронз. кольцо, на груди бронз. фибула, возлѣ головы листокъ золота, разломанныя бронз. серьги и 19 бусъ изъ сердолика, янтаря и стекла.

[1]) Кёне, Описаніе музеума кн. Кочубея, II, табл. XIX, 108.

№ 67. Тамъ же. На глубинѣ 0,45 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,21 м., шир. 0,60, глуб. 0,29. Въ ногахъ дѣтскаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдена простая глиняная энохоя, въ правой рукѣ бронз. иголка.

№ 68. На Госпитальной улицѣ. Въ лѣвой стѣнѣ дромоса, ведущаго въ первую изъ катакомбъ, ограбленныхъ 24 іюня 1904 г.[1]) кладоискателями, на глубинѣ 3,46 м. оказалась подбойная гробница, высѣченная въ скалѣ, дл. 0,83 м., шир. 0,37, выс. 0,29. Гробница была заложена мелкимъ камнемъ. Кости до того истлѣли, что нельзя было опредѣлить направленія, въ какомъ лежалъ костякъ. Кромѣ простыхъ костяныхъ астрагаловъ, лежавшихъ возлѣ сѣверной стѣнки гробницы, ничего не найдено.

№ 69. Въ томъ же дромосѣ съ противоположной стороны найдена такая же гробница дл. 0,99 м., шир. 0,37, выс. 0,54. При совершенно истлѣвшемъ костякѣ въ гробницѣ ничего не оказалось.

№ 70. На той же улицѣ, противъ стѣны, отдѣляющей дома №№ 38 и 40. На глубинѣ 1,40 м. дѣтская земляная подбойная гробница, заложенная плитами съ В. Длина могилы 1,23 м., шир. 0,37, выс. 0,42. За головой костяка, въ ю.-з. углу гробницы, внѣ деревяннаго гроба, выкрашеннаго снаружи въ желтый цвѣтъ, стоялъ простой черный одноручный сосудъ, украшенный простымъ орнаментомъ изъ прямыхъ черточекъ.

№ 71. Тамъ же. На глубинѣ 1,72 м. простая земляная гробница дл. 2,33 м., шир. 0,73, глуб. 0,48. Въ ногахъ костяка, лежавшаго головою къ С.-В., найденъ простой двуручный сосудъ изъ черной глины.

№ 72. Тамъ же. На глубинѣ 1,74 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,71 м., шир. 0,64, глуб. 0,50. Въ правой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ Ю.-В., найдены мелкіе обломки чернолаковаго лекиѳа съ черными пальметками, въ лѣвой—разломанный желѣзный наконечникъ копья, въ ногахъ, съ лѣвой стороны, прекрасно сохранившійся киликъ на низкой подставкѣ, покрытый густымъ ярко блестящимъ лакомъ.

№ 73. На почтовой дорогѣ. Простая земляная гробница безъ обычныхъ уступовъ, дл. 2,04 м., шир. 0,52, глуб. 0,85 (отъ поверхности земли до дна могилы). Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдены обломки простого глинянаго одноручнаго сосуда, а на лѣвой рукѣ бронз. перстенекъ съ овальнымъ сердоликомъ, на которомъ нацарапаны едва замѣтныя буквы ТН.

---

[1]) См. *Изв. Имп. Арх. Ком.*, вып. 17, стр. 115 сл.

№ 74. Тамъ же. Дѣтская земляная гробница дл. 1,22 м., шир. 0,43, глуб. 0,53 (отъ дна до поверхности земли). На груди истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою къ В., найдены колокольчикъ и простая фибула изъ бронзы, на рукахъ по гладкому бронз. браслету, въ ногахъ раздавленный простой глин. одноручный сосудъ и терракотовый односторонній бюстъ богини съ серьгами въ ушахъ и въ діадемѣ, отъ которой съ обѣихъ сторонъ свѣшиваются рельефныя оливковыя вѣтки.

№ 75. Тамъ же. Простая земляная гробница дл. 2,03 м., шир. 0,55, глуб. 0,46 (отъ поверхности земли до дна). На шеѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдено 5 граненыхъ бусъ изъ сердолика, 2 изъ янтаря, одна изъ бронзы и одна изъ бѣлой массы, на лѣвой рукѣ 2 бронз. перстня, одинъ гладкій, другой съ плохо сохранившеюся эмалью (разломанъ на мелкія части), въ ногахъ, возлѣ западной стѣнки гробницы, 2 простыхъ глин. сосуда, одинъ съ одной ручкой, другой съ двумя.

№ 76. Тамъ же. Простая земляная гробница дл. 1,85 м., шир. 0,62, глуб. 0,32 (отъ поверхности земли до дна). Въ ногахъ совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю.-В., найдены краснолаковая чашка и одноручный простой глин. сосудикъ, возлѣ таліи 2 простыя бронз. пряжки, изъ которыхъ одна раздавлена на мелкія части.

№ 77. Тамъ же. На глубинѣ 0,77 м. простая земляная гробница дл. 2,19 м., шир. 0,54, глуб. 0,50, съ истлѣвшимъ костякомъ, обращеннымъ головою къ В. Въ ногахъ его найденъ раздавленный стекл. стаканъ, маленькая обломанная пряжка, наконечникъ ремня и дужка неизвѣстнаго назначенія, возлѣ таліи пряжка и наконечникъ ремня (обѣ пряжки, наконечники и дужка— бронзовые), на груди обломки простой мѣдной фибулы, возлѣ лѣваго плеча стекл. бальзамарій.

№ 78. Тамъ же. На глубинѣ 1,52 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,04 м., шир. 0,64, глуб. 0,46. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки стеклянныхъ одноручнаго сосуда и стакана, возлѣ таліи 2 мѣдныя пряжки неодинаковой величины и такой же наконечникъ ремня, принадлежащій къ большой пряжкѣ, подъ тазомъ обломанная стекл. пластинка неизвѣстнаго назначенія, на лѣвой рукѣ разломанное серебр. кольцо, на шеѣ 3 золотыя трубочки и 4 бусы изъ сердолика и синей пасты, возлѣ черепа обломки гладкихъ серебр. серегъ. Кромѣ этихъ вещей, въ гробницѣ найдены среди костей другого остова, сдвинутыхъ въ кучу возлѣ западной стѣнки, бронзовое кольцо и оправа неизвѣстнаго назначенія,

бронз. браслетикъ, распавшаяся буса изъ разноцвѣтной массы, обломки бронз. зеркала и желѣзнаго замка.

№ 79. Тамъ же. Простая земляная гробница дл. 2,08 м., шир. 0,60, глуб. 1 м. (отъ поверхности земли до дна). Въ ногахъ костяка, обращеннаго головой къ В., найдены обломки стекляннаго одноручнаго сосуда, такого же стакана, краснолаковой чашки и цѣльная стекл. баночка, на лѣвой рукѣ 4 перстня: золотой съ остатками выкрошившейся бѣлой пасты, серебряный съ гладкимъ гранатомъ, бронзовый съ сердоликомъ, украшеннымъ грубымъ изображеніемъ вѣтки, и желѣзный съ рѣзнымъ сердоликомъ, на которомъ изображено какое-то животное, кажется, рыба. На груди лежали 2 разломанныя бронз. фибулы и бронз. зеркальце діам. 0,05 м. На шеѣ найдены 5 золотыхъ трубочекъ и 14 бусъ изъ сердолика, янтаря, желтаго стекла и лигнита, на лбу гладкій кружокъ изъ листоваго золота, возлѣ черепа гладкія серебряныя серьги.

№ 80. На Госпитальной улицѣ. На глубинѣ 3 м. простая земляная гробница дл. 1,85 м., шир. 0,73, глуб. 0,46 м. Въ правой рукѣ костяка, лежавшаго головою къ В., оказался «финикійскій» алабастръ изъ синяго стекла съ желтыми и бѣлыми полосками, покрытый серебристою окисью, а возлѣ праваго плеча—разбитый чернофигурный лекиѳъ съ изображеніемъ фигуры, сидящей между двухъ большихъ глазъ [1]); на плечахъ лекиѳа изображены два листочка плюща и пѣтухъ.

№ 81. Тамъ же. Гробница, высѣченная на глубинѣ 4,30 м., въ западной стѣнкѣ дромоса, ведущаго въ разграбленную въ древнее время катакомбу, дл. 1,27 м., шир. 0,64, выс. 0,42. Гробница не была ничѣмъ заложена. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ С.-В., стоялъ стекл. одноручный сосудъ, возлѣ праваго плеча—стаканъ изъ желтаго стекла.

№ 82. Тамъ же, на холмѣ противъ д. № 41. На глубинѣ 4,48 м. простая земляная гробница дл. 1,92 м., шир. 0,59, глуб. 0,41. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., въ правомъ углу гробницы стояла простая глиняная амфора выс. 0,46 м.; по всей гробницѣ были разбросаны обломки двухъ чернофигурныхъ лекиѳовъ (удалось склеить); на одномъ изъ нихъ изображены три черныя пальметки, на другомъ—двѣ фигуры, сидящія въ креслѣ лицомъ къ запряженной тройкою колесницѣ, на которой стоятъ другія двѣ фигуры.

---

[1]) Подобные „глаза“ встрѣчаются на вазѣ, изданной въ *Отчетѣ Имп. Арх. Ком.* за 1866 г., на стр. 148. См. S. Reinach, Répertoire des vases peints, II, стр. 31, 203 и 322; H. Walters—C. Smith, Catalogue of the greek and etruscan vases, II, стр. 14 и III, табл. 1.

№ 83. Тамъ же, противъ 1-го Кладбищенскаго переулка. На глубинѣ 3,55 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая правильно и тщательно обтесанными плитами гробница дл. 2,22 м., шир. 0,62, глуб. 0,49. Между пятками истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою къ В., найдена простая алабастрида съ поврежденнымъ вѣнчикомъ и отбитою ручкою.

№ 84. Тамъ же. На глубинѣ 4,58 м. высѣченная въ скалѣ подбойная гробница съ досчатымъ затворомъ съ З., дл. 1,62 м., шир. 0,45, выс. 0,46. За головой костяка, возлѣ южной стѣнки гробницы, стояли 2 стеклянные сосуда: большой безъ ручекъ и миніатюрный одноручный.

№ 85. Тамъ же, противъ фонаря, стоящаго между домами №№ 38 и 40. На глубинѣ 2,17 м. земляная подбойная гробница дл. 1,96 м., шир. 0,66, выс. 0,50. Была заложена мелкими камнями съ С. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ стеклянный раздавленный сосудъ безъ ручекъ и маленькій одноручный сосудикъ, возлѣ таліи желѣзная пряжка, сильно поврежденная ржавчиной, на шеѣ 12 бусъ изъ янтаря и стекла четырехъ цвѣтовъ: синяго, зеленаго, сѣраго и чернаго.

№ 86. Тамъ же, противъ дома № 40. На глуб. 2,30 м. земляная подбойная гробница дл. 1,94 м., шир. 0,94, выс. 0,79. Была заложена неправильно отесанными плитами съ С. На шеѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдено 11 простыхъ бусъ изъ стекла съ позолотою и безъ позолоты, изъ красной и разноцвѣтной пасты, въ головахъ простой черный одноручный сосудъ на высокой ножкѣ, имѣющей видъ опрокинутой чашки; внѣшняя поверхность ножки раздѣлена косыми черточками на неправильные четыреугольники.

№ 87. Тамъ же. На глубинѣ 2,93 м. земляная подбойная дѣтская гробница съ каменнымъ закладомъ съ С., дл. 1,06 м., шир. 0,49, выс. 0,46. На обѣихъ рукахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдено по одному бронзовому браслетику, на шеѣ 8 янтарныхъ и 3 продолговатыя стеклянныя бусы, возлѣ черепа пара золотыхъ сережекъ и за головой стеклянный сосудъ безъ ручекъ.

№ 88. Тамъ же, противъ дома № 40. Простая земляная гробница, разграбленная въ древнее время. Среди костей, лежавшихъ въ безпорядкѣ на днѣ гробницы, найдена обломанная бронз. пряжка съ головой хищной птицы, украшенная синими стеклышками.

№ 89. Тамъ же. На глубинѣ 2,81 м. земляная подбойная гробница, заложенная плитами съ З., дл. 2,05 м., шир. и глуб. 0,50. Въ головахъ истлѣв-

шаго костяка, возлѣ южной стѣнки гробницы, найденъ разбитый стекл. сосудъ безъ ручекъ, въ правой рукѣ бронз. фибула въ формѣ самострѣла, 6 бусъ изъ стекла и разноцвѣтной композиціи, разломанный клинокъ желѣзнаго ножа, шляпка бронз. гвоздя и мѣдная монета послѣдняго Рискупорида (303—341 г. по Р. Хр.): на одной сторонѣ бюстъ царя, вправо, съ надписью ΒΑCIΛΕ . . . . . ΟΡΙC, а на другой—изображеніе Константина В., съ цифрой, отъ которой сохранилась только буква Χ [1]).

№ 90. Тамъ же, противъ угла Константиновской улицы. На глубинѣ 4,27 м. земляная подбойная гробница дл. 1,80 м., шир. и глуб. 0,42; заложена камнями съ Ю. Возлѣ праваго плеча совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдены два краснолаковые сосуда (terra sigillata) весьма плохой сохранности и желѣзное долото, расширяющееся книзу, на правой сторонѣ груди разломанная желѣзная фибула простого типа.

№ 91. На углу 2-го Кладбищенскаго переулка и продолженія Госпитальной улицы. На глубинѣ 2,67 м. высѣченная въ скалѣ, покрытая плитами гробница дл. 1,70 м., шир. 0,56, глуб. 0,59. Въ правой рукѣ костяка, обращеннаго головою къ В., оказался «финикійскій» разноцвѣтный сосудъ съ двумя ручками, покрытый красивою серебристою окисью.

№ 92. На углу 2-го Эспланаднаго переулка и продолженія Госпитальной улицы. На глубинѣ 1,60 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая досками и мелкими камнями гробница дл. 1,66 м., шир. 0,56, глуб. 0,50. Въ правой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найденъ чернолаковый лекиѳъ безъ пальметокъ, въ ногахъ обломки одноручнаго глиняннаго сосудика съ остатками неяснаго рисунка, желѣзный клинокъ ножа и глиняная пронизь.

№ 93. Тамъ же. На глуб. 1,60 м. высѣченная въ скалѣ гробница, покрытая досками, дл. 1,84 м., шир. 0,59, глуб. 0,32. Въ головахъ хорошо сохранившагося костяка, возлѣ восточной стѣнки гробницы, найденъ одноручный сосудъ изъ желтой глины съ черными полосками [2]), слѣва отъ головы другой одноручный сосудъ выс. 0,13 м. съ отверстіемъ въ видѣ трилистника, съ коричневыми полосками по туловищу, по ручкѣ и внутреннему краю отверстія.

№ 94. Тамъ же. На глубинѣ 1,11 м. высѣченная въ скалѣ гробница; западная часть ея была разграблена и разрушена посредствомъ мины, проведенной кладоискателями изъ противоположнаго двора. Нижняя часть костяка

---

[1]) Спасскій, Босфоръ Киммерійскій, стр. 107 и табл. VI, № 22.

[2]) Такіе же сосуды изображены въ *Отчетѣ Имп. Археолог. Комм.* за 1898 г., стр. 18, рис. 17, въ *Извѣстіяхъ Комм.*, вып. 14, стр. 27, рис. 62 и др.

до пояса была выброшена, но грудная клѣтка и хорошо сохранившійся черепъ остались на мѣстѣ. За головой остова, обращенной къ В., найдены обломки бронз. зеркала, діам. 0,14 м., въ лѣвомъ углу лекиѳъ съ четырьмя черными фигурами: въ серединѣ сражаются копьями два воина со щитами и въ высокихъ шлемахъ, по сторонамъ стоятъ двѣ зрительницы. Такъ какъ лицо и ноги одного борца были покрыты бѣлой краской, то можно предположить, что на сосудѣ было изображено единоборство Геракла и Ипполиты [1]).

№ 95. Во 2-мъ Эспланадномъ переулкѣ. На глубинѣ 2,24 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 0,80 м., шир. 0,40, глуб. 0,31. Во рту истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ С.-В., найдена мѣдная монета царя Ининѳимея (234—239 по Р. Хр.) съ изображеніемъ Астарты, сидящей па тронѣ съ высокой спинкой, съ одной звѣздой впереди (буквы В нѣтъ). Возлѣ таліи костяка оказались обломки бѣлаго стекляннаго сосудика.

№ 96. Тамъ же. Раззоренная въ древнее время гробница. Среди костей, лежавшихъ въ безпорядкѣ на днѣ гробницы, найдены два сосуда: разбитый киликъ, покрытый густымъ чернымъ лакомъ, и одноручный сосудикъ изъ желтой глины съ коричневыми полосками.

№ 97. На продолженіи Госпитальной улицы. На глубинѣ 1,80 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая плитами гробница, дл. 2,02 м., шир. 0,61 (въ ногахъ)—0,66 (въ головахъ), глуб. 0,62. Возлѣ праваго плеча истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдена алабастрида, попорченная съ одного бока.

№ 98. Тамъ же. Подбойная гробница, высѣченная въ правой скалистой стѣнѣ дромоса, ведущаго съ С. въ катакомбу, открытую на углу продолженія Госпитальной улицы и 2-го Эспланаднаго переулка. Гробница, находящаяся на глубинѣ 1,83 м., имѣла дл. 2,06 м., шир. 0,81, выс. 0,73. Была заложена камнями. Слѣва возлѣ головы истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою къ Ю., найдены обломки стекл. стакана, на груди одноручный стекл. сосудъ и возлѣ правой руки мѣдная монета, совершенно испорченная окисью.

№ 99. Во 2-мъ Кладбищенскомъ переулкѣ, противъ дома № 15. На глубинѣ 1,60 м. земляная гробница, покрытая досками и мелкими камнями, дл. 1,95 м., шир. 0,64, глуб. 0,33. Въ правой рукѣ совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найденъ лекиѳъ (выс. 0,14 м.) съ тремя чернолаковыми

[1]) См. S. Reinach, Répertoire des vases peints, I, стр. 256, рис. 1. Весьма похожій рисунокъ съ одинаковою трактовкою падающаго воина изданъ тамъ же, II, стр. 254, рис. 3.

пальметками, а въ углу, возлѣ правой ноги костяка,—простая глиняная амфора, раздавленная тяжестью земли.

№ 100. Тамъ же. На глубинѣ 2,20 м. земляная подбойная гробница дл. 1,09 м., шир. 0,54, глуб. 0,64, заложенная камнями съ В. Возлѣ праваго плеча истлѣвшаго дѣтскаго костяка, обращеннаго головою на Ю., стояли желтоватый стекл. стаканъ съ 5 синими точками и такой же сосудикъ безъ ручекъ. Въ ногахъ найдено 17 стеклянныхъ бусъ разной величины и формы.

№ 101. Въ переулкѣ, соединяющемъ Госпитальную улицу съ продолженіемъ ея. На глубинѣ 3,10 м. высѣчепная въ скалѣ и покрытая досками гробница шир. 0,95 м., глуб. 0,42; длину опредѣлить было невозможно, потому что восточный конецъ гробницы вмѣстѣ съ головой костяка былъ отрѣзанъ строителями дромоса катакомбы, оріентированнаго съ С. на Ю. Въ правой рукѣ дѣтскаго костяка оказался поврежденный внизу алабастръ изъ разноцвѣтнаго «финикійскаго» стекла, въ лѣвой—раздавленная простая алабастрида. Тутъ же найдена глиняная вещица, похожая на сосудикъ безъ ручекъ, вѣроятно, дѣтская игрушка или часть сосуда, котораго въ гробницѣ не оказалось.

№ 102. Тамъ же. На глубинѣ 4,88 м. высѣченная въ скалѣ гробница дл. 1,85 м., шир. 0,54 (въ ногахъ)—0,69 (возлѣ головы), глуб. 0,47. Ящикъ гробницы былъ покрытъ съ восточной стороны, гдѣ находилась голова покойника, плитою, а въ серединѣ и съ западной стороны досками. Въ лѣвомъ углу гробницы, за головой истлѣвшаго костяка, найдены обломки глин. лекиѳа, на шеѣ бронз. вещица, похожая на шляпку гвоздя, выше кисти правой руки бронз. зеркало, діам. 0,15 м., въ кисти той же руки двуручный «финикійскій» сосудикъ, хорошей сохранности, изъ синяго стекла съ бѣлыми и желтыми полосками.

№ 103. На углу Госпитальнаго переулка и Госпитальной улицы. На глубинѣ 4,26 м. земляная, покрытая досками гробница дл. 1,13 м., шир. 0,55, глуб. 0,38. Возлѣ лѣваго колѣна дѣтскаго костяка, обращеннаго головою на В., найденъ лекиѳъ, покрытый блестящимъ чернымъ лакомъ съ графитовымъ отблескомъ и украшенный по всему туловищу вдавленными горизонтальными и отвѣсными черточками.

№ 104. Рядомъ, но глубже на 0,62 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая плитами гробница дл. 1,55 м., шир. 0,40 (въ ногахъ)—0,48 (возлѣ головы), глуб. 0,42. Возлѣ локтя правой руки истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., лежалъ лекиѳъ съ 3 черными пальметками, а возлѣ праваго плеча—бѣлый «финикійскій» алабастръ съ темнокоричневыми полосками. Оба сосудика

лежали параллельно съ ручными костями, тѣсно прилегая къ нимъ, и были обращены доньями на З.

№ 105. Тамъ же. На глубинѣ 4,26 м. высѣченная въ скалѣ гробница дл. 1,25 м., шир. 0,52, глуб. 0,39. Такъ какъ грунтъ былъ мягокъ и слабъ, то стѣны гробницы были выложены камнемъ; надъ гробницей были положены два ряда тонкихъ плитъ. Возлѣ праваго локтя костяка, обращеннаго головою на В., найденъ одноручный глиняный сосудикъ (выс. 0,10 м.) весьма плохой сохранности: вѣнчикъ сосудика обломанъ, черный лакъ сильно стертъ. На верхушкѣ головы оказалась желтая буса изъ «финикійскаго» стекла съ синими и бѣлыми глазками и въ правомъ углу, за головою костяка, 23 простыхъ астрагала, изъ коихъ одинъ просверленъ во всѣхъ трехъ направленіяхъ, а другой снабженъ двумя параллельными дырочками, просверленными рядомъ во всю ширину кости.

№ 106. Тамъ же. На глубинѣ 4,26 м. вырытая въ мягкомъ материкѣ дѣтская гробница со стѣнками, построенными изъ мелкаго камня, покрытая плитами. Длина ящика 0,91 м., шир. 0,32, глуб. 0,27. Выше кисти правой руки истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найденъ киликъ на низкой ножкѣ, покрытый чернымъ густымъ лакомъ, на правомъ плечѣ бронз. игла и на правой рукѣ такой же браслетъ.

№ 107. Рядомъ съ предыдущей гробницей, на той же глубинѣ, земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,71 м., шир. 0,58, глуб. 0,55. Подъ лѣвой рукой, вдоль лѣваго бока истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., лежало желѣзное остріе копья длиною 0,49 м., сильно поврежденное ржавчиною, на кисти той же руки желѣзный перстень. По краямъ гробницы были разбросаны обломки двуручнаго «финикійскаго» сосудика изъ синяго стекла съ бѣлыми и желтыми поясками.

№ 108. Тамъ же. На глубинѣ 4,67 м. высѣченная въ скалѣ, покрытая плитами гробница дл. 1,73 м., шир. 0,57, глуб. 0,40. Возлѣ праваго локтя хорошо сохранившагося остова, обращеннаго головою на В., найденъ краснофигурный лекиѳъ съ изображеніемъ крылатой Ники возлѣ алтаря [1]).

№ 109. Тамъ же. На той же глубинѣ такая же гробница дл. 1,86 м., шир. и глуб. 0,63. Истлѣвшій костякъ, обращенный головою къ В., лежалъ вплотную возлѣ сѣверной стѣнки гробницы. Всѣ вещи, найденныя при костякѣ, лежали влѣво отъ него: возлѣ лѣваго плеча желтый сосудикъ (выш. 0,15 м.)

---

[1]) См. статью Б. В. Фармаковскаго: Die Funde in Südrussland im Jahre 1904 (*Arch. Anzeiger* 1905, 2, стр. 61).

съ красноватыми полосками на туловищѣ, горлышкѣ и ручкѣ, возлѣ локтя лѣвой руки разбитый на три части чернолаковый лекиѳъ и возлѣ кисти той же руки бронз. стрѣлка.

№ 110. Тамъ же. На глубинѣ 4,67 м. такая же гробница дл. 1,70 м., шир. 0,64, глуб. 0,48. Замѣтно двойное погребеніе. Кости перваго покойника лежали въ кучѣ возлѣ восточной стѣнки могилы, за головой второго костяка, лежавшаго въ порядкѣ. Подъ костями перваго найдены обломки бронз. зеркала діам. 0,15 м.

№ 111. Тамъ же. На той же глубинѣ гробница такого же типа дл. 1,71 м., шир. 0,55, глуб. 0,46. Въ правой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., оказался лекиѳъ безъ пальметокъ, покрытый блестящимъ чернымъ лакомъ, а на лѣвой рукѣ желѣзный перстень, сильно поврежденный ржавчиною.

№ 112. Тамъ же. На глубинѣ 2,94 м. такая же гробница дл. 1,79 м., шир. 0,55, глуб. 0,56. Въ правой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ С.-В., найденъ арибаллъ, покрытый блестящимъ чернымъ лакомъ съ графитовымъ отблескомъ.

№ 113. На Госпитальной улицѣ, между домами №№ 37 и 41, найденъ дромосъ катакомбы, начинающійся съ С. и снабженный крутыми ступеньками (*А*, см. планъ на рис. 7); въ лѣвой стѣнѣ дромоса было прорублено отверстіе *Б* въ т. н. «пашенную» яму *В*, служившую когда-то для ссыпки и храненія хлѣба. Это огромная яма, напоминающая своей формой пиѳосъ съ усѣченнымъ дномъ; нижняя часть ея высѣчена въ материкѣ, а верхняя—въ древней насыпи, которая состоитъ изъ земли, смѣшанной съ мелкими камнями, черепками посуды, амфорными ручками, обломками большихъ черепицъ, разными костями и проч. Вверху ямы виднѣется круглое отверстіе, закрытое гладкою плитою. Высота ямы 2,28 м., діаметръ дна 2,35 м. На полу ямы, возлѣ сѣверо-восточной стѣнки лежалъ въ истлѣвшемъ деревянномъ гробу (*а*) костякъ головою на Ю.-В.; въ ногахъ его, въ материковой стѣнѣ ямы было сдѣлано небольшое углубленіе (*б*), въ которомъ стоялъ небольшой одноручный сосудикъ изъ потрескавшагося стекла (выс. сосуда 0,11 м.). Возлѣ ногъ костяка найдены 2 простыя бронз. пряжки, возлѣ таліи — третья пряжка изъ того же металла, украшенная птичьей головкой, въ правой рукѣ желѣзный

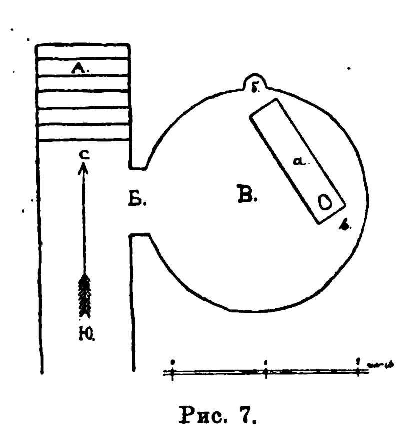

Рис. 7.

ножикъ въ деревянныхъ ножнахъ, съ истлѣвшей костяной ручкой. За головой скелета въ пунктѣ *в* найдены обломки большаго стекл. сосуда безъ ручекъ, раздавленнаго отвалившеюся частью стѣны.

№ 114. Въ правой стѣнѣ того же дромоса, на глубинѣ 3,69 м., высѣчена подбойная гробница дл. 1,59 м., шир. 0,52, выс. 0,42, заложенная съ В. плитами и мелкими камнями. Возлѣ южной стѣнки гробницы, за головою совершенно истлѣвшаго костяка, лежалъ на боку стекл. сосудъ безъ ручекъ (выс. 0,14 м.) и за нимъ кучка астрагаловъ, числомъ 60, безъ буквъ или другихъ знаковъ. Возлѣ головы костяка найдена гладкая серебряная серьга въ видѣ колечка, утолщающагося на концахъ, и 7 бусъ изъ янтаря и стекла синяго и зеленаго цвѣтовъ, на обѣихъ рукахъ по одному бронз. браслету (браслетъ на правой рукѣ нѣсколько больше бывшаго на лѣвой), возлѣ правой руки желѣзный ножъ въ истлѣвшихъ деревянныхъ ножнахъ.

№ 115. Тамъ же, между домами №№ 35 и 41. Древняя земляная гробница, перерѣзанная дромосомъ катакомбы. Въ гробницѣ возлѣ восточной стѣны остался одинъ черепъ и за нимъ обломки лекиѳа съ черными фигурами, изображающими Діониса, трехъ женщинъ и сидящаго юношу, играющаго на лирѣ [1]).

№ 116. На Шлагбаумской улицѣ, противъ д. № 15. На глубинѣ 1,50 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,86 м., шир. отъ 0,57 (въ ногахъ) до 0,66 (въ головахъ), глуб. 0,55. Возлѣ лѣваго плеча хорошо сохранившагося костяка, лежавшаго головою на В., найденъ двуручный сосудикъ изъ бѣлаго «финикійскаго» стекла съ темнокоричневыми полосками и зигзагами, на груди разломанная бронзовая игла, въ ногахъ острое желѣзное шило и маленькая пирамидка изъ зеленоватаго стекла на проволокѣ, отъ которой сохранился лишь ничтожный кусочекъ.

№ 117. На Госпитальной улицѣ. На глубинѣ 1,16 м. каменная гробница съ земляныиъ поломъ, покрытая отчасти плитами (подъ ногами костяка), отчасти досками (надъ головой). Длина могилы 2,15 м., шир. 0,66, глуб. 0,44. Возлѣ праваго плеча истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю., найдена стекл. бутылка выш. 0,24 м., возлѣ таліи распавшіяся желѣзная и бронзовая пряжки, въ лѣвой рукѣ клинокъ желѣзнаго ножа.

№ 118. На Шлагбаумской улицѣ. На глубинѣ 1,50 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,66 м., шир. 0,58, глуб. 0,39, оріентированная съ В. на З. Гробница была перерѣзана поперекъ другой гробницей, имѣвшей

1) См. ук. статью Б. В. Фармаковскаго, стр. 60.

направленіе съ Ю. на С. Въ первой гробницѣ, среди костей, сдвинутыхъ въ кучу возлѣ восточной стѣны, найдены обломки двуручнаго «финикійскаго» сосудика изъ бѣлаго стекла съ темнокоричневыми полосками, во второй—простой глиняный сосудъ безъ ручекъ. Костяка во второй гробницѣ вовсе не оказалось.

№ 119. Тамъ же. На глубинѣ 2,59 м. земляная подбойная гробница, дл. 1,27 м., шир. 0,79, выс. 0,27; была заложена плитами съ С.-В. На правой рукѣ истлѣвшаго дѣтскаго костяка, обращеннаго головою на С.-З., оказался бронз. браслетикъ, возлѣ головы съ лѣвой стороны глиняный одноручный сосудикъ, украшенный грубымъ изображеніемъ вѣтки, на которой кое-гдѣ сохранились слѣды бѣлой краски.

№ 120. Тамъ же, противъ дома № 15. На глубинѣ 1,54 м. простая земляная гробница дл. 1,20 м., шир. 0,42, глуб. 0,40. На правой рукѣ дѣтскаго костяка, обращеннаго головою на Ю.-З., оказался бронз. браслетъ, а на шеѣ 17 бусъ изъ оникса, стекла и разноцвѣтной композиціи. Посуды въ гробницѣ не было.

№ 121. Тамъ же. На глубинѣ 2,12 м. земляная подбойная гробница дл. 1,91 м., шир. 0,60, выс. 0,51; была заложена плитами съ В. У лѣваго локтя истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на С., найденъ обломанный костяной гребень, украшенный 15 бронзовыми заклепками, у лѣваго плеча одноручный краснолаковый сосудикъ на низкой ножкѣ.

№ 122. Тамъ же, противъ дома № 17. На глубинѣ 1,24 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,08 м., шир. 0,58, глуб. 0,45. Въ правой рукѣ костяка, лежавшаго головою къ В., оказалась мѣдная монета, совершенно испорченная окисью металла, возлѣ таліи разломанная желѣзная пряжка съ бронзовымъ щиткомъ, за головой съ лѣвой стороны шарообразный стекл. сосудъ безъ ручекъ, съ высокимъ горлышкомъ (выс. сосуда 0,17 м.).

№ 123. Тамъ же. На глубинѣ 1,50 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,90 м., шир. 0,71, глуб. 0,40. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю.-В., найдены обломки желѣзнаго ножа, возлѣ лѣваго плеча шарообразный стекл. сосудъ съ высокимъ горломъ безъ ручекъ (выс. сосуда 0,17 м.).

№ 124. Тамъ же. На глубинѣ 1,30 м. такая же гробница дл. 1,85 м., шир. 0,75, глуб. 0,30. На правой рукѣ совершенно истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ Ю.-В., найденъ испорченный ржавчиной желѣзный браслетъ, возлѣ лѣвой руки обломки желѣзнаго острія копья и 30 стрѣлокъ: 29 бронзовыхъ и одна желѣзная.

№ 125. Тамъ же. На глубинѣ 1,35 м. такая же гробница дл. 1,40 м., шир. 0,63, глуб. 0,35. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки простого глинянаго одноручнаго сосуда, въ правой рукѣ чернолаковый арибаллъ съ красной пальметкой, на шеѣ 3 синія бусы съ бѣлыми глазками (двѣ бусы на серебряной проволокѣ), возлѣ головы бронзовая игла.

№ 126. Тамъ же. Въ насыпи гробницы, раззоренной въ древности, найдены обломки коринѳскаго арибалла съ изображеніемъ птицъ и какихъ-то чудовищъ. По формѣ сосудѣ напоминаетъ арибаллъ, изданный у Rayet et Collignon, Histoire de la céramique grecque, стр. 57, рис. 32.

№ 127. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ предыдущей могилы найдена на глубинѣ 0,50 м. гробница, вырытая въ насыпи, дл. 1,96 м., шир. 0,56, глуб. 0,44, съ вещами совершенно другого періода: на груди костяка, обращеннаго головою къ С., оказались двѣ бронз. фибулы т. н. готскаго стиля, на шеѣ 5 бусъ изъ синяго и зеленаго стекла, возлѣ рукъ сложенныя вмѣстѣ бронз. серьги съ маленькими шестигранниками, наполненными бѣлой массой.

№ 128. Тамъ же, противъ д. № 21. На глубинѣ 1,50 м. простая земляная гробница дл. 1,71 м., шир. 0,61, глуб. 0,35. Возлѣ головы истлѣвшаго костяка, обращенной на В., найдено 5 глиняныхъ сосудиковъ: облупившаяся чернолаковая чашечка на высокой ножкѣ, съ нацарапанными подъ ножкой буквами Δ Ι Η, низенькая чашечка безъ ножки, съ одной ручкой, 2 почти одинаковыхъ одноручныхъ сосудика съ горизонтальными полосками на туловищѣ и вѣнчикѣ (на днѣ одного изъ нихъ нацарапаны цифры Ι Γ), наконецъ обломки страннаго сосуда изъ черной глины, похожаго на чайникъ: лейка хорошо сохранилась, но двѣ боковыя ручки отбиты и крышки не оказалось.

№ 129. Тамъ же, противъ калитки двора № 15. На глубинѣ 1,10 м. дѣтская гробница, высѣченная въ материковой скалѣ и покрытая плитами. Длина могилы 0,99 м., шир. 0,37, глуб. 0,35. Между кистями рукъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на С., найденъ простой двуручный глин. сосудикъ (выс. 0,09 м.), возлѣ правой ноги разбитый стекл. одноручный сосудъ и во рту мѣдная монета царя Ѳоѳорса съ обозначеніемъ 595 года боспорской эры (= 298 г. по Р. Хр.).

№ 130. Въ 1-мъ Кладбищенскомъ переулкѣ. На глубинѣ 3 м. земляная гробница дл. 1,81 м., шир. 0,88, глуб. 0,46, оріентированная съ В. на З. Гробница была въ древности раззорена, а вещи, находившіяся при костяхъ, выброшены. Въ насыпи надъ самой гробницей найдены чернолаковая рюмка съ

тремя черточками, нацарапанными на туловищѣ и внизу на ножкѣ, одноручный сосудикъ рѣдкой формы изъ желтой глины, украшенный внутри и снаружи черными и красными полосками и орнаментомъ, состоящимъ изъ двухъ рядовъ листиковъ трилистника, гладкое золотое кольцо, обломки алабастриды и нѣсколько простыхъ астрагаловъ.

№ 131. Тамъ же. На глубинѣ 3,50 м. земляная гробница дл. 2,03 м., шир. 0,85, глуб. 0,56. У праваго плеча истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на Ю.-В., найденъ одноручный сосудикъ изъ желтой глины, украшенный черными полосками по туловищу, на ручкѣ и по краямъ вѣнчика [1]), на лѣвой рукѣ желѣзный перстень, въ той же рукѣ «финикійскій» алабастръ прекрасной сохранности изъ синяго стекла съ голубыми и желтыми полосками. Въ ногахъ костяка стояла прислоненная къ серединѣ стѣнки гробницы простая глиняная амфора выс. 0,51 м. съ написанными красной краской большими буквами ЕХ.

№ 132. Рядомъ съ предыдущей гробницей, на той же глубинѣ, высѣченная въ скалѣ и покрытая плитами гробница дл. 1,96 м., шир. 0,64, глуб. 0,59. Возлѣ лѣваго плеча истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ Ю.-В., найдены обломки одноручнаго глинянаго сосудика такой же формы, какъ сосудики въ гробницахъ №№ 93 и 131.

№ 133. Тамъ же. На глубинѣ 3 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,72 м., шир. 0,67, глуб. 0,65. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., въ лѣвомъ углу гробницы стояла простая глиняная амфора (выс. 0,48 м.); на правомъ плечѣ найдена бронзовая игла.

№ 134. Рядомъ, на той же глубинѣ, земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,87 м., шир. 0,62, глуб. 0,57. Возлѣ лѣваго плеча истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ С.-В., найдено разломанное желѣзное орудіе неизвѣстнаго назначенія, въ видѣ согнутаго въ овалъ прута, заостреннаго съ обоихъ концовъ; орудіе это нельзя считать ножницами, потому что на немъ нѣтъ никакого острія: это былъ круглый желѣзный прутъ, имѣющій вездѣ, кромѣ концовъ, одинаковую толщину.

№ 135. Тамъ же, на глубинѣ 3 м., земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,06 м., шир. 0,82, глуб. 0,64. Въ ногахъ дѣтскаго скелета, обращеннаго головою къ В., найдены чернолаковый рожокъ съ бронзовой вороночкой и красноватый одноручный сосудикъ съ темными полосками на туловищѣ, ручкѣ и вѣнчикѣ.

---

[1]) Сосудъ похожъ по формѣ на сосудики, изданные въ *Извѣстіяхъ Имп. Арх. Комм.*, вып. 8, табл. V, рис. 16; вып. 14, стр. 27, рис. 62. Ср. описаніе гробницы № 93.

№ 136. Тамъ же. На глубинѣ 4,24 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая плитами гробница длиною 1,79 м., шир. 0,58, глуб. 0,57. На груди костяка, обращеннаго головою на З. (sic!), найдена золотая подвѣсочка, изображающая разъяреннаго льва, въ правой рукѣ распавшаяся алабастрида, на безъименномъ пальцѣ лѣвой руки три кольца: въ серединѣ желѣзное, съ боковъ золотые перстенекъ и колечко, возлѣ колѣнъ скорлупа гусинаго яйца съ косточками гусенка внутри, а возлѣ пятокъ серебряное колечко неизвѣстнаго назначенія и чернолаковый арибаллъ, украшенный съ передней стороны краснымъ пояскомъ и рядомъ черныхъ точекъ. По всей гробницѣ были разбросаны обломки «финикійскаго» двуручнаго сосудика изъ синяго стекла съ желтыми и бѣлыми полосками.

№ 137. Тамъ же. На глубинѣ 3 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,72 м., шир. 0,65, глуб. 0,54. Возлѣ лѣваго локтя костяка, лежавшаго головою къ В., найденъ чернолаковый арибаллъ съ горизонтальнымъ краснымъ пояскомъ, украшеннымъ двумя рядами черныхъ точекъ, возлѣ праваго локтя бронзовый наконечникъ стрѣлы, въ ногахъ простая глиняная амфора выс. 0,49 м. съ черными полосками на краю плечъ и на горлѣ; судя по глинѣ, полной бѣлыхъ блестящихъ крупинокъ, амфора была привезена съ острова Ѳасоса.

№ 138. На углу Эспланадной улицы и продолженія Госпитальной. На глубинѣ 1,98 м. построенная въ насыпи каменная гробница, покрытая досками, дл. 1,97 м., шир. 0,49, глуб. 0,35. На лѣвой рукѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на З., найдены 2 бронзовые браслета, возлѣ головы гладкая золотая сережка и 3 бусы изъ сердолика, чернаго стекла и бѣлаго стекла съ позолотою.

№ 139. Тамъ же. На глубинѣ 1,04 м. простая земляная гробница дл. 2,01 м., шир. 0,42, глуб. 0,34. Возлѣ таліи костяка, обращеннаго головою на С.-В., найдена толстая мѣдная пряжка, въ ногахъ 2 кусочка кремня, продолговатое огниво, раковина, кабаній клыкъ, 2 пронизи изъ темной пасты и мѣдная монета послѣдняго Рискупорида съ орломъ[1]).

№ 140. Во дворѣ В. Глѣбова, на углу Госпитальной улицы и 1-го Кладбищенскаго переулка. На глубинѣ 5,30 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,82 м., шир. и выс. 0,54. Возлѣ кисти и вдоль правой руки костяка, обращеннаго головою на В., найдены обломки «финикійскаго» алабастра изъ синяго стекла съ желтыми и бѣлыми полосками.

№ 141. Тамъ же. На глубинѣ 5,36 м. высѣченная въ скалѣ и покрытая плитами гробница дл. 1,83 м., шир. 0,58, глуб. 0,53. Въ правой рукѣ истлѣв-

[1]) В. Кене, Описаніе музеума кн. Кочубея, II, табл. XX, № 194.

шаго костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ краснофигурный арибаллъ съ изображеніемъ какого-то животнаго.

№ 142. Тамъ же. На глубинѣ 5,36 м. такая же гробница дл. 1,72 м., шир. 0,55, глуб. 0,48. Костякъ лежалъ головою къ С.-В. Возлѣ правой руки его, между ребрами и локтемъ, лежалъ отверстіемъ къ головѣ «финикійскій» алабастръ изъ чернаго стекла, украшенный сверху донизу бѣлыми и желтыми полосками.

№ 143. На Эспланадной улицѣ, во дворѣ Ильина (домъ № 17). На глубинѣ 2,69 м. дѣтская земляная гробница, покрытая досками, дл. 0,79 м., шир. 0,44, глуб. 0,38. Влѣво за головой истлѣвшаго костяка, возлѣ восточной стѣнки гробницы, стоялъ чернолаковый канѳаръ съ каннелюрами на туловищѣ и съ кружкомъ на днѣ, состоящимъ изъ черточекъ; на канѳарѣ лежало чернолаковое блюдце съ 9 пальметками на днѣ.

№ 144. Тамъ же. На той же глубинѣ каменная гробница, покрытая плитами, дл. 1,92 м., шир. 0,52, глуб. 0,64. Въ гробницѣ лежали рядомъ 2 совершенно истлѣвшіе костяка, головами къ Ю. На черепѣ костяка, лежавшаго вдоль западной стѣнки, найдено простое глиняное блюдо весьма грубой отдѣлки, діам. 0,33 м., а въ ногахъ—простой одноручный глиняный сосудъ (выс. 0,24 м.). Возлѣ правой кисти другого костяка найдены клѣтчатый арибаллъ коричневаго цвѣта, усѣянный бѣлыми точками, и 16 бронз. стрѣлокъ; въ ногахъ—кубокъ прекрасной сохранности, покрытый блестящимъ чернымъ лакомъ; на днѣ кубка оттиснуты 4 пальметки, окруженныя кружкомъ изъ черточекъ. На шеѣ этого же костяка найдены 4 бусы въ видѣ трубочекъ изъ зеленой пасты, на головѣ остатки тонкой матеріи, похожей на кружева, на тѣлѣ, въ особенности на ножныхъ костяхъ, толстая матерія коричневаго цвѣта.

II. Катакомбы, открытыя на сѣверной покатости Митридатовой горы.

(Съ 10 по 15 іюля и съ 5 августа по 31 декабря).

№ 145 (1). Противъ угла Госпитальной улицы и 1-го Кладбищенскаго переулка. На глубинѣ 10,31 м. въ дромосѣ, имѣющемъ 0,99 м. ширины, найдены гладкій, ровный карнизъ и подъ нимъ арка дл. 1,12 м., шир. 0,81, выс. 0,96, ведущая въ катакомбу самаго обычнаго типа съ тремя лежанками по тремъ стѣнкамъ и небольшой нишей вправо отъ входа. Длина камеры (отъ входа до центральной лежанки) 2,27 м., шир. 2,23, выс. въ серединѣ 1,69. Центральная лежанка, имѣющая 2,23 м. ширины, 1,28 м. глубины и 0,79 м. выш., находится на высотѣ 0,82 м. надъ поломъ камеры. Лежанка, высѣченная въ

правой стѣнѣ склепа на разстояніи 0,67 м. отъ пола, имѣетъ шир. 2,18 м., глуб. 1,22 м. и выс. 0,79 м. Лѣвая лежанка имѣетъ шир. 2,22 м., глуб. 0,78 м. и выс. 0,65 м.; высѣчена въ толщѣ почвы на разстояніи 0,77 м. надъ поломъ. Вправо отъ входа, на разстояніи 0,39 м. отъ арки устроена небольшая ниша шир. 0,38 м., выс. 0,47, глуб. 0,23. На стѣнахъ катакомбы нѣтъ ни росписи, ни надписей. Склепъ оказался ограбленнымъ въ древнее время; четырехугольная каменная плита, закрывавшая входъ въ катакомбу, была сдвинута съ мѣста. При тщательномъ пересмотрѣ лежанокъ, покрытыхъ тонкимъ слоемъ истлѣвшихъ костяковъ и деревянныхъ гробовъ, найдены только одна золотая буса ажурной работы и разбитый стеклянный стаканъ, оставленные грабителями на правой лежанкѣ. Но подъ низкимъ порогомъ входа оказался тайникъ, не замѣченный хищниками вслѣдствіе того, что мѣсто надъ нимъ засыпалось землею, когда грабители проникали изъ дромоса въ камеру. Тайникъ состоитъ изъ четырехугольнаго углубленія, прилегающаго длинной стороной къ порогу, и имѣетъ 0,57 м. длины, 0,22 м. ширины и 0,21 м. глубины. Въ тайникѣ найдены слѣдующія вещи:

Рис. 8 (1/2).

1) серебряное блюдо (рис. 8) діам. 0,235 м., съ изображеніемъ императора Констанція (324—361 по Р. Хр.) и латинскою надписью D(omini) n(ostri) Constanti Augusti votis XX;

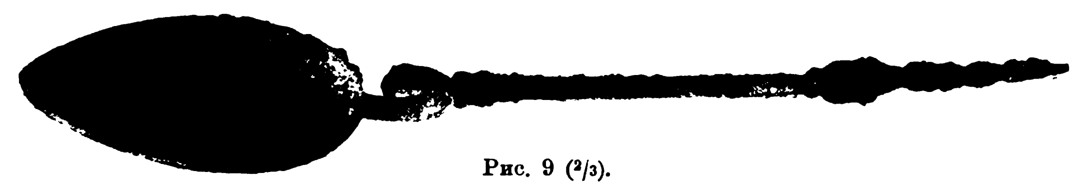

Рис. 9 (2/3).

2) серебряная ложка (рис. 9) длиною 0,21 м.;

3) серебряная ложка на кольцѣ (рис. 10), съ птичьей головкой на одномъ концѣ и съ лицомъ бородатаго мужчины, остриженнаго въ скобку, на другомъ;

4) золотой вѣнокъ съ изображеніемъ императора Гордіана (238 — 244) и надписью вокругъ бюста M. ANT. ΓΟΡΔΙΑΝΟCΑΥΓ (рис. 11);

5) золотая пластинка съ ноженъ меча;

6) украшеніе рукоятки кинжала, состоящее изъ трехъ золотыхъ частей, изъ которыхъ одна украшена была съ лицевой стороны пятью красными стеклышками (рис. 12); нынѣ одного стеклышка не хватаетъ;

Рис. 10 (2/3).

Рис. 11 (н. в.).

Рис. 12 (н. в.).

7) другое такое же украшеніе безъ стеклышекъ;

8) третье такое же украшеніе, состоящее изъ двухъ частей;

9) верхушка рукоятки кинжала въ видѣ большой пронизи съ четырьмя гранатами въ золотой оправѣ;

10) четыре такія же пронизи безъ гранатовъ,

11) кружокъ изъ халцедона съ отверстіемъ по серединѣ, отъ рукоятки меча;

12) золотая пластинка съ 4 сирійскими гранатами отъ ноженъ кинжала или меча;

13) золотая пряжка, украшенная альмандиномъ;

14) золотой наконечникъ ремня;

15) пять серебряныхъ позолоченныхъ наконечниковъ отъ ремней;

16) два серебряные наконечника ремня;

17) золотая индикація съ неяснымъ изображеніемъ;

18) гладкій золотой браслетъ, утолщенный на концахъ;

19) пять гранатовъ въ золотой оправѣ, гранатъ безъ оправы, золотая пластиночка, пять золотыхъ украшеній;

20) серебряный позолоченный умвонъ (рис. 13*а* и *б*) съ серебряной рукояткой и съ серебряными позолоченными гвоздями;

21) другой серебряный позолоченный умвонъ съ серебряной рукояткой и 13 вызолоченными гвоздями;

22) поломанная серебряная фибула;

23) серебряная ручка сосуда (самого сосуда не оказалось);

Рис. 13*а* (½).

Рис. 13*б* (½).

24) серебряныя удила, украшенныя золотыми пластинками съ сирійскими гранатами;

25) 14 частей разныхъ удилъ; къ одной изъ нихъ присталъ серебряный позолоченный колокольчикъ;

26) 9 позолоченныхъ колокольчиковъ;

27) два бронзовыхъ украшенія въ видѣ птицы, кажется, отъ сѣдла;

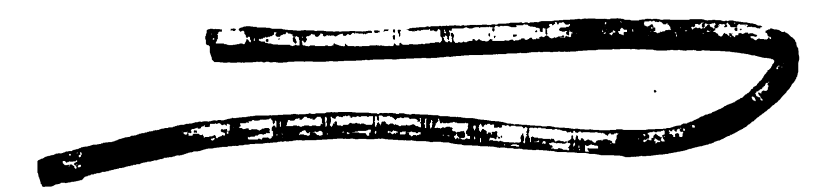

Рис. 14 (¼).

28) два длинныхъ серебряныхъ украшенія (дл. 0,74 м.), составлявшія, кажется, ободъ сѣдла (рис. 14);

29) 8 пряжекъ и 9 колецъ изъ серебра и мѣди;

30) 31 экз. вызолоченныхъ пуговицъ, 8 позолоченныхъ подвѣсокъ въ видѣ бубенчиковъ и кольцо;

31) обломки разныхъ украшеній неизвѣстнаго назначенія;

32) три золотыя двойныя бусы.

Найденныя вещи лежали въ тайникѣ въ большомъ безпорядкѣ; выше всѣхъ находилось серебряное блюдо, на которомъ лежали обѣ ложки; ниже были положены въ рядъ оба умвона, а подъ ними остальныя вещи. Золотой вѣнокъ съ изображеніемъ императора Гордіана и золотыя пластинки съ ноженъ были до того скомканы, что въ началѣ нельзя было опредѣлить, что они представляютъ изъ себя.

№ 146 (2). На Госпитальной улицѣ, на склонѣ холма противъ воротъ дома № 41, на незначительной глубинѣ 2,25 м. оказался входъ, ведущій съ западной стороны въ катакомбу. Между дромосомъ и склепомъ высѣченъ въ толщѣ почвы корридоръ, имѣющій обычную форму арки, дл. 0,97 м., шир. 0,65, выс. 0,85. Катакомба замѣчательна своимъ конусообразнымъ потолкомъ съ круглымъ отверстіемъ вверху, закрытымъ плитою, какъ въ Царскомъ и Мелекъ-Чесменскомъ курганахъ. Ключъ свода находится надъ поломъ склепа на высотѣ 3,10 м. Видно, что катакомба устроена на мѣстѣ прежней хлѣбной ямы, какихъ на этомъ мѣстѣ встрѣчается очень много (ср. выше описаніе гробницы № 113); прибавленъ только дромосъ съ аркою, пробитою въ бокъ ямы, и устроены лежанки и ниши. Противъ входа и слѣва отъ него высѣчены въ желтоватомъ слоѣ материка, на разстояніи 0,59 и 0,46 м. отъ пола, двѣ лежанки. Главная лежанка противъ входа имѣетъ 2,48 м. ширины и 0,97 м. глубины; потолокъ ея непосредственно соединяется съ общимъ потолкомъ всей катакомбы. Лѣвая лежанка, съ особымъ потолкомъ, имѣетъ шир. 1,51 м., глуб. 0,49 м. и выс. 0,58 м. Камера катакомбы, не считая лежанокъ, имѣетъ 1,83 м. длины (отъ входа до главной лежанки) и 2,59 м. ширины. Кромѣ лежанокъ, въ стѣнахъ склепа устроены еще три ниши: одна въ углу, вправо отъ входа

(шир. 0,60 м., выс. 0,62, глуб. 0,27), другая подъ главной лежанкой (шир. 0,25 м., выс. 0,38, глуб. 0,18); въ той же южной стѣнѣ, въ уровень съ поломъ катакомбы, высѣчена ниша, подобная нишѣ катакомбы, открытой въ 1872 г. и изданной В. В. Стасовымъ (выс. 0,77 м., шир. 0,52, глуб. 0,50). Вещи, оказавшіяся въ склепѣ, лежали не на своихъ мѣстахъ, потому что въ катакомбу сверху и черезъ отверстіе, образовавшееся надъ лѣвой лежанкой, проникало множество воды, составлявшей по временамъ лужу, по которой носились доски гробовъ и посуда. Весь полъ катакомбы былъ покрытъ слоемъ высохшей грязи толщиною въ 0,15 м. и больше. Сейчасъ за четырехугольной плитой, которою былъ закрытъ входъ въ катакомбу, найдены три стекл. сосуда, перевернувшіеся вверхъ дномъ. Только въ нишѣ надъ главною лежанкою, куда, благодаря большому разстоянію отъ пола, не достигала вода, остались 3 сосуда (распавшійся простой глиняный сосудъ съ одной ручкой, простой такой же сосудикъ безъ ручекъ и гладкій стеклянный стаканъ). Золотыя серьги и бусы найдены in situ около совершенно истлѣвшаго черепа, лежавшаго на главной лежанкѣ, возлѣ южной стѣнки. На этой же лежанкѣ найдены еще разбитый сосудикъ изъ чернаго стекла и двѣ маленькія фибулы изъ бронзы. Всѣ остальныя вещи лежали въ грязи на полу катакомбы.

Вотъ перечень вещей, найденныхъ въ катакомбѣ:

1) пара золотыхъ серегъ въ видѣ маленькихъ амфоръ, привѣшенныхъ къ кольцамъ; серьги одинаковы по формѣ, но различны по величинѣ и работѣ;

2) пять золотыхъ бусъ, изъ коихъ 4 имѣютъ форму тройной трубочки;

3) обломанный сосудикъ изъ чернаго стекла съ бѣлымъ орнаментомъ;

4) шесть одноручныхъ стекл. сосудовъ;

5) шесть стекл. сосудовъ безъ ручекъ;

6) четыре стакана изъ желтаго стекла;

7) простой глиняный одноручный сосудъ (распался на мелкія части);

8) простой глиняный сосудикъ безъ ручекъ;

9) четыре бронзовыя фибулы;

10) двѣ бронзовыя пряжки;

11) два браслетика изъ бронзы и

12) двѣ большія терракотовыя пронизи.

По характеру стекла, по формѣ фибулъ и пряжекъ можно судить, что и эта катакомба относится къ III—IV вв. по Р. Хр.

№ 147 (3). На той же улицѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ къ В. отъ склепа № 145 найденъ новый дромосъ, ведущій съ С. въ катакомбу, которая оказа-

лась расхищенной въ древнее время. Въ западной стѣнѣ дромоса была высѣчена подбойная гробница, описанная выше подъ № 81. Находившаяся на огромной глубинѣ 11,36 м. катакомба представляетъ изъ себя обычный типъ склепа съ тремя лежанками по тремъ стѣнамъ и небольшими нишами по обѣимъ сторонамъ отъ входа. На стѣнахъ нѣтъ ни фресокъ, ни надписей. Размѣры катакомбы слѣдующіе: длина арки 1,13 м., шир. 0,70, выс. 1,09; длина камеры (отъ арки до центральной лежанки) 2 м., шир. 2,23, выс. въ серединѣ 1,83. Ширина центральной лежанки 2,24 м., глубина 1,14, выс. 0,87; ширина правой лежанки 2 м., глуб. 1,21, выс. 0,86; шир. лѣвой лежанки 2,06 м., глуб. 1,12, выс. 0,93. Ниши, высѣченныя по обѣимъ сторонамъ входа на разстояніи 0,34 м. отъ арки, имѣютъ каждая 0,35 м. высоты, 0,25 м. ширины и 0,18 м. глубины. Грабителями оставлены въ склепѣ слѣдующія вещи: 1) гранатъ въ золотой оправѣ, служившій, повидимому, украшеніемъ рукоятки кинжала; 2) пряжка съ остаткомъ матеріи; 3) бронзовый ключъ; 4) двѣ янтарныя и двѣ стеклянныя бусы; 5) пять золотыхъ украшеній съ одежды и 6) стоявшая въ правой нишѣ возлѣ входа глиняная лампадка, при свѣтѣ которой, вѣроятно, работалъ древній грабитель. Гранатъ въ оправѣ и форма золотыхъ бляшекъ ясно указываютъ на то, что ограбленная катакомба относится къ тому же IV в. по Р. Хр., какъ и всѣ прочія катакомбы, открытыя въ этомъ году на Госпитальной улицѣ.

№№ 148 и 149 (4, 5). Тамъ же, противъ дома № 41, двѣ рядомъ устроенныя катакомбы обычнаго типа, безъ росписи и надписей, ограбленныя въ древности. Въ первой изъ нихъ найдены два стекл. сосуда безъ ручекъ и большое мраморное блюдо (діам. 0,64 м.), разбитое на 5 частей; обломки блюда были разбросаны по всей катакомбѣ, наполненной до половины землею.

№ 150 (6). Тамъ же, между домами №№ 41 и 11. Въ дромосѣ, имѣющемъ направленіе съ З. къ В., на глубинѣ 9,05 м. открыта арка дл. 0,71 м., шир. 0,84, выс. 1,08, образующая входъ въ катакомбу, полъ которой лежитъ на 0,26 м. ниже порога. Внутреннее пространство катакомбы въ самомъ широкомъ мѣстѣ, отъ правой лежанки къ лѣвой, имѣетъ протяженіе 3,65 м., отъ входа до центральной лежанки 2,08 м.; высота потолка въ серединѣ камеры 1,81 м. Въ склепѣ устроены 3 лежанки по тремъ стѣнамъ и 4 небольшія ниши, изъ которыхъ 2 высѣчены по обѣимъ сторонамъ отъ входа и 2 справа и слѣва отъ центральной лежанки. Центральная лежанка имѣетъ 1,98 м. ширины, 1,32 м. глубины и 0,98 м. высоты; устроена на разстояніи 0,95 м. отъ пола камеры. Лѣвая лежанка, высѣченная ниже, на высотѣ 0,60 м., имѣетъ шир.

1,95 м., глуб. 0,70 м. и выс. 0,71 м. Правая, находящаяся на разстояніи 0,91 м. надъ поломъ склепа, имѣетъ шир. 1,91 м., глуб. 1,65 м. и выс. 0,98 м. Размѣры четырехъ нишъ слѣдующіе: ниша, углубленная въ стѣнѣ вправо отъ входа,—шир. 0,47 м., выс. 0,53, глуб. 0,20; устроенная слѣва отъ входа—шир. 0,38 м., выс. 0,41, глуб. 0,20. Ниши, высѣченныя по обѣимъ сторонамъ центральной лежанки, по величинѣ и формѣ почти одинаковы: при одинаковой ширинѣ (0,43 м.) и глубинѣ (0,22 м.) правая ниша на 0,04 м. выше другой, имѣющей выс. 0,46 м.

Склепъ оказался расхищеннымъ въ древности. Въ землѣ, покрывавшей толстымъ слоемъ полъ камеры, и среди истлѣвшихъ деревянныхъ гробовъ и костяковъ, валявшихся въ полномъ безпорядкѣ на всѣхъ трехъ лежанкахъ, найдены только 2 бронзовыхъ щитка отъ замковъ, сильно поврежденныхъ окисью металла, и золотая бусочка въ видѣ рубчатой трубочки.

№ 151 (7). Тамъ же, противъ д. № 41. Въ дромосѣ, высѣченномъ въ скалѣ съ З., на глубинѣ 8,92 м. устроена подъ ровнымъ и гладкимъ карнизомъ арка дл. 0,61 м., выс. 1,04, шир. 0,68; порогъ входа возвышается на 0,17 м. надъ поломъ камеры. Длина комнаты отъ порога до центральной лежанки — 2,50 м., шир. 2,16 м., наибольшая высота (въ серединѣ) 1,30 м. Центральная лежанка имѣетъ шир. 2,01 м., глуб. 1,33 м. и высоту 0,73 м.; находится на разстояніи 0,86 м. отъ пола катакомбы. Въ задней стѣнкѣ лежанки, какъ разъ противъ арки, устроена небольшая ниша шир. 0,34 м., выс. 0,35, глуб. 0,19. Правая лежанка, высѣченная на разстояніи 0,66 м. надъ поломъ склепа, имѣетъ шир. 2,28 м., глуб. 0,73 м. и выс. 0,89 м.; во внутренней ея стѣнкѣ устроена тоже ниша шир. 0,31 м., выс. 0,38, глуб. 0,17. Лежанка, углубленная въ лѣвой стѣнѣ катакомбы на разстояніи 0,75 м. надъ поломъ, имѣетъ шир. 2,10 м., глуб. 1,28 м. и выс. 0,73 м. Катакомба оказалась совершенно ограбленной въ древнее время.

№ 152 (8). Тамъ же, противъ дома № 40. На глубинѣ 5,19 м. разграбленная въ древнее время катакомба обычнаго типа, съ тремя лежанками по тремъ стѣнамъ. Оріентирована съ С. на Ю. Арка, составляющая входъ изъ дромоса въ склепъ, имѣетъ дл. 0,74 м., шир. 0,85 и выс. 1,13. Центральное пространство или камера склепа имѣетъ выс. 1,60 м. (въ серединѣ), шир. 2,05 м. (отъ правой лежанки до лѣвой) и дл. 2,19 м. (отъ арки до центральной лежанки). Правая лежанка, углубленная въ толщѣ почвы на высотѣ 0,73 м. надъ поломъ, имѣетъ шир. 2,04 м., глуб. 0,86 м. и выс. 0,88 м. Лѣвая лежанка, находящаяся на разстояніи 0,84 м. отъ пола склепа, имѣетъ дл. 2,23 м., шир. 1,16 м.

и выс. 0,84 м. Наконецъ, центральная лежанка, высѣченная въ южной стѣнѣ склепа на высотѣ 0,84 м. надъ поломъ, имѣетъ дл. 2,12 м., шир. 1,22 м. и выс. 0,87 м. Въ южной стѣнкѣ лѣвой лежанки сдѣлана небольшая ниша шир. и выс. 0,36 м., глуб. 0,15 м.; такая же ниша высѣчена и въ западной стѣнкѣ центральной лежанки (шир. 0,39 м., выс. 0,30, глуб. 0,13). Катакомба была завалена почти до половины своей высоты землею, сверхъ которой лежалъ (головою на Ю.-В.) совершенно истлѣвшій костякъ покойника, похороненнаго здѣсь послѣ разграбленія склепа. Возлѣ таліи этого костяка найдены 2 большія бронзовыя пряжки т. н. готскаго стиля, съ головами птицъ, украшенныя стеклышками, на правой рукѣ одинъ, а на лѣвой 2 бронзовые гладкіе браслета, на груди, съ правой и съ лѣвой сторонъ, 2 большія бронз. лапчатыя фибулы со вставленными стеклышками и на шеѣ 6 бусъ изъ янтаря и стекла. На лѣвой лежанкѣ, недалеко отъ костяка, лежавшаго почти на серединѣ склепа, стояли 3 стекл. сосуда безъ ручекъ. Въ черной землѣ, наполнявшей катакомбу, найдено много разбросанныхъ костей остововъ, которые здѣсь были похоронены до расхищенія склепа; между прочимъ, оказалось здѣсь 5 череповъ (черепъ вышеупомянутаго костяка, лежавшаго поверхъ земли, совершенно истлѣлъ), изъ которыхъ только два настолько сохранились, что удалось ихъ снять, по крайней мѣрѣ, съ одной стороны. Въ землѣ среди костей найдены слѣдующія вещи: 1) бронзовая лампадка съ обломаннымъ крестомъ (рис. 15*а*) и распавшаяся на 3 составныя части подставка ея на трехъ ножкахъ (рис. 15*б*); 2) бронз. пряжка съ головою птицы, украшенная 16-ю розовыми стеклышками, напоминающими своимъ цвѣтомъ гранаты; 3) дѣтскій бронз. браслетъ; 4) золотая буса въ видѣ двойной трубочки и 15 стекл. бусъ разныхъ цвѣтовъ; 5) дѣтская золотая серьга; 6) двѣ

Рис. 15*а* (1/3).

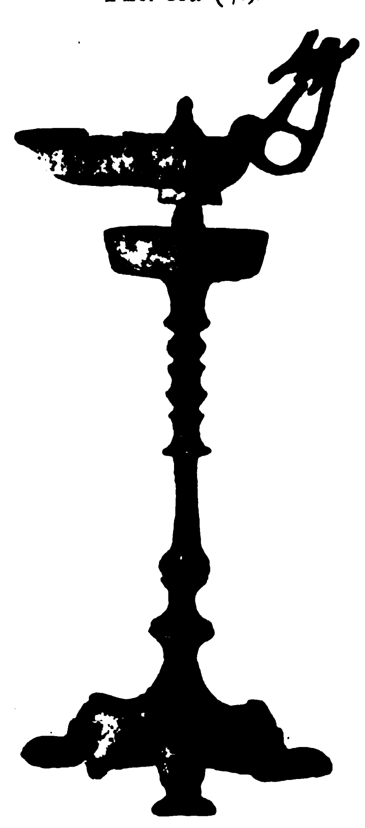

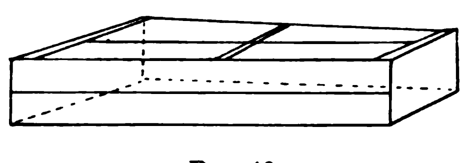
Рис. 15*б* (1/3).

простыя бронзовыя и одна желѣзная пряжки; 7) 11 желѣзныхъ стрѣлокъ и 8) два желѣзныхъ ножа. Бронзовая лампадка и низъ подставки ея найдены подъ правой лежанкой, остальныя же части подставки — приблизительно въ серединѣ катакомбы.

№ 153 (9). Рядомъ съ предыдущимъ склепомъ, почти на той же глубинѣ найдена другая катакомба обычнаго типа, почти до потолка заваленная такой же черной землею, какъ и № 152. Такъ какъ оба склепа были соединены между собою пробоемъ, сдѣланнымъ въ желтоватой толщѣ земли, то само собою напрашивалось предположеніе, что рядомъ находится третья катакомба, изъ дромоса которой грабители выносили сюда черную землю. Однако продолжать разслѣдованіе въ этомъ направленіи (Ю.-З.) оказалось невозможнымъ въ виду того, что въ потолкѣ виднѣлись опасныя трещины; приходилось опасаться, что послѣ расчистки катакомбы потолокъ обрушится, какъ это уже замѣчалось въ нѣкоторыхъ керченскихъ склепахъ.

№ 154 (10). На Госпитальной улицѣ, противъ воротъ дома № 38 найденъ дромосъ шириною въ 0,70 м., достигающій возлѣ входа въ склепъ глубины въ 5,68 м. Арка, составляющая входъ въ катакомбу, имѣетъ дл. 0,89 м., шир. 0,69 м. и выс. 1,10 м. Центральное пространство катакомбы имѣетъ 2,31 м. длины и ширины, а высоту посреди склепа, гдѣ сводообразный потолокъ достигаетъ наибольшей вышины,—1,88 м. Входъ въ склепъ пробитъ приблизительно въ серединѣ западной стѣны и былъ закрытъ четыреугольной плитой изъ мѣстнаго плотнаго известняка. Въ трехъ остальныхъ стѣнахъ устроены лежанки, вырѣзанныя въ материковой землѣ. Центральная лежанка имѣетъ шир. 2,19 м., глуб. 1,08 и выс. 0,93; правая—шир. 2,30 м., глуб. 1,14 м. и выс. 1,08 м.; лѣвая—шир. 2,40 м., глуб. 1,16 м. и выс. 0,80 м. Лежанки устроены не на одинаковой высотѣ надъ поломъ катакомбы: центральная находится на высотѣ 0,79 м., правая—на высотѣ 0,91, лѣвая—на высотѣ 0,74. Кромѣ лежанокъ, въ склепѣ устроены 3 маленькія полукруглыя ниши, въ которыхъ ставились сосуды и лампадки. Ниша, высѣченная въ восточной стѣнкѣ правой лежанки, имѣетъ шир. 0,22 м., глуб. 0,18 м. и выс. 0,27 м.; ниша, устроенная вправо отъ входа, почти на одинаковомъ разстояніи отъ входа и отъ правой лежанки, имѣетъ шир. 0,35 м., глуб. 0,25 м. и выс. 0,44 м.; ниша, сдѣланная влѣво отъ входа, въ той же западной стѣнѣ склепа, имѣетъ шир. 0,26 м., глуб. 0,24 м. и выс. 0,38 м.

Въ склепѣ найдено 11 деревянныхъ гробовъ: 4 стояли на полу катакомбы, по 2 на лѣвой и на центральной лежанкахъ и 3 на правой лежанкѣ. Всѣ

Рис. 16.

гробы были поставлены параллельно другъ къ другу вдоль склепа отъ входа по направленію къ центральной лежанкѣ или вдоль лежанокъ; только на правой лежанкѣ, въ ногахъ двухъ костяковъ, лежавшихъ въ ширину лежанки, стоялъ поперекъ дѣтскій гробикъ, выдаваясь немного съ лежанки въ центральное пространство склепа. Всѣ гробы истлѣли и превратились въ порошокъ темно-коричневаго цвѣта; только одинъ, стоявшій на правой лежанкѣ, сохранился настолько, что удалось срисовать его форму и опредѣлить размѣры. Этотъ гробъ (рис. 16) имѣлъ форму ящика, расширяющагося возлѣ головы костяка, съ отвѣсными сторонами и съ горизонтальной прямой крышкой. Длинныя стороны гроба состояли изъ двухъ узкихъ досокъ, прибитыхъ желѣзными гвоздями къ цѣльнымъ короткимъ сторонамъ; дно было сдѣлано изъ одной доски, а крышка—изъ двухъ половинъ, соединенныхъ въ серединѣ и по концамъ деревянными поперечными планочками, которыя были прибиты къ крышкѣ тоже желѣзными гвоздями. Гробъ имѣлъ дл. 1,97 м., шир. отъ 0,25 (возлѣ ногъ) до 0,53 (возлѣ головы) и выс. 0,34 м.

Рис. 17 (½).

Налѣво отъ входа въ углу на полу склепа лежали обломки двухъ желѣзныхъ мечей, пронизи, служившія украшеніемъ рукоятокъ, наконечники двухъ копій, 11 желѣзныхъ стрѣлокъ, желѣзный умвонъ и рукоятка отъ деревяннаго щита и замѣчательный остродонный бокалъ (рис. 17) выс. 0,20 м. изъ синяго стекла, съ накладнымъ орнаментомъ краснаго, желтаго и зеленаго цвѣтовъ, заключающимся въ 4-хъ тройныхъ поясках и въ 6 рядахъ трехугольниковъ, состоящихъ изъ точекъ [1]). Тутъ же подъ лѣвой лежанкой стояли 2 гроба, одинъ надъ другимъ; у нижняго костяка, обращеннаго головою ко входу, т. е. на З., найдены только 2 бронзовыя пряжки, лежавшія возлѣ ногъ, а у верхняго, обращеннаго головою къ центральной лежанкѣ, т. е. на В., найдены золотой вѣнокъ съ оттискомъ монеты императора Валентиніана на лбу (на оттискѣ читается надпись D(ominus) N(oster) Valentinianus F(elix) P(ius) Augustus),

[1]) См. уп. статью Б. В. Фармаковскаго, стр. 60.

4 золотыя бусы въ видѣ тройныхъ трубочекъ на шеѣ, 2 большія посеребренныя фибулы изъ бронзы т. н. готскаго стиля, безъ камешковъ, на груди [1]), большая обломанная пряжка возлѣ таліи и 5 круглыхъ золотыхъ бляшекъ, которыя были пришиты къ длинному платью покойника въ рядъ, на одинаковомъ разстояніи, отъ пояса до ногъ. Платье было сдѣлано изъ матеріи темнокоричневаго цвѣта съ параллельными складочками, имѣвшими направленіе отъ головы до ногъ. Возлѣ пятокъ этого же костяка найдены 2 обломка деревяннаго гребня. Войдя въ катакомбу, я замѣтилъ у этого костяка еще слѣдующее интересное явленіе: вся голова вмѣстѣ съ золотымъ вѣнкомъ и грудь были покрыты тонкимъ и прозрачнымъ, какъ паутина, покрываломъ, которое при первомъ прикосновеніи къ нему распалось. Рядомъ съ предыдущими двумя гробами, по правую сторону, стояли еще 2 гроба съ костяками, обращенными головою на В. У средняго костяка, лежавшаго противъ входа, оказались только двѣ бронз. пряжки на ногахъ, а у крайняго—большая бронз. пряжка возлѣ таліи и двѣ такія же возлѣ ногъ. Внѣ истлѣвшаго деревяннаго гроба, въ которомъ лежалъ этотъ костякъ, слѣва отъ его головы, найдены три костяныя пластинки неизвѣстнаго назначенія и бронз. пряжечка; на верхней упавшей доскѣ этого же гроба лежали три посеребренныя украшенія съ зубчатыми краями неизвѣстнаго назначенія.

На центральной лежанкѣ лежали въ деревянныхъ гробахъ 2 совершенно истлѣвшіе костяка головами на Ю. Подъ обоими гробами были подложены тонкіе плоскіе камни для того, чтобы гробы стояли ровно и чтобы сырость не проникала въ нихъ. У костяковъ оказались только бронз. пряжки возлѣ таліи и 2 такія же пряжечки на башмакахъ.

На лѣвой лежанкѣ лежали тоже два совершенно истлѣвшіе костяка, обращенные головами на В. На шеѣ костяка, лежавшаго на краю лежанки, найдены 4 золотыя бусины въ видѣ 4 соединенныхъ трубочекъ, на груди поломанная бронз. фибула съ тремя шариками изъ цвѣтной массы въ серебряной оправѣ, на лѣвой рукѣ серебр. перстень съ гладкимъ краснымъ альмандиномъ, возлѣ таліи и возлѣ ногъ 3 бронзовыя пряжки. У кисти правой руки лежало нѣсколько распавшихся въ порошокъ волошскихъ орѣховъ. У другого костяка найдены возлѣ таліи двѣ поврежденныя пряжки, изъ коихъ одна вся, другая отчасти сдѣлана изъ серебра, а возлѣ правой руки—сильно окислившаяся мѣдная монета. Въ ногахъ этихъ двухъ костяковъ найдены бронз. зеркальце дл. 0,05 м., стекл.

[1]) Подобныя фибулы изображены въ статьѣ барона де-Бая: La bijouterie des Goths en Russie. Paris 1892, стр. 2.

одноручный сосудъ и 4 стакана: 2 безъ всякихъ украшеній, одинъ съ синими крапинками и самый большой—съ синимъ пояскомъ, состоящимъ изъ неправильныхъ четырехугольниковъ.

На краю правой лежанки стоялъ вышеупомянутый уцѣлѣвшій гробъ съ женскимъ остовомъ, обращеннымъ головою къ В. Возлѣ истлѣвшаго черепа найдены пара золотыхъ серегъ, украшенныхъ янтаремъ и маленькими сердоликами, 2 стеклянныя бусочки съ позолотою и 4 двойныя золотыя трубочки; на правомъ плечѣ бронзовая, сильно испорченная окисью фибула съ круглымъ золотымъ щиткомъ, украшеннымъ янтаремъ и сердоликомъ, и съ золотою пластинкою; на лѣвой рукѣ золотой перстень съ гладкимъ сердоликомъ и на башмакахъ 2 обломанныя бронзовыя пряжки. Покойница была одѣта въ длинное платье изъ гладкой шелковистой матеріи коричневаго цвѣта, разсыпавшейся при первомъ прикосновеніи; только на ножныхъ костяхъ сохранилась небольшая часть ткани. У костяка, лежавшаго рядомъ вдоль южной стѣны, оказались только серебряныя уховертка и зубочистка, привѣшенныя къ колечку. Въ ногахъ обоихъ костяковъ поперекъ лежанки стоялъ, какъ уже выше сказано, совершенно истлѣвшій гробикъ съ дѣтскимъ костякомъ; возлѣ кисти правой руки его найдено нѣсколько волошскихъ орѣховъ.

Во всѣхъ трехъ нишахъ найдены сосуды: въ нишѣ, находившейся надъ головами костяковъ, похороненныхъ на правой лежанкѣ, стоялъ сосудъ безъ ручекъ и 2 стакана изъ желтаго стекла, налѣво отъ входа одноручный сосудъ, стаканъ и глиняная лампадка съ грубымъ изображеніемъ мужского бюста; направо отъ входа найдены въ нишѣ стекл. одноручный сосудъ, стекл. тарелка на подставкѣ, имѣющая діам. 0,215 м., и простой глиняный сосудикъ безъ ручекъ. Въ этой же нишѣ, впереди посуды, стоялъ почернѣвшій цвѣтокъ или вѣтка, которая при первомъ прикосновеніи распалась.

Кромѣ перечисленныхъ вещей, въ склепѣ найдены: 3 желѣзныхъ ножа, серебряныя, бронзовыя и желѣзныя вещицы неизвѣстнаго назначенія, кремень для высѣканія огня, множество лавровыхъ листьевъ, изъ которыхъ были сдѣланы подушки, находившіяся подъ головами костяковъ, и обломки стекл. стакана съ синими точками и чашечки на низкой ножкѣ.

№№ 155, 156 (11, 12). Справа отъ тропинки, проходящей по восточной покатости продолженія Госпитальной улицы или балки Щукина, открыты на небольшомъ одна отъ другой разстояніи двѣ катакомбы обычнаго типа, безъ росписи и надписей. Обѣ оказались расхищенными и въ древнее, и въ новое время.

№№ 157—161 (13—17). За угломъ домика № 12, отдѣляющаго Госпитальную улицу отъ продолженія ея, открыта группа пяти катакомбъ обычнаго типа, соединенныхъ между собою грабительскими пробоями и расхищенныхъ нѣсколько разъ какъ въ древнее, такъ и въ новое время; у трехъ катакомбъ дромосы устроены съ З., у двухъ съ С. Въ послѣднемъ изъ этихъ склеповъ, имѣющемъ входъ съ С., верхній и боковые края центральной лежанки украшены вѣтками виноградной лозы, написанными красною краскою, и черными ягодами. Кромѣ того, здѣсь изображены черной краской 11 птичекъ, изъ которыхъ 7 помѣщены слѣва отъ лежанки, 3 справа и одна на серединѣ карниза, надъ лежанкою [1]).

№ 162 (18). Въ нѣсколькихъ саженяхъ къ З. отъ предыдущихъ катакомбъ оказался дромосъ глуб. 8,16 м., ведущій съ С. въ катакомбу, ограбленную въ древнее время. Арка, впереди которой стояла четырехугольная плита изъ мѣстнаго известняка, отодвинутая грабителями отъ входа, имѣетъ дл. 1,01 м., шир. 0,91 м. и выс. 1,29 м. Внутреннее пространство катакомбы имѣетъ дл. 2,43 м. (отъ арки до центральной лежанки), шир. 2,21 м. и выс. 1,75 м. (въ серединѣ склепа). Въ катакомбѣ устроены только двѣ лежанки, одна противъ входа, другая съ лѣвой стороны, въ восточной стѣнкѣ склепа. Правая стѣна осталась нетронутою, вѣроятно, по той причинѣ, что здѣсь очень слабый и мягкій грунтъ. Кажется, что мастеръ, сооружавшій эту катакомбу, имѣлъ намѣреніе устроить усыпальницу гораздо бо́льшихъ размѣровъ, но что вышеуказанная причина помѣшала ему въ этомъ. Входъ въ катакомбу находится не въ серединѣ стѣны, какъ то обыкновенно бываетъ, но ближе къ западной стѣнѣ, которая осталась безъ лежанки. Ширина центральной лежанки 1,93 м., глуб. 1,20 м., выс. 0,88 м.; ширина лѣвой— отъ 1,75 м. (съ края) до 1,64 (возлѣ задней стѣны), глуб. 1,94 м., выс. 0,70 м.; обѣ лежанки устроены на разстояніи 0,86 м. отъ пола склепа. Кромѣ лежанокъ, въ катакомбѣ высѣчены двѣ ниши: одна слѣва отъ входа, другая въ восточной стѣнкѣ центральной лежанки. Ширина первой ниши 0,32 м., выс. 0,35 м., глуб. 0,16 м.; ширина другой

Рис. 18 (1/2).

[1]) См. уп. статью Б. В. Фармаковскаго, стр. 60.

0,31 м., выс. 0,34 м., глуб. 0,18 м. Въ расхищенной катакомбѣ найдены 3 бронз. браслета, 3 такіе же наконечника отъ ремней, обломки бронз. пряжки, нѣсколько пронизей изъ кости и какой-то твердой массы, нѣсколько обломковъ остродоннаго бокала изъ зеленоватаго стекла (рис. 18) съ рельефными украшеніями.

№ 163 (19). На Продолженіи Госпитальной улицы, за с.-з. угломъ дома № 13. Въ дромосѣ шир. 0,99 м., имѣющемъ направленіе съ С., на глубинѣ 5,68 м. найдена подъ гладкимъ карнизомъ арка дл. 0,58 м., шир. 0,71 м., выс. 1,36 м. Большой четырехугольный камень, закрывавшій входъ, былъ сверху обломанъ, что предвѣщало, что склепъ окажется расхищеннымъ. Камера склепа обычнаго типа имѣетъ дл. 2,04 м. (отъ арки до центральной лежанки), шир. 1,99 м. и глуб. 1,54 м. (на серединѣ). По тремъ стѣнамъ склепа углублены 3 лежанки, боковыя почти на одинаковой высотѣ надъ поломъ (0,84 и 0,85 м.), центральная нѣсколько выше (0,95 м.). Ширина центральной лежанки 2,01 м., глуб. 1,09, выс. 0,69; ширина правой 1,67 м., глуб. 1,03, выс. 0,70; ширина лѣвой 1,65 м., глуб. 1,12, выс. 0, 57. Въ стѣнахъ склепа устроено, сверхъ этого, еще 6 небольшихъ нишъ: 2 по обѣимъ сторонамъ входа, 2 въ южной и западной стѣнкахъ центральной лежанки и по одной въ южныхъ стѣнкахъ боковыхъ лежанокъ. Ихъ размѣры слѣдующіе: ширина 0,21 м., 0,24 (у трехъ нишъ), 0,26 и 0,33; высота 0,29 м., 0,32 (у трехъ) и 0,35 (у двухъ); глубина 0,14 м., 0,16 (у двухъ), 0,17 (тоже у двухъ) и 0,18. Катакомба была разграблена въ древности и наполнена почти до половины высоты черною землею, подобно катакомбѣ № 152. Поверхъ этой земли, приблизительно подъ срединой свода, лежали два костяка головами къ Ю. и ногами ко входу склепа. Возлѣ таліи костяка, лежавшаго ближе къ лѣвой лежанкѣ, найдена бронз. пряжка съ птичьей головой, а на лѣвой рукѣ серебр. браслетъ съ рельефными львиными головками на расширяющихся концахъ; возлѣ таліи другого остова, лежавшаго какъ разъ противъ входа, найдена большая бронз. пряжка т. н. готскаго стиля съ двумя птичьими головами, а на лѣвой рукѣ серебр. браслетъ съ рельефными бараньими головками на концахъ. Отъ перваго погребенія при тщательной переборкѣ всей земли, наполнявшей склепъ, найдены обломанная золотая пластинка съ гранатовой инкрустаціей и 3 маленькіе граната разныхъ формъ въ золотой оправѣ; эти золотыя вещи были покрыты ржавчиной, такъ какъ служили, по всей вѣроятности, украшеніемъ ноженъ или рукоятки ножа, кинжала или меча. По всей катакомбѣ было разбросано множество стеклянной посуды, разбитой древними грабителями.

№ 164 (20). Во 2-мъ Кладбищенскомъ переулкѣ, недалеко отъ угла Продолженія Госпитальной улицы, противъ дома № 13 открыта катакомба обычнаго типа со входомъ съ С., разграбленная нѣсколько разъ какъ въ древнее, такъ и въ недавнее время. Катакомба была почти до потолка завалена землею; стеклянная посуда была древнимъ грабителемъ разбита и разбросана по всему склепу; кости остововъ также лежали въ полномъ безпорядкѣ. Вещей не найдено.

№ 165 (21). На углу Продолженія Госпитальной улицы и 2-го Эспланаднаго переулка найдена катакомба, полъ которой находился на глубинѣ 6,84 м. (см. планъ на рис. 19). Арка *Б*, ведущая изъ дромоса *А* (ширина его 0,71 м.) въ склепъ съ сѣверной стороны, имѣетъ дл. 1,02 м., шир. 0,79 и выс. 1,16 м. Входное отверстіе катакомбы было закрыто четырехугольной плитой изъ плотнаго раковистаго известняка. Находящаяся за аркою катакомба, оріентированная съ С. на Ю., представляетъ собою обширную комнату шир. 2,86 м. (отъ правой лежанки до лѣвой), дл. 2,58 м. и выс. 1,83 м. Въ ней по тремъ стѣнамъ устроены 3 лежанки: одна прямо противъ входа (шир. 2,36 м., глуб. 1,24, выс. 1,15, выс. отъ пола 0,96 м.), другая съ правой стороны (шир. 2,15 м., глуб. 1,27, выс. 0,95, выс. отъ пола 0,94 м.), третья съ лѣвой (шир. 2,24 м., глуб. 1,18, выс. 0,88, выс. отъ пола 1 м.). Въ сѣверной стѣнѣ катакомбы, по обѣимъ сторонамъ входа, и въ южной внутренней стѣнѣ центральной лежанки устроены 3 полукруглыя ниши (*В*); ниша вправо отъ входа имѣетъ шир. 0,42 м., выс. и глуб. 0,20 м.; ниша, устроенная влѣво отъ входа, почти на томъ же разстояніи отъ арки, имѣетъ шир. 0,40 м., выс. 0,38, глуб. 0,19; ниша, высѣченная въ южной стѣнѣ центральной лежанки, противъ входа въ катакомбу, имѣетъ шир. 0,42 м., выс. 0,41 м., глуб. 0,22 м. Весь полъ склепа и всѣ три лежанки были покрыты тонкимъ слоемъ морскихъ раковинъ. На полу лежали три костяка, на центральной и на лѣвой лежанкахъ—по два, на правой—три. Всѣ костяки и деревянные гробы, въ которыхъ они лежали, совершенно истлѣли.

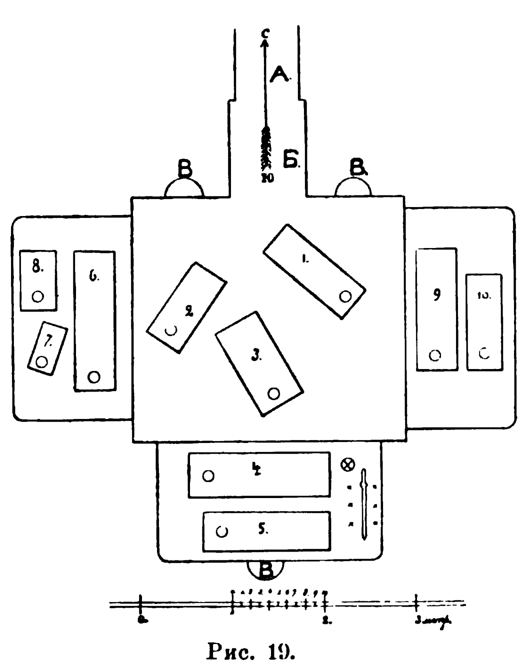

Рис. 19.

1) Возлѣ праваго уха перваго костяка, лежавшаго на полу склепа, найденъ бронзовый щитокъ отъ замка деревянной шкатулки, на правомъ плечѣ разломанная серебр. фибула, возлѣ праваго локтя деревянныя ножны безъ кинжала, обтянутыя кожей и охваченныя сверху и въ серединѣ двумя сильно окислившимися бронзовыми кольцами, въ ногахъ двойная серебр. трубочка неизвѣстнаго назначенія, разломанная фибула, подобная лежавшей на правомъ плечѣ скелета, 3 обрывка мѣдной цѣпочки, состоящей изъ двойныхъ звеньевъ, и глиняный сосудикъ безъ ручекъ, покрытый непрочной черной поливой и украшенный черточками.

2) На шеѣ второго, дѣтскаго костяка оказались гладкая золотая гривна и двѣ большія разноцвѣтныя бусы, изъ которыхъ одна распалась.

3) Возлѣ ногъ третьяго костяка найдены 4 бронз. пряжки почти одинаковой формы и 3 наконечника ремней; подъ центральной лежанкой одна бронз. пряжка; тутъ же стоялъ черный глиняный сосудикъ съ распавшимся дномъ, по формѣ, величинѣ, лаку и орнаменту весьма похожій на сосудъ, найденный возлѣ перваго костяка. Возлѣ таліи остова оказались 2 простыя бронз. пряжки и одна позолоченная, на обоихъ плечахъ по обломанной серебр. фибулѣ. По обѣимъ сторонамъ костяка лежали 2 желѣзныхъ кинжала въ деревянныхъ ножнахъ и разломанная четырехугольная пряжка изъ серебра. На обломкѣ сильно истлѣвшей доски гроба, возлѣ груди костяка, найдена кожаная полоска съ золоченымъ тисненымъ орнаментомъ, имѣющимъ сходство съ сѣменами подсолнечника. На истлѣвшихъ доскахъ гроба найдены такія же украшенія съ зубчатымъ краемъ, какъ и въ катакомбѣ № 154.

Кромѣ перечисленныхъ вещей, на полу катакомбы найдены еще бронзовый щитокъ отъ замка (въ правомъ углу подъ центральной лежанкой), бронзовая серьга и такой же браслетъ (подъ лѣвой лежанкой).

4) На краю центральной лежанки лежалъ женскій остовъ головою къ З., одѣтый въ длинное платье, воротъ и рукава котораго были украшены 55 золотыми круглыми бляшками; можно было хорошо замѣтить, какъ рядъ этихъ бляшекъ тянулся вокругъ всей шеи костяка; на рукавахъ бляшки лежали кучками, изъ чего можно заключить, что онѣ были нашиты здѣсь не рядами, какъ на воротѣ, а отдѣльными группами. Возлѣ шеи остова найдены, кромѣ бляшекъ, 2 двойныя золотыя бусы. Въ ногахъ стояла шкатулка, сплетенная изъ деревянныхъ полосокъ и обтянутая внутри и снаружи кожей, дл. около 0,19 м., шир. 0,12, выс. 0,065. По бокамъ ея былъ четырехугольный ажурный орнаментъ изъ кожи, а на длинныхъ сторонахъ—по два трехуголь-

ныхъ украшенія тоже изъ кожи, пришитыя нитками, чтобы орнаментъ ярко выдѣлялся; подъ нею была подложена какая-то свѣтлая ткань или кожа. На крышкѣ шкатулки находился бронзовый замочекъ. Внутри шкатулки найдены разныя принадлежности женскаго туалета: деревянный гребешокъ съ ажурными буквами съ обоихъ концовъ (на одной сторонѣ ясно видны буквы ΘΕΙ, быть можетъ, Θειοφίλη), на гребешкѣ бронз. зеркальце діам. 0,07 м. въ кожаномъ чехлѣ съ тисненымъ позолоченнымъ орнаментомъ на лицевой сторонѣ, костяная коробочка для румянъ, 2 маленькія бронз. фибулы разныхъ формъ съ остатками матеріи, бронз. щипчики и желѣзный ножикъ въ деревянныхъ ножнахъ, покрытыхъ кожей съ позолотою и сѣтью такихъ же украшеній, какія виднѣются на ремнѣ, найденномъ возлѣ костяка № 3.

5) Рядомъ съ женскимъ костякомъ былъ положенъ мужчина съ золотымъ погребальнымъ вѣнкомъ на головѣ, съ шестью листиками и съ оттискомъ неизвѣстной монеты царя Савромата (?) безъ всякой надписи. Возлѣ таліи костяка найдены 2 бронзовыя пряжки, на башмакахъ такія же пряжечки. Въ ногахъ лежали подпруга и большое сѣдло изъ дерева и кожи, украшенное по краямъ гвоздиками съ позолоченными шляпками и серебр. украшеніями. Подъ сѣдломъ найденъ хорошо сохранившійся желѣзный мечъ дл. 0,865 м. съ приставшими къ нему двумя наконечниками стрѣлъ; отъ деревянной рукоятки сохранились только незначительные слѣды. Кромѣ того подъ сѣдломъ оказались 3 серебр. позолоченные колокольчика и бронз. пряжка съ остаткомъ кожанаго ремня.

6) У костяка, лежавшаго на краю правой лежанки, найдены 2 бронзовыя фибулы на груди, разломанный гладкій серебр. браслетъ и бронз. зеркало (діам. 0,06 м.) въ кожаномъ чехлѣ безъ орнамента возлѣ правой руки и черный глиняный сосудъ безъ ручекъ за головою.

7) На шеѣ дѣтскаго костяка, лежавшаго на той же лежанкѣ, оказалась гладкая золотая гривна, на правой рукѣ обломки бронз. браслета. У другого дѣтскаго костяка, лежавшаго тутъ же, ближе къ сѣверной стѣнкѣ, ничего не найдено.

8) У остова, лежавшаго па краю лѣвой лежанки, найдены возлѣ таліи 2 бронз. пряжки и желѣзный ножъ въ деревянныхъ ножнахъ, обтянутыхъ кожею.

9) У костяка, лежавшаго рядомъ съ предыдущимъ, оказались на груди 2 одинаковыя фибулы съ остаткомъ кожи (одна фибула распалась на нѣсколько частей).

Кромѣ вышеупомянутыхъ глиняныхъ сосудовъ, въ катакомбѣ найдена еще слѣдующая посуда: въ нишѣ влѣво отъ входа стеклянный сосудъ безъ ручекъ,

выс. 0,24 м., такой же одноручный сосудъ выс. 0,15 м. и маленькій сосудъ изъ темной глины безъ ручекъ и всякой отдѣлки; третій стекл. сосудъ съ одной ручкой, стоявшій въ этой нишѣ, превратился въ кучку мелкихъ кусковъ. Въ нишѣ, высѣченной въ сѣверной стѣнѣ, направо отъ входа, стояли одноручный стекл. сосудъ выс. 0,305 м., такой же сосудъ выс. 0,15 м. и 2 стекл. стакана. На лѣвой и на правой лежанкахъ найдено по стеклянному сосуду безъ ручекъ, выс. 0,24 м. На центральной лежанкѣ лежалъ на боку опрокинутый стекл. сосудъ съ отбитой ручкой и кучка стекла отъ распавшагося сосудика. Въ нишѣ, устроенной въ южной стѣнкѣ центральной лежанки, найденъ одноручный стекл. сосудъ, распавшійся на множество мелкихъ кусочковъ; рядомъ съ нимъ лежали 2 желѣзныхъ ножа, изъ которыхъ одинъ былъ въ деревянныхъ ножнахъ.

№ 166 (22). Черезъ пробой, сдѣланный, по моему распоряженію, въ с.-в. углу лѣвой лежанки предыдущаго склепа, проникли мы въ сосѣднюю катакомбу, оказавшуюся расхищенною въ новое время. Входъ въ нее былъ сдѣланъ съ С.-В., отъ западной покатости Продолженія Госпитальной улицы, отъ усадьбы, въ которой когда-то жилъ мѣщанинъ Щукинъ, пользовавшійся этимъ склепомъ въ качествѣ погреба [1]). Въ склепѣ устроены двѣ лежанки, противъ арки и слѣва отъ входа, и нѣсколько нишъ.

№№ 167—169 (23—25). На Продолженіи Госпитальной улицы, къ Ю.-В. отъ угла 2-го Эспланаднаго переулка, противъ калитки углового дома обнаружены 3 катакомбы обычнаго типа, ограбленныя въ древнее время и заваленныя почти до потолковъ землею и щебнемъ. Дромосы всѣхъ трехъ склеповъ устроены съ С. При пересмотрѣ земли, наполнявшей катакомбы, найдены слѣдующія вещи, не замѣченныя грабителями: золотой перстень съ гладкимъ аметистомъ, 2 двойныя золотыя бусинки, 9 круглыхъ золотыхъ бляшекъ и 2 кусочка листоваго золота, два серебряныя позолоченныя украшенія съ серебряными заклепками, разломанная серебряная пряжка и 15 бусъ изъ халцедона, сердолика, стекла и разноцвѣтной композиціи.

№ 170 (26). Во 2-мъ Кладбищенскомъ переулкѣ, противъ д. № 15. Катакомба обычнаго типа съ тремя лежанками, съ дромосомъ съ С.; ограблена въ древнее и въ новое время.

№ 171 (27). Тамъ же, противъ д. № 17. На глубинѣ 3 м. катакомба обычнаго типа съ тремя лежанками по тремъ стѣнамъ и двумя нишами возлѣ

[1]) По имени этого Щукина улица до сихъ поръ болѣе извѣстна подъ названіемъ „Щукина балка“.

входа, устроеннаго съ С. Плита, закрывавшая входъ, была отодвинута съ мѣста. Замѣтно двойное погребеніе. Первые костяки были ограблены и кости ихъ сдвинуты въ кучу. Отъ перваго погребенія осталось въ слоѣ песку, лежавшемъ на правой и центральной лежанкахъ. 26 золотыхъ бляшекъ, вѣроятно, не замѣченныхъ грабителями, гладкій сердоликъ. 2 стеклянныя бусы и стеклышко въ видѣ пуговицы; сверхъ того. на полу катакомбы найдено множество костяныхъ пластинокъ неизвѣстнаго назначенія. Впослѣдствіи въ этомъ склепѣ были погребены 3 покойника, одинъ на лѣвой лежанкѣ головою къ Ю. и два на полу, головами къ С.-В.; при нихъ ничего не найдено. Обычной стеклянной посуды тоже не оказалось.

№. 172 (28). Тамъ же, противъ двора д. № 17. На глубинѣ 10.65 м.. въ дромосѣ, имѣющемъ направленіе съ С. на Ю., оказалась арка катакомбы, ограбленной въ новое время посредствомъ пробоя. сдѣланнаго изъ сосѣдняго склепа; въ землѣ. наполняющей ее почти до потолка, попадались кусочки антрацита.

Отъ этой катакомбы, подъ южнымъ рядомъ домовъ всего 2-го Кладбищенскаго переулка тянется къ З. рядъ катакомбъ, подвергавшихся много разъ ограбленію какъ въ древнее, такъ и въ новое время.

№№ 173. 174 (29, 30). Тамъ же,. между домами №№ 15, 16 и 17. на глубинѣ 3 м. открыты двѣ катакомбы съ дромосами съ С.; въ ю.-в. углу первой катакомбы сдѣланъ пробой въ с.-з. уголъ второй. Въ одномъ склепѣ оказались три лежанки, въ другомъ—двѣ. Обѣ катакомбы были расхищены въ древнее время. Въ первой, среди разбросанныхъ костей нѣсколькихъ остововъ, найдены серебр. пряжка, бронз. зеркальце діам. 0.05 м.. такой же колокольчикъ, желѣзный ножикъ, 7 желѣзныхъ стрѣлокъ, стекл. буса, покрытая бѣлою окисью, и продолговатая костяная пластина неизвѣстнаго назначенія.

№ 175 (31). На Продолженіи Госпитальной улицы, противъ дома № 35. Въ южной короткой стѣнкѣ дромоса, имѣющаго направленіе съ С. къ Ю., на глубинѣ 6,12 м. найдена арка дл. 1 м., шир. 1,04, выс. 1,33; четырехугольная плита, закрывавшая входъ въ катакомбу, и каменная подпорка ея были сдвинуты съ мѣстъ. Камера склепа. для которой арка служила входомъ, имѣла въ длину (отъ арки до центральной лежанки) 2,07 м., шир. 2,61 м., наиб. выс. (въ серединѣ склепа) 1.73 м. Въ трехъ стѣнахъ были устроены 3 лежанки и по обѣимъ сторонамъ входа 2 небольшія ниши; на лѣвой лежанкѣ стоялъ каменный столбъ. служившій, вѣроятно, подпоркой потолка. который соорудителю склепа казался непрочнымъ. Ширина центральной лежанки 2,01 м., глуб. 1,11, выс. 0.95; ширина правой 1,99 м., глуб. 1.17, выс. 0,96; ширина лѣвой 2,04 м.,

глуб. 1,01 м., выс. 0,86. Лежанки были высѣчены въ толщѣ почвы не на одинаковой высотѣ надъ поломъ катакомбы: боковыя были устроены на разстояніи 0,76 м. отъ дна склепа, а средняя—на высотѣ 0,94 м. Ниша, выдолбленная вправо отъ входа, имѣетъ шир. 0,40 м., выс. 0,48 и глуб. 0,24; другая—шир. 0,42 м., выс. 0,49, глуб. 0,29. Замѣтно двойное погребеніе. Прежніе покойники были ограблены, а 4 новыхъ похоронены по два на правой лежанкѣ и на полу склепа, подъ боковыми лежанками, головами на Ю. При костякахъ, лежавшихъ на полу, ничего не найдено. Возлѣ таліи костяка, покоившагося на краю правой лежанки, оказалась бронз. пряжка, сильно поврежденная окисью металла, а подъ ногами обломки бронз. зеркальца, быть можетъ, принадлежавшаго одному изъ прежнихъ костяковъ; возлѣ лѣвой руки лежала цѣльная бронз. пряжка, возлѣ правой обломанныя серебряныя пластинки неизвѣстнаго назначенія. На лѣвой рукѣ костяка, лежавшаго рядомъ, найденъ желѣзный клинокъ ножа, въ ногахъ бронз. пряжка простѣйшаго типа. Вправо отъ входа, въ слоѣ земли оказались слѣдующія вещи, принадлежавшія первымъ ограбленнымъ костякамъ: 6 золотыхъ украшеній съ серебряными заклепками и съ гранатовой инкрустаціей, вѣроятно, отъ пояса, 9 золотыхъ бляшекъ, золотая буса въ видѣ тройной рубчатой трубочки, кусочекъ листоваго золота, серебряная пряжка, буса изъ голубого стекла и выточенная изъ кости вещица неизвѣстнаго назначенія.

№ 176 (32). Тамъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ къ Ю.-З., оказался новый дромосъ, у котораго удалось открыть начало и конецъ. Въ дромосѣ, имѣющемъ дл. 4,26 м. и шир. 0,88 м., высѣчены въ материкѣ крутыя и узкія ступеньки выс. 0,36 м., шир. 0,20. Въ южной короткой стѣнѣ этого корридора, на глубинѣ 9,94 м. пробита арка дл. 1,25 м., выс. 1 м., шир. 0,83 м., служащая входомъ въ катакомбу обычнаго типа, съ тремя лежанками по тремъ стѣнамъ и 5 небольшими нишами, изъ коихъ 2 устроены по сторонамъ входа, третья въ восточной стѣнкѣ центральной лежанки, четвертая въ южной стѣнкѣ правой лежанки и пятая въ простѣнкѣ между центральной и правой лежанками (см. планъ на рис. 20). Камера склепа имѣетъ шир. 2,19 м. (отъ правой лежанки до лѣвой), дл. 2,56 м., наиб. выс. (посреди склепа) 1,75 м. Арка пробита не на самой серединѣ сѣверной стѣны: отъ правой лежанки она отстоитъ на 0,76 м., а отъ лѣвой на 0,60 м. Лежанки устроены не на одинаковой высотѣ надъ поломъ склепа: центральная на высотѣ 0,87 м., правая — 0,60 м., лѣвая — 0,83 м. Ширина центральной лежанки 2,16 м., глуб. 0,63, выс. 0,87; ширина правой—2 м., глуб. 1,66 м., выс. 0,60 м.; ширина лѣвой лежанки 2 м., глуб.

1,07 м., выс. 0,80 м. Ниша, углубленная въ сѣверной стѣнѣ справа отъ входа, имѣетъ шир. 0,46 м., выс. 0,34 м. и глуб. 0,21 м.; ниша слѣва отъ входа имѣетъ шир. 0,23 м., выс. 0,42 м. и глуб. 0,22 м.; ниша надъ центральной лежанкой — шир. 0,31 м., выс. 0,32 м., глуб. 0,20 м. Ширина ниши, устроенной надъ правой лежанкой, 0,18 м., выс. 0,36 м., глуб. 0,21 м.; ширина ниши, углубленной въ простѣнкѣ вправо отъ центральной лежанки, 0,18 м., выс. 0,20, глуб. 0,11. Въ катакомбѣ оказалось 10 человѣческихъ костяковъ и скелетъ какого-то животнаго, кажется, осла; на полу лежали 4 костяка, на центральной лежанкѣ одинъ, на правой три, на лѣвой два; скелетъ осла лежалъ подъ лѣвой лежанкой. Всѣ человѣческіе костяки покоились въ истлѣвшихъ деревянныхъ гробахъ.

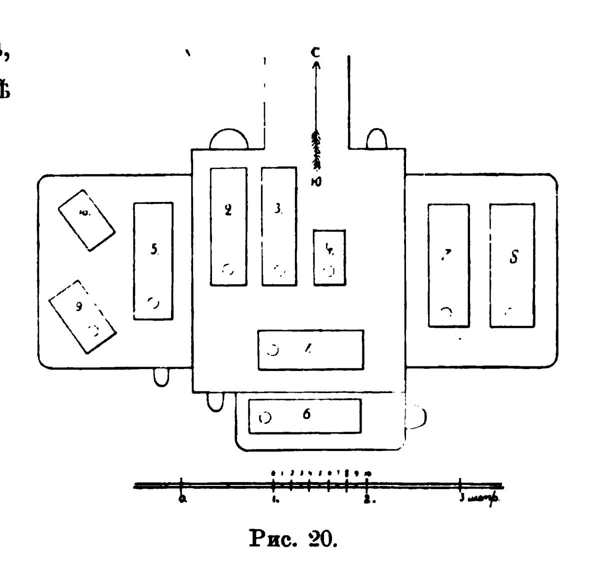

Рис. 20.

Возлѣ перваго костяка, лежавшаго подъ центральной лежанкой, оказались 2 бронз. бусы въ видѣ двойныхъ трубочекъ, обтянутыя золотомъ, распавшееся на мелкія части бронз. зеркальце и простая желѣзная пряжка, совершенно испорченная ржавчиной. Возлѣ остова № 2, лежавшаго подъ правой лежанкой, найдены: обломанная костяная пластинка неизвѣстнаго назначенія, 2 серебр. позолоченныхъ украшенія, 2 серебр. заклепки съ позолоченными шляпками, большая серебр. пряжка (возлѣ таліи) и 2 серебр. пряжечки (возлѣ ногъ). Возлѣ таліи третьяго костяка лежала серебр. пряжка. При костякѣ № 4 ничего не найдено. За спиной животнаго, подъ лѣвой лежанкой, стоялъ черный глин. сосудикъ съ косыми черточками, нацарапанными острымъ орудіемъ. Въ правомъ углу склепа, подъ центральной лежанкой, найдены желѣзныя стрѣлы, такой же ножъ и рукоятка отъ щита; самый щитъ, весь изъ дерева, истлѣлъ. За головою костяка № 7, лежавшаго на краю лѣвой лежанки, стоялъ одноручный стекл. сосудъ съ десятиграннымъ туловищемъ (выс. 0,20 м.), на правой лежанкѣ подъ нишей, за головой костяка № 5, два стекл. сосуда безъ ручекъ, почти одинаковой высоты. Возлѣ остальныхъ костяковъ ничего не казалось. Въ нишѣ, высѣченной въ сѣверной стѣнѣ катакомбы, влѣво отъ арки,

стоялъ гладкій одноручный сосудъ изъ зеленоватаго стекла (выс. 0,17 м.); въ нишѣ надъ центральной лежанкой—глин. лампочка съ бюстомъ, обращеннымъ влѣво; въ нишѣ надъ правой лежанкой — такая же лампочка и простой глин. сосудикъ безъ ручекъ (выс. 0.075 м.). Въ разныхъ мѣстахъ катакомбы, въ землѣ подъ гробами оказались остатки истлѣвшихъ костяковъ, что ясно указываетъ на то, что здѣсь были похоронены раньше другіе покойники. Среди костей первыхъ костяковъ найдены слѣдующія вещи: золотое украшеніе, имѣющее форму буквы М; серебряная позолоченная шляпка гвоздя, имѣющая форму луны; 6 серебр. украшеній съ гвоздиками (два разломаны); серебр. кольцо; такой же четыреугольный щитокъ; бронз. щипчики, гвоздикъ и двѣ пряжки; пронизи изъ синяго стекла, бѣлой массы и глины и кремень для высѣканія огня.

№№ 177, 178 (33, 34). На перекресткѣ 2-го Кладбищенскаго переулка и продолженія Госпитальной улицы найдены 2 разграбленныя въ древнее время катакомбы съ дромосами, имѣющими направленіе съ С. на Ю. Грабителями оставлены въ первомъ склепѣ слѣдующія вещи: 1) 5 золотыхъ украшеній съ перегородчатой инкрустаціей, вѣроятно, отъ рукоятки меча; одно украшеніе имѣетъ форму птичьей головки; 2) 4 серебряные гвоздика съ золотыми шляпками, въ которыя вставлены гранаты (найдены на кускѣ сильно истлѣвшаго дерева, похожемъ на рукоятку кинжала или ножа; большіе гвоздики были вбиты въ дерево съ одной стороны, маленькіе — съ другой, на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга); 3) золотая треугольная бляшечка съ одежды; 4) серебряная оправа съ узкимъ золотымъ плетеніемъ съ нижняго конца деревянныхъ ноженъ меча; 5) четыре серебряныя планочки съ двумя гвоздиками каждая, неизвѣстнаго назначенія (на нихъ были замѣтны слѣды трухлаго дерева); 6) двѣ серебряныя пряжки и такой же наконечникъ ремня; 7) скарабей изъ голубоватой пасты съ какими-то знаками; 8) костяная пирамидка, украшенная вдавленными кружочками, и 9) такая же крышечка шкатулки.

№ 179 (35). На Шлагбаумской улицѣ, противъ калитки дома № 16, обнаруженъ дромосъ катакомбы, имѣющій направленіе съ С.-З. на Ю.-В., шир. 0.75 м., глуб. 4.57 м. Въ концѣ дромоса, подъ выдающимся карнизомъ, высѣчена арка, ведущая съ С.-З. въ катакомбу; длина арки 0.82 м., шир. 0,62, выс. 0.98 (см. планъ на рис. 21). Въ трехъ стѣнахъ катакомбы, имѣющей шир. 2,47 м., дл. 2.64 м. и выс. 1,70 м., высѣчены три лежанки слѣдующихъ размѣровъ: центральная лежанка, находящаяся на высотѣ 0,94 м.

надъ поломъ склепа, имѣетъ шир. 1,98 м., глуб. 1,20 м. и выс. 0,72 м.; правая — шир. 2,02 м., глуб. 1,19 м. и выс. 0,74 м. (высѣчена на высотѣ 1,03 м. надъ поломъ); лѣвая, устроенная на высотѣ 0,81 м.,—шир. 2,12 м., глуб. 0,67 м. и выс. 0,56 м. По обѣимъ сторонамъ входа и центральной лежанки устроены по двѣ ниши. Ниша направо отъ входа имѣетъ шир. 0,36 м., глуб. 0,24 м. и выс. 0,41 м.; ниша, устроенная слѣва,—шир. 0,27 м., глуб. 0,22 м. и выс. 0,33 м. Ниша направо отъ центральной лежанки—шир. 0,28 м., глуб. 0,24 м. и выс. 0,40 м.; ниша слѣва—шир. 0,29 м., глуб. 0,23 м. и выс. 0,37 м.

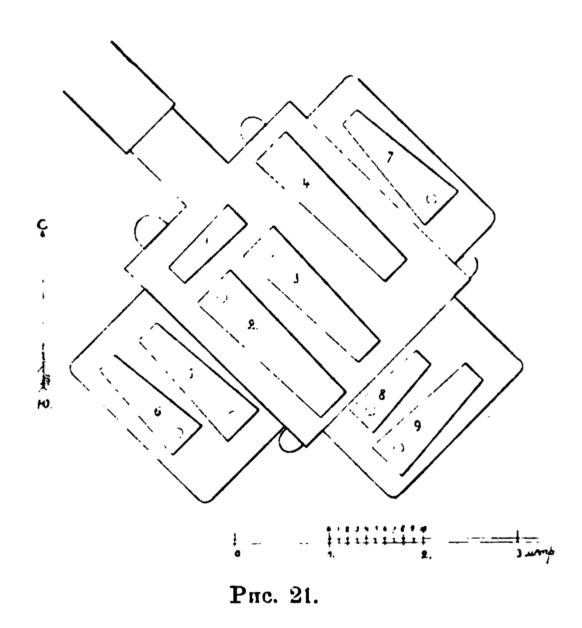

Рис. 21.

1) Дѣтскій костякъ въ совершенно истлѣвшемъ гробу. По яснымъ слѣдамъ истлѣвшаго дерева можно было опредѣлить длину и ширину гроба, который былъ въ головахъ на 0,05 м. шире, чѣмъ въ ногахъ (дл. 0,91 м., шир. 0,27—0,32 м.). На поясѣ этого костяка найдены 4 пряжки изъ бронзы и серебра, возлѣ головы обломанная серебр. пряжка и янтарная буса.

2) Костякъ лежалъ въ истлѣвшемъ деревянномъ гробу дл. 1,75 м., шир. 0,37—0,48 м. (въ головахъ шире). Возлѣ праваго и лѣваго плеча найдены 2 бронз. фибулы, въ ногахъ разноцвѣтная буса изъ краснаго стекла съ желтыми глазками и неправильными кружочками бѣлаго и голубого цвѣтовъ. Тутъ же стоялъ бронз. стаканчикъ, въ которомъ найдены бронз щипчики и волошскій орѣхъ, разъѣденный червями.

3) У третьяго костяка, лежавшаго также на полу склепа, найдена разломанная бронз. гривна на шеѣ и совершенно испорченный окисью бронз. браслетъ на правой рукѣ. Размѣры этого гроба нельзя было опредѣлить, потому что вода, проникшая вмѣстѣ съ землею въ склепъ, сдвинула истлѣвшія доски съ ихъ первоначальныхъ мѣстъ; форма гроба, по всей вѣроятности, не отличалась отъ формы прочихъ гробовъ.

4) Костякъ въ деревянномъ гробу дл. 1,85 м., шир. 0,28—0,43, выс. 0,32. Возлѣ таліи костяка найдены 2 бронз. пряжки различныхъ формъ и

обломанный желѣзный ножъ въ истлѣвшихъ деревянныхъ ножнахъ, обтянутыхъ кожей, а возлѣ ступней—2 бронз. пряжечки. Въ ногахъ костяка, въ лѣвомъ углу комнаты, подъ центральной лежанкой стояли 3 глин. сосудика: одноручный краснолаковый сосудъ, распавшійся простой горшочекъ безъ ручекъ, изъ черной глины, и маленькій одноручный сосудикъ съ горизонтальными желобками.

На полу склепа найдены еще слѣдующія вещи: подъ правой лежанкой, за боковой доской второго гроба,—распавшійся стеклянный шарообразный сосудъ безъ ручекъ и 2 черныхъ глин. сосудика грубой отдѣлки; подъ той же лежанкой, за южной доской перваго гроба,—черный сосудъ съ прямой ручкой, съ тремя тройными полосками на туловищѣ и на горлѣ, выс. 0,19 м., разбитый одноручный сосудъ изъ простого стекла и стекл. сосудъ съ косыми желобками по туловищу, выс. 0,15 м.; въ правомъ углу подъ центральной лежанкой—прислоненный къ углу, истлѣвшей деревянной рукояткой вверхъ, желѣзный мечъ дл. 0,82 м.

5) У костяка, лежавшаго на краю правой лежанки, найденъ только бронз. браслетъ на правой рукѣ.

6) Возлѣ лѣваго бока костяка, лежавшаго рядомъ съ предыдущимъ, найденъ широкій мечъ, дл. 0,77 м., и большая пронизь изъ бѣлой массы, служившая, по всему вѣроятію, верхушкою и украшеніемъ рукоятки меча. Возлѣ таліи этого костяка оказались 4 бронз. пряжки и желѣзное кольцо. Возлѣ задней стѣны правой лежанки стояли краснолаковая чашка и распавшаяся деревянная миска съ остатками проволоки, которою сосудикъ этотъ былъ въ древности скрѣпленъ.

7) Справа отъ костяка, лежавшаго на лѣвой лежанкѣ, найденъ распавшійся на нѣсколько кусковъ широкій мечъ, дл. 0,93 м., съ остатками истлѣвшихъ деревянныхъ ноженъ и рукоятки, а также пронизь изъ халцедона, лежавшая возлѣ верхушки рукоятки меча; возлѣ таліи костяка найдены 2 бронзовыя и одна серебряная пряжки, возлѣ ногъ двѣ бронзовыя пряжечки.

8) Возлѣ таліи дѣтскаго остова, лежавшаго справа на краю центральной лежанки, найдена маленькая бронз. пряжка, а возлѣ ногъ—большая.

9) Возлѣ таліи костяка, лежавшаго вдоль задней стѣнки той же лежанки, оказалась разломанная серебр. пряжка, а возлѣ правой ноги, ниже колѣна, цѣльная серебр. пряжка.

Въ нишѣ направо отъ входа стоялъ большой глин. одноручный сосудъ и закоптѣлый горшокъ съ двумя ручками. Въ лѣвой нишѣ возлѣ входа посуды не было. Въ нишѣ съ правой стороны отъ центральной лежанки стояли 3 стакана, изъ которыхъ одинъ при первомъ прикосновеніи разсыпался. Въ нишѣ

съ другой стороны стояли стекл. баночка съ рельефнымъ орнаментомъ и распавшіеся стеклянные стаканъ и шарообразный сосудъ безъ ручекъ. Другая баночка съ рельефнымъ орнаментомъ, глиняная лампочка съ бюстомъ носатаго мужчины и обломки деревянной миски, скрѣпленной по краямъ мѣдными пластинками, найдены на центральной лежанкѣ, въ ногахъ дѣтскаго костяка.

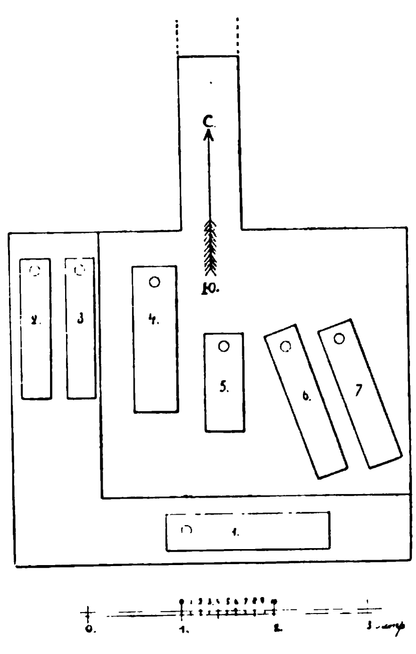

Рис. 22.

№ 180 (36). Во дворѣ Л. Коваленко, на углу Эспланадной и Шлагбаумской улицъ, д. № 17. На глубинѣ 3,74 м. найдена подъ верхнимъ слоемъ мягкой скалы небольшая катакомба со входомъ съ С., заложеннымъ четыреугольной плитой изъ мѣстнаго известняка (см. планъ на рис. 22). Длина арки 1,82 м., шир. 0,65, выс. 0,59. Ширина всей катакомбы (отъ западной стѣнки до восточной) 3,21 м., длина (отъ входа до южной стѣны) 2,80 м., наибольшая высота потолка, имѣющаго форму неправильнаго свода,—1,29 м. Вдоль южной и западной стѣнъ устроены на высотѣ 0,44 м. надъ поломъ катакомбы двѣ лежанки; лежанка подъ южной стѣной имѣетъ шир. 3,21 м. и глуб. 0,70 м., другая—шир. 2,10 м. и глуб. 0,95 м. Нишъ для посуды и лампочекъ въ катакомбѣ не оказалось. Росписи и надписей на стѣнахъ нѣтъ.

Въ катакомбѣ было погребено семь покойниковъ, лежавшихъ въ истлѣвшихъ деревянныхъ гробахъ: одинъ на лежанкѣ противъ входа, 2 на лежанкѣ вдоль западной стѣны и 4 на полу.

Первый костякъ совершенно распался, такъ что только по множеству истлѣвшихъ костей можно было догадаться, что онъ лежалъ головою на З. За головой остова въ ю.-з. углу стоялъ большой стекл. сосудъ безъ ручекъ, съ расширяющимся кверху горломъ. За обращенными къ С. головами двухъ истлѣвшихъ костяковъ, лежавшихъ на другой лежанкѣ, найдены краснолаковое блюдо, діам. 0,23 м., и стекл. сосудъ безъ ручекъ. Возлѣ таліи костяка, лежавшаго подъ западной лежанкой, тоже головою на С., найдена желѣзная пряжка простой формы, совершенно испорченная ржавчиной, а за головой его стекл. сосудъ безъ ручекъ. У костяка, лежавшаго рядомъ съ предыдущимъ, тоже головою

къ С., ничего не найдено. Остальные 2 костяка, лежавшіе на полу, головами къ С.З., были, судя по найденнымъ вещамъ, женскіе. У перваго, лежавшаго ближе ко входу, найдены на рукахъ 2 мѣдные браслета, изъ коихъ одинъ украшенъ змѣиными головками на концахъ, и въ головахъ стекл. сосудъ безъ ручекъ. Возлѣ другого костяка найдены слѣдующія вещи: на шеѣ 7 бусъ изъ цвѣтного стекла и янтаря, на правомъ и лѣвомъ плечахъ 2 большія бронз. фибулы «готскаго» стиля, возлѣ таліи большая бронз. пряжка съ птичьей головкой, вся покрытая остатками ткани, на правой рукѣ серебр. браслетъ, на лѣвой—мѣдный, за головой бронз. цилиндрическая баночка съ серебряной конусообразной крышкой, подвѣска въ видѣ крокодила съ глазами изъ розоваго стекла, пряжка и наконечникъ ремня изъ бронзы, серебряныя и мѣдныя украшенія съ пояса, частью цѣльныя, частью въ обломкахъ, серебряная вещица, состоящая изъ длинныхъ трубочекъ, неизвѣстнаго назначенія, и 4 янтарныя бусы. За головами послѣднихъ двухъ костяковъ, влѣво отъ входа, стояли 3 стекл. сосуда безъ ручекъ, которые, кромѣ одного, оказались разбитыми отвалившеюся частью мягкой стѣны.

III. Гробницы, открытыя на Глинищѣ.

№ 181 (1). Противъ воротъ дачи Д. Серганиди, на берегу бухты. На глубинѣ 0,81 м. простая земляная гробница дл. 2,03 м., шир. 0,52, глуб. 0,28. Возлѣ праваго локтя костяка, обращеннаго головою къ Ю., внутри истлѣвшаго деревяннаго гроба, ясно выдѣлявшагося въ землѣ, найдена простая глин. чашка безъ всякихъ украшеній; въ головахъ, справа отъ костяка, внѣ гроба, стоялъ простой глин. одноручный сосудъ.

№ 182 (2). Возлѣ Карантиннаго шоссе, противъ дачи А. Сименовой. На глубинѣ 0,48 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,95 м., шир. 0,98, глуб. 0,75. Въ головахъ костяка, возлѣ южной стѣнки гробницы, найдены бронз. пряжка простого типа, такой же наконечникъ ремня и бронз. игла въ костяномъ четырехгранномъ футлярчикѣ, дл. 0,07 м., стѣнки котораго украшены геометрическимъ орнаментомъ, состоящимъ изъ 6 квадратиковъ (на каждой сторонѣ) съ обѣими діагоналями. На шеѣ остова оказались 4 простыя бусы, на правой рукѣ бронз. браслетъ съ головками какого-то животнаго на обоихъ концахъ. Посуды въ гробницѣ не найдено.

№ 183 (3). Тамъ же. На глубинѣ 0,95 м. земляная подбойная гробница дл. 1,35 м., шир. 0,52, выс. 0,86; была заложена досками съ В. Въ

ногахъ совершенно истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою къ Ю., найденъ краснолаковый сосудъ съ одной ручкой, безъ всякихъ украшеній.

№ 184 (4). Въ степи за Глинищемъ, возлѣ т. н. Собачьяго кургана. На глубинѣ 1 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,88 м., шир. 0,67, глуб. 0,57. У лѣваго локтя остова, обращеннаго головою къ В., найдена большая алабастрида (выс. 0,21 м.), у праваго плеча—обломки другой, меньшихъ размѣровъ, во рту бронзовая монета съ головою Пана и переднею частью грифона (Бурачковъ XX, 88).

№ 185 (5). На 5-й Продольной улицѣ, противъ дома № 55. На глубинѣ 1 м. земляная подбойная гробница дл. 1,95 м., шир. 0,67, выс. 0,57; была заложена досками съ В. Во рту истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ С., найдена мѣдная монета, совершенно испорченная окисью, возлѣ правой руки деревянная палочка дл. 0,095 м., съ остатками мѣдной оправы, неизвѣстнаго назначенія.

№ 186 (6). Въ Тюремномъ переулкѣ. На глубинѣ 1,25 м. земляная гробница, покрытая досками и мелкими камнями, дл. 1,97 м., шир. 0,64, глуб. 0,76. Возлѣ головы костяка, обращенной къ С.-В., найдены двѣ гладкія серебр. серьги простой формы (обѣ распались на мелкія части), возлѣ лѣвой руки 2 серебр. перстня, украшенныхъ одинъ бирюзой, другой—рѣзнымъ сердоликомъ съ женскою головкою, множество зеленаго бисера, бусы изъ черной пасты, 6 золотыхъ рубчатыхъ трубочекъ и бронз. браслетъ, въ ногахъ обломки истлѣвшей деревянной шкатулки съ желѣзными замкомъ и ключикомъ, возлѣ шкатулки обломки простого стекл. бальзамарія.

№ 187 (7). Тамъ же. На глубинѣ 1,50 м. гробница, покрытая плитами, дл. 2,25 м., шир. 0,90, глуб. 1,68: оріентирована съ В. на З. Ограблена въ древнее время. Возлѣ западной стѣнки гробницы найдено блюдечко изъ красиваго зеленаго стекла.

№ 188 (8). Тамъ же. На глубинѣ 1,13 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 1,93 м., шир. 0,55, глуб. 0,69. Возлѣ лѣвой руки истлѣвшаго костяка, лежавшаго головою на В., найдены 2 бронз. монеты Савромата I (Бурачковъ XXVIII, 159, 165), возлѣ таліи такая же пряжка простѣйшаго типа. Посуды въ гробницѣ не оказалось.

№ 189 (9). Тамъ же. На глубинѣ 1,55 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,25 м., шир. 0,56, глуб. 0.87. На груди костяка, обращеннаго головою къ С.-В.., лежали гладкій золотой кружокъ и разломанная бронзовая фибула, возлѣ таліи большая бронз. пряжка; слѣва отъ костяка, вдоль тѣла,

отъ локтя почти до ступни лежалъ желѣзный мечъ (дл. 0,95 м.), распавшійся на мелкія части, обхваченный за рукоятку пальцами лѣвой руки; возлѣ меча найдены 2 бронз. и одна серебр. пряжки простой формы и большая янтарная пронизь, служившая украшеніемъ деревянной рукоятки. На лѣвой рукѣ оказался желѣзный перстень съ рѣзнымъ сердоликомъ, украшенный грубымъ изображеніемъ крысы. Справа отъ костяка лежалъ желѣзный кинжалъ дл. 0,36 м. Въ ногахъ найдены обломки одноручнаго стекл. сосуда и такой же цѣльный стаканъ.

№ 190 (10). Тамъ же. Земляная подбойная гробница дл. 1,95 м., шир. 0,50, съ дномъ на глубинѣ 1,50 м.; была заложена съ Ю. досками и обломками большихъ простыхъ амфоръ. На шеѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найдена желобчатая буса изъ синей пасты, на лѣвой рукѣ 2 перстня: желѣзный безъ камешка и серебряный съ круглымъ краснымъ стеклышкомъ, въ ногахъ одноручный краснолаковый сосудикъ.

№ 191 (11). На берегу Керченской бухты, между макаронной фабрикой Д. Серганиди и Карантинной слободкой. На глубинѣ 1,78 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,28 м., шир. 0,65, глуб. 1,09. По остаткамъ истлѣвшаго дерева видно, что гробъ стоялъ въ деревянномъ, выкрашенномъ въ бѣлый цвѣтъ, саркофагѣ, который, однако, не былъ украшенъ рельефными изображеніями изъ гипса или глины, какъ то обыкновенно бываетъ. Возлѣ таліи истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдена бронз. пряжка и разломанный клинокъ желѣзнаго ножа, на лѣвой рукѣ желѣзный перстень, испорченный ржавчиной, и въ ногахъ разбитый стекл. сосудъ съ одной ручкой.

№ 192 (12). На 1-й Аджимушкайской улицѣ. На глубинѣ 0,98 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,22 м., шир. 0,73, глуб. 1,29. Костякъ лежалъ въ деревянномъ гробу, поставленномъ въ такомъ же саркофагѣ, головою на В. Саркофагъ былъ украшенъ 8 деревянными колонками, на что указываютъ полукруглыя гипсовыя украшенія со слѣдами розовой краски, составлявшія базы колонокъ. Такихъ украшеній оказалось 8, по 4 съ каждой длинной стороны; одно раздавлено на мелкія части, а остальныя хорошо сохранились. Весь саркофагъ былъ, сверхъ того, обмазанъ гипсомъ, вслѣдствіе чего земля, прилегавшая къ стѣнкамъ его, оказалась покрытой тонкимъ бѣлымъ слоемъ. Возлѣ таліи костяка найдены бронзовые наконечникъ ремня и пряжка, въ ногахъ обломки тонкаго стекл. одноручнаго сосуда.

№ 193 (13). На берегу бухты, возлѣ база городской скотобойни. На глубинѣ 1,40 м. такая же гробница дл. 2,35 м., шир. 0,95, глуб. 1,70. На

шеѣ и возлѣ лѣвой руки костяка, лежавшаго въ истлѣвшемъ деревянномъ саркофагѣ головою на В., найдены бусы изъ лигнита, на лѣвой рукѣ гладкое кольцо изъ желтаго стекла, въ ногахъ 11 бальзамаріевъ (10 изъ толстаго зеленоватаго стекла, одинъ изъ простого) и раздавленный одноручный сосудъ изъ простого стекла. Тутъ же лежали 2 мѣдныя монеты, покрытыя толстымъ слоемъ окиси (одна изъ нихъ, кажется, Рискупорида I: Бурачковъ XXVI, 87), бронз. пряжка и разломанный желѣзный ножъ. По всей гробницѣ валялись распавшіяся на мелкіе куски гипсовыя украшенія съ саркофага.

№ 194 (14). На 1-й Аджимушкайской улицѣ. На глубинѣ 1,02 м. простая земляная дѣтская гробница дл. 1,14 м., шир. 0,51, глуб. 0,41. На шеѣ костяка, лежавшаго головою на С., найдены распавшіяся стекл. бусы съ позолотою, на груди разломанные мѣдные браслетъ и фибула, а также множество бусинокъ изъ зеленой пасты. Судя по пальцамъ, лежавшимъ тутъ же, правая рука лежала на груди. На лѣвой рукѣ найденъ простой мѣдный перстенекъ, совершенно изъѣденный окисью металла.

№ 195 (15). Тамъ же. На глубинѣ 1,15 м. дѣтская земляная гробница, покрытая плитами, дл. 0,90 м., шир. 0,52, глуб. 0,42. На шеѣ костяка, обращеннаго головою на Ю.-В., найдены 5 большихъ бусъ (одна изъ зеленоватаго стекла, съ желобками, 2 изъ зеленой пасты, 2 изъ лигнита), на груди помятая золотая индикація съ обычнымъ изображеніемъ гермы и съ крестообразными знаками, обломки бронз. пластиночки съ неяснымъ рельефнымъ изображеніемъ, въ ногахъ множество зеленаго бисера и подвѣска изъ голубой пасты, изображающая фаллосъ.

№ 196 (16). Тамъ же. На глубинѣ 0,70 м. такая же гробница дл. 1,37 м., шир. 0,43, глуб. 0,41. Въ могилѣ лежалъ скорченный костякъ на правомъ боку; кисть правой руки была подъ головою, обращенною на С.-В., а кисть лѣвой — на груди. Возлѣ черепа, съ лѣвой стороны, лежали обломки гладкой серебр. серьги, на груди большая мѣдная фибула простѣйшаго типа.

№ 197 (17). На той же улицѣ, противъ дома № 39, во время планировки улицы найдены на глубинѣ 0,36 м. рядомъ стоящія простая урна съ 4 ручками, закрытая дномъ глинянаго сосуда, и чернолаковая пелика, закрытая краснолаковой чашкой и наполненная жжеными костями, среди которыхъ найденъ гладкій золотой кружокъ. На этомъ сосудѣ изображены: А) два эфеба въ гиматіяхъ, обращенные другъ къ другу лицомъ; одинъ изъ нихъ держитъ въ правой рукѣ киликъ, другой—въ правой рукѣ энохою, въ лѣвой—палку; Б) играющая на двойной флейтѣ дѣвушка, отъ которой удаляется вправо нагой эфебъ [1]).

[1]) Относительно стиля см. ук. статью Б. В. Фармаковскаго, стр. 61.

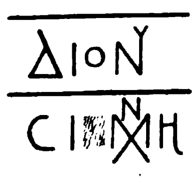

Рис. 23.

Пелика была въ древности разбита на двѣ части, а затѣмъ скрѣплена 10-ю свинцовыми скобками; подставка сосуда повреждена. Подъ вѣнчикомъ пелики нацарапана буква M и подъ нею N. На днѣ краснолаковой чашки съ внѣшней стороны нацарапаны буквы ΘΕΟ. Простая урна съ 4 ручками имѣетъ точно такую же форму, какъ сосудъ, изображенный у Макферсона. Antiquities of Kertch, стр. 73. и была наполнена однѣми жжеными костями. Между двумя ручками, подъ вѣнчикомъ сосуда, написана черной краской надпись (рис. 23): Διονυσί[ου] μνή[μη].

№ 198 (18). Въ городскомъ дворѣ, находящемся между Карантинной и 1-й Аджимушкайской улицами. На глубинѣ 2,80 м. каменная гробница съ землянымъ дномъ, дл. 2,11 м., шир. 0,69, глуб. 0,66. Костякъ, лежавшій въ деревянномъ гробѣ головою на В., былъ одѣтъ въ истлѣвшую одежду съ множествомъ вотканныхъ тонкихъ золотыхъ нитокъ. Слѣва отъ костяка лежалъ разломанный на 3 части желѣзный мечъ дл. 0,84 м., съ ничтожными остатками истлѣвшихъ деревянныхъ ноженъ съ бронз. оправой на концѣ и подъ рукояткою; возлѣ меча найдены 2 бронзовыя и 2 желѣзныя пряжки, совершенно испорченныя ржавчиной. Возлѣ праваго бока костяка лежали 13 бронз. пластинокъ съ заклепками, служившихъ, вѣроятно, украшеніемъ пояса. На мечѣ и съ правой стороны отъ костяка оказалось 8 узкихъ золотыхъ пластинокъ съ выбитымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ крестовъ и столбиковъ; по формѣ пластинокъ видно, что это были украшенія ремня, на которомъ висѣлъ мечъ. На лѣвой рукѣ костяка найденъ серебр. перстень съ сердоликомъ, на которомъ вырѣзано грубое изображеніе колонки, а возлѣ правой руки одноручный стекл. сосудъ, суживающійся кверху, и разбитый стекл. стаканъ.

№ 199 (19). На 1-й Аджимушкайской улицѣ. На глубинѣ 1,73 м., земляная подбойная могила, дл. 1,34 м., шир. 0,49, выс. 0,69, съ досчатымъ закладомъ съ Ю. На груди истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою на В., найдена разломанная бронз. фибула простого типа, возлѣ правой руки обломки терракотовой маски, 6 простыхъ астрагаловъ, желѣзный ножикъ, раковина и разбитый стекл. сосудикъ, въ ногахъ красивый стекл. сосудикъ безъ ручекъ и рядомъ съ нимъ гладкій мѣдный браслетъ.

№ 200 (20). Тамъ же, противъ дома № 1. На глубинѣ 1,93 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1.87 м., шир. 0,63, глуб. 0,43. Въ ногахъ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдены простой глин. одноручный сосудъ, обломки простой глин. чашки, діам. 0,19 м., на низкой под-

ставкѣ, сильно окисленныя мѣдныя пластиночки неизвѣстнаго назначенія, разломанный желѣзный ножикъ и хорошо сохранившаяся монета царя Фарсанза съ годомъ N Φ = 550 босп. эры = 253 по Р. Хр. [1]).

№ 201 (21). Въ городскомъ дворѣ между Карантинной и 1-й Аджимушкайской улицами. Дѣтская гробница, огороженная камнями, дл. 0,55 м., шир. и глуб. 0,28. Глубины, на которой находилась могила, нельзя было опредѣлить, потому что городскіе рабочіе нѣсколько разъ снимали надъ нею землю, необходимую для засыпки впадинъ на 1-й Аджимушкайской улицѣ. Возлѣ шеи костяка, обращеннаго головою къ Ю.-В., найдено ожерелье, состоящее изъ простыхъ лигнитовыхъ и стеклянныхъ бусинокъ, и обломки гладкихъ мѣдныхъ сережекъ.

№ 202 (22). Тамъ же. Простая грунтовая гробница дл. 0,90 м., шир. и глуб. 0,42 м. На шеѣ истлѣвшаго костяка, обращеннаго головою къ В., найдено ожерелье изъ простыхъ стеклянныхъ бусъ, на лѣвой рукѣ бронз. браслетъ, въ ногахъ краснолаковый сосудикъ съ двумя ручками на низкой подставкѣ, на которой снизу нацарапано слово ΧΑΡΑ.

№ 203 (23). Тамъ же. На глубинѣ 1,61 м. земляная подбойная гробница, дл. 1,44 м., шир. и выс. 0,70 м., съ досчатымъ закладомъ съ Ю. На лѣвой рукѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ гладкій бронз. браслетъ съ расширяющимися концами, въ ногахъ разбитый стекл. бальзамарій.

№ 204 (24). За Карантинной слободкой, противъ воротъ Новаго карантина. На глубинѣ 0,84 м. дѣтская земляная гробница, покрытая плитами, дл. 1,20 м., шир. 0,38, глуб. 0,61. Въ правой рукѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найденъ раздавленный стекл. рожокъ, возлѣ праваго плеча краснолаковый сосудикъ безъ ручекъ, плохой сохранности, и 5 простыхъ костяныхъ астрагаловъ.

№ 205 (25). Въ городскомъ дворѣ между Карантинной и 1-й Аджимушкайской улицами. Разоренная въ древнее время могила. Среди разбросанныхъ костей найдены обломки одноручнаго глинянаго сосуда изящной формы съ рельефнымъ растительнымъ орнаментомъ на плечахъ и четыре терракотовыхъ фигурки (лучшая безъ головы).

№ 206 (26). Тамъ же. На глубинѣ 1,60 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,11 м., шир. 0,70, глуб. 0,96. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою къ В., справа стоялъ простой глин. одноручный сосудъ, слѣва стекл. бальзамарій. Слѣва, возлѣ колѣна, найдены свинцовая крышечка неизвѣстнаго

[1]) Г. Спасскій, Босфоръ Киммерійскій, табл. VI, № 7.

[2]) О значеніи этого слова см. *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, вып. 10, стр. 85.

назначенія и обломки желѣзнаго меча, совершенно испорченнаго ржавчиной. Возлѣ таліи оказались мѣдные пряжка и наконечникъ ремня. Возлѣ лѣваго бока, подъ мечомъ, лежали: мѣдная монета Рискупорида I (Бурачковъ XXVI. 88), разломанный клинокъ желѣзнаго ножа и кусокъ точильнаго бруска.

№ 207 (27). На 1-й Аджимушкайской улицѣ, противъ дома № 39. Недалеко отъ мѣста, гдѣ найдена чернолаковая урна съ жжеными костями (№ 197), оказалась жженая гробница дл. 2,29 м., шир. 0,68, глуб. 0,32 м. (отъ поверхности улицы до дна). Въ золѣ, наполнявшей гробницу, стѣнки которой были сильно обожжены, найдено нѣсколько кусочковъ листоваго золота, но костей не оказалось. Можно предположить, что кости сожженнаго въ этомъ мѣстѣ покойника были сложены въ одномъ изъ сосудовъ, найденныхъ въ гробницѣ № 197.

№ 208 (28). На хуторѣ Корецкаго, возлѣ дачи А. Васильева, на Средней улицѣ. На глуб. 1,50 м. простая земляная гробница, перерѣзанная другою. Обѣ гробницы оказались дѣтскими. Въ первой, имѣвшей шир. и глуб. 0,45 м., отъ костяка, обращеннаго головою къ В., осталась нетронутой только нижняя часть до таліи; возлѣ ногъ его найдены простая глин. энохоя и краснолаковое блюдечко съ тремя концентрическими кругами на днѣ, съ ободкомъ, украшеннымъ растительнымъ орнаментомъ (діам. блюдца 0,085 м.), а на лѣвой рукѣ разломанный бронз. перстенекъ. Въ другой гробницѣ найдены только обломки дѣтскаго серебр. браслетика.

№ 209 (29). Возлѣ острога, налѣво отъ Карантиннаго шоссе, при рытьѣ ямъ для деревьевъ открыта на глубинѣ 1,22 м. земляная гробница, покрытая досками, дл. 2,05 м., шир. 0,50, глуб. 0,55. Возлѣ головы костяка, обращенной къ В., найдены обломки гладкихъ серебр. сережекъ, на лѣвой рукѣ поломанное серебр. колечко, между ступнями испорченная сыростью гладкая чашечка изъ красной глины (terra sigillata), въ ногахъ одноручный сосудъ изъ простого стекла и разбитый стаканъ изъ бѣлаго стекла.

№ 210 (30). Тамъ же. На глубинѣ 1,75 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,27 м., шир. 0,88, глуб. 1,29 м. Возлѣ таліи костяка, обращеннаго головою на С.-В., найдена бронз. пряжка простѣйшаго типа, на груди разломанная бронз. фибула. Въ насыпи гробницы, надъ плитами, найдена сильно стертая мѣдная монета Савромата I (Бурачковъ XXVIII, 160).

№ 211 (31). Тамъ же. Земляная подбойная (обвалившаяся) гробница съ досчатымъ закладомъ съ С.-В. Длина могилы 2,03 м., ширина 0,52; дно на глубинѣ 2,55 м. Возлѣ лѣвой руки костяка, обращеннаго головою къ Ю.-В.,

найдена бронз. монета, совершенно уничтоженная окисью металла, и обломки желѣзнаго ножа, возлѣ таліи бронз. пряжка, такой же наконечникъ и 2 звена отъ бронз. цѣпочки неизвѣстнаго назначенія.

№ 212 (32). За тюрьмой въ безыменномъ переулкѣ, соединяющемъ Предѣльную улицу съ Тюремнымъ переулкомъ. На глубинѣ 1,39 м. земляная гробница, покрытая плитами разной толщины, изъ которыхъ одна оказалась надгробіемъ въ видѣ женскаго бюста съ надписью: Ναἲς μήτηρ Θεοδώρου, χαῖρε [1]. Длина могилы 2,05 м., шир. 0,50, глуб. 0,57. На правой рукѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найдено 8 большихъ бусъ изъ разноцвѣтной композиціи и зеленаго стекла, гладкое бронз. кольцо, желѣзная пряжка, совершенно испорченная ржавчиной, и обломокъ точильнаго бруска, возлѣ лѣваго колѣна обломки желѣзнаго ножа, въ ногахъ стекл. бальзамарій и одноручный краснолаковый сосудикъ съ поврежденнымъ вѣнчикомъ.

№ 213 (33). Тамъ же. Земляная подбойная (обвалившаяся) гробница съ каменнымъ закладомъ съ Ю., дл. 1,50 м., шир. 0,53, глуб. до подошвы 1,66 м. Впереди заклада въ насыпи найдена мѣдная монета съ отверстіемъ для подвѣшиванія, совершенно испорченная окисью. На шеѣ костяка, обращеннаго головою къ В., найдено ожерелье изъ бусъ: 14 сердоликовыхъ, 7 стеклянныхъ и 9 изъ пасты синяго, голубого, бѣлаго и желтаго цвѣтовъ. На рукахъ было надѣто по гладкому мѣдному браслету. Въ ногахъ оказалось 26 простыхъ астрагаловъ, обломанный астрагалъ изъ голубоватаго стекла, 2 шляпки отъ пуговицъ изъ синяго и бѣлаго стекла, обломки двуручной краснолаковой чашки, 2 совершенно распавшіяся терракотовыя фигурки, мѣдный гвоздикъ отъ гроба и 20 мѣдныхъ монетокъ другой эпохи: 5 экз. съ бюстомъ Геракла и шапками Діоскуровъ безъ звѣздочекъ (Бурачковъ XXII, 182), 1 — со звѣздоносными шапками Діоскуровъ (Б. XXI, 137), 5—съ изображеніемъ Паллады въ шлемѣ (Б. XXII, 176); остальныя совершенно стерты, но, судя по величинѣ и вѣсу, принадлежатъ къ одному изъ вышеупомянутыхъ типовъ. Среди монетокъ стоялъ глиняный одноручный сосудикъ съ отбитой ручкой, покрытый бѣлой поливой и украшенный на плечахъ черными черточками, лучеобразно расходящимися отъ горла.

№ 214 (34). Въ степи, за богадѣльней Золотарева. На глуб. 1,50 м. земляная подбойная гробница съ досчатымъ закладомъ съ С., дл. 2,09 м., шир. 0,52, выс. 0,81 м. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою на З., найдены двѣ краснолаковыя чашки.

---

[1]) Надпись издана В. В. Латышевымъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.*, вып. 14, стр. 130, № 50.

№ 215 (35). Въ безыменномъ переулкѣ за острогомъ. Рядомъ съ гробницей № 213 открытъ земляной склепъ съ дромосомъ съ З. Входъ былъ закрытъ нѣсколькими узкими, тщательно обтесанными камнями. Склепъ, подошва котораго находилась на глубинѣ 2,35 м., имѣлъ дл. 1,76 м. и шир. 1,70 м. На полу, подъ землею обвалившагося потолка, лежали вдоль сѣверной и южной стѣнокъ склепа 2 костяка, обращенные головами къ В. Между ихъ головами, возлѣ восточной стѣнки склепа, стояли разбитые одноручный стекл. сосудъ, такой же стаканъ и бальзамарій. У костяка, лежавшаго вправо отъ входа, найдены 2 разломанные мѣдные браслета, по одному на каждой рукѣ, и на шеѣ бронз. подвѣсочка въ видѣ алтаря. У другого скелета оказался на правой рукѣ мѣдный браслетъ, на лѣвой мѣдный перстенекъ съ грубымъ изображеніемъ козерога на сердоликѣ, возлѣ черепа обломки двухъ гладкихъ мѣдныхъ серегъ.

№ 216 (36). Противъ воротъ Новаго карантина. На глубинѣ 1,25 м. земляная гробница, покрытая плитами, дл. 2,36 м., шир. 0,72, глуб. 0,32. По всей гробницѣ были разбросаны гипсовыя базы колонокъ и кружочки, отчасти выкрашенные въ розовый цвѣтъ. Въ ногахъ костяка, обращеннаго головою къ В., найдены 2 стекл. бальзамарія.

№ 217 (37). Въ степи, за богадѣльней Золотарева. На глубинѣ 1,50 м. дѣтская земляная гробница дл. 1,10 м., шир. 0,36, глуб. 0,37. Судя по истлѣвшему дереву, попадавшемуся въ насыпи, гробница была покрыта досками. На шеѣ костяка, обращеннаго головою къ В., оказалась сильно окисленная мѣдная гривна изъ двухъ сплетенныхъ проволокъ съ разными подвѣсками и нанизанными на прутъ гривны бусами изъ голубой и разноцвѣтной пасты; одна изъ подвѣсокъ представляетъ собою небольшую бронз. герму, другая — кусочекъ какой-то бѣлой массы, обтянутой проволокой. Возлѣ таліи костяка найдена простая мѣдная пряжка, возлѣ правой руки и въ ногахъ 2 стекл. бальзамарія, изъ коихъ одинъ оказался разбитымъ.

В. Шкорпилъ.

Отчетъ о раскопкахъ въ Херсонесѣ Таврическомъ въ 1905 году.

I. НЕКРОПОЛЬ.

I. Раскопки у Карантинной бухты и выше, на мѣстѣ нынѣшняго монастырскаго скотнаго двора.

(Продолженіе раскопокъ 1896, 1897, 1901 и 1902 гг.).

а) Приморскій участокъ.

Здѣсь разслѣдованы 6 катакомбъ и 3 вырубныя гробницы, расположенныя между восточной стѣной монастырскаго скотнаго двора и Карантинной бухтой, на узкой береговой полосѣ (см. планъ на табл. I). Катакомбы эти были съ незапамятныхъ временъ на виду у всѣхъ, проходящихъ береговой тропинкой, не имѣли затворовъ и были на половину занесены иломъ, а во время высшаго морского уровня заливались водой. При разслѣдованіи ихъ въ отчетномъ году воду пришлось отливать, а вынутую грязь съ истлѣвшими костями складывать на берегу и промывать на грохотѣ, установленномъ на 4-хъ столбикахъ въ водѣ. Столь трудная работа, производившаяся при раскопкахъ впервые, дала хорошіе результаты.

№ 1636 [1]). Катакомба трапеціевидная грубой работы, 2,70 — 2,84 м. глуб., 2,26 м. шир. и 1,46 м. выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ сторонахъ и съ выходомъ, 0,62 × 0,62 м., на С.-В. Въ правой стѣнѣ надъ нишей грабительскій проломъ ведетъ въ сосѣднюю катакомбу № 1645. Катакомба частью обрушилась отъ сырости и затоплена моремъ. Плита затвора была на своемъ мѣстѣ. Въ вынутой и промытой землѣ ничего не найдено.

№ 1637. Тоже, 2,70 — 2,79 м. глуб., 2,79 м. шир. и 1,59 м. выш. съ 2-мя нишами-койками въ 2-хъ сторонахъ и съ выходомъ, 0,53×0,62 м., на С.-В. Оштукатурена цемянкой. Передняя часть обрушилась; морская вода,

[1]) Счетъ погребеній ведется отъ начала раскопокъ.

заливала катакомбу до самыхъ коекъ. Въ выкинутой землѣ найдены: 3 бронзовыя малыя монеты, повидимому, сыновей императора Константина Великаго, плохой сохранности; золотая овальная подвѣска, 0,008 × 0,005 м., съ выпуклымъ гладкимъ сердоликомъ и съ 2-мя ушками съ противоположныхъ сторонъ; индикація изъ плотнаго листа золота, прямоугольная, 0,026 × 0,018 м., съ оттиснутой головкой вправо; лампочка глиняная красивой формы, удлиненная, украшенная выпуклымъ изображеніемъ бѣгущаго вправо кабана, поврежденная; такая же лампочка съ выпуклымъ изображеніемъ бѣгущаго влѣво льва внутри вѣночка изъ полушарій, сильно пострадавшая отъ сырости; 6 пронизей: 1 сердоликовая въ видѣ 14-гранника, 2 синяго стекла той-же формы, старательной работы, 2 пастовыя мозаичныя удлиненныя и 1 синей пасты большая круглая рубчатая; бляшка бронзовая круглая, 0,035 м. діам., отъ внутренняго замка ларчика съ 4-мя болтиками и ушкомъ.

№ 1638. Тоже, 3,19 м. глуб., 2,57 — 2,75 м. шир. и 1,50 — 1,68 м. выш., съ 2-мя нишами-койками въ правой и задней стѣнахъ и съ ходомъ, 0,66 × 0,53 м., на С.-В. Въ лѣвой стѣнѣ грабительскій проломъ ведетъ въ сосѣднюю катакомбу № 1639. Передняя часть катакомбы обрушилась; морская вода выступила до самыхъ коекъ. Въ вынутой и промытой землѣ найдены: 3 бронзовыя монеты дохристіанскаго Херсонеса (Бурачковъ, табл. 16, №№ 96, 104 и 111), всѣ плохой сохранности; 2 бронз. монеты колоніальныя со стертыми надписями: а) бородатая голова императора и быкъ вправо, б) бюстъ императора и стоящій воинъ; 11 бронз. монетъ императоровъ: Максиміана II, сыновей Константина Великаго 5 экз., Валентиніана I-го 2 экз., Ѳеодосія Великаго 2 экз. и одна неразборчивая того-же времени. — Ожерелье извѣстной уже формы, состоящее изъ цѣпочки, оканчивающейся крючкомъ и имѣющей 10 звеньевъ изъ золотой проволоки, на 4-хъ изъ которыхъ сохранились продолговатыя лигнитовыя пронизи, и изъ 2-хъ подвѣсокъ въ видѣ золотыхъ овальныхъ медальоновъ, 0,016 × 0,009 и 0,007 × 0,005 м., въ большей изъ которыхъ вставленъ сердоликъ съ

Рис. 1 (2/3).

вырѣзаннымъ вглубь мужчиной, погоняющимъ козла, а въ меньшей 8-гранный аметистъ (рис. 1).—Пара золотыхъ серегъ въ видѣ круглаго щитка, 0,013 м. діам., украшеннаго рѣзнымъ бордюромъ; камни или стекла выпали и не разысканы; на 3-хъ проволочныхъ подвѣсочкахъ находились удлиненныя пронизи изъ зеленой пасты, изъ коихъ уцѣлѣли 2, по одной на каждой серьгѣ; типъ серегъ не новый (рис. 2).—Перстенекъ дѣтскій изъ золотой бляшки, 0,004—0,008 м. шир., въ гнѣздѣ камня или стекла не оказалось.—Три трубочки изъ плотной золотой бляшки для ношенія на груди заклинаній: одна 0,02 м. дл. и 0,005 м. діам., съ 2-мя ушками, и двѣ въ 0,012 и 0,009 м. дл. и 0,005 м. діам., съ однимъ ушкомъ по серединѣ (трубочки съ однимъ ушкомъ еще не встрѣчались).—4 бляшки съ дырочками для пришиванія: въ видѣ раковины съ 7-ю дырочками и въ видѣ полушарій съ 2-мя дырочками, одна малая и двѣ средней величины.—5 индикацій изъ тончайшаго листового золота съ оттиснутыми слабо замѣтными головками.—4 золотыхъ листка овальной формы для закрыванія рта, 0,066×0,022 м., 0,055 × 0,023 м., 0,048 × 0,025 м. и 0,042 × 0,025 м. и 4 золотыхъ пронизи въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ 0,01—0,013 м. дл.--Обломки отъ 11-ти стеклянныхъ сосудовъ: большого шаровиднаго, украшеннаго пересѣкающимися кругами, большого съ красивымъ сплюснутымъ въ видѣ розетки горломъ, графиновиднаго изъ толстаго стекла, 2-хъ обыкновеннаго вида изъ зеленаго стекла и 6-ти бальзамаріевъ съ плоскимъ дномъ; 2 глиняныя двуручныя чашечки.—Лампочки: 2 съ поднятыми носиками и ручками, 4 безъ украшеній, самаго распространеннаго типа, 5 украшенныхъ рубчиками и полушаріями и 2 малыя, крайне грубой работы.—Бронзовые: разрушенный окисью сосудикъ съ дужкой, браслетъ дѣтскій съ тупыми концами, серьга съ утолщеніемъ въ видѣ 14-гранника съ одного конца, серьга въ видѣ тонкаго гладкаго кольца, 2 фибулы большія массивныя, подобныя изображеннымъ у Альмгрена (табл. 8-я, № 190), 2 пряжки поясныя, совершенно одинаковыя, пронизь спиралевидная изъ полукруглой проволоки, подобная находимымъ въ курганныхъ раскопкахъ (сохранилось 7 оборотовъ).—Двѣ шашки римской эпохи изъ чернаго и зеленаго стекла въ видѣ кружковъ, гладкихъ съ одной и выпуклыхъ съ другой стороны, часть костяной ручки отъ ножа, кружокъ костяной съ дырочкой по серединѣ, неизвѣстнаго назначенія, кабаній клыкъ съ дырочкой для ношенія, виноградныя зерна, 20 амфоровидныхъ

Рис. 2 (н. в.).

подвѣсокъ изъ янтаря, пронизь отъ браслета лигнитовая прямоугольная, 0,005 × 0,004 × 0,002 м., съ двумя дырочками, украшенная рубчиками (такія пронизи часто встрѣчаются на участкѣ у монастырскихъ огородовъ, гдѣ «крестный храмъ»).—Пронизи отъ ожерелій, 41 разновидность по формѣ и матеріалу, а именно: 18 янтарныхъ кружковъ неправильной формы, 6 пастовыхъ мозаичныхъ круглыхъ большихъ, 1 халцедоновая круглая большая; сердоликовыя: 4 въ видѣ 14-гранниковъ, 2 удлиненныя, 2 круглыя; лигнитовыя: 8 въ видѣ шестерни красивой формы, одна въ видѣ трубочки 0,036 м. дл., одна той-же формы 0,006 м. дл., съ перехватомъ, одна въ видѣ 2-хъ пирамидокъ, соединенныхъ основаніями; изъ синяго стекла: 32 въ видѣ 14-гранниковъ средней величины старательнаго исполненія, 92 той-же формы, но мелкихъ, 3 чечевицевидныхъ, одна въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, одна въ видѣ плоскаго овала, одна круглая, 6 въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ, 94 отлитыхъ изъ соединенныхъ круглыхъ пронизей числомъ отъ 2 до 8; зеленаго стекла: 7 въ видѣ 6-гранныхъ трубочекъ, 9 въ видѣ гладкихъ круглыхъ трубочекъ средней величины, 30 той-же формы мелкихъ, 3 въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, 10 такихъ-же, но нѣсколько иной формы, 10 грушевидныхъ, 2 круглыхъ; золотистаго стекла: 25 отлитыхъ изъ соединенныхъ круглыхъ пронизей, числомъ отъ 2 до 6, одна удлиненная рубчатая, одна въ видѣ малаго кружка съ бѣлыми и синими полосками; 25 изъ разноцвѣтнаго стекла мелкихъ, какъ бисеръ; изъ пасты: 13 въ видѣ плоскихъ кружковъ чернаго цвѣта, 2 въ видѣ трубочекъ того-же цвѣта, 2 той-же формы, но тонкія, зеленаго цвѣта, быть можетъ подвѣски отъ описанныхъ выше золотыхъ серегъ, одна боченковидная того-же цвѣта, одна малая круглая рубчатая того-же цвѣта, 5 той-же формы, но чернаго цвѣта, 2 въ видѣ сплюснутыхъ трубочекъ краснаго цвѣта, 2 въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, того-же цвѣта и 1 такая-же зеленаго цвѣта.

№ 1639. Катакомба прямоугольная хорошей работы, 3,19 м. глуб., 2,84 м. шир. и 1,77 м. выш., съ 3-мя койками-нишами въ 3-хъ стѣнахъ и съ выходомъ, 0,62 × 0,62 м., на С.-В. Углы у потолка скруглены. Катакомба мѣстами обрушилась и залита до коекъ морской водой. Два грабительскихъ пролома изъ лѣвой и правой нишъ ведутъ въ сосѣднія катакомбы №№ 1638 и 1640. Въ вынутой грязи ничего не найдено.

№ 1640. Катакомба трапеціевидная крайне грубой работы, 2,84 м. гл., 3,15—3,57 м. шир. и 1,51 м. выш., съ 2-мя нишами-койками въ лѣвой и задней стѣнахъ и съ выходомъ, 0,66 × 0,66 м., на С.-В. Передняя часть обру-

шилась; катакомба, подобно предыдущей, залита водой до нишъ. Изъ правой стѣны грабительскій проломъ ведетъ въ катакомбу № 1639. Въ вынутой грязи ничего не найдено.

№ 1641. Катакомба неправильной формы, грубой работы, повидимому не оконченная, 0,86 м. гл., 0,95 м. шир. и 1,51 м. выш., безъ нишъ и съ выходомъ, 0,62 × 0,75 м., на С.-В. Внутри ничего не найдено.

№ 1642. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,04 × 0,75 × 0,62 м., грубой работы, съ 2-мя остовами, головами на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено. Верхнихъ плитъ не имѣла.

№ 1643. Тоже, старательной работы, 1,86 × 0,66 × 0,57 м., безъ верхнихъ плитъ и съ разбросанными костями, при которыхъ ничего не найдено.

№ 1644. Тоже, грубой работы, 2,00 × 0,62 × 0,57 м., незакрытая и безъ остова.

б) Внутри скотнаго двора.

№ 1645. Катакомба трапецiевидная грубой работы, 3,99 м. глуб., 3,28—3,99 м. шир. и 1,60 м. выш., съ 5-ю нишами-койками, по два одна надъ другой въ правой и задней стѣнахъ и одной въ лѣвой стѣнѣ, и съ выходомъ, 0,62 × 0,64 м., на С.-В. Грабительскій проломъ надъ лѣвой нишей ведетъ въ сосѣднюю катакомбу № 1636. Катакомба превращена монастыремъ въ колодецъ для надобностей скотнаго двора.

№ 1646. Катакомба неправильной формы ямообразная, повидимому не оконченная, 1,06 м. гл., 2,48 м. шир. и 3,55 м. наибольшей выш. до ямовиднаго дна, безъ нишъ и съ выходомъ, 0,57 × 0,66 м., на С.-В. Частью обрушилась и залита водой. Содержала множество костей, между которыми было 30 череповъ. Сверху найдена бронзовая печать овальной формы, 0,017 × 0,013 м., со стержнемъ въ 0,01 м. выш., оканчивающимся ушкомъ. На печати вырѣзаны 4 греческія буквы (ΞΘKN), по двѣ въ двухъ строкахъ, раздѣленныхъ чертой, а ниже, также подъ чертою, годъ—1788. Сверху вырѣзанъ крестикъ съ расширенными концами, слѣва 2 крестика простѣйшаго вида и справа 2 грифончика грубаго исполненія. Печать, какъ видно, относится къ первымъ годамъ русскаго владычества въ Тавридѣ. Въ это время, вѣроятно, въ Херсонесѣ еще жило нѣсколько семействъ грековъ,—быть можетъ послѣднихъ крымскихъ Готовъ.

№ 1647. Катакомба трапецiевидная грубой работы, 3,68 м. глуб., 3,06 — 3,28 м. шир. и 1,64 — 1,73 м. выш., съ 3-мя нишами-койками въ

3-хъ стѣнахъ, съ выходомъ, 0,57 × 0,62 м., на С.-В. и съ каменной лѣстницей изъ 3-хъ ступенекъ. Залита водой до коекъ. Въ вынутой и промытой грязи найдены: 4 бронзовыя монеты Херсонеса дохристіанской эпохи (Бурачковъ №№ 104[1], 108, 109 и 120), очень плохой сохранности; 1 бронзовая колоніальная съ бюстомъ императора Элагабала и воиномъ, надписи повреждены; 1 бронзовая стертая, повидимому пантикапейская; 1 серебряная императора Антонина Пія, сильно стертая, съ дырочкой для ношенія; 16 бронз. монетъ: императора Константина Великаго 1 экз., его сыновей 9 экз., Валентиніана I-го 1 экз., Феодосія Великаго 2 экз. и Аркадія 3 экз.; серьга золотая проволочная дѣтская съ щиткомъ изъ той-же, намотанной въ кружокъ проволоки; такая-же серьга миніатюрная (0,006 м. діам. внутри); 2 индикаціи изъ тончайшаго золотого листка съ неразборчивыми оттисками; сердоликовыя геммы изъ перстней: овальная, 0,015 × 0,012 м., съ вырѣзаннымъ орломъ, раздирающимъ зайца; 6-гранная, 0,013 × 0,01 м., съ вырѣзаннымъ орломъ, держащимъ въ клювѣ вѣнокъ, по бокамъ стойки съ поперечинами; 8-гранная, 0,009 × 0,009 м., также съ вырѣзаннымъ орломъ съ вѣнкомъ въ клювѣ; кувшинъ глиняный въ 0,19 м. выш. съ одной ручкой и красивымъ, сплюснутымъ въ видѣ розетки, горломъ; такой-же кувшинъ въ 0,16 м. выш., у котораго горло приспособлено для выливанія только на одну сторону, а не на три, какъ у предыдущаго; 8 глиняныхъ лампочекъ: 2 украшенныя рубчиками и полушаріями, 4 обычнаго типа безъ украшеній и 2 малыя безобразной работы; бронзовые: фибула въ видѣ ажурной 7-лепестковой розетки, сломанная (см. у Альмгрена т. 8-я, № 187), пряжка поясная ажурная красивой формы, 2 пряжки простѣйшаго вида, 2 подвѣски, — одна въ видѣ топорика, другая въ видѣ ажурнаго бубенца, ушко котораго на половину обломано, перстень характерной для римской эпохи формы; 2 кувшиновидныя подвѣски изъ янтаря; пронизи янтарныя: 23 въ видѣ плоскихъ кружковъ неправильной формы и 2 въ видѣ трубочекъ, сердоликовыя: 4 въ видѣ плоскихъ 14-гранниковъ, одна круглая большая и 2 такія-же малыя, 95 лигнитовыхъ въ видѣ мелко нарѣзанныхъ круглыхъ трубочекъ, пастовыя: 2 мозаичныя круглыя, 1 мозаичная удлиненная большая, 8 черныхъ круглыхъ гладкихъ, 4 черныхъ малыхъ рубчатыхъ, 24 сѣрыхъ (потерявшихъ первоначальный цвѣтъ) круглыхъ мелкихъ, 7 такихъ-же, но овальныхъ, 2 зеленыя круглыя рубчатыя и 1 такая-же въ видѣ круглой трубочки, стеклянныя: 5 синихъ въ видѣ 14-гранниковъ, 2 зеленыхъ въ

---

[1]) Варіантъ: быкъ обращенъ вправо.

видѣ гладкихъ трубочекъ, 8 темнозеленыхъ въ видѣ винтообразныхъ трубочекъ и 8 круглыхъ мелкихъ разноцвѣтныхъ.

№ 1648. Гробница земляная съ одиночнымъ остовомъ головой на Ю.-В., при которомъ найдены разбитый глиняный одноручный кувшинчикъ въ 0,14 м. выш. и остатки сильно истлѣвшей матеріи краснокоричневаго цвѣта.

№ 1649. Катакомба трапецiевидная хорошей работы, 2,84 — 2,97 м. глуб., 2,75 — 3,01 м. шир. и 1,68 м. выш., съ нишей-койкой въ задней стѣнѣ и съ малыми арковидными удлиненными нишами у самаго потолка въ сторонахъ, по три въ каждой, и съ выходомъ, 0,57 × 0,66 м., на С.-В. Передняя сторона сильно выгнулась внутрь. Плита затвора имѣла неправильную форму и была поэтому расклинена брусковиднымъ обломкомъ, повидимому отъ мраморнаго гробика-урны, съ частью крупной греческой надписи[1]). На полу лежало въ 2 яруса много истлѣвшихъ деревянныхъ гробовъ, изъ которыхъ лучше сохранились 3 верхнихъ, особенно одна изъ крышекъ, у которой сгнилъ лишь уголъ одной доски. Въ вынутой землѣ найдены: серьга золотая проволочная обыкновеннаго типа, 2 пряжки поясныя бронзовыя, перстень бронз. съ высокимъ щиткомъ въ видѣ конуса основанiемъ вверхъ, съ вырѣзаннымъ конькомъ грубой работы, 2 сломанные стекл. плоскодонные бальзамарія грубой работы, 6 распавшихся отъ сырости глиняныхъ одноручныхъ кувшинчиковъ, изъ коихъ одинъ рубчатый, чашечка глиняная одноручная поврежденная, такая-же чашечка малая (0,065 м. выш.), грубой работы, 20 глиняныхъ лампочекъ, болѣе или менѣе поврежденныхъ, начиная отъ хорошо исполненныхъ и превосходно обожженныхъ ранне-римской эпохи и до крайне грубыхъ: одна большая свѣтлоглиняная съ глубокимъ углубленiемъ конусовидной формы, украшенная лучеобразно рубчиками, въ центрѣ отверстiе для масла, обнесенное двойнымъ кругомъ, сверху выпуклый вѣнокъ изъ мелкихъ овальныхъ листиковъ, а снизу штампованное имя мастера: ЄСΒΗΡΟΥ (вм. СЄΒΗΡΟΥ); украшенныя выпуклыми изображенiями: Геракла, поражающаго палицей льва, идущаго влѣво голаго мужчины съ поднятой правой рукой, бородатой головы влѣво, льва влѣво и амфоры впереди, кабана влѣво, раковины, розетки изъ 4-хъ остроконечныхъ и 4-хъ двойныхъ округленныхъ лепестковъ (2 экз.); лампа очень рѣдкой формы въ видѣ низкаго широкаго одноручнаго кувшинчика, слегка поврежденная; лампочка съ приподнятыми носикомъ и ручкой, 8 лампочекъ, украшенныхъ рубчиками и пупышками, и 2 лампочки малыя, крайне грубой работы.

---

[1]) Издана В. В. Латышевымъ въ *Изв. И. Арх. К.* в. 18, стр. 120, № 31.

№ 1650. Гробница, вырубленная въ скалѣ 1,15 × 0,88 × 0,88 м., хорошей работы, съ остовомъ лошади головою на С.-З. Была закрыта плитой и составляла какъ-бы одно цѣлое съ длиннымъ ходомъ, 3,55 × 1,15 × 0,35 — 1,77 м. гл. Въ гробницѣ найдены: 2 бронзовыхъ кольца съ пластинками, съ приставшими къ нимъ частями желѣзныхъ удилъ, и 3 очень большія круглыя халцедоновыя пронизи, служившія, вѣроятно, украшеніемъ уздечки.

№ 1651. Катакомба кубовидная хорошей работы со слабокоробовымъ сводомъ, 2,22 × 2,22 м. и 1,68 м. выш., съ 3-мя прямоугольными малыми нишами подъ самымъ потолкомъ въ 3-хъ стѣнахъ, кромѣ передней, и съ ходомъ, 0,66 × 0,66 м., на С.-В. Съ лѣвой стороны сверху имѣется грабительскій проломъ, чрезъ который катакомба старательно расхищена, при чемъ затворъ остался нетронутымъ.

№ 1652. Тоже, 2,70 м. гл. и шир. и 1,60 м. выш., съ 2-мя нишами-койками въ 2 яруса въ лѣвой и правой сторонахъ и съ одной въ задней сторонѣ подъ самымъ потолкомъ и съ выходомъ, 0,57 × 0,57 м., на С.-В. Передняя часть катакомбы обрушилась. Въ лѣвой нишѣ лежалъ остовъ головой на Ю.-З., а на полу южной части въ углу—другой остовъ, головой на Ю.-В.; лѣвая рука его была отброшена, правая прижата къ груди, лѣвая нога изогнута, а правая вытянута, что производило впечатлѣніе, какъ будто трупъ былъ вброшенъ въ катакомбу безъ погребенія. Въ вынутой землѣ найдены: подвѣска въ видѣ виноградной кисти изъ зеленой пасты, 6 круглыхъ рубчатыхъ пронизей изъ того-же матеріала и глиняный игрушечный шарикъ.

№ 1653. Гробница земляная, всего лишь на 0,54 м. ниже уровня почвы, съ остовомъ, изголовьемъ на Ю., съ рѣзко деформированнымъ небольшимъ черепомъ, сохранившимъ слѣды сильнаго прижизненнаго повреждения. При остовѣ найдена одна малая бронз. монета императора Констанція II (355—361), превосходной сохранности.

№ 1654. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдены: лампочка глиняная, украшенная выпуклой розеткой о 10-ти округленныхъ лепесткахъ, и мисочка въ 0,66 м. выш. и 0,11 м. діам. сверху, въ родѣ нынѣшнихъ цвѣточныхъ горшечковъ.

№ 1655. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,95 × 0,66 × 0,66 м., хорошей работы, съ остовомъ головою на Ю.-В., при которомъ найдены бронзовая монета, разрушенная окисью, и бронз. удлиненная рубчатая пронизь.

№ 1656. Тоже, 1,55 × 0,53 × 0,49 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1657. Тоже, грубой работы, 1,33 × 0,48 × 0,53 м., съ остовомъ въ томъ-же положеніи. Въ гробницѣ ничего не найдено.

№ 1658. Тоже, хорошей работы, 1,86 × 0,48 × 0,26 м., перегороженная поперекъ черепицей. Съ одной стороны черепицы найденъ костякъ взрослаго въ скорченномъ положеніи, головой на Ю.-З., съ руками, какъ-бы обхватившими колѣни, и съ сильно поджатыми ногами. Въ отгороженной части гробницы были кости ребенка. При костяхъ ничего не найдено.

№ 1659. Тоже, грубой работы, 1,77 × 0,57 × 0,57 м. Остова не оказалось.

№ 1660. Гробница дѣтская, сложенная изъ плитняка прямо на скалѣ, 0,88 × 0,40 × 0,40 м., съ остовомъ головой на Ю.-З., у ногъ котораго найдены 3 бронзовыя, совершенно стертыя, римскія монеты съ дырочками для ношенія и 5 колокольчиковидныя бронзовыя подвѣски, часто встрѣчаемыя въ погребеніяхъ.

№ 1661. Катакомба неправильной формы въ видѣ многоугольника, 3,99 м. наиб. гл., 3,15 м. наиб. шир. и 2,30 м. наиб. выш., съ нишей-койкой въ лѣвой стѣнѣ, съ подпорнымъ столбомъ прямоугольнаго сѣченія, имѣющимъ снизу базу, и съ выходомъ, 0,62 × 0,57 м., на С.-В. Наполовину обрушилась. Кромѣ костей, ничего не найдено.

№ 1662. Катакомба, рядомъ съ обширнѣйшей въ Херсонесѣ катакомбой № 1663, трапеціевидная, грубой работы, 2,84 м. гл., 2,88 — 3,06 м. шир. и 1,68 м. выш., съ коробовымъ потолкомъ, съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ сторонахъ, и съ арочнымъ ходомъ, 0,62 × 0,62 м., на С.-В. Лѣвый бокъ и потолокъ сильно пострадали при сооруженіи корридора вышеупомянутой обширной катакомбы. Внутри было скучено огромное количество костей, сверху которыхъ лежалъ каменный крестъ-надгробіе изъ мѣстнаго известняка, съ греческой надписью христіанской эпохи [1]). Подъ костями, въ тонкомъ наслоеніи болѣе ранняго погребенія, найдены: 6 бронзовыхъ монетъ Херсонеса дохристіанской эпохи (Бурачковъ, табл. 16, №№ 108 – 3 экз., 111—1 экз., 118—1 экз. и 120, но съ 2-мя контрмарками одинаковаго содержанія, 1 экз.), бронз. монета одного изъ послѣднихъ боспорскихъ царей, разрушенная окисью, и 5 сильно стертыхъ бронз. монетъ римскихъ императоровъ 4-го в. по Р. Х.; золотые: медальонъ овальный, 0,015 × 0,011 м., съ широкимъ рубчатымъ ушкомъ, украшеннымъ съ лицевой стороны чрезвычайно характернымъ выпуклымъ изображеніемъ нападающей Артемиды, какъ на бронзовыхъ херсонесскихъ

[1]) Надпись издана въ *Изв. И. Арх. Комм.* вып. 18, стр. 124, № 30.

монетахъ римской эпохи, не оставляющимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это работа мѣстнаго мастера (рис. 4); перстень изъ широкой бляшки съ овальнымъ сердоликомъ, на которомъ вырѣзанъ орелъ, сидящій на шарѣ; такой-же перстень поврежденный, съ блѣднымъ сердоликомъ въ видѣ усѣченной пирамидки; пара серегъ распространеннаго типа, состоящихъ изъ проволочнаго кольца и щитка въ видѣ полушарія съ рубчатымъ буртикомъ; на вершинѣ щитка одной серьги уцѣлѣло припаянное круглое миніатюрное гнѣздо, но безъ камня; пара серегъ примитивнаго устройства въ видѣ гладкихъ полушарій изъ тонкой бляшки съ крючкомъ снизу; серьга, состоящая изъ проволочнаго колечка и овальнаго щитка, обнесеннаго рубчатымъ буртикомъ (камень или стекло выпали и не разысканы); сережка дѣтская миніатюрная, того-же типа, какъ и описанная первая пара, но безъ буртика вокругъ щитка; кристаликъ граната, оправленный въ прочную золотую проволоку съ ушкомъ для подвѣшиванія (встрѣчается впервые, см. рис. 3); пронизь боченковидная,

Рис. 3 (н. в.).

Рис. 4 (н. в.).

Рис. 5 (н. в.).

Рис. 6 (н. в.).

подобная 6-ти найденнымъ въ катакомбѣ № 1170 въ 1901 г.; пронизь лигнитовая въ видѣ малаго кружка съ ободкомъ изъ тонкой золотой бляшки; листикъ овальный для закрытія рта покойника, 0,05 × 0,023 м.; 9 малыхъ индикацій изъ тончайшаго золота съ неразборчивыми изображеніями; 2 геммы овальной формы: темнокоричневой яшмы, 0,018 × 0,014 м., съ вырѣзанной женской головкой влѣво (рис. 5), и большая изъ свѣтлаго сердолика, 0,02 × 0,015 м. и 0,006 м. выш., съ превосходной рѣзьбой (рис. 6): по сторонамъ двѣ фигуры въ ростъ въ длинныхъ одеждахъ, опирающіяся одной рукой на посохъ и протягивающія другую руку впередъ; между фигурами, ниже протянутыхъ рукъ, лошадка влѣво съ подстриженной гривой, сверху непонятное изображеніе; часть ожерелья изъ 12-ти пронизей: 6 овальной формы въ сѣченіи, изъ аметиста, и 6 въ видѣ 14-гранниковъ изъ сердолика; бронзовые: браслетъ съ острыми концами, разломанный, 2 фибулы большія массивныя, фибула малая разломанная, пряжка поясная простѣйшаго вида; желѣзные: пряжка большая, разрушенная ржавчиной, клинокъ ножа разломанный и

кресало поврежденное; костяное шильце, 0,045 м. дл., простѣйшей формы; 3 глиняныя лампочки, украшенныя выпуклыми изображеніями: бѣгущей вправо собаки, орла и розетки изъ 4-хъ завитковъ восточнаго характера въ видѣ полумѣсяца, съ отверстіемъ для масла въ центрѣ розетки [1]); лампочка малая безъ украшеній, античной формы, въ видѣ низкаго одноручнаго кувшинчика, и 7 лампочекъ съ характерными рубчиками и пупышками; 2 глиняныхъ одноручныхъ кувшинчика; чашечка одноручная свѣтлой глины, украшенная снизу ободкомъ изъ оваловъ, а по сторонамъ 4-мя пальметками, исполненными бѣлой краской; чашечка одноручная темноглиняная; мисочка красноглиняная въ видѣ цвѣточнаго горшечка; 6 бальзамаріевъ: 3 съ плоскимъ дномъ, 0,05, 0,11 и 0,12 м. выш., 2 съ круглымъ дномъ, 0,055 и 0,06 м. выш., и одинъ съ острымъ дномъ, 0,062 м. выш.; пронизи: 1 халцедоновая круглая малая, сердоликовыя: 4 малыя въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, 2 продолговатыя гладкія и одна 6-гранная: янтарныя: одна на подобіе пряслица, 6 въ видѣ малыхъ кружковъ неправильной формы; 2 пастовыя мозаичныя парныя большія удлиненныя, 0,045 м. дл. и 0,015 м. нар. діам., 44 пастовыхъ круглыхъ разной величины; изъ синяго стекла: 4 въ видѣ плоскихъ кружковъ, но съ дырочкой не въ центрѣ, а по горизонтальной оси, 2 чечевицевидныя, 4 въ видѣ высокихъ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, 8 такихъ-же низкихъ, 3 въ видѣ 14-гранниковъ, 6 въ видѣ малыхъ амфорокъ (въ 3-хъ ушко обломано), 3 продолговатыя сучковатыя, 9 такихъ же прямоугольной формы, 8 такихъ же 6-гранныхъ, 2 круглыя и 33 круглыхъ, мелкихъ какъ бисеръ.

№ 1663. Катакомба самая обширная изъ всѣхъ, обнаруженныхъ въ Херсонесѣ. Кѣмъ и когда она была открыта—неизвѣстно. Составитель отчета можетъ только засвидѣтельствовать, что съ 1879 года помнитъ ее открытою и служащею хлѣвомъ для монастырскихъ коровъ. Катакомба неправильной формы, многоугольная, 6,84 м. наиб. гл., 8,28 м. наиб. шир. и 1,95 м. наиб. выш., безъ нишъ, съ 6-ю подпорными столбами прямоугольнаго сѣченія, подобно колоннамъ расширяющимися снизу и суживающимися сверху и имѣющими подобіе капителей. Отъ сырости и своеобразнаго примѣненія катакомба сильно пострадала и частью обрушилась. Справа у передней стѣны сквозь материковую скалу въ 0,80 м. толщ. прорублено для притока воздуха круглое отверстіе въ 0,31 м. діам. Въ катакомбу ведетъ корридоръ, 5,23 м. дл., 0,97—1,51 м. шир. и 0,75—1,51 м. выш., съ входомъ, 1,33×1,73 м., на С.-В.

[1]) Это уже 4-й экземпляръ лампочекъ такой формы.

№ 1664. Гробничка земляная съ дѣтскимъ остовомъ головою на С.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1665. Катакомба трапецiевидная хорошей работы, 2,39 м. глуб., 3,01 — 3,24 м. шир. и 1,64 м. выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ и съ ходомъ, 0,66 × 0,62 м., на востокъ. Внутри катакомбы болѣе или менѣе уцѣлѣли 8 гробовъ позднѣйшаго погребенiя: на 3-хъ койкахъ по одному большому, кромѣ того, на средней койкѣ еще 2 малыхъ, на полу у лѣвой стѣны одинъ большой и рядомъ малый и наконецъ у задней стѣны, ближе къ правой, одинъ большой. Въ лѣвой стѣнѣ у задняго угла на вышинѣ 0,70 м. отъ пола, въ углубленiи скалы стояла in situ красноглиняная рубчатая лампочка, повернутая носикомъ къ зрителю. Затворъ былъ найденъ на мѣстѣ и катакомба уцѣлѣла отъ профессiональныхъ грабителей «счастливчиковъ», но при позднѣйшихъ погребенiяхъ (повидимому, въ византiйскую эпоху, судя по хорошо сохранившимся гробамъ) часть золотыхъ украшенiй могла быть похищена. На полу катакомбы лежали совершенно истлѣвшiя кости остововъ болѣе ранняго погребенiя, при которыхъ найдены: 14 бронзовыхъ монетъ Херсонеса временъ элевѳерiи (Бурачковъ №№ 102, тоже, но нѣсколько меньше, толще и иного чекана, 104, 105, но иного чекана, 106, 108—4 экз., изъ коихъ одинъ варiантъ съ оленемъ слѣва, 110, 112, 114, того-же типа, но съ несоразмѣрно большой головой, тоже, но съ головой Аполлона влѣво въ растрепанномъ вѣнкѣ, варiантъ, къ сожалѣнiю, очень плохой сохранности), 1 колонiальная бронз. монета впервые встрѣчаемой величины, 0,04 м. дiам., сильно поврежденная окисью, съ изображенiемъ съ одной стороны бюста императора Гордiана III вправо, съ сокращенной неразборчивой греческой надписью, и съ другой воина вправо, съ поднятымъ копьемъ, защищающагося большимъ щитомъ; у воина на головѣ красивый шлемъ, ниже щита носъ корабля, а вокругъ слѣды надписи; тоже, 0,027 м. дiам., сильно поврежденная, съ изображенiемъ съ одной стороны обращенныхъ другъ къ другу бюстовъ императоровъ Септимiя Севера и Каракаллы и съ другой всадника вправо съ поврежденной греческой надписью вокругъ; 3 серебряныя римскiя монеты плохой сохранности: Элагабала, Юлiи Павлы и Юлiя Филиппа I. На основанiи найденныхъ монетъ время нижнихъ погребенiй, къ которымъ относятся также всѣ золотыя украшенiя, опредѣляется 2-ой половиной III-го в. по Р. Х.—

Рис. 7 (н. в.).

Золотые: медальонъ круглый, 0,022 м. діам. (рис. 7), часто встрѣчаемаго въ Херсонесѣ типа, въ видѣ золотой рамочки, украшенной ажурно вырѣзанными овами, внутри которой вставлена бронзовая римская монета, обтянутая листовымъ золотомъ, которое на лицевой сторонѣ пробито, при чемъ сквозь отверстіе выступила окись мѣди. На одной сторонѣ монеты бюстъ императора Каракаллы, а на другой—прыгающій левъ, съ латинскими надписями вокругъ.—Пара серегъ также обычнаго типа, въ видѣ овальнаго золотаго щитка, украшеннаго грубымъ вѣночкомъ съ камнемъ въ видѣ женской головки, вырѣзанной изъ голубоватаго халцедона [1]); колечко массивное съ разрѣзомъ съ одной и съ утолщеніемъ съ другой стороны, продѣтое въ другое колечко изъ 8-ми шариковъ и наглухо запаянное; пряжечка, быть можетъ, отъ обуви, ажурно вырѣзанная изъ плотной золотой пластинки въ видѣ двухъ «С», обращенныхъ одинъ къ другому, 0,02 × 0,013 м. (рис. 8); 2 индикаціи изъ тончайшаго листоваго золота съ неразборчивыми изображеніями; листикъ изъ плотнаго золота овальный, 0,06 × 0,034 м., для закрытія рта, въ видѣ сжатыхъ губъ, украшенный 2-мя штампованными пальметками и крестиками; обрывокъ золотой ткани; гемма сердоликовая овальная, 0,014 × 0,01 м., съ изображеніемъ идущаго вправо Меркурія съ кадуцеемъ, въ петасѣ и съ бузвами ЕР въ обратную сторону, какъ на печати; тоже, 0,005 — 0,008 × × 0,007 × 0,01 м., съ изображеніемъ пожатія 2-хъ рукъ (союза); перстень изъ чернаго стекла характерной сдавленной формы, съ круглымъ гладкимъ щиткомъ; пьедесталъ изъ кости выш. 0,035 м. въ видѣ 8-гранной тумбы съ двойными карнизиками сверху и снизу, квадратнаго сѣченія, 0,024 × 0,024 и 0,026 × 0,026 м., и съ 4-мя ножками, внутри вертикальное сквозное отверстіе, 0,011 — 0,017 м. діам.; пластинка костяная овальная, 0,05 × 0,035 м., украшенная 3-мя двойными кружками съ точкой по серединѣ; съ 2-хъ сторонъ средняго украшенія просверлены 2 отверстія въ 0,005 м. діам.

Рис. 8 (н. в.).

Къ болѣе позднимъ погребеніямъ должны быть отнесены: 7 бронзовыхъ монетъ императоровъ Галерія-Максиміана II, Максимина II—2 экз., Константина Великаго, Константина II, Ѳеодосія Великаго и супруги его Флакциллы, 4 желѣзные клинка отъ ножей, разрушенные ржавчиной, часть большого желѣзнаго двернаго ключа, колокольчикъ бронзовый конической формы, 0,045 м.

[1]) Такія-же серьги, но съ подвѣшенными на цѣпочкахъ бусками, были найдены въ 1903 г. въ богатой гробницѣ № 1492, по сосѣдству съ «крестнымъ» храмомъ.

выш., съ ушкомъ, поврежденный, 5 бронзовыхъ колецъ разнаго діаметра отъ сбруи, браслетъ бронзовый дѣтскій съ острыми концами, ключикъ бронзовый прямой съ кольцомъ, фибула бронзовая, подобная серебряной, описанной у Альмгрена (т. 8,. № 187), наконечникъ бронзовый въ видѣ 12-гранника, 0,025 × 0,025 м., со сквознымъ отверстіемъ въ 0,01 м. діам., неизвѣстнаго назначенія.—Посуда стеклянная: 2 бальзамарія синяго стекла круглодонные, 0,045 м. выш., найденные на полкѣ задней стѣны, въ изголовьѣ; бальзамарій высокій (0,18 м.), съ широкимъ плоскимъ дномъ и съ перехватомъ; куски отъ такого-же бальзамарія; куски отъ бальзамарія крайне грубой работы; бальзамарій въ 0,17 м. выш., поврежденный, тонкое горло котораго достигаетъ 0,13 м., а низъ въ видѣ полушарія—только 0,04 м. выш. и діам.—Посуда глиняная: 2 кувшина одноручные въ 0,19 м. выш., найденные въ изголовьяхъ правой и лѣвой нишъ; кувшинчикъ одноручный въ 0,125 м. выш., стоявшій въ изголовьѣ задней ниши; 2 такихъ-же кувшинчика въ 0,14 и 0,15 м. выш.; кувшинчикъ почти шаровидный, 0,145 м. выш., съ короткимъ горломъ и одной ручкой (всѣ 4 на полу); тоже въ 0,14 м. выш., рубчатый и съ горломъ въ видѣ розетки; такой-же въ 0,15 м. выш. (эти 2 кувшинчика грубой работы, повидимому византійской эпохи, лежали у большаго гроба); рубчатая чашечка 0,08 м. выш. безъ ручекъ, найденная на полу; 6 чашечекъ съ одной ручкой обычнаго типа, лежавшія по одной на 3-хъ койкахъ и 3 на полу; 2 такія-же чашечки разбитыя; чашечка въ 0,1 м. выш. съ 2-мя ручками, разбитая; тоже 0,06 м. выш. (всѣ найдены на полу).—18 лампочекъ: 1 фаллическаго сюжета, лежавшая на полу, 2 выпукло украшенныя бѣгущей вправо собакой и двуручной вазой, 2 съ поднятыми ручками и носиками, найденныя на лѣвой и задней полкахъ, 1 въ видѣ низкаго широкаго кувшинчика съ одной ручкой, лежавшая на полу, 9 украшенныхъ рубчиками, лучеобразно исходящими изъ центра, пупышками и завитками (найдены: одна въ природномъ углубленіи лѣвой стѣны, уже упомянутая, 2 на лѣвой полкѣ, одна на задней и 5 на полу), и 3 малыя безобразнаго вида, изъ коихъ одна лежала на лѣвой полкѣ и 2 на полу.—Подвѣски: 19 янтарныхъ кувшиновидныхъ, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ красивый малиновый цвѣтъ, прозрачны и прочны, но большинство какъ-бы сдѣланы изъ желтыхъ мелкозернистыхъ крупинокъ и очень хрупки.—Пронизи: цилиндрическая 0,017 м. дл. и 0,01 м. діам., исполненная мозаичнымъ способомъ въ видѣ 3-хъ параллелограммовъ изъ красныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ прямоугольниковъ съ голубыми промежутками (по видимому, это та-же разноцвѣтная стекловидная масса, изъ которой приготовлялась стѣнная мозаика въ

христіанскихъ храмахъ), 8 круглыхъ и 4 удлиненныя мозаичныя, изъ коихъ 2 имѣютъ 0,04 м. дл. и 0,02 м. діам.; пастовыя одноцвѣтныя: 2 блѣднозеленыя круглыя рубчатыя, 48 черныхъ круглыхъ, 2 такія же рубчатыя, 14 сѣрыхъ (потерявшихъ свой цвѣтъ) круглыхъ; янтарныя: 2 большія въ видѣ пряслицъ, очень хорошей сохранности, 2 въ видѣ большихъ овальныхъ кружковъ съ дырочкой у конца, 5 въ видѣ малыхъ кружковъ; лигнитовыя: одна въ видѣ малаго плоскаго кружка и 7 въ видѣ пирамидокъ, соединенныхъ основаніями; халцедоновыя: 2 большія и одна малая, круглыя; сердоликовыя: одна круглая малая и одна въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями; стеклянныя: синяго цвѣта 8 малыхъ въ видѣ 14-гранниковъ, одна большая той-же формы, 15 въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, 2 той-же формы низкія широкія, одна въ видѣ трубочки, составленной изъ 5 пронизей, одна въ видѣ 6-гранной трубочки, одна въ видѣ плоскаго кружка; зеленаго цвѣта: 4 въ видѣ круглыхъ трубочекъ, 3 такія же, но очень тонкія, 2 большія круглыя и одна въ видѣ плоскаго кружка; золотистаго цвѣта 8, составленныхъ каждая изъ 2 круглыхъ пронизей; чернаго цвѣта: 3 въ видѣ круглыхъ трубочекъ, 8 въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ, 4 чечевицевидныя, 5 составленныхъ каждая изъ 3-хъ гладкихъ пронизей и 10 составленныхъ каждая изъ 2-хъ рубчатыхъ.

№ 1666. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,55 × 0,48 × 0,53 м., грубой работы, съ остовомъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1667. Тоже, 1,55 × 0,48 × 0,48 м., съ остовомъ въ томъ-же положеніи, при которомъ также ничего не найдено.

№ 1668. Тоже, 2,04 × 0,57 × 0,62 м. съ остовомъ головой на С.-В., въ ногахъ котораго найденъ глиняный одноручный кувшинчикъ въ 0,19 м. выш.

№ 1669. Тоже дѣтская, 1,20 × 0,44 × 0,44 м., грубой работы. Въ ней, кромѣ костей, ничего не найдено.

№ 1670. Катакомба трапеціевидная грубой работы, 2.57 м. глуб., 2.57—3.28 м. шир. и 1,68 м. выш., безъ нишъ, съ ходомъ, 0,75 × 0,75 м., на С.-В. Передняя часть потолка обрушилась. Плита затвора лежала сбоку. Внутри катакомбы, кромѣ скученныхъ костей, ничего не найдено.

№№ 1671 и 1672. Гробницы земляныя, разграбленныя, съ одиночными остовами головой на Ю.-В.

№ 1673. Тоже. Одиночный остовъ съ рѣзко деформированнымъ, распавшимся черепомъ лежалъ изголовьемъ на Ю. При немъ найдены: разрушенная окисью бронз. монета, стеклянный плоскодонный бальзамарій въ 0,14 м. выш. и 2 подвѣски изъ зеленой пасты въ видѣ грубо исполненныхъ фигурокъ.

№ 1674. Тоже, съ остовомъ въ томъ-же положеніи, при которомъ найдены: бальзамарій стекл. плоскодонный 0,10 м. выш., кувшинчикъ глиняный одноручный 0,17 м. выш., чашечка глиняная двуручная 0,08 м. выш. и 33 пронизи: 3 круглыя малыя рубчатыя изъ зеленой пасты, 4 лигнитовыя въ видѣ тончайшихъ трубочекъ и 26 мелкихъ круглыхъ изъ золотистаго стекла.

№ 1675. Тоже, съ остовомъ въ томъ-же положеніи, при которомъ найдены: у изголовья бронз. херсонесская монета очень хорошей сохранности (Бурачковъ, табл. 16, № 96), окрасившая въ зеленый цвѣтъ передніе зубы, и бронзовая разломанная иголка, а у ногъ глиняный одноручный кувшинчикъ, 0,16 м. выш., съ горломъ, сплюснутымъ въ видѣ розетки.

№ 1676. Тоже, дѣтская, съ остовомъ изголовьемъ на В., при которомъ найденъ 41 экз. пронизей: 4 изъ черной пасты малыя круглыя рубчатыя, 2 янтарныя въ видѣ миніатюрныхъ плоскихъ кружковъ, 30 изъ золотистаго стекла мелкихъ круглыхъ и 5 такихъ-же удлиненныхъ сучковатыхъ, рѣдко встрѣчаемой формы.

№ 1677. Тоже съ раздавленной небольшой глиняной двуручной урной. Между жжеными костями ничего не найдено.

№ 1678. Амфоровидный остродонный глиняный сосудъ въ 0,84 м. выш. и 0,27 м. наиб. діам., съ 2-мя ручками. Верхъ у начала ручекъ былъ умышленно отбитъ, и внутрь положенъ остовъ ребенка ножками внизъ. Амфора лежала зарытой изголовьемъ на З. [1])

№ 1679. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,86 × 0,48 × 0,40 м., хорошей работы, разграбленная.

№ 1680. Тоже грубой работы, 1,95 × 0,62 × 0,62 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ ничего не найдено.

№ 1681. Тоже хорошей работы, 1,92 × 0,44 × 0,44 м., съ 2-мя остовами, взрослаго головой на Ю. и дѣтскимъ, у ногъ его, головой на С. У рукъ большого остова стояли 2 глиняные остродонные бальзамарія безъ ручекъ, а у дѣтскаго—кувшинчикъ темноглиняный поврежденный и 2 сердоликовыя пронизи—круглая и удлиненная.

№ 1682. Тоже, грубой работы, 1,55 × 0,48 × 0,48 м., съ остовомъ головой на С.-З., при которомъ найдены бальзамарій стекл. плоскодонный и лампочка красноглиняная, украшенная выпуклымъ изображеніемъ орла.

№№ 1683—1686. Тоже, съ одиночными остовами головой на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

---

[1]) Подобныя амфоры съ отбитыми верхами, съ дѣтскими остовами внутри, были находимы и ранѣе.

№ 1687. Гробница земляная съ остовомъ головой на В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1688. Тоже, съ остовомъ головой на Ю., при которомъ найдены: серебряный раздавленный медальонъ съ овальной агатовой геммой 0,017 × 0,012 м., на которой вырѣзанъ юноша-ваятель, наклонившiйся надъ небольшой гермой, опустивъ лѣвую руку и поднявъ правую, въ которой держитъ рѣзецъ, и у ногъ 2 раздавленныя красноглиняныя урны съ жжеными костями.

№ 1689. Тоже, съ остовомъ головой на С., при которомъ найдены: бронзовая монета, распавшаяся при очисткѣ, и 10 пронизей изъ разноцвѣтнаго стекла, мелкихъ какъ бисеръ.

№ 1690. Тоже, съ остовомъ головой на Ю., при которомъ найдены кусочки румянъ, круглодонный малый бальзамарiй и 5 мелкихъ круглыхъ пронизей изъ разноцвѣтнаго стекла.

№ 1691. Тоже, съ остовомъ въ томъ-же положенiи, при которомъ ничего не найдено.

№ 1692. Тоже, дѣтская, съ остовомъ головой на З., при которомъ ничего не найдено.

№№ 1693 и 1694. Двѣ урны красноглиняныя кувшиновидныя одноручныя, раздавленныя. Между жжеными костями ничего не найдено.

№№ 1695—1697. Три гробницы, вырубленныя въ скалѣ, 2,13×0,53 × × 0,62, 2,00 × 0,57 × 0,57 и 2,04 × 0,57 × 0,57 м., съ одиночными остовами изголовьемъ на З., С.-З. и З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1698. Тоже, грубой работы, 2,13 × 0,62 × 0,66 м., съ остовомъ головой на Ю.-З., при которомъ ничего не найдено.

№№ 1699 и 1700. Двѣ гробницы, вырубленныя въ скалѣ, соприкасающiяся подъ прямымъ угломъ, 1,95 × 0,62 × 0,66 и 2,13×0,62 × 0,66 м., грубой работы, съ остовами изголовьемъ на С.-В. и Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1701 и 1702. Тоже, грубой работы, сходящiяся подъ прямымъ угломъ, 1,95 × 0,62 × 0,57 и 1,95 × 0,62 × 0,68 м., съ одиночными остовами, соприкасающимися ногами, изголовьемъ на Ю.-З. и Ю.-В. При женскомъ остовѣ гробн. № 1701 найдены: бальзамарiй стекл. плоскодонный 0,18 м. выш., хорошей работы, и глин. одноручный кувшинчикъ (оба у ногъ), а при мужскомъ остовѣ второй гробницы въ изголовьѣ—бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 16, № 97).

№№ 1703 и 1704. Двѣ урны красноглиняныя, одна съ 3-мя ручками, дру-

гая одноручная кувшиновидная, обѣ раздавленныя. Между жжеными костями ничего не найдено.

№№ 1705 и 1706. Двѣ земляныя гробницы съ остовами головой на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1707 и 1708. Тоже, съ остовами головой на Ю.-В.

№ 1709. Урна красноглиняная кувшиновидная одноручная. Между жжеными костями найденъ серебр. перстень съ круглымъ гладкимъ щиткомъ.

№ 1710. Урна красноглиняная двуручная, раздавленная. Между жжеными костями ничего не найдено.

№№ 1711 и 1712. Двѣ гробницы, вырубленныя въ скалѣ, 2,30 × 0,66 × × 0,53 и 2,13 × 0,66 × 0,62 м., съ остовами головой на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1713. Урна красноглиняная кувшиновидная съ одной ручкой. Между жжеными костями ничего не найдено.

№ 1714. Катакомба круглой формы, крайне грубой работы, 3,19 м. діам. и 1,51 м. наиб. выш., безъ нишъ, съ ходомъ, 0,71 × 0,88 м., на С.-В. Была завалена землей, по вынутіи которой остововъ не оказалось.

№№ 1715—1717. Три земляныя гробницы съ остовами изголовьемъ на В. Въ средней найдены: сильно стертая бронз. монета одного изъ раннихъ боспорскихъ царей, повидимому, Савромата II, глиняная краснолаковая тарелка и 6 круглыхъ пронизей: 3 лигнитовыя и 3 стеклянныя, потерявшія первоначальный цвѣтъ.

№№ 1718 и 1719. Двѣ земляныя гробницы съ остовами на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1720. Земляная гробница съ остовомъ на Ю.-В., при которомъ найдены: бронзовая херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 15, №№ 55—57) плохой сохранности, тарелочка чернолаковая 0,11 м. діам. и 0,03 м. выс., съ розеткой и граффито снизу, и кувшинчикъ глиняный одноручный красивой формы.

№ 1721. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдены пара серебряныхъ витыхъ серегъ и миніатюрный глиняный чернолаковый расписной кувшинчикъ.

№ 1722. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1723. Урна красноглиняная кувшиновидная съ одной ручкой, раздавленная. При жженыхъ костяхъ найдены 2 бронзовыя растрескавшіяся монеты и бронзовый наконечникъ стрѣлы.

№ 1724. Гробница, сложенная изъ черепицъ, 0,49 × 0,40 × 0,03 м., по 5 въ продольныхъ сторонахъ, по одной въ изголовьѣ и въ ногахъ и 8 въ двускатной крышѣ, положенныхъ по длинѣ. При остовѣ головой на В. ничего не найдено.

№ 1725. Тоже, раздавленная, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найденъ глиняный узкогорлый бальзамарій безъ ручекъ.

№ 1726. Урна глиняная амфоровидная двуручная, съ пяткой вмѣсто обычнаго заостреннаго конца, раздавленная. Между жжеными костями ничего не найдено.

№№ 1727 и 1728. Двѣ земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ на С.-З., при которыхъ найдено по красноглиняной тарелкѣ съ фабричной маркой въ видѣ штампованной ступни по серединѣ и во второй бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 16, № 117).

№ 1729. Земляная гробница съ остовомъ на С.-З., при которомъ найдены бронз. серьга и херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 15, № 69).

№ 1730. Тоже, съ женскимъ остовомъ, изголовьемъ на Ю.-З., при которомъ найдены: ключъ желѣзный прямой 0,08 м. дл., колечко бронзовое и пронизь кремневая малая круглая.

№№ 1731 и 1732. Двѣ земляныя гробницы съ одиночными остовами, при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1733—1736. Четыре земляныя гробницы съ одиночными остовами, въ первыхъ трехъ изголовьемъ на Ю.-З., а въ послѣдней—на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1737. Катакомба пещеровидная очень грубой работы, служившая зимой монастырю для загона скота, 4,61 м. наиб. глуб., 11,09 м. наиб. шир. и 1,68 м. выш., съ 3-мя нишами въ правой стѣнѣ и съ ходомъ, 1,42 × 1,60 м., на С.-В.

№ 1738. Урна свѣтлоглиняная античной формы съ тремя ручками, обставленная 4-мя плитками и закрытая плиткой. При жженыхъ костяхъ ничего не найдено.

№ 1739. Гробница, грубо вырубленная въ скалѣ, 2,04 × 0,62 × 0,62 м. При истлѣвшихъ костяхъ, повидимому, отъ нѣсколькихъ остововъ найдены: 10 бальзамаріевъ стекл. плоскодонныхъ и одинъ круглый, 4 бальзамарія въ кускахъ, 2 кусочка листоваго золота, 20 пронизей, въ томъ числѣ 6 лигнитовыхъ: 2 въ видѣ астрагаловъ, одна въ видѣ 14-гранника, 2 въ видѣ плоскихъ кружковъ и 1 въ видѣ гладкой трубочки, 1 сѣрой пасты круглая рубчатая, 11 изъ

синяго стекла въ видѣ малыхъ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, и 2 янтарныя въ видѣ плоскихъ кружковъ и бронзовая херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 16, № 89).

№№ 1740 и 1741. Гробницы, вырубленныя въ скалѣ, 2,13 × 0,62 × 0,62 и 2,13 × 0,57 × 0,62 м., съ остовами на С.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1742. Урна глиняная амфоровидная двуручная, съ пяткой вмѣсто заостреннаго конца, подобная № 1726, раздавленная. Между жжеными костями ничего не найдено.

№№ 1743—1747. Пять земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ: въ № 1744 на С.-В., въ остальныхъ на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1748. Тоже, съ остовомъ головой на С.-З., при которомъ найдены: лампочка глиняная, украшенная выпуклымъ стоящимъ Эротомъ, поврежденная, бронз. пряжка въ видѣ большого кольца и бронз. римская неразборчивая монета.

№№ 1749—1751. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первой и во второй на С.-З. и въ послѣдней на С.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1752. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на З., при которомъ найдены кувшиновидная стеклянная подвѣска и 12 пастовыхъ круглыхъ пронизей, потерявшихъ свой первоначальный цвѣтъ.

№№ 1753 и 1754. Двѣ земляныя гробницы съ остовами изголовьемъ на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1755—1757. Три земляныя гробницы съ остовами изголовьемъ на С.-З., при которыхъ найдены: въ первой двѣ бронзовыя херсонесскія монеты (Бурачковъ, табл. 16, № 108) плохой сохранности, во второй бронз. поясная пряжка простѣйшаго вида, сломанный желѣзный перстень и части бронзоваго замочка отъ ларчика и въ послѣдней стекл. плоскодонный бальзамарій.

№№ 1758—1761. Четыре гробницы, вырубленныя въ скалѣ, съ одиночными остовами изголовьемъ въ первыхъ трехъ на С.-З., при которыхъ найдены: въ первой сломанный бронз. перстень и бронз. стертая римская монета съ дырочкой для ношенія; во второй сломанная бронз. фибула, желѣзный клинокъ отъ малаго ножа и 8 пронизей: 7 пастовыхъ мозаичныхъ круглыхъ и одна стеклянная ромбовидная; въ третьей кувшинчикъ глиняный одноручный съ красивымъ горломъ въ видѣ розетки. Въ послѣдней гробницѣ при остовѣ, лежавшемъ головой на Ю.-З., ничего не найдено.

№№ 1762—1765. Четыре земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первой на С.-З., при которомъ ничего не найдено, во второй на Ю.-В. и въ двухъ послѣднихъ на С.-З., при которыхъ найдены: во второй 3 бальзамарія стеклянные плоскодонные (изъ нихъ 2 разбитые), въ третьей глиняная разбитая лампочка безъ украшеній, желѣзный разломанный перстень съ сердоликомъ, на которомъ вырѣзанъ муравей, и бронз. херсонесская монета очень плохой сохранности (Бурачковъ, табл. 16, № 107, съ контрмаркой, изображенной тамъ же подъ № 120) и въ четвертой 2 бронз. херсонесскія монеты очень плохой сохранности (Бурачковъ, табл. 16, №№ 102 и 117).

№ 1766. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,57 × 0,57 м., съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найденъ глиняный узкій и короткій кувшинчикъ съ ручкой сверху.

№№ 1767—1775. Девять земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первой на Ю.-З., въ №№ 1768—1772 и 1774 на З. и въ №№ 1773 и 1775 на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1776—1780. Пять гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, 1,95 × 0,57 × × 0,57, 2,30 × 0,62 × 0,62, 2,04 × 0,60 × 0,66 и двѣ послѣднія по 2,13 × × 0,62 × 0.57 м., съ остовами изголовьемъ: въ №№ 1776 и 1780 на Ю.-З., №№ 1777 и 1778 на С.-З. и № 1779 на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1781—1784. Четыре земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первой и послѣдней на З. и въ двухъ среднихъ на С.-З. Въ гробницѣ № 1782 найдены серебряная серьга въ видѣ простого колечка и 23 пронизи: 19 овальной формы изъ темнаго стекла съ 6-ью бѣлыми продольными полосками на каждой и 4 изъ потерявшаго свой цвѣтъ стекла, мелкія какъ бисеръ, съ уцѣлѣвшими обрывками проволоки.

№ 1785. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,57 × 0,62 м., съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдены сломанная серебр. серьга въ видѣ гладкаго колечка и сломанная стекл. подвѣска въ видѣ полумѣсяца.

№№ 1786—1788. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первой на Ю.-З., а въ двухъ послѣднихъ на С.-З. Въ гробницѣ № 1788 найдены бронз. серьга простѣйшаго вида и бронз. малая монета одного изъ сыновей Константина Великаго, плохой сохранности.

№ 1789. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,57 × 0,57 м., хорошей работы, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдены: бальзамарій глиняный узкогорлый безъ ручекъ, мисочка мутнолаковая и бронзовая боспорская монета Миѳрадата (Бурачковъ, табл. 24, № 22), плохой сохранности.

№№ 1790—1807. Восемнадцать земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ: въ №№ 1790, 1794 и 1806 на С., въ №№ 1791—1793, 1799, 1800, 1803 и 1807—на С.-З., въ № 1801—на Ю., въ №№ 1798, 1802, 1804 и 1805 — на Ю.-В. и въ №№ 1795 — 1797 на З. Найдены: въ гробницѣ № 1790 бронзовая херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 16, № 108), въ № 1791 бальзамарій темноглиняный узкогорлый безъ ручекъ, 0,19 м. выш., съ 3-мя обручами, исполненными бѣлой краской, въ № 1797 три бронзовыя херсонесскія монеты (Бурачковъ, табл. 16, №№ 96, 110 и 113) и въ № 1801 кувшинчикъ глиняный миніатюрный, расписанный въ клѣтку. Въ остальныхъ гробницахъ ничего не найдено.

№ 1808. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,00 , 0,57 × 0,57 м., грубой работы, съ остовомъ изголовьемъ на В., при которомъ найденъ глиняный чайниковидный сосудикъ.

№ 1809. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ ничего не найдено.

№ 1810. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,00 × 0,57 × 0,57 м., грубой работы, съ остовомъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№№ 1811—1813. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами: въ первой и послѣдней изголовьями на З., а въ № 1812—на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1814. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,57 × 0,62 м., грубой работы, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найдены глиняный одноручный кувшинчикъ и 4 круглыя пастовыя пронизи: одна мозаичная и три потерявшія цвѣтъ.

№№ 1815—1822. Восемь земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьями: въ №№ 1815 и 1816 на З., въ №№ 1817, 1819 и 1822—на Ю.-В. и въ №№ 1818, 1820 и 1821—на С.-З. При остовахъ найдены: въ № 1819 пять круглыхъ пастовыхъ пронизей, потерявшихъ свой цвѣтъ, въ № 1820 кольцо желѣзное, приставшее къ косточкѣ пальца, и въ № 1821 глиняный одноручный кувшинчикъ и бронзовая штопальная иголка.

№ 1823. Амфора красноглиняная безъ верха съ жжеными костями, съ которыми лежали глиняные: миніатюрный бальзамарій и маленькая одноручная чашечка.

№№ 1824—1827. Четыре земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьями: въ первой на Ю.-В., во второй на В. и въ двухъ послѣднихъ на С.-З. При остовахъ найдены: въ № 1826 тарелка красноглиняная, украшенная штампованной розеткой изъ 4-хъ пальметокъ, и въ № 1827 темноглиняная тарелка.

№№ 1828 и 1829. Двѣ гробницы, вырубленныя въ скалѣ, грубой работы, 2,13 × 0,57 × 0,57 м., съ остовами изголовьемъ на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1830—1833. Четыре земляныя гробницы съ одиночными остовами, въ 3-хъ первыхъ на Ю.-В. и въ послѣдней на Ю., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1834. Урна красноглиняная кувшиновидная съ одной ручкой, раздавленная, съ жжеными костями, между которыми ничего не найдено.

№№ 1835—1873. Тридцать девять земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьями: въ № 1835 на С., въ №№ 1844, 1846—1849, 1851—1854, 1857—1864, 1868—1873 на С.-З., въ № 1836 на Ю.-З., въ №№ 1837—1843, 1845, 1850, 1855 и 1856 на Ю.-В., въ №№ 1865 и 1866 на З. и въ № 1867 на В. При остовахъ ничего не найдено.

№ 1874. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,02 × 0,57 × 0,62 м., грубой работы, съ остовомъ изголовьемъ на С.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1875. Тоже, 2,04 × 0,58 × 0,62 м., съ остовомъ изголовьемъ на В., при которомъ найдены 5 малыхъ бронзовыхъ монетъ, совершенно разрушенныхъ окисью, бронзовый наконечникъ стрѣлы и глиняный горшочекъ крайне грубаго исполненія, подобный находимымъ въ скиѳскихъ погребеніяхъ.

№№ 1876—1883. Восемь земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьями: въ №№ 1876—1878, 1881—1883 на С.-З., въ № 1880 на Ю. и въ 1879 на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1884. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,02 × 0,57 × 0,62 м., грубой работы, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдены бронзовая херсонесская монета греческаго періода (Бур. т. 14, №№ 33—35) и раздавленная темноглиняная тарелка.

№ 1885. Катакомба квадратная въ планѣ, хорошей работы, 2 м. длины и ширины и 1,64 м. выш., съ 3-мя нишами-койками въ видѣ мелкоуглубленныхъ ящиковъ, старательно оштукатуренныхъ, съ волнистымъ слабо обработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,53 × 0,80 м., на С.-В. Плита затвора, оказавшаяся на мѣстѣ, была вставлена вплотную въ выбранные пазы. Хотя катакомба и найдена не тронутою грабителями, но внутри не оказалось ни костей, ни вещей, ни даже земли. Возможно поэтому думать, что она была только приготовлена для продажи какой-нибудь «погребальной конторой» [1]).

[1]) Такія катакомбы уже были встрѣчены въ 1888 и 1889 годахъ, а также графомъ А. С. Уваровымъ въ 1853 г. См. „Извлеч. изъ всеподд. отчета объ археолог. розысканіяхъ въ 1853 г.“, стр. 129—173. „О раскопкахъ близъ Симферополя и Севастополя“.

№№ 1886—1888. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ на З., Ю.-З. и С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1889. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,00 × 0,57 × 0,57 м., грубой работы, съ остовомъ лошади, при которомъ найдены 2 бронзовыхъ кольца отъ пряжекъ простѣйшаго вида.

№ 1890. Гробница земляная съ одиночнымъ остовомъ изголовьемъ на В., при которомъ найдены тарелка чернолаковая съ нацарапанной снизу буквой, пряжка поясная бронзовая красивой формы и бронзовая херсонесская монета греческаго періода (Бурачковъ, табл. 15, № 68).

№ 1891. Катакомба трапецієвидная грубой работы, 2,04 м. глуб., 2,35—2,48 м. шир. и 1,51—1,68 м. выш., съ волнистымъ потолкомъ, со слѣдами штукатурки стѣнъ, съ 3-мя нишами-койками, по одной въ 3-хъ стѣнахъ, и съ ходомъ, 0,62 × 0,80 м., на С.-В. Въ катакомбѣ лежали 13 остововъ: на правой койкѣ 3, изголовьемъ на Ю.-З., на средней 3, обращенныхъ на С.-З., на лѣвой одинъ изголовьемъ на Ю.-З. и на полу 7, изъ коихъ 2 дѣтскихъ у правой стѣны, обращенныхъ на Ю.-З. Остатковъ деревянныхъ гробовъ не найдено, но попадались куски истлѣвшихъ тканей и небывало большое количество почернѣвшихъ личинокъ червей, уничтожившихъ трупы правой ниши. Здѣсь при первомъ съ краю остовѣ, у ногъ, лежали остатки сандалій или, вѣрнѣе, мягкихъ башмаковъ; при другихъ двухъ остовахъ ничего не найдено. Въ средней нишѣ лежали 2 остова снизу и одинъ сверху наискось съ переломанными ножными костями ниже колѣнъ. Кусочки ткани попадались и здѣсь, а въ лѣвомъ углу у ногъ были скучены древесные угли, хорошо сохранившіеся. При остовѣ въ лѣвой нишѣ ничего, кромѣ кусочковъ ткани, не найдено. На полу у правой стѣны лежали 3 остова взрослыхъ и 2 дѣтскихъ. У 2-го отъ стѣны остова (женщины, судя по ниже перечисленнымъ вещамъ) были сжаты правая рука у локтя и обѣ ноги у пятокъ, расходясь въ колѣняхъ. При немъ найдены: браслетъ бронзовый массивный съ необычайно расширенными обрѣзанными концами, пара серегъ въ видѣ простыхъ бронзовыхъ колечекъ, разломанная бронзовая подвѣска въ видѣ стремени, куски кожаныхъ сандалій и 122 пронизи: 5 боченковидныхъ стеклянныхъ, окрашенныхъ на подобіе агата, 3 янтарныя неправильной формы, 10 синяго стекла въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ, 8 такихъ-же гладкихъ, 7 золотистаго стекла круглыхъ, соединенныхъ по 2—3 вмѣстѣ, 77 такихъ-же средней величины ординарныхъ и 12 мелкихъ какъ бисеръ, съ остатками проволоки, на которой онѣ были нанизаны. Остовъ ребенка въ скорченномъ положеніи лежалъ съ краю, считая отъ входа, а вто-

рой—надъ головами двухъ остововъ. У крайняго къ стѣнѣ остова сохранились куски ткани и кожаной обуви. У лѣвой стѣны лежали рядомъ 2 остова изголовьемъ на Ю.-З., причемъ у перваго отъ входа лѣвая рука была откинута въ сторону. При нихъ ничего не найдено.

№№ 1892 и 1893. Двѣ земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ на В. и З., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1894—1900. Семь гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первыхъ 6-ти на С.-З. и въ послѣдней на Ю.-В. Въ гробницѣ № 1894 найдены 6 кусочковъ тончайшаго листового золота и 3 круглыя пронизи изъ зеленой пасты и въ гробницѣ № 1896 браслетъ бронзовый раздвижной.

№№ 1901—1908. Восемь земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ: въ первыхъ двухъ на З. и въ послѣднихъ шести на С.-З. Только въ гробницѣ № 1901 найдены серебряная серьга въ видѣ гладкаго колечка и пастовая пронизь въ видѣ плоскаго кружка.

№№ 1909—1913. Пять гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, съ одиночными остовами изголовьемъ: въ № 1909 на Ю.-В., въ №№ 1910 и 1911 на С., въ № 1912 на С.-В. и въ № 1913 на С.-З. Въ гробницѣ № 1910 кости остова были разбросаны и при нихъ ничего не оказалось, въ остальныхъ 4-хъ гробницахъ найдены: въ № 1909 небольшой темноглиняный шарикъ (0,015 м. діам.), въ № 1911 краснолаковая мисочка и бронзовая херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 16, № 89), въ № 1912 два глиняныхъ узкогорлыхъ бальзамарія и въ № 1913 три бронз. херсонесскія монеты греческаго періода, на двухъ изъ коихъ вполнѣ сохранились имена Діагора и Клемитада, III в. до Р. Х. (Бурачковъ, табл. 14, № 38—40). Еще одно изъ безспорныхъ доказательствъ, что здѣсь, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ городомъ, находился некрополь древнегреческой эпохи, могилами котораго, вырубленными въ скалѣ, пользовались послѣдующія поколѣнія, до послѣднихъ временъ существованія Херсонеса.

№№ 1914 и 1915. Двѣ черепичныя гробницы, 2,13 × 0,62 × 0,62 и 2,04 × 0,62 × 0,62 м., изъ черепицъ небольшого размѣра, раздавленныхъ землей безъ клеймъ, съ одиночными остовами изголовьемъ на З. и С.-В. Въ № 1914 найдены 3 узкогорлыхъ бальзамарія: глиняный и 2 стеклянные плоскодонные въ 0,13 м. выш.

№ 1916. Гробница, сложенная на скалѣ изъ разнохарактерныхъ камней 2,04 × 0,62 × 0,62 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№№ 1917—1938. Двадцать двѣ земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ: въ №№ 1917 и 1925 на Ю.-З., въ № 1918 на В., въ №№ 1919—1924 на С.-В., въ №№ 1926—1929, 1937, 1938 на Ю., въ №№ 1930, 1931 и 1936 на С.-З. и въ №№ 1932—1935 на Ю.-В. Въ гробницахъ №№ 1918, 1922, 1926—1928 и 1932 при остовахъ ничего не оказалось, а въ остальныхъ 16-ти найдены: въ № 1917 глиняная краснолаковая конусовидная мисочка, на подобіе нынѣшнихъ цвѣточныхъ горшечковъ, въ № 1919 тарелка темноглиняная разбитая, въ № 1920 золотой помятый листокъ отъ вѣнчика съ крючечками на концахъ и 15 стеклянныхъ пронизей, потерявшихъ цвѣтъ, мелкихъ какъ бисеръ, въ № 1921 у ногъ красноглиняная тарелка и въ изголовьѣ обломки желѣзнаго стригиля и бронз. херсонесская монета (Бурач. табл. 16, № 102), окрасившая въ зеленый цвѣтъ зубы черепа, въ № 1923 раздавленная темноглиняная тарелка, въ № 1924—69 желѣзныхъ гвоздиковъ съ широкими коническими шляпками, загнутыхъ снизу, слѣдовательно бывшихъ въ употребленіи, быть можетъ на каблукахъ сапогъ римскаго воина. (Въ витринѣ склада хранится часть каблука съ 24-мя подобными гвоздиками). Въ № 1925 найдена бронзовая монета, разрушенная окисью. Сильно деформированный черепъ остова истлѣлъ и распался. Въ № 1929 на указательномъ пальцѣ правой руки остова найденъ бронзовый перстень-ключъ хорошей сохранности. Въ № 1930 у лѣвой руки стояла на ребрѣ чернолаковая тарелка съ старымъ поврежденіемъ краевъ. Въ № 1931—бронзовая херсонесская монета греческаго періода (Бурачковъ, табл. 15, № 60). Въ № 1933—бронзовая римская императорская монета, неразборчивая. Въ № 1934—кувшинчикъ глиняный одноручный весьма грубой работы. Въ № 1935—кувшинчикъ глиняный одноручный обычнаго вида и миска краснолаковая превосходной сохранности, 0,19 м. діам. и 0,10 м. выш., съ лапками на двухъ сторонахъ, приспособленныхъ для вкладыванія двухъ пальцевъ (стояла въ ногахъ остова). Въ № 1936—два бальзамарія стеклянные плоскодонные, чашечка глиняная безъ ручекъ, индикація золотая неразборчивая, гладкій сердоликъ прямоугольной формы (0,012 × 0,009 × 0,006 м.), бронз. браслетъ съ тупыми концами и 10 стеклянныхъ пронизей въ видѣ гладкихъ трубочекъ чернаго цвѣта. Въ № 1937—бронз. херсонесская монета (Бурачковъ табл. 16, № 105, но съ быкомъ, идущимъ съ высоко поднятой головой), бронз. браслетъ въ видѣ змѣйки, фибула бронзовая проволочная малая, листокъ золотой отъ вѣнчика, сильно поврежденный, и 9 круглыхъ пронизей: 3 чернаго и 6 синяго стекла.

Въ № 1938—бронз. херсонесская монета очень плохой сохранности (Бурачковъ, табл. 16, № 103).

№ 1939. Урна красноглиняная раздавленная съ жжеными костями, между которыми найдены кусочки золотого вѣнчика съ крючечками для завязыванія.

№№ 1940 и 1941. Двѣ гробницы, вырубленныя въ скалѣ, 1,86 × 0,44 × × 0,46 и 1,68 × 0,44 × 0,48 м., съ одиночными остовами изголовьемъ на С.-В. и Ю.-В. Въ первой найдены глиняная тарелка подъ графитовымъ лакомъ и бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, табл. 15, № 67. На хорошихъ экземплярахъ этой рѣдкой монеты читаются имена Пиѳіона и Промаѳіона). Во второй гробницѣ, плотно закрытой плитами, найденъ лишь желѣзный перстень, приставшій къ косточкѣ пальца.

№ 1942. Гробница, сложенная въ видѣ ящика изъ красноглиняныхъ черепицъ, 0,93 × 0,44 × 0,57 м., внутри которой стояли 2 глиняныя урны: двуручная, раздавленная справа, съ жжеными костями и желѣзнымъ перстнемъ, и низъ большой остродонной амфоры съ костячкомъ младенца. Сверху, въ сильно скорченномъ положеніи, лицомъ внизъ, лежалъ остовъ взрослаго человѣка, обращенный на В., съ черепомъ, порубленнымъ мечомъ въ 5 мѣстахъ. Къ сожалѣнію, уцѣлѣла только верхняя часть черепа, которая собрана изъ кусковъ. Погребеніе производитъ впечатлѣніе крайней поспѣшности и даетъ право думать, что въ гробницу положенъ сверху воинъ, павшій въ бою. На двухъ обломкахъ черепицъ имѣются именныя печати астиномовъ; одна слабо оттиснута и не читается, на другой хорошо сохранилась надпись: Παταίκου ἀστυνό[μου]. Σινωπί[ων]. Справа изображенъ бодающій быкъ.

№ 1943. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,62 × 0,62 м., грубой работы, съ двумя остовами, одинъ надъ другимъ, головами на Ю. При верхнемъ остовѣ ничего не найдено, а при нижнемъ, лежавшемъ въ деревянномъ гробѣ, у лѣвой руки стояла на ребрѣ буролаковая тарелка 0,21 м. діам., украшенная 3-мя свѣтлокоричневыми кругами и съ нацарапанной снизу на донышкѣ монограммой изъ буквъ ΠΑΡ, у правой руки лежала бронз. херсонесская монета греческаго періода (Бурачковъ, табл. 15, № 68) и у ногъ были разбросаны 10 желѣзныхъ гвоздиковъ съ широкими коническими шляпками, подобныхъ найденнымъ въ гробницѣ № 1924.

№ 1944. Гробница, мелко вырубленная въ скалѣ, 1,86 × 0,57 × 0,53 м., доложенная черепицами, поломанными на куски, и закрытая черепицами. На одномъ обломкѣ уцѣлѣла именная печать астинома Діонисія съ вѣнкомъ справа. Одинъ остовъ лежалъ изголовьемъ на Ю.-В.; при немъ найдены: бронз. монета,

разрушенная окисью, желѣзный перстень, разбитая мутнолаковая тарелочка, украшенная по ободку вѣночкомъ, исполненнымъ густо наложенной желтой краской, и 28 желѣзныхъ гвоздей, подобныхъ найденнымъ въ гробницахъ №№ 1924 и 1943.

№ 1945. Гробница, вырубленная въ скалѣ, по старательной работѣ занимающая первое мѣсто на описываемомъ участкѣ некрополя, 1,86×0,62×0,44 м., закрытая тесанными плитами и, несомнѣнно, не тронутая грабителями, съ 2-мя остовами изголовьемъ на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено. Остовы лежали безъ деревянныхъ гробовъ.

№№ 1946—1948. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ: въ двухъ первыхъ на Ю.-З. и въ послѣдней на Ю.-В. Въ гробницѣ № 1948 ничего не оказалось; въ № 1946 найдены два глиняныхъ узкогорлыхъ бальзамарія безъ ручекъ, 0,095 м. выш., и въ № 1947 бронз. монета, распавшаяся при очисткѣ, и 10 свинцовыхъ трилистниковъ съ крючечкомъ на мѣстѣ стебля, которые часто встрѣчаются въ древнегреческихъ гробницахъ и признаются нѣкоторыми за принадлежности для завивки волосъ.

№№ 1949 и 1950. Двѣ гробницы, вырубленныя въ скалѣ, грубой работы, 1,68 × 0,48 × 0,40 и 1,60 × 0,48 × 0,40 м., съ одиночными остовами изголовьемъ на Ю.-В. и Ю.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1951. Катакомба трапеціевидная крайне грубой работы, 2,21 м. гл., 1,60 — 1,86 м. шир. и 1,51 м. выш., съ 3-мя нишами въ 3-хъ сторонахъ въ видѣ мелкихъ ящиковъ и съ ходомъ, 0,66 × 0,62 м., на Ю.-В. Снаружи у самого входа лежалъ перебитый на двѣ части каменный надгробный крестъ съ греческою надписью [1]). Затворъ оставался не тронутымъ, но въ катакомбу проникло много земли черезъ проломъ сверху изъ гробницы № 1952. Катакомба была до самого потолка завалена костями, между которыми, равно какъ и въ старательно просѣянной землѣ, ничего не найдено. По условіямъ мѣстности несомнѣнно выясняется, что эта грубая катакомба сооружена позже цѣлаго ряда верхнихъ гробницъ и что упомянутый проломъ произошелъ во время самой работы вслѣдствіе несоразмѣрно тонкаго потолка.

№ 1952. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,44 × 0,40 м., грубой работы, съ двумя остовами, одинъ надъ другимъ, изголовьемъ на Ю., при которыхъ найдены бронз. монета, разрушенная окисью, и бронз. колечко.

№ 1953. Гробница, мелко и грубо вырубленная въ скалѣ, 1,86 × 0,44 × × 0,40 м., съ двумя остовами, взрослаго головой на Ю. и дѣтскимъ, положеннымъ между ногами перваго, въ томъ-же направленіи. При нихъ найдены:

[1]) Издана В. В. Латышевымъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 18, стр. 123, № 38.

бронз. монета, изображенія и надписи которой совершенно стерты, съ неразборчивой контрмаркой, и 5 круглыхъ мелкихъ пастовыхъ пронизей, потерявшихъ первоначальный цвѣтъ.

№ 1954. Гробница, мелко вырубленная въ скалѣ, 1,60 × 0,48 × 0,40 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ найдены 4 малыя бронз. херсонесскія монеты греческой эпохи съ изображеніемъ звѣзды и львиной головки (Бурачковъ, табл. 15, №№ 70—71).

№ 1955. Тоже, превосходнаго исполненія, 1,86 × 0,48 × 0,44 м., съ остовомъ ребенка изголовьемъ на Ю., при которомъ найдены: бальзамарій черноглиняный плоскодонный безъ ручекъ, 0,14 м. выш., украшенный 3-мя поясками, сдѣланными бѣлой краской, тарелка черноглиняная въ 0,205 м. діам. и 0,03 м. выш., украшенная внутри штампованной розеткой въ видѣ 4-хъ пальметокъ внутри вѣночка изъ черточекъ, кубокъ малый (0,055 м. выш.) глиняный буролаковый, неровно обожженный, украшенный бѣлымъ вѣночкомъ, несомнѣнно положенный въ гробницу съ одной только ручкой (другая была отбита раньше), 2 чашечки глиняныя одноручныя круглодонныя, подобныя нынѣшнимъ «Ванька-встанька», 0,06 и 0,065 м. выш. и 0,075 и 0,09 м. діам. Вся посуда мѣстнаго производства, сдѣланная по древнегреческимъ образцамъ. Еще найдены: 4 подвѣски въ видѣ миніатюрныхъ коралловыхъ амфорокъ, 5 пронизей разной величины сучковатыхъ, очень рѣдкой формы, изъ мутно-желтой пасты, 2 пронизи сердоликовыя круглыя малыя, правильно обточенныя, 2 такія-же овальныя малыя, также старательной работы, 35 пронизей мелкихъ круглыхъ изъ стекла, потерявшаго свой цвѣтъ и прочность, составныя части двухъ красивыхъ стеклянныхъ пронизей, впервые встрѣчаемой формы, 4 каннелированныхъ полушарія въ 0,012 м. діам. изъ прозрачно-коричневаго стекла и 2 тонкихъ промежуточныхъ кружка того-же діаметра, зубчатыхъ, изъ стекла иной окраски, потерявшей первоначальный цвѣтъ, перстень стеклянный, совершенно одинаковой формы съ массивнымъ золотымъ перстнемъ съ вырѣзанной сидящей Аѳиной, найденнымъ въ 1899 г. въ склепѣ № 1012; щитокъ его овальный съ округленной впадиной, куда могъ вставляться камей; распавшійся дѣтскій бронз. браслетъ, 4 разломанныя серебряныя сережки въ видѣ гладкихъ колецъ и бронз. монета, разрушенная окисью.

№ 1956. Тоже, 1,06 × 0,44 × 0,44 м., съ дѣтскимъ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ найдены 2 круглыя пастовыя мозаичныя пронизи и миніатюрная чернолаковая двуручная остродонная амфорка, 0,07 м. выш. и 0,03 м. наиб. діам.

№ 1957. Катакомба трапецiевидная хорошей работы, 1,91 м. глуб., 1,60 — 1,73 м. шир. и 1,46 — 1,64 м. выш., съ 3-мя нишами-ящиками, снабженными аркосолiями, и съ ходомъ, 0,53 × 0,63 м., на В. Часть потолка слѣва обрушилась, затвора не оказалось и множество остововъ лежало въ безпорядкѣ; при нихъ ничего не найдено.

№ 1958. Гробница, вырубленная въ скалѣ, хорошей работы, 1,86 × × 0,57 × 0,53 м., съ остовомъ изголовьемъ на С.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1959. Гробница земляная съ двумя остовами, одинъ надъ другимъ, изголовьями на Ю.-В. При нижнемъ остовѣ найдены 40 круглыхъ мелкихъ пронизей изъ потерявшаго свой цвѣтъ стекла.

№ 1960. Гробница, вырубленная въ скалѣ, грубой работы, дл. 2,08 м., шир. 0,62 — 1,24, выс. 1,77 м., сильно уширенная въ основанiи, съ округленными боками продольныхъ стѣнъ. При разбросанныхъ костяхъ найдены: 3 глиняныя лампочки безъ украшенiй, обычнаго типа, и одна темноглиняная въ видѣ чашечки съ блюдцемъ, съ ручкой и съ трубочкой, выходящей изъ середины блюдца, большой бронзовый браслетъ съ змѣиными головками, разломанный браслетъ дѣтскiй проволочный, 3 пряжечки бронзовыя отъ обуви, пара бронзовыхъ разломанныхъ серегъ съ 14-гранными пронизями изъ бронзы, бронз. подвѣска въ видѣ кольца съ широкимъ ушкомъ, желѣзко отъ небольшого ножа, 7 пронизей: 1 круглая рубчатая изъ зеленой пасты, 1 янтарная безформенная, изъ синяго стекла: одна въ видѣ плоскаго кружка, одна въ видѣ 6-гранной трубочки и 2 малыя круглыя, 1 большая круглая изъ бѣлой пасты, кувшинчикъ глиняный одноручный, 2 такiя-же чашечки и 4 бронзовыя монеты: Савромата II съ бюстомъ императора и всадникомъ, Херсонеса временъ элевѳерiи (Бурачковъ табл. 16, № 108) и 2 греческiя, совершенно стертыя. Черепа были деформированы, но совершенно истлѣли и сохранить ихъ не оказалось возможнымъ.

№ 1961. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найдены: золотая дѣтская серьга проволочная, 2 золотыя неразборчивыя индикацiи и 24 пронизи изъ синяго стекла, мелкiя какъ бисеръ.

Здѣсь, въ ю.-з. углу нижняго скотнаго двора, на самой возвышенной точкѣ выходящей наружу скалы, обнаружены остатки фундаментовъ площадки и зданiя, сложенныхъ изъ бута, плитъ, кусковъ греческой черепицы и архитектурныхъ фрагментовъ греческой эпохи съ красивымъ орнаментомъ и слѣ-

дами раскраски, обезображенныхъ известью, щедро употребленной въ кладку. Какъ видно изъ старинныхъ плановъ Севастополя и его окрестностей, на этомъ мѣстѣ находился карантинъ. Очевидно, онъ былъ выстроенъ изъ остатковъ древнихъ зданій Херсонеса и изъ надгробныхъ плитъ и памятниковъ нынѣ разслѣдуемаго некрополя.

Изъ вынутыхъ изъ кладки древнихъ остатковъ заслуживаютъ упоминанія слѣдующіе: большой кусокъ дорическаго карниза изъ твердаго известняка, 0,80 м. наиб. длины, 0,60 м. наиб. выш. и 0,40 м. шир., украшенный съ лицевой стороны террасовидными площадками въ 0,10 м. шир., съ каплями снизу, 2 куска средней величины дорическихъ карнизовъ изъ того-же матеріала съ остатками художественно исполненнаго растительнаго орнамента, малая круглая капитель изъ того-же матеріала въ видѣ опрокинутаго усѣченнаго конуса, украшенная глубоко вырѣзанными овами, сильно поврежденная, обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ мраморной надгробной стелы съ рельефнымъ изображеніемъ и частью латинской надписи [1]), обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ плиты изъ очень твердаго мраморовиднаго сѣраго известняка, также съ рельефнымъ изображеніемъ и сильно поврежденною греческою надписью [2]), верхняя часть надгробной стелы изъ того-же матеріала съ уцѣлѣвшими выпуклыми изображеніями возлежащаго мужчины съ вѣнкомъ въ поднятой правой рукѣ, сидящей въ ногахъ женщины и обычной на подобныхъ памятникахъ небольшой стоящей фигуры въ лѣвомъ углу.

№ 1962. Гробница земляная дѣтская съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1963. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,30 × 0,57 × 0,80 м., грубой работы, съ разбросанными костями, при которыхъ ничего не найдено.

№ 1964. Гробница квадратной формы (0,50 × 0,50 × 0,35 м.), сложенная изъ каменныхъ плитъ и содержащая глиняную урну грубой, но античной работы, 0,30 м. выш., съ 3-мя ручками: большой вертикальной и 2-мя малыми горизонтальными (ушами), симметрично расположенными. Въ урнѣ между жжеными костями найдена бронз. монета Херсонеса греческаго періода, плохой сохранности. См. у Бурачкова т. 15, №№ 33—35 [3]).

[1]) Издана въ *Изв. Имп. Арх. К.*, в. 18, стр. 117, № 27.

[2]) Издана тамъ-же, стр. 119, № 30.

[3]) Такая-же урна въ 0,28 м. выш. была найдена на этомъ-же участкѣ некрополя въ 1901 г. въ гробницѣ № 1155. См. *Изв. Имп. Арх. Ком.* в. 4, с. 57, рис. 54.

№ 1965. Гробница вырубленная въ скалѣ, 2,04 × 0,53 × 0,66 м., съ 2-мя остовами, одинъ надъ другимъ, изголовьемъ на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1966. Тоже, очень грубой работы, 1,60 × 0,48 × 0,31 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1967. Квадратное углубленіе, вырубленное въ скалѣ, 0,62×0,62×0,44 м.; въ немъ найдены жженыя кости, разбитая краснолаковая тарелка и 36 свинцовыхъ трилистниковъ съ крючечкомъ (ср. выше № 1947).

№ 1968. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,77 × 0,44 × 0,53 м., хорошей работы, съ раздавленной красноглиняной одноручной урной съ жжеными костями, при которыхъ ничего не найдено.

№№ 1969 и 1970. Гробницы земляныя съ одиночными остовами изголовьемъ на С.-З.. при которыхъ ничего не найдено.

№ 1971. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,77 × 0,57 × 0,57 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найдены: перстень желѣзный разломанный, 2 бронз. херсонесскія монеты (Бурачковъ, т. 16, № 91) и 11 круглыхъ пронизей изъ стекла, потерявшаго свой первоначальный цвѣтъ.

№ 1972. Тоже, хорошей работы, 2,21 × 0,57 × 0,44 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найдены: красноглиняный одноручный кувшинчикъ, стеклянный круглодонный бальзамарій и бронзовая поясная пряжка простѣйшаго вида.

№ 1973. Тоже, 1,82 × 0,57 × 0,48 м., съ двумя остовами изголовьемъ на Ю., при которыхъ найдены: 2 миніатюрныя золотыя пронизи въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ, 11 пронизей изъ зеленой египетской пасты круглыхъ рубчатыхъ разной величины и 2 желѣзныхъ перстня, разрушенныхъ ржавчиной.

№ 1974. Гробница земляная съ 2-мя остовами, взрослаго и ребенка, изголовьемъ на Ю.-В., при которыхъ найдены: бронзовый дѣтскій браслетъ съ острыми концами и 11 круглыхъ мелкихъ пронизей изъ разноцвѣтнаго стекла.

№ 1975. Тоже съ одиночнымъ остовомъ изголовьемъ на Ю.-З., при которомъ найдена бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, т. 16, № 96).

№ 1976. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,04 × 0,45 × 0,53 м., очень грубой работы, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено. Сверху стояла надгробная плитка изъ мѣстнаго известняка въ формѣ человѣческой головы и начала плечъ, очень грубой работы. Эти памятники относятся къ древнегреческой эпохѣ.

№ 1977. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на С.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1978. Тоже, съ 2-мя остовами, одинъ надъ другимъ, изголовьями на С.-В., при которыхъ найдены: желѣзный разломанный перстень и 2 круглыя большія пронизи изъ стекла молочнаго цвѣта.

№ 1979. Гробница, сложенная изъ каменныхъ плитъ въ 2 ряда, украшенныхъ рустами, 2,00 × 0,55 × 0,62 м., закрытая 3-мя плитами: 2-мя большими по краямъ и узкой по срединѣ. При женскомъ остовѣ, обращенномъ на Ю.-В., найдены: въ изголовьѣ глиняная чернолаковая поврежденная тарелка, 0,15 м. діам. и 0,025 м. выш., пара серегъ изъ тонкой золотой проволоки и 4 круглыя рубчатыя пронизи изъ зеленой египетской пасты. У пояса: 2 бронз. херсонесскія монеты греческаго періода, плохой сохранности (Бурачковъ, т. 14, № 21), бронзовая, повидимому, греческая монета со стертыми отъ употребленія изображеніями, кусочекъ сѣры и обломокъ серебряной штампованной бляшки съ головкой Афродиты, подобной найденной въ 1896 году въ гробницѣ № 630. У ногъ глиняный узкогорлый бальзамарій безъ ручекъ, 0,25 м. выш., и обломки разрушенныхъ сыростью 3-хъ терракотовыхъ фигуръ: 1) сидящаго мужчины съ зайчикомъ въ правой поднятой рукѣ, на котораго бросается собачка, отстраняемая лѣвой рукой (рис. 9), 2) танцующей женщины, отъ которой уцѣлѣлъ лишь кусокъ снизу, и 3) голубя, сидящаго на кругломъ поломъ пьедесталѣ, къ которому онъ прикрѣплялся проволочкой съ помощью 4-хъ дырочекъ, 2-хъ въ птицѣ и 2-хъ въ пьедесталѣ [1]).

Рис. 9 (1/2).

№ 1980. Урна красноглиняная кувшиновидная одноручная, съ жжеными костями, при которыхъ ничего не найдено.

№ 1981. Гробница земляная съ одиночнымъ остовомъ изголовьемъ на З., при которомъ найденъ стеклянный плоскодонный бальзамарій.

---

1) Эта интересная гробница перенесена на площадь музея, гдѣ собраны представители разныхъ типовъ древнихъ погребальныхъ сооруженій Херсонеса.

№ 1982. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ ничего не найдено.

№ 1983. Гробница земляная, выложенная большими черепицами, поломанными на куски, 1,95 × 0,53 × 0,44 м., съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ лежала глиняная тарелка подъ темнокоричневымъ лакомъ.

№ 1984. Гробница земляная дѣтская съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найдены бронз. колечко и 2 круглыя пронизи: рубчатая и гладкая изъ полинявшаго стекла.

№ 1985. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на С., при которомъ найдены: бронз. разрушенная окисью монета, бронз. подвѣска въ видѣ трехугольника съ углубленіемъ для эмали и съ несоразмѣрно большимъ ушкомъ, такая-же подвѣска въ видѣ небольшого колокольчика, сосудикъ сѣроглиняный остродонный безъ ручекъ, глиняная одноручная чашечка и 5 стеклянныхъ пронизей: 2 плоскія овальныя и 3 въ видѣ гладкихъ трубочекъ.

№ 1986. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1987. Тоже, съ остовомъ въ томъ-же направленіи, при которомъ въ ногахъ найденъ глиняный одноручный кувшинчикъ съ красивымъ горломъ, сплюснутымъ въ видѣ розетки.

№ 1988. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,60 × 0,44 × 0,48 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1989. Тоже, 1,86 × 0,57 × 0,57 м., съ 2-мя остовами, изголовьями на Ю.-В. и С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 1990. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1991. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,68 × 0,44 × 0,44 м., грубой работы, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 1992. Тоже, той-же грубой работы и тѣхъ-же размѣровъ, съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ найдены: бронзовая монета со стертыми изображеніями и съ контрмаркой въ видѣ буквы Δ въ кружкѣ, стеклянный плоскодонный бальзамарій и глиняная лампочка, украшенная выпуклой человѣческой головой съ длинными волосами въ видѣ локоновъ и съ рожками.

№ 1993. Тоже, очень грубой работы, 1,86 × 0,62 × 0,44 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ ничего не найдено.

№ 1994. Гробница земляная съ остовомъ ребенка изголовьемъ на С.-В., при которомъ найдены: бронзовая греческая монета со стертыми изображеніями

и съ контрмаркой съ видѣ головы Ермія, колечко бронзовое гладкое, пара бронзовыхъ серегъ простѣйшаго вида, браслетъ бронзовый съ острыми концами и 8 стеклянныхъ пестрыхъ мелкихъ сучковатыхъ пронизей, оригинальной и очень рѣдко встрѣчаемой формы.

№ 1995. Гробница земляная съ остовомъ ребенка изголовьемъ на В., при которомъ найдены: бронзовый зубчатый медальонъ, бронзовое колечко и костяная ручка съ дырочкой отъ игрушечнаго колокольчика.

№ 1996. Тоже, съ остовомъ ребенка изголовьемъ на С.-В., при которомъ найдены глиняная тарелка и лампочка рѣдкой формы въ видѣ одноручнаго приплюснутаго кувшинчика.

№ 1997. Тоже, съ остовомъ взрослаго въ томъ-же направленіи, при которомъ найдены въ ногахъ глиняныя одноручная чашечка и мисочка, подобная нынѣшнимъ цвѣточнымъ горшечкамъ.

№№ 1998—2000. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами, въ первой на С.-В., въ остальныхъ на З., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 2001—2005. Пять земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ: въ №№ 2001, 2003 и 2004 на С.-З., въ № 2002 на В. и въ № 2005 на Ю.-В. Въ № 2002 найдены: стеклянный плоскодонный бальзамарій, глиняная одноручная чашечка, костяной точеный шарниръ отъ ларчика и 4 пастовыя круглыя пронизи, потерявшія свой первоначальный цвѣтъ.

№№ 2006—2013. Восемь гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ: № 2006 въ 2,13 × 0,62 × 0,62 м., съ остовомъ на С.-З., при которомъ ничего не найдено; № 2007 – въ 2,04 × 0,57 × 0,57 м., съ остовомъ въ томъ-же направленіи, при которомъ найдены 8 кусочковъ тончайшаго листового золота и бронзовое колечко; № 2008—въ 2,13 × 0,57 × 0,62 м., съ 2-мя остовами, взрослаго и ребенка, изголовьями на С.-З., при которыхъ найдены: бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, т. 16, № 89), перстень желѣзный, разрушенный ржавчиной, и 5 пастовыхъ пронизей: 2 круглыя, 2 овальныя, вдавленныя по серединѣ, и одна въ видѣ 14-гранника; № 2009—въ 2,13 × 0,57 × 0,57 м., съ остовомъ на С.-В., при которомъ найдены: бронз. монета одного изъ послѣднихъ боспорскихъ царей, очень плохой сохранности, кувшинчикъ глиняный одноручный, бронз. колечко и 3 пастовыя круглыя пронизи, потерявшія свой первоначальный цвѣтъ; №№ 2010—2013 въ 2,13 × 0,57 × 0,62 м., съ одиночными остовами изголовьемъ на С.-В., Ю.-В., С.-В. и С.-З., при которыхъ ничего не найдено. Гробницы №№ 2010—2012 вырублены въ видѣ буквы П.

№ 2014. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на В., при которомъ найдены бронз. херсонесская монета (Бурачковъ т. 16, № 89, но голова иначе и имя города впереди) и желѣзный клинокъ ножа.

№ 2015. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдена красноглиняная двуручная чашечка, 0,085 м. діам. и 0,06 м. вышины.

№ 2016. Тоже, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ ничего не найдено.

№ 2017. Гробница, сложенная изъ черепицъ средней величины (безъ клеймъ), раздавленныхъ на куски, съ одиночнымъ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 2018. Гробница, подобная предыдущей, съ 2 остовами взрослыхъ, одинъ надъ другимъ, изголовьями на С.-З. и Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 2019. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,04 × 0,57 × 0,57 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№ 2020. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найденъ стеклянный плоскодонный бальзамарій.

Рис. 10 (½).

№ 2021. Урна свѣтлоглиняная красивой античной формы съ 3-мя ручками, раздавленная, съ жжеными костями, между которыми найденъ разбитый глиняный узкогорлый бальзамарій.

№ 2022. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,00 × 0,60 × 0,62 м., хорошей работы, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ найдена бронзовая херсонесская монета (Бурачковъ, т. 15, № 68).

№ 2023. Тоже, грубой работы, однихъ размѣровъ съ предыдущей. Верхней плиты не оказалось и кости найдены въ безпорядкѣ.

№№ 2024 и 2025. Двѣ гробницы земляныя съ одиночными остовами изголовьемъ на Ю.-В. и С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 2026. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 213 × 0,57 × 0,62 м., старательной работы, съ одиночнымъ остовомъ изголовьемъ на Ю. Верхнихъ плитъ, закрывавшихъ гробницу, не найдено. Проникшей внутрь землей раздавлены 4

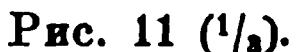

Рис. 11 (1/2).

Рис. 12 (1/2).

интересныя терракоттовыя фигуры: 1) молодая женщина, 0,20 м. выш. (рис. 10), задрапированная въ гиматій, при чемъ открытою осталась только часть лица съ опущенными внизъ глазами; на ногахъ остроконечные мягкіе башмаки. Работа высоко-художественная [1]). 2—3) Два полыхъ поясныхъ изображенія Коры (рис. 11), лицомъ къ зрителю, 0,20 м. выш. и 0,15 м. наиб. шир., съ руками, поддерживающими груди. Работа художественная. Обѣ фигуры слѣланы по одной формѣ [2]). 4) Обнаженный крылатый геній (рис. 12), 0,13 м. выш. и 0,07 м. наиб. шир. Фигура сильно поврежденная, нѣкоторыхъ кусковъ недостаетъ [3]). На всѣхъ статуэткахъ сохранились слѣды бѣлой и голубой красокъ.

№ 2027. Тоже, но грубой работы, 2,00 × 0,60 × 0,60 м., съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ ничего не найдено.

№№ 2028—2032. Пять земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 2033. Катакомба трапецiевидная грубой работы, 1,77 м. глуб., 1,42 — 1,33 м. шир. и 1,60—1,42 м. выш., съ волнистымъ не отдѣланнымъ потолкомъ, съ 3-мя нишами-койками, по одной въ каждой стѣнѣ, кромѣ перед-

[1]) Похожая статуэтка была найдена въ Ѳеодосіи и описана въ «*Музеѣ Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Терракотты*». Вып. I, т. 8, № 1.

[2]) Похожій бюстъ найденъ въ Смирнѣ и описанъ въ ук. изд., вып. 2, т. 3, № 1.

[3]) Подобенъ найденнымъ: 1) въ склепѣ № 1012 въ 1899 г. (описанъ въ *Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 1, стр. 7, рис. 5) и 2) въ насыпи некрополя, по сосѣдству со скотнымъ дворомъ, въ 1897 г. (описанъ въ *Отч. Имп. Арх. Комм.* за 1897 г., стр. 42. № 14, безъ рисунка).

ней, и съ ходомъ, 0,75 × 0,52 м., на З. На правой койкѣ лежали рядомъ два остова, головами на З.; у крайняго къ стѣнкѣ найденъ массивный бронз. браслетъ съ тупыми концами. На лѣвой и на задней койкахъ также лежали по два остова рядомъ, головами на З. и на Ю., но при нихъ ничего не найдено. На полу, ближе къ лѣвой стѣнкѣ, лежали рядомъ 3 остова, головами на З., при которыхъ также ничего не найдено. Затворъ находился на своемъ мѣстѣ. Этотъ фактъ, а также положеніе остововъ доказываютъ, что катакомба не была разграблена.

№ 2034. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№№ 2035—2037. Три гробницы, вырубленныя въ скалѣ, 2,00×0,60×× 0,60 м., съ одиночными остовами изголовьемъ на Ю., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 2038—2042. Пять земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ на В. Въ гробницѣ № 2040 при остовѣ найдена бронз. херсонесская монета со стертыми отъ употребленія изображеніями и надписями и съ контрмаркой въ видѣ стоящей Артемиды (см. у Бурачкова т. 16, № 120).

№ 2043. Урна красноглиняная кувшиновидная одноручная съ жжеными костями, между которыми ничего не найдено.

№ 2044. Урна свѣтлоглиняная амфоровидная съ 2-мя ручками, съ отбитымъ верхомъ, съ жжеными костями, между которыми ничего не найдено.

№ 2045. Гробница земляная съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ ничего не найдено.

№ 2046. Гробница, сложенная изъ черепицъ средней величины, раздавленныхъ землей, съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ найдены: тарелка глиняная чернолаковая, 0,19 м. діам., съ нацарапанными снизу монограммами, блюдце глиняное подъ графитовымъ лакомъ, 0,085 м. діам. и 0,025 м. выш., съ нацарапанной снизу буквой Х, и бальзамарій темноглиняный въ 0,19 м. выш. съ 3-мя обручами, сдѣланными бѣлой краской.

№ 2047. Тоже, одинаковаго устройства съ предыдущей, съ остовомъ изголовьемъ на С.-З., при которомъ найдены: большая бронз. монета Амиса съ изображеніями головы вправо и пегаса, сильно поврежденная, желѣзный перстень, разрушенный ржавчиной, и глиняная чашечка грубой работы, съ 2-мя горизонтально расположенными ручками.

№№ 2048—2050. Три гробницы, вырубленныя въ скалѣ, съ одиночными остовами изголовьемъ на С.-З., при которыхъ ничего не найдено.

№ 2051. Урна красноглиняная амфоровидная двуручная съ отбитымъ верхомъ, подобно урнѣ № 2044, съ жжеными костями, между которыми ничего не найдено.

№ 2052. Катакомба кубовидная хорошей работы, 2,04 × 2,04 м. и 1,68 м. вышины, съ 3-мя нишами-койками, по одной нъ каждой стѣнѣ, кромѣ передней, причемъ ниша лѣвой стѣны срѣзана при сооруженіи катакомбы № 2053, поглотившей описываемую. Ходъ, 0,62 × 0,62 м., обращенный на С.-З., не тронутъ и остался съ замазанной цемянкою каменной плитой. Какъ и слѣдующая, котакомба эта найдена наполненною человѣческими костями, между которыми найдены: браслетъ бронзовый, необыкновенно массивный, съ заостренными концами; такой-же браслетъ, но съ расширенными, отвѣсно обрѣзанными концами; 2 браслета бронзовые дѣтскіе съ острыми концами; 4 серьги бронзовыя въ видѣ гладкихъ колецъ: одна съ подвѣской въ видѣ язычка отъ колокольчика, одна съ подвѣской въ видѣ пирамидки изъ шариковъ и 2 безъ подвѣсокъ; 2 колокольчика бронзовые конической формы, поврежденные; подвѣска (?) бронзовая въ видѣ 4-конечнаго крестика, 0,025 × 0,025 м., съ округленными концами, образующими кружки, въ центрѣ которыхъ, а равно и въ центрѣ большого срединнаго кружка просверлены дырочки; 5 пронизей: 2 пастовыя съ глазками круглыя большія, 1 такая-же малая, 1 такая-же удлиненная большая и 1 янтарная неправильной формы большая; 4 бронзовыя монеты: Романа I, литая въ Херсонесѣ (см. у Орѣшникова, изд. 1905 г., т. 9, № 36), 2 восточныя и большая, 0,03 м. діам., со стертыми изображеніями и надписями и съ 6 просверленными дырочками, повидимому, императора Маврикія съ буквой Н.

№ 2053. Катакомба трапеціевидная грубой работы, 5,05—5,14 м. глуб., 7,82 м. шир. и 1,77—1,51 м. выш., безъ коекъ, но съ 2-мя большими ящиками, 0,73 м. выш., по обѣимъ сторонамъ входа, отгороженными стѣночками, снизу вырубленными изъ материковой скалы, а сверху сложенными изъ штучнаго камня. По бокамъ входа въ стѣнѣ выдолблены двѣ арковидныя ниши для урнъ. Ходъ, 0,62 × 0,71 м., обращенный на С.-В., приспособленъ въ видѣ дверной коробки для закладыванія его плитой и для перекладины, какъ въ калиткахъ городской стѣны. Потолокъ волнообразный, небрежно стесанный, мѣстами обрушился. По длинѣ катакомбы, для поддержанія потолка, оставлена часть стѣны изъ скалы, имѣющей видъ перегородки съ 3-мя арками, отдѣляющей переднюю часть катакомбы отъ ящиковидной ззадней. Во время сооруженія этой катакомбы, въ углу правой стѣны невольно образовался про-

ломъ, ведущій въ сосѣднюю катакомбу № 2055, который былъ старательно заложенъ стѣной изъ бутоваго камня, а у лѣвой стороны ящика, встрѣтивъ другую сосѣднюю катакомбу № 2052, описанную выше, углубились въ скалу стѣны, вырубили ступени, срѣзали часть ниши и такимъ образомъ пріобщили эту катакомбу къ описываемой. Въ этой катакомбѣ, интересной и по величинѣ и по устройству, было скучено огромное количество человѣческихъ костей, между которыми ни монетъ, ни иныхъ древностей не найдено, за исключеніемъ массивнаго бронз. браслета съ сильно расширенными тупыми концами, подобнаго найденному въ сосѣдней катакомбѣ № 2052, и нижней части большой красноглиняной остродонной амфоры, какія употреблялись въ Херсонесѣ для погребенія младенцевъ. Эти двѣ катакомбы, соединенныя въ одну большую, несомнѣнно въ христіанскую эпоху (что доказываютъ также всѣ перечисленныя выше находки), служили какъ-бы «братской могилой» во время какой-нибудь войны.

№ 2054. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,13 × 0,53 × 0,53 м., расположенная сверху описанной катакомбы № 2053, не закрытая плитами и безъ остова. Въ вынутой землѣ найдены глиняный кувшинчикъ съ 2-мя ручками и 7 пронизей изъ синяго стекла въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ.

№ 2055. Катакомба многоугольная, раздѣленная простѣнкомъ на два трапеціевидныхъ помѣщенія: правое въ 2,04 м. глуб., 1,37 — 2,00 м. шир. и 1,64 м. выш., и лѣвое въ 2,84 м. глуб., 2,21 — 2,74 м. шир. и 1,64 м. выш., посредственной работы, съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ большаго отдѣленія и съ ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на С.-З. Только въ двухъ нишахъ лежало по одному остову, изголовьемъ на Ю.-В. и С.-В. При женскомъ остовѣ, судя по ниже перечисленнымъ украшеніямъ, найдены: серебряная монета Траяна, продыравленная и служившая подвѣской; бронзовая монета колоніальная, 0,025 м. діам., массивная, хорошей сохранности, съ бюстомъ Каракаллы съ одной и съ бюстомъ Аѳины и частью надписи ΕΛΕΥΘΕΡ съ другой стороны, также продыравленная и служившая подвѣской; 2 трубочки для храненія заклинаній изъ низкопробнаго золота, 0,036 и 0,022 м. дл. и 0,012 и 0,013 м. діам., первая съ 3-мя ушками, запаянная съ обоихъ концовъ, вторая съ 2-мя ушками, помятая и съ отпавшимъ съ одного конца кружкомъ; 2 индикаціи изъ тончайшаго листоваго золота съ оттиснутыми, слабо замѣтными, мужскими бюстами вправо; 3 прямоугольныхъ листка, 0,014 × 0,011 м., изъ тончайшаго листоваго золота, 2 гладкіе и одинъ со слѣдами оттиснутыхъ изображеній; штофикъ стеклянный, 0,12 × 0,035 × 0,35 м.,

бальзамарій стеклянный плоскодонный, 0,14 м. выш.; другой бальзамарій круглодонный, 0,10 м. выш.; ларчикъ деревянный, наполовину сохранившійся, выдолбленный изъ цѣльнаго куска, 0,15 × 0,08 × 0,07 м., съ выдвижной крышкой; гребень деревянный, 0,075 × 0,055 м., подобный нынѣшнимъ; часть деревяннаго веретена, 0,10 м. дл., съ надѣтымъ деревяннымъ прясліцемъ, 0,022 м. діам.; замочекъ бронзовый внутренній отъ ларчика, поврежденный; подвѣски: 1 янтарная въ видѣ человѣческой головы съ плечами, очень грубой работы, какъ большинство янтарныхъ издѣлій, находимыхъ въ Херсонесѣ; ушко сверху отломано; 7 янтарныхъ кувшиновидныхъ разной величины; костяная пластинка, 0,03 × 0,01 × 0,01 м., дважды обмотанная серебряной проволокой, съ ушкомъ; пронизи: 9 сердоликовыхъ въ видѣ малыхъ 14-гранниковъ, 48 янтарныхъ въ видѣ кружковъ неправильной формы разной величины, изъ золотистаго стекла 19 круглыхъ малыхъ и 3 въ видѣ гладкихъ трубочекъ, 11 изъ красной пасты въ видѣ конусиковъ, соединенныхъ основаніями; изъ синяго стекла: 7 круглыхъ рубчатыхъ малыхъ, 7 въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ, 38 въ видѣ низкихъ конусиковъ, соединенныхъ основаніями, 7 круглыхъ малыхъ, соединенныхъ по 2 — 3 вмѣстѣ, 8 чечевицевидныхъ малыхъ, 4 въ видѣ плоскихъ кружковъ, 17 овальныхъ малыхъ, 7 въ видѣ гранныхъ трубочекъ и 23 круглыхъ, мелкихъ какъ бисеръ.

При второмъ остовѣ, повидимому мужскомъ, найдена лишь одна бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, т. 16, № 116).

На полу стояли 9 деревянныхъ истлѣвшихъ гробовъ съ крышками на два ската: въ правомъ отдѣленіи 2, параллельно стѣнѣ, изголовьями на Ю.-В., и въ лѣвомъ отдѣленіи 7, изъ нихъ 5 въ рядъ, параллельно передней стѣнѣ, изголовьями на Ю.-В., и 2 поверхъ нижнихъ гробовъ, изголовьями на С.-В. и на Ю. На крышкахъ гробовъ, въ изголовьяхъ, было положено по одной бронз. херсонесской монетѣ временъ элевѳеріи (Бурачковъ, т. 16, № 108—2 экз., № 110—2 экз., № 114—3 экз. и № 120—2 экз.), всѣ хорошей сохранности. Этотъ интересный фактъ оказалось возможнымъ установить только благодаря сравнительно хорошей сохранности гробовъ, особенно ихъ верхнихъ частей. Внутри трехъ гробовъ при остовахъ, какъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ, были также положены херсонесскія монеты того-же времени, а въ 6-ти гробахъ монетъ внутри не оказалось.

При остовахъ въ гробахъ найдены: въ ближайшемъ къ входу, въ правой половинѣ, 2 бронз. херсонесскія монеты временъ элевѳеріи (Бурачковъ, т. 16,

№№ 106 и 120), плохой сохранности, пряжка поясная бронзовая въ видѣ массивнаго кольца съ выдвинутымъ впередъ язычкомъ и желѣзный клинокъ большого прямого ножа; въ слѣдующемъ рядомъ: бронз. херсонесская монета того-же времени (Бурачковъ, т. 16, № 116), хорошей сохранности, 5 большихъ пронизей: пастовая мозаичная круглая, такая же удлиненная и 3 изъ синяго стекла круглыя гладкія.—Въ лѣвой половинѣ, въ нижнихъ гробахъ, въ ближайшемъ ко входу: штофикъ стеклянный, бальзамарій стеклянный круглодонный и лампочка глиняная, украшенная рубчиками и пупышками. Въ слѣдующемъ рядомъ: бронз. херсонесская монета (Бурачковъ, т. 16, № 103) очень плохой сохранности, 2 кувшинчика глиняные одноручные и перстень серебряный безъ камня. Въ 3-мъ и 4-мъ гробахъ, кромѣ монетъ, лежавшихъ сверху, ничего не найдено. Въ 5-мъ: бальзамарій стекл. плоскодонный, чашечка глиняная одноручная и желѣзный клинокъ ножа. Изъ двухъ гробовъ, стоявшихъ сверху, въ ближайшемъ къ стѣнѣ найдена бронзовая прямоугольная массивная пряжка, а въ другомъ ничего не найдено.

Тутъ-же на полу, въ разныхъ мѣстахъ катакомбы, найдены глиняные сосуды: чашечка одноручная съ круговою надписью, сдѣланною бѣлой краской: ΠΕΙΝΕΕΥΦΡΑΙΝΟΥ, 10 чашечекъ одноручныхъ обычнаго типа, 2 мисочки, 3 кувшинчика одноручные и 5 лампочекъ, украшенныхъ рубчиками и пупышками.

№№ 2056—2061. Шесть земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьемъ: въ 2-хъ первыхъ и 2-хъ послѣднихъ на Ю., въ №№ 2058 и 2059 на Ю.-В. Въ гробницѣ № 2056 найденъ красноглиняный бальзамарій въ 0,17 м. выш., безъ ручекъ, а въ гробницѣ № 2057: мисочка красноглиняная, 0,105 м. діам. и 0,05 м. выш., греческой эпохи, и кувшинчикъ свѣтлоглиняный, 0,12 м. выш., грубой работы, съ высоко поднятой ручкой, на которой оттиснута головка собаки.

№ 2062. Катакомба трапецiевидная грубой работы, съ выгнутой полукругомъ передней стѣной, 2,00 м. глуб., 1,68—2,13 м. шир. и 1,60 м. выш., съ 3-мя нишами-койками, по одной въ 3-хъ стѣнахъ, кромѣ передней, и съ ходомъ, 0,75 × 0,62 м., на С.-З. Вслѣдствіе рыхлости скалы потолокъ обвалился. Подобно ранѣе описаннымъ катакомбамъ №№ 2052 и 2053, была наполнена остовами. Здѣсь найдены: серьга грубой работы изъ золотой проволоки, 5 бронзовыхъ серегъ въ видѣ гладкихъ колецъ, 1 фибула бронзовая малая, разломанная, пряжка поясная бронзовая, 2 трубочки бронзовыя для заклинаній, поврежденныя, 8 пронизей: 2 пастовыя мозаичныя круглыя, 1 янтарная большая неправильной формы, 5 синяго стекла: 1 овальная, 2 въ

видѣ малыхъ 14-гранниковъ и 2 круглыя малыя; кувшинъ глиняный, 0,15 м. выш., одноручный, плохо обожженный и очень грубой работы, монета бронзовая малая (0,01 м. діам.) тонкая, со стертыми изображеніями и надписями, повидимому, римская императорская IV-го в., и кусокъ полевого шпата.

№№ 2063 и 2064. Двѣ земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ на Ю., при которыхъ ничего не найдено.

№ 2065. Гробница черепичная разрушенная, съ остовомъ изголовьемъ на Ю., при которомъ ничего не найдено.

№ 2066. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 2,02 × 0,57 × 0,62 м., грубой работы, съ остовомъ изголовьемъ на Ю.-В., при которомъ ничего не найдено.

№№ 2067—2069. Три земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ на Ю., при которыхъ ничего не найдено.

№№ 2070—2073. Четыре гробницы, вырубленныя въ скалѣ, 2,00 × × 0,57 × 0,57 м., съ одиночными остовами: въ первыхъ 3-хъ изголовьемъ на Ю., а въ послѣдней на Ю.-В. При остовѣ въ гробницѣ № 2072 найденъ большой желѣзный перстень, разрушенный ржавчиной.

№№ 2074 и 2075. Двѣ земляныя гробницы съ одиночными остовами изголовьемъ на Ю.-В., при которыхъ ничего не найдено.

№ 2076. Катакомба кубовидная грубой работы съ обрушившимся потолкомъ, 2,04 × 2,04 и 1,60 м. выш., съ 3-мя нишами-койками, по одной въ каждой стѣнѣ, кромѣ передней, и съ ходомъ, 0,62 × 0,64 м., на С.-В. Кости лежали разбросанныя на полу. Въ вынутой и просѣянной землѣ найдены: очень рѣдкая бронзовая херсонесская монета съ монограммой, выясненной въ трудѣ А. Л. Бертье-Делагарда: «Значеніе монограммъ на монетахъ Херсонеса»[1]), тарелка буролаковая разбитая, тарелка глиняная нелаковая, съ фабричной маркой по серединѣ въ видѣ штампованной розетки изъ 4-хъ пальметокъ, и желѣзный клинокъ ножа.

№ 2077. Катакомба трапеціевидная крайне грубой работы, съ выгнутой полукругомъ передней стѣной, съ волнистымъ, слабо обработаннымъ, потолкомъ, 1,77 м. глуб., 1,95—2,13 м. шир. и 1,60—1,68 м. выш., съ 3-мя нишами-койками, по одной въ каждой стѣнѣ, кромѣ передней, и съ ходомъ, 0,66 × 0,93 м., на Ю.-З. Плита затвора не найдена. Всѣхъ остововъ въ катакомбѣ было 9: три на полу, при которыхъ ничего не найдено, и 6 на койкахъ, по 2 на каждой, при которыхъ найдены: часть деревяннаго гребня, украшеннаго

[1]) *Зап. Нумизм. Отд. И. Р. Арх. Общ.* т. I, стр. 69, № 8.

человѣческимъ бюстомъ, ажурно вырѣзаннымъ внутри медальона, часть такого-же гребня съ необычайно длинными зубьями, по 0,04 м. на густой и по 0,08 м. на рѣдкой сторонѣ, гребень деревянный двухсторонній, подобный нынѣшнимъ, желѣзное разломанное кольцо, бронзовый дѣтскій браслетъ въ видѣ змѣйки и 2 бронзовыя пряжечки, повидимому, отъ обуви.

№ 2078. Тоже въ видѣ неправильной трапеціи хорошей работы, 2,79 м. глуб., 2,70—3,72 м. шир. и 1,64 м. выш., съ 5-ю нишами, изъ коихъ одна въ задней стѣнѣ въ видѣ койки, а въ правой и лѣвой стѣнахъ по 2 ящиковидныхъ, одна надъ другой, съ подпорнымъ столбомъ впервые встрѣчаемой формы, квадратнаго сѣченія, украшеннымъ снизу базой, а сверху капителью въ видѣ опрокинутой вершиной внизъ трапеціи, съ выемками въ видѣ треугольниковъ, основанія которыхъ параллельны полу, въ 4-хъ сторонахъ столба, и съ приливомъ, оставленнымъ для лампочекъ. Арковидный ходъ, 0,62 × 0,66 м., обращенъ на С.-З. На полу у правой стѣны лежали 2 остова и у лѣвой одинъ, всѣ изголовьемъ на С.-З., при которыхъ ничего не найдено. У костей отъ 3-хъ остововъ, разбросанныхъ на 3-хъ полкахъ, найдены: 3 бронз. херсонесскія монеты (Бурачковъ, т. 16, №№ 108, 114 и 117), бронзовая монета римская императорская, плохой сохранности, II в. по Р. Х., желѣзный разломанный перстень, лампочка свѣтлоглиняная, сильно поврежденная, украшенная выпуклой розеткой о 24-хъ лепесткахъ, 2 кувшинчика глиняныхъ,—одноручный и двуручный, чашечка темноглиняная одноручная, чашечка свѣтлоглиняная разбитая и кусочекъ сѣры. На приливѣ столба, упомянутомъ выше, стояли 2 глиняныя лампочки, украшенныя рубчиками и пупышками, а на землѣ у входа найдена малая золотая индикація съ неразборчивымъ оттискомъ. Въ нижней нишѣ лѣвой стѣны, у самого пола, грабительскій проломъ проникаетъ изъ глубокой ямы со ступеньками, вырубленной въ скалѣ.

№ 2079. Саркофагъ каменный потрескавшійся, безъ крышки, 2,30 м. дл., 1,24 м. шир. и 0,22 м. выш., наполненный землей. При остовахъ, повидимому мужчины и женщины, изголовьями на Ю.-В., найдены: пара золотыхъ большихъ серегъ, состоящихъ изъ массивнаго кольца съ припаяннымъ штампованнымъ винограднымъ листомъ и изъ подвѣски-пирамидки изъ 5 полыхъ шариковъ, съ широкимъ ушкомъ, грубой работы (рис. 13); часть ожерелья изъ 7 стеклянныхъ, потерявшихъ свой цвѣтъ, пронизей въ видѣ малыхъ 14-гранниковъ, соединенныхъ звеньями изъ тончайшей золотой проволоки

Рис. 13 (н. в.).

Рис. 14 (н. в.).

(рис. 14); такъ какъ сохранилось только 11 звеньевъ и 7 пронизей, то ясно, что ожерелье было положено въ саркофагъ въ сильно поврежденномъ видѣ; трубочка золотая для храненія заклинаній, 0,015 м. дл. и 0,01 м. діам., съ 2-мя ушками, задѣланная по концамъ; 2 индикаціи изъ тонкаго листового золота, оттиснутыя съ римской императорской монеты; перстень серебряный массивный, обычной приплюснутой формы, съ овальной геммой изъ коричневой яшмы съ вырѣзанной двуликой бородатой головой на подобіе головы Януса; перстень желѣзный разломанный; кристаликъ граната, подобный оправленному въ золото, найденному въ катакомбѣ № 1662 (см. выше стр. 76, рис. 4); лампочка глиняная, украшенная выпуклыми рубчиками сверху и звѣздочкой снизу, и 7 бронзовыхъ херсонесскихъ монетъ: Бурачковъ, т. 16, №№ 89, 102, 105 (но съ быкомъ, спокойно идущимъ вправо, съ поднятой головой), 114, 117 и 118 (2 экз.), всѣ плохой сохранности.

№ 2080. Катакомба прямоугольная, грубой работы, 3,48 м. глуб., 3,04 м. шир. и 1,62 м. выш., съ подпорнымъ столбомъ квадратнаго сѣченія, съ 3-мя нишами-койками съ округленными боками, по одной въ каждой стѣнѣ, кромѣ передней, съ обрушившимся потолкомъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на С.-З. При разбросанныхъ костяхъ ничего не найдено.

№ 2081. Тоже, 2,70 м. глуб., 2,08 м. шир. и 1,60 м. выш., съ 3-мя нишами-койками, по одной въ каждой стѣнѣ, кромѣ передней, съ обрушившимся потолкомъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,58 м., на Ю.-З. При разбросанныхъ костяхъ также ничего не найдено.

№ 2082. Тоже, 2,26 м. глуб., 2,04 м. шир. и 1,60 м. выш., съ 3-мя нишами-койками, по одной въ каждой стѣнѣ, кромѣ передней, съ обрушившимся потолкомъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на С.-В. При разбросанныхъ костяхъ найдены: бальзамарій стеклянный плоскодонный, 0,06 м. выш., пронизь изъ синяго стекла малая въ видѣ 14-гранника и бронзовый крестикъ-тѣльникъ, 0,025 × 0,015 м., повидимому очень поздній.

№ 2083. Тоже безформенная пещеровидная, крайне грубой работы, 5,75 м. глуб., 2,13 — 3,55 м. шир. и 1,68 м. выш., безъ нишъ и хода, съ провалившимся потолкомъ. Внутри не оказалось даже костей.

Въ с.-з. сторонѣ нижняго скотнаго двора, какъ это видно на прилагаемомъ планѣ (табл. 1), отъ катакомбы № 2082 и до стѣны бывшаго известковаго сарая, на протяженіи 40 м. материковая скала отвѣсно срублена въ болѣе или менѣе прямомъ направленіи, на разной глубинѣ, въ зависимости отъ подъема или паденія скалы, при чемъ повреждены: ходъ въ катакомбу 2062, сѣверная часть катакомбы 2076, сѣверная ниша катакомбы 2081 и ходъ въ катакомбу 2082. По мнѣнію опытныхъ въ этомъ вопросѣ рабочихъ, мы имѣемъ здѣсь передъ собой древнюю каменоломню, которая, полагаю, могла возникнуть только въ римскую эпоху, во время расширенія городской территоріи, вызвавшаго необходимость утолщенія цѣлымъ поясомъ городской оборонительной стѣны и сооруженія впереди ея дополнительной стѣны именно въ этой южной части городища, которая, какъ выяснили раскопки послѣднихъ лѣтъ, занимала въ стратегическомъ отношеніи, въ римскую и византійскую эпохи, особенно важное положеніе, повидимому, укрѣпленнаго лагеря. Изъ плана раскопокъ, помѣщеннаго въ Отчетѣ Имп. Археолог. Комм. за 1897 г. стр. 91, видно, какая масса камня потребовалась для усиленія древнѣйшей оборонительной стѣны греческой эпохи.

Перечисленныя выше поврежденія 4-хъ катакомбъ, причиненныя каменоломнею, и рядъ позднихъ земляныхъ гробницъ (№№ 1844, 1845, 1853, 1854, 1859, 1860, 1870, 1876 и 1877, съ одиночными остовами безъ вещей), сложенныхъ въ земляной насыпи, образовавшейся уже впослѣдствіи на мѣстѣ каменной траншеи, доказываютъ, что добываніе здѣсь камня могло производиться только послѣ сооруженія поврежденныхъ этой работой катакомбъ,— слѣдовательно не въ древнегреческую и, повидимому, даже не въ ранне-римскую эпохи,—что оно имѣло временное значеніе, и поэтому образовавшаяся въ скалѣ длинная узкая выемка была тогда-же засыпана землей, и что въ византійскую эпоху эта новая насыпь, судя по найденнымъ въ ней землянымъ могиламъ, перечисленнымъ выше, составляла продолженіе некрополя у Карантинной бухты. Къ сожалѣнію, какъ въ этихъ 9 гробницахъ, такъ и въ сосѣднихъ съ ними съ юга не найдено не только какихъ-либо украшеній, но и монетъ, которыя могли-бы датировать ихъ происхожденіе, а такъ какъ относить ихъ къ древнегреческой эвохѣ, по приведеннымъ уже соображеніямъ, совершенно невозможно, въ римскую-же эпоху полное отсутствіе въ гробницахъ находокъ, особенно монетъ, составляетъ исключеніе и считается признакомъ ихъ разграбленія, то въ пользу византійскаго происхожденія этихъ земляныхъ гробницъ въ новой насыпи мы имѣемъ еще одно доказательство.

Площадь монастырскаго скотнаго двора, разслѣдованная до скалы въ отчетномъ году, ограничивается съ 3-хъ сторонъ,—сѣверной, южной и восточной,—высокой каменной стѣной, а съ западной малымъ верхнимъ дворомъ, доходящимъ до военнаго шоссе, и составляетъ 665,28 кв. саж.

Какъ часть некрополя, ближайшая къ южному участку оборонительной стѣны и къ той именно мѣстности городища, которая была заселена раньше другихъ, нолоса эта представляетъ большой научный интересъ, такъ какъ служила некрополемъ,—какъ видно изъ описанія гробницъ и перечня находокъ,—съ самаго основанія города и до покоренія Тавриды русскими. Ея скалистая почва, какъ показываетъ прилагаемый планъ, вся источена, какъ муравейникъ, семейными склепами и одиночными гробницами, вырубленными по всѣмъ направленіямъ и часто въ два яруса. На незначительной, сравнительно, площади въ четверть десятины обнаружено *448* разнохарактерныхъ погребеній, а именно:

35 семейныхъ склеповъ, названныхъ въ отчетѣ катакомбами. Изъ нихъ: 3 съ 5-ю нишами-койками, 20 съ 3-мя, 3 съ 2-мя, 2 съ одной нишей-койкой и 7 безъ нишъ-коекъ, но одна изъ нихъ (№ 2053) имѣетъ на полу два ящика, частью вырубленные въ скалѣ, а въ стѣнѣ двѣ малыя ниши для урнъ;

118 гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ;

1 квадратное углубленіе въ скалѣ съ жжеными костями;

3 гробницы ящиковидныя, сложенныя: одна изъ плитъ, украшенныхъ рустами (№ 1979), одна изъ обыкновенныхъ гладкихъ плитъ (№ 1660) и одна изъ разнохарактернаго камня (№ 1916);

1 каменный саркофагъ (№ 2079);

12 гробницъ, сложенныхъ изъ древнегреческихъ черепицъ, изъ коихъ нѣкоторыя, на основаніи именныхъ печатей астиномовъ, относятся къ 4-му в. до Р. Х.;

256 гробницъ, вырытыхъ въ верхнемъ наслоеніи земли, ниже котораго идетъ материковая скала съ вырубными склепами и гробницами;

22 урны глиняныя съ жжеными костями и съ остовами младенцевъ. Распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 4 красивой античной формы съ 3-мя ручками (одна была обложена черепицами, № 1964), 10 кувшиновидныхъ съ одной ручкой и 2 той-же формы съ двумя ручками и 6 амфоръ съ отбитымъ верхомъ.

Въ насыпи некрополя на мѣстѣ скотнаго двора при раскопкахъ найдены слѣдующія древности:

I. Памятники эпиграфическіе:

1) Осколокъ мраморной плиты, 0,065 м. наиб. дл., 0,035 м. наиб. шир. и 0,017 м. толщ., съ частью 4-хъ буквъ въ 0,015 м. выш. въ одной строкѣ, отъ греческой надписи римской эпохи.

2) Нижній лѣвый уголъ мраморнаго надгробія съ частью греческой надписи римской эпохи [1]).

3) Верхняя часть прямоугольной надгробной плиты изъ мѣстнаго известняка съ вполнѣ сохранившеюся древнегреческою надписью [2]).

4) Правая сторона мраморной надгробной плиты съ частью 4-строчной греческой надписи римской эпохи [3]).

232 амфорныя ручки съ именными печатями херсонесскихъ астиномовъ, въ томъ числѣ съ хорошо сохранившимися именами 187 и съ отдѣльными буквами отъ именъ 45.

Нахожденіе здѣсь столь значительнаго количества амфорныхъ ручекъ съ именами мѣстныхъ астиномовъ объясняется непосредственнымъ сосѣдствомъ печей для обжиганія амфоръ, уничтоженныхъ во время расширенія города въ римскую эпоху. Съ другой стороны большой фланговой башни, у самого въѣзда между стѣнами, были открыты въ 1900 г. и самые остатки печей и множество амфорныхъ ручекъ [4]).

Кромѣ того, найдено 18 ручекъ съ надписями и 31 съ монограммами, относимыхъ къ неизвѣстнымъ греческимъ колоніямъ.

2 обломка отъ большихъ древнегреческихъ черепицъ съ именными печатями астиномовъ, одинъ Синопы, другой неизвѣстной колоніи [5]).

2. Монеты: a) Херсонеса: α) греческаго періода 6 экз. (Бурачковъ, т. 14, №№ 29—35 и т. 15, №№ 54—57).

β) византійскаго періода 9 экз. отъ Юстиніана до Романа II (Орѣшниковъ, т. 9, №№ 1—3, 20, 22, 29, 35 и т. 10, №№ 44, 51, 52).

b) Другихъ греческихъ колоній—5 экз., всѣ очень плохой сохранности (одного изъ послѣднихъ боспорскихъ царей, Синопы, Амиса, колоніальная,

[1]) Издана В. В. Латышевымъ въ *Изв. И. А. Комм.* в. 18, стр. 116, № 25.

[2]) См. тамъ-же, № 24.

[3]) См. тамъ-же, стр. 117, № 26.

[4]) См. *Изв. И. Арх. Комм.* в. 2, стр. 18 сл.

[5]) Надписи и монограммы на ручкахъ и черепицахъ будутъ изданы отдѣльно.

0,029 м. д., *лиц.* бюстъ императора вправо со слѣдами надписи, *об.* Зевсъ влѣво съ неразборчивой надписью, и неизвѣстной греческой колоніи).

c) Римскихъ и византійскихъ императоровъ—10 экз.

3. Статуи и части ихъ, мраморныя: 1) средняя часть, безъ оконечностей, мужской статуи хорошаго исполненія изъ бѣлаго греческаго мрамора, прислоненной къ плитѣ (рис. 15); лѣвая рука у локтя была приставная. Наиб. размѣры: выш. 0,62, шир. 0,40 и толщ. 0,20 м. Обломокъ сильно источенъ морскими животными, а къ правому плечу

Рис. 15 ($^1/_{10}$).

пристала часть устрицы, изъ чего видно, что онъ долгое время пролежалъ въ морѣ. — 2) Ступня лѣвой ноги въ сандаліи, натур. вел., съ частью плиты.

4. Посуда глиняная: чернолаковая тарелка обычной формы, поврежденбуролаковый сосудикъ въ видѣ чайника (верхъ коричневаго цвѣта украшенъ черной звѣздой); краснолаковая чашечка разбитая съ недостающими сбоку кусками, красивой легкой формы, безъ ручекъ, 0,07 м. выш. и 0,08 м. діам. сверху, украшенная вокругъ выпуклыми листиками и стрѣлками; 339 обломковъ разной посуды, безъ слѣдовъ рисунковъ и орнамента.

Лампочки: 1) рѣдкой формы въ видѣ чашечки, 0,045 м. выш. и 0,09 м. діам., съ трубкой по серединѣ, 0,06 м. выш. и 0,05 м. діам. въ верхней расширенной части, съ отверстіемъ, соединяющимъ снизу трубку съ чашечкой, и съ ручкой сверху, соединяющей края трубки и чашечки; 2) украшенная выпуклымъ изображеніемъ гладіатора, поврежденная; 3) украшенная выпуклыми загадочными знаками, быть можетъ, готская; 4) безъ украшеній, обычной формы, римской эпохи; 5) часть лампочки простой глины, но античной формы, съ круто-поднятой ручкой и съ началомъ отбитой прямой расширяющейся ножки (рѣдкій видъ); 8 обломковъ отъ лампочекъ: 1 античной формы удлиненный, 1 такой-же, но съ ручкой сбоку въ видѣ малаго ушка, 1 такой-же безъ ручки и съ отверстіемъ посрединѣ для насаживанія на подставку, 1 такой-же безъ ручки, красивой удлиненной формы, сѣроглиняный, и 4 краснолаковые римской эпохи.

Посуда стеклянная: обломокъ нижней части чашки или стакана, сплошь украшенный выпуклымъ чешуйчатымъ орнаментомъ, какъ на мегарскихъ кубкахъ; 2 куска отъ горла (0,135 м. діам.. сверху) очень большаго сосуда изъ тонкаго стекла; 26 обломковъ: 7 донышекъ, 5 горлъ, 2 ручки и 12 бочковъ.

5. ***Хозяйственныя орудія и инструменты***: 4 оселка съ дырочками для ношенія у пояса; 3 оселка безъ дырочекъ; обломокъ отъ бронзоваго ключа.—Каменнаго вѣка: скребокъ кремневый прямоугольный, 0,028 × 0,21 м.; половина каменнаго молотка съ тупымъ концомъ, не полированнаго.

6. ***Сбруя:*** 2 подвѣски въ видѣ длинныхъ узкихъ расширенныхъ бронзовыхъ пластинокъ съ несоразмѣрно большимъ прямоугольнымъ ушкомъ для ремня.

7. ***Рыболовство***: иголка бронзовая для вязанія сѣтей, 0,22 м. дл.

8. ***Наряды, украшенія, принадлежности туалета:*** браслетъ бронзовый большой съ тупыми концами; такой-же браслетъ малый; перстень бронзовый съ овальнымъ щиткомъ, на которомъ вырѣзанъ крылатый геній (см. описаніе гробницъ №№ 1012 и 2026); 8 пряжекъ поясныхъ бронзовыхъ: 1 удлиненная узкая съ завитками въ видѣ змѣиныхъ головокъ, 2 прямоугольныя плоскія, безъ украшеній, 2 овальныя съ сильнымъ утолщеніемъ съ одной стороны и 3 въ видѣ простыхъ круглыхъ колецъ съ массивными язычками; 3 кольца бронзовыхъ разной величины, повидимому отъ поясныхъ пряжекъ; пряжка поясная желѣзная, сильно поврежденная; 2 перстня желѣзныхъ (къ одному пристала косточка отъ пальца); подвѣска къ ожерелью въ видѣ усѣченной пирамидки изъ синяго стекла; гребень костяной прямоугольный, 0,055 × 0,04 м., рѣдкій, поврежденный, съ дырочкой по серединѣ для подвѣшиванія; ложечка костяная круглая, 0,023 м., съ заостренной ручкой въ 0,08 м. длины; пуговица костяная круглая, 0,023 м. діам., плоская, съ широкимъ округленнымъ ушкомъ-ножкой, поврежденная; раковинка овальная съ 2-мя дырочками снизу, служившая пуговицей; обломки костяной точеной коробочки.

9. ***Строительныя части зданій***: 18 черепицъ большихъ древнегреческихъ, безъ клеймъ: 0,67×0,51×0,03 м.—11 шт. и 0,51 × 0,39 × 0,028 м.— 7 штукъ.

10. ***Матеріалъ для издѣлій***: 4 кусочка сѣры.

11. ***Надгробія безъ эпитафій***: а) древнегреческой эпохи: 4 надгробія малыя изъ мѣстнаго известняка въ видѣ греческаго портика, съ выпуклой головой и началомъ плечъ внутри; 1 надгробіе малое той-же формы, но безъ головы внутри портика; 5 обломковъ красивыхъ фронтоновъ отъ

стелъ изъ мѣстнаго известняка; часть стелы изъ того-же матеріала, украшенная 2-мя выпуклыми розетками, мечомъ и лукомъ,—распространенный видъ въ древнѣйшую эпоху; 44 верхнія части малыхъ составныхъ надгробій, напоминающія голову съ началомъ плечъ, изъ мѣстнаго известняка; 23 нижнія прямоугольныя плитки изъ того-же матеріала съ прямоугольными углубленіями для вышеописанныхъ головообразныхъ вставокъ; плитка, подобная предыдущимъ, но съ 2-мя прямоугольными углубленіями для верхнихъ вставокъ.— б) Римской эпохи: надгробіе мраморное грушевидной формы, 0,30 м. выш., 0,13 м. наиб. шир. и 0,07 м. наиб. толщ., съ выпуклымъ пояснымъ изображеніемъ мужчины, лицомъ къ зрителю (рис. 16). Повидимому, это часть большой надгробной стелы, стесанная въ нынѣшнемъ ея видѣ и приспособленная въ болѣе позднее время.—Осколокъ мраморной стелы, 0,02 м. толщ., съ уцѣлѣвшею частью выпуклаго изображенія женщины, облокотившейся на лѣвую руку; тоже, 0,025 м. толщ., съ уцѣлѣвшею частью выпуклаго изображенія сидящей собаки съ поднятой кверху головой; справа слѣды человѣческой фигуры.

Рис. 16 (ок. 1/3).

12. Древности невыясненнаго назначенія: предметъ бронзовый, имѣющій форму нынѣшняго стального пера, 0,07 м. дл. и 0,009 м. діам. въ широкомъ мѣстѣ трубки, служившей для надѣванія на ручку; конецъ, къ сожалѣнію, отломанъ; сдѣланъ изъ бляшки, которая въ одной половинѣ согнута въ трубку и удерживалась на заклепкѣ.—Двѣ крышечки изъ круглой тонкой бронзовой бляшки: 0,031 м. діам., съ малымъ, но прочнымъ ушкомъ посерединѣ, и 0,032 м. дл., съ дырочкой по серединѣ, сквозь которую пропущенъ пробойчикъ съ кольцомъ, 0,015 м. внутр. діаметра.

2. Раскопки съ южной стороны „крестнаго храма".

(Продолженіе раскопокъ 1902, 1903 и 1904 гг. См. планъ на табл. II).

№ 2084. Ходъ размѣровъ 1,77 × 0,80 × 0,71 м., въ начатую, но брошенную катакомбу, съ одной ступенькой, обращенный на Ю.

№ 2085. Ходъ трапецiевидный, 1,51 × 0,80 × 1,24 м., безъ ступеньки, обращенный на С.-З.

№ 2086. Катакомба трапецiевидная грубой работы, 3,06 м. глуб., 2,97 — 3,37 м. шир. и 1,51 — 1,68 м. выш., съ 4-мя нишами-койками въ 2 яруса въ боковыхъ стѣнахъ, съ малой арковидной нишей въ углу правой стѣны, съ нишей въ видѣ аркосолiя въ задней стѣнѣ, съ слабо-обработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,53 × 0,62 м., на Ю.-З. Стѣны со всѣми нишами и потолокъ старательно оштукатурены, при чемъ въ штукатурку употреблены известь, песокъ и солома. По гладко отполированной штукатуркѣ всюду шла роспись, отъ которой, къ сожалѣнiю, сохранились лишь немногiе куски. Особенно пострадалъ отъ сырости потолокъ, штукатурка котораго продолжаетъ отпадать. Катакомба была въ свое время показана А. Л. Бертье-Делагарду, а въ августѣ 1906 г. осмотрѣна Предсѣдателемъ Императорской Археологической Коммиссiи графомъ А. А. Бобринскимъ, но съ особеннымъ вниманiемъ ея фрески были изслѣдованы профессоромъ М. И. Ростовцевымъ. В. Н. Ротомъ сдѣланы точные снимки въ краскахъ на калькѣ съ уцѣлѣвшихъ остатковъ фресокъ, а чертежникомъ М. И. Скубетовымъ представленъ проектъ реставрацiи нѣкоторыхъ частей фресокъ и къ нему краткая пояснительная записка (см. ниже въ приложенiи 1-мъ).

Для выясненiя устройства катакомбы и ея росписи прилагаются: перспективный видъ катакомбы, 11 листовъ снимковъ въ краскахъ на калькѣ, 2 фотографич. снимка (аркосолiя и куска штукатурки съ отпавшей фреской, на которомъ видна солома), рисунокъ реставрированныхъ частей фрески и пояснительная записка В. Н. Рота къ составленнымъ имъ снимкамъ[1]).

Въ вынутой и просѣянной землѣ, которая проникла въ катакомбу и перемѣшалась съ разбросанными костями, найдены: золотая проволочная серьга съ петелькой, золотое колечко, утолщенное по серединѣ, отъ пряжечки, пронизь золотая шаровидная, пряжка поясная бронзовая съ уцѣлѣвшими остатками наложеннаго золота, половина крестика-тѣльника изъ тонкой бронзовой пластинки, 0,013 × 0,01 м., 4 пронизи: 1 сердоликовая круглая малая, 1 изъ красной пасты такая-же и 2 лигнитовыя въ видѣ гранныхъ трубочекъ, наконецъ 5 бронзовыхъ римскихъ императорскихъ монетъ: Валентинiана I—2 экз., Θеодосiя Великаго—2 экз. и Аркадiя—1 экз.

№ 2087. Тоже, 2,84 м. глуб., 2,66—2,75 шир. и 1,68—1,64 выш., съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, кромѣ передней,

[1]) [Хранятся въ архивѣ Коммиссiи. *Ред.*].

и съ ходомъ, 0,62 × 0,62 м., на С.-З. Мѣстами обрушилась. Плита затвора была лишь прислонена. Внутрь проникла земля, въ которой найдены: серьга золотая проволочная дѣтская, 3 золотыя пронизи въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ, 2 лампочки глиняныя (одна съ поднятымъ носикомъ и ручкой, другая малая, крайне грубой работы), 2 бронзовыя массивныя поясныя пряжки простѣйшаго вида, часть костяной ручки, украшенной художественной рѣзьбой, 74 лигнитовыя пронизи отъ двухъ браслетовъ въ видѣ уже неоднократно встрѣчавшихся небольшихъ прямоугольныхъ пластинокъ, украшенныхъ съ лицевой стороны рубчиками, съ 2-мя дырочками для нанизыванія, 52 пронизи изъ синяго стекла мелкія какъ бисеръ, 10 пронизей изъ того-же матеріала въ видѣ малыхъ 14-гранниковъ, 3 пронизи изъ того-же матеріала круглыя рубчатыя, 16 бронзовыхъ монетъ: 4 херсонесскія временъ элевѳеріи (Бурачковъ, т. 16, №№ 103, 108 и 115), одна Рискупорида III, одна неизвѣстной греческой колоніи, 0,023 м. діам., со стертыми изображеніями и надписями и съ контрмаркой въ видѣ мужской головы вправо, поврежденной просверленною дырочкою, и 10 римскихъ императорскихъ очень плохой сохранности, изъ коихъ 6 малыхъ, повидимому, сыновей Константина Великаго.

№ 2088. Тоже, пещеровидная, небрежной работы, 2,21 м. наиб. глуб., 2,84 наиб. шир. и 1,51 выш., съ 3-мя нишами-койками: въ правой стѣнѣ одной большой и въ лѣвой двумя малыми, одна надъ другой, и съ гробницей, вырубленной въ подошвѣ, 1,60 × 0,48 × 0,48 м. Большая ниша старательно оштукатурена. Ходъ, 0,62 × 0,71 м., обращенный на С.-З., былъ безъ затвора и катакомба наполнилась землей, въ которой найдены: фибула большая желѣзная простѣйшаго вида, пряжка поясная желѣзная, 2 пряжки поясныя бронзовыя грубой работы и 5 бронзовыхъ римскихъ императорскихъ монетъ: одна Валентиніана I, одна Ѳеодосія Великаго и 3 того-же времени, но со стертыми изображеніями и надписями.

№ 2089. Тоже, подобная предыдущей, но очень грубой работы и безъ нишъ, 3,37 м. наиб. глуб., 3,90 м. наиб. шир. и 1,74 м. выш., съ ходомъ 0,62 × 0,62 м., на З. Въ проникшей землѣ найдены: пряжка поясная бронзовая большая прямоугольная, съ заклепками для прикрѣпленія ремня, пряжка малая того-же устройства, но съ длиннымъ клювовиднымъ язычкомъ, шашка изъ чернаго стекла круглая, обычной формы, и 4 малыя круглыя пронизи изъ синяго стекла.

№ 2090. Тоже, овальная, крайне грубой работы, 0,93 м. глуб., 1,33 шир. и 0,95 выш., безъ нишъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на Ю., повидимому не оконченная; остововъ не оказалось.

№№ 2091—2097. Семь земляныхъ гробницъ съ одиночными остовами изголовьями на З., С.-З., Ю.-З., С., С.-В., послѣдняя дѣтская, въ которой найдены: пронизь мозаичная двойная, такая же круглая, пронизь изъ зеленой пасты круглая рубчатая и 2 бронзовыя монеты императора Ѳеодосія Великаго. Въ остальныхъ гробницахъ найдены: въ № 2091 бронзовая херсонесская монета (Бурачковъ, т. 16, № 103), пряжечка бронзовая отъ обуви, трубочка бронзовая, 0,055 м. дл., для храненія заклинаній, съ 2-мя ушками, поврежденная, и 3 большія круглыя гладкія пронизи изъ зеленаго стекла. Въ № 2092: двѣ бронзовыя монеты: Рискупорида III и одного изъ послѣднихъ боспорскихъ царей, со стертыми изображеніями и надписями. Въ № 2093: три бронзовыя римскія императорскія монеты: одна Гонорія и двѣ того-же времени неразборчивыя и пронизь круглая гладкая изъ синяго стекла. Въ № 2094: колокольчикъ бронзовый игрушечный, прикрѣплявшійся къ костяной ручкѣ, и 2 пронизи мозаичныя круглыя. Въ № 2095: трубочка бронзовая разломанная для храненія заклинаній и 4 пронизи изъ зеленаго стекла, большія круглыя гладкія. Въ № 2096: подвѣска лигнитовая въ видѣ головки собаки очень грубаго исполненія, пронизь мозаичная двойная, подобная найденной въ дѣтской гробницѣ № 2097, пронизь изъ зеленаго стекла въ видѣ плоскаго кружка и бронзовая монета Рискупорида III.

Земляныя гробницы на этомъ участкѣ некрополя, представляющемъ изъ себя сплошную каменную гору, появляются впервые.

№ 2098. Катакомба трапецієвидная крайне грубой работы, 2,86 м. глуб., 2,84 — 2,66 шир. и 1,68 — 1,55 выш., съ 6-ю нишами-койками, по 2 одна надъ другой, въ 3-хъ стѣнахъ, съ выгнутой полукругомъ передней частью, волнистымъ, необработаннымъ потолкомъ и ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на Ю. Нижнія койки расположены у самаго пола. Грабительскій проломъ ведетъ изъ верхней лѣвой ниши въ сосѣднюю катакомбу № 1621. Земля проникла внутрь черезъ обвалъ потолка у входа. Катакомба оказалась разграбленной.

№ 2099. Гробница, вырубленная въ скалѣ, крайне грубой работы, 1,77 × 0,53 × 0,44 м., безъ верхнихъ плитъ, съ разбросанными костями, при которыхъ ничего не найдено.

№ 2100. Ходъ, 2,75 × 1,42 × 0,71 м., трапецієвидный въ планѣ, съ 2-мя ступеньками, обращенный на Ю., въ начатую, но брошенную катакомбу.

№ 2101. Катакомба трапецієвидная посредственной работы, 2,13 м. гл., 1,95 — 1,73 шир. и 1,68 — 1,60 выш., съ 3-мя нишами въ видѣ ящиковъ

въ 3-хъ стѣнахъ, подобными обнаруженнымъ въ катакомбахъ №№ 1505 и 2120, со слабо-коробовымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,66 × 0,84 м., на С. Въ правой стѣнѣ выдолблена у задняго угла выемочка для лампы. Ступенька для спуска въ катакомбу сдѣлана изъ древнегреческой профилированной надгробной стелы изъ желтоватаго известняка. Кромѣ земли и разбросанныхъ костей ничего не найдено.

№ 2102. Тоже, но грубой работы, 2,39 м. гл., 2,66 — 2,30 м. шир. и 2 м. выш., съ 3-мя нишами койками въ 3-хъ стѣнахъ, со слабо обработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,66 × 0,62 м., на С. Сильно пострадала отъ сырости и имѣетъ сквозной проломъ надъ лѣвой нишей. Была наполнена землей, въ которой ничего не найдено.

№ 2103. Тоже, 2,97 м. гл., 2,92 — 3,10 шир. и 1,73 — 1,64 выш., съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, со слабо обработаннымъ, мѣстами обрушившимся, потолкомъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на С.-В. Плиты затвора не оказалось и въ катакомбу проникла земля, въ которой найдены: лампочка глиняная съ поднятыми носикомъ и ручкой, лампочка малая безобразная, вся покрытая копотью, камень метательный малый, медальонъ-подвѣска бронзовый зубчатый, 4 пронизи синяго стекла: 1 въ видѣ гладкой трубочки, 1 въ видѣ 14-гранника и 2 круглыя гладкія и 5 бронз. императорскихъ монетъ: Валентиніана I, Ѳеодосія Вел., Аркадія и 2 того-же времени очень плохой сохранности.

№ 2104. Тоже, прямоугольная, грубой работы, 2,04 м. гл., 1,86 шир. и 1,73 × 1,64 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, со слабо обработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,53 × 0,62 м., на С.-В. Грабительскій проломъ изъ передняго угла правой стѣны ведетъ въ сосѣднюю катакомбу № 2105. Служила ночлежнымъ домомъ для безпріютнаго люда. Стѣны и потолокъ покрыты копотью.

№ 2105. Тоже, но трапецієвидная, крайне грубой работы, 2,13 м. гл., 1,77 — 2,13 шир. и 1,68 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ и съ ходомъ, 0,53 × 0,62 м., на С.-В. Передняя сторона выдалась полукругомъ внутрь. Изъ лѣвой ниши грабительскій проломъ ведетъ въ сосѣднюю катакомбу № 2104. Въ проникшей въ катакомбу землѣ найдены: 3 бальзамарія стеклянные плоскодонные, 0,05 — 0,06 м. выш., и 4 бронз. римскія императорскія монеты: Ѳеодосія Великаго 2 экз., Аркадія и Флакциллы по одному экз., всѣ хорошей сохранности.

№ 2106. Тоже, 2,02 м. гл., 2,04 — 2,48 шир. и 1,55 выш., съ 5-ю

нишами-койками: въ лѣвой и задней стѣнахъ по 2, одна надъ другой, и въ правой стѣнѣ одной, со слабо обработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,62 × 0,57, на С.-В. Плиты затвора не оказалось, кости и земля были скучены отдѣльно и катакомба старательно разграблена.

№ 2107. Тоже, 2,75 м. гл., 2,48 — 4,12 шир. и 1,60 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, съ необработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,53 × 0,62 м., на В. Передняя сторона обрушилась, вслѣдствіе чего въ катакомбу проникла земля, въ которой найдены: 5 пронизей изъ синяго стекла: 2 въ видѣ гладкихъ трубочекъ, 1 въ видѣ плоскаго кружка, 1 въ видѣ 14-гранника и 1 мелкая, какъ бисеръ; серьга бронзовая въ видѣ кольца съ 14-гранной пронизью и 4 бронзовыя монеты: греческая, 0,028 м. діам., совершенно стертая, херсонесская временъ элевѳеріи, неизданный варіантъ (нападающая Артемида—голова Аполлона въ вѣнкѣ, обращенная влѣво, а не вправо, какъ на всѣхъ экземплярахъ этого типа, 0,025 м. діам.), и императоровъ Константина II и Валентиніана I.

№ 2108. Тоже, грубой работы, 2,21 м. глуб., 2,00 — 2,13 м. шир. и 1,90 — 1,77 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, съ 2-мя малыми прямоугольными нишами для урнъ въ передней стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ хода и съ одной такой-же нишей, вырубленной посерединѣ стѣны задней койки, и съ ходомъ, 0,53 × 0,53 м., на В. Вслѣдствіе рыхлости скалы для входа была вставлена каменная рама, вырубленная изъ цѣльной плиты. Катакомба старательно разграблена.

№ 2109. Тоже, 2,75 м. гл., 2,66 — 2,75 шир. и 1,64 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,62 м., на С.-В. Плита затвора была разбита и катакомба наполнена землей, въ которой найдены: лампа свѣтлоглиняная, украшенная полушаріями и выпуклыми запятыми, 15 пронизей: 1 мозаичная круглая, 1 такая-же удлиненная, 1 изъ синяго стекла въ видѣ 14-гранника, 1 изъ зеленой пасты круглая рубчатая и 11 изъ синяго стекла въ видѣ рубчатыхъ трубочекъ; бронз. херсонесская монета съ головой Аполлона влѣво, подобная найденной въ катакомбѣ № 2107, плохой сохр., и 5 римскихъ императорскихъ монетъ: Каракаллы—Константина II—2 экз. и Констанція II—2 экз.

№ 2110. Тоже, 2,21 м. глуб., 2,13 — 2,30 шир. и 1,82 — 1,68 выш., съ 3-мя нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, со слабо обработаннымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,62 × 0,62 м., на С.-В. Надъ входомъ для укрѣпленія рыхлой скалы вложена каменная перекладина. Катакомба старательно разграблена.

Кости оказались собранными въ правомъ углу, а просѣянная земля—скученной посерединѣ.

№ 2111. Тоже, 3,81 м. глуб., 2,84 — 3,10 м. шир. и 1,86 — 1,63 м. выш., съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ и ходомъ, 0,57 × 0,62 м., на С.-В., укрѣпленнымъ по бокамъ 2-мя плитами, на подобіе дверной коробки. Потолокъ волнообразный, необработанный, передняя и задняя стѣны вогнуты внутрь полукругомъ и въ верхней части ихъ выдолблено 5 выемочекъ для лампочекъ. Катакомба старательно разграблена.

№ 2112. Тоже, 2,11 гл., 3,11 — 3,37 шир. и 1,86 — 1,42 выш., съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, со слабо обработаннымъ потолкомъ, съ выгнутой наружу полукругомъ передней стѣной и съ ходомъ, 0,57 × 0,62, м., на С. Плиты затвора не оказалось и внутрь проникла земля, въ которой найдены: куски отъ двухъ деревянныхъ гребней, 2 разбитыхъ стеклянныхъ плоскодонныхъ бальзамарія, колокольчикъ бронзовый безъ язычка, пряжка поясная бронзовая простѣйшаго вида и 15 бронзовыхъ монетъ: 8 малыхъ сыновей Константина Великаго, очень плохой сохр., Ѳеодосія Великаго 3 экз., Аркадія 2 экз., Гонорія, Флакциллы, Льва I, Анастасія и Юстиніана I по одному экземпляру.

№ 2113. Тоже, 2,75 м. гл., 2,66 — 3,01 шир. и 1,86 — 1,68 выш., съ 6-ю двухъярусными нишами-койками въ 3-хъ стѣнахъ, съ волнообразнымъ потолкомъ и съ ходомъ, 0,57 × 0,57 м., на С.-В. Подобно предыдущей, оказалась безъ затвора и наполненною землей, въ которой найдены: бронзовый крестикъ-тѣльникъ, 0,02 × 0,015 м, съ сильно расширенными концами, лампочка глиняная малая, крайне грубой работы, 10 пронизей: 1 халцедоновая большая круглая, 1 янтарная въ видѣ плоскаго кружка и 8 изъ синяго стекла круглыхъ малыхъ и 10 бронзовыхъ монетъ римскихъ императоровъ: Криспа, Констанція II (2 экз.), Валентиніана I, Ѳеодосія Великаго (3 экз.), Аркадія, Гонорія и Флакциллы.

№ 2114. Тоже, 3,32 м. гл., 3,24 — 2,84 шир. и 1,91 — 1,55 выш., съ 4-мя нишами-койками, по 2 одна надъ другой, въ лѣвой и задней стѣнахъ и одной въ видѣ ящика въ правой стѣнѣ, которая была заставлена 5-ю плитами, изъ коихъ одна найдена на своемъ мѣстѣ, 2 лежали на полу, а остальныхъ двухъ въ катакомбѣ не оказалось. Потолокъ обработанный, передняя часть его выгнута полукругомъ; ходъ, 0,62 × 0,75 м., обращенъ на С. Подобно катакомбѣ № 2086, была расписана фресками, отъ которыхъ сохранились самые ничтожные остатки, такъ какъ катакомба долгое время простояла безъ

затвора, доступная для грабителей и для рѣзкихъ атмосферныхъ вліяній. Какъ и вышеупомянутая, она была осмотрѣна сначала А. Л. Бертье-Делагардомъ, затѣмъ графомъ А. А. Бобринскимъ и проф. М. И. Ростовцевымъ. В. Н. Ротомъ сняты на калькѣ въ краскахъ сохранившіеся куски фресокъ на потолкѣ, а чертежникомъ М. И. Скубетовымъ составлены проектъ реставраціи нѣкоторыхъ частей и краткая пояснительная записка (см. ниже въ приложеніи 2-мъ).

Задѣлка правой ниши плитами, покрытыми росписью, доказываетъ, что погребенное здѣсь лицо пользовалось въ христіанскую эпоху особымъ уваженіемъ. Поэтому приходится крайне сожалѣть, что не посчастливилось обнаружить эту катакомбу въ нетронутомъ грабителями видѣ, въ какомъ иногда, хотя очень рѣдко, встрѣчаются на этомъ участкѣ некрополя катакомбы римской эпохи.

Въ вынутой и старательно просѣянной землѣ найденъ лишь обломокъ гипсоваго кружка, 0,025 м. толщ. и 0,075 м. діам., съ выпуклыми крестами, съ расширенными концами съ обѣихъ сторонъ, съ орнаментомъ вокругъ и съ отверстіемъ, 0,011 м. діам., для насаживанія на древко.

№ 2115. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,24×0,53×0,26 м., грубой работы, не покрытая плитами, съ разбросанными костями, при которыхъ ничего не найдено.

№ 2116. Тоже, 2,04×0,62×0,62 м., также не покрытая, съ разбросанными костями отъ двухъ остововъ, при которыхъ ничего не найдено.

№ 2117. Тоже, необычайно грубой работы, 2,04 × 0,93 × 1,11 м., также не покрытая, съ разбросанными костями, при которыхъ ничего не найдено. Правая продольная стѣна выдолблена въ основаніи для боковаго погребенія.

№ 2118. Тоже, грубой работы, 2,00 × 0,62 × 0,51 м., съ 2-мя продольными нишами-койками, съ грабительскимъ проломомъ изъ лѣвой ниши въ катакомбу № 2119 и съ разбросанными костями, при которыхъ найдены: лампочка глиняная очень грубой работы; 16 пронизей: 3 пастовыя мозаичныя большія круглыя, 3 такія же удлиненныя, одна изъ зеленой пасты большая круглая рубчатая и 9 изъ синяго стекла круглыхъ гладкихъ малыхъ; браслетъ бронз. съ расширенными тупыми концами; пряжка поясная бронзовая массивная, простѣйшаго вида, и 5 бронзовыхъ монетъ: Рискупорида III и 4 римскихъ императоровъ IV в. по Р. Х., очень плохой сохранности.

№ 2119. Катакомба безформенная крайне грубой работы, 1,15 м. глуб., 1,51 наиб. шир. и 1,55 выш., безъ нишъ, повидимому не оконченная, съ граби-

тельскимъ проломомъ изъ гробницы № 2118 и съ ходомъ, 0,53 × 0,66 м., на С.-В. Внутри не оказалось даже костей.

№ 2120. Тоже, трапецiевидная, посредственной работы, 2,13 м. глуб., 1,68—1,95 шир. и 1,73 выш., съ 3-мя нишами въ видѣ ящиковъ въ 3-хъ стѣнахъ, съ обработаннымъ потолкомъ, мѣстами обрушившимся, и съ ходомъ, 0,62 × 0,80 м., на С.-В. Найдена безъ затвора и старательно разграбленной.

№ 2121. Гробница, вырубленная въ скалѣ, 1,95×0,57×0,75 м., грубой работы, не покрытая, съ разбросанными костями, при которыхъ ничего не найдено.

№ 2122. Тоже, 1,90 × 0,53 × 0,57 м., также не покрытая плитами и съ разбросанными костями, при которыхъ найдены: распавшiйся серебряный крестикъ-тѣльникъ, обрывокъ бронз. лампадной цѣпи и бронз. херсонесская монета императора Юстинiана I. Здѣсь передъ нами несомнѣнно христiанское погребенiе, относящееся, судя по монетѣ, къ VI вѣку по Р. Хр.

№ 2123. Тоже, 1,95 × 0,57 × 0,62 м., съ провалившимися внутрь плитами и съ разбросанными костями, при которыхъ найдены: 7 большихъ пронизей отъ браслета въ видѣ рубчатыхъ полушарiй изъ темнозеленаго стекла, съ 2-мя дырочками; пронизь халцедоновая круглая большая; серьга въ видѣ бронзоваго гладкаго колечка; пуговица бронзовая массивная бубенчиковидная и 5 бронзовыхъ монетъ: одна херсонесская временъ элевѳерiи (Бурачковъ, т. 16, № 110) и 4 малыя очень плохой сохранности, повидимому сыновей Константина Великаго.

№ 2124. Тоже, хорошей работы, оштукатуренная розовой цемянкой, 1,60×0,62×0,71 м., не покрытая плитами, съ сильно истлѣвшими костями, при которыхъ найдены: 2 глиняныхъ поврежденныхъ блюдца на высокихъ ножкахъ, 7 глиняныхъ лампочекъ, украшенныхъ пупышками и рубчиками, и обломки металлическаго зеркала.

№ 2125. Катакомба трапецiевидная грубой работы, 1,95 гл., 1,77—1,95 шир. и 1,68 м. выш., съ 3-мя нишами койками въ 3-хъ стѣнахъ, съ грубообработаннымъ киркой потолкомъ, со слабо выгнутой впередъ входной стѣной и съ ходомъ, 0,62×0,80 м., на С.-В. Найдена безъ затвора, старательно разграбленною.

По сосѣдству съ катакомбами №№ 2101 и 2102 обнаруженъ величественный колодецъ цилиндрической формы сверху и грушевидной снизу, старательно вырубленный въ скалѣ, 1,15—2,22 м. дiам. и 7,27 м. глубины, съ проточной водой, 1,06 м. глуб., и съ отдѣльнымъ къ нему крутымъ ступенчатымъ ходомъ, потолокъ котораго волнообразными выемками въ скалѣ при-

способленъ для удобнаго спуска. Внизу лѣстница выходитъ на площадку съ прорубленнымъ арковиднымъ окномъ для черпанія воды изъ колодца. Это повтореніе приспособленія, обнаруженнаго въ 1902 г. внутри крипты подъ «крестнымъ» храмомъ. Въ колодцѣ имѣются выемочки для ногъ, повидимому

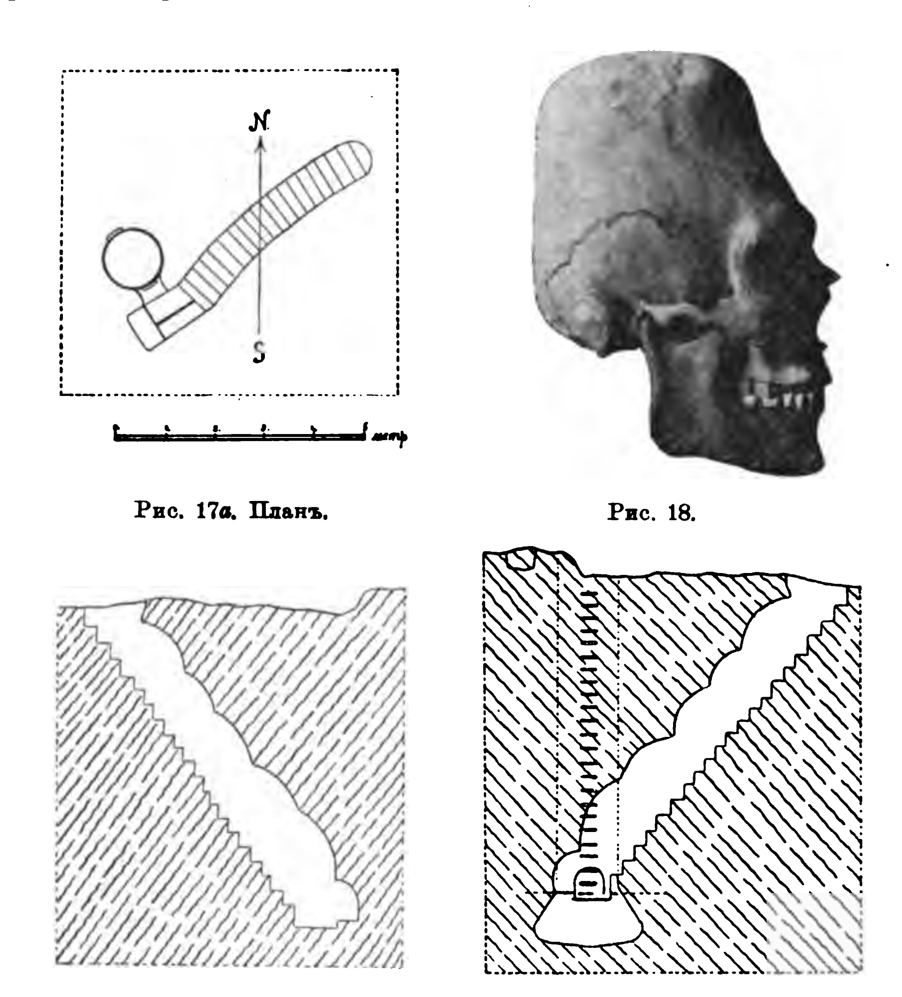

Рис. 17*а*. Планъ.

Рис. 18.

Рис. 17*б*. Лѣвый профиль.

Рис. 17*в*. Правый профиль.

вырубленныя при его сооруженіи. Всѣ детали показаны на особыхъ рисункахъ (рис. 17 *а*—*в*), а анализъ воды, признанной севастопольскимъ городскимъ химикомъ А. К. Годзишевскимъ негодною для употребленія, при семъ прилагается [1]). Въ землѣ, наполнявшей колодецъ и ходъ, отъ которыхъ на поверхности не оставалось ни малѣйшихъ признаковъ, были найдены кости животныхъ и людей и большой рѣзко деформированный черепъ (рис. 18).

[1]) См. приложеніе 3-е.

На этомъ же участкѣ некрополя, но съ лѣвой стороны городской дороги, по сосѣдству съ раскопками 1890 г., при распланировкѣ площадки военнымъ вѣдомствомъ для постройки каменнаго сарая для храненія пожарныхъ инструментовъ, была обнаружена интересная катакомба.

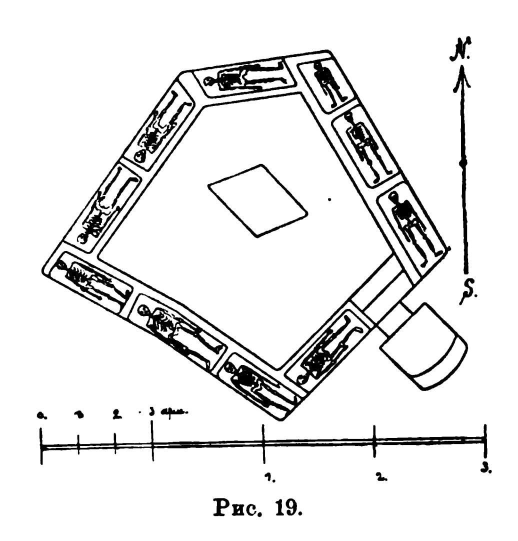

Рис. 19.

№ 2126. Катакомба пятиугольная грубой работы, 4,70 м. глуб., 3,01—5,23 м. ширины и 1,60 м. выш., со сплошной нишей-скамьей, 0,74 м. выш. и 0,76 шир., идущей по всѣмъ 5-ти сторонамъ и раздѣленной на 10 перегороженныхъ приливчиками, какъ-бы отдѣльныхъ коекъ, 0,08 м. глуб., съ подпорнымъ столбомъ въ средней части, ромбовиднаго горизонтальнаго сѣченія, съ ровнымъ, обработаннымъ гранной киркой потолкомъ и съ ходомъ, 0,66×0,75 м., на Ю.-В. Затворъ находился на своемъ мѣстѣ, но былъ только прислоненъ, не замазанъ и подпертъ приваленными камнями. Во всѣхъ 10 отдѣленіяхъ лежало по одному остову, какъ показано на детальномъ планѣ (рис. 19), но только при 5-ти остовахъ были найдены нижепоименованныя украшенія.

У перваго справа отъ входа: 2 бронзовыя серьги въ видѣ массивныхъ колецъ съ такими же 14-гранниками; у перваго слѣва отъ входа: 2 большія желѣзныя пряжки, сильно поврежденныя ржавчиной, повидимому отъ сбруи; у слѣдующаго, рядомъ: пронизь золотая въ видѣ рубчатой трубочки, 2 фибулы бронзовыя малыя, простѣйшей формы, и 2 бронзовыя пряжечки отъ обуви; у 3-го слѣва: 2 бронзовыя малыя пружинныя фибулы, 4 бронзовыя небольшія пряжки, изъ коихъ 2 парныя, впервые встрѣчаемой формы и не выясненнаго назначенія (рис. 20), и 2 пластинки изъ низкопробнаго серебра (рис. 21), украшенныя цвѣтной эмалью, сильно поврежденной, помѣщенной въ золотыхъ перегородкахъ; пластинки слу-

Рис. 20 (н. в.).

Рис. 21 (н. в.).

жили, быть можетъ, украшеніемъ пояса. Наконецъ, у послѣдняго слѣва остова найдена большая бронз. поясная пряжка простѣйшаго вида. Остовы мало истлѣли, деформированныхъ череповъ не было, на койкахъ лежали обрывки ткани, но совершенно отсутствовали обломки дерева и гвозди отъ гробовъ, а также посуда, лампочки и монеты. Катакомба не была тронута грабителями и въ нее не проникла земля. Разслѣдована же она черезъ проломъ скалы въ потолкѣ, происшедшій во время планировки площадки для постройки сарая.

№ 2127. Справа отъ катакомбы обнаружена въ землѣ урна въ видѣ красноглиняной двуручной амфоры, раздавленная, съ жжеными костями, вмѣстѣ съ которыми лежала поврежденная красноглиняная лампочка, украшенная выпуклымъ изображеніемъ гладіатора.

Въ насыпи некрополя у крестнаго храма найдены: 3 маленькихъ обломка отъ мраморныхъ плитъ съ нѣсколькими буквами отъ надписей [1]) и небольшой деформированный черепъ безъ нижней челюсти, которая не разыскана.

На этомъ участкѣ некрополя въ отчетномъ году обнаружено 44 экз. разнородныхъ погребеній, а именно:

24 катакомбы, изъ коихъ: 6 съ 6-ю нишами-койками, 1 съ 5-ю нишами-койками, 1 съ 4-мя нишами-койками и съ одной ящиковидной (съ остатками фресокъ), 1 съ 4-мя нишами-койками, съ малой арковидной нишей и съ нишей въ видѣ аркосолія (съ остатками фресокъ), 7 съ 3-мя нишами-койками, 1 съ 3-мя нишами-койками и съ гробницей, вырубленной въ полу, 1 съ 3-мя нишами-койками, съ 2-мя малыми для урнъ и съ одной въ задней нишѣ, 2 съ 3-мя нишами въ видѣ ящиковъ, 1 со сплошной скамьей, раздѣленной приливчиками какъ бы на 10 коекъ, и 3 безъ нишъ.

9 гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, изъ коихъ: 2 съ 2-мя боковыми продольными нишами-койками, 1 съ одной боковой продольной нишей-койкой и 6 безъ нишъ, 7 гробницъ земляныхъ, 1 урна въ видѣ красноглиняной двуручной амфоры и 3 брошенныхъ хода въ проектированныя катакомбы.

---

[1]) Изданы въ *Изв. И. А. Комм.* в. 18, стр. 120—121, №№ 32, 34 и 35.

II. ГОРОДИЩЕ.

I. Раскопки въ юго-западной части монастырской усадьбы.

(Продолженіе раскопокъ 1902 – 1904 г.).

Въ отчетномъ году окончено разслѣдованіе юго-западной части акрополя и дальнѣйшія раскопки внутри монастырской усадьбы временно прекращены. Съ 1906-го года раскопки будутъ перенесены на обширную площадь южнаго некрополя, вслѣдствіе предпринимаемыхъ здѣсь военнымъ вѣдомствомъ большихъ работъ, вызываемыхъ постройкой казармъ и офицерскихъ флигелей для переводимаго въ Херсонесъ одного батальона Севастопольской крѣпостной артиллеріи.

Въ самомъ юго-западномъ углу монастырской усадьбы обнаружено большое зданіе *B*, не вполнѣ выясненнаго назначенія (см. планъ на табл. III). Толстыя стѣны его сложены изъ бутоваго камня на извести и оштукатурены внутри цемянкой. Съ Ю.-З. въ зданіе входилъ водобѣгъ въ видѣ вырубленнаго въ скалѣ канала, проходящаго внизъ подъ половой настилъ изъ каменныхъ плитъ. Съ этой стороны зданія, имѣющаго несомнѣнную связь съ цѣлой системой построекъ (предположительно термъ), открытыхъ въ 1898 г. нѣсколько западнѣе, на мѣстѣ нынѣшняго караульнаго помѣщенія, предѣльная стѣна не обнаружена, такъ какъ она попала подъ монастырскую ограду, но та часть зданія, которая имѣла каменный полъ, отдѣлена болѣе тонкой поперечной стѣной (0,64 м. толщ.), не связанной съ продольными стѣнами. Вышина сохранившихся стѣнъ 0,80—1,42 м., со скатомъ съ Ю.-З. на С.-В. Ширина зданія, по наружному обмѣру, 6,43 м., длина его, до пересѣченія съ монастырской оградой, сѣверной стѣны 14,22 м. и южной 14,93 м., толщина стѣнъ: продольныхъ 0,88 и 1,02 м. и поперечныхъ 0,64 и 0,80 м. Съ сѣверной стороны зданія, вплотную съ его стѣной, проложенъ второй водобѣгъ, съ вѣткой къ нему, состоящій изъ цемянковаго канала, обставленнаго каменными плитами. Проходя вдоль всего зданія, каналъ, на половинѣ длины послѣдняго, сообщается вѣткой съ подпольемъ, причемъ въ точкѣ развѣтвленія и въ концѣ водобѣга

отвѣсно вставлено по гончарной трубѣ. Трубы въ такомъ-же положеніи были найдены и въ сосѣднемъ зданіи термъ, открытомъ въ 1898 г. Эти водобѣги, обогнувъ зданіе *В* вдоль стѣнъ съ внутренней стороны по цемянковымъ каналамъ, выходили сквозь восточную поперечную стѣну наружу и соединялись съ главнымъ коллекторомъ водостока, проходившаго по ближайшей широкой улицѣ, ведущей къ городскимъ воротамъ. Интересное изданіе имѣло хорошо сохранившійся плитный полъ, который перенесенъ на площадь склада древностей, такъ какъ монастырь не далъ разрѣшенія на сохраненіе зданія, расположеннаго на черномъ дворѣ, за конюшней. Рис. 22 изображаетъ это зданіе послѣ его окон-

Рис. 22.

чательной расчистки (двое рабочихъ стоятъ съ ю.-з. стороны зданія, у входа водобѣга). Не выясненную особенность зданія составляютъ выдолбленныя въ половыхъ плитахъ вдоль продольныхъ стѣнъ луночки, 0,17 м. діам. и 0,08 м. глуб., соединенныя канальчикомъ въ 0,06 м. шир., и соотвѣтствующія имъ квадратныя углубленія, 0,17 × 0,17 и 0,31 м. глуб., въ продольныхъ стѣнахъ, на вышинѣ 0,53 м. отъ линіи пола. Такихъ луночекъ и квадратныхъ отверстій имѣется съ каждой стороны по 15-ти, что указываетъ на ихъ несомнѣнную связь. По мнѣнію проф. М. И. Ростовцева и инженера Н. І. Третескаго, зданіе это могло быть общественнымъ отхожимъ мѣстомъ, на что, кромѣ его характерныхъ деталей и обилія пропущенной внутрь воды,

указываетъ и его изолированное положеніе у оборонительной стѣны, по близости городскихъ термъ.

Въ плитный полъ уложено нѣсколько камней изъ построекъ древнегреческой эпохи. Въ болѣе позднее время и это зданіе раздѣлило общую участь всѣхъ херсонесскихъ построекъ ранней эпохи: въ немъ заложили дверь въ южной продольной стѣнѣ, разобрали плитный полъ въ западномъ углу съ той-же стороны и вырубили въ скалѣ пашенную яму *м*, 1,77 × 1,77 × 1,06 м., а между дверью, захвативъ часть ея, и ямой сложили изъ плитъ усыпальницу *б*, 2,04 × 1,06 × 1,02 м., содержавшую множество костей.

Между этимъ зданіемъ и оборонительной стѣной сохранились части двухъ водостоковъ: *г* цемянковаго, одного типа съ ранѣе описанными, пропущеннаго сквозь стѣну, и *в*, древнѣйшаго, сложеннаго изъ цѣльныхъ каменныхъ жолобовъ, 0,98 — 1,11 м. дл., 0,66 м. шир., 0,31 м. выш. и 0,22 — 0,35 м. діам. выжелобки (изображенъ на рис. 23). Водоотводъ византійской эпохи, выпущенный сквозь городскую стѣну, обнаруженъ также по сосѣдству съ складомъ древностей, у самаго караульнаго дома, а древнѣйшіе каменные водоотводы были найдены у той-же стѣны въ 1898, 1899 и 1903 годахъ, причемъ одинъ изъ нихъ, у монастырской гостинницы, также проходилъ сквозь оборонительную стѣну.

Рис. 23.

На этомъ угловомъ участкѣ монастырской усадьбы, ограниченномъ съ 3-хъ сторонъ оградой и съ с.-в. стороны широкой улицей, обнаружено 23 жилыхъ помѣщенія верхняго города и часть главной

улицы, направляющейся на западъ, къ юго-западнымъ городскимъ воротамъ. Въ помѣщеніи № 1 обнаружена квадратная пашенная яма *л*, 1,95×1,95×1,06 м., полъ и стѣны которой оштукатурены цемянкой. Помѣщенія поздне-византійской эпохи отличаются убогой кладкой изъ мелкаго бута, сложеннаго какъ-бы на уличной грязи.

Сосѣдняя съ этимъ участкомъ улица, служившая соединеніемъ городскихъ воротъ *Ж* съ главной продольной улицей, прерывающейся съ С.-В. обрывистымъ морскимъ берегомъ и остатками базилики, играла видную роль въ византійскую эпоху, на что, кромѣ ея положенія, указываетъ и ширина ея въ 7,40 м., равная ширинѣ главной улицы. Выходящій на эту улицу узкой стороной кварталъ съ храмомъ, открытымъ въ 1897 г., и интересными большими зданіями, обнаруженными въ 1903 и 1904 годахъ, имѣлъ болѣе раннюю ограду, показанную на планѣ, поверхъ которой были построены позднѣйшія жилыя помѣщенія, снесенныя при раскопкахъ и показанныя на планѣ, приложенномъ къ отчету за 1903 г. При этомъ выяснилась вся величина расположенной въ лѣвомъ углу квартала часовни базиличной формы, часть которой *а* была описана въ 1903 г. [1]). Длина часовни составляетъ 17,78 м., ширина 6,08 м. Въ 4-хъ усыпальницахъ притвора *к* и одной впереди порога, кромѣ множества костей, ничего не найдено. Отъ часовни до проѣзда къ храму, открытому въ 1897 г., вся сторона ограды застроена съ внутренней стороны помѣщеніями №№ 24—29, квадратной формы, сложенными на извести, съ водостоками въ 4-хъ изъ нихъ, выходящими на улицу и соединяющимися съ главнымъ коллекторомъ. Назначеніе этихъ помѣщеній, относящихся къ ранне-византійской эпохѣ, не выяснено. Проѣздъ къ храму, къ сожалѣнію, не могъ быть разслѣдованъ, такъ какъ онъ застроенъ старой монастырской гостинницей. Благодаря предупредительной любезности преосвященнаго Иннокентія, была разслѣдована до скалы главная продольная улица древняго города на всемъ протяженіи отъ конюшни до главнаго жилого корпуса, несмотря на то, что эти раскопки, производимыя въ самомъ центрѣ монастыря и на значительной глубинѣ, несомнѣнно нарушали порядки монастырской жизни.

При разслѣдованіи улицы выяснены слѣдующіе интересные факты: 1) Съ сѣверной стороны, у самой монастырской кухни, на скалистой подошвѣ уцѣлѣли 4 камня съ рустами отъ внутренней облицовки городской оборонительной стѣны *А*, благодаря чему можно было возстановить ея направленіе (на прилагаемомъ планѣ отмѣчено пунктиромъ).

---

[1]) См. *Изв. И. Арх. Комм.*, в. 16, стр. 45.

2) Водобѣгъ *е*, проходящій въ 0,35 м. отъ скалы, состоящій изъ цемянковаго канала яйцевидной формы, подобнаго обнаруженному въ 1893 г. въ ю.-з. оконченности городища, по близости главныхъ воротъ [1]). Водоводъ этотъ проходилъ черезъ очистительный колодецъ *ж*, сложенный въ видѣ ящика изъ каменныхъ плитъ на прочной цемянкѣ (рис. 24 *а—в*).

3) Небольшая часть поздне-византійскаго плитнаго водостока *д*.

4) Второй подопроводъ *з* изъ рубчатыхъ гончарныхъ трубъ, уложенныхъ по поверхности скалы (рис. 25). На упомянутомъ выше участкѣ городища, близъ главныхъ воротъ, въ 1893 г. былъ также открытъ трубный водопроводъ. Въ недалекомъ будущемъ возможно будетъ связать всѣ эти обнаруженные раскопками отдѣльные куски.

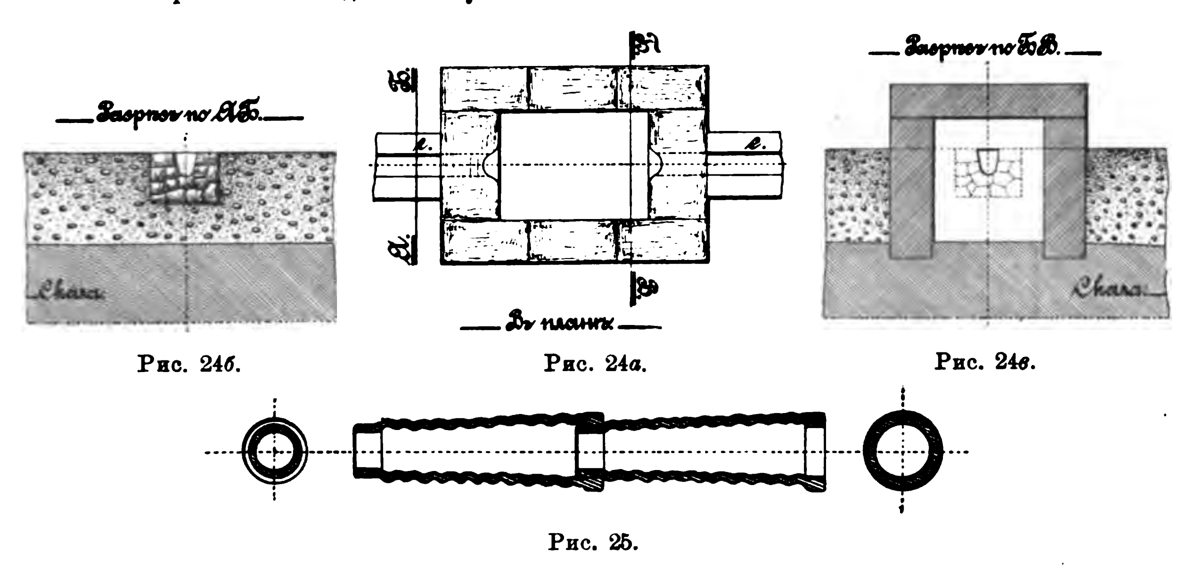

Рис. 24б. Рис. 24а. Рис. 24в.

Рис. 25.

5) Усыпальница *и*, сложенная изъ бутоваго камня и захватившая третью часть этой главной улицы Херсонеса, что указываетъ на эпоху полнѣйшаго упадка города, къ которой она относится. Кромѣ множества костей, въ усыпальницѣ найдены: дѣтскій браслетъ изъ темнозеленаго стекла, 0,04 м. вн. діам., шнурокъ, вѣроятно отъ крестика-тѣльника, въ видѣ плоскаго жгута 0,004 м. шир., и 4 малыя бронзовыя бубенчиковидныя пуговки.

6) Противъ воротъ *п*, которыя вели въ кварталъ съ интереснымъ большимъ зданіемъ *Г*, описаннымъ въ отчетѣ за 1903 г. [2]), и которыя въ болѣе

[1]) См. *Отч. Имп. Археолог. Комм.* за 1893 г., с. 58, рис. 37, ошибочно изображающій водостокъ вершиной внизъ.

[2]) *Изв. И. Арх. Комм.* в. 16, стр. 46 сл.

позднее время были заложены стѣной изъ бутоваго камня, обнаружены съ противоположной стороны вторыя ворота *н* и двѣ калитки *о—о*, въ разномъ разстояніи отъ воротъ.

Будущія раскопки акрополя должны быть передвинуты на востокъ. Было-бы крайне необходимо разслѣдовать до скалы проѣздъ въ монастырь, съ городской стороны прямоугольной башни, открытой въ 1904 г., и большую площадь, которая предназначалась раньше для стоянки экипажей. Послѣдніе уже нѣсколько лѣтъ не допускаются внутрь монастыря и останавливаются впереди св. воротъ, а поэтому небольшая раскопка на этой площади нарушила-бы монастырскіе порядки гораздо менѣе, чѣмъ разрѣшенная преосвященнымъ Иннокентіемъ раскопка главной улицы, доходившая до самой парадной лѣстницы жилого корпуса. А между тѣмъ результаты такого разслѣдованія въ центральномъ пунктѣ акрополя могутъ быть очень важны для выясненія топографіи древнѣйшаго Херсонеса.

При раскопкахъ отчетнаго года въ юго-западномъ углу монастырской усадьбы найдены слѣдующія древности:

I. Памятники эпиграфическіе:

а) Амфорныя ручки съ именами и монограммами [1]: 11 родосскихъ и 10 изъ неизвѣстныхъ городовъ.

б) Обломокъ черепицы съ именемъ Архептолема и эмблемою въ видѣ колоса и стебля пшеницы.

в) Два глиняныя грузила для рыболовныхъ сѣтей въ видѣ усѣченныхъ пирамидокъ съ буквами А и М сбоку.

г) Посуда съ именами и монограммами: α) донышко буролаковаго сосудика, типа «мегарскихъ» чашекъ, съ штемпелемъ ΚΙΡ—ΒΕΙ [2]; β) девять обломковъ разной посуды съ graffiti.

д) Лампочки: 1) лампочка безъ ручки, украшенная розеткой въ видѣ цвѣтка шиповника, съ вдавленнымъ неразборчивымъ именемъ мастера. — 2) Лампочка черноглиняная поврежденная (недостаетъ ручки и конца носика), красивой формы, съ расширеннымъ носикомъ и вторымъ маленькимъ отверстіемъ, рядомъ съ большимъ, для наливанія масла, украшенная сверху по сторонамъ рельефнымъ вѣночкомъ съ розетками по концамъ. Снизу имя мастера ΑСΚΛΗΠΙΑΔΟΥ выпуклыми буквами въ 0,004 м. выш. въ 2-хъ строкахъ. На гли-

---

[1]) [Будутъ изданы впослѣдствіи. *Ред.*].

[2]) См. о немъ замѣтку В. Л. въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 4, стр. 141.

няныхъ лампочкахъ античнаго періода, находимыхъ въ Херсонесѣ, это имя встрѣчается впервые.

е) Предметы наряда и туалета: 1) подвѣска костяная, выпиленная изъ пластинки, 0,004 м. толщ., съ лицевой полированной стороны украшенная выпуклой розеткой въ видѣ цвѣтка шиповника и выпуклой гладкой рамкой, 0,004 м. шир., съ прочнымъ ушкомъ сверху (рис. 26). На оборотной неполированной сторонѣ, въ верхнемъ лѣвомъ отъ зрителя углу, сохранилась часть вырѣзанной, слабо замѣтной надписи: ΑΧΙΛ.... Найдена въ нижнемъ наслоеніи городища.—2) Перстень бронзовый грубой работы съ гладкимъ расширеніемъ вмѣсто щитка, на которомъ внутри квадрата изъ точекъ вырѣзана неясная монограмма.

Рис. 26 (2/3).

ж) Гиря въ видѣ бронзоваго точенаго кружка, вѣсомъ 305,7 гр., 0,062 м. діам. и 0,014 м. толщ., съ буртикомъ на обѣихъ сторонахъ, изъ коихъ нижняя не имѣетъ ни надписи, ни украшеній, а верхняя (лицевая) украшена слабо вырѣзанными вѣночкомъ простѣйшаго вида, во всю величину круга, крестикомъ съ сильно расширенными концами, изъ коихъ нижняго не видно, и подъ нимъ еле замѣтными двумя буквами. На мѣстахъ крестика и буквъ, стершихся отъ долгаго употребленія, въ болѣе позднее время тупымъ инструментомъ врѣзаны тѣ-же изображенія, но крайне грубо (рис. 27).

Рис 27 (1/2).

II. *Монеты.*

а) Херсонесскія: всего 192, въ томъ числѣ греческаго періода 8 (Бурачковъ, табл. XIV, №№ 8, 11—12, 20, 21, 30; табл. XV, №№ 54—57 и 68), римскаго періода 18 (Бур. т. XVI, №№ 90, 97, 102, 106, 108, 110, 112, 114, 117 и 118 и 2 неизданныхъ варіанта: 2 экз. подобныхъ Бур. № 103, но меньшей величины и очень грубаго чекана, и 1 экз. варіанта къ Бур. № 115, меньшей величины, иного типа и со звѣздою справа) и византійскаго періода, отъ Юстиніана I до Василія II,—166 (у Орѣшникова, табл. VIII, №№ 1—3, 6, 7, 10—12; табл. IX, №№ 13—16, 18—27, 29, 33, 35—37; табл. X, №№ 44, 45, 47, 48, 51, 52, 57—59).

б) Прочихъ колоній Понта Евксинскаго 10, въ томъ числѣ: пантикапейская 1 (Бур. т. XX, 71), Савромата II—одна (Бур. XXX, 225), послѣднихъ боспорскихъ царей 6 (очень плохой сохр.), агриппійская 1 (Бур. XXIII, 1) и синопская одна.

в) Другихъ греческихъ городовъ (еще не опредѣленныхъ) 4 и не поддающихся опредѣленію вслѣдствіе сильнаго разрушенія окисью 32.

г) Римскихъ и византійскихъ императоровъ 237, въ томъ числѣ сильно попорченныхъ 122.

III. *Печати свинцовыя подвѣсныя*: 1) 0,025 м. діам., разломанная. Ликъ святого старца и часть поврежденной надписи. На другой сторонѣ поврежденная надпись въ 4-хъ строкахъ, начинающаяся крестикомъ: ЕПІІ.—.АСПА.—ЕПІТА--С..ТІ.—2) 0,02 м. діам. Изображенія святыхъ въ ростъ на обѣихъ сторонахъ. Надписи стерлись.

IV. *Статуи, статуэтки и части ихъ*: а. Мраморныя: обломокъ средней части женской статуи средней величины.—Обломокъ ноги въ колѣнѣ и нѣсколько выше, въ натур. величину.—Обломокъ руки у локтя, средней величины.

б. Терракоттовая головка мужская уродливая, свинообразная, въ остроконечной шапкѣ.

V. *Посуда*.

а. *Глиняная*. Часть донышка чернолаковой тарелки превосходной глины и работы, съ розеткой въ видѣ быстро вращающагося колеса. Съ оборотной стороны работа также безукоризненна. Во время покрытія лакомъ, вмѣстѣ съ нимъ присталъ къ донышку тончайшій волосокъ отъ кисти.—Обломки отъ чернолаковыхъ сосудовъ: отъ блюдъ 20, канѳаровъ 4, киликовъ 3, тарелокъ 14, блюдцевъ 12, не выясненныхъ формъ 28.—Обломки отъ буролаковыхъ сосудовъ: отъ блюдъ 6, отъ сосудовъ невыясненныхъ формъ 26.—Обломки отъ краснолаковыхъ сосудовъ: кусокъ сосуда изъ «terra sigillata», впервые встрѣчаемой формы, на подобіе нынѣшнихъ салатниковъ, со сплюснутыми углами, каннелированный внутри, съ красивымъ бордюромъ. Напоминаетъ описанный въ Отч. Импер. Археолог. Комм. за 1897 г., с. 41, рис. 253, найденный въ гробницѣ № 1008.—132 обломка безъ штампованныхъ украшеній.

Простая нелаковая: вазочка миніатюрная, 0,06 м. выш., безъ ручекъ, грубой работы; блюдце на высокой ножкѣ; крышка отъ амфоры для вмазыванія, обычнаго вида.

Поливная византійской эпохи: днище блюда восточнаго происхожденія съ изображеніемъ на коричневомъ фонѣ выпуклой блѣднозеленой птицы, сидящей на деревѣ, внутри двойнаго круга; обломокъ блюда съ уцѣлѣвшей свинцовой скобкой, служившей скрѣпленіемъ разбитыхъ частей; 70 обломковъ отъ разноцвѣтной посуды безъ изображеній.

Лампочки: украшенныя выпуклыми изображеніями: головы Геліоса; гермы; льва, идущаго влѣво (2 экз.); быка, идущаго вправо; кабана, бѣгущаго влѣво; сидящаго орла; раковины (2 экз.).—7 лампочекъ, украшенныхъ рубчиками и пупышками.—Лампочка малая, крайне грубой работы.—2 лампочки безъ украшеній, обычной формы, римской эпохи.—18 обломковъ отъ лампы изъ мягкой свѣтлой глины подъ темнокоричневымъ лакомъ, необыкновенно большого размѣра (0,126 м. наруж. діам.), съ отвѣсно поднятой высокой и, судя по остаткамъ, красивой орнаментированной ручкой. Собрать хотя-бы часть не удалось.

Куски лампочекъ древнегреческаго періода: отъ чернолаковыхъ обычнаго типа 2; тоже, но съ отверстіемъ въ видѣ трубы по серединѣ, для надѣванія на стержень, 2.—Отъ буролаковыхъ: съ отверстіемъ по серединѣ 1; тоже, но съ удлиненнымъ расширеннымъ носикомъ 2; тоже, но съ ручкой сбоку 1.—10 кусковъ отъ лампочекъ римской эпохи безъ украшеній.

б) Стеклянная. Ручка отъ очень большого сосуда изъ толстаго стекла.—Донышко большого флакона, 0,08 м. діам.— Часть (0,07 м. дл.) или полой ручки, впервые встрѣчаемой формы, или изогнутаго носика сосуда изъ толстаго стекла.—Обломковъ отъ флаконовъ и бальзамаріевъ: 15 отъ ножекъ, 3 отъ горлъ, 5 отъ ручекъ и 5 отъ бочковъ.—18 ножекъ отъ сильно расширенныхъ сосудиковъ византійской эпохи, быть можетъ, лампадокъ.

в) Мраморная: 8 кусковъ отъ мраморныхъ ступокъ.—Пестикъ изъ бѣлаго мрамора, сильно поврежденный.

VI. *Хозяйственныя орудія, инструменты, приборы.* Половина большого желѣзнаго плотницкаго молотка. Сохранилось отверстіе для ручки и раздвоенная сторона для выдергиванія гвоздей.—Сѣчка желѣзная прямая, 0,15 м. дл., расширяющаяся до 0,07 м.—Жерновъ каменный нижній отъ мельницы съ ручнымъ приводомъ.—Замочекъ висячій бронзовый, впервые встрѣчаемой формы, съ выдвижнымъ механизмомъ.—Поврежденная половина висячаго бронз. замочка въ видѣ козлика.—2 бронз. ключа съ короткой бородкой и большимъ кольцомъ, не складные.—Ключъ бронз. простѣйшаго устройства въ видѣ прямого стержня, 0,075 м. дл., украшеннаго въ верхней половинѣ кружками съ дырочкой по серединѣ и имѣющаго съ одной стороны ушко для кольца, а съ другой—отмычку въ формѣ **Т** въ поперечномъ сѣченіи. — 2 обломка отъ бронз. ключей. — Колечко бронз. удлиненное, на заклепкѣ, съ надѣтыми ключикомъ, 0,045 м. дл., и проверткой.—Гвоздь бронз., 0,13 м. дл., съ круглой шляпкой.—2 оселка съ дырочками для ношенія у пояса и 2 безъ дырочекъ.—Половина каменнаго заостреннаго молотка.

VII. *Оружіе.* Сильно поврежденная нижняя часть бронзовой рукоятки меча, 0,06 м. шир. въ основаніи. Судя по уцѣлѣвшей дырочкѣ для заклепки, верхняя часть рукоятки была изъ дерева или кости.—Наконечникъ бронзовый отъ ноженъ меча, слабо заостренный, напоминающій наконечникъ, найденный въ 1903 г. Наиб. дл. 0,07 м., наиб. шир. 0,04 м. Украшенъ съ обѣихъ сторонъ головкой, окруженной растительнымъ орнаментомъ.—4 бронзовыхъ наконечника отъ стрѣлъ (изъ нихъ 2 со шпорой).—3 малыхъ метательныхъ камня.

VIII. *Сбруя.* Бубенчикъ бронзовый овальный приплюснутый, рубчатый, 0,033 м. дл. и 0,022 м. наиб. шир., съ ушкомъ.—Бубенчикъ обычной формы гладкій. Ушко отломано.

IX. *Рыболовство.* Грузилъ для сѣтей въ видѣ глиняныхъ усѣченныхъ пирамидокъ съ различными штампованными изображеніями 18. — Такихъ-же, но съ слабыми признаками штампованныхъ изображеній, 16.—Съ оттиснутымъ знакомъ Х, какъ на рустовыхъ камняхъ облицовки оборонительной стѣны южнаго участка, 3. — Безъ признаковъ штампованныхъ изображеній 75, изъ коихъ 28 найдены въ одномъ мѣстѣ, въ наслоеніи нижняго города.—Грузило глиняное чечевицевидное, снизу срѣзанное, съ 2-мя дырочками и съ штампованной головкой Ермія, хорошаго исполненія. — Грузилъ глиняныхъ приплюснутыхъ съ 2-мя дырочками 8, коническое одно и одно въ видѣ прямоугольнаго столбика. Всѣ относятся къ древнегреческой эпохѣ. — Грузилъ римской и византійской эпохъ: глиняныхъ цилиндрической формы 18 и въ видѣ узкихъ пластинокъ съ продольнымъ желобкомъ и съ дырочками по концамъ 2.—Грузилъ свинцовыхъ массивныхъ въ видѣ колецъ 8.

X. *Рукодѣлія.* Игла костяная штопальная, 0,12 м. дл., съ удлиненнымъ ушкомъ, позеленѣвшая отъ приставшей бронзы.—Шильце костяное миніатюрное, 0,04 м. дл., простѣйшаго вида.—Наперстокъ бронзовый безъ дна.—Пряслица: 4 изъ обожженной глины, 2 изъ краснаго шифера и одно изъ сѣраго шифера.

XI. *Игры.* Шашка круглая плоская, 0,02 м. діам. и 0,004 м. толщ., вырѣзанная изъ центральной части чернолаковаго сосудика и имѣющая, благодаря коричневому фону съ двойнымъ чернымъ кругомъ и точкой по серединѣ, видъ нынѣшней шашки. — 4 шарика изъ обожженной глины, безъ пустоты. — Ручка костяная съ дырочкой для подвѣшиванія игрушечнаго колокольчика.—Донышко (0,062 м. діам.) отъ черноглиняной тарелки, старательно обломанное и превращенное въ игрушку.

XII. *Наряды, украшенія, принадлежности туалета.* Перстень бронзовый малый, сквозь гладкій щитокъ котораго поперекъ продѣлано отверстіе

прямоугольной формы, 0,001 × 0,002 м., неизвѣстнаго назначенія.—Пряжка поясная бронзовая съ ажурно вырѣзанными крестомъ и полумѣсяцемъ. — Запонка бронзовая грибовидная, 0,022 м. діам. и 0,02 м. выш. — 2 бляшки бронзовыя отъ пояса въ видѣ штампованнаго жучка и такая же бляшка, украшенная выпуклой головкой въ оригинальномъ головномъ уборѣ (рис. 28).— Копоушка бронзовая.—63 обломка отъ разноцвѣтныхъ и разной формы стеклянныхъ браслетовъ.—3 вставки стеклянныя, одна круглая и двѣ овальныя, изъ медальона и перстней.—Вставка стеклянная овальная изъ перстня, принявшая вслѣдствіе разрушенія окраску ртути, съ углубленной красивой женской головкой вправо.—Подвѣска изъ зеленой пасты въ видѣ круглаго медальона, 0,022 м. діам., съ выпуклымъ изображеніемъ женскаго лица варварскаго типа, съ шейнымъ обручемъ и ожерельемъ изъ большихъ круглыхъ пронизей. Петля сверху имѣетъ видъ сжатой орлиной лапы. – Застежка костяная въ видѣ палочки, 0,05 м. дл., украшенной кружками съ точкой по серединѣ, на подобіе нынѣ употребляемыхъ вмѣсто крючка на часовыхъ цѣпочкахъ. — Ложечка костяная круглая мелкая точеная, 0,02 м. діам., съ короткой заостренной ручкой (0,065 м. дл.), нѣсколько поврежденной.—Пластинка костяная, отъ ларчика или коробочки, выгнутая, съ 4-мя дырочками для укрѣпленія, украшенная двойными кружками съ точкой по серединѣ, соединенными въ видѣ зубцовъ тройными линіями.

Рис. 28 (2/3).

Рис. 29 (1/3).

XIII. *Церковныя древности.* Крестъ бронзовый массивный съ расширяющимися концами, украшенными шариками, на рѣзномъ пьедесталѣ, имѣющемъ снизу углубленіе, 0,018 м. гл. и дл. и 0,01 м. шир., а сзади несоразмѣрно большой крючокъ. Вышина креста съ пьедесталомъ 0,145 м., наиб. шир. 0,05 м. (рис. 29).— Часть одной половины бронзоваго энколпіона грубой работы, съ вырѣзанной вглубь звѣздой о 4-хъ лучахъ, съ углубленіемъ, 0,01 м. діам., въ центрѣ, повидимому, для выпавшаго украшенія въ видѣ розетки, для укрѣпленія которой по серединѣ углубленія просверлена сквозная дырочка. — 3 обломка отъ бронзоваго паникадила, состоявшаго, судя по уцѣлѣвшимъ кускамъ, изъ круглой, украшенной продырявленными фестонами, полосы, 0,02 м. шир. и 0,23 м. внѣшн. діам., соединявшейся со второй внутренней узкой и гладкой полосой въ видѣ круга, 0,11 м. діам., съ 4-мя меньшими кружками, 0,032 м. діам., расположенными въ наименьшемъ разстояніи 0,05 м.

одинъ отъ другого. Отъ центра круга шли въ видѣ радіусовъ 4 полосы въ 0,01 м. шир., къ которымъ прикрѣплены 4 прочныхъ ушка для цѣпей. По серединѣ помѣщалась или надпись, или монограмма. Все отлито изъ одного куска.—Украшеніе отъ паникадила въ формѣ плоскаго бронзоваго блюдца въ видѣ розетки, 0,01 м. выш. и 0,085 м. діам., о 8-ми округленныхъ лепесткахъ, со стержнемъ, 0,003 м. діам., по серединѣ каждаго. Одинъ лепестокъ обломанъ. Въ центрѣ круглое отверстіе, 0,006 м. діам. Внутренняя сторона украшена двумя двойными кругами, исполненными циркулемъ.—2 обломка отъ массивной бронзовой львиной головы очень грубой работы, съ отверстіями по обѣимъ сторонамъ пасти для укрѣпленія кольца. Быть можетъ, отъ входныхъ дверей храма. — Кружокъ бронзовый массивный, 0.06 м. діам., отъ подсвѣчника. — Обломокъ кровельной черепицы съ выпуклымъ четырехстороннимъ съ расширяющимися концами крестомъ внутри выпуклаго круга, 0,085 м. діам. Это уже 3-й обломокъ такихъ черепицъ, кромѣ имѣющихся въ монастырскомъ складѣ древностей.

XIV. *Строительныя части храмовъ и зданій.* Капитель изъ желтоватаго известняка выш. 0,13 м., древнегреческая, впервые встрѣчаемой формы, снизу въ видѣ удлиненнаго восьмигранника, 0,23 м. наиб. дл. и 0,14 м. наиб. шир., сверху въ видѣ удлиненнаго прямоугольника, 0,30 м. дл. и 0,20 м. шир. Верхъ и низъ соединены откосами съ раздѣляющимъ гладкимъ карнизикомъ. На узкомъ ребрѣ основанія вырѣзана вглубь сложная рабочая марка.—Кусокъ карниза изъ твердаго мѣстнаго известняка, 0,32 м. наиб. дл., 0,24 м. наиб. шир. и 0,48 м. выш., съ уцѣлѣвшимъ выпуклымъ, художественно исполненнымъ, изображеніемъ грифона съ львиной головой и ласкающей его женщины съ завитками вмѣсто ногъ (рис. 30).—Куски дорическихъ карнизовъ: а) изъ желтоватаго известняка, б) изъ бѣлаго мрамора съ красивымъ буртикомъ, в) изъ терракотты съ выпуклымъ орнаментомъ и слѣдами краски.—Львиная головка древняго стиля изъ мѣстнаго известняка, 0,08 м. дл. до шеи, 0,11 м. выш. и 0,10 м. шир., съ раскрытой пастью, которая переходила въ расширяющееся отверстіе квадратнаго сѣченія, 0,03 × 0,03 м., у начала шеи, прикрѣплявшейся къ чему-то съ помощью залитого свинца.

Рис. 30 (1/10).

Въ юго-восточномъ углу чернаго двора, за монастырской конюшней, найдены зарытыми на незначительной глубинѣ, несомнѣнно въ болѣе позднее время, многочисленныя мраморныя части храма, быть можетъ, отъ расположенной по близости большой базилики, раскопанной сначала Крузе и дослѣдованной Императорской Археологической Коммиссіей въ 1889 г., внутри которой въ колодцѣ также были сложены разновидные обломки мраморовъ. Вотъ перечень найденныхъ въ отчетномъ году матеріаловъ. Капитель малая, снизу квадратная, сверху въ видѣ удлиненнаго прямоугольника, украшенная съ одной стороны выпуклымъ крестомъ грубой работы.—Кусковъ: колоннъ круглыхъ гладкихъ большихъ 32, среднихъ 12, малыхъ 34, тонкихъ 2, каннелированныхъ 2; капителей рѣзныхъ 7; базъ простѣйшей формы 8; карнизовъ гладкихъ большихъ 8; карнизиковъ тонкихъ старательнаго исполненія, подобныхъ найденнымъ при дослѣдованіи баптистерія, 10; рѣзной рѣшетки 5; плитъ иконостасныхъ орнаментированныхъ 40; плитъ половыхъ, полированныхъ съ одной стороны: большихъ кусковъ 36, среднихъ 159, малыхъ 98; плитъ тонкихъ 32 и безформенныхъ кусковъ отъ частей неизвѣстнаго назначенія 124. Всего кусковъ разной формы и величины, кромѣ цѣльной капители, 609.

XV. *Матеріалъ для издѣлій*: 3 небольшіе слитка бронзы и 2 отпиленныя верхушки оленьихъ роговъ.

XVI. *Надгробія безъ эпитафій.* Обломокъ верхней части сучковатой палицы изъ бѣлаго греческаго мрамора, 0,16 м. наиб. дл. и 0,06—0,07 м. діам., съ кольцевиднымъ выступомъ въ тонкомъ концѣ и стержнемъ въ сторону, 0,06 м. діам., вырубленнымъ изъ одного куска и обломаннымъ на длинѣ 0,04 м. Надгробія въ видѣ мраморныхъ палицъ Иракла были найдены въ 1902 и 1903 годахъ.—Стела изъ степного твердаго известняка прямоугольной формы, 0,86 м. выш., 0,30—0,32 м. шир. и 0,17 м. толщ., украшенная сильно выпуклыми круглымъ щитомъ съ ободкомъ и характерными мечомъ и лукомъ, какъ на стелѣ, изображенной въ *Отч. Импер. Арх. Комм. за 1892 г.*, с. 109, № 66. Сверху выемка для прямоугольной мраморной вставки съ именемъ погребеннаго. Служила строительнымъ матеріаломъ въ византійскую эпоху (рис. 31).

Рис. 31 (1/9).

XVII. *Рога, кости, окаменѣлости.* Рогъ дикой козы, сильно поврежденный.—Бивень кабана.—Кусокъ окаменѣлаго дерева, 0,16 м. дл., 0,05 м. шир. и 0,02 м. толщ. Согнутъ дугообразно и производитъ впечатлѣніе части обшивки судна.

XVIII. *Древности невыясненнаго назначенія.* Стержень бронзовый, 0,055 м. дл., квадратнаго поперечнаго сѣченія, 0,012 × 0,012 м., спиленный съ одного конца въ видѣ восьмигранника съ углубленіемъ въ 0,01 м. діам. и 0,015 м. глуб. Съ противоположныхъ концовъ сдѣланы насѣчки I и II. Ширина полосы восьмигранника 0,005 м. Съ другого конца углубленіе тѣхъ-же размѣровъ, а въ трехъ смежныхъ сторонахъ 3 сквозныя дырочки: круглая 0,002 м. діам., овальная 0,007 × 0,004 м. и круглая, соединенная съ овальной, одинаковыхъ размѣровъ съ первой. По серединѣ одной изъ сторонъ просверлены 2 дыры рядомъ, 0,01 м. діам., изъ коихъ одна сквозная, а другая 0,012 м. глубины. Къ послѣдней съ сосѣдней стороны ведетъ такая-же дыра, того же діаметра.—Ручка бронзовая массивная, 0,125 м. дл. и 0,045 м. наиб. шир., по концамъ обломанная, составленная изъ двухъ полуколецъ и напоминающая нынѣшнія откидныя ручки у ящиковъ комодовъ и буфетовъ.—Часть массивной бронзовой дужки, украшенной фантастической головкой. — Часть бронзовой ручки отъ сосуда (?), съ выпуклой головкой. — Ушко бронзовое массивное, прикрѣплявшееся съ помощью свинца. — Кольцо свинцовое плоское съ малымъ сквознымъ отверстіемъ. — Тоже, выпиленное изъ рога, 0,027 м. наруж. и 0,017 м. внутр. діам. и 0,016 м. выш., съ двумя симметрично расположенными дырочками 0,006 м. діам. — Колечко костяное плоское 0,022 м. діам., окрашенное въ зеленый цвѣтъ лежавшей вмѣстѣ бронзой. Внутреннее отверстіе овальное, 0,005 × 0,004 м., съ незначительными врѣзами одинъ противъ другого, какъ-бы для того, чтобы надѣтое колечко не могло вращаться.— 6 костяныхъ плоскихъ колецъ отъ 0.01 до 0,022 м. наружн. діам. — Пирамидка костяная приплюснутая, 0,023 м. выш., 0,012 м. шир. у основанія и 0,007 м. толщ., съ дырочкой сверху. — Пластинка костяная прямоугольная, 0,025 × × 0,02 × 0,003 м., съ дырочкой по серединѣ. — Палочка костяная точеная, 0,08 м. дл. и 0,008 — 0,01 м. діам., пустая внутри, съ 2-мя симметрично расположенными дырочками у верхняго края. — Часть стеклянной витой палочки 0,075 м. дл. и 0,006 м. діам., съ изгибомъ. — Часть цилиндра изъ твердаго чернаго камня, 0,033 м. діам. и 0,075 м. длины.

II. Раскопки у Карантинной бухты.

(Продолженіе раскопокъ 1899 г.).

Вся береговая полоса юго-восточной части Херсонесскаго городища, границы которой составляютъ: бухта, оборонительная стѣна, начинающаяся отъ бухты у скотнаго двора и идущая, послѣ поворота у большой фланговой башни, до св. воротъ, далѣе монастырская ограда, отдѣляющая виноградникъ, и наконецъ береговая оборонительная стѣна, выходящая къ бухтѣ на площади склада древностей,—по соглашенію съ военнымъ вѣдомствомъ, которое отчуждаетъ отъ монастыря обширную площадь городища и некрополя, остается въ полномъ распоряженіи Императорской Археологической Коммиссіи. Такимъ образомъ, раскопки въ этой части городища, игравшей, несомнѣнно, видную роль во всѣ эпохи жизни Херсонеса, могутъ производиться безпрепятственно.

Начало раскопкамъ въ этой мѣстности «коммерческаго порта и базара древняго города» было положено въ 1899 г., когда были обнаружены ворота и уголъ большого зданія греческой эпохи и разслѣдована узкая полоса вдоль оборонительной стѣны, до башни *Г* (см. планъ на табл. IV) верхняго византійскаго наслоенія. Въ отчетномъ году работы начаты отъ упомянутой башни и велись по направленію къ бухтѣ. Эта башня (10,17 м. нар. діам.) была фланговой въ древнѣйшую греческую эпоху, а стѣна, соединяющая ее съ другой фланговой башней *З* у бухты, *составляла юго-восточную границу Херсонеса.* Башня внутри забита мелкимъ камнемъ, залитымъ глиной, лицевая-же сторона состоитъ изъ штучныхъ камней, украшенныхъ рустами и уложенныхъ попеременно: одинъ длинный къ центру, другой рядомъ по окружности. Съ разслѣдованной до подошвы внѣшней стороны кладка башни уцѣлѣла на вышинѣ 4,65 м., считая отъ уровня моря, при чемъ характерная рустовая кладка древнегреческой эпохи сохранила 8 рядовъ и имѣетъ слабый уклонъ, суживаясь кверху, до начала 5-го ряда, а затѣмъ идетъ отвѣсно. На нѣкоторыхъ облицовочныхъ камняхъ сохранились рабочія мѣтки въ видѣ греческихъ буквъ и монограммъ. Башня эта, подобно другимъ круглымъ башнямъ Херсонеса, служившимъ всѣмъ эпохамъ, была также усилена утолщеніемъ: въ углу, составлявшемъ предѣльную точку древнѣйшаго города, до уровня византійскаго періода, былъ сложенъ на извести изъ бутоваго камня поясъ *В*, до 1,68 м. толщ., продолженный по направленію древней оборонительной стѣны на сѣверо-западъ. Рис. 32 изображаетъ уголъ послѣ удаленія упомянутаго пояса утолщенія *В*, подъ которымъ оказалась превосходная древнегреческая кладка.

Рис. 32

Съ противоположной стороны, въ территоріи расширеннаго города, башня на всей длинѣ была усилена поясомъ B^1, который у калитки *а*, возведенной надъ погребенной уже въ это время греческой калиткой *б*, доведенъ былъ до скалистой подошвы, съ употребленіемъ въ облицовку многихъ фрагментовъ древнегречессихъ зданій, карнизовъ, частей архитрава и зубчатниковъ коринѳскаго ордера, изъ плотнаго желтоватаго, гладко прочищеннаго известняка. О всѣхъ этихъ памятникахъ будетъ подробно сказано по окончаніи раскопки въ этой части городища. Утолщеніе B^2, также доведенное до скалы, имѣющее видъ подпорнаго столба и сооруженное послѣ утолщенія B^1, къ облицовкѣ котораго оно примкнуто, заканчивало собственно усиленіе башни *Г*, такъ какъ поясъ B^3, съ лѣстницей *н* изъ штучнаго камня, сложенъ на культурномъ наслоеніи, состоящемъ изъ битой черепицы и разныхъ отбросовъ, и предназначался для площадки съ лѣстницей на башню, подобной имѣющейся у большой фланговой башни *Е*, открытой раскопками 1900 г.

Другая круглая, также фланговая, восточная приморская башня *З*, той-же эпохи, соединялась съ башней *Г* стѣной *А* въ 3,77 м. толщ. и 28,44—30,58 м. протяженія, считая отъ точекъ прикосновенія съ окружностью башни,—совершенно одинаковаго характера прочной и красивой кладки съ рустами, какая обнаружена на участкахъ, открытыхъ въ 1899 и 1904 годахъ. На узкихъ рустовыхъ камняхъ сохранилась рабочая мѣтка въ видѣ буквы **N**, повторенная 4 раза. Башня эта сохранила только одинъ рядъ кладки надъ уровнемъ моря, и поэтому діаметръ ея въ 11,37 м. слѣдуетъ считать діаметромъ нижней расширенной части. Въ стѣнѣ *А*, на разстояніи 14,79 м. отъ башни *Г*, была сооружена калитка *і*,

1,68 м. шир., съ помостомъ изъ каменныхъ плитъ, подъ которымъ проходилъ плитный водостокъ *з*, 0,80 м. шир. и 1,02 м. выш., тотъ самый, который былъ обнаруженъ въ 1899 г. у древнегреческихъ воротъ, прошелъ выше дороги, спускавшейся къ воротамъ, и относится, такимъ образомъ, къ ранне-римской эпохѣ. Въ водостокѣ этомъ, подъ самой калиткой, была найдена бронзовая херсонесская монета, изданная у Бурачкова на т. XVI, № 103. Видъ калитки и водостока со стороны новаго, расширеннаго города данъ на рис. 33. Къ калиткѣ вела хорошо укатанная шоссированная улица въ 3,41 м. шир. и 1,15 м. выше уровня моря. Въ византійскую эпоху часть калитки до современнаго въ то время уровня была заложена, верхняя часть расширена до 3,32 м. и представляла сводчатыя ворота, служившія для сообщенія съ добавочною частью города. Показанная на планѣ стѣна, отрѣзывающая отъ воротъ узкое пространство *д*, относится къ самому позднему времени, когда ворота были уже разрушены и замѣнены убогой калиткой. Калитка *г* сооружена, повидимому, послѣ разгрома древнѣйшей греческой оборонительной стѣны, которая составляла предѣльную черту перваго города и поэтому могла и не имѣть именно здѣсь калитки, необходимость которой явилась лишь впослѣдствіи, съ расширеніемъ города площадью, доходившею до монастырскаго скотнаго двора. А такъ какъ оборонительная стѣна *А* уцѣлѣла у калитки большею частью лишь на вышинѣ отъ одного до двухъ рядовъ кладки, то вопросъ о томъ, была-ли здѣсь въ древнѣйшую эпоху калитка и гдѣ именно, остается открытымъ. Безспорно лишь одно, что съ расширеніемъ города и возстановленіемъ этой разрушенной оборонительной стѣны въ римскую и византійскую

Рис. 33.

эпохи, — по мнѣнію авторитетныхъ лицъ, для помѣщенія здѣсь гарнизона, — новая часть города не могла оставаться безъ сообщенія съ старой, такъ какъ калитка *б*, открытая въ 1900 г., служила для сообщенія новой части только съ внѣшней территоріей. Калитка *г* сохранила на вышинѣ 1,06 м. отъ линіи порога, съ лѣвой стороны, считая отъ стараго города, вырубку для ввода дверного бруса, подобную имѣющейся въ калиткѣ *б*, расположенной съ западной стороны башни *Г*. Другая башня *З* обнаружена въ крайне разрушенномъ видѣ; морская вода обглодала и обезформила облицовочные камни ея. Надъ башней прошли сверху какъ возстановленная въ римскую эпоху оборонительная стѣна *А*, такъ и добавочная стѣна A^3, съ выступами и столбами изъ штучнаго камня, повидимому, стратегическаго назначенія. У начала башни отъ главной стѣны *А* отдѣляется, подъ угломъ въ 93°, береговая оборонительная стѣна A^2 въ 1,77 м. шир., старательно сложенная изъ бутоваго камня на извести съ облицовочными плитами, большею частью взятыми изъ древнегреческой стѣны. На открытомъ въ этомъ году участкѣ въ 18,93 м. длины стѣна эта сохранилась на вышинѣ до 2,13 м. и имѣетъ 3 прямоугольныхъ сквозныхъ отверстія для пропуска къ бухтѣ водосточныхъ каналовъ. Это и есть та самая стѣна, которая была обнаружена въ 1895 г. внутри монастырской ограды на полосѣ, занятой въ томъ году подъ виноградникъ.

Изъ остатковъ построекъ, обнаруженныхъ со стороны стѣны *А*, обращенной къ старому городу, къ древнѣйшей эпохѣ относятся только столбы *в—в*, повидимому, отъ навѣсовъ, уцѣлѣвшіе на своихъ мѣстахъ, подобные открытымъ въ этомъ же году по близости склада древностей (см. ниже гл. III). Остальныя постройки, показанныя на планѣ, относятся къ римской и византійской эпохамъ, такъ-же какъ и 2 поглощательныхъ колодца *и* и *і* и 3 раздавленныхъ пиѳоса. Вся площадка у колодцевъ и пиѳосовъ была вымощена плитнякомъ. Невыясненнымъ является направленіе гончарнаго водопровода *ж*, идущаго наискось, мимо калитки *г*, ниже уровня шоссированной дороги, отъ котораго обнаружены въ цѣломъ видѣ 13 трубъ волнообразной поверхности, 0.54 м. дл. и 0,065—0,09 м. внутр. діаметра. Со стороны стѣны, обращенной къ новому городу, древнегреческихъ построекъ не обнаружено, если не относить къ этой эпохѣ большую яму *п*, вырубленную въ скалѣ, съ небольшимъ запасомъ извести.

Жилыхъ помѣщеній позднѣйшей эпохи открыто: въ старомъ городѣ 7 и въ новомъ 8, при чемъ въ помѣщеніи № 9 были найдены 2 базы коринѳскаго ордера изъ мѣстнаго известняка, старательно выточенныя, но сильно поврежденныя.

Входившая изъ стараго города въ ворота улица обнаружена и въ новомъ городѣ, съ водосточнымъ каналомъ снизу. У начала проулка найденъ зарытымъ въ землѣ большой грушевидный пиѳосъ хорошей сохранности, 1,24 м. выш., который удалось перенести въ складъ древностей.

При раскопкахъ въ этой части городища найдены слѣдующія древности:

I. *Памятники эпиграфическіе:*

1) Оббитый со всѣхъ сторонъ кусокъ мраморной плиты съ 3-мя буквами отъ верхней строки латинской надписи [1]).

2) Обломанный съ 3-хъ сторонъ, кромѣ лѣвой отъ зрителя, кусокъ толстой мраморной плиты съ частью греческой надписи византійской эпохи [2]); найденъ по близости башни *Г*.

3) Осколокъ отъ мраморной плиты, 0,06 м. наиб. дл., 0,03 м. наиб. шир. и 0,018 м. толщ., съ частями 6-ти буквъ, 0,017 м. выш., отъ греческой надписи римской эпохи въ 2-хъ строкахъ.

4) Отесанное съ строительными цѣлями съ 3-хъ сторонъ, кромѣ нижней, надгробіе изъ ноздреватаго, сильно вывѣтрившагося известняка, со слѣдами латинской надписи [3]).

5) Обломанное сверху надгробіе изъ желтоватаго известняка съ выступомъ снизу для укрѣпленія и съ частью крупной латинской надписи, сильно пострадавшей отъ сырости [4]). Найдено у оборонительной стѣны.

6) Большихъ размѣровъ мраморный параллелепипедъ съ крупной, сильно пострадавшей отъ сырости латинской надписью [5]).

7) Плита известковая, повидимому, часть карниза, 0,34 м. шир., 0,26 м. выш. и 0,10 м. наиб. толщ., съ нацарапанными крестами, знаками и греческими буквами и съ вырѣзанной внизу двухстрочной, предположительно армянской, надписью.

8) Три амфорныя ручки съ именами астиномовъ [6]).

9) Пять глиняныхъ грузилъ для рыболовныхъ сѣтей въ видѣ усѣченныхъ пирамидокъ съ вдавленными именами, монограммами и буквами.

10) Посуда съ надписями: 1) обломокъ днища превосходно исполненной краснолаковой тарелки съ низкимъ крутымъ ободкомъ и штампованнымъ име-

[1]) Надпись издана В. В. Латышевымъ въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 18, стр. 121, № 36.

[2]) См. тамъ же № 37.

[3]) Издана М. И. Ростовцевымъ въ *Изв.* в. 23, стр. 19, № 4.

[4]) Издана В. В. Латышевымъ въ *Изв.* в. 18, стр. 118, № 28.

[5]) Издана М. И. Ростовцевымъ l. c., стр. 5 сл., № 2.

[6]) [Будутъ изданы впослѣдствіи. *Ред.*].

немъ мастера ΡΟΥΦΟϹ въ 2-хъ строкахъ.—2) Днище краснолаковой тарелки съ штампованной надписью AMAR внутри вдавленнаго круга въ 0,03 м. діам.— 3) Такое же днище съ неполною двухстрочною надписью внутри вдавленнаго круга въ 0,06 м. діам.—4) Донышко чернолаковаго канѳара съ нацарапанной буквой A.—5) Осколокъ сосуда подъ свѣтложелтой поливой съ коричневыми полосами и частью вдавленной, покрытой коричневой краской, греческой надписи, отъ которой сохранились буквы PINI.—6) Донышко свѣтлополивной миски, снизу буквы ΘЄΟ.—7) Осколокъ тарелки или блюдца подъ желтой поливой, съ вдавленной восточной надписью, покрытой коричневой краской.

Рис. 34 (½).

Рис. 35 (½).

11) Кресты и образки съ надписями: 1) Почти половина круглаго плоскаго терракоттоваго штампа (рис. 34), 0,10 м. діам. и 0,15 м. толщ., ровнаго съ обѣихъ сторонъ и имѣющаго съ лицевой стороны вдавленныя изображенія четырехконечнаго, слегка расширяющагося, креста, каждая сторона котораго раздѣлена на 6 прямоугольныхъ клѣтокъ съ × внутри. Въ центрѣ креста, внутри круглаго медальона въ 0,015 м. діам. — вдавленный крестикъ съ сильно расширенными концами. Въ углахъ между сторонами круглые медальоны, 0,015 м. діам., съ выпуклымъ + по серединѣ, изъ коихъ сохранились 2 въ уцѣлѣвшей половинѣ. Внутри каймы въ 0,01 м. шир. красивая ранне-византійская вдавленная надпись: . . . . . ΑΤΝΑΠΑΙΔΑΙΝΑΤΑΠΑ. Надпись вдавлена справа налѣво для того, чтобы на оттиснутомъ предметѣ читалась въ обычномъ направленіи слѣва направо.

2) Разломанная половина бронзоваго энколпіона (рис. 35), 0,07×0,046 м., съ массивнымъ ушкомъ на шарнирѣ и съ грубо вырѣзаннымъ внутрь изображеніемъ благословляющаго святаго, съ надписью надъ головой: ΜΕΘΟ[διος ?].

II. *Монеты.*

а) Херсонесскія: *α*) Греческаго періода 63, изъ которыхъ большинство издано у Бурачкова (табл. XIV, №№ 8, 11 — 14, 20, 21, 29, 30 — 35, 37—

[1]) Напоминаетъ терракоттовый штампъ съ изображеніемъ св. Фоки, найденный въ 1896 г. См. *Отч. Импер. Археолог. Комм. за 1896 г.*, стр. 71, рис. 315.

40, 51—57, 64—71, 76, 79), но встрѣтились и неизданные у него варіанты: 1) къ № 11, отличающаяся большей величиной, очень плохой сохранности; 2) тоже серебряная, 0,21 м. діам., съ именемъ Μοίριος; 3) 5 экз. варіанта къ № 11: бюстъ Артемиды въ башенной коронѣ вправо, сзади контрмарка въ видѣ сучковатой палицы, а на одномъ экземплярѣ еще вторая контрмарка въ видѣ звѣзды; изображенія и надписи стерты, но на одномъ экз. замѣтенъ лукъ; діам. 0,012—0,015 м.; 4) 2 экз. варіанта къ № 64, отличающагося меньшей величиной.—β) Римскаго періода 69 (Бур. табл. XVI, 89—91, 96, 97, 99, 100 102—106, 108—115, 117, 118, 120), въ томъ числѣ варіанты: 1) къ № 97, отлич. меньшей величиной; 2) къ № 102, тоже меньшей величины; 3) къ № 103—меньшей величины и крайне грубой работы; 4) къ № 103: быкъ изображенъ спокойно идущимъ.—γ) Византійскаго періода, отъ Юстиніана I до Василія II, 331 экз. (по каталогу Орѣшникова, табл. VIII, №№ 1—3, 11—14, 18—23, 25—29, 33, 35—37, 40, 43—45, 47—49, 51, 52, 57—59; больше всего найдено монетъ Романа I—109 экз. и Василія I—68 экз.).

б) Прочихъ колоній Понта Евксинскаго 51, въ томъ числѣ ольвійская 1 (Бур. т. IV, 65), керкинитидская 1 (обычнаго типа, очень плохой сохр.), пантикапейскихъ 3 (Бур. XIX, 32 — 1 экз. и XXII, 148 — 2 экз.), кесарійская 1 (Бур. XXIII, 1*e*), агриппійская 1 (Бур. XXIII, 1*f*), синопскихъ 3, боспорскихъ царей 6 и неразборчивыхъ 35.

в) Разныхъ другихъ греческихъ городовъ 121, въ томъ числѣ сильно разрушенныхъ окисью и не поддающихся опредѣленію 112.

г) Римскихъ и византійскихъ императоровъ 483, въ томъ числѣ сильно или совершенно стертыхъ 229.

д) Хановъ Крыма и Золотой орды серебряныхъ 2 и бронзовыхъ 42.

е) Русскихъ монетъ времени императора Александра I: серебряная 1 (20 коп. 1814 г.) и мѣдныхъ 38 (2 коп. 1811—1823 гг.). Находка здѣсь этихъ монетъ объясняется существованіемъ въ данное время карантина на мѣстѣ нынѣшняго монастырскаго скотнаго двора.

III. *Изваянія.* Часть мраморнаго льва средней величины (рис. 36), употребленнаго въ кладку византійской стѣны въ качествѣ строительнаго матеріала, для чего были уничтожены всѣ выдающіяся оконечности; ноги ниже колѣнъ и хвостъ были отбиты, а голова, повернутая влѣво отъ зрителя, стесана. Левъ былъ изображенъ въ лежачемъ положеніи и, судя по повороту головы, служилъ украшеніемъ воротъ или общественнаго зданія. Размѣры: наиб. длина отъ отрубленной передней части головы до отбитаго хвоста — 1,15 м., наиб.

Рис. 36 (1/12).

ширина. 0,30 м., вышина: у поднятой головы 0,67 м. и наименьшая 0,40 м. [1]).

IV. *Посуда.* а) Глиняная: 20 обломковъ отъ чернолаковыхъ блюдъ (4), тарелокъ (6), блюдцевъ (2), канѳаровъ (2), киликовъ (2) и неопредѣленныхъ формъ (4); 29 обломковъ отъ буролаковыхъ блюдъ (3) и посуды другихъ формъ (26). Краснолаковая: часть тарелки съ штампованнымъ изображеніемъ идущаго вправо льва (недостаетъ головы) и 34 обломка отъ посуды разныхъ формъ.

Простая, нелаковая: 1) верхняя часть сосуда грубой работы, неизвѣстнаго назначенія. Сверху расположено блюдце, 0,11 м. діам., подобное тѣмъ блюдцамъ на высокихъ ножкахъ, которыя часто находятся въ гробницахъ римской эпохи. Утверждено оно на спинѣ голубя (клювъ отбитъ) 0,12 м. дл., тѣло котораго ажурно прорѣзано симметрично расположенными 2-мя трехугольниками и 2-мя полукругами; ниже уцѣлѣла часть расширяющагося горла, прорѣзаннаго сквозными дырочками и трехугольниками [2]). Вышина обломковъ: большаго—0,17 и малаго—0,14.—2) Обломокъ черноглинянаго полированнаго блюда, 0,27 м. діам., 0,01—0,015 м. толщ. стѣнокъ и лишь 0,035 м. выш., съ отвѣсными краями.— 3) Ковшъ овальный, 0,09 × 0,08 и 0,05 м. наиб. выш. и часть ручки въ

---

[1]) Левъ, обезображенная передняя часть котораго была найдена въ 1894 г. въ противоположной юго-западной части городища, былъ значительно бóльшихъ размѣровъ и вышина его у поднятой головы до отбитыхъ ногъ составляла 0,98 м.

[2]) Такой же обломокъ, но меньшей величины и болѣе грубый, былъ найденъ въ 1888 г.

0,04 м. дл. Встрѣчается впервые.—4) Четыре обломка пиѳоса, скрѣпленные 2-мя массивными свинцовыми скобами.

Поливная византійской эпохи: 1 осколокъ блюда, 0,05×0,04×0,01 м., тождественный съ большимъ обломкомъ, найденнымъ въ Херсонесѣ и описаннымъ у de-Bock: «Poterie vernissée du Caucase et de la Crimée», p. 212, type II, № 8. Уцѣлѣли часть шеи и головы лошади, нѣсколько дополняющія рис. 8 де-Бока, по мнѣнію котораго всадникъ могъ изображать св. Георгія.—2) Днище миски мѣстнаго производства. Глина, полива и исполненіе низкаго качества. На мутножелтомъ фонѣ расплывшееся изображеніе копчика, сдѣланное кистью черной краской.—3) Осколокъ отъ блюда, 0,008 м. толщ. стѣн., восточнаго происхожденія, съ контурнымъ изображеніемъ шеи коня съ уздечкой и нагрудникомъ на свѣтложелтомъ фонѣ.—4) Тоже, 0,006 м. толщ. стѣн., блѣдножелтаго фона съ уцѣлѣвшей частью рогатой головы фантастической птицы или змѣи.—5) Обломокъ мисочки, снаружи зеленой, внутри темнокоричневой поливы, съ уцѣлѣвшей слабо выпуклой, уродливой человѣческой головкой, лицомъ къ зрителю, подъ желтой поливой, и впереди улетающей птицы.—6) Обломокъ днища блюдца восточнаго происхожденія, съ уцѣлѣвшей частью контурнаго изображенія птицы на свѣтложелтомъ фонѣ.—7) Обломокъ днища блюда подъ темнозеленой поливой грубой работы. Уцѣлѣли 2 слабо выпуклыя птицы, на подобіе пингвиновъ, изъ цѣлаго ряда сидѣвшихъ вокругъ центральнаго изображенія, повидимому, креста изъ 4-хъ тонкихъ перекладинъ съ шарами по концамъ. — 9) Обломокъ боковой части миски подъ желтой поливой внутри и безъ поливы снаружи, мѣстнаго производства. Уцѣлѣлъ контуръ головы и шеи копчика. — 9) Днище миски подъ блѣдножелтой поливой съ расплывшимся изображеніемъ гуся, зеленой и черной окраски.—3297 обломковъ разноцвѣтной поливной посуды безъ признаковъ изображеній людей и животныхъ.

Лампочки: 1) чернолаковая обычной формы безъ ручки, съ заостреннымъ носикомъ; 2) нелаковая, красивой античной формы, безъ ручки, съ длиннымъ носикомъ и ушкомъ сбоку; 3) свѣтлоглиняная римской эпохи, украшенная выпуклой розеткой о 6 двойныхъ лепесткахъ; 4) такая же, украшенная выпуклыми загадочными знаками; 5) большая низкая, украшенная выпуклымъ цвѣткомъ и линейнымъ ободкомъ вокругъ, изломаннымъ въ видѣ трехугольниковъ; 6—7) 2 лампочки, украшенныя выпуклыми пупышками и рубчиками; 8) лампочка съ поднятыми кверху носикомъ и ручкой; 9) часть лампы крайне грубой работы изъ необожженной глины, напоминающей такъ называемую «скиѳскую» посуду. Лампа имѣла продолговатую форму, не менѣе 0,13 м. дл., 0,04 м. выш. и 0,01 м.

толщ. стѣнокъ, вылѣпленныхъ отвѣсно, и представляла открытый низкій челнковидный сосудъ, отгороженный въ концѣ для фитиля. Встрѣчается впервые.— 10) Кусокъ чернолаковой лампы необычайно большой величины (0,06 м. выш.), надѣвавшейся на стержень; 11) половина лампы въ видѣ низкаго подсвѣчника простѣйшей формы, съ ручкой сбоку и съ круглымъ отверстіемъ у начала трубки [1]); 2 обломка краснолаковыхъ лампочекъ римской эпохи, безъ украшеній.

б) Стеклянная: часть днища чашки, 0,07 м. діам. и 0,01 м. толщ. снизу, съ выпуклыми лучеобразными рубчиками съ внѣшней стороны и съ остаткомъ восточнаго орнамента внутри, исполненнаго красной, бѣлой и золотой красками; работа небрежная.—7 обломковъ отъ сосудовъ разныхъ формъ (3 ножки, 2 ручки и 2 боковыя части); 15 ножекъ отъ сильно расширяющихся сосудиковъ, напоминающихъ нынѣшнія большія винныя рюмки.

в) Бронзовые: кружокъ въ 0,085 м. діам., повидимому, донышко сосуда, съ 72-мя просверленными дырочками, 0,003 м. діам.—Лампочка сильно поврежденная, съ удлиненнымъ носикомъ и кольцевидной ручкой, прикрѣпленной вертикально. Овальное отверстіе для масла, судя по отвѣсному ободку и уцѣлѣвшей дырочкѣ (одной изъ двухъ, въ которыхъ былъ шарниръ), закрывалось откидной крышкой.

г) Мраморные: кусокъ большой чаши хорошей работы изъ бѣлаго греческаго мрамора; 3 куска отъ ступокъ изъ проконнесскаго мрамора; пестикъ изъ бѣлаго мрамора, сильно поврежденный.

д) Каменный кусокъ чаши, 0,05—0,55 м. толщ. стѣн., изъ полированнаго мелкозернистаго красноватаго гранита.

V. *Хозяйственныя орудія, инструменты, приборы*: 2 каменныхъ куранта для растиранія красокъ; желѣзный клинокъ ножа; половина роговой ручки отъ ножа, 0,12 м. дл. и 0,025 м. наиб. шир., украшенная вырѣзанными вглубь черточками и завитками (сохранилось 6 сквозныхъ дырочекъ, 0,003 м. діам., и одна овальная, 0,015 м. дл. и 0,01 м. наиб. шир.); 2 оселка безъ дырочекъ для ношенія у пояса; половина каменнаго молотка съ тупымъ концомъ; ключъ бронз. съ короткой бородкой и большимъ кольцомъ; ключъ такого же устройства желѣзный; ключъ бронз. складной; массивное кольцо, 0,04 м. нар. діам., имѣющее съ одной стороны овальный выступъ съ вырѣзанной птичкой, служившій печатью, а съ противоположной разрѣзъ съ 2-мя стержнями, удерживающими подвѣшанный кривой ключъ, 0,033 м. дл., съ бородкой, 0,025 м. дл., повидимому, для секретнаго замка, судя по имѣющимся

[1]) См. *Отч. Имп. Арх. Комм.* за 1896 г., стр. 6, строки 20—22, и *Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 4, с. 35.

двумъ поперечнымъ выступамъ, 4-мъ дырочкамъ и клювовидному концу; часть скрѣпленія въ видѣ желѣзнаго болта громадной величины; шляпка прямоугольной формы имѣетъ 0,08 м. дл. и 0,065 м. шир., а часть уцѣлѣвшаго болта — 0,24 м. дл. Найденъ у оборонительной стѣны.

VI. *Оружіе:* 22 метательныхъ камня отъ баллистъ.

VII. *Рыболовство:* 4 большихъ бронзовыхъ крючка для крупной рыбы; 2 бронзовыя иглы, 0,17 м. и 0,22 м. дл., для вязанія сѣтей; 5 грузилъ для сѣтей въ видѣ усѣченныхъ пирамидокъ, украшенныхъ штампованными изображеніями: голой женщины у прялки, двухъ женщинъ, стоящихъ одна противъ другой, голаго мужчины, что-то несущаго впереди и на спинѣ, и голаго мужчины въ согнутомъ положеніи; такое же грузило со слѣдами штампованнаго изображенія; 2 грузила той же формы со вдавленнымъ изображеніемъ двойного креста; 86 грузилъ такой же формы, но безъ штампованныхъ изображеній; 2 такихъ же грузила большей величины, приплюснутыя и съ 2-мя дырочками; 6 грузилъ изъ обожженной глины шаровидныхъ; 28 грузилъ цилиндрической формы; 2 грузила въ видѣ узкой пластинки съ продольнымъ желобкомъ и съ дырочками по концамъ; 5 грузилъ свинцовыхъ, въ видѣ массивныхъ колецъ.

VIII. *Рукодѣлія:* шильце костяное, 0,085 м. дл., по серединѣ украшенное головкой въ видѣ еловой шишки; 7 пряслицъ изъ обожженной глины и 4 пряслица изъ краснаго шифера.

IX. *Игры:* 2 шашки костяныя точеныя, подобныя нынѣшнимъ, византійской эпохи; 5 малыхъ глиняныхъ шариковъ безъ пустоты; шарикъ-погремушка глиняный, 0,035 м. діам., съ 4-мя сквозными дырочками.

X. *Наряды, украшенія, принадлежности туалета.* Золотыя: серьга проволочная, витая, самаго распространеннаго вида; часть такой же серьги съ колечкомъ для подвѣски, встрѣчаемая впервые.—Бронзовые: фибула въ видѣ мухи, подобная изданной бар. де-Бай въ «Note sur des bijoux barbares en forme de mouches», p. 11; перстень большой съ 6-угольнымъ плоскимъ щиткомъ, съ грубой неразборчивой вырѣзкой; трубочка для храненія заклинаній, 0,02 м. дл., задѣланная съ помощью вырѣзанныхъ зубчиками концовъ, но безъ ушковъ; подвѣска въ видѣ человѣческой фигурки, 0,02 м. выш., грубой работы, съ отломаннымъ ушкомъ; розетка изъ бронз. бляшки, 0,04 м. діам., о 4-хъ округленныхъ листьяхъ съ штампованными, расположенными одна внутри другой, двумя розетками. Контуры этихъ трехъ розетокъ состоятъ изъ выпуклыхъ ободковъ, средняго гладкаго и двухъ внѣшнихъ изъ мелкихъ полу

шарій. Внутренняя розетка украшена по серединѣ и по 4-мъ сторонамъ большими полушаріями во всю величину поля. Сзади уцѣлѣла часть приспособленія для укрѣпленія. Встрѣчается впервые.—16 пуговицъ дутыхъ круглыхъ изъ листовой бронзы, 0,027 м. діам. Относятся къ очень позднему времени, быть можетъ, ко времени существованія на этомъ мѣстѣ карантина.—Стеклянные: 80 обломковъ разноцвѣтныхъ и разной формы браслетовъ.—Гемма сердоликовая овальная (0,013 × 0,011 м.), съ вырѣзанной нападающей собакой влѣво.—Костяныя: булавка въ 0,12 м. дл. поврежденная, украшенная сверху рукой грубой работы; пластинка трехугольная съ 2-мя прямыми и одной сферической сторонами,. безъ дырочекъ для прикрѣпленія, съ гладкой каймой и съ вырѣзанной птицей, которая за недостаткомъ мѣста изображена съ откинутой назадъ головой [1]).

XI. *Церковныя древности*: крестъ бронзовый, сильно поврежденный, 0,05×0,03 м., о 4-хъ концахъ, изъ коихъ верхній и боковые раздваиваются и заканчиваются кружками, а изъ нижняго поднимаются вѣтви, соединяющіяся съ боковыми концами. Форма эта нерѣдко встрѣчается на мраморныхъ и каменныхъ памятникахъ. Бывшій снизу стержень отломанъ [2]).—Разломанная на 2 части половина большого бронзоваго энколпіона, 0,085×0,075 м., выпуклыя изображенія котораго по серединѣ и по концамъ разрушены окисью.—Половина малаго гладкаго бронзоваго энколпіона, 0,035 × 0,025 м.—Крестикъ-тѣльникъ бронзовый, 0,02×0,017 м., съ квадратнымъ щиткомъ по серединѣ и съ шариками по концамъ. Одного мастера съ описаннымъ у Б. И. Ханенко на т. XVII, № 182.—Такой же, но выпуклый крестикъ внутри квадрата.—Тоже, 0,02×0,02 м., съ расширенными концами, грубой работы. Ушко отломано.—Крестикъ проволочный, 0,035 × 0,02 м., четырехконечный, съ округленными концами и съ широкимъ ушкомъ. Встрѣчается впервые.—Тоже, 0,02 × 0,017 м., четырехконечный, съ перекрестьями по концамъ и съ квадратнымъ щиткомъ по серединѣ, украшеннымъ съ обѣихъ сторонъ 5-ю полушаріями, старательной работы.—Звено бронзовое массивное, 0,015 м. дл., отъ лампадной цѣпи, поврежденное.—Застежка въ видѣ узкой бронзовой пластинки, 0,062 м. дл. и 0,007 м. шир., круглой по серединѣ, съ ажурно вырѣзанными внутри кружка: четырехконечнымъ равностороннимъ крестикомъ и 4-мя дырочками по угламъ (рис. 37).—

[1]) Такая же птица, но влѣво, на костяной пластинкѣ изображена въ *Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 4, с. 38, рис. 41.

[2]) Крестъ со стержнемъ былъ найденъ уже въ 1892 г. См. *Отч. Имп. Арх. Комм.* за 1892 г., с. 17. Въ собраніи Б. И. Ханенко, т. IV, № 46, также описано бронзовое распятіе съ остаткомъ стержня.

Кусокъ мраморной ступки, 0,24 м. нар. дiам. и 0,09 м. выш., съ уцѣлѣвшими 2-мя выступами-ручками, на одной изъ которыхъ вырѣзанъ четырехконечный равносторонній крестъ, 0,03 × 0,03 м.— 2 пуговицы бронзовыя бубенчиковидныя.

Рис. 37 (½).

XII. *Строительныя части храмовъ и зданій*: 4 базы мраморныя большія, снизу квадратныя, сверху круглыя, обычной простѣйшей формы; 2 обломка мраморныхъ орнаментированныхъ плитъ алтарной преграды; 2 куска отъ гладкихъ мраморныхъ карнизовъ; 5 обломковъ отъ мраморныхъ частей неизвѣстнаго назначенія; обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ мраморной плиты, 0,20 м. наиб. выш. и шир. и 0,06 м. наиб. толщ., съ уцѣлѣвшей частью выпуклой гермы, 0,19 м. выш., 0,07 м. шир. въ плечахъ и 0,04 м. снизу. Голова сверху отбита, недостаетъ также нижней части. Борода имѣетъ прямоугольную форму и коротко подстрижена, а на плечи спускаются двѣ толстыя косы. Сзади головы перекладина, соединяющаяся съ правой стороны съ остаткомъ какого-то выпуклаго изображенія, продолжающагося и въ лѣвую сторону, гдѣ плита, къ сожалѣнію, обломана у самой фигуры.—Капитель мраморная превосходной сохранности, впервые встрѣчаемаго вида, сверху квадратная (0,60××0,60 м.), снизу у колонны въ видѣ прямоугольника (0,38×0,31 м.), украшеннаго по сторонамъ завитками, являющимися подражаніемъ завиткамъ іоническаго ордера. Діаметръ круглой выемки для установки на колонну 0,28 м. Квадратный верхъ исполненъ карнизообразно, а лицевая сторона капители обозначена красивымъ выпуклымъ крестомъ съ расширяющимися концами. Найдена у оборонительной стѣны. — Капитель мраморная малая, снизу круглая, сверху въ видѣ узкаго удлиненнаго прямоугольника, украшенная 2-мя выпуклыми крестами. — Тоже, изъ сѣроватаго мрамора, большая, высокая, въ видѣ усѣченнаго конуса, 0,66 м. діам. сверху, 0,44 м. діам. снизу и 0,40 м. выш., украшенная двумя выпуклыми, сильно поврежденными крестами съ развѣтвленіями и двумя розетками. Сверху 2 углубленія: посерединѣ круглое и сбоку квадратное.—Части мозаичнаго пола христіанскаго храма, пока не обнаруженнаго: кругъ, 0,05 м. діам. и 0,02 м. толщ., изъ темнозеленаго мрамора съ свѣтло-зелеными пятнами, и 3 восьмигранника изъ бѣлаго мрамора, 0,11 × 0,11 м. и 0,03 м. толщ.—4 кирпича размѣровъ 0,32×0,16×0,03 м. — 2 куска толстыхъ оконныхъ стеколъ.

XIII. *Матеріалъ для издѣлій:* 2 куска смолы, быть можетъ, для окраски подводной части судовъ; кусокъ толстаго оленьяго рога съ 2-мя развѣтвленіями; 2 отпиленныя верхушки оленьихъ роговъ.

XIV. *Кости*: 4 бивня дикихъ свиней.

XV. *Древности невыясненнаго назначенія.* Трубка изъ обожженной глины, 0,08 м. выш., имѣющая видъ гладко срѣзаннаго горла отъ кувшина византійской эпохи, 0,015 м. толщ. стѣнокъ снизу и 0,028 м. діам., сверху сплюснутая въ формѣ розетки о 4-хъ округленныхъ лепесткахъ, при толщинѣ стѣн. 0,004 м. Подобныя трубки уже встрѣчались въ верхнемъ наслоеніи городища и ихъ имѣется нѣсколько экземпляровъ въ монастырскомъ складѣ, гдѣ хранятся древности изъ раскопокъ до 1888 г. Сквозное продольное отверстіе, то есть отсутствіе дна, затрудняетъ выясненіе назначенія этихъ трубокъ.— Костяное приспособленіе на подобіе коромысла, но только иного назначенія. 0,13 м. дл., 0,055 м. выш. по серединѣ и 0,013 м. по концамъ и 0,015 м. діам. верхняго и 0,02 м. нижняго отверстія.

III. Раскопки между казематомъ крѣпостной артиллеріи и складомъ древностей, на берегу бухты.

(Продолженіе раскопокъ 1892, 1894—1896, 1903 и 1904 годовъ).

Произведеннымъ здѣсь въ отчетномъ году дослѣдованіемъ, заключавшимся въ углубленіи, частью до материковой скалы, частью до горизонта морской воды, вполнѣ закончены раскопки юго-восточной оконечности городища. Поэтому на прилагаемомъ планѣ (табл. V) потребовалось показать раскопки не одного только отчетнаго года, но и производившіяся въ 1892, 1894—1896, 1903 и 1904 годахъ.

Раскопки, предпринятыя съ цѣлью дослѣдованія до скалы береговой оборонительной стѣны A^2, обнаруженной раньше только въ верхнемъ наслоеніи, для выясненія вопроса, служила ли эта стѣна, подобно главной оборонительной, также всѣмъ 3-мъ эпохамъ исторіи Херсонеса, или сооружена въ болѣе позднее время, были начаты сзади бывшаго караульнаго дома военнаго вѣдомства. Въ этомъ мѣстѣ, какъ видно на планѣ, приложенномъ къ гл. 1-й отчета за 1903 г. (*Изв. Имп. Арх. Комм.* в. 16, табл. 1), стѣна верхняго города повернула подъ тупымъ угломъ къ западу, образуя улицу. У вершины этого угла, при углубленіи до скалы обнаружена, пока на ширинѣ улицы, древнѣйшая береговая стѣна A^4, сложенная изъ бута на глинѣ и облицованная съ внѣшней стороны штучнымъ, а съ внутренней (городской) притесаннымъ камнемъ; она сохранилась на вышинѣ 1,84 м., при ширинѣ 2,39 м. Направленіе этой стѣны не совпадаетъ съ направленіемъ стѣны, идущей отъ площади склада древностей: она уклоняется внутрь города на 0,84 м., при

чемъ не свернула, подобно поздней стѣнѣ A^2, влѣво, но направилась на С.-З.,— явленіе, пока необъяснимое. Та часть этой стѣны, которая находилась выше уровня византійской эпохи, разобрана и употреблена на сооруженіе сосѣдней стѣны, свернувшей на З., по направленію бухты, что доказываютъ красивые облицовочные камни съ рустами греческой эпохи, заложенные въ верхнюю стѣну. Въ это же время древнѣйшая стѣна была поглощена проложенной здѣсь улицей верхняго города. У южнаго угла этой, пока загадочной, стѣны A^4 беретъ начало обширный, повидимому, навѣсъ прямоугольной формы, съ уцѣлѣвшими на своихъ мѣстахъ 5-ю каменными столбами *е—е*, квадратнаго горизонтальнаго сѣченія, подобными описаннымъ въ главѣ II-й отчета (рис. 38). У

Рис. 38.

второго, ближайшаго къ прощади, тупого угла, сквозь береговую стѣну A^2 проходитъ, пересѣкая сверху наискось упомянутый навѣсъ, водосточный каналъ съ 2-мя развѣтвленіями *ж—ж*, сложенный на культурномъ наслоеніи древнѣйшаго города изъ разнохарактернаго камня на извести, съ цемянковой обмазкой внутри. Вокругъ сохранились остатки вымостки въ видѣ площадки. Это уже третій, обнаруженный раскопками, водостокъ, пропущенный изъ города наружу сквозь оборонительную стѣну, не считая выхода сквозь стѣну, спеціально для нечистотъ, изъ отхожаго мѣста у башни, сосѣдней съ юго-восточнымъ угломъ монастырской ограды.

Далѣе береговая стѣна A^2, направляясь къ бухтѣ черезъ нынѣшнюю пло-

щадь склада древностей, на участкѣ отъ ближайшаго тупого угла на протяженіи 36,98 м. сохранилась на вышинѣ 3,63 м., считая отъ выступившей наружу морской воды, на всемъ же остальномъ протяженіи сохранилась только ниже уровня площади. Отъ точки c^1 до c^2, на протяженіи 15,28 м., низко сломанная стѣна въ 2,66 м. толщ. сохранила несомнѣнные признаки древнѣйшаго происхожденія въ видѣ облицовочныхъ камней старательной работы и одинаковыхъ размѣровъ, въ 2 ряда отъ уровня моря. Отъ точки c^2 береговая стѣна, приблизясь къ бухтѣ, сворачиваетъ на С.-В., по направленію къ морю, образуя башневидное закругленіе большого радіуса, напоминающее такое же закругленіе у той же бухты, при выходѣ къ ней главной оборонительной стѣны у монастырскаго скотнаго двора, обозначенное лит. *Д* на планѣ на стр. 91-й *Отчета Имп. Арх. Коммиссіи* за 1897 г. Всѣ облицовочные камни этого закругленія, сохранившіеся только на вышинѣ двухъ рядовъ кладки, имѣютъ характерные вырубы для связи между собою. Закругленіе это въ болѣе позднее время усилено граннымъ утолщеніемъ *а—а*, примкнутымъ къ его лицевой сторонѣ, подобно утолщенію, описанному въ гл. II отчета. У выхода къ бухтѣ водостока *в* (уже 4-го, проходящаго изъ города сквозь оборонительную стѣну) теряются дальнѣйшіе слѣды стѣны A^4, которая, несомнѣнно, какъ и на противоположномъ участкѣ у караульнаго домика военнаго вѣдомства, была разобрана по причинѣ измѣненія направленія береговой стѣны въ римско-византійскую эпоху, на что ясно указываютъ остатки большой прямоугольной башни *К*, частью разрушенной моремъ, какъ это показано на планѣ, и примкнутой безъ связи къ упомянутому закругленію. Такой же прямоугольной башней, какъ выяснили раскопки 1906 г., заканчивалась оборонительная стѣна, описанная въ гл. II отчета, составлявшая границу между старымъ и новымъ, расширеннымъ городомъ. Далѣе отъ башни къ морю, какъ видно на планѣ, уцѣлѣли фундаменты береговой стѣны, не одинаковой толщины, изъ большихъ отесанныхъ камней, съ вырубами для связи. Протяженіе сохранившейся части стѣны, разслѣдованной до самаго ея оборваннаго конца, составляетъ 27,73 м. Гдѣ находилась фланговая башня, отъ которой стѣна сворачивала на соединеніе съ той ея частью, которая была открыта раскопками 1891 г. у высоко-обрушившагося берега, впереди часовни № 8,—рѣшить невозможно, такъ какъ значительная береговая полоса унесена моремъ. Во всякомъ случаѣ, направленіе этой стѣны показано неточно на планѣ, приложенномъ къ послѣднему труду А. Л. Бертье-Делагарда «О Херсонесѣ» [1]), что объясняется прежде-

[1]) *Изв. И. Арх. Комм.* в. 21, табл. I.

временнымъ опубликованіемъ свѣдѣній о юго-восточной части городища, до окончанія здѣсь раскопокъ, когда еще не были обнаружены ни прямоугольная башня *К*, ни дальнѣйшее направленіе береговой стѣны. Ниже водостока *в* находился плитный помостъ *г*, слѣва отъ котораго, подъ прямымъ угломъ съ башней, шла къ городу стѣна *д* въ 1,33 м. толщ., сложенная на извести, а впереди находилась большая пашенная яма *б*, 3,86 × 3,35 × 2,13 м., сложенная изъ бута, при неодинаковой толщинѣ стѣнокъ, что объясняется ея устройствомъ послѣ сооруженія стѣны *д* и помоста *г*. Стѣны прочно оштукатурены мелкозернистой цемянкой, а полъ выложенъ изъ большихъ прямоугольныхъ кирпичей, 0,72 × 0,59 × 0,045 м., впервые встрѣчаемой величины.

На дослѣдованной площади юго-восточной оконечности городища обнаружено, кромѣ навѣса *е—е*, 13 помѣщеній: 8 древнегреческой (I—VIII) и 5 римско-византійской (№№ 1—5) эпохъ. Въ помѣщеніи II найдены гончарная печь *з*, прямоугольная яма *и*, вырубленная въ скалѣ для приготовленія глины, какая была открыта въ 1900 г. съ наружной стороны оборонительной стѣны, и арковидная ниша *і* въ скалистой стѣнѣ. Въ помѣщеніи VII сохранились остатки интересной печи *н* въ видѣ свода старательной работы, съ каменной лѣстницей, корридорчикомъ и отдѣленіемъ, быть можетъ, служившимъ складомъ. Въ помѣщеніи VIII съ выходомъ на улицу, которая, слѣдовательно уже существовала въ древнѣйшую эпоху, обнаружено въ нижнемъ наслоеніи 4 мусорныхъ колодца *о—о*, цилиндрической формы, обложенныхъ камнемъ, и 6 раздавленныхъ желобчатыхъ пиѳосовъ *п—п*, яйцевидной формы, а нѣсколько выше—еще 9 раздавленныхъ гладкихъ пиѳосовъ *р—р*, грушевидной формы, заключавшихъ въ себѣ мелкую соленую рыбу. Въ помѣщеніи № 2 верхняго города обнаруженъ небольшой грушевидный колодецъ *к*, вырубленный въ скалѣ, оштукатуренный цемянкою и обложенный сверху плитами, 1,46 м. діам. сверху и 2,61 снизу и 2,13 м. глубины, а въ помѣщеніи № 3 оказалось 3 выруба въ скалѣ, повидимому, для установки пиѳосовъ, *л—л*, и малый поглощательный колодецъ *м*, 0,66 м. діам., цилиндрической формы.

При разслѣдованіи въ отчетномъ году юго-восточной оконечности городища найдены нижеописанныя древности.

I. *Памятники эпиграфическіе*:

11 амфорныхъ ручекъ съ надписями, въ томъ числѣ 5 ѳасосскихъ и 6 съ именами астиномовъ; 2 обломка кровельныхъ черепицъ съ именами астиномовъ.

Грузила для сѣтей въ видѣ усѣченной пирамидки изъ обожженной глины: а) съ вдавленной сбоку монограммой -Н-; б) съ штампованными головой, частью праваго плеча и крыла сзади и съ очень мелкой неясной надписью ΧΡΟΜΑ.. снизу, въ овальномъ углубленіи сбоку пирамидки.

Верхъ краснолаковой мисочки съ нацарапанною частью имени ΘΗCΕѠΝ; обломокъ отъ верхней части большой амфоры, 0,015 м. толщ. стѣн., съ частью нацарапанной неразборчивой надписи, 0,015 м. выш. буквъ; нижняя часть, отбитая до начала горла, 0,17 м. дл. и 0,05 м. наиб. діам., высокаго тонкаго сосудика безъ ручекъ, грубой работы; сбоку, въ 0,04 м. отъ нижняго края, внутри вдавленнаго трехугольника 0,012 × 0,012 × 0,009 м., штампованная неразборчивая надпись.

Половина «абраксасъ-геммы», по опредѣленію проф. геологіи Соколова—изъ обсидіана, съ уцѣлѣвшими на половину, вырѣзанными вглубь изображеніями съ обѣихъ сторонъ египетскихъ божествъ съ звѣриными головами и неразборчивыхъ греческихъ надписей въ разныхъ направленіяхъ, при чемъ надпись на скошенномъ обрѣзѣ вокругъ возстановляется такъ: ΑΒΛΑΝ/ΑΘΑΝΑΛ/ΒΑ и читается одинаково какъ слѣва вправо, такъ и справа влѣво. Выш. 0,03 м., наиб. уцѣл. шир. 0,015 и толщ. 0,005 м. Найдена на мѣстѣ свалки земли изъ вагонетокъ.

II. *Монеты.*

1. Херсонесскія: а) Греческаго періода 18 (Бурачковъ, табл. XIV, 8, 11, 12, 14, 20, 21, 30—35, 37—40; XV, 51—57, 64, 65, 68), въ томъ числѣ одинъ неизданный варіантъ къ № 64, отличающійся меньшей величиной, очень плохой сохранности. — б) Римскаго періода 18 (Бур. XVI, 89, 90, 97, 102—105, 108, 112, 114 и 117), въ томъ числѣ варіантъ къ № 103, меньшей величины и крайне грубой работы (3 экз.) и не описанный у Бур. экземпляръ малой величины: *лиц.* бюстъ Зевса направо, *об.* нападающая Артемида. — в) Византійскаго періода 91 (у Орѣшникова, табл. VIII, №№ 1—3, 13, 14, 18—23, 25, 26; IX, 33, 35, 36; X, 45, 47—49, 51, 52, 57—59).

2. Послѣднихъ боспорскихъ царей 2 экз. (очень плохой сохранности).

3. Разныхъ греческихъ городовъ 29, въ томъ числѣ сильно разрушенныхъ окисью и не поддающихся опредѣленію 26.

[1]) Грузило съ надписью у штампованнаго изображенія, найденное въ Херсонесѣ, описано проф. В. К. Мальмбергомъ въ „Матер. по археол. Россіи“ №7, с. 29—30, № 30, съ рисункомъ.

4. Римскихъ и византійскихъ императоровъ 171, въ томъ числѣ сильно сглаженныхъ 90.

Рис. 39.

III. *Изваянія.* 1) Ножки обнаженнаго ребенка высокохудожественнаго исполненія, изъ бѣлаго греческаго мрамора (рис. 39); ребенокъ лежалъ въ живописной позѣ на плитѣ въ 0,03 м. толщ., обломанной со всѣхъ сторонъ. У правой ножки отбита ступня, а у лѣвой повреждены пальцы. Длина обломка 0,20 м., шир. 0,10 м., наибольшая выш. 0,09 м.—2) Средняя часть, 0,19 м. выш., мраморной статуи средней величины, хорошей работы.—3) Половина мраморной львиной лапы въ натуральную величину, художественнаго исполненія.

IV. *Посуда.* а) Глиняная. Чернолаковая: 20 черепковъ со слѣдами живописи; 146 обломковъ безъ признаковъ живописи: отъ блюдъ 25, отъ кратеровъ 3, отъ канѳаровъ 11, отъ киликовъ 23, отъ тарелокъ 21, отъ блюдцевъ 5, отъ солонокъ (предположительно) 2 и не опредѣленныхъ формъ 56.—Буролаковая: 3 обломка такъ назыв. «мегарскихъ чашекъ» съ штампованными изображеніями: а) гладкій край въ 0,013 м. шир., ниже рядъ красивыхъ розетокъ (уцѣлѣли 4) между узкими буртиками, еще ниже мчащіяся вправо биги, управляемыя Эротами (уцѣлѣли 2) и затѣмъ остріе лепестка отъ большой розетки; б) сверху бордюръ въ видѣ цѣпи изъ летящихъ влѣво утокъ (уцѣлѣли 3), снизу бордюръ изъ овъ и стрѣлокъ между ними (уцѣлѣли 5 овъ и 4 стрѣлки), а промежутокъ занятъ бѣгущимъ юношей, двумя утками и большой птицей; в) прыгающій влѣво зайчикъ.—4 черепка такой же посуды, украшенные однимъ растительнымъ орнаментомъ.—Часть вазочки съ орнаментомъ въ видѣ плющеваго вѣночка изъ густо наложенной свѣтлокоричневой краски. Ручка украшена выпуклыми изображеніями: сверху тирса съ лентами, сбоку головы вакханки.—5 черепковъ, украшенныхъ орнаментомъ растительнаго характера свѣтлокоричневаго цвѣта, при чемъ стебли и завитки исполнены рѣзцомъ.—10 обломковъ отъ блюдъ и 46 отъ посуды другихъ формъ.—Краснолаковая: 159 обломковъ отъ посуды разныхъ формъ.

Простая, не лаковая: 12 ручекъ отъ сосудовъ, украшенныхъ штампован-

ными изображеніями: мужской бородатой головы вправо, женской головки вправо, головки собаки—по одному экземпляру и сучковатой палицы 9 экз.— Крышка амфорная для вмазыванія, обычной формы.

Лампочки: нелаковая, красивой античной формы, безъ ручки, съ длиннымъ носикомъ и съ ушкомъ сбоку, украшенная сверху пупышками и рубчиками. Куски: чернолаковый обычнаго вида 1; тоже, но съ трубовиднымъ отверстіемъ по серединѣ, 2; такихъ-же буролаковыхъ 2. Римской эпохи краснолаковыхъ, безъ украшеній 4.

б) Стеклянная: 18 обломковъ отъ посуды разныхъ формъ: ножекъ 6, горлъ 5, ручекъ 3 и боковыхъ частей 4; ножекъ отъ сильно расширяющихся сосудовъ, напоминающихъ нынѣшнія большія винныя рюмки, 5.

V. *Хозяйственныя орудія и инструменты*: жерновъ отъ ручной мельницы; оселокъ съ дырочкой для ношенія у пояса и другой безъ дырочки.

VI. *Оружіе*: 6 метательныхъ камней отъ баллистъ.

VII. 6 *грузилъ* для сѣтей въ видѣ усѣченныхъ пирамидокъ изъ обожженной глины съ штампованными изображеніями: головки Артемиды вправо съ завязанными въ узелъ волосами (2 экз.), Психеи и Эрота, коня вправо, птицы вправо, сосуда съ крышкой; 6 такихъ-же грузилъ со слѣдами штампованныхъ изображеній и 40 безъ слѣдовъ изображеній; 4 грузила изъ обожженной глины цилиндрической формы.

VIII. *Рукодѣлія*: 4 пряслица изъ обожженной глины и 2 изъ краснаго шифера.

IX. *Игры*: 3 шарика изъ обожженной глины, безъ пустоты, малые.

X. *Наряды, украшенія, принадлежности туалета*: 20 обломковъ разноцвѣтныхъ и разной формы стеклянныхъ браслетовъ.

XI. *Строительныя части храмовъ и зданій*: верхнее украшеніе тонкой колонки изъ бѣлаго греческаго мрамора въ видѣ красивой розетки; базочка мраморная, снизу квадратная, 0,11 × 0,11 м., сверху круглая, 0,10 м. діам.; 8 кусковъ древнегреческой окрашенной штукатурки: 6 краснаго и 2 голубого цвѣта; 10 обломковъ толстыхъ оконныхъ стеколъ.

XII. *Запасы продовольствія*: рыба соленая, находившаяся внутри 15-ти раздавленныхъ рубчатыхъ яйцевидныхъ пиѳосовъ древнегреческой эпохи.—Яйцо куриное высохшее.

XIII. *Кости*: 2 бивня дикихъ свиней.

Рис. 40 (1/6).

IV. Случайныя находки.

1) Обломокъ лѣвой стороны мраморной плиты съ сохранившимися 5-ю буквами отъ греческой надписи римской эпохи [1]. Найденъ М. И. Скубетовымъ у южнаго участка оборонительной стѣны, по близости большой фланговой башни.

2) Обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ очень толстой мраморной плиты съ остатками греческой надписи римской эпохи въ 5-ти строкахъ [2]. Вынутъ М. И. Скубетовымъ изъ стѣны «Уваровской» базилики.

3) Карнизъ изъ бѣлаго мрамора, 0,69 м. дл., 0,23 м. шир. и 0,12 м. выш., украшенный глубокими овами и пальметками художественной работы и превосходной сохранности (рис. 40). Вынутъ М. И. Скубетовымъ изъ уличной стѣны справа отъ баптистерія, въ которую обломокъ былъ вставленъ заднею стороною наружу, такъ что рѣзьба была скрыта.

4) 3912 кусочковъ смальты, разноцвѣтной и со слѣдами впущеннаго золота и серебра, сброшенныхъ съ берега вмѣстѣ съ землей изъ «Уваровской» базилики во время раскопокъ 1853 г. и выкинутыхъ моремъ: синей и голубой—1539, зеленой разныхъ оттѣнковъ—818, красной—730, желтой—495, со слѣдами впущеннаго золота и серебра—330.

V. Древности, найденныя въ окрестностяхъ во время плантажныхъ и полевыхъ работъ и пріобрѣтенныя покупкою отъ торговца Л. Гончарова.

1) 5 серебряныхъ херсонесскихъ монетъ: а) бюстъ юнаго Иракла—сучковатая палица, сверху ΧΕΡ, снизу ΜΟΙΡΙΟΣ. Превосх. сохр. Не издана.— б) 3 съ бюстомъ Артемиды въ башенной коронѣ съ одной и съ стоящимъ оленемъ съ другой стороны, всѣ съ разными именами: Мириса, Аполлонида и

---

[1] Изданъ въ *Изв. И. Арх. Комм.* в. 18, стр. 120, № 33.

[2] Изданъ тамъ же, стр. 118, № 29.

Діотима. Съ послѣднимъ именемъ не издана. Превосходной сохр. — в) Бюстъ Артемиды въ вѣнкѣ — Артемида, поражающая оленя, снизу ΧΕΡ, справа ΜΕΝΕΣΤΙ... Повреждена съ краю. Съ этимъ именемъ, повидимому, не издана.— 2) 4 бронзовыя херсонесскія монеты превосх. сохр.: а) Артемида, поражающая оленя, снизу ΧΕΡ. Бодающій быкъ, снизу ΕΥΔΡΟΜΟΥ. — б) Бюстъ Аѳины въ шлемѣ— прыгающій грифонъ, сверху ΧΕΡ, снизу ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΥ.—в) 2 экземпляра временъ элевѳеріи, варварскаго типа: бюстъ Аполлона—нападающая Артемида [1]).
3) 9 глиняныхъ двуручныхъ амфоръ, изъ коихъ 4 имѣютъ штампованныя именныя печати: темноглиняная на горлѣ: ΑΠΟΛΛ.ΝΙΟ/ΗΡΑΚΛΕΙΔΑ; свѣтлоглиняная на горлѣ-же: ΚΑΛ/ΛΙΑ (въ 2 строкахъ, во 2-й справа налѣво); красноглиняная на ручкѣ: птица, справа ΘΑΣΙΩΝ; свѣтлоглиняная на горлѣ: виноградная кисть и неясная надпись вокругъ. Остальныя 5 амфоръ свѣтлоглиняныя, безъ именныхъ печатей. — 4) Канѳаръ черполаковый малый, хорошей сохранности. — 5) Блюдечко чернолаковое съ нацарапанной снизу буквой А. — 6) Такое-же блюдечко безъ буквъ. — 7) Солонка (предположительно) чернолаковая. — 8) 2 тарелки краснолаковыя. — 9) Лампочка краснолаковая, украшенная выпуклой головкой. — 10) Кувшинчикъ краснолаковый рубчатый съ красивой ручкой.—11) Тоже желтоватой глины, безъ ручекъ, грубой работы.—12) Тоже темноглиняный, низкій и широкій, съ 2-мя ручками.— 13) Чашечка глиняная нелаковая, съ одной ручкой. — 14) Штемпель овальный, 0,05 × 0,04 м., съ ободкомъ и съ слѣдами надписи ...ΩΙ / ...ΝΝ, помѣщавшійся сбоку большого стекл. сосуда.—15) Тоже въ 0,03 × 0,027 м., съ неясной выпуклой надписью; тоже отъ стекляннаго сосуда.—16) 5 стеклянныхъ шашекъ древнегреческаго періода, разрушенныхъ расслоеніемъ, подобныхъ найденнымъ въ 1899 г. въ склепѣ № 1012.—17) 5 стеклянныхъ круглыхъ выпуклыхъ вставокъ изъ медальоновъ.—18) 12 праслицъ изъ краснаго шифера разной величины.—19) 4 подвѣски въ видѣ стеклянныхъ дельфинчиковъ, грубой работы.— 20) 6 кувшиновидныхъ подвѣсокъ изъ синяго и зеленаго стекла.—21) Горшокъ глиняный, 0,11 м. выш., т. наз. «скиѳской» посуды.—22) 159 пронизей отъ ожерелій: 30 пастовыхъ мозаичныхъ круглыхъ, разной величины; 12 такихъ же, но удлиненной формы; 30 изъ разноцвѣтнаго стекла круглыхъ; 28 изъ синяго стекла малыхъ круглыхъ; 46 изъ золотистаго стекла, той же формы и величины; 8 изъ синяго стекла въ видѣ гладкихъ трубочекъ и 5 изъ того-же матеріала, кубовидной формы.

---

[1]) Всѣ серебряныя монеты и бронзовая съ бюстомъ Аѳины поступили въ Императорскій Эрмитажъ, который призналъ ихъ очень рѣдкими и цѣнными.

Въ отчетномъ году расширенъ складъ древностей постройкой на площади, у въѣзда, большого каменнаго навѣса, крытаго черепицей (рис. 41), для храненія пиѳосовъ, водопроводныхъ трубъ, кирпичей и тѣхъ мелкихъ древностей второстепеннаго значенія, которыя не помѣщаются въ главномъ зданіи склада. Кромѣ того сооружены капитальныя желѣзныя ворота, запирающіяся на ночь.

К. Косцюшко-Валюжиничъ.

Рис. 41.

Проектъ реставраціи фресокъ въ склепѣ № 2086.

При открытіи катакомбы замѣтны были слабыя очертанія, отъ праваго угла передней стѣны къ лѣвому углу задней, гирлянды чернаго цвѣта изъ лавра съ вплетенными красными трилистниками. Такія діагонали шли, вѣроятно, отъ всѣхъ угловъ къ центру потолка, гдѣ еще уцѣлѣли слѣды двойного круга, внутри котораго могъ быть изображенъ вѣнокъ, подобный имѣющемуся въ катакомбѣ № 2114. Аркосолій задней стѣны былъ окаймленъ лентой съ перевязями, съ подвѣшенными по концамъ кипарисовыми шишками, по 2 съ каждой стороны, а внутри вся площадь была занята виноградной лозой съ гроздьями, но безъ листьевъ. Лента мѣстами блѣднорозовая, оттѣненная красной муміей, мѣстами блѣднозеленая, оттѣненная сажей. Стебель виноградной лозы исполненъ темной охрой, усики красной муміей, ягоды сѣрыя, обведенныя сажей, съ чернымъ очкомъ по серединѣ, причемъ лѣвая сторона лозы, состоящая изъ 4-хъ кистей, изображала черный, а правая, съ тѣмъ же количествомъ кистей, красный виноградъ. По обѣимъ сторонамъ свода аркосолія сохранились слѣды двухъ птицъ, вѣроятно голубей, изъ которыхъ правый сидитъ на вѣткѣ, а лѣвый идетъ вправо. По полю разбросаны розовые лепестки шиповника. Съ наружной стороны аркосолія, по самой кромкѣ, изображена гирлянда, начинающаяся съ лѣвой стороны бантомъ, обведеннымъ красной муміей, и обрывающаяся съ правой стороны, перевитая въ трехъ мѣстахъ широкой полосатой лентой бѣлаго, розоваго и блѣднозеленаго цвѣтовъ. Гирляндѣ хотѣли придать рельефный видъ, при этомъ листья наружной стороны покрыты блѣднозеленой краской, а внутри на сѣромъ фонѣ симметрично изображены красные трехлистники. Въ правомъ углу сохранились слѣды, повидимому, кедра съ шишками и сидящимъ хохлатымъ голубемъ и съ корабликомъ сверху, какіе изображены на половой мозаикѣ базилики, открытой въ 1889 г.

Въ лѣвомъ углу изображенъ рогъ изобилія коричневаго цвѣта съ выступающими растеніями съ черными ягодами и съ сидящимъ голубемъ съ рябой грудкой, держащимъ въ клювѣ масличную вѣтвь, подобно изображенію въ катакомбѣ № 1494, открытой въ 1903 г. Боковыя стѣны, какъ правая, такъ и лѣвая, были расписаны одинаково, причемъ лѣвая сохранилась лучше. Сверху по кромкѣ ниши второго яруса, по всей длинѣ, шла такая же перевитая лентой гирлянда, какъ и вокругъ аркосолія, а по угламъ, у начала ниши, изображены 2 горящія свѣчи, слабо суживающіяся кверху, блѣдножелтаго фона, оттѣненныя коричневой краской. Въ углахъ, у свѣчи, сохранились слѣды деревца съ зелеными листьями и круглыми плодами, обведенными красной муміей по желтому полю. На нижней полкѣ, въ мѣстахъ, гдѣ на верхней изображены свѣчи, имѣются два прямоугольника съ бѣлой рамой, обведенной черной краской, а внутри раздѣланной подъ мраморъ, съ красными разводами по желтому полю. У входа съ правой стороны сохранился орнаментъ въ видѣ прямоугольника съ блѣдно-коричневой рамой, внутри котораго по угламъ введены 4 трехугольника съ двойной черной каймой, раздѣланные подъ бѣлый мраморъ сѣрыми разводами. Внутренній параллелограммъ также раздѣланъ подъ мраморъ красными разводами по желтому полю, причемъ въ центрѣ введенъ бѣлый кругъ съ коричневыми каймами, внутри раздѣланный также подъ мраморъ, темнозелеными разводами по блѣднозеленому фону. Съ лѣвой стороны хода такой же орнаментъ, но плохой сохранности. Снизу надъ поломъ со всѣхъ сторонъ проведена широкая черная кайма, мѣстами хорошо сохранившаяся. Въ двухъ нишахъ боковыхъ стѣнъ сохранились слѣды растительнаго орнамента, повидимому шиповника.

М. Скубетовъ.

Проектъ реставраціи фресокъ въ склепѣ № 2114.

Всѣ стѣны, ниши и потолокъ были оштукатурены известью, а мѣстами розовой цемянкой съ крупными зернами кирпича и по гладкой поверхности, по свѣжей штукатуркѣ, расписаны фресками. На потолкѣ, въ пересѣченіи діагоналей, соединяющихъ 4 угла, введены 2 круга, прорѣзанные въ штукатуркѣ, 0,65 м. наиб. діам. и 0,065 м. разстоянія одинъ отъ другого. Образуемое этими кругами кольцо было раздѣлено на 8 частей, изъ коихъ 4, симметрично расположенныя по діагоналямъ, изображали ленту, а 4 промежуточныя—вѣнокъ изъ густо расположенныхъ листьевъ лавра. Въ центрѣ кольца была помѣщена монограмма Христа и по бокамъ первая и послѣдняя буквы греческаго алфавита. Діагонали до соединенія съ лентой кольца изображали гирлянды изъ лавра, исполненныя черной краской по сѣрому фону, оттѣненныя блѣднозеленой краской и перевязанныя лентой, раздѣленной коричневыми полосками на 3 части, изъ коихъ средняя коричневая, а боковыя красныя, украшенныя зубцами, бѣлыми по коричневому и желтыми по красному полю. Кольцо съ вѣнкомъ и лентой и діагонали однохарактерны во всѣхъ деталяхъ. Въ углахъ потолка діагонали эти заканчиваются бантами двоякаго рисунка: въ переднихъ углахъ въ видѣ листьевъ аканта, контурно исполненныхъ чернымъ по бѣлому, а въ заднихъ углахъ въ видѣ пальметъ. Монограмма Христа и буквы по бокамъ были контурно исполнены краснымъ по желтому, причемъ красный кружокъ съ точкой обозначалъ центръ кольца. Слѣды фресокъ сохранились еще на правой и передней стѣнахъ и внутри нишиящика, а также на плитахъ, поставленныхъ на ребро, которыя закрывали нишу со стороны катакомбы. На правой стѣнѣ, внутри удлиненнаго прямоугольника, раздѣленнаго широкой красной полосой на 3 прямоугольныхъ поля, изображены: въ крайнемъ отъ задней стѣны—деревцо съ шишками и круглыми пло-

дами краснаго и желтаго цвѣта, въ нижнемъ —панель подъ мраморъ, съ красными разводами по желтому полю, а верхнее поле, т. е. 5 плитъ, закрывавшихъ нишу, изображало 5 деревцевъ съ круглыми плодами, похожими на яблоки. Въ передней стѣнѣ сохранились только слабые слѣды фресокъ, дающіе возможность видѣть лишь немногія детали. Справа отъ входа замѣтна часть мужской фигуры въ ростъ, лицомъ къ зрителю, отъ которой уцѣлѣли лѣвая сторона (безъ головы) и обѣ ноги. Одежда короткая, перепоясанная, обшлагъ на рукавѣ уцѣлѣвшей руки оторочена коричневыми полосами, обувь на ногахъ какая-то безформенная, на подобіе нашихъ валенокъ. Рисунокъ исполненъ коричневой краской съ бѣлыми проблесками по желтому полю. Справа отъ этой фигуры, на поперечной стѣнѣ ниши изображенъ, повидимому, павлинъ, идущій вправо, съ употребленіемъ желтаго, краснаго и коричневаго цвѣтовъ. На продольной стѣнѣ той же ниши былъ изображенъ лавровый вѣнокъ съ бантомъ и лентами, съ употребленіемъ блѣднозеленаго, блѣднокоричневаго, фіолетоваго и сѣрозеленаго цвѣтовъ, причемъ шишки оставлены бѣлыми.

М. Скубетовъ.

---

1. Изслѣдованіе воды изъ колодца, прилегающаго къ южной стѣнѣ „крестнаго храма", открытаго въ 1902 г.

Въ литрѣ воды найдено:	Милиграмовъ.
Плотнаго остатка	800,0
Убыль при прокаливаніи	75,0
Потребовалось для окисленія органическихъ веществъ кислорода	1,0
Хлора	380,0
Сѣрной кислоты	45,0
Азотной кислоты	0,5
Азотистой кислоты и амміака	0,0
Кремневой кислоты	9,0
Окиси желѣза и аллюминія	1,0
Окиси кальція	120,0
Окиси магнія	32,0
Калія (въ видѣ хлористаго калія)	55,0
Натрія (въ видѣ хлористаго натрія)	304,0
Фосфорной кислоты	0,25

Такимъ образомъ въ водѣ оказалось увеличеніе плотнаго остатка въ 800 милигр., вмѣсто допустимаго въ 500 м. въ литрѣ. Увеличеніе это обусловливается значительнымъ содержаніемъ хлористаго натрія въ 304 милигр., тогда какъ высшей нормой принято считать содержаніе въ литрѣ 30 м. хлора, что соотвѣтствуетъ 50-ти милигр. хлористаго натрія. Содержаніе въ водѣ большаго количества хлористыхъ соединеній можетъ быть или вслѣдствіе сообщенія ея съ морскою водою, или вслѣдствіе прохожденія ея черезъ загрязненную мочею почву.

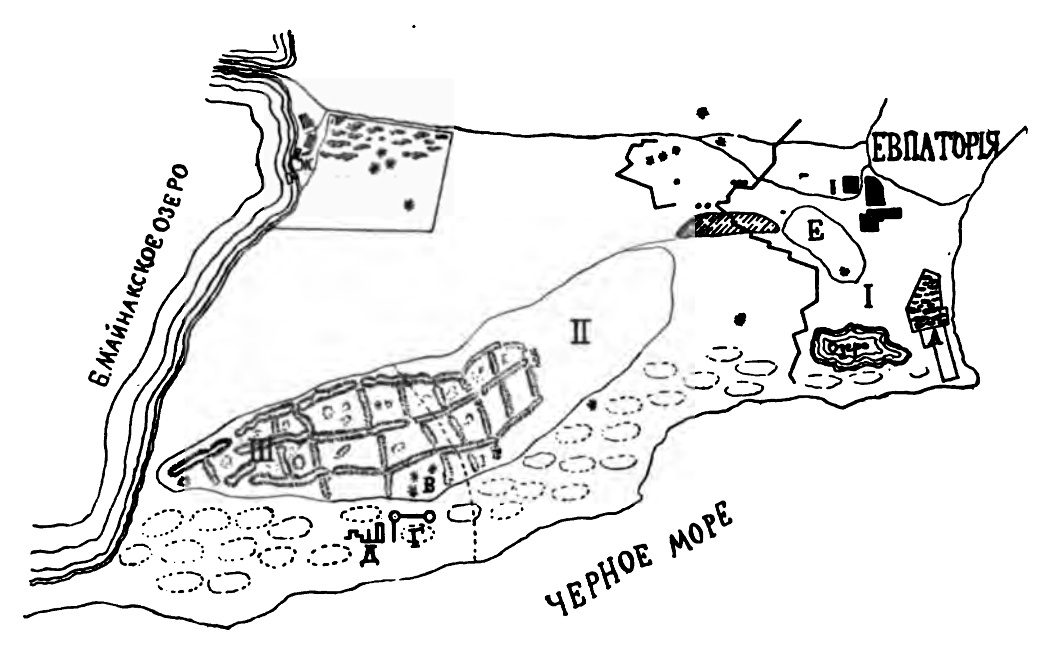
2. Изслѣдованіе воды изъ 2-го колодца, открытаго въ 1905 г. при раскопкахъ некрополя съ южной стороны того же „крестнаго храма“.

Одинъ литръ воды содержитъ:	Милиграмовъ.
Плотный остатокъ	1020,0
Потеря при прокаливаніи	204,0
Потр. для окисл. орган. вещ. кислорода . .	6,33
Окиси кальція	177,0
Окиси магнія.	27,0
Окиси желѣза и аллюминія	слѣды.
Хлора . . . . . , ...	495,0
Сѣрной кислоты	54,0
Азотной кислоты.	0,5
Азотистой кислоты	0,0
Хлористаго калія.	176,0
Хлористаго натрія	271,0
Кремневой кислоты	20,0

Жесткость общая — 16,2 град., постоянная — 14,2 гр.

Вода сама по себѣ—мутная, даже при отстаиваніи, содержащая много солей, поэтому для употребленія не пригодная.

А. Годзишевскій.

I—III. Части пространства отъ Карантина до Біюкъ-Майнакскаго озера.
А. Карантинъ.
В. Три кургана.
Г. Слѣды крѣпостной стѣны и башни.
Д. Остатки фундаментовъ.

Е. Мѣсто раскопокъ 1895—97 гг.
Ж. Мѣсто раскопокъ 1895 г. (гдѣ была найдена плита съ изобр. Геракла). Непосредственно ниже—мѣсто раскопокъ 1897 г.

Раскопки въ окрестностяхъ Евпаторіи.

Пространство къ западу отъ Евпаторіи, отъ такъ называемаго Карантина до Біюкъ-Майнакскаго озера, представляетъ собою чрезвычайно интересное мѣсто для археологическихъ изысканій, такъ какъ здѣсь найдено древнее поселеніе.

Занимаясь въ теченіе многихъ лѣтъ изслѣдованіемъ топографіи этой мѣстности и раскопками въ ней, мы собрали довольно большой и интересный матеріалъ, дающій возможность точно опредѣлить, гдѣ было само поселеніе и его кладбище. Это тѣмъ болѣе легко было сдѣлать, что каждая найденная нами или другими лицами вещь, гробница, фундаменты и пр. наносились въ теченіе многихъ лѣтъ на подробную карту, которая и дала возможность опредѣлить, гдѣ было поселеніе и гдѣ кладбище.

Древнее поселеніе лежало по восточному берегу Майнакскаго озера и по берегу моря, а кладбище—ближе къ городу, между Карантиномъ, землянымъ валомъ, оставшимся послѣ Севастопольской войны, и дорогой на Майнакъ. Будущему изслѣдователю предстоитъ еще очень большая, трудная, но и крайне интересная работа произвести систематическое изслѣдованіе мѣста поселенія по

б ерегу моря; тамъ все пространство занесено сыпучими песками, тогда какъ древнее кладбище занято теперь дачными участками, начало коимъ положено въ 1894 году.

Дѣлать топографическое описаніе мѣстности мы не будемъ, такъ какъ оно съ достаточною подробностью дано нами въ статьѣ: «Матеріалы по археологіи Евпаторійскаго уѣзда» [1]). Здѣсь мы прямо переходимъ къ описанію находокъ, сдѣланныхъ на этомъ пространствѣ при нашихъ раскопкахъ въ 1896 и 1897 гг. [2]).

I. Раскопки 1896 года.

Раскопки, произведенныя нами по порученію Императорской Археологической Коммиссіи лѣтомъ 1896 г. [3]), были сосредоточены въ двухъ пунктахъ: 1) около Майнакскаго озера и грязелѣчебницы и 2) въ ближайшей къ Евпаторіи части пространства отъ Карантина до Майнакскаго озера, тамъ, гдѣ въ предыдущіе годы [4]) были обнаружены нами слѣды кладбища, принадлежащаго, судя по найденнымъ вещамъ, къ первымъ вѣкамъ до Р. Х.

Само поселеніе, судя по найденнымъ фундаментамъ съ многочисленными слѣдами зданій, находилось вблизи озера, но ближе къ морю. Пространство это покрыто массою черепковъ, между которыми попадаются предметы различныхъ эпохъ, начиная съ каменной культуры и кончая греческими терракоттами и бронзовыми обломками статуэтокъ.

Раскопки, произведенныя вблизи Майнакскаго озера, были неудачны. Многочисленные фундаменты, открытые здѣсь нами лѣтомъ 1895 года, съ признаками несомнѣнной древности [5]), были тогда раскопаны только частью, такъ какъ они были обнаружены въ концѣ предпринятой нами археологической экскурсіи и, за неимѣніемъ времени, часть изслѣдованія ихъ была отложена на лѣто 1896 года. Но каково же было наше удивленіе, когда, отправившись на раскопки въ 1896 г., мы не нашли даже и слѣдовъ фундаментовъ! Пробныя

[1]) Н. Ф. Романченко. Матеріалы по археологіи Евпаторійскаго уѣзда. *Зап. Имп. Русск. Арх. Общ.* Новая серія, томъ VIII, вып. I и II, стр. 219—236.

[2]) Здѣсь же замѣтимъ, что вещи изъ нашихъ раскопокъ 1896 г. переданы Имп. Арх. Коммиссіею въ Имп. Эрмитажъ, а изъ раскопокъ 1897 г.—въ музей Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей.

[3]) Краткій отчетъ объ этихъ раскопкахъ напечатанъ въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм.* за 1896 г., стр. 70.

[4]) См. наши статьи: 1) Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи *Археолог. Изв. и Замѣтки* 1894 г., № 1, стр. 9—15, и 2) Матеріалы по археологіи Евпаторійскаго уѣзда (см. выше прим. 1).

[5]) См. *Зап. Имп. Русск. Арх. Общ.* l. c., стр. 227.

раскопки были неудачны, а изъ разспросовъ управляющаго грязелѣчебницею оказалось, что при устройствѣ на этомъ мѣстѣ парка и приготовленіи для него почвы былъ извлеченъ весь камень, имѣвшійся въ землѣ, и сложенъ въ видѣ забора, длиною около 100 саж., толщиною отъ 2 до 3 арш. и высотою въ 2 арш. [1]). Это указываетъ, какое громадное количество камня заключалось въ фундаментахъ древнихъ построекъ. Мѣстные обыватели отзывались, что имъ рѣшительно ничего неизвѣстно о какихъ-либо находкахъ при извлеченіи камня.

Раскопки въ ближайшей части къ Евпаторіи были болѣе благопріятны. Мы производили ихъ на пространствѣ *E* (см. планъ на рис. 1), гдѣ въ прошлые годы было открыто нами древнее кладбище, которое, судя по найденнымъ въ немъ вещамъ, должно быть отнесено къ первымъ вѣкамъ до Р. Х. Въ настоящее время это кладбище по своему внѣшнему виду ничего особеннаго не представляетъ: это довольно ровная поверхность, прежде совершенно голая, а съ 1893 года эксплуатируемая подъ виноградники и плантажи. Съ этого же времени вся эта площадь, разбитая на участки, стала застраиваться частными дачами и засаживаться садами.

Мы начали раскопки съ пробныхъ. На значительномъ пространствѣ такъ называемаго мною древняго кладбища, на разстояніи приблизительно около 2 м., были сдѣланы небольшія ямки, глубиною не болѣе 1,40 м., въ шахматномъ порядкѣ, при величинѣ площади ямки около 0,70 или 0,35 м., въ зависимости отъ грунта. Въ болѣе интересныхъ пунктахъ, гдѣ показывались, напр., зола, уголь, обломки амфоръ, чернолаковые кусочки и пр., мы производили раскопку сплошной траншеей. Что касается пространства, занимаемаго этимъ древнимъ кладбищемъ, то, судя по всѣмъ извѣстнымъ мнѣ находкамъ, оно занимаетъ площадь въ 10—12 десятинъ. Площадь эта удалена на 250 саж. (532 м.) отъ моря и на 200 саж. (425 м.) отъ Карантина и Евпаторійскаго залива.

При раскопкахъ 1896 года намъ не удалоть найти каменныхъ гробницъ, быть можетъ отчасти потому, что камень при рытьѣ плантажей былъ извлекаемъ копателями земли, такъ какъ онъ цѣнится здѣсь очень высоко, а извлеченіе его не представляетъ никакого труда, такъ какъ глубина гробницъ почти нигдѣ не превосходитъ 1,40 м. отъ поверхности земли.

При раскопкѣ сплошной траншеей мы наткнулись на костякъ № 1 (см. планъ на рис. 2), который лежалъ въ направленіи съ З. на В., головою на В. Руки были вытянуты по корпусу, ноги протянуты. Въ головахъ находился одинъ камень, хорошо обтесанный и довольно правильной, прямоугольной формы,

[1]) Т. е. вынуто камня отъ 48 до 66 кубическихъ саженей.

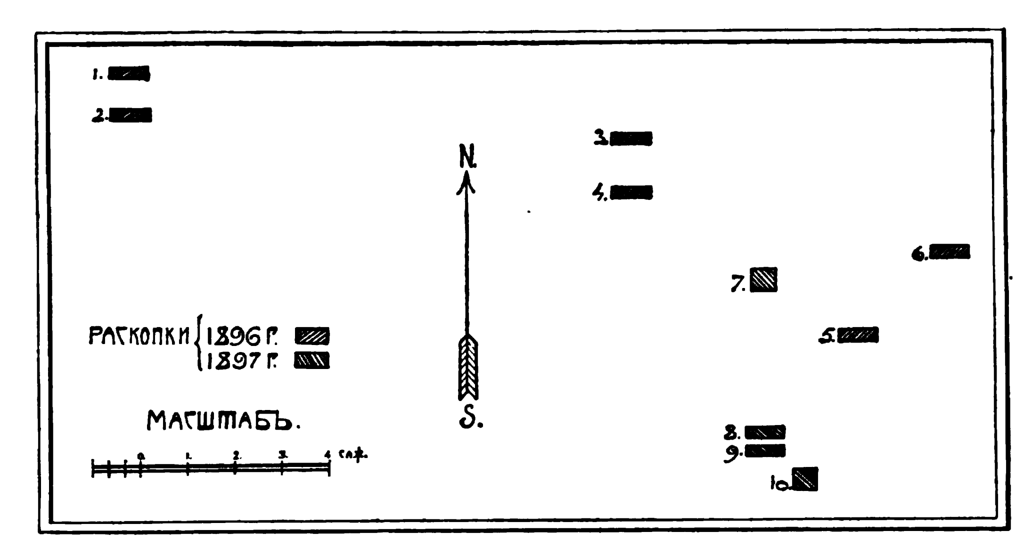

Рис. 2.

шириною 0,70 м., выш. 0,60 м., толщ. 0,21 м. Въ ногахъ остова, съ лѣвой его стороны, найдены двѣ прекрасно сохранившіяся амфоры, а въ правой рукѣ— мѣдный заржавленный кружокъ въ родѣ монеты, опредѣлить которую оказалось совершенно невозможнымъ. Скелетъ очень плохо сохранился, такъ что невозможно было извлечь ни одной кости, такъ же какъ и черепа, хотя по сохранившимся зубамъ можно опредѣлить, что скелетъ принадлежалъ взрослому человѣку, имѣвшему уже зубы мудрости.

Почти рядомъ съ этимъ скелетомъ, въ разстояніи 1,75 м. отъ него на Ю., найденъ второй скелетъ (рис. 2, № 2), расположенный параллельно первому. Этотъ скелетъ лежалъ на глубинѣ всего лишь 1,05 м. отъ поверхности земли, въ направленіи съ З. на В., головою на В., лицомъ на З. Расположеніе рукъ и ногъ было такое-же, какъ у костяка № 1. Около ногъ, съ правой стороны, найдена одна большая амфора, а въ головахъ, нѣсколько лѣвѣе, — обломокъ верхней части надгробной стелы выш. 0,62 м., шир. 0,35 и толщ. 0,11 м. Стела сдѣлана изъ отличнаго известковаго камня (такъ называемаго инкерманскаго), очень тщательно отдѣлана и имѣетъ суживающуюся верхушку точно такой же формы, какъ у стелы съ надписью «Ἀμβατίας τᾶς Ἡροδότο», найденной тамъ же на участкѣ г-на Синицына [1]).

Недалеко отъ этой гробницы,—около 21 м. къ В.,—найденъ трѣтій костякъ (рис. 2, № 3), но безъ гробницы, хотя около костяка внизу, вровень съ нимъ, найдены довольно правильно обтесанныя плиты длиною около 0,70 м.,

[1]) См. *Изв. И. Арх. К.* в. 10, стр. 19.

шир. 0,35 и толщиною около 0,35. Отдѣльные камни встрѣчены съ боку, въ головахъ и ногахъ, что даетъ поводъ предположить, что костякъ былъ положенъ въ каменной гробницѣ, но камень изъ нея былъ вынутъ и употребленъ въ дѣло, какъ строительный матеріалъ (см. рис. 3). Положеніе костяка (дл. его 1,69 м.) то же, что и предыдущаго, т. е. головою на В.; руки положены были по корпусу, а ноги вытянуты прямо. Къ сожалѣнію, костякъ плохо сохранился, такъ что невозможно было его извлечь. У ногъ съ правой

Рис. 3.

Рис. 5 (н. в).

Рис. 4 (1/2).

Рис. 6 (1/2).

стороны костяка найдены остатки женскаго терракоттоваго бюста со слѣдами раскраски, конца VI или начала V в. до Р. Х. (рис. 4), а у лѣваго плеча— серебряный витой аграфъ того же времени (рис. 5) [1]).

Почти рядомъ съ этимъ костякомъ, въ 2,13 м. къ Ю. найденъ костякъ № 4 (см. рис. 2) въ томъ же положеніи, какъ и предыдущій: руки положены по корпусу, ноги вытянуты. Костякъ плохо сохранился, такъ что кости обращались въ прахъ при выниманіи. Вблизи костяка у ногъ, съ правой стороны, найдены остатки женскаго терракоттоваго бюста конца VI в. или начала V вѣка до Р. Х. (рис. 6). У лѣваго плеча, такъ же какъ и у преды-

[1]) Всѣ опредѣленія сдѣланы покойнымъ Г. Е. Кизерицкимъ.

дущаго костяка, лежалъ одинъ серебряный аграфъ, а у ногъ справа найденъ второй аграфъ у стоявшаго въ ногахъ кувшина, который плохо сохранился и былъ разбитъ, какъ видно по излому, еще въ древности. При разборѣ черепковъ оказались среди нихъ обломки многочисленныхъ терракоттовыхъ головокъ и женскихъ бюстовъ, разбитыхъ, судя по излому, также въ древности; въ числѣ ихъ были и такія, какія были найдены при предыдущемъ костякѣ, со слѣдами раскраски. Однихъ частей съ носами было найдено 11 штукъ. Составить изъ обломковъ цѣлую головку или бюстъ не удалось, такъ какъ многихъ частей не хватало.

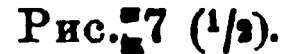

Рис. 7 (1/2).

Рис. 8 (2/3).

Въ 10,65 м. къ Ю.-В. найденъ плохо сохранившійся костякъ № 5 (см. рис. 2), расположенный съ З. на В., головою на В. У ногъ справа найдено изображеніе фигуры богини съ діадемою и мантіею, покрывающею голову (рис. 7); въ обѣихъ рукахъ богиня держитъ гранатовыя яблоки [1]); фигура—V в. до Р. Х., дорическаго происхожденія. У ногъ слѣва найдены 2 большія амфоры.

Въ 4,25 м. къ С.-В. отъ костяка найдена отдѣльно женская головка V в. до Р. Х. [2]) Вблизи ея были найдены тесаные камни въ безпорядкѣ. При изслѣдованіи этихъ камней ничего другого не было найдено, но по характеру ихъ расположенія можно было смѣло заключить, что эти камни представляли собою остатки разграбленной каменной гробницы, такъ какъ намъ удалось

[1]) Ср. Monuments grecs, publiés par l'association pour l'encouragement des études grecques en France. 1873, pl 2, № 2, — buste de terre cuite trouvé à Thèbes (безъ гранатныхъ яблокъ).

[2]) Рисунокъ этой головки уже помѣщенъ въ *Отчетѣ Имп. Археолог. Коммиссіи* за 1896 г., стр. 70, рис. 312 (=Альбомъ рисунковъ, помѣщ. въ отчетахъ, рис. 302).

Рис. 9 (²/₃).

Рис. 10 (¹/₃).

тутъ же найти одну бедряную человѣческую кость (см рис. 2, № 6). При дальнѣйшей сплошной раскопкѣ здѣсь были найдены обломки амфоръ, разбитыхъ еще въ древности. Нѣсколько далѣе на Ю., среди другой неправильно сложенной груды камней найдена женская головка изъ необожженной глины IV вѣка до Р. Х., аттическаго происхожденія, и плоское блюдо, исправленное спайкою въ древности, что видно по остаткамъ четырехъ отверстій. Затѣмъ найдены отдѣльно 2 женскія головки,—одна съ уборомъ на головѣ (рис. 8), а другая съ повязкою (рис. 9).

При дальнѣйшей раскопкѣ на этомъ пространствѣ найдены обломки амфорнаго горла съ тремя ручками, горло съ монограммою НР. и горло со слѣдами надписи.

Въ 106 м. къ Ю. при пробной раскопкѣ наткнулись на камень, что дало намъ поводъ заняться сплошной раскопкой этого мѣста. Оказалось, что камень находится въ головахъ костяка, расположеннаго съ В. на З., головою на В.; въ ногахъ съ лѣвой стороны стояли 2 амфоры, которыя были разбиты при раскопкѣ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи вблизи этого костяка ничего не обнаружено, но въ разстояніи около 8,50 м. къ В. найдена терракоттовая статуэтка раздѣвающейся женщины (рис. 10) съ ѳиміатеріемъ сбоку. По опредѣленію Г. Е. Кизерицкаго, терракотта относится ко II вѣку до Р. Х.

Изъ случайныхъ вещей, найденныхъ здѣсь, но ближе къ морю, отмѣтимъ слѣдующія: 1) фрагментъ статуэтки, быть можетъ Аѳины, отъ котораго сохранились часть драпировки и овальный щитъ съ головою Медузы по серединѣ и съ головками пуговокъ вокругъ (II в. до Р. Х.); 2) одноручный арибаллъ III вѣка до Р. Х. (рис. 11); 3) бронзовое кольцо съ изображеніемъ орла на капители, III вѣка до Р. Х.; 4) бронзовое кольцо съ изображеніемъ мужчины передъ ѳиміатеріемъ; 5) бусы варварскаго характера; 6) бронзовый обломокъ аграфа (рис. 12) и 7) амфорная ручка съ именемъ астинома. Кромѣ того, при раскопкахъ найдены отдѣльно слѣдующія вещи: небольшой глиняный одноручный кувшинчикъ съ сильно потертою черною поливою (рис. 13*а*) и съ graffito, нацарапаннымъ острымъ инструментомъ и содержащимъ, быть можетъ, неудачно воспроизведенное имя Гермеса (рис. 13*б*) [1],

---

[1]) Рисунокъ graffito былъ уже помѣщенъ въ *Отчетѣ И. Арх. Комм.* за 1896 г., стр. 71, рис. 314 (=Альбомъ, рис. 304).

часть черной поливной чашки, обломокъ акротерія и два одноручныхъ кувшина.

Изъ случайно найденныхъ здѣсь вещей намъ удалось пріобрѣсти бронзовую статуэтку Озириса превраснoй работы, выш. 0,155 м. (рис. 14) [1]).

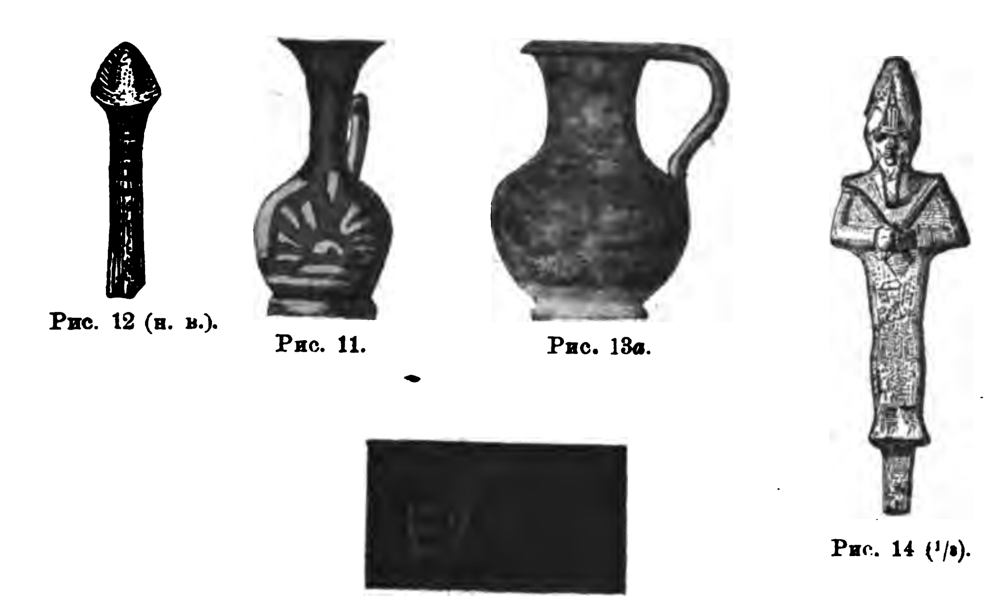

Рис. 12 (н. в.). Рис. 11. Рис. 13а. Рис. 14 (1/2).

Рис. 13б.

II. Раскопки 1897 года.

Раскопки, произведенныя мною лѣтомъ 1897 года [2]), были сосредоточены, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, въ двухъ пунктахъ: 1) вблизи города, на такъ называемомъ мною древнемъ кладбищѣ (рис. 1, Е), и 2) вблизи Б.-Майнакскаго озера, гдѣ предыдущими изслѣдованіями до 1896 года констатировано древнее поселеніе. Предварительныя раскопки вблизи озера и изслѣдованіе мѣстности вокругъ него указали намъ, что мѣстность эта крайне интересна въ археологическомъ отношеніи. При изслѣдованіи самаго берега озера, начиная отъ грязелѣчебницы до купальни (см. планъ на рис. 15), то пробными, то сплошными раскопками, мы были поражены тѣмъ, что земля эта оказалась сплошь насыпною, съ массою битыхъ черепковъ, какъ черныхъ поливныхъ, такъ и

[1]) Извѣстны случаи находокъ египетскихъ древностей въ г. Николаевѣ (Херсонской губ.) и на о. Березани. См. *Извѣстія Имп. Арх. Комм.*, приб. къ вып. 2, стр. 35.

[2]) Краткій отчетъ объ этихъ раскопкахъ см. въ *Отчетѣ Имп. Арх. Комм.* за 1897 г., стр. 39.

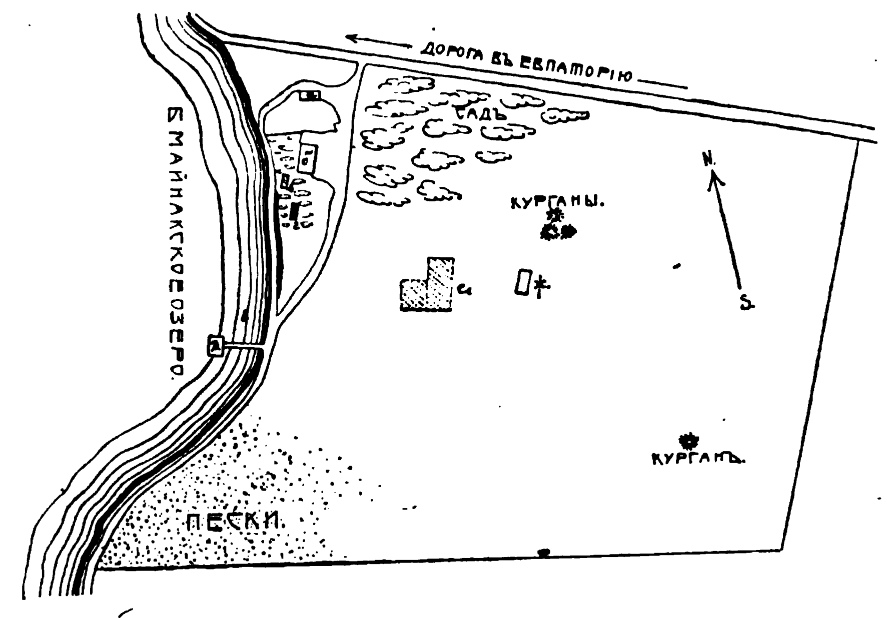

Рис. 15 [1].

а, Грязелѣчебница.
б. Гостинница.
в. Мѣсто раскопокъ 1895 г. (=*ж* на планѣ рис. 1).
г. Мѣсто раскопокъ 1897 г.
д. Купальня.
е., *ж.* Фундаменты, открытые въ 1897 г.

обыкновенныхъ, съ многочисленными обломками отъ амфоръ и большихъ чистыхъ камней и съ массою золы, угля и пр. Ясно, что нынѣшняя линія берега представляетъ собою древній, не измѣнившійся берегъ. Здѣсь же былъ найденъ нами черный поливной обломокъ сосуда съ рисункомъ въ видѣ листочковъ, обломокъ отъ расписной вазы съ изображеніемъ двухъ мужскихъ головъ, терракоттовое пряслице и обломокъ терракоттовой головки съ уборомъ.

На В. отъ этого мѣста, въ 25 м. отъ берега озера и въ 21 м. отъ мѣста находки въ 1895 г. плиты съ изображеніемъ отдыхающаго Геракла [2]), обнаруженъ былъ фундаментъ, положенный на материкѣ въ 2 ряда, изъ правильно тесанныхъ камней, прямоугольной формы, слѣдующихъ размѣровъ: длина 12,80 м., шир. 6,40 м., толщ. 0,53 м. (см. рис. 15, п. *г*).

Въ 213 м. къ В. отъ озера, ближе къ городу, около 1490 м. отъ моря, обнаруженъ цѣлый рядъ фундаментовъ, то едва обрисовывающихся надъ поверхностью земли, то скрывающихся подъ нею. Площадь этихъ фундаментовъ (см. рис. 15, п. *е*) при изслѣдованіи оказалась имѣющею до 270 кв. м. Съ цѣлью

---
[1]) На рисункѣ невѣрно поставлена стрѣлка, указывающая направленіе дороги въ Евпаторію: ее слѣдовало поставить направо отъ надписи, остріемъ на В.

[2]) *См. Записки Имп. Археол. Общ.*, томъ VIII, вып. 1 и 2 (новая серія), стр. 225, рис. 58.

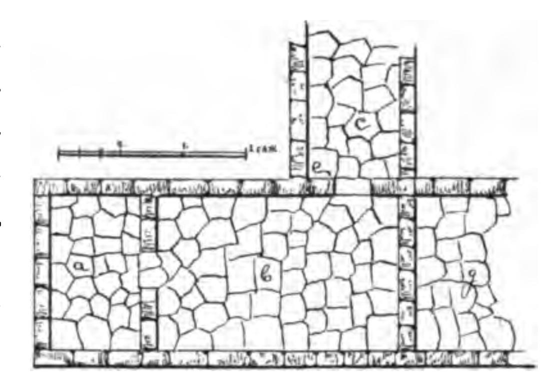
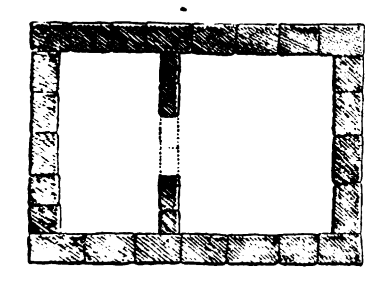

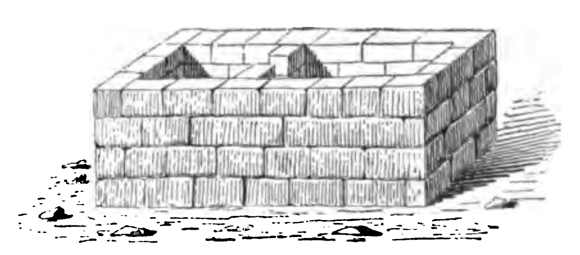
Рис. 16.

опредѣленія древности фундаментовъ мною была произведена раскопка болѣе выдающихся и интересныхъ изъ нихъ. При изслѣдованіи обнаружилось, что кладка фундамента, окружающая помѣщеніе (рис. 16), состоитъ изъ 4 отдѣленій (*a*, *b*, *c*, *d*), удивительно правильна, съ соблюденіемъ перевязки, сложена изъ продолговатыхъ плитъ мѣстнаго известковаго камня хорошаго качества, отличной тески; между плитами совершенно не обнаружено раствора, такъ что кладка произведена «на сухо». Полъ этихъ помѣщеній плитный; между помѣщеніями *a* и *b* и *b* и *c* имѣются отверстія для дверей шириною 0,85 м. При снятіи половыхъ плитъ, которыя были хорошо притесаны одна къ другой, оказалось, что онѣ были положены на материкѣ. Въ щели между поломъ и стѣною (въ пунктѣ *e*) нами найдена терракоттовая головка отличной работы. При дальнѣйшей самой тщательной раскопкѣ этихъ стѣнъ и очисткѣ ихъ отъ земли, а также при снятіи всего пола ничего найдено не было.

Дальнѣйшую раскопку этихъ фундаментовъ мы отложили до будущаго года въ виду того, что мѣстность эта находится въ отдаленіи отъ жилья, и можно было надѣяться, что до будущаго года фундаменты сохранятся. Присутствовавшій при раскопкахъ 86-лѣтній старикъ татаринъ говорилъ мнѣ, что онъ помнитъ еще, какъ лѣтъ 65 тому назадъ «стѣны этихъ фундаментовъ возвышались надъ поверхностью земли, и у татаръ существуетъ преданіе, что это остатки жилищъ какого-то народа, который жилъ до прихода татаръ въ Крымъ».

Нѣсколько далѣе на В., въ пунктѣ *ж* (см. рис. 15) нами обнаруженъ фундаментъ длиною около 10 м. и шириною 7,80 м. (рис. 17 и 18),

Рис. 17.

Рис. 18.

положенный на материкѣ. Фундаментъ этотъ отличался удивительною правильностью кладки камней; камень—мѣстный песчаникъ, очень плотный и самой тщательной обдѣлки и тески. Длина нѣкоторыхъ камней доходила до 1,05 м. при ширинѣ въ 0,53 м. Глубина подошвы фундамента отъ поверхности земли равнялась 1,60 м. Фундаментъ имѣлъ поперечную стѣнку болѣе тонкую, чѣмъ наружную, а именно въ 0,44 м. Пола здѣсь никакого не обнаружено.

Сопоставляя эти вновь открытые фундаменты, сложенные на сухо изъ большихъ тесанныхъ камней, съ находками 1895 года, мы невольно приходимъ къ заключенію, что древнее поселеніе было сосредоточено вблизи Майнакскаго озера, которое въ то время, вѣроятно, было заливомъ. На берегу этого чрезвычайно удобнаго залива и отчасти моря и было расположено интересующее насъ поселеніе. Жаль, что хорошій камень въ этой мѣстности очень цѣнится, и едва его замѣтятъ надъ поверхностью земли, какъ тотчасъ же извлекаютъ.

Раскопки, произведенныя нами на пространствѣ древняго кладбища, увѣнчались довольно благопріятными результатами. Мы продолжали въ отчетномъ году изслѣдованія съ того мѣста, гдѣ остановились въ 1896 году. При копаніи сплошной траншеей мы натыкались на обломки амфоръ, кувшинчиковъ и пр., разбитыхъ еще въ древности, что видно по излому. Земля во многихъ мѣстахъ была перерыта; толщина ея до материка (сплошной скалы) здѣсь почти нигдѣ не превосходитъ 1,42 м. (рѣдко 1,60 м.). При копаніи сплошной траншеей нами въ одномъ мѣстѣ цѣлины была замѣчена рыхлая, мягкая земля. Раскапывая это мѣсто (см. рис. 2, № 7), мы наткнулись на прямоугольную плиту длиною 1,25 м., шир. 0,98 и толщ. 0,15. Подъ нею оказалось квадратное помѣщеніе, выложенное изъ чисто тесанныхъ камней въ 4 ряда (рис. 19), внутри коего стоялъ сосудъ съ тремя ручками (гидрія), покрытый до половины землею; отверстіе его было закрыто пробкой изъ необожженной обыкновенной глины. Пола въ этомъ помѣщеніи не было и сосудъ стоялъ прямо на материкѣ (скалѣ). Внутри кувшина оказались зола, пепелъ, небольшія обгорѣлыя кости отъ неполнаго дѣтскаго костячка и вѣнокъ, втиснутый въ кувшинъ. Вѣнокъ состоялъ изъ оловяннаго ободка, къ которому были прикрѣплены на бронзовыхъ золоченыхъ проволокахъ бронзовые же золоченые листья и глиняныя золоченыя ягодки и цвѣты. Листья имѣли форму листьевъ плюща (рис. 20);

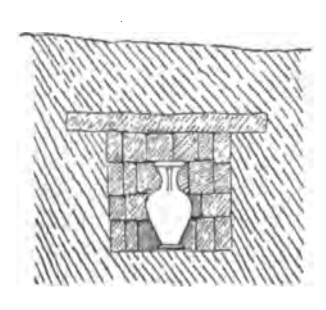
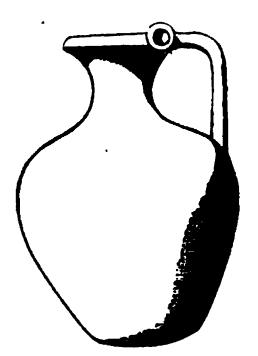

Рис. 19.

Рис. 20 (1/1).

большинство ихъ оказалось помятыми. Подобнаго рода погребеніе съ трупосожженіемъ встрѣчено нами здѣсь впервые. Въ большинствѣ случаевъ гробницы, найденныя какъ въ этомъ году, такъ и ранѣе, были обложены плитами.

Такая гробница (рис. 2, гробница № 8) оказалась въ 6,40 м. къ Ю. отъ описаннаго погребенія съ кувшиномъ. Въ ней былъ обнаруженъ очень плохо сохранившійся костякъ, лежавшій въ направленіи съ З. на В.; положеніе рукъ опредѣлить не было возможности вслѣдствіе крайне плохой сохранности костяка. Въ головахъ найдены 2 ряда камней, сбоку часть камней, составлявшихъ продольную стѣнку гробницы, въ ногахъ также одинъ отлично обтесанный камень. Очевидно, что скелетъ лежалъ въ прямоугольной гробницѣ, которая въ цѣлости не сохранилась. Въ ногахъ остова съ лѣвой стороны найденъ небольшой черный поливной сосудъ въ родѣ чайника [1]).

Рис. 21 (ок. 1/6).

Почти параллельно этой гробницѣ найденъ плохо сохранившійся костякъ № 9; въ ногахъ его съ лѣвой стороны оказались 2 большія амфоры, разбитыя еще въ древности, а справа около таза—черная поливная чашечка. Вблизи найденъ одноручный кувшинъ, закрытый свинцовой пластинкой (рис. 21), въ которомъ были кости и золотая привѣска въ видѣ подковки [2]). Сверху кувшинъ былъ закрытъ одною плитою размѣрами 0,71 × 0,49 м. Кувшинъ былъ настолько плохъ, что его нельзя было вынуть.

Изъ отдѣльныхъ вещей нами здѣсь найдены: терракоттовый кувшинъ, 2 плоскіе свѣтильника съ очень большими отверстіями по срединѣ, разбитый черный поливной сосудъ и пр. Случайно мы нашли на поверхности земли бронзовую бляшку съ ушкомъ (амулетъ) и пріобрѣли бронзовую статуэтку женщины съ высокимъ уборомъ на головѣ, найденную здѣсь же счастливчикомъ [3]).

Въ дополненіе къ отчету о раскопкахъ 1896—97 гг. мы считаемъ не лишнимъ приложить рисунки найденныхъ на изслѣдуемомъ нами пространствѣ вблизи Евпаторіи и еще неизданныхъ двухъ кратеровъ, изъ коихъ одинъ

[1]) Ср. *Извѣстія Имп. Археолог. Комм.*, вып. 9, стр. 87, рис. 11.

[2]) Подобная золотая привѣска найдена въ Херсонесѣ. См. *Отчетъ Импер. Археолог. Комм.* за 1896 г., стр. 174, рис. 545 (=Альбомъ, рис. 593).

[3]) Рисунокъ ея уже помѣщенъ въ *Отчетѣ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1897 г., стр. 74, рис. 171 (=Альбомъ, рис. 301).

найденъ въ 1893 году вблизи гробницы ребенка (рис. 22*а* и 22*б*) [1]), а другой случайно найденъ въ ограбленной древней могилѣ въ 1890 г. и пріобрѣтенъ нами въ 1893 году у счастливчика (рис. 23). Кромѣ того, считаемъ полезнымъ помѣстить: 1) изображеніе крылатой фигуры съ высокимъ уборомъ на головѣ, IV в. до Р. X. (рис. 24); такихъ фигуръ здѣсь найдено

Рис. 22*а* (1/4).

Рис. 22*б* (1/4).

Рис. 23.

Рис. 24.

Рис. 25 (1/4).

двѣ: одна въ 1893 г., а другая въ 1895 г.—2) Снимокъ съ плоской терракотты (рис. 25), изображающей полуфигуру (почти до колѣнъ) одѣтой женщины, которая лѣвой рукой держитъ покрывало, а правой алавастръ. По характеру работы можно отнести эту фигурку къ III в. до Р. X.—3) Изображеніе палестрической сцены на лекиѳѣ, найденномъ въ 1895 г. (рис. 26*а*—*в*).—

[1]) Н. Ф. Романченко. Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи. *Археолог. Изв. и Замѣтки* 1894 г., № 1. Перечисляемыя ниже вещи описаны тамъ же и въ *Зап. И. Р. Арх. Общ.* т. VIII, в. 1 и 2, стр. 234 сл.

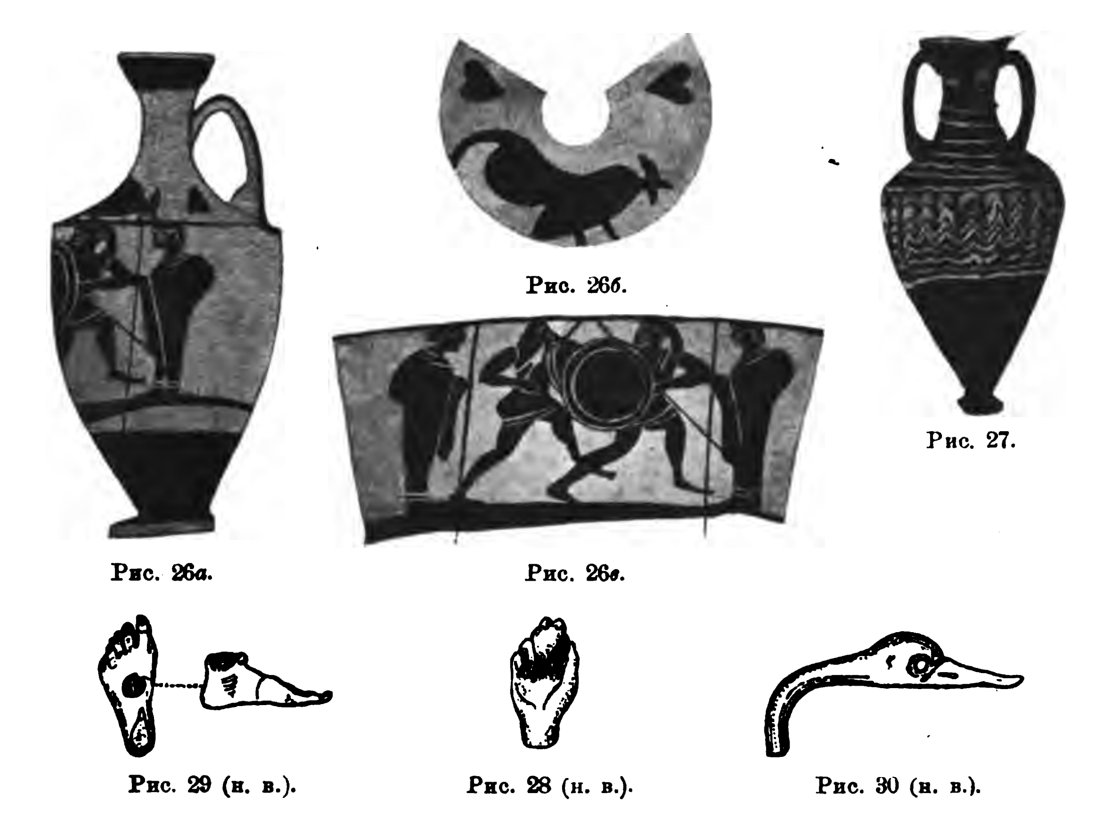

Рис. 26б. Рис. 27. Рис. 26а. Рис. 26в.

Рис. 29 (н. в.). Рис. 28 (н. в.). Рис. 30 (н. в.).

4) Изображеніе стекляннаго сосуда въ формѣ амфоры синяго цвѣта съ разводами, найденнаго въ 1893 г. (рис. 27).—5) Изображеніе ручки, держащей яблоко, отъ бронз. статуэтки превосходной работы (рис. 28).—6) Изображеніе бронз. ножки прекрасной работы, также отъ статуэтки (рис. 29) и 7) изображеніе утиной головки, вѣроятно, отъ ручки сосуда (рис. 30).

Изъ случайно поступившихъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію находокъ вблизи Евпаторіи на изслѣдуемыхъ нами мѣстахъ можно указать на слѣдующія находки 1902 г.: терракоттовую статуетку женщины безъ головы [1]), терракоттовую женскую головку [2]) и 4 амфорныхъ ручки съ клеймами, въ томъ числѣ одна ѳасосская, одна херсонесская и двѣ съ именами астиномовъ и орломъ, клюющимъ рыбу.

Въ 1903 году на участкѣ И. В. Синицына, при случайной раскопкѣ, на глубинѣ 1,06 м., надъ истлѣвшимъ костякомъ найдена плита изъ бѣлаго известняка съ полуовальнымъ верхомъ, точно такой же формы, какъ найденная нами въ 1896 г. (см. выше стр. 175), но съ надписью IV в. до Р. Х.:

---

[1]) См. *Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи* за 1902 г., стр. 133, рис. 230.

[2]) Тамъ же, рис. 231.

'Αμβατίας τᾶς 'Ηροδότο(υ). Она особенно интересна въ томъ отношеніи, что представляетъ собою первый эпиграфическій памятникъ, найденный здѣсь [1]).

Въ дополненіе къ изложенному замѣтимъ, что, посѣщая въ теченіе многихъ лѣтъ Евпаторію, занимаясь раскопками и слѣдя за всѣми дѣлаемыми вблизи этого города находками, мы имѣли возможность хорошо ознакомиться съ мѣстностью и добытыми предметами. Особое вниманіе было обращено нами на находимыя монеты: здѣсь по преимуществу попадаются автономныя Херсонесскія и Керкинитидскія [2]) монеты. Почти всѣ Керкинитидскія и большинство Херсонесскихъ монетъ, находящихся въ нумизматическихъ коллекціяхъ, поступили туда именно изъ мѣстъ вблизи Евпаторіи, лежащихъ отъ Карантина до Б.-Майнакскаго озера. При этомъ считаемъ долгомъ замѣтить, что найденныя здѣсь монеты отличаются особой великолѣпной черной патиной, которая образуется на бронзовыхъ монетахъ, стрѣлкахъ и др. бронзовыхъ издѣліяхъ при долгомъ нахожденіи ихъ въ пескѣ. Мы смѣло беремся въ цѣломъ рядѣ монетъ отличить монету, найденную вблизи Евпаторіи.

Здѣсь найдена въ 1893 году монета Керкинитиды новаго, неизвѣстнаго до сихъ поръ типа, описанная мною въ замѣткѣ: «Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи» [3]). Въ 1897 году былъ найденъ еще новый типъ монеты Керкинитиды, который издается здѣсь впервые (рис. 31). *Æ. Лиц.* голова Геракла вправо; *об.* орелъ на молніи, внизу надпись съ именемъ города KAPKINI, сверху надъ орломъ HPON, начало имени чиновника. Начертаніе Καρκινῖτις уже встрѣчалось въ нумизматикѣ этого города [4]). Изображенія же обѣихъ сторонъ встрѣчаются на монетахъ этого города впервые, какъ и имя чиновника [5]).

Керкинитидскія монеты, находимыя исключительно на пространствѣ отъ Карантина до Б.-Майнакскаго озера, и изслѣдованія, производившіяся нами въ теченіе долгихъ лѣтъ, приводятъ меня безповоротно къ рѣшенію, что здѣсь

---

[1]) Издана В. В. Латышевымъ въ *Извѣстіяхъ Имп. Арх. Комм.* в. 10 стр. 19, № 13 (съ рисункомъ плиты и снимкомъ надписи).

[2]) Имя города на нѣкоторыхъ монетахъ написано черезъ А, какъ писали Геродотъ и Гекатей, а на прочихъ черезъ Е, какъ писали другіе авторы и какъ это имя писалось въ надписяхъ (см. Latyschev, IosPE. I, № 185, v. 20).

[3]) *Арх. Изв. и Замѣтки* 1894, № 1.

[4]) См. А. В. Орѣшниковъ. Матеріалы по древней нумизматикѣ Черноморскаго побережья (М. 1892), табл. I, № 1. Н. Ф. Романченко. Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи. *Арх. Изв. и Замѣтки.* 1894, № 1.

[5]) Мнѣ извѣстно шесть монетъ такого типа.

лежалъ городъ *Керкинитида*, который ученые тщетно искали въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, мы считаемъ вопросъ о мѣстонахожденіи Керкинитиды поконченнымъ и вполнѣ увѣрены, что дальнѣйшія раскопки здѣсь дадутъ еще много новаго и интереснаго матеріала по исторіи сего города. Академикъ В. В. Латышевъ на изданной въ 1906 году картѣ «Pontus Euxinus et Caucasus aetate Romana» [1]) помѣстилъ Керкинитиду именно на мѣстѣ нашихъ раскопокъ около Евпаторіи и тѣмъ подтвердилъ мнѣніе, высказанное имъ въ 1904 г. [2]).

Говоря о г. Керкинитидѣ, нельзя миновать вопросъ о рѣкѣ Ипакиріи, о которой Геродотъ при перечисленіи рѣкъ, текущихъ въ Скиѳіи, говоритъ (IV, 15): «Шестая рѣка Ипакирій, которая беретъ начало изъ озера и, протекая среди земли Скиѳовъ-кочевниковъ, впадаетъ въ море около города Керкинитиды, оставляя вправо Полѣсье и такъ называемый Ахилловъ Бѣгъ» [3]). За эту рѣку, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ принять Донгузлавское озеро, отдѣляющееся узкою наносною полосою отъ Чернаго моря и лежащее верстахъ въ 25 съ С.-З. отъ Евпаторіи. Форма озера сильно удлиненная,—въ длину оно имѣетъ 25 верстъ при ширинѣ мѣстами менѣе 200 саж.; берега, за исключеніемъ приморской части, круты и скалисты. Если ѣхать по немъ на лодкѣ верстъ на 20 кряду, то положительно не вѣрится, что это озеро, а думается, что рѣка. Нѣкоторые изслѣдователи (Нейманъ, Десимони, Бурачковъ, Кречетовъ) уже пришли къ заключенію, что Ипакирій есть не что иное, какъ нынѣшнее Донгузлавское озеро.

Н. Романченко.

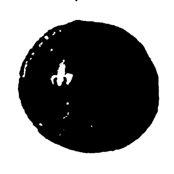

Рис. 31 (н. в.).

[1]) Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ. Томъ II, вып. 2.

[2]) См. *Извѣстія Имп. Арх. Коммиссіи*, вып. 10. В. В. Латышевъ, Эпиграфическія новости изъ южной Россіи, стр. 19, прим. къ № 13 (см. выше стр. 185), гдѣ сказано: «Нерѣдко находимыя здѣсь Керкинидскія монеты заставляютъ насъ согласиться съ мнѣніемъ г. Романченка, что именно здѣсь, въ ближайшихъ окрестностяхъ Евпаторіи, слѣдуетъ искать древнюю Керкинитиду. Новая находка на участкѣ г. Синицына можетъ служить подтвержденіемъ этого предположенія, и въ издаваемомъ нами надгробіи Амбатія слѣдуетъ, кажется, видѣть первый эпиграфическій памятникъ исчезнувшаго города».

[3]) Ипакирій упоминается еще Геродотомъ въ IV, 47 при перечисленіи скиѳскихъ рѣкъ, доступныхъ для судовъ.

Могильникъ VI—VII в. въ Черноморской области.

Туапсинскій научно-промышленный музей, основанный энергіею А. Д. Бѣляева, увѣдомилъ Имп. Археологическую Коммиссію о находкахъ, собранныхъ въ 1905 г. въ имѣніи г-жи В. М. Безкровной близъ сел. Новомихайловскаго, Черноморской губ., и отчасти разошедшихся чрезъ рабочихъ въ разныя руки, а отчасти поступившихъ къ владѣльцу. Начальникъ Новороссійскаго порта полковникъ А. И. Безкровный, отвѣчая на запросъ Коммиссіи, сообщилъ, что вещи найдены при планировкѣ мѣстности для устройства дачи, что онѣ могутъ быть уступлены Коммиссіи, что тутъ же имѣются слѣды древней крѣпости или монастыря и есть подземный ходъ и что онъ готовъ къ услугамъ Коммиссіи, если бы послѣдняя предприняла осмотръ мѣстности или раскопки на ней. Дача носитъ названіе «Старая крѣпость», по-черкесски «Дузу-кале». Вещи найдены при костякахъ.

Предлагаемъ описаніе вещей, доставленныхъ въ распоряженіе Коммиссіи г. Безкровнымъ. Онѣ разнообразны и относятся, по крайней мѣрѣ, къ тремъ культурамъ.

I. Вещи Юстиніановской культуры, VI—VII в., наиболѣе любопытныя по богатству и новизнѣ и представляющія главный интересъ коллекціи:

1) Золотой, грубо тисненый выпуклый крестъ съ ушкомъ (рис. 14). Орнаментъ въ видѣ лопастей съ глазками, соединенныхъ выпуклыми углами. Обратная сторона сглажена помощью припайного листка; по срединѣ ея круглое отверстіе, удобное для вкладыванія въ крестъ какихъ-нибудь мелкихъ предметовъ.

2) Обломокъ мѣднаго креста того же орнамента.

3) Связка бусъ лигнитныхъ и стеклянныхъ. Первыя имѣютъ видъ боченочковъ и низкихъ цилиндровъ съ коническими концами (рис. 15, внутри), всѣ весьма тщательной работы; вторыхъ немного.

4) 23 маленькія мѣдныя трубочки, свернутыя изъ ленты, двухъ величинъ—1,2 и 1,7 сант. На концахъ два углубленныя кольца.

5) Пара пышныхъ серебряныхъ позолоченныхъ серегъ, состоящихъ изъ колецъ и двухъ подвижныхъ подвѣсокъ (рис. 4 и 13). Кольца продолговатыя фигурныя, съ глазками, украшенными чернью; съ боку шипъ съ бусой и жемчужинкой, внизу—зажимъ для подвѣски; средина подвижная въ горизон-

тальномъ направленіи; усикъ былъ длиннѣе, чѣмъ сохранился, и вкладывался концомъ въ спеціальное отверстіе на нижней половинѣ серьги. Подвѣска сложена изъ трехъ стержней съ нанизанными на нихъ въ перемежку серебряными бусинками (боченкообразными) и жемчугомъ и изъ двухъ крупныхъ бусъ.

6) Пара серебряныхъ серегъ съ несохранившимися подвѣсками, давно извѣстной формы съ двумя бусами и зажимомъ (рис. 1).

7) Двѣ пары литыхъ серебряныхъ позолоченныхъ серегъ того же типа, съ фиксированными подвѣсками (рис. 2 и 3), и часть одной такой же не позолоченной.

8) Массивная мѣдная поясная пряжка съ ажурною пластиною (рис. 8 и 16), обычнаго типа. Орнаментъ растительный, на иглѣ имитація камня, на оборотѣ 3 высокія массивныя ушка.

9) Мѣдный крючокъ на витомъ стержнѣ, висящемъ на колечкѣ, вѣроятно, зубочистка.

10) Какой-то туалетный или рукодѣльный мѣдный инструментъ въ видѣ стержня, длиною 13,5 сант. Посрединѣ четырехгранное утолщеніе для захватыванія пальцами.

11) Пара массивныхъ серебряныхъ браслетовъ съ звѣриными головками на концахъ (рис. 11 и 12). Головы, скорѣе всего, змѣиныя, тупыя, съ орнаментомъ по переносью; въ четырехъ мѣстахъ кольцеобразные перехваты съ орнаментами, подражающими шерсти или чешуѣ. Всѣ орнаменты позолочены.

12) Два широкіе стеклянные круглые браслета, пріятнаго синяго цвѣта (рис. 9).

13) Серебряный фигурный перстень съ высокой наставкой, на которой вырѣзана непонятная монограмма (рис. 17 и 18).

14) Маленькій серебряный позолоченный флакончикъ на тонкой серебряной цѣпочкѣ (рис. 5 и 10). Закрывается крышечкой съ ушкомъ; цѣпочка проходила, вѣроятно, чрезъ всѣ три ушка. Очень интересенъ орнаментъ флакончика, растительный, въ видѣ сложнаго листа изъ трехъ и двухъ паръ лопастей и одной лопасти наверху, закручивающейся влѣво или вправо.

15) Маленькій стеклянный флакончикъ, блѣднаго зеленовато-желтаго цвѣта (рис. 7).

16) Стеклянный граненый графинчикъ, лучшая вещь собранія (рис. 6). Грани шейки прямыя, чешуйки вогнутыя, очень удобныя для захватыванія. Цвѣтъ великолѣпный свѣтлосиній. Стекло толстое; высота около 0,16 м.

17) Мѣдная выпуклая бляшка, относящаяся, повидимому, къ той же культурѣ. Носитъ слѣды позолоты. Орнаментъ растительный.

18) Три серебряныя ажурныя бляшки или наконечника, позолоченныя и украшенныя чернью (рис. 19). Бляшки можно относить къ данному времени по аналогіи съ техникой серьги рис. 4 и по орнаменту.

19) Серебряныя ножны съ какимъ-то желѣзнымъ предметомъ внутри (рис. 20 и 23), позолоченныя. Орнаментъ на одной сторонѣ выпуклый изъ

Рис. 1 (н. в.). Рис. 2 (2/3). Рис. 3 (3/4). Рис. 4 (н. в.).

Рис. 5 (н. в.). Рис. 6 (1/2). Рис. 7 (3/4).

Рис. 8 (н. в.). Рис. 9 (2/3). Рис. 10 (н. в.).

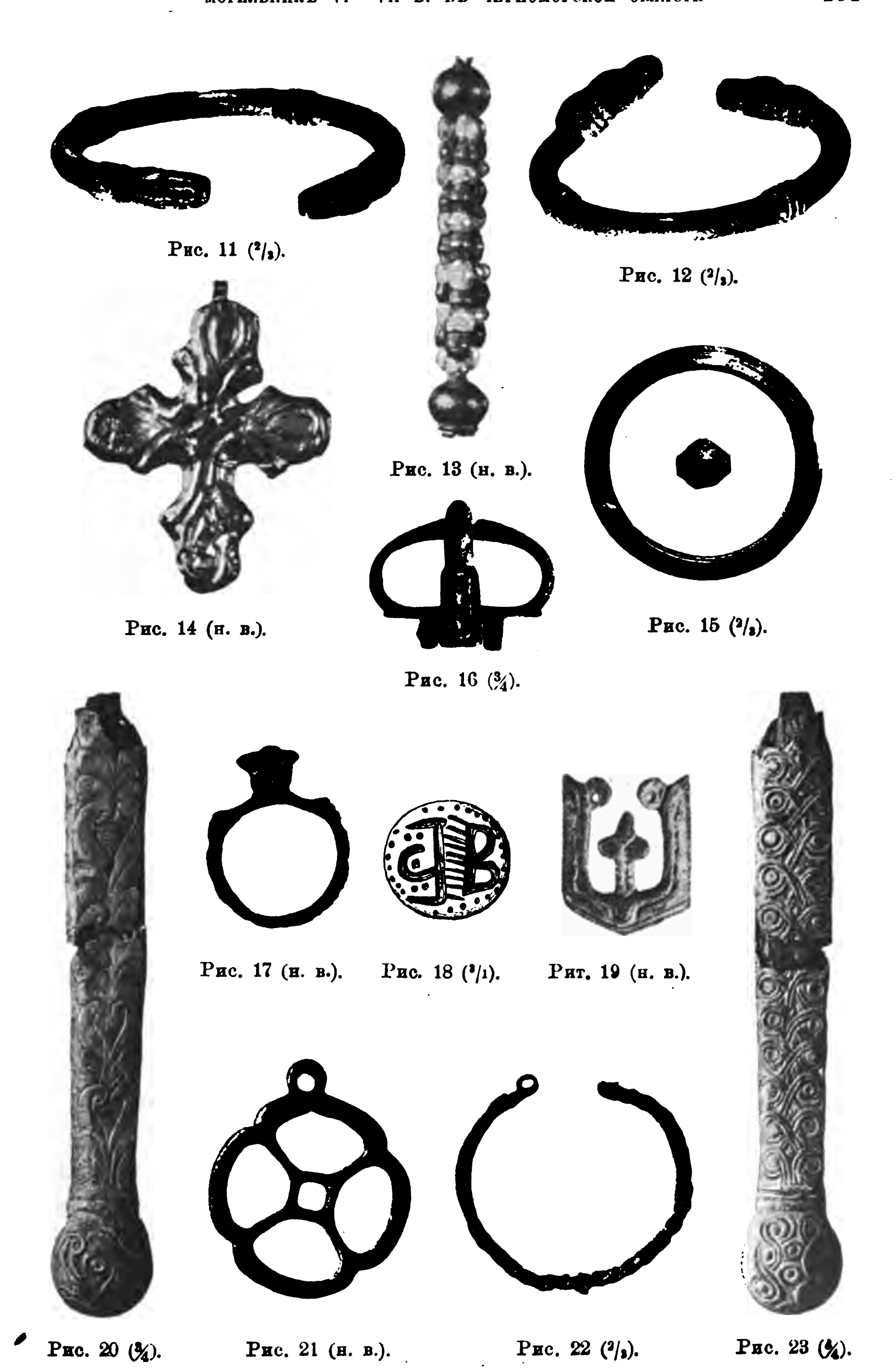

Рис. 11 (2/3). Рис. 12 (2/3). Рис. 13 (н. в.). Рис. 14 (н. в.). Рис. 15 (2/3). Рис. 16 (3/4).

Рис. 17 (н. в.). Рис. 18 (2/1). Рит. 19 (н. в.).

Рис. 20 (3/4). Рис. 21 (н. в.). Рис. 22 (2/3). Рис. 23 (3/4).

петель и узловъ, а на другой гладкій, сходный съ узоромъ флакончика рис. 10. Ножны висѣли на цѣпочкѣ рис. 5 (которая, можетъ быть, неправильно пририсована къ флакончику, тогда какъ принадлежитъ ножнамъ).

20) Небольшой серебряный наконечникъ сходнаго орнамента.

II. Ко времени IX—X в. могутъ быть относимы:

1) Нижняя половина извѣстнаго двойного флакончика Лядинскаго и Салтовскаго типа (Ляд. мог. стр. 28, рис. 15).

2) Мѣдный, довольно длинный костылекъ, съ копоушкой на одномъ концѣ.

3) Мѣдный, сравнительно крупный бубенчикъ, съ двумя выпуклыми перехватами.

III. Наконецъ, въ собраніи имѣются вещи черкесско-абхазскія XIV—XV в., именно:

1) Связка бусъ стеклянныхъ, лигнитныхъ, хрустальныхъ и иныхъ. Бусы вообще извѣстныхъ золото-ордынскихъ типовъ и не представляютъ ничего новаго.

2) Серебряные круглые бубенчики: 23 незолоченыхъ и 13 позолоченныхъ.

3) Двѣ мѣдныя позолоченныя бляшки съ камнями.

4) Четыре серебряныя и одно желѣзное круглыя колечки.

5) Три серебряныя бляшки въ видѣ тройныхъ колецъ.

6) Четыре серебряные обломка отъ разныхъ подѣлокъ.

7) Два мѣдные наперстка.

8) Обломки двухъ стеклянныхъ графиновъ.

9) Поломанныя желѣзныя ножницы.

10) Пара желѣзныхъ крючковъ или грабелекъ.

IV. Вещи неопредѣленнаго времени:

1) Серебряная ажурная подвѣска, скорѣе всего черкесская (рис. 21).

2) Серебряный перстень съ выпавшей широкой наставкой.

3) Три мѣдные браслета, тонкіе; изъ нихъ два витые (рис. 22).

4) Три темные стеклянные браслета, сломанные, изъ нихъ два съ гранями (рис. 15).

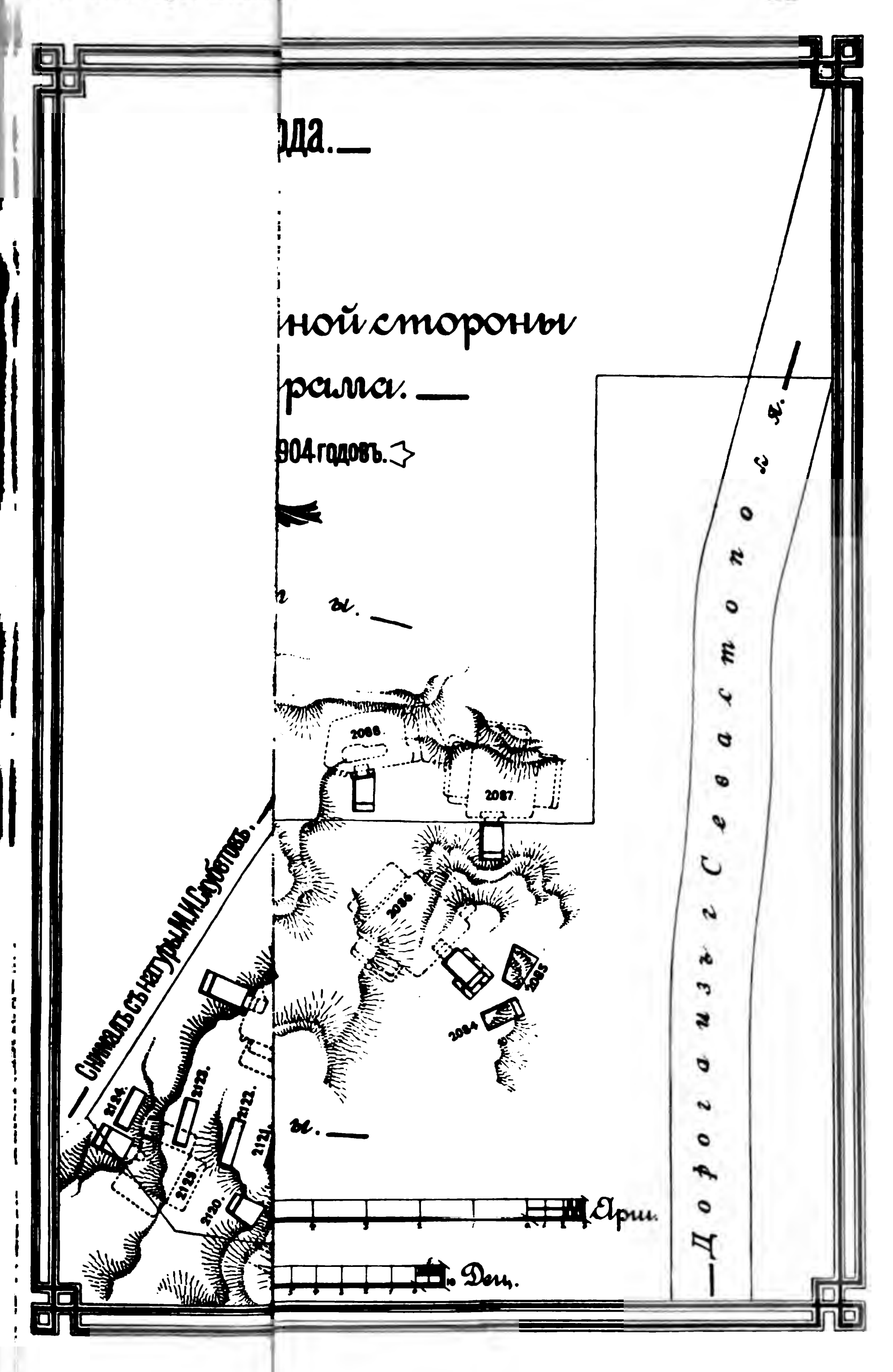
5) Два каменныя и два глиняныя «пряслица».

6) Костяная подѣлка въ формѣ булавки.

7) Часть кольчуги изъ мелкихъ колечекъ, скрѣпленныхъ на гвоздь.

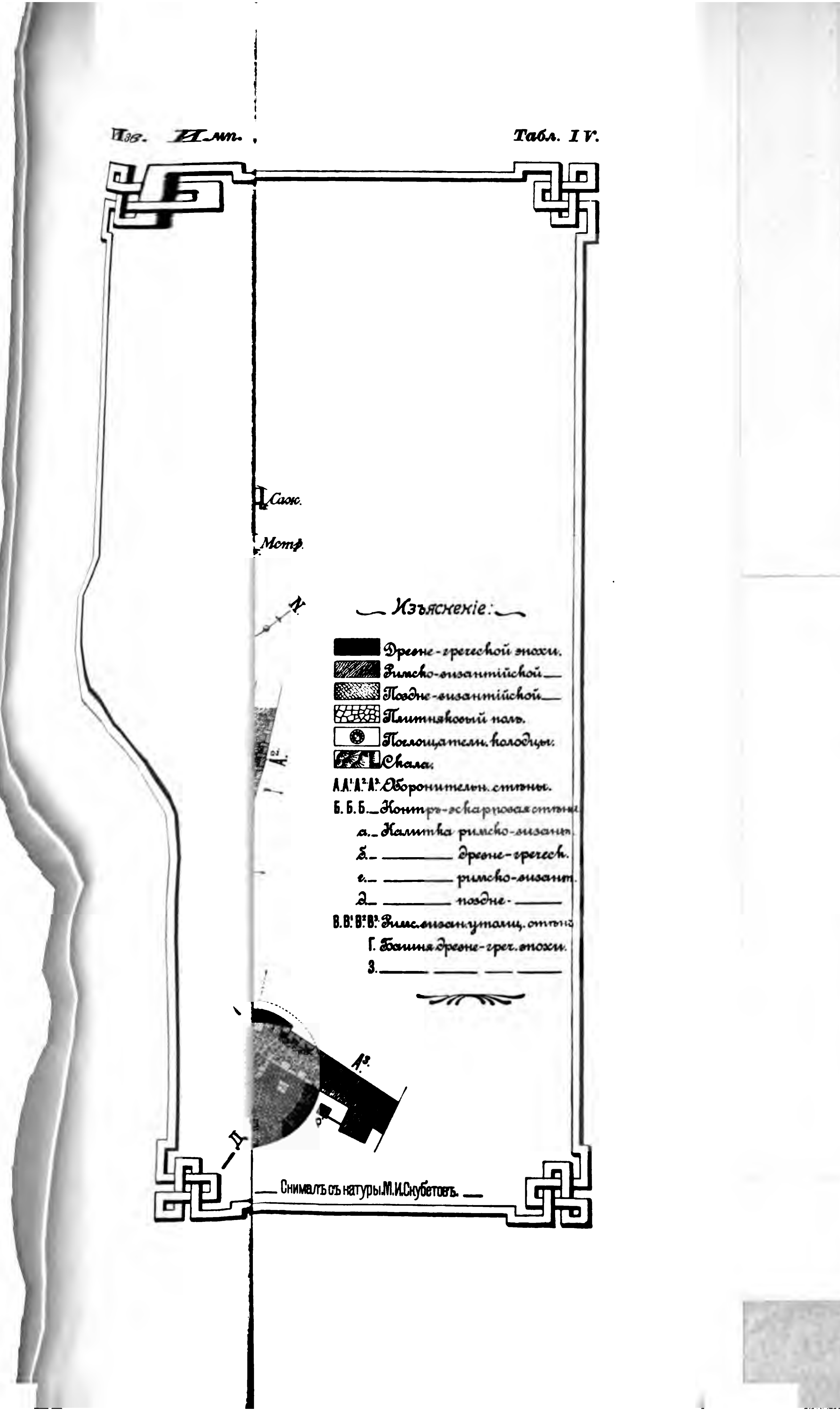
Новомихайловскій могильникъ открываетъ собою рядъ могильниковъ VI—VII в. тамъ, гдѣ до сихъ поръ находимы были лишь незначительные слѣды данной культуры. Въ 1907 г. его осмотрѣлъ А. А. Миллеръ, вскрывшій близъ Туапсе другой могильникъ той-же поры. Послѣдуютъ, конечно, и дальнѣйшія открытія.

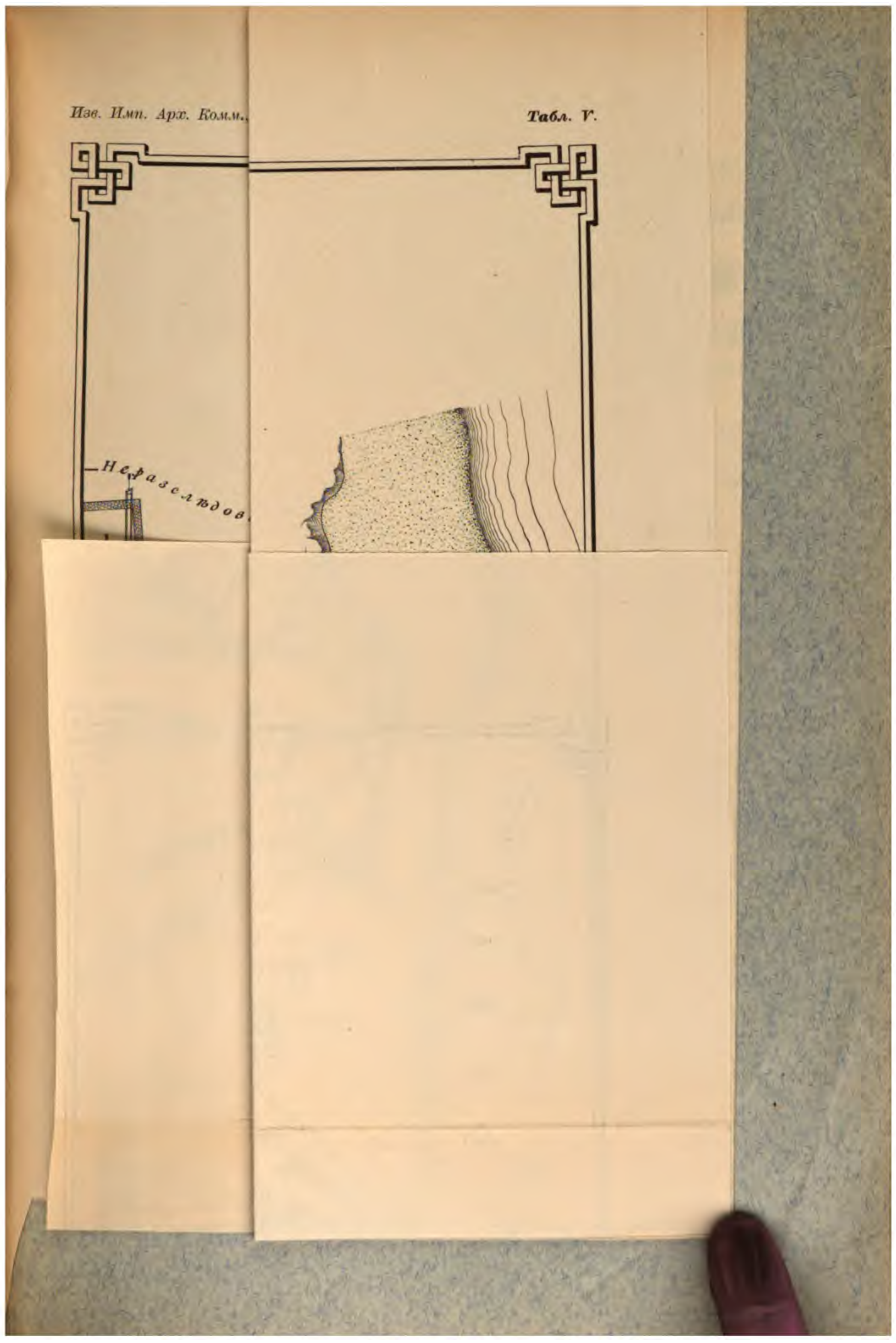
А. Спицынъ.

...ода.
...ной стороны
...рама.
...904 годовъ.
Снималъ съ натуры М. И. Скубетовъ.
2086
2087
2096
2085
2084
2124
2123
2122
2121
2125
2120
Арш.
Дец.
Дорога изъ г. Севастополя.

Улица
...ренская конюшня со службами.
Улица
Ж.
А.
А.
В
6.
11.
15.
18.
19.
20
21
23.
5.
10.
14.
17.
22.
2
1
4.
9.
13.
16.
8
3
7
12
Снималъ съ натуры М. И. Скубетовъ.

Саж.
Метр.
N
А².
А³.
Д
— Изъясненіе: —
Древне-греческой эпохи.
Римско-византійской —
Поздне-византійской —
Плитняковый полъ.
Поглощател. колодцы.
Скала.
А.А¹.А².А³. Оборонительн. стѣны.
Б.Б.Б. — Контръ-эскарповая стѣна
а. — Калитка римско-визант.
б. — ——— древне-греческ.
в. — ——— римско-визант.
д. — ——— поздне- ———
В.В¹.В².В³. Римс.визан.утолщ. стѣнъ
Г. Башня древне-греч. эпохи.
З. ——— ——— ——— ———
— Снималъ съ натуры М.И.Скубетовъ. —

Неразслѣдов

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 26.

(Вопросы реставраціи, вып. 1).

Съ 110 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1908.

1

г
]
р

т

п

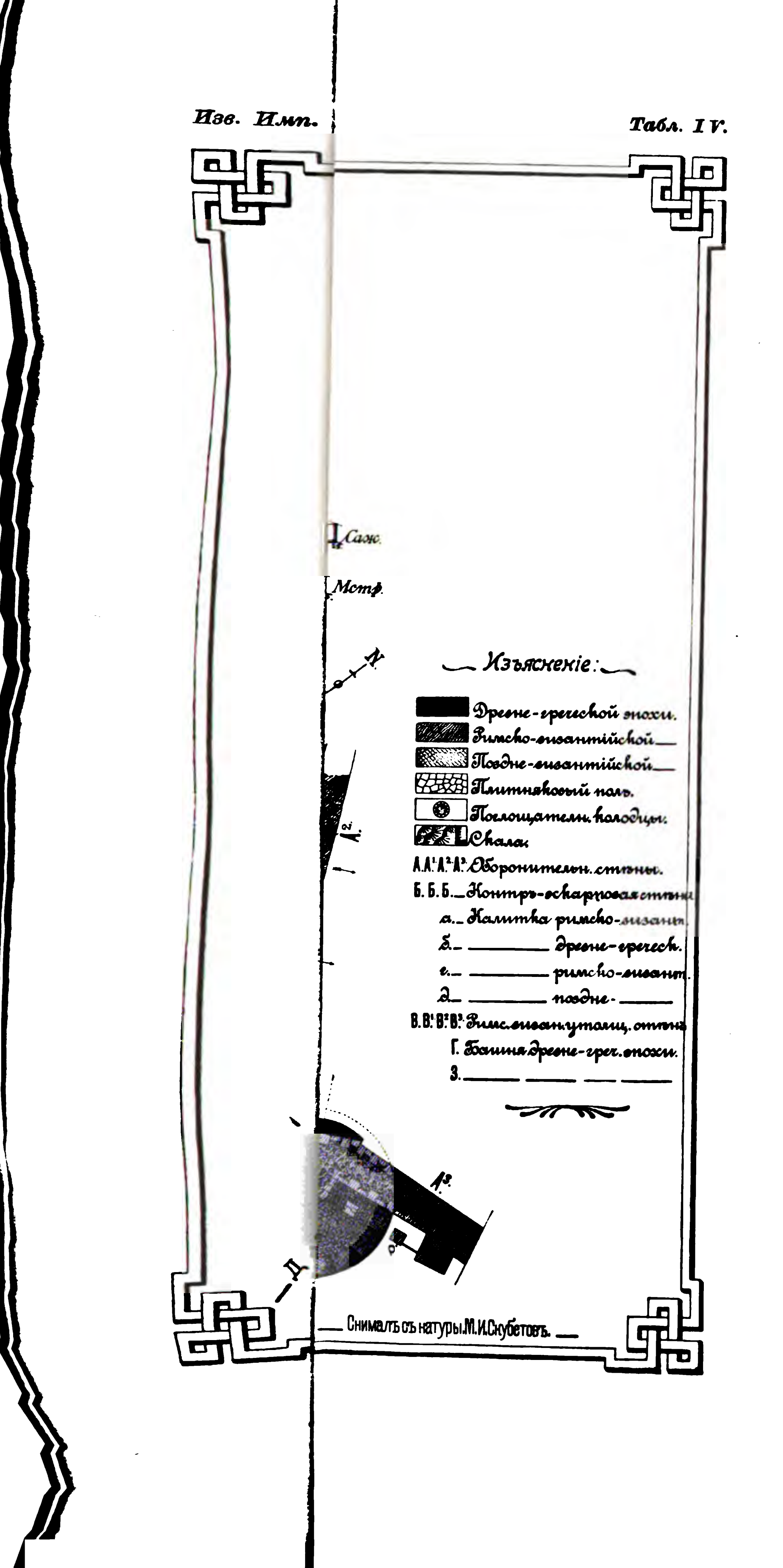
и

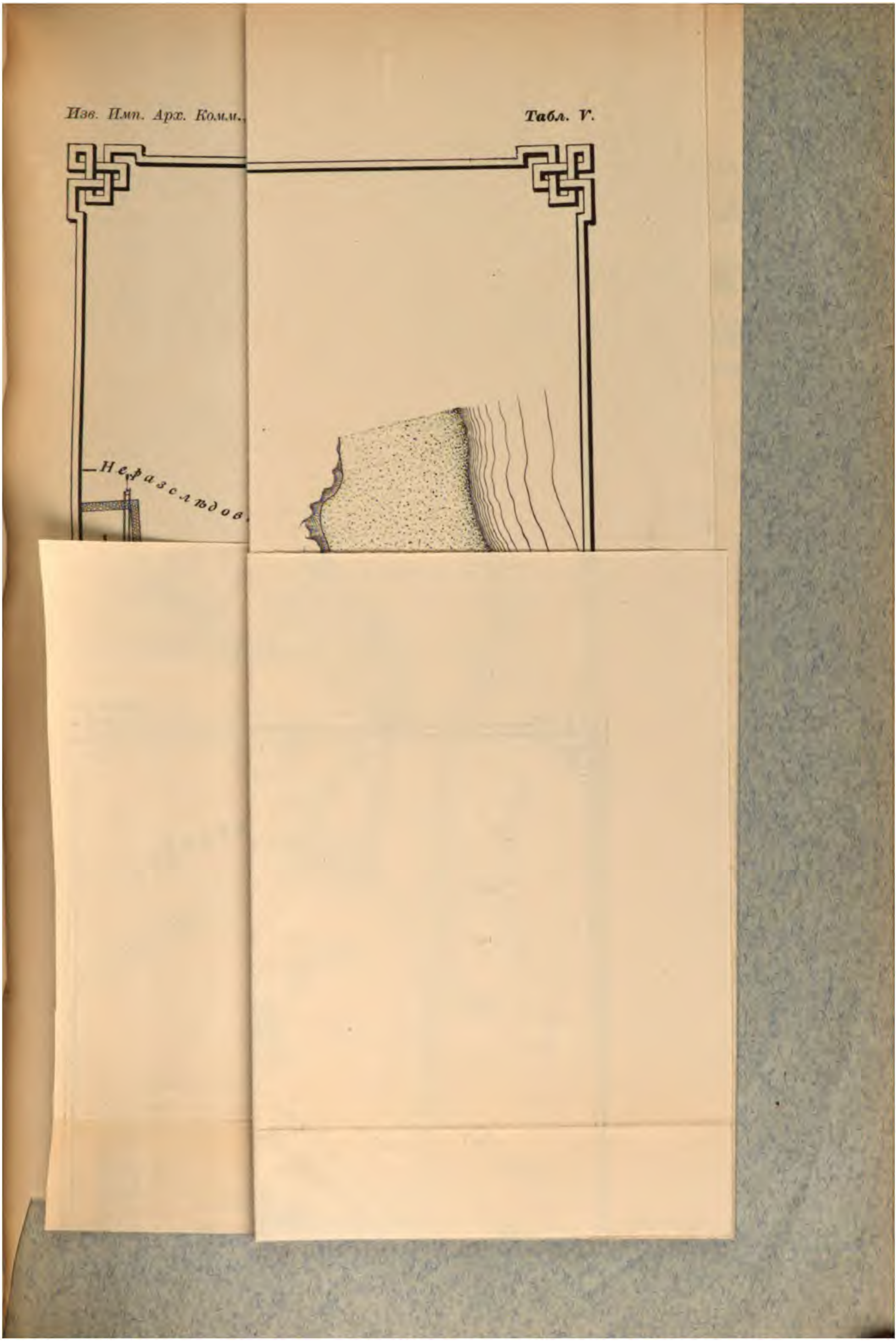
в
н

н

(

у
д
т
о

Саж.
Метр.
N
Изъясненіе:
Древне-греческой эпохи.
Римско-византійской
Поздне-византійской
Плитняковый полъ.
Поглощатели. колодцы.
Скала.
А.А¹.А².А³. Оборонительн. стѣны.
Б. Б. Б. Контръ-эскарповая стѣна
а. Калитка римско-византійск.
б. древне-греческ.
в. римско-византійск.
д. поздне-
В.В¹.В².В³. Римс.визан.улиц.стѣны
Г. Башня древне-греч.эпохи.
З.
А².
А³.
Д
Снималъ съ натуры М.И.Скубетовъ.

Неразслѣдов.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 26.

(Вопросы реставраціи, вып. 1).

Съ 110 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ. Моховая, 40.

1908.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИСCІИ.

Выпускъ 26.

(Вопросы реставраціи, вып. 1).

Съ 110 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ. Моховая, 40.
1908.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

26-ème livraison.

Table des matières.

Протоколы реставраціонныхъ засѣданій Императорской Археологической Коммиссіи.

Согласно Высочайшему повелѣнію отъ 11 марта 1889 г. (Собраніе узак. и распоряж. правит. 1889 г., № 43), реставрація монументальныхъ памятниковъ древности должна быть производима по предварительному соглашенію съ Императорскою Археологическою Коммиссіею и по соглашенію ея съ Императорскою Академіею Художествъ. По порядку, установившемуся въ практикѣ Археологической Коммиссіи и утвержденному Министромъ Императорскаго Двора 31 октября 1890 г., поступающіе въ Коммиссію проекты разсматриваются ею съ участіемъ спеціалистовъ отъ Императорской Академіи Художествъ, делегатовъ со стороны вѣдомствъ, ходатайствующихъ о реставраціи, т. е. главнымъ образомъ Св. Синода и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а также и другихъ компетентныхъ лицъ, приглашаемыхъ Коммиссіею.

Перечни дѣлъ, разсматривавшихся въ этихъ засѣданіяхъ, обычно называемыхъ реставраціонными, доселѣ печатались въ ежегодныхъ «Отчетахъ» Коммиссіи, начиная съ 1894 года. Нынѣ Императорская Археологическая Коммиссія, желая обратить въ общее пользованіе цѣнный научный матеріалъ, поступающій къ ней при обсужденіи реставраціонныхъ вопросовъ, сохранить въ печати мнѣнія и заключенія спеціалистовъ, принимавшихъ участіе въ обсужденіи этихъ вопросовъ, и дать возможность интересующимся лицамъ слѣдить за положеніемъ и ходомъ въ Россіи дѣла охраны старинныхъ памятниковъ зодчества, постановила печатать in extenso протоколы своихъ «реставраціонныхъ» засѣданій, начиная со 2-й половины 1907 года. Кромѣ текущихъ протоколовъ, въ выпускахъ «Извѣстій», посвященныхъ «Вопросамъ реставраціи», предполагается помѣщать и архивные матеріалы Коммиссіи аналогичнаго содержанія, а также, по мѣрѣ возможности, отдѣльныя статьи по вопросамъ реставраціи и изслѣдованія по древней архитектурѣ. Археологическая Коммиссія однако предвидитъ, что отсутствіе спеціальныхъ средствъ на это изданіе не позволитъ поставить его такъ широко, какъ это было бы желательно въ интересахъ дѣла.

Въ реставраціонныхъ засѣданіяхъ, происходящихъ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Коммиссіи графа А. А. Бобринскаго или, въ случаѣ его отсутствія, Товарища Предсѣдателя В. В. Латышева, принимаютъ участіе штатные члены Коммиссіи: Н. И. Веселовскій, А. А. Спицынъ, Б. В. Фармаковскій и П. П. Покрышкинъ (членъ-докладчикъ), сверхштатные: М. П. Боткинъ, Н. В. Покровскій и Н. В. Султановъ, представители вѣдомствъ: Г. И. Котовъ, А. Н. Померанцевъ, М. Т. Преображенскій, Е. А Сабанѣевъ и М. А. Чижовъ.

Засѣданіе 3 октября 1907 г.

I. Архангельской губ., Кемскаго у., с. Шуярѣцкое. Деревянная Николаевская церковь 1595 г.

(Рис. 1).

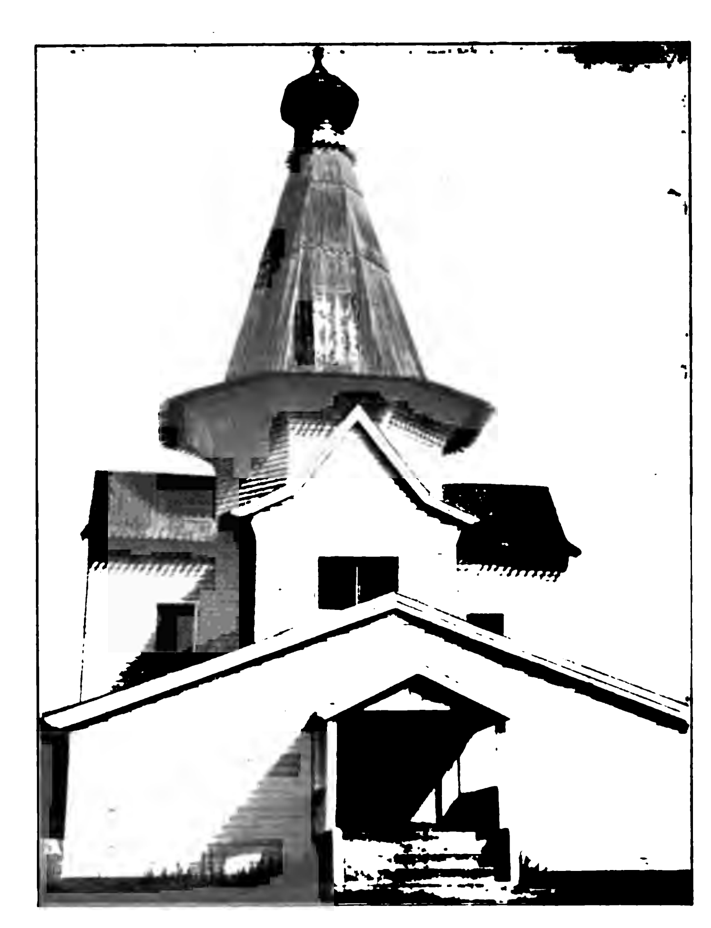

Рис. 1. Шуярѣцкая Николаевская церковь 1595 г.

Доложены: 1) Отношеніе Архангельской духовной консисторіи отъ 18 августа 1907 г., въ коемъ значится: «Громадный шатеръ храма, куполъ и прочая кровля его требуютъ основательнаго ремонта. Крестъ необходимо замѣнить новымъ, тонкія оконныя рамы исхудали и едва удерживаютъ стекла. Средствъ на ремонтъ ни у церкви, ни у прихожанъ не имѣется».

2) Смѣта на ремонтъ храма, въ суммѣ 680 руб.

3) Фотографическіе снимки съ церкви, исполненные В. А. Плотниковымъ и снимокъ В. В. Суслова (Памятники древн.-русскаго зодчества, вып. VI; текстъ).

Церковь признана весьма цѣнною въ архитектурномъ отношеніи, особенно же по крестообразному плану. Разъяснено, что св. Синодъ не имѣетъ суммъ на ремонтъ храмовъ и что сборы на церковныя нужды въ предѣлахъ епархіи могутъ быть разрѣшаемы епархіальною властью.

Постановлено: просить св. Синодъ не отказать ассигновать необходимую сумму на ремонтъ Шуярѣцкой церкви, въ видѣ исключенія, или же принять иныя зависящія мѣры къ удовлетворенію ходатайства прихода.

II. Виленской губ., Дисненскаго у., с. Старо-Шарково. Деревянная Успенская церковь 1639 г., основанная кн. Сапѣгою.

(Рис. 2—4).

Доложены: 1) Дѣло о постройкѣ новой церкви въ с. Старо-Шарковѣ вмѣсто пришедшей въ ветхость старой, начатое въ 1905 г. Узнавъ изъ газетъ (Моск. Вѣд. 1906 г., № 250) объ опасности, угрожающей храму, Археологическая Коммиссія вступила въ переписку съ Литовскою духовною консисторіею и отправила на мѣсто для ознакомленія съ памятникомъ своего сочлена П. П. Покрышкина, который нашелъ, что, несмотря на нѣкоторый архитектурный интересъ церкви, разборка ея неизбѣжна.

2) Ходатайство священника церкви отъ 25 сентября 1907 г. о разрѣшеніи разборки церкви осенью 1907 г., въ которомъ указывается, что церковная усадьба вся заливается въ весеннее половодье, кромѣ площадки церкви и причтовыхъ строеній, и излагается предположеніе, что церковь могла бы быть перенесена въ многолюдную деревню Григоровщину, отстоящую отъ села на 11 верстъ, на что потребенъ расходъ въ 1000 руб.

Признано, что церковь не имѣетъ особаго архитектурнаго значенія и что наиболѣе интересныя части ея — хоры и звонница. По вопросу о пере-

Рис. 2 и 3. Старо-Шарковская Успенская церковь 1639 г.

Рис. 4. Иконостасъ въ Старо-Шарковской церкви.

несеніи церкви на новое мѣсто Н. В. Покровскій высказалъ, что у прихода, при настойчивомъ требованіи, найдутся для того средства, а М. Т. Преображенскій, сомнѣваясь, чтобы они оказались, предложилъ просить св. Синодъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ принять это дѣло на свое попеченіе, въ виду отдаленности д. Григоровщины отъ настоящаго храма и въ разсчетѣ, что со временемъ здѣсь можетъ возникнуть новый приходъ. Н. В. Султановъ замѣтилъ, что старыя деревянныя церкви при перенесеніи ихъ на другое мѣсто утрачиваютъ древній видъ, какъ это наглядно доказывается, напр., церковью въ Геѳсиманскомъ скиту, перенесенною туда изъ села Подсосенья, близъ Троице-Сергіевой лавры.

Постановлено: разборку церкви разрѣшить и возбудить ходатайство предъ Св. Синодомъ объ отпускѣ 1000 р. на перенесеніе церкви въ д. Григоровщину.

III. Г. Вологда. Градская Николаевская Глинковская церковь 1676 г.

(Рис. 5 и 6).

Доложены: 1) Отношеніе Вологодской дух. консисторіи отъ 23 августа 1907 г. съ препровожденіемъ дѣлопроизводства по вопросу о расширеніи этой церкви, изъ котораго извлекаются:

а) Прошеніе въ консисторію причта и старосты церкви, съ заключеніемъ

Рис. 5 и 6. Вологодская Николаевская Глинковская церковь 1676 г.

мѣстнаго благочиннаго отъ 12 ноября 1906 г. «Наша нижняя церковь малопомѣстительна и очень низка. Своды ея начинаются почти отъ пола, и притомъ недалеко отъ иконостаса двѣ низкія арки съ большимъ столбомъ посрединѣ, изъ-за которыхъ богомольцамъ, стоящимъ за арками, ничего не слышно и не видно (см. рис. 6). Своды по многимъ причинамъ опустить нельзя. Поэтому мы имѣемъ намѣреніе приспособить верхнюю холодную церковь въ теплую и расширить ее, обративъ паперть, ризницу и мѣсто, занимаемое лѣстницею, въ церковь, съ устройствомъ центральнаго отопленія въ подвалѣ трапезы теплой нижней церкви такъ, что однимъ отопленіемъ будутъ нагрѣваться обѣ церкви, а для входа въ верхнюю церковь сдѣлать каменную двухъэтажную пристройку. Но прежде составленія плана и смѣты желали бы мы знать, не будетъ ли препятствій на эти предполагаемыя перестройки со стороны Археологической Коммиссіи». Посему излагается просьба, не будетъ ли благоволено поручить Вологодской постоянной церковно - археологической коммиссіи осмотрѣть храмъ и дать свое заключеніе. Передѣлка должна коснуться части храма, уже перестроенной въ 1862 г.

б) Заключеніе Постоянной Коммиссіи любителей исторіи и древностей при Вологодскомъ древнехранилищѣ отъ 30 декабря 1906 г., что, по всей вѣроятности, отъ Археологической Коммиссіи не будетъ замедленія въ разрѣшеніи, если ей будутъ доставлены нужные фотографическіе снимки и техническія соображенія относительно прочности стѣнъ, фундамента и пр.

в) Актъ осмотра церкви, 9 февраля 1907 г., составленный губернскимъ инженеромъ В. Альберти, причтомъ и старостой и гласящій, что проектъ пристройки весьма цѣлесообразенъ и что предполагаемыми работами ничѣмъ не искажаются древнія части храма, который впрочемъ «и не представляетъ собою археологической старины». Никакихъ техническихъ соображеній о прочности церкви въ актѣ не заключается.

г) Проектъ расширенія церкви въ 8 форматахъ, составленный г. Альберти, и 4 фотографическіе снимка съ ея внѣшняго и внутренняго устройства. По проекту, кромѣ прибавленія подвальнаго помѣщенія для устройства отопленія, предполагается выдвинуть предъ фасадомъ колокольни пристройку для лѣстницъ, шириною болѣе 2-хъ саж., съ отдѣльнымъ небольшимъ куполомъ; планъ верхняго этажа церкви расширяется на три помѣщенія, для чего въ стѣнахъ колокольни проектируются широкія арки.

Н. В. Султановъ и А. Н. Померанцевъ обратили вниманіе на крайнюю нецѣлесообразность проекта, указавъ, что было бы несравненно удобнѣе перенести

колокольню впередъ (если низъ ея не древній), а площадку ея обратить въ помѣщеніе храма.

Постановлено: увѣдомить причтъ, что къ исполненію проекта не имѣется препятствій, но указать на его нецѣлесообразность.

IV. Вятской губ., Орловскаго у., с. Истобенское. Николаевская церковь 1686 г.

(Рис. 7).

Доложены: 1) Отношеніе Вятской дух. консисторіи отъ 16 мая 1907 г. съ представленіемъ на утвержденіе проекта переустройства Николаевской церкви с. Истобенскаго Орловскаго у., въ 6 форматахъ, и 2 фотографическихъ снимка. Консисторія указываетъ на то, что расширеніе храма вызывается дѣйствительною необходимостью, такъ какъ оба этажа его тѣсны и низки.

2) Письмо священника Николаевской церкви о. Н. Добровольскаго отъ 8 августа 1907 г. къ одному изъ членовъ Имп. Арх. Коммиссіи съ дополнительными свѣдѣніями къ проекту, гдѣ между прочимъ сообщается: «Да и самая колокольня, по мнѣнію большинства прихожанъ, не поставлена въ должное

Рис. 7. Истобенская Николаевская церковь 1686 г.

соотвѣтствіе съ церковью, какъ по размѣрамъ, такъ и по устойчивости [1]), а частью и по стильности. Такъ какъ колокольня приставлена непосредственно къ храмовому корпусу, то въ храмѣ испытывается утѣсненіе для богомольцевъ нашего немалаго прихода, значительно восполняемаго въ базарные и торговые дни иноприходными». Лѣстница очень крута и построена изъ дерева, какъ и полъ въ верхнемъ этажѣ. Отсюда затрудненія при подъемѣ вверхъ и небезопасность въ пожарномъ отношеніи. Прихожане уже давно заняты мыслью о расширеніи церкви, на что и было получено благословеніе преосвященнаго Алексія. «Прихожане замѣтно съ расположеніемъ относятся къ сему дѣлу и ждутъ не дождутся начала реставраціи».

3) По проекту переустройства Никольской церкви предполагается:

a) соединить оба этажа церкви въ одинъ, повысивъ полъ;

b) расширить церковь двумя придѣлами къ трапезѣ (въ вышину одного этажа) и переносомъ колокольни, при чемъ трапезное помѣщеніе и придѣлы соединяются между собою высокими и широкими арками, по одной на каждую стѣну;

c) заложить барабанъ купола;

d) провести паровое отопленіе съ устройствомъ подвальнаго помѣщенія для топки впереди трапезы.

4) Заявленіе священника Добровольскаго о томъ, что если бы не разрѣшено было расширеніе церкви, то онъ просилъ бы дать ему указанія, какъ можно было бы переложить позднюю пристройку къ колокольнѣ съ разсчетомъ получить удобную лѣстницу вверхъ, сторожку, палатку, болѣе удобный ходъ на колокольню и расширеніе верхней церкви на помѣщеніе колокольни. О. Добровольскій желалъ бы также знать, не будетъ ли разрѣшено поднять шпиль колокольни, для увеличенія ея вышины, вынуть по ряду кирпичей изъ оконъ нижняго этажа, а также устроить хоры на чугунныхъ столбахъ въ верхнемъ этажѣ церкви.

5) Разсмотрѣны два проекта переустройства упомянутой пристройки, представленные П. П. Покрышкинымъ, одинъ съ устройствомъ лѣстницы кругомъ колокольни и другой съ устройствомъ ея отдѣльно съ западной стороны церкви.

Церковь по своимъ художественнымъ достоинствамъ вызвала общее одобреніе. Высказано, что высокія открытыя лѣстницы въ сѣверномъ климатѣ невозможны. Возбужденъ вопросъ о ширинѣ дверей въ отношеніи къ площади помѣщенія храма и указано, что спеціальныхъ узаконеній по этому поводу не суще-

---

[1]) При звонѣ „по-вся“ очень примѣтно, по качающимся паникадиламъ и лампадамъ, нѣкоторое движеніе храмового корпуса.

ствуетъ, но принята норма—1 арш. на 250 человѣкъ; для Истобенской церкви ширина хода въ 1 саж. признана достаточною.

Постановлено: въ расширеніи церкви отказать, принять проектъ устройства хода въ верхній этажъ кругомъ колокольни, взамѣнъ существующей пристройки, въ увеличеніи размѣровъ шпиля колокольни отказать, какъ и въ выборкѣ ряда кирпичей изъ оконъ, на устройство хоровъ въ верхней церкви потребовать проектъ, указать на возможность пониженія уровня пола въ нижнемъ этажѣ церкви, отопленіе разрѣшить.

V. Московской губ., Можайскаго у., с. Сивково. Преображенская церковь 1687 г.

(Рис. 8).

Доложены: 1) Старое дѣлопроизводство по вопросу о расширеніи этой церкви, построенной и освященной патріархомъ Іоакимомъ. Въ 1902 г. причтъ

Рис. 8. Сивковская Преображенская церковь 1687 г.

обратился въ Импер. Московское Археологическое Общество съ просьбою о расширеніи церкви и въ 1904 г. получилъ отъ него разрѣшеніе расширить сѣверный придѣлъ, съ условіемъ, чтобы алтарь не загораживалъ окно къ западу отъ сѣверной двери. Однако, послѣ осмотра церкви, произведеннаго архитекторомъ В. Ивановымъ, Общество поспѣшило отмѣнить свое разрѣшеніе, предложивъ расширить храмъ съ западной стороны (Древности, т. XX, в. 2, стр. 152). Въ 1905 г. проектъ расширенія церкви, чрезъ св. Синодъ, поступилъ на разсмотрѣніе Имп. Археологической Коммиссіи, которая также не утвердила его, основываясь на заключеніи своего сочлена П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго церковь и признавшаго ее весьма цѣнною въ архитектурномъ и художественномъ отношеніи. Это маленькая, первоначально домовая церковь патріарха Іоакима, келья коего живописно возвышается надъ южнымъ придѣломъ. Въ стѣнахъ храма имѣются «голосники».

2) Прошеніе причта и старосты церкви отъ 15 октября 1907 г. съ препровожденіемъ проекта устройства духового отопленія въ церкви, съ цѣлью ея улучшенія.

Н. В. Султановъ предложилъ устроить одну широкую арку для соединенія храма съ трапезною, взамѣнъ предположенныхъ трехъ узкихъ. Н. В. Покровскій указалъ на роковую необходимость разрѣшать въ древнихъ храмахъ соединеніе трапезъ арками съ церковью и вообще ихъ расширеніе въ виду роста приходовъ. А. А. Спицынъ замѣтилъ, что съ ростомъ приходовъ растутъ и ихъ средства, а это дѣлаетъ возможнымъ сооруженіе новыхъ храмовъ взамѣнъ существующихъ старыхъ, и что данная церковь, какъ келейная, никакъ не можетъ служить приходской. Обращено вниманіе на весьма нехудожественный видъ существующаго покрытія церкви.

Постановлено: увѣдомить, что къ устройству отопленія въ Сивковской церкви не имѣется препятствій и что было-бы желательно привести покрытіе церкви въ болѣе соотвѣтственный характеру церкви видъ, съ особаго на то разрѣшенія Имп. Археологической Коммиссіи.

VI. С.-Петербургъ. Троицкій соборъ на Петербургской сторонѣ 1703 и 1756 г.

Доложены отношенія гражданскаго инженера Н. Ф. Романченко отъ 15 сентября и 2 октября 1907 г. съ эскизнымъ проектомъ устройства придѣла на южномъ концѣ солеи, гдѣ помѣщается большихъ размѣровъ кіотъ.

Н. В. Султановъ указалъ, что минимальную глубину удобнаго алтаря необхо-

димо принять въ 7 арш., хотя, по замѣчанію М. Т. Преображенскаго, имѣются алтари всего до 4 арш. глубины. Въ общемъ проектъ признанъ искажающимъ памятникъ. А. А. Спицынъ высказалъ предположеніе, не можетъ ли быть устроенъ придѣлъ въ границахъ существующаго алтаря, въ виду его хорошихъ размѣровъ.

Постановлено: признать проектъ требующимъ исправленій и предложить причту, не найдетъ ли онъ возможнымъ представить новый проектъ съ устройствомъ алтаря въ предѣлахъ существующаго.

VII. Архангельской губ., Шенкурскаго у., с. Березницкое. Деревянная Іоанно-Златоустовская церковь 1733 г.

(Рис. 9).

Доложено отношеніе Архангельской дух. консисторіи отъ 22 августа 1907 г. съ просьбою разрѣшить: а) замѣнить старую деревянную крышу на церкви и бѣлое желѣзо на куполѣ чернымъ съ окраскою мѣдянкой, б) поправить отвалившуюся на потолкѣ штукатурку и живопись въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ штукатурка ранѣе исправлена и просто забѣлена, и в) увеличить окна перваго

Рис. 9. Березницкая Іоанно-Златоустовская церковь 1733 г.

свѣта въ самомъ храмѣ до $2^1/_2$ арш. съ сѣверной и южной сторонъ по одному окну, вновь прорубить рядомъ со старыми по одному же окну на тѣхъ же сторонахъ и такой же величины, а три окна въ алтарѣ съ восточной стороны увеличить до $1^1/_2$ арш. каждое.

Окна единогласно признаны заслуживающими сохраненія въ настоящемъ видѣ, такъ какъ расширеніе ихъ исказило бы архитектурный типъ постройки. По вопросу о покрытіи желѣзомъ старыхъ церквей высказано было мнѣніе, что нерѣдко такое покрытіе удивительно искажаетъ памятникъ, тѣмъ болѣе, что всегда оно производится небрежно и неискусно (Е. А. Сабанѣевъ), но что часто бываетъ практическая нужда въ такомъ покрытіи, какъ болѣе устойчивомъ въ пожарномъ отношеніи (М. П. Боткинъ). А. Н. Померанцевъ настаивалъ на необходимости указать, что желѣзная крыша должна быть исполнена безъ измѣненія старыхъ формъ покрытія.

Постановлено: расширенія оконъ не разрѣшать, покрытіе желѣзомъ разрѣшить, съ условіемъ сохраненія при этомъ старыхъ формъ крыши.

Рис. 10. Гостинопольская Троицкая церковь 1749 г.

VIII. С.-Петербургской губ., Новоладожскаго у., с. Гостинополье. Деревянная Троицкая церковь 1749 г.

(Рис. 10).

Доложены: 1) Отношеніе С.-Петербургской дух. консисторіи отъ 4 мая 1907 г. съ препровожденіемъ проекта переустройства церкви, пришедшей въ ветхость, и 2) заявленіе священника о. В. Каменскаго, что иконостасъ не потерпитъ измѣненій.

Постановлено: разрѣшить перестройку церкви по проекту, но потребовать: 1) чтобы предположенные наличники оконъ дачнаго характера были замѣнены болѣе скромными, или же простой обтяжкой ихъ, и 2) чтобы обшивка церкви досками была сдѣлана по образцу нынѣшней.

IX. Вятской губ., Слободскаго у., Климковскій заводъ. Елевская приписная деревянная церковь 1762 г.

(Рис. 11).

Доложено отношеніе Вятской дух. консисторіи отъ 11 іюня 1907 г. съ изложеніемъ ходатайства причта о разрѣшеніи разобрать эту церковь, за

Рис. 11. Елевская церковь 1762 г.

ветхостью. «Три нижнiе вѣнца и углы съ с. и ю. сторонъ (?) совсѣмъ сгнили, а потолки валятся. На поддержанiе церкви нѣтъ средствъ. Въ историческомъ отношенiи она ничего изъ себя замѣчательнаго не представляетъ».

М. П. Боткинъ и Н. В. Покровскiй высказались за желательность большей уступчивости житейскимъ требованiямъ при рѣшенiи вопросовъ о разборкѣ церквей, изъ опасенiя вызвать общее озлобленiе противъ правительственныхъ органовъ, въ данномъ случаѣ противъ Имп. Археологической Коммиссiи. А. А. Спицынъ замѣтилъ, что, по его мнѣнiю, именно съ озлобленiемъ массы и нѣтъ нужды считаться, что въ концѣ концовъ заинтересованныя лица убѣждаются не только въ законности, но и въ справедливости настоянiй Коммиссiи. П. П. Покрышкинъ указалъ, какъ полезна была рѣшительность въ дѣлѣ о сохраненiи стараго Велебицкаго храма Новгородской епархiи: въ настоящее время Велебицкiй приходъ имѣетъ хорошую новую церковь, сохранивъ старую.

Постановлено: разрѣшить разборку Елевской церкви, въ виду ея малаго интереса, предложивъ дать какое-либо употребленiе стильной желѣзной рѣшеткѣ колокольни и выждавъ затребованные фотографическiе снимки съ внутренняго вида церкви.

X. Ломжинской губ., Остроленскаго у., посадъ Мышинецъ. Деревянный костелъ 1716 г.

(Рис. 12—14).

Доложены: 1) Просьба нѣсколькихъ обывателей посада отъ 20 октября 1906 г. о защитѣ кирпичной звонницы XVII в. при костелѣ, которую предположено сломать при устройствѣ новаго костела на мѣстѣ стараго.

2) Отзывъ Ломжинскаго губернатора отъ 11 января 1907 г. о томъ, что епископъ Плоцкой епархiи принялъ мѣры къ сохраненiю звонницы, въ самомъ же костелѣ епископъ не признаетъ ни археологическаго, ни эстетическаго интереса и не считаетъ нужнымъ его сохранять, съ чѣмъ согласенъ и губернаторъ.

3) Протоколъ техническаго осмотра костела 7 марта 1907 г., въ присутствiи уѣзднаго инженеръ-архитектора, изъ котораго видно, что фундаментъ костела удовлетворителенъ, стѣны же, нижнiе лежни, стойки и верхнiя обвязки сильно сгнили. Вѣнцы стѣнъ по большей части представляютъ труху и стѣны поддерживаются единственно вертикальными схватками изъ двойныхъ деревянныхъ брусьевъ, устроенными 40 лѣтъ назадъ и нынѣ ненадежными; стропильныя ноги и потолочныя балки во внѣшнихъ гнѣздахъ сгнили. Желѣзная крыша

Рис. 12. Звонница XVII в. и деревянный костелъ 1716 г. въ посадѣ Мышинцѣ.

сплошь протекаетъ, отчего полъ на чердакѣ сгнилъ. Вообще зданіе не можетъ быть отремонтировано. Костелъ вмѣщаетъ до 1000 человѣкъ, а приходъ состоитъ изъ 14,000 душъ.

4) Заключеніе члена Археолог. Коммиссіи П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго костелъ въ началѣ мая 1907 г. «Соединеніе внѣшней простоты съ внутреннимъ богатымъ (хотя и запыленнымъ) убранствомъ въ костелѣ, общая группа деревянныхъ башенокъ и каменной звонницы безусловно производятъ художественное впечатлѣніе. Сѣрыя, голыя и громадныя для деревяннаго зданія стѣны костела съ ихъ обшивкою стояками служатъ красивымъ фономъ для пестрой толпы въ національныхъ костюмахъ, ежедневно собирающейся слушать слово Божіе. Нѣтъ никакой увѣренности въ томъ, что проектируемое новое

Рис. 13.

Рис. 14. Мышинецкій костелъ 1716 г.

зданіе по живописности не уступитъ нынѣшнему. Хотя зданіе сильно запущено, но ремонтъ его вполнѣ возможенъ».

Высказаны мнѣнія: что если приходъ такъ великъ, то, казалось бы, было бы удобно выдѣлить изъ него другой, и въ такомъ случаѣ настоящій костелъ могъ бы быть пригоденъ для второго прихода (Н. В. Султановъ и М. Т. Преображенскій); что костелъ представляетъ собою образецъ выродившагося готическаго искусства и интересенъ лишь главками (Н. В. Султановъ и Н. В. Покровскій); что костелъ столь невзраченъ въ архитектурномъ отношеніи, что разрѣшеніе на разборку его можетъ быть дано безъ всякихъ колебаній и условій (М. П. Боткинъ). А. А. Спицынъ и Б. В. Фармаковскій настаивали на томъ, что до рѣшенія вопроса о сломкѣ костела долженъ быть выслушанъ голосъ мѣстныхъ цѣнителей старины и затребованъ проектъ новаго костела, такъ какъ этотъ костелъ можетъ оказаться хуже настоящаго [1]). Н. В. Султановъ замѣ-

[1]) Въ Мышинецъ ѣздили по порученію „Общества охраненія древностей" въ Варшавѣ архитекторы В. Маркони и С. Шиллеръ и юристъ В. Повихровскій. По ихъ заключенію отъ 12 октября 1907 г., костелъ не представляетъ ничего достойнаго вниманія ни для художника, ни для историка. Хотя онъ не грозитъ обрушеніемъ, но ремонтъ его непроизводителенъ, такъ какъ костелъ малъ для прихода въ 15000 душъ; нѣтъ основаній препятствовать сломкѣ его.

тилъ, что имѣются уже разработанные талантливые проекты устройства костеловъ, разсчитанные на любое количество богомольцевъ. Онъ же настаивалъ на необходимости потребовать непремѣнно архитектурные чертежи, въ виду того, что фотографическіе снимки не даютъ размѣровъ и, кромѣ того, не прочны. А. Н. Померанцевъ добавилъ, что чертежи должны быть точны, иначе они не имѣютъ значенія. П. П. Покрышкинъ высказался категорически за сохраненіе памятника.

Постановлено: разрѣшить разборку Мышинецкаго костела, потребовавъ точные архитектурные чертежи всѣхъ частей зданія.

Засѣданіе 10 октября 1907 г.

I. Черниговской губ., Остерскаго у., с. Старогородка. «Божница» XI—XII в.

(Рис. 15—17, по промѣрамъ П. П. Покрышкина).

По заключенію П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго развалины въ концѣ мая 1907 г., склонъ горы, на которомъ онѣ стоятъ, болѣе не подмывается водою, такъ какъ нынѣ рѣка у подошвы горы запружена, и берегъ внизу, кромѣ того, защищенъ плетнемъ; постоянный уровень воды регулируется мельничною плотиною. Для укрѣпленія самихъ развалинъ необходимо: а) починить низы стѣнъ до фундамента, особенно въ сѣверномъ антѣ, б) залить цементомъ швы между кирпичемъ на верхушкахъ антовъ, в) защитить фрески устрой-

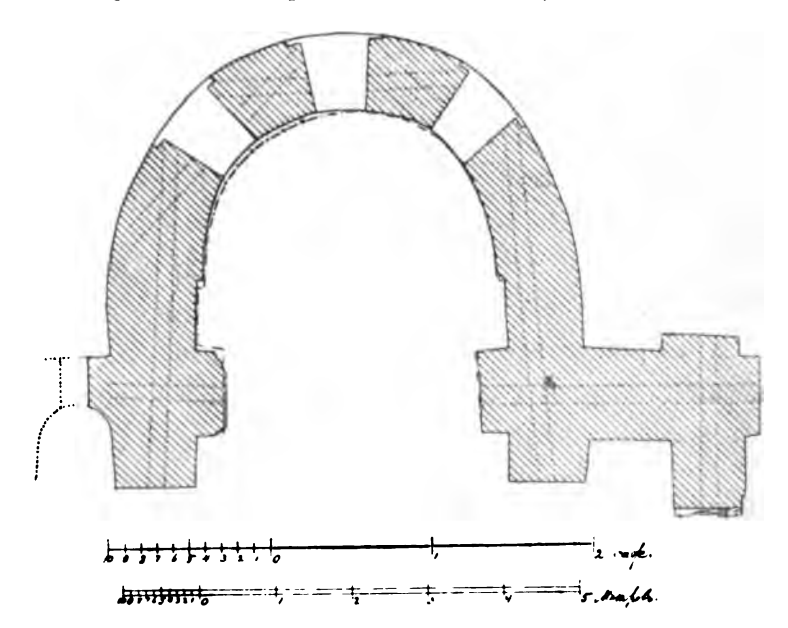

Рис. 15. Планъ развалинъ храма XI в. въ с. Старогородкѣ близъ г. Остра.

ствомъ рамъ и застекленіемъ алтарной арки, г) кругомъ развалинъ замостить полосу въ сажень шириною. Въ конхѣ штукатурка отстала и продырявлена, изображеній не осталось; на стѣнахъ фрески сохранились лучше (представлены

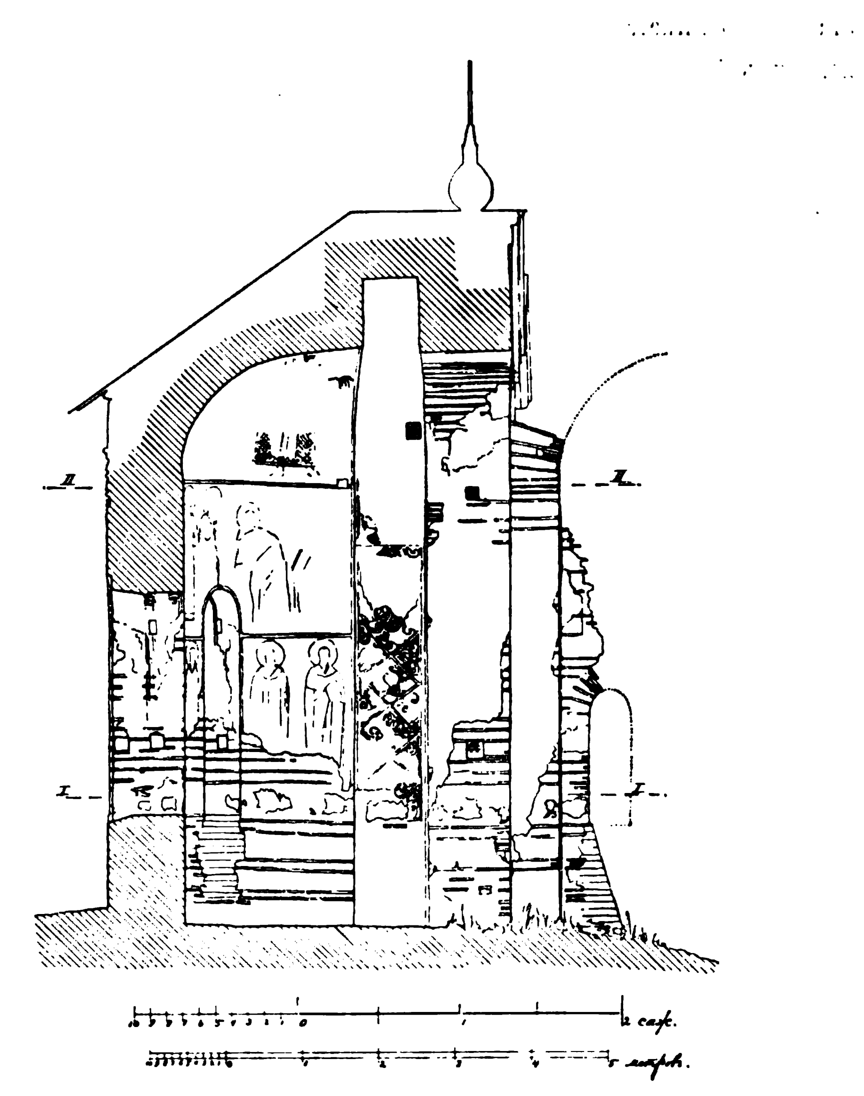

Рис. 16. Разрѣзъ Старогородскихъ развалинъ.

фотографическіе снимки). По кирпичамъ, кладкѣ и устройству арки постройка можетъ быть относима къ XI в.

На разсмотрѣніе собранія представленъ проектъ ремонта, составленный П. П. Покрышкинымъ.

Н. В. Султановъ и М. Т. Преображенскій считали дѣломъ первѣйшей необходимости побѣлить известью всю наружную поверхность развалинъ, такъ

какъ важнѣйшая задача охраны каждой постройки -- не допускать трещинъ, хотя бы и волосяныхъ, ибо, въ противномъ случаѣ, замерзающая въ нихъ вода начинаетъ немедленно разрушать постройку, а помощью обѣлки известью эта цѣль достигается прекрасно. «Старыя кирпичныя церкви до тѣхъ поръ и цѣлы, пока ихъ бѣлятъ». А. Н. Померанцевъ добавилъ, что предъ побѣлкой известью

Рис. 17. Западный фасадъ Старогородскихъ развалинъ.

стѣны божницы должны быть хорошо промыты. Н. В. Султановъ одобрилъ мысль вымостить откосы кругомъ церкви, указавъ, что вслѣдствіе отсутствія такихъ откосовъ кругомъ башенъ Смоленской стѣны у нихъ подпрѣваютъ цокольныя части.

Постановлено: одобрить проектъ П. П. Покрышкина, о чемъ и сообщить Остерской уѣздной земской управѣ.

II. Псковской губ., Порховскаго у., с. Шкнятино. Древняя каменная Введенская церковь (по преданію, XIV в.).

(Рис. 18—20).

Доложены: 1) Справка о томъ, что еще въ 1902 г. причтомъ церкви представленъ былъ въ Имп. Археологическую Коммиссію проектъ расширенія Никольскаго придѣла, не получившій одобренія.

2) Отношеніе Псковской дух. консисторіи отъ 7 марта 1907 г. съ ходатайствомъ о разрѣшеніи расширить сѣверный придѣлъ прикладомъ съ запада, размѣромъ 8×8 арш., для чего въ стѣнѣ придѣла нужно пробить арку. Позднѣе доставленъ архитектурный проектъ расширенія церкви.

3) Заключеніе П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго храмъ въ іюнѣ 1907 г. «Трудно опредѣлить время построенія Шкнятинской церкви безъ раскопокъ и отбивки штукатурки. Западная стѣна четверика по кирпичной кладкѣ можетъ быть отнесена къ XIV—XVI в. (толщина кирпича 1¹/₈ вершка, швы ³/₈ в.). Сомкнутый кирпичный сводъ позднѣе стѣнъ, имѣетъ широкіе гурты, выступающіе

Рис. 18. Шкнятинская Введенская церковь. Видъ съ Ю-В.

Рис. 19. Шкнятинская Введенская церковь. Часть южнаго фасада.

во внѣ по срединамъ лотковъ и въ общемъ составляющіе какъ бы огромную звѣздицу. Глава деревянная, позднѣйшая. Въ стѣнахъ много вертикальныхъ трещинъ, особенно ветхъ придѣлъ; сѣверная стѣна его въ рединѣ, отъ распора свода, дала замѣтный уклонъ. Придѣлъ древній, хотя можетъ быть и не современный храму. Полагаю: 1) что предположенная по проекту пробивка сѣверной стѣны четверика опасна для цѣлости зданія, безъ дорогихъ работъ по углубленію фундамента, 2) что помѣщеніе церкви даже и послѣ предположеннаго расширенія будетъ недостаточно, 3) что прикладъ съ запада сильно обезобразитъ храмъ. Главный храмъ теперь обставленъ оригинально и красиво: по всѣмъ стѣнамъ идетъ какъ бы ярусъ иконостаса изъ высокихъ и узкихъ иконъ; съ пробивкою арки на сѣверной стѣнѣ это убранство будетъ нарушено. По сосѣдству отъ Шкнятина, въ Велебицахъ, не такъ давно выстроенъ новый храмъ, а старый, приблизительно того же времени, какъ Шкнятинскій, сохраненъ. Шкнятинскій старый храмъ также можетъ еще служить, если не тревожить его пробивкою стѣнъ. Архіепископъ Новгородскій Гурій, лично осмотрѣвшій церковь, оцѣнилъ ея древность и внушилъ причту беречь ее».

Собраніе раздѣлилось въ сужденіи о важности Шкнятинской церкви въ архитектурномъ и художественномъ отношеніяхъ. Нѣкоторые члены совѣщанія

(А. Н. Померанцевъ и М. Т. Преображенскій) находили, что церковь нельзя назвать цѣннымъ памятникомъ искусства, которой было бы необходимо тщательно сохранять, тѣмъ болѣе, что и древность ея не доказана; что при предполагаемомъ переустройствѣ ничто существенное не утратится; что столбы несутъ лишь куполъ; что иконостасный характеръ внутренняго убранства, быть можетъ, можно сохранить и при пробивкѣ стѣны для арки; что для красоты можно было бы даже разрѣшить пристроить придѣлъ и справа. Члены собранія, стоявшіе за сохраненіе церкви въ настоящемъ видѣ, поддерживали положенія, высказанныя въ запискѣ П. П. Покрышкина, указывая особенно на то, что при предполагаемомъ переустройствѣ церковь всетаки не можетъ служить должнымъ образомъ и потребуетъ новыхъ передѣлокъ, что переустройство будетъ стоить дорого, что памятникъ, какой бы старины онъ ни былъ, при этомъ пропадетъ, что настояніе архіепископа Гурія, безъ сомнѣнія, достаточно авторитетно, что аналогичный примѣръ устройства Велебицкой церкви можетъ дать иное направленіе намѣреніямъ причта и прихожанъ с. Шкнятина.

Рис. 20. Шкнятинская церковь. Видъ съ С.-З.

Постановлено всѣми голосами противъ двухъ: расширенія Шкнятинской церкви по представленному проекту не разрѣшать.

III. Г. Самаркандъ. Медрессе мирзы Улугъ-бека XV в.

Доложено отношеніе Военнаго губернатора Самаркандской обл. отъ 27 сентября 1907 г. о томъ, что спеціальная комиссія, назначенная для осмотра состоянія самаркандскихъ мечетей, признала необходимость снять до верхняго широкаго изразцоваго пояса верхъ наклонившихся минаретовъ названнаго медрессе, такъ какъ они, будучи слабо связаны съ зданіемъ, угрожаютъ паденіемъ. Г. губернаторъ спрашиваетъ, не послѣдуетъ ли со стороны Археологической Коммиссіи какихъ-либо иныхъ мѣръ къ предотвращенію паденія минеретовъ.

Постановлено (по мысли Н. В. Султанова): предложить связать минареты съ зданіемъ горизонтальными желѣзными связями.

IV. Москва. Саввинская церковь, что на Саввинской улицѣ (построена въ 1592 г., возобновлена въ 1667 г. и перестроена въ XVIII в.) (Рис. 21).

Доложено отношеніе Хозяйственнаго Управленія при св. Синодѣ отъ 16 сентября 1907 г. съ препровожденіемъ проекта расширенія означенной церкви и устройства въ ней духового отопленія, который уже былъ утвержденъ Имп. Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Мотивъ къ расширенію храма — тѣснота его помѣщеній.

Храмъ единогласно признанъ весьма изящнымъ сооруженіемъ (особенно

Рис. 21. Московская Саввинская церковь.

западный фасадъ его съ колокольней), а проектъ расширенія—рѣшительно искажающимъ памятникъ и не достигающимъ цѣли.

Постановлено: проектъ духового отопленія разрѣшить, но съ условіемъ переноса трубы въ отдѣльное помѣщеніе или въ иное мѣсто храма, въ расширеніи же церкви отказать.

V. Гродненской губ., Бѣлостокскаго у., м. Супрасль. Благовѣщенскій храмъ Супрасльскаго монастыря (построенъ въ 1503—10 гг., роспись 1557 г.).

(Рис. 22).

Доложены: 1) Отношеніе настоятеля монастыря епископа Владиміра отъ 6 августа 1907 г. о необходимости широкаго ремонта храма, какъ въ самомъ зданіи, такъ и въ росписи, съ просьбою объ осмотрѣ храма спеціалистами и объ опредѣленіи суммы, потребной на ремонтъ. Строго-византійская стѣнопись храма, забѣленная до 1887 г., въ настоящее время отмыта, но «видъ поблекшихъ и попортившихся отъ сырости и времени ликовъ производитъ впечатлѣніе очень грустное». Низы стѣнъ до настоящей поры прикрыты грубою деревянною панелью. «Оставлять Домъ Божій въ небреженіи страшно».

2) Краткій докладъ члена Коммиссіи П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго храмъ въ августѣ 1907 г. и высказавшаго, что, по его мнѣнію, убранство алтаря, иконостасъ (отличной данцигской работы 1630 годовъ) и хоры слѣдовало бы сохранить, такъ какъ замѣна ихъ равноцѣнными по художественнымъ достоинствамъ была бы затруднительна уже потому, что стоила бы чрезвычайно дорого. Представлены фотографическіе снимки.

Храмъ возбудилъ къ себѣ большое вниманіе и вызвалъ обмѣнъ разнообразныхъ соображеній. Н. В. Султановъ высказалъ мнѣніе, что это осадный храмъ съ бойницами, доложенный вверху въ болѣе позднее время, что окна въ алтарѣ также растесаны позднѣе, что башенки въ древнее время имѣли машикули, а крыши на нихъ были коническія, сводъ же былъ, вѣроятно, крестовый, что мотивъ карниза повторяется въ швейцарской архитектурѣ. П. П. Покрышкинъ, ссылаясь на произведенныя имъ измѣренія и составляемые чертежи, призналъ башни лишь дозорными, а кирпичный верхъ всего храма и башенъ древнимъ. Фрески признаны замѣчательными; исполненіе ихъ приписано аѳонскимъ (по Н. В. Султанову), или-же южно-славянскимъ мастерамъ, съ явными слѣдами вліянія итальянской живописи. Отличная сохранность фресокъ возбудила вопросъ о недавнемъ подновленіи ихъ, что П. П. Покрышкинъ категорически отрицалъ, основываясь на своихъ наблюденіяхъ и на аналогіи съ сохранностью

Рис. 22. Благовѣщенскій храмъ Супрасльскаго монастыря.

иконописи въ древнихъ сербскихъ церквахъ. По замѣчанiю его же, фрески отнюдь не кажутся мрачными. По вопросу объ отнятiи панелей высказано, что ихъ слѣдуетъ убрать, если только онѣ закрываютъ фрески (Н. В. Султановъ), что, напротивъ, можно было бы ихъ оставить, такъ какъ фрески въ общемъ нѣсколько холодны (А. П. Померанцевъ), что безъ панелей храмъ будетъ, можетъ быть, казаться голымъ (П. П. Покрышкинъ и др.), что въ случаѣ обнаруженiя за панелями фресокъ, можно было бы устроить въ панеляхъ спецiальныя створки, которыя могли бы стоять открытыми и закрытыми (М. Т. Преображенскiй). Обращено вниманiе на то, что западно-европейскихъ иконостасовъ имѣется значительное количество даже въ московскихъ храмахъ.

Постановлено: 1) разрѣшить немедленный ремонтъ храма, 2) признать, что замѣна унiатскихъ частей храма равноцѣнными въ художественномъ отношенiи восточно-православными стоила бы весьма значительныхъ средствъ, 3) просить П. П. Покрышкина произвести дальнѣйшее обслѣдованiе храма.

VI. Г. Ростовъ Яросл. г. Каменная соборная Богоявленская церковь Авраамiева монастыря, основанная въ 1553 г.

Доложено отношенiе Ярославской дух. консисторiи отъ 23 мая 1907 г. съ препровожденiемъ ходатайства о разрѣшенiи устроить въ куполѣ церкви стеклянное загражденiе и перемѣнить 4 колоды и рамы. Загражденiе (съ устройствомъ желѣзныхъ балокъ) проектируется ради сохраненiя тепла въ храмѣ въ зимнее время и для предохраненiя отъ холода изъ купола; на лѣтнее время его предположено вынимать.

Высказано мнѣнiе, что стѣны кунольнаго барабана послѣ удаленiя загражденiя будутъ потѣть. По мнѣнiю М. Т. Преображенскаго, если стѣнки барабана тонки и промерзаютъ, то загражденiе будетъ полезно для сохранности всего купола, при условiи, что его станутъ убирать своевременно.

Постановлено: просить дополнительныхъ свѣдѣнiй о толщинѣ стѣнъ фонаря, о характерѣ и сохранности иконописи во всѣхъ куполахъ и проектъ устройства загражденiя; перемѣну колодъ и рамъ разрѣшить.

VII. Новгородской губ. и у., с. Курицкое. Деревянная Богородицкая церковь 1596 г.

(Рис. 23).

Доложено отношенiе Новгородской дух. консисторiи отъ 8 августа 1907 г. съ заключенiемъ, что древняя Курицкая церковь не можетъ быть ремонтирована ни мѣстными, ни епархiальными средствами. Приходъ совершенно

Рис. 23. Курицкая Успенская церковь 1566 г.

отказывается отъ нея и проситъ Археологическую Коммиссію или разрѣшить разобрать церковь, или принять ее въ свое вѣдѣніе. По смѣтѣ архитектора Дьякова неотложный ремонтъ церкви исчисленъ въ 577 р., а капитальный— въ 1949 р.

Одни изъ членовъ собранія предлагали разрѣшить разобрать колокольню, другіе не считали это возможнымъ въ виду того, что она какъ бы подчеркиваетъ древность церкви, даетъ ей историческій фонъ.

Постановлено: просить архіепископа Новгородскаго Гурія изыскать средства на ремонтъ Курицкой церкви, какъ памятника, цѣннаго въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ.

VIII. Ярославскаго уѣзда, с. Богородское на Карабитовой горѣ. Каменная церковь во имя Казанской Божіей Матери. 1664—1684 гг.

Доложены: 1) Справка о томъ, что въ 1895 г. разрѣшено обратить въ теплое помѣщеніе транезу церкви, и въ 1898 г.—устроить въ ней придѣлъ.

2) Отношеніе Ярославской дух. консисторіи отъ 29 сентября 1907 г.

съ препровожденіемъ проекта отопленія храма тремя печами, изъ которыхъ одну предполагается поставить въ алтарѣ, а двѣ въ пролетахъ трапезной стѣны, безъ нарушенія цѣлости сводовъ, съ проведеніемъ дымоходовъ по потолку зимняго храма.

Постановлено: проектъ отопленія разрѣшить, но указать, что печи слѣдуетъ поставить такъ, чтобы онѣ не закрывали пролетовъ и древней стѣнописи, если таковая имѣется.

IX. Владимірской губ., Переяславскаго у., с. Спасское. Деревянная Сергіевская церковь 1683 г.

Доложены: 1) Первоначальный проектъ переустройства храма, представленный въ духовную консисторію, по которому предполагалось замѣнить иконостасъ новымъ, перемѣнить старыя балки и полъ, стѣны и потолки обить тесомъ и окрасить, выходныя двери замѣнить окнами, Преображенскій придѣлъ соединить съ церковью аркой. Согласно заключенію мѣстнаго благочиннаго, иконостасъ нуждается въ переборкѣ и установкѣ вновь, иконопись сильно изветшала: нѣтъ ни одной иконы безъ поврежденія. Консисторія нашла возможнымъ разрѣшить лишь настилку пола и перемѣну балокъ. Имп. Археологическая Коммиссія, одобривъ распоряженіе консисторіи, просила представить фотографическіе снимки съ иконостаса и заключеніе спеціалиста-реставратора о возможности возстановить иконостасъ и поправить въ немъ иконопись.

2) Заключеніе иконописца Гурьянова, доставленное консисторіею при отношеніи отъ 20 сентября 1907 г., вмѣстѣ съ 4 фотографическими снимками. Иконостасъ окрашенъ сѣроватою краскою подъ мраморъ; его можно укрѣпить, ничуть не мѣняя древняго устройства. Иконы въ немъ и на царскихъ дверяхъ отличнаго новгородскаго письма XVI в. Мѣстная икона Спасителя и южная діаконская дверь XVII в.; на первой запись о сооруженіи ея въ 1683 г. стольникомъ Мих. Никит. Чемодановымъ, которому принадлежало с. Спасское. «Отъ времени и сырости иконы попортились и мѣстами облупились. Ихъ надо скорѣе поправить: укрѣпить отставшія и попорченныя мѣста, удалить плѣсень, копоть и черноту, старую олифу и лакъ, и послѣ того, гдѣ нужно, подправить яичными красками».

Постановлено: проектъ подновленія иконостаса одобрить, за исполненіемъ его имѣть наблюденіе.

X. Г. Сызрань. Симбирской губ. Успенская церковь 1752 г.

Доложены: 1) Отношеніе Симбирской дух. консисторіи отъ 2 іюня 1907 г. съ ходатайствомъ о разрѣшеніи разобрать храмъ, какъ совершенно разрушенный пожаромъ.

2) Чертежи и фотографическіе снимки съ церкви, доставленные 5 сентября 1907 г.

По мнѣнію А. Н. Померанцева, церковь по фасаду, а особенно по плану, заслуживала бы возстановленія, которое казалось бы возможнымъ, разъ богослуженіе въ церкви совершается и въ настоящее время.

Постановлено: просить доставить актъ подробнаго техническаго осмотра стѣнъ и фундамента церкви.

XI. Ярославской губ., Мышкинскаго у., с. Потапово. Каменная церковь 1757 г.

(Рис. 24).

Доложено отношеніе Ярославской архивной коммиссіи отъ 15 сентября 1907 г. съ ходатайствомъ о защитѣ названной церкви, которую предполо-

Рис. 24. Потаповская церковь, Ярославской губ., 1757 г.

жено разобрать для устройства ограды кругомъ новаго храма, между тѣмъ она «въ высокой степени оригинальна и интересна по своему стилю, весьма рѣдкому для Ярославской губ., и заслуживаетъ полнаго сохраненія». Въ этомъ смыслѣ комиссія уже дала заключеніе на запросъ дух. консисторіи. Комиссія проситъ настоять на приведеніи церкви въ соотвѣтствующій ея значенію видъ.

Потаповская церковь по своей оригинальности и красотѣ вызвала общее вниманіе и участіе.

Постановлено: признать церковь важнымъ памятникомъ старины и просить о непремѣнномъ и тщательномъ ея сохраненіи.

XII. Владимірской губ., Гороховецкаго у., с. Верхній Ландехъ. Деревянная кладбищенская церковь 1780 г.

(Рис. 25).

Доложено отношеніе Владимірской дух. консисторіи отъ 15 сентября 1907 г. съ изложеніемъ ходатайства крестьянъ нѣсколькихъ деревень прихода с. Верхній Ландехъ и крестьянъ одной деревни прихода с. Нижній Ландехъ о

Рис. 25. Верхне-Ландехская кладбищенская церковь 1780 г.

перенесеніи кладбищенской деревянной церкви перваго села въ д. Старилово, въ виду дальности разстоянія этихъ деревень отъ приходской церкви.

Обсуждался вопросъ, какъ можетъ отозваться переносъ церкви на ея сохранности. Было высказано мнѣніе, что церковь слѣдуетъ перенести именно ради ея сохранности, но послѣдовали возраженія, что церковь при переносѣ утратитъ весь характеръ старины, что она по размѣрамъ удобна лишь для кладбища, а не для прихода, и потому на новомъ мѣстѣ не продержится долго, что въ настоящемъ видѣ она заботливо охранена. Отмѣчена неясность, съ какими намѣреніями предположено перенести церковь, и согласенъ ли приходъ уступить ее.

Постановлено: перенесеніе церкви не разрѣшать до полученія дополнительныхъ свѣдѣній.

XIII. Калишской губ., Слупецкаго у., д. Лендъ. Каменный костелъ съ остатками монастыря XII в.

(Рис. 26).

Доложены: 1) Отношенія Департамента Иностр. Исповѣданій М. В. Д. отъ 16 ноября 1906 г. и отъ 20 іюня 1907 г. съ препровожденіемъ проекта ремонта костела, чертежей и плохихъ фотографическихъ снимковъ со стѣнописи. По проекту предположена починка крыши (уже разрѣшенная въ 1906 г.) и исправленіе стѣнописи.

2) Статья Лучкевича о древней каплицѣ костела, изъ Sprawozdania Komisyi do bad. hist. sztuki w Polsce t. III, z. IV.

Постановлено: просить заключенія отъ Варшавскаго Общества охраненія древностей.

Рис. 26. Лендскій костелъ XVII в. съ остатками монастыря XII в.

XIV. Виленской губ., г. Троки. Гедиминовъ замокъ и зданіе доминиканскаго монастыря XVII в.

Доложены: 1) Заявленіе В. А. Шукевича отъ 28 апрѣля 1907 г. о томъ, что въ Трокахъ для полученія строительнаго матеріала разрушаются названныя строенія, «драгоцѣннѣйшіе памятники нашей древности».

2) Отзывъ Виленскаго губернатора отъ 22 мая 1907 г., въ коемъ доводится до свѣдѣнія Имп. Археолог. Коммиссіи, что разбирается одно изъ вполнѣ ветхихъ зданій упраздненнаго въ 1863 г. доминиканскаго монастыря, совершенно не пригодное для перестройки, и что разборка производится по порученію Трокскаго церковнаго попечительства, которому зданія эти принадлежатъ, и съ разрѣшенія Литовской дух. консисторіи отъ 6 апрѣля 1905 г. Губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о неприкосновенности прилегающей къ разбираемому зданію древней стѣны. Объ изложенномъ губернаторъ уже сообщилъ Виленскому Обществу друзей наукъ, которое еще 10 апрѣля 1907 г. ходатайствовало о защитѣ будто бы разрушаемыхъ стѣнъ Трокскаго замка.

3) Справка о томъ, что отношеніемъ отъ 14 іюня с. г. Археологическая Коммиссія просила Виленскаго губернатора сдѣлать распоряженіе о пріостановкѣ разборки стѣнъ и доставленіи фотографическихъ снимковъ.

4) Четыре фотографическіе снимка съ разбираемыхъ стѣнъ, доставленные при отношеніи г. губернатора отъ 15 сентября.

Постановлено: а) разъяснить Литовской дух. консисторіи, что безъ вѣдома Имп. Археологической Коммиссіи нельзя было разрѣшать разборку зданій доминиканскаго монастыря, какъ памятника древности, б) признать разбираемое зданіе не имѣющимъ археологическаго значенія, в) просить отзыва В. А. Шукевича о томъ, не заслуживаютъ ли разбираемыя стѣны, по какимъ либо мѣстнымъ соображеніямъ, охраны.

XV. Г. Азовъ. Ворота бывшей турецкой крѣпости.

Доложено отношеніе Департамента Общихъ Дѣлъ М. В. Д. отъ 8 октября 1907 г. съ препровожденіемъ переписки по поводу ремонта воротъ, начавшейся въ 1876 г., и проекта укрѣпленія ихъ, представленнаго Азовскимъ городскимъ головою. Представлены чертежи, фотографическіе снимки и смѣта. Трещина, образовавшаяся въ сводѣ, объясняется проникаціемъ воды сверху. Сводъ предполагается прикрыть землею, для удержанія которой проектируется устроить опорныя стѣнки.

Постановлено: предложить убрать контрфорсы, укрѣпить фундаментъ, залить трещину, прикрыть ворота черепицей.

XVI. Г. Москва. Зданіе стараго Московскаго университета.

Оглашено устное заявленіе архитектора А. В. Щусева о томъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, предполагается переустройство зданія стараго университета.

Постановлено: запросить ректора Московскаго университета.

Засѣданіе 7 ноября 1907 г.

I. Владимірской губ. г. Юрьевъ. Георгіевскій соборъ 1152—1234 г.

Доложена брошюра протоіерея А. Знаменскаго «Георгіевскій соборъ въ г. Юрьевѣ. Реставрація и построеніе новаго соборнаго храма. 1906 г.», и просьба его, не найдетъ ли Археологическая Коммиссія возможности придти на помощь построенію новаго храма, предпринятому въ видахъ реставраціи древняго Георгіевскаго собора. (Дѣло 1897 г. № 227).

Постановлено: отвѣтить, что просьба о. Знаменскаго оглашена между членами реставраціонныхъ засѣданій Императорской Археологической Коммиссіи.

II. Радомской губ. г. Сандоміръ. Костелъ св. Іакова 1200 г.
(Рис. 27 и 28).

Доложены: 1) Отношенія отъ 24 апрѣля и 26 октября 1907 г. Сандомірской епархіальной консисторіи съ препровожденіемъ проекта ремонта костела, погорѣвшаго въ 1905 г. Отремонтированы должны быть всѣ погорѣвшія части, подъ наблюденіемъ инженера Сиг. Сломинскаго и съ участіемъ Варшавскаго Общества охраны памятниковъ древности.

2) Статья Лучкевича о костелѣ въ «Sprawozdania Komm. do bad. hist. sztuki w Polsce», II, 27—52.

3) Заключеніе П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго костелъ въ маѣ 1907 г. «Сравненіе чертежей реставраціи Лучкевича съ моими фотографическими снимками и представленными изъ Сандоміра чертежами костела въ нынѣшнемъ видѣ достаточно выясняетъ позднія наслоенія. Въ XVII в. столбы усилены въ среднемъ нефѣ и устроены анты въ хорѣ спеціально для сооруженія сводовъ, которые почти на половину закрыли окна, вслѣдствіе чего вмѣсто прежнихъ высокихъ оконъ были сдѣланы овальныя, въ соотвѣтствіи со сводами, но безъ всякаго соотвѣтствія со старыми окнами, изъ коихъ многія сохранились, хотя и замурованы. Боковые нефы перекрыты сводами неодинаковой высоты (въ лѣвомъ нефѣ ниже, чѣмъ въ правомъ). Первоначально всѣ нефы

Рис. 27. Сандомірскій костелъ св. Іакова 1200 г.

были перекрыты деревянными стропилами, гнѣзда для которыхъ сохранились, и стѣны не были оштукатурены, такъ какъ въ обнаженной кладкѣ наблюдается тщательная раздѣлка и раскраска швовъ между кирпичами, въ аркахъ же каждый кирпичъ раскрашенъ въ видѣ стрѣльчатой арочки. Размѣры кирпича $1^3/_4 \times 2^1/_4 \times 6$ вершк., въ позднемъ же заборѣ попадаются кирпичи необычайно большіе и, несмотря на то, превосходно обожженные, размѣровъ $4^1/_4 \times 8^1/_8$ вершк. (длина неизвѣстна). Древней стѣнописи нѣтъ. Подъ позднѣйшею штукатуркою кое-гдѣ, и даже снаружи, открылась живопись XVIII в., невысокаго достоинства. Предполагается лишь необходимый ремонтъ, къ разрѣшенію коего препятствій не вижу». Представлены исполненные г. Покрышкинымъ фотографическіе снимки. (Дѣло 1907 г. № 51).

Рис. 28.

Выражено удовольствіе, что отличный Сандомірскій костелъ нуждается лишь въ ремонтѣ. Особенное вниманіе возбудило внутреннее убранство его красотою и пропорціональностью частей (см. рис. 28). Такъ какъ наружная роспись не обна-

ружена, то признано невозможнымъ судить объ ея достоинствахъ и недостаткахъ. По замѣчанію Е. А. Сабанѣева, произведенное въ древности переустройство частей стараго зданія иногда придаетъ ему своеобразную прелесть.

Постановлено: 1) предположенный ремонтъ разрѣшить, 2) просить не отбивать наружную штукатурку костела, на случай возможной въ будущемъ реставраціи находящейся здѣсь росписи.

III. Ярославской губ. Ростовскаго у. Борисоглѣбскій монастырь XVI в.

(Рис. 29 и 30).

Доложены: 1) Запросъ Археологической Коммиссіи въ августѣ 1905 г. о времени поздней пристройки для помѣщенія лѣстницы и сѣней между игуменскимъ корпусомъ и алтаремъ Благовѣщенской церкви, а также о томъ, съ чьего разрѣшенія она сдѣлана. Запросъ этотъ не былъ отправленъ въ виду болѣзни, а затѣмъ смерти игумена Ювеналія. Запросъ былъ вызванъ донесеніемъ П. П. Покрышкина, бывшаго въ монастырѣ для осмотра новой росписи, въ которомъ, между прочимъ, излагается: «Осмотрѣвъ зданія монастыря, я пришелъ къ печальному выводу, что въ недавнее время обстроены алтари Благовѣщенской церкви безобразною клѣткою для лѣстницы въ архимандричьи кельи, а дивныя монастырскія башни и стѣны обстраиваются грязными лавченками. Крайне желательно уничтоженіе этой лѣстницы, а равно и цѣлаго ряда торговыхъ лавокъ и кладовыхъ снаружи монастырскихъ стѣнъ».

2) Сообщеніе Ярославской дух. консисторіи отъ 24 октября 1906 г. о томъ,

Рис. 29. Борисоглѣбскій монастырь Ростовскаго у. XVI в.

что въ текущемъ году произведены, безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства, передѣлки въ сѣверо-восточной башнѣ монастыря, именно: возстановлены прежнія двери, замѣненъ старый потолокъ новымъ, несгараемымъ, а внутри монастыря къ башнѣ сложена каменная пристройка для пекарни, помѣщавшейся до того въ самой башнѣ. При сообщеніи приложенъ чертежъ башни и объяснительная записка губернскаго инженера Кузьмина, въ которой указывается, что новыя передѣлки ничѣмъ не угрожаютъ прочности башни и не измѣняютъ ея вида; окна и двери въ башнѣ существуютъ болѣе 50 лѣтъ. При отношеніи отъ 9 ноября 1906 г. доставленъ фотографическій снимокъ пристройки къ башнѣ со стороны монастырскаго двора (рис. 30).

Рис. 30. Уголъ стѣны въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ съ пристройкою.

3) Увѣдомленіе Археологической Коммиссіи отъ 25 ноября 1906 г. о томъ, что новая пристройка, произведенная произвольно и обезображивающая башню, должна быть обязательно уничтожена и что для осмотра всѣхъ новыхъ пристроекъ монастыря прибудетъ академикъ архитектуры Е. А. Сабанѣевъ.

4) Записка Е. А. Сабанѣева о произведенномъ имъ лѣтомъ 1907 г. осмотрѣ новыхъ пристроекъ монастыря: «Новая каменная постройка съ пекарнею внутри ограды с.-в. башни сооружена весьма небрежно. Дымовая труба въ пересѣченіи потолка должной кирпичной раздѣлки не имѣетъ и въ виду ежедневной усиленной топки врядъ-ли можетъ быть признана безопасною въ пожарномъ отношеніи. Рядомъ съ пекарнею вдоль стѣны построены отхожія мѣста, одно каменное, другое деревянное, очевидно, недавняго устройства или ремонта. Этими мѣстами монастырь не пользуется, а они устроены для трактира, примыкающаго къ наружной стѣнѣ ограды. Затѣмъ идутъ далѣе всевозможныя пристройки, навѣсы, кладовыя и т. д.,

которыя не только заслоняютъ собою чудную стѣну ограды, но положительно обезображиваютъ весь внутренній видъ послѣдней. При этомъ долженъ замѣтить, что, по моему мнѣнію, многія изъ упомянутыхъ пристроекъ возведены недавно. Одна лишь сторона ограды (именно восточная) и половина южной еще не застроены и сохраняютъ свой прежній видъ. Не лучше обстоитъ дѣло съ лицевою стороною ограды. Самая богатая по своей обработкѣ сѣверная сторона, со своими удивительными башнями и входными вратами, застроена сплошь каменными рядами лавокъ и трактиромъ, а въ самыхъ вратахъ и рядомъ съ ними построены часовни, которыя своимъ безвкуснымъ и даже прямо антихудожественнымъ видомъ разрушаютъ все впечатлѣніе чуднаго зодчества XVII вѣка. Остальныя стороны ограды еще не застроены, но съ западной стороны стоило лишь поставить контрфорсы для поддержанія стѣны, какъ промежутокъ между ними уже быстро забранъ и обращенъ въ кладовыя для сдачи въ наймы, и рядомъ для той же цѣли пристроена, весьма недавно, деревянная клѣтушка. Съ восточной стороны, противъ кельи основателя монастыря, имѣется небольшая деревянная часовня, кстати сказать, весьма безвкусной архитектуры. На мой запросъ, зачѣмъ всѣ эти пристройки надѣланы и притомъ еще безъ надлежащаго разрѣшенія, настоятель монастыря игуменъ Антоній указалъ, что пекарня, а также другія недавнія постройки воздвигнуты не имъ, а его предшественникомъ, но что и онъ видитъ въ нихъ необходимость, такъ какъ монастырь весьма бѣденъ и принужденъ изыскивать средства для своего существованія. Мною также былъ осмотрѣнъ соборъ во имя свв. князей Бориса и Глѣба, въ которомъ воспроизведена настѣнная живопись. Новая живопись хотя и исполнена не безъ вкуса въ академическомъ стилѣ, но нельзя не признать, что она ничего общаго съ характеромъ иконостаса и съ постройкою собора не имѣетъ. Считаю долгомъ, сверхъ того, довести до свѣдѣнія Археологической Коммиссіи, что по западной стѣнѣ ограды появились вертикальныя трещины и часть стѣны получила наклонъ внаружу; для сохраненія ея надлежитъ принятъ своевременно мѣры. Въ заключеніе прихожу къ убѣжденію, что если Императорскою Археологическою Коммиссіею не будутъ приняты самыя рѣшительныя мѣры къ огражденію зданія монастыря отъ самовольныхъ построекъ, передѣлокъ и украшеній, то въ скоромъ времени будетъ утерянъ одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ древне-русскаго зодчества». (Дѣла 1900 г. № 49 и 1898 г. № 170).

Постановлено: 1) Признать всѣ новѣйшія пристройки кругомъ стѣнъ монастыря и внутри вредными для зданій, искажающими его красоту, недо-

пустимыми для его достоинства и противорѣчащими ст. 78, 92 и 108 Строит. Устава. 2) Потребовать чрезъ Св. Синодъ, въ первую очередь, удаленія въ возможно непродолжительный срокъ, не позднѣе лѣта 1908 г., изъ стѣнъ монастыря пекарни и слесарни, снесенія построекъ между наружными контрфорсами, уничтоженія навѣса для дровъ и переустройства отхожихъ мѣстъ. 3) Произвести слѣдствіе, въ случаѣ необходимости при посредствѣ св. Синода, о томъ, кто именно является виновнымъ въ допущеніи пристроекъ, оскорбляющихъ святыни монастыря и противныхъ Строительному Уставу. 4) Въ связи съ этимъ слѣдствіемъ своевременно возбудить предъ св. Синодомъ вопросъ о перенесеніи отъ стѣнъ монастыря на иное мѣсто всѣхъ позднѣйшихъ пристроекъ.

IV. Ярославской губ. г. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Крестовоздвиженскій соборъ XVI вѣка.

Е. А. Сабанѣевъ доложилъ, что лѣтомъ настоящаго (1907) года онъ замѣтилъ совершенно новую небольшую каменную пристройку къ собору и посовѣтовалъ немедленно убрать ее, что церковнымъ старостой тотчасъ же было исполнено. (Дѣло 1899 г. № 206).

Постановлено: внести въ протоколъ засѣданія.

V. Ярославской губ. г. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Каменный Воскресенскій соборъ 1652 г.

Заслушанъ докладъ Е. А. Сабанѣева: «Подъ моимъ наблюденіемъ была начата реставрація наружныхъ клеймъ собора и нѣкоторыхъ находящихся въ немъ иконъ. Реставрація передана мастеру Дикареву, извѣстному своимъ знаніемъ и опытностью въ этомъ дѣлѣ. Хотя ко 2-му октября, времени моего отъѣзда изъ Романова, вся реставрація не была кончена, тѣмъ не менѣе могу засвидѣтельствовать, что, судя по началу работы иконъ и окончанію нѣкоторыхъ наружныхъ клеймъ, дѣло реставраціи будетъ окончено вполнѣ удовлетворительно. Считаю долгомъ при семъ доложить, что при посѣщеніяхъ собора мною была усмотрѣна въ с.-з. его углѣ деревянная пристройка, служащая кладовою, затѣмъ съ той же стороны арки нижней открытой паперти грубо забраны досками, что обезображиваетъ общій видъ зданія, и наконецъ, въ с.-з. углу подъ папертью устроено помѣщеніе для сторожа, изъ котораго выведена дымовая труба въ стѣнѣ второго этажа паперти, что въ зимнее

время положительно разрушаетъ живопись внутри послѣдней. По моему мнѣнію, слѣдуетъ потребовать немедленнаго уничтоженія пристроенной деревянной кладовой, какъ незаконно произведенной, разобрать доски въ аркахъ нижней паперти, замѣнивъ ихъ, если въ томъ является потребность, рамами со стеклами, а помѣщеніе для сторожа въ зданіи собора уничтожить, предложивъ построить спеціальную сторожку въ сторонѣ у церковной ограды. На сдѣланныя мною въ этомъ смыслѣ предложенія причтъ собора, какъ мнѣ казалось, возраженій не имѣлъ».

Постановлено: потребовать исполненія перечисленныхъ въ докладѣ г. Сабанѣева указаній. (Дѣло 1906 г. № 77).

VI. Ярославской губ. Ростовскаго у., с. Погорѣлово. Каменная церковь 1682 г.

(Рис. 31).

Доложено заявленіе Е. А. Сабанѣева, что при церкви оказалась еще другая деревянная пристройка, которую также слѣдовало бы убрать. (Д. 1906 г. № 129).

Постановлено: потребовать, чтобы при ремонтѣ церкви была убрана и другая деревянная пристройка.

Рис. 31. Церковь с. Погорѣлова Ростовскаго у. 1682 г.

VII. Ярославской губ. Угличскаго у. Дивногорская пустынь. Каменный храмъ 1694 г.

(Рис. 32 и 33).

Рис. 32. Церковь Дивногорской пустыни съ с.-в. стороны.

Заслушанъ нижеслѣдующій докладъ Е. А. Сабанѣева: «Живопись въ верхней церкви исполнена заново въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, весьма плоха и нехудожественна. Къ сожалѣнію, подъ слоемъ густо нанесенной краски нигдѣ не имѣется слѣдовъ прежней живописи, такъ что о какомъ-либо возстановленіи послѣдней не можетъ быть и рѣчи. Въ виду бѣдности церкви и невозможности получить болѣе или менѣе порядочную живопись, лучшимъ исходомъ было бы окрасить всѣ стѣны однимъ тономъ. Что касается досчатой надстройки надъ открытою папертью съ сѣверной стороны церкви, произведенной въ весьма недавнее время, то слѣдуетъ потребовать ея уничтоженія. При этомъ было бы желательно обязать причтъ исправить всѣ испорченныя мѣста и детали стѣны, въ которой были пробиты гнѣзда для установки стропилъ сказанной над-

Рис. 33. Дивногорская пустынь.

стройки. Вслѣдствіе небрежности, съ которою произведена была надстройка, многія интересныя детали двери и оконъ сильно поломаны. Настоятелю церкви мною было объяснено, что предполагаемая имъ каменная надстройка надъ папертью для увеличенія площади верхней церкви врядъ-ли будетъ разрѣшена, такъ какъ этимъ видоизмѣнится первоначальный типъ церкви».

Церковь признана весьма интереснымъ памятникомъ старины, требующимъ заботливаго вниманія и охраны. Г. Сабанѣевъ находитъ ее «восхитительною».

Постановлено: 1) предоставить усмотрѣнію причта и старосты переписать настѣнныя изображенія, или же прикрыть ихъ краскою, 2) потребовать снятія деревянной пристройки съ сѣверной стороны, причемъ попорченныя ею мѣста просить замѣнить шаблоннымъ кирпичомъ, а верхъ каменной пристройки прикрыть асфальтомъ и снабдить вынусками сквозь парапетъ помощью глиняныхъ трубъ. (Дѣло 1906 г. № 106).

VIII. Воронежской губ. Валуйскаго у., с. Большія Липяги. Деревянная церковь 1699 г.

(Рис. 34).

Церковь построена первоначально въ. г. Валуйкахъ, по преданію, на средства, пожалованныя Петромъ Великимъ, и по его рисунку. Въ 1862 г. она пріобрѣтена за 3000 руб. жителями с. Липягъ и, съ разрѣшенія св. Синода,

Рис. 34. Большія Липяги Валуйскаго у. Церковь 1699 г.

перенесена въ это село «безъ всякаго измѣненія плана», но при этомъ южный, сѣверный и западный придѣлы, за ветхостью лѣса, построены изъ новаго матеріала въ прежнемъ видѣ. Въ 1905 г. въ Археологическую Коммиссію былъ препровожденъ проектъ расширенія церкви съ пристройкою колокольни, который, однако, не былъ одобренъ, какъ не соотвѣтствующій древнему устройству храма; Коммиссія препроводила свой эскизъ колокольни.

Доложено отношеніе Хозяйств. Управленія Св. Синода отъ 10 октября 1907 г. съ препровожденіемъ новаго проекта. (Дѣло 1905 г. № 97).

Постановлено: 1) въ виду неясности представленнаго чертежа запросить чертежъ устройства хоръ въ существующей церкви и свѣдѣнія, для какой цѣли они служили; 2) проектъ устройства колокольни и трапезы утвердить, съ условіемъ, чтобы обшивка ихъ досками исполнена была по образцу обшивки церкви и чтобы широкія окна пристроекъ были замѣнены двойными узкими.

IX. Вологодской губ., Вельскаго у., с. Орловское. Деревянная Богоявленская церковь 1756 г.

(Рис. 35 и 36).

Доложены: 1) Отзывъ Вологодской дух. консисторіи отъ 13 октября

Рис. 35 и 36. Церковь въ с. Орловскомъ Вельскаго у. 1756 г.

1907 г., на запросъ Коммиссіи отъ 27 іюня того же года, вызванный заявленіемъ Д. В. Милѣева о предстоящей разборкѣ церкви. По отзыву, церковь стоитъ на подмываемомъ берегу р. Устьи, ветха и угрожаетъ паденіемъ, почему и предназначена къ уничтоженію. Иконостасъ и внутреннее убранство церкви вынесены во время пожара сосѣдней Николаевской церкви въ 1861 г., а трапеза уничтожена, съ разрѣшенія епархіальной власти, въ 1886 г.

2) Заявленіе Д. В. Милѣева, что срубъ церкви очень проченъ и что хотя берегъ рѣки близко, но пока онъ не угрожаетъ цѣлости зданія. (Дѣло 1904 г. № 150).

Постановлено: 1) признать церковь весьма интересною по превосходнымъ пропорціямъ, а наклонъ ея не имѣющимъ угрожающаго значенія, 2) просить причтъ и старосту принять мѣры противъ дальнѣйшей неправильной осадки церкви и отремонтировать ее для богослуженія.

X. С.-Петербургской губ. Петергофскаго у., пог. Медуши. Каменная церковь 1766 г.

Церковь построена графомъ Р. И. Воронцовымъ и Алекс. Ранцовымъ; сложена изъ плиты, куполъ деревянный, церковь о 4-хъ главахъ. Отношеніями отъ 30 октября 1906 г. и 12 января 1907 г. дух. консисторія препроводила ходатайство причта и старосты о разрѣшеніи снять, по причинѣ тѣсноты, 2 придѣльные алтаря, вмѣсто досчатаго устроить бревенчатый куполъ, перекрасить потолки и произвести нѣкоторыя иныя ремонтныя работы въ храмѣ; представлены были фотографическіе снимки и проектъ ремонта, который и былъ разрѣшенъ, съ условіемъ сохраненія прежнихъ формъ и старыхъ крестовъ.

Доложено отношеніе дух. консисторіи отъ 15 октября 1907 г. о томъ, что при разборкѣ куполовъ обнаружена порча потолочныхъ досокъ, балокъ, стропилъ и башмаковъ и что купола держались лишь покрывавшимъ ихъ желѣзомъ, вслѣдствіе чего ремонтъ церкви пришлось произвести болѣе широкій, чѣмъ предполагалось раньше.

Обращено вниманіе на изящество поздней колокольни. Г. И. Котовъ сдѣлалъ замѣчаніе, что изящество колоколенъ и башенъ въ концѣ концовъ сводится къ красотѣ ихъ силуэта. (Дѣло 1906 г. № 132).

Постановлено: увѣдомить, что произведенный въ церкви ремонтъ при удобномъ случаѣ будетъ, по порученію Археологической Коммиссіи, осмотрѣнъ спеціалистомъ.

XI. Владимірской губ. г. Переяславль. Крестовоздвиженская церковь 1785 г.

(Рис 37).

Причтъ и староста названной церкви обратились въ мѣстную дух. консисторію съ просьбою разрѣшить замѣну стараго иконостаса въ придѣлѣ св. ве-

Рис. 37. Иконостасъ Переяславской Крестовоздвиженской церкви.

ликомученицы Варвары новымъ. Консисторія, находя, что иконостасъ красивъ, оригиналенъ и довольно проченъ, отказала въ удовлетвореніи этого ходатайства и предложила убѣдить жертвователя употребить средства на позолоту стараго иконостаса, безъ малѣйшаго измѣненія его вида. Отношеніемъ отъ 25 октября

1907 г. консисторія увѣдомила Имп. Арх. Коммиссію, что, по донесенію причта, жертвователь настаиваетъ на исполненіи своего первоначальнаго намѣренія и скорбитъ, какъ скорбитъ и причтъ, опасаясь лишиться жертвы, которой ждали много лѣтъ. По увѣренію причта, позолота и краска на иконостасѣ совсѣмъ слиняли, царскія двери покоробились, иконы въ нихъ едва держатся и вообще онъ не гармонируетъ съ благолѣпіемъ всего храма. (Дѣло 1907 г. № 143).

Г. И. Котовъ нашелъ, что иконостасъ устроенъ въ провинціальномъ стилѣ Людовика XVI-го. Б. В. Фармаковскій сдѣлалъ замѣчаніе, что уничтожать памятникъ старины только на томъ основаніи, что имѣется пожертвованіе на устройство новаго иконостаса, не слѣдуетъ, такъ какъ нельзя же жертвовать памятниками древности за деньги. Доложено, что Владимірская дух. консисторія уже не въ первый разъ проявляетъ заботливое отношеніе къ памятникамъ мѣстной старины, во время охраняя ихъ отъ уничтоженія и искаженія.

Постановлено: 1) замѣны иконостаса новымъ не разрѣшать, 2) Владимірскую дух. консисторію благодарить за охрану памятниковъ церковной старины въ епархіи отъ искаженія.

XII. Вологодской губ. Сольвычегодскаго у., с. Пучуга. Деревянная Петропавловская церковь 1788 г.

(Рис. 38).

Отношеніемъ отъ 11 февраля 1899 г. Вологодская дух. консисторія препроводила проектъ перенесенія на иное мѣсто этой церкви, такъ какъ храму угрожаетъ подмывъ водою; при перенесеніи предположено нѣкоторое уменьшеніе размѣровъ трапезы въ виду того, что въ лѣсныхъ дачахъ уже не имѣется лѣса требуемой толщины. Постановленіемъ 17 февраля 1899 г. Археологическая Коммиссія разрѣшила перенести церковь, но безъ всякаго измѣненія ея вида и размѣровъ. Когда церковь была разобрана, то оказалось, что всѣ углы зданія попорчены, а болонь бревна сгнила отъ времени на толщину вершка. Отношеніемъ отъ 11 декабря 1905 г. причтъ и староста церкви просили разрѣшенія Коммиссіи снять болонь и укоротить трапезу на 1 саж., такъ какъ иначе пришлось бы употребить сростные вѣнцы. Основываясь на заключеніи Д. В. Милѣева, изучавшаго церковь на мѣстѣ, Коммиссія просьбу эту удовлетворила, съ условіемъ тщательнаго сохраненія всего внутренняго наряда церкви (двухъ рѣзныхъ колоннъ, очень интереснаго и рѣдкаго портала и скамей), какъ представляющаго особый интересъ. По заявленію г. Милѣева, мѣстный священникъ

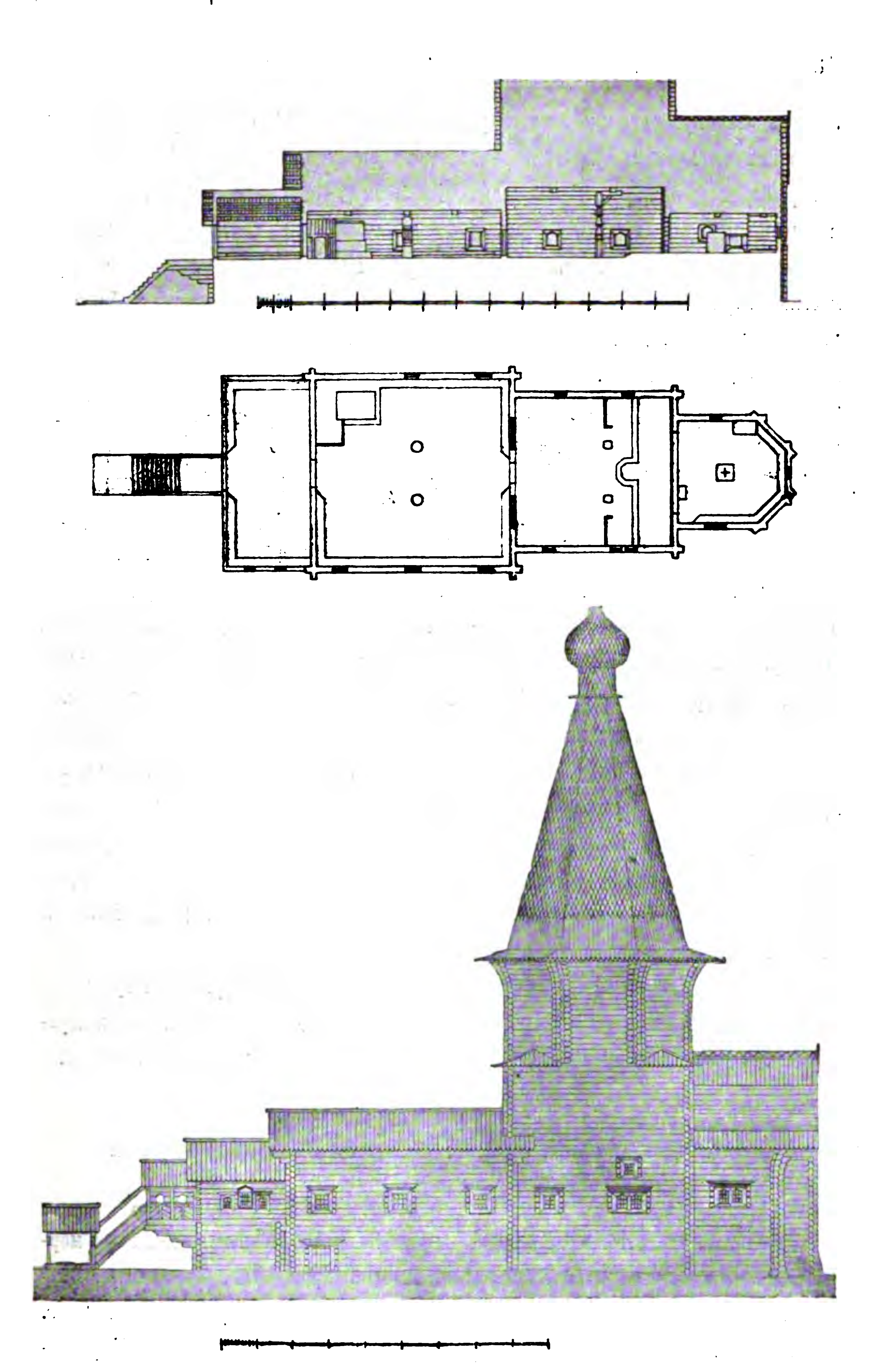

Рис. 38. Церковь с. Пучуги Сольвычегодскаго у., 1788 г.

любитъ старину, не допуститъ современнаго «благолѣпія» въ церковь и возстановитъ ея прежній чарующій видъ, хотя онъ же, по невѣдѣнію, нѣсколько попортилъ ее закупориваніемъ оконъ. 15 іюня 1906 г. Коммиссія имѣла возможность препроводить въ Пучугу для руководства при сборкѣ частей чертежи церкви, составленные г. Милѣевымъ, который видѣлъ самыя работы по перенесенію церкви и сообщилъ о нихъ слѣдующія свѣдѣнія: «Церковь собирается на новомъ мѣстѣ, дальше отъ берега, подмываемаго Двиной. Во время моего пребыванія въ Пучугѣ церковь была собрана до уровня потолка трапезной; такимъ образомъ оставался еще сборъ восьмерика и шатра. Я произвелъ обмѣръ собранной части церкви и все нашелъ согласнымъ съ моими обмѣрами. Измѣненія коснулись трапезной, именно уменьшенъ ея планъ на 1 саж. по длинѣ. Остальные размѣры сохранены въ точности съ прежними. Лѣсъ прежней церкви, по снятіи тонкаго слоя оболони, оказался вполнѣ крѣпкимъ и съ полнымъ успѣхомъ пошелъ вновь въ дѣло. Мѣстами допущены сростныя бревна, что, полагаю, особеннаго значенія не имѣетъ. Бревна выносной карнизной части восьмерика оказались въ полной сохранности и цѣликомъ пойдутъ на прежнее мѣсто. Весь срубъ ставится на кирпичномъ фундаментѣ. Общее впечатлѣніе отъ переборки заново этой святыни старины осталось у меня самое отрадное. Прежде всего, я видѣлъ у крестьянъ и строителей глубокій интересъ къ сохраненію всего въ прежнемъ видѣ и умѣлое пониманіе чертежей по моимъ обмѣрамъ и фотографическихъ снимковъ, согласно которымъ ведутся всѣ работы. Передо мной воскресала чарующая картина древняго строительства на Руси, когда строители дѣлали все «по угожеству, какъ надлежитъ». (Дѣло 1899 г. № 38).

Постановлено: сообщить чрезъ духовную консисторію причту и старостѣ благодарность за достойную всякихъ похвалъ добросовѣстность при переустройствѣ церкви и препроводить имъ копію съ заключенія Д. В. Милѣева.

XIII. Херсонской губ. г. Очаковъ. Соборъ 1788 г.

(Рис. 39).

Доложенъ отвѣтъ Духовнаго Управленія протопресвитера военнаго и морского духовенства отъ 23 октября 1907 г. на запросъ Имп. Археологич. Коммиссіи по поводу переустройства собора, что онъ отремонтированъ въ 1905 г. съ вѣдома о. протопресвитера распоряженіемъ Главнаго Инженернаго Управленія. Изъ донесеній настоятеля собора и начальника инженеровъ Очаковской

Рис. 39. Очаковскій военный соборъ до перестройки.

крѣпости видно, что церковь пришла въ такой неблагообразный видъ, что стала непригодною; деревянныя связи сгнили и стѣны треснули. Церковь перестроена изъ мечети, къ которой пристроены были алтарь и притворъ, а минаретъ обращенъ въ колокольню, которую по ветхости также нельзя было оставлять. Въ 1906 г. построена новая колокольня на мѣстѣ притвора, разобранъ минаретъ, надстроена вся кладка кирпичемъ на аршинъ, а надъ срединой болѣе сажени, пробиты новыя окна, задѣланы старыя, устроены 2 кирпичныя арки вмѣсто бывшихъ колоннъ съ балками, возведенъ новый куполъ на желѣзныхъ фермахъ вмѣсто деревяннаго сруба, обшитаго досками подъ краску, замѣнены деревянные полы, устроены три главы, замѣненъ старый иконостасъ новымъ, уничтожены картины извѣстнаго художника Судковскаго, пришедшія въ жалкій видъ, и пр.

Выражено сожалѣніе, что работы Судковскаго закрашены; онѣ могли быть интересны и изображеніями, и ландшафтами. Появленіе этихъ картинъ объяснено тѣмъ, что отецъ художника былъ настоятелемъ данной церкви. По указанію Б. В. Фармаковскаго, хорошо знающаго г. Очаковъ, передѣланная церковь была тамъ единственнымъ памятникомъ старины, которому нельзя было отказать въ своеобразной оригинальности и даже изяществѣ.

Постановлено: обратиться къ св. Синоду и къ Военному Министру съ просьбами не отказать въ извѣщеніи о. протопресвитера и Главнаго Инженернаго Управленія о томъ, что церкви военнаго вѣдомства не исключаются изъ подчиненія Высочайшему повелѣнію отъ 11 марта 1889 г.

Засѣданіе 5 декабря 1907 г.

I. Смоленская стѣна, 1595—1602 г.

Доложены: 1) Запросъ Археологической Коммиссіи Смоленскому губернатору отъ 18 сентября 1907 г. о томъ, когда и съ чьего разрѣшенія разобраны части стѣны между Молоховскими воротами и башней Донцомъ и между Никольскими воротами и башней Евстафьевской.

2) Отвѣтъ Комиссіи по охранѣ Смоленской стѣны отъ 9 октября 1907 г., что разборка указанныхъ частей стѣны производится согласно смѣтѣ г. Маевскаго, утвержденной Техническо-Строительн. Комитетомъ М. В.Д. 19 ноября 1889 г. Для окончанія въ текущемъ году работы по исправленію частей между Троицкимъ проломомъ и церковью св. Тихона Задонскаго, самыхъ видныхъ, потребовалось до 50,000 кирпича, для полученія котораго и разобраны указанные Археологическою Коммиссіею участки. Комиссія добавляетъ, что въ цѣляхъ сохраненія стѣны на возможно большемъ протяженіи ею возбуждено ходатайство о разрѣшеніи употреблять на всѣ работы новый кирпичъ.

3) Отношеніе той же Комиссіи отъ 20 ноября 1907 г. съ просьбою командировать на ея засѣданія своихъ членовъ и съ ходатайствомъ о разрѣшеніи передать городу и земству въ пользованіе всѣ башни стѣны, какія эти учрежденія нашли бы для себя необходимыми. При отношеніи препровожденъ журналъ постановленій Комиссіи отъ 28 сентября 1907 г., намѣчающихъ рядъ новыхъ мѣръ къ охраненію стѣны. (Дѣло 1888 г. № 18).

А. А. Спицынъ, указавъ на то, что истекла большая половина смѣтнаго времени, назначеннаго на приведеніе Смоленскихъ стѣнъ въ должное состояніе, въ дѣйствительности же ремонтныя работы охватили лишь сравнительно небольшую часть ихъ, настаивалъ на необходимости коренного пересмотра вопроса о дальнѣйшей охранѣ этихъ стѣнъ и ихъ ремонтѣ.

Постановлено: имѣть сужденіе о передачѣ башенъ городу и земству и о дальнѣйшемъ планѣ работъ по охранѣ и ремонту стѣны по полученіи отъ Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д. ожидаемаго запроса и акта осмотра стѣны, произведеннаго 25—27 сентября 1907 г., по порученію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Н. В. Султановымъ.

II. Церковь св. Тихона Задонскаго въ Воскресенской башнѣ Смоленской стѣны.

Отношеніе Комиссіи по охранѣ Смоленской стѣны отъ 24 октября 1907 г. съ препровожденіемъ поступившаго къ ней ходатайства о разрѣшеніи за-

мѣны сломанной по ветхости кухни съ сѣнями при квартирѣ священника новою, по представленному проекту. Помѣщеніе священника находится въ нижнемъ этажѣ башни, а церковь во второмъ. (Дѣло 1888 г. № 18).

Присланные чертежи признаны недостаточными и неточными. Замѣчено, что башня, будучи заштукатурена при устройствѣ церкви, совершенно потеряла древній видъ и, вслѣдствіе отваливающейся штукатурки, имѣетъ очень неопрятную внѣшность.

Постановлено: 1) просимую пристройку разрѣшить, но проектъ фасада ея, представленный для одобренія, признать неудовлетворительнымъ, 2) для опредѣленія характера пристройки просить доставить фотографическій снимокъ башни и точные планы обоихъ этажей ея съ лѣстницами.

III. Г. Холмогоры. Спасо-Преображенскій соборъ, 1685 г.
(Рис. 40).

Доложены: 1) Устныя заявленія Д. В. Милѣева и В. А. Плотникова объ опасной трещинѣ, появившейся на южной стѣнѣ церкви.

2) Справка. Окна церкви увеличены въ 1759 г., когда были передѣланы и нѣкоторыя колонны въ иконостасѣ. Въ концѣ XVIII в. разобрана древняя паперть и замѣнена меньшею; тогда же, по перенесеніи каѳедры въ Архангельскъ, крыша была перекрыта тесомъ вгладь, при чемъ тесомъ же были задѣланы всѣ пазухи между закомарами. Въ 1821 г. перекрытъ плоско алтарь, покрытый до

Рис. 40. Г. Холмогоры. Преображенскій соборъ 1685 г.

того тремя «кубами». Въ послѣдній разъ соборъ былъ капитально ремонтированъ на средства св. Синода въ 1883—1884 гг. Трещина образовалась въ 1899 г. и двигается сверху внизъ. (Н. А. Шабунинъ, о передѣлкахъ въ Холмогорскомъ соборѣ. *Зодчій* 1906 г., № 10). (Дѣло 1907 г. № 155).

А. Н. Померанцевъ сообщилъ, что онъ видѣлъ трещину въ соборѣ лѣтъ 6 тому назадъ, и тогда она не имѣла угрожающаго характера. По его мнѣнію, причина появленія трещины заключается въ порчѣ фундамента, слабѣющаго вслѣдствіе того, что къ церкви идетъ легкій наклонъ мѣстности, по которому вода скатывается къ храму и задерживается здѣсь; весьма многіе храмы нашего времени страдаютъ отъ неимѣнія откосовъ для ската стекающей къ нимъ воды: откосы должны быть не меньше сажени шириною и поларшина глубиною.

Постановлено: обратить вниманіе причта на необходимость опредѣлить дѣйствительныя причины образованія трещины и затѣмъ подвергнуть церковь должному ремонту.

IV. Архангельской губ. Онежскаго у. с. Подпорожье. Деревянная Троице-Богоявленская церковь 1725 г.

(Рис. 41).

Доложены: 1) Отношенія Архангельской дух. консисторіи отъ 13 января и 30 ноября 1907 г. съ препровожденіемъ ходатайства прихожанъ разрѣшить разобрать церковь, какъ ветхую и малопомѣстительную. «Ремонтировать церковь для нихъ обременительно и безцѣльно». При изслѣдованіи, произведенномъ мѣстнымъ благочиннымъ, причтомъ и прихожанами, оказалось, что вслѣдствіе непрочности фундамента стѣны церкви, сложенныя изъ толстыхъ бревенъ, неравномѣрно осѣли, и болѣе всѣхъ нижняя (южная ?) стѣна, значительную осадку которой крестьяне приписываютъ

Рис. 41. С. Подпорожье. Церковь 1725 г.

обвалу берега. Фундаментъ церкви непроченъ, потому что церковь основана на камняхъ, положенныхъ только подъ углы стѣнъ; камни, очевидно, были положены прямо поверхъ земли, а теперь, подъ давленіемъ толстыхъ стѣнъ, неравномѣрно осѣли, и нижнія бревна, ушедшія въ землю, подгнили. Если производить ремонтъ церкви, то нужно укрѣпить надлежащимъ образомъ фундаментъ и поднимать стѣны, чтобы ихъ выровнять. Отъ южной стѣны церкви до берега р. Онѣги 9 саж.; берегъ высокій, глинистый, слабый. Для укрѣпленія верхняго слоя этого берега нѣсколько лѣтъ тому назадъ были вырыты внѣ церковной ограды три водосточныя канавы, одна вдоль церкви и двѣ поперечныя, для спуска воды въ рѣку. Что берегъ рѣки оплываетъ, обваливается, это дѣйствительно замѣтно: въ одномъ мѣстѣ видны были слѣды отвалившейся земли, очевидно въ нынѣшнюю весну; насколько убыло берега напр. въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, трудно опредѣлить, такъ какъ никто за этимъ не наблюдалъ. Въ распоряженіи епархіальнаго начальства нѣтъ средствъ не только на ремонтъ церкви, но даже на командированіе спеціалиста для осмотра ея и составленія смѣты на ея ремонтъ.

2) Заявленіе В. А. Плотникова, что линія берега рѣки еще далека отъ церкви, что берегъ въ общемъ крѣпокъ, такъ какъ хорошо сохраняются пробитыя въ немъ ступени; подъ берегомъ имѣется отмель, предохраняющая его отъ размыва, теченіе рѣки медленное. Высота берега не менѣе 10 саж.

3) Отношеніе Имп. Археологической Коммиссіи отъ 25 апрѣля 1907 г. въ духовную консисторію о томъ, что она отнюдь не можетъ согласиться на разборку церкви, въ виду ея высокихъ художественныхъ достоинствъ.—Въ приходѣ имѣется другая деревянная церковь, еще болѣе цѣнная въ художественномъ и археологическомъ отношеніяхъ, уже давно извѣстная по описанію В. В. Суслова («Памятники древн. русск. зодч.» VI, 14; фотографическіе снимки его въ библіотекѣ Академіи Художествъ №№ 86, 89 и 90). (Дѣло 1907 г. № 18).

Г. И. Котовъ замѣтилъ, что иногда и крѣпкіе глинистые берега осѣдаютъ, вслѣдствіе работы подземныхъ ключей. Церковь признана важною и требующею охраны.

Постановлено: увѣдомить консисторію, что церковь, видимо, не угрожаетъ паденіемъ, а берегъ быстрымъ размывомъ, что было-бы весьма желательно изыскать какія-либо мѣстныя средства для ея ремонта и что во всякомъ случаѣ ни ремонтъ, ни разборка церкви не могутъ быть разрѣшены безъ предварительнаго техническаго осмотра ея.

— —

V. Г. Архангельскъ. Воровская Успенская церковь 1744 г.
(Рис. 42 и 43).

Доложены: 1) Отношеніе Архангельской дух. консисторіи отъ 31 октября 1907 г. съ ходатайствомъ о разрѣшеніи произвести необходимыя работы по укрѣпленію колокольни церкви.

2) Актъ техническаго осмотра колокольни, составленный въ маѣ 1906 г. инженерами Г. Ф. Каціенко, А. А. Каретниковымъ и П. Г. Минейко, изъ котораго слѣдуетъ, что фундаментъ церковнаго зданія, по изслѣдованіи въ трехъ мѣстахъ, оказался бутовымъ, заложеннымъ на 2 аршина глубины на сваяхъ. Верхушки свай въ мѣстахъ вскрытія оказались въ большинствѣ совершенно истлѣвшими, такъ что между сваей и подошвой фундамента мѣстами свободно проходила рука. Для опредѣленія движенія шпица колокольни въ теченіе 14 мѣсяцевъ (съ 1 іюня 1906 г.) произведены были десятикратныя наблюденія теодолитомъ; колебаніе засѣкаемаго теодолитомъ угла доходило до 2 минутъ, главнымъ образомъ въ моментъ процессовъ промерзанія и оттаиванія почвы, но опредѣленныхъ выводовъ изъ указаннаго наблюденія не было получено. Бо̀льшую важность имѣло буреніе почвы близъ церкви, произведенное въ 1906 г. управленіемъ работъ по улучшенію Архангельскаго порта. Двѣ скважины были заложены по обѣимъ сторонамъ церкви, въ разстояніи 2—3 саж. отъ стѣнъ, и одна въ 5 саж. отъ церкви со стороны рѣки. Первыя двѣ скважины дали одинаковые разрѣзы: до двухъ саженъ глубины идетъ красная глина, маложирная, мягкая, но довольно однообразной консистенціи. Въ третьей скважинѣ съ глубины 1½ саж. стало замѣтно присутствіе песка, сопровождающаго сначала красную, а затѣмъ синюю глину

Рис. 42. Колокольня Успенской церкви.

Рис. 43. Г. Архангельскъ. Успенская церковь 1744 г.

отчасти тонкими прослойками, отчасти же въ общей однообразной массѣ, въ увеличивающемся количествѣ по мѣрѣ углубленія; съ глубины 3½ саж. глину смѣнилъ илъ, мѣстами значительной плотности, мѣстами довольно слабый, съ присутствіемъ большого количества песку. Буреніе доведено было до глубины 6 саж. Актомъ той же комиссіи отъ 1 авг. 1907 г. признано, что загниваніе верхушекъ свай фундамента объясняется неравномѣрнымъ стояніемъ грунтовыхъ водъ и что возможно движеніе верхнихъ глиняныхъ напластованій по наклону слоевъ, обнаруженному буреніемъ. «Управленію работъ по улучшенію порта приходится принимать постоянныя мѣры противъ сползанія откосовъ береговой полосы р. Сѣверной Двины и нѣсколько предотвращать это движеніе верхнихъ пластовъ грунта забойкою сплошныхъ рядовъ свай подъ откосомъ». Принятіе мѣръ противъ движенія пластовъ грунта комиссіею признается недостаточнымъ, укрѣпленіе фундамента—дорогимъ. «Въ общемъ итогѣ эти работы сложны, дороги и даже небезопасны и могутъ быть оправданы лишь обоснованнымъ законнымъ желаніемъ запечатлѣть и увѣковѣчить настоящее наклонное положеніе колокольни, какъ строительное чудо». Комиссія предлагаетъ разгрузить колокольню снятіемъ

двухъ верхнихъ ея ярусовъ, «если она не представляетъ изъ себя археологической и архитектурной цѣнности». (Дѣло 1907 г. № 144).

Церковь по своей красотѣ, стройности и по оригинальному смѣшенію русскихъ и голландскихъ архитектурныхъ формъ признана заслуживающею непремѣннаго сохраненія. А. Н. Померанцевъ, видѣвшій церковь, сообщилъ, что колокольня ея въ натурѣ не производитъ впечатлѣнія падающей. Не могъ быть рѣшенъ вопросъ, какимъ образомъ верхній этажъ наклонившейся колокольни занимаетъ правильное вертикальное положеніе; онъ могъ быть переложенъ, но могъ быть сложенъ въ такомъ видѣ и первоначально. Нѣкоторые изъ присутствующихъ спеціалистовъ находили возможнымъ достигнуть выпрямленія колокольни, хотя и признавали эту операцію весьма трудною.

Постановлено: потребовать дальнѣйшихъ техническихъ изслѣдованій фундамента и почвы и точные и подробные архитектурные чертежи церкви, съ изслѣдованіемъ, когда именно сложенъ былъ куполъ колокольни,—при самомъ сооруженіи ея, или же позднѣе.

Рис. 44. С.-Петербургъ. Иконостасъ Троицкаго собора.

VI. С.-Петербургъ. Троицкiй соборъ на Петербургской сторонѣ.

(См. стр. 11. Рис. 44).

Доложенъ проектъ устройства второго престола въ предѣлахъ существующаго алтаря, исправленный согласно замѣчанiямъ засѣданiя 3 октября 1907 г.

Въ виду незначительнаго искаженiя формъ стараго иконостаса, проектъ признанъ удовлетворительнымъ, но обращено вниманiе на отсутствiе въ иконостасѣ при этомъ проектѣ южныхъ дверей. При двухъ царскихъ вратахъ собственно должны бы быть три дiаконскiя двери.

Постановлено: увѣдомить духовную консисторiю, что со стороны Археологической Коммиссiи не имѣется препятствiй къ исполненiю проекта Н. Ф. Романченка.

VII. Калужской губ. Перемышльскаго у. с. Слободка-Моренищъ. Деревянная церковь 1761 г.

(Рис. 45).

Доложены: 1) Замѣтка въ Московскихъ Вѣдом. 1907 г. № 149, въ которой сообщается, что церковъ ветха, сыра, тѣсна и грозитъ паденiемъ. Иконы и вещи отъ сырости подвергаются скорому гнiенiю. Начатъ постройкой новый каменный храмъ.

2) Метрика церкви, доставленная по требованiю Коммиссiи при отношенiи Калужской дух. консисторiи отъ 7 ноября 1907 г., съ 3 фотографическими снимками. Церковь построена колл. сов. Ал. Андр. Сергѣевымъ, не отапливается, длиною 27 арш., вышиною 7 арш., ничего древняго и замѣчательнаго во внутреннемъ убранствѣ не заключаетъ. (Дѣло 1907 г. № 113).

Рис. 45. Церковь с. Моренищъ.

Объяснено, что неотапливанiе церкви не имѣетъ влiянiя на ея сырость; такiя церкви бываютъ вообще суше, особенно если онѣ своевременно весною провѣтриваются при сухой погодѣ. Вредно

отсутствіе постоянной топки зимою, такъ какъ на промерзшія стѣны въ изобиліи осаждаются испаренія изъ подогрѣтаго влажнаго воздуха.—Г. И. Котовъ отмѣтилъ, что по его наблюденіямъ вопросы о разборкѣ старыхъ запасныхъ церквей разрѣшаются на мѣстѣ весьма прихотливо, въ зависимости отъ случайно составившагося взгляда причта, старосты или преосвященныхъ, особенно же послѣднихъ; но онъ никогда не слыхалъ выраженія неудовольствія отъ прихожанъ, что церковь оставлена въ цѣлости. Запасная церковь никогда совершенно безполезною не бываетъ.

Постановлено: запросить причтъ, въ какомъ состояніи находится церковь и какое предполагается дать ей назначеніе по устройствѣ новаго каменнаго храма.

VIII. Владимірской губ. Гороховецкаго у. с. Верхній Ландехъ Деревянная Петропавловская церковь, 1780 г.

(Рис. 25 на стр. 31).

Доложены: 1) Отношеніе Владимірской дух. консисторіи отъ 2 ноября 1907 г. о томъ, что церковь переносится съ согласія прихожанъ Ландеха, что на кладбищѣ имѣется другая церковь, каменная, въ которой и совершается богослуженіе, и что въ д. Стариловѣ образуется новый приходъ, въ количествѣ 425 душъ, со штатнымъ причтомъ. Для новаго прихода церковь достаточна по своимъ размѣрамъ; д. Старилово находится въ 12 в. отъ Ландеха, въ мѣстности, имѣющей и старообрядческое населеніе.

2) Метрика церкви, составленная въ 1887 г., по которой длина храма 23 арш., ширина 10 арш., алтарь, повидимому, пятистѣнный, подъ крышей имѣются карнизики изъ досокъ, мѣстами вырѣзанные полукружками. Церковь холодная; въ паперти позднѣйшія плохого мастерства картины на полотнѣ, писанныя Сав. Петр. Лаптевымъ.

Постановлено: 1) разборку и переносъ церкви разрѣшить, съ условіемъ сохраненія всѣхъ старыхъ формъ церкви и ея украшеній, 2) если въ церкви будетъ устроено отопленіе, то просить принять мѣры къ безопасности въ пожарномъ отношеніи.

IX. Симбирской губ. Курмышскаго у. с. Знаменское. Деревянная церковь 1791 г.

(Рис. 46—48).

Доложено отношеніе Симбирской дух. консисторіи отъ 28 ноября 1907 г. съ препровожденіемъ ходатайства о разрѣшеніи перестройки храма и съ приложеніемъ трехъ фотографическихъ снимковъ.

Признано, что силуэтъ церкви хорошъ и что рѣзьба иконостасовъ имѣетъ положительныя достоинства. (Дѣло 1907 г. № 149).

Рис. 46. Церковь с. Знаменскаго, 1791 г.

Рис. 47. Иконостасъ церкви с. Знаменскаго.

Рис. 48. Иконостасъ церкви с. Знаменскаго

Постановлено: запросить, чѣмъ вызывается необходимость перестройки и въ чемъ она будетъ состоять.

X. Волынской губ. Овручскаго у. с. Шеломки. Деревянная колокольня.

(Рис. 49).

Доложено отношеніе Археологической Коммиссіи къ архіепископу Волынскому Антонію отъ 18 сентября 1907 г. съ просьбою не отказать принять мѣры противъ искаженія колокольни, которую, по свѣдѣніямъ Коммиссіи, предположено обшить тесомъ.

Замѣчено, что навѣсы очень хорошо защищаютъ стѣны зданія и что это весьма цѣлесообразный и красивый пріемъ.

Постановлено: запросить причтъ церкви, какого рода ремонтъ предполагается произвести въ колокольнѣ.

Рис. 49. Колокольня въ с. Шеломкахъ.

XI. Москва. Зданіе стараго университета.

(См. стр. 34).

Доложено отношеніе Правленія Университета о томъ, что проектъ К. М. Быковскаго на переустройство стараго зданія университета подвергается пересмотру, при чемъ имѣется въ виду сохранить въ неприкосновенности внѣшній видъ зданія, ограничивъ наружныя архитектурныя работы ремонтомъ и реставраціей зданія.

Постановлено: выразить благодарность за успокоительное сообщеніе.

Изъ архива Императорской Археологической Коммиссіи.

Въ помѣщаемыхъ ниже извлеченіяхъ изъ архивныхъ дѣлъ Императорской Археологической Коммиссіи сочтено излишнимъ издавать полностью официальную переписку по вопросамъ реставраціи; издается лишь изложеніе хода рѣшенія этихъ вопросовъ. Въ то же время въ этихъ извлеченіяхъ тщательно сохраняется весь отразившійся въ дѣлопроизводствѣ матеріалъ историко-археологическаго, техническаго и бытового значенія. Всѣ важнѣйшіе акты печатаются полностью и текстъ по возможности сопровождается рисунками и чертежами. Издаваемый матеріалъ не выходитъ изъ предѣловъ архивныхъ документовъ и лишь въ немногихъ случаяхъ дополняется новыми справками и рисунками. Порядокъ для описанія памятниковъ избранъ хронологическій; иконостасы располагаются въ порядкѣ времени сооруженія самихъ церквей.

I. Владимірская губернія.

1. Г. Переяславль. Преображенскій соборъ, 1152—1157 г.

Въ 1885 г. причтъ и староста церкви возбудили въ Имп. Московскомъ Археологическомъ Обществѣ ходатайство о разрѣшеніи замѣнить существовавшій ветхій иконостасъ новымъ. Такъ какъ это дѣло затянулось и въ продолженіе трехъ лѣтъ не могло быть закончено, то причтъ и староста обратились въ Археологическую Коммиссію (отношеніемъ отъ 25 іюня 1889 г.) съ просьбою о разсмотрѣніи ихъ ходатайства и о командированіи какого-либо лица для составленія проекта реставраціи всего собора и ея осуществленія; просители выражали, кромѣ того, желаніе, чтобы было произведено разслѣдованіе могилы князя Дмитрія Александровича, сына Александра Невскаго. Коммиссія сочла себя обязанною препроводить изложенное ходатайство въ Московское Археологическое Общество съ просьбою увѣдомить, не признаетъ ли оно возможнымъ принять на себя его удовлетвореніе. Отношеніемъ отъ 27 іюля 1889 г. Общество отвѣтило, что оно не находитъ возможнымъ дать никакого заключенія по этому дѣлу: 1) потому, что

оно не прямо направлено старостой въ Общество, 2) потому, что важность предполагаемыхъ перестроекъ не допускаетъ той поспѣшности, которая желательна Коммиссіи (послѣдняя просила телеграммой ускорить отвѣтъ), 3) потому, что переписка Общества съ тѣмъ же причтомъ касательно иконостаса явно доказываетъ, что причтъ не желаетъ и не можетъ понять того, что желательно и необходимо для настоящаго возстановленія древняго собора въ его настоящей древней красѣ. Отношеніемъ отъ 21 іюля того-же года причтъ и староста усиленно просили, чтобы дѣло реставраціи собора считалось на сторонѣ Археологической Коммиссіи, и получили отъ 5 августа увѣдомленіе, что Коммиссія согласна исполнить это желаніе, но что выборъ компетентнаго лица для веденія реставраціи предоставляется ихъ усмотрѣнію; Коммиссія просила прислать на заключеніе ея уже готовый проектъ реставраціи. Выборъ причта и старосты остановился на В. В. Сусловѣ, производившемъ въ это время реставраціонныя работы въ Переяславлѣ и принявшемъ участіе въ ихъ дѣлѣ. Составленный г. Сусловымъ проектъ (подписанъ 2 мая 1890 г.) 31 января 1891 г. былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ въ реставраціонномъ засѣданіи Археологической Коммиссіи, при чемъ было выражено желаніе, чтобы весь храмъ внутри, если бы для того нашлись средства, былъ расписанъ изображеніями святыхъ, согласно со стилемъ и характеромъ реставрируемаго памятника, и чтобы вскрыты и разсмотрѣны были три находящіяся въ соборѣ могилы. Докладъ В. В. Суслова помѣщается здѣсь почти полностью.

«Преображенскій соборъ построенъ въ 1152 г. сыномъ Владиміра Мономаха, великимъ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. Планъ зданія состоитъ изъ квадратнаго помѣщенія съ четырьмя крестообразными столбами и изъ трехъабсиднаго алтаря. Фасады раздѣляются лопатками и увѣнчиваются полукруглыми закомарами, по которымъ идетъ и самое покрытіе храма, возстановленное въ недавнее время. Въ центрѣ зданія возвышается барабанъ съ куполомъ. Луковицеобразная глава устроена, очевидно, не одновременно съ самымъ соборомъ, такъ какъ въ первоначальный періодъ нашего зодчества главы имѣли видъ плоскихъ куполовъ. Все строеніе сложено изъ бѣлаго камня и обработано простыми формами. Орнаментальныя украшенія, имѣющія романскій характеръ, находятся только въ карнизахъ алтаря и барабана. Съ западной стороны къ памятнику примыкаетъ одноэтажная пристройка—паперть. Происхожденіе ея, судя по стилю обработки, относится къ очень позднему времени. Внутреннія стѣны храма были украшены фресковою живописью, но въ данное время замѣтны лишь остатки ея, и то только въ средней западной части (подъ хорами). Здѣсь

сохраняются нѣкоторые сюжеты изъ страшнаго суда и отрывки орнаментальныхъ украшеній. Существуетъ также незначительный остатокъ живописи въ нижней части главной абсиды, представляющій собою рядъ бѣлыхъ завѣсъ. Вся же остальная живопись уничтожена вмѣстѣ съ штукатуркою, вслѣдствіе чего обнаружилась здѣсь каменная кладка стѣнъ. Въ алтарѣ и на западной стѣнѣ собора существуютъ полуистертыя надписи, процарапанныя остріемъ въ штукатуркѣ и въ камнѣ. Въ алтарѣ надъ горнимъ мѣстомъ значится: «Въ лѣ... 6950 (1442).. ..сновань бѣ Переясла.... храм... при бл.г. вѣрномъ .ели. князи Васильи Василье-вич... на память стго...... мца Апрѣля въ 5 день». На стѣнѣ за юго-западнымъ столбомъ находятся слова: «Гди помози рабу своему Василью Семен.. во всякомъ мѣстѣ и во всякой бѣдѣ Вла...... помол....» Надъ западнымъ дѣленіемъ храма возвышаются хоры, на которыя ведетъ винтовая деревянная лѣстница. Въ сѣверо-западной части хоръ находится арка, имѣвшая значеніе наружной двери, но нынѣ задѣланная. Дверь эта даетъ ясное указаніе, что къ храму когда-то прикасалась особая пристройка, черезъ которую и проходили на хоры, а затѣмъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, пристройка была уничтожена и лѣстница сдѣлана сквозь сводъ въ самой церкви. Къ восточнымъ столбамъ собора примыкаетъ пятиярусный иконостасъ, расположенный во всю ширину церкви. Построеніе его слѣдуетъ отнести къ прошлому столѣтію, такъ какъ въ детальныхъ формахъ отразился полный упадокъ русскаго зодчества и преобладающій характеръ итальянскаго ренесанса. Колонки, карнизы и др. части иконостаса, размѣщенныя крайне неправильно, выражаютъ собою случайный наборъ и указываютъ, что весь иконостасъ перенесенъ изъ другой церкви. Въ настоящее время онъ уже значительно изветшалъ и грозитъ паденіемъ, что, конечно, можетъ повліять на прочность самого зданія. Кромѣ упомянутыхъ видоизмѣненій памятника выяснились еще слѣдующія передѣлки: а) среднее окно главной абсиды увеличено вмѣстѣ съ откосами, б) окна малыхъ абсидъ также расширены, в) по сѣверному фасаду всѣ верхніе пролеты заложены, г) по южному фасаду заложено правое окно и расширено среднее, д) въ юго-западной части хоръ уменьшены арки, причемъ съ одной стороны сдѣлана дверь, а съ другой окно. Кромѣ того на хорахъ устроенъ особый деревянный полъ, балюстрада и увеличено среднее окно. Своды, барабанъ и куполъ храма, повидимому, довольно прочны. Поврежденія существуютъ только въ наружныхъ стѣнахъ, гдѣ оказались незначительныя трещины, трухлявость нѣкоторыхъ облицовочныхъ камней, вывѣтренность кромокъ зданія, перепрѣлость цоколя и другія мелкія поврежденія.

Для полнаго возстановленія Переяславскаго Преображенскаго собора требуется произвести слѣдующія работы: 1) Снять наносный слой земли, осмотрѣть часть фундамента и сдѣлать заново облицовку цоколя. 2) Замѣнить трухлявые, сопрѣвшіе и вывѣтрившіеся камни новыми, а также выровнять всѣ кромки угловъ, произвести расшивку щелей и очистить всѣ наружныя стѣны отъ періодическихъ окрасокъ. 3) Возстановить въ прежнемъ видѣ всѣ окна, показанныя на планѣ подъ буквами *а, б, в, ж, к*. 4) Сдѣлать разслѣдованіе чердачнаго помѣщенія и, если существующее покрытіе подтвердится всѣми данными, желѣзо замѣнить черепицей, какъ обычнымъ строительнымъ матеріаломъ X—XIII ст. Тоже относительно алтарнаго и купольнаго прикрытій. 5) Осмотрѣть чердачное помѣщеніе главы и замѣнить луковицеобразную форму ея посводнымъ покрытіемъ съ небольшимъ заостреніемъ. 6) Сломать позднѣйшую пристройку съ западной стороны храма. 7) Плитный кирпичный полъ внутри зданія, относящійся по свойству матеріала къ XVI—XVII ст., замѣнить мозаичнымъ, хотя бы самаго простого рисунка. 8) Разобрать существующій нынѣ ветхій пятиярусный иконостасъ и замѣнить его невысокимъ каменнымъ или мраморнымъ иконостасомъ (въ видѣ древнѣйшихъ преградъ). 9) Возстановить уцѣлѣвшія фрески въ западной части храма (подъ хорами). 10) Снять точные рисунки съ остатковъ фресковыхъ украшеній въ средней абсидѣ и сдѣлать оттиски сохранившихся прорѣзныхъ надписей. 11) Оштукатурить всѣ внутреннія стѣны и своды, гдѣ совершенно не сохранилось фресковой живописи. 12) Расписать храмъ исключительно орнаментальною живописью, такъ какъ подражаніе древнимъ иконописнымъ изображеніямъ, за отсутствіемъ данныхъ и старинной школы письма, не можетъ дать желаемаго результата. Къ орнаментальному убранству приводитъ также и недостатокъ средствъ, располагаемыхъ на реставрацію собора жителями города Переяславля. 13) Выбрать на хорахъ позднѣйшія закладки въ аркахъ *и* и *з*. Лѣстницу же и заложенную дверь слѣдуетъ оставить въ существующемъ видѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы дѣлать особую пристройку къ сѣверо-западной части хоръ, для проекта которой не имѣется ни данныхъ, ни существенныхъ потребностей. 14) Въ соотвѣтствіе стилю памятника слѣдуетъ устроить подъ куполомъ особое паникадило, имѣющее характеръ греческаго хороса. Такое паникадило, видимо, существовало въ Преображенскомъ соборѣ, такъ какъ до настоящаго времени сохраняются надъ центромъ подпружныхъ арокъ металлическія кольца, съ которыхъ, очевидно, шли цѣпи, поддерживавшія круглое кольцо паникадила. 15) Произвести раскопки около собора и опредѣлить по фундаментамъ, въ какихъ мѣстахъ существовали пристройки къ храму.

Кромѣ указанныхъ работъ, по желанію прихожанъ предполагается устроить ограду вокругъ собора, особые кіоты для четырехъ старинныхъ иконъ, находящихся въ существующемъ иконостасѣ, и новыя каменныя гробницы надъ почивающими князьями въ храмѣ.

Въ виду того, что производство реставраціонныхъ работъ будетъ вестись по мѣрѣ изысканія средствъ, въ настоящемъ году проектируются только нѣкоторыя работы, а именно: техническое возстановленіе храма, убранство внутреннихъ стѣнъ и устройство иконостаса. Для этой цѣли мною сдѣланъ общій проектъ росписи храма, главнѣйшія детали и рисунки иконостаса. Эти проекты хотя нисколько не нарушаютъ сохранившихся научныхъ и художественныхъ сторонъ памятника, тѣмъ не менѣе я считаю долгомъ сдѣлать нѣкоторыя краткія поясненія къ представляемымъ чертежамъ.

Не задаваясь проектированіемъ иконописныхъ сюжетовъ по вышеуказаннымъ причинамъ, я ограничился почти исключительно орнаментальною живописью. Характеръ этого рода убранства былъ изученъ мною по сохранившимся фрескамъ тѣхъ памятниковъ, которые по времени и стилю построенія наиболѣе отвѣчаютъ Переяславскому Преображенскому собору. Къ такой группѣ мною отнесены: церковь Спасо-Нередицкая близъ Новгорода, ц. св. Георгія въ Старой Ладогѣ, Владимірскіе Дмитріевскій и Успенскій соборы, частью Кіевскій Софійскій соборъ и, наконецъ, проектируемый къ реставраціи Преображенскій соборъ, въ которомъ сохранились различные мотивы орнаментаціи. Кромѣ того, принималась во вниманіе стѣнопись предыдущихъ и послѣдующихъ эпохъ, какъ русскихъ, такъ и армяно-грузинскихъ и греко-византійскихъ памятниковъ. Въ руководство при размѣщеніи тѣхъ или другихъ украшеній храма были приняты слѣдующія соображенія:

1) Въ греческихъ и русскихъ церквахъ X—XII ст., гдѣ вершины куполовъ не украшались иконописнымъ сюжетомъ, тамъ въ большинствѣ случаевъ изображались различныя монограммы Іисуса Христа. Подобныя украшенія сохранились на сводахъ въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, которыя и служили матеріаломъ въ составленію рисунка № 1 (монограммы, окруженной орнаментомъ). На основаніи того, что въ древнихъ русскихъ памятникахъ апостолы, располагаемые обыкновенно въ пятахъ купола, иногда дѣлались бюстами въ кругахъ, въ видѣ сплошного пояса (напр., въ Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ), и мною проектированъ орнаментальный поясъ съ кругами, въ которыхъ чередуются монограммы, кресты и орнаменты.

2) По отношенію убранства оконъ наблюдаются во всѣхъ древнѣйшихъ

памятникахъ слѣдующіе общіе пріемы: откосы почти всегда украшались сплошнымъ орнаментомъ, ограниченнымъ по ребрамъ рамками преимущественно темнокоричневаго цвѣта. Орнаменты часто раскрашивались несимметрично и въ каждомъ окнѣ дѣлались различныхъ мотивовъ. Подобное разнообразіе служитъ вообще характерною чертою въ убранствѣ русскихъ, греко-византійскихъ и армяно-грузинскихъ храмовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда церкви украшались обильнымъ количествомъ иконописныхъ сюжетовъ, орнаментальное украшеніе оконъ выражалось только въ откосахъ, такъ какъ стѣны до самыхъ оконъ наполнялись картинами. Въ другихъ же случаяхъ, когда стѣнная иконопись была въ меньшемъ изобиліи (напр., во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ), кругомъ оконъ, а также дверей, арокъ и впадинъ дѣлались расписные наличники въ видѣ сплошного орнамента, ограничивающагося рамками. При составленіи проекта убранства Переяславскаго Преображенскаго собора, за отсутствіемъ иконописи, конечно, желательно было бы воспользоваться всею полнотою и характерностью древней орнаментальной росписи. Въ виду этого мною проектировано одновременно убранство откосовъ и наличниковъ въ различныхъ мотивахъ.

3) Поясокъ надъ подпружными арками вызванъ обычнымъ пріемомъ украшенія этой части во многихъ древнѣйшихъ церквахъ. Паруса, заполняемые обыкновенно изображеніями четырехъ евангелистовъ, замѣнены въ прилагаемомъ проектѣ четырьмя серафимами. Хотя этотъ пріемъ довольно рѣдко встрѣчается въ византійскихъ церквахъ, но подобныя же изображенія находимъ въ парусныхъ сводахъ Кіево-Софійскаго собора, откуда и заимствованъ характеръ ихъ для составленія мною проекта. Заплечики подпружныхъ арокъ украшены по образцу остатковъ фресковаго орнамента на одномъ изъ заплечиковъ юго-западнаго столба Переяславскаго Преображенскаго собора. Подпружныя арки, убираемыя въ старинныхъ храмахъ изображеніями отдѣльныхъ святыхъ въ продолговатыхъ и круглыхъ рамкахъ, въ прилагаемомъ проектѣ обработаны простыми каемками. Между ними могутъ быть размѣщены различныя надписи, соотвѣтствующія извѣстнымъ изображеніямъ (напр., вмѣсто Благовѣщенія можно написать слово Благовѣстителя).

4) Въ центрахъ подпружныхъ арокъ проектированы различныя монограммы Христа, какъ это видимъ во многихъ древнихъ русскихъ, греческихъ и армяно-грузинскихъ церквахъ.

5) Украшеніе нижнихъ частей подпружныхъ арокъ въ видѣ большихъ крестовъ заимствовано съ подобнаго же фресковаго изображенія, открытаго на

восточныхъ столбахъ Владимірскаго Успенскаго собора (позади мѣстныхъ образовъ нынѣ существующаго иконостаса).

6) Убранство сѣверной, восточной и южной стѣнъ храма состоитъ изъ поясныхъ изображеній ангеловъ, крестовъ, наличниковъ оконъ и дверей и цѣлаго ряда завѣсъ. Изображенія ангеловъ на сѣверной и южной сторонахъ соотвѣтствуютъ по мѣстоположенію подобнымъ же изображеніямъ, находящимся въ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода. Съ западной же стороны будетъ представленъ ангелъ Великаго Совѣта, какъ это находимъ во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ. Обработка оконъ, дверей и простѣнковъ исполнена на основаніи различныхъ мотивовъ убранства древнѣйшихъ храмовъ. Что касается завѣсъ или полотенецъ, расположенныхъ по всему низу собора, то этотъ мотивъ сохранился между остатками древней фресковой росписи проектируемаго къ реставраціи храма.

7) На коробовыхъ сводахъ представлены рамки (съ трехлопастнымъ очертаніемъ), соединенныя въ центрѣ свода кругами. Этотъ пріемъ встрѣчается на таковыхъ же сводахъ Владимірскаго Успенскаго собора и въ остаткахъ древней росписи Переяславскаго собора. Въ полукуполѣ средней алтарной абсиды проектировано изображеніе «Уготованія престола» съ символами и монограммами; по сторонамъ надпись «Престолъ твой Боже во вѣкъ вѣка», а внизу въ кругахъ А и Ѡ. Ниже пятъ полукупола идутъ орнаментированные пояски, между которыми представленъ крестъ и надписи: «Пріидите ядите... Пійте отъ нея...» и «Да молчитъ всякая плоть.....» [1]). Въ южной и сѣверной абсидахъ, помимо различныхъ орнаментовъ, предполагаются надписи: «Нынѣ силы небесныя...» и «Се жертва тайная...» (стихъ на преждеосвященные дары). Кромѣ указанныхъ надписей, въ убранство войдутъ и другія, содержаніе и мѣстоположеніе которыхъ, до извѣстной степени, можетъ соотвѣтствовать иконописнымъ сюжетамъ. Гладкіе фона центральной части храма (съ подпружными арками) будутъ расписаны голубою краскою, а остальные—свѣтло-зеленою. Такое распредѣленіе цвѣтовъ находится во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ.

8) При составленіи проекта иконостаса я руководствовался изслѣдованіемъ г. Филимонова «О первоначальныхъ формахъ иконостасовъ въ русскихъ церквахъ», различными отрывочными свѣдѣніями и личными наблюденіями по памятникамъ. Въ силу извѣстныхъ данныхъ, проектированный мною иконостасъ

[1]) Можно ограничиться первыми двумя надписями, отвѣчающими древнему изображенію Евхаристіи.

помѣщается въ границахъ восточной подпружной арки; общая конструкція его составлена на основаніи различныхъ указаній древнихъ и позднѣйшихъ писателей. Вопросъ состоялъ только въ томъ, дѣлать ли иконостасъ въ видѣ арочекъ, или прямой. По моимъ наблюденіямъ, слѣдовало остановиться на послѣднемъ. Извѣстный матеріалъ по этому вопросу указываетъ, что первый характеръ былъ распространенъ преимущественно въ грузинско-армянской архитектурѣ, а второй на западѣ. Что касается греческихъ и первоначальныхъ русскихъ иконостасовъ, то скорѣе надо предположить, что наиболѣе распространенное устройство ихъ состояло изъ невысокой глухой преграды съ колонками, поддерживающими прямой карнизъ. Это мы видимъ въ церкви св. Никодима въ Аѳинахъ, въ ц. св. Николая въ Ватопедѣ на Аѳонской горѣ, въ древней подземной церкви въ Тепекерманѣ и въ другихъ церквахъ. Кромѣ того, при изслѣдованіи фрагментовъ древнихъ иконостасовъ въ Херсонисѣ, мною не найдено ни одного куска съ арочнымъ очертаніемъ. Наконецъ, во всѣхъ древнѣйшихъ сохранившихся русскихъ иконостасахъ замѣтно, что прототипомъ ихъ были именно прямые иконостасы. При детальной разработкѣ моего проекта я руководствовался снимками съ херсонисскихъ, аѳонскихъ и другихъ древнихъ мраморныхъ украшеній. Въ аркахъ передъ сѣверною и южною абсидами проектированы сквозныя двери съ мраморными тумбами; продолженіе иконостаса въ этихъ мѣстахъ въ старину дѣлалось, вѣроятно, рѣдко, такъ какъ священнодѣйствіе совершалось главнымъ образомъ въ средней абсидѣ. Легко предположить, что и въ Переяславскомъ соборѣ малыя абсиды оставались болѣе или менѣе открытыми, тѣмъ болѣе, что въ южной абсидѣ находится гробница одного изъ переяславскихъ князей. Помимо этихъ соображеній въ ограниченіи иконостаса играетъ роль недостатокъ средствъ и желаніе мѣстныхъ жителей поставить на виду новый саркофагъ надъ прахомъ покоющагося въ алтарѣ князя Димитрія Александровича, сына св. Александра Невскаго.

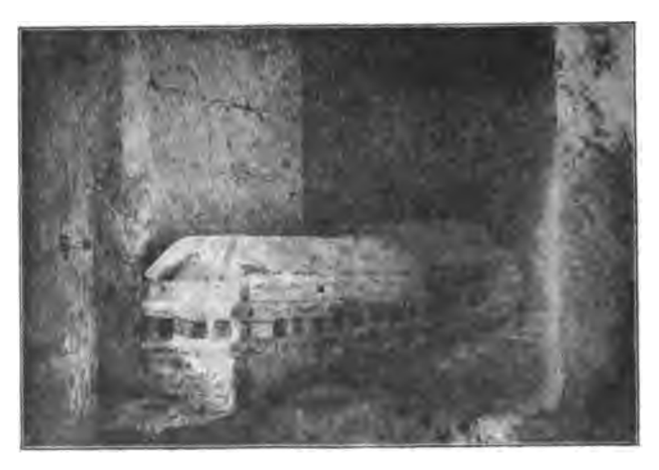

Рис. 50.

Въ юго - западномъ помѣщеніи храма находятся гробницы князей Ѳеодора Ростиславовича и Іоанна Димитріевича (вну-

ка Александра Невскаго), послѣдняго самостоятельнаго переяславскаго князя. Всѣ три гробницы сдѣланы изъ кирпича и по своей архитектурѣ относятся къ XVII ст. (рис. 50). Жители г. Переяславля испрашиваютъ дозволенія замѣнить эти простыя надгробія массивными каменными гробницами.

Составленіе проекта внѣшнихъ видоизмѣненій храма, а равно проектированіе кіотовъ, паникадила и гробницъ отложено мною до будущаго времени, такъ какъ эти работы, по недостатку средствъ, въ настоящемъ году произведены быть не могутъ.

На отношеніе Переяславскаго соборнаго причта, посланное въ Импер. Археологическую Коммиссію съ разъясненіями вопросовъ о реставраціи Преображенскаго собора, считаю долгомъ дать слѣдующій отзывъ. Существующій нынѣ пятиярусный иконостасъ, по своему позднѣйшему происхожденію, не представляетъ научнаго интереса и, такъ какъ онъ при этомъ изветшалъ на столько, что грозитъ паденіемъ, то онъ долженъ быть немедлено разобранъ. Устройство новаго иконостаса, какого бы ни было стиля, не нарушитъ сохранившихся формъ памятника. Въ виду же того, что иконостасъ предполагается сдѣлать въ стилѣ соотвѣтственномъ построенію храма, вопросъ получаетъ вполнѣ благопріятное рѣшеніе. Что касается штукатурки внутреннихъ стѣнъ и новой росписи храма, то также долженъ сказать, что съ исполненіемъ этихъ работъ не утратится никакихъ научныхъ и художественныхъ сторонъ памятника, а, напротивъ, получится цѣльный общій характеръ зданія. Остальные пункты предположенныхъ причтомъ работъ имѣютъ отвѣтъ въ началѣ изложеннаго доклада. Проектированіе тѣхъ работъ, которыя не были оффиціально заявлены причтомъ и которыя упомянуты въ моемъ докладѣ, вызвано частными переговорами и тѣмъ заявленіемъ, что причтъ охотно приметъ всѣ предложенія Коммиссіи, касающіяся полнаго возстановленія собора. Вопросъ о разслѣдованіи могилы князя Димитрія Александровича (сына Александра Невскаго) и двухъ другихъ гробницъ, конечно, всецѣло подлежитъ просвѣщенному взгляду Коммиссіи».

Докладомъ отъ 5 марта 1892 г. В. В. Сусловъ возбудилъ вопросъ о необходимости разборки трехъ каменныхъ надгробій и о сохраненіи уцѣлѣвшихъ древнихъ фресокъ. Важнѣйшая часть этого доклада здѣсь приводится:

«Древнѣйшій полъ собора находился ниже современнаго на 10 вершк. Повышеніе произведено черезъ посредство сплошной насыпи песку съ глиной и вызвано, вѣроятно, постепеннымъ наслоеніемъ земли вокругъ храма. Три кирпичныя гробницы, находившіяся въ соборѣ надъ прахомъ князей Переяс-

славскихъ, стояли такимъ образомъ безъ фундамента (прямо на глинѣ) и сдѣланы, очевидно, при устройствѣ позднѣйшихъ половъ, что подтверждается и самой архитектурой ихъ, относящейся къ XVII—XVIII ст. Одна изъ гробницъ, находившаяся въ южной абсидѣ, по причинѣ крайней ветхости ея, развалилась сама собою при реставраціонныхъ работахъ и оказалась пустою внутри. Прахъ же похороненнаго князя (по преданію, Димитрія Александровича) находится, вѣроятно, ниже древняго пола. Два другія кирпичныя надгробія, расположенныя въ юго-западномъ углу храма, также поставлены на насыпи и, очевидно, пустыя. Въ виду того, что они позднѣйшія, крайне ветхія, пустыя внутри и мѣшаютъ техническому возстановленію стѣнъ собора, къ коимъ они примкнуты, необходимо слѣдуетъ разобрать ихъ, тѣмъ болѣе, что уровень пола будетъ дѣлаться на первоначальной глубинѣ. Съ надгробій этихъ мною сняты фотографіи, сдѣланы обмѣры и чертежи».

Къ докладу приложенъ актъ вскрытія древняго престола (при чемъ были найдены антиминсы 1626 и 1403 г.), снятія иконостаса и пола:

«Послѣ уборки всѣхъ этихъ предметовъ, находившихся въ храмѣ, были сдѣланы развѣдки древняго пола. При этомъ ясно обнаружилось: а) существующее донынѣ сѣдалище въ средней абсидѣ алтаря значительно повышено противъ его древней высоты; б) подъ существующимъ нынѣ поломъ (плитнымъ) обнаружился кирпичный полъ. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на глубинѣ 10 вершк., оказались плиты изъ бѣлаго камня и частью древній кирпичный полъ. Подъ верхними двумя полами до древняго кирпичнаго пола шелъ сплошной слой песку. При выемкѣ его около стѣнъ собора найдены признаки штукатурки и окраски. Въ виду дальнѣйшаго изслѣдованія половъ по всему храму и необходимости въ просушкѣ основанія стѣнъ, къ коимъ прилегалъ песокъ и позднѣйшіе полы, производителемъ работъ было найдено необходимымъ снять сплошь позднѣйшіе полы и всю насыпь внутри собора. Три надгробія въ храмѣ, какъ было указано въ пояснительной запискѣ къ проекту реставраціи, сдѣланы изъ кирпича и несомнѣнно принадлежатъ XVII вѣку. При выемкѣ песку изъ южной абсиды, около надгробія надъ прахомъ, по преданію, князя Димитрія Александровича было усмотрѣно, что саркофагъ сложенъ изъ кирпича, при чемъ надъ уровнемъ древняго пола уложена глина, а затѣмъ шло кирпичное основаніе. 28 мая 1891 года, во время выемки песку изъ храма, въ отсутствіе производителя работъ академика В. В. Суслова, по указаніямъ старосты Преображенскаго собора г. Кожевникова, рабочихъ и другихъ лицъ, случайно находившихся въ храмѣ, упо-

мянутое надгробіе, по причинѣ крайней его ветхости, развалилось, причемъ внутреннее пространство надгробія оказалось пустымъ. Этимъ подтверждается, что надгробіе—позднѣйшаго происхожденія, и если въ этомъ мѣстѣ былъ похороненъ князь Димитрій Александровичъ, то прахъ его покоится, вѣроятно, подъ древнимъ поломъ. Въ виду того, что ходъ начатыхъ работъ требовалъ окончательной разборки упавшаго надгробія, на другой день было приступлено къ выборкѣ его и возстановленію его вида въ рисункахъ. При окончательной выемкѣ песку обнаружился по уровню древняго пола около сѣверной стѣны каменный гробъ съ человѣческими костями. При осмотрѣ костяковъ и мусора въ гробу никакихъ предметовъ не найдено, и можно предполагать, что гробница эта подвергалась разоренію».

По ходатайству Коммиссіи, Имп. Академія Художествъ сочла возможнымъ командировать съ своей стороны особое лицо для осмотра фресокъ и надгробій собора, избравъ для этой цѣли Г. И. Котова. Одновременно получено было разрѣшеніе св. Синода на разслѣдованіе гробницъ, съ условіемъ, чтобы вмѣсто разобранныхъ надгробій поставлены были новыя, согласныя съ видомъ древнихъ. Г. И. Котовъ въ докладѣ своемъ Академіи Художествъ отъ 7 мая 1892 г. излагалъ слѣдующее: «Фрески найдены мною въ состояніи, описанномъ академикомъ Сусловымъ въ его заявленіи Имп. Археологической Коммиссіи, а именно: краски живописи мало сохранились, частью же совершенно исчезли, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не сохранился и рисунокъ; кромѣ сего слой штукатурки, на которой находится живопись, мѣстами отсталъ отъ каменной кладки. Въ виду такого состоянія фресокъ, реставрація ихъ представляется почти невозможной и во всякомъ случаѣ лишитъ ихъ значенія подлиннаго историческаго памятника живописи, а потому я полагалъ-бы, сдѣлавъ предварительно точныя копіи съ фресокъ, попытаться снять расписанную древнюю штукатурку со стѣнъ, съ принятіемъ всевозможныхъ мѣръ предосторожностей противъ ея разрушенія, и передать на храненіе къ какой-нибудь музей русскихъ древностей. Въ музеѣ эти фрески будутъ болѣе доступны для осмотра чѣмъ въ настоящемъ ихъ помѣщеніи, скудно освѣщенномъ, въ которомъ онѣ скоро утратятся, какъ отъ сырости, такъ и отъ копоти, если бы даже и были приняты мѣры къ укрѣпленію ихъ на стѣнахъ.

Относительно предполагаемой сломки кирпичныхъ надгробій, очень простой формы и стоящихъ на 10 в. выше древняго пола, вѣроятно, сдѣланныхъ въ XVII ст., полагалъ бы, что точно снятые съ нихъ чертежи вознаградятъ

эту потерю. Мѣста же гробницъ, находящіяся ниже уровня древняго пола могутъ быть обозначены особыми плитами».

Вслѣдъ затѣмъ В. В. Сусловъ увѣдомилъ частнымъ письмомъ барона В. Г. Тизенгаузена о томъ, что фрески снимаются отдѣльными пластами и укладываются въ ящики, что далѣе должна слѣдовать заливка ихъ съ обратной стороны и отклеиваніе холста и что ихъ можно было-бы передать въ Историческій музей, который можетъ взять на себя и расходы по приведенію ихъ въ должный видъ. Баронъ Тизенгаузенъ согласился съ этимъ предположеніемъ, но полагалъ, что музей откажется отъ расходовъ, что дѣйствительно и случилось. Въ офиціальномъ отношеніи отъ 11 ноября 1892 г. В. В. Сусловъ сѣтуетъ о судьбѣ фресокъ, не приведенныхъ въ надлежащій видъ за отсутствіемъ средствъ. Изъ нѣсколькихъ десятковъ ящиковъ залито было алебастромъ лишь до десяти. Ящики помѣщены въ холодномъ сараѣ, принадлежащемъ старостѣ, и не обезпечены отъ дальнѣйшаго разрушенія. Сообщается пріемъ снимания фресокъ со стѣнъ:

«Мнѣ посчастливилось снять всѣ остатки живописи подъ хорами собора. Достигалось это такимъ путемъ. Всѣ фрески заклеивались холстомъ, затѣмъ разбивались на небольшія части и при помощи разныхъ инструментовъ отдѣлялись отъ стѣны вмѣстѣ съ штукатуркой. По мѣрѣ отдѣленія частей фресокъ приставлялись соотвѣтствующихъ размѣровъ ящики. Пласты фресокъ укладывались на дно ящиковъ стороною, оклеенною холстомъ. Далѣе въ видѣ опыта внѣшнія стороны ихъ заливались алебастромъ. Появлявшаяся на поверхности фресокъ сырость отъ алебастра уничтожала сцѣпленіе клея и, обернувши залитый кусокъ фрески другою стороною, можно было снимать и самый холстъ. Живопись при этомъ нисколько не страдала. Такимъ образомъ фрески появлялись въ другомъ ящикѣ на прочномъ основаніи и совершенно открытыми».

Археологическая Коммиссія обратилась съ ходатайствомъ о сохраненіи остатковъ стѣнописи къ Оберъ-Прокурору св. Синода, который, отношеніемъ отъ 8 января 1893 г., отвѣтилъ, что къ ассигнованію какой-либо суммы не представляется никакой возможности. 19 іюня 1893 г. В. В. Сусловъ отказался отъ наблюденій за окончательными работами по возстановленію собора (впрочемъ несущественными), что вызвало неудовольствіе причта и старосты и послужило поводомъ къ оживленной перепискѣ чрезъ Археологическую Коммиссію, сохраняющейся въ ея архивѣ, но не имѣющей значенія для самаго дѣла реставраціи храма. Въ августѣ 1894 г. произведенныя въ соборѣ реставраціонныя работы были осмотрѣны, по порученію Археологической Коммиссіи, Г. И. Кото-

вымъ, который призналъ ихъ законченными удовлетворительно. Коммиссія пыталась убѣдить причтъ и старосту приступить къ заливкѣ фресокъ, для чего и выслана была инструкція (рекомендовалось залить ихъ гипсомъ съ клеемъ или же слоемъ цемента съ пескомъ), но крайне неудачно; отказъ былъ полученъ въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, несмотря на всю несложность дѣла и ничтожные расходы. 4 декабря 1894 г. въ Коммиссіи было получено частное письмо товарища предсѣдателя Историческаго музея И. Е. Забѣлина о томъ, что музей не могъ послать на мѣсто техника по отсутствію на то средствъ, что являлось сомнѣніе, возможно ли надѣяться, что фрески будутъ доставлены въ музей въ удовлетворительномъ видѣ, и что, по его мнѣнію, фрески вовсе не слѣдовало бы снимать съ ихъ вѣкового мѣста. Коммиссіи оставалось обратиться къ мысли передать фрески во Владимірское древлехранилище братства св. Александра Невскаго, причемъ на расходы было ассигновано 50 р. Отъ Владимірскаго архіепископа былъ полученъ сперва отказъ отъ предложенія Коммиссіи, такъ какъ причтъ и староста снова высказали свое нежеланіе что-либо исполнить для этого дѣла, а въ музеѣ не предполагалось мѣста, но затѣмъ затребована была инструкція для заливки фресокъ и командированъ для доставленія ихъ въ музей В. Т. Георгіевскій, который, однако, нашелъ, что фрески эти (вѣроятно, возобновленныя въ XVII в.) сняты были рабочими безъ руководства, мелкими кусками, сложены крайне неискусно и оказались въ совершенно разрушенномъ видѣ, такъ что не могутъ имѣть ни малѣйшей цѣны. Археологическая Коммиссія, отношеніемъ отъ 21 марта 1895 г., признала фрески не заслуживающими дальнѣйшаго сохраненія. (Дѣло 1889 г. № 68).

Чертежей проекта реставраціи Преображенскаго собора нѣтъ ни въ архивѣ Археологической Коммиссіи, ни въ архивѣ собора.

---

2. Г. Владиміръ. Успенскій соборъ 1161 г., Покровская церковь 1162 г. и Успенскій дѣвичій монастырь 1202 г.

Академикъ Ѳ. Г. Солнцевъ въ 1859 г. по Высочайшему повелѣнію осматривалъ церкви г. Владиміра и представилъ Министру Императорскаго Двора предположенія о необходимости ремонта перечисленныхъ церквей, вмѣстѣ съ 22 рисунками найденныхъ имъ достопримѣчательностей. По карандашной помѣткѣ на поляхъ бумаги видно, что исчисляемые имъ расходы на ремонтъ выражались въ суммѣ до 80,000 руб. Императоръ Александръ II повелѣлъ поручить руководить этимъ дѣломъ графу С. Г. Строганову, предсѣдателю Императорской Археологической Коммиссіи, который командировалъ во Владиміръ для составленія смѣтъ

архитектора І. С. Каминскаго, академика Солнцева, дѣлопроизводителя Коммиссіи Линевича и художника академика Васильева. Этою коммиссіею расходы на исправленіе живописи въ Успенскомъ монастырѣ были исчислены въ 6590 руб., а смѣта на ремонтъ Успенскаго собора—въ 73,000 руб. Сумма эта была уже назначена, но членъ Строительной конторы Министерства Двора Красовскій нашелъ, что Успенскій соборъ не нуждается въ очень дорогомъ ремонтѣ и что смѣта имѣетъ недостатки. Для разсмотрѣнія вновь вопроса о ремонтѣ собора былъ назначенъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ гр. Строганова, который увѣдомилъ Министра Двора, что, осмотрѣвъ лично соборъ, онъ нашелъ, что храмъ можетъ быть безъ вреда оставленъ въ настоящемъ видѣ. 30 декабря 1861 г. предположеніе о перестройкѣ Успенскаго собора Высочайше повелѣно было отмѣнить. Десять лѣтъ спустя, отношеніемъ отъ 8 декабря 1871 г., Владимірскій архіепископъ Антоній увѣдомилъ гр. Строганова, что онъ озабоченъ ремонтомъ Успенскаго собора, совершенно необходимымъ, и просилъ графа выслать ему для ознакомленія проектъ Каминскаго. Проектъ былъ высланъ съ объясненіемъ, что самое предположеніе о перестройкѣ собора было Высочайше отмѣнено. (Дѣло 1860 г. № 9).

3. Г. Владиміръ. Золотыя Ворота, 1164 г.

Владимірская архивная комиссія отношеніемъ отъ 6 іюля 1899 г. изложила ходатайство о разрѣшеніи ей реставрировать Ворота и просьбу оказать ей въ этомъ дѣлѣ денежную помощь. Въ декабрѣ того же года Археологическая Коммиссія отвѣтила, что ей было бы желательно имѣть планъ и снимки Воротъ, а также предположенія комиссіи, въ чемъ, по ея мнѣнію, должна состоять ихъ реставрація. Архивная коммиссія образовала особое совѣщаніе изъ мѣстныхъ техниковъ для изслѣдованія фундамента и кладки воротъ и для составленія плана, но результаты этихъ работъ остались Археологической Коммиссіи неизвѣстными. Въ началѣ 1904 г. архивной комиссіи, по ея ходатайству и съ одобренія Археологической Коммиссіи, передана была сумма (въ количествѣ 2344 руб.), собранная въ 1876 г. по губерніи для позолоты главы на Воротахъ червоннымъ золотомъ. Иниціатива этого сбора, давшаго первоначально 1044 руб., принадлежала члену мѣстнаго статистическаго комитета Н. В. Боровецкому. Собранная сумма, по недостаточности, не была израсходована и сохранялась въ банкѣ для приращенія процентами. Въ 1898 г. глава была позолочена сусальнымъ золотомъ на средства старосты находящейся на Воротахъ церкви, Вострухина, и

иныхъ жертвователей. Владимірская архивная комиссія въ упомянутомъ ходатайствѣ изложила мнѣніе, что до позолоты главы ее необходимо реставрировать. Капиталъ былъ переданъ комиссіи съ тѣмъ, чтобы проценты съ него употреблялись на поддержаніе въ исправномъ видѣ Золотыхъ Воротъ; въ случаѣ капитальнаго ремонта Воротъ капиталъ можетъ быть употребленъ на эту цѣль. (Дѣло 1899 г. № 165).

4. Г. Владиміръ. Димитріевскій соборъ.

Въ 1903 г. при работахъ учениковъ Высшаго Художественнаго училища въ соборѣ замѣчено было, что желѣзный обручъ, охватывающій основаніе купольнаго барабана, лопнулъ. Археологическая Коммиссія просила Владимірскаго губернатора сдѣлать распоряженіе о техническомъ изслѣдованіи поврежденія, которое и было исполнено губернскимъ инженеромъ Карабутовымъ, заявившимъ, что, по его мнѣнію, обручъ не могъ служить скрѣпленіемъ барабана и что на барабанѣ не замѣтно никакихъ новыхъ трещинъ; изломъ обруча старый и, скорѣе всего, когда-нибудь произведенъ кровельщиками или плотниками при починкѣ крыши. Г. Карабутовъ сообщилъ, что ему въ продолженіе 30 лѣтъ приходилось неоднократно осматривать Дмитріевскій соборъ при случайныхъ работахъ въ немъ, и онъ всегда видѣлъ однѣ и тѣ же трещины и щели: на четырехъ главныхъ аркахъ подъ среднимъ барабаномъ и мѣстами на наружныхъ стѣнахъ по бѣлому камню. Щели эти не увеличиваются и не имѣютъ размѣровъ угрожающаго значенія. Для укрѣпленія храма г. Карабутовъ проектируетъ: стянуть желѣзными связями среднюю часть церкви съ наружными стѣнами, какъ это имъ же исполнено при реставраціи Владимірскаго Успенскаго собора, и наружный обручъ у средняго барабана замѣнить новымъ. Расходы эти исчислены въ 2000 руб. Археологической Коммиссіи осталось лишь высказать искреннее пожеланіе, чтобы мѣстные ревнители старины или духовное вѣдомство оказали посильную помощь въ дѣлѣ реставраціи собора по предложенному г. Карабутовымъ проекту. (Дѣло 1903 г. № 243).

5. Георгіевскій соборъ въ Юрьевѣ-Польскомъ (XIII в.). Часовня близъ г. Переяславля (XVI в.). Соборъ Спаса въ Псковскомъ Мирожскомъ монастырѣ, 1156 г.

Въ 1886 г. фотографъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества И. Ф. Барщевскій представилъ Министру Императорскаго Двора записку о необ-

ходимости поддержки отъ разрушенія трехъ памятниковъ русской старины: часовни близъ г. Переяславля-Залѣсскаго, Георгіевскаго собора въ г. Юрьевѣ-Польскомъ и собора Спаса въ Псковскомъ Мирожскомъ монастырѣ. Записка препровождена была графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ въ Имп. Археологическую Коммиссію съ предложеніемъ обратить вниманіе подлежащихъ властей на желательность принятія возможныхъ мѣръ къ сохраненію этихъ сооруженій. Коммиссія, отношеніемъ отъ 1 декабря 1886 г., направила это дѣло на заключеніе Н. В. Султанова, давшаго слѣдующій отзывъ:

«Георгіевскій соборъ является однимъ изъ самыхъ любопытныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпныхъ образчиковъ нашего церковно-строительства. Лѣтописи даютъ о немъ такой отзывъ: «Князь Святославъ Всеволодовичъ соверши церковь въ Юрьевѣ св. великомученика Георгія и украси ю паче иныхъ церквей, бѣ бо изовну около всея церкви по каменю рѣзаны святые чудны вельми, иже есть и до сего дни» (П. С. Л. VII, 188). Затѣмъ нашъ покойный археологъ Н. А. Артлебенъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ владиміро-суздальскаго зодчества, говоритъ о немъ-же слѣдующее: «Въ немъ нельзя не признать работы русскихъ мастеровъ, которые перевели на камень мотивы русской рѣзьбы по дереву. Вообще узорочья нижняго этажа Юрьевскаго собора представляютъ первообразъ тѣхъ украшеній, которыя впослѣдствіи у насъ назывались травами». Этихъ двухъ отзывовъ вполнѣ достаточно, чтобы выяснить научное и художественное значеніе Георгіевскаго собора.

Что же касается до реставраціи, то она, по моему мнѣнію, должна быть произведена крайне осторожно и заключаться только въ уничтоженіи новыхъ пристроекъ и расчисткѣ древней обронной работы. Но куполъ и алтарь, несмотря на свое позднѣйшее происхожденіе, не должны быть тронуты: во 1-хъ, потому что при перестройкѣ ихъ легко могутъ пострадать части дѣйствительно древнія, во 2-хъ, потому что при настоящемъ, сравнительно скромномъ развитіи нашей художественной археологіи, вновь возведенныя части, хотя безъ сомнѣнія болѣе подходящія къ стилю собора, могутъ оказаться въ будущемъ неудовлетворительными въ научномъ отношеніи, и, наконецъ, въ 3-хъ, потому что подобная перестройка повлечетъ за собою весьма значительныя затраты, а между тѣмъ нисколько не увеличитъ археологическаго значенія памятника, которое обусловливается только ея древними частями. Вся задача заключается, въ данномъ случаѣ, въ томъ, чтобы невредимо и неизмѣнно сохранить то, что намъ досталось въ наслѣдіе отъ нашей старины. Затѣмъ, независимо отъ всего предыдущаго, желательно было бы собрать въ

соборѣ тѣ части его изваяній, которыя приササомкѣ верхняго яруса были перенесены на другія зданія.

Второй изъ разсматриваемыхъ памятниковъ—Спасскій соборъ—также весьма любопытенъ: это одинъ изъ весьма немногихъ представителей «крестоваго» типа нашихъ древнихъ церквей. Къ несчастью, онъ такъ обезображенъ позднѣйшими пристройками, что его первоначальная форма почти совсѣмъ исчезла. Реставрація его должна заключаться въ сломкѣ позднѣйшихъ угловыхъ пристроекъ съ западной стороны; но колокольница, хотя и болѣе поздняя, чѣмъ соборъ, ни въ какомъ случаѣ не должна быть тронута, такъ какъ она весьма любопытна по своей формѣ и, кромѣ того, примыкая къ собору узкой стороной, нисколько не скрываетъ его общей формы. Необходимо затѣмъ придать луковичной главѣ болѣе древній силуэтъ и расчистить внутри древнія фрески.

Рис. 51. Переяславская часовня XVI в., въ реставрированномъ видѣ.

Наконецъ послѣдній памятникъ—Переяславская часовня (рис. 51)—находится, сравнительно съ предыдущими, въ самомъ печальномъ положеніи: вся въ трещинахъ, она въ весьма близкомъ будущемъ должна разрушиться, а между тѣмъ это одинъ изъ немногихъ образчиковъ нашего кирпичнаго зодчества XVI вѣка. Ея печальное состояніе обусловливается тѣмъ, что она никому не принадлежитъ, а потому для полнаго спасенія ея необходимо не только исправить, но и приписать куда-нибудь. Самымъ подходящимъ для этого мѣстомъ является Переяславскій женскій Θеодоровскій монастырь, находящійся въ 3—4 верстахъ отъ часовни. Игуменія монастыря согласна, сколько мнѣ извѣстно, принять ее въ свое завѣдываніе. Реставрація должна заключаться въ томъ, чтобы расшить кирпичемъ на цементѣ всѣ трещины и покрыть желѣзомъ шатеръ. Эти мѣры безусловно необходимы, ибо въ настоящее время разрушеніе происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что въ трещины забирается вода, которая, замерзая, увеличивается въ объемѣ и тѣмъ раздробляетъ

кладку. Въ заключеніе считаю долгомъ присовокупить, что реставрація часовни просто необходима: еще годъ, два—и она перестанетъ существовать». Расходы на ремонтъ и реставрацію исчислены приблизительно въ 15—20 тысячъ рублей.

По предложенію Археологической Коммиссіи, при Имп. Академіи Художествъ организована была особая коммиссія по составленію проектовъ реставраціи и изысканію на нее денежныхъ средствъ, въ которую вошли: отъ Академіи художествъ проф. Д. И. Гриммъ и конференцъ-секретарь П. Θ. Исѣевъ, отъ св. Синода проф. И. В. Помяловскій и отъ Археологической Коммиссіи В. В. Сусловъ. Въ первомъ засѣданіи, состоявшемся 18 мая 1887 г., коммиссія постановила:

«I. Георгіевскій соборъ. 1) Разобрать съ сѣверной стороны соприкасающуюся къ старой стѣнѣ собора позднѣйшую пристройку паперти, такъ какъ она обезображиваетъ древнюю украшенную орнаментами сѣверную сторону входа въ храмъ; 2) сломать позднѣйшую одноэтажную пристройку къ собору съ юго-западной стороны, ибо послѣдняя закрываетъ все богатство отдѣлки южной стороны древней западной пристройки храма; 3) разобрать позднѣйшую колокольню съ западной стороны собора и, если потребуется, поставить ее вдали отъ церкви, такъ какъ въ настоящее время она, соприкасаясь къ древней западной пристройкѣ храма, совершенно закрываетъ ея наружныя украшенія и кромѣ того, по отзывамъ мѣстныхъ жителей, колокольня не представляетъ большихъ надеждъ на долговѣчность и, слѣдовательно, при паденіи можетъ повредить и разрушить зданіе церкви; 4) по отнятіи всѣхъ новыхъ пристроекъ къ собору, тщательнѣйшимъ образомъ очистить всѣ наружныя украшенія храма отъ слоевъ окрасокъ и штукатурки; 5) собрать части изваяній, которыя при перекладкѣ верхней части церкви были разбросаны и перенесены на другія зданія, если же это окажется затруднительнымъ, то сдѣлать съ нихъ гипсовыя формы; 6) разслѣдовать, не находится ли на внутреннихъ стѣнахъ церкви древней фресковой живописи или мозаикъ; 7) алтарь, верхнюю часть собора и главу оставить въ томъ видѣ, какъ существуютъ; 8) реставрація обронныхъ работъ (наружной рѣзьбы по камню) должна быть произведена по реставраціоннымъ рисункамъ, разсмотрѣннымъ и одобреннымъ коммиссіею; 9) по снятіи всѣхъ недавнихъ пристроекъ къ древнимъ стѣнамъ храма и расчисткѣ его отъ окрасокъ, снять детальныя фотографіи и сдѣлать въ подробныхъ рисункахъ реставрацію всего собора, причемъ уполномоченному для этого дѣла художнику доставить возможность разслѣдовать остатки Холмской церкви въ Галиціи, ибо она, судя по лѣтописямъ, весьма сходна съ

Юрьевскимъ соборомъ; 10) изданіе рисунковъ собора признается крайне важнымъ и полезнымъ, въ возможно подробномъ видѣ, ибо памятникъ этотъ имѣетъ громадный художественный интересъ; 11) отформовать нѣкоторыя изваянія собора для музея Академіи Художествъ.

II. По Спасскому собору Мирожскаго монастыря: 1) придать луковицеобразной главѣ собора болѣе древнюю форму; 2) снять позднѣйшія угловыя надстройки съ западной стороны храма, такъ какъ при производствѣ этихъ работъ подтвердятся научныя предположенія о существованіи въ Псковѣ особаго типа крестообразныхъ церквей и вмѣстѣ съ тѣмъ представится болѣе ясное понятіе о таковомъ типѣ нашихъ древнихъ церковныхъ построекъ; 3) проектъ реставраціи собора долженъ быть представленъ предварительно въ рисункахъ и подвергнуться обсужденію коммиссіи; 4) звонницу оставить до особаго обсужденія коммиссіи на томъ же мѣстѣ и въ такомъ же видѣ, какъ существуетъ; 5) расчистить на внутреннихъ стѣнахъ собора сохранившіяся старинныя фрески и, прежде чѣмъ приступить къ возобновленію ихъ, донести коммиссіи о состояніи ихъ, послѣ чего обсудить способы реставраціи ихъ.

III. По часовнѣ близъ Переяславля-Залѣсскаго: 1) въ виду ея крайней ветхости или могущаго тянуться до будущаго года дѣла реставраціи, необходимо наступающимъ же лѣтомъ сдѣлать надъ нею легкій деревянный шатеръ въ видѣ глухого футляра; 2) если по осмотрѣ часовни въ натурѣ окажется возможнымъ не разбирать ея, чтобы снова складывать, то стянуть корпусъ строенія существующими въ немъ связями, возобновить двойныя арочки съ подвѣсками, расшить кирпичами на цементѣ всѣ трещины и произвести другія мелкія поправки, оставляя часовню въ возможно древнемъ видѣ; 3) предложить Переяславскому Ѳеодоровскому женскому монастырю принять часовню подъ свое вѣдѣніе и просить возможнаго содѣйствія къ сохраненію ея».

«Имѣя въ виду предшествующій трудъ академика Суслова именно по изученію памятниковъ древняго русскаго зодчества», комиссія предложила произвести осмотръ памятниковъ и составленіе смѣтъ ремонта члену своему В. В. Суслову, представителю отъ Имп. Археологической Коммиссіи. Нужныя на поѣздку средства, въ количествѣ 1000 р., ассигнованы были совмѣстно Академіей и Коммиссіей. Въ засѣданіи Коммиссіи 18 апрѣля 1888 г. В. В. Сусловымъ были представлены проекты реставрацій, съ 20 чертежами и 34 фотографическими снимками. Объяснительная записка В. В. Суслова здѣсь пока не помѣщается, такъ какъ не имѣетъ значенія безъ чертежей, а ихъ въ архивѣ Археологической Коммиссіи не имѣется. Смѣта была исчислена въ слѣдующихъ сум-

махъ: на ремонтъ часовни близъ Никитскаго монастыря въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ, признанный неотложнымъ, 5095 р., на ремонтъ часовни близъ Ѳеодоровскаго монастыря—8563 р., Мирожскаго собора—16,888 р., Георгіевскаго собора—9870 р., всего 40,418 р. Кромѣ того, предполагалось изыскать средства на изданіе рельефовъ Юрьевскаго собора и на постройку новаго придѣла въ немъ же—14706 р. По предложенію Археологической Коммиссіи, Имп. Академія Художествъ ходатайствовала чрезъ своего Августѣйшаго Президента предъ Государемъ Императоромъ о назначеніи на расходы по реставраціи 35,418 р., съ разсрочкою на 3 — 4 года. По всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ Императоръ Александръ III въ январѣ 1889 г. соизволилъ повелѣть отпустить въ число этой суммы на 1889 г. 10,000 р. По предложенію Археологической Коммиссіи, производство реставраціи возложено было на В. В. Суслова, а для руководства научною стороною дѣла составлена при Имп. Академіи Художествъ особая комиссія, въ составъ которой вошли отъ Археологической Коммиссіи графъ И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, а отъ св. Синода И. В. Помяловскій. Археологическая Коммиссія затребовала также, для передачи въ Академію Художествъ, сумму въ количествѣ 5000 р., пожертвованную при содѣйствіи В. В. Суслова на реставрацію Мирожскаго собора іеромонахомъ Іоанномъ, но получила отвѣтъ, что сумма эта будетъ передана на мѣстѣ при производствѣ работъ. 7 іюня 1889 г. въ Коммиссіи получено отъ В. В. Суслова сообщеніе, что часовня Никитскаго монастыря разрушилась 21 мая; шатеръ ея упалъ по направленію наибольшей угловой трещины; стѣны отпали на шесть сторонъ. Настоятель Никитскаго монастыря сообщилъ о паденіи часовни Московскому Археологическому Обществу, сѣтуя, что обѣщаніе, данное ему на возстановленіе часовни отъ имени Археологической Коммиссіи В. В. Сусловымъ въ 1888 г., не было приведено въ исполненіе. Общество объ этомъ обращеніи не замедлило увѣдомить Коммиссію. На возстановленіе часовни при Ѳеодоровскомъ монастырѣ, на предварительныя работы по реставраціи Мирожскаго собора и иные расходы было употреблено въ 1889 г. 7361 р. Новыхъ суммъ на производство реставрація изъ Государственнаго Казначейства отпущено не было. В. В. Сусловъ успѣлъ лишь поставить внутри собора лѣса, убрать иконостасъ, вынуть полы и отбить штукатурку какъ внутренней, такъ и наружной стороны. Чрезъ два года епархіальное начальство возбуждаетъ предъ Имп. Академіей Художествъ ходатайство о продолженіи работъ и получаетъ отвѣтъ, что цѣль состоящей при Академіи коммиссіи имѣетъ лишь научный характеръ и денежной стороны

дѣла она не вѣдаетъ; чтобъ совершенно устранить отъ себя матеріальное вмѣшательство въ дѣло реставраціи, Академія переслала преосвященному псковскому Гермогену остатки изъ имѣвшихся въ ея распоряженіи суммъ, въ количествѣ 1000 р. На эту сумму съ прибавленіемъ имѣвшихся уже 5000 р. и былъ въ 1892 г. произведенъ необходимѣйшій ремонтъ собора особою коммиссіею изъ священниковъ о. Павла Кустова, о. Петра Цвѣткова, о. Александра Королева и настоятеля іеромонаха Порфирія, по смѣтѣ и подъ наблюденіемъ архитектора Ф. П. Неструха; поправлена была крыша, задѣланы трещины и произведена штукатурка. Внутренній ремонтъ отложенъ, по неимѣнію чертежей храма. Археологическая Коммиссія отношеніемъ отъ 12 мая 1893 г. на имя преосвященнаго Гермогена просила о допущеніи В. В. Суслова къ снятію фресокъ собора, которыя предполагалось издать, и увѣдомляла, что если будетъ принято рѣшеніе продолжать реставрацію, то Коммиссія проситъ доставить ей проектъ ея на утвержденіе. Фрески рекомендовалось сохранить въ прежнемъ видѣ, закрывъ низы храма деревянными щитами. Такъ какъ лѣса собирались снять для приведенія храма въ удобный для богослуженія видъ, то Археологическая Коммиссія командировала для осмотра фресокъ проф. Н. В. Покровскаго, а для снятія калекъ съ изображеній—Ѳомина, который долженъ былъ исполнить работы подъ руководствомъ В. В. Суслова. По заявленію послѣдняго, работы Ѳомина исполнены не худо, но все же для повѣрки калекъ приглашенъ былъ еще художникъ А. П. Блазновъ. Калькированіе протянулось до половины октября 1893 г.; Коммиссіею на это дѣло израсходовано 745 р. Въ итогѣ работы признаны В. В. Сусловымъ произведенными весьма точно.

О положеніи Мирожскаго собора В. В. Сусловъ въ докладѣ отъ 26 октября 1893 г. заявилъ слѣдующее: «Въ то время, когда внѣшняя штукатурка храма была отбита мною для изысканія древнихъ формъ его, въ стѣнахъ обнаружилось множество разныхъ поврежденій и трещинъ. Когда же ближайшее распоряженіе работами и суммами было передано мѣстному духовному начальству, внѣшнія стѣны были снова заштукатурены. Были-ли при этомъ сдѣланы существенныя техническія исправленія стѣнъ, изъ дѣла мѣстной консисторіи не видно [1]). Переходя къ другимъ болѣе важнымъ поврежденіямъ храма, я долженъ засвидѣтельствовать слѣдующее. Облицовка западныхъ пилоновъ на уровнѣ древняго пола обветшала на столько, что устойчивость ихъ

[1]) Изъ наиболѣе опасныхъ поврежденій памятника была значительная трещина въ главной апсидѣ; она видимо не исправлена существеннымъ образомъ, такъ какъ требовала сквозной проборки стѣны, чего извнутри храма не замѣтно.

является довольно опасною. Поправка ихъ безъ бдительнаго присмотра техника можетъ повлечь за собою полное разрушеніе храма. Подъ шелыги главныхъ сводовъ неизвѣстно когда подведены деревянные брусья, что указываетъ на ихъ существенное нарушеніе. Остальные своды, а также нѣкоторыя изъ арокъ имѣютъ различныя трещины. Внутренняя облицовка стѣнъ на уровнѣ древняго пола перепрѣла. Затѣмъ, прибавляя къ этому отпучины и другія трещины самыхъ стѣнъ и поврежденія, образовавшіяся вслѣдствіе позднѣйшихъ расширеній оконъ, повышеній арокъ, измѣненія перемычекъ и проч., положительно приходится бояться за сколько-нибудь продолжительную устойчивость храма. Первые шаги мѣстнаго распоряженія работами еще болѣе усилили это опасеніе. Не говоря о томъ, были-ли существенно исправлены стѣны при внѣшней оштукатуркѣ храма, нельзя не осудить фактъ безобразнаго расширенія окна въ сѣверной апсидѣ. Въ отношеніи фресковой живописи я считаю долгомъ указать на то, что штукатурка съ фресками во многихъ мѣстахъ отстала отъ стѣнъ и перетрескалась. По низу же храма штукатурка перепрѣла и годъ отъ году осыпается. Вообще состояніе фресокъ также въ печальномъ видѣ, и безъ надлежащихъ предупредительныхъ мѣръ къ ихъ сохраненію мы потеряемъ весьма цѣнные иконографическіе документы [1]). Давать какія-либо предположенія о сохраненіи этого интереснѣйшаго памятника русской старины мнѣ становится теперь уже неудобнымъ, такъ какъ всѣ мои заботы о немъ оставались тщетны. Поэтому я считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Коммиссіи лишь о фактическомъ положеніи Мирожскаго храма въ настоящее время».

Археологическая Коммиссія, пользуясь тѣмъ, что кальки съ фресокъ Мирожскаго собора были представлены для осмотра Государя Императора на обычной ежегодной выставкѣ, устраиваемой въ ея помѣщеніи, отношеніемъ отъ 11 апрѣля 1894 г. возбудила вопросъ въ Имп. Академіи Художествъ о необходимости кончить реставрацію храма. Академія отправила во Псковъ для осмотра собора коммиссію изъ академиковъ: Г. И. Котова, М. Т. Преображенскаго и В. В. Суслова, которая 4 ноября 1895 г. составила слѣдующій актъ осмотра:

---

[1]) „При постановкѣ лѣсовъ въ храмѣ самыя нижнія части стѣнъ были защищены мною досками и мусоръ около нихъ не отгребался, такъ какъ въ основаніи стѣнъ штукатурка отваливалась, между тѣмъ на ней замѣчались признаки фресковой раскраски. Этими остатками я имѣлъ въ виду руководиться при реставраціи храма. Въ настоящее время многое уже утратилось, такъ какъ мое участіе въ судьбѣ собора исключилось съ 1889 года, интереса же къ этому другихъ лицъ не послѣдовало. Вообще соборъ за послѣдніе четыре года, оставаясь безъ всякаго присмотра и радѣнія къ его охраненію, обветшалъ еще болѣе, чѣмъ я нашелъ его въ 1888—1889 г.“

«1) При обнаруженіи фундамента стѣнъ сѣвернаго фасада, около задѣланной двери, глубина его заложенія отъ поверхности земли опредѣлилась въ 2 арш. 8 вершковъ. Фундаментъ основанъ на скалистомъ берегу рѣки Великой, слои котораго обнаруживаются съ восточной стороны церкви; фундаментъ сложенъ изъ известковой бутовой плиты, на растворѣ съ примѣсью толченаго кирпича. Отъ продолжительнаго дѣйствія почвенной сырости и мороза, масса фундамента настолько потеряла свою прочность, что въ настоящее время разрушается отъ ударовъ обыкновенной желѣзной лопаты.

2) При обнаруженіи фундамента подъ сѣверо-западнымъ пилономъ оказалось, что онъ устроенъ столбомъ и основанъ на томъ же скалистомъ материкѣ. Кладка фундамента упомянутаго пилона и ея состояніе—вполнѣ тожественны съ ранѣе описаннымъ фундаментомъ сѣверной стѣны, причемъ, въ основаніи пилона, снаружи ряды его выкрошились.

3) При осмотрѣ фасадовъ, оштукатуренныхъ въ 1892 г., трещинъ на штукатуркѣ не замѣчено. Въ углахъ лопатокъ сѣвернаго и южнаго фасадовъ (обозначенныхъ буквою *а* на планѣ), на высотѣ, приблизительно соотвѣтствующей пятамъ внутреннихъ арокъ, опирающихся на наружныя стѣны, однако же обращаетъ на себя вниманіе незначительная отпученность штукатурки.

4) При осмотрѣ внутренности собора, какъ на стѣнахъ, такъ и на сводахъ и аркахъ, оказались многочисленныя трещины въ штукатуркѣ. Ширина этихъ трещинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 1/2 в., причемъ трещины въ штукатуркѣ, повидимому, существуютъ уже давно и соотвѣтствуютъ трещинамъ въ кладкѣ; обнаружить кладку въ этихъ мѣстахъ было невозможно, по причинѣ сохраняющейся около трещинъ древней живописи. Въ шелыгахъ коробовыхъ сводовъ, смежныхъ съ главными подпружными арками, трещины закрыты досками, а потому опредѣлить состояніе ихъ было также трудно. Болѣе замѣтныя трещины нанесены на прилагаемыхъ при семъ чертежахъ (планъ, продольный и поперечный разрѣзы). Особое вниманіе обращаютъ на себя трещины надъ малыми арками въ западной части храма: надъ всѣми четырьмя арками онѣ идутъ въ одномъ направленіи, спускаясь приблизительно отъ пятъ главныхъ подпружныхъ арокъ наклонно внизъ, къ наружнымъ стѣнамъ. Малыя арки были переложены съ цѣлью увеличить высоту ихъ пролетовъ, вслѣдствіе поднятія уровня пола; при этой передѣлкѣ могли и появиться упоминаемыя трещины. Довольно однообразно располагаются и трещины надъ главными подпружными арками (южной и восточной):

эти трещины идутъ такъ же, какъ надъ сѣверной и западной арками, показанными на разрѣзахъ.

5) Во многихъ мѣстахъ, и преимущественно на сводахъ, при выстукиваніи по штукатуркѣ, звукъ указывалъ на то, что она отдѣлилась отъ стѣнъ.

На основаніи вышеизложенныхъ результатовъ осмотра, капитальный ремонтъ зданія представляется неизбѣжнымъ и касается главнымъ образомъ фундамента. При производствѣ ремонта слѣдуетъ также обратить особое вниманіе на подпружныя и другія арки, состояніе которыхъ, въ виду ихъ конструктивнаго значенія, внушаетъ нѣкоторое опасеніе; большею частію арки покрыты живописью и вполнѣ изслѣдовать ихъ, въ настоящее время, безъ особаго на то разрѣшенія, не представляется возможнымъ».

Коммиссія по реставраціямъ при Академіи художествъ 7 декабря 1895 г. постановила: «Для сохраненія собора коммиссія полагаетъ наиболѣе важнымъ укрѣпить фундаментъ и обезопасить его отъ дѣйствія воды, достигающей при разливѣ рѣкъ фундамента. Въ связи съ этимъ долженъ быть рѣшенъ вопросъ объ уровнѣ пола. Предпочтительно ограничиться реставраціей храма внутри, а снаружи оставить храмъ въ настоящемъ видѣ, измѣнивъ лишь нѣкоторые оконные пролеты. Штукатурку по возможности укрѣпить и трещины задѣлать тѣми способами, какіе выяснятся при производствѣ работъ. Деревянные хоры, нынѣ разобранные, бывшіе въ срединѣ западной части храма и перерѣзавшіе стѣнопись, не возобновлять. Новѣйшую деревянную крышу надъ звонницей замѣнить двумя фронтонами, согласно первоначальнымъ формамъ. Коммиссія полагаетъ просить г.г. архитекторовъ, принимающихъ участіе въ ея трудахъ, выяснить осуществленіе намѣченныхъ выше работъ и составить приблизительный расчетъ ихъ стоимости».

Академія Художествъ черезъ годъ, отношеніемъ отъ 25 ноября 1896 г., сообщила, что по ея заключенію стоимость предположенныхъ строительныхъ работъ въ соборѣ исчисляется въ 10,326 р., а весь ремонтъ обойдется не менѣе 40,000 р. Дальнѣйшее веденіе дѣла Академія всецѣло передала на усмотрѣніе Археологической Коммиссіи, которая немедля вошла къ Оберъ-Прокурору св. Синода съ представленіемъ дѣла на дальнѣйшее распоряженіе съ его стороны. К. П. Побѣдоносцевъ передалъ окончаніе реставраціи собора единолично въ распоряженіе М. П. Боткина, который и кончилъ это дѣло на оставшіяся въ распоряженіи монастыря суммы. На запросъ Археологической Коммиссіи, г. Оберъ-Прокуроръ сообщилъ, что такое рѣшеніе принято было имъ для ускоренія дѣла, такъ какъ иначе возстановленія храма пришлось бы

ждать цѣлые годы. Коммиссія сочла себя обязанною доложить о такомъ положеніи дѣла г. Министру Императорскаго Двора и получила отъ него увѣдомленіе, что, согласно извѣщенію г. Оберъ-Прокурора св. Синода, относительно реставраціи Новгородскаго Софійскаго и Мирожскаго соборовъ ему были преподаны особыя указанія въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ III. Къ осени 1902 г. ремонтъ храма былъ оконченъ. (Дѣла 1886 г. № 63 и 1897 г. № 227).

6. Переяславскаго у. с. Елизарово. Каменная Никитская церковь XVI в.

По донесенію священника о. И. Загорскаго, полученному лѣтомъ 1903 г., Никитскій храмъ, построенный въ XVI в. бояриномъ Басмановымъ, приходитъ въ упадокъ. Шатровый куполъ сталъ настолько слабъ кирпичемъ, что пропускаетъ течь. Деревянный сводъ-потолокъ, подкрѣпленный нѣсколькими тонкими желѣзными прутьями, грозитъ паденіемъ. Древнее устройство значительно потерпѣло отъ ремонта; такъ напр., уничтожены колонны, видоизмѣнены окна, въ куполѣ надпись съ именами какихъ-то воиновъ, съ завѣщаніемъ поминать ихъ, заштукатурена. Въ 1885 г. ветхость и тѣснота храма вынудили ходатайствовать о перестройкѣ его, но она не была разрѣшена археологическимъ обществомъ, вслѣдствіе чего была построена новая церковь, и приходъ принужденъ поддерживать двѣ церкви, на что у него не хватаетъ средствъ. Священникъ просилъ оказать содѣйствіе въ поддержаніи древней церкви. Археологическая Коммиссія потребовала фотографическіе снимки съ церкви, и съ тѣхъ поръ дѣло это не возобновлялось. (Дѣло 1903 г. № 169).

7 Г. Муромъ. Каменный Троицкій соборъ 1642 г.

Отношеніемъ отъ 17 сентября 1896 г. настоятельница Муромскаго Троицкаго женскаго монастыря игуменья Персида обратилась съ ходатайствомъ о разрѣшеніи расширить храмъ удлиненіемъ южной галлереи до алтаря и устройствомъ въ южной стѣнѣ широкой арки; сводъ галлереи, какъ сильно попорченный, предположено было перебрать, съ поднятіемъ до верха оконъ, а равно укрѣпить въ разныхъ частяхъ фундаментъ (рис. 52). 13 ноября Археологическая Коммиссія получила объясненіе отъ В. В. Суслова, осматривавшаго храмъ по приглашенію игуменьи. По его заключенію, соборъ, построенный въ XVII в., довольно изящной архитектуры. Въ концѣ XVIII в. онъ подвергся передѣлкамъ, а именно: были расшиты нѣкоторыя окна, разломана звонница, вмѣсто

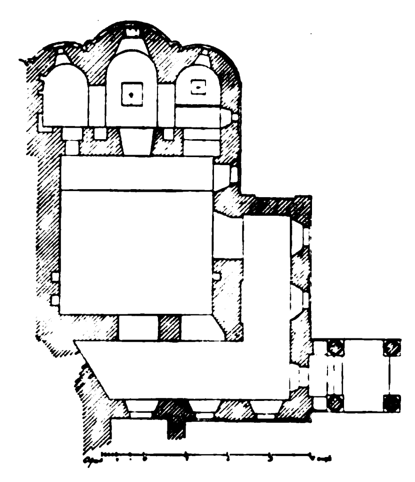

Рис. 52. Планъ Троицкаго собора.

ароиъ въ галлереѣ сдѣланы окна, пробиты въ галлерею арочные проходы, пристроено крыльцо и расширены двери. Передѣлки эти, произведенныя не надлежащимъ образомъ, и пристройка къ сѣверной стѣнѣ новаго храма (въ 1886 г.) отразились на храмѣ неблагопріятно, такъ какъ на сводахъ и надъ окнами наблюдаются трещины. 28 января 1897 г. В. В. Сусловъ, по просьбѣ Археологической Коммиссіи, далъ свое заключеніе о проектѣ работъ, составленномъ г. Корицкимъ, въ которомъ изло-

Рис. 53. Часть фасада Троицкаго собора въ Муромскомъ женскомъ монастырѣ.

жилъ, что для удовлетворенія нуждъ обители и для наименьшаго искаженія памятника, по его мнѣнію, можно допустить продленіе галлереи до алтаря съ перекладкой ея свода и выемкой части стѣны, но съ условіемъ, чтобы сводъ не подымался выше ската нынѣ существующей галлереи; подъ провисшею частью галлереи долженъ быть укрѣпленъ фундаментъ. 18 февраля 1897 г. Коммиссія увѣдомила Оберъ-Прокурора св. Синода, что проектъ расширенія Троицкаго собора утверждается съ измѣненіями, внесенными въ него В. В. Ѳусловымъ, въ частности съ условіемъ, чтобы крыша перестроенной галлереи не закрывала нижней части пояска подъ окномъ, ближайшимъ къ ю-в. углу. Отношеніемъ отъ 11 января 1898 г. игуменія Персида вновь ходатайствовала о разрѣшеніи перестройки и удлиненія галлереи, въ виду ея плохого состоянія, засвидѣтельствованнаго мѣстными архитекторами и фотографическимъ снимкомъ (рис. 53), и получила отвѣтъ, что просимое разрѣшеніе уже дано годъ тому назадъ. (Дѣло 1896 г. № 187).

Церковь построена человѣкомъ гостинной сотни Тарасомъ Борисовичемъ Цвѣтковымъ. Время пристройки неизвѣстно.

8. Г. Владиміръ. Богородицкая церковь при духовной семинаріи, 1649 г.

Отношеніемъ отъ 24 іюня 1894 г. Оберъ-Прокуроръ св. Синода просилъ Археологическую Коммиссію разрѣшить расширеніе названной церкви переустройствомъ сѣвернаго придѣла, необходимое вслѣдствіе чрезвычайной тѣсноты храма. Церковь основана при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и первоначально имѣла съ трехъ сторонъ узкую (3³/₄ арш.) открытую галлерею на каменныхъ столбахъ со сводами. Позднѣе южная часть галлереи, вслѣдствіе близости обрыва, была разобрана, а сѣверная въ 1868 г. обращена въ теплую церковь; эта часть храма не только особенно тѣсна, но и холодна, вслѣдствіе тонкости стѣнъ. По мнѣнію епархіальной власти, церковь не представляетъ рѣдкости, такъ какъ подобныхъ въ епархіи имѣется нѣсколько, а въ случаѣ постройки новой церкви существованіе настоящей можетъ быть не обезпечено отъ серьезныхъ поврежденій и даже разрушенія. Планъ переустройства былъ разрѣшенъ св. Синодомъ, но не утвержденъ мѣстнымъ строительнымъ отдѣленіемъ, которое его отправило на разсмотрѣніе въ Московское Археологическое Общество, а послѣднее въ разрѣшеніи отказало въ виду археологическаго и художественнаго интереса галлереи и проектированной застройки даже западной части ея. Разсмотрѣвъ проектъ, Археологическая Коммиссія увѣдомила г. Оберъ-Прокурора отношеніемъ отъ 29 ноября 1894 г.: 1) что церковь представляетъ рѣдкій и замѣчательный

образецъ церковной архитектуры первой половины XVII в., заслуживающій, по своей сохранности и чистотѣ стиля, самого заботливаго охраненія, 2) что осуществленіе проектируемой пристройки сопряжено съ большими техническими затрудненіями и представляетъ опасность для прочности древняго зданія, 3) что проектъ пристройки представляется нецѣлесообразнымъ, такъ какъ со стороны ея не только не будетъ видно богослуженіе, но даже не будетъ и слышно его. (Дѣло 1894 г. № 101).

Изъ хранящейся въ архивѣ Коммиссіи метрики видно, что церковь строена въ 1644—1649 гг. «тщаніемъ и трудами» володимірцевъ гостиной сотни: Патрикѣя, Андрея и Григорья Денисовыхъ дѣтей Родіонова съ племянниками и съ посадскими людьми Вас. Аброс. Хмыловымъ и Сем. Ив. Сомовымъ «въ вѣчныя блага» (по надписи на западной стѣнѣ). Кирпичъ стѣнъ до 18 фунт. вѣсомъ. Въ куполѣ алтаря связи деревянныя. Предъ мѣстными иконами четыре древнія раскрашенныя свѣчи. Описаніе церкви см. въ Владим. Вѣдом. 1844 г. № 41 и у іером. Іоасафа въ его «Владим. и Суздальскихъ древностяхъ», 1857 г.

9. Г. Гороховецъ. Каменная Срѣтенская церковь, 1689 г.

По донесенію духовной консисторіи отъ 11 мая 1902 г., осыпается каменная лещадка съ главъ этой церкви. Такъ какъ поддержать старинную кровлю церкви въ настоящемъ устройствѣ представляется невозможнымъ въ виду того, что такая лещадка нынѣ не выдѣлывается, то излагается проектъ перекрыть среднюю главу желѣзомъ въ формѣ лещади, а освободившимися плитками поправить боковыя главки. Археологическая Коммиссія затребовала фотографическіе снимки и проектъ и получила въ отвѣтъ, что дѣло о ремонтѣ Срѣтенской церкви пріостановлено до изысканія средствъ. Церковь безприходная, содержится отъ городской управы, а имѣвшійся въ виду жертвователь отказался отъ своего намѣренія дать необходимыя средства. (Дѣло 1902 г. № 105).

10. Юрьевскаго у. с. Вилюково (приходъ с. Анькова). Деревянный храмъ 1700 г.

Въ 1903 г. Владимірскимъ епархіальнымъ начальствомъ разрѣшено было укрѣпить храмъ подведеніемъ каменнаго фундамента (рис. 54). Отношеніемъ отъ 16 мая 1906 г. духовная консисторія увѣдомила Археологическую Коммиссію, что глава на храмѣ обветшала и уклонилась въ сторону, что крыша протекаетъ, обветшала и обшивка церкви, вслѣдствіе чего причтъ и староста ходатайствуютъ о разрѣшеніи сдѣлать новую главу, крышу покрыть желѣ-

Рис. 54. Церковь с. Билюкова, Юрьевскаго у.

зомъ и обшить стѣны новымъ тесомъ. Отношеніемъ отъ 31 мая Коммиссія увѣдомила, что она проситъ ограничиться необходимою замѣною сгнившихъ частей крыши, главки и обшивки новыми деревянными же, сохранивъ древнія формы. Въ случаѣ необходимости замѣнить главку новою поставлено условіе доставить чертежи ея стропильныхъ дугъ и точные размѣры. (Дѣло 1906 г. № 76).

11. Г. Суздаль. Каменная Предтеченская церковь, 1734 г.

Отношеніемъ духовной консисторіи отъ 2 мая 1902 г. препровождено въ Имп. Археологическую Коммиссію ходатайство о разрѣшеніи перемѣнить въ церкви рамы и замѣнить каменную главку деревянной, такъ какъ, по свидѣтельству архитектора Н. Корицкаго, осмотрѣвшаго церковь, оказалось, что главка производитъ сильное давленіе на арку и частью на полуциркульный сводъ и уже образовала трещины (рис. 55). Позднѣе (26 января 1903 г.), по требованію Коммиссіи, доставлены фотографическіе снимки съ церкви и техническій чертежъ поврежденій. Отношеніемъ отъ 20 февраля просимое разрѣшеніе было дано. (Дѣло 1902 г. № 94).

Рис. 55. Суздальская Предтеченская церковь 1734 г.

12. Муромскаго у. с. Молотицы. Успенская церковь 1754 г.

Отношеніемъ духовной консисторіи отъ 22 августа 1906 г. препровожденъ проектъ расширенія лѣваго придѣла храма до границъ колокольни, составленный епархіальнымъ архитекторомъ Корицкимъ, съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ (рис. 56 и 57). По проекту пробивается аркою и закрывается почти лишенная украшеній стѣна трапезы и низъ лѣваго фасада колокольни. Просимое разрѣшеніе дано (отношеніемъ отъ 11 октября) съ условіемъ, чтобы наблюденіе было поручено спеціалисту, который долженъ принять всѣ мѣры противъ обычно наблюдаемыхъ вредныхъ для стараго зданія послѣдствій подобныхъ пристроекъ, и чтобы стѣны новой пристройки были выведены не заподлицо со старыми, а отступя немного внутрь. (Дѣло 1906 г. № 113).

Рис. 56. Молотицкая церковь съ Ю.-В.

Рис. 57. Молотицкая церковь съ С.-З.

13. Суздальскаго у. с. Янево. Каменная колокольня 1779 г. (Древности. Труды Коммиссіи по сохраненію памятн., т. I, стр. 3, 22, 30, 43, 71).

Отношеніемъ отъ 6 марта 1906 г. духовная консисторія, излагая ходъ дѣла, запрашиваетъ Императорскую Археологическую Коммиссію о томъ, какъ она находитъ возможнымъ и разрѣшаетъ поступить съ угрожающею опасностью древнею колокольнею и церковью въ с. Яневѣ (неправильно относя ее къ 1721 г.). По этому вопросу уже было сношеніе Владимірскаго епархіальнаго начальства съ губернскимъ правленіемъ и Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ обществомъ, которому были препровождены и фотографическіе снимки. Въ результатѣ этихъ сношеній, въ февралѣ 1906 г. Владимірскимъ губернскимъ правленіемъ была командирована особая комиссія изъ техниковъ для осмотра поврежденій и заключенія о необходимыхъ мѣропріятіяхъ къ устраненію опасности отъ колокольни. Комиссія нашла, что причина образованія трещинъ — плохой фундаментъ, сложенный изъ крупнаго и средняго булыжника на сухо, безъ раствора, что образовавшіяся вслѣдствіе этого трещины въ колокольнѣ, трапезной и въ сводахъ значительны и расширяются на глазахъ, такъ какъ въ теченіе года онѣ стали сквозными. Въ виду этого комиссія постановила: признать колокольню и трапезную весьма ветхими и вполнѣ возможнымъ ихъ обрушеніе, распорядиться убрать колокола съ колокольни, прекратить богослуженіе въ церкви и сдѣлать соотвѣтственное огражденіе; капитальный ремонтъ колокольни и трапезной безъ разборки стѣнъ признанъ невозможнымъ. Строительное отдѣленіе губернскаго правленія, препроводивъ свое постановленіе въ духовную консисторію, просило ее сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія и затѣмъ по сношенію съ Императорскою Археологическою Коммиссіею (§ 78 уст. строит.) поступить согласно § 113 Уст. Строит. Копія протокола препровождена была для свѣдѣнія въ Имп. Московское Археологическое Общество. Археологическая Коммиссія съ своей стороны, не зная церкви, постановила просить необходимые фотографическіе снимки. Но еще прежде, до отсылки въ Коммиссію отношенія консисторіи, Московское Археологическое Общество затребовало отъ Строит. отдѣленія Владимірскаго губ. правленія дополнительный фотографическій снимокъ съ церкви, подробные чертежи существующей церкви и проектъ ея переустройства, о чемъ консисторія и увѣдомила Коммиссію отношеніемъ отъ 28 марта 1906 г. Требованіе это причтомъ и старостою исполнено не было, хотя и было предъявлено имъ консисторіею предписаніемъ отъ 10 апрѣля 1906 г. На запросъ Коммиссіи духовная консисторія отношеніемъ

отъ 16 ноября того же года сообщила слѣдующее: «Фотографическихъ снимковъ доставлено не было, а 7 мая общество крестьянъ с. Янева самовольно уронили колокольню до основанія. Послѣ того епархіальнымъ начальствомъ разрѣшено построить новую каменную колокольню въ с. Яневѣ по проекту, разсмотрѣнному Строительнымъ отдѣленіемъ губ. правденія 30 іюня. Предъ симъ было сношеніе съ Имп. Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Послѣднимъ данъ былъ отзывъ отъ 20 мая 1906 г., т. е. когда древняя колокольня была уже разрушена крестьянами безъ разрѣшенія,—что не встрѣчается препятствій къ утвержденію проекта новой колокольни, въ виду настоятельной необходимости допустить уничтоженіе древняго памятника. Въ отзывѣ выражено было желаніе, чтобы до сломки древней колокольни были сняты фотографіи, для представленія въ Общество, съ отдѣльныхъ детальныхъ ея частей. О самовольной сломкѣ крестьянами старинной колокольни въ с. Яневѣ и невозможности посему исполнить требованіе Археологическаго Общества о снятіи фотографій колокольни Обществу донесено изъ Духовной Консисторіи отъ 11 іюля 1906 г. Противъ виновныхъ въ сломкѣ древней колокольни возбуждено было дѣло». На запросъ Коммиссіи о результатахъ слѣдствія еще не получено отвѣта. (Дѣло 1906 г. № 37).

---

14. Г. Переяславль. Иконостасъ Троицкой церкви, сооруженный въ 1780 г.

Иконостасъ (рис. 58) сооруженъ былъ при Переяславскихъ владыкахъ; въ 1901 г. купчиха Гладкова пожертвовала на исправленіе иконостасовъ храма 10,000 р., и это обстоятельство подвергло старый иконостасъ опасности, такъ какъ явилась мысль замѣнить его совершенно новымъ. Узнавъ объ этомъ, Владимірская архивная комиссія заявила свой протестъ, и намѣреніе это временно было оставлено, пока не нашлись энергичные люди, давшіе дѣлу иной оборотъ. Владимірская духовная консисторія прислала указъ съ разрѣшеніемъ замѣнить иконостасъ новымъ. Но у церкви оказались мѣстные защитники. Они подняли тревогу въ печати («Свѣтъ» 1901 г. № 309), возбудили вопросъ въ св. Синодѣ чрезъ душеприказчицу г-жи Гладковой и, наконецъ, въ Археологической Коммиссіи. 30 ноября 1901 г. Коммиссія потребовала на разсмотрѣніе проектъ переустройства иконостаса и фотографическій снимокъ съ него. При отношеніи отъ 12 марта 1902 г., чрезъ 3½ мѣсяца, снимокъ былъ доставленъ, вмѣстѣ съ подробнымъ изложеніемъ хода дѣла, который представляется въ слѣдующемъ видѣ. Священникъ и староста церкви вошли съ просьбою

Рис. 58. Переславль. Иконостасъ Троицкой церкви 1780 г.

о замѣнѣ иконостаса новымъ на томъ основаніи, что съ него было бы необходимо снять рѣзныя изображенія значительныхъ размѣровъ, «противныя религіозному чувству молящихся», а это должно совершенно исказить памятникъ и отнять у него достоинство древности. Вслѣдъ за симъ 18 прихожанъ вошли къ преосвященному съ прошеніемъ о томъ, что имъ крайне горестно разстаться съ старымъ иконостасомъ, какъ драгоцѣннымъ памятникомъ старины. 11 декабря 1901 г. было предписано доставить подробное описаніе иконостаса благочинному, который донесъ, что иконостасъ осмотрѣнъ имъ 21 января 1902 г. вмѣстѣ съ мастеромъ Постниковымъ, причемъ было найдено: 1) что позолота отъ времени потемнѣла и во многихъ мѣстахъ обтерлась, составныя части въ угловыхъ соединеніяхъ и связяхъ по мѣстамъ разошлись, карнизы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обломались, нѣкоторыя рамы у св. иконъ потрескались, 2) что рѣзьба, повидимому, была поправляема, и иконостасъ по золоту покрытъ спиртовымъ лакомъ, что верхняя часть иконостаса имѣетъ нѣкоторый уклонъ къ южной сторонѣ, 3) что отъ времени оконечности рукъ и ногъ у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ рѣзныхъ изображеній отпали и сдѣланы фигуры не художественно, что за прочность изображенія Воскресенія Господа ручаться нельзя, какъ и за прочность всѣхъ рѣзныхъ изображеній, и, напротивъ, можетъ являться даже опасность, такъ какъ всѣ ярусы иконостаса сдѣланы отдѣльно и не имѣютъ крѣпкой вязки, что паденія, можетъ быть, и бывали, въ виду того, что въ рѣзномъ изображеніи надъ сѣверною дверью поддѣлано и позолочено крыло. Оставить старый иконостасъ и только позолотить его крайне трудно и даже не безопасно, такъ какъ предварительно потребуется отпаривать старую позолоту, что неминуемо повлечетъ за собою расклейку большей части иконостаса и рѣзьбы, такъ что только для позолоты будетъ болѣе чѣмъ трудно опять его собрать, а рамы для иконъ нужно дѣлать совершенно новыя. Кромѣ того, по снятіи старой позолоты, предъ началомъ новой, необходимо снять нѣкоторый слой дерева со всего иконостаса, чтобы могла держаться новая политура, но тогда иконостасъ будетъ еще легче, и составныя части его трудно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже невозможно будетъ собрать и укрѣпить. Что касается смысла завѣщанія г-жи Гладковой, то надо принять во вниманіе, что деньги завѣщаны на позолоту всѣхъ иконостасовъ Троицкой церкви, *слѣдовательно и будущаго*. «Но не желательно имѣть съ завѣщательницею тяжебное дѣло по этому поводу». Съ своей стороны преосвященный находитъ рѣзныя изображенія иконостаса неблагообразными и не согласными съ духомъ православной церкви. «Изображенія Спасителя и апостоловъ сдѣланы несимметрично — одна фигура

больше, другая меньше, и части тѣла не пропорціональны между собой. Въ фигурѣ молящагося Спасителя одна ручка короче, другая длиннѣе. По всему видно, что мастеръ, работавшій иконостасъ, былъ не только не художникъ, но и неискусный рѣзчикъ. Мѣстный священникъ доноситъ, что рѣзныя фигуры не удовлетворяютъ религіозному чувству молящихся. Можно сказать о нихъ даже больше, что при развивающейся въ Россіи штундѣ и другихъ раціоналистическихъ сектахъ, которыхъ не чужда и Владимірская епархія, такія фигуры могутъ со стороны сектантовъ служить охуленіемъ православныхъ храмовъ и пропаганды сектъ во вредъ православію». Далѣе слѣдуетъ ссылка на узаконенія 1722 г. и 1835 г. о запрещеніи отливныхъ и рѣзныхъ иконъ и указаніе, что храмы XVIII в. къ предметамъ древности не относятся. Несмотря на всѣ эти доводы, преосвященный все же склоняется къ мысли оставить прежній иконостасъ, въ виду сопротивленія душеприказчицы и ходатайства прихожанъ, «хотя и въ количествѣ 18 только человѣкъ». Императорская Археологическая Коммиссія увѣдомила преосвященнаго, что сохраненіе стараго иконостаса ею признано весьма желательнымъ. (Дѣло 1901 г. № 271).

---

15. Г. Переяславль. Срѣтенская церковь. Иконостасъ 1785 г.

Отношеніемъ отъ 6 іюня 1907 г. духовная консисторія препроводила ходатайство о замѣнѣ стараго иконостаса (рис. 59) церкви, построеннаго въ

Рис. 59. Переяславль. Срѣтенская церковь. Иконостасъ 1785 г.

1785 г., новымъ. Поводъ къ ходатайству—сильная ветхость иконостаса. Доставленъ былъ чертежъ иконостаса, а затѣмъ и фотографическій снимокъ съ него. 25 іюля Коммиссіею отправленъ отвѣтъ, что иконостасъ представляетъ собой хорошій образчикъ искусства начала XIX в. и долженъ быть исправленъ съ сохраненіемъ настоящаго вида. (Дѣло 1907 г. № 86).

---

16. Переяславскаго у. с. Скоблево. Иконостасъ 1792 г. Никольской церкви.

(Древности. Труды Коммиссіи по сохран. памятн. т. I, стр. 28, 29, 56, 81).

Прихожане с. Скоблева просьбою отъ 6 марта 1906 г. ходатайствовали о разрѣшеніи перемѣнить иконостасъ церкви, сооруженный въ 1792 г. дочерью полковника Нат. Алмазовой, своими плотниками и столярами по данному имъ рисунку. Приходъ, собравъ съ трудомъ средства на устройство мозаичнаго пола и на стѣнное письмо, желалъ бы соорудить и новый иконостасъ, такъ какъ настоящій не художественъ и лишенъ рѣзьбы. «Едиными устами и единымъ сердцемъ умоляемъ И. А. К. дать намъ разрѣшеніе и тѣмъ обрадовать насъ во славу Бога и въ честь угодника Его, святителя и чудотворца Николая». Приходъ испрашиваетъ разрѣшенія по требованію духовной консисторіи. Несмотря на всю убѣдительность просьбы и ходатайства А. А. Титова, Археологическая Коммиссія признала цѣлесообразнымъ не уничтожать иконостаса по его художественнымъ достоинствамъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ съ археологической точки зрѣнія она не находила препятствій къ замѣнѣ его инымъ. Еще прежде на замѣну стараго иконостаса новымъ не дало разрѣшенія Императорское Московское Археологическое Общество. (Дѣло 1906 г. № 34).

---

17. Суздальскаго у. с. Погостъ-Быковъ. Иконостасъ Знаменской церкви, 1794 г.

Церковь построена усердіемъ помѣщицы Варв. Алекс. Кашинцевой.

Отношеніемъ отъ 14 іюля 1905 г. духовная консисторія увѣдомила Археологическую Коммиссію, что ею отклонено ходатайство причта и старосты церкви о разрѣшеніи замѣнить старый иконостасъ 1794 г. (рис. 60) новымъ, но получено было новое прошеніе о томъ же съ изложеніемъ, что реставрировать иконостасъ нельзя, такъ какъ онъ отъ времени и старости наполовину сгнилъ, а наполовину пораженъ червоточиной. По полученіи фотографическаго снимка, въ засѣданіи 21 декабря разрѣшено замѣнить иконостасъ новымъ. (Дѣло 1905 г. № 125).

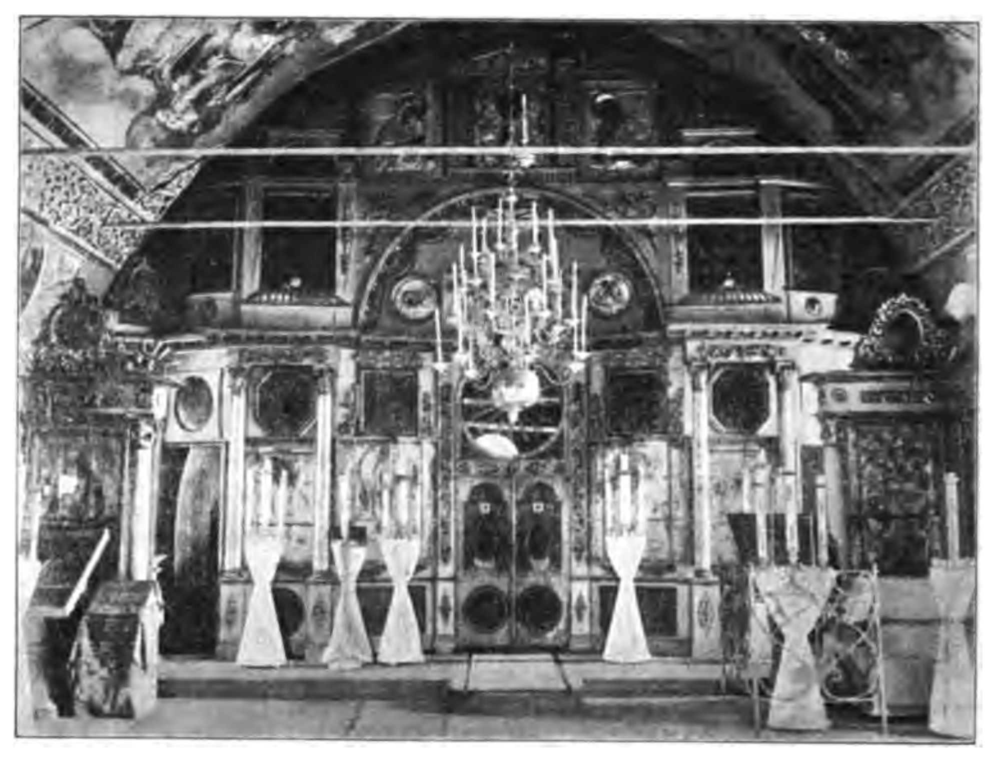

Рис. 60. Иконостасъ въ церкви с. Погостъ-Быковъ, Суздальскаго у., 1794 г.

18. Г. Переяславль. Усѣкновенская церковь. Иконостасъ 1797 г.

Отношеніемъ отъ 11 апрѣля 1907 г. духовная консисторія препроводила ходатайство о разрѣшеніи замѣнить иконостасъ въ тепломъ придѣлѣ церкви, сооруженный въ 1797 г., но «пришедшій въ ветхость отъ давности времени и отсутствія ремонта», новымъ, что «является въ настоящее время существенною необходимостью». Отношеніемъ отъ 12 мая Коммиссія увѣдомила, что она не можетъ согласиться на уничтоженіе иконостаса въ виду его художественныхъ достоинствъ. (Дѣло 1907 г. № 42).

II. Ярославская губернія.

1. Г. Угличъ. Дворецъ царевича Димитрія, XV в.

Ярославскій губернаторъ генералъ-маіоръ А. Я. Фриде во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1887 г. упомянулъ о томъ, что, по его мысли, поднятъ вопросъ о возстановленіи дворца (рис. 61) въ прежнемъ видѣ, для чего собираются частныя пожертвованія. Императоръ Александръ III изволилъ сдѣлать

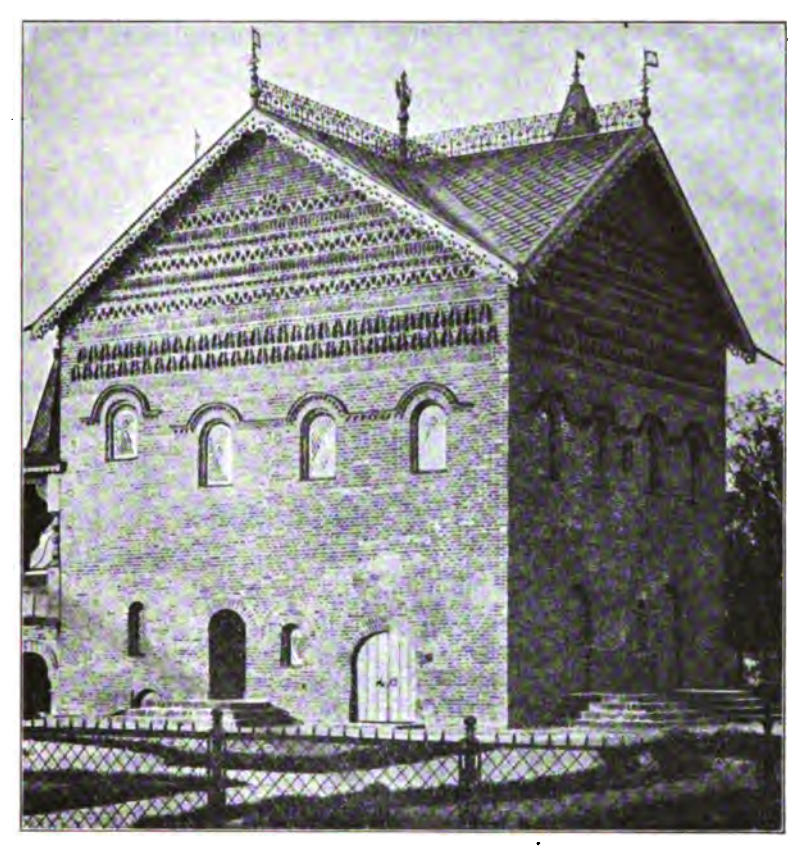

Рис. 61. Угличскій дворецъ царевича Димитрія

здѣсь на отчетѣ отмѣтку: «Весьма желательно!» Отчетъ былъ затѣмъ внесенъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Комитетъ Министровъ. Императорская Археологическая Коммиссія получила отъ Кабинета Его Императорскаго Величества запросъ отъ 5 іюля 1888 г. о томъ, что ей извѣстно о дворцѣ. Сообщивъ имѣющіяся краткія свѣдѣнія, Коммиссія высказала Кабинету, что реставрацію дворца необходимо произвести возможно осмотрительнѣе, лишь послѣ тщательнаго изслѣдованія. Отношеніемъ отъ 22 іюля 1888 г. г.-м. Фриде обратился въ Коммиссію съ просьбою командировать для осмотра дворца спеціалиста-архитектора, при чемъ сообщилъ, что мысль о реставраціи у него явилась послѣ осмотра дворца, поразившаго его своимъ полуразрушеннымъ видомъ. Онъ убѣдилъ мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства Я. С. Колмогорова и гражданъ принять участіе въ реставраціи и съ своей стороны открылъ сборъ пожертвованій въ губерніи. Отъ Археологической Коммиссіи былъ командированъ для осмотра дворца, составленія смѣты и наблюденія впослѣдствіи за реставраціей Н. В. Султановъ, высказавшій, что онъ принимаетъ это порученіе за особенную

честь. По письму отъ 20 октября 1888 г., итоги произведеннаго Н. В. Султановымъ осмотра свелись къ слѣдующимъ даннымъ:

1) «Дворецъ представляетъ собою квадратное въ планѣ, трехъэтажное зданіе, состоящее изъ подвала, подклѣта и верхняго жилья.

2) Длина каждой стороны квадрата около 5½ саж., а высота всего зданія около 6 саж.

3) Подвальный этажъ, образующій два отдѣльныхъ помѣщенія, былъ нѣкогда покрытъ сводами; часть ихъ уцѣлѣла съ восточной стороны; онъ освѣщался окнами, часть которыхъ теперь заложена, а самый подвалъ заваленъ мусоромъ. Въ с.-в. углу его есть отверстіе въ родѣ ниши, засыпанное обломками кирпича; оно можетъ быть принято за начало того подземнаго хода къ Волгѣ, о существованіи котораго гласитъ мѣстное преданіе. Судя по окну, уцѣлѣвшему въ восточной стѣнѣ подвала, земля вокругъ дворца наросла по крайней мѣрѣ на ¾ аршина.

2) Въ подклѣтѣ, образующемъ въ настоящее время одну большую комнату, всѣ окна заложены. На южной и западной стѣнѣ замѣтны остатки поперечныхъ стѣнъ, которыя, повидимому, выломаны уже очень давно. Судя по копоти и по расположенію наружныхъ дымоходовъ, можно заключить, что здѣсь нѣкогда были печи. Покрытіе подклѣта было первоначально, вѣроятно, сводчатое, но оно замѣнено теперь легкимъ деревяннымъ потолкомъ.

3) Верхнее жилье все занято нынѣ одною большою комнатою, но сперва въ немъ, безъ сомнѣнія, были подраздѣленія, какъ это можно заключить изъ того, что окна его расположены на разныхъ уровняхъ. Стѣны верхняго жилья извнутри оштукатурены и очень плохо расписаны клеевыми красками при послѣднемъ возобновленіи во времена Императора Александра I. Всѣ попытки мои отыскать подъ новымъ расписаніемъ хотя какіе-нибудь слѣды древней стѣнописи оказались безуспѣшными. Покрытіе верхняго жилья было, вѣроятно, также сводчатое, но въ настоящее время представляетъ собою крайне уродливый новый деревянный потолокъ съ горизонтальной серединой и двумя боковыми скатами. Окна хотя и не заложены, но изнутри заставлены новыми стеклянными рамами, между тѣмъ какъ древнія слюдяныя оконницы кое-какъ приколочены снаружи.

4) Чердакъ покрытъ позднѣйшей желѣзной восьмискатной крышей, столь плохо прилаженной къ стѣнамъ, что въ оставшіеся широкіе промежутки свободно пролѣзаютъ голуби, покрывшіе весь чердакъ своимъ пометомъ.

5) Снаружи дворецъ весь изборожденъ вертикальными трещинами, образованіе которыхъ, повидимому, уже старались предупредить (хотя, впрочемъ, совершенно

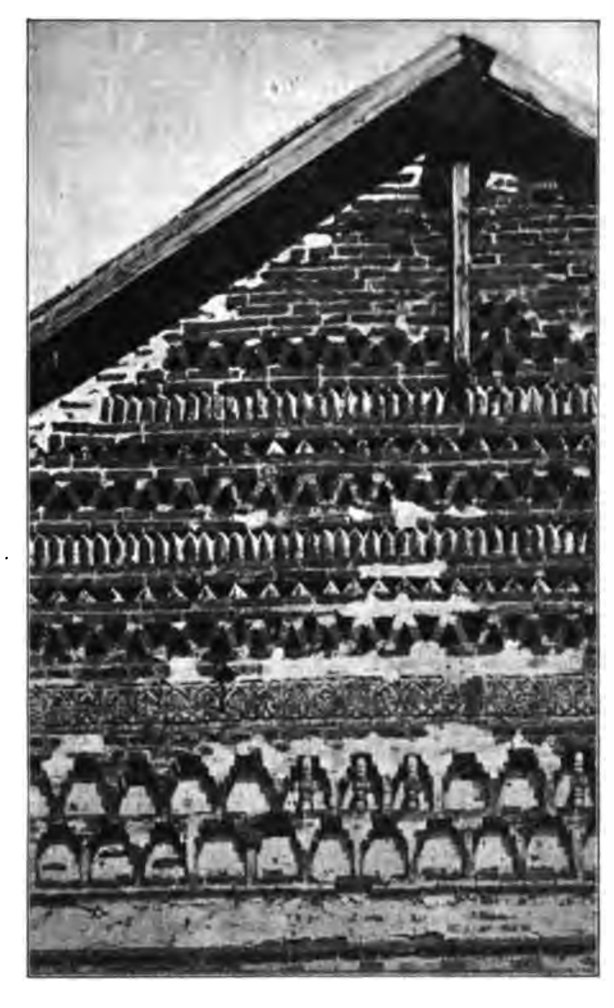

Рис. 62. Часть терракоттоваго пояса.

безуспѣшно) закладываніемъ оконъ и дверей. Мѣстами кирпичъ очень сильно опрѣлъ, а самая кладка осыпается въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ, напр., въ верхнемъ с.-в. или нижнемъ ю.-в. углу. Западная стѣна въ верхнемъ этажѣ очень сильно выпучилась внаружу, при чемъ по бокамъ выпучившейся части образовались вертикальныя трещины; вверху надъ нею сложенъ позднѣйшій кирпичный щипецъ. На южномъ и сѣверномъ фасадѣ идетъ по верху превосходный поясъ изъ терракотты (рис. 62—64) съ такими же балясинками (рис. 65), изъ которыхъ многихъ недостаетъ. На восточномъ фасадѣ, примѣрно съ уровня пола верхняго жилья, тянется дымовая

Рис. 63. Деталь терракоттоваго пояса (4-й поясъ снизу на рис. 62).

Рис. 64. Деталь щипца извнутри.

Рис. 65 (2/9). Балясина.

труба, срѣзанная по верху новой крышей. Съ сѣверной стороны придѣлано позднѣйшее каменное и очень некрасивое крыльцо, которое ведетъ во 2-й этажъ

Таковы данныя, добытыя мною въ Угличѣ. Они прямо показываютъ на крайне печальное состояніе его дворца. Мусоръ, трещины, заложенныя окна, провалившіеся своды, выломанныя стѣны и безобразнѣйшія позднѣйшія передѣлки, — таковы признаки, характеризующіе внутренній и внѣшній видъ этого, едва-ли не древнѣйшаго, памятника русскаго гражданскаго зодчества.

Несмотря на то, что осмотръ дворца былъ произведенъ мною самымъ тщательнымъ образомъ, я полагаю, что добытыя мною при этомъ данныя слишкомъ недостаточны для разрѣшенія столь важнаго въ техническомъ и археологическомъ отношеніи вопроса, какъ возстановленіе подобной исторической святыни. Для наиболѣе правильнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо, во 1-хъ, произвести самыя тщательныя раскопки внутри и снаружи дворца, а во 2-хъ, поставить хотя бы легкіе лѣса, съ которыхъ былъ бы возможенъ подробный осмотръ всѣхъ частей фасадовъ (какъ нижнихъ, такъ и верхнихъ).

Теперь-же, на основаніи только тѣхъ данныхъ, которыя я добылъ путемъ осмотра, я полагалъ бы необходимымъ произвести во дворцѣ слѣдующія работы:

1) Сломать новую каменную ограду. 2) Снять всю новую наносную землю до древняго уровня. 3) Подвести новый фундаментъ вмѣсто стараго, очевидное разрушеніе котораго вызвало появленіе трещинъ. 4) Открыть заложенныя окна и двери. 5) Поддѣлать кирпичемъ на цементѣ отвалившіяся части кладки и расшить также всѣ трещины. 6) Сложить вновь разрушенныя части подвальныхъ сводовъ. 7) Стянуть западную стѣну съ восточною желѣзными связями, дабы предупредить возможность дальнѣйшаго выпучиванія. 8) Поставить на мѣсто древнія слюдяныя оконницы. 9) Исправить крышу и закрыть чердакъ отъ голубей. 10) Возстановить полуразрушенную лѣстницу въ подвалъ. 11) Сломать новое уродливое крыльцо и замѣнить его другимъ, болѣе подходящимъ по формѣ и стилю. 12) Произвести вновь самыя полныя изысканія остатковъ древней стѣнописи и, если окажется (какъ я предполагаю), что вся штукатурка сдѣлана при послѣднемъ поновленіи въ началѣ текущаго столѣтія, то новую уродливую живопись уничтожить совершенно, а штукатурку сбить

въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ею скрыты начала поперечныхъ стѣнъ, дабы обнаружить древнее внутреннее подраздѣленіе верхняго жилья. 13) Новый уродливый потолокъ снять и замѣнить его болѣе подходящимъ деревяннымъ покрытіемъ. 14) Если найдутся средства, то въ подклѣтѣ поставить на старое мѣсто духовую печь, а верхній этажъ обратить въ музей мѣстныхъ древностей».

Вторичное изслѣдованіе, произведенное Н. В. Султановымъ 22—24 іюня 1889 г., съ раскопками и лѣсами, дало слѣдующіе результаты:

1) «Дворецъ представляетъ собою четырехъугольное трехъэтажное зданіе, оріентированное своими фасадами по сторонамъ свѣта.

2) Подвальный этажъ дворца, лежащій значительно ниже настоящаго уровня площади, состоитъ изъ двухъ отдѣленій, раздѣленныхъ глухою стѣною. Южное отдѣленіе его сохранилось довольно хорошо, покрыто уцѣлѣвшимъ вполнѣ кирпичнымъ цилиндрическимъ сводомъ и имѣетъ въ восточной стѣнѣ окно и печуру; въ ю.-з. углу его расположена полуразрушенная кирпичная лѣстница, которая ведетъ въ первый этажъ и имѣетъ нынѣ заложенную дверь. Сѣверное отдѣленіе сохранилось гораздо хуже: покрывающій его цилиндрическій сводъ провалился по срединѣ; сѣверная наружная стѣна облицована въ недавнее время изнутри кирпичемъ, но, вслѣдствіе осадки верхнихъ частей, облицовка эта отдѣлилась отъ старой кладки и сильно выпучилась по срединѣ. Надъ этой облицовкой, ближе къ с.-з. углу, замѣтны остатки заложенной въ недавнее время большой арки. Отдѣленіе это имѣетъ два окна: одно въ восточной, а другое въ западной стѣнѣ, и, кромѣ того, одну печуру близъ с.-з. угла и одну полуразрушенную впадину у с.-в. угла, уровень которой значительно ниже уровня подвальныхъ оконъ. Эта впадина, по указанію нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей, была началомъ тайника, выходившаго къ Волгѣ, но, къ сожалѣнію, раскопки, произведенныя противъ этой ниши снаружи, опровергли эти показанія, ибо никакого начала хода онѣ не обнаружили. Если же допустить то предположеніе, что ходъ былъ сдѣланъ въ толщѣ фундамента, то изслѣдованіе его возможно будетъ лишь при перестройкѣ дворца, когда стѣны послѣдняго будутъ подвѣшены и когда ломка нижнихъ частей окажется вполнѣ безопасной.

3) Раскопки, произведенныя около стѣнъ самого дворца, показали, что земля наросла около него по крайней мѣрѣ на 1 арш. 12 вершк., такъ что его подвальныя окна были, безъ сомнѣнія, первоначально снаружи. При этомъ, при одной изъ позднѣйшихъ перестроекъ, весь низъ дворца, вплоть до нынѣшняго уровня площади, былъ обложенъ громадными полевыми булыгами, что предста-

вляетъ собою, конечно, неудачную попытку воспрепятствовать сильной осадкѣ стѣнъ дворца, а вмѣстѣ съ нею и появленію вертикальныхъ трещинъ.

4) Траншея, вырытая вокругъ дворцовой ограды, показала, что къ дворцу не примыкали никакія каменныя зданія, потому что никакихъ фундаментовъ при этомъ найдено не было. Слѣдовательно, если къ дворцу и прилегали, то только деревянныя постройки. Эта же траншея показала, что вся мѣстность, прилегающая ко дворцу, представляетъ собою насыпной слой, ибо уровень материка въ траншеѣ видоизмѣняется отъ одного до трехъ аршинъ. При этихъ раскопкахъ, а равно и при расчисткѣ фундамента, было найдено нѣсколько незначительныхъ находокъ, которыя будутъ перечислены ниже.

5) Осмотръ 1-го этажа показалъ, что онъ имѣлъ подраздѣленіе внутренними каменными стѣнами, явные слѣды которыхъ замѣтны на всѣхъ трехъ наружныхъ стѣнахъ, кромѣ сѣверной; на основаніи этихъ остатковъ можно заключить, что 1-й этажъ подраздѣляется на три главныхъ помѣщенія. Въ настоящее время этажъ этотъ имѣетъ всего только одну входную дверь, прочія же три двери и пять оконъ заложены, вслѣдствіе чего онъ въ настоящее время почти совсѣмъ темный. Покрытъ онъ новымъ балочнымъ настиломъ. На южномъ концѣ восточной стѣны замѣтна сильная копоть, что и указываетъ на существованіе въ этомъ мѣстѣ печи; догадка эта подтверждается еще тѣмъ, что здѣсь же, немного ниже балочнаго настила, начинается древняя дымовая труба.

6) Верхній этажъ дворца представляетъ собою въ настоящее время одну общую комнату, но разный уровень оконъ несомнѣнно указываетъ на существованіе здѣсь перегородокъ. Сводчатое покрытіе его исчезло и замѣнено новымъ потолкомъ, имѣющимъ форму гробовой крышки. Входная дверь, находящаяся почти по рединѣ стѣны, выходитъ на наружное крыльцо. Вся палата внутри вновь оштукатурена и расписана весьма уродливой живописью клеевыми красками. Противъ двери на южной стѣнѣ ликъ Спаса Нерукотвореннаго, а на прочихъ мѣстахъ изображенія разныхъ событій изъ Ветхаго и Новаго завѣта и жизни Димитрія царевича. Вверху подъ потолкомъ идетъ рядъ портретовъ русскихъ государей отъ Рюрика до Александра I. Изслѣдованіе стѣнъ показало, что никакихъ слѣдовъ древняго расписанія не сохранилось. Впрочемъ, это подтверждается слѣдующей надписью, сдѣланной въ клеймѣ, подъ образомъ Спаса: «При державѣ Благочестивѣйшаго нашего Императора Александра I-го, съ позволенія Ярославскаго гражданскаго губернатора князя Михаила Николаевича Голицына, въ память неповиннаго страдальца святого Царевича Димитрія и въ прославленіе святого его имени, въ семъ домѣ возобновлены едва значущіеся

черты священнаго изображенія Спасителя Нерукотвореннаго образа. Протчее же вновь усердіемъ написано въ 1802 году, окончено сего же года ноября 10 дня». Отбитіе штукатурки въ верхнихъ частяхъ стѣны не обнаружило никакихъ слѣдовъ внутреннихъ подраздѣленій, за исключеніемъ трехъ гнѣздъ въ сѣверо-восточномъ углу, въ которыя могли входить обвязки перегородокъ. Это заставляетъ предполагать одно изъ двухъ: или подраздѣленія были деревянныя, или слѣды каменныхъ поперечныхъ стѣнъ были старательно уничтожены при неумѣлой поправкѣ 1802 года. Въ этомъ же этажѣ сохранились въ окнахъ нѣсколько слюдяныхъ рамъ, къ сожалѣнію, сильно попорченныхъ и видоизмѣненныхъ, на что указываетъ безпорядочное расположеніе желѣзнаго переплета.

8) Что же касается до всѣхъ четырехъ фасадовъ, то всѣ они имѣютъ одну общую черту, а именно множество вертикальныхъ трещинъ, которыя указываютъ на крайне плохое состояніе зданія, а затѣмъ каждый изъ нихъ отличается слѣдующими особенностями: а) западный фасадъ имѣетъ въ нижнемъ этажѣ одну открытую входную дверь и еще одну дверь и два окна, которыя въ настоящее время заложены; во 2-мъ этажѣ расположены 4 окна, изъ которыхъ сѣверное помѣщено выше другихъ; въ подвалѣ есть одно задѣланное окно, скрытое теперь землею. Надъ окнами 2-го этажа повѣшена икона св. царевича Димитрія. Щипецъ этого фасада новый, что доказывается: во 1-хъ кирпичемъ, во 2-хъ отсутствіемъ гончарныхъ поясовъ и балясинъ, украшающихъ прочіе фасады, и въ 3-хъ обрѣзомъ, который идетъ подъ нимъ по верху древней части стѣны. б) Южный фасадъ имѣетъ двѣ двери и одно окно, которыя теперь заложены, а вверху четыре открытыхъ окна на одномъ общемъ уровнѣ. Щипецъ его древній съ двумя великолѣпными гончарными поясами и гончарными же балясинками во впадинахъ карниза, изъ которыхъ уцѣлѣло десять штукъ. в) Восточный фасадъ имѣетъ внизу два заложенныхъ окна, а вверху два открытыхъ, расположенныхъ на разныхъ уровняхъ. Щипецъ древній, но поясовъ и балясинокъ не имѣетъ, ибо это былъ фасадъ задній; съ уровня балокъ до верху тянется дымовая труба. г) Въ подвальномъ этажѣ имѣются два вросшихъ въ землю окна, къ которымъ придѣланы позднѣйшіе кирпичные пріямки. д) Сѣверный фасадъ имѣетъ внизу задѣланную арку и вверху входную дверь, которая выходитъ на весьма уродливое новое каменное крыльцо съ деревянною лѣстницею. На уровнѣ пояса замѣтны гнѣзда, что даетъ возможность предполагать здѣсь существованіе древняго крыльца съ деревянной же галлереей. На уровнѣ балокъ, съ восточной стороны входной двери, видны начала двухъ, повидимому, дымовыхъ трубъ. е) Дворецъ покрытъ новой желѣз-

ной восьмискатной кровлей съ остатками конька и желѣзнымъ орломъ на шпилѣ по срединѣ.

При раскопкахъ и очисткѣ подвала были найдены нижеслѣдующіе предметы: старыя желѣзныя двери; кирпичъ съ желобками, высѣченными для подстава; желѣзный наконечникъ стрѣлы или копья, сильно заржавѣвшій; такая же дужка, повидимому, часть дверной петли; лезвіе небольшого ножа; обломокъ гончарной плитки изъ фриза; двѣ бѣлокаменныхъ серьги (оконныя подвѣски); обломокъ гончарнаго витого валика; обломокъ бѣлокаменной плиты; обломокъ костяного гребня».

Въ апрѣлѣ 1890 г. проектъ реставраціи, составленный Н. В. Султановымъ, переданъ былъ губернатору, и имъ, послѣ одобренія преосвященныхъ Ярославскаго (Іоанникія) и Угличскаго (Амфилохія), пересланъ въ Министерство В. Д., а отсюда, по разсмотрѣніи Техническо-Строительнымъ Комитетомъ, въ Археологическую Коммиссію (при отношеніи отъ 22 іюня 1890 г.). Сумма пожертвованій возросла къ этому времени до 6814 р. Губернаторъ весьма желалъ, чтобы работы были окончены къ 15-му мая 1891 г., т. е. ко дню 300-лѣтняго юбилея извѣстнаго историческаго событія. Проектъ былъ одобренъ и препровожденъ губернатору для исполненія. Замѣчанія на проектъ Н. В. Султанова со стороны Техническо-Строительнаго Комитета были слѣдующія:

«1) Въ первомъ этажѣ дворца, обращаемомъ въ музей, возобновить только среднюю стѣну и кирпичную перегородку, ограждающую лѣстницу, ведущую въ подвалъ. 2) Подвальный этажъ оставить безъ измѣненія, открывъ всѣ окна, какія существовали; возобновить въ немъ лѣстницу, сообщающую подвалъ съ первымъ этажемъ, и исправить поврежденный сводъ; входъ въ глухую часть подвала возобновить, какъ былъ, чрезъ наружную дверь. 3) Помѣщеніе для сторожа устроить въ другомъ мѣстѣ, и ни въ какомъ случаѣ не въ стѣнахъ дворца. 4) Хотя Н. В. Султановъ, на основаніи дневника Маскѣвича, приходитъ къ заключенію, что въ XVII в. уже были устраиваемы печи подъ землею, съ душниками, для нагрѣванія комнатъ, но можно съ увѣренностью сказать, что дворецъ въ Угличѣ былъ отопляемъ не калориферомъ, а обыкновенными печами, чему служитъ доказательствомъ, что осталось только два дыма, размѣрами соотвѣтствующіе для обыкновенныхъ печей; другія же печи безъ сомнѣнія, имѣли трубы надъ печами, какъ это прежде дѣлалось; если допустить, что въ каждомъ этажѣ было внутреннее распланированіе такое, какъ утверждаютъ Л. В. Даль и Н. В. Султановъ, то Комитетъ полагалъ-бы: при возобновленіи зданія дворца отопленія не дѣлать. Можно указать на

нѣсколько примѣровъ, что неотапливаемыя зданія лучше сохраняются, чѣмъ тѣ, которыя отапливаются, не говоря объ опасности отъ пожара, который скорѣе угрожаетъ зданіямъ съ отопленіемъ, чѣмъ тѣмъ, которыя не отапливаются. Если же будетъ признано нужнымъ зданіе отопить, то устроить въ подвалѣ калориферъ или же сдѣлать по одной печкѣ въ каждомъ этажѣ въ родѣ калориферовъ по наружному виду, въ стилѣ XVI вѣка. 5) Второй этажъ слѣдовало-бы покрыть непремѣнно сводомъ изъ пустотѣлаго кирпича, такъ какъ, по завѣренію Н. В. Султанова, стѣны непрочны, или изъ бетона, связавъ стѣны желѣзомъ, что не противорѣчило бы духу того времени, когда своды весьма усердно скрѣплялись желѣзомъ; проектируемые же своды деревянные оштукатуренные не будутъ соотвѣтствовать своему назначенію, да едва-ли таковые дѣлались въ XV вѣкѣ, да еще въ царскихъ дворцахъ,—когда извѣстно, что потолки въ царскихъ палатахъ покрывались почти исключительно стрѣльчатыми сводами или же накатомъ и украшались нерѣдко весьма тщательной деревянной обдѣлкой. 6) Проектируемую лѣстницу между 1-мъ и 2-мъ этажами не слѣдуетъ допускать, во-первыхъ, потому, что нѣтъ никакихъ признаковъ, что она была, а во-вторыхъ потому, что ходъ во 2-ой этажъ будетъ чрезъ наружное проектированное крыльцо. 7) Кровля желѣзная, какъ-бы ни была хорошо окрашена, едва-ли будетъ представляться цѣлесообразною во всѣхъ отношеніяхъ, ибо во время XV и XVI в. кровли были деревянныя или черепичныя, а на западѣ даже мѣдныя. Комитетъ полагалъ бы кровлю проектировать черепичную, по рисункамъ того времени, или мѣдную (по формѣ черепицы); такое устройство обезпечитъ сооруженіе на продолжительное время отъ ремонта и окраски. Вообще, при реставраціи дворца слѣдовало бы принять въ основаніе слѣдующее: а) дабы строго держаться тѣхъ данныхъ, которыя имѣются на мѣстѣ, не допуская никакихъ добавленій, основанныхъ на предположеніяхъ—какъ это могло быть, однимъ словомъ, строго держаться сказаннаго Н. В. Султановымъ, т. е. сохранить то, что есть, для будущихъ изслѣдованій, и б) работы при реставраціи дворца должны быть исполнены самымъ раціональнымъ образомъ, дабы въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ не требовали возобновленія и даже ремонта».

Еще до полученія проекта, въ Угличѣ была образована комиссія для производства реставраціи (подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ слѣдующихъ лицъ: Я. С. Колмогорова, преосв. Амфилохія, городского головы Жаренова, членовъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества И. А. Шлякова и А. А. Титова, священника о. П. Козьмодемьянскаго, губернскаго инженера А. М. До-

стоевскаго и губернскаго архитектора И. П. Мааса), по порученію которой наблюденіе за реставраціей возложено было на гг. Мааса и Шлякова. Вскорѣ эта комиссія убѣдилась въ желательности нѣкоторыхъ перемѣнъ въ представленномъ ей проектѣ. Но прежде приведемъ полностью объяснительную записку Н. В. Султанова къ его проекту.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ теченіе своего 400-лѣтняго существованія Угличскій дворецъ претерпѣлъ различныя видоизмѣненія и, конечно, въ силу естественнаго порядка вещей, въ разныя времена не сохранялъ одинъ и тотъ же видъ какъ внутри, такъ и снаружи. Слѣдовательно, прежде всего рождается вопросъ, въ какомъ видѣ желательно его возобновленіе: въ томъ ли, въ какомъ онъ былъ отстроенъ во 2-й половинѣ XV в. угличскимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ Большимъ, или въ томъ, въ которомъ онъ находился въ концѣ XVI в. при св. царевичѣ Димитріи.

Недолго нужно колебаться въ выборѣ послѣдняго, во 1-хъ потому, что, за исключеніемъ короткихъ и крайне отрывочныхъ лѣтописныхъ указаній, у насъ нѣтъ никакихъ другихъ археологическихъ данныхъ относительно устройства нашихъ домовъ и дворцовъ въ такую отдаленную эпоху, какъ XV в., между тѣмъ какъ для конца XVI в. этихъ данныхъ гораздо больше, а во 2-хъ, потому, что Угличскій дворецъ главнымъ образомъ дорогъ угличанамъ и всей православной Россіи по воспоминаніямъ о святомъ безвинномъ страстотерпцѣ.

Посмотримъ же теперь, какія мы имѣемъ данныя для возобновленія дворца въ подобномъ видѣ.

Всѣ историческія данныя, начиная съ роскошной жизни Угличскихъ князей [1]) и кончая многочисленной «царской услугой», прибывшей съ царевичемъ въ Угличъ [2]), свидѣтельствуютъ о томъ, что дворецъ въ своемъ первоначальномъ видѣ не могъ состоять изъ одной только каменной палаты, которая уцѣлѣла до нашего времени, и несомнѣнно имѣлъ пристройки. Киссель полагаетъ даже (стр. 373), что пристройки эти облѣпляли дворецъ со всѣхъ сторонъ и начинались тотчасъ подъ нижнимъ изразцовымъ поясомъ. Но этому предположенію прямо противорѣчатъ окна, находящіяся въ обоихъ этажахъ во всѣхъ стѣнахъ, кромѣ сѣверной; слѣдовательно, пристройки вплотную могли примыкать только съ сѣверной стороны. Вообще же вѣрнѣе предположить, что онѣ стояли поодаль и были соединены съ каменной частью «пере-

[1]) Киссель, Исторія г. Углича (Ярославль. 1844 г.), стр. 217.
[2]) Карамзинъ, т. X, гл. I.

ходами», какъ это мы часто встрѣчаемъ въ нашихъ древнихъ дворцахъ. Какія же это были пристройки?

Изъ приложеній видно, что онѣ были деревянныя, а значитъ, безслѣдно пропали для насъ, и объ возстановленіи ихъ нечего и думать. Остается, слѣдовательно, внутренность каменнаго зданія. Древнее раздѣленіе его подвала уцѣлѣло вполнѣ. Въ первомъ этажѣ замѣтны остатки поперечныхъ стѣнъ, и по нимъ еще можно, болѣе или менѣе, возстановить ихъ въ прежнемъ видѣ; этажъ этотъ былъ покрытъ балочнымъ настиломъ, потому что слѣдовъ пятъ сводовъ нигдѣ на стѣнахъ не видно. Что же касается до верхняго этажа, то перегородки, по свидѣтельству Свиньина, были вынуты при реставраціи 1802 г. и теперь никакихъ слѣдовъ отъ нихъ не имѣется. Помѣщеніе это, по преданію, было покрыто островерхими сводами, которые въ настоящее время безслѣдно замѣнены новымъ деревяннымъ потолкомъ. Слѣдовательно, въ самомъ дворцѣ мы не имѣемъ никакихъ точныхъ указаній относительно его прежнихъ подраздѣленій; то-же самое мы видимъ и въ лѣтописныхъ источникахъ. Значитъ, возстановить внутренность мы могли бы только съ помощію сравнительнаго метода, т. е. съ помощью тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ распоряженіи нашей археологической науки. Но такъ какъ подобная попытка была уже сдѣлана покойнымъ Л. В. Далемъ, то, прежде чѣмъ повторять ее, мы считаемъ нужнымъ остановиться на составленномъ имъ проектѣ реставраціи. Со свойственнымъ ему глубокимъ знаніемъ нашего древняго зодчества и народной жизни, покойный Л. В. Даль подобралъ и распредѣлилъ тѣ помѣщенія, которыя могли быть въ то время во дворцѣ, но, къ сожалѣнію, съ расположеніемъ введенныхъ имъ подраздѣленій довольно трудно согласиться. Подраздѣленія нижняго этажа сдѣланы имъ на основаніи существующихъ остатковъ стѣнъ, а слѣдовательно, ни размѣры, ни положеніе ихъ оспариваемо быть не можетъ; можно только возражать противъ ихъ назначенія; но за то средняя лѣстница, проектированная во второй этажъ, несомнѣнно, не могла существовать, во 1-хъ потому, что въ точкѣ x полъ второго этажа надъ нею проходитъ всего въ 2-хъ аршинахъ и, слѣдовательно, человѣкъ по ней свободно проходить не могъ; а во 2-хъ потому, что въ верхнемъ концѣ ея (по линіи z и y) ступени ея не имѣютъ справа боковой опорной стѣнки, а, значитъ, имъ держаться не на чемъ. Что же касается до 2-го этажа, то противъ проектированнаго Л. В. Далемъ подраздѣленія его говорятъ очень вѣскія данныя. Во-первыхъ, главная поперечная стѣна упирается въ тотъ простѣнокъ, на которомъ написанъ теперь ликъ Спаса Нерукотвореннаго, но образъ этотъ написанъ не

произвольно, а по чертамъ древняго изображенія, слѣдовательно, онъ существовалъ и въ древности, а тамъ, гдѣ былъ образъ, не могло быть стѣны. Во-вторыхъ, стѣны верхняго этажа, по проекту Л. В. Даля, не приходятся противъ стѣнъ нижняго этажа, вслѣдствіе чего онѣ могли стоять только на сводахъ; но никакихъ слѣдовъ сводовъ въ нижнемъ этажѣ не замѣтно; значитъ, и стѣнамъ держаться было не на чемъ, а въ такомъ случаѣ на этихъ мѣстахъ ихъ и быть не могло.

Итакъ, первая попытка возстановить внутреннія подраздѣленія дворца должна быть признана неудачною. Мы полагаемъ даже, что и всѣ дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи останутся также безуспѣшными въ смыслѣ исторической точности. Основная причина этого лежитъ въ томъ, что далеко не всѣ комнаты, входившія въ княжескій обиходъ, были расположены въ каменной части дворца, а, безъ сомнѣнія, находились также въ пристройкахъ, но какія изъ нихъ и въ какомъ количествѣ приходились на долю уцѣлѣвшей каменной постройки, мы не знаемъ.

Слѣдовательно, даже вооружившись сравнительнымъ методомъ и всѣми данными современной археологіи, мы можемъ только спроектировать внутренность въ характерѣ XVI в., но отнюдь не возстановить ее въ первоначальномъ видѣ, а это будетъ научная ложь, которая не можетъ быть допущена, потому что, вмѣсто пользы, она будетъ приносить вредъ.

Что же съ дворцомъ сдѣлать? Если его только просто отремонтировать и по прежнему предоставить самому себѣ, то это значитъ—обречь его на тѣ же превратности судьбы, которыя онъ испытывалъ до сихъ поръ, т. е. пройдетъ лѣтъ пятьдесятъ сто—и снова онъ, оставаясь безъ поддержки, приметъ прежній угрожающій видъ. Слѣдовательно, надо не только возобновить его, но и придать ему такое полезное назначеніе, благодаря которому онъ, помимо историческаго значенія, получилъ бы еще современное, жизненное значеніе, обезпечивающее ему чьи-либо постоянныя заботы.

Вотъ почему я полагаю, что самое лучшее было бы приспособить его подъ музей мѣстныхъ древностей, не искажая въ немъ ни въ чемъ остатковъ старины и сохранивъ ихъ такимъ образомъ для будущихъ изслѣдователей. Эта мысль моя была встрѣчена всеобщимъ сочувствіемъ какъ со стороны властей, такъ и со стороны общества. Быстрый ростъ нѣкоторыхъ нашихъ провинціальныхъ музеевъ, какъ напр., Тверского, Ростовскаго и бывшаго Новгородскаго, свидѣтельствуетъ о жизненности у насъ этого дѣла. Учрежденіе подобнаго музея въ Угличѣ тѣмъ болѣе кстати, что многія мѣстныя

древности, какъ это показали изслѣдованія, произведенныя мною совмѣстно съ г.г. предводителемъ дворянства и городскимъ головою, нуждаются въ охранѣ. Независимо отъ того, тогда же нѣсколько частныхъ лицъ изъявили готовность пожертвовать въ музей разные предметы древности, при чемъ первымъ жертвователемъ явился городской голова, а обязанности хранителя жертвуемыхъ вещей принялъ на себя предводитель дворянства.

Сообразно этому, проектъ возстановленія сдѣланъ мною соотвѣтственно будущему назначенію дворца. Начнемъ объясненіе проекта съ внутренности и затѣмъ уже перейдемъ къ наружному виду.

Подвалъ надо оставить въ его настоящемъ видѣ и только открыть задѣланныя окна и выровнять полъ; онъ долженъ быть всегда доступенъ, дабы всякій изслѣдователь могъ лично провѣрить легенды о пресловутомъ ходѣ къ Волгѣ. Въ южное отдѣленіе ведетъ въ настоящее время древняя кирпичная лѣстница, которую нужно только привести въ порядокъ; въ сѣверное отдѣленіе былъ нѣкогда входъ снаружи, на что указываютъ остатки теперь окончательно изуродованной арки. Открывать этотъ ходъ вовсе не желательно, принимая во вниманіе весеннее время, когда вода, при таяніи снѣга, можетъ легко хлынуть чрезъ эту дверь въ подвалъ и причинить не мало бѣдъ зданію, начиная съ сырости и кончая подмывомъ фундамента. Поэтому достаточно ограничиться въ этомъ мѣстѣ устройствомъ снаружи впадины, дабы показать, что здѣсь была дверь. Ходъ же въ подвалъ нужно устроить изнутри, сдѣлавъ деревянную лѣстницу въ сѣверо-западномъ углу, т. е. тамъ, гдѣ теперь провалился сводъ. Это мѣсто является единственно подходящимъ, потому что если и была нѣкогда лѣстница изнутри въ подвалъ, то именно здѣсь, такъ какъ, во 1-хъ, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ для нея нѣтъ отверстія въ сводѣ, а во 2-хъ, своду всего естественнѣе было провалиться именно тамъ, гдѣ уже въ немъ было оставлено отверстіе для лѣстницы.

Что касается перваго этажа, то слѣды поперечныхъ стѣнъ, замѣченные еще Л. В. Далемъ, не оставятъ никакого сомнѣнія относительно его древняго подраздѣленія, которое и воспроизведено на планѣ. Покрыть этотъ этажъ слѣдуетъ по древне-русскому пріему «матицами» съ «накатомъ», чисто выстроганными, и оставить ихъ не крашенными. Полъ исправить старый кирпичный. Такимъ образомъ нижнему этажу будетъ приданъ видъ, болѣе или менѣе подходящій къ первоначальному.

Распредѣленіе помѣщеній, принимая во вниманіе приспособленіе дворца подъ музей, должно быть такое:

1) Въ юго-западномъ углу—вестибюль или сѣни.

2) Въ юго-восточномъ углу—калориферъ или духовая печь.

3) Въ сѣверо-восточномъ—помѣщеніе для сторожа.

4) Въ сѣверо-западномъ—ходъ въ подвалъ.

Всѣ эти назначенія нисколько не искажаютъ древняго характера помѣщеній, за исключеніемъ духовой печи, которая на первый взглядъ можетъ показаться возмутительнѣйшей нелѣпостью. Но это такъ только, на первый взглядъ, а на самомъ дѣлѣ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, нелѣпаго тутъ ничего нѣтъ.

И дѣйствительно, разъ дворецъ былъ помѣщеніе жилое, онъ несомнѣнно отапливался. Если онъ отапливался, то въ немъ должны сохраниться дымоходы въ стѣнахъ. И въ самомъ дѣлѣ, на восточной стѣнѣ его уцѣлѣла древняя наружная труба въ два дыма, изъ чего мы безспорно заключаемъ, что тутъ были двѣ печки; были ли еще во дворцѣ печи или нѣтъ, мы этого не знаемъ, потому что дымоходы могли быть въ среднихъ каменныхъ стѣнахъ, которыя до насъ не дошли. Да это для насъ и не важно. Для насъ важенъ фактъ, съ которымъ мы и должны считаться, что въ нашемъ распоряженіи имѣются для отопленія дворца лишь два дымохода, обусловливающіе только двѣ печи, ибо долбить древнія стѣны для проведенія новыхъ дымоходовъ является невозможнымъ, какъ въ техническомъ, такъ и въ археологическомъ отношеніи. Сильная копоть въ внутренней южной части восточной стѣны показываетъ, что здѣсь была въ древности печь, что и заставило Л. В. Даля предположить здѣсь «стряпушечью», т. е. кухню. Расположеніе двухъ дымоходовъ рядомъ несомнѣнно показываетъ, что здѣсь же неподалеку была другая печь. Но какія бы двѣ печи мы теперь ни поставили, двѣ ли нашихъ завѣтныхъ русскихъ, или двѣ изразчатыхъ, на подобіе печей XVII в., всетаки ихъ будетъ недостаточно для отопленія всего дворца; поэтому по проекту предположена одна русская для сторожа и другая духовая.

Теперь мы подходимъ къ самой существенной части вопроса: возможно ли допустить существованіе духоваго отопленія въ XVI вѣкѣ? Отвѣчаемъ: не только возможно, но даже и должно. И вотъ доказательство: полякъ Маскѣвичъ, жившій въ Кремлѣ «въ Московскую розруху», слѣдовательно, въ началѣ XVII вѣка, описывая кремлевскіе дворцы, говоритъ слѣдующее: «Есть (въ Кремлѣ) «каменный дворецъ, именуемый Золотою палатою, на стѣнахъ его находятся «изображенія..... окна въ два ряда....; печь устроена подъ землею, съ душни-

ками для нагрѣванія комнатъ»[1]). Итакъ, существованіе духовыхъ печей въ древности—фактъ несомнѣнный, а потому и устройство таковой въ Угличскомъ дворцѣ не противорѣчитъ научнымъ требованіямъ.

Чтобы покончить теперь съ нижнимъ этажемъ, намъ остается лишь рѣшить вопросъ о лѣстницѣ. Въ настоящее время мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобъ въ древности была лѣстница изъ перваго этажа во второй, но здравый смыслъ заставляетъ предположить, что она была, ибо трудно себѣ представить, чтобы сообщеніе между двумя этажами могло производиться только черезъ открытую наружную лѣстницу и черезъ дворъ. Кромѣ того, подобная внутренняя лѣстница во второй этажъ необходима для музея.

Итакъ, и требованія археологическія, и требованія практическія сходятся и обусловливаютъ устройство лѣстницы. Но гдѣ же ее помѣстить? На томъ мѣстѣ, гдѣ она проектирована Л. В. Далемъ, она, какъ уже было указано, быть не могла. Слѣдовательно, ей должно быть отведено другое мѣсто, которое на проектѣ опредѣлено на основаніи слѣдующихъ соображеній: древнія лѣстницы наши дѣлались обыкновенно или «на стѣнахъ», или «на сводахъ», но никогда не дѣлались, по нынѣшнему образцу, «на косоурахъ». Первый способъ употреблялся преимущественно для внутреннихъ лѣстницъ, а второй для наружныхъ, причемъ внутреннія лѣстницы были обыкновенно очень узки, а наружныя сравнительно широки. Слѣдовательно, для нашей новой лѣстницы намъ надо имѣть двѣ параллельныхъ стѣны, въ очень недалекомъ другъ отъ друга разстояніи. Устроить это въ данномъ случаѣ очень просто: стоитъ только довести до пола второго этажа тонкую стѣнку существующей подвальной лѣстницы, и мы получимъ желаемую клѣтку. Подобное устройство ничѣмъ не противорѣчитъ древнему характеру зданія и вмѣстѣ съ тѣмъ почти не отнимаетъ мѣсто отъ верхняго музейнаго помѣщенія. Лѣстница эта должна быть каменная и обнесена наверху, во второмъ этажѣ, перилами въ видѣ каменной стѣнки съ квадратными впадинами или «ширинками».

Обратимся теперь къ верхнему этажу.

Возстановить его древнія подраздѣленія, какъ мы уже видѣли, невозможно, а значитъ самое лучшее—оставить его въ видѣ одной большой комнаты, которая наиболѣе подходитъ для устройства музея. Значитъ, весь вопросъ сводится только къ его покрытію, которое, конечно, было сводчатое. Для покрытія палатъ у насъ въ древности употреблялись почти исключительно своды сомкну-

[1]) Сказанія соврем. о Димитріи Самозванцѣ. Дневникъ Маскѣвича, стр. 56—57. Спб. 1859 г.

тые или крестовые; коробовыми преимущественно покрывались лѣстницы, сѣни и переходы. Если же мы присмотримся теперь къ примѣненію двухъ предыдущихъ формъ, то увидимъ, что первая примѣняется позже, а вторая раньше; такъ напр. Терема (XVII в.) покрыты сомкнутыми сводами, а Грановитая палата (конецъ XV в.)—крестовыми. Отсюда слѣдуетъ, что въ Угличскомъ дворцѣ, построенномъ въ XV в., правильнѣе примѣнить сводъ крестовый, нежели сомкнутый. Кромѣ этого предварительнаго соображенія, мы имѣемъ данныя въ самомъ дворцѣ, которыя говорятъ въ пользу крестоваго свода: возобновленный по древнимъ чертамъ Спасовъ ликъ изображенъ на стѣнѣ такъ высоко, что онъ былъ бы закрытъ пятами сомкнутаго свода, и только крестовый пройдетъ поверхъ его. Наконецъ, форма крестоваго свода—единственная, которая соотвѣтствуетъ преданію, утверждающему, что дворецъ былъ покрытъ «островерхими» сводами. Такъ какъ стѣны дворца, по своей нынѣшней ветхости, не могутъ выдержать распора настоящаго каменнаго свода, то его придется сдѣлать фальшивымъ деревяннымъ, оштукатурить снизу, для приданія каменнаго вида, и сдѣлать сверху смазку для тепла.

Что касается внутренняго расписанія, то мы, конечно, не имѣемъ теперь ни малѣйшей возможности возстановить его въ точности, а потому надо будетъ ограничиться только слѣдующимъ:

1) Отъ полу до оконъ сдѣлать темную панель, изобразивъ на ней, по древнему обычаю, полотенца.

2) Подъ окнами кругомъ всей палаты написать краткую лѣтопись дворца.

3) Стѣны и сводъ окрасить какимъ-либо легкимъ тономъ.

4) На южной стѣнѣ прописать вновь хорошею иконописью, пошибомъ XVI в., Спасовъ ликъ.

5) Въ оконныхъ амбразурахъ, по краямъ оконъ, двери и стѣнъ и по ребрамъ свода помѣстить неширокую полосу орнамента XVI в.

Полъ въ верхней палатѣ долженъ быть деревянный некрашенный, настланный «въ елку», а мебель должна состоять изъ полокъ, витринъ, столовъ, скамеекъ и креселъ, сдѣланныхъ по особымъ рисункамъ.

Возобновленіе фасада зданія слѣдуетъ начать съ того, что вокругъ дворца должна быть снята земля, мѣстами на аршинъ, а мѣстами на полтора, дабы открыть окна подвальнаго этажа, которыя были въ старину снаружи, а не подъ землею, затѣмъ открыть всѣ заложенные оконные и дверные пролеты и вставить въ нихъ оконницы, по образцу уцѣлѣвшихъ древнихъ, и желѣзныя двери, на подобіе древнихъ же, хранящихся въ нижнемъ этажѣ дворца, нако-

нецъ отчистить всю штукатурку, поддѣлать обвалившуюся кирпичную кладку и поставить вновь выкрошившіеся изразцы; новая безобразная рѣшетка, которая теперь окружаетъ дворецъ, должна быть сломана.

Все это исправленія, отрицать необходимость которыхъ нѣтъ никакой возможности. Но дальше мы уже входимъ въ область археологическихъ догадокъ, а потому каждую изъ нихъ должны подкрѣпить соотвѣтственными научными данными. Первое, что бросается въ глаза при осмотрѣ фасадовъ, это то, что щипецъ западной стѣны не имѣетъ ни поясовъ, ни балясинокъ. Но мы знаемъ, что онъ новый, и знаемъ даже, когда и при какихъ условіяхъ онъ сложенъ. А отсюда слѣдуетъ, что его надо возстановить въ его первоначальномъ видѣ, т. е. сдѣлать съ изразцовыми поясами, балясинами и такими же точно кирпичными узорами, какъ на другихъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о лѣстницѣ. Одного взгляда на существующую нынѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что она новая и, слѣдовательно, подлежитъ сломкѣ. Всѣ данныя говорятъ въ пользу того, что древнее крыльцо было деревянное. Но здѣсь научныя требованія идутъ въ разрѣзъ съ практическими соображеніями, ибо сдѣлать деревянную лѣстницу — это значитъ поставить такую гнилушку, которую придется перестраивать чрезъ какихъ-нибудь пятнадцать-двадцать лѣтъ. Чтобы примирить эти противорѣчія, въ проектѣ избранъ средній путь: низъ крыльца со ступенями и верхней площадкой сдѣлать каменный, а верхъ его, т. е. галлерейка, перила и покрытіе предположены деревянными. И такое устройство даже вовсе не противно характеру древности, ибо, напр., въ Вознесенской церкви с. Коломенскаго подъ Москвой мы видимъ каменныя крыльца, крытыя не сводами, а деревяннымъ верхомъ. На формѣ крыльца также слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

«Въ древнемъ быту, говоритъ И. Е. Забѣлинъ [1]), устройство крыльца не ограничивалось только тѣмъ значеніемъ, что это былъ необходимый входъ въ жилище. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ представляло, такъ сказать, особое поприще, гдѣ неизмѣнно долженъ былъ происходить цѣлый особый порядокъ бытовыхъ отношеній. На немъ происходили встрѣчи и проводы гостей и, стало быть, показывался лицомъ тогдашній чинъ или этикетъ жизни; на немъ всегда появлялся, такъ сказать, казовой конецъ этой жизни. Вотъ причина, почему устройство крыльца выработалось въ особый типъ.

«Обыкновенно оно состояло изъ нѣсколькихъ ступенныхъ входовъ или

[1]) „Черты самобытности въ русскомъ зодчествѣ“. *Древняя и Новая Россія* 1878 г., стр. 197.

широкихъ лѣстницъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга рундуками или площадками, иначе сказать, отдыхами. Такъ какъ дорогому гостю по обычаю дѣлалось обыкновенно три встрѣчи, то въ общемъ порядкѣ и на крыльцѣ устраивалось три рундука. Сначала три ступени вели на нижній рундукъ или особый квадратный помостъ, стоявшій передъ хоромами на площади двора. Дальше ступени шли прямо на средній рундукъ, откуда лѣстница поворачивала подъ прямымъ угломъ или вправо, или влѣво, возлѣ стѣны зданія, и приводила на верхній рундукъ, находившійся на уровнѣ пола сѣней, передъ сѣнными дверями. Совокупность этихъ рундуковъ и лѣстницъ составляла крыльцо, которое, какъ независимая часть, всегда пристраивалось къ хоромамъ особо, крыломъ, и никогда не входило подъ общую кровлю даже съ сѣнями. При этомъ каждая доля крыльца покрывалась особою кровлею».

И дѣйствительно, какое бы мы ни взяли изъ древнихъ дошедшихъ до насъ крылецъ, всѣ они имѣютъ этотъ типъ. Такія крыльца, напр., мы видимъ на рисункахъ Олеарія, такого же типа было Красное Крыльцо, какъ это показываютъ намъ изображенія знаменитой книги «Объ избраніи на царство царя Михаила Өедоровича», наконецъ, таково же крыльцо Коломенскихъ хоромъ царя Алексѣя Михайловича. Слѣдовательно, мы съ весьма большой вѣроятностью можемъ заключить, что такое же крыльцо было въ древности и у Угличскаго дворца, сообразно чему оно и было проектируемо, при чемъ за образецъ для нижней части было принято крыльцо стариннаго дома Зеленщикова въ г. Чебоксарахъ, Казанской губерніи, рисунки котораго были опубликованы въ журналѣ «Зодчій» за 1886 г. архитекторомъ Б. К. Веселовскимъ, а за образецъ для верхней части были приняты древнія формы нашего деревяннаго зодчества, опубликованныя академикомъ Л. В. Далемъ и В. В. Сусловымъ въ томъ же журналѣ «Зодчій» за 1874, 1875, 1878, 1881, 1883 и 1885 гг.

Чтобы закончить поясненіе проекта, намъ остается только выяснить самый темный вопросъ о формѣ крыши. Л. В. Даль предполагаетъ для нея двоякую форму: или она была двускатная, или она была террасою. Но въ первомъ случаѣ надо предположить, что въ старину было только два щипца, между тѣмъ какъ на дворцѣ сохранилось три древнихъ щипца, а слѣдовательно, двускатной крыши быть не могло. Что-же касается террасы, то ея также нельзя допустить, и вотъ почему: во-первыхъ, въ такомъ случаѣ на дворцѣ является карнизъ въ пять съ половиною аршинъ высоты, который больше всего этажа, чего нигдѣ и никогда въ древне-русскомъ зодчествѣ не встрѣчается; во-вторыхъ, при этомъ получается такая громадная горизонтальная площадь (около 25 кв. саж.), которую

при нашемъ климатѣ даже и теперь очень трудно предохранить отъ течи. Нечего, значитъ, и говорить о XV в., когда техническіе пріемы были еще такъ слабы и когда въ лѣтописяхъ раздаются жалобы на то, что своды церковные текутъ въ яндовахъ (въ разжелобкахъ).

Итакъ, если ни одно изъ этихъ предположеній не можетъ быть принято, то какой же формы могла быть крыша? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно сперва рѣшить другой: откуда были мастера, строившіе Угличскій дворецъ?

Ближайшими къ Угличу древне-русскими строительными центрами были Владиміръ и Москва. Но Владиміръ послѣ татаръ пострадалъ настолько, что въ немъ надолго замерла всякая строительная дѣятельность[1]). Москва же въ XV в. своихъ мастеровъ не имѣла и, какъ мы это знаемъ изъ многихъ примѣровъ, въ родѣ постройки Благовѣщенскаго собора, пользовалась мастерами новгородскими и псковскими. Нужда ея доходитъ въ этомъ отношеніи до того, что послѣ неудачной попытки извѣстныхъ Кривцова и Мышкина соорудить Успенскій соборъ, великому князю Ивану III-му пришлось выписать себѣ изъ-за границы знаменитаго Аристотеля Фіоравенти.

А отсюда ясно, что ни Москва, ни Владиміръ не могли дать Угличу каменныхъ мастеровъ и что они могли появиться въ немъ только изъ Великаго Новгорода, который продолжалъ развивать свое художество и въ XV в., будучи защищенъ отъ татаръ своими трясинами и болотами. Это предположеніе вполнѣ подтверждается сравненіемъ Угличскаго дворца съ Новгородскими постройками: это дословно однѣ и тѣ же детали. А если дворецъ былъ построенъ новгородскими мастерами, то они могли покрыть его своимъ излюбленнымъ покрытіемъ восьмискатною крышею, которою покрыто большинство ихъ церквей. Это предположеніе подтверждается слѣдующими соображеніями:

1) Только восьмискатною крышею можетъ быть объяснено существованіе на дворцѣ четырехъ щипцовъ, изъ которыхъ три несомнѣнно древніе.

2) Если бы вмѣсто этихъ щипцовъ существовали прямыя стѣны, то они никакъ бы не могли обвалиться съ такою правильностью, что на цѣлыхъ трехъ фасадахъ сохранились вполнѣ равныя и симметричныя части.

3) Если бы верхъ дворца не былъ въ древности подготовленъ подъ восьмискатную крышу, то купецъ Кожевниковъ, отремонтировавшій его въ 1802 году, никогда бы не вздумалъ примѣнять этой формы крыши, такъ какъ она совсѣмъ не примѣнялась въ господствовавшей у насъ тогда западно-евро-

---

[1]) Объ этомъ см. у Артлебена: Памятники зодчества древней Суздальской области, стр. 24 (Владиміръ. 1880 г.).

пейской архитектурѣ. Если же онъ сдѣлалъ крышу восьмискатную, то только потому, что иной къ уцѣлѣвшимъ верхнимъ частямъ нельзя было приладить [1]).

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній крыша эта проектирована снова восьмискатная.

Что же касается замѣчанія Л. В. Даля, что восьмискатная крыша «врѣзывается во всѣхъ четырехъ углахъ въ древній карнизъ», то это возраженіе само собою падаетъ, если принять во вниманіе, что карнизъ состоитъ только изъ двухъ поясовъ изразцовъ и двухъ рядовъ балясинокъ, которыхъ не касается крыша, а всѣ верхніе горизонтальные ряды кирпича ребромъ и зигзагомъ суть не что иное, какъ украшенія щипцовъ, которые новгородцы примѣняли даже въ томъ случаѣ, когда щипцы были съ арками.

Кровля покрыта желѣзомъ въ шахматъ. По коньку, по древнему обычаю, тянется «князекъ» съ «прапорцами» по концамъ, а по краямъ крыши—мѣдный вызолоченный подзоръ или кружево. Посрединѣ крыши, на шпилѣ, помѣщенъ двуглавый орелъ древняго характера. Если его не было при первоначальной постройкѣ дворца, то онъ, несомнѣнно, былъ водруженъ при переѣздѣ царевича Димитрія, или во время поправки при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Верхушка трубы надстроена и обработана по образцу древнихъ трубъ, уцѣлѣвшихъ въ теремѣ Ростовскаго кремля».

Мѣстная коммиссія постановила: 1) съемки земли вокругъ дворца не производить, изъ опасенія сырости и по невозможности сдѣлать выемку обширныхъ размѣровъ; 2) печи устроить во всѣхъ этажахъ, кромѣ подвальнаго, по слѣдамъ прежнихъ дымоходовъ; 3) сводъ въ верхнемъ этажѣ сложить изъ пустотѣлаго кирпича; 4) кровлю сдѣлать черепичную, отъ чего коммиссія, впрочемъ, отказалась вслѣдствіе протеста Н. В. Султанова, заявившаго, что въ древности черепицею покрывались лишь кирпичныя кладки, а не деревянныя стропила, и что идеалъ крыши есть крыша мѣдная; 5) покрытіе произвести въ полукоробку, какъ во многихъ ярославскихъ церквахъ, изъ соображеній экономическаго характера и въ разсчетѣ на большую прочность. Наконецъ, получивъ свѣдѣніе, что при снятіи земли на глубину 3 арш. на мѣстѣ предполагаемаго крыльца открытъ широкій входъ въ подвальное помѣщеніе (вслѣдствіе чего проектъ Н. В. Султанова долженъ былъ подвергнуться измѣненію), И. А. Шляковъ внесъ свой проектъ каменной лѣстницы со сплошной коробкой для нея и деревяннымъ верхомъ. Затѣмъ при работахъ замѣчено было: 1) что всѣ 4 щипца зданія оказались усѣченными, вслѣдствіе чего рѣ-

[1]) Это же подтверждается и ремонтомъ 1755 г.

шено было ихъ поднять на $^3/_4$ арш.; 2) что длина сѣвернаго фасада, гдѣ должна стоять лѣстница, оказалась значительно больше, чѣмъ указано на проектѣ; 3) что на западной стѣнѣ перваго этажа имѣются штрабы внутри комнатъ, а также слѣды лѣстницъ сюда изъ подвальнаго этажа съ нѣсколькими перекинутыми арками, изъ чего стало яснымъ, что лѣстница эта была покрыта въ первомъ этажѣ рундукомъ съ печурами, подобнымъ тѣмъ рундукамъ, какіе наблюдаются въ Іераршемъ Домѣ Ростовскаго кремля, а также и въ княжихъ теремахъ XV в. Проектъ крыльца, составленный И. А. Шляковымъ, былъ принятъ единогласно коммиссіей, нашедшей, что такое крыльцо болѣе подходитъ къ дворцу и наблюдается въ ярославскихъ постройкахъ XVI в. Постановлено было возстановить древній фризъ во всѣхъ его подробностяхъ, для чего верхъ крыльца нѣсколько понизить противъ первоначальнаго проекта, крышу лѣстницы покрыть дубовою чешуею. Проектъ И. А. Шлякова былъ разсмотрѣнъ въ реставраціонномъ засѣданіи Имп. Археологической Коммиссіи 25 января 1891 г., съ участіемъ губернатора А. Я. Фриде, при чемъ было постановлено: 1) возстановить вокругъ дворца дворикъ, съ надлежащею выемкою земли, если то дозволятъ мѣстныя условія; 2) отопленіе устроить посредствомъ калориферовъ, помѣщенныхъ въ нижнемъ этажѣ, подъ каменнымъ сводомъ; старыя печи и наружныя дымовыя трубы возстановить лишь въ видахъ сохраненія прежняго вида постройки; 3) сдѣлать подробное и тщательное изслѣдованіе стѣнъ для выясненія вопроса о томъ, не найдется ли на нихъ слѣдовъ пятъ внутренняго свода; если такіе слѣды окажутся, то возстановить своды каменные, при чемъ постараться опредѣлить, не было ли среди комнатъ столба, на который опирались своды; 4) просить г. губернатора приказать тщательно разслѣдовать границы прежнихъ фронтоновъ, чтобы убѣдиться въ томъ, былъ ли въ древности фронтонъ, или же крыша была покрыта прямо на карнизахъ; 5) взамѣнъ представленныхъ проектовъ крыльца построить висячее крыльцо, по примѣру существовавшихъ въ старину, такъ какъ проектированное каменное основаніе крыльца нарушаетъ общій характеръ зданія, и никакихъ слѣдовъ такого крыльца не найдено; при разработкѣ деталей деревянныхъ частей обратить вниманіе на сохранившіеся древніе образцы рѣзьбы; 6) подзоры желательно исполнить не рельефно, а болѣе близко къ древнимъ мотивамъ подобнаго рода украшеній; 7) желательно имѣть полное археологическое изслѣдованіе памятника до начала реставраціонныхъ работъ, для чего командировать академика В. В. Суслова (подавшаго мысль о деревянномъ висячемъ крыльцѣ).

Отношеніемъ отъ 14 февраля 1891 г. губернаторъ вновь настаивалъ на

принятіи проекта каменнаго крыльца, основываясь на многочисленныхъ примѣрахъ зданій въ Ростовско-Суздальской области, на иконахъ царевича и на томъ соображеніи, что такое крыльцо будетъ прочнѣе. По заключенію В. В. Суслова отъ 24 февраля 1891 г., предположенное имъ деревянное крыльцо дешевле и ближе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ фундамента для каменнаго крыльца не было обнаружено; впрочемъ, онъ находилъ, что разъ работы по устройству фундамента начаты, то можно ихъ продолжить, но крыльцо необходимо сложить по первому, а не по второму проекту.—Отношеніемъ отъ 9 марта 1891 г. губернаторъ еще разъ настаивалъ на возведеніи именно каменнаго крыльца, такъ какъ этого требуютъ жертвователи. По распоряженію Министра Внутр. Дѣлъ И. Н. Дурново отъ 23 марта 1891 г. (по Технич.-Строит. Комитету), крыльцо приказано сдѣлать каменное, по указаніямъ Археологической Коммиссіи, а для юбилейнаго празднованія устроить временное деревянное крыльцо.

5 апрѣля 1891 г. состоялся актъ дополнительнаго осмотра дворца, произведеннаго командированнымъ отъ Коммиссіи Н. В. Султановымъ и членами мѣстной коммиссіи, не исключая и И. Я. Шлякова. Осмотръ показалъ слѣдующее:

«А. *Сѣверная стѣна.* 1) Щипецъ древній, наложенъ только въ верхнемъ углу, который обвалился по шву. 2) Подъ нижнимъ рядомъ балясника видны три большихъ гнѣзда, которыя ясно указываютъ, что съ этой стороны существовало какое-то покрытіе. 3) По бокамъ дверной арки существуютъ два малыхъ гнѣзда, въ которыя входили балочки купола новаго крыльца 1802 г. 4) У нижнихъ угловъ двери ниже порога замѣтны четыре гнѣзда, изъ которыхъ два открыты, а другія два задѣланы; въ открытыя гнѣзда входили балочки площадки новаго крыльца, а задѣланныя гнѣзда служили, вѣроятно, для укрѣпленія балокъ древняго крыльца, галлереи или перехода, которые вели съ наружной двери. 5) У сѣверо-восточнаго угла на горизонтѣ балокъ 2-го этажа видно задѣланное отверстіе, примѣрно въ квадратный аршинъ, въ которомъ устроены два сквозныхъ внутрь наклонныхъ канала неизвѣстнаго назначенія. 6) У сѣверо-западнаго угла нѣсколько ниже горизонта пола второго этажа есть устье горизонтальнаго канала глубиною около 3 аршинъ, расположенное вдоль западной стѣны, каковой каналъ, по всей вѣроятности, есть мѣсто сгнившей древней дубовой связи. 7) Ближе къ сѣверо-западному углу, на разстояніи отъ него на 2 арш. 14 в. и на высотѣ 3 арш. 6 в. отъ земли имѣются два небольшихъ гнѣзда, въ которыхъ были задѣланы балочки новой лѣстницы 1802 г. 8) Низъ стѣны облицованъ въ настоящее время при работахъ коммиссіи кирпичемъ; въ ней открыта дверь въ подвалъ, выведена на старыхъ

мѣстахъ стѣнка лѣстницы, ведущей въ подвальный этажъ, и пробита подъ щипцомъ борозда для связи. 9) При устройствѣ новаго фундамента для предполагаемой лѣстницы не было найдено никакихъ слѣдовъ древняго фундамента.

Западная стѣна. 1) Щипецъ позднѣйшей постройки. 2) Стѣна выпучена по срединѣ по вертикальному направленію, при наибольшемъ выступѣ въ 4 вершка. 3) Гнѣздъ не замѣчено никакихъ. 4) Весь фасадъ покрытъ вертикальными трещинами. 5) При послѣднихъ работахъ, произведенныхъ коммиссіею, облицованъ весь низъ, облицовано подвальное окно, сдѣланъ къ нему пріямокъ глубиною 15 в. и пробита борозда подъ щипцомъ для новой связи.

Южная стѣна. 1) Щипецъ древній, немного подложенный по краямъ и наверху. 2) Гнѣздъ нѣтъ. 3) При послѣднихъ работахъ стѣна вновь облицована на высоту отъ 2 до 3 аршинъ и пробита подъ щипцомъ борозда для новой связи.

Восточная стѣна. 1) Щипецъ древній, обвалившійся слегка по краямъ и подложенный немного съ лѣвой стороны. 2) Труба дымовая древняя. 3) Снизу стѣна при послѣднихъ работахъ облицована на два аршина и пробита новая борозда для связи. По этимъ бороздамъ положены вокругъ всего дворца новыя желѣзныя связи, стянутыя винтами съ гайками. Всѣ древнія окна и двери, прежде заложенныя, теперь открыты.

Внутренность дворца. Сѣверное отдѣленіе подвала. 1) Древняго ничего не осталось, а при работахъ коммиссіи частью облицованы, частью подведены новыя стѣны. 2) Сдѣланъ новый сводъ по старому шаблону. 3) Открыта наружная дверь на сѣверный фасадъ, на вновь открытую лѣстницу. 4) Облицованы два окна и сдѣланы на старыхъ мѣстахъ четыре печурки по существовавшимъ образцамъ.—Южное отдѣленіе подвала. 1) Земля вынута на три аршина. 2) Кирпичная старая лѣстница исправлена и вновь закончена у правой входной двери западной стѣны, ниже горизонта земли на 12 вершковъ. 3) Стѣны частью перелицованы. 4) Открыто древнее окно въ восточной сторонѣ и сдѣланъ къ нему пріямокъ. 5) Сводъ и печуру найдено было возможнымъ сохранить старые.

Первый этажъ. Въ первомъ этажѣ возведена при работахъ коммиссіи на старомъ основаніи новая кирпичная стѣна на высоту 1 арш. 4 в., раздѣляющая его на два отдѣленія: сѣверное и южное.

Сѣверное отдѣленіе. а) Въ сѣверной стѣнѣ сдѣлана при послѣднихъ работахъ новая облицовка и выведена на старомъ мѣстѣ новая разгрузная арка. б) Балки въ гнѣздахъ подняты по три ряда кирпича при старыхъ поправкахъ.

в) Въ западной стѣнѣ облицовано окно. г) На сѣверной стѣнѣ подъ балками замѣтна новая подкладка въ 4 ряда кирпича, сдѣланная при прежнихъ поправкахъ.

Южное отдѣленіе. 1) При работахъ коммиссіи открыты и облицованы двѣ двери и три окна. 2) Надъ подвальной лѣстницей сдѣланъ новый кирпичный рундукъ съ печурой, не доконченный въ сѣверномъ концѣ. 3) Сѣверная стѣна перелицована мѣстами при прежнихъ поправкахъ; на ней замѣтна сильная копоть, которая вмѣстѣ съ существующей съ фасада трубой несомнѣнно указываетъ на существованіе здѣсь печи. 4) На южной сторонѣ имѣется начало древней поперечной стѣны, показанной на проектѣ Н. В. Султанова. Во всемъ нижнемъ этажѣ снятъ ветхій древній полъ, вымощенный прежде подовымъ кирпичемъ.

Верхній этажъ. 1) Во всемъ второмъ этажѣ, за исключеніемъ средины южной стѣны съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Спаса, была сбита штукатурка, при чемъ оказалось, что никакихъ слѣдовъ сводовъ не уцѣлѣло; это объясняется тѣмъ, что стѣны изнутри были сплошь перелицованы при перестройкѣ, произведенной въ 1802 г.; новая же перелицовка стѣнъ доказывается, во 1-хъ, полною сохранностью ихъ поверхностей, а во 2-хъ, инымъ размѣромъ кирпича сравнительно со старой кладкой. 2) Никакихъ слѣдовъ средняго столба не найдено, да его и быть не могло, потому что онъ могъ бы стоять только на средней стѣнѣ, а толщина ея всего $2^1/_2$ кирпича, что невѣроятно мало для стороны «древняго» квадратнаго столба.

Чердакъ. Южный щипецъ. а) На южномъ щипцѣ имѣются шесть гнѣздъ; изъ нихъ верхнія два, лежащія близъ краевъ щипца, въ настоящее время ничѣмъ не заполнены и предназначены были, вѣроятно, для концовъ толстыхъ прогоновъ, служившихъ основою системѣ древнихъ наслонныхъ стропилъ. б) По низу щипца идетъ обрѣзъ въ полкирпича. в) Съ нижнихъ угловъ щипца, касательно верхнимъ гнѣздамъ, замѣтны слѣды древнихъ наклонныхъ штрабъ, которые сходятся на верху и опредѣляютъ древній уклонъ крыши; показанный на первоначальномъ проектѣ Н. В. Султанова назначенъ вѣрно. г) Ниже обрѣза лежатъ два большихъ гнѣзда, занятыя новыми балками; гнѣзда эти, по нѣкоторымъ признакамъ, позднѣйшаго происхожденія и сдѣланы при послѣднемъ устройствѣ деревяннаго потолка, въ 1802 г. д) Два гнѣзда, лежащія близъ угловъ, находятся выше наклоннаго наката потолка и ничѣмъ въ настоящее время не заняты; назначеніе ихъ объяснить довольно трудно, ибо на противоположномъ сѣверномъ щипцѣ такихъ гнѣздъ нѣтъ.

Западный щипецъ весь новый, сложенный при предыдущихъ поправкахъ.

Сѣверный щипецъ. а) На этомъ щипцѣ замѣтны четыре гнѣзда, расположенныя симметрично съ гнѣздами южнаго щипца. б) Они имѣютъ одинаковое съ ними происхожденіе и назначеніе. в) Угловыхъ гнѣздъ въ соотвѣтствіе гнѣздамъ южнаго щипца не имѣется. г) Въ низу щипца имѣется обрѣзъ въ полкирпича.

Восточный щипецъ. а) На немъ имѣются три гнѣзда; они ничѣмъ не заняты и служили, вѣроятно, для концовъ наслонныхъ стропильныхъ ногъ. б) Внизу замѣтны надъ новымъ накатомъ слѣды горизонтальной разбутки свода.

На основаніи всего этого коммиссія находитъ, что подробное изслѣдованіе это вполнѣ подтвердило данныя первоначальнаго осмотра, а потому полагала бы съ своей стороны держаться при реставраціи данныхъ, на основаніи которыхъ составленъ первоначальный проектъ, а именно: 1) подъемъ щипцовъ сдѣлать согласно первому проекту, составленному Н. В. Султановымъ; 2) внутренность покрыть крестовымъ сводомъ, дабы передать распоръ исключительно на углы; при прочихъ же формахъ сводовъ нельзя надѣяться на западную стѣну, которую, въ случаѣ передачи на нее распора свода, пришлось бы вывести всю вновь съ уровня пола второго этажа, а это совершенно нежелательно въ археологическомомъ отношеніи. Производителемъ работъ И. П. Маасомъ было заявлено по этому поводу, что онъ беретъ на себя только устройство крестоваго свода; для всѣхъ прочихъ формъ сводовъ, по его убѣжденію, прочность стѣнъ совершенно недостаточна, а потому онъ и не находитъ возможнымъ принять на себя ихъ устройство. 3) Балки пола 2-го этажа опустить до стараго уровня; 4) вывести въ нижнемъ этажѣ поперечную стѣну въ южномъ отдѣленіи, согласно первому проекту Н. В. Султанова; 5) печь помѣстить не въ подвалѣ, а въ первомъ этажѣ, во 1-хъ, потому, что въ подвалѣ печей въ древности не было; во 2-хъ, потому, что для трубы нужно будетъ пробивать сводъ и вести въ первомъ этажѣ трубу боровомъ до древняго хайла, и въ 3-хъ потому, что, по свидѣтельству старожиловъ, сильная полая вода иногда окружала дворецъ, а слѣдовательно, она легко можетъ размыть печь въ случаѣ помѣщенія ея въ подвалѣ; 6) пристроить съ сѣверной стороны къ наружной двери деревянное крыльцо съ каменной лѣстницей и нижнею каменною частью (согласно первому проекту Н. В. Султанова) въ виду предписанія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 23 марта 1891 г. за № 481, а также въ виду того, что древнія гнѣзда указываютъ на существованіе здѣсь горизонтальной площадки съ верхнимъ покрытіемъ; 7) выемку земли до прежняго

горизонта не дѣлать, ибо, по свидѣтельству старожиловъ, вода въ апрѣлѣ 1857 и 1881 гг., а по свидѣтельству Кисселя (стр. 368) и въ 1719 и 1742 гг. покрывала Соборную площадь; а значитъ, при повтореніи подобныхъ случаевъ, она могла бы вслѣдствіе выемки залить подвалъ дворца».

Въ засѣданіи 15 апрѣля 1891 г. Археологическая Коммиссія постановила вернуться къ проекту Н. В. Султанова, съ приспособленіемъ дворца подъ музей.

Возстановленный дворецъ царевича Димитрія (рис. 66) торжественно освященъ былъ 8 іюня 1892 г., въ присутствіи великаго князя Сергія Александровича и его супруги (*Моск. Вѣдом.* 1892 г. № 153). (Дѣло 1888 г. № 41).

Рис. 66.

2. Г. Угличъ. Алексѣевская церковь 1522 г. въ Алексѣевскомъ монастырѣ.

Отношеніемъ Имп. Арх. Коммиссіи отъ 23 февраля 1904 г. разрѣшена пристройка лѣваго придѣла. Храмъ (рис. 67) построенъ Угличскимъ княземъ намѣстникомъ Ѳ. С. Колычевымъ (который въ 1550 г. и погребенъ здѣсь), но неоднократно былъ передѣлываемъ. Въ 1857 г. передѣлана вновь вся вну-

Рис. 67. Угличъ. Алексѣевская церковь.

тренность храма, въ 1895 и 1899 г. поновлены стѣнная роспись и иконостасъ. По отзыву Ярославской архивной коммиссіи отъ 9 декабря 1903 г., произведшей осмотръ церкви, въ ней никакихъ слѣдовъ древней архитектуры не найдено. Въ ризницѣ имѣется икона князя Ѳомы Угличскаго (Колычева), прежде мѣстно чтимаго. (Дѣло 1903 г. № 216).

---

3. Г. Ростовъ. Успенскій соборъ, XVI—XVII вв.

Въ 1905 г. разрѣшено въ соборѣ переложить печь, исправить рамы, промыть стѣны и купола, исправить штукатурку, промыть иконостасъ. Работы были произведены подъ наблюденіемъ священника о. Вас. Мансветова, А. А. Титова и И. А. Шлякова. (Дѣло 1905 г. № 118).

4. Ярославль. Власіевская церковь, 1603 г.

Въ 1826 г. переложены были, за ветхостью, трапеза и алтарь (рис. 68). Возобновленная снаружи и внутри купцомъ И. П. Оловянишниковымъ, церковь была вновь освящена въ 1833 г. Съ 1866 по 1872 г. богослуженіе не совершалось, вслѣдствіе трещины, открывшейся надъ однимъ изъ внутреннихъ столбовъ. Послѣ ремонта церковь была освящена и богослуженіе совершается по настоящее время. Отношеніемъ Имп. Арх. Коммиссіи отъ 9 августа 1905 г. разрѣшены исправленіе и позолота главъ церкви. (Дѣло 1905 г. № 119).

Рис. 68. Ярославль. Власіевская церковь, 1603 г.

5. Ярославль. Николо-Надѣинская церковь, 1620 г.

Отношеніемъ отъ 23 декабря 1903 г. Ярославская дух. консисторія препроводила ходатайство о разрѣшеніи ремонта иконостаса (рис. 69), исполненнаго, согласно преданію, по рисункамъ перваго русскаго актера Ф. Г. Волкова, и напрестольной сѣни 1630 г. Ремонтъ разрѣшенъ, подъ наблюденіемъ мѣстной ученой архивной коммисіи, которая увѣдомила, что на клиросѣ, за позднѣйшимъ крыломъ иконостаса, открыта древняя нетронутая роспись, въ остальныхъ мѣстахъ храма переписанная въ XIX ст. Въ апрѣлѣ 1904 г. Н. В. Султановъ сообщилъ Коммиссіи, что сѣнь разобрана и отдана въ реставрацію по частямъ. Коммиссія ошибочно направила соотвѣтственный запросъ въ духовную консисторію и, въ отношеніи отъ 21 мая 1905 г., получила

Рис. 69. Иконостасъ Николо-Надѣинской церкви.

отъ архивной коммиссіи напоминаніе, что наблюденіе поручено ей оффиціально, и вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельное изложеніе хода работъ. Такъ какъ оказалось, что сѣнь установлена недостаточно прочно, грубо закрѣплена желѣзными набойками, скобами и гвоздями и собрана неправильно, безъ вниманія къ древнимъ помѣтамъ, и такъ какъ алтарь тѣсенъ и не отопляется, а нѣкоторыя работы (напр., отчистка левкаса и поправка слюды) вовсе не могутъ быть произведены на мѣстѣ, то сѣнь была разобрана и реставрируется по частямъ. Ремонтъ состоитъ въ удаленіи левкаса (что достигается его разжиженіемъ и

чисткой деревянными палочками и щетинными кистями) и въ возстановленіи первоначальной раскраски масляными красками и позолоты и посеребренія по мардану. Приложенъ подробный актъ осмотра сѣни 3 ноября 1904 г., которымъ между прочимъ, установлено, что сѣнь реставрировалась лишь одинъ разъ. Реставрація сѣни одобрена членомъ Археологической Коммиссіи П. П. Покрышкинымъ, осмотрѣвшимъ ее въ іюнѣ 1905 г. Фотографическій снимокъ съ сѣни имѣется въ собраніи И. Ѳ. Барщевскаго. (Дѣло 1904 г. № 8).

---

6. Г. Ярославль. Спасо - Преображенскій монастырь. Богородская башня, 1623 г.

Преосвященный Ярославскій Іонаѳанъ въ 1895 г. предпринялъ переустройство запущенной Богородской башни (рис. 70), построенной, какъ предполагается, въ память пребыванія въ стѣнахъ монастыря въ 1613 г. царя Михаила Ѳедоровича. Въ нижнемъ этажѣ предположено было устройство часовни, а въ верхнемъ — помѣщеніе для Свято-Дмитріевскаго братства. Проектъ переустройства, составленный губернскимъ инженеромъ Шишкинымъ, былъ имъ лично представленъ Имп. Московскому Археологическому Обществу въ засѣданіи 22 дек. 1895 г., одобренъ съ нѣкоторыми замѣчаніями касательно устройства шатра, переправленъ, вновь представленъ и одобренъ Обществомъ. Отношеніемъ 23 февраля 1896 г. разрѣшеніе было дано съ условіемъ переустройства крыши по образцу шатра Варварскихъ воротъ въ Москвѣ; Общество было столь предупредительно, что препроводило даже фотографическій снимокъ съ этого шатра для руководства. Отношеніемъ отъ 23 мая 1896 г. св. Синодъ передалъ проектъ на утвержденіе Имп. Археологической Коммиссіи, которая, отношеніемъ отъ 14 іюня того же года, увѣдомила Оберъ-Прокурора св. Синода, что она одобряетъ распоряженіе Имп. Московскаго Археологическаго Общества объ устройствѣ на башнѣ шатра, подобнаго шатру Варварскихъ воротъ, но находитъ, что пропорціи шатра и устройство его оконъ въ проектѣ не отвѣчаютъ указанному образцу, равно какъ и рисунокъ черепицы; что, кромѣ того, шатеръ слишкомъ малъ на чертежѣ, а въ дѣйствительности будетъ

Рис. 70. Ярославль. Богородская башня, 1623 г.

еще закрываться зубцами стѣны; что нижнія половины стѣнъ и лопатокъ на фотографическомъ снимкѣ и чертежѣ отличаются; что украшенія дверей и оконъ не соотвѣтствуютъ общей простотѣ постройки. Коммиссія просила представить ей новый проектъ переустройства съ чертежами всѣхъ предполагаемыхъ измѣненій. Требованіе это вызвало сильное неудовольствіе преосвященнаго, который представленіемъ отъ 5 августа 1896 г. донесъ св. Синоду, что Богородская башня и безъ предполагаемой реставраціи благовидна, что «большая зависимость какъ настоящаго дѣла, такъ и другихъ подобныхъ, отъ нѣсколькихъ разнствующихъ техническихъ и археологическихъ воззрѣній неизмѣнно сопровождается усложненіемъ, промедленіемъ и увеличеніемъ расходовъ въ веденіи такихъ дѣлъ, нерѣдко отяготительными, отталкивающими и техниковъ, и жертвователей на возобновленіе обветшавшихъ церковныхъ зданій»; что реставрація башни имъ откладывается на неопредѣленное время и что онъ предполагаетъ ограничиться обновленіемъ внутренняго устройства ея съ устройствомъ двери и окна въ прежнихъ проемахъ. 20 сентября 1896 г. св. Синодомъ отзывъ этотъ препровожденъ былъ въ Коммиссію съ просьбою увѣдомить, будетъ ли разрѣшено предполагаемое преосвященнымъ Іонаѳаномъ переустройство. Отвѣтъ отъ Коммиссіи замедлился. Но мѣстныя ярославскія власти не могли ждать, и переустройство было исполнено безъ всякаго разрѣшенія, въ чемъ Коммиссія убѣдилась, попросивъ г. Барщевскаго сдѣлать фотографическій снимокъ съ башни (рис. 70). Археологическая Коммиссія, отношеніемъ отъ 21 декабря 1896 г., довела объ этомъ до свѣдѣнія Оберъ-Прокурора св. Синода и просила его сдѣлать циркулярное подтвержденіе по православному вѣдомству о неуклонномъ исполненіи Высочайшаго повелѣнія 11 марта 1889 г., а также о заблаговременномъ доставленіи въ Коммиссію какъ проектовъ, такъ и всѣхъ нужныхъ документовъ къ нимъ. Соотвѣтственный циркуляръ г. Оберъ-Прокурора напечатанъ былъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» 1897 г., № 5. (Дѣло 1896 г. № 88).

---

7. Ростовскаго у. село Угодичи. Богоявленская церковь, 1620—1627 г.

По церковной лѣтописи, первая каменная церковь въ названномъ селѣ была построена однимъ изъ потомковъ св. благовѣрнаго князя Ѳеодора Давидовича Ярославскаго, бояриномъ и думнымъ дьякомъ Томилою Луговскимъ, и освящена Ростовскимъ митрополитомъ Варлаамомъ. Въ 1670—1673 г. пристроены три придѣла, въ 1678—1683 г. пристроена теплая каменная трапеза

Рис. 71. Церковь с. Угодичъ Ростовскаго у., 1620—27 г.

съ двумя придѣлами, въ 1792—1796 г. трапеза была распространена въ длину и построена была большая колокольня, существующая и понынѣ. Въ 1851—1857 гг. церковь (рис. 71) была вновь распространена и перестроена мѣстнымъ крестьяниномъ А. Я. Артыновымъ; именно, холодная церковь была расширена, трапезная удлинена, внутри украшена лѣпными карнизами, арабесками и мраморными столбами. Отношеніемъ 10 октября 1906 г. было разрѣшено чугунный полъ церкви, очень красивый, замѣнить плиточнымъ на бетонѣ. Прежнимъ поломъ предложено воспользоваться Ростовскому музею. (Дѣло 1905 г. № 135).

8. Г. Угличъ. Успенскій храмъ Алексѣевскаго монастыря. 1628 г.

Церковь (рис. 72), называемая «Дивною», построена келейнымъ старцемъ патріарха Филарета Мисаиломъ, строителемъ монастыря. Въ 1887 г. церковь обновлена вся внутри и окрашена краскою. Отношеніемъ отъ 5 ноября 1902 г. разрѣшено въ церкви перемѣнить полъ, балки котораго попортились,

Рис. 72. Успенская церковь Угличскаго Алексѣевскаго монастыря, 1628 г.

исправить и перезолотить рѣзьбу иконостаса (рис. 73) и перекрасить его тѣмъ же зеленымъ колеромъ, вставить въ окна новыя желѣзныя рѣшетки, перекрасить самый храмъ. Дополнительно было представлено ходатайство разрѣшить замѣну поздняго деревяннаго балкона церкви каменнымъ крыльцомъ съ парадною лѣстницею, по эскизу академика архитектуры М. Т. Преображенскаго. (Дѣло 1902 г. № 196).

Рис. 73. Иконостасъ Успенской церкви Угличскаго Алексѣевскаго монастыря.

Въ архивѣ Археологической Коммиссіи имѣется слѣдующая докладная записка объ этой церкви, представленная И. Ф. Барщевскимъ въ 1891 году г. Министру Императорскаго Двора. (Дѣло 1888 г. № 41).

«Церковь эта заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ историко-художественный памятникъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время его возможно реставрировать. До сихъ поръ на него не было обращено ничьего вниманія; причина этому лежитъ, вѣроятно, въ томъ, что вслѣдствіе передѣлокъ онъ совершенно утратилъ свой первоначальный видъ, и только при тщательномъ осмотрѣ можно видѣть, что это есть одинъ изъ прекрасныхъ памятниковъ зодчества.

Основаніемъ церкви служатъ два подвальные этажа, изъ которыхъ первый лежитъ ниже уровня земли. Надъ ними находится церковь съ очень высокою среднею частью и узкими, менѣе высокими, боковыми частями, оканчивающаяся сѣвернымъ и южнымъ алтарными абсидами. Алтарь отдѣленъ отъ средней части церкви стѣною, проходящею сквозь всѣ подвалы. Средняя высокая часть, какъ я полагаю (ибо видѣть этого нельзя, такъ какъ въ ней сдѣланъ деревянный потолокъ), имѣетъ сомкнутый сводъ и освѣщалась тремя окнами, находящимися подъ самымъ сводомъ. Далѣе, опираясь частію на этотъ же сводъ

и боковыя арки, возвышается шестигранникъ, оканчивающійся шатромъ, въ 16 арш. высотою. Изъ этого шатра въ западной и далѣе въ южной стѣнѣ идетъ узкая лѣстница. По сторонамъ этого шатра на восточныхъ углахъ его стоятъ менѣе высокіе шатры, въ 10 арш., также опирающіеся двумя сторонами на боковые своды. Къ западной сторонѣ церкви примыкаетъ двухъэтажное зданіе, своды котораго какъ перваго, такъ и второго этажа опираются на массивный, по срединѣ стоящій столбъ; полъ зала второго этажа на уровнѣ съ поломъ церкви; такимъ образомъ довольно большой, 30 кв. саж., залъ служитъ какъ бы продолженіемъ церкви. Залъ былъ покрытъ живописью, части которой до сихъ поръ сохранились подъ сводами, гдѣ находятся также и голосники. Насколько я могъ разсмотрѣть, эти остатки живописи заключаютъ въ себѣ сюжеты изъ священнаго писанія. Въ этотъ залъ былъ входъ снаружи сѣверной, а можетъ быть также и западной стороны, гдѣ до сихъ поръ осталась дверь и части желѣзныхъ связей, служившихъ для соединенія высокаго крыльца.

Въ настоящее время памятникъ этотъ находится въ такомъ положеніи: верхнія окна средней части церкви задѣланы и въ ней сдѣланъ деревянный потолокъ, окна въ церкви и алтарѣ увеличены, равно какъ въ верхней и нижней примыкающихъ къ ней палатахъ, гдѣ также сдѣланъ потолокъ и въ настоящее время находится архимандричій покой въ нѣсколько комнатъ, поставлены печи, проведены трубы, пробиты верхніе и нижніе своды для пропуска лѣстницъ, и къ довершенію всего въ среднемъ столбѣ, держащемъ на себѣ всю тяжесть сводовъ, пробиты широкіе проходы какъ вверху, такъ и внизу. Подъ настоящей желѣзной крышей уцѣлѣлъ каменный фронтонъ, дающій указаніе на первоначальное покрытіе».

9. Ярославль. Церковь св. Ильи Пророка, 1647 г.

Въ 1896 г. потомств. почетный гражданинъ И. А. Вахрамѣевъ предложилъ епархіальному начальству произвести на свой счетъ ремонтъ этого храма, именно: 1) задѣлать трещины въ сводахъ портика (галлереи?), 2) реставрировать стѣнопись на паперти, исполненную въ 1681 г. лучшими ярославскими и костромскими мастерами, 3) очистить отъ копоти живопись въ храмѣ, а въ куполахъ, какъ обветшавшую, возстановить, 4) освѣжить окраску иконостаса 1696 г. Реставрацію живописи долженъ былъ исполнить ростовскій живописецъ Лопаковъ, подъ наблюденіемъ самого И. А. Вахрамѣева, а также при участіи И. А. Шлякова. Проектъ реставраціи (рис. 74 и 75),

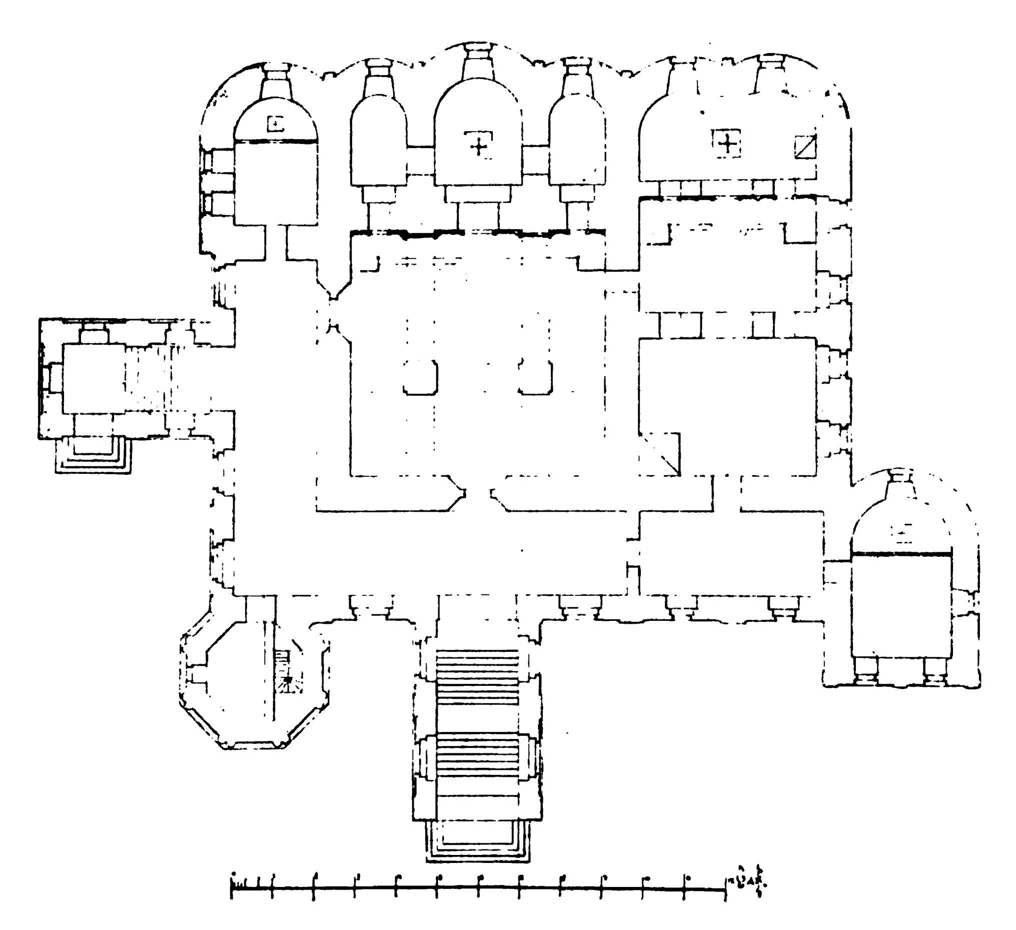

Рис. 74. Планъ церкви св. Ильи Пророка въ Ярославлѣ, 1647 г.

одобренный Имп. Московскимъ Археологическимъ обществомъ, чрезъ св. Синодъ поступилъ на заключеніе Археологической Коммиссіи, поручившей осмотрѣть церковь своему сочлену Н. В. Султанову. Согласно заключенію послѣдняго, проектъ былъ утвержденъ отношеніемъ отъ 9 мая 1898 г. (Дѣло 1896 г. № 208).

10. Г. Любимъ. Преображенскій соборъ 1647 г. въ Спасо-Геннадіевомъ монастырѣ.

Отношеніемъ отъ 17 ноября 1901 г. Ярославская дух. консисторія препроводила ходатайство о разрѣшеніи ремонта въ этой церкви. Предполагалось поновить живопись, исполненную въ 1822—1825 гг., окрасить иконостасъ, вмѣсто зеленаго, въ бѣлый цвѣтъ и сдѣлать надстройку надъ иконостасомъ въ 5 арш. вышиною. Управленіе монастыря отказалось доставить затребованный

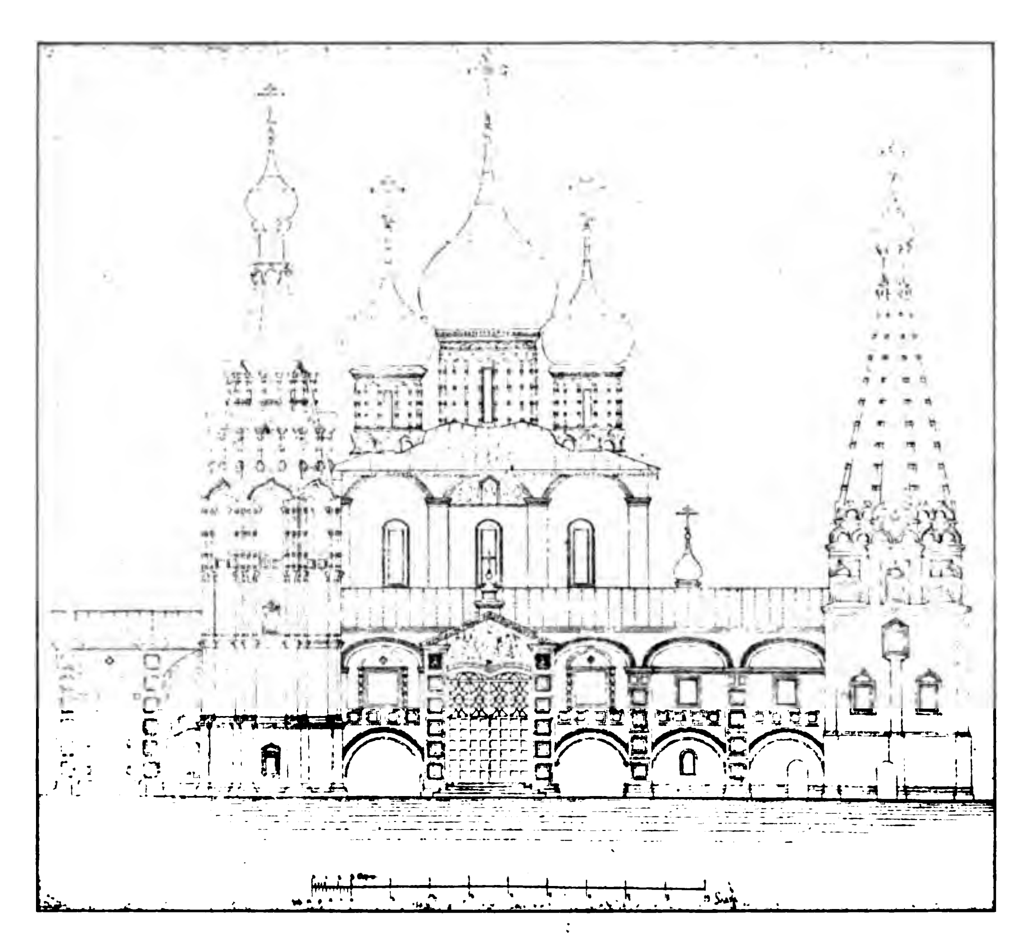

Рис. 75. Церковь св. Ильи Пророка въ Ярославлѣ. Зап. фасадъ.

фотографическій снимокъ, такъ какъ церковь уже заставлена была лѣсами, прибавивъ, что иконостасъ не можетъ представлять какой-либо древности, въ виду того, что былъ поставленъ почти заново вскорѣ послѣ пожара 1824 г. Въ указѣ консисторіи отъ 22 мая 1824 г. сказано, что разрѣшается исправить иконостасъ «порѣзкою 30 глухими колоннами съ капителями коринфскаго ордена и таковыми же царскими вратами»; по церковной лѣтописи, иконостасъ въ 1824 г. «весьма повредился». Онъ былъ разобранъ въ 1827 г. и починенъ въ 1828 г. По заключенію П. П. Покрышкина, осмотрѣвшаго церковь 5 іюня 1902 г., стѣнопись расписывается живописцемъ А. А. Пентюховымъ очень заботливо и аккуратно, но съ нарушеніемъ стиля, представляющаго несомнѣнный интересъ. Иконостасъ устроенъ въ стилѣ Empire и выкрашенъ въ пріятный зеленоватый тонъ, на которомъ выдѣляются золоченыя полированныя колонки, рамки, кіоты и изящныя украшенія. Поновленіе иконостаса разрѣшено, съ должными ограниченіями. (Дѣло 1901 г. № 266).

11. Ростовскаго у. Бѣлогостицкій монастырь. Холодный соборъ 1657—1658 г.

Въ 1903 г. было предположено устроить въ церкви три голландскія печи, чтобы обратить ее въ теплую, такъ какъ существующая теплая церковь крайне тѣсна (рис. 76 по фотогр. И. А. Шлякова). Археологическая Коммиссія затребовала чертежи и фотографическіе снимки съ церкви. Отношеніемъ дух. консисторіи отъ 19 сентября 1907 г. Коммиссія была увѣдомлена, что устройство печей не состоялось. (Дѣло 1903 г. № 185).

Рис. 76. Бѣлогостицкій монастырь.

12. Г. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Крестовоздвиженскій соборъ 1658 г.

Въ 1892 г. Ярославскій губернаторъ поручилъ губернскому инженеру Шишкину произвести осмотръ поврежденій собора (рис. 77), обнаружившій въ разныхъ мѣстахъ церкви большія и малыя трещины и плохое состояніе фундамента, который сверху на 11 вершк. выложенъ изъ кирпича на растворѣ, а снизу на 16 вершк. дикаремъ съ засыпкою землею, безъ откосовъ; кирпичъ такъ пропрѣлъ, что свободно выбирался пригоршнями. Спеціальная комиссія по ремонту собора изыскала средства и въ августѣ 1899 г. составила проектъ исправленій, поставившій задачею: перебрать большую трещину и часть сводовъ, залить алебастромъ остальныя трещины, перестлать полы, опрѣвшій кирпичъ на стѣнахъ замѣнить желѣзнякомъ, перезолотить иконостасъ, прочистить всюду стѣнное письмо. Смѣта работъ разсчитана на 14,000 р. Отношеніемъ отъ 31 января 1900 г. проектъ былъ утвержденъ, съ просьбою возстановить на колокольнѣ столбъ, убранный для поднятія колокола и съ условіемъ, чтобы про-

Рис. 77. Романово-Борисоглѣбскій Крестовоздвиженскій соборъ. 1658 г.

чистка живописи была исполнена подъ наблюденіемъ И. А. Шлякова, который съ своей стороны заявилъ, что поручаемое наблюденіе онъ почтетъ принять для себя за долгъ, но просилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы работы по исправленію фресокъ не начинались до его осмотра и исполненія необходимыхъ фотографическихъ снимковъ. Средства на ремонтъ доставлены были мѣстнымъ уроженцемъ, московскимъ купцомъ В. Я. Герасимовымъ. Архитектурныя работы поручены были архитектору г. Окерблому, а живописныя—мастеру Тюлину; тѣ и другія начаты были съ 21 іюня 1900 г., послѣ осмотра собора гг. Шляковымъ и Окербломомъ. Отношеніемъ отъ 9 іюля И. А. Шляковъ заявилъ, что онъ слагаетъ съ себя обязанности наблюдателя за производимыми

работами по части живописи собора, такъ какъ не были исполнены его требованія о снятіи фотографическихъ снимковъ и, кромѣ того, вмѣсто промывки, производится исправленіе древней стѣнописи. Въ послѣдовавшей перепискѣ И. Я. Шляковъ настаивалъ на необходимости исполненія фотографическихъ снимковъ и калекъ съ реставрируемыхъ частей живописи и на требованіи, чтобы новая, только что сдѣланная роспись была снята, а дальнѣйшее исправленіе ея было поручено болѣе опытнымъ мастерамъ, напр. М. И. Дикареву или Н. Сафонову. Требованія эти Коммиссіею предъявлены причту собора чрезъ свят. Синодъ и были приняты къ исполненію; работы Тюлина были остановлены. 4 октября 1900 г. произведенныя работы были осмотрѣны И. А. Шляковымъ совмѣстно съ А. А. Титовымъ и было найдено, что всѣ архитектурныя работы произведены хорошо и надежно, съ укрѣпленіемъ фундамента, а исправленіе фресокъ не признано удовлетворительнымъ, по недостатку силъ въ мастерской Тюлина; иконы въ иконостасѣ оставались нетронутыми. Постановленіемъ Коммиссіи отъ 13 декабря 1900 г. дополнительный осмотръ храма былъ порученъ Н. В. Султанову. Новый староста собора М. П. Ильинскій, замѣнившій скончавшагося Новикова (который началъ дѣло реставраціи и успѣшно велъ его), въ частныхъ письмахъ настаивалъ на продолженіи работъ въ принятомъ прежде порядкѣ, въ виду того, что фрески уже переписаны въ давнее время и что новая живопись не будетъ хуже переписанной, что если кто виноватъ, то И. А. Шляковъ, не пріѣхавшій къ началу работъ и не давшій въ свое время указаній, что промедленіе и непріятности охлаждаютъ рвеніе благотворителя. Соборъ осмотрѣнъ былъ Н. В. Султановымъ, и затѣмъ въ засѣданіи Коммиссіи 27 марта 1901 г. надзоръ за исправленіемъ стѣнописи въ соборѣ порученъ былъ Е. А. Сабанѣеву, который, заявленіемъ отъ 28 ноября 1901 г., сообщилъ, что исправленіе живописныхъ изображеній въ храмѣ закончено. Исполнено оно было тѣмъ же мастеромъ Тюлинымъ. Стѣнная живопись алтаря была переписана въ 1814 г., въ 1821 г. реставрирована живопись въ куполѣ и на стѣнахъ (старовѣромъ Сазоновымъ), въ 1830-хъ гг. переписана стѣнопись на столбахъ, масляною краскою, въ 1864 г. возобновлены наружныя клейма и живопись крытой паперти, принадлежащая 1823 г. По заявленію Е. А. Сабанѣева, «согласно указаніямъ г. Шлякова и проф. Султанова, начатая неудачная реставрація живописи внутри собора была, по возможности, смыта и затѣмъ реставрація производилась почти безъ переписки. Послѣ промывки живописи задѣлывались лишь облупившіяся или попорченныя мѣста». И. А. Шляковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: «Съ своей стороны я не допустилъ бы реставраціи отдѣльныхъ иконъ и стѣно-

писи, увѣрившись въ моей жизни опытомъ, что какъ бы удачно ни было произведено реставрированіе древняго письма, всетаки оно не даетъ того особеннаго впечатлѣнія, какое оставлялъ прежде не тронутый никакимъ возстановленіемъ памятникъ древности. Если церковный староста и обѣщаетъ только промыть и заправить живопись въ мѣстахъ съ отвалившеюся штукатуркою, то кто можетъ поручиться, что живопись всетаки не будетъ такъ «заправлена», какъ въ Ярославлѣ въ церкви Благовѣщенія на Волгскомъ берегу и у Николы Мокраго, гдѣ стѣны просто записали сплошь красками, такъ что не осталось въ этихъ церквахъ ни малѣйшихъ слѣдовъ древняго превосходнаго письма». (Дѣло 1899 г. № 206).

13. Г. Ярославль. Предтеченская церковь, 1658—1665 г.

Отношеніемъ И. Арх. Комиссіи отъ 1 августа 1907 г. разрѣшено опустить полъ до стараго уровня (на 7 вершк. нижс) и перекрыть его метлахскою или харьковскою плитою, замѣнить чугунный полъ въ алтарѣ и придѣлѣ плиточнымъ, кіоты, стоящіе передъ столбами и устроенные въ 1848 г., удалить, вызолотить вновь иконостасъ. Желаніе причта и старосты понизить полъ и убрать кіоты вызывалось необходимостью увеличить внутренній объемъ воздуха въ храмѣ. (Дѣло 1907 г. № 98).

---

14. Г. Ярославль. Каменная Никитская церковь, 1670 г.

Отношеніемъ отъ 9 іюня 1899 г. Ярославская дух. консисторія препроводила ходатайство причта и прихожанъ этой церкви (рис. 78) о разрѣшеніи разобрать ее, уже обсуждавшееся мѣстною ученою архивною коммиссіею, которая установила, что церковь очень тѣсна и низка, такъ что нерѣдко свѣчи въ ней гаснутъ и не могутъ горѣть, стѣны ея необыкновенно сыры, своды и стѣны имѣютъ трещины отъ отсутствія желѣзныхъ связей, фундаментъ слабый, булыжный безъ продуховъ. По заключенію той же ком-

Рис. 78. Ярославская Никитская церковь, 1670 г.

миссіи, церковь не имѣетъ никакого художественаго значенія и интересна лишь какъ образецъ «срубнаго» стиля, далеко не единственный. Имп. Арх. Коммиссія затребовала чертежи и фотографическіе снимки съ общаго вида церкви снаружи и внутри и снимки съ деталей орнамента. Въ засѣданіи 11 апрѣля 1900 г. разборка Никитской церкви была разрѣшена. (Дѣло 1899 г. № 136).

---

15. Г. Ярославль. Николо-Мельницкая церковь при Ярославской Большой Мануфактурѣ, 1672 г.

Отношеніемъ отъ 17 марта 1897 г. Мануфактура обратилась съ ходатайствомъ о разрѣшеніи разобрать Николо-Мельницкую церковь (рис. 79) для устройства бо̀льшей новой, совершенно необходимой по огромности прихода, состоящаго изъ рабочихъ фабрики. Археологическая Коммиссія, затребовавъ чертежи, фотографическій снимокъ и планъ мѣстности, просила Е. А. Сабанѣева посѣтить церковь и дать свое заключеніе, а затѣмъ съ тою же просьбою обратилась къ Н. В. Султанову. Е. А. Сабанѣевъ склоненъ былъ къ мысли

Рис. 79. Ярославль. Николо-Мельницкая церковь, 1672 г.

дать просимое разрѣшеніе, въ виду того, что храмъ, построенный на мѣстѣ другой церкви, поздней и передѣланной, оказался бы у самой фабричной стѣны. Н. В. Султановъ горячо возсталъ противъ предположенія мануфактуры, представивъ слѣдующее заявленіе: «При изученіи ярославской старины я осматривалъ и Николо-Мельницкую церковь. По моему мнѣнію, она представляетъ собою одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ нашей старины. Церковь эта, какъ видно изъ фотографіи и какъ свидѣтельствуетъ Е. А. Сабанѣевъ, относительно хорошо сохранилась и не можетъ быть причислена къ тѣмъ Ярославскимъ церквамъ, коихъ первоначальный типъ значительно искаженъ. Я же, съ своей стороны, могу прибавить, что храмъ этотъ, помимо своей прелестной и живописной архитектуры XVII вѣка, обладаетъ еще и многими другими драгоцѣнными особенностями. Когда я его осматривалъ (въ 1882 г.), то замѣтилъ въ немъ превосходный рѣзной иконостасъ XVII вѣка, очень интересную древнюю храмовую икону Николая Чудотворца, прекрасный орнаментъ древняго письма на паперти и наконецъ едва ли не единственныя уцѣлѣвшія во всемъ Ярославлѣ свѣтлыя двери со слюдою и свинцовыми горбыльками вмѣсто стеколъ. Наконецъ, книга «Большая Ярославская Мануфакрура» свидѣтельствуетъ (стр. 28), что «въ ризницѣ ея есть не мало интересныхъ грамотъ и рукописей, касающихся какъ прошлаго г. Ярославля, такъ равно и нѣкоторыхъ важныхъ событій». Итакъ, все говоритъ за то, что такой памятникъ надо не разрушать, а сохранять всѣми мѣрами.

Теперь посмотримъ, есть ли дѣйствительная надобность въ его уничтоженію. Правленіе Мануфактуры и г. Сабанѣевъ находятъ нужнымъ сломать Николо-Мельницкій храмъ по тѣснотѣ церковнаго двора, не допускающаго постройку новаго, болѣе обширнаго храма. Я полагаю съ своей стороны, что это не имѣетъ основанія. И въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ на церковномъ участкѣ? Мы видимъ большое земельное владѣніе, западная часть котораго показана на планѣ «подъ кладбищемъ.» На этомъ кладбищѣ стоятъ двѣ церкви: одна холодная, которую намѣреваются сломать, а другая теплая, расположенная почти у сѣверной границы. Слѣдовательно, которую бы изъ этихъ церквей ни сломать, новую церковь, во всякомъ случаѣ, придется строить на кладбищѣ; а значитъ, подобное возраженіе отпадаетъ само собою, да и, кромѣ того, построеніе новаго храма «на костяхъ» всегда благословляется и св. Синодомъ и епархіальною властью. Но мы уже видѣли, насколько интересна въ археологическомъ отношеніи холодная церковь. Что же касается до теплой, то, по свидѣтельству г. Сабанѣева, къ которому я присоединяюсь вполнѣ, она

«перестроена почти заново въ началѣ настоящаго столѣтія и не имѣетъ никакого интереса ни въ художественномъ, ни въ археологическомъ отношеніяхъ». Слѣдовательно, выборъ ясенъ: сломать нужно теплую церковь.

Но, быть можетъ, тогда-то именно и не хватитъ мѣста для новой церкви? Чтобы доказать противное, я начертилъ на освободившемся участкѣ периметры двухъ громадныхъ храмовъ Петербурга: Петропавловскаго и Александровскаго соборовъ. И что же оказывается? Съ восточной стороны до ограды остается восемь саженъ, по бокамъ, въ самыхъ узкихъ мѣстахъ, по семи саж., а съ западной стороны, гдѣ проходитъ Широкая улица, образуется площадь шириною 16 саж. Что же касается до возраженія, которое можетъ быть сдѣлано, что отъ сѣверной стороны до границы будетъ всего семь саж., то на это можно отвѣтить, что отъ сѣверной стороны существующей теплой церкви до границы всего четыре сажени, и это никому цѣлыхъ двѣсти лѣтъ не мѣшало.

Итакъ, при сломкѣ теплой церкви мѣста хватаетъ не только на новую церковь, но даже на Александровскій соборъ. А поэтому разрѣшить сломку

Рис. 80. Угличъ. Воскресенская церковь (1674–77 гг.) съ С.-В.

Николо-Мельницкой церкви, значить допустить актъ величайшаго и при томъ совершенно безцѣльнаго вандализма».

Въ реставраціонномъ засѣданіи Археологической Коммиссіи 1 ноября 1897 г. ходатайство Ярославской Мануфактуры было отклонено. (Дѣло 1897 г. № 46).

16. Г. Угличъ. Воскресенская церковь, 1674—1677 гг.

Церковь была устроена бывшимъ Воскресенскимъ монастыремъ при митрополитѣ Іонѣ Сысоевичѣ (рис. 80 и 81). Въ 1898 г. разрѣшено было произвести ремонтъ придѣла Смоленской Божіей Матери, съ переустройствомъ его въ теплый храмъ. Ремонтъ произведенъ былъ на средства купца М. А. Жаренова, подъ наблюденіемъ И. А. Шлякова. Слѣдовъ древней живописи на стѣнахъ церкви не обнаружено; клеймо на сводѣ церкви новое (1840 г.). Г. Шляковъ настоялъ на томъ, чтобы сохранившійся въ алтарѣ и на солеѣ кирпичный полъ не былъ замѣняемъ деревяннымъ; имъ же въ чердакахъ церкви найдены 2 отличныя паникадила XVIII в., которыя и были перенесены въ устраиваемый храмъ. (Дѣло 1898 г. № 28).

Въ 1905 г. было разрѣшено окрасить крыши церкви и поправить ея штукатурку, что взялъ на себя также М. А. Жареновъ. (Дѣло 1905 г. № 105).

Рис. 81. Та же церковь съ С.-З.

На прилагаемыхъ рисункахъ храма литерой *а* обозначена церковь Воскресенія Христова, *в*—Смоленской Божіей Матери, *c*—Владимірской Божіей Матери, *g*—Знаменской Божіей Матери, *s*—звонница.

---

17. Рыбинскаго у. Бывая Александрова пустынь. Троицкая церковь, около 1678 г.

Отношеніемъ Имп. Арх. Коммиссіи отъ 23 января 1906 г. разрѣшено возстановленіе трехъ крестовъ и деревянныхъ главокъ на церкви, безъ измѣненія размѣровъ и формъ (рис. 82—85). При отношеніи по этому поводу

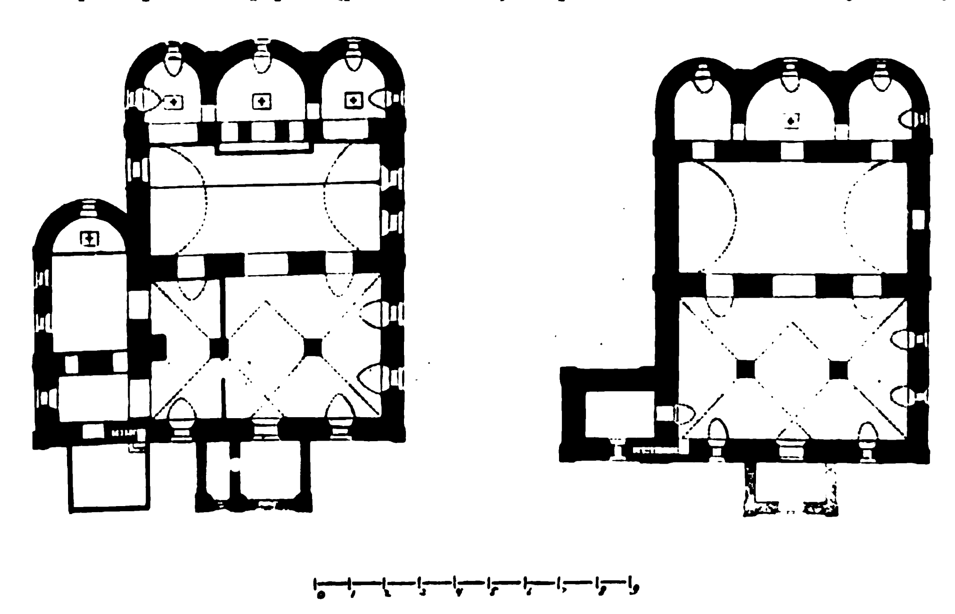

Рис. 82. Существующій планъ. Рис. 83. Реставрированный планъ.
Троицкая церковь Бывой Александровой пустыни Рыбинскаго у., около 1678 г.

Рис. 84. Троицкая церковь Бывой Александровой пустыни, около 1678 г.

Рис. 85. Проектъ реставраціи зап. фасада той-же церкви.

дух. консисторіи отъ 23 августа 1904 г. представленъ былъ чертежъ предполагаемаго ремонта церкви, вызвавшій замѣчанія со стороны Археологической Коммиссіи и дальнѣйшую переписку. Коммиссія не считала возможнымъ одобрить нѣкоторыя измѣненія въ конструкціи храма, предположенныя проектомъ, и требовала спеціальнаго изслѣдованія его, архитектурнаго и техническаго. Причтъ церкви, съ своей стороны, разъяснилъ, что шпиль колокольни сооруженъ въ 1805 г., что проектируемый входъ на колокольню извнутри храма невозможенъ, такъ какъ на колокольню допускаются и стороннія церкви лица, и что при монастырѣ колокольня имѣла именно современный видъ, какъ это доказывается существованіемъ на ней ложно-слуха для часовъ. Проектъ реставраціи церкви, по порученію Ярославской архивной комиссіи, составленъ былъ ея членомъ И. А. Тихоміровымъ, вложившимъ въ это дѣло много труда и вниманія. Изъ обширной объяснительной записки г. Тихомірова къ проекту извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія.

Время церкви опредѣляется сохраняющеюся при ней могильною плитою съ надписью о томъ, что въ 1678 г. скончался строитель церкви Василій Мотовиловъ. Храмъ представляетъ собою продолговатый и узкій прямоугольникъ (размѣровъ $20^1/_2$ арш.$\times 9^1/_2$ арш., высотой 16 арш. до кровли). Толщина стѣнъ $1^3/_4$ арш., въ $4^1/_2$ кирпича (котораго размѣръ $6^1/_2\times 3^1/_4\times 1^1/_2$ вершк., а вѣсъ 12 ф.). Сводъ «корытчатый»; до его замка отъ пола $16^1/_2$ арш. (отъ пола до земли около $^1/_2$ арш.). Вдоль крыши три глухіе каменные восьмигранные шатра, высотою до главъ около 5 арш.; главки деревянныя, позднѣйшей формы. Первоначально оконъ было всего 5, во второмъ свѣту, 3 на южной и 2 на западной стѣнахъ; окна эти задѣланы и замѣнены новыми. Храмъ соединялся съ трапезою тремя арками разной величины и, кромѣ того, особенною дверью въ южной стѣнѣ, съ настоятельскими кельями, нынѣ задѣланными. Алтарь не высокій ($5^3/_8$ арш.), о трехъ апсидахъ. Въ нихъ по окну съ восточной стороны и, кромѣ того, въ правой апсидѣ старое окно въ южной стѣнѣ, въ соотвѣтствіи съ которымъ позднѣе пробито окно и въ сѣверной апсидѣ. Алтарь нынѣ соединяется съ храмомъ тремя широкими пролетами, несомнѣнно вліяющими на прочность стѣны. Иконостасъ 1829 г., не замѣчательный. Въ 1878 г. въ алтарѣ найдены были слѣды древней росписи, именно на горнемъ мѣстѣ и въ откосѣ южнаго окна. Нынѣ вся церковь внутри выкрашена масляной краской. Трапеза низкая (той же вышины, какъ алтарь), нѣсколько длиннѣе, чѣмъ храмъ ($20^1/_2\times 12^1/_2$ арш.), перекрыта двумя сомкнутыми сводами, опирающимися посрединѣ на 2 массивные четыреугольные столба. Высота отъ пола до замка свода

$5^1/_2$ арш. Всѣ четыре окна трапезы нынѣ передѣланы. Къ сѣверной стѣнѣ ея примыкаетъ небольшой придѣлъ XVIII в., для котораго устроены 2 широкіе пролома въ древней стѣнѣ, даже безъ арокъ. Крыша трапезы—позднѣйшая, трехскатная; поддерживается, кромѣ стропилъ, еще двумя высокими бревенчатыми срубами, стоящими надъ трапезными столбами. Колокольня состоитъ изъ четыреугольнаго основанія, древняго, вышиною $6^1/_2$—7 арш., и осмерика, имѣющаго въ вышину до 12 арш. Первоначально осмерикъ былъ ниже на цѣлый ярусъ, такъ что пролеты располагались непосредственно за вторымъ пояскомъ карнизовъ; задѣлка пролетовъ ясно видна какъ снаружи, такъ и внутри, гдѣ, кромѣ того, подъ поломъ нынѣшняго звона уцѣлѣли и пяты сводовъ, покрывавшихъ этотъ ярусъ подъ шатеръ. Ходъ на колокольню узкій, въ западной стѣнѣ, нынѣ снаружи, прежде изъ трапезы. Восточная стѣна ея въ нижнемъ ярусѣ выломана для увеличенія размѣровъ придѣла. Древній полъ былъ кирпичный, сохранившійся подъ престоломъ (теплаго придѣла); его замѣнилъ чугунный, остающійся также въ очень немногихъ мѣстахъ; нынѣ полъ всюду деревянный. Въ Ярославской губ. данный типъ представленъ лишь одною этою церковью.

Въ стѣнахъ церкви много трещинъ, образовавшихся, очевидно, вслѣдствіе недостаточной прочности фундамента, видимо, нигдѣ не проникающаго ниже глубины промерзанія почвы (2½ арш.); фундаментъ праваго придѣла имѣетъ всего $1^3/_4$ арш. глубины. Почва низкая и влажная, такъ какъ первая церковь, деревянная, по преданію, поставлена была, согласно особымъ знаменіямъ, на болотѣ. Въ церковной оградѣ имѣется прудъ въ 50 саж. въ окружности; колокольня имѣетъ наклонъ именно въ сторону этого пруда. Влажность мѣстности увеличивается густой травой и вѣтвистыми деревьями. Трещины появляются или расширяются, главнымъ образомъ, въ началѣ зимы и весною. Наиболѣе слабыя части церкви: алтари, особенно придѣльные, восточная стѣна четверика, южная стѣна, юго-западный уголъ трапезы и стѣны наружнаго придѣла. Трещины въ этихъ мѣстахъ появляются иногда сквозныя и настолько значительныя, что вызывали мѣстную перекладку стѣнъ. Такъ въ 40-хъ гг. XIX в. переложена была сѣверная стѣна внутренняго придѣла; можетъ быть, именно тогда снятъ и перекрывавшій внѣшній придѣлъ каменный сводъ, существованіе котораго здѣсь доказывается извѣстіемъ 1744 г. о томъ, что на этомъ придѣлѣ была каменная глава. Въ сводѣ трещины идутъ въ поперечномъ, а не въ продольномъ направленіи, что не опасно для его сохранности. Желѣзныхъ связей, повидимому, нигдѣ не было.

Проектъ реставраціи И. А. Тихомірова заключался въ полномъ возстано-

вленіи древнихъ формъ храма, что должно содѣйствовать и его сохраненію. Главки предполагалось выкрасить бѣлой краской и побѣлить, какъ и всю церковь, колокольню понизить, крышу на трапезѣ понизить такъ, чтобы открыть окна западной стѣны, полы возстановить кирпичные. Причтъ отказался отъ мысли о реставраціи храма, по недостатку средствъ, а потомъ даже отъ предположенія вновь перекрыть крыши. (Дѣло 1904 г. № 197).

18. Г. Ярославль. Владимірская церковь, 1678 г.

Отношеніемъ отъ 1 іюня 1904 г. разрѣшено, согласно заключенію Ярославской архивной киммиссіи, произвести ремонтъ холоднаго храма (рис. 86),

Рис. 86. Ярославль. Владимірская церковь, 1678 г.

именно: побѣлить стѣны церкви и колокольни, перекрасить крышу и покрыть листовымъ желѣзомъ каменные шатры церкви и колокольни. По заявленію причта и старосты, кирпичъ на этихъ шатрахъ крошится отъ времени, вмѣстѣ съ краскою. По словамъ Е. А. Сабанѣева (см. выше стр. 12), вызваннымъ, вѣроятно, именно этою церковью, покрытія древнихъ каменныхъ шатровъ желѣзомъ не могутъ быть допускаемы. (Дѣло 1904 г. № 140).

19. Г. Ростовъ. Благовѣщенская церковь, 1682 г.

Отношеніемъ отъ 8 ноября 1903 г. духовная консисторія препроводила ходатайство о разрѣшеніи промыть въ церкви стѣнную живопись, почистить иконостасъ и произвести нѣкоторыя другія ремонтныя работы. Ремонтъ разрѣ-

шенъ подъ условіемъ наблюденія за нимъ Е. А. Сабанѣева и исполненія работъ однимъ изъ тѣхъ мастеровъ, которые имъ будутъ указаны. Отношеніемъ Имп. Арх. Коммиссіи отъ 1 мая 1904 г. разрѣшенъ также ремонтъ иконостаса верхняго храма, согласно заключенію А. А. Титова и И. А. Шлякова. Въ виду болѣзни Е. А. Сабанѣева, наблюденіе за всѣмъ ремонтомъ въ церкви возложено было на Ростовскій музей. (Дѣло 1903 г. № 258).

20. Г. Ярославль. Богоявленская церковь, 1682 г.

Отношеніемъ отъ 7 ноября 1901 г. разрѣшено: 1) расписать паперть, но иконописью, а не живописью, если только при изслѣдованіи не оказалось бы старой росписи, 2) устроить дубовыя стекольчатыя двери изъ паперти въ храмъ съ сохраненіемъ старыхъ желѣзныхъ, 3) оградить амвонъ мѣдною рѣшеткою по старымъ образцамъ, 4) перезолотить иконостасъ, 5) устроить полъ изъ метлахской плиты, въ косой шахматъ, изъ бѣлыхъ и сѣрыхъ плитокъ. Ходатайство передано было на заключеніе Н. В. Султанова. (Дѣло 1901 г. № 134).

21. Ростовскаго у. с. Марково. Деревянная церковь Іоанна Многострадальнаго, 1684 г.

Отношеніемъ отъ 12 іюня 1901 г. разрѣшенъ ремонтъ этой церкви, пострадавшей передъ тѣмъ отъ пожара. Изъ приложеннаго (не вполнѣ точнаго) чертежа церкви видно, что она небольшая и весьма простого устройства; алтарь съ прямыми углами. (Дѣло 1901 г. № 133).

22. Ярославскаго у., с. Богородское на Карабитовой горѣ. Каменная церковь во имя Казанской Божіей Матери, 1684 г.

Древній храмъ (рис. 87) обстроенъ новою трапезою, двумя круглыми помѣщеніями и портикомъ съ двумя колокольнями и колоннадой; колоннадой обставленъ и алтарь. Отношеніемъ отъ 15 ноября 1895 г. разрѣшено трапезную обратить въ теплый храмъ посредствомъ устройства двухъ печей, закладки двухъ пролетовъ и двухъ оконъ въ стѣнѣ, отдѣляющей трапезу отъ храма, и застекленія дверей. Проектъ уже получилъ разрѣшеніе отъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества. Коммиссіею разрѣшеніе было дано съ условіемъ не закладывать пролетовъ кирпичемъ, а лишь заставить ихъ двойными рамами и сохранить живопись на внутреннихъ стѣнахъ арокъ, если бы таковая оказалась. 9 февраля 1898 г. въ Коммиссію поступило ходатайство о разрѣшеніи

Рис. 87. Церковь с. Богородскаго на Карабитовой горѣ, 1684 г.

соорудить съ лѣвой стороны трапезы новый придѣлъ на средства С. М. Сакиной, къ чему также не оказалось препятствій. Иконостасъ придѣла спроектированъ стройный, простой и изящный. Размѣръ придѣла $4^1/_3 \times 5\frac{1}{2}$ саж. (Дѣло 1895 г. № 237, см. выше стр. 28).

23. Г. Ярославль. Косьмодемьянская церковь, 1686 г.

Ярославскій губернаторъ отношеніемъ отъ 26 апрѣля 1904 г. запросилъ Коммиссію, можетъ ли быть разрѣшено переустройство дома причта, примыкающаго къ церкви (рис. 88) и являющагося пристройкой тѣсной, холодной и сырой. Коммиссія увѣдомила, что новая пристройка еще болѣе исказитъ храмъ и что въ виду плохого состоянія старой желательно было бы удалить ее совсѣмъ, а домъ построить на дворѣ церкви по сѣверной его границѣ. (Дѣло 1904 г. № 95).

Рис. 88. Ярославль. Церковь свв. Косьмы и Даміана, 1686 г.

24. Г. Ярославль. Церковь св. Іоанна Предтечи въ Толчковѣ, 1671—1687 гг.

Своею реставраціею Толчковская церковь обязана вниманію б. министра финансовъ С. Ю. Витте, который въ 1894 г. посѣтилъ ее, оцѣнилъ ея важность и изъявилъ готовность содѣйствовать средствами для приведенія ея въ надлежащій видъ. Ярославскій губернаторъ А. Я. Фриде образовалъ спеціальную комиссію по реставраціи церкви, въ составѣ 5 членовъ: И. А. Шлякова, А. А. Титова, свящ. Успенскаго, церковнаго старосты Шапошникова и губернскаго инженера Шишкина. Составленіе проекта реставраціи принялъ на себя г. Шишкинъ, который немедля и принялся за дѣло, послѣ тщательнаго осмотра церкви, произведеннаго комиссіею въ полномъ составѣ. Изъ протоколовъ по осмотру церкви извлекаются слѣдующія подробности: 1) на чугунномъ полу церкви весною образуются прямо лужи, которыя, испаряясь, осаждаются влагою на стѣнахъ и сводахъ; полъ въ галлереяхъ сложенъ изъ обожженныхъ плитокъ, дающихъ много пыли; 2) въ стѣнахъ храма имѣлись многочисленныя трещины, главнымъ образомъ въ алтарѣ, ризницѣ, жертвенникѣ и придѣлахъ, размѣровъ до толщины пальца; въ сводахъ храма трещинъ нѣтъ, за исключеніемъ галлерей и выступовъ; нѣкоторыя изъ трещинъ—новаго происхожденія, такъ что еще не успѣли запылиться; 3) полъ въ алтарѣ замѣтно осѣлъ, такъ что правая сторона алтарной скамьи имѣетъ видъ какъ бы утопленной въ полъ; 4) кирпичи наружной облицовки храма превосходнаго качества, но и здѣсь имѣются попорченныя мѣста; 5) изъ желѣзныхъ связей три лопнули: одна въ сѣверной галлереѣ и двѣ внутри храма, именно отъ столбовъ къ иконостасной стѣнѣ; 6) фундаментъ, главная причина порчи храма, возведенъ изъ круглыхъ крупныхъ валуновъ безъ связи, не имѣетъ откосовъ и не доведенъ до материка (былъ обнаженъ уголъ у выступа западной галлереи); 7) крыша, погорѣвшая въ 1708 г., значительно поднята въ 1750 г. (имѣется надпись объ устройствѣ ея на подзорѣ съ южной стороны алтаря); 8) изъ вида Ярославля 1731 г. явствуетъ, что всѣ главы на церкви въ то время были одинаковыя, луковичныя. Позднѣе сдѣлано было болѣе подробное изслѣдованіе фундамента у южной стороны церкви, гдѣ имѣется наибольшее поврежденіе стѣны. При этомъ оказалось, что фундаментъ здѣсь имѣетъ глубину 5½ арш. и подошва его заложена въ материкѣ, состоящемъ изъ глины съ примѣсью песка и небольшого количества ила. Каждый рядъ булыжника засыпанъ кирпичнымъ щебнемъ, который мѣстами превратился въ глину. Откосовъ нѣтъ. На глубинѣ 2 арш. въ фундаментѣ имѣется выпускъ на 12 вершковъ. Установлено, что фунда-

ментъ входитъ въ грунтъ лишь на 2 арш., а выше идетъ насыпная земля. Вешнія воды иногда затопляютъ даже часть этого искусственнаго возвышенія. Фундаментъ у галлереи имѣлъ въ глубину всего $3^3/_4$ арш. и не доходилъ до материка. Дальнѣйшее изслѣдованіе фундамента прекращено изъ опасенія повредить зданіе. Въ крышѣ стропильныя ноги сдѣланы изъ полосового желѣза $^1/_2 \times 2^1/_2$ д., поставленнаго на ребро и задѣланнаго однимъ концомъ въ шейку главы, а другимъ въ лицевыя стѣны, при чемъ разстояніе между фермами равно 1 арш.; нижняя часть стропильной ноги подкрѣплена желѣзнымъ подкосомъ, упертымъ также въ лицевую стѣну. Всѣ стропильныя ноги подкрѣплены тремя желѣзными прогонами съ сѣченіемъ $1½ \times 1½$ д., которые подперты желѣзными упоринами того же сѣченія, такъ что каждая изъ нихъ упирается однимъ концомъ въ прогонъ, а другимъ въ своды. Въ чешуѣ главокъ и крышѣ замѣчены свищи.

Составленный г. Шишкинымъ проектъ реставраціи былъ одобренъ комиссіей, членъ которой И. А. Шляковъ, однако, не соглашался на покрытіе церкви по закомарамъ, которыхъ, по его мнѣнію, не существовало въ старину. Г. Шляковъ указывалъ, что на з. и в. стѣнахъ по 4, а на сѣверной и южной только по 2½ лопатки, что въ большинствѣ ярославскихъ церквей даннаго времени имѣются лопатки, заполненныя изображеніями, что точныхъ изслѣдованій чердака храма не произведено, что перекрытіе по полукружіямъ не украситъ, а исказитъ красоту сѣвернаго и южнаго фасадовъ, такъ какъ они будутъ частью прикрыты придѣлами. Г. Шляковъ полагалъ необходимымъ пригласить для осмотра чердачныхъ помѣщеній вполнѣ компетентныхъ лицъ. Мнѣніе свое г. Шляковъ высказалъ уже послѣ того, какъ проектъ былъ одобренъ къ исполненію Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Г. Шишкинъ, основываясь на 6 сдѣланныхъ имъ фотографическихъ снимкахъ чердачнаго помѣщенія, доказывалъ, что полукружья, карнизъ и задѣлка ендовы между кокошниками наблюдаются совершенно отчетливо, что задѣлка ендовы имѣетъ другую толщину, чѣмъ кокошники, что верхняя часть карниза на кокошникахъ была при передѣлкахъ сломана, что въ стѣнахъ, служащихъ задѣлкою ендовы, между кокошниками устроены окна на чердакъ, что своды при передѣлкѣ по кругамъ не будутъ затронуты. По наблюденіямъ г. Шишкина, крыша и верхняя часть стѣнъ церкви передѣлывались трижды: сперва кокошники сдѣланы выше, стропильныя ноги подняты до верхнихъ гнѣздъ, позднѣе карнизъ у большихъ кокошниковъ былъ снятъ, ендовы задѣланы и крыша передѣлана на четырескатную тесовую (гравюра 1731 г.), наконецъ, въ

1750 г. сдѣланы желѣзныя крыши, остающіяся до настоящаго времени. Искаженія красоты храма при проектѣ перекрытія по кругамъ г. Шишкинъ не находитъ и увѣренъ, что г. Шляковъ пользовался неточными рисунками. Такое перекрытіе устроено уже на нѣсколькихъ церквахъ, и практическихъ неудобствъ отъ этого не видно.

Проектъ г. Шишкина губернаторомъ представленъ былъ С. Ю. Витте и чрезъ св. Синодъ 13 апрѣля 1895 г. поступилъ на разсмотрѣніе Имп. Археологической Коммиссіи. Расходъ на реставрацію исчисленъ былъ въ 69,000 р. Въ реставраціонномъ засѣданіи 26 апрѣля 1895 г. Археологическая Коммиссія нашла храмъ не достаточно изслѣдованнымъ, а мѣры, проектируемыя для укрѣпленія фундамента (сдѣлать съ обѣихъ сторонъ откосы изъ желѣзняка на цементѣ, старый булыжный бутъ залить растворомъ) не соотвѣтствующими цѣли. Новый осмотръ церкви возложенъ былъ на Н. В. Султанова и Г. И. Котова, которые, исполнивъ это порученіе, пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ (актъ отъ 20 августа 1895 г.):

«1) Храмъ во многихъ мѣстахъ имѣетъ трещины, которыя замѣчаются преимущественно надъ оконными и дверными пролетами и видоизмѣняются по ширинѣ отъ волосныхъ до такихъ, которыя имѣютъ около 3/4 дюйма. Имѣются также трещины и въ цѣльныхъ частяхъ, какъ напр. сквозная трещина въ юго-западномъ углу главнаго храма. Независимо отъ того четыре связи лопнули и схвачены накладками; двѣ изъ нихъ находятся въ сѣверной галлереѣ, а двѣ—въ самомъ храмѣ. Наконецъ, сѣверо-западный уголъ паперти осѣлъ совершенно. Все это, вмѣстѣ взятое, показываетъ, что издавна начавшееся разрушеніе храма продолжается также въ настоящее время и грозитъ въ будущемъ его существованію. Всѣ поврежденія его подробно описаны въ актѣ отъ 21 іюня 1894 года, составленномъ по предложенію г. Ярославскаго губернатора.

2) Фундаментъ храма былъ обнаженъ въ двухъ мѣстахъ: у южной абсиды—до подошвы и у южной галлереи—лишь на половину. Материкъ лежитъ ниже начала кирпичной кладки на 4 арш. 8 в., а подошва фундамента у абсиды оказалась на глубинѣ 5 арш. 8 в., т. е. на аршинъ ниже поверхности материка. Подробности его техническаго исполненія указаны въ протоколѣ.

3) Осмотръ придѣловъ и выше лежащихъ палатокъ показалъ нижеслѣдующее: а) Кладка ихъ стѣнъ представляетъ полную и одновременную перевязь со стѣнами храма. б) Размѣры кирпича, какъ въ стѣнахъ палатокъ сѣвернаго придѣла, такъ и въ прилегающей стѣнѣ храма, оказались слѣдующими: толщиною отъ $1^1/_2$ до $1^3/_4$ вер., шириною отъ $3^1/_8$ до $3^1/_4$ в., длиною отъ

$^1/_{16}$ до $^1/_8$ в. в) Части наружныхъ стѣнъ храма, входящихъ внутрь палатокъ, оказались совершенно гладкими, правильной кирпичной кладки, безъ всякихъ признаковъ стески по поверхности. г) Связи сводовъ палатокъ однимъ кон цомъ задѣланы въ сѣверную и южную стѣны храма и насквозь ихъ не проходятъ, какъ это видно со стороны надъалтарнаго тайника.

4) При осмотрѣ верхнихъ большихъ кокошниковъ главнаго храма мы нашли нижеслѣдующее: а) Въ нѣкоторыхъ кокошникахъ, напр. въ сѣверо-западномъ, видна первоначальная кривая, по которой тимпаны ихъ были сдѣланы и наложены выше кирпичемъ того же размѣра; верхніе кирпичи ихъ архивольтовъ сбиты подъ желѣзную крышу. Швы съ наружной стороны подведены и раздѣланы бѣлой краской, не всегда въ соотвѣтствіи съ конструкціей. б) Кокошники со стороны чердака имѣютъ уступъ, причемъ нижняя толщина ихъ 1 арш. 8 в., а верхняя, начиная съ уровня существующихъ въ промежуткахъ отверстій, 1 арш. 4 в.; съ внутренней стороны кокошники перекрыты по тимпанамъ однимъ или двумя рядами кирпича, изъ коихъ нижній положенъ плашмя, а верхній на ребро. Кокошники сложены изъ кирпича преимущественно семивершковой длины. в) Кирпичъ въ сводахъ храма и верхней по нимъ выстилки, близъ сѣвернаго придѣла, оказался длиною отъ 6 до $6^5/_8$ вершка. г) Промежуточная кладка, толщиною $13^1/_2$ в., между кокошниками сложена изъ кирпичей длиною 6, $6^1/_2$, $6^5/_8$, $6^6/_8$ вершковъ. Швы на фасадахъ вообще и, какъ было упомянуто, на кокошникахъ, раздѣланы очень прочной бѣлой краской, которая не всегда совпадаетъ съ дѣйствительными швами, причемъ линія первоначальнаго обрѣза тимпановъ мѣстами умышленно замаскирована и нѣкоторые настоящіе швы затерты краской. Подобной раздѣлки швовъ не замѣчается въ кладкѣ между кокошниками, выше балясинокъ, которая покрыта на сѣверномъ фасадѣ, во второмъ промежуткѣ отъ придѣла, штукатуркой.

5) На чердакѣ, въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ углахъ главнаго храма, видна задѣлка, въ которую впущены укрѣпленія концовъ діагональныхъ ногъ существующихъ желѣзныхъ стропилъ.

6) Въ доступной для осмотра юго-восточной главѣ главнаго храма шея имѣетъ двѣ волосныя трещины съ западной стороны. Кирпичи ея имѣютъ слѣдующіе размѣры: длина отъ $6^1/_8$ до $6^7/_8$ вершк., толщ. $1^1/_2$ вершк., шир. 3 вершк.

7) Всѣ верхнія части храма, надъ крышей, снаружи очень пострадали отъ времени: кирпичъ во многихъ мѣстахъ выкрошился, а швы вывѣтрились.

8) Нижнія части шей главнаго храма и постамента подъ главками придѣловъ сложены изъ кирпича длиною $6^1/_8$, $6^1/_2$, $6^7/_8$—7 вершковъ.

9) Въ нижней части шеи средней главы, ниже существующей желѣзной крыши, замѣтны восемь выбитыхъ гнѣздъ, приблизительно на уровнѣ ряда разбитыхъ изразцовъ; а подъ ними ниже лежитъ второй рядъ оставленныхъ въ кладкѣ небольшихъ гнѣздъ ($3^3/_4$ в.×$2^1/_4$ в.×3 вершка), приблизительно подъ первыми.

10) На нижнихъ частяхъ малыхъ главъ замѣтны, по направленію діагоналей, гнѣзда, лежащія нѣсколько ниже гнѣздъ средней главы.

11) Верхушки балясинокъ между кокошниками, повидимому, сбиты.

12) Около придѣловъ видны наверху слѣды крайнихъ закомаръ, причемъ кладка ихъ не имѣетъ перевязи съ верхомъ придѣловъ.

13) Всѣ окна 2-го яруса главнаго храма снаружи растесаны.

14) Стесаны также края щипцовъ всѣхъ трехъ крылецъ.

15) Внутри храма стесаны крайнія колонки и верхнія тяги архивольтовъ порталовъ галлереи.

16) Живопись внутри храма была найдена въ томъ состояніи, въ какомъ она описана въ протоколѣ отъ 21 іюня 1894 г.»

На основаніи произведеннаго осмотра церкви и дополнительныхъ данныхъ объ устройствѣ фундаментовъ [1]), доставленныхъ отъ Ярославскаго губернатора (отношеніемъ отъ 28 мая 1896 г.), Н. В. Султановъ и Г. И. Котовъ дали заключеніе, что для сохраненія древняго вида храма необходимо принять нижеслѣдующія мѣры:

«1) Такъ какъ при вышеупомянутомъ осмотрѣ не обнаружилось точныхъ данныхъ для возстановленія первоначальнаго покрытія церкви, на основаніи которыхъ можно было бы произвести неопровержимо обоснованную реставрацію, то слѣдовало бы оставить крышу въ существующемъ видѣ, равно какъ и среднюю главу, безъ измѣненія ея формы, весьма типичной для своего времени. 2) Нѣкоторыя упоминаемыя въ актѣ детали фасадовъ, пострадавшія отъ времени, а также сбитыя при передѣлкахъ, желательно возстановить въ ихъ первоначальномъ видѣ и возобновить живопись на щипцахъ крылецъ. 3) Стѣнное иконописное письмо внутри церкви и галлерей слѣдуетъ протереть хлѣбомъ; панель, окрашенную масляной краской, реставрировать въ древнемъ видѣ, а

[1]) По нимъ оказалось, что фундаментъ главнаго храма имѣетъ глубину 4 арш. $14^1/_2$ вершк., покоится на очень плотномъ материкѣ, стоекъ и лежней не имѣетъ, грунтовой воды не обнаружено. Новый полъ оказался поднятымъ. Ниже чугунныхъ плитъ обнаруженъ слой желтаго песку въ 4 вершка, далѣе слѣдовалъ кирпичный полъ, одинаковый съ имѣющимся въ галлереяхъ, лежавшій на слоѣ бетона въ 2 в., ниже котораго шла кирпичная выстилка, устроенная на распорной стѣнкѣ изъ булыжника.

равно и порталы входныхъ дверей храма, 4) Иконостасъ желательно оставить въ существующемъ видѣ, такъ же какъ и кивоты съ иконами около пилоновъ, повидимому, одновременные съ иконостасомъ, судя по стилю. 5) Въ виду ходатайства о замѣнѣ существующаго нынѣ чугуннаго пола, желательно новый полъ сдѣлать изъ каменныхъ плитъ. 6) Упоминаемый въ прилагаемыхъ къ дѣлу актахъ и смѣтахъ ремонтъ крышъ, главъ, оконныхъ рамъ и переплетовъ, дверей, желѣзныхъ связей и фундамента желательно произвести неотлагательно. При ремонтѣ фундамента также желательно сдѣлать подъ поломъ галлереи распорныя стѣнки, расположивъ ихъ поперекъ галлереи, противъ стѣнокъ фундамента (лежащихъ между пилонами и стѣнами храма), а также и противъ угловъ церкви по направленію ея наружныхъ стѣнъ. 7) Предполагаемая въ примѣчаніи къ § 17 смѣты промывка стараго фундамента «для осажденія на низъ глины» не можетъ дать ожидаемыхъ отъ нея результатовъ. Вообще же работы по укрѣпленію фундамента должны производиться, въ виду ихъ важности для сохранности зданія, согласно дальнѣйшему подробному изслѣдованію и съ крайней осмотрительностью. 8) Что касается до отопленія храма, устройство котораго предполагается духовенствомъ, то оно, конечно, можетъ только способствовать дальнѣйшему сохраненію его внутренняго убранства; но устроено оно должно быть такъ, чтобы вновь пробиваемые каналы и дымоходы не повредили прочности ветхихъ стѣнъ и не испортили стѣнописи и чтобы трубы не безобразили фасада храма».

При отношеніи отъ 22 сентября 1898 г. Ярославскій губернаторъ представилъ новый проектъ реставраціи церкви, составленный губернскимъ инженеромъ Еншемъ. Онъ былъ разсмотрѣнъ Коммиссіею въ реставраціонномъ засѣданіи 16 ноября 1898 г. и, кромѣ того, еще отдѣльно Г. И. Котовымъ и А. Н. Померанцевымъ. По этому проекту фундаменты придѣловъ предположено наполовину замѣнить новыми, углубивъ ихъ, а фундаменты самого зданія утолстить книзу бутовыми прикладками (безъ должной связи съ древнимъ бутомъ), отдѣлить алтарь отъ храма сплошною каменною стѣнкою, а также устроить центральное отопленіе. Археологическая Коммиссія потребовала стѣнки не возводить, а при устройствѣ отопленія принять различныя мѣры противъ порчи стѣнъ и живописи храма (предъ уничтоженіемъ части живописи снимать съ нея точныя копія для возстановленія, отдушины устраивать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ живописныхъ или иныхъ украшеній, внутри галлереи обратить особое вниманіе на сохраненіе кирпичныхъ лавокъ, для чего душники, выпускающіе нагрѣтый воздухъ, устроить въ подоконникахъ, вытяжные душники у западной стѣны сдѣлать въ полу, котель-

ное помѣщеніе или трубу установить отдѣльно отъ церкви), полъ въ придѣлѣ оставить на прежнемъ уровнѣ, проектированный полъ изъ метлахскихъ плитъ замѣнить поломъ изъ каменныхъ плитъ. За совѣтомъ относительно укрѣпленія фундаментовъ рекомендовано обратиться оъ Техническо-Строительный Комитетъ М-ва В. Д., или же въ Комитетъ Хозяйственнаго Управленія при св. Синодѣ. По надлежащемъ исправленіи, проектъ г. Енша 4 августа 1900 г. былъ направленъ Ярославскимъ губернаторомъ въ Техническо - Строительный Комитетъ при М-вѣ В. Д., а по возвращеніи представленъ, 18 января 1901 г., г. министру финансовъ, послѣ чего, по заключенію Департамента Государственной Экономіи, былъ подробно обсужденъ съ финансовой стороны особою коммиссіею, состоявшею изъ члена Техническо-Строительнаго Комитета при св. Синодѣ Павловскаго, священника церкви Успенскаго, составителя проекта и ревизора контрольной палаты Никольскаго. Комиссія эта, осмотрѣвъ храмъ 13 іюня 1902 г., нашла: 1) что образованіе трещинъ продолжается; 2) что причина ихъ—неправильная осадка фундаментовъ; 3) что фундаменты подъ галлереями и крыльцами должны быть переложены вновь на цементѣ, а при заливкѣ цементнымъ растворомъ пустотъ въ фундаментѣ церкви должны быть переложены выпучившіяся части; 4) что вытяжные каналы не могутъ быть устроены въ углахъ церкви (для нихъ предположено устроить форточки въ нижней части оконныхъ переплетовъ главнаго барабана, сдѣлавъ подходъ къ нимъ по крышѣ церкви); 5) что во избѣжаніе порчи живописи на стѣнахъ и куполахъ главнаго и боковыхъ барабановъ, отопленіе этихъ частей слѣдуетъ устроить при помощи паровыхъ трубъ. При Ярославскомъ строительномъ отдѣленіи составлена была новая смѣта по реставраціи храма, заключенная въ суммѣ 93,182 р. (изъ коихъ 12,595 р. назначены на отдѣльную пристройку для парового отопленія). Засимъ всѣ документы отправлены были въ св. Синодъ, откуда губернаторъ получилъ увѣдомленіе, что Государственный Совѣтъ Высочайше утвержденнымъ 3 марта 1903 г. мнѣніемъ положилъ отпустить на ремонтъ Толчковской церкви изъ государственнаго казначейства 64,080 р. (экономія въ 23,000 р. достигнута исключеніемъ расхода на цѣльную позолоту главы). Причтъ, церковный староста и прихожане постановили совершить благодарственное молебствіе и впредь каждый воскресный день послѣ литургіи совершать молебствіе св. Іоанну Предтечѣ о здравіи Его Императорскаго Величества и всего Царствующаго Дома (Прав. Вѣстн. 1903 г., № 149).

Образованъ былъ на мѣстѣ временный строительный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, составителя проекта,

настоятеля церкви, церковнаго старосты, младшаго инженера строительнаго отдѣленія и двухъ членовъ Ярославской архивной коммиссіи (И. А. Вахрамѣева и А. А. Никифорова). Къ работамъ по устройству фундаментовъ приступили въ маѣ 1903 г., при чемъ всѣ прежнія изслѣдованія ихъ оказались не вполнѣ точными, а именно: фундаменты подъ наружною галлереею и крыльцами доходятъ до грунта и имѣютъ глубину первые 5¹/₄ арш., а вторые 4½ арш., при чемъ бутовая кладка расперта (разъѣхалась) лишь на глубину до 2 арш. Несмотря на то, что вся кладка фундаментовъ сдѣлана не на растворѣ и промежутки между камнями заполнены лишь глиною и землею, нижняя часть бута вполнѣ прочна. Первые ряды камней фундаментовъ подъ галлереею, крыльцами и алтаремъ во многихъ мѣстахъ заложены послѣдующими, которые на нихъ нависаютъ, чѣмъ и объясняется неточность первоначальныхъ изслѣдованій. Вслѣдствіе вновь обнаружившихся обстоятельствъ, рѣшено было верхнюю, выпученную, кладку фундаментовъ вынуть на глубину 2 арш. и замѣнить ее кирпичною на цементномъ растворѣ, нижнюю же только укрѣпить съ боковъ кирпичными откосами шириною внизу 0,50 саж. (снаружи) и 0,40 саж. (изнутри). Глубина фундаментовъ въ алтарной части немного болѣе 6 арш., при чемъ выпученною оказалась лишь верхняя часть бута на глубину 2 арш., которую и рѣшено замѣнить новою кирпичною кладкою, съ устройствомъ въ нижней части откосовъ. Рѣшено также: распорныя арки внутри галлереи сдѣлать изъ бетона, бетонные откосы у фундаментовъ самой церкви сдѣлать толщиною въ среднемъ не 0,18 саж., а 0,30 саж., такъ какъ это представлялось болѣе надежнымъ и удобнѣе было для трамбовки. Внутренній ремонтъ храма производился въ 1904 г., при чемъ рѣшено было устройство внутренняго отопленія храма отложить, такъ какъ въ немъ нѣтъ необходимости (у прихода есть особая зимняя церковь), а оставшуюся сумму употребить на позолоту главы, на что и было дано согласіе Археологической Коммиссіей. Назначенный отъ Коммиссіи ея представителемъ въ строительную комиссію Е. А. Сабанѣевъ не могъ принять участія въ ея засѣданіяхъ, вслѣдствіе серьезной болѣзни. 8 іюня 1905 г. производимыя въ храмѣ работы осматривалъ членъ Коммиссіи П. П. Покрышкинъ, по заключенію котораго ремонтъ и реставрація церкви произведены вполнѣ хорошо. Раздѣлка трещинъ исполнена столь удачно и даже изящно, что съ фасадовъ можетъ быть оставлена безъ покраски подъ существующую живописную орнаментацію. Очистка и исправленіе живописи производится прекрасно мастеромъ Дикаревымъ, работающимъ подъ наблюденіемъ И. А. Шлякова. Пользуясь устройствомъ лѣсовъ, Археологическая Коммиссія отправила

своего фотографа Чистякова для исполненія фотографическихъ снимковъ съ росписи церкви. Онъ сдѣлалъ 275 снимковъ съ нея, составившихъ значительный альбомъ. (Дѣло 1895 г. № 57).

25. Ростовскаго у. с. Богословское, что на р. Ишнѣ. Деревянная Іоанно-Богословская церковь, 1687 г.

Церковь (рис. 89—93) приписана къ Георгіевской церкви въ слоб. Юрьевской. Отношеніемъ отъ 8 ноября 1895 г. Имп. Арх. Коммиссія разрѣшила произвести слѣдующій ремонтъ этой превосходной церкви: перемѣнить тесовую обшивку, выпрямить сѣверную стѣну двумя или тремя парами брусьевъ, скрѣпленныхъ желѣзными болтами, перекрасить желѣзную крышу, позолотить кресты, окрасить обшивку масляною краской, сплотить полы. Работы исчислены въ суммѣ 900 р. Надзоръ за ремонтомъ принялъ на себя И. А. Шляковъ. Проектъ

Рис. 89. Церковь с. Богословскаго на Ишнѣ, 1687 г. Южный фасадъ. По снимку И. Ф. Барщевскаго.

уже былъ на разсмотрѣніи Имп. Московскаго Археологическаго Общества. Археологическая Коммиссія предложила не красить внутреннія стѣны находящейся при церкви галлереи, наружныя стѣны выкрасить подъ цвѣтъ стараго дерева, а крышу—сѣрой краской. (Дѣло 1895 г. № 215).

26. Г. Ярославль. Пятницко - Вспольская каменная церковь 1689 г.

Отношеніемъ отъ 5 ноября 1902 г. разрѣшено обратить лѣтнюю церковь (рис. 94) въ теплую, съ устройствомъ трехъ печей (двухъ въ церкви и одной въ алтарѣ) и зимнихъ рамъ. Печи должны были заслонить часть настѣнныхъ изображеній 1844 г., фотографическіе снимки съ которыхъ были представлены. (Дѣло 1902 г. № 219).

Рис. 90. Сѣверный фасадъ той-же церкви. По снимку И. Ф. Барщевскаго.

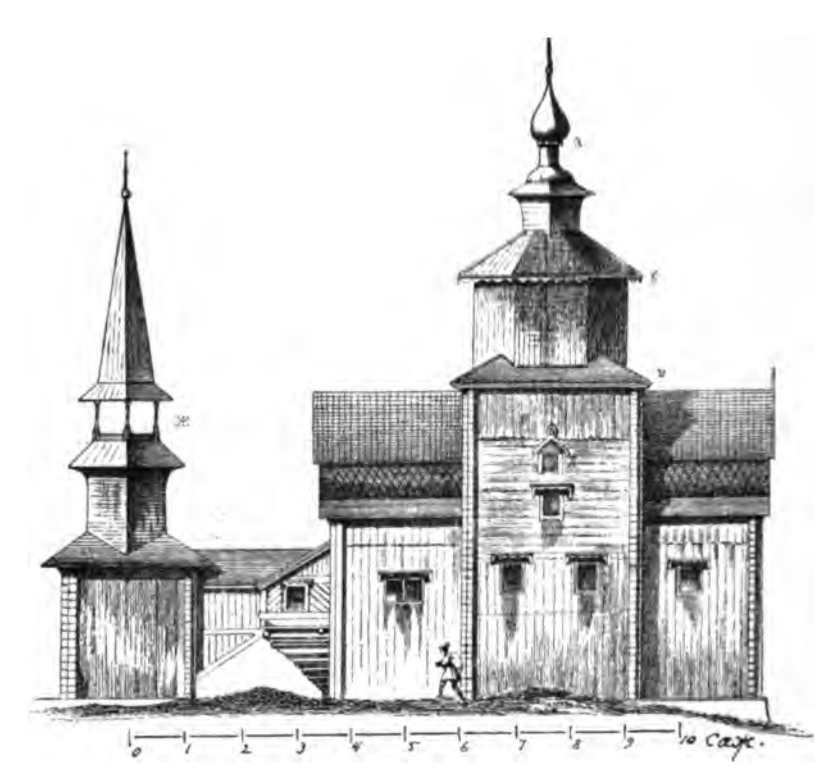

Рис. 91. Южный фасадъ церкви с. Богословскаго на Ишнѣ, по рисунку Л. В. Даля.

Рис. 92. Колокольня и крыльцо той-же церкви, по чертежу Павлинова.

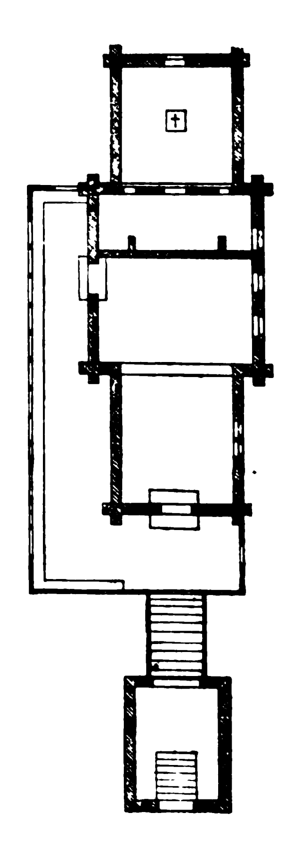

Рис. 93. Планъ той-же церкви.

27. Г. Ростовъ. Спасская, что на площади, церковь. 1690 г.

Церковь (рис. 95) обѣтная, безприходная, содержимая городомъ. Въ 1825 г. западная часть храма обращена была въ жилое помѣщеніе для причта, причемъ къ ней пристроенъ былъ небольшой каменный корпусъ, уничтожившій крыльцо. Въ 1859 г. устроена была колокольня, разобранная въ 1892 г. за ветхостью. Въ 1861 и 1868 гг. въ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ причтомъ, устроены были 2 придѣла. Древняя звонница сохранилась, вниманіемъ архіепископа Нила. Въ 1894 г. былъ составленъ проектъ устройства новой колокольни при церкви, съ переустройствомъ зимняго храма, при чемъ старая звонница должна была оставаться неприкосновенною. Проектъ этотъ былъ разрѣшенъ Имп. Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, но затѣмъ св. Синодомъ 3 сентября 1804 г. направленъ былъ на заключеніе Археологической Коммиссіи. Товарищъ предсѣдателя Ростовскаго музея и членъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества А. А. Титовъ, возстававшій противъ проекта въ городской думѣ и напечатавшій статьи о церкви (Русскій Архивъ 1894 г., VI, и Историч. Вѣстн. 1894 г., X), представилъ въ Коммиссію ходатайство объ особенномъ вниманіи къ этому рѣдкому памятнику старины и о принятіи мѣръ къ полной его реставраціи. Несмотря на записку составителя проекта переустройства церкви, губернскаго инженера г. Шишкина, доказывавшаго, что церковь тѣсна и не замѣчательна въ художественномъ отношеніи, а равно не служитъ памятникомъ отечественной исторіи, Археологическая Коммиссія въ засѣданіи 23 ноября 1894 г. постановила не разрѣшать перестройку зимняго храма, въ виду опасности, которую представляла бы новая пристройка для стараго зданія, и въ виду того, что пристройка эта совершенно измѣнила бы древній видъ храма. Новую колокольню разрѣшено было поставить въ стилѣ конца XVII в., но вообще выражено желаніе, чтобы церковь была реставрирована въ прежнемъ

Рис. 94. Ярославль. Пятницко-Вспольская церковь, 1689 г.

Рис. 95. Спасская ружная церковь въ г. Ростовѣ, 1690 г.

видѣ, какъ весьма любопытный образецъ церковной архитектуры XVII в. Проектъ новой колокольни Коммиссіи не былъ представленъ, но въ 1897 г. староста и прихожане церкви обратились съ прошеніемъ на Высочайшее имя о разрѣшеніи имъ построить новую колокольню на мѣстѣ старой, что не было имъ запрещено и въ постановленіи Археологической Коммиссіи 1894 г. По наведеннымъ справкамъ, до настоящей поры въ церкви никакихъ ремонтныхъ работъ не произведено и колокольня не пристроена. Колокола лежатъ подъ навѣсомъ. (Дѣло 1894 г. № 145).

28. Г. Ярославль. Пятницe-Туговская церковь, 1691 г.

Отношеніемъ отъ 31 мая 1904 г. разрѣшено возобновить иконостасъ 1836 г. въ придѣлѣ Благовѣщенія. (Дѣло 1904 г. № 107).

29. Г. Ярославль. Николо-Рубленская церковь, 1695 г.

Отношеніемъ отъ 26 ноября 1904 г. разрѣшено перекрасить стѣны и полъ церкви, не касаясь стѣнописи. (Дѣло 1904 г. № 199).

30. Угличъ. Покрово-Паисіевскаго монастыря Покровская и Богоявленская церкви.

Покровская церковь (рис. 96), устроенная въ 1479 г., возобновлена въ 1751 и 1797 гг., а стѣнная живопись—въ 1860 г. Въ 1890 г. возобновлена была живопись и обновленъ иконостасъ. Богоявленская холодная церковь возобновлена въ 1835 г. Отношеніемъ отъ 10 іюня 1905 г. разрѣшено перекрасить крыши обѣихъ церквей и перебѣлить ихъ снаружи, а также обновить живопись на стѣнныхъ клеймахъ, подъ наблюденіемъ Ярославской ученой архивной комиссіи. (Дѣло 1905 г. № 62).

Рис. 96. Г. Угличъ. Покровская церковь въ Паисіевскомъ монастырѣ.

31. Г. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Покровская церковь, XVII в.

Отношеніемъ отъ 18 февраля 1903 г. разрѣшена реставрація 20 древнихъ иконъ церкви (на средства И. А. Вахрамѣева), подъ наблюденіемъ Е. А. Сабанѣева. Исправленія иконъ произведены М. И. Дикаревымъ. (Дѣло 1903 г. № 16).

Отношеніемъ отъ 18 апрѣля 1903 г. духовная консисторія препроводила ходатайство о разрѣшеніи произвести слѣдующій ремонтъ въ храмѣ: въ виду образовавшейся трещины связать паперть съ церковью сквозными желѣзными связями, помощью гаекъ, перебрать фундаментъ подъ папертью, разобрать и замѣнить новою поперечную стѣну паперти, всѣ трещины перебрать, съ поправкою живописи въ попорченныхъ мѣстахъ. Стѣнопись въ паперти возобновлялась нѣсколько разъ. Въ письмѣ отъ 7 мая 1903 г. Е. А. Сабанѣевъ доставилъ дополнительныя свѣдѣнія къ изложенному ходатайству. Церковь была сильно пе-

рестроена въ 15—20 годахъ XIX в. Цѣлѣе прочихъ частей храма крытая паперть, а особенно колокольня, которая по формѣ и красотѣ представляетъ собою единственный памятникъ этого рода не только въ г. Романовѣ, но и во всей губерніи, столь богатой церквами постройки второй половины XVII в. Желательно слѣдить не только за крупнымъ ремонтомъ этой колокольни, но и за самымъ мелкимъ. Паперть сохранила прежній расписной сводъ и двери, ведущія въ церковь. Трещина проходитъ чрезъ весь сводъ паперти и обѣ боковыя стѣны. Причина ея—плохой фундаментъ; если паперть еще не обрушилась, то лишь благодаря желѣзной связи, соединяющей двѣ длинныя стѣны. Перебрать необходимо не одну, а обѣ короткія стѣны. Ремонтъ былъ разрѣшенъ, а наблюденіе за нимъ возложено на Е. А. Сабанѣева, который 30 сентября 1903 г. увѣдомилъ Коммиссію, что всѣ необходимыя исправленія закончены. (Дѣло 1903 г. № 75).

32. Г. Ростовъ. Спасо-Іаковлевскій монастырь.

1) Отношеніемъ отъ 13 ноября 1898 г. разрѣшено произвести ремонтъ въ Зачатіевскомъ и Іаковлевскомъ храмахъ: удалить пыль со стѣнъ, промыть альфресковую живопись, промыть иконостасы и пр. По отзыву И. А. Шлякова, подъ наблюденіемъ котораго производились работы, превосходная стѣнопись Зачатіевской церкви, относящаяся ко времени митрополита Іоны III (XVII в.), значительно пострадала отъ новѣйшихъ поправокъ, произведенныхъ въ 1849 г., особенно же въ орнаментахъ. Но эти поправки, къ счастью, произведены были клеевыми слабыми красками, такъ что не стоило никакого труда снять ихъ губкою, намоченною въ водѣ. Работы произведены мастерскою иконописца В. В. Лопакова.

2) Димитріевскій храмъ, построенный въ 1795—1801 гг. графомъ Шереметевымъ. Отношеніемъ отъ 7 февраля 1900 г. консисторія препроводила ходатайство о разрѣшеніи капитальнаго ремонта храма въ виду его обветшанія. Было предположено: укрѣпить мѣстами фундаментъ, исправить вокругъ храма плитный цоколь, отставшій отъ стѣнъ, исправить сопрѣвшія части стѣнъ, сильно попортившіяся широкія площадки со ступенями у сѣверной и южной двери передѣлать на болѣе короткія ступени, съ устройствомъ боковыхъ стѣнокъ и бетонной площадки, исправить штукатурку, поправить капители колоннъ, исправить желѣзную крышу, побѣлить наружныя стѣны и перемѣнить существующій мастичный полъ на новый, изъ харьковской разноцвѣтной плиты. Ремонтъ былъ разрѣшенъ, но затребованы фотографическіе

снимки съ портиковъ, для рѣшенія вопроса объ ихъ ремонтѣ. Вслѣдъ затѣмъ было получено отъ монастыря увѣдомленіе, что по экономическимъ соображеніямъ предположено лишь укрѣпить портики заливкою щелей и подкладкою кирпича.

3) Отношеніемъ отъ 22 сентября 1904 г. монастырю разрѣшено передать накопившіяся въ немъ старыя иконы въ комитетъ по снабженію бѣдныхъ церквей иконами и утварью при Московской Синодальной Конторѣ. Часть иконъ поступила въ Ростовскій музей, по его выбору.

4) Отношеніемъ отъ 7 сентября 1905 г. разрѣшено перемѣнить колоды и рамы въ Зачатіевской церкви.

5) Отношеніемъ отъ 12 сентября 1905 г., по полученіи фотографическихъ снимковъ и отзыва отъ И. А. Шлякова, разрѣшено въ соборѣ вынуть изъ находящагося въ алтарѣ иконостаса двѣ иконы XVIII в. южно-русскаго письма и замѣнить ихъ вышитыми изображеніями Святителей, передѣлать самый иконостасъ или рамы иконъ въ немъ, а также замѣнить чугунный полъ поломъ изъ метлахскихъ плитъ на шанцахъ изъ кирпича желѣзняка. Прежній полъ устроенъ былъ на землѣ и мусорѣ, всегда сырыхъ и холодныхъ, можетъ быть, вслѣдствіе близости къ озеру. Всѣхъ изображеній Святителей, богато вышитыхъ золотомъ и серебромъ на малиновомъ бархатѣ, шесть. Они устроены были граф. Орловой-Чесменской. Четыре изъ нихъ уже помѣщались во внутреннемъ алтарномъ иконостасѣ, но были задѣланы въ тяжелыя рамы, неудобныя для сушки и чистки. По заключенію И. А. Шлякова, перенесеніе на иное мѣсто двухъ шитыхъ иконъ весьма желательно, такъ какъ онѣ прикрывали собою старую альфресковую стѣнопись. (Дѣло 1898 г. № 248 и 1900 г. № 34).

Рис. 97. С. Никольское въ горахъ, Ростовскаго у. Церковь 1700 г.

33. Ростовскаго у. с. Никольское. Каменная церковь 1700 г.

Отношеніемъ отъ 18 февраля 1905 г. разрѣшено разобрать одну изъ главъ церкви (рис. 97 на стр. 165), для установки на ней упавшаго креста. Крестъ упалъ подъ напоромъ сильнаго вѣтра; столбъ, на которомъ онъ былъ утвержденъ, оказался переломленнымъ. (Дѣло 1904 г. № 130).

34. Г. Угличъ. Предтечевская церковь, 1701 г.

Рис. 98. Г. Угличъ. Церковь Іоанна Предтечи, 1701 г.

Въ 1905 г. причтъ и староста церкви (рис. 98; см. также снимки Барщевскаго № 1402--1404, «Памятники» Суслова VI, 8 и чертежи въ архитект. музеѣ И. Акад. Худ. № 220 и 242) ходатайствовали о разрѣшеніи переложить двѣ печи, при чемъ алтарный дымоходъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы печь топилась независимо отъ направленія вѣтра, устроить деревянныя двери въ холодномъ придѣлѣ, сверхъ существующихъ желѣзныхъ, поправить штукатурку и произвести окраску церкви снаружи. Духовная консисторія указомъ отъ 18 іюля 1905 г. потребовала представленія чертежей фасада церкви и плана устройства печей. Однако, по донесенію мѣстнаго благочиннаго, оказалось, что ко дню полученія указа (29 іюля) значительная часть ремонта была уже исполнена; печи выведены, дверь навѣшена, штукатурка и желѣзная крыша поправлены, и работы эти были показаны преосвященному еще 30 мая 1905 г. Вѣроятно,

ходатайство о разрѣшеніи ремонта направлено было уже послѣ исполненія его. 3 августа 1905 г. продолженіе ремонта было остановлено благочиннымъ. На запросъ Археологической Коммиссіи получены свѣдѣнія (при отношеніи консисторіи отъ 17 ноября 1906 г.)., что печи были обыкновеннаго устройства и что церковь осталась некрашеною (предполагалось окрасить въ прежній, желтый цвѣтъ). Въ тепломъ придѣлѣ церкви въ 1840 г. былъ произведенъ крупный ремонтъ: расширены окна, выбрана арка, соединяющая трапезу съ церковью, убранъ потолокъ и открытъ сводъ, перенесенъ съ сѣверной стороны на западную входъ въ храмъ, устроены печи. (Дѣло 1906 г. № 114).

35. Г. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Каменный домъ Дергаловыхъ, XVII или XVIII в.

Отношеніемъ отъ 3 ноября 1898 г. Ярославская ученая архивная комиссія просила В. В. Суслова принять участіе въ судьбѣ этого дома (рис. 99), перешедшаго въ Романовскую льняную мануфактуру, которая сперва предполагала сломать его, но потомъ, по ходатайству комиссіи, оставила для приспособленія подъ квартиру рабочихъ, для чего предположено было сломать своды, въ предположеніи, что они опасны для цѣлости зданія и неудобны для жилого помѣщенія. По этому дѣлу Археологическая Коммиссія обратилась къ директору правленія мануфактуры Е. Е. Классену съ слѣдующимъ письмомъ: «Любители древне-русской старины уже давно съ грустью слѣдятъ за постепеннымъ обветшаніемъ дома Дергаловыхъ въ г. Романовѣ. Нынѣ, съ переходомъ этого дома въ дѣятельныя и просвѣщенныя руки, для него наступаетъ новая пора, такъ какъ новые владѣльцы его имѣютъ всѣ средства сберечь этотъ рѣдкій и любопытный памятникъ русскаго гражданскаго зодчества конца XVII или начала XVIII в. отъ дальнѣйшей порчи и по возможности привести его въ первоначальный видъ. Пользуясь столь благопріятнымъ моментомъ, Императ. Археологическая Коммиссія считаетъ своею обязанностью выразить надежду, что при предстоящемъ ремонтѣ бывшаго дома Дергаловыхъ, принадлежащаго нынѣ

Рис. 99. Г. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Домъ Дергаловыхъ. (По фотогр. Д. В. Милѣева 1905 г.).

Товариществу Романовской льняной мануфактуры, будутъ удержаны всѣ его характерныя архитектурныя особенности въ устройствѣ крыши, внутреннихъ сводовъ, карнизовъ и т. д. Съ своей стороны Коммиссія просила извѣстнаго Вамъ архитектора Е. А. Сабанѣева не отказать Вамъ въ содѣйствіи по техническому осмотру бывшаго Дергаловскаго дома и въ ученомъ наблюденіи за его ремонтомъ». Письмомъ отъ 12 декабря 1898 года Е. Е. Классенъ засвидѣтельствовалъ свою готовность при ремонтѣ дома сохранить его характерныя архитектурныя особенности, насколько это окажется совмѣстимымъ съ его будущимъ назначеніемъ и не вызоветъ чрезмѣрныхъ затратъ. Вслѣдъ затѣмъ письмомъ отъ 27 января 1899 г. Ярославская архивная комиссія увѣдомила В. В. Суслова, что въ домѣ предположено выбрать своды, расширить окна, перекрыть крышу желѣзомъ; комиссія предполагала бы болѣе желательнымъ обратить домъ въ помѣщеніе лавки или конторы. Археологическая Коммиссія обратилась съ просьбою о содѣйствіи къ Е. А. Сабанѣеву, который въ октябрѣ 1901 г. сообщилъ Коммиссіи, что вопросъ о сохраненіи дома Дергаловыхъ находится въ благопріятномъ положеніи. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, домъ этотъ не подвергается никакому ремонту; онъ отведенъ подъ жилое помѣщеніе рабочихъ. (Дѣло 1898 г. № 257).

Рис. 100. Ярославль. Петропавловская церковь на Волжскомъ берегу, 1701 г.

36. Г. Ярославль. Петропавловская, что на Волжскомъ берегу, церковь. 1701 г.

Отношеніемъ отъ 26 ноября 1904 г. разрѣшено перекрасить крышу и обѣлить стѣны церкви (рис. 100 и 101), подъ наблюденіемъ Ярославской ученой архивной коммиссіи. (Дѣло 1904 г. № 239).

Рис. 101. Ярославль. Петропавловская церковь, 1701 г.

37. Рыбинскаго у. с. Васильевское. Храмъ 1717 г.

Отношеніемъ отъ 22 сентября 1904 г. разрѣшено произвести ремонтъ церкви, состоящій главнымъ образомъ въ промывкѣ стѣнной живописи и въ поправкѣ наружной штукатурки. Въ церкви имѣется очень недурный иконостасъ (рис. 102, 103—105). (Дѣло 1904 г. № 198).

Рис. 102. С. Васильевское Рыбинскаго у. Церковь 1717 г.

Рис. 105. Сѣверная дверь иконо-стаса въ церкви с. Васильевскаго.

Рис. 103. Верхній ярусъ иконостаса въ церкви с. Васильевскаго.

Рис. 104. Иконостасъ церкви с. Васильевскаго.

38. Г. Рыбинскъ. Казанская каменная церковь, 1720 г.

Отношеніемъ отъ 22 февраля 1899 г. разрѣшено устроить съ правой стороны церкви придѣлъ во имя Введенія во храмъ Пресв. Богородицы. Церковь очень простого устройства, небольшая, весьма передѣланная и не представляющая интереса. (Дѣло 1899 г. № 32).

39. Мологскаго у. с. Новоселки. Деревянная церковь 1743 г.

Рис. 106. Церковь с. Новоселки Мологскаго у., 1743 г.

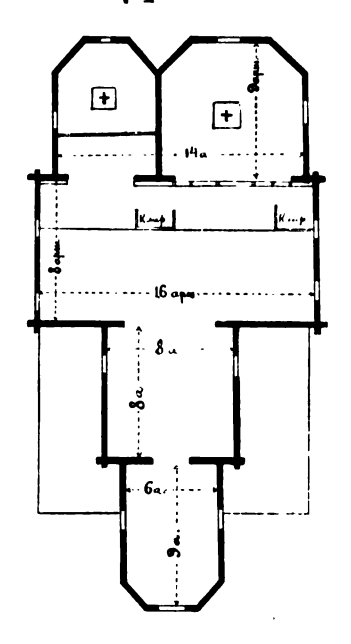

Рис. 107. Планъ той-же церкви.

Отношеніемъ духовной консисторіи отъ 22 февраля 1906 г. препровождено ходатайство о разрѣшеніи ремонта церкви (рис. 106 и 107). Предположено: подвести каменный фундаментъ, перекрыть желѣзомъ, увеличить размѣры оконъ и дверей, убрать новый корридоръ, устроенный кругомъ трапезы, и устроить вмѣсто него три крыльца, настлать новый полъ, стѣны поставить на войлокъ, устроить печи для обращенія храма въ теплый. Въ реставраціонномъ засѣданіи 3 мая 1906 г. ремонтъ этотъ былъ разрѣшенъ съ непремѣннымъ условіемъ сохраненія старыхъ формъ и представленія до начала ремонта необходимыхъ чертежей и фотографическихъ снимковъ большаго размѣра. Требованіе это не было исполнено. На запросъ Коммиссіи дух. консисторія отъ 8 декабря 1907 г. увѣдомила, что дѣло по ремонту еще не начиналось. (Дѣло 1906 г. № 33).

40. Пошехонскаго у. с. Григорово. Покровская церковь, 1779 г.

Рис. 108. Дверная арка въ церкви с. Григорова.

Ярославская ученая архивная комиссія довела до свѣдѣнія Имп. Археологической Коммиссіи, что дух. консисторія разрѣшила ремонтъ этой церкви безъ всякаго сношенія съ кѣмъ бы то ни было. На запросъ Коммиссіи отъ 24 іюля 1904 г. консисторія чрезъ мѣсяцъ, представляя 2 фотографическіе снимка и чертежи церкви, сообщила, что главнѣйшія работы уже сдѣланы и старая дверная арка изъ трапезы въ церковь (рис. 108) уничтожена, и заявила, что ремонтъ разрѣшенъ консисторіею на основаніи ст. 47 Уст. Дух. Конс., въ виду того, что церковь не относится къ числу древнихъ.

Археологическая Коммиссія въ виду этого случая, а также принимая во вниманіе, что на разсмотрѣніе ея вовсе не поступаютъ проекты ремонта церквей изъ ряда епархій, напр. Олонецкой и нѣкоторыхъ южныхъ, просила г. Оберъ-Прокурора св. Синода о новомъ напоминаніи по вѣдомству относительно неуклоннаго исполненія Высочайшаго повелѣнія отъ 11 марта 1889 г. Соотвѣтственный циркуляръ г. Оберъ-Прокурора напечатанъ въ № 7 «Церковныхъ Вѣдомостей» 1905 г. (Дѣло 1904 г. № 147).

---

41. Мологскаго у. с. Лацкое. Деревянная церковь, 1780 г.

Отношеніемъ отъ 31 августа 1907 г. разрѣшено покрыть желѣзомъ крышу церкви (рис. 109 на стр. 175), съ условіемъ, чтобы высота и форма ея не подвергались никакимъ измѣненіямъ. (Дѣло 1907 г. № 94).

---

42. Мологскаго у. с. Сутки. Деревянная церковь 1783 г.

Отношеніемъ отъ 27 января 1906 г. духовною консисторіею было препровождено ходатайство о разрѣшеніи разобрать ветхую колокольню и крыльцо церкви (рис. 110) съ обращеніемъ матеріала на ремонтъ мѣстныхъ школъ. По заключенію инженера В. Кузьмина, самая церковь находится въ удовлетворительномъ состояніи, за исключеніемъ половъ въ трапезѣ, гдѣ столбы съ балками нѣсколько погнили, но колокольня отклонилась отъ вертикали не менѣе какъ на 1 арш. и должна быть немедленно разобрана; иконостасъ исправенъ, внутренняя штукатурка мѣстами требуетъ ремонта. 16 ноября 1906 г. дополнительно, по

Рис. 109. Церковь с. Лацкаго Мологскаго у., 1780 г.

Рис. 110. Церковь с. Сутки Мологскаго у., 1783 г.

требованію Коммиссіи, доставленъ былъ фотографическій снимокъ колокольни въ связи съ церковью. Разборка колокольни была разрѣшена.

Отношеніемъ отъ 28 мая 1907 г. препровождено ходатайство о разрѣшеніи отбить штукатурку внутри церкви и замѣнить ее парусиной, окрашенной масляною краскою, перезолотить иконостасы и промыть иконы. На спеціальный запросъ 6 іюля 1907 г. послѣдовалъ отвѣтъ Ярославской архивной комиссіи, что, по ея мнѣнію, препятствій къ разрѣшенію ремонта не можетъ возникнуть. Штукатурка гладкая, безъ украшеній и росписи, сильно растрескалась и грозитъ обвалами, особенно съ потолка. Иконостасъ позднѣйшій, безъ древнихъ иконъ. По стилю церковь не характерна для ярославскихъ церквей, такъ какъ стиль этотъ не мѣстный, а южно-русскій. Разрѣшая ремонтъ, отношеніемъ отъ 10 іюля 1907 г., Коммиссія сдѣлала замѣчаніе, что очень многія сѣверныя церкви XVIII в. носятъ слѣды южно-русскаго вліянія, которое такимъ образомъ можетъ считаться характернымъ и для сѣвера Россіи, и что такія церкви

должны быть сохраняемы наравнѣ съ прочими. Это замѣчаніе вызвало объясненіе со стороны И. А. Тихомірова, что онъ типичными признаетъ лишь сооруженія съ явно-мѣстными техническими и архитектурными пріемами, и что появленіе на сѣверѣ южно-русскихъ церквей характерно лишь какъ показаніе архитектурнаго безвременья, довольствовавшагося этими безвкусными и тяжелыми архитектурными формами. Отношеніемъ отъ 23 декабря 1906 г. просимый ремонтъ былъ разрѣшенъ. (Дѣло 1906 г. № 23).

43. Пошехонскаго у. с. Ломъ. Старая рака препод. Игнатія, Ломскаго чудотворца.

По случаю трехсотлѣтія со дня кончины преподобнаго Игнатія предположено было, въ апрѣлѣ 1892 г., поновить раку и образъ преподобнаго. Новая рака была поставлена въ 1895 г., а старую предписано сохранять въ архивѣ церкви съ подобающею тщательностью. По осмотру мѣстнаго благочиннаго оказалось, что сохранялись лишь двѣ стороны старой раки, обитыя латунью, а двухъ другихъ сторонъ, по заявленію бывшаго священника, никогда и не существовало. Духовная консисторія, сообщая объ этомъ Коммиссіи, просила ее о дальнѣйшихъ указаніяхъ по этому дѣлу. Причтъ церкви, за дальностью разстоянія села отъ города (68 в. отъ Пошехонья и 70 в. отъ Вологды), затруднился выслать затребованные отъ него фотографическіе снимки, отвѣтивъ потомъ на спеціальный запросъ Коммиссіи, что исполненіе снимковъ будетъ стоить не менѣе 35 р. Въ іюнѣ 1907 г. рака была осмотрѣна членомъ Коммиссіи П. П. Покрышкинымъ, нашедшимъ, что она не имѣетъ ни археологическаго, ни художественнаго интереса. За то имъ обнаружены были въ кладовой церкви нѣсколько хорошихъ древнихъ иконъ и мѣдное литое паникадильце, которыя Археологическая Коммиссія и просила передать въ Ярославскій музей. Въ церкви много прекрасныхъ старыхъ иконъ изъ прежняго монастыря и замѣчательныя царскія врата въ южномъ придѣлѣ. На колокольнѣ двухпудовый колоколъ съ надписью: «1716 вылитъ сей колоколъ въ Вологоцкой уѣздъ Спаса Игнатьевой пустыни, что на Лому, радениемъ отца строителя Савватія на казенныя деньги. Вѣсу пудъ 34 ф.» (Дѣло 1906 г. № 150).

---

44. Ростовскаго у. с. Филимоново Горяиновыхъ.

Отношеніемъ отъ 24 іюня 1905 г. разрѣшено обновить икону Боголюбской Божіей Матери, отъ времени пришедшую въ ветхость. Икона эта почитается чудотворною. (Дѣло 1905 г. № 108). А. С.

УКАЗАТЕЛИ.

I. Указатель личныхъ и географическихъ именъ.

II. Указатель предметовъ.

III. Указатель рисунковъ.

(Цифры обозначаютъ номера рисунковъ).

Примѣчаніе къ стр. 93.

Справкою, полученною отъ Владимірской духовной консисторіи, выяснено, что по дѣлу о самовольной сломкѣ колокольни въ с. Яневѣ Суздальскаго у. были привлекаемы къ отвѣтственности, по § 29 устава о наказ., священникъ с. Янева Магницкій и старосты: сельскій Пучковъ и церковный Малаховъ. Приговоромъ земскаго начальника 2 участка Суздальскаго у. 16 августа 1906 г. всѣ эти лица оправданы. О намѣреніи крестьянъ сломать колокольню священникъ предупреждалъ какъ свое епархіальное начальство, такъ и мѣстнаго исправника.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Прибавленіе къ выпуску 26-му.

(Хроника и библіографія, вып. 13).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1908.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

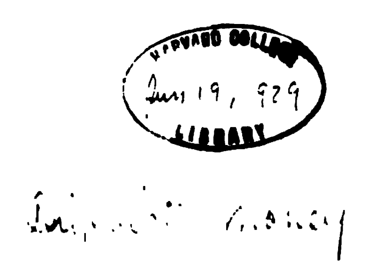
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Прибавленіе къ выпуску 26-му.

(Хроника и библіографія, вып. 13).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1908.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

Annexe de la 26-ème livraison.

Table des matières.

Археологическая хроника.

(Изъ газетъ за 2-ю половину 1907 г. [1]).

I. Дѣятельность ученыхъ учрежденій и обществъ.

1. Императорское русское археологическое общество.

а) *Общее собраніе.*

Въ засѣданіи 18-го октября былъ прочитанъ докладъ А. А. Спицына: «О коллекціяхъ музея общества».

Въ засѣданіи 14-го декабря: В. Н. Бенешевичъ. «Поѣздка на Синай въ 1907 г.» (съ діапозитивами).

б) *Классическое отдѣленіе.*

Въ засѣданіи 29-го сентября былъ прочитанъ докладъ А. Г. Бекштрема: «Прошлое и настоящее этрускологіи, ея успѣхи и задачи».

Въ засѣданіи 10-го ноября: 1) С. А. Жебелевъ: «Адольфъ Фуртвенглеръ»; 2) М. И. Ростовцевъ: «Живопись Васюринской горы».

Въ засѣданіи 10-го декабря: 1) Д. В. Айналовъ: «Живопись церкви св. Франциска въ Ассизи»; 2) В. Н. Бенешевичъ: «Синайскій списокъ отцовъ перваго вселенскаго собора».

в) *Русское отдѣленіе.*

Въ засѣданіи 6-го октября были прочитаны доклады: 1) А. А. Спицынъ: «Теорія массоваго переселенія Приднѣпровской Руси на сѣверъ».— 2) И. С. Абрамовъ: «Раскопки 1907 г. въ Черниговской губерніи».— 3) С. А. Гатцукъ: «Раскопки въ Черниговской губ. лѣтомъ 1906 г.».

Въ засѣданіи 27-го октября предметомъ занятій были четыре доклада, сдѣланные Д. В. Айналовымъ, Н. И. Веселовскимъ, княземъ П. А. Путятинымъ и К. В. Хилинскимъ. Д. В. Айналовъ прочелъ докладъ: «Два примѣчанія къ тексту Антонія Новгородскаго». Въ докладѣ между прочимъ выясняется значеніе такъ называемаго «мѣрнаго креста», который видѣлъ въ св. Софіи Антоній. Крестъ этотъ, вывезенный изъ Іерусалима, очевидно приравнивался по величинѣ кресту, на которомъ былъ распятъ Христосъ, «честному древу», открытому императоромъ Константиномъ.—Проф Н. И. Веселовскій сообщилъ о рѣдкой и богатой находкѣ, сдѣланной истекшимъ лѣтомъ въ Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губ. Близъ деревни Климова на склонѣ лога въ одной верстѣ отъ деревни крестьянкой Ксеніей Климовой найдены были серебряное ведерко и въ немъ три серебряныя тарелки и

---

[1]) Нѣкоторыя выдержки изъ газетъ приведены съ сокращеніями и поправками. *Ред.*

крышка. Черезъ нѣсколько дней на томъ же мѣстѣ крестьянинъ Петръ Климовъ нашелъ три серебряныхъ подноса. Всѣ эти вещи массивныя, хорошей работы, серебро высокой (не ниже 90) пробы. Крестьяне добровольно представили свои драгоцѣнныя находки начальству, и въ настоящее время предметы эти, демонстрированные въ засѣданіи, находятся въ вѣдѣніи Императорской археологической коммиссіи. По мнѣнію докладчика, мѣсто находки было въ древности священнымъ. Сюда приносились драгоцѣнныя пожертвованія и вѣшались на вѣтви деревьевъ. Нѣкоторыя изъ нихъ падали на землю и зарытыя въ ней сохранились до нашего времени. Большая часть вещей —сассанидской работы, съ рисунками, по которымъ предметы могутъ быть отнесены къ первымъ вѣкамъ нашей эры. Одно изъ блюдъ, на которомъ изображенъ царь Сапоръ III, опредѣляется вполнѣ точно концомъ IV столѣтія. Одно изъ блюдъ имѣетъ рисунокъ, представляющійся пока загадочнымъ. Сцена, изображенная на немъ, совершенно неизвѣстна изъ прежнихъ находокъ. На колесницѣ подъ балдахиномъ сидитъ существо, вооруженное лукомъ и стрѣлою, въ царскихъ одеждахъ. Колесница запряжена быками, погоняемыми крылатыми геніями. Надъ этой фигурой помѣщена другая, въ тіарѣ первыхъ сассанидскихъ царей, возсѣдающая на какомъ-то сѣдалищѣ. Одинъ изъ рисунковъ, изображающій римскую пастораль, можетъ быть отнесенъ къ первому вѣку по Р. Х. Въ общемъ находки не могутъ ни въ какомъ случаѣ, какъ выяснилось изъ преній, быть отнесенными позже VII вѣка. — Князь П. А. Путятинъ прочелъ рефератъ о городищахъ, открытыхъ имъ близъ Бологое, и настаивалъ на принятіи мѣръ къ охраненію ихъ и дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. За сдѣланное княземъ пожертвованіе въ музей общества его богатой, собранной многолѣтними трудами коллекціи ему выражена отдѣленіемъ благодарность. — К. В. Хилинскій сообщилъ о раскопкахъ истекшаго лѣта въ Кіевѣ, произведенныхъ В. В. Хвойко. Раскопки произведены близъ Десятинной церкви на мѣстѣ древнѣйшаго поселенія на Кіевскомъ городищѣ. Открыты слѣды мастерской драгоцѣнныхъ вещей: тигль, слѣды печей, кирпичи, стекловидная полива. Кромѣ того найдены фрески свѣтскаго содержанія, въ гробу съ братской могилы кресты IX—X столѣтій.

Спб. Вѣд. 30 окт., № 240.

Въ засѣданіи 28-го ноября: И. А. Шляпкинъ: «Русскія и византійскія древности въ нѣкоторыхъ городахъ Сѣверной Германіи».—2) С. С. Гамченко: «Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ близъ Сестрорѣцка въ 1907 г.».

Въ засѣданіи 21-го декабря: 1) Н. И. Вертоградскій: «Изъ Нарвской художественной старины».—2) А. А. Спицынъ: «Минусинскій мѣдный вѣкъ».—3) А. А. Миллеръ: «Поѣздка по восточному берегу Чернаго моря».

г) *Восточное отдѣленіе.*

Въ засѣданіи 25-го октября прочитанъ былъ докладъ Н. Я. Марра: Ерерүйская базилика, армянскій храмъ V—VI в. (Изъ лѣтней поѣздки 1907 г. въ Ани).

Въ засѣданіи 22-го ноября: 1) А. Н. Самойловичъ: Поѣздка въ Туркестанъ въ 1906—1907 г. (20-го іюля 1906 г.—21-го января 1907 г.).— 2) Н. Я. Марръ: Еще о словѣ «челеби».

Въ засѣданіи 20-го декабря: 1) А. Д. Рудневъ: Новыя данныя по манджурской діалектологіи.—2) И. Ю. Крачковскій: Отрывокъ новозавѣтнаго апокрифа въ арабской рукописи 885 г. по Р. Хр.

д) *Нумизматическое отдѣленіе.*

Въ засѣданіи 26-го октября А. К. Марковъ сдѣлалъ докладъ «О двухъ кладахъ монетъ Ширваншаховъ». Сдѣланныя за послѣдніе годы на-

ходки монетъ Ширваншаховъ имѣютъ большое значеніе, такъ какъ проливаютъ свѣтъ на весьма темную и запутанную исторію этихъ властителей. Царство Ширваншаховъ имѣло четыре династіи. Въ теченіе своего существованія оно подпало подъ власть арабовъ, грузинъ. До 1067 г. тамъ господствовала династія Мезизидовъ. Въ началѣ XII вѣка царство подпало подъ власть грузинъ. Наиболѣе темнымъ періодомъ въ исторіи Ширваншаховъ являются XI и XII столѣтія. До сихъ поръ неизвѣстенъ былъ даже титулъ, который носили ихъ цари. Монеты изъ клада, найденнаго въ 1905 г. крестьяниномъ Казанской губерніи, оказались принадлежащими темному періоду правленія Мезизидовъ. Къ сожалѣнію, въ кладѣ найдены были только три монеты Ширваншаховъ. Второй кладъ далъ болѣе богатый и разнообразный матеріалъ. Онъ содержалъ въ себѣ до 300 монетъ Ширваншаховъ XI—XII вѣковъ. Благодаря этимъ монетамъ, точно установлены теперь нѣкоторыя даты царствованій уже извѣстныхъ въ исторіи властителей Ширвана, а также открыты новыя имена этихъ властителей и титулъ, который они присваивали себѣ. Благодаря монетамъ, устанавливается также фактъ подчиненія Ширвана Сельджукидамъ Курдистана и новая форма названія города Шемахи. Въ кладѣ открыто болѣе 60 варіантовъ монетъ, что ясно указываетъ на весьма высокое развитіе монетнаго искусства въ Ширванѣ. Монеты украшены самымъ разнообразнымъ орнаментомъ.—Въ преніяхъ указано было на любопытное явленіе. Имена царей на монетахъ сосѣднихъ царствъ не всегда, оказывается, опредѣляютъ подчиненное положеніе имъ этихъ государствъ. Можно предположить, что отбивались на монетахъ иногда имена царей тѣхъ сосѣднихъ государствъ, съ которыми приходилось вести непосредственно торговыя сношенія.—Вторымъ докладчикомъ выступилъ извѣстный нумизматъ А. А. Ильинъ, сообщившій о новой находкѣ близъ Кіева до 100 монетъ начала XIV столѣтія, о появившемся новомъ каталогѣ монетъ и демонстрировавшій экземпляры рублей царствованій Петра Великаго и Анны Іоанновны, оттиски монетъ Императора Петра II (коронаціонныхъ 1727 г.) и отбитыя за границей медали. Кромѣ того А. А. сообщилъ объ интересной и рѣдкой находкѣ въ Петербургѣ близъ царскосельскаго вокзала, на мѣстѣ вновь строящагося дома, пятнадцати копѣекъ царствованія императрицы Екатерины II, 1763 г. Монета эта извѣстна лишь въ трехъ экземплярахъ.

Прав. Вѣстн. 28 окт., № 234.

Въ засѣданіи 19-го декабря были прочитаны доклады: 1) В. М. Якунчиковъ: Рѣдкія и не изданныя монеты моего собранія.—2) М. Г. Деммени: Къ исторіи чеканки новодѣльныхъ монетъ въ Россіи (1841—1870 гг.).

2. Московскій археологическій институтъ.

I.

23-го сентября открываетъ свои двери Московскій Археологическій Институтъ, новое интересное учрежденіе, ставящее себѣ высокую задачу—внимательно изучать и тщательно сохранять для потомства всѣ тѣ богатства, что оставило намъ древнее человѣчество въ качествѣ памятниковъ своего ума, своей жизни, своей культуры.

И не только по своей симпатичной цѣли юный Археологическій Институтъ заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны нашего общества. Нужно отмѣтить, что онъ, наравнѣ со своимъ старшимъ братомъ, подобнымъ же Петербургскимъ Институтомъ, существующимъ съ 1877 г., представляютъ исключительныя въ своемъ родѣ учрежденія *по образовательному цензу учащихся.* Въ число его дѣйствительныхъ слушателей (учащіеся въ Институтѣ

будутъ называться не студентами, а слушателями) принимаются, какъ и въ Петербургскомъ Институтѣ, лишь лица съ высшимъ образованіемъ. Не имѣющіе университетскаго диплома допускаются только въ качествѣ вольныхъ или постороннихъ слушателей.

Далѣе, достаточно посмотрѣть списокъ руководителей и преподавателей молодого Института, чтобы замѣтить, какъ высоко онъ стоитъ и въ смыслѣ постановки въ немъ образовательнаго дѣла. Во главѣ его мы видимъ лицо, отлично знакомое съ русскою археологіей, заявившее себя въ этой области длинною вереницей капитальныхъ и цѣнныхъ изслѣдованій. Среди его профессоровъ можно указать на цѣлый рядъ именъ выдающихся представителей нашей науки, пріобрѣвшихъ себѣ уже крупную извѣстность на университетской каѳедрѣ и на учено-литературномъ поприщѣ.

Нельзя не пожелать юному Институту полнаго успѣха и процвѣтанія. Россія, съ ея богатѣйшими и драгоцѣннѣйшими, но часто гибнущими отъ недостатка свѣдущихъ спеціалистовъ, археологическими сокровищами, очень нуждается въ такихъ учрежденіяхъ. И надо надѣяться, что открываемый сегодня Институтъ высоко подниметъ знамя нашей археологической науки и дастъ въ недалекомъ будущемъ цѣлую плеяду трудолюбивыхъ, хорошо подготовленныхъ, на теоретическихъ и практическихъ основахъ, истинныхъ любителей и цѣнителей отечественной старины.—*С.*

II.

Идея Археологическаго Института, зародившаяся въ умѣ Н. В. Калачева 30 лѣтъ назадъ, хотя не осуществилась тогда въ Москвѣ, была такъ жива въ этой древней столицѣ Русскаго царства, что, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, не заглохла, не умерла.

Хотя уже существовалъ Петербургскій Археологическій Институтъ, утвержденный въ 1877 году и открытый въ 1878 году, сенаторъ Калачевъ, основываясь на томъ, что Москва есть главное средоточіе древностей и архивовъ, составилъ въ 1885 году проектъ учрежденія Археологическаго Института при Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, управляющимъ котораго онъ состоялъ. Во вновь построенномъ имъ зданіи архива на Дѣвичьемъ полѣ надъ входною дверью въ залы верхняго этажа даже была сдѣлана, подъ государственнымъ орломъ, рельефная надпись *Археологическій Институтъ* и сработана для него ясеневая каѳедра. Но Калачевъ умеръ въ томъ-же году, и планъ его не осуществился.

Причиной того не было даже затрудненіе въ средствахъ, такъ какъ испрашивалось всего 4.300 р. на содержаніе библіотеки, печатаніе трудовъ и вознагражденіе редактору и слушателямъ за работу, при безплатныхъ профессорахъ. Противодѣйствіе было встрѣчено со стороны другого вѣдомства, Министерства Народнаго Просвѣщенія, сомнѣвавшагося въ достаточности ученыхъ силъ для образованія другого Археологическаго Института въ Москвѣ и опасавшагося отъ того подрыва Петербургскому Археологическому Институту. Всѣ эти доводы блестяще были разбиты и опровергнуты новымъ управляющимъ Архива, заслуженнымъ профессоромъ Н. А. Поповымъ. Но отъ проекта Калачева ему удалось отстоять только то, что составляетъ теперь въ Архивѣ отдѣленіе академическаго характера, такъ-называемое редакціонное отдѣленіе, существующее по штату 1889 года.

Но идея Археологическаго Института, какъ учено-учебнаго учрежденія, не умерла. Она возродилась въ концѣ девятидесятыхъ годовъ подъ сѣнью Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Въ археографической коммиссіи при Обществѣ возникла мысль объ открытіи археографическихъ курсовъ, которая не осуществилась единственно потому, что не нашлось тогда энергичнаго лица, которое бы приняло на себя иниціативу въ осуществленіи задуманнаго дѣла.

Наряду съ этою попыткой частнаго, общественнаго характера, сохранилась въ силѣ и мысль объ Институтѣ, какъ правительственной школѣ. Она всплыла, уже въ текущемъ десятилѣтіи, по проекту нынѣшняго Управляющаго Архивомъ заслуженнаго профессора Д. Я. Самоквасова, въ видѣ особой при Архивѣ Министерства Юстиціи школы архивистовъ, въ которой бы могли работать человѣкъ 12 лицъ съ среднимъ образованіемъ, подъ руководствомъ двухъ спеціалистовъ съ высшимъ образованіемъ. Къ сожалѣнію, событія последняго времени, и внѣшнія и внутреннія, помѣшали осуществленію этой чрезвычайно полезной мысли о спеціально архивной школѣ, которая современемъ могла бы развиться въ обще-археологическую.

Наконецъ, идея Археологическаго Института, неоднократно и такъ упорно пробивавшаяся въ теченіе тридцатилѣтія то въ формѣ правительственнаго учрежденія, то въ видѣ общественнаго начинанія, осуществляется теперь соединенными усиліями представителей университета, ученыхъ обществъ, архивовъ и музеевъ г. Москвы. А главное, нашлись, въ лицѣ бывшаго министра народнаго просвѣщенія В. Г. Глазова, избраннаго въ попечители Института, и директора Института А. И. Успенскаго, дѣятели, непоколебимо вѣрившіе въ успѣхъ задуманнаго дѣла и принявшіе на себя главную работу по осуществленію его. Около нихъ образовался кружокъ преданныхъ дѣлу лицъ, все болѣе и болѣе расширявшійся. На этотъ разъ были пущены въ ходъ, можно сказать, вся рѣшимость воли, напряженіе ума, при горячемъ желаніи сердца. Къ разработкѣ плана были привлечены образцы западной Европы и уроки Петербургскаго Археологическаго Института. Наряду съ полнымъ сочувствіемъ однихъ, были выдержаны расхолаживающія сомнѣнія другихъ и даже ярыя нападки принципіальнаго и практическаго характера. Въ результатѣ работы нѣсколькихъ мѣсяцевъ явилось въ 1906 году *Положеніе Московскаго Археологическаго Института* въ окончательномъ проектѣ.

Канцелярскія мытарства и законодательный искусъ оно прошло счастливо, даже счастливѣе, чѣмъ можно было опасаться по нынѣшнему времени. И въ началѣ настоящаго года, 31 января, «Положеніе» удостоилось Высочайшаго утвержденія Государя Императора. О благоволеніи Его Величества къ начинанію иниціаторы имѣли счастіе знать еще ранѣе.—*Н. А.*

Моск. Вѣд. 23 сент., № 217.

23-го сентября съ большою торжественностью состоялось открытіе Московскаго Археологическаго Института.

Къ двумъ часамъ дня въ роскошномъ помѣщеніи гимназіи имени Медвѣдниковыхъ собрались: высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, всѣ викаріи Московской епархіи, преосвященные: Трифонъ, Серафимъ, Евдокимъ, Анастасій, Московскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками округа генералъ-лейтенантъ С. К. Гершельманъ, помощникъ командующаго войсками генералъ-лейтенантъ В. Г. Глазовъ, состоящій попечителемъ Института, предсѣдатель Императорскаго Археологическаго Общества графиня П. С. Уварова, попечитель учебнаго округа А. М. Ждановъ, помощникъ попечителя В. Д. Исаенковъ, исправляющій должность Московскаго губернатора В. Ѳ. Джунковскій, профессора Московскаго университета, попечитель Медвѣдниковской гимназіи Н. А. Цвѣтковъ, директоръ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ В. Ѳ. Миллеръ, директоръ Императорскаго инженернаго училища А. А. Эйхенвальдъ, многіе генералы, представители различныхъ средне-учебныхъ заведеній столицы, многочисленныя депутаціи отъ разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, почетные члены Археологическаго Института, профессорскій персоналъ Института съ директоромъ А. И. Успенскимъ во главѣ, слушатели новаго просвѣтительнаго учрежденія и многія приглашенныя лица разныхъ круговъ населенія.

Въ громадномъ рекреаціонномъ залѣ высокопреосвященный Владиміръ, соборнѣ со всѣми викаріями, тремя архимандритами, протопресвитеромъ В. С. Марковымъ, протоіереемъ І. І. Восторговымъ и другимъ столичнымъ духовенствомъ, при участіи сvнодальнаго хора, совершилъ молебствіе съ водоосвященіемъ.

Въ концѣ молебствія высокопреосвященный Владиміръ произнесъ назидательную рѣчь, въ которой выразилъ свою радость по поводу открытія новаго симпатичнаго просвѣтительнаго учрежденія и призвалъ на него Божіе благословеніе, съ пожеланіями ему полнаго успѣха и процвѣтанія. Въ своей рѣчи митрополитъ коснулся вопроса объ отношеніи между наукой и церковью и опровергъ нерѣдко выражаемое мнѣніе, будто церковь является врагомъ науки и просвѣщенія. Высокопреосвященный разъяснилъ, что антагонизма между церковью и наукой нѣтъ, что между ними можетъ и должна быть полная гармонія. Единеніе церкви съ наукой особенно необходимо въ настоящее время, когда духъ безвѣрія и безбожія проникаетъ въ наши учебныя заведенія не только чрезъ двери, но и чрезъ всѣ щели. Владыка выразилъ горячее пожеланіе, чтобы въ Археологическомъ Институтѣ не забывали Свѣта Христова. Въ заключеніе своей рѣчи высокопреосвященный Владиміръ благословилъ Институтъ иконою Преображенія Господня, которую передалъ попечителю В. Г. Глазову и директору А. И. Успенскому.

Послѣ молебствія торжественное собраніе происходило въ актовомъ залѣ въ присутствіи митрополита, архіереевъ и генералъ-губернатора. Генералъ-лейтенантъ В. Г. Глазовъ произнесъ краткую вступительную рѣчь по поводу учрежденія Археологическаго Института, помянувъ добрымъ словомъ Н. В. Калачева, подавшаго первую мысль объ Институтѣ. Учрежденіе Института встрѣтило полное сочувствіе со стороны Верховнаго Покровителя русской науки Государя Императора, соизволившаго вмѣстѣ съ Государыней Императрицей Александрой Феодоровной принять званіе почетныхъ членовъ Института. Отмѣтивъ далѣе сочувствіе общества къ Институту, В. Г. Глазовъ воскликнулъ *ура* въ честь Государя Императора. Это *ура* было подхвачено всѣмъ многолюднымъ собраніемъ, а сvнодальный хоръ пропѣлъ народный гимнъ.

Затѣмъ говорилъ директоръ Института А. И. Успенскій, отмѣтившій, между прочимъ, тотъ знаменательный фактъ, что Археологическій Институтъ возникаетъ въ такое время, когда наше такъ-называемое «прогрессивное» общество отворачивается отъ прошлаго. Это несомнѣнно придаетъ особое значеніе возникновенію Института, имѣющаго своими задачами возстанавливать прошлое и проливать на него яркій научный свѣтъ. Для успѣха дѣла необходимо привлеченіе крупныхъ моральныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ. Институтъ имѣетъ всѣ задатки для своего процвѣтанія—онъ стоитъ у источника русской старины, какимъ является Москва.

Профессоръ А. Н. Филипповъ произнесъ научную рѣчь о первомъ полномъ собраніи законовъ съ археографической стороны. Отдавая должное капитальному труду Сперанскаго, профессоръ отмѣтилъ нѣкоторые недостатки въ этомъ изданіи (неполнота собранныхъ узаконеній, несоблюденіе языка времени изданія актовъ, неуказаніе, откуда взяты акты, опущеніе обращеній и обрѣзываніе заключеній и др.). А. Н. Филипповъ доказывалъ, что къ памятникамъ старины нужно относиться бережно и съ любовью, нужно сохранять ихъ и знать научную цѣну.

Далѣе собраніе было ознакомлено съ краткимъ историческимъ очеркомъ возникновенія Археологическаго Института, составомъ его членовъ, профессорскаго персонала и слушателей. Занятія въ Институтѣ открываются при 169 слушателяхъ, причемъ изъ нихъ около 60 лицъ съ высшимъ образованіемъ. Среди лицъ, пожелавшихъ получить образованіе въ Институтѣ, находится

нѣсколько женщинъ. Выражая всѣмъ лицамъ, пришедшимъ на помощь Институту, возникшему на частныя средства, благодарность, совѣтъ Института особую признательность высказалъ попечителю и педагогическому совѣту Медвѣдниковской гимназіи, предоставившимъ роскошныя помѣщенія гимназіи для Института.

Затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ привѣтствій Институту отъ различныхъ учрежденій и обществъ. Въ привѣтствіяхъ и адресахъ, помимо пожеланій успѣха и процвѣтанія Институту, указывалось на то, что въ учрежденіи его давно нуждалась Москва. Императорское коммерческое училище поднесло адресъ, исполненный на пергаменѣ письмомъ древняго стиля и украшенный художественной виньеткой. Институтъ къ своему открытію получилъ множество привѣтственныхъ телеграммъ отъ Августѣйшихъ Особъ, отъ Россійскихъ университетовъ, ученыхъ обществъ и учрежденій, отъ графа С. Д. Шереметева и другихъ лицъ.

Въ концѣ собранія были прочитаны стихотворенія гг. Ардашевымъ и Потѣхинымъ. Патріотическое стихотвореніе г. Потѣхина вызвало дружныя рукоплесканія.

Моск. Вѣд. 25 сент., № 219. Ср. *Новое Вр.* 24 сент., № 11327.

Московскій Археологическій Институтъ правильно функціонируетъ уже двѣ недѣли, представляя отрадное явленіе на взбаламученномъ фонѣ жизни нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Наплывъ слушателей продолжается и число поданныхъ прошеній достигло уже 194. Нѣкоторыя лица, не имѣя возможности или нужды слушать полный курсъ его лекцій, желаютъ слушать отдѣльные предметы. Въ настоящее время совѣтомъ Института разрѣшено допущеніе ихъ къ слушанію за особую плату съ каждаго предмета (10 руб. въ годъ), въ чемъ имъ можетъ быть выдано потомъ надлежащее свидѣтельство.

Для лицъ, не знающихъ греческаго языка, представляла затрудненіе читаемая въ настоящемъ году греческая палеографія. По постановленію совѣта, такіе слушатели освобождены отъ слушанія этого предмета, съ тѣмъ, что это обстоятельство, не препятствуя выдачѣ свидѣтельства объ окончаніи курса, будетъ оговорено тамъ.

Въ желаніи содѣйствовать лицамъ, серьезно тяготѣющимъ къ археологіи или археографіи, но не имѣющимъ средствъ на поступленіе въ Институтъ, въ совѣтѣ возбужденъ былъ вопросъ объ открытіи особаго для того общества. Лицамъ, желающимъ принять въ этомъ дѣлѣ участіе, предложено выработать проектъ устава.

Моск. Вѣд. 11 окт., № 232.

Въ послѣднемъ засѣданіи совѣта Московскаго Археологическаго Института избраны въ почетные члены Института проф. Д. И. Абрамовичъ, проф. А. И. Пономаревъ, прив.-доц, В. К. Недзвецкій и В. И. Чернопятовъ. Въ томъ же засѣданіи избранъ на каѳедру архивовѣдѣнія помощникъ завѣдывающаго архивомъ Государственнаго Совѣта въ Петербургѣ А. А. Голомбіевскій. Въ Институтъ поступилъ отъ одного изъ почетныхъ членовъ, первымъ пришедшаго съ крупнымъ пожертвованіемъ Институту и не пожелавшаго въ настоящемъ случаѣ обнародовать свое имя, крупный даръ: коллекція древнихъ иконъ XV — XVIII вв., предназначенныхъ для учебныхъ цѣлей института.

Моск. Вѣд. 13 ноября, № 260. Ср. *Голосъ Москвы* 13 ноября, № 263.

3. Императорское Русское военно-историческое Общество.

4 ноября въ собраніи арміи и флота состоялось торжественное засѣданіе Императорскаго русскаго военно-историческаго общества по случаю дарованія

ему званія Императорскаго. Собравшимися членами былъ подписанъ всеподданнѣйшій благодарственный адресъ за это дарованіе и выбрана депутація для поднесенія этого адреса. Затѣмъ въ почетные члены, по предложенію совѣта, были избраны: Великіе князья Михаилъ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ и Николай Михайловичъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Д. А. Милютинъ и маститый историкъ Забѣлинъ. Собраніе завершилось завтракомъ.

Первый починъ этому обществу былъ сдѣланъ извѣстнымъ архивнымъ изыскателемъ Михаиломъ Константиновичемъ Соколовскимъ, выступившимъ въ печати съ предложеніемъ объ учрежденіи общества и нынѣ избраннымъ въ пожизненные его члены. Затѣмъ была образована организаціонная коммиссія, которая выработала уставъ и провела все сложное дѣло первоначальнаго образованія общества. Нынѣ общество управляется совѣтомъ. Предсѣдателемъ совѣта состоитъ главный редакторъ «Историческихъ юбилейныхъ очерковъ военнаго министерства» генералъ-лейтенантъ Д. А. Скалонъ, а его товарищемъ—профессоръ генералъ-лейтенантъ А. З. Мышлаевскій. Обществу предстоитъ серьезная задача насажденія военно-историческаго просвѣщенія и безпристрастной разработки военной старины.

Спб. Вѣд. 6 ноября, № 246.

Въ засѣданіи 9 декабря Общество намѣтило будущій путь своей дѣятельности. Прежде всего оно установило расширить пріемъ въ составъ Общества, установивъ, кромѣ званія дѣйствительныхъ, полноправныхъ членовъ, особую категорію членовъ-сотрудниковъ; въ число ихъ предположено допускать всѣхъ лицъ, сочувствующихъ дѣятельности Общества и желающихъ потрудиться на пользу родной военной старины, не требуя отъ нихъ какого-либо особаго образовательнаго или научно-литературнаго ценза. Для пріема въ такіе члены установленъ уменьшенный (трехрублевый) взносъ и письменная рекомендація одного дѣйствительнаго члена (для выбора въ которые, по уставу, требуется заявленіе пяти дѣйствительныхъ членовъ); кромѣ права голоса на общихъ собраніяхъ и права быть избранными на должности по Обществу, члены-сотрудники приравниваются къ дѣйствительнымъ. По мнѣнію одного изъ руководителей Общества, члены-сотрудники уподобляются «казакамъ приготовительнаго разряда», подготовляющимся постепенно къ дѣйствительной «исторической» службѣ.

Принятое далѣе общимъ собраніемъ «Положеніе о мѣстныхъ отдѣлахъ Общества» особенно близко касается Москвы, такъ какъ, согласно ему, въ ней, одной изъ первыхъ, имѣется образовать такой отдѣлъ, подъ просвѣщеннымъ руководительствомъ генерала отъ инфантеріи В. Г. Глазова, помощника командующаго войсками Московскаго военнаго округа. Въ Москвѣ, съ ея непочатыми почти богатствами Лефортовскаго архива, самостоятельному отдѣлу военно-историческаго Общества предстоитъ широкое поле дѣятельности, а извѣстная всѣмъ любовь къ прошлому родной арміи и глубокія археологическія познанія генерала Глазова служатъ порукой въ томъ, что отдѣлъ этотъ станетъ работать плодотворно. Отдѣламъ рѣшено предоставить почти полную самостоятельность въ предѣлахъ устава Общества. Лишь избраніе новыхъ дѣйствительныхъ членовъ и должностныхъ лицъ въ отдѣлахъ утверждается совѣтомъ Общества, да туда же представляются всѣ журналы засѣданій и отчеты о дѣятельности отдѣловъ.

Наиболѣе существенными постановленіями общаго собранія 9 декабря было опредѣленіе распорядка дѣятельности Общества. Работать рѣшено по спеціальностямъ, для чего Общество разбилось на особыя отдѣленія, которымъ присвоено старорусское именованіе «разрядовъ». Во всякомъ другомъ нашемъ ученомъ Обществѣ ихъ, вѣроятно, назвали бы «секціями».

Разрядъ исторіи войнъ посвятитъ себя разработкѣ какъ сухопутныхъ,

такъ и морскихъ военныхъ кампаній и походовъ, отдѣльныхъ боевыхъ операцій и т. п.

Разрядъ исторіи военныхъ спеціальностей имѣетъ въ виду разслѣдованіе всѣхъ частныхъ вопросовъ военной исторіи и военнаго искусства, какъ-то: исторіи артиллерійскаго, инженернаго и другихъ дѣлъ, тактики, военной администраціи и т. п. Сюда же относятся исторіи отдѣльныхъ военныхъ учрежденій и частей, полковыя исторіи, военная генеалогія и т. д.

Наконецъ, *разрядъ военной археологіи и археографіи* включитъ въ себя, съ одной стороны, изученіе и разысканіе военныхъ памятниковъ, производство военно-археологическихъ раскопокъ и экскурсій, а съ другой—разысканіе и изученіе архивныхъ дѣлъ и документовъ и описаніе ихъ, равно какъ и задачи военнаго архивовѣдѣнія.

Разрядамъ, также какъ и отдѣламъ, дана полная самостоятельность въ ихъ внутренней дѣятельности. Они организуютъ сами свои собранія, по своему почину намѣчаютъ предметы занятій и ихъ направленіе, распредѣляютъ доклады, собираютъ матеріалы. Всѣ свои постановленія они вносятъ, черезъ предсѣдателя Общества, въ его совѣтъ на утвержденіе. Членамъ Общества, по ихъ желанію, предоставлено записываться въ разряды, при чемъ каждый изъ нихъ можетъ записаться и въ нѣсколько таковыхъ.

Третій разрядъ, во главѣ котораго сталъ товарищъ предсѣдателя Общества, хорошо извѣстный Москвѣ, заслуженный профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, генералъ-лейтенантъ А. З. Мышлаевскій, уже приступилъ къ работамъ; въ первую голову имъ намѣченъ подборъ и опубликованіе всѣхъ архивныхъ документовъ по Полтавской операціи 1709 г., двухсотлѣтіе которой не за горами, отъ Головчинскаго боя 1708 года до Переволочны включительно. Затѣмъ рѣшено издать уже ранѣе подобранные документы по Финляндской войнѣ 1741—43 гг., по воинской коммиссіи 1731 года и дневникъ Патрика Гордона.

Независимо отъ сего рѣшено образовать особую коммиссію по изданію популярныхъ сочиненій и по устройству публичныхъ лекцій и чтеній.

Послѣднее рѣшеніе общаго собранія 9 декабря касалось порядка производства денежныхъ операцій Общества.

Въ самомъ началѣ засѣданія предсѣдатель Общества генералъ отъ кавалеріи Д. П. Скаловъ подѣлился съ общимъ собраніемъ впечатлѣніями Высочайшаго пріема депутаціи Общества, во главѣ которой онъ состоялъ, при поднесеніи Его Величеству всеподданнѣйшаго благодарственнаго адреса. Государю Императору благоугодно было удостоить членовъ депутаціи бесѣдою, выказавъ при этомъ Монаршее вниманіе и интересъ къ предстоящимъ трудамъ Общества, при чемъ съ особымъ удовольствіемъ отмѣчено было Его Величествомъ участіе какъ въ Обществѣ, такъ и въ самой депутаціи, кромѣ военныхъ, еще и гражданскихъ лицъ.

Изъ всего изложеннаго нельзя не видѣть, что вновь нарождающееся Общество, не теряя драгоцѣннаго времени, сразу вступаетъ на путь интенсивной работы. Дай Богъ, чтобы силы нашихъ тружениковъ, одушевляемыхъ истиннымъ патріотизмомъ и ободряемыхъ съ высоты Престола, все болѣе и болѣе крѣпли и чтобы труды ихъ послужили дѣлу укрѣпленія и обновленія на національной основѣ нашей многострадальной, славной арміи.—*Н. А. Т.*

Моск. Вѣд. 16 декабря, № 288.

22-го декабря подъ предсѣдательствомъ ген.-л. А. З. Мышлаевскаго состоялось засѣданіе организованной при разрядѣ военной археологіи и археографіи Императорскаго Русскаго военно-историческаго общества особой коммиссіи по изданію архивныхъ документовъ, относящихся до исторіи полтавскаго періода Сѣверной войны, съ половины 1708 г. до Переволочны. На

засѣданіи были заслушаны сообщенія о результатахъ розысковъ соотвѣтствующихъ историческихъ документовъ: Д. П. Струкова—по архиву артиллерійскаго историческаго музея, Н. Н. Аврамова — по архиву Академіи Наукъ, К. А. Военскаго—по курляндскому герцогскому архиву, князя В. П. Максутова—по государственному архиву, А. И. Григоровича—по архиву Императорской публичной библіотеки и М. О. Бендера—по архиву военно-историческаго отдѣленія главнаго управленія генеральнаго штаба. Коммиссія постановила немедленно же приступить къ снятію копій съ избранныхъ архивныхъ документовъ. Б. А. Виднесу было поручено собрать историческіе акты временъ Сѣверной войны въ шведскихъ архивахъ въ Стокгольмѣ. Признано также необходимымъ собрать библіографическій матеріалъ по исторіи означенной кампаніи и работа эта поручена: по русской литературѣ—А. С. Лацинскому, по шведской—П. А. Ниве, по нѣмецкой—А. Г. Елчанинову и по французской—князю В. П. Максутову.

Новое Время 25 дек., № 11419.

4. Курская ученая архивная коммиссія.

19-го сентября состоялось первое послѣ лѣтняго перерыва засѣданіе правленія Курской ученой архивной комиссіи; въ немъ участвовали предсѣдатель комиссіи А. Н. Кобылинъ, члены о. И. Ѳ. Пузановъ. Н. И. Златоверховниковъ и А. А. Танковъ. Разсмотрѣнъ былъ цѣлый рядъ вопросовъ и текущихъ дѣлъ. Мы остановимъ вниманіе читателей на такихъ изъ нихъ, которые имѣютъ общій интересъ. Н. И. Златоверховниковъ доложилъ собранію о вновь поступившихъ въ музей коммиссіи предметахъ. Число ихъ оказалось очень значительнымъ и въ научномъ отношеніи имѣющимъ важное значеніе. Поступили цѣлыя коллекціи археологическихъ предметовъ. Не имѣя возможности въ краткой газетной замѣткѣ перечислить ихъ всѣ, а также указать жертвователей, остановимся на нѣкоторыхъ. Отъ г. Арендтъ получены: старинный молитвенникъ-миньятюра, письмо портъ-артурскаго героя Кондратенко. Кромѣ того поступили въ музей монеты серебряныя и мѣдныя, черепа, костяки, палеолитическія каменныя орудія. Очень много цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ пожертвовалъ предсѣдатель комиссіи А. Н. Кобылинъ, въ томъ числѣ два печныхъ изразца XVII вѣка, издѣлія тульскихъ кустарей, фарфоровую посуду, старинный карабинъ чудной работы, много китайскихъ и японскихъ вещей, шкафъ, аналой (или пюпитръ) великолѣпнаго стариннаго орнамента. Отъ г. Разина поступилъ весьма цѣнный и рѣдкій предметъ: часть позвоночнаго хребта мамонта. Нужно сказать, что въ Курскомъ музеѣ есть кости мамонта отъ разныхъ его членовъ, но не было именно позвонковъ. Теперь этотъ дефектъ восполненъ, и такимъ образомъ посѣтители музея могутъ представить себѣ, по находящимся частямъ скелета, всю фигуру мамонта. Отъ г. Каньшина поступила полная коллекція изъ раскопокъ гнѣздиловскаго городища. Отъ г-жи Горяиновой—рукописи, сборники пѣсенъ и фамильные документы. Отъ А. Н. Кобылина еще получено: старинные атласы, церковная утварь, хрусталь, женскія вышивки, оленьи окаменѣлости, морскія растенія, амфоры, свѣтильники, портретъ Наталіи Кирилловны, стрѣлы. Въ музеѣ не было геологическихъ коллекцій. Въ настоящее время этотъ дефектъ устранился въ виду того, что докторъ г. Акишинъ пожертвовалъ прекрасную геологическую коллекцію изъ 38 предметовъ разныхъ породъ напластованій. Отъ г. Овсянникова поступило 275 листовъ фамильныхъ документовъ, отъ Коренской пустыни—рѣзное изображеніе Воскресенія Христова. Будучи помѣщено въ церковномъ отдѣлѣ на соотвѣтственномъ мѣстѣ, оно производитъ сильное впечатлѣніе. Замѣтимъ еще, что Молченской путивльской пустынью пожертвованъ портретъ Петра Великаго.

Мы здѣсь не могли переименовать всѣхъ пожертвованій въ музей; кромѣ того въ него поступила цѣлая масса вещей, полученныхъ изъ раскопокъ, которыя въ концѣ мая производила комиссія въ Курскомъ уѣздѣ. Приватъ-доцентъ Харьковскаго университета В. Е. Данилевичъ составилъ указатель этимъ вещамъ по системѣ: по извѣстному методу онѣ были нашиты и наклеены на папки и размѣщены въ витринѣ. Всѣ онѣ классифицированы и, пользуясь указателемъ, легко, согласно размѣщенію и №№, прослѣдить по даннымъ предметамъ всѣ эпохи.

Найденныя при раскопкахъ въ Курскомъ уѣздѣ и помѣщенныя въ музеѣ коммиссіи вещи приспособлены на 35-ти папкахъ. Имѣя въ рукахъ каталогъ, составленный В. Е. Данилевичемъ, легко по соотвѣтственнымъ нумерамъ познакомиться съ предметами, установленными въ витринахъ скиеовскаго, сѣверянскаго и др. періодовъ. Это, какъ высказалъ Н. И. Златоверхниковъ, имѣетъ большое практическое значеніе, кромѣ научнаго.

По обыкновенію члены правленія осматривали музей. Увеличеніе его научныхъ богатствъ бросается въ глаза. По нѣкоторымъ отдѣламъ уже начинаетъ не доставать мѣста для помѣщенія предметовъ. Но особенное впечатлѣніе производитъ размѣщеніе новыхъ коллекцій, въ особенности изъ раскопокъ, Н. И. Златоверхниковымъ. Размѣщеніе это сдѣлано съ замѣчательнымъ искусствомъ и, помимо деталей, общій видъ витрины съ археологическими предметами заставляетъ наблюдателя остановиться здѣсь дольше. Нѣкоторые изъ пожертвованныхъ А. Н. Кобылинымъ предметовъ не велики по своимъ размѣрамъ, но цѣнны по своему значенію; таковы: старинный колокольчикъ, крестики, а также дикирій, который по отзыву компетентныхъ лицъ принадлежитъ къ очень стариннымъ археологическимъ предметамъ. Отмѣтимъ также полученные отъ г. Арендтъ семь листовъ, на которыхъ есть такъ называемые водяные рисунки — портреты царствующихъ особъ отъ времени заключенія Парижскаго мира (портреты эти можно видѣть на свѣтъ).

Ремонтъ въ музеѣ почти законченъ; полъ въ кустарномъ и доисторическомъ отдѣлѣ устроенъ каменный изъ плитъ.

По поводу обновленія Курскаго каѳедральнаго Сергіевскаго собора коммиссія получила двѣ бумаги: одну отъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества, другую отъ Императорской археологической коммиссіи (въ Петербургѣ). Московское общество для свѣдѣнія коммиссіи сообщило тѣ требованія, которыя оно предложило выполнить при ремонтѣ собора строительной коммиссіи. Требованія эти направлены на то, чтобы архитектура, стиль, орнаменты, иконопись и другія детали были сохранены въ томъ видѣ и формѣ, въ какой они были прежде. Археологическая коммиссія прислала курской ученой архивной коммиссіи признательность за сообщеніе о самовольномъ ремонтѣ Сергіевскаго собора и увѣдомила о томъ, что Археологической коммиссіей приняты мѣры для предохраненія зданія собора отъ искаженій.

Курскія Губернскія Вѣд. 21 и 22 сент., №№ 201, 202.

II. Музеи.

Въ Архангельскѣ содержится въ образцовомъ порядкѣ и процвѣтаетъ чрезвычайно интересное для всякаго любящаго родную старину учрежденіе: «Древлехранилище Архангельскаго епархіальнаго церковно-археологическаго комитета». Если будете въ Архангельскѣ, не пугайтесь этого длиннаго и скучнаго названія и сходите въ этотъ, попросту говоря, церковный музей. Не пугайтесь и суровой, съ виду неприступной внѣшности завѣдующаго музеемъ и творца его, на самомъ дѣлѣ добрѣйшаго І. М. Сибирцева. По крайней мѣрѣ десятокъ лѣтъ своей жизни вложилъ этотъ уже не молодой, совсѣмъ больной человѣкъ въ работу созиданія

музея. Бывшій инспекторъ мѣстной духовной семинаріи, выслужившій полный срокъ службы, онъ вмѣсто заслуженнаго отдыха прилагаетъ всѣ усилія, чтобы обставить музей возможно полнѣе и лучше. Цѣлыми часами и днями этотъ больной человѣкъ сидитъ и окончательно портитъ свои глаза надъ полууставомъ богослужебныхъ рукописей, надъ скорописью жалованныхъ грамотъ, столбцовъ и порядныхъ. Рукопись къ рукописи, икона къ иконѣ, какъ курочка по зернышку, подбирая вещь къ вещи достояніе музея, І. М. Сибирцевъ въ то же время ведетъ обширную переписку, слѣдитъ за чистотой музея, за состояніемъ стѣнъ и топкой печей, заботливо стережетъ его вещи. Любовно, въ строгой системѣ онъ раскладываетъ кресты и грамоты по витринамъ, вѣситъ иконы и вещи по стѣнамъ, разставляетъ книги и рукописи по полкамъ шкафовъ; Сибирцевъ въ музеѣ и завѣдующій, и письмоводитель и смотритель зданія, а случалось ему самому разносить и пакеты. Весь трудъ, большой, убійственный въ смыслѣ здоровья и очень важный для исторіи этого края—созданіе и храненіе музея, І. М. Сибирцевъ несетъ, разумѣется, безплатно, да еще прикладываетъ сюда и свои гроши своей грошовой пенсіи; въ послѣдній годъ безкорыстіе І. М. дошло до того, что онъ отказался отъ почетнаго званія предсѣдателя церковно-археологическаго комитета, удержавъ за собой хлопотливую должность завѣдующаго музеемъ. И музей Сибирцева, такъ бы и слѣдовало назвать музей въ благодарность его создателю, небольшой, но на славу. Чего тутъ нѣтъ: великолѣпной тонкой рѣзьбы царскія врата изъ сельскихъ церквей, чудныя иконы, вплоть до строгановскихъ писемъ, богатая коллекція старыхъ холщевыхъ, трогающихъ своей простотой антиминсовъ, оригинальнѣйшія изъ мѣстной набойки ризы, деревянные вѣнцы, груды крестовъ, подборъ панагій, богатыхъ рѣзьбой и вкусомъ стараго искусства, когда мастеръ, особенно предметовъ культа, приступалъ къ дѣлу не съ кондачка и торопливо, а вдумчиво и серьезно относился къ работѣ. Со стѣнъ одной комнаты портреты всѣхъ архангельскихъ архіереевъ пытливо взираютъ на посѣтителей, а подъ ними въ витринахъ ихъ грамоты съ мудреными росчерками и красными печатями. Въ шкафахъ груды рукописей и богослужебныхъ книгъ, въ одной изъ витринъ письменныя евангелія, съ великолѣпными заставками; въ другой пергаментъ, среди котораго имѣется, напримѣръ, Сійское евангеліе 1339 года; въ третьей—цѣннѣйшее собраніе «Двинскихъ грамотъ». Большое серьезное чувство чего-то очень стараго, давно пережитого охватываетъ васъ, когда вы ходите отъ стѣны къ стѣнѣ, отъ витрины къ витринѣ, смотрите рукописи и кресты, книги и иконы, дарохранительницы, подсвѣчники, аналои, царскія врата и пономарскія двери, старыя записи и грамоты; всю ту обстановку, въ которой жила старая русская церковь, не мудрствуя лукаво, крѣпко вѣрила, сильно и горячо любила родной народъ и родную землю, а при случаѣ легко и просто за свой народъ и родную землю умирала.—*Гамаюнъ.*

Новое Время 30 сент., № 11333.

Въ Борисовѣ живетъ помѣщикъ К. Это — страстный коллекціонеръ, посвятившій долгіе годы собиранію предметовъ, относящихся къ войнѣ 1812 года. Ему удалось создать великолѣпный музей. Здѣсь собрано много картинъ, предметовъ, книгъ и проч., посвященныхъ исключительно моменту Отечественной войны. Въ 1905 году, опасаясь нападенія на свое имѣніе, К. перевелъ свой музей въ Берлинъ. Теперь, когда въ странѣ наступило спокойствіе, К. рѣшилъ перевести свою драгоцѣнность въ Россію и, опасаясь держать это у себя, рѣшилъ предложить его въ даръ «археологическому музею» въ Петербургѣ. Но... подъ однимъ условіемъ... чтобы его наградили чиномъ коллежскаго совѣтника. И теперь вся судьба музея зависитъ отъ того,—наградятъ или не наградятъ. —*въ.*

Бирж. Вѣд. 8 дек., № 102.

Въ Екатеринбургѣ, въ музеѣ Уральскаго общества любителей естествознанія выставлена для обозрѣнія публики интересная археологическая находка—гранитная ступа изъ доисторическихъ временъ, представляющая вмѣстѣ съ найденнымъ при ней своего рода пестикомъ изъ кварца прототипъ нынѣшней мельницы и служившая, по всей вѣроятности, для размола хлѣбныхъ зеренъ. Ступа эта найдена помощникомъ завѣдующаго музеемъ Н. П. Тихоновымъ во время его археологической экскурсіи на Аятскомъ озерѣ и представляетъ собой интересное и вмѣстѣ съ тѣмъ очень цѣнное пріобрѣтеніе для музея.

Уральская Жизнь 29 сент., № 178.

Въ скоромъ времени въ Московскомъ Историческомъ музеѣ откроются пять новыхъ залъ, предназначенныхъ для предметовъ эпохи царя Ивана Грознаго, царя Θедора Ивановича, Бориса Годунова и смутнаго времени.

Въ залѣ есть уже нѣсколько предметовъ, несомнѣнно относящихся къ эпохѣ второй половины XVI и начала XVII вѣка. Между прочимъ, пищаль, съ весьма интересной надписью на дулѣ, гласящей о принадлежности ея князю Касаткину-Ростовскому, извѣстному дѣятелю и историку смутнаго времени.

Особенный интересъ представляетъ мѣдное распятіе, вымѣненное, какъ гласитъ надпись на немъ, какимъ-то старцемъ Геронтіемъ на деньги, присланныя въ какой-то архангельскій монастырь царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ на поминъ души по убитомъ имъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ.

Рукописный листокъ—«память», писанный рукою Нефеда Минина, сына знаменитаго Козьмы Минина, съ приложеніемъ восковой печати самого Козьмы.

Два прекрасныхъ мѣдныхъ паникадила и одно серебряное кадило, съ надписями о вкладѣ ихъ въ церковь женою, сыномъ и дворовыми людьми князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго.

Великолѣпное серебряное кадило съ превосходными чеканными изображеніями святыхъ, украшенное длинною надписью, гласящею о передѣлкѣ его въ царствованіе Θедора Ивановича

Два любопытныхъ портрета царя Θедора Ивановича и Скопина-Шуйскаго, того времени, писанныхъ на деревѣ. Портреты эти находились нѣкогда въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ, изъ котораго были перенесены въ Историческій музей по Высочайшему повелѣнію, Повидимому, портретъ царя Θедора Ивановича служилъ нѣкогда иконою, такъ какъ въ старинныхъ рукописныхъ святцахъ въ числѣ святыхъ упоминается и царь Θедоръ Ивановичъ.

Въ залахъ лежатъ гипсовые слѣпки съ такъ называемаго «Трона Мономаха», этого великолѣпнаго деревяннаго рѣзного сооруженія времени Ивана Грознаго, находящаго въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Копія съ этого трона еще не вполнѣ закончена, но въ скоромъ времени будетъ украшать большую залу Грознаго.

Хотя въ настоящее время всѣ эти залы еще не вполнѣ готовы къ открытію, но уже можно сказать, что онѣ будутъ представлять громадный научный и воспитательный интересъ.

Бирж. Вѣд. 14 іюня, № 9945.

Румянцовскій музей. Е. Н. Самарина пожертвовала Румянцовскому музею старое полотно съ изображеніемъ взятія Нарвы Петромъ Великимъ.

Въ текущемъ году исполнилось сорокалѣтіе существованія при музеѣ картинной галлереи, насчитывающей нынѣ въ своемъ составѣ 889 картинъ и нѣсколько скульптурныхъ произведеній.

Возникъ вопросъ о постройкѣ новаго корпуса по Ваганьковскому переулку, въ виду крайней тѣсноты въ библіотечныхъ помѣщеніяхъ, въ залѣ для чтенія и другихъ отдѣлахъ. Управленіе музея намѣрено обратиться за содѣйствіемъ и помощью къ городскому управленію.

Моск. Вѣд. 8 сент., № 207.

На дняхъ Императорскій Эрмитажъ по археологическому отдѣленію обогатился очень рѣдкими древностями, найденными случайно при раскопкахъ. Съ Кавказа, изъ окрестностей Батума, доставлены различныя золотыя украшенія римскаго происхожденія, императорскаго періода. Изъ Пермской губ. доставлены сассанидскія блюда, найденныя мѣстными крестьянами.

Спб. Театральное Обозрѣніе 6 окт.

От̀ъ Дирекціи Императорскаго Эрмитажа.

Въ газетѣ «Русское Знамя» отъ 10-го и 16-го октября сего года за №№ 219 и 224 появились двѣ замѣтки подъ заглавіемъ «Два вѣщихъ сна» и «Третій сонъ», въ которыхъ нѣкій Борисъ Васильевъ распространяетъ слухъ о подмѣнѣ хранящихся въ Эрмитажѣ рѣдчайшихъ золотыхъ монетъ и медалей—мѣдными, о подмѣнѣ царскихъ брилліантовъ — малоцѣнными камнями и о кражѣ набалдашника отъ дубинки Петра Великаго.

Императорскій Эрмитажъ не счелъ нужнымъ тотчасъ же опровергнуть нелѣпыя сплетни; но такъ какъ эти слухи распространились, благодаря тому, что на-дняхъ многія другія газеты перепечатали эти замѣтки, отчасти снабжая ихъ своими, ни на чемъ не основанными, комментаріями, то дирекція считаетъ своимъ долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ:

1) Со времени отмѣны всякихъ ограничительныхъ мѣръ относительно впуска публики (какъ, напримѣръ, допуска не свыше извѣстнаго числа лицъ, выдачи особыхъ билетовъ и т. д.), наплывъ посѣтителей достигаетъ такихъ размѣровъ (до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ въ день), что наличный персоналъ служителей иногда не въ состояніи усмотрѣть за втирающимися въ числѣ посѣтителей темными личностями, которыми за послѣдніе годы совершено нѣсколько похищеній. Такъ, въ картинной галлереѣ въ 1906 г. вынута была изъ рамы небольшая картина Жерара Дау, въ отдѣленіи среднихъ вѣковъ изъ рамы подъ стекломъ похищенъ самострѣльный болтъ и ножъ, а изъ фотографическаго аппарата вывинченъ былъ объективъ, въ отдѣленіи классическихъ древностей украдены два маленькихъ бюста, изъ галлереи драгоцѣнностей оторвана прибитая къ подоконнику гвоздями мѣдная копія съ небольшого рельефа и оторванъ набалдашникъ отъ одной изъ тростей Петра Великаго. Этотъ набалдашникъ былъ гладкій, желѣзный, безъ всякихъ украшеній и самъ по себѣ не представлялъ никакой матеріальной цѣнности, и принадлежалъ не къ «знаменитой дубинкѣ» Петра I, а къ одной изъ двадцати четырехъ тростей Петра Великаго.

Означенныя пропажи, при невозможности увеличить въ нѣсколько разъ штатъ служителей для надзора за тысячной толпой, никоимъ образомъ не могутъ быть поставлены въ вину администраціи Эрмитажа; для предупрежденія же въ будущемъ пропажъ, къ сожалѣнію, быть можетъ, придется вернуться къ прежнимъ ограничительнымъ мѣрамъ относительно впуска публики.

2) Превращеніе рѣдчайшей коллекціи золотыхъ монетъ въ мѣдную коллекцію сводится къ тому, что, въ виду тревожнаго времени, дирекція Эрмитажа распорядилась вынуть большое количество русскихъ золотыхъ медалей изъ витринъ, доступныхъ публикѣ, и замѣнить ихъ серебряными и бронзовыми экземплярами, золотыя же медали держать въ несгораемыхъ шкафахъ. Не говоря уже о томъ, что для любителей художественной чеканки матеріалъ медали вполнѣ безразличенъ, такая мѣра предосторожности не представляетъ

ничего необычнаго и примѣняется сплошь да рядомъ; такъ, напримѣръ, въ Лондонѣ рѣдчайшія и наиболѣе цѣнныя монеты всегда хранятся въ кладовыхъ музея, для обозрѣнія же публики выставляются точныя ихъ копіи.

3) О подмѣнѣ брилліантовъ въ отдѣленіи драгоцѣнностей за время завѣдыванія имъ барона Фелькерзама и ближайшихъ его предшественниковъ рѣчи быть не можетъ и нѣтъ ни малѣйшаго повода къ возведенію на нихъ какого бы то ни было подозрѣнія. Намекъ автора замѣтки въ «Русскомъ Знамени», будто хранитель отдѣленія баронъ Фелькерзамъ указалъ на завѣдующаго этимъ отдѣленіемъ, служившаго въ Эрмитажѣ съ 1845 г., барона Кене, какъ на виновника, представляетъ чистѣйшій вымыселъ, такъ какъ баронъ Фелькерзамъ въ то время, когда появилась статья «Русскаго Знамени», находился въ заграничной командировкѣ и ни до, ни послѣ нея не встрѣчался съ г-мъ Васильевымъ.

Какъ во всѣхъ собраніяхъ старинныхъ ювелирныхъ издѣлій, такъ и въ галлереѣ драгоцѣнностей хранятся предметы съ малоцѣнными камнями, а также вещи съ выпавшими изъ оправы камнями, но наличность малоцѣнныхъ и полуцѣнныхъ камней въ старыхъ вещахъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить поводомъ къ предположенію, что они подмѣнены и на ихъ мѣстѣ раньше были драгоцѣнные камни.

Дирекція Императорскаго Эрмитажа считаетъ своимъ долгомъ опубликовать настоящее опроверженіе какъ для прекращенія появившихся въ печати слуховъ, такъ и для огражденія своихъ служащихъ отъ недобросовѣстныхъ обвиненій, легкомысленныхъ, а можетъ быть и злонамѣренныхъ инсинуацій и безсовѣстной клеветы.

Директоръ Императорскаго Эрмитажа оберъ-гофмейстеръ *И. Всеволожскій.*

Спб. Вѣд. 20 окт., № 232.

Членомъ Полтавскаго церковнаго историко-археологическаго комитета А. В. Пясецкимъ доставлены, какъ сообщаетъ «Кол.», въ церковный музей при архіерейскомъ домѣ нижеслѣдующіе старинные предметы: 1) Евангеліе, изданное во Львовѣ въ 1693 году, съ интереснымъ предисловіемъ, рисунками, миніатюрами и надписями на поляхъ, 2) серебряная вызолоченная чаша 1693 года; 3) покровецъ XVI—XVII в. съ вышитыми на немъ символическими изображеніями; 4) бисерный вѣнецъ XVII в.; 5) два большихъ ковра 1827 года; 6) двѣ древнихъ иконы и проч. Въ послѣднее время музей этотъ обогатился также множествомъ старинной церковной утвари, облаченій и другихъ предметовъ, доставленныхъ членомъ комитета священникомъ Владиміромъ Трипольскимъ и присланныхъ по почтѣ настоятелями церквей.

Спб. Вѣд. 19 сент., № 206.

Плюшкинскій музей. На-дняхъ я былъ во Псковѣ. Это городъ для меня во многихъ отношеніяхъ священный. Съ ранняго дѣтства мнѣ были понятны слова поэта:

Мечъ тяжелый Гавріила,
Златоверхій нашъ соборъ,
Князя Довмонта могила,
Запахъ древности, просторъ...

За эти тридцать пять лѣтъ, что я помню городъ св. Ольги, онъ измѣнился немного, и скорѣе къ худшему. Еще виситъ у древней Троицы богатырскій мечъ Всеволода-Гавріила, но соборъ уже давно не златоверхій...

Я заѣхалъ во Псковъ, чтобы узнать, въ какомъ положеніи находится вопросъ о памятникѣ св. Ольги. Узнать объ этомъ всего проще было у Ф. В. Плюшкина, извѣстнаго собирателя псковскихъ древностей. Кстати мнѣ хотѣлось познакомиться съ его знаменитымъ музеемъ, о которомъ писалъ не-

давно А. С. Суворинъ. Музей и меня прямо изумилъ своимъ богатствомъ. Имѣя понятіе о нашихъ губернскихъ кунсткамерахъ, я разсчитывалъ провести у г. Плюшкина полчаса, много часъ, но пришлось пробыть тамъ четыре съ половиной часа и уйти съ сознаніемъ, что разсмотрѣлъ едва-ли даже сотую долю крайне рѣдкостныхъ вещей. При всей любезности хозяина, водившаго меня по драгоцѣнному лабиринту и облегчавшаго осмотръ разсказами, гдѣ и какъ добыта та или другая вещь и кому она принадлежала,—въ концѣ концовъ пришлось просить Федора Васильевича отпустить душу на покаяніе. Осмотръ выходилъ слишкомъ поверхностнымъ. Ничто такъ не утомляетъ,—до тяжкой головной боли,—какъ музейное разсѣяніе.

Безъ сомнѣнія, музей г. Плюшкина одинъ изъ оригинальнѣйшихъ въ свѣтѣ. Двухъэтажный, скромной наружности домъ. Вмѣсто вывѣски о сокровищахъ громадной цѣнности—обыкновенная вывѣска о галантерейной и мануфактурной торговлѣ. Дѣло въ томъ, что г. Плюшкинъ хотя и почетный членъ археологическаго общества, но по житейской профессіи купецъ. Въ нижнемъ этажѣ у него торгуетъ одинъ изъ сыновей (другой сынъ — докторъ, третій—юристъ). Въ нижнемъ этажѣ отмѣриваютъ сукна и ситцы, а въ верхнемъ какимъ-то чудомъ столпились всѣ вѣка и страны, всѣ цивилизаціи—отъ древне-персидской до торопецкой и валдайской. Надо усиленно звонить въ три звонка, чтобы бѣдная по наружности дверь съ плохо вычищенной мѣдной дощечкой отворилась и простая женщина спросила, что нужно. Съ первой ступеньки лѣстницы вы уже въ музеѣ. Вся лѣстница, какъ и передняя, заставлена древностями. Впрочемъ, позабылъ сказать! Еще на улицѣ, у дверей, васъ встрѣчаетъ старинная, чудовищной формы мортира и куча каменныхъ ядеръ. Ими когда-то отстрѣливался Псковъ или ими его громили. Собственно музей Ф. В. Плюшкина похожъ больше на антикварный складъ, до такой степени обиліе рѣдкостей безъ всякой системы борется здѣсь съ тѣснотой и до такой степени вещи заслоняютъ другъ друга. Древнія иконы византійскія, московскія, суздальскія, псковскія, раскольничьи и всякія иныя. Великое множество иконъ, ихъ хватило бы на нѣсколько иконостасовъ. Потемнѣвшія ризы, распятія, церковная рѣзьба, старыя паникадила, дарохранительницы. Безчисленная коллекція крестовъ, начиная отъ драгоцѣнныхъ наперсныхъ и панагій до маленькихъ натѣльныхъ крестиковъ, найденныхъ на днѣ рѣки Псковы. Можетъ быть, они лежали тамъ съ эпохи крещенія псковитянъ. Идолы тоже имѣются въ достаточномъ числѣ, начиная отъ псковскихъ (?) идоловъ до буддійскихъ. Щиты и шлемы псковскіе, помнящіе Ледовое побоище, орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ, старые портреты государей (напр. крайне рѣдкій портретъ Ивана Грознаго). Жезлы, серебряныя братины, чарки, кубки (старыхъ, еще вольныхъ псковичей). Женскіе драгоцѣнные уборы, жемчужныя поднизи, запястья, перстни. Великое множество древнихъ монетъ всѣхъ эпохъ, серебряныя гривны и рубли, кожаныя деньги, коллекція ассигнацій и обезцѣненныхъ процентныхъ бумагъ. Крайне рѣдкое собраніе старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ. Есть, напримѣръ, требники запрещенные, съ описаніемъ, весьма детальнымъ, всѣхъ половыхъ извращеній, отмѣченныхъ у Крафтъ-Эбинга. Богатое собраніе лубочныхъ картинъ, въ родѣ тѣхъ, что прославили покойнаго Ровинскаго, причемъ напр. политическая сатира на Петра Великаго («Какъ мыши кота хоронили») представлена въ исторической борьбѣ ея съ цензурой. Сатиры-картины на сибирскіе административные нравы, рѣдкая (по неприличію сюжета) сатира на Пушкина, ищущаго вдохновенія. Большое собраніе малоизвѣстныхъ портретовъ генераловъ, архіереевъ, государей и общественныхъ дѣятелей. Камеи, древнія печати, утварь. Въ большомъ количествѣ св. Христофоръ съ песьей головой и св. Никита въ борьбѣ съ бѣсами. Что касается чертовщины, какъ она отразилась въ народномъ воображеніи, тутъ имѣется богатое собраніе данныхъ. Описаніе однѣхъ иконъ дало

бы широкую картину старыхъ суевѣрій и наивной вѣры. Изъ живописи есть старые классики, Рембрандтъ, головки Греза. Множество стараго фарфора вперемежку съ котлами и штофами старинныхъ кабаковъ. Есть картины «псковскихъ рафаэлей», т. е. псковичей-художниковъ разныхъ эпохъ. Огромное собраніе сочиненій по нумизматикѣ на всѣхъ языкахъ. Подлинныя грамоты государей, письма замѣчательныхъ людей. И опять иконы, кремневыя ружья, портреты, драгоцѣнности, драгоцѣнности безъ числа. Просто въ глазахъ рябитъ. Изумительно, какъ могъ частный человѣкъ, занимающійся мануфактурнымъ товаромъ, собрать такое невѣроятное количество вещей, изъ которыхъ нѣкоторыя незначительны, многія же не имѣютъ цѣны. Для этого нужна была страсть охотника съ одной стороны и «обиліе дичи»—съ другой. У насъ варварски не цѣнится и даже истребляется старина. По словамъ г. Плюшкина, нѣкоторые урядники и становые, прослышавъ, что въ рукахъ обывателя завелась рѣдкая вещь—напр. письма императрицы Екатерины или табакерка Павла,—начинаютъ сыскъ: откуда? гдѣ досталъ? и пр. Такъ что иные обыватели бросаютъ историческіе документы прямо въ печь: отъ грѣха подальше. Не цѣнятъ древности и продаютъ ее за грошъ — вотъ объясненіе обильнаго улова г. Плюшкина. До сихъ поръ еще на чердакахъ усадебъ и монастырей при желаніи можно найти не мало рѣдкостей.

Собраніе г. Плюшкина уже болѣе четверти вѣка извѣстно ученымъ. Всѣ высокопоставленныя особы, начиная съ великихъ князей, заѣзжая въ Псковъ, неизмѣнно бываютъ у Плюшкина. Съ нѣкоторыми учеными и великими князьями, собирающими коллекціи, г. Плюшкинъ мѣняется дубликатами. Какой-нибудь золотой гривенникъ, напримѣръ, представляетъ рѣдкость, цѣнимую въ сотни рублей. Уступить такую вещь—большая жертва. Извѣстенъ г. Плюшкинъ и Государю Императору, осчастливившему купца-антиквара Своимъ вниманіемъ. Казалось бы, удивительная судьба и рѣдкій успѣхъ, но, несмотря на это, я считаю Ф. В. Плюшкина однимъ изъ несчастнѣйшихъ русскихъ людей, какіе есть на свѣтѣ. Несчастья, правда, еще нѣтъ, но оно почти неизбѣжно, и огромное, прямо трагическое, причемъ вмѣстѣ съ гибелью самого г. Плюшкина, какъ собирателя, невозвратимую потерю понесетъ и Россія.

Дѣло въ томъ, что рѣдкостный музей г. Плюшкина поставленъ совершенно по-русски—въ условіи богохранимости. Онъ ничѣмъ не обезпеченъ и существуетъ до перваго несчастнаго случая. Музей одновременно и жилая квартира,—видано ли это гдѣ-нибудь въ Европѣ? Въ большой комнатѣ, увѣшанной рембрандтами и грезами, у г. Плюшкина столовая. Въ другой комнатѣ, сплошь заставленной рѣдкостями, обѣдаютъ приказчики. Чтобы попасть въ одну отдаленную комнату, переполненную драгоцѣнными остатками старины, нужно идти черезъ кухню. Все лежитъ на виду или отдѣлено тонкимъ стекломъ ящика, какъ напримѣръ серебряные и золотые клады. Въ городѣ, гдѣ революціонеры на-дняхъ убили столь осторожнаго человѣка, какъ начальникъ акатуевской тюрьмы,—въ городѣ, гдѣ «сумасшедшій» мужикъ на Губернаторской улицѣ ругаетъ ругательски губернатора, — почему не явиться полдюжинѣ сумасшедшихъ молодыхъ людей, которые крикнули бы г. Плюшкину «руки вверхъ»? Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, музей не застрахованъ отъ пожара. Сумасшедшая спичка—и музея нѣтъ. Впрочемъ, никакая страховка не вернула бы уникумы, древнія рукописи, книги, документы, иконы, портреты. Въ третьихъ,—самъ Ф. В. Плюшкинъ не вѣченъ. Ему идетъ восьмой десятокъ, возрастъ серьезный. У него тринадцать внучатъ, вѣроятно совершенно равнодушныхъ къ исторіи и археологіи. У него—извѣстность, притягивающая жадные вопросы даже изъ-за границы. Англичане предлагаютъ Плюшкину купить у него музей цѣликомъ или частями. Надъ собраніемъ старины во Псковѣ, какъ видите, со всѣхъ сторонъ нависла опасность, до такой степени неустранимая, что можно прямо предсказать крушеніе всего дѣла. Собранныя

сокровища или сгорять, или вновь разойдутся по рукамъ отдѣльныхъ пріобрѣтателей. Разсыплется большое дѣло жизни, дѣло выдающейся научной страсти. Можетъ быть, наилучшій выходъ былъ бы продать музей англичанамъ: по крайней мѣрѣ онъ исчезнетъ только для Россіи, а не для человѣчества. Всѣ эти черныя мои предчувствія я сообщилъ Ф. В. Плюшкину, и онъ со страхомъ согласился съ ними. Наружностью и отчасти манерами псковскій археологъ мнѣ живо напоминалъ писателя Н. С. Лѣскова, тоже большого любителя антикварныхъ рѣдкостей. «Что же дѣлать? сказалъ онъ. «Научите, помогите... Конечно, самое естественное было бы принести этотъ трудъ моей жизни въ даръ отечеству. Можетъ быть, ученые люди разобрались бы въ моихъ рѣдкостяхъ, описали бы ихъ и устроили настоящій музей, здѣсь ли во Псковѣ или въ Петербургѣ. Но вотъ въ чемъ вопросъ. Въ мои коллекціи вложено состояніе моихъ дѣтей и внуковъ. Если бы казна по совѣсти оцѣнила и дала бы мнѣ что-нибудь, конечно я былъ бы крайне счастливъ. Умеръ бы въ сознаніи, что трудился не даромъ. Къ несчастію, я не богатъ. Такъ сложилось, что я могу подарить государству только тридцатилѣтніе хлопоты и труды, только заботы и тревоги,—могу подарить то, что въ коллекціи такъ дорого,—соединеніе вещей. Но сами вещи считаю не моими, а семьи своей. Ужъ не знаю, какъ тутъ и быть»...

Я выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы казна пріобрѣла музей. Гораздо вѣроятнѣе, что найдется какой-нибудь частный богачъ... Явится кто-нибудь изъ московскихъ милліонеровъ, стремящихся къ безсмертію, или страстный коллекціонеръ изъ аристократіи. Если же не окажется въ странѣ потребности сберечь родную старину,—стало быть страна недостойна имѣть свое прошлое. Пусть же этому прошлому отдадутъ дань почтенія иностранцы.

Что касается памятника св. Ольги, то во Псковѣ, имъ повидимому, мало интересуются. Но объ этомъ придется сказать особо.—*М. Меньшиковъ.*

Новое Время 11 сент., № 11314.

Погибшій музей. Развѣ только Новгородъ Великій можетъ поспорить со старымъ Смоленскимъ древностью лѣтъ. Много въ его исторіи было славныхъ и свѣтлыхъ дѣлъ и событій...

Характерна исторія нашихъ историческихъ музеевъ. Ихъ у насъ въ послѣднее десятилѣтіе возникло цѣлыхъ три. «Городской историко-археологическій музей», созданный трудами учителя мѣстной гимназіи С. В. Писарева и послѣ его смерти влачащій весьма незавидное существованіе. Прекрасный музей кн. Тенишевой, не нашедшій пристанища въ Смоленскѣ и помѣщающійся... въ Парижѣ!! Наконецъ возникшій въ 1896 г. и уже погибшій церковно-историческій музей...

Некрологъ этого музея мы съ болью сердечной и представляемъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Церковно-историческій музей возникъ по иниціативѣ назначеннаго на смоленскую каѳедру епископа Никанора. Преосвященный заинтересовался краемъ, его святынями, его древностями. Увидѣлъ онъ, какія историческія богатства погибаютъ разбросанными то по приходскимъ церквамъ, то у частныхъ лицъ, которыя даже не знаютъ, какими цѣнностями они обладаютъ. И у владыки возникла благая мысль собрать и сохранить на память потомству церковно-историческія древности и святыни. На зовъ преосвященнаго Никанора откликнулись немногіе смоленскіе археологи, въ томъ числѣ и упомянутый выше С. В. Писаревъ. Былъ открытъ церковно-археологическій комитетъ, а затѣмъ и музей, уставъ котораго утвержденъ Синодомъ въ 1896 г.

Музей быстро наполнился всевозможными предметами. Много историческихъ книгъ, рукописей, гравюръ, иконъ, утвари, одеждъ, священныхъ сосудовъ, крестовъ, монетъ собрано было съ разныхъ концовъ обширной епархіи.

Между прочимъ въ музей поступилъ крайне рѣдкій образъ, хранившійся въ одномъ изъ селъ смоленской епархіи и почти совершенно не извѣстный ни русскимъ, ни даже иностраннымъ иконографамъ. Среди рукописей были древнія грамоты литовскихъ князей, дневникъ исторіографа гор. Смоленска свящ. Мурзакевича и т. п. предметы.

Въ пору наиболѣе кипучей организаціи церковно-историческаго музея, въ 1898 г., преосвященный Никаноръ былъ внезапно переведенъ въ Орелъ,— теперь онъ варшавскій архіепископъ. Въ лицѣ его музей потерялъ просвѣщеннаго руководителя и покровителя. Новый епископъ, назначенный въ Смоленскъ, преосв. Петръ, оказался не изъ любителей археологіи. Исторія и древности мѣста его служенія, очевидно, мало его интересовали, а въ музеѣ онъ увидѣлъ стѣсненіе для себя.

Музей занималъ часть архіерейскаго дома. Эти покои понадобились преосвященному Петру для помѣщенія штата архіерейскаго двора, и музей былъ переведенъ въ комнаты подъ крестовой церковью. Покои арх. Тимоѳея, сами по себѣ представлявшіе историческую рѣдкость, подверглись ремонту, причемъ бывшія на потолкахъ монограммы смоленскихъ митрополитовъ грубо замазаны известью.

Музей, ставшій недоступнымъ для публики, началъ таять. Въ городѣ появились зловѣщіе слухи, что цѣнности, составлявшія украшеніе музея, продаются евреямъ... Въ прошломъ году и помѣщеніе подъ крестовой церковью понадобилось для штата архіерейскаго двора. На этотъ разъ при переводѣ музея съ нимъ еще меньше церемонились. Служители попросту выбросили «древности» въ одинъ изъ проходныхъ корридоровъ архіерейскаго дома.

Послѣ этого о сохранности музея уже не могло быть и рѣчи...

Гибель музея вызвала наконецъ появленіе въ печати вполнѣ основательнаго протеста со стороны недавно, три-четыре года назадъ, прибывшаго въ Смоленскъ ревнителя родной старины А. В. Жиркевича, поднявшаго свой голосъ за поруганныя святыни. Голосъ А. В. Жиркевича былъ услышанъ Синодомъ. Въ Смоленскъ были присланы двое чиновниковъ для разслѣдованія, но имъ пришлось уже только константировать фактъ разрушенія музея, остатки котораго, главнымъ образомъ въ видѣ разбитыхъ витринъ, перевозились на-дняхъ на ломовой подводѣ въ помѣщеніе ректора семинаріи... Слишкомъ поздно пришли спасать начинаніе, обѣщавшее сдѣлаться цѣннымъ культурно-историческимъ учрежденіемъ!

Нов. Время 20 іюля, № 11261.

М. г. Въ отвѣтъ на статью мою въ «Историческомъ Вѣстникѣ» «Еще одинъ археологическій покойникъ» и письмо А. А. Титова, помѣщенное въ «Нов. Вр.» о гибели смоленскаго церковно-археологическаго музея, канцелярія оберъ-прокурора Св. Синода напечатала въ газетахъ разъясненіе въ томъ смыслѣ, что, молъ, проникшіе въ печать слухи о расхищеніи музея являются неосновательными, иными словами, что музей цѣлъ, причемъ даже не указала, съ чьего полномочія даетъ она такое объясненіе и чѣмъ его подкрѣпляетъ.

Такъ какъ исторія съ разоблаченіями о музеѣ началась съ моей статьи, вызвавшей дознаніе отъ Синода въ лицѣ гг. Титова и Бродскаго, то, значитъ, меня пытаются уличить въ неправдѣ. Приходится защищаться...

Вотъ почему благоволите напечатать мое настоящее возраженіе для того, чтобы возстановить еще разъ истину.

Напомню содержаніе опубликованнаго въ «Нов. Времени» письма г. Титова. Титовъ писалъ: «По порученію товарища прокурора св. Синода я ѣздилъ въ Смоленскъ—и статья Жиркевича въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (іюнь) вполнѣ подтвердилась. Музей разграбленъ. За вѣрность статьи ручаюсь».

Такъ высказался извѣстный археологъ, совмѣстно съ представителемъ отъ св. Синода г. Бродскимъ, три дня сидѣвшій въ руинахъ бывшаго музея и лично провѣрившій наличность остатковъ послѣдняго съ найденными документами (описи куда-то исчезли)...

Насколько знаю, за подписью обоихъ ревизоровъ было предоставлено въ св. Синодъ и подобное же подкрѣпленное доказательствами донесеніе.

Послѣ такого категорическаго авторитетнаго заявленія, право, приходится удивляться объясненію канцеляріи оберъ-прокурора... На что оно разсчитано!? Не лучше ли было бы огласить въ печати подлинное донесеніе гг. Титова и Бродскаго?.. Тогда всѣ увидѣли бы, на чьей сторонѣ правда. Вѣрнѣйшій способъ опроверженій—документы и факты.

Надо сознаться, что А. А. Титовъ въ письмѣ своемъ не совсѣмъ удачно употребилъ юридическій терминъ «разграбленіе», не подходящій къ катастрофѣ съ музеемъ... Впрочемъ, въ наши дни легко обмолвиться терминами, когда грабежи и кражи окрещиваются модной кличкой «экспропріація»...

Но смыслъ статьи моей, помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ», если не играть словами и терминами, былъ совершенно ясенъ: я писалъ о томъ, что благодаря гоненіямъ на музей мѣстнаго архіерея, хранилище кочевало изъ помѣщенія въ помѣщеніе, пока не дошло до полнаго разстройства, причемъ часть историческихъ предметовъ музея пропала, само собой разумѣется, разойдясь по рукамъ, а не испарившись въ воздухѣ...

Мнѣ остается лишь сказать, что если теперь, по слухамъ, музей послѣ опроверженія канцеляріи оберъ-прокурора вновь приводится въ порядокъ, то ревизоры застали его въ томъ именно хаотическомъ состояніи, которое я описывалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», что и до сихъ поръ тамъ нѣтъ многихъ, весьма цѣнныхъ въ историческомъ значеніи предметовъ.

Вообще за время пребыванія въ Смоленскѣ епископа Петра не повезло нашимъ святынямъ... Только что стали заминать здѣсь скандалъ съ музеемъ, какъ возникаетъ уже новое, еще болѣе вопіющее дѣло: гибель части сокровищъ древнихъ смоленскихъ ризницъ—архіерейской и соборной... Историческія драгоцѣнности въ теченіе пяти лѣтъ распродавались на аукціонахъ и внѣ аукціоновъ, нерѣдко евреямъ, иногда, какъ ломъ, на пуды, серебро—съ вѣдома и разрѣшенія мѣстнаго епархіальнаго начальства. Бѣдныя, разоренныя ризницы, въ которыхъ предыдущія поколѣнія епископовъ и духовенства скопили съ такой любовью по-истинѣ безцѣнныя сокровища старины!.. То, что въ 1812 году, благодаря благочестивой ревности и святынямъ Смоленска, спасъ, рискуя жизнью своей, отъ алчности варваровъ приснопамятный священникъ Мурзакевичъ, на половину погублено своими же православными руками...

Смоленскія ризницы ждутъ тоже, какъ и музей, безпристрастнаго, строгаго разслѣдованія отъ Синода и кары виновниковъ. Но исторія съ музеемъ учитъ насъ, смолянъ, не очень-то увлекаться розовыми надеждами... Чего добраго, и тутъ все ограничится объясненіемъ какой-либо «канцеляріи»... Гор. Смоленскъ.—*А. Жиркевичъ.*

Нов. Время 27 авг., № 11299.

[Черниговскій] губернскій предводитель дворянства князь Василій Дмитріевичъ Голицынъ на дняхъ принесъ въ даръ историческому музею [Черниговской] губернской ученой архивной коммиссіи весьма цѣнное собраніе рукописей XVII и XVIII вѣковъ. Между рукописями имѣется значительное количество подлинныхъ универсаловъ и писемъ гетмановъ Мазепы, Скоропадскаго, Апостола и другихъ малороссійскихъ дѣятелей. Мы слышали, что въ недалекомъ будущемъ объ этихъ рукописяхъ будетъ докладъ въ засѣданіи архивной коммиссіи. Полагаемъ, что въ нихъ найдется не мало интереснаго

и новаго. Во всякомъ же случаѣ рукописи эти, въ большинствѣ представляющія рѣдкость для даннаго времени, несомнѣнно, займутъ почтенное мѣсто и на выставкѣ при археологическомъ съѣздѣ, гдѣ, вѣроятно, будетъ особое рукописное отдѣленіе.

Черниг. Слово 25 сент., № 261.

Собраніе греческихъ и римскихъ древностей изъ южной Россіи въ Берлинскомъ Антикваріумѣ.

Въ приложеніи къ № 4 «Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen» за 1907 г. («Amtliche Berichte aus den Königlichen Kunstsammlungen», стр. LXXVI сл.) Кекуле фонъ Страдоницъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о поступленіи въ Берлинскій Антикваріумъ собранія («einer ganzen Sammlung») греческихъ и римскихъ древностей изъ южной Россіи. Собраніе содержитъ:

1. Многочисленные изящные предметы украшенія изъ золота: ожерелья, серьги, перстни и т. д.
2. Ожерелья изъ камня, стекла, фаянса.
3. Стекло, цвѣтное и нецвѣтное, разнообразной техники и различныхъ временъ.
4. Предметы утвари и сосуды изъ бронзы, между прочимъ изящной работы коринѳскій шлемъ съ надписью ΔΙΟΣ на правомъ нащечникѣ.
5. Предметы изъ дерева.
6. Большое количество терракоттовыхъ фигуръ мѣстнаго производства.
7. Многочисленныя части гипсовыхъ расписныхъ украшеній отъ деревянныхъ саркофаговъ; между этими украшеніями нѣсколько фигуръ Ніобидъ.
8. Образцы встрѣчающейся въ южной Россіи керамики: привозные чернофигурные аттическіе сосуды, краснофигурные арибаллы, покрытые пестрыми красками и золотомъ, нѣсколько характерныхъ для южной Россіи пеликъ, расписанныхъ матовыми пестрыми красками, эллинистическая и ранне-римская керамика, много лампочекъ, амфорныхъ ручекъ со штемпелями. Мегарскій кубокъ со штемпелемъ OVIΔIΣ. На донышкѣ другого кубка бюстъ богини въ corona muralis и надпись KIPBEI.

III. Свѣдѣнія о раскопкахъ, памятникахъ древности, кладахъ и находкахъ.

Варшавская губернія.

Переданные Варшавскому университету управляющимъ конторой Государственнаго банка предметы, найденные при разборкѣ фундамента б. монетнаго двора въ Варшавѣ, составляютъ:

1) Металлическая доска съ отчеканенной надписью на польскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія: «Въ царствованіе Пресвѣтлѣйшаго Александра I Царя всей Россіи и Короля Польскаго, Королевскій Намѣстникъ, генералъ пѣхоты, кавалеръ орденовъ россійскихъ, польскихъ и многихъ иностранныхъ Іосифъ Заіончекъ, въ присутствіи административнаго совѣта, состоящаго изъ министра въ коммиссіи исповѣданій и народнаго просвѣщенія, сенатора-воеводы графа Станислава Костки-Потоцкаго, министра въ коммиссіи юстиціи, сенатора-воеводы Валентія Соболевскаго, министра въ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи Тадеуша Мостовскаго, заступающаго министра въ коммиссіи военной генерала дивизіи Маурицiя Гауке, заступающаго министра въ коммиссіи доходовъ и финансовъ сенатора каштеляна Мартина Бадени, въ наличности статскаго совѣтника, генеральнаго директора лѣсовъ и ком-

миссіи доходовъ и финансовъ, графа Людовика Плятера, камень этотъ угольный при новой постройкѣ для сооруженій монетныхъ положенъ въ Варшавѣ 16 іюня 1817 года. Постройку производили: Рафаилъ Ванза, подполковникъ инженеровъ Испаніи въ россійской службѣ, Петръ Готтманнъ, поручикъ инженеровъ, присланные изъ Петербурга: Петръ Айгнеръ, генеральный архитекторъ; Карлъ Шульцъ, архитекторъ. Монетное управленіе составляли: Игнатій Беньковскій, генеральный инспекторъ; Карлъ Гоффманъ, генеральный контролеръ; Яковъ Беникъ, интендентъ; Фридерикъ Гунгерсъ, Карлъ Гронау, пробирщики; Вавженецъ Воссидло, кассиръ; Людовикъ Гинетъ, контролеръ, и Иванъ Стокманнъ-Кіевскій, секретарь и бухгалтеръ».

2) Большая серебряная медаль изящной чеканки съ изображеніемъ головы Императора Александра I и съ выбитой латинской надписью: «*Unus qui nobis restituit Rem*». *Die XX junii. A. MDCCCXV*».

3) Золотая монета въ 50 злотыхъ польскихъ и такая же въ 25 злотыхъ, 4 серебряныхъ (5 и 2 злот., 10 и 5 грошей) и 2 мѣдныхъ монеты (3 и 1 грошъ). Монеты чеканки 1816 и 1817 гг.—*Ид*е.

Варш. Дневн. 11 ноябри, № 311. Ср. *Варш. Дневн.* 31 окт., № 300.

Виленская губернія.

Вслѣдствіе появившихся въ мѣстныхъ газетахъ свѣдѣній о разборкѣ принадлежащихъ Трокскому церковному попечительству развалинъ древняго доминиканскаго монастыря въ г. Трокахъ, Императорская Археологическая коммиссія увѣдомила Виленскаго губернатора, что, на основаніи закона 11 марта 1889 г., къ подобной разборкѣ не могло быть приступлено безъ ея вѣдома и разрѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Коммиссія проситъ прислать ей фотографическіе снимки съ развалинъ въ настоящемъ и прежнемъ ихъ видѣ. Вслѣдствіе предложенія губернатора, Трокскимъ исправникомъ въ настоящее время прислано нѣсколько снимковъ уцѣлѣвшихъ отъ времени и разборки древнихъ зданій бывшаго монастыря. Изъ присланныхъ снимковъ видно, что разборка произведена была въ очень незначительномъ количествѣ.

Виленскій Вѣстн. 14 сент., № 1282.

Волынская губернія.

Сѣдая старина. (Экскурсіи: къ курганамъ, въ подземелья и къ археологу Р. О. Собкевичу). Самымъ яркимъ отраженіемъ русской халатности и косности является почти полное отсутствіе интереса къ старинѣ. У насъ, въ Житомірѣ эта косность чувствуется съ особой силою: интересъ къ исторіи родного края, къ археологіи, къ палеонтологіи, ко всему тому, что будитъ пытливый умъ, здѣсь совершенно отсутствуетъ, равнодушно игнорируется.

По ту сторону р. Каменки, подъ синѣющимъ вдали сосновымъ боромъ Корбутовки, широко раскинулось поле. Одной стороной оно подходитъ къ Старо-чудновской дорогѣ, а противуположная теряется на предмѣстьѣ Малеванкѣ. На всемъ широкомъ пространствѣ этого поля тамъ и сямъ виднѣются курганы—невысокіе холмики,—нѣмые свидѣтели сѣдой старины. Ихъ также можно замѣтить и въ сосѣднихъ усадьбахъ, поближе къ рѣкѣ. Но съ каждымъ годомъ ихъ становится все меньше и меньше: жители и индифферентизмъ городской думы (курганы находятся на городской землѣ) не щадятъ этихъ драгоцѣнныхъ останковъ старины глубокой. О происхожденіи кургановъ окрестные жители даютъ крайне сбивчивыя и туманныя показанія: одни изъ нихъ думаютъ, что это могилы татаръ, разбойниковъ, другіе предполагаютъ, что здѣсь произошло сраженіе съ татарами или поляками. Да что говорить о тамошнихъ жителяхъ: кто изъ нашихъ мѣстныхъ интеллигентовъ знаетъ не только о происхожденіи этихъ кургановъ, но даже о существованіи ихъ? Изслѣдованіе кургановъ, раскопка ихъ встрѣчаютъ почти неопреодо-

лимыя препятствія. Мѣстные жители къ раскопкамъ относятся крайне враждебно: курганы, по ихъ мнѣнію, представляютъ собою нѣчто священное, и дурное обращеніе съ ними можетъ вызвать наказаніе Божіе; подъ угрозами силой помѣшать работѣ приходилось археологамъ дѣлать раскопки. Городское управленіе тоже относится крайне враждебно къ раскопкамъ (не изъ суевѣрія, конечно); археологи передаютъ, что зачастую ихъ просьба разрѣшить раскопку кургановъ вызывала переполохъ, но зато городская дума съ охотой разрѣшаетъ строить на этомъ мѣстѣ дома, разводить сады, добывать песокъ, и курганы безпощадно уничтожаются, пропадая безслѣдно для исторіи и науки. Еще недавно было 500, а теперь и 50 не найдете.

Вотъ при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ приходилось работать мѣстнымъ археологамъ С. С. Гамченко и Я. В. Яроцкому. Но несмотря на всѣ мытарства, имъ удалось раскопать нѣсколько кургановъ... и древній міръ открылся ихъ взорамъ. То поле, которое такъ безпощадно уродуетъ обыватель (съ санкціи гор. управы)—не что иное, какъ кладбище нашихъ предковъ древлянъ. Въ курганахъ найдены ихъ скелеты и много всякихъ вещей, составлявшихъ принадлежность ихъ похоронныхъ обрядовъ и одежды древлянъ. Кольца, серьги, пряжки, различнаго рода сосуды, гвозди, ножи и т. д. По всѣмъ этимъ предметамъ и въ силу нѣкоторыхъ другихъ условій сдѣлано заключеніе, что эти курганы были насыпаны въ промежуткѣ между VII и IX вѣкомъ по Р. X., въ эпоху желѣзнаго вѣка...

Это древлянское кладбище создалось въ мирное время (въ курганахъ найдены скелеты женщинъ и дѣтей), значитъ по близости этого кладбища должно было быть и древлянское селеніе. Гдѣ же оно? Оно находилось на возвышенной мѣстности, извѣстной у насъ подъ именемъ «Замковой горы». Но о немъ мы почти ничего не знаемъ; извѣстно только, что этотъ поселокъ гораздо древнѣе кладбища: онъ существовалъ еще въ эпоху каменнаго вѣка,—найдены кремневыя орудія и то совершено случайно. Раскапывать съ научной цѣлью Замковую гору не позволяли, а раскапывать для добыванія песку и глины можно было, сколько угодно. Изъ года въ годъ ее уродовали все болѣе и болѣе, безпощадно уничтожая цѣнныя археологическія данныя; наконецъ въ 1837 году ее почти совершенно срѣзали по иниціативѣ губернатора Звягинцева, пожелавшаго развести на ней городской садъ. И древлянскій поселокъ погибъ безслѣдно для науки. Но что говорить объ этихъ останкахъ далекой языческой древности, когда къ памятникамъ сравнительно къ намъ близкихъ временъ, проявляется тотъ же активный индифферентизмъ.

Житомирскія подземелья изслѣдовать почти не представляется возможнымъ. Входы въ подземелья находятся въ лазаретѣ и въ усадьбахъ многихъ частныхъ владѣльцевъ. Въ большинствѣ случаевъ эти входы задѣланы, забиты, а если и остаются открытыми, то проникнуть туда нѣтъ никакой возможности: учрежденія отказываютъ категорически, а изъ частныхъ лицъ одни требуютъ разрѣшенія полиціи, а другія безъ всякихъ разговоровъ, должно быть заподозрѣвая что-либо недоброе, передаютъ полисменамъ любознательныхъ людей. Подобная исторія случилось со мною: я съ своимъ товарищемъ, занимающимъ довольно видное соціальное положеніе, разузнавъ, что въ одномъ ренсковомъ погребѣ существуетъ входъ въ подземелье, попросили у содержателя этого погреба разрѣшенія проникнуть туда. Содержатель сначала согласился, но потомъ, какъ видно, сообразивъ что-то, позвалъ городового; отъ послѣдняго намъ едва удалось отдѣлаться предъявленіемъ своихъ визитныхъ карточекъ. Однако мнѣ удалось, хотя отчасти, осуществить свою мысль. Я посѣтилъ подземелья, находящіяся въ одной изъ усадебъ на Подольской улицѣ. Входъ въ подземелье находится подъ небольшимъ строеньицемъ—верандой и напоми-

наетъ собою входъ въ обыкновенный погребъ: большая, крутая лѣстница отвѣсно спускается внизъ. Мы (я и нѣсколько товарищей), зажегши свѣчи, спустились по ней: здѣсь поворотъ направо и дверь, затѣмъ—опять поворотъ направо и опять дверь, только узкая и маленькая. Пройдя такое маленькое разстояніе, мы уже были на порядочной глубинѣ: съ каждымъ шагомъ отпускались все ниже и ниже. За второй дверью мы уже находились въ настоящемъ подземельѣ: ходъ очень узкій, хотя вдвоемъ идти еще можно, стѣны кирпичныя, потолокъ низкій: самому высокому изъ товарищей пришлось идти согнувшись. Воздухъ страшно сырой, затхлый, на стѣнахъ суслами виситъ какая-то жидкость и плѣсень. Мы медленно подвигались впередъ, свѣчи тускло мерцали и, благодаря сгущенному воздуху, давали мало свѣта; причудливыя тѣни отъ нашихъ фигуръ сопровождали насъ по стѣнамъ. Мы шли молча, внимательно присматриваясь ко всему, но ничего особеннаго не замѣтили. Наконецъ кирпичъ на стѣнкѣ и потолкѣ исчезъ, уступивъ свое мѣсто сѣрой глинѣ. Сейчасъ же мы замѣтили въ стѣнѣ углубленіе квадратной формы: то была ниша. Богъ ее знаетъ, каково было ея назначеніе: вѣроятнѣе всего, что здѣсь, спасаясь отъ врага, гонимые прятали свой скарбъ. За этой нишей—другая, третья и т. д. Много ихъ было по обѣимъ сторонамъ. Мы подвигались впередъ, опускаясь все ниже и ниже... Черезъ нѣкоторое время прямая галлерея прекратилась, раздѣлившись на два развѣтвленія: одно — направо, другое—налѣво. Мы пошли налѣво: здѣсь еще уже и ниже: вдвоемъ въ рядъ идти нельзя, сгибаться нужно было всѣмъ. Воздухъ былъ еще сгущеннѣе: свѣчи, точно въ туманѣ, неясно мерцали. Ничего особеннаго и здѣсь, только шаги отдаются какъ-то гулко, точно внизу есть какой-нибудь резонаторъ; мы пробовали стучать о землю палками: такой же пустой и гулкій звукъ: очевидно существуетъ подъ нашей галлереей еще вторая—нижняя. Черезъ нѣкоторое время мы очутились передъ дверью, забитой кирпичемъ; эта дверь преграждала дальнѣйшее путешествіе; мы, попробовавъ долбить ее палками и ножами, убѣдились въ безполезности этого дѣла: ужъ слишкомъ былъ толстъ и крѣпокъ слой кирпича. Съ грустью посмотрѣвъ на непреодолимое препятствіе, мы повернули обратно и пошли въ правое развѣтвленіе. Точная копія лѣваго, только еще немного хуже: затхлость и сгущенность воздуха здѣсь уже сильно давала себя знать: дышать было трудно. На одной изъ стѣнокъ мы замѣтили написанное огромными буквами какое-то странное слово (вспомнить его не могу). Мы его прочли, не понявъ, конечно, его значенія, но какое-то странное, таинственное впечатлѣніе произвело на насъ это непонятное слово: намъ казалось, что за нимъ скрывается какой нибудь страшный, роковой смыслъ. Впослѣдствіи я узналъ, что это слово—имя разбойника, скрывавшагося въ срединѣ прошлаго вѣка въ этомъ подземельѣ и будто написанное имъ собственноручно. Мы пошли дальше... и очутились передъ глухой стѣной, Высоко поднявъ надъ головой свѣчи, мы стали осматривать потолокъ и стѣны. но никакого признака дверей или чего-либо подобнаго мы не нашли. Летучая мышь, прожженная свѣчей, упала къ ногамъ товарища, товарищъ вскрикнулъ, мы вздрогнули: крикъ, разнесенный эхомъ въ подземныхъ галлереяхъ, вышелъ неестественнымъ, дикимъ. Мы повернули обратно и почти опрометью устремились къ выходу. Передъ нами опять промелькнуло зловѣщее имя разбойника, мрачный и низкій входъ лѣвой галлереи и темныя, страшныя жерла нишъ. Наконецъ мы очутились на воздухѣ въ такомъ состояніи, точно мы покинули мрачный Тартаръ, полный страшныхъ видѣній и призраковъ.

Жаль только, что исторія нашихъ подземелій почти неизвѣстна; да и не удивительно: главные входы ихъ забиты, закрыты трусливой рукой обывателя. Мнѣ случилось быть также въ подземельяхъ, находящихся подъ нашимъ мѣстнымъ лазаретомъ, но тамъ, пройдя нѣсколько саженей, я наткнулся

во всѣхъ направленіяхъ на забитыя двери. Старожилы говорятъ, что оттуда подземелья шли подъ всѣмъ городомъ.—*А. Апрѣлевъ.*

Вѣстникъ Волыни 4 и 6 окт., №№ 65 и 67.

---

27 августа въ Овручъ прибылъ членъ Императорской археологической коммиссіи, археологъ П. П. Покрышкинъ, для научнаго изслѣдованія двухъ башенъ, открытыхъ при раскопкахъ фундаментовъ Васильевскаго храма. Объ этихъ башняхъ сообщалось уже много въ предыдущихъ корреспонденціяхъ (см. № 249 Волынской Жизни).

Осмотрѣвъ совмѣстно съ архитекторомъ А. В. Щусевымъ раскопки, г. Покрышкинъ просилъ предсѣдателя братства назначить экстренное засѣданіе строительной коммиссіи.

Засѣданіе состоялось 28 августа и въ немъ было доложено архитекторомъ А. В. Щусевымъ, что, по совѣщаніи его съ членомъ археологической коммиссіи П. П. Покрышкинымъ касательно охраненія фундаментовъ вновь открытыхъ двухъ башенъ въ теченіе предстоящей зимы, онъ пришелъ къ слѣдующему заключенію. Въ виду того, что сохраненіе этихъ фундаментовъ не повлечетъ за собою задержки въ работахъ по возстановленію храма въ теченіе лѣтняго и осенняго сезоновъ сего года, и такъ какъ оно необходимо на случай осложненія въ мнѣніяхъ членовъ археологической коммиссіи при представленіи имъ проекта возстановленія названныхъ башенъ въ древнемъ видѣ, для подтвержденія новаго проекта, можетъ быть, придется ссылаться на не уничтоженные еще фундаменты, а потому онъ, Щусевъ, признаетъ нужнымъ сохранить фундаменты башенъ до весны 1908 г., покрывъ ихъ соломой и досками. Передѣлка башенъ весной займетъ времени не болѣе 2-хъ недѣль и не явится неудобной въ конструктивномъ отношеніи, такъ какъ фундаменты башенъ и безъ того, для правильности осадки зданія, должны не быть связанными съ фундаментами всего храма, а прикасаться къ нимъ вертикальной гладкой плоскостью въ пазъ. Въ нынѣшнемъ же сезонѣ возможно будетъ закончить кладку 4 столбовъ подъ пять подпружныхъ арокъ, выложить южную стѣну храма, симметричную сѣверной, и закончить облицовку восточной стѣны фасада церкви.

П. П. Покрышкинъ, поддерживая всецѣло докладъ коллеги своего А. В. Щусева, добавилъ, что, осмотрѣвъ, по порученію Императорской археологической коммиссіи, раскопки близъ западнаго и южнаго фасадовъ овручскаго Васильевскаго храма, онъ находитъ, что 1) онѣ представляютъ выдающійся научный интересъ, выясняя многіе вопросы реставраціи названнаго храма, при чемъ обнаруженныя башни—очень рѣдкое и, можно сказать, первое явленіе въ наукѣ археологіи. 2) научное изслѣдованіе башенъ надо продолжать теперь же и 3) разрѣшеніе археологической коммиссіи на уничтоженіе обнаруженныхъ башенъ, упавшихъ стѣнъ и сводовъ будетъ дано послѣ утвержденія докладовъ его, заявителя, и А. В. Щусева.

Послѣ выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся постройки возобновляемаго храма, строительная коммиссія, принявъ во вниманіе, что въ работахъ не произойдетъ задержки, если фундаменты двухъ открытыхъ башенъ останутся не уничтоженными въ теченіе зимы, и что уничтоженіе ихъ теперь повлекло бы за собой нежелательныя осложненія въ мнѣніяхъ археологической коммиссіи при представленіяхъ проекта о реставраціи храма, постановила: не уничтожать фундаменты до весны и принять мѣры къ сохраненію ихъ въ цѣлости, предполагая произвести въ теченіе сентября слѣдующія работы: во 1-хъ, кладку четырехъ столбовъ подпружныхъ арокъ и, во 2-хъ, кладку южной стѣны и исправленіе облицовки восточнаго фасада.

3 сентября вечеромъ П. П. Покрышкинъ выѣхалъ изъ г. Овруча. Еще наканунѣ г. Покрышкинъ просилъ собрать членовъ строительной коммиссіи

въ засѣданіе для доклада въ послѣднемъ результатовъ изслѣдованія. 3 сентября вечеромъ состоялось засѣданіе. Обѣщанный подробный докладъ г. Покрышкинымъ не представленъ за отсутствіемъ отчасти свободнаго времени, а отчасти потому, что профессоръ, по его заявленію, безъ разрѣшенія археологической коммиссіи, въ которой состоитъ на службѣ, не можетъ оглашать подробности изслѣдованія. Доложивъ вкратцѣ результаты послѣдняго, г. Покрышкинъ заявилъ, что производимыя раскопки при Васильевскомъ храмѣ очень интересны въ наукѣ археологіи и онъ очень благодаренъ владыкѣ и коммиссіи, предоставившимъ ему возможность потрудиться въ такомъ интересномъ дѣлѣ, какъ изслѣдованіе раскопокъ Васильевскаго храма. Будучи стѣсненъ временемъ, онъ, г. Покрышкинъ, лишенъ возможности закончить теперь же изслѣдованіе, а потому оставляетъ таковое до весны, добавивъ при этомъ, что его изслѣдованія ничуть не препятствуютъ работамъ по возстановленію храма. Что касается охраненія начатыхъ раскопокъ въ теченіе зимы, то объ этомъ онъ просилъ завѣдующаго работами Л. А. Веснина и далъ должныя указанія для этого. Результаты же своихъ работъ сообщитъ архитектору А. В. Щусеву, который доложитъ о нихъ владыкѣ. Коммиссія постановила: поблагодарить профессора Покрышкина за доложенные коммиссіи результаты научнаго изслѣдованія и доложить владыкѣ, что подробныя свѣдѣнія объ этомъ будутъ представлены его высокопреосвященству А. В. Щусевымъ. Охраненіе раскопокъ произвести согласно указаніямъ г. Покрышкина.

Волынская Жизнь 11 сент., № 264.

Воронежская губернія.

Текущимъ лѣтомъ произведены въ высшей степени интересныя археологическія раскопки въ окрестностяхъ древняго Маяцкаго городища Хозаръ, близъ Дивногорскаго монастыря въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губ. Раскопки велись Воронежской ученой архивной коммиссіей подъ руководствомъ воспитателя мѣстнаго кадетскаго корпуса, подполковника В. Д. Языкова, старшаго врача корпуса А. И. Мартиновича и корпуснаго священника С. Е. Звѣрева. Раскопки дали въ высшей степени богатые результаты. Въ нѣдрахъ мѣловыхъ горъ Дивногорья обнаружены обширныя катакомбы и погребальные склепы Хозаръ. Входъ въ катакомбы былъ обнаруженъ въ лѣвой сторонѣ обширной подземной камеры, высѣченной въ мѣловомъ грунтѣ, и оказался заложеннымъ массивной каменной плитой, размѣромъ около 1 квадр. аршина. Обширная продолговатая пещера-катакомба оказалась почти на половину заполненною насыпной землей. Въ этой землѣ были найдены три прекрасно сохранившихся человѣческихъ скелета и поразительно большихъ размѣровъ черепъ. Изъ числа трехъ скелетовъ одинъ женскій. Близъ него найдены художественной работы женская подвѣска, осыпанная крупнымъ жемчугомъ, и масса бусъ изъ цвѣтныхъ камней, стекла и разноцвѣтной мастики. Нѣкоторыя бусы—съ остатками позолоты. Невдалекѣ отъ бусъ обнаруженъ кусокъ скипѣвшейся металлической сѣтки, составлявшей, повидимому, принадлежность женскаго головного убора и осыпанной такими же бусинками, но только меньшаго размѣра. Въ различныхъ мѣстахъ катакомбы найдена масса черепковъ изъ терракоты и синей глины, покрытыхъ художественными орнаментами. Въ центрѣ катакомбы обнаружены остатки грандіознаго жертвеннаго алтаря съ покрышкой изъ массивной каменной плиты, съ продольнымъ сквознымъ отверстіемъ въ 2 вершка длины и 2/3 вершка ширины. Невдалекѣ отъ катакомбъ, тоже въ мѣловомъ грунтѣ, обнаружены остатки подземныхъ полыхъ помѣщеній. Всѣ они квадратной формы и очень напоминаютъ землянки, существующія и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ Сибири и на Кавказѣ. Ширина каждой камеры достигаетъ 4 арш. при такой же длинѣ и высотѣ въ 2½ аршина.

Въ каждую пещеру ведетъ правильно высѣченный въ мѣловомъ грунтѣ входъ въ видѣ коридора, имѣющій небольшой наклонъ внутрь жилища и оканчивающійся двумя прочно врытыми массивными каменными ступенями. По краямъ входного коридора и вдоль стѣнъ каждаго жилища отчетливо выдѣляются глубоко выдавленныя въ мѣловомъ полу гнѣзда для деревянныхъ стоекъ, поддерживавшихъ потолокъ пещеры. Въ этихъ жилыхъ помѣщеніяхъ найдено нѣсколько мѣловыхъ конусовъ въ ½ арш. вышины и 3 в. въ основаніи, остатки терракотовой и глиняной посуды, покрытой рисунками и изразцами, ручныя мельницы изъ мѣловыхъ плитокъ, желѣзные ножи и топоры и терракотовыя пряслица.

На самой окраинѣ могильнаго поля катакомбъ, на скатѣ глубокаго естественнаго оврага обнаружено обширное трупосожженіе, повидимому, не имѣющее хронологической связи съ катакомбными усыпальницами. Здѣсь найдены груды жженыхъ человѣческихъ костей, кучи древеснаго угля и масса битой терракотовой и глиняной посуды. Всѣ добытые раскопками предметы, а также устройство пещеръ и катакомбъ были тщательно изучены и обслѣдованы мѣстной архивной коммиссіей, которая признала эти катакомбы и пещерныя жилища относящимися къ VIII и IX вѣкамъ по Р. Х. и аналогичными съ такими же подземельями, обнаруженными въ Верхне-Салтовскомъ могильникѣ Волчанскаго уѣзда Харьковской губерніи. VIII и IX вв. по Р. Х. являются эпохой распространенія владычества Хозаръ по бассейнамъ рѣкъ Днѣпра и Дона, послѣ ихъ вытѣсненія съ Кавказа воинственными племенами Арабовъ. Основываясь на этомъ и принимая во вниманіе характерныя особенности найденныхъ предметовъ домашняго обихода, архивная коммиссія признала обнаруженныя раскопками подземелья археологическими памятниками пребыванія Хозаръ въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губерніи.—*Воронежецъ.*

Нов. Время 3 авг., № 11275. Ср. *Нов. Время* 2 іюля, № 11243; *Воронежскій Телеграфъ* 22 іюля, № 159; Vossische Zeitung 23 августа.

Образовательная поѣздка кадетъ Воронежскаго корпуса въ 1907 г. Въ видахъ особеннаго интереса, какой въ текущемъ году представляютъ археологическія раскопки Воронежской ученой архивной комиссіи въ окрестностяхъ Маяцкаго городища (Воронежской губ. Острогожскаго у., близъ Дивногорскаго монастыря), директоръ кадетскаго корпуса воспользовался рѣдкимъ случаемъ ознакомить кадетъ какъ съ производствомъ научныхъ раскопокъ, такъ и съ добытыми путемъ раскопокъ памятниками древности.

Поѣздка заняла трое сутокъ, 14—16 іюня. Кадеты выѣхали по жел. дорогѣ до Дивногорской платформы, съ директоромъ г-мъ А. А. Агаповымъ во главѣ, при офицерахъ воспитателяхъ, изъ которыхъ подполковникъ В. Д. Языковъ руководилъ раскопками вмѣстѣ съ А. И. Мартиновичемъ, старшимъ врачемъ корпуса, и свящ. С. Е. Звѣревымъ. Кадеты принимали непосредственное участіе въ раскопкахъ, дѣлали снимки, вели дневники. Археологическая экскурсія, по новизнѣ интереса и несомнѣнной пользѣ для кадетъ, надолго запечатлится въ памяти кадетъ.—*N.*

Воронежскій Телеграфъ 22 іюля, № 159.

Вятская губернія.

Въ деревнѣ Старковской крестьяне братья Старковы, производя постройку на своемъ дворѣ, наткнулись на глиняный горшокъ, закопанный на четверть аршина въ землѣ. При прикосновеніи къ нему, онъ развалился и изъ него высыпалось 10⁷/₈ ф. серебряной монеты съ надписью «Царь Иванъ всея Руси».

Харьк. Губ. Вѣд. 24 окт., № 262. Ср. *Прикамскій Край* 28 окт., № 80.

Иркутская губернія.

Извозчикомъ, во время купанія лошади при впаденіи Каи въ Иркутъ, недалеко отъ Сенюшкиной горы, совершенно случайно найдены мѣдныя монеты двухкопеечнаго достоинства 1812—13 г.г. и пятикопеечнаго 1831—32 г.г. Монеты лежали въ жестяной, сильно отъ времени проржавленной банкѣ. Всего монетъ было 30 фунт., изъ числа которыхъ 12 ф. нашедшимъ было сдано въ Иркутское казначейство, а остальныя проданы по разнымъ мастерскимъ, очевидно, на мѣдь. Жестянка съ монетами находилась совсѣмъ почти на поверхности земли.

Иркутскія Вѣд. 11 іюля, № 4694.

Кіевская губернія.

Раскопки у Десятинной церкви. Въ теченіе нынѣшняго лѣта хранителемъ Кіевскаго музея древностей и искусствъ В. В Хвойкой производятся обширныя раскопки въ усадьбѣ М. М. Петровскаго. Усадьба эта, лежащая рядомъ съ Десятинной церковью, занимаетъ сѣверо-восточный уголъ древнѣйшаго кіевскаго «города», т. е. города эпохи первыхъ князей-Рюриковичей, до св. Владиміра включительно. Въ саду этой обширной усадьбы, огибающей усадьбу Десятинной церкви съ двухъ сторонъ, до сихъ поръ сохранился, у обрыва горы, обращеннаго къ усадьбѣ А. П. Слинко, единственный въ Кіевѣ отрѣзокъ древнѣйшаго вала, окружавшаго этотъ городъ. Съ вершины этого вала, лежащаго выше паперти Андреевской церкви, открывается чудный видъ на Подолъ, Днѣпръ и Заднѣпровье. Валъ, окружавшій древнѣйшій кіевскій «городъ», уничтожался постепенно, въ теченіе долгихъ вѣковъ. Значительная часть вала была снесена въ XVII вѣкѣ, когда устраивался Андреевскій спускъ. Нѣсколько другихъ отрѣзковъ вала исчезло уже въ позднѣйшее время. Въ XIX вѣкѣ усадьба г. Петровскаго тоже имѣла свою исторію. Въ 1820—1830-хъ годахъ она принадлежала строителю Десятинной церкви гвардіи поручику Анненкову, который велъ здѣсь раскопки въ поискахъ за кладами. Раскопки эти велись крайне неумѣло и ненаучно. Позже усадьба была во владѣніи извѣстнаго путешественника по Святымъ мѣстамъ и писателя А. Н. Муравьева. Теперешній владѣлецъ усадьбы купилъ ее у Черныша, который пріобрѣлъ ее отъ наслѣдниковъ Муравьева. Пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ и просвѣщеннымъ отношеніемъ къ дѣлу М. М. Петровскаго, В. В. Хвойко началъ въ его усадьбѣ раскопки весной нынѣшняго года и ведетъ съ большой энергіей все лѣто. Оказалось, что значительная часть площади раскопокъ была уже разрушена и погублена для науки поисками Анненкова. Постоянно приходилось наталкиваться на слѣды проведенныхъ имъ траншей и только по сторонамъ отъ нихъ удавалось обнаружить остатки старины, представляющіе глубокій интересъ. Подробное описаніе раскопокъ и находокъ составитъ предметъ спеціальнаго труда В. В. Хвойки. Мы укажемъ лишь главные результаты раскопокъ.

Къ сѣверу и къ западу отъ Десятинной церкви были обнаружены остатки древнѣйшихъ деревянныхъ и каменныхъ строеній. Фундаменты двухъ каменныхъ палатъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Фундаменты одного зданія лежатъ къ западу отъ церкви. По остаткамъ богатой стѣнной росписи (фрески) можно думать, что это былъ дворецъ какого-нибудь князя или виднаго сановника того времени. Къ сожалѣнію, не весь фундаментъ этой постройки раскопанъ (продолженіе фундамента идетъ въ другую усадьбу). Еще болѣе интересны обширные фундаменты, открытые къ сѣверо-востоку отъ Десятинной церкви, въ той части усадьбы, которая обращена къ началу Владимірской (называвшейся здѣсь раньше Десятинной) улицы. Мѣстоположеніе этихъ фундаментовъ ихъ обширность и солидность, составъ и кладка фундаментовъ,

указывающая на ихъ болѣе глубокую древность, чѣмъ Десятинная церковь постройки св. Владиміра, стѣнныя фрески, литой цементный полъ и т. д., все это приводитъ компетентныхъ лицъ, осматривавшихъ раскопки, къ тому заключенію, что это—«княжой дворъ», остатки древнѣйшаго великокняжескаго дворца, терема св. Ольги.

Въ другомъ мѣстѣ были найдены «мастерскія», въ которыхъ изготовлялись великолѣпные изразцы, покрытые плотной стекловидной массой и напоминающіе издѣлія древняго Востока, металлическія украшенія съ эмалью, бусы изъ дорогихъ металловъ и т. д. Каменныя формы для отливки, печи и тигли для плавленія металловъ сохранились въ большомъ количествѣ и представляютъ большой научный интересъ. Отмѣтимъ въ особенности прекрасныя формы для крестовъ-энколпіевъ, со славянскими надписями. Здѣсь-же нашли куски эмали (не въ дѣлѣ). Все это указываетъ, что мастерскія прекратили свое существованіе внезапно. Эти находки доказываютъ окончательно, что ювелирно-эмалевое производство стояло въ древней Руси на большой высотѣ.

Находка громаднаго интереса была сдѣлана 17 августа. Въ этотъ день на самомъ краю сохранившейся площади древняго «города» (около Владимірской улицы) была открыта братская могила. Въ ней было зарыто громадное количество людей всѣхъ возрастовъ. Черепа нѣкоторыхъ разсѣчены или разломаны. Повидимому, это—одна изъ могилъ жертвъ татарскаго нашествія. Надъ этой грудой скелетовъ лежалъ татаринъ, характерный монгольскій черепъ котораго былъ пробитъ страшнымъ ударомъ боевого топора. Между костями защитниковъ Кіева былъ найденъ большой (въ 1 аршинъ) запрестольный крестъ, выкованный изъ желѣза и обтянутый серебромъ съ украшеніями. Въ средней части креста—медальонъ съ изображеніемъ святого и надписью по гречески: «Святой Ѳеодоръ». Крестъ, по опредѣленію извѣстнаго знатока русскихъ и византійскихъ древностей академика Н. П. Кондакова, греческой работы X вѣка. Трудно сказать съ полной опредѣленностью, изъ какой церкви была взята эта святыня. Но если вспомнить, что Десятинная церковь, по словамъ лѣтописи, построена на мѣстѣ мученической кончины варяга-христіанина Ѳеодора и его сына, то само собой является предположеніе, что византійскій крестъ X вѣка съ изображеніемъ одноименнаго святого, служилъ запрестольнымъ крестомъ именно этой древней церкви и такимъ образомъ, является современникомъ принятія Русью христіанства... Возможно, что послѣдніе защитники Кіева, какъ извѣстно, оборонявшіеся въ Десятинной церкви, защищались съ этимъ крестомъ въ рукахъ и вмѣстѣ съ нимъ были погребены. Раздробленные и разсѣченные черепа взрослыхъ и дѣтей, погребенныхъ въ братской могилѣ, указываютъ, что здѣсь была звѣрская бойня...

Раскопки В. В. Хвойки посѣтили и знакомились съ ихъ результатами извѣстные ученые археологи: академикъ Н. П. Кондаковъ, хранитель Императорскаго Эрмитажа Я. И. Смирновъ, профессоръ Айналовъ, предсѣдатель Кіевскаго общества древностей и искусствъ Б. И. Ханенко, архитекторъ Щусевъ и др. Постоянными сотрудниками В. В. Хвойки по производству раскопокъ были члены Императорскаго русскаго археологическаго общества С. А. Мазараки и К. В. Хилинскій, докторъ Е. Г. Черняховскій и другіе. Раскопки еще не закончены.

Кіевлянинъ 21 авг., № 230; *Колоколъ* 11 окт., № 499; *Русское Чтеніе* 18 іюля, № 154; *Нижегор. Церковно-Обществ. Вѣстн.* 9 сент., № 36; *Армія* 10 авг., № 32; *Новое Время* 21 авг., № 11293 и 25 сент., № 11328; *Голосъ Кавказа* 1 іюля, № 336; *Галичанинъ* 1 сент.; *Спб. Вѣд.* 1 сент., № 193; *Историч. Вѣстникъ*, октябрь.

Открытіе новыхъ пещеръ въ Межигорьѣ. Мѣстность, прилегающая къ Межигорскому монастырю, въ послѣдніе годы обратила на себя вниманіе археолога А.К. Хребтова, который занялся изслѣдованіемъ этой мѣстности.

Результатомъ этихъ изслѣдованій явилась раскопка существующихъ пещеръ на одной изъ возвышенностей близъ монастыря, гдѣ существовалъ въ древности храмъ. Въ настоящее время отъ этого храма не осталось уже слѣдовъ, такъ какъ два года тому назадъ послѣдніе остатки каменнаго фундамента храма сползли съ горы. А. К. Хребтовымъ была очищена и изслѣдована пещера въ горѣ, находившаяся близъ этого храма. Въ настоящее время при дальнѣйшихъ раскопкахъ въ этой мѣстности А. К. Хребтовъ открылъ еще два интересныхъ хода на Пекарпитской или Пещерной горѣ въ Анастасіевской пещерѣ; ходы эти не особенно большіе, въ 7—8 арш. длины, высотой и шириной около 1½ арш., видимо служившіе когда-то для братіи жилищемъ—кельями; въ главной галлереѣ пещеры, на разстояніи сажени отъ ея конца, на глубинѣ четвертей двухъ-трехъ найденъ глиняный горшокъ, наполненный серебряными монетами до-Петровскаго періода, количествомъ свыше 1500 штукъ. Все это препровождено въ Императорскую археологическую коммиссію.

Кіевлянинъ 4 окт., № 305.

Курская губернія.

Раскопки Курской ученой архивной коммиссіи въ Курскомъ уѣздѣ въ маѣ и іюнѣ 1907 года. Курская ученая архивная коммиссія еще въ 1906 г. задумала произвести археологическія изысканія въ Курской губерніи. Въ маѣ и іюнѣ текущаго года это намѣреніе коммиссіи было осуществлено: по ея приглашенію, приватъ-доцентъ Харьковскаго университета В. Е. Данилевичъ изслѣдовалъ въ археологическомъ отношеніи часть Курскаго уѣзда. Въ этой экскурсіи все время участвовалъ предсѣдатель коммиссіи А. Н. Кобылинъ, а при нѣкоторыхъ изысканіяхъ присутствовали также члены коммиссіи: Н. Н. Лоскутовъ, Н. И. Златоверховниковъ и К. Н. Родіоновъ.

Работы начались около д. Лукиной раскопкой меньшаго изъ двухъ находящихся тамъ кургановъ. Раскопка материка установила, что курганъ насыпанъ надъ глубокой ямой, но ни погребенія, ни какихъ-либо предметовъ въ немъ не обнаружено. Кромѣ того, въ этомъ же раіонѣ было осмотрѣно Гнѣздиловское городище въ усадьбѣ г. Моисеева. Внѣшній видъ его, характеръ встрѣчающихся на немъ черепковъ и типъ погребеній, найденныхъ около него В. П. Каньшинымъ, позволяютъ отнести его къ числу славянскихъ городищъ великокняжеской эпохи (XI—XII ст.). Относительно-же кургановъ, расположенныхъ на земляхъ г.г. Моисеева и Семенова, безъ раскопки трудно высказать опредѣленное заключеніе [1]).

Но главныя изысканія сосредоточились въ окрестностяхъ д. Липина. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе памятники славянской старины великокняжеской эпохи: обширное городище великолѣпной сохранности и расположенное около него громадное селище, т. е. мѣстность, гдѣ жили въ мирное время славяне, соорудившіе это укрѣпленіе для защиты отъ нападеній непріятелей. Кромѣ того, условія мѣстности, богатой и теперь рыбой, а раньше, несомнѣнно, изобиловавшей также дикими звѣрями, позволяютъ предполагать, что тутъ имѣются остатки становищъ (стоянки) доисторическаго человѣка позднѣйшаго періода каменной культуры, т. е. такъ называемой неолитической эпохи. Наконецъ около д. Липина мѣстные жители указываютъ мѣстность, гдѣ находился въ сравнительно позднее время христіанскій монастырь.

Работы начаты были раскопкой селища, которая велась довольно длинной и широкой траншеей. Раскопкой обнаружены двѣ круглыя ямы, напол-

---

[1]) За отсутствіемъ владѣльцевъ, раскопки не могли быть произведены.

ненныя свѣтлой землей съ прослойками мелкаго угля. Изъ обѣихъ ямъ извлечены многочисленные черепки глиняныхъ сосудовъ и кухонные отбросы, состоявшіе изъ цѣлыхъ, расколотыхъ и обгорѣвшихъ костей различныхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ и птицъ. Отсутствіе дерева и небольшіе сравнительно размѣры обѣихъ ямъ не позволяютъ признать ихъ за остатки землянокъ. Скорѣе всего здѣсь мы имѣемъ дѣло или съ тѣми ямами—погребами, въ которыхъ славяне прятали хлѣбъ, пищевые продукты и даже вещи, или съ сорными ямами, служившими для удаленія всякихъ отбросовъ. Раскопка доставила многочисленные и разнообразные предметы обихода прежнихъ обитателей этого селища. При этомъ нижніе слои доставили типичныя вещи неолитической эпохи, а изъ верхнихъ пластовъ были извлечены остатки позднѣйшихъ насельниковъ этихъ мѣстъ—славянъ. Неолитическіе предметы менѣе численные и состоятъ изъ двухъ костяныхъ шилъ и черепковъ глиняныхъ сосудовъ грубой работы. Славянскія древности, добытыя этой раскопкой, относятся къ велико-княжеской эпохѣ (XI пол. XIII ст.) и отличаются большимъ разнообразіемъ и численностью. Такъ, среди нихъ мы видимъ многочисленные обломки стеклянныхъ браслетовъ, которые очень любили славянскія женщины въ указанное время. Тутъ же найдены бронзовыя вещи (крестикъ и т. д.), желѣзные предметы (стрѣла, топорикъ, ножи, гвозди и проч.), различныя подѣлки изъ кости (черенки и т. д.) и камня (точильный брусокъ, пряслица и проч.) и многочисленныя издѣлія изъ глины (грузила, пряслица и черепки различныхъ сосудовъ). На селищѣ раскопано также славянское погребеніе. Кромѣ черепковъ, при скелетѣ иныхъ вещей не найдено.

На городищѣ раскопка велась одновременно въ трехъ мѣстахъ съ помощью траншей. Раскопка обнаружила, что первоначальная почва городища была песчаной, но впослѣдствіи здѣсь была устроена насыпь изъ черной, повидимому, болотной земли. При этомъ мысъ, занятый городищемъ, былъ отрѣзанъ рвомъ отъ мѣстности селища и склоны его искусственно укрѣплены. Тутъ, какъ и на селищѣ, обнаружилось, что первоначально въ этихъ мѣстахъ были стоянки неолитическаго человѣка, остатками котораго являются найденныя здѣсь подѣлки изъ кости (шила и проч.), каменныя орудія (отбойникъ, полировочникъ) и различные черепки глиняныхъ сосудовъ. Много позднѣе поселились здѣсь славяне. Они въ значительной степени уничтожили слѣды предшествующихъ обитателей этой мѣстности. Раскопка показала, что неолитическій человѣкъ возводилъ четырехугольныя землянки съ очагами изъ мѣстнаго известняка, но остатки ихъ были въ значительной степени сглажены позднѣйшими славянскими сооруженіями: четырехугольными землянками и круглыми ямами. Инвентарь славянскихъ древностей, добытыхъ при раскопкѣ городища, въ общемъ одинаковъ съ находками на селищѣ.

Раскопка селища и городища и предметы, собранные на поверхности селища, позволяютъ заключить, что въ великокняжескую эпоху славяне жили просто, но далеко не отличались дикостью. Они имѣли постоянныя поселенія, занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ, охотой, рыбной ловлей, знали различныя ремесла и имѣли склонность къ различнымъ украшеніямъ изъ стекла и металловъ. Судя по присутствію натѣльныхъ крестовъ, среди славянъ, обитавшихъ въ этой мѣстности, было распространено христіанство.

Осмотръ урочища Пыхтино (Подкатырино тожъ) обнаружилъ, что здѣсь была стоянка неолитическаго человѣка. Мѣстность, весьма типичная для стоянокъ, представляетъ песчаный берегъ р. Сейма. На пескѣ собраны различныя каменныя орудія (пилы, скребки, отбойники) и многочисленные черепки глиняныхъ сосудовъ. Присутствіе отбойниковъ, отбивныхъ осколковъ и глинянаго правила для выдѣлки сосудовъ показываетъ, что какъ каменныя орудія, такъ и глиняные сосуды производились здѣсь неолитическимъ человѣкомъ. Кромѣ того, на стоянкѣ обнаружены нѣкоторые предметы, свидѣ-

тельствующіе о томъ, что они посѣщались человѣкомъ и въ позднѣйшее время. Такъ, тутъ найдены трехгранная бронзовая стрѣлка, весьма типичная для скиѳской эпохи, и черепки глиняныхъ сосудовъ, вполнѣ аналогичныхъ славянскимъ гончарнымъ издѣліямъ (керамикѣ) съ селища и городища.

Мѣстность, гдѣ находился монастырь, представляетъ песчаный бугоръ, расположенный среди болота. Осмотромъ ея обнаружено, что тутъ первоначально находилась стоянка неолитическаго человѣка, сильно поврежденная позднѣйшими сооруженіями. Вслѣдствіе этого неолитическая керамика представлена небольшимъ черепочкомъ. Многочисленнѣе представлены каменныя орудія, изъ которыхъ найдены: отбивные наконечники стрѣлъ, пилы, ножикъ, сверло, скребки и осколки. Еще малочисленнѣе находки великокняжеской эпохи: къ этому времени можно отнести два обломка стекляннаго и бронзоваго браслетовъ. Но зато остатки монастырскаго быта многочисленны и разнообразны. Они состоятъ изъ металлическихъ вещей (кресты, монеты XVII—XVIII ст., пуговицы и проч.), стеклянныхъ издѣлій (посуда и пр.), матерій и т. д. Но особенно въ большомъ количествѣ встрѣчаются архитектурные предметы: кирпичи, изразцы, оконныя стекла, гвозди и проч. На этомъ мѣстѣ теперь обнаруживается иногда кирпичная кладка на извести.

Наконецъ, при осмотрѣ этой мѣстности были найдены на небольшой глубинѣ двѣ могилы. Скелеты погребены были въ деревянныхъ гробахъ, при чемъ на одномъ изъ нихъ были найдены значительные куски одежды и двѣ стеклянныхъ бусы, вѣроятно четки, а на другомъ сохранился небольшой кусочекъ матеріи и остатки волосъ.

По указанію приватъ-доцента В. Е. Данилевича, мѣстные жители доставили также предметы, находимые на урочищѣ Моховомъ. Эта мѣстность представляетъ песчаный бугоръ, вдающійся въ болото съ двухъ сторонъ. Разсмотрѣніе доставленныхъ отсюда вещей показало, что первоначально на этомъ мѣстѣ находилась неолитическая стоянка. Изъ остатковъ неолитическаго человѣка съ этой стоянки особенное вниманіе обращаетъ на себя кремневая стрѣлка тонкой отбивки. Прочія вещи аналогичны найденнымъ на описанныхъ выше стоянкахъ. Въ великокняжескую эпоху на этомъ урочищѣ было славянское поселеніе, отъ котораго сохранились найденные здѣсь обломки бронзовыхъ колецъ и браслетовъ, стеклянныя бусы и пр.

Въ заключеніе можно сказать, что окрестности д. Липина представляютъ выдающійся научный интересъ. Найденныя тутъ древности показываютъ, что эти мѣста были обитаемы людьми самыхъ разнообразныхъ культуръ въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Можно только пожелать, чтобы впредь мѣстные жители не уничтожали находимыхъ тутъ памятниковъ старины, а доставляли ихъ въ музей, дѣлая доступными наукѣ.

Курскія Губ. Вѣд. 12 іюля, № 148.

Путивль. Забытый городъ, а между тѣмъ онъ дышитъ глубокой, древней стариной... Тысячи преданій свили въ немъ себѣ гнѣздо. Заложенный, по сказанію, за годъ до основанія Москвы, онъ получилъ свое названіе потому, что служилъ путемъ изъ «странъ варяжскихъ въ Греки». Оригинально, что современный Путивль не имѣетъ ничего общаго со своимъ древнимъ наименованіемъ. Напротивъ, какъ всѣ уѣздные города, онъ осенью и весной страдаетъ полной бездорожицей; по настоятельному желанію гражданъ онъ обойденъ и желѣзной дорогой. Историческое прошлое Путивля сосредоточилось на «городкѣ», возвышенности надъ Сеймомъ, гдѣ нѣкогда стоялъ «тынъ» или городское укрѣпленіе, отъ котораго остались однѣ развалины. Здѣсь, по преданію, «кичила» Ярославна, посылая на утренней зарѣ свои слезы милому своему князю Игорю, плѣненному Половцами. Къ сожалѣнію, съ исторической славою прошлаго

«мудрые чепцы» города обошлись чрезвычайно непринужденно, построивъ тюрьму на самомъ видномъ мѣстѣ...

Мѣстность, въ которой расположенъ Путивль, чрезвычайно живописна. Весь онъ разбросанъ на холмахъ, у подножья которыхъ Сеймъ опоясываетъ его бѣлыя стѣны какъ бы голубой лентой. Рѣка извилиста, широка, разливы ея бываютъ обильны, но она недостаточна для судоходства.

Говорятъ, что въ прежнія времена по ней ходили баржи, нагруженныя товарами; но времена тѣ прошли, «Семь» обмелѣла, и только лодки мелькаютъ по ея теченію въ яркіе солнечные дни или волшебными лунными ночами. Въ городѣ много богатыхъ старинныхъ церквей, древній соборъ, напоминающій св. Софію въ Кіевѣ, посѣщаемый археологами и любителями русской старины.

Недалеко отъ дома, гдѣ мы живемъ, стоитъ древній монастырь съ чудотворной иконой. Стѣны его бѣлѣютъ въ зелени садовъ, и старинные часы на башнѣ играютъ четверти. Уныло, протяжно тянется надъ сонной рѣкой и спящимъ городомъ этотъ звонъ, замирая далеко вдали: въ душѣ пробуждаются глубокія завѣтныя чувства, напоминая о вѣчности, о суетности жизни. Монастырь этотъ бѣденъ. Иноковъ въ немъ мало. Но онъ богатъ исторической славой и великою ролью, которую сыгралъ какъ оплотъ православія въ самыя тяжкія для него времена. Монахи охотно показываютъ рѣдкости, хранящіяся въ ризницѣ ихъ обители: воздухи, вышитые Натальей Кирилловной Нарышкиной, Евангеліе на польскомъ языкѣ, принадлежавшее роду Мнишекъ, богатыя церковныя облаченія, принесенные въ даръ монастырю русскими царями и царицами, кресло Димитрія Самозванца, который искалъ убѣжища въ его стѣнахъ отъ преслѣдованія враговъ и будто бы спасся отъ нихъ подземными ходами подъ Сеймомъ, которые сохранились въ полуразрушенномъ видѣ и по нынѣшнія времена. На стѣнѣ храма показываютъ походный образъ Богоматери, принадлежавшій также Самозванцу. И до сихъ поръ живо преданіе о томъ, что опальная царевна Софья нѣкоторое время содержалась въ заточеніи въ стѣнахъ Путивля.

Но едва ли не самой интересной изъ монастырскихъ curiosités является небольшая заброшенная молельня въ одной изъ старыхъ башенъ, куда приходится подниматься по крутой лѣсенкѣ, сдѣланной въ стѣнѣ, въ сопровожденіи монаха съ факеломъ. Жутко становится, когда послѣ короткаго, но утомительнаго перехода по темной лѣстницѣ попадаешь неожиданно въ молельню, единственнымъ украшеніемъ которой служитъ грубо выточенная изъ дерева фигура Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, раскрашенная пестрыми аляповатыми красками. Облаченный въ синій хитонъ, Христосъ сидитъ на деревянномъ креслѣ совершенно примитивной работы. Есть что-то наивное и вмѣстѣ съ тѣмъ до нельзя грубое въ этомъ олицетвореніи высшаго для насъ идеала. Впечатлѣніе выносишь подобное тому, которое производятъ древнія иконы съ изображенными на нихъ дьяволами, рыбами, зміями и китами съ открытыми пастями, готовыми пожрать все грѣховное человѣчество.—*Марія Ковалевская.*

Новое Время 25 іюля, № 11266.

Московская губернія.

Историческія зданія (изъ исторіи кремля). Въ кремлѣ, около Успенскаго собора, находится домъ, построенный знаменитымъ патріархомъ Никономъ въ 1655 году, какъ разъ въ то время, когда царь Алексѣй Михайловичъ былъ на войнѣ и завоевалъ городъ Вильну. Когда царь вернулся изъ побѣдоноснаго похода, патріархъ Никонъ вышелъ изъ своего только что построеннаго дома и благословилъ царя.

Домъ патріарха имѣетъ три этажа. Въ 1639 году въ немъ находилась «Славяно-греко-латинская академія». Патріархъ Никонъ устроилъ въ сооруженномъ имъ зданіи Крестовую палату; въ ней патріархи встрѣчали царя, когда онъ, въ дни своихъ именинъ, приходилъ къ патріарху съ пирогомъ. Въ этой палатѣ Никонъ былъ судимъ вселенскими патріархами.

Рядомъ съ Крестовою палатой находится церковь двѣнадцати апостоловъ и патріаршая библіотека, драгоцѣнная коллекція книгъ, собранныхъ въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ царями, патріархами и митрополитами московскими.

Іоаннъ III-й первый началъ пополнять библіотеку драгоцѣнными книгами и рукописями. Вмѣстѣ съ царевной Софіей, невѣстой Іоанна III-го, въ Москву пріѣхали образованные греки и итальянцы; они были первыми разсадниками просвѣщенія въ древней Москвѣ. У грековъ было съ собою большое количество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, великій князь Василій Іоанновичъ, довольно образованный для своего времени, пригласилъ въ Москву аѳонскаго монаха Максима Грека. Онъ прибылъ въ Москву въ 1518 году.

Максимъ Грекъ имѣлъ обширное образованіе: онъ учился въ итальянскихъ университетахъ, владѣлъ многими языками, въ томъ числѣ древнегреческимъ и латинскимъ, а русскому языку выучился по пути въ Москву.

Здѣсь ему поручили сдѣлать переводъ съ греческаго языка на русскій религіозныхъ книгъ и рукописей, имѣвшихся въ библіотекѣ великаго князя. Ученому греку было также поручено корректированіе богослужебныхъ книгъ рукописныхъ, наполненныхъ грубыми грамматическими ошибками, сдѣланными переписчиками. Онъ возставалъ противъ суевѣрія, распространеннаго въ темной народной массѣ, старался разрушить всеобщую въ то время вѣру въ астрологію, доказывая, что все совершается только по волѣ Божіей. Просвѣщенный монахъ писалъ много религіозныхъ сочиненій и философскихъ трактатовъ. Въ библіотекѣ Троице-Сергіевой лавры хранится 134 рукописи Максима Грека. Въ свое время онъ много сдѣлалъ для русскаго просвѣщенія.

Увидя библіотеку московскаго великаго князя, Максимъ Грекъ воскликнулъ въ восхищеніи: «Такого собранія сокровищъ я не видѣлъ ни во Франціи, ни въ Германіи, ни въ Греціи»! Онъ потрудился надъ приведеніемъ въ порядокъ патріаршей библіотеки. Гнусные люди, видя расположеніе великаго князя къ Максиму Греку, пустили въ ходъ подлые наговоры и грязную клевету. Люди рождаются съ сильной наклонностью дѣлать зло, и низость лежитъ въ ихъ натурѣ. Зло, какъ это бываетъ всегда, восторжествовало. Максимъ Грекъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь. Въ 1551 году онъ былъ освобожденъ. Вскорѣ послѣ своего освобожденія, онъ на соборѣ краснорѣчиво обличалъ еретиковъ. Максимъ Грекъ скончался въ 1556 году. Имя его занесено на страницы русской исторіи.

Патріархъ Никонъ заботился о расширеніи патріаршей библіотеки. Въ 1654 году онъ послалъ на Востокъ ученаго монаха Арсенія Суханова за греческими и славянскими «древлеписанными» книгами Въ 1655 году Сухановъ привезъ съ собою въ Москву болѣе 500 рукописей, которыя поступили въ патріаршую библіотеку. Въ ней до сихъ поръ хранятся книги серьезнонаучнаго содержанія, рукописи историческія, археологическія и разныя популярныя общедоступныя сочиненія

Среди сокровищъ патріаршей библіотеки находятся: Евангеліе двѣнадцатаго вѣка, литургія Василія Великаго, писанная на свиткѣ, Псалтирь, переведенный Максимомъ Грекомъ въ 1692 году, житія св. отцовъ, собранныя и переписанныя митрополитомъ Макаріемъ при царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ. Здѣсь же имѣются собственноручныя письма царя Ѳеодора Алексѣе-

вича къ патріарху Іоакиму и писанныя Петромъ Великимъ письма къ патріарху Адріану. Затѣмъ много крестовъ, утвари, образовъ и мн. др. Въ этой библіотекѣ находится 511 греческихъ и болѣе тысячи славянскихъ грамотъ и пр. рукописей.

Надъ вышеупомянутой церковью двѣнадцати апостоловъ помѣщается патріаршая ризница; въ ней хранится много разной утвари, одежды патріарховъ, 79 митръ, 27 клобуковъ и пр. Саккосъ митрополита, вѣсомъ 1½ пуда, два саккоса митрополита Фотія, привезенные имъ въ 1408 г. изъ Константинополя; на одномъ изъ нихъ нанизано болѣе 65 тысячъ жемчужинъ. Мѣдный перстень съ синимъ стекломъ, съ изображеніемъ дракона. Перстень полученъ митрополитомъ св. Алексѣемъ въ подарокъ отъ татарскаго хана Чанибека въ 1354 году.

Въ патріаршей ризницѣ хранятся сосуды для мvроваренія, которое бываетъ въ Крестовой палатѣ, находящейся рядомъ съ церковью двѣнадцати апостоловъ [1]).

Такъ же, какъ и патріаршій домъ, въ кремлѣ, около Успенскаго собора находится Грановитая палата. Строили ее, по повелѣнію великаго князя Іоанна III-го, Маркъ и Петръ Фрязины съ 1473 года по 1490 г. Названа она Грановитой потому, что съ наружной стороны она вся покрыта гранями. Внутри этой палаты стоитъ большая колонна, подпирающая сводъ; на ней лѣпныя птицы, звѣри и пр. животныя. Тутъ-же бронзовая вызолоченная рѣшетка съ подсвѣчниками въ нѣсколько рядовъ. Съ лѣвой стороны входа мѣста для музыкантовъ, а съ правой стороны, на нѣкоторомъ возвышеніи, стоятъ два трона подъ роскошнымъ бархатнымъ балдахиномъ, обдѣланнымъ золотой бахрамой и украшеннымъ висящими кистями. Стѣны палаты обиты темно-малиновымъ бархатомъ. Въ простѣнкахъ между окнами вызолоченные мѣдные гербы. Въ сторонѣ противоположной трону, въ самомъ верху, сдѣлано небольшое отверстіе, занавѣшанное бархатомъ. Отсюда царицы и царевны, невидимыя никѣмъ, смотрѣли на пріемы иностранныхъ пословъ и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Какъ извѣстно, до Петра Великаго женщины не могли появляться среди мужчинъ и жили въ особыхъ теремахъ.

Грановитая палата имѣла значеніе современнаго троннаго зала. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, покоривъ Казань въ 1552 году, три дня пировалъ въ Грановитой палатѣ среди своихъ соратниковъ, ближнихъ бояръ и иностранныхъ пословъ. Здѣсь онъ щедро награждалъ отличившихся воеводъ. Въ общемъ, на эти награды ушло около пятисотъ пудовъ серебра.

Въ Грановитой палатѣ царь Борисъ Годуновъ торжественно принималъ жениха своей дочери Ксеніи, датскаго королевича Іоанна. Царь Борисъ, принявъ юнаго принца, щедро одарилъ сопровождавшую его свиту, удивленную роскошью и пышностью двора русскаго царя. Въ тотъ самый день, въ который королевичъ Іоаннъ пріѣхалъ въ Москву, царь послалъ ему царскій столъ, сто золотыхъ большихъ блюдъ, столько же золотыхъ кубковъ, чашъ и стопъ, а также множество разныхъ дорогихъ заморскихъ напитковъ. Въ день, назначенный для пріема знатнаго гостя, царь Борисъ облачился въ роскошныя царскія одежды. Въ ожиданіи онъ стоялъ въ Грановитой палатѣ подъ роскошнымъ балдахиномъ, на возвышеніи, въ пурпуровой бархатной порфирѣ, унизанной крупнымъ жемчугомъ и разноцвѣтными драгоцѣнными камнями; на головѣ его была корона съ такими же камнями, загоравшимися разноцвѣтными огоньками; на дорогихъ оплечьяхъ, бывшихъ на царѣ, сверкали брилліанты, рубины, изумруды и проч. Царь былъ окруженъ боярами въ праздничныхъ одеждахъ. Тутъ же находился и царевичъ Θеодоръ.

---

[1]) Слѣдующее въ статьѣ подробное описаніе мvроваренія опущено. *Ред.*

Царь недолго ожидалъ. Въ палату вошелъ сопровождаемый блестящей свитой королевичъ. На немъ тоже была бархатная порфира. Царь и королевичъ дружески привѣтствовали другъ друга. Послѣ этого царь Борисъ Ѳеодоровичъ взялъ за руку своего юнаго гостя и подвелъ къ приготовленному тутъ же въ палатѣ столу: оба усѣлись на царскія золотыя кресла; столъ же былъ изъ серебра съ золоченымъ подножіемъ. На столбѣ, надъ царскимъ столомъ, висѣла корона съ боевыми часами внутри. Средняя колонна съ верху до низу была установлена золотыми и серебряными кубками, такими же чашами и всевозможною золотой и серебряной посудой. Въ сосѣдней палатѣ были устроены цѣлыя пирамиды изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ. У входовъ въ палаты стояли офицеры въ одеждѣ иноземныхъ рыцарей. Съ обѣихъ сторонъ царскаго трона, какъ статуи, не шевелясь, стояли рынды съ топориками на плечахъ. За столами сидѣло двѣсти человѣкъ бояръ и иноземныхъ гостей. Обѣдъ отличался разнообразіемъ блюдъ и всевозможными дорогими винами.

Королевичъ Іоаннъ очень полюбился царю и его ближнимъ. Царевичъ Ѳеодоръ не разлучался цѣлые дни со своимъ новымъ другомъ. Но особенно сильное впечатлѣніе королевичъ Іоаннъ произвелъ на царевну Ксенію. Она съ нетерпѣніемъ ждала дня свадьбы. Но своенравная судьба готовила горе и несчастье семейству Годуновыхъ. Принцъ Іоаннъ тяжко заболѣлъ и вскорѣ неожиданно для всѣхъ скончался. Это было началомъ бѣдъ, разразившихся надъ Годуновыми.

Дмитрій Самозванецъ подходилъ къ Москвѣ, мятежные бояре измѣняли Годунову и переходили на сторону Самозванца. Смута была въ полномъ разгарѣ. Вскорѣ послѣдовала таинственная смерть царя Бориса и умерщвленіе сына его, царевича Ѳеодора, царевну же Ксенію Самозванецъ сдѣлалъ своей любовницей, а затѣмъ заточилъ ее въ монастырь. гдѣ она и умерла.

Входъ въ Грановитую палату идетъ черезъ Красное крыльцо. Эпитетъ «красное», данный этому крыльцу, имѣетъ такое же значеніе, какъ и «хорошій»; это слово народное, такъ, напримѣръ, хорошій день народъ называлъ «краснымъ», такъ же народъ иногда называлъ и лѣто и проч. Краснымъ упомянутое крыльцо названо за свою красивую архитектуру. Это крыльцо имѣетъ свое историческое прошлое. Сюда выходили къ народу цари. Здѣсь же играли царскія дѣти въ хорошіе лѣтніе дни. Иногда цари, послѣ вечерни, на Красномъ крыльцѣ бесѣдовали съ митрополитомъ или же съ ближними боярами.

Отъ Іоанна III до послѣдняго времени съ Краснаго крыльца цари шествовали въ Успенскій соборъ короноваться.

Послѣ обряда священнаго коронованія цари шли въ Грановитую палату черезъ Красное крыльцо. Въ Грановитой же палатѣ въ тотъ день цари обѣдали въ присутствіи важныхъ вельможъ.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи, около Троицкихъ и Боровицкихъ воротъ находились разныя дворцовыя хозяйственныя постройки. Недалеко отъ нихъ были Кормовой, Сытный и Хлѣбный дворцы со множествомъ службъ.

Во времена царя Михаила Ѳеодоровича многія изъ этихъ построекъ были перенесены въ другія мѣста, а на ихъ мѣстѣ выстроили зданіе, въ которомъ помѣщалась «Потѣшная палата» или «Потѣшный дворецъ». Впослѣдствіи царь подарилъ это зданіе своему тестю Ильѣ Даниловичу Милославскому. Здѣсь часто, въ присутствіи царя и его ближнихъ, скоморохи дѣлали «смѣхотворныя хитрости», т. е. разыгрывали разныя сочиненныя ими пьески. Труппа этихъ артистовъ бродила по московскимъ улицамъ и при посредствѣ куколъ передъ толпившимся народомъ давала представленія. Съ собою они носили ширмы, обтянутыя холстомъ. Передъ началомъ «спектакля» «артисты» прятались за свои ширмы, высовывали вверхъ куколъ, которыхъ приводили

въ движеніе посредствомъ веревочекъ и говорили разными голосами, въ то время, какъ куклы выдѣлывали разныя смѣшныя движенія. Еще такъ недавно на улицахъ россійскихъ городовъ можно было видѣть представленія «петрушки»—эти сохранившіяся отъ древнихъ временъ кукольныя комедіи.

Кромѣ смѣхотворныхъ хитростей, въ Потѣшной палатѣ развлекали царя сказочники (бахари), домрачеи-пѣсенники (домра — родъ гитары), шуты, гусельники. Жалованье они получали по тогдашнему времени значительное. Любимый гусельникъ царя, Любимъ Ивановъ, получалъ годовой окладъ 16 руб. 38 к. и платья, сколько слѣдовало.

Послѣ вѣнчанія царя Михаила Өеодоровича на свадебномъ пиру играли скрипоисчики: Онашка, Богдашка Окатьевъ, Нѣмчинъ Арманка да Ивашка Ивановъ.

Часовщики Ансъ и Мельхартъ Луунъ въ 1630 году привезли изъ-за границы соловья и механическую кукушку, при чемъ соловей пѣлъ, какъ натуральный, а кукушка куковала. Царь Михаилъ Өеодоровичъ купилъ эти вещицы за 2676 руб., да сверхъ того голландцы Вууны получили по 40 соболей и хорошее угощеніе. Одинъ изъ Лууновъ, по порученію царя, выучилъ русскихъ мастеровъ дѣлать механизмы въ родѣ упомянутыхъ. Нѣсколько лѣтъ спустя одинъ такой звукоподражательный механизмъ московской работы былъ посланъ царемъ въ подарокъ персидскому шаху.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Потѣшной палатѣ стали разыгрываться мистеріи. Царевна Софья Алексѣевна составила изъ своихъ приближенныхъ дѣвицъ и придворныхъ мужчинъ труппу, которая и исполняла соотвѣтствовавшія роли въ мистеріяхъ. Такъ понемногу Потѣшная палата превратилась въ театръ, на сценѣ котораго ставились исключительно пьесы духовнаго содержанія.

Свѣтскій же театръ, первый въ Россіи, учредилъ Императоръ Петръ Великій. Въ Потѣшномъ дворцѣ жили переводчики изъ Посольскаго приказа; между прочимъ ихъ обязанностью было переводить для царя съ иностранныхъ языковъ «куранты», т. е. газеты.

Императоръ Петръ Великій основалъ первую русскую газету «Куранты», существующую и до нашихъ дней,—это «Московскія Вѣдомости».

Въ 1697 году, послѣ усмиренія стрѣлецкаго бунта, Императоръ Петръ Великій уѣхалъ за границу. Москву Государь ввѣрилъ боярину стольнику князю Өедору Юрьевичу Ромодановскому, главному начальнику Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Ромодановскій перевелъ въ Потѣшный дворецъ полицейскія учрежденія Москвы.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія Потѣшный дворецъ былъ передѣланъ въ квартиру для московскаго коменданта.

Стиль Потѣшнаго дворца не строго выдержанный, а смѣшанный: верхній ярусъ сдѣланъ по типу древнихъ теремовъ; этотъ дворецъ выкрашенъ зеленоватой краской. Въ 1809 году къ дворцу пристроили два каменныхъ корпуса.

Въ Потѣшномъ дворцѣ Петръ Великій получилъ первоначальное образованіе. Въ этомъ дворцѣ жили сестры великаго царя—Софья и Екатерина.—*Москвитянинъ.*

Вѣд. Спб. Градонач. 7 и 8 сент., №№ 195, 196.

Закладка памятника первопечатнику Өедорову. 21-го сентября, въ небольшомъ скверѣ у стѣны Китай-Города, вблизи Третьяковскаго проѣзда, состоялась закладка памятника первопечатнику діакону Ивану Өедорову.

На мѣсто закладки были принесены святыя иконы изъ Троицкой, что на Поляхъ, церкви. Молебствіе съ водоосвященіемъ совершалъ протопресвитеръ Большого Успенскаго собора В. С. Марковъ соборнѣ, при участіи хора пѣвчихъ. Присутствовали: предсѣдатель Императорскаго Московскаго Архео-

логическаго Общества графиня П. С. Уварова, московскій градоначальникъ А. А. Рейнботъ, московскій городской голова Н. И. Гучковъ, предсѣдатели и другія должностныя лица отдѣловъ Археологическаго Общества, представители Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, представители управленія московской сѵнодальной типографіи, представители московскаго общества типографовъ и строители памятника.

Въ концѣ молебствія, по совершеніи водоосвященія, духовенство, графиня Уварова, градоначальникъ, городской голова и другія лица сошли съ лѣстницы въ углубленіе, гдѣ положено начало фундамента. Мѣсто закладки было окроплено св. водой. Секретарь Археологическаго Общества В. К. Трутовскій прочиталъ надпись на металлической доскѣ, гласящую слѣдующее:

«Изволеніемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Св. Духа, при Благочестивѣйшемъ, Самодержавнѣйшемъ Государѣ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, подвиги и тщаніемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, предсѣдателя онаго графини П. С. Уваровой, Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, книжныхъ ревнителей и доброхотныхъ дателей, труды же и снисканіемъ ваятеля С. М. Волнухина, зодчаго И. П. Машкова, литейщика фрязина Робекки, создася памятникъ сей первому дѣла печатныхъ книгъ мастеру діакону Іоанну Ѳедорову Москвитину, въ лѣто отъ сотворенія міра 7415, отъ воплощенія же Бога Слова 1907, мѣсяца септемврія въ 21-й день.

«Наше убо есть еже со смиренномудріемъ просити и начинати, Божіе же есть милостію совершати: Того благодатію и человѣколюбіемъ да пребудетъ се грядущимъ по насъ родомъ въ память и вразумленіе. Аминь».

Эта надпись составлена по тексту изъ послѣсловія Ивана Ѳедорова къ Апостолу съ измѣненіями датъ и лицъ.

Металлическая доска по окропленіи была опущена въ высѣченное углубленіе бѣлаго камня и залита особымъ составомъ, послѣ чего на нее былъ положенъ большой камень. Этимъ закладка закончилась.

Послѣ закладки молебствіе продолжалось, при чемъ послѣ царскаго многолѣтія была возглашена *вѣчная память* священнодіакону Іоанну.

Сооруженіе памятника будетъ закончено весной будущаго года, когда послѣдуетъ открытіе его. Фигура первопечатника будетъ возвышаться на пьедесталѣ изъ сѣро-зеленаго гранита. Діаконъ Иванъ Ѳедоровъ будетъ изображенъ стоящимъ у печатнаго станка и разсматривающимъ первый оттиснутый имъ листъ. Пьедесталъ будетъ состоять изъ трехъ составныхъ частей.

Моск. Вѣд. 29 сент., № 219.

— — —

Необычайный юбилей. 14-го сентября исполнилось 1500 лѣтъ со дня блаженной кончины великаго святителя вселенской православной церкви Іоанна Златоустаго. Въ виду его великихъ заслугъ для церкви и безсмертныхъ твореній, коими всегда съ особою любовью пользовался и пользуется православный русскій народъ, Святѣйшій сѵнодъ полагаетъ почтить исполнившуюся 1500-лѣтнюю годовщину со времени преставленія Святителя торжественнымъ совершеніемъ всенощныхъ бдѣній наканунѣ дня его памяти, 12-го ноября сего года, и божественной литургіи и молебствій Святителю 13-го ноября во всѣхъ православныхъ храмахъ, съ освобожденіемъ въ этотъ день отъ классныхъ занятій учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и церковныхъ школахъ и съ устройствомъ, гдѣ это окажется возможнымъ, чтеній, посвященныхъ жизни и трудамъ великаго Святителя.

Въ честь святителя Іоанна Златоустаго въ Москвѣ имѣется мужской третьеклассный монастырь, находящійся въ Златоустовскомъ переулкѣ, соединяющемъ улицу Мясницкую съ Маросѣйкой.

Годъ основанія монастыря неизвѣстенъ, но все же онъ очень древній, потому что уже упоминается въ лѣтописяхъ 1412 года. Между прочимъ извѣстно, что въ 1479 году великій князь Іоаннъ Васильевичъ, разобравъ монастырскую деревянную церковь во имя св. Іоанна Златоуста, заложилъ каменную, съ пристройкой новой церкви, во имя Тимоѳея Апостола, празднуемаго 22-го января, въ день рожденія великаго князя. Въ послѣдствіи, благодаря вкладамъ царской семьи и частныхъ лицъ, построены были другія церкви, обветшавшія же или сгорѣвшія монастырскія зданія въ разное время были вновь отдѣланы.

Златоустовскій монастырь до 1771 года служилъ мѣстомъ погребенія многихъ знатныхъ фамилій. Въ настоящее время памятники на монастырскомъ кладбищѣ уничтожены; между прочимъ уничтожена палатка, построенная надъ могилами царевичей Касимовскихъ.

Подъ Благовѣщенскою церковью, построенною въ 1771 году Ѳ. М. Апраксинымъ, погребены, начиная съ 1635 года, многіе изъ фамиліи графовъ Апраксиныхъ. Подъ Златоустовскою церковью погребены: князья Кольцовы-Мосальскіе, П. И. Румянцовъ, отецъ фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго, контръ-адмиралъ Сенявинъ, князь Ю. Я. Хилковъ, Матюшкины, князья Урусовы, княжна Воротынская и многіе другіе.

Между прочимъ, храмъ во имя святителя Іоанна Златоустаго въ Москвѣ имѣется въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Онъ построенъ въ 1687 году одновременно съ каменною оградой вокругъ монастыря княжною Фотиніею Ивановной Лобановой-Ростовской по приказу своего деверя, окольничаго князя Александра Ивановича Лобанова-Ростовскаго.

По опредѣленію епархіальнаго начальства, юбилейное торжество будетъ особенно благолѣпно праздноваться въ Златоустовскомъ монастырѣ. Здѣсь 12-го ноября, послѣ малой вечерни, молебствіе и затѣмъ всенощное бдѣніе и 13-го ноября, въ самый день праздника, литургіи будетъ совершена архіерейскимъ служеніемъ.

Моск. Вѣд. 30 окт., № 248.

11-го ноября состоялось освященіе возобновленнаго древняго московскаго храма въ честь Живоначальныя Троицы, что́ въ Троицкой слободѣ, на Самотекѣ.

Моск. Вѣд. 13 ноября, № 260.

Къ 500-лѣтію кончины пр. Саввы. 3-го декабря исполняется 500-лѣтіе со дня кончины основателя Звенигородскаго Саввино-Сторожевскаго монастыря, преподобнаго Саввы, ученика великаго молитвенника за землю русскую, преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца.

Родъ и состояніе преподобнаго Саввы неизвѣстны. Жизнеописаніе его, составленное въ половинѣ XVI вѣка инокомъ Маркелломъ по повелѣнію всероссійскаго митрополита Макарія, говоритъ только, что онъ совершенно молодымъ человѣкомъ пришелъ въ только что устроенную преподобнымъ Сергіемъ Троицкую обитель и, поселившись, прожилъ въ ней около 50 лѣтъ. Здѣсь онъ принялъ иноческое постриженіе, достигъ священнаго сана и былъ духовникомъ въ обители. Въ послѣднее время онъ даже въ ней игуменствовалъ и въ ней же сталъ извѣстенъ Звенигородскому удѣльному князю Юрію Дмитріевичу (сыну Донскаго). Молодой князь проникся глубокимъ уваженіемъ къ святой жизни преподобнаго и избралъ его духовникомъ своимъ и всего своего семейства, а потомъ, желая имѣть его ближе къ себѣ, уговорилъ его переселиться къ Звенигороду и основать около него монастырь. Преподобный Савва исполнилъ желаніе князя: въ 1398 году онъ пришелъ въ Звенигородъ, осмотрѣлъ его окрестности и остановился на высокой «Сторожевской» горѣ

въ 1½ верстахъ отъ города и бывшаго тогда княжескаго двора. Придя на гору, преподобный остановился на мѣстѣ, благоухавшемъ цвѣтами, и помолился передъ принесенной съ собой иконой Богоматери, прося Ея покрова и благословенія избранному мѣсту, для основанія на немъ иноческой обители.

Мѣсто это чрезвычайно понравилось преподобному Саввѣ. Трудно было и выбрать лучшее мѣсто.

Красота Сторожевской мѣстности поразила и историка Карамзина: «Нигдѣ не видалъ я,—писалъ онъ,—такого богатства растеній: цвѣты, травы и деревья исполнены какой-то особой свѣжести и силы; липы и дубы прекрасны». Кстати сказать, названіе «Сторожевской» гора получила потому, что во время литовскихъ и польскихъ набѣговъ на ней располагалась воинская стража для наблюденія за непріятелемъ, который почти всегда шелъ къ Москвѣ по Смоленской дорогѣ, мимо Звенигорода.

Первоначально въ монастырѣ была сооружена небольшая деревянная церковь, а потомъ большихъ размѣровъ каменная въ честь Рождества Богоматери, существующая до сихъ поръ. Очень величественный храмъ этотъ сложенъ изъ бѣлаго камня и имѣетъ только одну вызолоченную главу. Въ юго-восточномъ углу храма, на солеѣ у южныхъ алтарныхъ дверей, въ богатой серебряной ракѣ, подъ роскошною сѣнію, открыто почиваютъ мощи преподобнаго Саввы, обрѣтенныя 19-го января 1652 года, послѣ 245-лѣтняго пребыванія въ землѣ. Въ юго-западномъ углу сохраняется мѣсто могилы преподобнаго, скончавшагося 3-го декабря 1407 года. Во второй половинѣ XVII вѣка съ южной стороны къ собору пристроенъ придѣлъ въ честь преподобнаго Саввы, а съ западной—притворъ съ небольшою, но очень изящною папертью и главными входными дверями. Надъ притворомъ помѣщается богатѣйшая монастырская ризница; въ древнее же время здѣсь была палата, изъ которой чрезъ особо устроенныя окна, скрытая отъ глазъ народа, слушала церковную службу царская семья.

Не распространяясь о святости преподобнаго Саввы, скажемъ только, что еще при жизни онъ имѣлъ даръ пророчества или предвидѣнія, а вскорѣ по его кончинѣ начались его явленія и чудотворенія при его гробѣ. Благодаря этому, какъ лично преподобный, такъ и память о немъ по смерти благоговѣйно почиталась князьями, царями, боярами и народомъ. Особою щедростью къ обители и благоговѣніемъ къ памяти преподобнаго Саввы отличался «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ. Даже въ настояще время въ монастырѣ, куда бы ни обратился взоръ, всюду возстаетъ память о благочестивѣйшемъ царѣ.

Серебряная, внутри вызолоченная рака, въ которой почиваютъ мощи чудотворца, сооружена царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ, по завѣщанію его родителя; въ монастырскихъ храмахъ находится много иконъ, принадлежавшихъ боголюбивому царю; въ ризницѣ хранится множество приношеній его, замѣчательныхъ по цѣнности и историческому значенію. На колокольнѣ, во второмъ ярусѣ, виситъ замѣчательный по чудному звуку громадный колоколъ въ 2,125 пуд. 30 фунт., отлитый по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича; имъ же въ верхнемъ ярусѣ колокольни устроены большіе, польской работы, боевые часы. За время съ 1650 по 1654 годъ монастырь по царскому указу обнесенъ каменной оградой, длиной въ окружности 357 саж., вышиной 4 саж. и толщиной въ 4 аршина. На одной изъ башенъ ограды, по повелѣнію царя, поставленъ государственный гербъ.

Открытіе мощей преподобнаго и его прославленіе совершилось въ царствованіе Алексѣя Михайловича, при патріархѣ Іосифѣ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: царь Алексѣй Михайловичъ съ самаго начала своего царствованія обнаруживалъ особенное усердіе къ Сторожевской обители и часто посѣщалъ ее какъ лѣтомъ, такъ и зимой, гуляя или охотясь въ окрестныхъ

лѣсахъ. Въ декабрѣ 1651 года царь также былъ въ монастырѣ и отправился на охоту. Когда свита разсѣялась по лѣсу для отыскиванія логовища медвѣдя и онъ остался одинъ, медвѣдь внезапно выбѣжалъ изъ чащи лѣса и бросился на него. Вдругъ неожиданно около него явился старецъ монахъ, погрозился на звѣря, и медвѣдь скрылся въ лѣсъ. Пораженный случившимся, царь спросилъ старца, кто онъ, откуда и какъ его имя? Старецъ отвѣтилъ, что зовутъ его Саввою и что онъ одинъ изъ монаховъ Сторожевскаго монастыря, послѣ чего монахъ быстро пошелъ отъ царя и скрылся изъ его глазъ.

Знавшій всѣхъ живущихъ въ обители, царь подумалъ, что это какой-нибудь новый подвижникъ, котораго онъ еще не зналъ, и потому, возвратившись въ монастырь, спросилъ о видѣнномъ старцѣ архимандрита, но тотъ отвѣтилъ, что въ монастырѣ нѣтъ ни одного монаха съ именемъ Саввы. Тогда царь случайно взглянулъ на образъ преподобнаго, находившійся надъ его могилой, и понялъ, что это былъ онъ самъ. Немедленно царь велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ угоднику и освидѣтельствовать его гробъ.

Открытіе мощей преподобнаго совершено торжественно въ присутствіи царя, царицы Маріи Ильиничны, бояръ и народа, патріархомъ Іосифомъ, митрополитомъ новгородскимъ Никономъ и прочимъ духовенствомъ 19-го января 1652 года. По обрѣтеніи мощей они перенесены на то мѣсто, гдѣ и теперь почиваютъ, у южной стѣны, возлѣ иконостаса. Въ память этого радостнаго событія царь пожертвовалъ въ монастырь 3.000 рублей. День 19-го января въ монастырѣ постоянно праздновался съ особою торжественностью, а въ 1887 году, согласно указу святѣйшаго синода, это празднованіе внесено въ церковные святцы и составлена особая служба.—*Н. Борисовъ.*

Моск. Вѣд. 2 дек., № 276.

На дняхъ въ имѣніи «Голицыно», Московской губ., Подольскаго уѣзда, возобновятся раскопки кургановъ, находящихся невдалекѣ отъ недавно раскопаннаго кургана, въ которомъ найденъ костякъ. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ достаточныхъ средствъ, раскопки эти не могутъ производиться съ большою интенсивностью.

Прибалт. Край 11 іюля, № 159.

Сегодня губернатору сообщено о рѣдкомъ случаѣ нахожденія клада въ селѣ Щербинѣ, Подольскаго уѣзда. По мѣстному преданію, прадѣдъ и дѣдъ крестьянина Алексѣя Карпова были очень богатые люди, имѣли большія деньги и зарывали ихъ въ землю. Карповъ сталъ искать эти деньги въ своей усадьбѣ и на мѣстѣ бывшаго пчельника нашелъ въ землѣ чугунный котелъ, покрытый полуистлѣвшей доской, и въ немъ оказалось на 647 руб. полтинниковъ, пятаковъ и рублевыхъ монетъ эпохи Анны Іоанновны, Екатерины II, Петра III и Павла I. Карповъ раздѣлилъ эти монеты со своими братьями, часть же ихъ продалъ любителямъ старины и часть обмѣнялъ на современныя деньги. Существуетъ предположеніе, что въ этой же усадьбѣ спрятанъ въ землѣ чугунный горшокъ съ золотомъ.

Нов. Время 4 ноября, № 11368; ср. *Колоколъ* 8 ноября, № 522.

Оренбургская губернія.

Поселокъ Алексѣевскій, Донецкой ст. Оренбургскаго уѣзда. Весною нынѣшняго года казакъ Яковъ Русановъ, исправляя канаву на гумнѣ около дороги, ведущей въ Бавыкинъ оврагъ, нашелъ нѣсколько экземпляровъ древняго вооруженія, именно: лезвіе шпаги, копье отъ пики, 7 штукъ стрѣлъ разной величины, удила, крючекъ (повидимому отъ сѣдла) и три-четыре металлическихъ части отъ неизвѣстныхъ предметовъ. Найденные предметы

чрезъ атамана ст. Донецкой представлены въ музей Оренбургской ученой архивной коммиссіи.

Оренб. Газ. 13 сент., № 2954.

Пермская губернія.

Крестьяне Соликамскаго уѣзда, Кудымкорской волости, деревни Климовой, Петръ Кирилловъ и Ксенія Федорова Климовы нашли 16-го іюля, въ логу, близъ дер. Климовой, слѣдующія древнія серебряныя вещи: 3 блюда, котелокъ, подставку и 3 тарелки, вѣсомъ 34 фунта 12 золотниковъ. Вещи эти были представлены въ Императорскую Археологическую коммиссію, которая назначила выдать за нихъ П. Климову 500 рублей и К. Климовой 400 руб. Деньги эти нынѣ высланы уже Климовымъ.

Пермскія Губ. Вѣд. 23 сент., № 207; ср. *Пермская Земская Недѣля* 30 авг., № 27; *Пермскія Губ. Вѣд.* 9 авг., № 173.

Археологическая находка въ Чердынскомъ краѣ. Чердынскій край, какъ извѣстно, край съ богатымъ историческимъ прошлымъ, уходящимъ въ даль цѣлыхъ десятковъ вѣковъ,—край, изобилующій находками археологическихъ предметовъ, принадлежащихъ къ такъ называемому доисторическому или чудскому періоду въ прошлой жизни этого края. Чердынскій уѣздъ во многихъ мѣстахъ покрытъ могильниками и городищами, обыкновенно приписываемыми чуди или «чудакамъ», какъ зовутъ крестьяне первобытныхъ обитателей края. Въ деревняхъ глухихъ уголковъ уѣзда не рѣдкость найти такъ называемыя «чечки» или игрушки у дѣтей, которыми служатъ древніе предметы чудской эпохи (чаще мѣдные «идолы»).

Для археологовъ и любителей старины Чердынскій уѣздъ представляется непочатымъ угломъ; археологическое изученіе этого края еще только начинается. Вещи, находимыя при раскопкахъ или при нахожденіи кладовъ въ этомъ краѣ, какъ остатки далекой старины, самаго разнообразнаго свойства и обыкновенно распадаются на 2 крупныхъ категоріи: однѣ изъ нихъ тонкой, даже художественной работы (блюда, чаши, украшенія), изобличающей иноземное ихъ происхожденіе, другія грубы, аляповаты, иногда прямо безобразны и говорятъ о младенческомъ состояніи искусства, продуктомъ котораго онѣ явились; таковы, напр., грубыя изображенія людей и животныхъ, отлитыя изъ мѣди, тогда какъ вещи 1-й категоріи по большей части изъ дорогого матеріала: серебра и проч.

Поставщицей вещей первой категоріи была,—полагаютъ ученые,—Волжская Булгарія, получавшая ихъ въ свою очередь отъ отдаленныхъ странъ Азіи. Былыя торговыя сношенія Прикамскаго края съ Булгаріей, а черезъ ея посредство съ внутренней Азіей, кромѣ характера иныхъ изъ находимыхъ предметовъ, доказываются нахожденіемъ здѣсь многочисленныхъ древнихъ монетъ, принадлежащихъ по мѣсту чеканки различнымъ странамъ и эпохамъ (персидскія, арабскія, индо-бактрійскія монеты) V—VII вв. нашей эры. Древнѣйшія изъ монетъ находимы были именно въ Чердынскомъ краѣ; не мало также находятъ серебра въ видѣ издѣлій.

Проф. Кондаковъ, послѣ тщательнаго изученія археологическихъ находокъ Пермскаго края, совершенно основательно пришелъ къ слѣдующему заключенію о былыхъ торговыхъ сношеніяхъ этого края: «Съ конца классической эпохи въ теченіе среднихъ вѣковъ существовали дѣятельныя торговыя сношенія Пермскаго края съ Востокомъ и Западомъ, при чемъ главнымъ путемъ служили Кама и Волга и затѣмъ отъ устья этой послѣдней рѣки, съ одной стороны, Каспійское море для сношеній съ Персіей, а съ другой

стороны—Черное море для сношенія съ Византіею...» (См. Кондаковъ и Толстой, «Русскія древности въ памятникахъ искусства». Спб. 1900 г., в. III-й).

Торговыя сношенія древней Перміи съ народами восточной Азіи не подлежатъ сомнѣнію: о нихъ подробно трактуютъ средневѣковые арабскіе писатели (напр., Ибнъ-Даста X в. и др.). (См. переводъ соч. Ибнъ-Даста, съ комментаріями проф. Д. А. Хвольсона. Спб. 1869 г., стр. 158, прим. 98).

Недавно (12-го мая 1907 года) одинъ крестьянинъ села Губдоръ (въ 23 верстахъ къ югу отъ Чердыни на трактѣ въ Соликамскъ) нашелъ при бороньбѣ своей пашни подъ пнемъ древнюю серебряную чашку, сплошь покрытую узорчатымъ рисункомъ, довольно искусной работы, со слѣдами позолоты, а въ чашкѣ нѣсколько десятковъ серебряныхъ бляхъ отъ пояса, съ характернымъ чудскимъ рисункомъ; бляхи двухъ сортовъ: на однѣхъ находится изображеніе какихъ-то двухъ животныхъ (ноги похожи на медвѣжьи, хвостъ и туловище смахиваютъ на какое-то мелкое животное въ родѣ бѣлки или соболя), на другихъ—узорчатый рисунокъ изъ серебра же съ чернью, но безъ изображенія животныхъ. Бляхи эти, какъ видно, нанизывались при помощи особыхъ петелекъ изъ того же металла на ремень, также были позолоченныя. Вся находка вѣситъ около 1 ф. серебра. Рисунокъ, сплошь покрывающій чашку, очень оригинальнаго вида, а также и изображенія на бляхахъ.

Владѣлецъ этой находки, крестьянинъ Кузнецовъ, представилъ найденные имъ древніе предметы въ Чердынь мѣстному археологу П. Г. Тарасову, который отсылаетъ ихъ въ Петербургъ, въ Императорскую Археологическую Коммиссію, сотрудникомъ коей онъ состоитъ, будучи предсѣдателемъ Чердынскаго общества любителей археологіи, исторіи и этнографіи.

Спеціалисты ученые, вѣроятно, точно опредѣлятъ, какой эпохѣ принадлежатъ найденные предметы, а также и степень ихъ важности для науки.

Членъ-корр. Уральскаго Общества л. е. *Н. С.*

Пермскія Вѣд. 7 іюля, № 147; ср. *Уральская Жизнь* 12 іюля, № 127; *Пермская Земская Недѣля* 9 авг., № 24.

Псковская губернія.

На дняхъ по берегу рѣки Псковы, за каѳедральнымъ соборомъ, въ древнемъ городскомъ «дѣтинцѣ» образовался въ одномъ мѣстѣ провалъ, причемъ обнаружились какія-то подземныя сооруженія. Бѣгали туда дѣтишки, ходили мужики и бабы полюбопытствовать проваломъ. Говорилось, какъ обыкновенно въ народѣ, и о кладахъ, и о подземныхъ ходахъ въ «дѣтинцѣ», и о «нечистыхъ духахъ», пребывающихъ въ этихъ подземельяхъ, и все такое прочее... Все же видно, что народъ интересуется такъ или иначе тѣмъ, что происходитъ около и вокругъ него. Но существующее у насъ археологическое общество не обратило, однако, должнаго вниманія на этотъ провалъ и не потрудилось понынѣ, т. е. до отправленія этой корреспонденціи, поинтересоваться имъ. Такое равнодушіе совершенно непростительно обществу, претендующему на свою научность въ извѣстной области. Въ всякомъ случаѣ этому обществу слѣдовало бы воспользоваться временемъ и обслѣдовать провалъ, пока онъ еще не засыпанъ по распоряженію соборной администраціи.

Спб. Вѣд. 14 сент., № 203.

Въ № 203 «Спб. Вѣд.» напечатано сообщеніе псковскаго корреспондента о провалѣ, образовавшемся въ древнемъ городскомъ «дѣтинцѣ», причемъ обнаружились, будто бы, какія-то подземныя сооруженія. По этому случаю корреспондентъ упрекаетъ Псковское Археологическое Общество въ равнодушіи къ старинѣ и совѣтуетъ ему обслѣдовать провалъ, пока онъ еще не засыпанъ

по распоряженію церковной власти, во владѣніи которой находится мѣсто провала.

Ради выясненія истины, благоволите помѣстить настоящее письмо. Дѣло заключается въ слѣдующемъ.

Псковскій «дѣтинецъ» былъ обнесенъ въ XIV вѣкѣ каменной стѣной. Въ половинѣ XVI вѣка она передѣлана и приспособлена къ новымъ условіямъ обороны, а въ началѣ XVIII вѣка, въ эпоху Сѣверной войны, къ ней, по повелѣнію Петра I, присыпанъ съ внутренней стороны земляной брустверъ. Въ такомъ видѣ стѣна осталась и донынѣ.

Недѣли три тому назадъ, на сѣверо-восточной сторонѣ бруствера образовался провалъ около 1 саж. ширины и столько же глубины. Внутри этой ямы можно разглядѣть обнажившуюся нижнюю часть древней стѣны, въ которой замѣтна дугообразная плитяная кладка. Подъ этою дугою, въ самой стѣнѣ находится отверстіе, идущее вглубь стѣны, по направленію къ наружной ея сторонѣ. Если спуститься въ яму и взглянуть въ это отверстіе, то можно убѣдиться, что оно сквозное и выходитъ на ту сторону стѣны, къ рѣкѣ Псковѣ, на подобіе какъ бы нѣкоторой отдушины... Несомнѣнно, что дугообразная кладка есть верхняя часть стѣнной амбразуры, а можетъ быть и воротъ, которыя, при насыпкѣ бруствера, не были задѣланы наглухо. Такихъ амбразуръ и воротъ можно найти сколько угодно по всему протяженію нашихъ древнихъ стѣнъ: и въ Кремлѣ, и по берегу Великой, и отъ Великой до Псковы, и въ Запсковьѣ. Провалъ могъ появиться вслѣдствіе того, что весеннія и дождевыя воды, найдя себѣ готовый спускъ чрезъ это отверстіе, постепенно разрушали въ этомъ мѣстѣ внутреннюю толщу бруствера и могли образовать тамъ даже пустоту. Находящійся надъ пустотою верхній пластъ земляного вала, плотно слежавшійся въ теченіе двухъ столѣтій, представлялъ собою какъ бы сводъ, способный въ теченіе нѣкотораго времени выдерживать тяжесть ходящихъ по валу людей, но, конечно, весьма ненадежный. Настало время—и сводъ рухнулъ. Такіе же провалы угрожаютъ и нѣкоторымъ другимъ мѣстамъ бруствера, также ненадежнымъ. Никакихъ сооруженій въ мѣстѣ провала—ни въ самой стѣнѣ, ни въ земляной толщѣ бруствера нѣтъ, если не считать «сооруженіемъ» упомянутую амбразуру или ворота. Вѣроятно, церковная власть, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, прикажетъ засыпать эту яму—и хорошо сдѣлаетъ.

Если бы всякое событіе въ городѣ или въ губерніи, имѣющее историко-археологическое значеніе, дѣлалось своевременно извѣстнымъ Псковскому Археологическому Обществу, то послѣднее могло бы этому только порадоваться. Но достичь этого идеала невозможно безъ содѣйствія самихъ обывателей. Помощь ихъ была бы драгоцѣнна и нисколько для нихъ не обременительна. Что стоитъ любому лицу, дорожащему родною стариной, сообщить о замѣченномъ имъ фактѣ Псковскому Археологическому Обществу (Поганкины палаты)? Такіе случаи уже бывали, и общество никогда не относилось къ нимъ безучастно. Но вашъ корреспондентъ предпочелъ иной путь—чрезъ газету, да еще и иногороднюю. Этотъ путь тѣмъ неудобенъ, что не всякая газета попадаетъ въ руки членовъ Псковскаго Археологическаго Общества.

Но, какъ относятся иные обыватели къ своей родной старинѣ, тому нагляднымъ доказательствомъ служатъ древнія псковскія стѣны: онѣ ежедневно разбираются и ломаются, какъ имущество безхозяйное, никому не принадлежащее. За послѣднія 30 лѣтъ исчезли цѣлыя башни, а то, что осталось, находится въ неприличномъ и, прямо сказать, гнусномъ видѣ. Если не дни, то годы этихъ развалинъ уже сочтены. Псковское Археологическое Общество безсильно отстоять ихъ, ибо средства его скудны, а принудительной власти оно не имѣетъ. Вотъ куда могъ бы корреспондентъ направить

свои обличительныя стрѣлы.—Секретарь Псковскаго Археологическаго Общества *Н. Казаринъ*.

Спб. Вѣд. 5 окт., № 219.

Радомская губернія.

Находка клада. Въ дер. Волѣ-Павловской, Илжецкаго уѣзда, г. Станиславъ Михалецъ нашелъ 48 голландскихъ дукатовъ. Они отосланы въ губернское правленіе, которое должно доставить ихъ въ Археологическую Коммиссію въ С.-Петербургѣ.

Gazeta Codzienna 14 окт. (перев. съ польскаго).

С.-Петербургская губернія.

При утвержденіи проекта новаго Чернышева моста, Императорская академія художествъ высказалась за сохраненіе башенъ, стоящихъ по угламъ нынѣшняго моста. Въ настоящее время въ дѣло вмѣшалась и Археологическая Коммиссія: она также настаиваетъ на томъ, чтобы башни были сохранены. Между тѣмъ проектъ Чернышева моста составленъ и утвержденъ безъ нынѣшнихъ башенъ.

Нов. Время 3 окт., № 11337.

Еще въ маѣ городская дума постановила переустроить Чернышевъ мостъ, на что ассигновано было 217,035 рублей. Переустройство предполагалось полное и, между прочимъ, съ уничтоженіемъ четырехъ историческихъ башенъ. Въ дѣло это однако вмѣшались академія художествъ и археологическое общество, которыя нашли, что съ осуществленіемъ такого проекта городъ лишился бы одного изъ самыхъ характерныхъ сооруженій, имѣющаго свое значеніе въ исторіи Петербурга. Кромѣ того общество архитекторовъ-художниковъ дало управѣ и практическій совѣтъ. По его мнѣнію, уширеніе Чернышева моста не разрѣдитъ грузового движенія, а напротивъ, искусственно его сосредоточитъ, тогда какъ постройка другого постояннаго моста противъ Лештукова переулка, гдѣ сейчасъ находится временный деревянный мостъ, напротивъ, уменьшитъ грузовое движеніе по Чернышеву мосту. Городская управа воспользовалась совѣтомъ и представляетъ къ очередному засѣданію думы предложеніе произвести капитальный ремонтъ Чернышева моста и построить второй постоянный мостъ черезъ Фонтанку противъ Лештукова переулка. На переустройство Чернышева моста испрашивается 118,000 руб., а на постройку новаго моста—419,000 рублей.

Нов. Время, № 11415.

На-дняхъ въ мѣстности Императорскаго фарфороваго и стекляннаго завода, въ саду директора, садовникъ, убирая садъ, сталъ подрывать пень и, снявъ не болѣе 1/4 арш. земли, наткнулся на задѣланный кирпичный сводъ. Заинтересованный находкою и желая узнать сокрытое сводомъ, онъ лопатою сталъ осторожно отдѣлять и вынимать кирпичи. Снявъ первый рядъ, онъ хотѣлъ было приступить къ дальнѣйшей разборкѣ, но вдругъ сводъ рухнулъ и садовникъ упалъ въ подземелье. Оправившись отъ испуга, онъ зажегъ спичку и увидѣлъ длинный корридоръ, выложенный со всѣхъ сторонъ плитою. Корридоръ развѣтвляется на три части. Одна изъ нихъ направляется къ заводу, другая идетъ параллельно шоссе, а третья, пересѣкая дорогу, направляется къ Невѣ. Въ одномъ изъ корридоровъ въ стѣнѣ задѣланъ массивный желѣзный шкафъ. Въ началѣ былъ свободный доступъ для желающихъ осмотрѣть, но въ настоящее время входъ въ подземелье строго охраняется до возвращенія директора.

Названная мѣстность представляетъ собою богатый историческій матеріалъ. Заводъ основанъ Императрицею Елизаветою Петровною въ 1756 году и всѣ прилегающія земли принадлежали вельможамъ Всеволожскому, Потемкину и др.

Пет. Лист. 25 окт., № 313.

Ueber den unterirdischen Gang bei der Kaiserlichen Porzellanfabrik finden wir in der «Retsch» interessante nähere Mitteilungen, denen wir nachstehendes entnehmen. Am Ende des Schlüsselburger Prospekts befindet sich die Kaiserliche Porzellanfabrik. Vor zwei Wochen ungefähr wurde im Garten der Fabrik durch einen Sturm ein Baum entwurzelt. Unter den Wurzeln des Baumes bemerkte man eine Oeffnung und konstatierte alsbald, dass sie in einen unterirdischen Gang führt. Der unterirdische Gang beginnt in der Mitte des Gartens und wendet sich zur Newa hin. Man stellte Nachgrabungen an und fand einen Porzellanteller mit dem russischen Buchstaben E, woraus geschlossen werden kann, das der Teller aus der Zeit der Kaiserin Katharina stammt. Ferner wurden zwei eiserne Gitter gefunden, wie sie zum Verschluss der Abflussröhren benutzt werden. Es liegt daher die Vermutung nahe, dass es sich um einen mit Ziegeln ausgelegten Abflusskanal handelt. Diese Annahme dürfte jedoch deshalb nicht zutreffen, weil der Gang eine Breite von 2 und eine Höhe von 2½ Arschin hat, also die Dimensionen von Abflussröhren oder Kanälen bedeutend übertrifft. Vorläufig sind 18 Faden des Ganges vom Schutte befreit worden. Das mit Ziegeln ausgelegte Gewölbe des Ganges hat sich vorzüglich erhalten, nur hie und da sind Risse zu bemerken. Es liegen Anzeichen dafür vor, dass der Gang unter dem Bette der Newa fortläuft. Die Seitengänge sind bis jetzt noch nicht untersucht worden und man weiss daher nicht, wo sie hinauslaufen. Mit der Entdeckung des Ganges werden die Gerüchte über weite unterirdische Gänge, die zu Zeiten Katharinas angelegt worden wären, wieder lebendig. Wie weit diese Gerüchte durch die Entdeckung Bestätigung erfahren werden, wird die nächste Zukunft lehren.

St. Petersb. Zeitung 29 окт., № 206.

Намъ передаютъ, что въ имѣніи бывшаго земскаго фельдшера, нынѣ вольнопрактикующаго помощника лѣкаря О. Ф. Филиппова, около Гдова, при углубленіи рабочими колодца, на-дняхъ вырыли довольно большихъ размѣровъ кубышку, наполненную разными серебряными и мѣдными русскими и шведскими монетами. Г. Филипповымъ заявлено мѣстной администраціи и послано увѣдомленіе въ Археологическій Институтъ.

Пет. Лист. 12 сент., № 250.

Нѣсколько дней тому назадъ въ газетахъ сообщалось, что въ Головинской башнѣ шлиссельбургской крѣпости совершенно случайно найдена груда старинныхъ рукописей. При первомъ осмотрѣ ихъ удалось опредѣлить, что нѣкоторыя рукописи относятся несомнѣнно къ царствованію Петра Великаго, но что есть среди нихъ и болѣе древняго происхожденія. Нѣсколько изъ «петровскихъ» рукописей съ датой 1720 года.

О находкѣ с.-петербургскимъ губернаторомъ д. с. с. А. Д. Зиновьевымъ доложено Государю Императору. До полученія отвѣта отъ Его Величества, никто къ осмотру рукописей допущенъ не будетъ. На основаніи этого, пока оставлена безъ отвѣта с.-петербургскимъ губернаторомъ просьба инспектора народныхъ училищъ Шлиссельбуугскаго уѣзда и члена археологической комиссіи М. И. Успенскаго допустить его къ осмотру найденныхъ рукописей.

Бирж. Вѣд. 30 іюля, № 10023.

Цѣнная историческая находка. Въ газетахъ промелькнуло сообщеніе о находкѣ въ Шлиссельбургской крѣпости цѣнныхъ историческихъ документовъ.

Это сообщеніе по началу вызывало естественное недовѣріе. Дѣйствительно, прежде крѣпостной архивъ представлялъ громадный историческій интересъ, но въ 1869 г. онъ былъ переданъ въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Туда же была передана очень цѣнная библіотека, которая составлялась столѣтіями и насчитывала нѣсколько тысячъ названій русскихъ, французскихъ, шведскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и другихъ авторовъ. Въ составъ ея вошли нѣсколько библіотекъ, принадлежавшихъ знатнымъ узникамъ Шлиссельбургской крѣпости и, кромѣ того, правительство постоянно заботилось объ ея пополненіи.

Однако, сообщеніе было повторено всею печатью и не было своевременно опровергнуто. Такой находкой нельзя было не заинтересоваться, такъ какъ, съ одной стороны, при такихъ обстоятельствахъ она являлась кладомъ, уцѣлѣвшимъ въ теченіе бурныхъ столѣтій, съ другой стороны исторія Шлиссельбургской крѣпости придавала ей особый интересъ.

Пока намъ удалось лишь поверхностно, такъ сказать попредметно, познакомиться съ открытой случайно цѣнной исторической находкой, которая прольетъ новый свѣтъ на нѣкоторые факты и имена нашей исторіи.

Раньше чѣмъ говорить о находкѣ, мы предпошлемъ маленькую историческую справку о самой крѣпости.

Основаніе Шлиссельбургской крѣпости относится къ 1323 г. и заложена она была великимъ княземъ Георгіемъ Даниловичемъ. Въ продолженіе почти 400 лѣтъ крѣпость служила постояннымъ яблокомъ раздора между шведами и русскими и переходила изъ рукъ въ руки. Окончательно крѣпость была присоединена къ Россіи Петромъ Великимъ въ 1702 г. Въ 1810 г. крѣпость была окончательно упразднена.

Шлиссельбургская крѣпость съ незапамятныхъ временъ служила мѣстомъ заточенія для государственныхъ и религіозныхъ преступниковъ. Есть указанія, что такую роль она играла не только въ Россіи, но и въ Швеціи. Мѣстомъ политическаго заключенія она служила до 1869 г., когда была обращена въ дисциплинарный баталіонъ, гдѣ до 1879 г. содержались исключительно воинскіе чины. Въ государственную тюрьму крѣпость снова была обращена въ 1882 г. и передана въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1905 г. всѣ содержавшіеся политическіе заключенные по манифесту были освобождены и нѣкоторое время крѣпость пустовала. Въ концѣ 1906 г. она снова ожила и въ настоящее время тамъ содержится около 150 заключенныхъ Назовемъ нѣсколько именъ наиболѣе видныхъ заключенныхъ, сидѣвшихъ въ Шлиссельбургской крѣпости, изъ которыхъ многіе покончили тамъ свои дни. Въ ней былъ заключенъ (1756—64 гг.) и убитъ принцъ Іоаннъ Антоновичъ. Во время суда здѣсь содержался временщикъ Биронъ. Тутъ же были заключены общественный дѣятель XVIII столѣтія Ник. Ив. Новиковъ, извѣстный «апостолъ анархизма» М. А. Бакунинъ. Изъ декабристовъ здѣсь содержались: І. В. Поджіо, И. И. Пущинъ, Ник. и Мих. Бестужевы и др. Кромѣ того, здѣсь были заключены: основатель харьковскаго университета Каразинъ, графъ Ф. Раевскій, переводчикъ Гете Соколовскій, извѣстный сектантъ, послѣдователь Кондратія Селиванова, А. И. Шиловъ и многіе другіе. Позднѣе, т. е. съ 1882 г., въ крѣпости перебывали всѣ наиболѣе выдающіеся дѣятели «Народной Воли».

Однако, обратимся къ самой находкѣ.

Весной текущаго года при перестройкѣ и ремонтѣ крѣпости была неожиданно обнаружена масса замурованныхъ камеръ съ цѣлымъ лабиринтомъ ходовъ. Нужно замѣтить, что исторія Шлиссельбурской крѣпости ука-

зываетъ на существованіе подземныхъ ходовъ на всемъ протяженіи островка, но всѣ они теперь утеряны или, вѣрнѣе сказать, замурованы, хотя, напримѣръ, г. Пругавину въ 1879 г. при его посѣщеніи удалось видѣть начало подземнаго хода. Открытіе замурованныхъ камеръ и прилегающихъ лабиринтовъ, несомнѣнно, даетъ возможность возстановить все подземное царство, куда до сего времени еще не проникали лучи свѣта. Многіе изъ этихъ ходовъ, какъ указываетъ исторія, вели непосредственно къ Невѣ и служили для спеціальныхъ цѣлей. Въ одной изъ такихъ камеръ рабочіе наткнулись на цѣлый архивъ историческихъ документовъ, актовъ, эпистолъ, автобіографическихъ замѣтокъ и т. п. По характеру найденныхъ документовъ ихъ можно раздѣлить на двѣ части. Первая часть заключаетъ въ себѣ акты и документы на шведскомъ языкѣ, относящіеся къ періоду обладанія Шлиссельбургомъ шведовъ. Вторая часть архива охватываетъ почти все XVIII столѣтіе, съ момента присоединенія Шлиссельбурга вновь къ Россіи вплоть до Павла I. Вторая часть архива особенно цѣнна и явится цѣннымъ источникомъ для русской исторіи вообще и въ частности для исторіи русской общественной мысли. Сказать точно, что именно заключаетъ вторая часть архива, пока трудно, такъ какъ до настоящаго времени никто къ детальному осмотру его не былъ допущенъ. Однако, какъ намъ удалось узнать, тутъ находятся Высочайшіе приказы, эпистоли комендантамъ относительно «безымянного колодника», такъ назывался принцъ Іоаннъ Антоновичъ, а кромѣ него, и многіе другіе, такъ какъ при доставкѣ въ крѣпость узникъ терялъ свое имя и числился подъ номеромъ. Кромѣ того, среди документовъ по нѣкоторымъ даннымъ можно предположить нахожденіе автобіографическихъ замѣтокъ Іоанна Антоновича, дневники заключенныхъ и т. п.

Объ этой находкѣ чрезвычайной важности состоялся спеціальный докладъ и въ настоящее время ожидается Высочайшее повелѣніе о назначеніи для приведенія въ порядокъ особой комиссіи, въ составъ которой войдутъ рекомендованные спб. губернаторомъ мѣстные архивисты, среди которыхъ главнымъ руководителемъ будетъ извѣстный русскій археологъ М. И. Успенскій.

Русь 6 августа, № 205.

Мы имѣли случай бесѣдовать съ проф. Н. В. Покровскимъ, предсѣдателемъ коммиссіи, которой поручено разобрать найденный въ Шлиссельбургской тюрьмѣ архивъ и ознакомиться съ его содержаніемъ.

— Говорить сейчасъ о составѣ архива и цѣнности его, конечно, нельзя, сказалъ Н. В., такъ какъ коммиссія совершенно не только не успѣла приблизительно ознакомиться съ составомъ архива, но даже пересмотрѣть болѣе или менѣе внимательно одинъ-два документа.

Все что мы могли сдѣлать въ первую нашу поѣздку въ Шлиссельбургъ, это опредѣлить, какого характера хотя бы часть документовъ, составляющихъ найденный архивъ. Для этого мы наугадъ брали какой-нибудь свертокъ, вытаскивали изъ него одну-двѣ бумаги и просматривали ихъ.

Если я вамъ скажу, что мы пробыли въ Шлиссельбургѣ всего три часа, и прибавлю къ этому, что документовъ въ архивѣ находится возовъ шесть, то вы поймете, что говорить опредѣленно о чемъ бы то ни было не приходится. Однако, та система, которой мы придерживались при первомъ осмотрѣ найденныхъ бумагъ, все же даетъ возможность предположительно опредѣлить характеръ довольно значительной части архива.

Такъ, напримѣръ, часть документовъ безусловно служить отраженіемъ жизни гарнизона крѣпости.

Въ бумагахъ этого сорта мы встрѣчаемъ приказы по гарнизону, лозунги, пароли для той или иной необходимости и тому подобные документы; затѣмъ имѣются доклады о соли, идущей по ладожскимъ каналамъ, о ледоходѣ и другіе, имѣющіе чисто бытовое значеніе. Имѣются въ архивѣ и случайные документы. Такъ, намъ попались дѣла новоладожскаго благочиннаго Аѳанасьева. Зачѣмъ они попали въ Шлиссельбургскую крѣпость и почему, на это можно будетъ отвѣтить только при болѣе близкомъ ознакомленіи съ ними, но уже ихъ одно присутствіе указываетъ на смѣшанный характеръ архива. Въ немъ несомнѣнно присутствіе и другихъ случайныхъ документовъ и здѣсь, конечно, возможны очень большія неожиданности. Но если бы даже въ бумагахъ архива заключались дѣла, касающіяся исключительно жизни гарнизона и всего того, что съ ней было связано извнѣ, то и тогда цѣнность архива была бы очень значительна въ смыслѣ бытового матеріала: вѣдь у насъ почти нѣтъ матеріаловъ, рисующихъ бытъ XVIII в.

Что касается времени, къ которому относятся бумаги, то это намъ удалось опредѣлить очень точно: самые ранніе документы относятся къ двадцатымъ годамъ XVII в. и самые поздніе—въ первой половинѣ XIX в. Наибольшее количество бумагъ, которыя намъ попадались, относилось къ 40-мъ, 50-мъ и 60-мъ годамъ восемнадцатаго столѣтія.

— Вы надѣетесь быстро справиться съ разборкой и систематизаціей матеріала?

— Я полагаю, что очень не задержимся. Наибольшее количество времени, вѣроятно, отниметъ черновая работа, разборка матеріала и подборъ его, такъ какъ архивъ содержался самымъ отвратительнымъ образомъ. Забытый всѣми, гдѣ-то подъ крышей Головинской башни онъ провалялся почти около ста лѣтъ. Когда его нашли, то перетащили въ канцелярію начальника тюрьмы и свалили тамъ. Теперь архивъ представляетъ изъ себя груду документовъ, сваленныхъ въ кучу. Часть документовъ, относящаяся къ началу XVIII вѣка, переплетена въ большія толстыя книги, часть дошла до насъ въ видѣ небольшихъ тетрадокъ, но есть очень много и отдѣльныхъ листковъ. Такихъ листковъ четыре большихъ куля. Такимъ образомъ, прежде всего необходимо все это разобрать и систематизировать; что же касается ознакомленія съ содержаніемъ, то здѣсь никакихъ препятствій не встрѣтится, такъ какъ всѣ бумаги написаны четкимъ почеркомъ, черновиковъ очень немного, а всѣ остальныя бумаги переписаны набѣло. Что можетъ задержать работу, это неудобное мѣстонахожденіе архива. Было бы гораздо удобнѣе, если бы его перевезли въ Петербургъ. Но пока, до моего доклада министру, еще детали работы не намѣчены. Я знаю, что министерство командируетъ въ комиссію нѣсколькихъ чиновниковъ; съ своей стороны я привлеку спеціалистовъ, а черновую работу, вѣроятно, поручимъ слушателямъ археологическаго института.

— А документовъ, подтверждающихъ нѣкоторые сенсаціонные слухи, проникшіе въ печать, вы не предполагаете найти?

Профессоръ улыбнулся.

— Вы это насчетъ Іоанна Антоновича, Петра III и Екатерины II? Нѣтъ, такіе сенсаціонные документы мы врядъ-ли откроемъ въ архивѣ.

Бирж. Вѣд. 18 сент., № 10105. *В. П—скій.*

—

In der Shlüsselburger Festung stiess man im Frühling bei Remontearbeiten auf eine Menge vermauerter Kammern und ein ganzes Labyrinth unterirdischer Gänge. Die Geschichte der 1323 erbauten Festung wies auch früher schon auf die Existenz geheimer unterirdischer Gänge in der ganzen Ausdehnung der Festungs-

insel hin, doch waren sie alle im Laufe der Zeit vermauert und vergessen worden. Durh die Entdeckung dieser Gänge ist jetzt die Möglichkeit gegeben, allmählich das ganze unterirdiche Reich wieder auszudecken. Viele Gänge sollen bis zur Newa geführt und speziellen Zwecken gedient haben. In einer solchen vermauerten Kammer ist ein ganzes Archiv wertvoller historischer Dokumente, Akten, autobiographischer Skizzen usw. gefunden. Ein Teil der Dokumente ist in schwedischer Sprache verfasst und bezieht sich auf die Epoche, als Schlüsselburg noch den Schweden gehörte. (Wie bekannt, war die Festung bis zu Peter dem Grossen grösstenteils in Schwedischen Händen, obgleich sie hin und wieder auch von den Russen besetzt war). Der andere Teil der aufgefundenen Papiere umfasst beinahe das ganze XVIII Jahrhundert von Peter dem Grossen bis zur Zeit Paul des Ersten. Dieser Teil verspricht für den russischen Geschichtsforscher besonders interessant zu werden; zurzeit ist es noch unmöglich, etwas Bestimmtes über den Inhalt der Dokumente zu melden, da noch niemand zur genaueren Besichtigung derselben zugelassen wird. Jedoch ist es erwiesen, das sich in diesem der Vergessenheit anheimgegebenen Archiv Allerhöchste Befehle an die Festungskommandanten befinden, die unter anderem auch dem unglücklichen Prinzen Ioann Antonowitsch betreffen, der in der Schlüsselburger Festung sein ganzes junges Leben unter dem Namen des «Gefangenen ohne Namen» zubrachte und 1764 daselbst ermordet wurde. Ausserdem vermutet man, dass sich unter der grossen Anzahl von Tagebüchern der Eingekerkerten, die das Archiv enthält, auch Memoiren desselben Prinzen finden werden. Ueber diesen wichtigen historischen Fund ist Sr. Majestät ein spezieller Bericht unterbreitet worden. Im Ministerium des Innern ist eine besondere archäologische Kommission, der die Sichtung des entdeckten Archivs sovie die Leitung der weiteren Arbeiten anvertraut werden soll, gebildet werden. An der Spitze dieser Kommission soll der bekannte Archäologe M. I. Uspenski stehen.

Nordlivländ. Zeitung, 10 августа.

Der Direktor des Archäologichen Instituts Prof. N. W. Pokrowski beabsichtigt um die Ueberführung der in Schlüsselburg gefundenen Dokumente nach Petersburg nachzusuchen, wo sie im Archäologischen Institut geordnet werden sollen. Bei der Ueberführung der Dokumente aus dem Golowinturme in die Kanzlei der Festung soll das Archiv in einen geradezu chaotischen Zustand verzetzt worden sein.

St. Petersb. Zeitung, 4 октября.

28-го октября въ зданіи Императорскаго Археологическаго Института происходило, подъ предсѣдательствомъ директора Института проф. Покровскаго, первое засѣданіе Высочайше учрежденной коммиссіи по разбору стариннаго архива рукописей и документовъ, найденныхъ минувшимъ лѣтомъ въ одной изъ башенъ Шлиссельбургской крѣпости. Въ засѣданіи коммиссіи, кромѣ предсѣдателя ея проф. Покровскаго, присутствовали проф. Середонинъ, проф. Археологическаго Института Вороновъ, г.г. Майковъ, Военскій и другіе члены коммиссіи. Нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи пожелали на вчерашнемъ же засѣданіи осмотрѣть нѣсколько документовъ, но всѣ осмотрѣнныя рукописи оказались неинтересными и содержали въ себѣ однѣ—записи о числѣ судовъ, проходившихъ мимо крѣпости, другія—о количествѣ провозимой соли, а третьи приводили расписаніе караульной службы и распредѣленіе караульныхъ на разныхъ постахъ Шлиссельбургской крѣпости. Несмотря на это, большинство членовъ коммиссіи увѣрено, что послѣ окончательной разборки всего архива будетъ найдено немало цѣнныхъ историческихъ документовъ. Намѣтивъ планъ своихъ дальнѣйшихъ работъ, коммиссія порѣшила передать всю черную работу по очисткѣ и разборкѣ доку-

ментовъ особой подкоммиссіи, пригласивъ въ нее нѣкоторыхъ слушателей Археологическаго Института.

Пет. Лист. 29 окт., № 297.

Саратовская губернія.

На-дняхъ изъ села Ерзовки пріѣзжалъ въ нашъ городъ одинъ крестьянинъ, который хотѣлъ продать здѣсь найденный его дочерью червонецъ 1828 года. По словамъ этого крестьянина, 12-лѣтняя дочь его, ставя на полѣ капканы для сусликовъ, нашла у одной норы загрязненный червонецъ. Счистивши съ него слой грязи, она увидала блестящій золотой, который и принесла въ село отцу. Нашлись люди, которые объяснили крестьянину, что золотой этотъ стоитъ дороже, чѣмъ золотые настоящаго времени. Одинъ часовой мастеръ давалъ, между прочимъ, за этотъ золотой крестьянину 7 рублей 50 коп., но тотъ не отдалъ его за эту цѣну, надѣясь получить болѣе. Интересно было бы знать, одинъ-ли золотой находился на полѣ. Не былъ-ли зарытъ на томъ мѣстѣ цѣлый кладъ по какому-нибудь случаю, какъ это нерѣдко бывало въ старину. Поле крестьянина находится довольно далеко отъ села и отъ дороги.

Цариц. Вѣстн. 18 іюля, № 2602.

Смоленская губернія.

Въ селѣ Мошевомъ, Смоленской губ., крестьяне принялись раскапывать мѣстные древніе курганы. Всѣ пріемы раскопокъ они переняли у г. Сизова, извѣстнаго археолога, пріѣзжавшаго для раскопокъ мошевскихъ кургановъ лѣтомъ 1904 года. Крестьяне производятъ раскопки очень успѣшно и собрали массу такихъ вещей древности, какія въ 1904 году не попадались. Они составляютъ себѣ богатую коллекцію и берегутъ, намѣреваясь, кажется, за вещи и труды получить плату. Напр., найдены слѣдующія древнія, хорошо сохранившіяся вещи: разрисованная урна, четыре серебряныхъ съ надписями не то медали, не то привѣски къ бусамъ, бусы разныхъ видовъ, двѣ сѣкиры, ножи, запястья ушныя мѣдныя, ручные браслеты, зубы какого-то животнаго два вершка длиною и толщиною квадратныхъ полвершка, пряжки, кольца. Все, повидимому, до-христіанской русской эпохи.

Прибалт. Край 30 авг., № 202; ср. *Могилевскій Вѣстн.* 7 сент., № 206.

Тверская губернія.

Сегодня состоялась археологическая экскурсія на пароходѣ вверхъ по Волгѣ въ дер. Дуденево, около приволжскаго села Отмичи, въ 16 верстахъ отъ Твери. Въ экскурсіи приняли участіе воспитанники старшихъ классовъ тверской гимназіи съ инспекторомъ Крыловымъ во главѣ и нѣсколько членовъ тверской ученой архивной коммиссіи во главѣ съ ея предсѣдателемъ И. А. Ивановымъ. Близъ деревни Дуденева былъ разрытъ высокій могильный курганъ надъ обрывомъ лѣваго берега Волги. Въ разрытомъ могильникѣ найденъ хорошо сохранившійся человѣческій костякъ съ погребальной урной (глинянымъ горшкомъ) въ ногахъ. Кромѣ того, найдены нѣкоторыя принадлежности погребальнаго культа, желѣзные наконечники стрѣлъ и каменный наконечникъ, повидимому, остроги. По этимъ признакамъ участвовавшіе въ экскурсіи археологи относятъ погребеніе къ XII или XIII вѣку.

Нов. Время 23 сент., № 11326.

Тобольская губернія.

Крестьянинъ дер. Мазуровой, Байкаловской волости, Кобылинъ выѣхалъ въ поле пахать. Едва онъ прошелъ 2—3 борозды, какъ соха зацѣпилась о твердый предметъ; раздался глухой металлическій звукъ. Оказалось, что онъ

задѣлъ и нѣсколько вывернулъ большой чугунъ съ серебряными и мѣдными старинными монетами. Онъ сталъ ихъ собирать, набралъ полную шапку, но монетъ еще было много. Тогда онъ позвалъ свою мать и перенесъ весь найденный кладъ къ себѣ домой. Одной мѣди оказалось 2 пуда 15 фунт.; количество серебра нашедшіе скрываютъ, но его также не мало, такъ какъ чугунъ былъ полонъ, а онъ вышиной болѣе ½ аршина. Односельчане, осматривая мѣсто находки, также нашли въ бороздѣ немало серебряныхъ монетъ. Среди монетъ, по словамъ сообщившаго, есть мелкія монеты царевны Софіи (сестры Петра I).

Русское Чтеніе 2 авг., № 166.

Томская губернія.

Намъ сообщаютъ, что въ 4 верстахъ отъ дер. Маслихи, Бурлинской волости, Барнаульскаго уѣзда, подъ слоемъ земли, крестьяне открыли древній памятникъ. Онъ четырехугольной формы, 1 саж. въ высоту, 4 арш. 3 вершка въ ширину, выстроенъ изъ гранитной гальки, спаянной какимъ-то очень прочнымъ цементомъ. Подозрѣвая присутствіе какого-либо могильника, крестьяне начали уже раскопки подъ памятникомъ. Необходимо обратить на это вниманіе во избѣжаніе расхищенія очень, можетъ быть, цѣнныхъ археологическихъ находокъ.

Сибирская Жизнь 20 іюля, № 72.

Херсонская губернія.

Профессоромъ Э. Р. фонъ-Штерномъ написанъ трудъ объ одной весьма интересной ольвійской находкѣ—серебряномъ медальонѣ IV вѣка до Р. Х. съ бюстомъ Аѳины; медальонъ пріобрѣтенъ мѣстнымъ коллекціонеромъ I. Конельскимъ у археолога Ш. Гохмана. Отъ одного освѣдомленнаго въ области археологіи лица мы узнали нѣкоторыя, не лишенныя интереса подробности. Раскопки проф. Штерна на о. Березани продолжаютъ давать богатый археологическій матеріалъ и въ связи съ производимыми нынѣ проф. Фармаковскимъ раскопками въ древней Ольвіи (Парутино) обѣщаютъ помочь всестороннему историческому изслѣдованію этихъ древнихъ греческихъ поселеній на берегахъ Понта Эвксинскаго.

Очень интересную и цѣнную коллекцію предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ, продалъ на-дняхъ за границу служащій въ удѣльномъ вѣдомствѣ г. Мергель-де-Массоно. Живя близъ Керчи, онъ при посредствѣ керченскаго антикварія д-ра Терлецкаго въ теченіе 10 лѣтъ собралъ чрезвычайно рѣдкую коллекцію золотыхъ греческихъ, римскихъ и готскихъ предметовъ. Коллекція эта, какъ передаютъ, поражаетъ знатоковъ, которые высказываютъ даже недоумѣніе, какимъ образомъ наша археологическая коммиссія не охранила этихъ достопримѣчательностей, которыя теперь для насъ уже потеряны. Въ Одессѣ видными любителями археологіи являются П. А. Маврогордато и I. Конельскій, обладающіе большими и рѣдкими коллекціями. Большимъ знатокомъ древностей въ Одессѣ считается и Ш. Гохманъ, черезъ руки котораго проходятъ почти всѣ рѣдкости.

Одесскій Лист. 21 авг., № 190.

Раскопки текущаго лѣта, предпринятыя уполномоченнымъ Императорскаго Археологическаго Общества [1]) Б. В. Фармаковскимъ въ Ольвіи и проф. Э. Р. фонъ-Штерномъ и членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей С. Н. Грищенко,—уже закончились. Г. Штернъ провелъ на о. Березани время съ 1 іюня по 1 іюля. Тамъ раскопано было древнее городище, погиб-

[1]) Слѣдуетъ читать: Императорской Археологической Коммиссіи. *Ред.*

шее въ началѣ V столѣтія до Р. Х. Найдены фундаменты зданій и цѣлыя комнаты, выложенныя камнемъ. Въ мѣстахъ, гдѣ сожигались трупы, найдены были погребальныя урны, чаши и пепелъ покойниковъ. Въ городищѣ найденъ былъ «милетскій» сосудъ (голова воина въ шлемѣ). Раскопки производились главнымъ образомъ въ восточной сторонѣ острова Березани и въ сѣверной, гдѣ найдена была масса обломковъ сосудовъ строго аттическаго стиля, рѣдкая ваза стиля «Фикелюра» и надпись съ посвященіемъ Ахиллу.

Въ древней Ольвіи раскопки подъ наблюденіемъ г. Фармаковскаго велись въ сѣверо-восточной части города. Цѣлью раскопокъ этого лѣта было найти городскую греческую стѣну съ сѣверной стороны, что и удалось. Найдена древняя стѣна шириною въ 6 метровъ. Въ этой же сторонѣ найдена древняя башня, упоминаемая греческими историками. Затѣмъ найдена римская надпись, мраморная голова женщины и обломокъ съ рельефомъ женской руки, относящіеся къ V столѣтію до Р. Х.; по характеру выработки они относятся къ школѣ Фидія. Всѣ находки въ Ольвіи отправлены въ Эрмитажъ. Съ раскопокъ на Березани и въ Ольвіи сняты фотографическіе снимки.

Одесскій Лист. 30 авг., № 198.

Новороссійскій край, присоединенный къ Россіи при Екатеринѣ Великой, представлялъ тогда собою громадную площадь дѣвственныхъ степей или «цѣлинъ», которыя встрѣчаются еще и теперь въ очень ограниченномъ количествѣ. Въ археологическомъ отношеніи изслѣдованіе Новороссійскаго края находится въ зачаточномъ состояніи. Загадочными, молчаливыми сфинксами стоятъ многочисленные курганы-могилы Новороссійскаго края. Нѣкоторые изъ нихъ изслѣдованы, но многіе нѣтъ. Много и такихъ, которые чуть видны на степяхъ.

Пишущему настоящія строки посчастливилось кое-что найти при раскопкѣ кургана на землѣ г. Москопуло, въ Елисаветградскомъ уѣздѣ 11 лѣтъ тому назадъ. Курганъ этотъ большой и возлѣ него пять совсѣмъ почти незамѣтныхъ, такъ сказать, вросшихъ въ землю кургановъ. Начавъ рыть съ верхушки большого кургана, на второй день раскопокъ, на глубинѣ 2½ аршинъ обнаруженъ былъ громадный истлѣвшій гробъ, и въ немъ скелетъ около 3 аршинъ, на шейныхъ позвонкахъ котораго былъ надѣтъ серебряный обручъ въ видѣ спирально закрученной дужки, къ концамъ которой былъ прикрѣпленъ истлѣвшій позументъ, а къ послѣднему серебряныя шишечки. На правой рукѣ скелета—серебряный браслетъ въ видѣ витого кружка, а возлѣ лѣвой ноги—серебряная витая палочка длиной въ 5 вершковъ. Рядомъ съ найденнымъ гробомъ обнаруженъ былъ скелетъ коня и на немъ истлѣвшее сѣдло съ уцѣлѣвшими желѣзными стременами. Описываемая мною находка въ настоящее время находится въ археологическомъ музеѣ г. Херсона.

Начавъ рыть далѣе, на глубинѣ 10 аршинъ отъ поверхности земли, наткнулись на гранитныя плиты площадью въ 5 аршинъ и былъ обнаруженъ ходъ, заваленный огромной гранитной скалой, которую пришлось стащить съ мѣста при помощи воловъ. Когда входъ очистился, оказалось, что это небольшой, въ видѣ эллипсиса, сложенный изъ камня склепъ, въ которомъ находилась зола и земля, очевидно—слѣды кремаціи, можетъ быть, скиѳскаго или гуннскаго періода. Входъ въ склепъ былъ изукрашенъ красными зигзагами, земляной красной краской, кусокъ которой валялся у входа въ склепъ. Начавъ рыть съ боку кургана, наткнулись на глубинѣ 2 аршинъ на гранитные остяки въ 4 аршина, идущіе въ глубь кургана, закругляясь. Остяковъ такихъ на разстояніи одинъ отъ другого на 1½ аршина, нашли 6 штукъ, они идутъ и далѣе вглубь, но на этомъ раскопка прервалась. Въ 1908 году я думаю ее продолжать, такъ какъ послѣдняя находка крайне интересна и

загадочна, и съ ходомъ работъ я съ удовольствіемъ познакомлю читителей «Николаевской Газеты».

Съ описаніемъ раскопки кургана я невольно отклонился отъ изложенія нуждъ Новороссійскаго края, но я думаю, читатели не посѣтуютъ на это, тѣмъ болѣе что, сообщая о раскопкѣ кургана, я имѣлъ въ виду напомнить, что есть еще масса неизвѣданныхъ кургановъ Новороссіи, которые необходимо изслѣдовать.—*Н. Ковалевъ*.

Николаевская Газ. 27 ноября, № 560.

Черниговская губернія.

Мы слышали, что однимъ изъ экскурсантовъ минувшаго лѣта доставленъ въ Черниговъ на выставку при археологическомъ съѣздѣ какой-то рѣдкостный сосудъ. Назначеніе сосуда не установлено; съ виду онъ похожъ на братину, вмѣстительностью до 50 стакановъ. На сосудѣ имѣется звѣриный орнаментъ: пегасъ, всадникъ на львѣ, просто левъ и проч., всѣ изображенія и инкрустаціи въ медальонахъ. Вообще, все въ этомъ сосудѣ составляетъ пока неразгаданную загадку, и въ Черниговѣ не нашлось такого знатока, который могъ бы опредѣлить этотъ предметъ. Показывали его пріѣзжавшему сюда недавно профессору,—и тотъ не опредѣлилъ. Случайно мы видѣли этотъ рѣдкостный экземпляръ въ фотографіи Р. А. Чарнецкаго, гдѣ съ него сняты три фотограф. снимка, которые посылаются въ Петербургъ какому-то профессору-спеціалисту для опредѣленія.

Черниг. Слово 25 сент., № 261.

Къ тысячелѣтію г. Чернигова (907—1908). Ни лѣтописи, ни археологическія изысканія не даютъ намъ никакихъ данныхъ не только для установленія, но даже и для вѣроятныхъ предположеній о времени возникновенія города Чернигова. Прошлое Чернигова, несомнѣнно глубокое, до первыхъ лѣтописныхъ извѣстій о немъ, сокрыто во мракѣ вѣковъ.

Черниговъ—городъ сѣверянъ. Сѣверяне, населявшіе большую половину нынѣшней Черниговской губерніи, по лѣтописямъ, считались грубѣйшими изъ племенъ русскихъ славянъ, потому что къ нимъ непосредственно относится первое извѣстіе лѣтописи: «живяху въ лѣсѣхъ, яко всякій звѣрь, ядуще все нечисто»... [1]) Такое мнѣніе о нихъ принималось почти всѣми историками, пока, благодаря чрезвычайно удачнымъ раскопкамъ въ землѣ сѣверянъ проф. Д. Я. Самоквасова, этотъ нелестный пристрастный отзывъ лѣтописца о сѣверянахъ не былъ совершенно опровергнутъ.

Проф. Самоквасовъ говоритъ: «Фактъ существованія во многихъ мѣстностяхъ сѣверянской земли городищъ, остатковъ общественныхъ укрѣпленій, а при нихъ общественныхъ кладбищъ (состоящихъ изъ сотенъ насыпей, до нынѣ сохранившихся, между которыми встрѣчаемъ могилы, громадныя сооруженія, обязанныя своимъ возникновеніемъ труду многихъ лицъ) указываетъ на существованіе у сѣверянъ языческой эпохи политическихъ обществъ. Одинаковый обрядъ погребенія, открываемый въ курганахъ одной группы и въ курганахъ разныхъ группъ, удаленныхъ другъ отъ друга на сотни верстъ, доказываетъ существованіе на всемъ пространствѣ земли сѣверянъ общихъ народныхъ обычаевъ. Различная величина могильныхъ насыпей и различное богатство погребенныхъ, выражающееся въ большемъ или меньшемъ количествѣ, въ лучшемъ или худшемъ качествѣ вещей, найденныхъ въ томъ или другомъ курганѣ, показываютъ неравенство общественныхъ классовъ въ сѣверскихъ обществахъ» [2]).

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 7—8.

[2]) Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи, Д. Самоквасова, въ Трудахъ 3 арх. съѣзда.

Итакъ, не звѣринскимъ образомъ жили сѣверяне, когда у нихъ, благодаря раскопкамъ, найдено большое разнообразіе предметовъ домашняго обихода, когда установлено, что они занимались земледѣліемъ и торговлею, когда, наконецъ, у нихъ были извѣстныя духовныя потребности.

Раскопки черниговскихъ кургановъ—«Черной могилы и Гульбища» подтверждаютъ это въ частности, собственно для Чернигова. Найденныя въ нихъ монеты византійскихъ императоровъ и саманидскій диргемъ даютъ основаніе отнести время насыпи ихъ къ послѣдней четверти IX вѣка, а размѣръ кургановъ и найденныя вещи указываютъ на погребеніе знатнаго лица—князя. Существовавшія группы кургановъ за Черниговомъ, на Болдиныхъ горахъ и за Троицкимъ монастыремъ, коихъ насчитывалось въ 50 годахъ прошлаго вѣка нѣсколько сотъ, говорятъ за то, что здѣсь было громадное кладбище Чернигова языческихъ временъ.

Записано, или вѣрнѣе, измышлено преданіе, что Черная могила прикрывала собою прахъ знаменитаго сѣверянскаго князя, по имени Чернаго, основателя Чернигова, давшаго послѣднему его названіе. Другой курганъ прикрывалъ прахъ княжны Чорны, дочери князя Чернаго, бросившейся изъ окна своего терема и лишившейся жизни во время осады Чернигова княземъ древлянскимъ, плѣнившимся ея красотою [1]). Преданіе это—одна изъ недавнихъ попытокъ дать объясненіе, почему Черниговъ получилъ свое имя, и больше ничего. Признать князя Чернаго, жившаго во второй половинѣ IX вѣка, какъ показали раскопки, за основателя Чернигова, никакъ невозможно. Отъ какого или какихъ корней произошло слово Черниговъ—также вопросъ спорный и разрѣшить его—дѣло филологовъ.

Въ первый разъ лѣтописи говорятъ о сѣверянахъ въ 884 (6391) году. Въ этомъ году воинственный князь Кіевскій «Олегъ иде на Сѣверы и побѣди Сѣверы и возложи на нихъ дань легъку и не дасть имъ Козарамъ дань даяти, рекъ: азъ имъ противенъ, а вамъ нечему» [2]). Эти слова показываютъ, что сѣверяне въ это время отличались отъ другихъ завоеванныхъ Олегомъ племенъ уже значительною степенью земельной самостоятельности; они были ближайшими сосѣдями могущественныхъ хозаръ и, повидимому, имѣли къ нимъ сильное тяготѣніе. Олегу не довольно было имъ сказать: платите дань мнѣ, а не Хозарамъ, а нужно было побѣдить ихъ и послѣ побѣды, для привлеченія ихъ къ себѣ, наложить не въ примѣръ другимъ и легкую дань.

Нельзя-ли къ этому походу Олега на «Сѣверы» отнести и смерть князя Чернаго и его дочери Чорны (если это не выдумка только)? Это не будетъ стоять въ противорѣчіи съ открытыми при раскопкахъ данными. Напрашивается еще одинъ вопросъ. «Олегово поле» не отъ стоянки-ли войска Олегова получило свое имя и доселѣ его удержало? Но лѣтописи, кромѣ ранѣе приведеннаго, ничего болѣе не говорятъ о событіяхъ изъ этого похода Олега на сѣверянъ.

До 907-го (6415) года мы не имѣемъ въ лѣтописяхъ о сѣверянахъ никакихъ извѣстій; въ этомъ же году Олегъ совершилъ свой знаменитый походъ на грековъ. «Іде Олегъ на Греки, Игоря остави въ Кыевѣ, поя же множество Варягъ, Словѣнъ и Чуди, и Кривичи, и Мерю, и Поляне, и *Сѣверу*, и Древляне, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверцы» [3]).

Итакъ, въ числѣ Олеговой дружины, выступившей въ походъ на грековъ, мы находимъ и сѣверянъ и, какъ далѣе увидимъ, не на послѣднемъ мѣстѣ.

Сборное войско подъ знаменемъ Олега было многочисленное. Днѣпръ покрылся двумя тысячами легкихъ судовъ: на всякомъ было сорокъ воиновъ;

[1]) Черн. Губ. Вѣд. 1851 г., стр. 237 и слѣд., ст. Котлярова: „О городѣ Черниговѣ".

[2]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 15. Ипат. Лѣт. стр. 13—14.

[3]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 18.

конница шла берегомъ. Походъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ очень удаченъ для Олега. Опустошивъ окрестности Константинополя со всѣмъ безчеловѣчіемъ и жестокостію варваровъ, какъ изображаетъ лѣтописецъ, Олегъ приступилъ къ осадѣ города. Греки, устрашенные, не надѣясь отразить враговъ, поспѣшили предложить Олегу миръ и дань. Заключенъ былъ слѣдующій мирный договоръ [1]): I. Греки даютъ дани по 12 гривенъ на человѣка его войска и кромѣ того, «уклады» на русскіе города: «первое на Кіевъ, также и на *Черниговъ*, и на Переяславъ, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ и на прочія городы; по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще». II. Послы, отправляемые княземъ Русскимъ въ Царьградъ, будутъ тамъ всѣмъ довольствованы изъ казны императорской. Русскимъ гостямъ или торговымъ людямъ, которые пріѣдутъ въ Грецію, императоръ обязанъ на шесть мѣсяцевъ давать хлѣба, вина, мяса, рыбы и плодовъ; они имѣютъ также свободный входъ въ «мови» (народныя бани) и получаютъ на возвратный путь съѣстные припасы, якори, снасти, парусы и все нужное.

I. Россіяне, которые будутъ въ Константинополѣ не для торговли, не имѣютъ права требовать мѣсячнаго содержанія. II. Да запретитъ князь посламъ своимъ дѣлать жителямъ обиду въ областяхъ и въ селахъ греческихъ. III. Россіяне могутъ жить только у (церкви) св. Мамы и должны увѣдомлять о своемъ прибытіи городское начальство, которое запишетъ ихъ имена и выдастъ имъ мѣсячное содержаніе: Кіевскимъ, Черниговскимъ, Переяславскимъ и другимъ гражданамъ. Они будутъ входить только въ одни ворота съ приставомъ императорскимъ, безоружные и не болѣе пятидесяти человѣкъ вдругъ; могутъ торговать свободно въ Константинополѣ, не платя никакой пошлины [2]).

Договоръ сей былъ утвержденъ клятвою: императоръ клялся Евангеліемъ, Олегъ съ воинами оружіемъ и богами своими—Перуномъ и Волосомъ.

Изъ этихъ мирныхъ условій, а еще болѣе изъ подробнаго договора Олега съ греками 911 года, явившагося какъ бы продолженіемъ перваго, мы видимъ, что этотъ походъ имѣлъ прежде всего чисто торговыя цѣли, долженъ былъ урегулировать торговыя сношенія русскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ для торговли въ Царьградъ. Въ числѣ городовъ, на которые были положены «уклады» [3]), Черниговъ занимаетъ первое послѣ Кіева мѣсто; кромѣ его, мы видимъ здѣсь еще два сѣверянскихъ города—Переяславъ и Любечъ; очевидно, слѣдовательно, что эти три сѣверянскіе города принимали самое живое и дѣятельное послѣ Кіева участіе въ торговлѣ съ греками, а сѣверяне—самое численное и видное участіе въ походѣ на Царьградъ съ Олегомъ. Это извѣстіе имѣетъ для насъ значеніе съ разныхъ сторонъ: оно показываетъ степень зависимости различныхъ областей (въ томъ числѣ и Сѣверской) отъ Кіева; изъ него мы видимъ, что всѣ города (а слѣдовательно и земли) принимаютъ участіе въ тѣхъ внѣшнихъ походахъ, которыми почти всѣ равно заинтересованы; интересы стольнаго города здѣсь только стоятъ на первомъ планѣ; «уклады» даются на всѣ русскіе города, только на Кіевъ они даются «первое», то есть прежде всего.

Не будемъ говорить о важномъ значеніи этого *перваго* лѣтописнаго упоминанія о Черниговѣ для сужденія о другихъ сторонахъ общественной и политической жизни сѣверянъ того времени. Объ этомъ желательно имѣть

---

[1]) Лишь немногіе изъ русскихъ историковъ, и то только историковъ „права", не довѣряя лѣтописцу Нестору, подвергаютъ сомнѣнію этотъ походъ Олега, основываясь на томъ, что византійскіе историки объ этомъ не говорятъ, но ни одинъ не взялъ смѣлости доказать его легендарность; большинство же вѣрятъ и одному Нестору въ этомъ случаѣ.

[2]) Карамзинъ, т. I, стр. 90.—Багалѣй, Исторія Сѣверской земли, стр. 33—35.

[3]) Право пользоваться безплатнымъ содержаніемъ торговымъ людямъ отъ греческаго правительства и право свободной торговли.

капитальное научное изслѣдованіе ко времени, когда рѣшено будетъ отпраздновать исполнившійся въ текущемъ 1907 г. тысячелѣтній юбилей лѣтописнаго города Чернигова.—Свящ. *К. Карпинскій.*

Черниг. Слово 25 окт., № 283.

Археологическія раскопки въ селѣ Мезинѣ, Кролевецкаго уѣзда, закончились и въ Черниговъ доставлены въ шести большихъ ящикахъ и бочкѣ кости найденнаго мамонта, а съ послѣднимъ пароходомъ доставлены еще нѣкоторые кухонные и кремневые остатки, лежавшіе вмѣстѣ съ костями, съ землей, которая была подъ мамонтомъ. Всего доставлено около 40—50 пудовъ.

Черниг. Слово 27 окт., № 285.

Эриванская губернія.

Trouvaille archéologique. Le professeur Marr, occupé à faire des fouilles dans les ruines d'Ani (district d'Alexandropol, gouvernement d'Erivan), a découvert un palais dans la citadelle. Tout le bâtimênt est partagé en deux parties par une longue galerie. La plus grande salle a 20 métres de long sur 10,5 métres de large; elle communique avec une autre salle, plus petite, au moyen d'un appartement divisé en 7 chambres et servant de bain. Dans la partie méridionale se trouve une église. Les murs sont blancs à l'extérieur, tandis que, à l'intérieur, il y en a beaucoup qui sont couverts de mosaïque multicolore. Le plancher est également fait de mosaïque. En fait d'ornements en bois, on n'a retrouvé qu'une seule pièce, admirablement ciselée, peinte en blanc, en rouge et en bleu; c'est probablement un reste de trône. De plus, on a trouvé des débris d'ustensiles de ménage et différents objets d'usage domestique.

Journal de St. Pétersburg, 3 августа.

Эстляндская губернія.

23—24 іюля, какъ сообщаетъ «Эйгусъ», въ имѣніи Іоганнисгофъ близъ Ревеля въ древне-эстонскомъ курганѣ, гдѣ, очевидно, въ старыя времена происходило сожженіе труповъ, найдено значительное количество различныхъ предметовъ, имѣющихъ, повидимому, весьма древнее происхожденіе. Найдено 25 бронзовыхъ браслетовъ, 3 брошки, 3 кривыхъ бронзовыхъ ножа, около 40 корабельныхъ гвоздей, множество различныхъ колецъ и перстней съ замысловатыми гравюрами и пр. Въ центрѣ кургана была найдена брошка значительной величины (7—8 дюймовъ длины и 3—4 дюйма ширины) съ заостренными на подобіе иглъ концами. Въ томъ же мѣстѣ вокругъ обгорѣвшей локтевой кости найдено 8 браслетовъ. По предположенію, брошка и браслеты принадлежали знатному вождю, тѣло котораго было сожжено и прахъ съ соотвѣтствующими почестями похороненъ въ центрѣ кургана. Всѣ найденные предметы переданы пастору Брашс, который намѣренъ передать ихъ ревельскому музею.

Прибалт. Край 28 іюля, № 174.

Нарвская эпопея въ археологическомъ памфлетѣ. Прочитанная подъ этимъ заглавіемъ, въ залѣ клуба «Гармонія», въ среду 21 ноября, Н. И. Вертоградскимъ лекція собрала многочисленныхъ слушателей, съ большимъ интересомъ отнесшихся къ сообщенію лектора, изслѣдованія коего въ области нарвской археологіи оказались, дѣйствительно, весьма любопытными.

Въ прошломъ году въ одной изъ колбасныхъ лавокъ въ городѣ Нарвѣ (у М. Филатова) была обнаружена увѣсистая чугунная доска съ рельефными изображеніями, сюжетъ которыхъ сначала поставилъ втупикъ большинство лицъ, видѣвшихъ доску: въ верхней половинѣ изображенъ всадникъ въ томъ самомъ характерномъ видѣ, въ которомъ обыкновенно изображаютъ св. Георгія

Побѣдоносца, но съ множествомъ добавочныхъ фигуръ, ничего общаго съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ, повидимому, не имѣющихъ; нижняя часть доски рисуетъ какую-то сцену изъ міра животныхъ, за которой наблюдаютъ двѣ сидящія въ сторонѣ женщины, раздѣленныя водянымъ потокомъ.

Заинтересовавшись находкой, Н. И. Вертоградскій занялся весьма тщательнымъ изученіемъ всѣхъ изображенныхъ на доскѣ фигуръ, стараясь путемъ сопоставленій найти ключъ къ разгадкѣ археологичесхой шарады.

Въ своемъ сообщеніи 21-го ноября лекторъ подѣлился съ многочисленной аудиторіей слушателей результатами своего изслѣдованія, на основаніи котораго онъ построилъ блестящую гипотезу, объясняющую содержаніе и смыслъ изображенныхъ на доскѣ рельефныхъ картинъ, которыя онъ и назвалъ археологическимъ памфлетомъ на историческій эпизодъ изъ жизни города Нарвы, когда болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ русскія войска потерпѣли здѣсь пораженіе со стороны шведовъ.

По мнѣнію Н. И. Вертоградскаго, найденная нынѣ доска представляетъ собою произведеніе шведскаго художника, въ упоеніи побѣдителя осмѣявшаго пораженіе войскъ Петра Великаго двумя символическими картинами, въ которыхъ шведскій король Карлъ XII изображенъ въ видѣ Георгія Побѣдоносца, поражающаго злое чудовище—Россію, чуть было не поглотившее дѣвушку, олицетворяющую г. Нарву, а Петръ Великій превращенъ чарами богини Діаны (Нарвы) въ оленя, поѣдаемаго своими собственными собаками (военно-начальниками). Шагъ за шагомъ приводилъ лекторъ тѣ основанія, на которыхъ строитъ онъ свои предположенія, и тѣ историческія и литературныя данныя, которыя подтверждаютъ созданную имъ гипотезу. Лекція поэтому слушалась съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что она сопровождалась туманными картинами, помогавшими слушателямъ слѣдить за мыслью и провѣрять выводы лектора.

Единственнымъ упрекомъ Н. И. Вертоградскому мы поставимъ отсутствіе заключительнаго аккорда, который такъ и напрашивался самъ собой и къ которому, видимо, подходилъ весьма близко и самъ лекторъ въ концѣ своего сообщенія, при упоминаніи о послѣдующемъ историческомъ эпизодѣ—взятіи Нарвы Петромъ Великимъ. Послѣ этого мы ожидали снова увидѣть на экранѣ изображеніе чугунной доски, чтобы зрители могли посмотрѣть на нее, какъ на легкомысленную по своей скороспѣлости сатиру шведскаго художника, сведенную на нѣтъ естественнымъ ходомъ историческихъ событій. Но это, конечно, мелочь, и мы совершенно искренно присоединяемся къ тѣмъ горячимъ аплодисментамъ, которыми наградили слушатели Н. И. Вертоградскаго, внесшаго весьма цѣнный вкладъ въ археологическую сокровищницу города Нарвы.—*Е. М. Ш.*

Спб. Вѣд. 14 сент., № 203.

16-го октября возвратились изъ экскурсіи члены археологическаго кружка при С.-Петербургскомъ университетѣ, ѣздившіе въ гор. Нарву и его окрестности для изслѣдованія историческаго пониженія уровня Балтійскаго моря и осмотра древнихъ достопримѣчательностей мѣстности. Экскурсія эта совершена подъ руководствомъ проф. Н. И. Веселовскаго.

Главною цѣлью экскурсіи было провѣрить распространившійся слухъ, что въ 6 верстахъ отъ Нарвы, въ лѣсу, находится въ землѣ корабль древняго голландскаго типа. Находка эта принадлежитъ крестьянамъ ближайшихъ къ Нарвѣ деревень, случайно наткнувшимся на него при выкапываніи корневищъ старыхъ деревьевъ. По преданію, на мѣстѣ этого лѣса въ отдаленныя времена было море. И дѣйствительно, здѣсь часто находятъ всевозможныя части старинныхъ орудій, корабельной оснастки и пр., а 60 лѣтъ назадъ

была найдена даже цѣлая корма какого-то корабля. Къ сожалѣнію, находка была уничтожена крестьянами, не придавшими ей особаго значенія.

Узнавъ о новой находкѣ, археологическій кружокъ поспѣшилъ отправиться на мѣсто. Къ сожалѣнію, произвести разслѣдованіе не удалось вслѣдствіе топкости мѣстности. Однако, есть нѣкоторыя данныя, подтверждающія слова крестьянъ. Въ архивѣ мѣстной лютеранской церкви имѣются древнія записи, что около XII столѣтія въ Финскомъ заливѣ дѣйствительно затонулъ голландскій корабль, нагруженный золотомъ и орудіями, и что корабль этотъ занесенъ къ Нарвѣ, къ тому именно мѣсту, гдѣ теперь растетъ этотъ лѣсъ. Подробное изслѣдованіе этой интересной находки отложено до первыхъ морозовъ.

Поѣздка тѣмъ не менѣе увѣнчалась другими находками, Такъ, у глинта найдено множество окаменѣлостей, въ которыхъ ясно очерчены формы Aleноleus'овъ разныхъ видовъ, разной величины Cistedea изъ игложилыхъ и изъ молюсковъ—Endoceras. Послѣдніе различнаго размѣра.—*А. Ю.*

Пет. Листокъ. 17 окт., № 285.

Ярославская губернія.

Хищенія памятниковъ церковной старины. «Изучайте свою старину, а если на то нѣтъ желанія, то хотя сохраняйте ея памятники». Таковъ былъ наказъ VII археологическаго съѣзда, бывшаго въ Ярославлѣ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Кажется, времени прошло немного, кажется, можно было запомнить несложный завѣтъ. Однако, современная жизнь наталкиваетъ на такія обстоятельства, которыя краснорѣчиво указываютъ какъ разъ обратное.

Не такъ давно у насъ произошла непріятная исторія въ церкви Вознесенія. Священникъ о. Александръ Голосовъ продалъ купцу Оловянишникову нѣсколько древнихъ церковныхъ крестовъ и сосудовъ и въ числѣ ихъ потиръ прекраснѣйшей работы XVII вѣка, съ датой 7192 (1684) года. Всѣ предметы были оцѣнены купцомъ въ 30 руб. и священникъ вымѣнялъ ихъ на новый серебряный крестъ цѣнностью въ 44 рубля. Поданный счетъ на разницу въ 14 рублей почтенный батюшка не постѣснился предъявить церковному старостѣ для оплаты. Но тутъ для любителя «новыхъ» предметовъ встрѣтилось неожиданное препятствіе. Староста и его помощникъ оказались какъ разъ цѣнителями родной старины и съ нескрываемымъ удивленіемъ высказались о «варварскомъ» поступкѣ священника-академика, продавшаго на сломъ драгоцѣнные памятники, которыми они всегда любовались и тщательно ихъ берегли.

Бросились къ Оловянишникову и здѣсь нашли всѣ сосуды Вознесенской церкви, но въ какомъ видѣ! Поддонокъ у дискоса уже былъ отломанъ, съ древнихъ крестовъ оклады сняты и поломаны; одинъ потиръ, по счастью, оказался цѣлъ; очевидно, и у купца не поднялась рука на этотъ памятникъ старины.

Дѣло перешло по жалобѣ старосты въ ярославскую архивную коммиссію и чѣмъ кончится, пока неизвѣстно. Академикъ о. Голосовъ служитъ при церкви всего 10 мѣсяцевъ, «но мало наслужилъ, да много наломалъ», характеризуютъ его дѣятельность близко знающіе его люди.

Если мы вспомнимъ саратовскій случай, гдѣ причтъ Никольской церкви, въ погонѣ за ничтожной суммой въ 160 рублей, продалъ татарамъ-старьевщикамъ семь старинныхъ прекрасной работы ризъ, съ которыхъ татары «содрали» одного жемчуга болѣе чѣмъ на 200 рублей, не считая алмазовъ и рубиновъ и не принимая въ расчетъ самой древности священныхъ предметовъ; если возстановимъ въ памяти возмутительную исторію смоленскаго церковно-археологическаго музея и пожаръ церкви, гдѣ хранились остатки растраченнаго музея, то передъ нами обрисуется въ огромномъ масштабѣ

картина, предъ которой съ ужасомъ остановится каждый, не зараженный духомъ злобы и разрушенія...

Крикъ невольнаго возмущенія вырывается изъ груди: пора положить предѣлъ безумному варварству; пора оградить церковь отъ «экспропріаторовъ», которые въ погонѣ за грошевой выручкой безпощадно губятъ послѣдніе остатки сѣдой старины.—*Одинъ изъ членовъ Ярославской архивной коммиссіи.*

Новое Время 9 дек., № 11403.

М. г. Въ № 11403 вашей уважаемой газеты отъ 9 декабря текущаго года однимъ изъ членовъ Ярославской архивной коммиссіи помѣщена была замѣтка подъ заглавіемъ: «Хищенія памятниковъ церковной старины». Суть этой тенденціозной замѣтки сводится къ тому, что якобы я «въ погонѣ за грошовой выручкой продалъ купцу Оловянишникову нѣсколько древнихъ церковныхъ крестовъ и сосудовъ».

Сообщеніе о *совершившейся* продажѣ мною крестовъ и нѣсколькихъ сосудовъ положительно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Упоминаемыя въ корреспонденціи церковныя вещи и посейчасъ находятся въ Вознесенской церкви въ томъ видѣ, какъ онѣ были ранѣе. Сохранность ихъ засвидѣтельствована трижды оффиціальными властями, а слѣдовательно ни о какихъ хищеніяхъ памятниковъ церковной старины не можетъ быть и рѣчи.

Изъ сказаннаго съ очевидностью ясно, что съ моей стороны не проявлено было никакого «безумно-варварскаго» поступка, который я допустилъ якобы «въ погонѣ за грошовой выручкой». А что слѣдуетъ ограждать церковь отъ «экспропріаторовъ», особенно такихъ, которые ежегодно сбываютъ на нижегородской и другихъ ярмаркахъ, въ этомъ я убѣжденъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ почтенныхъ членовъ Ярославской архивной коммиссіи.

Вознесенской гор. Ярославля церкви священникъ *Александръ Голосовъ.*

Новое Время 28 дек., № 11420.

IV. Библіографія.

Пособіе къ изученію русской старины. И. С. Бѣляевъ. *Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII столѣтій.* I—II и 1—84 стр. Москва. 1907 г. Цѣна 1 рубль (на веленевой бумагѣ 2 р., на мѣловой 5 р.).

Съ точки зрѣнія изученія нашей родной старины пріобрѣтаетъ большое значеніе и должна получить широкое распространеніе названная книга съ такимъ, повидимому, спеціальнымъ и узкимъ названіемъ.

Изученіе по книгамъ, по которымъ прежде, бывало, писались и ученыя диссертаціи, все болѣе и болѣе перестаетъ удовлетворять любителей старины и все шире развивается стремленіе къ непосредственному ознакомленію съ ней по документамъ и даже не по печатнымъ ихъ изданіямъ, а по архивнымъ подлинникамъ. Вотъ тутъ-то и оказывается, что современный образованный человѣкъ предъ родными (не какими-нибудь чуждыми) письменами своихъ предковъ, на которыхъ и смотритъ-то онъ нерѣдко свысока, является безпомощнымъ, словно какой безграмотный или малограмотный.

Это, конечно—ненормальное до дикости явленіе, за которое несутъ на себѣ отвѣтственность наши гимназіи и университеты. И только одинъ Петербургскій Археологическій Институтъ восполнялъ до сихъ поръ этотъ существенный пробѣлъ въ нашемъ образованіи, а съ предстоящаго учебнаго года выступитъ и Московскій Археологическій Институтъ.

Но не всѣ интересующіеся могутъ воспользоваться ихъ учеными услугами. Для такихъ лицъ необходимо домашнее пособіе для ознакомленія со

старинною грамотой, своего рода самоучитель. Такимъ пособіемъ для самостоятельнаго изученія этой грамоты за сто лѣтъ отъ насъ и далѣе вглубь является названная книга.

Составлена она, какъ видно изъ предисловія, практикомъ, человѣкомъ болѣе 20 лѣтъ знакомымъ съ архивными документами. Для читателя важно знать, что онъ не натолкнется здѣсь на излишнія теоретическія разсужденія, а получитъ все ему необходимое на первый разъ.

Въ этомъ отношеніи центръ книги составляетъ «азбука скорописи XV—XVIII столѣтія», въ которой собраны многочисленные виды начертанія отдѣльно каждой буквы, такъ иногда не похожія на нынѣшнія. Затѣмъ они разсматриваются въ составѣ цѣлыхъ словъ и фразъ, т. е. во взаимныхъ отношеніяхъ, со всевозможными выносками на верхъ (и опущеніемъ внизъ), титлами, типично-условными сокращеніями, иногда сплетеніями въ такъ называемую «вязь». Наконецъ, предлагаются съ необходимыми объясненіями цѣльные документы разныхъ столѣтій или значительные отрывки изъ нихъ. Въ видѣ приложенія даны образцы: «устава» XI вѣка, «полуустава» XIV вѣка, такъ называемаго «бѣлорусскаго письма» въ скорописи XVII вѣка и неразборчивой собственноручной «помѣты» дьяка, что составляетъ верхъ испытанія въ искусствѣ чтенія рукописей.

Начиная съ азбуки, все изложеніе иллюстрируется снимками, исполненными цинкографіей по фотографіи. Такихъ снимковъ съ рукописей 14 отдѣльныхъ таблицъ и болѣе тридцати образцовъ, въ одну-нѣсколько строкъ, разбросанныхъ въ текстѣ книги. Спеціально для изданія вырѣзаны различные надстрочные знаки и выносныя буквы. Этимъ достигается полная наглядность курса.

Книга далеко не ограничивается этимъ содержаніемъ. Въ 10-ти ея главахъ авторъ даетъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, необходимыя или интересныя для изучающаго старину, какъ-то: а) о матеріалахъ для письма и письменныхъ принадлежностяхъ, б) о формѣ документовъ, въ видѣ книгъ и столбцовъ, и внѣшнихъ признакахъ, т. е. скрѣпахъ, нумераціи и разныхъ надписяхъ, в) о старинномъ лѣтосчисленіи, г) объ особенностяхъ стариннаго языка и значеніи вышедшихъ изъ употребленія словъ, особенно разныхъ мѣръ, д) объ особенностяхъ грамматики древняго русскаго языка и е) о различныхъ способахъ списыванія и изданія документовъ, съ измѣненіемъ или безъ измѣненія прежняго правописанія. Надо признать, поэтому, что всякій желающій, при помощи руководства г. Бѣляева, можетъ очень близко подойти къ чтенію и пониманію старинныхъ рукописей.

Кромѣ практическаго значенія, оно, конечно, имѣетъ и свою долю научнаго интереса, какъ первый опытъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, причемъ автору пришлось даже изобрѣтать собственную терминологію, и какъ матеріалъ для дальнѣйшей разработки затронутыхъ вопросовъ. И здѣсь каждая глава или даже отдѣльное мѣсто книги могутъ разростись въ самостоятельное изслѣдованіе. Поэтому говорить сейчасъ о возможныхъ поправкахъ и дополненіяхъ мы считаемъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что авторъ и самъ не скрываетъ спорности нѣкоторыхъ вопросовъ и неполноты своего изданія, зависящей, между прочимъ, и отъ недостатка средствъ. Такія предпріятія, кромѣ массы труда, требуютъ и значительныхъ расходовъ для отпечатанія снимковъ, чему въ данномъ случаѣ помогла, по свидѣтельству автора, просвѣщенная поддержка графа С. Д. Шереметева. Пожелаемъ, чтобы то, что не по силамъ и не по средствамъ одному лицу, было детально полно и глубоко разработано и должнымъ образомъ издано вновь возникшимъ Московскимъ Археологическимъ Институтомъ. А о книгѣ Бѣляева заключимъ, что пока она единственная въ своемъ родѣ.—*Н. А.*

Моск. Вѣд. 17 авг., № 188.

Вышелъ октябрьскій номеръ художественнаго журнала «Старые Годы». Это—почти единственный у насъ въ Россіи журналъ, по праву могущій назваться «художественнымъ» какъ по своей прекрасной внѣшности, такъ и по содержанію. Обращаетъ на себя вниманіе статья Н. В. Некрасова, описывающая имѣніе Александровское (въ окрестностяхъ Москвы), принадлежавшее князьямъ Урусовымъ, теперь же составляющее собственность семьи Всеволожскихъ. Домъ производитъ совершенно исключительное впечатлѣніе на посѣтителя и по архитектурѣ своей, и по стильной, прекрасно сохранившейся мебели, и по богатому собранію картинъ, миніатюръ, книгъ, фарфора, бронзы и т. п Размѣръ, расположеніе комнатъ, окраска ихъ стѣнъ, собранныя въ нихъ картины, бронза и фарфоръ, ихъ мебель, ковры,—все въ ласкающемъ глазъ сочетаніи. Постоянно чувствуется великій художественный законъ—единство въ разнообразіи и разнообразіе въ единствѣ, законъ, служащій краеугольнымъ камнемъ искусства. При статьѣ—нѣсколько репродукцій съ наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ искусства, какъ Мадонна Чезаре да-Сесто, копія съ погибшей въ миланскомъ музеѣ Брера, «Танцовщица» Вижэ-Лебренъ и мн. др. Совершенно справедливо указываетъ авторъ на то, что все меньше и меньше остается въ Россіи старинныхъ усадебъ и пріютившихся тамъ произведеній искусства. Хорошо, если собранія эти попадутъ въ музеи, чаще же всего они уходятъ за границу, чтобы обратно не вернуться уже никогда. Вотъ почему уцѣлѣвшія собранія такъ дороги, а знакомство съ ними въ подлинникахъ въ высшей степени цѣнно. Для тѣхъ же, кто не видалъ ихъ въ натурѣ, не можетъ быть безинтереснымъ ихъ описаніе въ печати. Остальная часть журнала посвящена обзору бывшей минувшимъ лѣтомъ въ Парижѣ выставки Фрагонара и Шардена и хроникѣ текущей художественной жизни на Западѣ.—*О. Б.*

Спб. Вѣд. 30 окт., № 240.

V. Разныя извѣстія.

† *С. М. Шпилевскій.* Телеграфъ уже сообщилъ, что въ ночь на 21 іюля умеръ извѣстный профессоръ исторіи русскаго права, тайный совѣтникъ Сергѣй Михайловичъ Шпилевскій, бывшій не такъ давно директоромъ Ярославскаго Демидовскаго Лицея.

Покойный ученый родился 8 мая 1833 года, среднее свое образованіе получилъ въ первой Московской гимназіи, а высшее—на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1856 году со степенью кандидата. Еще на студенческой скамьѣ онъ обратилъ вниманіе профессоровъ своею цѣнною работой *(О благоустройствѣ по Уложенію и современнымъ ему памятникамъ)*, за которую былъ удостоенъ золотой медали. По окончаніи же университетскаго курса С. М. Шпилевскій, занимаясь педагогическою дѣятельностью въ Москвѣ, особенно тѣсно сошелся со славянофильскими кружками К. С. Аксакова и А. С. Хомякова и ихъ направленіе ярко отразилось на его историческихъ и историко-юридическихъ воззрѣніяхъ. Въ 1857 году онъ редактировалъ, между прочимъ, славянофильскій органъ Аксакова—газету *Молва.* Избранный въ 1860 году адъюнктомъ Казанскаго университета для преподаванія русскаго права, покойный, спустя шесть лѣтъ, блестяще защитилъ диссертацію на степень магистра *(Союзъ родственной защиты у древнихъ Славянъ и Германцевъ*, 1866 года) и былъ назначенъ приватъ-доцентомъ. Въ 1870 году, послѣ присужденія докторской степени за диссертацію: *Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ*, С. М. Шпилевскій получилъ званіе экстраординарнаго, а вслѣдъ затѣмъ и ординарнаго профессора. Кромѣ лекцій по своему предмету, онъ несъ обязан-

ности декана юридическаго факультета и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ преподавалъ по вакантнымъ кафедрамъ международнаго и каноническаго права.

Какъ глубокій знатокъ Казанскаго края, покойный оставилъ цѣлый рядъ выдающихся работъ по мѣстной исторіи и археологіи. Его капитальный трудъ: *Древніе города и другіе булгаротатарскіе памятники въ Казанской губ.* (1877 г.) былъ увѣнчанъ академическою преміей и золотою медалью Имп. Русскаго Географическаго Общества. Наконецъ, свой 25-лѣтній періодъ службы въ Казани покойный отмѣтилъ изданіемъ двухъ собственныхъ газетъ: *Справочнаго Листка* (1867 г.) и *Камско-Волжскаго Слова* (1882 г.).

Переселившись съ 1885 г. въ другой приволжскій городъ Ярославль, С. М. Шпилевскій занималъ здѣсь около десяти лѣтъ должность директора Демидовскаго юридическаго лицея –до 1904 г., когда, сломленный болѣзнью, вышелъ въ отставку. Послѣдними трудами покойнаго ученаго были: цѣнное изслѣдованіе *О Великомъ Князѣ Смоленскомъ и Ярославскомъ Θедорѣ Ростиславовичѣ Черномъ* (1899 г.) и прекрасно составленный очеркъ по поводу столѣтія Демидовскаго лицея (1903 г.).

Моск. Вѣд. 24 іюля, № 169.

И. Е. Забѣлинъ. Рѣдкій юбилей празднуетъ нашъ историкъ-археологъ Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ: завтра, 12 ноября, исполняется *семьдесятъ* лѣтъ его непрерывной научной дѣятельности.

Вся долголѣтняя жизнь юбиляра была посвящена изслѣдованію русской старины и, главнымъ образомъ, бытовой старины русской жизни. Не взирая на свой преклонный возрастъ, какъ прежде, еще 70 лѣтъ назадъ, когда онъ впервые выступилъ на поприще науки, такъ и теперь неутомимо работаетъ И. Е. Забѣлинъ надъ чтеніемъ древнихъ рукописныхъ книгъ, актовъ и др. матеріаловъ, занимается археологическими изысканіями, изученіемъ «обломковъ» старины, «матеріальныхъ и духовныхъ, вещественныхъ и словесныхъ». Онъ на всемъ останавливаетъ пристальное вниманіе, все подвергаетъ тщательному и любовному изслѣдованію: остатки старины, иконъ, жилищъ и оружія, произведеній искусствъ и ремеслъ, преданій и повѣрій.

И. Е. Забѣлинъ—археологъ по преимуществу, и съ его именемъ связана вся исторія нашей археологіи, отъ ея скромнаго начала до настоящаго виднаго положенія. Но, занимаясь всю свою жизнь съ обломками старины, онъ не сдѣлался мелочнымъ, сухимъ археологомъ. На вещественные памятники онъ всегда смотрѣлъ лишь, какъ на матеріалъ, чтобы «выяснить типическія черты народной жизни, понять народъ, какъ живую единицу, возсоздать народную личность въ живомъ цѣльномъ образѣ». Такая разумная метода привела его къ самымъ блестящимъ результатамъ. Что сдѣлали Карамзинъ, Погодинъ и Соловьевъ для исторіи государственной, то же сдѣлалъ И. Е. Забѣлинъ для нашей бытовой исторіи. Въ этомъ его сила и значеніе; здѣсь онъ мастеръ и образецъ. Недаромъ Θ. И. Буслаевъ признавалъ Забѣлинскіе *Домашній бытъ русскихъ царей* и *Домашній бытъ русскихъ царицъ*—лучшими сочиненіями изъ всѣхъ, какія только выходили въ нашей литературѣ по исторіи русскаго быта, и считалъ ихъ необходимыми справочными книгами для всякаго, занимающагося отечественною исторіей,

И. Е. Забѣлинъ родился 17 сентября 1820 года въ Твери въ семьѣ бѣднаго чиновника; на седьмомъ году онъ осиротѣлъ и получилъ воспитаніе въ Преображенской школѣ при Московскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія. Бѣдному юношѣ нельзя было думать о дальнѣйшемъ образованіи и съ 17 лѣтъ (12 ноября 1837 г.) онъ уже началъ службу при Оружейной Палатѣ канцелярскимъ служителемъ второго разряда. Малообезпеченная служба здѣсь (на 119 руб. годового жалованья), а потомъ при дворцовой

конторѣ дала ему, однако, возможность познакомиться съ актами и архивною работой. Пытливый умъ 17-лѣтняго юноши сразу заинтересовался этой стариной, и такъ какъ канцелярскія обязанности были не сложны, то онъ большую часть времени посвятилъ изученію древнихъ памятниковъ, чтенію старинныхъ рукописей, и передъ нимъ сразу открылся новый міръ.

Въ 1842 году скромный чиновникъ опубликовываетъ на страницахъ *Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* свой первый ученый трудъ, посвященный описанію путешествій русскихъ государей на богомолье въ Троице-Сергіевскую лавру. Съ этихъ поръ, медленно подвигаясь по служебной лѣстницѣ, И. Е. Забѣлинъ быстро начинаетъ обогащать родную науку все новыми и новыми изслѣдованіями, которыя привлекаютъ вниманіе всего ученаго міра. Въ 1850 и 1853 гг. молодому археологу были уже присуждены Академіей двѣ Уваровскія преміи за работы: *О металлическомъ производствѣ въ Россіи* и *Историческое обозрѣніе финифтянаго и цѣнинннаго дѣла въ Россіи.* А съ 1859 г. И. Е. Забѣлинъ, въ качествѣ члена археологической коммиссіи, въ теченіе семнадцати лѣтъ неутомимо занимается раскопками въ южной Россіи, которыя обогащаютъ нашу науку новыми интересными матеріалами, а Императорскій Эрмитажъ—неоцѣнимыми коллекціями.

Въ разгаръ такихъ археологическихъ изысканій онъ не перестаетъ работать надъ своими капитальными трудами, и изъ подъ его пера длинною вереницей выходитъ безчисленное количество изслѣдованій по самымъ разнообразнымъ историческимъ вопросамъ. Независимо отъ крупнѣйшихъ работъ (*Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ*, *Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ*, 2 тома), И. Е. Забѣлину принадлежатъ такіе замѣчательные по богатству новыхъ данныхъ труды, какъ: *Мининъ и Пожарскій* (1883 г., гдѣ имъ впервые подробно разобраны основныя причины смуты и отношенія классовъ въ русскомъ обществѣ XVII вѣка), *Взглядъ на развитіе Московскаго единодержавія* (1881 г.), *Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ*, и др.

Начиная съ 1881 г., юбиляръ посвятилъ всѣ свои силы составленію давно желанной и широко имъ задуманной *Исторіи гор. Москвы.* Послѣ 20-лѣтняго упорнаго труда и кропотливаго собиранія матеріаловъ для этой грандіозной, единственной въ своемъ родѣ, работы, онъ въ 1902 г. выпустилъ первый томъ, охватившій время отъ основанія Москвы до нашествія французовъ. Въ яркой живой формѣ И. Е. Забѣлинъ изложилъ здѣсь мельчайшія детали прошлаго первопрестольной столицы, и врядъ-ли послѣдующимъ историкамъ удастся добавить что-нибудь новое къ тому колоссальному труду, который уже осуществилъ нашъ маститый юбиляръ. Книга эта была встрѣчена необыкновенно сочувственно и критикой, и русскимъ обществомъ. Черезъ три мѣсяца все изданіе разошлось цѣликомъ и понадобилось новое, которое вышло въ 1905 г. въ значительно дополненномъ видѣ и съ приложеніемъ интереснѣйшаго *Альбома старинныхъ видовъ Московскаго кремля.*

Нужно также отмѣтить, что съ 1872 г. И. Е. Забѣлинъ принималъ самое живое участіе въ учрежденіи въ Москвѣ Историческаго музея и много способствовалъ осуществленію этого важнаго дѣла. Въ апрѣлѣ 1883 г. онъ былъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію товарищемъ предсѣдателя этого музея и занимаетъ эту должность въ настоящее время.

Юбилей И. Е. Забѣлина—несомнѣнно праздникъ для всей русской археологіи, представители которой въ подавляющемъ большинствѣ являются прямыми учениками этого выдающагося ученаго дѣятеля.—*Ф.*

Моск. Вѣд. 11 ноября, № 259: ср. *Спб. Вѣд.* 15 ноября, № 254; *Русское Слово* 11 ноября, № 260, ст. *Н. Бочарова* (съ портретомъ).

Маститый историкъ Москвы И. Е. Забѣлинъ 12-го ноября праздновалъ 70-лѣтній юбилей своей государственной службы и научной дѣятельности Какъ мы уже сообщали, И. Е. Забѣлинъ имѣлъ счастье получить телеграмму отъ Государя Императора и Великихъ Князей Михаила Александровича и Николая Михаиловича. Оффиціальнаго чествованія юбиляра не было, но въ теченіе всего дня скромную квартиру И. Е. Забѣлина посѣщали депутаціи и представители разныхъ общественныхъ организацій и ученыхъ обществъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи и археологіи.

И. Е. Забѣлинъ, несмотря на глубокую старость, сохранилъ бодрость и радушно принималъ всѣхъ лицъ, являвшихся къ нему съ поздравленіями. Для каждаго у него находилось теплое слово и даже шутка. Всѣ многочисленные адресы онъ выслушивалъ стоя и на всѣ привѣтствія отвѣчалъ небольшими, скромными рѣчами. Первымъ привѣтствовалъ маститаго юбиляра Историческій музей, вице-президентомъ котораго состоитъ И. Е. Забѣлинъ. Затѣмъ явилась депутація отъ Археологическаго Института. Отъ этнографическаго отдѣла Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи привѣтствовалъ юбиляра В. Ѳ. Миллеръ, который передалъ адресъ, гдѣ были отмѣчены работы И. Е. Забѣлина по раскопкамъ Чертомлыцкаго кургана, когда была открыта ваза скиѳовъ. Въ отвѣтъ на эту рѣчь И. Е. Забѣлинъ сообщилъ, что онъ и въ настоящую минуту работаетъ надъ монографіей о скиѳахъ и намѣренъ изложить въ ней свои догадки о скиѳскомъ періодѣ.

Отъ Оружейной палаты привѣтствовали И. Е. Забѣлина гг. Арсеньевъ и Бартеневъ, выразившіе удовольствіе, что Оружейная палата имѣла въ числѣ своихъ служащихъ такого высокаго ученаго. Затѣмъ юбиляра привѣтствовали отъ Археологическаго Общества и отъ восточной коммиссіи этого общества.

Городской голова Н. И. Гучковъ привѣтствовалъ И. Е. Забѣлина такой рѣчью: «Сегодня исполняется 70-лѣтіе вашей непрерывной, плодотворной научной дѣятельности. Памятуя этотъ знаменательный для русской науки и исторіи первопрестольной столицы день, городская дума единогласно постановила уполномочить меня принести вамъ привѣтствіе по случаю 70-лѣтняго служенія наукѣ. Исполняя настоящее постановленіе, прошу васъ принять и мое искреннѣйшее поздравленіе и горячее пожеланіе, чтобы родной нашъ городъ еще многіе годы имѣлъ въ вашемъ лицѣ своего талантливаго исторіографа, коимъ справедливо гордится русское общество».

Въ числѣ другихъ привѣтствій, полученныхъ юбиляромъ, были телеграммы отъ археологической коммиссіи, отъ историческихъ факультетовъ московскаго и казанскаго университетовъ, отъ тульской палаты древностей, отъ духовенства каѳедральнаго Владимірскаго собора въ Кіевѣ, отъ союза русскаго народа, отъ костромской архивной коммиссіи, отъ военно-историческаго общества, отъ кіевскаго историческаго общества Нестора-лѣтописца, отъ славянской археологической коммиссіи и многихъ другихъ.

Въ числѣ депутацій привѣтствовали юбиляра представители сvнодальной конторы и типографіи, русскаго библіографическаго общества, Румянцовскаго музея, архива министерства юстиціи, отъ общества графическихъ искусствъ, отъ Строгановскаго училища, отъ историческаго родословнаго общества и др.

Историческій музей имѣетъ въ виду издать отдѣльной брошюрой всѣ адреса и привѣтствія, полученные юбиляромъ не только въ этотъ юбилей, но и въ день пятидесятилѣтія ученой дѣятельности Забѣлина.

Спб. Вѣд. 15 ноября, № 254.

150-лѣтіе Академіи Художествъ. 6-го ноября исполнилось 150 лѣтъ со дня основанія Императорской Академіи Художествъ, въ 1757 году, въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ видѣ особаго рисовальнаго училища при Академіи Наукъ.

Мысль объ образованіи въ Россіи Академіи Художествъ, независимо отъ Академіи Наукъ, съ которой она составляла какъ бы одно цѣлое, возникла въ царствованіе Елизаветы Петровны. Съ полнымъ успѣхомъ развилъ эту мысль И. И. Шуваловъ, представившій Императрицѣ о необходимости завести «особую трехъ знатнѣйшихъ художествъ академію». Онъ предполагалъ открыть ее въ Москвѣ, при задуманномъ имъ университетѣ. Но Академія Художествъ учредилась въ 1757 году въ Петербургѣ, хотя первыя 6 лѣтъ и числилась при московскомъ университетѣ. Средства Академіи предоставлены были вначалѣ весьма скудныя: указано было отпускать ей по 6 тысячъ рублей въ годъ. Но зато личныя силы Академіи Шувалову удалось создать на первый разъ удачно. Приглашенные имъ знаменитые въ то время художники изъ Франціи и Германіи положили первыя основы надлежащему преподаванію искусствъ, а со вступленіемъ въ Академію для преподаванія архитектуры Кокоринова сдѣлалась возможною надлежащая организація Академіи.

Полное учрежденіе Императорской Академіи Художествъ состоялось уже при Екатеринѣ II, въ 1763 году. Штатъ Академи возвышенъ до 60 тысячъ рублей. Пока дѣйствовалъ Кокориновъ, силы Академіи развивались, но длинный періодъ президентства И. И. Бецкаго, смѣнившаго въ 1763 году Шувалова, былъ періодомъ весьма плохой администраціи и упадка первыхъ зачатковъ академической дѣятельности, Предполагали поднять Академію распоряженіями въ 1802 году, имѣвшими въ виду совершенно преобразовать преподаваніе наукъ, необходимыхъ для образованія художниковъ, устроить иначе посылку молодыхъ художниковъ за границу, завести при Академіи галлерею картинъ, установить преміи и т. п., но эти предположенія не осуществились, кромѣ только посылки молодыхъ художниковъ за границу.

Въ 1812 году Академію Художествъ причислили къ министерству народнаго просвѣщенія. Этотъ періодъ академической жизни въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія извѣстенъ поправленіемъ трудныхъ экономическихъ обстоятельствъ, въ которыя была приведена Академія предыдущимъ правленіемъ. Министерство исходатайствовало суммы, требовавшіяся на уплату значительныхъ долговъ Академіи и на постройку многихъ зданій при Академіи. Но часть учебная поправилась мало. Воспитательное училище, существовавшее при Академіи, вызвало множество мѣръ, болѣе касавшихся поднятія нравственности, нежели улучшенія преподаванія.

Новую обстановку и гораздо выгоднѣйшія условія получаетъ Академія Художествъ съ передачею ея въ вѣдѣніе министерства Императорскаго двора.

Увеличившіяся средства дозволили отправлять пансіонеровъ за границу; въ Римѣ было устроено для нихъ попечительство, выборъ преподавателей обезпеченъ новыми правилами, новымъ уставомъ; 30-го августа 1859 года совершенно измѣнено преподаваніе наукъ, сообразно двумъ отдѣленіямъ Академіи: одно по живописи и скульптурѣ, другое по архитектурѣ. Общія науки, на которыя до тѣхъ поръ обращалось мало вниманія, заняли почетное мѣсто въ обоихъ отдѣленіяхъ. Для архитекторовъ введено было преподаваніе математики, физики и химіи. Установлено три степени званія классныхъ художниковъ, а также, что получившій первую золотую медаль пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ званіемъ класснаго художника 1 степени чинъ X класса и право быть посланнымъ за границу.

По нынѣшнему штату на Академію отпускается ежегодно 72,726 рублей. Кромѣ подготовленія художниковъ, Академія Художествъ открываетъ періодическія выставки картинъ и имѣетъ постоянно открытый для публики художественный музей.

Дѣятельность Академіи Художествъ, несмотря на нѣкоторые неблагопріятные періоды ея существованія, дала уже у насъ весьма замѣтные результаты. Стали открываться художественныя школы, учреждаются общества

художниковъ, и преподаваніе рисованія дѣлается предметомъ, входящимъ въ программу общаго образованія.

Спб. Вѣд. 6 ноября, № 246.

Нужно-ли для Россіи искусство? Вопросъ, казалось бы, дикій... однако, мы встрѣчаемся съ такими вѣстями, фактами, что онъ возникаетъ невольно.

Если, изучая исторію другихъ народовъ, мы видимъ, какъ чтились и охранялись національные памятники, какими почестями и уваженіемъ пользовались художники и любители искусствъ, то у насъ—искони какая-то почти лютая ненависть и къ родной старинѣ и къ людямъ, близко стоящимъ къ искусству...

Когда-то Москва чуть было не лишилась Третьяковской галлереи, отказавшись отъ нея за неимѣніемъ подходящаго помѣщенія.

Теперь та же возмутительная исторія повторяется съ музеемъ русской старины княгини Тенишевой, который она собирала въ продолженіе 20 лѣтъ и предназначала въ даръ городу Смоленску. Но здѣсь даже тѣхъ предлоговъ нѣтъ, что были у Москвы, такъ какъ музей выстроенъ уже въ Смоленскѣ.

Года два тому назадъ, во время разгара тяжелаго смутнаго времени, вещи изъ музея были увезены, въ видахъ безопасности, въ Парижъ, гдѣ и были около полугода выставлены въ декоративномъ музеѣ Лувра. Теперь музей долженъ былъ вернуться на свою родину, въ свое помѣщеніе въ Смоленскѣ, но тутъ поднялось что-то странное.... Рядъ выпадовъ мѣстныхъ газетъ на музей, на его составительницу, невѣжественная критика художественной цѣнности предметовъ музея... вплоть до предложенія городу отказаться отъ дара...

Общество смоленское сонно молчало и, такимъ образомъ, какъ бы примкнуло къ предложенію автора статей и согласилось съ тѣмъ, что музей, дѣйствительно, городу не нуженъ.

Статей хранителя музея Ив. Ѳед. Барщевскаго и самой княгини Тенишевой редакція не печатала.

У меня сейчасъ имѣется письмо княгини Четвертинской, горячо всегда работавшей вмѣстѣ съ княгиней Тенишевой на пользу родины, которое ярко рисуетъ тѣ условія, при которыхъ приходится работать нашимъ культурнымъ дѣятелямъ, и то отношеніе, которое они встрѣчаютъ со стороны тѣхъ, для кого, собственно, и идетъ работа.

«Сейчасъ въ № 233 «Смоленскаго Вѣстника» я прочла слѣдующія строки за подписью С. Т—винъ: «Конечно, Смоленскъ не только не отказывается пріютить въ своихъ стѣнахъ музей кн. Тенишевой, но и неоднократно свидѣтельствовалъ о своей готовности нести всякія возможныя жертвы, чтобы оставить музей въ городѣ. Объ этомъ княгинѣ небезъизвѣстно изъ думскихъ постановленій, сообщавшихся ей».

И мнѣ извѣстно, къ сожалѣнію, хорошо извѣстно, и это заставляетъ меня взяться за перо. Извѣстно мнѣ, какъ неуклюже-тяжело отстранилъ городъ предложеніе кн. Тенишевой извѣстную всѣмъ пришедшую въ ветхость Никольскую башню приспособить для музея. Извѣстно мнѣ, какъ городъ отказалъ княгинѣ въ просьбѣ отвести участокъ земли противъ моего дома. Отцы города, между прочимъ, боялись даже, что музей своимъ внѣшнимъ видомъ испортитъ благолѣпіе города. Извѣстно мнѣ и какое мѣсто отвелъ, наконецъ, городъ, чтобы «пріютить» музей княгини—на Аврамьевской улицѣ за Никольской стѣной. Это—бездонная яма невѣроятной величины. Прежде, чѣмъ что-нибудь строить, надо ее засыпать и укрѣпить фундаментомъ, который всталъ бы въ столько же тысячъ рублей, сколько самое зданіе. Да и, сверхъ того, это былъ бы прискорбный «пріютъ»: вокругъ немощенныя улицы, зимой—непролазные сугробы. Только на смѣхъ можно такъ «пріютить».

Въ культурныхъ городахъ музеи красуются на лучшихъ центральныхъ мѣстахъ. Неужели г. Т—въ намекаетъ на эту «готовность нести всякія возможныя жертвы»? Какая же надобность была для меня сносить мой угловой домъ для постройки княгиней специальнаго зданія для музея, если бы городъ отвелъ для этого хотя бы «приличное» мѣсто?

Мнѣ хотѣлось еще указать на неудобство слова «пріютить», которое употреблено г. С. Т—мъ. Музей княгини Тенишевой—вовсе не такая бездомная сирота, которая нуждается въ пріютахъ и благотворительности. Не музей нуждается въ Смоленскѣ, а Смоленскъ въ музеѣ,—таково мое мнѣніе, и я увѣрена, что его раздѣляютъ всѣ любящіе свой родной городъ смоляне. Не музей осиротѣетъ безъ Смоленска, а Смоленскъ безъ музея».

Не правда-ли, послѣ приведенныхъ мною фактовъ—заглавіе настоящей статьи не кажется уже такимъ дикимъ?

Есть надъ чѣмъ призадуматься, и призадуматься серьезно. Храни насъ Богъ, если мы убѣдимся, что дѣйствительно искусство не нужно Россіи!

Извѣриться въ этомъ—значитъ почти во всемъ извѣриться, ибо тамъ, гдѣ не цѣнится искусство, т. е. красота, истина, безъ которыхъ нѣтъ и жизни... тамъ остается только физіологическое, звѣриное существованіе.

Спб. Вѣд. 6 нояб., № 246. *О. Базанкуръ.*

М. Г., г. Редакторъ!

На основаніи ст. 138 цензурнаго устава прошу Васъ помѣстить въ издаваемой Вами газетѣ слѣдующія строки.

Въ № 67 газеты «Набатъ» напечатана замѣтка подъ заглавіемъ «Архивъ крымскихъ хановъ», представляющая плодъ или незнанія, или желанія задѣть достоинство цѣлаго учрежденія и пишущаго эти строки. Въ этой статейкѣ говорится, что будто бы лѣтомъ нынѣшняго года профессоръ Петербургскаго университета Смирновъ нашелъ въ Симферопольскомъ губернскомъ архивѣ цѣлую коллекцію тетрадей на турецко-татарскомъ языкѣ, остатокъ крымскаго ханскаго архива, который доселѣ считался погибшимъ при сожженіи ханскаго дворца въ Бахчисараѣ Минихомъ, далѣе высказывается сожалѣніе о томъ, что Крымъ потерялъ найденную проф. Смирновымъ драгоцѣнность, такъ какъ министръ народнаго просвѣщенія предложилъ Таврическому губернатору передать этотъ архивъ въ Императорскую публичную библіотеку, и что виною этой потери является Таврическая ученая архивная коммиссія и въ частности я, почему ей и мнѣ дѣлается газетой «Набатъ» строгій выговоръ.

Въ дѣйствительности книги или тетради, о которыхъ говоритъ авторъ замѣтки, извѣстны были еще съ начала прошлаго вѣка, когда въ 1802 году представлены были въ коммиссію для разбора споровъ по землямъ въ Крыму. Онѣ, дѣйствительно, составляютъ единственный остатокъ архива крымскаго ханства, который сгорѣлъ въ 1736 году. Это 119 кадыэскерскихъ дефтерей, представляющихъ копіи рѣшеній кадыэскеровъ по судебнымъ, имущественнымъ и другимъ дѣламъ. Не нынѣшнимъ лѣтомъ, а *ровно двадцать четыре года тому назадъ*, еще до открытія въ Симферополѣ ученой архивной коммиссіи, проф. В. Д. Смирновъ обратилъ вниманіе на эти книги, хранившіяся въ губернскомъ архивѣ, и сталъ хлопотать о передачѣ ихъ въ одно изъ столичныхъ ученыхъ учрежденій. Открытая въ 1887 году Таврическая ученая архивная коммиссія употребляла всѣ усилія, чтобы эти книги остались на мѣстѣ, а съ 1889 г. въ нѣсколькихъ выпускахъ своихъ «Извѣстій» помѣстила выдержки изъ нихъ съ комментаріями и образцы письма. Переводъ текста былъ трудомъ Муратъ-бея Біярсланова. Но съ его смертію всѣ усилія коммиссіи найти въ Симферополѣ лицо, которое взяло бы на себя трудъ перевода на русскій языкъ и объясненія текста указанныхъ дефтерей, были

тщетны. Въ виду этого проф. Смирновъ, самъ членъ нашей коммиссіи, возобновилъ старанія о передачѣ ихъ въ Петербургъ. Въ 1902 году коммиссіи съ трудомъ удалось сохранить ихъ на мѣстѣ, но *въ іюнѣ 1905 года* министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, предложено было переслать эти кадыэскерскія книги въ Петербургъ, для храненія въ Императорской публичной библіотекѣ.

Такимъ образомъ, всѣ обвиненія «Набата» по адресу архивной коммиссіи неосновательны и напрасны. Коммиссія сожалѣетъ, что цѣнному памятнику татарскаго владычества въ Крыму не суждено было остаться въ здѣшнемъ краѣ, но съ другой стороны нельзя не радоваться, что теперь онъ можетъ быть вполнѣ обслѣдованъ научно. Насколько мнѣ извѣстно, уже въ истекшемъ году два студента восточнаго факультета, подъ руководствомъ проф. Смирнова, были заняты изученіемъ. Нынѣшнимъ же лѣтомъ проф. Смирновъ въ Симферополь не пріѣзжалъ и ничего здѣсь не открывалъ.

Авторъ статьи, о которой идетъ рѣчь, извратилъ факты съ чьего то чужого голоса, которые легко могъ бы провѣрить, просмотрѣвъ труды ученой архивной коммиссіи, имѣющіеся въ мѣстныхъ библіотекахъ и книжныхъ магазинахъ. Упреки его по адресу коммиссіи, что она съ недостаточною любовью относится къ памятникамъ мѣстной старины, такъ же неосновательны, какъ переданные имъ факты о кадыэскерскихъ книгахъ, о которыхъ шла рѣчь выше. Коммиссія спасла отъ гибели и обслѣдовала множество памятниковъ исторіи и древностей Крыма, и труды ея пользуются въ ученомъ мірѣ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Она безпрерывно дѣлаетъ свою работу при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: отсутствіи средствъ, отсутствіи даже помѣщенія для своего музея и историческаго архива и равнодушномъ отношеніи мѣстнаго общества къ изученію исторіи края.

Что касается личной моей дѣятельности въ коммиссіи, предсѣдателемъ которой, кстати, я никогда не состоялъ и не состою, то объ этомъ говорить не буду и на стилистическіе обороты автора статьи въ «Набатѣ» не обращаю вниманія.—Правитель дѣлъ таврической ученой архивной коммиссіи *Арсеній Маркевичъ.*

Г. Симферополь.
23 сентября 1907 года.

Отъ редакціи. Охотно помѣщая настоящее опроверженіе, редакція считаетъ своимъ долгомъ принести извиненіе г. правителю дѣлъ Таврической ученой архивной коммиссіи, ибо редакція была введена въ заблужденіе авторомъ упомянутой въ опроверженіи статьи, который не состоитъ нашимъ сотрудникомъ.

Набатъ 26 сент., № 70; ср. *Русское Чтеніе* 14 сент., № 197.

Обзоръ русскихъ повременныхъ изданій за 2-ю половину 1907 года [1]).

Алтайскій Сборникъ. Барнаулъ 1907. **Т. VI**. *Тыжновъ, И. И.* Изъ исторіи горнозаводскаго населенія на Алтаѣ.

Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1907. **Кн. I—II**. *Филевичъ, И. П.* Изъ исторіи Карпатской Руси. II. — **Кн. III—IV**. *Придикъ, А. М.* Греческіе папирусы. Актовая рѣчь.

Вѣстникъ Европы, 1907. **Кн. 2—3**. *Герье, Вл. Ив.* Обращеніе блаженнаго Августина.—**Кн. 9—11**. *Ивановъ, Евг. Э.* Херсонесъ Таврическій и его историческая судьба.—**Кн. 10—11**. *Герье, Вл. Ив.* Церковь, папство и государство въ IV-мъ вѣкѣ.—**Кн. 10**. *Голубевъ, П.* Удѣльныя земли и ихъ происхожденіе.

Гермесъ, научно-популярный вѣстникъ античнаго міра, 1907. **№ 1**. *Жебелевъ, С.* Рец. книги: Ad. Michaelis, Die archäologischen Entdeckungen des neunzehnten Jahrhunderts.—**№№ 1, 2 и 3**. *Фармаковскій, Б.* Раскопки въ Ольвіи въ 1907 году.—**№№ 1 и 2**. *Анненскій, И.* Аѳинскій націонализмъ и зарожденіе идеи мірового гражданства.—**№№ 3 и 4**. *Бекштремъ, А.* Гіероскопія въ Греціи.—**№ 4**. *Тураевъ, Б.* Рец. книгъ: I. H. Breasted, Ancient Records of Egypt и Idem, A History of Egypt. — **№ 5**. *Видеманъ, Ф.* Рец. книги: W. Larfeld, Handbuch d. griechischen Epigraphik.—**№ 6**. *Тураевъ, Б.* Рец. книги: Justi n, v. Prašek. Geschichte der Meder u. Perser bis zur Makedonischen Eroberung. I. Band.—*Соколовъ, П.* Э. А. Вертъ (некрологъ).

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Подъ редакціей В. К. Трутовскаго, секретаря Общества. М. 1907. **Томъ XXI, вып. 2-й** (съ цинкографич. рисунками въ текстѣ и 15 фототипич. таблицами).—*Уваровъ, А. С.*, гр. Церковь ветхозавѣтная и новозавѣтная. (Очеркъ изъ неизданнаго сочиненія «Символика христіанскаго искусства»).—*Уваровъ, А. С.*, гр. Евангеліе 1577 года, изображенія евангелистовъ и ихъ символизмъ. Подъ ред., съ примѣч. и дополн. С. О. Долгова.—*Рѣдинъ, Е. К.* Лицевыя рукописи собранія гр. А. С. Уварова. Евангелія.—*Троицкій, Н. И.* Артосная панагія молдавскаго воеводы и господаря Стефана Томши, 1623 г.—*Троицкій, Н. И.* Икона Воскресенія Христова.—*Троицкій, Н. И.* Христосъ и труждающіеся.—*Уварова, П. С.*, гр. Саркофаги Оттоманскаго Музея.—Протоколы Коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ за 1903—1904 г.г. — Протоколы засѣданій Общества за 1904—1905 г.г. и 1905—1906 г.г.

Древности восточныя. Труды восточной коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изданные подъ редакціей А. Е. Крымскаго. М. 1907. **Т. III, вып. 1**. *Крымскій, А. Е.* Изъ рукописной бейрутской церковной лѣтописи XVI—XVIII в.—*Мсеріанцъ, Л. З.* Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ и его значеніе для иранской филологіи.—*Хахановъ, А. С.* Грузинское апокрифическое Евангеліе Никодима—изъ Цагерскаго сборника XVI в.—Протоколы засѣданій Коммиссіи за 1903—1907 г.г.

---

[1]) Сюда же внесено содержаніе нѣкоторыхъ періодическихъ изданій за первую половину 1907 года, вышедшихъ въ свѣтъ или полученныхъ въ редакціи „Извѣстій" только во второй половинѣ 1907 года.

Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея, состоящаго подъ Августѣйшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ. Годъ 14. 1906. **Вып. XVI.** Тобольскъ 1907. Отчетъ о дѣятельности Музея за 1905 годъ.—*Филиппов*ъ, *М. В.* Рукописи Тобольскаго губернскаго музея. Систематическій каталогъ.

Живая Старина. Кн. IV. (1906 г.). *Абрамовъ*, *И. С.* Городецкій музей.—**Кн. I.** (1907 г.). *Макаренко*, *Н. Е.* «Пречиста» въ Москалівці (съ рис.).—*Сержпутовскій*, *А. К.* О завиткахъ въ Бѣлоруссіи.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1907. **Кн. 7.** *Суворовъ*, *Н. С.* Псковское церковное землевладѣніе въ XVI и XVII вѣкахъ. XI—XVIII (оконч.).—*Шестаковъ*, *С. П.* Ѳ. Г. Мищенко (некрологъ).—*Ростовцевъ*, *М. И.* В. И. Модестовъ (некрологъ). — **Кн. 7** и **8.** *Бекштремъ*, *А. Г.* Изъ области этрускологіи. I. — **Кн. 8.** *Соколовъ*, *Ѳ. Ѳ.* Въ области древней исторіи. XXII. Разсказъ папируса о походѣ Птолемея III.—**Кн. 9.** *Леонтовичъ*, *Ѳ. И.* Рада великихъ князей литовскихъ.—*Бекштремъ*, *А. Г.* Изъ области этрускологіи (прод.). — *Нагуевскій*, *Д. И.* Къ исторіи памятниковъ форума. — *Успенскій*, *Ѳ. И.* Рец. книги: *Г. Шлумбергеръ.* Походы въ Египетъ короля Іерусалимскаго Амальриха I-го. Paris 1906.—**Кн. 10.** *Леонтовичъ*, *Ѳ. И.* Рада великихъ князей литовскихъ (оконч.).—*Платоновъ*, *С. Ѳ.* Объ авторѣ сочиненія «На иконоборцы и на вся злыя ереси».—*Григорьевъ*, *А. В.* Подлинная карта Сибири XVII в.—*Варнеке*, *Б. В.* Либретто античнаго пантомима. — *Богаевскій*, *Б. Л.* Обряды, связанные съ горшками въ богослуженіи арвальскихъ братьевъ.—**Кн. 10** и **11**. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, 'Α. Διορθωτικὰ εἰς χριστιανικὰς ἐπιγραφάς (оконч.). — **Кн. 11** и **12**. *Нетушилъ*, *И. В.* Порсена и веентскія войны.—**Кн. 12.** *Красноперовъ*, *И. М.* Рабовладѣніе и работорговля въ древней Бѣлоруссіи.—*Жебелевъ*, *С. А.* Адольфъ Фуртвенглеръ (некрологъ).

Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Спб. 1907. **Т. XVII. Вып. 4** (посл.). Протоколы засѣданій Отдѣленія.—*Меліоранскій*, *П.* Что такое «басма» золотоордынскихъ пословъ хана Ахмата?—*Бартольдъ*, *В.* Къ исторіи арабскихъ завоеваній въ Средней Азіи.—*Бартольдъ*, *В.* Абу-Михнафъ.—*Поповъ*, *В.* О запрещеніи приношенія людей въ жертву духамъ.—*Поповъ*, *В.* Яса Чингисъ-хана. — Уложеніе Монгольской династіи Юань-чао-дянь-чжанъ. — *Иностранцевъ*, *К.* Туркестанскіе оссуаріи и астоданы.—*Бартольдъ*, *В.* Система счисленія орхонскихъ надписей въ современномъ діалектѣ.—*Калмыковъ*, *А.* Сагсабадъ. — *Бартольдъ*, *В.* По поводу статьи А. Д. Калмыкова. — *Ивановъ*, *А.* Офиціальные документы Династіи Юань на китайскомъ языкѣ.—*Веселовскій*, *Н.* Еще объ оссуаріяхъ.

Записки Отдѣленія Славянской и Русской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Спб. **Томъ VII, вып. 2**. *Павловъ-Сильванскій*, *Н.* Мѣстная грамота XIV вѣка. Изъ бумагъ кабинетъ-министра Артемія Волынскаго. — *Приваловъ*, *Н.* Лира (ліра, рыле и реле). Русскій народный музыкальный инструментъ. — Списокъ съ грамоты царя Василія Іоанновича въ Муромъ 7115 (1606) года декабря 15. — *Шляпкинъ*, *И.* Древніе русскіе кресты. Кресты новгородскіе до XV вѣка, неподвижные и не церковной службы.—*Едемскій*, *М.* Кокшеньгская старина.—*Приваловъ*, *Н.* Музыкальные духовые инструменты русскаго народа въ связи съ соотвѣтствующими инструментами другихъ странъ.—*Трусманъ*, *Г.* Древнѣйшая Ливонская хроника и ея авторъ.—*А. С.* Раскопка близъ слоб. Гусевки Царицынскаго уѣзда.—*А. С.* Изъ собранія Н. К. Рериха.—*А. С.* Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1906 году В. Н. Глазовымъ въ Смоленской губ. — *Рерихъ*, *Н.* и *Спицынъ*, *А.* Мелкія замѣтки. — Грамоты на кормленія XVI вѣка.—Протоколы засѣданій Отдѣленія за 1905 и 1906 гг.

Записки состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича Уральскаго Обще-

ства Любителей Естествознанія. Екатеринбургъ, 1907. **Т. XXVI.** Каталогъ подвижного музея Общества въ Екатеринбургѣ.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. VI серія. 1907. **№ 12.** *Коковцовъ, П. К.* Нѣсколько новыхъ надгробныхъ камней съ христіанско-сирійскими надписями изъ средней Азіи. (Съ 2 табл.). —**№ 13.** *Фонъ-Леммъ, О.* Мелкія замѣтки по коптской письменности. XVI—XXV —**№ 14.** *Залеманъ, К.* Замѣтки по манихейской письменности.—**№ 17.** *Радловъ, В. В.* Отчетъ о командировкѣ для обозрѣнія этнографическихъ музеевъ.—**№ 18.** *Залеманъ, К. Г.* Списокъ персидскихъ рукописей Л. Ф. Богданова.—*Ольденбургъ, С. Ѳ.* Краткая опись составленнаго д-ромъ Кохановскимъ собранія древностей изъ Турфана.

Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи, 1907. **Прибавленіе къ выпуску 22-му.** Археологическая хроника (за 1-ю пол. 1907 года).— *А. Б.* Обзоръ иностранныхъ журналовъ за 1906 и 1907 годы. —Археологическая библіографія (за 1-ю пол. 1907 года).—**Вып. 23.** Съ 1 табл. и 41 рис. *Ростовцевъ, М. И.* Новыя латинскія надписи изъ Херсонеса.—*Ростовцевъ, М. И.* Миѳрадатъ Понтійскій и Ольвія.—*Латышевъ, В. В.* Эпиграфическія новости изъ южной Россіи.—*Латышевъ, В. В.* Дополненія и поправки къ изданнымъ надписямъ изъ южной Россіи. — *Браунъ, Ѳ. А.* Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани. — *Вальдгауеръ, О. Ф.* Памятники древней скульптуры въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ. I. Бородатая голова IV в. до Р. Хр. — *Спицынъ, А. А.* Могильникъ V вѣка въ Черноморьѣ.—Страданіе св. священномучениковъ и епископовъ Херсонскихъ. Перев. съ греч. *В. В. Латышева.* — **Вып. 24.** Съ 18 табл. и 50 чертеж. *Султановъ, Н. В.* Остатки Якутскаго острога и нѣкоторые другіе памятники деревяннаго зодчества въ Сибири. — **Вып. 25.** Съ 5-ю табл. и 128 рис. *Шкорпилъ, В. В.* Отчетъ о раскопкахъ въ г. Керчи въ 1901 г. — *Косцюшко-Валюжиничъ, К. К.* Отчетъ о раскопкахъ въ Херсонесѣ Таврическомъ въ 1905 году (съ 3 приложеніями М. И. Скубетова и А. Годзишевскаго).—*Романченко, Н. Ф.* Раскопки въ окрестностяхъ Евпаторіи. — *Спицынъ, А. А.* Могильникъ VI—VII в. въ Черноморской области.

Извѣстія Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1907. **Т. XIX, № 2.** Топографическія работы на Кавказѣ въ 1905 году.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Казань. 1907. **Томъ XXIII, вып. 3.** *Покровскій, И. М.* Гермогенъ, митрополитъ Казанскій и Астраханскій, впослѣдствіи патріархъ всероссійскій, первый мѣстный духовный писатель-историкъ, и его заслуги для Казани.—Описаніе города Казани (начала XIX ст.).—*Катановъ, Н. Ѳ.* Два историческихъ документа императрицы Екатерины II о древностяхъ Волги и Кавказа.—**Вып. 4.** *Катановъ, Н. Ѳ.* Памяти Сергѣя Михайловича Шпилевскаго.—*Никитинъ-Юрка, Иванъ.* Чолъ-Йоба (каменный столбъ).— *Петровскій, Н. М.* По поводу новаго изданія «Путешествія въ Персію» Г. Тектандера.—*Ивановъ, Ант.*, свящ. Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ на русскомъ языкѣ о чувашахъ, въ связи съ другими инородцами Средняго Поволжья, съ 1754 по 1906 годъ.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Кн. 1. *П—ій, М.* Хожденіе на востокъ Ѳ. А. Котова въ первой четверти XVII в.—*Покровскій, Ѳ. И.* Словеса изъ святыхъ книгъ собрана.— *Соболевскій, А. И.* Два русскихъ поученія съ именемъ Григорія. I—II.—*Голубинскій, Е. Е.* Херсонскіе священномученики, память которыхъ 7-го марта.— **Кн. 2.** *Жуковичъ, П. Н.* Брестскій соборъ 1591 года (по новооткрытой грамотѣ, содержащей дѣянія его).—*Васенко, П. Г.* Трегубовская «Степенная».— *Голубинскій, Е. Е.* По поводу перестроя В. И. Ламанскимъ исторіи дѣятель-

ности Константина философа, первоучителя Славянскаго.—*Толстой, Н. А.* Историческая ошибка. (Новооткрытая славянская рукопись въ Ватиканской библіотекѣ).—**Кн. 3.** *Варнеке, Б. В.* Екатерина Вторая и римская комедія.—*Никольскій, А. И.* Сказанія о двухъ новгородскихъ чудесахъ изъ житія святаго Іоанна Предтечи и Крестителя Господня.—*Радченко, К. Ѳ.* Замѣтки о рукописяхъ, хранящихся въ болгарской митрополіи г. Скопья, съ прилож. службы Константину философу по средне-болг. списку XIII в.—*Лихачевъ, Н. П.* Рядная двинянъ съ посадникомъ новгородскимъ (съ прилож. фотографіи).—*Перетцъ, В. Н.* Изъ начальнаго періода жизни русскаго театра. I—VII.—*Никольскій, А. И.* Катихизисъ Арсенія Мацѣевича.—**Кн. 4.** *Лавровъ, П. А.* Житія св. Наума Охридскаго и служба ему.—*Перетцъ, В. Н.* Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра.—*Сырку, П. А.* Замѣтки о славянскихъ и русскихъ рукописяхъ въ Bodleian Library въ Оксфордѣ.—*П—ій, М. П.* Объ одномъ посланіи митрополита Макарія Новгородскому архіепископу Пимену (по рукописи XVII вѣка).—*Лопаревъ, Х. М.* «Риторика» Космы Грека 1710 г. и «примѣры» изъ нея по русской исторіи.—*Кунцевичъ, Г. З.* Опись рукописей Тихвинскаго Успенскаго монастыря.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. София. 1907. **Томъ XII.** *Успенскій, Ѳ.* Константинопольскій серальскій кодексъ восьмикнижія. Съ альбомомъ изъ 47 таблицъ и съ 6 таблицами въ текстѣ.

Историческій Вѣстникъ, 1907. **Кн. 7.** *Д—овъ.* Что грозитъ общедворянскому архиву.—*Фирсовъ, Андрей.* По Окѣ (съ 13 рис.).—**Кн. 8.** *М. С.* Изъ поволжской старины.—*Карцовъ, А. С.* Развалины замка графа Паца (съ 2 рис.).—*Соколовъ, П. И.* Нѣсколько дней въ китайскомъ городѣ Чугучакѣ и его окрестностяхъ (изъ путевыхъ замѣтокъ, съ 3 рис.).—**Кн. 9.** *Мартемьяновъ, Т. А.* Изъ преданій о Стенькѣ Разинѣ (съ 2 рис.).—**Кн. 9** и **10.** *Россіевъ, П. А.* Свѣтлое Поморье (съ 23 рис.).—**Кн. 10.** *Горевъ, В.* Мертвый городъ. (Изъ путевыхъ впечатлѣній, съ 9 рис.-видами Пскова).—**Кн. 11.** *Мартемьяновъ, Т. А.* Маланьина свадьба (историческій ребусъ).—**Кн. 11** и **12.** *Фирсовъ, А. И.* По рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ (съ 26 рис.).—**Кн. 11.** *Мироновъ, А.* Изъ жизни нашихъ археологическихъ учрежденій.—**Кн. 12.** *Ювачевъ, П. И.* Курбанъ-Джанъ-датха, кара-киргизская царица Алая (съ 7 рис.).

Русская Старина, 1907. **Кн. 7.** *Санинъ, Н.* Чердынская уставная грамота «Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича 1553 г.»—*Успенскій, Д.* Изъ лѣтописи русскаго флота. «Ботикъ Петра Великаго».—**Кн. 8—10.** *Крохинъ, В.* Исторія корелъ.—**Кн. 8—10** и **12.** По Россіи и Польшѣ въ исходѣ XVIII вѣка.—**Кн. 8.** *Санинъ, Н.* Челобитная Вогуличей Чердынскаго уѣзда конца XVII в. и данная имъ по той челобитной (1689 г.) царская грамота.—**Кн. 9.** *Вас. Я.* 25 лѣтъ ученой дѣятельности проф. И. А. Шляпкина.—**Кн. 10.** Грамота (1681 г.) Царя Ѳеодора Алексѣевича о переоброчкѣ Печерскаго волока.—**Кн. 11.** *Соколовская, Тира.* Обрядность прежняго русскаго масонства.

Русскій Архивъ, 1907. **Кн. 7.** *Кедровъ, С. И.* Русь Петра Великаго за границей. 1711 годъ. (Князь Б. И. Куракинъ передъ назначеніемъ посломъ въ Голландіи).—**Кн. 9—11.** *Сегюръ, Л. Ф.*, графъ. Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой. Новый полный переводъ съ примѣч.—**Кн. 12.** Письма П. М. Леонтьева изъ-за границы къ С. П. Шевыреву (м. проч., о занятіяхъ Леонтьева археологіей и о представленномъ имъ проектѣ музея древностей).—По поводу книжки г. Аѳанасьева объ учрежденіи музея 1812 г. въ Москвѣ.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1907. **Кн.** 1. *Яцимирскій, А. И.* Славянскія грамоты Братовскаго архива въ палеографическомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ.—**Кн. 4.** *Михайловъ, А. В.* Греческіе и древнеславянскіе паримейники. (Къ вопросу о ихъ составѣ и происхожденіи).

Сборникъ Орловскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества. Т. II. Орелъ. 1906. *Пясецкій, М.* Историческіе очерки г. Сѣвска и его уѣзда.—*Евстѣевъ, И. Е.* Описаніе рукописей, хранящихся въ Орловскихъ древлехранилищахъ. IV. Рукописи Свѣнскаго монастыря. Обзоръ рукописей.—*Георгіевскій, А. И.* Рѣдкая икона свв. муч. Флора и Лавра. — *Георгіевскій, А. И.* Учрежденіе единовѣрія въ г. Орлѣ. — *Пясецкій, Г. М.* Къ исторіи гор. Орла.—*Богдановъ, И. А.* Церкви XVI в. въ гор. Мценскѣ и его уѣздѣ. — *Богдановъ, И. А.* Возстановленіе Мценскаго Архангельскаго-Вознесенскаго женскаго монастыря въ XVII в. — *Поповъ, Вл. І.*, прот. Брянскій Покровскій соборъ. Истор.-археолог. изслѣдованіе.—*Евстьевъ, И. Е.* Неизвѣстный Брянскій епископъ Ѳеодоръ Святой. — *Поповъ, Ѳер. И.* Вознесенская церковь въ г. Сѣвскѣ.—*Поповъ, Ѳер. И.* Ковши Петровскаго времени.—*Бѣлоруссовъ, И. М.* Краткія свѣдѣнія по палеографіи древне-русской письменности. (Руководств. замѣтка для сельск. духовенства при разборѣ памятниковъ древней письменности).

Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, 1907. **Т. XVIII. Вып. 3 и 4.** *Дмитріевскій, А. А.* Державные защитники и покровители Святой Земли и Августѣйшіе паломники у Живоноснаго Гроба.—Извлеченіе изъ исторической записки Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества за 25 лѣтъ его существованія.

Старые годы. Ежемѣсячникъ для любителей искусства и старины, 1907. **Кн. 1.** *Семеновъ Тянъ-Шанскій, П. П.* Гендрикъ и Виллемъ фанъ-деръ-Флиты.—*Фелькерзамъ, А.*, бар. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Спб. золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерахъ за 100 лѣтъ (1714—1814).—*Успенскій. А. И.* Ризница Чудова монастыря въ Москвѣ.—**Кн. 2.** *Врангель, Н.*, бар. Забытыя могилы.—*Сомовъ, А. И.* Катарина-ванъ-Гемессенъ. — *Голубевъ, В.* Легенда о трехъ живыхъ и трехъ мертвыхъ. — Memento Археологической коммиссіи. — **Кн. 3.** *Успенскій, А. И.* Царскій живописецъ дворянинъ Иванъ Іевлевичъ Салтановъ.—*Шмидтъ, Джемсъ, А.* Работы Бастіанино да Франческо и конецъ римской скульптуры ранняго возрожденія. — *Тройницкій, С. Н.* О цѣпныхъ мостахъ Петербурга.—*Рерихъ, Н. К.* Записные листки. XXVIII.—А. А. Спицынъ и археологическое общество —**Кн. 4.** *Artmeter.* Объ иллюзіи движенія въ пейзажѣ.—*Успенскій. А. И.* Обстановка теремовъ Кремлевскаго дворца въ Москвѣ. — **Кн. 4 и 5.** *Леццъ, Э.* Оружіе, приписываемое историческимъ личностямъ.—**Кн. 5.** *Врангель, Н.*, бар. Страничка изъ художественной жизни начала XIX вѣка (А. Р. Томиловъ).—*Беренштамъ, Ѳ.* Иванъ Прокофьевичъ Прокофьевъ. Скульпторъ.—**Кн. 6.** *Верещагинъ, В.* II. Ф. Томиръ, его эпоха и работы.—*Успенскій, А. И.* Къ исторіи русскаго бытового жанра.—*Шмидтъ, Д.* Венера передъ зеркаломъ, Тиціана: оригиналъ и повторенія. — **Кн. 7—9.** *Врангель, Н. Н.*, бар. Скульпторы XVIII вѣка въ Россіи.—*Трутовскій. А.* Русскій гобеленъ въ Московской Оружейной Палатѣ. — *Маковскій, С.* Нѣсколько неизданныхъ портретовъ Боровиковскаго. — *Бенуа, А.* Первоначальный Елизаветинскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ.—*Ленцъ, Э.* Замѣтки о Тульскомъ оружейномъ заводѣ въ XVIII вѣкѣ.—*Трубниковъ, А.* Пенсіонеры Академіи Художествъ въ XVIII вѣкѣ. — *Грабарь, Игорь.* Ѳедоръ Яковлевичъ Алексѣевъ.—*Бурнашевъ, М.* Театръ при Императорской Академіи Художествъ въ XVIII вѣкѣ. — *Беренштамъ, Ѳ.* Четыре вида города Петербурга М. Махаева. — *Соловьевъ, Н.* Русская книжная иллюстрація XVIII вѣка.—**Кн. 10.** *Некрасовъ, Н. В.* Въ подмосковной.—*Жеффруа, Г.* Шарденъ и Фрагонаръ.—**Кн. 11.** *Боде, В.* Портретъ молодой женщины Рембрандта въ собраніи О. Хульджинскаго въ Берлинѣ.—*Романовъ, Н.* Малоизвѣстныя произведенія П. А. Федотова.—*Гронау, Г.* «Концертъ» Джорджоне въ палаццо Питти.—*М.* Новый кладъ.—**Кн. 12.** *Готчевскій, А.* Перуджія и выставка Умбрійскаго искусства.—*Гевартъ, Ф.* Выставка «Золотого Руна» въ Брюгге.

Труды Вятской Ученой Архивной Коммиссіи 1907 года. Вып. 1. Вятка, 1907 г. Журналы 8 засѣданій Коммиссіи за 1907 годъ.—*В—нъ, А.* Слободской городъ и посадъ по книгѣ письма и мѣры И. Б. Доможирова и подъячаго И. Кокушкина 7137 г.—*В—нъ, А.* Монастыри и церкви въ Слободскомъ и Шестаковскомъ уѣздахъ по той же книгѣ. — *Замятинъ, А. А.*, протоіерей. Выпись изъ межевой книги г. Слободского 1768 г. (съ копіями царскихъ грамотъ).—*Слобожанинъ.* О времени основанія г. Слободского. — *В—нъ, А.* По поводу предыдущей статьи Слобожанина. — *Замятинъ, А. А.*, прот. Радостные и печальные дни гор. Слободского.—*Шабалинъ, В. И.* Іоаннъ Пустынникъ, почитавшійся (въ Слободскомъ уѣздѣ) за брата преп. Трифона, по архивнымъ документамъ духовной консисторіи. — Открытіе катакомбъ и погребальныхъ склеповъ Хозаръ VIII и IX в. въ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губ.—Архивная находка въ Шлиссельбургской крѣпости.

Труды Полтавской ученой архивной коммиссіи. Полтава, 1907. **Вып. 4.** *Мальцевъ, А. Ф.* О малорусскихъ «шпиталяхъ».—*Павловскій, И. Ф.* Полтава въ XIX столѣтіи.—*Китицынъ, П. А.* Кобелякская старина.—*Балясный, К. А.* Реестры выданнаго приданаго въ 1794 и 1815 г.—*Пархоменко, В.* 1000-лѣтіе гор. Переяслава.

Труды Псковскаго Археологическаго Общества за 1906 годъ. Псковъ, 1907. *Серебрянскій, Н.* Къ исторіи Псковской монастырской письменности.—*Серебрянскій, Н.* Повѣсть о явленіи чудотворныхъ иконъ пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи.—*Серебрянскій, Н.* Порядныя записи Никандрова монастыря.—*Окуличъ-Казаринъ, Н.* Грамота Ивана Грознаго. — *Копаневичъ, И. К.* Отрывокъ грамоты царя Алексѣя Михайловича.—*Окуличъ-Казаринъ, Н.* Опись свитковъ, находящихся въ музеѣ Общества.—*Окуличъ-Казаринъ, Н.* Отчетъ Общества за 1906 годъ.

(Кіевскія) **Университетскія Извѣстія.** 1907. **Кн. 7.** *Сташевскій, Е. Д.* Московскій уѣздъ по писцовымъ книгамъ XVI в. (прод.). — **Кн. 8.** *Голубовскій, П. В.* Критико-библіографич. обзоръ трудовъ по древнѣйшему періоду русской исторіи (прод.). — **Кн. 11.** *Перетцъ, В. Н.* Новые труды по источниковѣдѣнію древней русской литературы и палеографіи (прилож.).—**Кн. 12.** *Довнаръ-Запольскій, М. В.* Баркулабовская лѣтопись. — *Сташевскій, Е. Д.* Московскій уѣздъ по писцовымъ книгамъ XVI в. (прилож. и карты).

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, 1907. **Кн. 1.** *Пискорскій, В.* О предметѣ, методѣ и задачахъ науки всеобщей исторіи.—*Шестаковъ, Д.* Вновь открытыя толкованія и словарь къ Демосоену. — *Хвостовъ, М.* Развитіе внѣшней торговли Египта въ греко-римскій періодъ (прод.).—**Кн. 2.** *Шестаковъ, С.* Греческіе лирики. — **Кн. 2 и 3.** *Нагуевскій, Д.* Рец. книги: Ch. Huelsen. Das Forum Romanum. Seine Geschichte u. seine Denkmäler. 2-te verbess. Auflage mit 4 Tafeln u 131 Textabbild.—**Кн. 3.** *Варнеке, Б.* Новѣйшая литература о мимахъ. — **Кн. 4.** *Хвостовъ, М.* Развитіе внѣшней торговли Египта въ греко-римскій періодъ (прод.). — *Стратоновъ, И.* Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ Московской Руси (прод.).—**Кн. 5.** *Хвостовъ, М.* Развитіе внѣшней торговли Египта въ греко-римскій періодъ (оконч.).—**Кн. 6—7.** *Стратоновъ, И.* Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ Московской Руси (прод.).—**Кн. 11.** *Шестаковъ, С.* Изъ новѣйшей литературы по исторіи эллинизма.—**Кн. 12.** *Нагуевскій, Д.* Рец. изданія: Wiadomosci numismatyczno-archeologiczne pod redakcyą d-ra Feliksa Kopery, Dyrektora Museum Narodowego. Organ Towarzystwa Numizmatycznego. Tom V. Rok XVI. 1905. Kraków.

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета, 1907. **Кн. 3.** *Красноженъ, М.* Церковное право.—**Кн. 3—5.** *Grass, Konrad Karl.* Die russischen Sekten. — **Кн. 4.** *Malmberg, W.* Der Torso von Belvedere Mit 1 Tafel.—**Кн. 6.** *Krascheninnikov, Michael.* Ioannis Hagioelitae de passione Sancti

Basilii presbyteri Ancyrani narratio.—**Кн. 9**. *Кудрявскій, Д*. Указатель содержанія Записокъ за 15 лѣтъ существованія.

Художественныя Сокровища Россіи, 1907. **№№ 7—12**. *Праховъ, Адріанъ*. Художественныя собранія князей Юсуповыхъ: Ѳ. И. Шубинъ (1740+1805), профессоръ скульптуры и его силуэтъ Императрицы Екатерины II, 1794 г.—Картины французской школы. — **№ 8**. Собраніе М. П. Боткина. 1) Маіоликовое блюдо 1526 г. маэстро Джорджіо Андреоли. — 2) Бронзовый дверной молотокъ съ Сиреной италіанской работы XVI в. — Севрская ваза изъ мягкаго фарфора, изъ большаго дворца въ Павловскѣ.—**№ 9**. Маіоликовое блюдо 1537 г. маэстро Джорджіо Андреоли изъ Павіи. — **№ 10**. *Сомовъ, А*. Кѣмъ написана картина изъ собранія князей Юсуповыхъ, представляющая мальчика, играющаго на рыляхъ передъ старикомъ и двумя дѣвочками. — Танцовщица, греческая терракотта III в. до Р. Хр. изъ собранія М. П. Боткина.—Художественныя сокровища большаго дворца въ Павловскѣ.—**№№ 11—12**. *Праховъ, Адріанъ*. Отвѣтъ А. И. Сомову на статью: «Кѣмъ написана картина» и т. д. (см. выше). — *А. П*. Новый варіантъ Весталки Мишеля Клодіона въ видѣ статуэтки изъ бронзы. —Художественныя сокровища большаго дворца въ Павловскѣ.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1907. **Кн. 2** и **3**. *Бѣлокуровъ, С. А*. Разрядныя записи за смутное время.—**Кн. 2**. *Сперанскій, М. Н*. Псалтырь жидовствующихъ въ переводѣ Ѳеодора еврея.—Путешествія въ Московію сэра *Еремея Горсея*. Пер. съ англ. *Юрія Толстого*.—*Сперанскій, М. Н*. Практическое описаніе монетнаго производства въ Екатеринбургѣ. 1780 г. — *Бѣлокуровъ, С. А*. О Бумажной мельницѣ въ Москвѣ на рѣкѣ Яузѣ. 1673—76 г.г.—1612 г. — О дачѣ помѣстья Чеботаю Челищеву въ Муромскомъ уѣздѣ.—**Кн. 3**. *Лаппо, И. И*. Описаніе владычнихъ, монастырскихъ и церковныхъ земель ревизорами 1580 г.—*Сперанскій, М. Н*. Успенская драма св. Димитрія Ростовскаго.—*Покровскій, К. В*. Къ бытовой исторіи Эрмитажнаго театра императрицы Екатерины II.—*Веселовскій, С. Б*. Къ вопросу о пересмотрѣ и подтвержденіи жалованныхъ грамотъ въ 1620—30 г.г. въ Сыскныхъ приказахъ.—О поставленіи завѣтнаго храма въ 1616 г.—*Бѣляевъ, Ив. Дм*. О доходахъ Московскаго государства.—**Кн. 3** и **4**. *Голубцовъ, А. П*. Соборные чиновники и особенности службы по нимъ. — **Кн. 4**. *Голубцовъ, А. П*. Чиновники Московскаго Успенскаго собора.—*Орловъ, А. С*. Особая повѣсть объ Азовѣ (1637—41 г.г.).—*Бѣлокуровъ, С. А*. Акты архива Голохвастовыхъ. — *Зерцаловъ, А. Н*. О походѣ великихъ государей Ивана и Петра Алексѣевичей съ царицами и царевнами изъ Москвы и о смертной казни князей Хованскихъ. 30 августа—25 октября 1682 г.

Этнографическое Обозрѣніе, 1907. **№ 1** и **2**. *Налимовъ, В. П*. Загробный міръ по вѣрованіямъ зырянъ.—*Харузина, В. Н*. О преданіяхъ про животныхъ, жительствующихъ при храмахъ.

Новыя книги историко-археологическаго содержанія, вышедшія въ Россіи за вторую половину 1907 года [1]).

A. L. u. T. R. Bilder aus Livland. II Folge. Рига. 16°.

Абрамовичъ, Д. И., проф. Описаніе рукописей Спб. Духовной академіи. Софійская библіотека, вып. II. Четьи-Минеи, прологи, патерики. Спб.

Агаѳоновъ, Н. Я. Казань и казанцы. Ч. 2-я. Казань.

Алатырскій Свято-Троицкій мужской монастырь и его подвижникъ схимонахъ Вассіанъ. М. 1906.

Александровъ, А. Некрополь Казанскаго каѳедральнаго собора. Забытый вопросъ и его рѣшеніе въ церковно-археологич. справкѣ 1907 г. Казань.

Алексѣевъ, В. М. Описаніе китайскихъ монетъ и монетовидныхъ амулетовъ, находящихся въ нумизматическомъ отдѣленіи Императорскаго Эрмитажа. Спб.

Аникіевичъ, К. Т. Сѣнненскій уѣздъ, Могилевской губ. Опытъ описанія въ географич., историч., этнографич. и т. д. отношеніяхъ. Съ картою, схемою 2-хъ озеръ и рис. Могилевъ губ.

Аркас, Микола. Історія України-Русі з 210 малюнк. і портретами та 9 картами. Спб.

Арсеньева, С. Д. Разсказы изъ исторіи западныхъ окраинъ Россіи. Вып. VI. Возсоединеніе окраинъ. Съ 14 рис. Спб.

Архивъ книжныхъ и художественныхъ рѣдкостей, издаваемый А. Е. Бурцевымъ. Серія II. Вып. 4—12. Съ рис. Спб. 4°.

Austellung von Handzeichnungen, Kupferstichen, Miniaturen, Elfenbeinschnitzereien u. Goldschmiedearbeiten aus dem Besitze der Herren v. Blanckenhagen auf Drobbusen. Рига.

Аѳанасьевъ, В. Гдѣ быть музею 1812 г. Съ рис. М.—Тоже. Изд. 2-е. М.

Бальцеръ, Освальдъ, д-ръ. Къ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Пер. съ польск. подъ ред. и со вступ. статьей Н. В. Ястребова. Спб.

Барановъ, В. С Архимандритъ Аѳанасій, настоятель Верхотурскаго Николаевскаго монастыря (въ Пермской губ.) 1818—44. Краткая біографія его и труды по благоустройству обители. Н.-Новгородъ.

Барацъ, Г. О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи. Вып. I. Кіевъ.

Бахтіаровъ, А. Какъ дѣлаютъ стекло и фарфоръ. Историко-техническій очеркъ. Спб.

Beker, W. Frei nach F. Betex u. A. Die Weltelemente. Archäologischer Zirkel bei der Kaiserlichen Universität zu St. Petersburg. Нарва.

Божеряновъ, Н. И. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Т. II. Вып. 5 и 6. Съ 14 табл. портр., 2 табл. фотот. и 2 план. Спб. 4°.

---

[1]) Въ указатель внесены изданія, свѣдѣнія о выходѣ которыхъ даны главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати за ноябрь и декабрь 1906 года и іюль-декабрь 1907 года. Въ указателѣ не обозначены: 1) годъ изданія при книгахъ, вышедшихъ въ 1907 г., и 2) форматъ книгъ, изданныхъ in 8°.

Болеславъ Юрій II, князь всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій, сообщенныхъ О. Гонсіоровскимъ, А. А. Куникомъ, А. С. Лаппо-Данилевскимъ, П. А. Лавричненко, С. Л. Пташицкимъ и И. Режабкомъ. Съ 10 табл. Спб.

Бондаренко, И. Е. Архитектурные памятники Москвы. Вып. II и III. Эпоха Петра I, эпоха Елизаветы, эпоха Екатерины II. Съ 72 табл. фотот. М. 4°

Буасье, Г. Катакомбы. Пер. Е. Д. Векиловой, съ пред. В. Эрна «Катакомбы и современность». М.

Бурцевъ, А. Е. Полное собраніе матеріаловъ по библіографіи, палеографіи и художеству, изданныхъ въ разное время А. Е. Б. Т. I, вып. 1 и 2. Спб. 4°.—Тоже, вып. 3. Спб. 4°.—Тоже, вып. 4. Спб. 4°.

Бурцевъ, Александръ. Сборникъ матеріаловъ по этнографіи сѣвернаго края. Вып. 19. Сказанія русскаго народа. Съ рис. Спб. 4°.

Быковскій, Ив. Каз. Преображенскій приходъ старообрядцевъ Θеодосіевцевъ старо-поморскаго благочестія въ Москвѣ съ портр. и біограф. очерк. основателя И. А. Кобылина. Истор. очеркъ. Изд. 2-е. М.

Бѣляевъ, В. В. Исторія города Макарьева на Унжѣ и о пребываніи въ Макарьевскомъ монастырѣ царя Михаила Θеодоровича. Спб.

Бѣляевъ, И. С. Практическій курсъ изученія древней русской скорописи для чтенія рукописей XV—XVIII стол. Со снимками устава и полуустава, азбуки отд. словъ и цѣлыхъ рукописей, заставокъ и цвѣтныхъ буквъ и пр. М.

Bulletin de l'Association internationale pour l'exploration historique, archéologique, linguistique et ethnographique de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient, publié par le Comité Russe. Mai 1907. St.-Pétersbourg.

Бюхеръ, Карлъ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Публичныя лекціи и очерки. Пер. подъ ред. I. М. Кулишера. Вып. 1 и 2. Спб.

Валентинъ, іером. Достопримѣчательности ризницы Новоспасскаго ставропигіальнаго монастыря. М.

Вальдгауеръ О. Ф. Краткое описаніе росписныхъ вазъ и т. д. См. Хрон., вып. 12, стр. 61.

Рец. Л. А. Моисеева въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1907, кн. 8.

Васильевъ, В. П. Краткая исторія старообрядческой церкви. Съ портр. Н.-Новгородъ.

Вахромѣевъ, И. А. Церковь во имя святаго и славнаго пророка Божія Иліи въ Ярославлѣ. Съ 75 табл. рис. Ярославль. 1906. 4°.

Верманъ, К. Исторія искусствъ всѣхъ временъ и народовъ. Т. II, вып. 2—5. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. И. Сомова. Съ 11 табл. рис. Спб.

Вилинскій, С. Г. Посланія старца Артемія. Ср. Хрон., вып. 12, стр. 72.

Рец. проф. В. М. Истрина и В. Н. Мочульскаго въ *Зап. Имп. Нов. Унив.*, т. 107.

Виноградъ Россійскій или описаніе пострадавшихъ въ Россіи за древлецерковное благочестіе, написанный Симеономъ Діонисіевичемъ (княземъ Мышецкимъ) М. 1906.

Witkowska, Helena, i Kulikowska, Marcelina. Czytania historyczne. II. Epoka Iagiellońska. Варшава.

— Тоже. Epoka Piastowska. Варшава.

Волчанецкая, Е. Н. Мѣстничество въ древней Руси. Съ рис. М.

LXXXIV засѣданіе Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 25 іюня 1907 года.

Выдержки изъ Аѳинской политіи Аристотеля. Харьковъ.

Вѣдомости времени Петра Великаго. Вып. 2-й. 1708—1719 гг. Въ память 200-лѣтія первой русской газеты. М.

Гарнакъ, А., Вельгаузенъ, Ю. и **Юлихеръ, А.** Изъ исторіи ранняго христіанства. Сборникъ статей. Перев. съ нѣм. подъ ред. Н. М. Никольскаго. М.

Гельмольтъ, Г. «Исторія человѣчества». Всемірная исторія. Т. V. Вып. 5—7. Спб.—Тоже. Вып. 8—10. Съ 2 карт. и 5 рис. Спб.

Historya obrazu N. M. P. Ostrobramskiej. Варшава. 16°.

Глаголевъ, А., свящ. Къ столѣтію существованія Кіево-Подольской Добро-Николаевской церкви. Кіевъ.

— Профессоръ Акимъ Алексѣевичъ Олесницкій (некрологъ). Кіевъ.

Глуздовскій, К. Каталогъ музея общества изученія Амурскаго края. Владивостокъ.

Готье, Ю. В. Лекціи по русской исторіи. 1906—7 учебный годъ. М.

Гретцъ, Генрихъ, д-ръ. Исторія евреевъ съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Пер. съ посл. нѣм. изд. Т. V. Одесса. 1906.

Грушевський, Михайло. Історія України-Руси. Т. IV. XIV—XVI вікн— відносини політичні. Изд. 2-е. Кіевъ-Львовъ.

Деличъ, Фр. Библія и Вавилонъ. Пер. съ нѣм. бар. А. А. Нольде. Изд. 3-е. А. С. Суворина съ 27 рис. Спб. — Тоже. Изд. 4-е, доп. Съ 47 рис. Спб.

Денисовъ, князь Андрей. Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ, иже за благочестіе и святые церковные законы и преданія въ настоящая времена великодушно пострадаша. М.

Денисовъ, Л. И. Рязанскій Троицкій третьеклассный необщежительный мужской монастырь. Историко-статистич. очеркъ. Съ рис. М.

Дерябинъ, Стефанъ. Собраніе поученій, избранныхъ изъ твореній святаго отца нашего Іоанна, архіепископа Константинопольскаго Златоустаго. Изд. 4-е. Кіевъ.

Диковскій, протоіерей. Изъ лѣтописи Гродненскаго Борисо-Глѣбскаго мужскаго монастыря. Гродна. 1906.

Дмитріевскій, А. А. Древнѣйшіе патріаршіе типиконы, свято-гробскій Іерусалимскій и Великой Константинопольской церкви. Кіевъ.

Довнаръ-Запольскій, М. Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства и т. д. См. Хрон., вып. 8, стр. 70.

Рец. М. К. Любавскаго въ Отчетѣ о 3-мъ присужденіи премій П. Н. Батюшкова.

Древности Приднѣпровья и побережья Чернаго моря. Собраніе Б. И. и В. И. Ханенко. Вып. VI. Съ XLII табл. рис Кіевъ. 4°.

Древняя высшая магія. Теорія и практическія формулы. Пер. съ франц. И. Антошевскаго подъ ред. Н. К. Свешотна. Спб.

Дурасовъ, В. Родословная книга всероссійскаго дворянства. Часть I. Градъ св. Петра. 1906. 4°.

Ефименко, А. Я. Исторія украинскаго народа. Вып. 2-й. Съ 8 рис. въ текстѣ и 12 на отд. листахъ. Спб. 1906.

Жеваховъ, Н. Д, кн. Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій (1705 — 54). Матеріалы для біографіи. Ч. I. Предки святителя Іоасафа. Съ портр. Кіевъ.—Тоже. Ч. II. Съ рис. Кіевъ.

Жизнь и творенія блаж. Августина. Н.-Новгородъ.

Жизнь святѣйшаго Никона, патріарха всероссійскаго. Съ 9 рис. и 2 табл. Изд. 2-е. М.

Журналъ годичнаго засѣданія членовъ Калужскаго Губернскаго Статистическаго комитета 10 іюля 1907 года. Калуга. 12°.

Заіончковскій, А. М. Восточная война 1853—56 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой. Т. I и прилож. къ нему. Съ 1 портр., рисунк. и 1 картой. Спб. 4°.

Зомъ, Рудольфъ. Церковный строй въ первые вѣка христіанства. Перев. А. Петровскаго и П. Флоренскаго. М.

И. А. К. Одесскій каѳедральный соборъ до и послѣ переустройства. Съ 5 рис. Одесса.

Ивановъ, Ив. Ив. Разсказы о старинѣ. IV. Индусы. Культурно историч. очерки. Вып. II. М. — Тоже. V. Будда и буддизмъ. Культурно - историч. очерки. М.

Ивановъ, К. А. Средневѣковой замокъ и его обитатели. Изд. 3-е, доп., съ 37 рис. Спб.

Ивановъ, Ѳеодосій, свящ. Церковь въ эпоху смутнаго времени на Руси. Екатеринославъ. 1906.

Извѣстія Русскаго Археологическаго института, т. X. См. Хрон., вып. 11, стр. 89.

Рец. М. Г. Попруженко въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1907, кн. 10.

Ильинскій, Стеф., свящ. Каплуновская чудотворная икона Божіей Матери, бывшая среди русскихъ воиновъ въ Шведскую войну. Харьковъ.

Jernstedt, Victoris, Opuscula. Сборникъ статей по классической филологіи Виктора Карловича Ернштедта. Съ портр. Спб.

Іоаннъ Златоустъ, св. архіепископъ Константинопольскій. Творенія въ русскомъ переводѣ. Т. 12-й, книги 1, 2, 3. Спб. 1906. 8°.

Кандарицкій, А. Опытъ систематич. пособія при полемикѣ съ старообрядцами и краткимъ очеркомъ развитія древнихъ сектъ и русскаго раскола старообрядчества. Стерлитамакъ.

Каптеревъ, Н. Царь и церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій. Сергіевъ Посадъ.

Карпинскій, К. Георгіевская церковь села Рудки, Черниг. уѣзда, и Рудчанскій приходъ. Историко-статистич. очеркъ. Черниговъ.

Каталогъ библіотеки Имп. Археологической Коммиссіи. Дополненіе за 1905—1906 гг. Спб.

Каталогъ соединенныхъ коллекцій картинъ гор. Риги, Рижскаго общества поощренія художествъ и галлерей Ф. Б. Бредерло. Изд. 2-е. Рига.

Кащенко, А. На руїнахъ Січі. Екатеринославъ.

Кіевъ и его святыни. Съ рис. Изд. 6-е. Е. Коновалова. М.

Св. Климентъ Александрійскій. Творенія. Ч. 3-я. Изд. 2-е. Сергіевъ Посадъ. 1906.

Ключевскій, В., проф. Добрые люди древней Руси. Изд. 4-е. М.

— Краткое пособіе по русской исторіи. Изд. 6-е.

— Курсъ русской исторіи. Ч. I. Изд. 3-е. М.

— Курсъ русской исторіи, ч. II. См. Хрон., вып. 10, стр. 39.

Рец. И. А. Тихомирова въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1907, кн. 7.

Кобловъ, Я. Д. О татарскихъ мусульманскихъ праздникахъ, Казань. 16°.

Св. Козмы пресвитера, Слово на еретики и поученіе отъ божественныхъ книгъ. Сообщеніе М. Г. Попруженко. Спб.

Рец. А. И. Соболевскаго въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1907, кн. 12.

Коранъ. Перев. съ арабск. языка Г. С. Саблукова. Казань.

Корфъ, С. А., бар. Исторія русской государственности. Т. I. Основныя черты древне-русскаго государства. Спб.

Костомаровъ, Н. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. I. Изд. 5-е. Спб.

Красинъ, П. Культъ животныхъ. Кіевъ.

Краткій указатель архивамъ разныхъ лицъ и учрежденій, собраннымъ съ 1894 по 1906 г. Г. В. Юдинымъ. Спб.

Краткое руководство православнымъ русскимъ паломникамъ, отправляющимся на поклоненіе святымъ мѣстамъ Востока. Изд. Имп. Прав. Палест. Общ. Спб.

Крещановскій, Л., прот. Историческая записка о Покровской церкви въ Ростовѣ на Дону. Съ 5 рис. Изд. 3-е. Ростовъ на Дону.

Кутузовскій Богородицкій женскій монастырь Ардатовскаго у. Нижегородской губ. Н.-Новгородъ.

Къ столѣтію существованія Кіево-Подольской Добро-Николаевской церкви. Кіевъ.

Landsberg, G. Polacy i Litwini od r. 1228 do 1430. Krytyczny rzut oka według polskich historyków. Вильна. 16°.

Латышевъ, В. В. Житія св. епископовъ Херсонскихъ. См. Хрон., вып. 11, стр. 96.

Рец. С. А. Жебелева въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1907, кн. 9.

Либкнехтъ, В. Германія полвѣка тому назадъ. Съ портр. автора. Пер. съ нѣм. А. И. Ульяновой. Спб.

Линдеманъ, І. К. Происхожденіе названія города Коломны. М.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры въ трехъ отдѣлахъ. Пер. А. Острогорскаго и П. Струве. Съ 83 рис. Изд. 7-е. Спб.

Livlands zerstörte Schlösser. III. Teil. Rigaer, Wendenscher u. Walkscher Kreis. Anhang: Schloss Zehnhof, Schloss Rudbahren u. die Rujensche Volksmilz. Съ 32 табл. фотот. Рига.

Лѣтопись занятій Императорской Археографической Коммиссіи за 1904 г. Вып. 17-й. Спб.

— Тоже. Вып. 18. Спб.

Лыщинскій, Левъ. Родъ дворянъ Лыщинскихъ. Матеріалы для составленія 157 родословій. Съ 2 табл. Спб.

Лютостанскій, И. Талмудъ и Евреи. Жидъ Сауль Юдичъ Вайль, король польскій, преемникъ Стефана Баторія. Съ лит. картою. Спб.

Ляпина, М. А. Очерки исторіи Финляндіи отъ древнѣйшихъ временъ до начала XX столѣтія. Спб.

Малицкій, Н. Изъ прошлаго Владимірской епархіи. Вып. 2-й. Владиміръ.

Malmberg, W. Der Torso von Belvedere. Zur Frage seiner Ergänzung u. Deutung. Юрьевъ.

Manteuffel, G. Familiennotizen aus dem Bersegall-Dritzanschen-Familien-Archiv. Als Kommentar zu den wenigen noch vorhandenen Familienbildern. Рига.

Матеріалы по масонству въ Россіи. Архивъ Н. Ф. Романченко. Спб. S.a.

Мезіеръ, А. В. Турція. Очеркъ. Съ 17 рис. Спб.

Melchior von Foelckersahmbs Relation über seine Sendung nach Stockholm im Sommer 1655. Herausgegeben von H. Diederichs. Митава. 1906. 4°.

Мережковскій, Д. Вѣчные спутники. Акрополь. «Дафнисъ и Хлоя». Изд. 3-е. Спб.

Мечъ, Сергѣй. Италія. Изд. 2-е. Съ 40 рис. М.

Милютинъ, Д. М. Древнѣйшее населеніе Гродненской губ. Гродна.

Mitteilungen aus der Livländischen Geschichte. XX-ten Bandes erstes Heft. Рига.

Модзалевскій, В. Опись лѣсовъ и пущъ, находившихся въ Черниговскомъ полку въ 1752 г. Кіевъ.

Монголія и Камъ. Труды экспедиціи Имп. Русск. Географ. Общ., совершенной въ 1899—1901 гг подъ руководствомъ П. К. Козлова. Т. II, вып. 1. Казнаковъ, А. Н. Мои пути по Монголіи и Каму. Съ 13 автотип., 9 фототип. и 4 карт. Спб. 4°.

Морозовъ, Николай. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. История возникновенія апокалипсиса. Съ 65 рис. М.

Московскій Успенскій соборъ и его достопримѣчательности. М. 1906. 16°.

Мошковъ, В. А. Новая теорія происхожденія человѣка и его вырожденія. Т. I. Происхожденіе человѣка. Варшава.

Назаревскій, В. В. Русская исторія. I. 862 — 1672. Изд. 3-е. Съ 300 рис., 3 карт. и 1 снимк. съ грамоты. М.

Нарбековъ, В. Третій областной историко-археологическій съѣздъ во Владимірѣ 1906 г., 20—26 іюня. Съ рис. Казань.

Нетушилъ, проф. Лекціи по Римской исторіи. Харьковъ.

Николаевъ, Е. П. Исторія 50-го пѣхотнаго Бѣлостокскаго Его Высочества Герцога Саксенъ-Альтенбургскаго полка. 1807 — 1907 гг. Съ рис. и планами. Спб.

Николай Михаиловичъ, Великій Князь. Московскій некрополь. Т. I. А.—Г. Спб.

— Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Т. III, вып. 3. Спб. 4°.— Тоже. Т. III, вып. 4. Спб. 4°.

Николинъ, Н. «Великій переворотъ или великая французская революція». Часть первая.—Старый порядокъ. Съ 9 рис. и 1 картой. Спб.

Никольскій, Н. Споръ исторической критики съ астрономіей. По поводу книги Морозова «Откровеніе въ грозѣ и бурѣ». М.

Никоновъ, С. П. Развитіе защиты владѣнія и т. д. См. Хрон., вып. 8, стр. 72.

Рец. Л. Н, Загурскаго въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1907, кн. 8.

Новая повѣсть о православномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ. Спб.

Новицкій, А. Систематическій каталогъ библіотеки состоящаго при Московскомъ художеств. обществѣ училища живописи, ваянія и зодчества. М.

Новицкій, В. Ѳ. По странамъ полуденнымъ. Путевые очерки Египта, Цейлона, Индіи. Съ рис. Спб.

Новоселовъ, Юрій. Венеція. Съ 14 рис. Спб.

Нѣсколько словъ о прошломъ Карменской церкви. Къ 500-лѣтнему юбилею. Островъ Эзель (Аренсбургъ). 8° (На эстонск. яз.).

О соборахъ (церковныхъ), бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ ней христіанства до царствованія Іоанна Грознаго. Спб.

Описи серебра Двора Его Императорскаго Величества. Общее введеніе и обработка барона А. Е. Фелькерзама. Томы I и II. Съ 58 таблицами. Спб. 4°.

Оссовскій, А. О старинной музыкѣ. Спб.

Островская, М. Валаамъ. Съ рис. Спб.

Островская, М. А. Описаніе документовъ, поступившихъ въ археографическую коммиссію изъ Вятской казенной палаты. Спб.

Отечественная война 1812 года. Матеріалы военно-ученаго архива Генеральнаго Штаба. Отд. I. Т. VIII. Подготовка къ войнѣ въ 1812 г. Спб.

Отчетъ Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1906 г. Одесса.

Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1906 г. Съ рис. М. 4°.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1904 г. Съ 1 табл. и 276 рис. въ текстѣ. Спб. 4°.

Отчетъ Могилевскаго губернскаго статистическаго комитета и состоящихъ въ его вѣдѣніи публичной библіотеки и губернскаго музея за 1905 г. Губ. гор. Могилевъ.

— То же за 1906 г Губ. гор. Могилевъ.

Отчетъ о дѣятельности Архангельскаго губ. статистическаго комитета за 1906 г. Архангельскъ. 12°.

Павловскій, Владиміръ. «Вогулы». Казань.

Павловскій, И. Фр. Битва подъ Полтавой 27-го іюня 1709 г. и ея памятники. Съ 129 рис. и 4 план. Полтава.

Pamiątka sprowadzenia cudownego obrazu Matki Boskiej Częstochowskiej z Bełskiego zamku przez księcia Władysława Opolskiego w r. 1382 na Jasną górę w Częstochowie. Варшава.

Памятная книжка Архангельской губерніи на 1907 годъ. Архангельскъ. (Зеленинъ. Архангельская губернія въ началѣ XIX вѣка).

Пападимитріу, С. Партіи гипподрома и димы въ XII столѣтіи. Кіевъ.

Пассекъ, Е. В., проф. Пособіе къ лекціямъ по исторіи римскаго права. Ч. I. Государственное право и источники права. Юрьевъ. 1906.

Петровскій, Сергѣй, прот. Христіанство въ исторіи. Одесса.

Петровъ, А. Статьи по исторіи Угорской Руси. См. Хрон., вып. 12, стр. 66.

Рец. А. И. Соболевскаго въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1907, кн. 7.

Pielgrzym z Jasnej góry. Na pamiątkę 525-tej rocznicy sprowadzenia cudownego obrazu na Jasną górę. Варшава.

Pietkiewicz, Z., Zrzeszenia wiejskie. Dźwignia kultury i dobrobytu ludności wiejskiej. Варшава.

Платоновъ, С. Ѳ., проф. Лекціи по русской исторіи. Изд. 5-е. Спб.

Покровскій, И. М. Средства и штаты великорусскихъ архіерейскихъ домовъ со времени Петра I до учрежденія духовныхъ штатовъ въ 1764 году. Казань.

Покровскій, К. В Къ бытовой исторіи Эрмитажнаго театра Императрицы Екатерины II. М.

Поліевктовъ, М. Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ послѣ Ништадтскаго мира (1721—25). Спб.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XVII. Западно-русскія лѣтописи. Спб. 4°.

Полянскій, Е. Статьи по палестиновѣдѣнію. Казань.

— Творенія блаженнаго Іеронима, какъ источникъ для библейской археологіи. Казань.

Поспѣловъ, С. Тысячу лѣтъ тому назадъ. 1) Мерянскій могильникъ. 2) Городище. Съ рис. автора. М.

Празднество въ честь чудотворной Смоленской Седміозерной иконы Божіей Матери въ Казани. Казань.

Праховъ, А. Альбомъ исторической выставки предметовъ искусства, устроенной въ 1904 г. въ Спб. подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ пользу раненыхъ воиновъ. Съ 19 табл. рис. Спб. 4°.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Съ 3 портр. Спб.

Пришвинъ, М. М. Въ краю непуганныхъ птицъ. Очерки Выговскаго края. Съ 66 рис. Спб.

Псковъ и его окрестности. Очеркъ исторіи Пскова. Путеводитель и справочная книга подъ ред. А. А. Заборовскаго. 2-е изд. Съ 2 план. Псковъ. 16°.

Ренанъ, Э. Антихристъ. Пер. съ франц. М. А. Энгельгардтъ. Спб.

— Исторія Израильскаго народа. Т. II. Пер. съ франц. Е. П. Смирнова. Спб.

— Христіанская церковь. Пер. съ франц. В. А. Обручева. Спб.

Rodzina. Herbarz szlachty Polskiej. Opracowany przez Seweryna hrabiego Uruskiego. T. V. Варшава.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества подъ общимъ руководствомъ П. П. Семенова-Тянь-Шаньскаго и В. И. Ламанскаго. Т. XVI. Западная Сибирь. Съ рис. и 10 карт. Спб.

Русская Историческая Библіотека, т. XXI. (Дѣла тайнаго приказа. Кн. I). Спб.

— Т. XXIV. Донскія дѣла. Кн. II. Спб.

Савинъ, А. Англійская секуляризація. См. Хрон., вып. 11, стр. 96.
Рец. П. Г. Виноградова въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1907, кн. 12.

Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества. Т. 123-й. (Матеріалы Екатерининской Законодательной Коммиссіи. Т. XI). Спб.

— Т. 124-й. (Бумаги кабинета министровъ Имп. Анны Іоанновны 1731—40 г.г. Изданы подъ ред. А Н. Филиппова. Т. VIII). Спб.— То же. Т. 126. Юрьевъ.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Томъ 82-й. Спб.—То же. Т. 83-й. Спб.

Сборникъ чтеній по русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка. Подъ ред. И. П. Хрущова. Спб.

Семидесятилѣтіе варшавскаго Свято-Троицкаго каѳедральнаго собора (1837—1907). Съ 1 рис. Варшава.

Сенатскій архивъ. Т. XII. Изданъ подъ руководствомъ А. Безроднаго. Спб. 4°.

Сильванскій, Н. Феодализмъ въ древней Руси. Спб.

Синайскій, В. И. Подушный надѣлъ въ древнемъ Римѣ Юрьевъ.

Sitzungsberichte d. Gelehrten Estnischen Gesellschaft, 1906. Юрьевъ.

Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte u Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1906. Рига.

Сказаніе о явленной Казанской иконѣ Божіей Матери, бывшихъ отъ нея чудесахъ, установленіи повсемѣстнаго празднованія ей въ Россіи съ 1649 г. и о чтимыхъ спискахъ съ нея, прославившихся чудотвореніями. Съ рис. М.

Соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. М.

Соколовская, Т. Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія (XVIII и первая четверть XIX ст.). Спб.

Sokołowski, A. Dzieje porozbiorowe narodu polskiego illustrowane. Tom III. Zeszyt 5-ty. Съ рис. Варшава. 4°.

Соколовъ, Петръ. Агапы или вечери любви въ древне-христіанскомъ мірѣ. Сергіевъ Посадъ. 1906.

Соловьевъ, Н. Историческій очеркъ православно-русскаго церковнаго пѣнія. Сергіевъ Посадъ. 1906.

Сомовъ, А. И. Картины Императорскаго Эрмитажа въ Спб. Вып. X. Спб. 4°.

Стороженко, А. Изъ переписки Запорожья XVI в. съ польскими вельможами. Кіевъ.

Стрѣльбицкій, І., прот. Церковь Одесскаго института Императора Николая I. Одесса.

Suomen Museo. Finskt Museum. XIII. Helsinki. 1906.

Такъ называемое «Иное сказаніе». Спб.

Тахтаревъ, К. М. Очерки по исторіи первобытной культуры. Съ пред. М. Ковалевскаго. М.

Тверскій Патерикъ. Краткія свѣдѣнія о тверскихъ мѣстночтимыхъ святыхъ. Съ рис. Казань.

Титовъ, А. А. Описаніе славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ собраніи А. А. Титова. Т. V. Исторія церкви. М.

Тіандеръ, К. Поѣздки скандинавовъ и т. д. См. Хрон., вып. 11, стр. 100.
Рец. Ѳ. А. Брауна въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1907, кн. 10.

Трачевскій, А., проф. Новая исторіи. Т. II. 1750—1848. Спб.

Трефильевъ, проф. Конспективный курсъ русской исторіографіи. Введеніе въ русскую исторію. Харьковъ.

Троицкій, Д. И. Домонгольская Русь. Съ рис. Спб.

Труды тринадцатаго археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ 1905 г. подъ редакціей графини Уваровой. Т. I. М. 4°.

Туренскій, I. Кронштадтскій Андреевскій соборъ. Его исторія и описаніе. Съ 6-ю снимками на отд. листахъ. Спб. 1906.

Уставъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. Спб.

Уставъ Общества охраненія древностей. Варшава. 16°.

Уставъ церковнаго Историко-Археологическаго Общества Казанской Епархіи. Казань. 1906. 16°.

Фельсбергъ, Э. Къ статистикѣ народонаселенія Аттики V в. до Р. Хр. Юрьевъ.

Филипповъ, А. В. Керамика. Возстановительный огонь и глазури съ металлическими отблесками. М.

Хавкина, Л. Б. Какъ люди научились писать и печатать книги. Очеркъ изъ исторіи культуры. М.

Ханенко, Б. И. и В. И., см. Древности Приднѣпровья.

Хасановъ, Нуръ-Алій. Путешествіе въ Спб., Москву, Турцію и Аравію, Казань. (На арабск. яз.).

Хвостовъ, М. Изслѣдованія по исторіи обмѣна и т. д. См. Хрон., вып. 12, стр. 69.

Рец. М. И. Ростовцева въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1907, кн. 10.

Храмъ Румянцовскаго музея. Съ 4 табл. фотот. М. 1906.

Цвѣтаевъ, Вл. Д. Дубровицы. Изъ дачныхъ впечатлѣній. М. 16°.

Чернявскій, А. Ѳ. О Вавилонскомъ столпотвореніи и смѣшеніи языка строителей. Истор.-библейскій очеркъ. Кишиневъ. 1906.

Шавровъ, Н. Н. Краткое описаніе маршрутовъ отъ Батума до Бенары и до Орджоха и отъ Артвина до Ардануча. Тифлисъ.

Шамраевскій, П. Ф. Путеводитель-справочникъ по городу Тифлису. Съ планомъ и 2 рис. Тифлисъ.

Шестаковъ, С. О началѣ христіанства въ Херсонѣ. Кіевъ.

Schmidt, O. E. Album balticum. Landschafts-, Cultur- und Reisebilder als Beiträge zur baltischen Heimatskunde. I Band. Съ рис. Рига.

Шпачинскій, Н. А. Общій взглядъ на исторію Кіевской епархіи въ половинѣ XVIII столѣтія. Рѣчь. Кіевъ.

Фонъ-Штернъ, Э. Изъ коллекціи I. Л. Конельскаго. Медальонъ съ изображеніемъ Аѳины изъ Ольвіи. Съ рис. F°. Одесса.

— Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. III. Ѳеодосія и ея керамика. Одесса. 1906. 4°.

Рец. С. А. Жебелева въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1907, кн. 9.

Шурцъ, Г., д-ръ. Исторія первобытной культуры. Пер. съ нѣм. съ дополн. проф. И. Н. Смирнова, подъ ред. и съ пред. Д. А. Клеменца. Вып. 11—13. Съ 4 табл. рис. Спб.—То же. Вып. 14—15. Съ рис. Спб.

Щукинскій сборникъ. Вып. VII. М. 4°.

Эварницкій, Д. И. Отчетъ Екатеринославскаго областного музея имени А. Н. Поля. 1905—1906 г. Екатеринославъ.

Энгельсъ, Фр. Происхожденіе семьи, собственности и государства. Полный переводъ съ 6-го нѣм. изд. подъ ред. М. П. Іолшина. Изд. 3-е. Спб.

Юдинъ, Г. В. Матеріалы для исторіи города Чухломы и рода костромичей Юдиныхъ. (1613—1895). Дополненіе ко II тому. Ревизскія сказки гор. Чухломы 1764 г. М. 4°.

Юшкевичъ, В. Храненіе (custodia), какъ основаніе владѣнія движимостью. Очеркъ изъ римской теоріи владѣнія. М.

Яковлев, Андрій. Намістники, державці і старости господарського замку Черкаського в кінці XV и в XVI в.в. Кіевъ.

Яцимирскій, А. И. Изъ исторіи славянской проповѣди въ Молдавіи. См. Хрон., вып. 10, стр. 44.

Рец. Н. Петровскаго въ *Учен. Зап. Каз. Унив.* 1907, кн. 8-9.

Θеодоритъ блаженный, епископъ Киррскій. Творенія. Часть 5-я. Сергіевъ Посадъ.

